
Николай Васильевичъ
Шелгуновъ
1824–1891

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ШЕЛГУНОВА

съ портретами автора и вступительной статьей

Н. Михайловскаго

Изданіе третье

ТОМЪ ВТОРОЙ

Цѣна за три тома—5 рублей

ИЗДАТЕЛЬСТВО
О. Н. ПОПОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКІЙ ПР., 54

Ц/ф

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Статьи соціально-экономическія.

СТР.

Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи 9

Машины и англійская промышленность.—Пролетарій въ большихъ городахъ.—Соперничество.—Лишніе люди.—Болѣзни.—Невѣжество.—Развратъ.—Честность фабрикантовъ.—Женщины и дѣти.—Чулочныя издѣлія и кружевное производство.—Печатаніе матерій и разрѣзальщики бархата.—Швеи.—Мастера металлическихъ издѣлій.—Пьянство и развратъ.—Помѣщенія рабочихъ.—Ручные ткачи.—Кружевницы и цвѣточницы.—Шляпныя мастерицы и дѣвушки въ магазинахъ.—Прачки и прислуга.—Швеи.—Условія жизни работницъ.—Соперничество тюремъ, монастырей и швейной машины.—Помощь буржуазіи и попытки пролетаріевъ.

Государственное хозяйство 130
Женское бездѣлье 208
Соціально-экономическій фатализмъ . . . 260
Кустарная неурядица 290
Изъ исторіи русской деревни 320

Статьи критическія.

СТР.

Талантливая безталанность 342
Философія застоя 376
Историческая сила критической личности . 402
По поводу одной книги 424
Право и свобода 444
Первый нѣмецкій публицистъ 466
Геній молодой Германіи. 490
Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла 518
Типы русскаго безсилія 552
Народный реализмъ въ литературѣ . . . 576

Воспоминанія.

Изъ прошлаго и настоящаго 612
Переходные характеры 715

Типографія Артели Печатнаго Дѣла. Невскій просп., 61.

СТАТЬИ СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЯ.

РАБОЧІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Недавно вышелъ у насъ переводъ книжки Гильдебранта: «Политическая экономія настоящаго и будущаго». Книжку эту даже хвалили въ періодическихъ изданіяхъ, но за что? Кому она нужна? Такія книжки для людей знающихъ — ненужны, а для незнающихъ—въ двухъ третяхъ непонятны, а понятной третьей части — вредны. И что за свѣтило Гильдебрантъ? И кому нужны его личныя разсужденія? Нѣтъ, не такъ слѣдуетъ относиться къ публикѣ. Вмѣсто того, чтобы дать русскимъ читателямъ картину европейскаго экономическаго быта, переводчикъ предложилъ публикѣ мѣщанскія разсужденія Гильдебранта, написанныя имъ въ 1848 году, и безъ всякихъ дополненій и объясненій со своей стороны, какъ будто бы слѣдующія 13 лѣтъ прошли совершенно безслѣдно для науки, какъ будто бы слово Гильдебранта было послѣднимъ, и наука остановилась на 1848 году. Право, русскіе читатели заслуживаютъ большаго уваженія!

Мы говоримъ о Гильдебрантѣ совсѣмъ не потому, чтобы стоило особенно говорить о немъ, но потому, что намъ выдаютъ его за одного изъ пророковъ политической экономіи, что насъ сбиваютъ съ толку, наконецъ потому, что, предлагая голословныя разсужденія людей одной партіи и ихъ нападки на людей другого взгляда на вещи, людей во всѣхъ отношеніяхъ далеко выше ихъ, въ то же время скрываютъ намѣренно, что говорятъ эти послѣдніе. Читателю не хотятъ дать права составить собственное заключеніе, судить своимъ умомъ.

Въ числѣ писателей, на которыхъ нападаетъ Гильдебрантъ, есть и Энгельсъ, одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ нѣмцевъ. Имя это у насъ совсѣмъ неизвѣстно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшимъ сочиненіемъ объ экономическомъ бытѣ англійскаго рабочаго. Разница между Гильдебрантомъ и Энгельсомъ въ томъ, что Энгельсъ называетъ худое худымъ и не хочетъ этого худого; а Гильдебрантъ, напротивъ, находитъ, что дурное не только не дурно, но что оно такъ и должно быть. Ужъ не поэтому ли переводъ Гильдебранта такъ и понадобился у насъ?

Факты, которые мы сообщимъ ниже, наведутъ читателя на болѣе полезныя для него размышленія, объяснятъ ему лучше причины, вызвавшія такъ много возраженій противъ существующихъ европейскихъ экономическихъ порядковъ, и познакомятъ полнѣе съ бытомъ наибольшей массы населенія счастливой и могучей Англіи и блаженствующей Франціи, чѣмъ сотни пустыхъ книжонокъ, набитыхъ разсужденіями какихъ нибудь Гильдебрантовъ. Мы покажемъ читателю другую сторону медали.

РАБОЧІЕ ВЪ АНГЛІИ.

I. Машины и англійская промышленность.

1764 годъ сдѣлалъ коренной переворотъ въ промышленномъ мірѣ. Онъ положилъ начало той переходной экономической эпохѣ, которая продолжается еще и до сихъ поръ. Переворотъ произвела «дженни», прядильная машина, придуманная ткачомъ Джемсомъ Гаргревомъ, и паровая машина Джемса Уатта.

До изобрѣтенія машинъ пряжа и тканье производились рабочими на дому. Жена и дочь рабочей семьи устанавливали основу, а мужчина ткалъ. Семейства такихъ ткачей жили обыкновенно въ селеніяхъ, близъ городовъ. Заработки ихъ были вполнѣ достаточны для ихъ жизни: сосѣдній рынокъ былъ единственнымъ мѣстомъ сбыта ихъ произведеній, а развитіе производствъ не создало еще того соперничества, которое впослѣдствіи такъ понизило задѣльную плату рабочимъ и положило начало конкурренціи между ними.

Вслѣдствіе этой простоты отношеній производителей и между собою, и къ потребителямъ, рабо-

чій имѣлъ возможность даже откладывать часть заработковъ; на этотъ излишекъ онъ снималъ землю и въ свободное время занимался ея обработкой. А такого свободнаго времени у него было всегда довольно, потому что онъ ткалъ, когда хотѣлъ и сколько хотѣлъ,—конкурренція ему не вредила.

Разумѣется, сельское хозяйство ткача не отличалось особенной выгодой, доходъ отъ земли получалъ онъ малый, но зато ткачъ не былъ пролетаріемъ,—у него были корни въ родной почвѣ.

Жизнь эта имѣла свои пріятныя стороны: матеріальное положеніе рабочаго не было вовсе дурно, — ему не приходилось ткать и прясть до упадка силъ, у него было свободное время, когда онъ копался въ своемъ огородѣ или въ полѣ, и работа эта служила ему не только отдыхомъ, но она укрѣпляла и поддерживала его здоровье. Праздникъ тоже имѣлъ для него значеніе: посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ, игра въ кегли, въ мячъ, — все это были радости; праздникъ былъ праздникомъ. Понятно, что жизнь среди природы, трудъ, не истощающій силъ, должны были дѣйствовать и имѣли, дѣйствительно, благодѣтельное вліяніе на рабочихъ. Они были, большею частью, крѣпкіе, хорошо сложенные люди и почти ничѣмъ не уступали своимъ сосѣдямъ, чистымъ земледѣльцамъ. И дѣти ихъ были не то, что дѣти нынѣшнихъ фабричныхъ рабочихъ. Дѣти росли на свѣжемъ воздухѣ, и если помогали своимъ родителямъ въ работѣ, то это была только помощь, а не двѣнадцати-часовой изнурительный трудъ: родители берегли своихъ дѣтей, они ростили, они воспитывали ихъ, они видѣли въ нихъ дѣтей.

Въ моральномъ отношеніи жизнь эта представляла тоже много хорошаго. Удаленные отъ соблазновъ городской жизни, рабочіе жили жизнью семейной, имѣли почти исключительное сношеніе со своими сосѣдями-земледѣльцами и стояли на одномъ съ ними уровнѣ какъ въ моральномъ, такъ и въ умственномъ развитіи. Рабочіе были люди почтенные, отцы семействъ, жили нравственно, потому что имъ и не было поводовъ быть безнравственными. Если они и посѣщали въ праздники шинки, то и тутъ не было разврата, а жило семейное начало: въ хозяинѣ они встрѣчали человѣка тоже почтеннаго, обыкновенно зажиточнаго или даже богатаго арендатора, и шли у нихъ въ компаніи мирные разговоры о мирныхъ предметахъ. Дѣтей своихъ они держали дома, при себѣ, воспитывали ихъ въ послушаніи и въ страхѣ Божьемъ, какъ и остальные земледѣльцы и люди ихъ состоянія. Такія патріархальныя отношенія родителей къ дѣтямъ сохранялись обыкновенно до самаго ихъ брака. Дѣти сосѣдей, большею частью, росли и играли вмѣстѣ, и если между ними встрѣчалась—хоть и очень рѣдко—недозволенная связь, то обыкновенно только въ томъ случаѣ, когда бракъ былъ уже рѣшенъ обѣими половинами заранѣе, и затѣмъ женитьбой устанавливалось все въ границахъ обычая и мѣстныхъ нравовъ. Вся жизнь такихъ людей шла просто: не было въ ней особенной умственной дѣятельности, но не было и насильственныхъ колебаній въ матеріальномъ отношеніи; немногіе изъ нихъ умѣли читать, а еще меньше писать; ходили они себѣ по праздникамъ въ церковь, слушали библію и проповѣди; не напрягали своихъ умственныхъ способностей; политическихъ споровъ не знали и жили въ своихъ очень тѣсныхъ, частныхъ интересахъ, которые не шли дальше ихъ ткацкаго станка и огорода, безъ всякихъ отношеній къ движеніямъ, происходившимъ внѣ ихъ міра.

Правда, что это была жизнь вполнѣ растительная; рабочіе были только рабочіе, а не люди; но въ этой жизни была всетаки доля самостоятельности, существовало семейное начало; человѣкъ не чувствовалъ своей оторванности отъ всего его окружающаго; онъ не былъ одинъ; у него былъ свой домъ, свой домашній очагъ; у него были минуты тихаго семейнаго покоя, были минуты дѣйствительнаго отдохновенія отъ работы; наконецъ въ самой работѣ онъ чувствовалъ свое «я», онъ располагалъ своимъ трудомъ свободно.

Но вотъ появилась дженни. Эта машина была только грубымъ началомъ смѣнившей ее впослѣдствіи прядильной машины. Дженни приводилась въ движеніе руками; но вмѣсто одного веретена, какъ при ручной пряжѣ, она имѣла отъ 16 до 18, приводимыхъ въ движеніе однимъ рабочимъ. Такое улучшеніе дало возможность увеличить значительно производство пряжи. Прежде одинъ ткачъ, занимая обыкновенно трехъ прядильщицъ, не имѣлъ всегда достаточно пряжи для своей работы: онъ долженъ былъ иногда ждать; но съ изобрѣтеніемъ дженни явилось пряжи больше, чѣмъ ткачи могли употребить. Цѣна, понизившаяся на матеріи, вслѣдствіе удешевленія пряжи, увеличила число покупателей и запросъ какъ на матеріи, такъ и на ткачей. Вмѣстѣ съ этимъ поднялась и задѣльная имъ плата. Ткачъ, увидѣвъ, что онъ имѣетъ возможность хорошаго заработка, оставилъ свое сельское хозяйство и посвятилъ себя вполнѣ ткацкому. Въ это счастливое для ткачей время семейство изъ четырехъ взрослыхъ работниковъ и двухъ дѣтей, при девяти-часовой работѣ въ день, зарабатывало въ недѣлю четыре фунта стерлинговъ или 28 р. сер., а иногда и болѣе. Случалось даже, что одинъ ткачъ добывалъ въ недѣлю два фунта или 14 руб. Такое выгодное занятіе постепенно оттянуло ткачей отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, и создался новый классъ рабочихъ-ткачей, жившихъ исключительно заработной платой. Оставивъ свою или наемную землю, рабочій сдѣлался полнымъ поденщикомъ, рабочимъ капиталиста, и такимъ путемъ создался классъ особыхъ людей, не имѣющихъ никакой собственности,—создался пролетарій (Working Man).

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія ткачей къ прядильщикамъ. Прежде подъ одной и той же кровлей производились нерѣдко въ одно время и пряденье, и тканье. Но съ дженни, требовавшей такихъ же крѣпкихъ рукъ, какъ и ткацкій станокъ, принялись за пряжу мужчины, а женщины остались безъ дѣла. И еще хуже: въ семействѣ ткачей, гдѣ старыя прялки уже не годились, а между тѣмъ не было средствъ купить дженни,— все се-

мейство должно было жить трудомъ главы семейства—ткача. Одинъ понесъ всѣ тяжести семьи. Но на этомъ еще не остановилось дѣло новооткрытой машины. Положивъ начало рабочему пролетаріату, она создала пролетаріатъ земледѣльческій. До машинъ существовало огромное число малыхъ поземельныхъ владѣльцевъ. Такіе собственники жили въ той же невозмутимой тишинѣ, какъ ихъ сосѣди, ткачи-земледѣльцы. Они обрабатывали свои земли по старой методѣ, какъ дѣлывали это ихъ отцы и дѣды, не любили нововведеній и въ хозяйствѣ и въ образѣ жизни держались упорно старины. Между ними было много и арендаторовъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимается это нынче. Они пользовались землей наслѣдственно или на основаніи договора, или по утвердившемуся уже старому обычаю. Кусокъ земли переходилъ отъ отца къ сыну, и арендаторъ сидѣлъ на арендуемой имъ землѣ также прочно, какъ на своей собственной. Теперь, по мѣрѣ того, какъ земледѣльцы-ткачи начали покидать свои участки, явилось много свободныхъ земель, и ими завладѣлъ вновь явившійся классъ большихъ арендаторовъ, снимавшихъ въ оброкъ пространства въ двадцать, тридцать, пятьдесятъ десятинъ; вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и самыя условія отдачи, т. е. сократились сроки, и оброчная плата, вслѣдствіе большихъ размѣровъ хозяйствъ, сдѣлалась подвижна и стала возвышаться ежегодно. Этотъ новый порядокъ подѣйствовалъ убійственно на старыхъ арендаторовъ небольшихъ участковъ. У нихъ недоставало силъ бороться съ большими арендаторами, имѣвшими полную возможность продавать свои продукты дешевле и жить далеко меньшимъ процентомъ отъ своего хозяйства, чѣмъ мелкіе арендаторы. Послѣднимъ оставалось только выбирать одинъ изъ менѣе опасныхъ выходовъ изъ своего прежняго положенія: или отказавшись отъ участка, или продавъ его,— если онъ былъ собственный, — купить дженни и приняться за пряжу, или завести ткацкій станокъ, или же, наконецъ, идти въ земледѣльческіе поденщики и работать у богатыхъ арендаторовъ, т. е. сдѣлаться земледѣльческимъ пролетаріемъ. Въ общемъ вышло послѣднее.

Но все еще это было только началомъ того ужаснаго будущаго, которое готовилось рабочему. Съ развитіемъ производствъ, отдѣльные капиталисты стали помѣщать дженни въ большихъ зданіяхъ и приводить ее въ движеніе водой. Этимъ явилась возможность сократить число рабочихъ и продавать пряжу дешевле, чѣмъ ее могли продавать рабочіе, имѣвшіе дженни ручную. А между тѣмъ каждую минуту являлись улучшенія въ машинахъ, старыя смѣнялись новыми, и если съ новыми машинами могли соперничать капиталисты, приводившіе дженни въ движеніе водой, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли выдерживать этого рабочіе, вертѣвшіе ее руками. Наконецъ явилась машина Эркрайта (Arkwright), цирульника изъ Престона, въсѣверномъ Ланкаширѣ. Машина эта, послѣ паровой машины Уатта, считается важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ XVIII столѣтія. Соединеніемъ особенностей дженни и машины Эркрайта создалась мюль (mule); въ томъ же 1785 году Эркрайтъ придумалъ еще кардную машину. Такимъ образомъ, для пряжи бумаги сложилась цѣлая фабричная система. Далѣе, небольшія измѣненія въ машинахъ дали возможность приложить ихъ къ обработкѣ шерсти и льна,—новая опасность ручному производству. Но на этомъ еще не остановилось дѣло. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія докторъ Картрайтъ (Cartwright), сельскій священникъ, придумалъ механическій ткацкій станокъ и наконецъ такъ его усовершенствовалъ, что съ 1804 года могъ уже соперничать съ ручными ткачами. Всѣ эти изобрѣтенія, съ паровой машиной Уатта, примѣненной въ 1785 году къ машинной обработкѣ бумаги, получили, разумѣется, двойную важность. Машинное производство взяло окончательный перевѣсъ надъ ручнымъ и убило ручную работу. Ближайшими слѣдствіями развитія мануфактурной промышленности явились: пониженіе цѣнъ на всѣ мануфактурные товары, развитіе промышленности и торговли, быстрое скопленіе и централизація капиталовъ и увеличеніе, въ общемъ объемѣ, народнаго богатства. Но вмѣстѣ съ этими блестящими сторонами мануфактурной промышленности явились и очень печальныя: пролетаріатъ сталъ развиваться съ необычайной быстротой: собственность у рабочаго исчезла; увѣренность въ заработкѣ тоже; наконецъ явились безнравственность и политическія волненія.

Результаты промышленности, къ которымъ привели Англію машины, дѣйствительно поразительны. Возьмемъ бумагопрядильное производство. Въ 1771—75 годахъ ввозилось въ Англію сырой бумаги, среднимъ числомъ, 5 милліоновъ фунтовъ; въ 1841 году—528 милліоновъ; въ 1858 году—923.519.800 фунтовъ. Въ 1834 году Англія вывезла 556 милліоновъ ярдовъ бумажныхъ тканей, 76.500.000 фунтовъ бумажной пряжи и на 1.200.000 фунтовъ стерлинговъ бумажныхъ чулокъ. Въ томъ же году работало болѣе восьми милліоновъ веретенъ, 110.000 механическихъ и 250.000 ручныхъ ткацкихъ станковъ; посредственно и непосредственно, въ трехъ королевствахъ жили отъ этой промышленности полтора милл. людей, изъ которыхъ 220.000 работало на фабрикахъ. Въ 1850 году число всѣхъ фабрикъ было 4.600, а въ 1856 году—5.117. Именно: фабрикъ бумажныхъ издѣлій 2.210, шерстяныхъ 2.030, льняныхъ и пеньковыхъ 417, шелковыхъ 460. Число рабочихъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ, было въ 1850 году 596.082 человѣка, въ 1856 году—682.497.

Главное мѣсто этой индустріи — Ланкаширъ; прежде печальное, худо обработанное, болотистое графство превратилось почти вдругъ въ оживленную мѣстность, покрылось фабриками, новыми городами, и населеніе въ цѣломъ увеличилось болѣе чѣмъ вдесятеро. Въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ, главныхъ городахъ графства, считалось жителей въ 1801 году—въ первомъ 82 т., во второмъ 94 т., а въ 1851—375 т. и 401 т. Въ Глазгоу, другомъ центрѣ бумажной промышленности, та же причина

увеличила населеніе съ 77.058 человѣкъ, бывшихъ въ 1801 году, до 329.097 въ 1851 году.

Чулочное производство въ Нотингемѣ и Дерби особенно развилось съ пониженіемъ цѣны на шерсть и съ усовершенствованіемъ станка для тканья чулковъ. Усовершенствованіе это заключалось въ томъ, что на одномъ станкѣ стали ткать два чулка сразу. Кружевное производство сдѣлало такіе же успѣхи, и тутъ основная причина заключалась въ изобрѣтеніи и усовершенствованіи машинъ. Въ настоящее время тканьемъ кружевъ заняты въ Англіи болѣе 200.000 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ бумажнаго производства пошли впередъ и отрасли промышленности, находящіяся съ нимъ въ связи,—бѣленіе, крашеніе и печатаніе матерій: бѣленіе—примѣненіемъ хлора; крашеніе — быстрымъ развитіемъ химіи, а печатаніе—цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ механическихъ изобрѣтеній.

Обработка шерсти развивалась также быстро. Хотя шерстяное производство и составляло всегда одну изъ главныхъ вѣтвей англійской промышленности, тѣмъ не менѣе оно стояло весьма низко въ сравненіи съ тѣмъ, что производитъ Англія теперь. Въ 1782 году запасъ трехлѣтняго сбора шерсти лежалъ въ сыромъ видѣ, по недостатку рабочихъ. Но примѣненіе бумагопрядильной машины къ обработкѣ шерсти дало новый толчокъ всему производству, и оно пошло также быстро впередъ, какъ и бумажное. Въ 1738 г. въ Вестрайдингѣ (Westriding) и въ Іоркширѣ было приготовлено 75.000 шерстяныхъ платковъ, а въ 1817 году — 490.000. И затѣмъ производство пошло впередъ такъ быстро, что въ 1834 г. было сдѣлано платковъ на 450.000 болѣе, чѣмъ въ 1825 году. Въ 1801 году было обработано 101 милл. фунтовъ шерсти, изъ нихъ 7 милл. шерсти привозной; въ 1835 г.—180 милл. фунтовъ, изъ нихъ 42 милл. привозной, а въ 1858 г. ввезено въ Англію 124.520.840 фунтовъ. Населеніе Вестрайдинга, округа, занимающагося преимущественно шерстянымъ производствомъ, увеличилось съ 1835 г. болѣе чѣмъ на 25%. Бредсфортъ, гдѣ въ 1801 г. населеніе составляло 13.264 человѣка, считалъ въ 1851 году 103.778 жителей. Шерстянымъ производствомъ занималось въ 1835 г. 71.300 рабочихъ на 1.313 фабрикахъ, а въ 1856 г. число такихъ фабрикъ составляло 2.030 и число рабочихъ—166.885.

Льняная промышленность шла вначалѣ не такъ быстро, и мѣшала этому трудность примѣненія къ дѣлу бумагопрядильной машины. Хотя еще въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія дѣлались опыты примѣненія машины къ пряжѣ льна, но только въ 1810 году удалось французу Жирару поставить это дѣло такъ, что оно могло идти въ большихъ размѣрахъ. Машина Жирара, усовершенствованная въ Англіи, положила начало быстрому развитію всего производства въ такой степени, что вывозъ англійскихъ и шотландскихъ тканей съ 24 милл. ярдовъ (1820 г.) дошелъ до 51 милл. (1833 г.).

Такое быстрое развитіе англійской мануфактурной промышленности не ограничилось однѣми матеріями. Толчокъ, данный разъ, отразился на всѣхъ вѣтвяхъ промышленности, находящихся въ связи съ фабричнымъ производствомъ. Механическій двигатель, примѣненный разъ къ дѣлу, далъ огромную силу всей фабричной системѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и значеніе мертвымъ до того запасамъ каменнаго угля. Далѣе, примѣненіе машинъ къ фабричнымъ производствамъ создало въ огромныхъ размѣрахъ фабрикацію машинъ и дало толчокъ производству желѣза. Запросъ на шерсть поднялъ овцеводство, а развитіе бумажнаго, льняного и шелковаго производствъ и огромный запросъ на эти предметы развили морскую торговлю и коммерческій флотъ. Но наибольшее развитіе досталось на долю желѣзнаго производства. Мѣстности, богатыя желѣзной рудой, не отличались до тѣхъ поръ ни количествомъ производимаго ими желѣза, ни самыми способами его обработки. Желѣзо обрабатывалось древеснымъ углемъ и съ уменьшеніемъ лѣсовъ и возвышеніемъ цѣнъ на уголь поднималось и само въ цѣнѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи впервые примѣнили къ отливкѣ чугуна коксъ; потомъ, съ 1780 года, желѣзо, добываемое посредствомъ кокса, въ видѣ чугуна, начали получать въ видѣ желѣза ковкаго. Метода эта, заключающаяся въ устраненіи изъ сплава углерода и извѣстная подъ именемъ пудлингованія, дала особенное развитіе желѣзному производству Англіи. Къ этому присоединились еще постройка печей огромныхъ размѣровъ и горячее дутье, давшія возможность такъ понизить цѣну матеріала, что множество вещей, которыя дѣлались прежде изъ камня и дерева, стали приготовлять изъ желѣза. Въ 1788 году былъ выстроенъ въ Іоркширѣ первый желѣзный мостъ, а нынче почти всѣ мосты на желѣзныхъ дорогахъ строятся уже изъ чугуна. Желѣзные или чугунные столбы и колонны, машинные станки, рельсы для желѣзныхъ дорогъ создали такой сбытъ англійскому чугуну и желѣзу, и открытіе Гонтсмэномъ въ Шеффильдѣ способа приготовленія литой стали, упростившей, облегчившей все производство и давшей возможность приготовлять дешево стальныя издѣлія, поставило англійское желѣзное производство первымъ въ свѣтѣ. Населеніе Бирмингама съ 70.670 человѣкъ (1801 г.) возросло до 232 841 (1851 г.); Шеффильда—съ 45.755 чел. (1801 г.) до 135.310 (1851 г.). Въ 1805 году вывезено изъ Англіи 4.300 тоннъ желѣзныхъ издѣлій и 4.600 тоннъ сырого желѣза; въ 1834 г.—16.200 тоннъ желѣзныхъ издѣлій и 107.000 тоннъ желѣза; а вся добыча желѣза, составлявшая въ 1740 году только 17.000 тоннъ, въ 1834 году дошла до 700.000 тоннъ. Въ настоящее время желѣзное производство во всемъ свѣтѣ составляетъ 140 милл. центнеровъ, и изъ нихъ 60% производитъ Англія. На плавку желѣза идетъ въ Англіи болѣе 3 милл. тоннъ каменнаго угля. Какъ великъ весь расходъ угля и какъ разрослось это въ высшей степени важное для Англіи производство, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Англійскія каменноугольныя копи даютъ ежегодно до 64 милл. тоннъ каменнаго

угля. Въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ дѣйствуютъ постоянно машины, имѣющія вмѣстѣ до 1.200.000 силъ; на нихъ идетъ въ день 30.460 тоннъ угля, а въ годъ 9.648.665 тоннъ. На добываніе соли расходуется въ день 3.046 тоннъ, а въ годъ 964.866 тоннъ. Одни океанскіе пароходы употребляютъ въ годъ 71.000 тоннъ, а стеклянныя фабрики Великобританіи — 10.156.490 тоннъ. Кромѣ такого громаднаго потребленія угля у себя, Англія въ 1858 году вывезла 6.173.114 тоннъ угля за-границу. Богатства же Англіи въ каменномъ углѣ такъ велики, что она одна могла бы удовлетворять потребности Европы въ каменномъ углѣ въ теченіе 4.000 лѣтъ.

Въ той же степени, какъ желѣзное, увеличилось и производство олова, мѣди и свинца, и рядомъ со стекляннымъ производствомъ явилось новое—гончарное, получившее со временъ Веджвуда (1763 г.) особенное значеніе. Онъ поставилъ все производство на научныя основанія, развилъ вкусъ въ произведеніяхъ, — однимъ словомъ, создалъ нордстафордширское горшечное производство (potteries), такъ что округъ этотъ, имѣющій восемь англійскихъ квадратныхъ миль и бывшій прежде почти совершенной пустыней, покрытъ въ настоящее время фабриками и селеніями и имѣетъ болѣе 70.000 собственно рабочаго населенія.

Такимъ общимъ широкимъ движеніемъ увлечено было все; порвались старыя экономическія путы,— экономическій переворотъ увлекъ все на совершенно новый путь. Большей реформы всего стараго не создавало еще до сихъ поръ человѣчество. И земледѣліе было тоже увлечено общимъ движеніемъ, и не только тѣмъ, что земельная собственность перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ это уже было сказано, но и въ другомъ отношеніи. Богатые съемщики земель пустили въ ходъ свои капиталы на улучшеніе почвы. Прежніе заборы и изгороди мелкихъ участковъ исчезли, болота стали осушаться, земля получила сильное удобреніе; на обработку земли пошли усовершенствованныя орудія,—и явилось невѣдомое до того плодопеременное хозяйство. Успѣхи химіи и механики—изысканія Деви и Либиха—помогли еще больше; а увеличеніе населенія и запроса на сельско-хозяйственныя произведенія сдѣлало то, что съ 1760 до 1834 года было обработано вновь 6.840.540 англійскихъ морговъ земли, лежавшей впустѣ. И несмотря на то Англія изъ страны, вывозившей хлѣбъ, превратилась въ страну, нуждающуюся въ чужомъ хлѣбѣ. Въ Англію ввозится ежегодно отъ 8 до 10 милл. квартеровъ хлѣба, и за это она платитъ отъ 18 до 20 милл. фунт. стерлинговъ, т. е. отъ 120 до 140 милл. рублей ежегодно.

Такая же дѣятельность явилась и въ устройствѣ путей сообщенія. Съ 1818 по 1829 годъ устроено вновь въ Англіи и Уэльсѣ 1.000 англійскихъ миль шоссе, и всѣ старыя дороги передѣланы по системѣ Макъ-Адама. Въ Шотландіи съ 1803 года устроено болѣе 900 миль шоссе и болѣе 1.000 мостовъ, и населеніе горной Шотландіи поставлено было этимъ сразу въ сообщеніе съ цивилизаціей. До тѣхъ горные шотландцы занимались преимущественно контрабандой и браконьерствомъ, но съ устройствомъ сообщеній сдѣлались прилежными земледѣльцами и ремесленниками, и, несмотря на учреженія народныхъ школъ, для поддержанія кельтійскаго языка, этотъ послѣдній и старые обычаи стали быстро исчезать подъ вліяніемъ англійской цивилизаціи. То же самое и въ Ирландіи. Между графствами Коркъ, Лимерикъ и Керри лежалъ огромный пустырь безъ всякихъ проѣздныхъ дорогъ, куда скрывались обыкновенно всѣ бѣглые, всякіе преступники. Дороги открыли въ эту пустыню входъ цивилизаціи. Вся Англія имѣетъ въ настоящее время сѣть прекраснѣйшихъ шоссе, какихъ нѣтъ нигдѣ, и все это устроено частною предпріимчивостью, какъ и почти все въ Англіи, безъ всякаго участія правительства.

До 1755 года Англія почти не имѣла каналовъ. Въ этомъ году начались въ ней болѣе значительныя работы этого рода, а въ 1759 г. Джемсъ Бриндлей прорылъ первый большой каналъ. Съ этихъ поръ каналы получили въ Англіи значеніе; ихъ стали рыть почти по всѣмъ направленіямъ и несудоходныя рѣки превращать въ судоходныя. Въ одной Англіи каналовъ болѣе, чѣмъ на 2.000 миль, а общая длина судоходныхъ рѣкъ составляетъ 1.800 миль. Шотландія перерѣзана Каледонскимъ каналомъ. Въ Ирландіи тоже много каналовъ. И все это, какъ и шоссе, какъ и желѣзныя дороги,— дѣло частной предпріимчивости.

Желѣзныя дороги начались въ Англіи съ 1830 г., когда открыта первая дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Съ этихъ поръ постройка дорогъ шла съ неимовѣрной быстротой, и желѣзными дорогами соединены въ Англіи не только большіе города, но и многіе малые. Въ 1860 году открытыя дороги представляли длину въ 2.200 нѣмецкихъ миль (15.400 верстъ).

Также шло и развитіе торговаго мореходства: и здѣсь паръ создалъ такой же переворотъ, какъ и въ дорогахъ. Первый пароходъ устроенъ былъ въ Америкѣ въ 1807 году; первый пароходъ въ Англіи построенъ въ 1811 году, а въ 1836 году Англія считала у себя болѣе 600 пароходовъ; весь же коммерческій флотъ Англіи имѣетъ въ настоящее время 37.000 судовъ, съ 180.000 человѣкъ корабельной прислуги.

Вотъ вкратцѣ исторія англійской промышленности за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, исторія, не имѣющая ничего подобнаго въ исторіи человѣчества. Страна, какъ и всѣ, семьдесятъ лѣтъ назадъ небогатая, со слабой промышленностью и торговлей, съ небольшими городами, съ населеніемъ преимущественно земледѣльческимъ, Англія становится первой страной въ мірѣ, со столицей въ 3 милліона жителей, съ громадными фабричными городами, съ индустріей, не представляющей нигдѣ ничего подобнаго. Весь характеръ жизни народа, его обычаи и потребности—все это измѣнилось почти до корня и не имѣетъ ничего общаго со старой Англіей. Разница между нынѣшней Англіи и Англіей 1760 года также велика, какъ между Франціей

нынѣшней и Франціей до 1789 года. Совершенное перерожденіе и полнѣйшій переворотъ во всемъ. Но какъ ни громаденъ этотъ переворотъ, какъ ни ослѣпительны его блестящія стороны, а главнѣйшій и самый важный плодъ экономическаго переворота составляетъ, разумѣется, англійскій пролетаріатъ, котораго старая Англія не знала.

II. Пролетарій въ большихъ городахъ.

Быстрое развитіе промышленности потребовало сначала много рукъ, задѣльная плата поднялась, —и цѣлые транспорты рабочихъ потянулись изъ земледѣльческихъ округовъ въ города за этой выгодной платой. Такъ создались промышленные города Англіи, въ которыхъ три четверти населенія составляютъ рабочіе, а остальное—мелкая буржуазія, занимающаяся мелочной торговлей (лавочничествомъ) или ремеслами, и богатые капиталисты. Развитіе промышленности превратило ручныя производства въ машинныя, мастерскія въ фабрики, рабочее сословіе въ рабочій пролетаріатъ и богатыхъ торговцевъ въ фабрикантовъ. Какъ здѣсь вся опасность досталась на долю средняго сословія и народа, который разбился на рабочихъ и капиталистовъ, такъ случилось и съ индустріей въ тѣсномъ смыслѣ, ремеслахъ и даже торговлѣ. На мѣсто бывшихъ мастеровъ и подмастерьевъ явились богатые капиталисты и рабочіе. У послѣднихъ нѣтъ никакихъ видовъ и надеждъ выйти изъ своего положенія. Разныя производства пошли на фабричный ладъ, раздѣленіе работъ установилось во всей строгости, и мелкіе мастера, не имѣвшіе силъ соперничать съ большими заведеніями, ушли въ пролетаріатъ. Въ то же время, съ уничтоженіемъ ремесленныхъ производствъ и мелкой буржуазіи, рабочій сталъ принимать всѣ мѣры, чтобы сдѣлаться самому буржуа. До сихъ поръ каждый рабочій имѣлъ виды сдѣлаться мастеромъ, а затѣмъ обзавестись и подмастерьями; но съ тѣхъ поръ, какъ мастеру стали угрожать фабриканты, съ тѣхъ поръ, какъ для самостоятельнаго производства потребовался большой капиталъ,—пролетаріатъ достигъ самостоятельности, онъ сдѣлался прочнымъ, постояннымъ классомъ населенія, тогда какъ прежде онъ составлялъ только прожилки буржуазіи. Теперь, кто сдѣлался рабочимъ, тому предстоитъ въ будущемъ одно—быть вѣчнымъ пролетаріемъ. Пролетаріатъ сложился въ цѣлое. Но онъ пошелъ и дальше, — онъ сталъ чувствовать свою силу. Этимъ путемъ огромныя массы рабочихъ сплотились въ одно цѣлое, наполнили Британію. Положеніе современнаго рабочаго, составляющаго большинство населенія Европы, есть вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба, не всегда достаточномъ, чтобы спасти человѣка отъ голодной смерти. И что будетъ наконецъ съ этими милліонами людей, которые сегодня съѣдаютъ то, что они заработали вчера? Вопросъ этотъ становится ужаснѣе и громаднѣе еще оттого, что буржуазія, занятая своими денежными интересами, не хочетъ знать ничего о нуждѣ рабочаго. Она кустъ деньги и оставляетъ рабочаго умирать съ голоду, если для нея нѣтъ выгоды, чтобы онъ жилъ.

Вмѣстѣ съ централизаціей капитала явилась и централизація народонаселенія, потому что учрежденіе большихъ заведеній, фабрикъ и мануфактуръ потребовало и большаго числа рабочихъ, работающихъ въ одномъ зданіи. Вся эта масса рабочихъ должна жить, разумѣется, при самой фабрикѣ или какъ можно ближе отъ нея. Наконецъ и рабочіе имѣютъ свои потребности; для удовлетворенія этихъ потребностей нужны опять люди,—и вотъ потянулись къ нимъ ремесленники, портные, сапожники, булочники, столяры. Такимъ образомъ около фабрики группируется цѣлое населеніе, образуется деревня. Мѣстные жители, особенно молодое поколѣніе, привыкаютъ къ фабричной работѣ, потому что не имѣютъ другой, и если фабрика, находящаяся на мѣстѣ, не можетъ дать занятій всѣмъ являющимся къ ней рабочимъ, задѣльная плата падаетъ, и эта выгода заставляетъ фабрикантовъ строить тутъ же новыя фабрики. Такимъ путемъ деревня превращается въ маленькій городъ, маленькій городъ—въ большой. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ выгоднѣе поселеніе: есть желѣзныя дороги, каналы, шоссе; выборъ между опытными рабочими богаче; новыя учрежденія и постройки дѣлаются дешевле, потому что при конкурренціи рабочіе, строительные матеріалы, машины и самая фабричная работа становятся дешевле, нежели въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, куда все это трудно перевозить. Наконецъ, рынокъ и биржа подъ рукой,—слѣдовательно, всѣ торговыя и промышленныя сношенія становятся непосредственнѣе и дешевле. Вотъ причина быстраго увеличенія фабричныхъ и промышленныхъ городовъ. Но и сельскія мѣстности представляютъ тоже свои выгоды,—тамъ дешевле рабочій, дешевле его содержаніе. И въ этомъ отношеніи сельскія мѣстности находятся въ постоянной конкурренціи съ городами, такъ что учрежденіе новыхъ фабрикъ въ селахъ представляетъ всегда свои выгоды. При такомъ стремленіи фабрикъ учреждаться въ мѣстностяхъ дешевой задѣльной платы, централизирующая сила фабрикъ остается въ прежней мѣрѣ, такъ что каждая новая фабрика, учрежденная внѣ города, имѣетъ уже въ себѣ зародышъ будущаго фабричнаго города. Если стремленіе къ фабричности, существующее теперь въ Англіи, продержится въ ней въ той же силѣ еще сто лѣтъ, то вѣрно можно сказать, что каждый промышленный округъ Англіи превратится въ одинъ огромный городъ.

Въ большихъ промышленныхъ городахъ промышленность и торговля достигаютъ своего высшаго развитія, и съ этимъ, разумѣется, всѣ послѣдствія ихъ и вліяніе на пролетарія являются яснѣе и выпуклѣе. Централизація собственности достигаетъ высшаго предѣла, и, какъ въ огромной химической лабораторіи, совершается разложеніе всего прежняго строя жизни, прежнихъ обычаевъ. Вотъ почему въ большихъ городахъ виднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, все наслоеніе народа, его дѣленіе на край-

нихъ бѣдныхъ и на крайнихъ богатыхъ; виднѣе нужда со всѣми ея отвратительными послѣдствіями, жадность буржуазіи къ деньгамъ, ея стремленіе добыть копейку возможно легчайшимъ путемъ, безъ всякой застѣнчивости относительно выбора способа, спекуляція, развратъ.

Наибольшую массу населенія большихъ городовъ, какъ мы уже сказали, составляетъ пролетарій. Какъ же дѣйствуютъ на него большіе города? Какое обнаруживаютъ они на него вліяніе? Вопросъ этотъ, разумѣется, самый важный, потому что, каково жить въ городахъ капиталистамъ, можно судить и вѣрно, и легко по блестящимъ магазинамъ и ресторанамъ, по блестящимъ экипажамъ и по великолѣпнымъ отелямъ богачей. Имъ хорошо,—это ясно; но посмотримъ, каково пролетарію.

Ужъ, разумѣется, нѣтъ въ мірѣ города величественнѣе и громаднѣе Лондона. Онъ поражаетъ, особенно если въ него въѣзжать моремъ черезъ Темзу къ Лондонъ-бриджу. Массы домовъ по той и другой сторонѣ, верфи, безчисленное множество кораблей и судовъ, стоящихъ по обоимъ берегамъ рѣки, которыя, накопляясь все больше и больше, оставляютъ наконецъ въ срединѣ рѣки узкій проходъ, гдѣ шныряютъ сотни пароходовъ,—все это громадное величіе громаднѣйшаго въ мірѣ города поражаетъ человѣка, впервые посѣщающаго Англію. Тутъ, въ этомъ городѣ, онъ начинаетъ чувствовать промышленную силу націи изъ силы и громадности ея столицы. Но это же громадное величіе мѣшаетъ на первое время читать въ блескѣ силы горькую правду жизни, созданную наиболѣе ослѣпляющими сторонами современной промышленности. Жертвы, которыми купленъ этотъ блескъ, куплена эта сила, являются, какъ тѣни, только послѣ. Только послѣ нѣсколькихъ дней знакомства съ уличною жизнью, только послѣ знакомства съ бѣдными кварталами, съ образомъ жизни главной, рабочей массы населенія является возможность оцѣнить, сколько жертвъ принесла и приноситъ нація, чтобы достигнуть этого ослѣпляющаго блеска. Принципъ индивидуальности дошелъ въ Англіи до самаго грубаго равнодушія; каждый эксплоатируетъ другого: сильный тянетъ изъ слабаго все, что онъ можетъ изъ него вытянуть; сильный и богатый, поглощая все, пользуясь всѣмъ, лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднаго всего, оставляя ему самое жалкое существованіе. И этотъ порядокъ вездѣ; вездѣ самое варварское равнодушіе: эгоистическая жестокость съ одной стороны и жалкая бѣдность — съ другой; вездѣ война силы противъ безсилія. И все это подъ защитою закона, и все это такъ беззастѣнчиво, такъ чистосердечно тупо.

Въ этой посредственной или непосредственной войнѣ капиталистъ владѣетъ всѣми средствами для борьбы, и всѣ невыгоды падаютъ на бѣднаго. Никто не думаетъ о немъ. Если онъ такъ счастливъ, что досталъ работу,—это, разумѣется, хорошо,—и онъ ждетъ своей платы, едва достаточной для его существованія. Если же работы нѣтъ, то онъ можетъ воровать, если имѣетъ къ тому охоту и не боится полиціи, или же голодать; впрочемъ, и тутъ полиція приметъ мѣры, чтобы онъ голодалъ втихомолку и не безпокоилъ буржуазію.

Энгельсъ разсказываетъ, что во время его пребыванія въ Англіи до тридцати человѣкъ умерли чисто отъ голода. И присяжные—выбираемые изъ той же буржуазіи — никогда не высказывались опредѣлительно на этотъ счетъ; они умѣли ловко обходить щекотливый вопросъ, и страшное выраженіе:—«умеръ съ голоду»—никогда не срывалось съ ихъ языка. А сколько людей умерло и умираетъ съ голоду непосредственно, когда лишенія всякаго рода и скудость средствъ существованія вызываютъ смертельныя болѣзни, болѣзни, которыя при другихъ обстоятельствахъ имѣли бы счастливый исходъ и дѣлающіяся смертельными отъ лишеній!

Разумѣется, голодаютъ или умираютъ съ голоду только отдѣльныя лица. Но гдѣ для рабочаго гарантія, что завтра не придетъ его очередь умереть съ голоду? Кто обезпечиваетъ его положеніе? Что удостовѣряетъ его, что одного желанія работать достаточно, чтобы имѣть работу; что честность, прилежаніе, бережливость — эти добродѣтели, представляемыя рабочимъ буржуазіей, какъ дорога къ счастью — точно приведутъ рабочаго къ счастью? Ничто! Онъ знаетъ, что онъ имѣетъ сегодня; но не отъ него зависитъ имѣть что нибудь завтра; онъ знаетъ, что если сегодня онъ имѣетъ, чѣмъ жить, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и завтра онъ добудетъ себѣ кусокъ хлѣба.

Если мы вдадимся въ подробности жизни рабочаго, разсмотримъ, какое вознагражденіе получаетъ онъ за свой трудъ въ денежной платѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, какое существованіе обезпечено рабочему, то факты убѣдятъ читателя, что война капитала и труда, распаденіе европейскаго общества на эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ, дѣленіе людей на имѣющихъ больше, чѣмъ имъ нужно, и на неимѣющихъ ничего и незнающихъ, что ждетъ ихъ завтра, людей, у которыхъ выборъ невеликъ: кусокъ хлѣба или голодная смерть,—есть величайшая язва современной цивилизаціи, разбившей европейское общество на два крайнихъ и враждебныхъ лагеря. Начнемъ съ помѣщеній.

Каждый большой городъ имѣетъ свои дурные кварталы, набитые рабочими. Случается нерѣдко, что бѣдность живетъ и рядомъ съ дворцами богачей, въ тѣсныхъ, узкихъ улицахъ; но обыкновенно ей принадлежатъ особыя части городовъ, не лежащія на глазахъ людей богатыхъ. Эти бѣдные кварталы во всѣхъ городахъ Англіи устроены почти одинаково скверно. Большею частью двухэтажные, а иногда и одноэтажные дома, по возможности съ подвальными этажами и почти вездѣ расположенные или раскинутые неправильно и въ скверныхъ частяхъ города. Дома эти съ тремя до четырехъ комнатъ, съ кухней, называемые обыкновенно котеджами (cottage), служатъ почти вездѣ помѣщеніями для рабочихъ. Улицы, гдѣ находятся такіе котеджи, не имѣютъ обыкновенно мостовыхъ, узки, грязны, закиданы всякимъ соромъ и нечистотой, лишены стоковъ и наполнены вонючими лужами и застоями

нечистотъ. Неправильная постройка и расположеніе улицъ мѣшаютъ вентиляціи, и какъ на маленькомъ пространствѣ обыкновенно бываетъ сбито большое число людей, то легко себѣ представить, какой воздухъ въ этихъ кварталахъ.

Русскіе, бывшіе за-границей, легко могутъ представить себѣ, что за вонь живетъ въ такихъ мѣстахъ, по одному изящному Парижу, гдѣ даже въ лучшихъ частяхъ города, — исключая, и то не вполнѣ, бульвары — человѣкъ съ легкими, понимающими потребность дышать чистымъ воздухомъ, задыхается совершенно отъ чада жаренаго кофе, жареныхъ котлетъ и бифстексовъ, отъ вони мясныхъ лавокъ, разныхъ нечистотъ, выливаемыхъ беззастѣнчиво на улицу, и отъ будочекъ и подобныхъ учрежденій, устроенныхъ для мужчинъ почти у каждаго дома. А въ Лондонѣ бездна такихъ улицъ, цѣлыя сотни, если не тысячи, наполненныя домами, невозможными для жилья, если человѣкъ имѣетъ возможность заниматъ мало-мальски человѣческое помѣщеніе. Въ другихъ же, весьма приличныхъ, хоть и не фешенебельныхъ улицахъ, напримѣръ, Long-Acre,—бездна подвальныхъ помѣщеній, изъ которыхъ выглядываютъ болѣзненныя, изнуренныя дѣтскія лица, и истомленныя въ лохмотьяхъ женщины выставляются на свѣтъ Божій.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, въ приходѣ S-t John и S-t Margaret, въ Вестминстерѣ, жило въ 1840 г. 5.366 семействъ рабочихъ въ 5.294 квартирахъ, — мужчины, женщины, дѣти, безъ различія пола и возраста, скученные вмѣстѣ въ числѣ 26.830 лицъ. И три четверти изъ этого числа имѣли только по одной комнатѣ. Въ приходѣ S-t Georg, Hanover-Square — 1.465 рабочихъ семействъ, въ числѣ 6.000 лицъ, жили совершенно въ такомъ же положеніи. За отвратительныя квартиры близъ Друри-Ленскаго театра рабочіе платили слѣдующую плату: за двѣ подвальныя комнаты 3 шиллинга, одна комната въ партерѣ 4 шилл., въ первомъ этажѣ $4^1/_2$ шилл., во второмъ 4 шилл., въ мансардѣ 3 шилл. въ недѣлю. Въ цѣломъ, истомленные голодомъ жильцы Чарльстрита отдавали владѣльцамъ домовъ ежегодно 2.000 фунтовъ (14.000 р.), а упомянутыя выше 5.366 семействъ Вестминстера ежегодно платили всего 40.000 фунтовъ или 280.000 руб.

Но большой рабочій кварталъ лежитъ на востокъ отъ Тауэра, въ Whitechapel и Bethnal-Green, гдѣ сконцентрирована наибольшая масса лондонскаго рабочаго населенія. Пасторъ Ольстенъ говоритъ вотъ что о своемъ приходѣ, лежащемъ въ Bethnal-Green: «Онъ содержитъ 1.400 домовъ, занятыхъ 2.795 семействами, въ числѣ 12.000 лицъ. Пространство, на которомъ живетъ это громадное населеніе, занимаетъ менѣе 1.200 футовъ въ квадратѣ. При такой тѣснотѣ очень обыкновенная вещь, если мужъ, жена, отъ четырехъ до пяти дѣтей, а иногда и дѣдушка, и бабушка, живутъ въ одной комнатѣ въ 10—12 футовъ въ квадратѣ, гдѣ они и работаютъ, и ѣдятъ, и спятъ. Я думаю, что прежде, чѣмъ лондонскій епископъ обратилъ общее вниманіе на этотъ въ высшей степени бѣдный приходъ, объ немъ тамъ, въ западной части Лондона, знали также мало, какъ о дикаряхъ Австраліи. И если мы хоть разъ лично познакомимся со страданіями этихъ несчастныхъ, если ихъ посмотримъ за ихъ скудной ѣдой, если посмотримъ на ихъ страданія отъ болѣзни или отъ недостатка работы, то увидимъ такую страшную безпомощность, найдемъ такую массу страданій, что нація, какъ наша, должна стыдиться возможности этого въ своей странѣ. Я былъ священникомъ въ Гедерсфильдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, когда фабрики шли особенно дурно, но я никогда не видѣлъ такой бѣдности, какую встрѣтилъ въ Bethnal-Green. Можетъ быть, только одинъ изъ десяти отцовъ семейства во всемъ околоткѣ имѣлъ еще платье, кромѣ своего рабочаго, да и то было худо и заплатано до невозможности. Многіе, кромѣ этой ветоши, не имѣли другого одѣяла на ночь, а вмѣсто постели служилъ имъ мѣшокъ съ соломой или стружками».

Разумѣется, многіе изъ русскихъ, знакомые съ образомъ жизни нашихъ ямщиковъ на большихъ дорогахъ, не найдутъ въ этомъ ничего ужаснаго. Но мы просимъ вспомнить, что здѣсь рѣчь идетъ объ Англіи; просимъ припомнить, что положеніе и жизнь ямщика не считается и у насъ въ народѣ положеніемъ завиднымъ. Ни одинъ изъ зажиточныхъ и домовитыхъ крестьянъ не пойдетъ въ ямщики на большую дорогу, — только нужда гонитъ въ эту работу. А сколько примѣровъ полнѣйшей нищеты, совершенной невозможности существованія и возможности одного выхода—голодной смерти! Разумѣется, не всѣ рабочіе Лондона находятся въ такомъ безвыходномъ положеніи,—многимъ жить гораздо лучше; но это нисколько не измѣняетъ основного положенія нашего вопроса: всетаки тысячи прилежныхъ и честныхъ семействъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, и каждый пролетарій, каждый безъ исключенія, несмотря на всѣ свои усилія, противъ своей воли и безъ всякой вины съ его стороны можетъ очутиться въ такомъ положеніи, можетъ быть постигнутъ такою печальною участью.

Разумѣется, тѣ, у которыхъ есть хоть какая нибудь крыша, счастливѣе тѣхъ, кому приходится жить подъ открытымъ небомъ. Въ Лондонѣ встаютъ каждый день 50.000 людей, которые не знаютъ, гдѣ имъ придется провести слѣдующую ночь. Счастливцы, у которыхъ, за всѣми расходами, останется къ вечеру одинъ или два пенса, отправляются въ такъ называемые lodginghouse'ы, которыхъ во всѣхъ большихъ городахъ множество, гдѣ бѣднякъ можетъ за свои деньги пристроиться на ночь. Но какой ночлегъ! Домъ снизу доверху набитъ постелями; четыре, пять, шесть постелей въ одной комнатѣ, — однимъ словомъ, сколько войдетъ. На одной постели помѣщаются четыре, пять, шесть человѣкъ, — тоже сколько уляжется: здоровые больные, старые и малые, мужчины и женщины пьяные и трезвые,—всѣ вмѣстѣ, по порядку, кто за кѣмъ пришелъ. Ссоры, драки, развратъ, — вотъ что происходитъ въ этихъ ночныхъ пріютахъ. И такой ночлегъ считается еще удѣломъ болѣе счастливыхъ! А тѣ, у кого нѣтъ средствъ заплатить за

пристанище? Они спятъ, гдѣ случится, гдѣ найдутъ мѣсто: въ пассажахъ, подъ аркадами, или въ какомъ нибудь углу, гдѣ полиція или хозяинъ мѣста дадутъ имъ выспаться. Многіе ночуютъ въ пріютахъ, учрежденныхъ частными лицами, и, несмотря на то, что такихъ пріютовъ для ночлега въ Лондонѣ много, еще много народу остается безъ крова, не имѣетъ постояннаго жилья и не имѣетъ для того средствъ, не имѣетъ никакой собственности, кромѣ той, какая на немъ. Это низшая степень пролетаріата, составляющая прямой переходъ къ разврату, къ окончательному моральному паденію человѣка. Такому пролетарію остается одинъ выходъ—искать средствъ улучшенія своего положенія въ кражѣ.

Это—въ Лондонѣ. Въ остальныхъ большихъ городахъ Англіи не лучше, если только не хуже. Напримѣръ Дублинъ, красивѣйшій городъ въ Англіи съ моря, съ лучшимъ заливомъ во всей странѣ, такъ что ирландцы сравниваютъ его съ Неаполемъ,—въ этомъ городѣ аристократическія его части отличаются вкусомъ и красотой построекъ, и въ этомъ отношеніи онъ перещеголялъ остальные города Англіи; но зато и бѣдныя части города представляютъ худшее и мерзѣйшее, что только можно себѣ представить. Въ этой нечистотѣ можно бы обвинить ирландцевъ. Но въ такомъ случаѣ она должна бы быть специфической, т. е. исключительной принадлежностью Дублина и Ирландіи. А этого нѣтъ; Лондонъ, Эдинбургъ, Бирмингамъ, да и всѣ остальные большіе и промышленные города Англіи представляютъ то же самое: та же бѣдность, нечистота и неудобство рабочихъ кварталовъ. Въ Дублинѣ, однако, все это хуже, все бѣднѣе, все грязнѣе и неопрятнѣе. Неудобство жилищъ и грязь улицъ превышаютъ всякое вѣроятіе.

И Эдинбургъ, эти новыя Аѳины, съ блестящей аристократической частью города, представляетъ страшный контрастъ аристократической новой части съ рабочими кварталами, или старымъ городомъ. Жизнь рабочихъ здѣсь еще бѣднѣе и бѣдственнѣе, чѣмъ даже въ Ирландіи, въ Дублинѣ. Этому способствуютъ самый способъ и характеръ шотландскихъ построекъ. Старый городъ построенъ на скатахъ одного холма, по гребню котораго идетъ главная, Высокая улица (High-street). Отъ этой улицы, по обѣ ея стороны, сбѣгаютъ множество узкихъ, кривыхъ улицъ, дѣлающихъ множество извилинъ и прозванныхъ wynds (извилины). Эти-то улицы и составляютъ городъ пролетаріевъ. Дома въ Шотландіи вообще высоки, пяти-шести-этажные, какъ въ Парижѣ, и—противъ англійскаго обычая, гдѣ, по возможности, каждое семейство старается имѣть для себя особый домъ—заняты нѣсколькими семействами, какъ и у насъ, въ Петербургѣ. Улицы эти бываютъ иногда до того узки, что изъ окна одного дома можно весьма удобно перелѣзть въ окно дома на противоположной сторонѣ улицы. При этомъ дома такъ высоки, такъ нагромождены этажъ на этажъ, что свѣтъ едва доходитъ до дворовъ и улицъ. Въ этой части города стоковъ въ домахъ почти нѣтъ, нечистоты выливаются на улицы въ сточныя трубы и, несмотря на чистку трубъ, выдѣляютъ такой вонючій паръ, что весьма нетрудно вообразить, какъ все это должно оскорблять обоняніе и дѣйствовать вредно на здоровье. Квартиры бѣднаго населенія обыкновенно очень грязны; онѣ состоятъ, большею частью, изъ одной комнаты съ плохими рамами, худо пригнанными и оттого, разумѣется, холодными. Такія квартиры обыкновенно сыры, нерѣдко въ подвальномъ этажѣ—въ землѣ, скверно меблированы, такъ что пукъ соломы служитъ постелью для цѣлаго семейства, на которомъ мужчины и женщины, дѣти и старики—все валяется въ кучѣ.

Въ другихъ приморскихъ городахъ не лучше. Ливерпуль, этотъ богатый, блестящій торговый городъ, представляетъ для своего бѣднаго населенія такія же удобства жизни. Пятая часть населенія, т. е. болѣе 45 т. людей, живетъ въ тѣсныхъ, темныхъ, сырыхъ и худо вентилированныхъ подвалахъ, которыхъ въ городѣ 7.862. Кромѣ этихъ погребовъ, есть еще въ городѣ такъ называемые дворики (courts). Ихъ 2.270. Это маленькія мѣста, застроенныя со всѣхъ четырехъ сторонъ и имѣющія съ одной стороны узкій крытый входъ. Такое устройство лишаетъ дворики всякой вентиляціи; они грязны и составляютъ обыкновенно жилье пролетарія.

Глазгоу имѣетъ много общаго съ Эдинбургомъ: такія же извилины (wynds), такіе же высокіе дома. Рабочіе, составляющіе до 78% всего населенія (до 300.000), живутъ въ такихъ частяхъ города, которыя бѣдностью, нечистотой стоятъ еще выше дурныхъ кварталовъ Лондона и Эдинбурга. Такихъ мѣстъ множество даже въ самой срединѣ города. Безконечные лабиринты узкихъ улицъ или извилинъ, въ которыхъ почти на каждомъ шагу попадаются дворики или глухія улицы (мѣшки), образуемыя старыми, худо вентилированными, высокими, лишенными воды домами. Такіе дома буквально набиты жильцами, такъ что отъ 15 до 20 лицъ помѣщаются въ одной комнатѣ. Эти кварталы, населенные бѣднѣйшимъ, нравственно низкимъ и наиболѣе негоднымъ населеніемъ, служатъ источникомъ лихорадочной эпидеміи, распространяющейся по всему Глазгоу. Симонсъ, коммисаръ, наряженный правительствомъ для изслѣдованія положенія ремеслъ этого города, говоритъ въ своемъ отчетѣ слѣдующее: «Я видѣлъ нищету и бѣдствіе въ наивысшихъ фазахъ ея развитія; я видѣлъ нищету и въ Глазгоу, и на континентѣ, но, покамѣстъ я не посѣтилъ извилинъ (wynds) Глазгоу, я не думалъ, чтобы въ какой нибудь цивилизованной странѣ существовало столько преступленій, бѣдности и болѣзней. Въ низкихъ помѣщеніяхъ спятъ десять, двѣнадцать, а иногда и двадцать человѣкъ обоего пола и всякаго возраста, на полу, вперемежку, болѣе или менѣе нагіе. Эти помѣщенія обыкновенно такъ грязны, сыры и плохи, что ни одинъ человѣкъ не захотѣлъ бы поставить туда свою лошадь».

Теперь перейдемъ къ классической мѣстности англійской промышленности, къ южному Ланкаширу съ его центромъ Манчестеромъ. Этотъ округъ занимаетъ прекрасную волнистую мѣстность, пере-

рѣзываемую множествомъ рѣкъ. Мѣстность эта, за сто лѣтъ представлявшая, большею частью, болота съ рѣдкимъ населеніемъ, въ настоящее время покрыта городами и селеніями и составляетъ населеннѣйшую часть Англіи. Въ Ланкаширѣ и собственно въ Манчестерѣ находится центръ англійской индустріи: манчестерская биржа — термометръ всѣхъ колебаній промышленныхъ сношеній; фабричность достигла въ Манчестерѣ своего высшаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдствія новѣйшей индустріи, относительно рабочаго населенія, достигли здѣсь полнѣйшаго развитія, и пролетаріатъ является здѣсь въ своей совершеннѣйшей формѣ. Низкое положеніе, въ которое рабочій былъ поставленъ приложеніемъ пара, машинъ и раздѣленіемъ труда, и попытки пролетарія подняться изъ этого униженнаго положенія—достигли здѣсь своей наибольшей высоты, пришли къ наивысшему сознанію. Однимъ словомъ, успѣхи новѣйшей промышленности со всѣми ея послѣдствіями, какъ для капиталистовъ, такъ и относительно рабочихъ, являются здѣсь въ наиболѣе выпукломъ и яркомъ видѣ. Вотъ почему Манчестеръ считается типомъ новѣйшей индустріи; вотъ почему онъ служитъ постоянно центромъ движеній промышленнаго пролетаріата.

Города, окружающіе Манчестеръ и находящіеся съ нимъ въ одномъ округѣ, относительно положенія рабочихъ мало отличаются отъ своего центра. Все различіе сводится только къ тому, что рабочее населеніе въ нихъ гуще, чѣмъ въ Манчестерѣ. Эти города—чисто-фабричные, а всѣ коммерческія дѣла несетъ на себѣ Манчестеръ. Они зависятъ вполнѣ отъ своего центральнаго города и населены рабочими, фабрикантами, мелочными торговцами и лавочниками, тогда какъ Манчестеръ имѣетъ еще довольно значительное коммерческое населеніе. Такимъ образомъ, Больтонъ, Престонъ, Вейгенъ, Рочдель, Мидльтонъ, Гейвудъ, Аштонъ и другіе, несмотря на то, что имѣютъ населеніе въ тридцать, пятьдесятъ, семьдесятъ и девяносто тысячъ жителей, состоятъ почти исключительно изъ одного рабочаго населенія и рабочихъ кварталовъ. Сами города, выстроенные плохо и неправильно, съ грязными дворами, улицами и переулками, наполнены чадомъ каменноугольнаго дыма. Подвалы здѣсь вездѣ; и гдѣ представляется хоть малѣйшая возможность,—ихъ устраиваютъ непремѣнно, и довольно значительная часть населенія живетъ въ нихъ. Лучшій изъ всѣхъ этихъ городовъ Аштонъ, но и въ немъ котеджи плохи.

Хотя каждый изъ этихъ городовъ и представляетъ свои особенности, но, вообще, рабочіе живутъ въ нихъ совершенно также, какъ и въ Манчестерѣ, такъ что всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать о Манчестерѣ, относятся вполнѣ и къ маленькимъ городамъ его округа.

Манчестеръ лежитъ на южномъ склонѣ цѣпи холмовъ, которые отъ Ольдгема тянутся между долинами рѣкъ Эрвеля и Медлока. Собственно Манчестеръ лежитъ на лѣвомъ берегу Эрвеля, при впаденіи въ него Медлока и Эрка. Но тутъ же лежатъ Сальфордъ, Пендльтонъ, Браутонъ, Читамъ-Гиль, Гольмъ, Чорльтонъ, Ардвикъ, обыкновенно въ цѣломъ ихъ объемѣ называемые тоже Манчестеромъ и заключающіе болѣе 400.000 жителей.

Городъ выстроенъ весьма однообразно; въ немъ можно жить цѣлые годы, ходить каждый день гулять по городу, ни разу не наткнувшись на рабочіе кварталы или на рабочихъ. И это сдѣлано частью безъ намѣренія, а больше съ сознаніемъ, чтобы отдѣлить среднее сословіе отъ рабочихъ кварталовъ. Въ срединѣ Манчестера лежитъ довольно большой торговый кварталъ,—длинный и широкій въ полмили, — состоящій почти исключительно изъ конторъ и складовъ товаровъ (ware-houses). Почти весь кварталъ этотъ необитаемъ; по ночамъ онъ совершенно пустъ и тихъ, и только развѣ полицейскіе, со своими потаенными фонарями, проходятъ по его узкимъ и темнымъ улицамъ. Эта мѣстность и далѣе перерѣзана нѣкоторыми главными улицами, въ которыхъ сосредоточена почти вся городская дѣятельность, и въ которыхъ нижніе этажи домовъ заняты блестящими магазинами. Тутъ, тамъ и сямъ дома имѣютъ жильцовъ, и на улицахъ даже до поздней ночи можно найти довольно жизни. За исключеніемъ этихъ промышленныхъ кварталовъ, весь Манчестеръ, весь Сальфордъ, Гольмъ и значительная часть Пендльтона и Чорльтона, двѣ трети Ардвика и отдѣльныя части Читамъ-Гиля и Браутона составляютъ исключительно рабочіе кварталы, которые широкимъ поясомъ, около полуторы мили, окружаютъ промышленную часть города. Вся высшая и средняя буржуазія живетъ внѣ этого пояса; средняя — въ правильныхъ улицахъ въ сосѣдствѣ съ рабочими кварталами: высшая — въ отдаленныхъ, прекрасныхъ и удобныхъ домахъ съ садами, въ Чорльтонѣ и Ардвикѣ, или на возвышенностяхъ Читамъ-Гиля, Браутона и Пендльтона, на свободномъ, здоровомъ сельскомъ воздухѣ. Самое же замѣчательное во всемъ этомъ то, что денежная аристократія можетъ проходить, ближайшей дорогой, къ мѣстамъ своихъ занятій чрезъ всѣ рабочіе кварталы и вовсе не замѣтить ихъ; она можетъ заниматься своими дѣлами, не замѣчая, что направо и налѣво, совсѣмъ близко отъ нея, находится грязная, ужасная нищета. И вотъ какимъ образомъ. Главныя улицы, идущія отъ биржи во всѣ стороны и выводящія за городъ, заняты почти непрерывнымъ рядомъ магазиновъ. Магазины эти, принадлежащіе средней буржуазіи, имѣютъ приличный, опрятный видъ, что необходимо составляетъ собственный интересъ торгующихъ. Несмотря на то, однако, магазины эти имѣютъ нѣчто родственное съ кварталами, лежащими за ними, — и, слѣдовательно, въ коммерческихъ кварталахъ и въ сосѣдствѣ съ кварталами буржуазіи элегантнѣе, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они заслоняютъ грязные котеджи рабочихъ. Напримѣръ, Market-street, идущая на юго-востокъ отъ биржи, имѣетъ вначалѣ блестящіе магазины перваго класса, а въ верхнихъ этажахъ—конторы и склады товаровъ; дальше на своемъ продолженіи (Piccadilly) имѣетъ громадные отели и склады; еще дальше (London Road)— шинки, лавки для мелкой буржуазіи и для рабочихъ;

затѣмъ въ Ardwick Green—дома высшей и средней буржуазіи, и затѣмъ—огромные сады и загородные дома богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ. Такимъ образомъ, можно пройти Манчестеръ и не увидѣть кварталовъ, занятыхъ рабочими. «Я знаю,—говоритъ Энгельсъ,—очень хорошо, что этотъ ханжескій способъ построекъ принадлежитъ болѣе или менѣе всѣмъ большимъ городамъ; я знаю также, что мелочные продавцы, по самому существу ихъ торговли, должны занимать большія, наиболѣе людныя улицы; я знаю, что вездѣ на такихъ улицахъ всегда больше хорошихъ, чѣмъ плохихъ домовъ, и что близъ такихъ домовъ цѣна мѣстамъ выше, чѣмъ въ кварталахъ, болѣе отдаленныхъ; но въ то же время я не видѣлъ нигдѣ такого систематическаго отдаленія рабочихъ отъ главныхъ улицъ, такого деликатнаго прикрытія всего того, что можетъ оскорбить зрѣніе и нервы буржуазіи, какъ въ Манчестерѣ. И несмотря на то, Манчестеръ очень мало правиленъ, менѣе всего строенъ подъ полицейскимъ указаніемъ, а напротивъ, больше случайно, чѣмъ какой либо другой городъ. Если же сообразить увѣренія и клятвы среднихъ классовъ, что рабочимъ очень хорошо, то мнѣ кажется, что либеральные фабриканты Манчестера не совсѣмъ-то невиноваты въ этомъ безстыдномъ способѣ построекъ».

Но гдѣ же наконецъ рабочіе кварталы? Начнемъ со стараго города. Въ немъ даже лучшія улицы узки и кривы, какъ Todd-Street, Long-Millgate, Withy Grove и Shude Hill; дома грязны, стары. Если идти отъ старой церквивъ Long-Millgate, то сейчасъ направо представляется цѣлый рядъ старомодныхъ домовъ. Ни въ одномъ изъ нихъ лицевая стѣна не сохранила своего вертикальнаго положенія. То—остатокъ прежняго Манчестера, жители котораго съ увеличеніемъ ихъ доходовъ перебрались въ лучшіе кварталы, и дома, которые были для нихъ плохи, оставили рабочему населенію. Это уже настоящій рабочій кварталъ: ни лавки, ни шинки не берутъ ужъ на себя обязательства смотрѣть чисто и опрятно. Но все это еще ничто сравнительно съ переулками и дворами, которые лежатъ сзади, и въ которые можно пробраться съ улицы чрезъ крытый узкій проходъ, въ которомъ двумъ людямъ невозможно разойтись. Безпорядокъ и скученность постройки превышаютъ всякое вѣроятіе. И въ этомъ виноваты не одни дома прежняго допромышленнаго Манчестера, потому что искусство выгодныхъ построекъ только въ послѣднее время доведено до совершенства. Совершенство же это заключается въ томъ, чтобы ни одинъ дюймъ земли не пропадалъ даромъ, не лежалъ незастроеннымъ. Вентиляція, чистота воздуха или мало-мальскія удобства считаются пустыми фантазіями, недостойными здравыхъ экономическихъ соображеній. Да и къ чему чистить, когда рабочій будетъ жить и въ грязи, когда онъ и не спрашиваетъ и не имѣетъ возможности платить за чистый воздухъ? Вотъ для примѣра одинъ кварталъ по близости р. Эрка. Южный берегъ Эрка здѣсь очень крутъ и отъ 15 до 30 футовъ вышины. На этомъ склонѣ помѣщено три ряда домовъ; каждый упирается въ самую рѣку, а сѣверная сторона верхняго ряда домовъ стоитъ на вершинѣ склона и составляетъ одну сторону улицы Long-Millgate. Между этими крайними рядами находятся еще кое-гдѣ фабрики. Направо и налѣво—множество крытыхъ узкихъ проходовъ, ведущихъ съ главной улицы на дворы. Нечистота вездѣ страшная, а особенно на дворикахъ, идущихъ къ самой рѣкѣ. За Ducie Bridge'емъ лѣвый берегъ рѣки становится отложе, зато правый круче; но это не имѣетъ никакого вліянія на улучшеніе помѣщеній; они, пожалуй, еще хуже. Если въ этомъ мѣстѣ сойти внутрь съ главной улицы все той же Long-Millgate влѣво, то совершенно пропадаешь въ закоулкахъ. Приходится идти изъ одного дворика въ другой узкими, кривыми, грязными углами и ходами до того, что въ нѣсколько минутъ теряешь всякую нить и уже наконецъ не знаешь, куда идти, чтобы выбраться на свѣтъ Божій: вездѣ вполнѣ или вполовину развалившіеся дома. Въ домахъ рѣдко каменные или деревянные полы, но зато постоянно разбитыя и худо пригнанныя окна и рамы и непроходимая нечистота. Во многихъ мѣстахъ или дворикахъ стоятъ въ совершенномъ безпорядкѣ одноэтажныя и съ одной комнатой конурки, большая часть безъ пола. «Въ одной изъ такихъ конуръ,—говоритъ Энгельсъ,—въ шесть футовъ длиной и пять шириной, я видѣлъ двѣ кровати,—и что за кровати, что за постель! А во многихъ я не видѣлъ ровно ничего, хотя двери были вполнѣ отворены и внутри никого не было. Вся эта куча стойлъ, служившихъ помѣщеніемъ для людей, была замаскирована съ двухъ сторонъ домами и фабрикой, а третью границу ея составляла рѣка, по берегу которой шла узкая дорога и вела въ другой почти такой же скверно застроенный и неопрятный лабиринтъ жилищъ».

Въ такомъ видѣ застроена вся рѣка Эркъ. И требуютъ отъ людей чистоты! Но какъ же имъ быть опрятными? Что сдѣлано для удобства жизни? У нихъ даже нѣтъ воды, кромѣ помоевъ и грязи, стекающихъ съ фабрикъ и отравившихъ Эркъ! У нихъ нѣтъ ни водопроводовъ, ни помпъ, которыя устроены только въ благородныхъ частяхъ города.

Таковъ почти весь старый городъ, вмѣщающій въ себѣ до тридцати тысячъ рабочаго населенія. И это существуетъ во второмъ послѣ Лондона городѣ Англіи, въ первомъ фабричномъ городѣ въ мірѣ! И владѣльцы домовъ, разумѣется, правы; они правы и въ томъ, что каждый свободный дюймъ земли застраиваютъ новымъ стойломъ; они правы и тѣмъ, что не принимаютъ ровно никакихъ мѣръ для улучшенія помѣщеній. Да и зачѣмъ вся эта роскошь улучшеній, когда они знаютъ очень хорошо, что нѣтъ такой скверной конуры, нѣтъ такого стойла, на которое бы не нашлось жильца, не имѣющаго средствъ заплатить за лучшее помѣщеніе?

Такимъ образомъ, въ старомъ городѣ чистый случай руководилъ постройками и ихъ группировкой. Каждый домъ строился самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ другимъ, и угловатые промежутки между отдѣльными помѣщеніями, за неимѣніемъ другого выраженія, названы дворами (courts). Въ новыхъ кварталахъ стараго города, явившагося въ

первое время процвѣтанія индустріи, уже замѣтны нѣкоторый планъ и порядокъ въ постройкахъ. Промежутки между двумя улицами разбиты на правильные, большею частью четыреугольные дворы, въ которые ведутъ съ улицъ узкіе крытые проходы. Если безпорядочный прежній способъ построекъ былъ вреденъ для здоровья жителей, потому что мѣшалъ вентиляціи воздуха, то новый способъ, разумѣется, уже перещеголялъ старую систему. По новому способу, рабочіе набиты въ помѣщеніяхъ на дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ зданіями, и воздухъ, разумѣется, не можетъ возобновляться. Только во время топки печей спертый воздухъ дворовъ вытягивается трубами. Совсѣмъ бы другое, еслибы дворики имѣли нѣсколько открытыхъ входовъ или, пожалуй, даже и закрытые, но нѣсколько — два, три, четыре, расположенные такъ, чтобы воздухъ имѣлъ свободное движеніе. Но этого нѣтъ. Дворики имѣютъ, большею частью, одинъ выходъ — узкій и закрытый, а нѣкоторые лежатъ на полфута ниже уровня улицъ и не имѣютъ стоковъ для спуска дождевой воды. Впослѣдствіи придумали другой способъ построекъ, сдѣлавшійся наконецъ повсемѣстнымъ. Котеджи рабочихъ не строятся теперь поодиночкѣ, какъ это было прежде, а сразу десятками,—предприниматель строитъ вдругъ одну или двѣ улицы. Система построекъ слѣдующая: по улицѣ выводится стѣна, составляющая рядъ котеджей перваго класса; у этихъ котеджей, кромѣ входа съ улицы, есть еще задній выходъ, и при каждомъ маленькій дворикъ. Эти котеджи даютъ наивысшій доходъ. За задней стѣной зданія лежитъ узкая улица,—задняя улица (back-street),—застроенная съ обоихъ концовъ, въ которую снаружи сдѣланъ узкій крытый проходъ. Какъ мы уже сказали, одну сторону улицы составляетъ задняя стѣна котеджей перваго класса, а другую опять котеджи, въ которые входъ съ этой задней улицы. Эти послѣдніе котеджи имѣютъ заднюю стѣну, общую съ третьимъ рядомъ котеджей, выходящимъ на улицу, параллельную съ той, на которую смотрятъ котеджи перваго класса. По этому новому способу построекъ, котеджи перваго класса много лучше помѣщеній, построенныхъ прежде для рабочихъ; котеджи третьяго ряда, выходящіе тоже на улицу, тоже не такъ дурны, но зато котеджи, лежащіе на внутренней, узкой улицѣ (back-street), также плохи, грязны и лишены всякой вентиляціи, какъ и старые дома на дворахъ.

Самый способъ постройки котеджей тоже замѣчателенъ. Они вначалѣ смотрятъ всегда красиво и солидно: массивныя каменныя стѣны обманываютъ глазъ, и если идти чрезъ только что отстроенную улицу, не заглядывая ни въ заднюю улицу, ни приглядываясь къ самому способу построекъ, то весьма легко согласиться съ мнѣніемъ либеральной англійской буржуазіи, что нигдѣ въ свѣтѣ рабочій не живетъ такъ хорошо, какъ въ Англіи. Но если всмотрѣться въ дѣло ближе, то нетрудно увидѣть, что стѣны котеджей выстроены такъ тонко, какъ только можно. Наружныя капитальныя стѣны, на которыхъ лежитъ тяжесть крыши, строятся—самая толстая—въ одинъ кирпичъ, но есть и такія, которыя выстроены въ полкирпича. Это дѣлается частью для того, чтобы сдѣлать экономію въ строительномъ матеріалѣ, а частью потому, что строители не бываютъ никогда собственниками земли. По англійскому обычаю, земля подъ домами отдается въ аренду на двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ или девяносто девять лѣтъ и послѣ оброчнаго срока должна быть возвращена владѣльцу со всѣмъ тѣмъ, что на ней будетъ выстроено. Понятно, что арендаторъ разсчитываетъ, чтобы его постройки къ сроку возврата земли не имѣли, по возможности, никакой цѣны. И какъ такіе котеджи строятся за двадцать или за тридцать лѣтъ до срока возврата земли, то понятно, что арендаторы не тратятся на нихъ особенно. Но есть этому и еще причины. Строители — обыкновенно каменщики, плотники или фабриканты—частью для того, чтобы не понизить своего дохода, не дѣлаютъ почти никакихъ расходовъ на ремонтъ домовъ; а по случаю торговыхъ кризисовъ и наступающаго оттого голода нерѣдко цѣлыя улицы стоятъ пустыми; немудрено, если котеджи приходятъ такъ скоро въ упадокъ. Обыкновенно считаютъ, что зданія для рабочихъ могутъ быть годны для жилья только сорокъ лѣтъ. Это, разумѣется, должно звучать странно, да, пожалуй, и казаться неправдоподобнымъ, если смотрѣть на вновь отстроенные котеджи, обѣщающіе, повидимому, двухсотлѣтнюю прочность. А между тѣмъ это вполнѣ вѣрно. Скряжничество въ первоначальной постройкѣ, отсутствіе ремонта, частый простой безъ жильцовъ или слишкомъ частая перемѣна жильцовъ, а наконецъ и порча, которую наносятъ квартирамъ сами жильцы, напримѣръ, выламываніемъ всего деревяннаго на топку,—все это дѣлаетъ котеджи чрезъ сорокъ лѣтъ совершенными развалинами. А сколько безнравственнаго въ этой котеджской системѣ, сколько въ ней убійственнаго для несчастныхъ рабочихъ! Рабочій принужденъ помѣщаться въ этой гнили и нечистотѣ потому, что для него нѣтъ другихъ помѣщеній, потому что онъ не можетъ платить за лучшую квартиру, или потому что нѣтъ лучшей вблизи фабрики, на которой онъ работаетъ, или, наконецъ, котеджи принадлежатъ самому фабриканту, и рабочій будетъ взятъ на фабрику только на условіи нанять котеджъ.

Эта восточная и сѣверо-восточная часть Манчестера, о которой мы до сихъ поръ говорили, есть единственная часть, въ которой буржуазія не поселилась. Причина въ томъ, что здѣсь десять или одиннадцать мѣсяцевъ въ году западный и юго-западный вѣтеръ наноситъ дымъ съ фабрикъ; понятно, почему буржуазія уступила эту часть рабочимъ, для которыхъ ничего не значитъ дышать сквернымъ, вреднымъ воздухомъ.

Довольно интересенъ слѣдующій случай, объясняющій, между прочимъ, отношенія богатой буржуазіи къ рабочимъ. Медицинская полиція, какъ извѣстно, не отличается въ Англіи особенною дѣятельностью; но вотъ пришла холера: буржуазія

страшно струсила за свое здоровье. Вспомнили о вредныхъ для здоровья жилищахъ бѣдняковъ, вспомнили, что каждый рабочій кварталъ будетъ служить центромъ эпидемій, откуда смерть пойдетъ по всѣмъ направленіямъ и распространится между богатыми. Тотчасъ же была наряжена особая комиссія для изслѣдованія рабочихъ кварталовъ и представленія рапорта городовому совѣту. Вотъ что оказалось по изслѣдованію. Всѣхъ домовъ собственно въ старомъ Манчестерѣ, не считая предмѣстій, было осмотрѣно 6.951. Изъ нихъ 2.565 нуждались въ немедленной внутренней штукатуркѣ; въ 960 не было сдѣлано самыхъ необходимыхъ поправокъ; 939 не имѣли достаточныхъ стоковъ; 1.435 были сыры; 452 дурно вентилированы; 2.221 безъ нужныхъ мѣстъ. Изъ числа 687 осмотрѣнныхъ улицъ—въ 248 не было мостовой, въ 53 мостовая только мѣстами, 112 дурно вентилированы, въ 352 были застои лужъ, кучи нечистотъ. Относительно внутренняго состоянія этихъ жилищъ комиссія говоритъ то же самое, что мы говорили уже о Лондонѣ, Эдинбургѣ и другихъ городахъ, т. е., что цѣлая семья, напримѣръ, спитъ на одной постели, а постелью ей служитъ пукъ грязной соломы; или двѣ семьи имѣютъ двѣ комнаты: въ одной спятъ всѣ вмѣстѣ, а другая служитъ общей кухней и столовой, и, наконецъ, нѣсколько семействъ живутъ въ одномъ подвалѣ. Но бывали случаи, что семейства, имѣвшія сами по одной комнатѣ, принимали къ себѣ постояльцевъ, и что такіе жильцы, того и другого пола, спали нерѣдко съ хозяевами на одной постели, или мужъ, жена и взрослая свояченица спятъ на одной постели. Всѣхъ подваловъ считали въ Манчестерѣ 20.000, а съ форштатами—отъ 40 до 50.000. Многое изъ всего этого уже исправлено, но большая часть осталась въ прежнемъ видѣ.

Удовлетвореніе потребности въ помѣщеніи можетъ служить масштабомъ удовлетворенія и другихъ потребностей рабочаго. И дѣйствительно, одежда и пища вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ жалкимъ помѣщеніямъ, которыми долженъ довольствоваться рабочій. Не только одежда значительнѣйшаго большинства рабочихъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи, но даже и матеріи, употребляемыя для нея, вовсе несвойственны характеру дѣятельности рабочихъ. Полотно и шерсть почти совершенно исчезли въ гардеробѣ рабочихъ обоего пола,—ихъ замѣнила бумага. Рубашки дѣлаются изъ бѣлаго или пестраго коленкора; платье женщинъ—тоже изъ набивного коленкора, а шерстяныя юбки весьма рѣдки. Мужчины носятъ брюки большею частью изъ плиса или другихъ тяжелыхъ бумажныхъ матерій и верхнюю одежду изъ того же матеріала. Плисъ (fustian) составляетъ до того принадлежность рабочаго населенія, что рабочихъ называютъ обыкновенно fustian-jackets (плисовыя куртки), въ отличіе отъ господъ или средняго сословія, имѣющаго средства носить шерстяныя матеріи, и которое зовутъ broad-cloth (широкіе кафтаны). Шляпа, обыкновенный головной уборъ англичанъ, есть принадлежность и рабочихъ. Шляпы бываютъ всевозможныхъ фасоновъ: круглыя, острыя, цилиндрическія, съ широкими, съ узкими полями или совсѣмъ безъ полей; только молодые люди въ фабричныхъ городахъ носятъ фуражки. У кого нѣтъ шляпы, тотъ складываетъ себѣ изъ бумаги низкій четыреугольный картузъ. Вся одежда рабочаго, предполагая ее даже въ лучшемъ состояніи, не соотвѣтствуетъ вполнѣ климату страны. Сырой климатъ Англіи съ частыми перемѣнами погоды легко подвергаетъ жителей простудѣ, поэтому фланель въ общемъ употребленіи. Фланелевыя рубашки, галстухи, куртки и фланелевые пояса въ общемъ употребленіи. И рабочій не отказался бы отъ этого средства, предупреждающаго простуду, но, къ сожалѣнію, у него недостаетъ для этого денегъ, и онъ принужденъ носить бумагу. А бумажныя матеріи, хотя онѣ и толще шерстяныхъ, но не имѣютъ нисколько качествъ шерсти. Онѣ держатъ дольше сырость и больше холодятъ. Если рабочій и вздумалъ бы для воскресныхъ выходовъ купить себѣ шерстяной сюртукъ, онъ долженъ идти для этого въ дешевыя лавки, гдѣ получаетъ сукно дурное, такъ называемое devil's dust, которое дѣлаютъ не для того, чтобы носить, а только чтобы продать, и сюртукъ изъ такого сукна разлѣзается въ двѣ недѣли; или же онъ долженъ купить старый, ношенный сюртукъ, который, разумѣется, уже не можетъ служить долго, потому что лучшее его время уже прошло. Къ этому нужно еще прибавить, что большая часть рабочихъ, время отъ времени, лучшія свои платья принуждены отдавать въ закладъ.

У одной части, и очень значительной, преимущественно у ирландцевъ, платье—совершенныя лохмотья, которыя невозможно даже и чинить, или которыя до того перештопаны или заплатаны, что невозможно угадать первоначальный цвѣтъ платья. Англичане и англо-ирландцы имѣютъ обыкновеніе чинить свое платье и довели это искусство до замѣчательнаго совершенства: шерстяная заплата или изъ мѣшечнаго полотна на плисѣ, или обратно,—это имъ все равно; но настоящіе, кровные ирландцы почти никогда не чинятъ своего платья, развѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, платье должно окончательно развалиться. Ирландцы же ввели неизвѣстный до нихъ въ Англіи обычай—ходить босикомъ. Въ настоящее время въ фабричныхъ городахъ можно встрѣтить массы людей, особенно дѣтей и женщинъ, босоногими. Эта манера начинаетъ прививаться уже и къ бѣднымъ англичанамъ.

Въ пищѣ тотъ же порядокъ, какъ и въ одеждѣ. Бѣдному достается то, что достаточный считаетъ для себя дурнымъ. Разумѣется, въ большихъ городахъ Англіи можно имѣть все, и все самаго лучшаго качества; но все это стоитъ большихъ денегъ и потому, разумѣется, существуетъ не для рабочаго, который считаетъ свои расходы копейками. Къ тому же рабочій получаетъ свою плату въ субботу; теперь хотя и начали платить по пятницамъ, но это еще не вошло вполнѣ въ общее употребленіе. Получивъ свою плату въ субботу, рабочій является на рынокъ въ четыре, пять часовъ или позже, когда

все лучшее выбрано уже на рынкѣ среднимъ сословіемъ. Картофель, который покупаетъ рабочій, большею частью плохъ, овощи вялы, кофе старый и низшаго сорта, сало прогорклое, мясо тощее, старое, отъ старой, а нерѣдко и больной скотины, а иногда даже и несвѣжее. Продавцы, обыкновенно мелкіе разносчики, сами скупаютъ плохую провизію, и вотъ почему они могутъ продавать ее дешево и со своими малыми деньгами въ состояніи дѣлать торговые обороты. А какъ къ двѣнадцати часамъ вечера субботы всѣ лавки должны быть закрыты, и въ воскресенье продажи не бываетъ, то всѣ товары, которые до утра понедѣльника не могутъ сохраниться, т. е. должны непремѣнно испортиться, послѣ десяти часовъ вечера продаются за безцѣнокъ. Что же не будетъ продано, девять-десятыхъ изъ того къ воскресенью уже негодно въ пищу. Эти-то предметы и составляютъ воскресную пищу рабочихъ, наиболѣе бѣдныхъ. Разумѣется, полиція преслѣдуетъ подобныя вещи: несвѣжіе продукты продавать запрещено; кущы, у которыхъ они будутъ найдены, штрафуются; но эти мѣры далеко не достигаютъ своей цѣли. Въ большомъ промышленномъ городѣ, гдѣ рынокъ занимаетъ цѣлыя улицы, можетъ ли ревизоръ усмотрѣть за всѣмъ? Наконецъ, въ какой степени мясо должно быть уже плохо, чтобы ревизоръ его секвестровалъ? Понятно, что вообще на долю рабочихъ достается самое дурное, наименѣе здоровое и питательное, потому что ему нужно возможно дешевле. Но рабочій терпитъ еще и другимъ образомъ. Мелочные торговцы и фабриканты поддѣлываютъ всѣ питательныя вещества, думая при этомъ меньше всего о здоровьѣ тѣхъ, кому придется этимъ питаться. Напримѣръ, соленое масло продаютъ за свѣжее, или масло горькое обкладываютъ слоемъ масла свѣжаго, или же на пробу предлагаютъ одно, а продаютъ другое; въ сахаръ подмѣшиваютъ толченый рисъ или другія дешевыя вещи; къ молотому кофе—цикорій или другое что, а при продажѣ немолотаго кофе подмѣшиваютъ какое-то вещество, которому придаютъ форму кофейныхъ зеренъ. Какао мѣшаютъ съ тонкой бурой землей, которую растираютъ сначала съ бараньимъ жиромъ, и которая тогда легко мѣшается съ настоящимъ какао. Къ чаю прибавляютъ листья терновника и другихъ растеній или вываренные листья сушатъ на горячихъ мѣдныхъ сковородахъ, чтобы сообщить имъ ихъ настоящій цвѣтъ, и продаютъ за свѣжій чай. Въ перецъ мѣшаютъ ныль перцевыхъ стручковъ. Портвейна и не существуетъ для рабочаго настоящаго; извѣстно, что въ одной Англіи выпивается его болѣе, чѣмъ производитъ вся Португалія. Про табакъ и говорить нечего: въ него мѣшаютъ все возможное и во всевозможныхъ формахъ и видахъ. Даже въ муку подмѣшиваютъ мѣлъ, гипсъ и песокъ.

«Все это, разумѣется, въ высшей степени безсовѣстно и безчестно; но все это водится и не въ одной Англіи: это есть отчасти вездѣ, есть и у насъ»,—можетъ замѣтить читатель. Да, правда; но вопросъ не въ томъ, что существуетъ ложь и обманъ, а въ томъ, что вся тягость обмана падаетъ на бѣдныхъ, на рабочихъ. Богатаго не обманываютъ, потому что онъ покупаетъ въ богатыхъ магазинахъ, потому что онъ можетъ платить высокія цѣны, потому, наконецъ, что магазинъ хлопочетъ о своей репутаціи, а обманомъ онъ вредитъ себѣ. Да богатаго обмануть въ пищѣ и довольно трудно: у него вкусъ развитъ, языкъ чувствителенъ,—ему нельзя подать что нибудь несвѣжее. Совсѣмъ другое бѣдный, рабочій: для него дорога каждая копейка, потому что онъ на малую сумму долженъ купить многое; вдаваться въ разборъ качествъ товара онъ не всегда можетъ; наконецъ, вкусъ его неразвитъ, — и вотъ почему ему приходится брать вещи поддѣланныя, а иногда и отраву; онъ долженъ идти къ мелочнымъ лавочникамъ, брать нерѣдко въ долгъ и, слѣдовательно, за дурныя вещи платить дороже. Покупки у мелочныхъ торговцевъ, оборачивающихся небольшимъ капиталомъ, обходятся всегда дороже, чѣмъ у значительныхъ розничныхъ продавцовъ; наконецъ, послѣднему не разсчетъ обманывать—онъ портитъ свой кредитъ, а ходячему торгашу это все равно: его уличатъ въ обманѣ въ одной улицѣ, онъ перейдетъ на другую; ему не вѣрятъ въ одномъ городѣ, онъ перейдетъ въ другой. Бѣднаго рабочаго обманываютъ не только въ качествѣ, но и въ количествѣ товаровъ: невѣрные мѣры и вѣсы у мелочныхъ торговцевъ — вещь очень обыкновенная, и какъ часты подобные обманы, можно легко увидѣть изъ безпрестанныхъ объявленій въ газетахъ о штрафованіяхъ торгашей за обманы этого рода.

Обыкновенная пища рабочихъ зависитъ вполнѣ отъ размѣра задѣльной платы. Рабочіе, получающіе хорошую плату, и особенно такіе фабричные, у которыхъ каждый членъ семейства въ состояніи добыть что нибудь, имѣютъ сравнительно хорошій столъ,—всякій день мясо и вечеромъ кофе. Зарабатывающіе менѣе — имѣютъ мясо два-три раза въ недѣлю, но зато преимущественно картофель и хлѣбъ. Еще меньше,—мясная пища начинаетъ исчезать, замѣняется картофелемъ съ саломъ. Еще меньше,—сыръ, хлѣбъ, овсяная каша (porridge) и картофель; наконецъ, у самыхъ бѣдныхъ, у ирландцевъ, все сводится къ одному картофелю. Къ этому у всѣхъ классовъ рабочихъ непремѣнную принадлежность составляетъ чай, съ сахаромъ, молокомъ и водкой. Чай, какъ извѣстно, въ такомъ же употребленіи въ Англіи, какъ кофе въ Германіи; это необходимый напитокъ народа, даже ирландцевъ, и въ семействахъ, гдѣ не пьютъ чая, царствуетъ самая горькая бѣдность. Все это рабочій имѣетъ только въ томъ случаѣ, когда у него есть работа; если же онъ сидитъ безъ дѣла, то, предоставленный вполнѣ случаю, онъ ѣстъ то, что ему дадутъ, подарятъ, что онъ вынищенствуетъ или что онъ украдетъ. А если онъ ничего не достанетъ, то голодаетъ.

Количество пищи, которое имѣетъ рабочій, какъ и ея качество, тоже вполнѣ зависятъ отъ размѣра платы, и худо оплаченные рабочіе, особенно если семейство велико, при постоянномъ занятіи живутъ впроголодь. И число такихъ рабочихъ вовсе не мало. Въ Лондонѣ, гдѣ конкурренція между рабочими уси-

ливается въ такой же степени, въ какой приростаетъ населеніе, число полуголодныхъ рабочихъ весьма значительно. То же самое и въ другихъ большихъ городахъ. Картофельная шелуха, остатки зелени и овощей,—все, въ чемъ остается хотя частичка питательности, эти несчастные собираютъ и употребляютъ въ пищу. А если рабочій поставленъ хоть и нѣсколько лучше, но не въ такой степени, чтобы задѣльная плата доставляла ему содержаніе на всю недѣлю, въ такомъ случаѣ послѣдніе дни семья или не ѣстъ ничего, или ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голода. Такого рода лишенія ведутъ, разумѣется, къ болѣзнямъ, къ потерѣ силъ, и если, по несчастью, отъ изнурительной работы, при недостаткѣ пищи, рабочій сляжетъ, онъ лишается всякихъ средствъ существованія,—и вотъ перспектива всякаго рабочаго, перспектива, которая вообще гораздо ближе ко всякому рабочему, чѣмъ состояніе довольства, не бывшее до сихъ поръ общимъ удѣломъ.

Въ этомъ распредѣленіи рабочихъ по разнымъ степенямъ довольства нѣтъ ничего постояннаго и прочнаго. Нельзя сказать, что такимъ-то рабочимъ хорошо, такимъ-то худо; напротивъ, положеніе рабочихъ такъ подвижно, что каждый изъ нихъ легко можетъ впасть въ возможность пройти всѣ степени нищеты,—начавъ возможнымъ для рабочаго комфортомъ и придя къ голодной смерти. Ни одинъ изъ нихъ не застрахованъ противъ этого несчастія!

III. Соперничество. — Лишніе люди.

Техническое выраженіе для опредѣленія этого порядка вещей и причины, почему рабочій долженъ былъ придти къ такому безвыходному положенію, есть конкурренція. Говоря просто, конкурренція есть война всѣхъ противъ всѣхъ. Это тотъ порядокъ вещей, при которомъ сильный одолѣваетъ слабаго, не имѣющаго силъ и средствъ съ нимъ бороться. Борьба эта—въ крайнемъ случаѣ даже борьба на жизнь и смерть—существуетъ не только между отдѣльными классами или сословіями общества, но и между отдѣльными членами: и рабочіе конкуррируютъ между собой, и буржуазія тоже. Въ этой-то конкурренціи рабочихъ между собой заключается самое страшное оружіе буржуазіи и причина безсилія рабочихъ. Вотъ почему наконецъ явилось между рабочими въ Западной Европѣ стремленіе къ ассоціаціямъ.

При теперешнемъ общемъ положеніи вещей рабочій совершенно безпомощенъ. Въ рукахъ буржуазіи не только монополія всего, всѣхъ средствъ существованія, но она еще и защищена правительственной властью и закономъ. Разумѣется, пролетарій имѣетъ средство бороться съ буржуазіей,—ему стоитъ только отказаться отъ работы. Но это средство невозможно въ практикѣ, хотя оно употреблялось, мѣстами, рабочими: отказываться отъ работы—значитъ идти на голодную смерть. Едва ли многіе согласятся на это. Въ крайнемъ случаѣ рабочій скорѣе откажется отъ комфорта, къ которому привыкъ, лишь бы сохранить свою жизнь; онъ помѣстится скорѣе въ стойлѣ, чѣмъ захочетъ быть совершенно безъ крова; онъ станетъ ходить въ лохмотьяхъ, будетъ ѣсть только картофель, лишь бы не ходить голымъ и не голодать. Этотъ-то minimum потребностей, на который можетъ опуститься рабочій, есть minimum его заработной платы. Но если и при крайнемъ паденіи цѣны рабочихъ налицо ихъ все таки больше, чѣмъ сколько могутъ найти себѣ занятіе, то лишніе должны, разумѣется, голодать. Буржуазія, когда продукты ихъ труда не можетъ продать съ выгодой, разумѣется, не даетъ имъ никакой работы.

Такимъ образомъ, minimum цѣны опредѣляется самими рабочими—ихъ конкурренціей между собой; maximum—опредѣляется буржуазіей. Увеличивая свой капиталъ торговлей и промышленностью, буржуазія употребляетъ для этого рабочаго. Онъ обрабатываетъ ей товары, которые она продаетъ съ выгодой. Такимъ образомъ, если запросъ на товары растетъ въ такой мѣрѣ, что всѣ рабочіе, конкуррирующіе между собой, находятъ себѣ занятіе,—а, пожалуй, число ихъ еще будетъ недостаточно,—то конкурренція между рабочими падаетъ, и начинаетъ конкуррировать уже буржуазія. Капиталистъ, ищущій рабочаго, знаетъ очень хорошо, что, если вслѣдствіе поднявшагося запроса поднимается цѣна и на рабочаго, и на товары, ему все-таки выгоднѣе заплатить дороже рабочему, чѣмъ вовсе отказаться отъ барыша. Онъ охотно жертвуетъ рабочему колбасой, если выигрываетъ окорокъ. Охотясь за рабочими и перебивая ихъ одинъ отъ другого, они поднимаютъ задѣльную плату, но только въ той степени, какъ это позволяетъ возрастающій запросъ на товары.

Кромѣ этого minimum'а и maximum'а, существуетъ еще такъ называемая средняя цѣна. Если ни рабочіе, ни капиталисты не имѣютъ причинъ особенно конкуррировать другъ съ другомъ, т. е. если имѣется именно столько рабочихъ, что для всѣхъ есть дѣло, чтобы заготовить товаровъ, сколько обыкновенно требуется, то цѣна поднимается нѣсколько выше minimum'а. Мѣра возвышенія ея опредѣляется вообще средними потребностями рабочихъ и степенью ихъ образованія и развитія. Если рабочій привыкъ ѣсть говядину два раза въ недѣлю, то капиталистъ долженъ дать ему такую плату, чтобы рабочій могъ имѣть эту пищу. Менѣе рабочіе не возьмутъ, потому что они не конкуррируютъ между собой, и больше этого опять имъ не дадутъ, потому что капиталистамъ нѣтъ причинъ особенно привлекать къ себѣ рабочихъ.

Средній размѣръ потребностей и цивилизаціи рабочихъ въ разныхъ слояхъ или отрасляхъ промышленности вышелъ чрезвычайно различный, вслѣдствіе весьма сложныхъ обстоятельствъ и условій настоящей промышленности. Многія изъ производствъ—можно сказать даже—большая часть изъ нихъ—требуютъ извѣстной ловкости, смышленности и правильности, и для такихъ производствъ, требующихъ и отъ рабочаго извѣстной степени образованія и развитія, средняя заработная плата

Библиотека Получивъ Москвы

должна быть такого размѣра, чтобы рабочій имѣлъ возможность усвоить себѣ эту ловкость и вообще тѣ качества, какія нужны, чтобы онъ овладѣлъ производствомъ. Вотъ почему средняя плата рабочимъ на фабрикахъ выше, чѣмъ такимъ же рабочимъ внѣ городовъ. Для городскихъ рабочихъ берется въ разсчетъ большая дороговизна содержанія въ городѣ противъ деревни.

Вообще говоря, рабочій—совершенный рабъ того, на кого онъ работаетъ,—рабъ въ такой степени, что онъ цѣнится и продается, какъ товаръ, и, какъ товаръ, поднимается и падаетъ въ цѣнѣ. Поднимается запросъ на рабочихъ,—поднимается и цѣна на нихъ; падаетъ запросъ,—падаетъ цѣна. Если же запросъ такъ малъ, что часть рабочихъ остается безъ дѣла, залежится, то и лежатъ они, какъ товаръ, безъ сбыта; и какъ однимъ лежаньемъ существовать невозможно, то имъ и нѣтъ другого выхода, кромѣ голодной смерти. И въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія. Это прямой, послѣдовательный выводъ изъ основного, существующаго въ настоящее время, экономическаго закона. Капиталъ долженъ обращаться, долженъ быть производительнымъ, и никто не употребитъ его, если не надѣется получить выгодъ. Вотъ почему фабрикантъ не станетъ платить ненужному для него рабочему, и если такой рабочій, по недостатку запроса на товары, не нуженъ ни одному фабриканту, никто не станетъ тратить на него своихъ денегъ, не станетъ употреблять своего капитала непроизводительно; такой рабочій и по системѣ Мальтуса, и по всѣмъ остальнымъ экономическимъ системамъ—«человѣкъ лишній»: ему нѣтъ дѣла на землѣ. Вся разница нынѣшняго фабричнаго рабства отъ рабства первыхъ вѣковъ заключается только въ томъ, что прежнее рабство было чистосердечнѣе, было открытѣе, честнѣе. Прежній рабъ и считался рабомъ, а нынѣшній рабочій считается человѣкомъ свободнымъ, по крайней мѣрѣ кажется такимъ, потому что продается не на всю жизнь, а на день, на недѣлю, на годъ; наконецъ потому, что продается не другими, а продаетъ самъ себя, и не одному лицу, а цѣлому сословію, всѣмъ, кто богаче его, всѣмъ капиталистамъ. Въ сущности дѣло отъ этого не измѣнилось, и если, съ одной стороны, рабочій пользуется такъ называемой свободой, то, съ другой стороны, никто и ничто не гарантируютъ его содержаніе. Его господа, т. е. лица, отъ которыхъ зависитъ его содержаніе, фабриканты, оттолкнутъ его отъ себя, какъ только они увидятъ, что его существованіе для нихъ безполезно,—не приноситъ никакой выгоды. Но если отъ перемѣны названій не измѣнилась сущность вещи для рабочаго, тѣмъ не менѣе для капиталистовъ новый порядокъ выгоднѣе прежнихъ отношеній господъ къ своимъ рабамъ; работа достается имъ теперь гораздо выгоднѣе, чѣмъ при прежнемъ обязательномъ трудѣ, и они избавились отъ необходимости заботиться о своихъ рабочихъ, когда тѣ, отъ старости или отъ болѣзни, уже не въ состояніи служить имъ.

При такомъ экономическомъ порядкѣ весьма естественно, что человѣкъ, лишившійся возможности работать или, при желаніи работать, не имѣющій работы,—будетъ «лишнимъ на землѣ». И, къ сожалѣнію, эти лишніе люди являются прежде всего отъ конкурренціи самихъ рабочихъ, которая каждаго изъ нихъ заставляетъ работать каждый день столько, сколько позволяютъ ему силы. А отъ этого выходитъ вотъ что. Напримѣръ, у фабриканта десять человѣкъ работаютъ въ день по девяти часовъ; но если они будутъ работать каждый по десяти часовъ, то десятый рабочій будетъ лишній. Если фабрикантъ принудитъ своихъ рабочихъ какимъ нибудь способомъ работать для него за ту же цѣну десять часовъ въ день, то онъ можетъ отпустить десятаго рабочаго и съэкономничаетъ на его платѣ. Этимъ путемъ въ цѣломъ промышленномъ населеніи какой нибудь страны создавались и создаются постоянно «лишніе люди». Эти лишніе уже стоятъ внѣ рынка, на которомъ на нихъ разсчитывали прежде, покупать имъ не на что, и предметы, которые назначались для нихъ, стоятъ внѣ запроса, и приготовлять ихъ нечего,—слѣдовательно, и рабочіе, занятые прежде приготовленіемъ этихъ вещей, должны лишиться своей работы, должны сдѣлаться также лишними. И это могло бы идти все дальше и дальше, еслибы другія обстоятельства не помогали бѣдѣ. Улучшеніе производствъ и возможное сокращеніе числа рабочихъ ведутъ къ возможности производить и продавать продукты дешевле. Дешевизна продуктовъ увеличиваетъ запросъ на нихъ,—а это вызываетъ новыя фабрики или новыя вѣтви промышленности. Такимъ образомъ лишніе люди находятъ себѣ опять помѣщеніе и хлѣбъ. Но если къ этому промышленность страны, какъ Англіи въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, развивается въ такой степени, что она завладѣваетъ и посторонними рынками, такъ что запросъ на мануфактурные товары все растетъ и растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ запросъ и на рабочихъ, то въ такой же степени, или даже еще и больше, возрастаетъ населеніе страны. Несмотря на постоянно развивающуюся промышленность и торговлю, при всемъ возрастающемъ запросѣ на рабочихъ, въ Англіи до сихъ поръ конкурренція между рабочими была вообще сильнѣе, чѣмъ конкурренція на рабочихъ, т. е. тамъ постоянно были и есть лишніе люди. Такой запасъ лишнихъ людей былъ до сихъ поръ очень выгоденъ для англійской индустріи; только онъ и давалъ возможность усиливать дѣятельность фабрикъ и мануфактуръ въ тѣ мѣсяцы, когда рынки бывали особенно оживлены, и являлся усиленный запросъ на товары.

Этотъ запасъ рабочихъ бываетъ болѣе или менѣе великъ, смотря по положенію рынка, т. е. по большему или меньшему запросу на товары. Во время промышленныхъ кризисовъ число лишнихъ людей доходитъ до громадной цифры; но и среднимъ числомъ, т. е. при обыкновенномъ состояніи промышленности, число ихъ постоянно довольно велико. Рабочій, сдѣлавшійся лишнимъ, имѣетъ еще разные способы существованія: онъ проситъ милостыню, мететъ улицы, собираетъ на улицахъ навозъ, перевозитъ, что ему случится, въ тачкахъ

или на плечахъ, или идетъ въ каменщики, или же, наконецъ, крадетъ. Но и тутъ даже начинаетъ его преслѣдовать горькая судьба: для метенія улицъ изобрѣтается машина, которая испортила уже заработокъ мельщиковъ, а собирать навозъ на многихъ дорогахъ запрещено потому, что управленіе дорогъ не можетъ въ такомъ случаѣ продавать собираемыя имъ съ дорогъ нечистоты для удобренія.

Большая часть лишнихъ людей пускается въ разносчики. Особенно въ субботу вечеромъ, когда рабочее населеніе на улицахъ, можно встрѣтить цѣлыя массы такихъ торговцевъ. Множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей предлагаютъ проходящимъ ремни, подтяжки, шнурки, апельсины, пироги, сургучъ и тому подобные предметы. Другіе, не попавшіе въ разносчики, ходятъ по улицамъ и ищутъ какой нибудь случайной работы. У воротъ всѣхъ лондонскихъ доковъ появляются каждый день, зимой съ разсвѣтомъ, сотни бѣдныхъ людей, въ надеждѣ на поденщину, и ждутъ, когда ворота будутъ отворены. И если болѣе молодые и сильные или знакомые будутъ наняты, остаются еще цѣлыя сотни несчастныхъ, которые, убитые обманутой надеждой, возвращаются печально въ свои бѣдныя жилища. Что остается этимъ несчастнымъ, если они не хотятъ или не рѣшаются на дурное? Только одно—просить милостыню; но и тутъ полиція объявила имъ войну.

Нищенство этихъ людей имѣетъ особенный характеръ. Мужъ съ женой и съ семействомъ поютъ на улицахъ унылыя пѣсни, или цѣлое семейство стоитъ молча на перекресткѣ болѣе оживленной улицы и молча глядитъ на проходящихъ печально, безпомощно. Замѣчательно, что эти несчастные разсчитываютъ больше всего на рабочихъ, на ихъ участіе. Рабочіе лучше, чѣмъ кто либо, понимаютъ ихъ положеніе: они знаютъ, какъ легко сдѣлаться лишнимъ, и помогаютъ имъ больше всѣхъ. Вотъ почему нищіе держатся рабочихъ улицъ и кварталовъ и появляются въ нихъ въ тѣ часы, когда должны проходить рабочіе.

Такъ дѣйствуютъ болѣе кроткіе изъ «лишнихъ», менѣе страстные; но кто рѣшается на открытую войну противъ общества, тотъ воруетъ, крадетъ, убиваетъ...

IV. Болѣзни.—Невѣжество.—Развратъ.

Классъ народа, принужденный жить при такихъ обстоятельствахъ и такъ худо снабженный всѣми жизненными потребностями, не можетъ быть здоровъ, не можетъ достигнуть высокой старости.

Ужъ одна централизація народа въ большихъ городахъ должна обнаруживать неблагопріятное вліяніе на здоровье. Атмосфера Лондона не можетъ быть такъ чиста и такъ богата кислородомъ, какъ сельскій воздухъ. Три милліона легкихъ и нѣсколько сотенъ тысячъ очаговъ и печей потребляютъ огромное количество кислорода, которое возстановляется съ трудомъ, потому что способъ городскихъ построекъ затрудняетъ вентиляцію. Газъ угольной кислоты, выдѣляемый столькими людьми и очагами, по своему относительному вѣсу, остается въ улицахъ еще въ значительномъ количествѣ, потому что вѣтеръ ходитъ свободно только выше этого слоя, по крышамъ домовъ. Вотъ почему жители большихъ городовъ, не получая полнаго количества кислорода, слабѣе сельскаго населенія, живущаго въ чистой, нормальной атмосферѣ, и вотъ почему они страдаютъ обыкновенно разными хроническими недугами. Если же атмосфера большихъ городовъ нездорова вообще, то насколько вредное вліяніе ея должно быть сильнѣе на рабочее населеніе, тѣсно набитое въ такихъ кварталахъ, въ которыхъ какъ бы нарочно соединено все, что можетъ отравить атмосферу?

Необходимое послѣдствіе дурной атмосферы и тѣхъ вредныхъ помѣщеній, какія достались на долю рабочихъ, составляютъ болѣзни легкихъ. Что дурная атмосфера Лондона, и особенно рабочихъ кварталовъ и улицъ, способствуетъ развитію чахотки, въ этомъ легко убѣждаетъ чахоточный видъ множества людей, которыхъ встрѣчаешь на улицахъ. Если идти утромъ рано, когда все отправляется на работу, то поражаешься числомъ полу или вполнѣ чахоточныхъ, которыхъ встрѣчаешь на улицахъ. Даже Манчестеръ уступаетъ въ этомъ отношеніи Лондону. Послѣ чахотки и другихъ легочныхъ болѣзней самая ужасная и опустошительная между рабочими болѣзнь — тифъ. Эти болѣзни, даже по оффиціальнымъ извѣстіямъ, прямо приписываются вліянію дурныхъ помѣщеній, т. е. дурной ихъ вентиляціи, сырости и нечистотѣ.

Каждый худо вентилированный дворъ, одна глухая улица безъ стоковъ, особенно если населеніе въ нихъ скучено, и органическія вещества разлагаются по близости, въ состояніи обнаружить начало лихорадки. Лихорадка эта имѣетъ почти всегда одинъ характеръ и почти во всѣхъ случаяхъ развивается въ тифъ. Особенно страшно дѣйствовалъ тифъ въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ въ годы нуждъ между рабочими, когда торговые и промышленные кризисы оставляли цѣлыя массы населеній почти безъ куска хлѣба. Докторъ Алисонъ, знакомый хорошо съ этимъ дѣломъ, утверждаетъ, что лишенія всякихъ родовъ и неполное удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей служатъ первой причиной заразы. Онъ утверждаетъ, что торговые или промышленные кризисы и неурожаи всегда вызывали сильный тифъ, и что почти вся тяжесть его падала на рабочіе классы. Другой рядъ болѣзней между рабочими имѣетъ непосредственной причиной дурное ихъ содержаніе. Пища, трудно переваримая для взрослыхъ рабочихъ, уже совершенно не идетъ для дѣтей; а между тѣмъ рабочіе лишены всѣхъ средствъ давать своимъ дѣтямъ пищу, соотвѣтственную ихъ возрасту. Къ этому присоединяется еще обычай давать дѣтямъ водку и даже опіумъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и при другихъ обстоятельствахъ, вообще не способствующихъ здоровому развитію дѣтей, они страдаютъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, оставляющимъ слѣды свои на всю жизнь. Почти всѣ рабочіе имѣютъ болѣе или менѣе слабый желудокъ, и однако же

должны оставаться на той самой пищѣ, которая послужила причиной ихъ болѣзни. Да и какъ имъ знать причину ихъ болѣзни? А еслибы они и знали это, то гдѣ средства перемѣнить питаніе? Для этого нужно измѣнить весь образъ жизни, измѣнить всѣ условія, т. е. перестать быть рабочимъ. А развѣ это для рабочаго возможно?

Разстройство пищеварительныхъ органовъ развиваетъ еще въ дѣтствѣ новыя болѣзни. Золотуха распространена между всѣми рабочими, и золотушные родители производятъ золотушныхъ дѣтей. Другая причина недостаточнаго питанія тѣла во время развитія—англійская болѣзнь, которая очень часто встрѣчается у дѣтей рабочихъ. Дѣти, обыкновенно полусытыя, какъ разъ въ то время, когда имъ нужнѣе всего хорошая питательная пища, должны быть непремѣнно слабыми, полубольными, золотушными. Такое развитіе дѣтей среди лишеній всякаго рода имѣетъ вліяніе на все поколѣніе рабочихъ, создаетъ слабыхъ, болѣзненныхъ людей цѣлыми массами. Къ этому нужно присоединить плохую одежду, не защищающую противъ простуды, наконецъ необходимость крѣпиться во время болѣзни до послѣдней степени, чтобы не лишиться заработка. Взявъ все это вмѣстѣ, не трудно представить себѣ, въ какомъ положеніи должно находиться здоровье рабочихъ Англіи.

Есть и еще причины, ослабляющія здоровье большей части рабочихъ, и изъ нихъ самая главная—пьянство. И въ этомъ меньше всего можно обвинять самого рабочаго. Все соединилось вмѣстѣ, чтобы заставить его пить. Вино для него—единственное утѣшеніе. Рабочій приходитъ домой совершенно измученный и убитый работой; онъ находитъ свой домъ лишеннымъ всякой домовитости, всякихъ удобствъ, сырой, грязный. Рабочему нужно подкрѣпиться; ему нужно что нибудь, что вознаградило бы его за труды, чтобы завтрашній день, день новаго безконечнаго труда, сдѣлать сноснымъ; ему нужно разогнать свою ипохондрію, свое дурное состояніе духа, которое должно быть въ немъ непремѣнно ужъ и потому, что его желудокъ слабъ и разстроенъ, не говоря про сознаніе своей зависимости отъ всякаго случая, невѣрность, шаткость его экономическаго положенія. Его ослабѣвшія силы и отъ слабаго тѣла, и отъ дурного воздуха, и отъ дурной пищи, и отъ напряженной работы требуютъ чего нибудь для ихъ подкрѣпленія. Домъ его не представляетъ ему никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; его духовныя потребности не удовлетворяются дома, и вотъ онъ идетъ въ кабакъ, гдѣ найдетъ и друзей, и знакомыхъ своихъ, да ему и идти больше некуда, если онъ хочетъ вздохнуть свободно, позабыть на время свою горькую долю. И отчего ему не идти въ кабакъ? Къ чему ему бороться противъ того, что, съ его точки зрѣнія, вовсе не зло? Напротивъ, его физическое и моральное положеніе должно необходимо вести его къ тому, чтобы находить утѣшеніе въ винѣ. Вся жизнь его сложилась такъ, что онъ долженъ пить,—и онъ пьетъ. Вотъ почему нельзя бросать камнемъ въ рабочаго за его страсть къ вину. Его пьянство слѣдуетъ разсматривать, какъ фактъ, отвѣтственность за который лежитъ не на рабочемъ, а на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заставили его искать утѣшенія въ винѣ.

Но здоровье рабочаго страдаетъ сильно отъ пьянства. Онъ становится еще слабѣе и физически, и морально, и всѣ болѣзни его — болѣзни легкихъ, желудка — поддерживаются и развиваются пьянствомъ.

Невозможность обращаться въ болѣзненныхъ случаяхъ къ хорошимъ врачамъ—тоже одна изъ причинъ физическихъ страданій рабочаго. Правда, что въ Англіи существуютъ больницы, какъ благотворительныя заведенія; но число ихъ всетаки недостаточно, чтобы всякій больной нашелъ въ нихъ себѣ помощь. Къ отдѣльнымъ врачамъ, внѣ больницъ, рабочимъ обращаться рѣшительно невозможно,—для этого нужны деньги; а гдѣ онѣ у рабочаго? И вотъ онъ идетъ ко всякимъ странствующимъ шарлатанамъ, продающимъ лекарства противъ всѣхъ болѣзней, и только вредитъ себѣ больше. Кромѣ этихъ шарлатанскихъ средствъ, продаются въ Англіи еще разныя патентованныя лекарства (patent medicines) противъ всевозможныхъ недуговъ — пилюли, эссенціи, бальзамы, съ разными громкими именами. Хотя эти лекарства заключаютъ въ себѣ рѣдко что нибудь вредное, но при постоянномъ или при сильномъ употребленіи они дѣйствуютъ разрушительно на организмъ. Энгельсъ разсказываетъ, что весьма нерѣдко приготовитель жизненныхъ пилюль, Паара, продаетъ ихъ въ недѣлю отъ 20 до 25.000 коробочекъ. Онѣ принимаются противъ всякихъ недуговъ: одинъ беретъ ихъ противъ золотухи, другой противъ лихорадки, третій противъ слабосилія. Какъ въ Германіи и у насъ простой народъ въ извѣстное время года пускаетъ себѣ кровь, такъ англійскій рабочій лечится патентованными лекарствами Одно изъ вреднѣйшихъ изъ этихъ патентованныхъ лекарствъ есть капли, извѣстныя въ продажѣ подъ названіемъ: Godfrey's Cordial. Опіаты, преимущественно лауданъ, составляютъ главную составную часть этого лекарства. Женщины, работающія на дому, даютъ обыкновенно эти капли дѣтямъ, чтобы они были спокойнѣе, а многіе даже думаютъ, что дѣти становятся отъ этого крѣпче. Обыкновенно леченіе это начинается съ первыхъ дней рожденія ребенка и усердно продолжается, пока дитя не умретъ. Чѣмъ нечувствительнѣе организмъ ребенка, тѣмъ большій пріемъ ему дается. И если Cordial уже не дѣйствуетъ, то даютъ даже чистый лауданъ, и нерѣдко отъ 15 до 20 капель сразу. Нисколько не удивительно, если при такомъ обращеніи съ дѣтьми большая часть изъ нихъ умираетъ, не достигнувъ двухъ лѣтъ, и если они имѣютъ обыкновенно увядшій видъ, блѣдны и слабы.

Слѣдствіе всѣхъ этихъ вліяній—общая физическая слабость рабочихъ. Рѣдко можно найти крѣпкихъ, хорошо сложенныхъ людей между рабочими на фабрикахъ, то есть между тѣми, которые работаютъ въ запертыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Всѣ они слабы, угловатаго, но некрѣпкаго, костляваго сложенія, худощавы, блѣдны и имѣютъ вялое тѣло,

за исключеніемъ только тѣхъ мускуловъ, которые развиты работой. Почти всѣ страдаютъ слабымъ пищевареніемъ, а отъ этого почти постоянно въ ипохондрическомъ настроеніи духа. Слабые тѣломъ, они не въ состояніи противостоять болѣзни.

Докторъ Голлендъ (Holland) представилъ (въ 1844 г.) цѣлый рядъ таблицъ о различной степени смертности въ разныхъ частяхъ Манчестера. Онъ дѣлитъ улицы и дома на три класса и выводитъ для нихъ слѣдующія цифры смертности:

Улицы	I	кл.;	дома	I	кл.;	смертность	1	изъ	51
	»	»	»	II	»	»	1	»	45
	»	»	»	III	»	»	1	»	36
Улицы	II	»	»	I	»	»	1	»	45
	»	»	»	II	»	»	1	»	38
	»	»	»	III	»	»	1	»	35
Улицы	III	»	»	I	»	»	—	»	—
	»	»	»	II	»	»	1	»	35
	»	»	»	III	»	»	1	»	25

Изъ многихъ другихъ таблицъ докторъ Голлендъ выводитъ, что смертность въ улицахъ II класса на 18% и III класса—на 68% больше, чѣмъ въ улицахъ перваго класса; что смертность въ домахъ II класса на 31% и III класса—на 78% больше, чѣмъ въ домахъ перваго класса, и что смертность въ дурныхъ улицахъ, которыя были исправлены, и въ которыхъ были улучшены помѣщенія для рабочихъ, уменьшилась на 25%. Въ Ливерпулѣ, въ 1840 году, средняя продолжительность жизни высшихъ классовъ составляла 35 лѣтъ, рабочихъ поденщиковъ и прислуги вообще—только 15 лѣтъ.

Цифры смертности между рабочими классами особенно велики отъ сильной смертности дѣтей. Дѣти вообще слабѣе противостоятъ всѣмъ вліяніямъ, дѣйствующимъ неблагопріятно на ихъ организмъ; а при отсутствіи ухода за ними смертность между ними особенно усиливается. И потому становится понятно, если по оффиціальнымъ отчетамъ оказывается, что изъ числа дѣтей рабочихъ умираетъ до пятилѣтняго возраста 57%, тогда какъ дѣтей того же возраста изъ высшаго сословія только 20%,—это въ Манчестерѣ; а въ селахъ изъ дѣтей всѣхъ сословій до пяти лѣтъ умираетъ менѣе 32%. Эпидеміи въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ дѣйствуютъ въ три раза убійственнѣе на дѣтей, чѣмъ въ селахъ; болѣзни нервной системы въ пять разъ сильнѣе, а желудка—вдвое, чѣмъ въ селахъ; а смертность отъ болѣзней легкихъ въ городахъ относится къ такой же смертности въ селахъ, какъ $2^1/_2$: 1.

Кромѣ этихъ болѣзней, какъ прямого слѣдствія несчастнаго положенія рабочихъ, есть еще много вліяній, увеличивающихъ смертность между дѣтьми. Во многихъ семействахъ рабочихъ и мужъ, и жена работаютъ внѣ дома, а дѣти на это время или запираются дома, или отдаются въ посторонній надзоръ. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, если сотни изъ нихъ умираютъ отъ несчастныхъ случаевъ. Нигдѣ не погибаетъ столько дѣтей отъ обжоговъ огнемъ и кипяткомъ, раздавленныхъ экипажами на улицахъ, какъ въ большихъ городахъ Англіи.

Въ моральномъ отношеніи положеніе рабочаго тоже не лучше. Средства для народнаго образованія, сравнительно съ размѣромъ населенія, въ Англіи весьма слабы. Воскресныя школы, учрежденныя для рабочихъ, не всѣми изъ нихъ посѣщаются и могутъ быть посѣщаемы, да и вообще дурны. Учителя въ нихъ—выслужившіеся рабочіе или другіе неспособные люди, дѣлающіеся учителями, чтобы существовать чѣмъ нибудь, — сами, по большей части, не имѣютъ элементарныхъ познаній и стоятъ внѣ общественнаго контроля. Школы же, учрежденныя разными религіозными сектами, которыхъ бездна въ Англіи, приносятъ пользы тоже не больше. Каждая секта старается учреждать свои школы съ однимъ, разумѣется, побужденіемъ, чтобы увеличить число своихъ членовъ. Онѣ счастливы, если имъ удается переманить ребенка изъ другой секты. Слѣдствія такого направленія отражаются, разумѣется, на воспитаніи: ребенка знакомятъ съ самыми безплодными для него и неинтересными сторонами религіи; ему набиваютъ голову непонятными для него теологическими опредѣленіями, развиваютъ въ немъ религіозную нетерпимость и фанатическое лицемѣріе; а на все, что касается дѣйствительнаго образованія, развитія способностей и нравственнаго воспитанія, обращено самое слабое вниманіе. Вотъ факты, взятые изъ оффиціальныхъ отчетовъ. Въ Бирмингамѣ, по испытанію комиссара Гренгера, оказалось, что дѣти вообще не имѣютъ никакихъ дѣйствительно полезныхъ для нихъ познаній, и хотя вездѣ дается только религіозное воспитаніе, но даже и въ немъ дѣти выказали огромное невѣжество. Въ Вольвергемтонѣ были слѣдующіе случаи. Дѣвочка 11 лѣтъ, посѣщавшая воскресную и недѣльную школу, ничего не слышала ни о другомъ мірѣ, ни о небѣ, ни о другой жизни. Другая, 17 лѣтъ, не знала — сколько дважды-два и сколько фертинговъ ($^1/_4$ пенни) въ 2 пенсахъ, даже и въ томъ случаѣ, когда ей клали деньги въ руки. Нѣкоторые мальчики не слышали никогда ни слова не только о Лондонѣ, даже о Веленгелѣ, хоть послѣдній лежитъ всего въ разстоянія одного часа отъ мѣста, гдѣ живутъ эти мальчики. Нѣкоторые не слышали ни слова ни о королевѣ, ни о такихъ именахъ, какъ Нельсонъ, Веллингтонъ и Бонапарте. Но замѣчательно, что тѣ самые, которые не слышали ничего о Моисеѣ, Соломонѣ, ап. Павлѣ, имѣли подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о жизни, дѣлахъ и характерѣ уличныхъ разбойниковъ и воровъ, какъ Дикъ Терпинъ и особенно Жакъ Шепардъ. Изъ отчета комиссара Горна оказывается то же самое, то есть, что дѣти, занимавшіяся четыре-пять лѣтъ религіозными догматами, не имѣютъ о нихъ ровно никакого понятія. Одно дитя, посѣщавшее постоянно въ теченіе пяти лѣтъ воскресную школу, не знало, кто такой былъ Іисусъ Христосъ, хоть слышало это имя. Другой, шесть лѣтъ посѣщавшій школу, зналъ, что Іисусъ Христосъ умеръ на крестѣ и пролилъ свою кровь, чтобы «спасти нашихъ спасителей», но никогда ничего не слышалъ объ ап. Петрѣ и Павлѣ. Въ Шеффильдѣ комиссаръ Симонъ заставилъ учениковъ

воскресной школы читать. Но они не понимали, что читали, не могли разсказать и не знали, кто такіе были апостолы. Комиссаръ переспросилъ всѣхъ учениковъ по очереди,—никто не зналъ.

Изъ всего этого не трудно замѣтить, что для образованія и воспитанія рабочихъ сдѣлано не слишкомъ много. Но обстоятельства, въ которыхъ живетъ рабочій, даютъ ему практическое образованіе такого рода, что вліяніе школьнаго ученія дѣлается совершенно безвреднымъ и становитъ рабочаго во главѣ національныхъ движеній страны. Нужда учитъ и думать, и дѣйствовать. Англійскій рабочій, едва умѣющій читать и писать, знаетъ очень хорошо, что составляетъ его личный интересъ и интересъ его страны. Онъ знаетъ болѣе,—онъ понимаетъ, въ чемъ заключается интересъ буржуазіи, и чего онъ въ состояніи ждать отъ нея. Если онъ не умѣетъ писать, за то онъ умѣетъ говорить публично, составлять сходы; если онъ не умѣетъ считать, зато онъ въ политико-экономическихъ вопросахъ умѣетъ столько сообразить, сколько ему нужно; если, несмотря на всѣ усилія своихъ духовныхъ учителей, ему не совсѣмъ ясны небесные вопросы, зато онъ умѣетъ понимать вопросы земные.

Моральное воспитаніе рабочаго въ школахъ стоитъ не выше его религіознаго воспитанія. А уроки дѣйствительной жизни не имѣютъ ничего общаго съ той условной моралью, какую хотѣлось бы буржуазіи воспитать въ рабочемъ. Все положеніе рабочаго, все окружающее его должно направлять и вести его къ деморализаціи. Онъ бѣденъ, жизнь не представляетъ для него ничего отраднаго, почти всѣ наслажденія жизни для него недоступны, законъ и наказаніе для него не страшны,—для чего онъ станетъ стѣснять себя въ своихъ желаніяхъ, къ чему онъ оставитъ богатымъ вполнѣ наслажденіе ихъ богатствами, вмѣсто того, чтобы и самому не принять въ этомъ нѣкотораго участія? И почему бы пролетарію не воровать? Для буржуазіи «святость собственности» имѣетъ смыслъ; она для нея понятна; но что святого въ этомъ для того, у кого нѣтъ никакой собственности? Для него святыня эта не имѣетъ смысла Деньги сдѣлались идоломъ настоящаго свѣта. И пролетарій понимаетъ и видитъ очень хорошо, какъ буржуазія пользуется его трудомъ, его деньгами. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, если пролетарій не уважаетъ этого идола буржуазіи, богатства. Симонъ замѣчаетъ справедливо, что бѣдность обнаруживаетъ такое же потрясающее вліяніе на духъ человѣка, какъ страсть къ пьянству на тѣло. Бѣдность не дѣлаетъ человѣка разборчивымъ на средства, да ему и выбирать много нечего: ему остается или умереть медленной, голодной смертью, или быстро лишить себя жизни, или присваивать себѣ то, въ чемъ онъ нуждается,—попросту воровать. Потому нечего удивляться, если многіе предпочитаютъ воровство голодной смерти или самоубійству. Разумѣется, и между рабочими пролетаріями найдется немало людей, настолько нравственныхъ, которые не рѣшатся на кражу даже и въ томъ случаѣ, когда находятся при послѣдней степени крайности. Зато имъ часто остается только или просить милостыню, или умереть. Самоубійство, бывшее до сихъ поръ привилегіей высшихъ классовъ Англіи, уже стало входить въ моду и между рабочими. Множество бѣдныхъ людей, лишившихся надежды выйти изъ своего безвыходнаго положенія, рѣшаются на самоубійство.

Еще большее деморализующее вліяніе, чѣмъ бѣдность, обнаруживаетъ на рабочаго неопредѣленность средствъ существованія, — необходимость проѣдать тотчасъ же то, что онъ заработалъ. Положеніе англійскаго и вообще европейскаго пролетарія, дѣйствительно, ужасно въ этомъ отношеніи. У пролетарія нѣтъ ничего, кромѣ рукъ, которыми онъ изо дня въ день добываетъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Онъ проѣдаетъ сегодня то, что заработалъ вчера; онъ зависитъ отъ всякихъ возможныхъ случайностей; онъ не имѣетъ ни малѣйшей гарантіи, при всѣхъ своихъ способностяхъ, въ прочности и постоянствѣ заработка: всякій кризисъ, всякое неудовольствіе хозяина могутъ лишить его куска хлѣба. Можно ли представить себѣ что нибудь ужаснѣе этого положенія? Онъ не можетъ даже разсчитывать на свои силы и способности. Копить? Но что онъ можетъ скопить? Нѣсколько шиллинговъ на какія нибудь двѣ недѣли? А тамъ— опять та же нищета. Прочной собственности онъ добыть себѣ не можетъ: для этого нужно перестать быть рабочимъ. И послѣ всего этого фабриканты и экономисты еще удивляются разнузданному образу жизни рабочихъ. Они удивляются, что рабочіе, получающіе хорошую плату, отличаются отъ болѣе бѣдныхъ болѣе широкимъ образомъ жизни. Да что же остается рабочему, получающему лучшую плату, какъ не жить лучше? И отчего ему не пользоваться возможными въ его положеніи наслажденіями? По его мнѣнію, это гораздо умнѣе, чѣмъ копить деньги, которыхъ и не накопить, и которыя такъ легко перейдутъ опять въ руки буржуазіи. Тѣмъ не менѣе все это развращаетъ рабочаго.

Но есть и еще причины деморализаціи рабочаго,—это вѣчное осужденіе на работу. Если свободная производительная дѣятельность составляетъ высшее наслажденіе человѣка, то въ той же степени ужасна и мучительна работа принужденная. Ничего нѣтъ убійственнѣе, какъ каждый день съ утра до вечера дѣлать то, чего не хочется. И чѣмъ развитѣе, сознательнѣе рабочій, тѣмъ мученье принудительнаго труда для него сильнѣе. Онъ хорошо понимаетъ безцѣльность своего труда для него самого. И для чего онъ работаетъ? Изъ охоты къ занятію? Разумѣется, нѣтъ. Онъ работаетъ изъ-за денегъ; онъ работаетъ потому, что онъ долженъ работать, и работаетъ къ этому еще такъ долго, такъ непрерывно однообразно, что ужъ по этому одному работа должна ему опротивѣть, если онъ только еще чувствуетъ по человѣчески. Раздѣленіе труда еще больше усилило принудительность труда: каждый рабочій долженъ успѣть сдѣлать свое дѣло, чтобы не заставить ждать другого, чтобы не остановить все производство. Во многихъ производствахъ дѣятельность рабочаго ограничена самыми мелкими механическими манипуляціями, повторяющимися

каждую минуту и остающимися изъ года въ годъ тѣми же. Кто съ дѣтства каждый день въ теченіе двѣнадцати часовъ дѣлалъ только булавочныя головки или выпиливалъ гребенчатыя колеса,—сколько къ тридцати годамъ спасетъ онъ въ себѣ человѣческихъ чувствъ и способностей? А это-то именно и явилось съ машинами и паромъ. Трудъ рабочаго сталъ легокъ, напряженіе мускуловъ весьма слабо, работа вообще незначительна, но зато однообразна и монотонна въ высшей степени. Она лишаетъ его всякой возможности умственной дѣятельности и требуетъ столько вниманія, что если онъ захочетъ хорошо выполнить свое дѣло, онъ ужъ ни о чемъ больше не смѣетъ думать. И человѣкъ, осужденный вѣчно на такую дѣятельность, не имѣющій впереди ничего, кромѣ какъ быть вѣчнымъ работникомъ и пролетаріемъ, служить другимъ; человѣкъ, не имѣющій для самого себя ни секунды времени, не имѣющій права дышать свѣжимъ воздухомъ, наслаждаться природой, пить, ѣсть и спать по человѣчески, — можетъ ли наконецъ не превратиться въ полузвѣря? Вотъ почему рабочій долженъ былъ выйти и вышелъ другимъ человѣкомъ. Вотъ почему онъ и говоритъ другимъ языкомъ, имѣетъ и другія понятія, другіе нравы и обычаи, наконецъ другую политику, чѣмъ буржуазія. Несмотря, однако, на всю тяжесть положенія рабочихъ, въ нихъ больше гуманности, чѣмъ въ буржуа. Они лучше понимаютъ, что значитъ быть бѣднымъ и несчастнымъ, потому что почти всѣ сами бѣдны и несчастны. Для нихъ каждый человѣкъ есть человѣкъ, тогда какъ для буржуазіи рабочій не есть человѣкъ,—онъ рабочій. Въ рабочемъ гораздо больше обходительности, дружественности, и хотъ онъ нуждается въ деньгахъ больше, чѣмъ буржуа, тѣмъ не менѣе онъ не даетъ такой цѣны деньгамъ. Для него деньги дѣйствительный мѣновой знакъ, тогда какъ для буржуа — это кумиръ, идолъ, которому онъ поклоняется; онъ дѣлаетъ все, лишь бы добыть деньги; цѣль жизни его—ковать деньгу. Въ этомъ заключается причина, почему рабочій въ бо́льшихъ случаяхъ независимѣе и смотритъ на вещи вѣрнѣе и прямѣе, чѣмъ буржуа; онъ независимѣе во мнѣніяхъ; въ немъ нѣтъ предубѣжденій и условныхъ понятій, какія еще на школьныхъ скамейкахъ вбиваются въ головы буржуазіи, которая свой консерватизмъ старается скрывать подъ маской либерализма. Въ рабочемъ сидитъ та сила практическаго пониманія вещей, которую называютъ у насъ здравымъ смысломъ, и чѣмъ не особенно богата буржуазія.

Это хорошія стороны рабочаго. О дурныхъ мы уже говорили. Его упрекаютъ въ пьянствѣ, безпорядочности, любострастіи, грубости и въ недостаткѣ уваженія къ собственности. Все это справедливо; но развѣ это можетъ быть иначе? Алисонъ говоритъ, что въ Гласгоу каждую субботу бываютъ пьяны 30.000 рабочихъ. Да и что тутъ мудренаго, когда на десять домовъ приходится одинъ кабакъ. Учрежденіе пивныхъ лавокъ, въ которыхъ можно пить, распространило еще болѣе пьянство. Въ каждой улицѣ можно найти такую пивную. А сколько еще тайныхъ продажъ вина и пива! Кто видѣлъ Англію и пьянство тамошняго рабочаго, тотъ повѣритъ лорду Ашли, что народъ тратитъ ежегодно на спиртные напитки 25.000.000 фунтовъ стерлинговъ (175 м. руб.).

Рядомъ съ разнузданностью въ употребленіи спиртныхъ напитковъ стоитъ разнузданность въ половыхъ отношеніяхъ, составляющая одинъ изъ главныхъ недостатковъ англійскаго рабочаго. Но и этотъ недостатокъ составляетъ такое же слѣдствіе обстоятельствъ, въ которыхъ находится рабочій, какъ и его пьянство. Вѣдь у него только и есть эти два удовольствія, и онъ накидывается на нихъ со всей силой страсти, вызванной горечью его положенія. Впрочемъ, справедливо ли винить въ этомъ одного рабочаго? А сколько спиртныхъ напитковъ пьетъ буржуазія? Насколько она способствуетъ разврату? Сколько изъ этихъ 40.000 дѣвъ, являющихся каждый вечеръ на улицахъ Лондона, живутъ на счетъ добродѣтельной буржуазіи? Сколько изъ нихъ обязаны именно буржуазіи, что онѣ начали торговать собой? Еслибы рабочій былъ еще въ десять разъ хуже того, что онъ есть,—онъ и тогда былъ бы еще хорошъ сравнительно съ тѣми обстоятельствами, которыя ведутъ его къ разврату. Лишенный всякаго образованія, предоставленный самому себѣ, неувѣренный въ своемъ завтрашнемъ днѣ, измученный лишеніями всякаго рода, отравленный гнилымъ воздухомъ и гнилой пищей, несущій на себѣ одинъ всѣ тяжести настоящаго общественнаго порядка,—что будетъ онъ дѣлать? Уважать этотъ порядокъ? Гнаться за условною нравственностью буржуазіи изъ-за того только, чтобы понравиться ей? Ужъ не много ли это? Рабочій, съ своей точки зрѣнія, правъ, если онъ пьетъ и развратничаетъ: поставьте его въ другое положеніе, и онъ перестанетъ.

V. Честность фабрикантовъ.

Толчокъ, данный новѣйшей промышленности, и ея разъѣдающее вліяніе на весь прежній экономическій бытъ рабочаго населенія, не остановился на первыхъ изобрѣтеніяхъ: каждый годъ приносилъ и приноситъ постоянно что нибудь новое. Почти всѣ ручныя работы смѣнились машинами; живая сила человѣка уступила почти вездѣ свое мѣсто пару и водѣ.

Этотъ новый порядокъ при другомъ общественномъ строѣ былъ бы, разумѣется, вполнѣ отраднымъ явленіемъ; онъ и долженъ привести къ чему нибудь хорошему; но пока мы еще дождемся этого отдаленнаго будущаго, всѣ новыя улучшенія въ производствахъ, рядомъ съ небольшимъ добромъ, влекутъ за собой гораздо большее зло. Каждое улучшеніе въ машинномъ производствѣ лишаетъ рабочаго хлѣба, и чѣмъ улучшеніе значительнѣе, тѣмъ большее число «лишнихъ людей» создаетъ оно. Особенно поразительные примѣры въ этомъ отношеніи представляетъ прядильное производство. Джемсъ Личъ, извѣстный предводитель чартистовъ, бывшій самъ работникомъ и въ каменноугольныхъ копяхъ, и на

разныхъ фабрикахъ, приводитъ слѣдующіе примѣры, собранные имъ лично отъ рабочихъ. Въ 1829 году на 35 фабрикахъ было на 1.060 прядильщиковъ болѣе, чѣмъ въ 1841 году, а между тѣмъ число веретенъ на этихъ 35 фабрикахъ увеличилось на 99.239. Въ то время, какъ число веретенъ увеличилось на 10%, число прядильщиковъ убавилось на 60%. Съ 1841 года сдѣлано было опять такъ много улучшеній, что на этихъ фабрикахъ распущена половина рабочихъ. На одной фабрикѣ, гдѣ работало 80 человѣкъ, въ короткое время осталось только 20. Въ Стёкпортѣ, гдѣ въ 1835 году было 800 прядильщиковъ, въ 1843 году осталось только 140. Въ кардной машинѣ сдѣланы были тоже такія улучшенія, что половина рабочихъ осталась безъ хлѣба. То же самое случилось и съ ткацкимъ производствомъ. Механическій станокъ убилъ ручное производство въ бумажныхъ, полотняныхъ, шерстяныхъ и даже шелковыхъ фабрикахъ.

Совершенно справедливо, что улучшенія въ производствахъ понизили цѣны на товары, а дешевизна на нихъ увеличила ихъ потребленіе, такъ что вызвала учрежденіе новыхъ фабрикъ, и заштатные рабочіе нашли себѣ новое помѣщеніе. Въ теоріи все это выходитъ весьма хорошо; но теорія забываетъ, что пройдутъ годы, пока выстроятся новыя фабрики; она умалчиваетъ, что упрощеніе въ производствахъ дѣлаетъ все менѣе и менѣе нужными мужчинъ, и что они замѣняются дѣтьми; что мужчины становятся все болѣе и болѣе лишними; что съ этими улучшеніями падаютъ цѣлыя вѣтви прежнихъ производствъ, и что рабочему нужно учиться вновь. Но есть ли человѣку время учиться или ждать учрежденія новыхъ фабрикъ, когда онъ живетъ изо дня въ день? Чѣмъ ему существовать это время?

Кромѣ этого зла, улучшенныя машины уронили задѣльную плату рабочихъ. Фабриканты не хотятъ сознаться въ этомъ,—они говорятъ, что поштучная плата, точно, упала, но заработокъ въ цѣломъ сдѣлался выше. Но это неправда, потому что рабочіе работаютъ обыкновенно поштучно, а между тѣмъ извѣстно, что недѣльная плата во многихъ производствахъ понизилась. Такъ называемые тонкіе прядильщики получаютъ хорошую плату, отъ 30—40 шилл. въ недѣлю, потому что они составляютъ крѣпкую ассоціацію; но зато прядильщики толстыхъ нитей получаютъ весьма низкую плату, и Личъ говоритъ, что на многихъ фабрикахъ они получаютъ по $16^1/_2$ шиллинговъ въ недѣлю, и что прядильщикъ, зарабатывавшій прежде 30 шилл., добываетъ теперь только $12^1/_2$ шилл. Плата женщинамъ и дѣтямъ упала менѣе только потому, что они и прежде получали немного. Что улучшенія въ машинахъ уронили плату рабочимъ—это говорятъ единогласно всѣ рабочіе. Разумѣется, фабриканты говорятъ другое: они увѣряютъ, что положеніе рабочихъ улучшилось, хотя рабочіе и не хотятъ соглашаться съ этимъ.

Самое тяжелое положеніе тѣхъ рабочихъ, которымъ приходится конкуррировать съ машиной, только что пробивающей себѣ дорогу. Цѣна этимъ рабочимъ опредѣляется цѣной машиннаго издѣлія; и какъ машина работаетъ дешевле, то конкуррирующій рабочій получитъ, разумѣется, самую дурную плату. Это случается и со всякимъ рабочимъ, работающимъ на старой машинѣ и обязаннымъ конкуррировать съ машиной новой. Оно и понятно: кому же нести убытки, какъ не рабочему? Въ одинаково дурномъ положеніи съ этими рабочими находятся бумажные ручные ткачи. Они получаютъ самую низкую плату и не въ состояніи заработать болѣе 10 шиллинговъ въ недѣлю.

Создавъ множество лишнихъ людей, т. е. лишивъ многихъ рабочихъ куска хлѣба, понизивъ у остальныхъ задѣльную плату, машины и фабричная система, кромѣ того, поставили ихъ въ полнѣйшую зависимость. Нынѣшній рабочій и по праву, и фактически полный рабъ своего фабриканта. Рабочій, утромъ, въ половинѣ шестого, долженъ быть на фабрикѣ. Придетъ онъ двумя минутами позже—съ него возьмутъ штрафъ; опоздаетъ десятью минутами—его совсѣмъ не пустятъ на фабрику до завтрака и вычтутъ четверть изъ поденной платы, несмотря на то, что онъ изъ 12 только $2^1/_2$ часа не будетъ работать. Онъ долженъ ѣсть, пить и спать по командѣ. Для удовлетворенія самыхъ необходимѣйшихъ потребностей онъ имѣетъ столько времени, сколько едва-едва нужно для этого. Близко ли, далеко ли его квартира отъ фабрики, фабрикантъ объ этомъ не заботится; деспотическій колоколъ вырываетъ его изъ постели, отрываетъ отъ завтрака, отъ обѣда. На фабрикѣ же хозяинъ есть полный, безусловный повелитель и законодатель. Онъ издаетъ постановленія, какія ему вздумается, дѣлаетъ въ своемъ кодексѣ измѣненія и дополненія, какія захочетъ. Какой бы вздоръ онъ ни выдумалъ, судъ будетъ на его сторонѣ и, въ случаѣ жалобы, скажетъ рабочимъ: «Вы—господа самихъ себя,—вамъ не слѣдовало заключать такой контрактъ; а теперь, когда вы добровольно подчинились этимъ условіямъ, вы должны ихъ выполнить». А каковы обыкновенно эти условія! Вотъ образчикъ, приводимый Энгельсомъ: 1) Двери фабрики запираются десять минутъ спустя послѣ начала работы, и никто до завтрака не будетъ впущенъ. Кто въ теченіе этого времени не будетъ на работѣ, подвергается штрафу въ 3 пенса съ каждаго ткацкаго станка. 2) Каждый ткачъ, который въ теченіе остального времени, когда машина въ движеніи, не будетъ за своимъ дѣломъ, подвергается штрафу въ 3 пенса за каждый часъ и за каждый станъ, находящійся у него подъ надзоромъ. Кто въ рабочее время оставитъ свою комнату безъ позволенія смотрителя, тотъ подвергается также штрафу въ 3 пенса. 3) Ткачъ, не имѣющій при себѣ ножницъ, платитъ за каждый день 1 пенни. 4) За челноки, щетки, маслянки, колеса, окна, которыя будутъ сломаны или разбиты, должно быть заплачено рабочимъ, который это сдѣлалъ. 5) Ни одинъ ткачъ не можетъ оставить службу, не предувѣдомивъ о томъ за недѣлю. Фабрикантъ же за дурную работу или за непорядочное поведеніе можетъ уволить рабочаго, не предувѣдомляя его объ этомъ. 6) Каждый рабочій, котораго найдутъ, что онъ съ другимъ разговариваетъ, поетъ

или свищетъ, подвергается штрафу въ 6 пенсовъ.

Бываютъ условія и еще хуже. Напримѣръ, если рабочій опоздаетъ на три минуты, то изъ его платы вычитаютъ за четверть часа, а если на 20 минутъ, то за полдня. Можетъ быть, всѣ эти строгости такъ и нужны, чтобъ не нарушить стройнаго хода фабрики; можетъ быть, дисциплина здѣсь также нужна, какъ и въ арміи,—все это, можетъ быть, весьма справедливо. Но только мы говоримъ не объ этомъ: мы заявляемъ факты, которыми подкрѣпляемъ то положеніе, что рабочій есть рабъ своего хозяина, и рабъ на всю жизнь. Рабочій служитъ весь свой вѣкъ; онъ начинаетъ службу на фабрикѣ съ девяти лѣтъ и до старости или до смерти живетъ подъ нравственнымъ и матеріальнымъ бичомъ своего хозяина. А старость? Старость рабочаго есть старость искусственная, созданная фабричнымъ трудомъ, всякими лишеніями. Многіе рабочіе въ сорокъ лѣтъ уже неспособны работать на фабрикѣ, нѣкоторые держатся до сорока пяти и почти никто до пятидесяти лѣтъ. Изъ 1.600 рабочихъ, на фабрикахъ въ Герпёрѣ и Ленаркѣ, только 10 были старше 45 лѣтъ. Изъ 22.094 рабочихъ на разныхъ фабрикахъ въ Стёкпортѣ и Манчестерѣ только 143 были старше 45 лѣтъ. Изъ этихъ 143—16 были удержаны изъ особенной милости фабриканта, а одинъ выполнялъ дѣтскую работу. Изъ 50 прядильщиковъ, уволенныхъ въ Бостонѣ, только двое были старше 50 лѣтъ, а остальные, большею частью, не имѣли и сорока лѣтъ, а между тѣмъ всѣ были отставлены за старостью. Эшвортъ, одинъ богатый фабрикантъ, въ письмѣ къ лорду Ашли, говоритъ, что къ сорока годамъ прядильщикъ уже не въ состояніи приготовить надлежащее количество пряжи, и оттого ихъ «иногда» отставляютъ. Этихъ сорокалѣтнихъ людей онъ называетъ «старыми». То же самое подтверждаетъ въ своемъ отчетѣ комиссаръ Мекинтошъ. «Хотя способомъ работы, которою занимаютъ дѣтей, я и былъ уже приготовленъ,—говоритъ Мекинтошъ,—тѣмъ не менѣе съ трудомъ вѣрилось показаніямъ рабочихъ объ ихъ лѣтахъ,—такъ рано старѣются эти люди».

Рядомъ съ этимъ зломъ, составляющимъ прямое слѣдствіе фабричной системы, есть еще бездна злоупотребленій. Надобно удивляться, съ какимъ хладнокровіемъ и безсердечіемъ фабриканты подвергаютъ рабочихъ денежнымъ штрафамъ. Личъ утверждаетъ, что часто рабочіе, опоздавшіе на четверть часа, стоятъ толпой передъ запертыми дверьми фабрики въ то время, какъ писарь обходитъ со штрафной книгой комнаты и записываетъ имена опоздавшихъ. Личъ самъ насчиталъ разъ 95 такихъ запоздавшихъ рабочихъ, стоявшихъ передъ дверьми фабрики, на которой часы вечеромъ были на четверть часа назадъ, а утромъ—на четверть часа впередъ противъ городскихъ часовъ. И такія злоупотребленія бывали нерѣдко. На одной фабрикѣ часы во время работы ставились назадъ, такъ что рабочіе работали больше своего времени, а между тѣмъ плата имъ не прибавлялась. На другой было двое часовъ: одни обыкновенные, другіе машинные, показывавшіе обороты машиннаго колеса. Если машина шла тише, то работали по машиннымъ часамъ, пока не выходило полное число оборотовъ для двѣнадцати часовъ; но если работа шла хорошо, и полное число оборотовъ выходило ранѣе, то рабочіе всетаки не распускались ранѣе 12 часовъ работы.

Относительно денежныхъ штрафовъ Личъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ женщины на послѣднихъ порахъ беременности, которыя садились на одно мгновеніе, чтобы нѣсколько отдохнуть, подвергались за это штрафу въ полшиллинга. Штрафы же за дурную работу назначаются совершенно произвольно. Товары разсматриваются въ складѣ, и тутъ смотритель назначаетъ штрафы, не призывая и даже не спрашивая рабочихъ. Рабочій только при полученіи платы узнаетъ, что на него наложенъ штрафъ.

Чтобы ухудшить еще болѣе положеніе рабочихъ, фабриканты, изъ жадности къ деньгамъ, придумали платить рабочимъ натурой и систему котеджей.

Плата натурой за работу существовала прежде въ Англіи почти повсемѣстно. «Для удобства рабочихъ и чтобы защитить ихъ отъ дорогихъ цѣнъ мелочныхъ лавочниковъ», фабриканты устраивали лавки, въ которыхъ продавались всевозможные товары. Рабочій бралъ товары изъ лавки, и они шли ему въ счетъ платы за работу. Общее неудовольствіе на эту систему вызвало въ 1831 году законъ, по которому плата натурой запрещена и обложена штрафомъ. Но этотъ законъ, какъ и всѣ законы Англіи, только мѣстами получилъ фактическую силу. Въ городахъ этой системы уже нѣтъ, но въ селахъ она еще существуетъ и мѣстами даже процвѣтаетъ болѣе или менѣе косвенно.

Котеджная система смотритъ болѣе невинно. Въ селахъ, вблизи фабрикъ, обыкновенно нѣтъ помѣщеній для рабочихъ, и фабрикантъ часто бываетъ принужденъ ихъ выстроить. Онъ дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что капиталъ, положенный на постройки, приноситъ хорошую выгоду. Если обыкновенные владѣльцы котеджей имѣютъ съ нихъ 6% прибыли, то можно смѣло положить, что фабрикантъ получитъ съ своего котеджа вдвое, потому что если его фабрика работаетъ постоянно, то у него есть и постоянные жильцы, и жильцы такого рода, которые платятъ вѣрно. Этой увѣренности не могутъ имѣть обыкновенные владѣльцы, и, слѣдовательно, если ихъ доходъ при рискѣ простоя и невѣрнаго платежа составляетъ 6%, то очевидно, что фабрикантъ имѣетъ отъ 12 до 14 процентовъ. Такую систему, разумѣется, нельзя назвать честной, потому что лишніе 6% берутся прямо изъ кармана рабочихъ. Но она становится еще хуже, когда фабриканты силой заставляютъ рабочихъ жить въ ихъ котеджахъ, когда они только на этомъ условіи берутъ ихъ къ себѣ на фабрику; а еще хуже, когда они заставляютъ рабочихъ платить за котеджи, въ которыхъ тѣ не живутъ.

Котеджная система вызвала цѣлыя мѣстечки, и какъ большая часть фабрикантовъ не встрѣчаютъ вовсе конкурренціи, или конкурренцію весьма слабую, то имъ нѣтъ никакой необходимости измѣнять

цѣну, смотря по запросу, и они назначаютъ то, что имъ вздумается. А какую силу придаетъ эта система фабрикантамъ! Вздумаютъ рабочіе отказаться отъ работы, имъ дается сроку одна недѣля, и затѣмъ у нихъ нѣтъ не только хлѣба,—у нихъ нѣтъ крова, они дѣлаются вдругъ бродягами. Отказъ фабриканта отъ работы ведетъ къ тому же.

VI. Женщины и дѣти.

Мы замѣтили разъ мимоходомъ, что мужчины становятся при фабричныхъ производствахъ все менѣе и менѣе нужными. Какъ же все это могло случиться, въ чемъ причина этого явленія? Возьмемъ прядильное и ткацкое производства. При машинной работѣ весь трудъ заключается преимущественно въ связываніи порвавшихся нитей; все остальное дѣлаетъ машина. Связываніе нитей требуетъ не силы, но гибкости и ловкости пальцевъ. Мужчины, разумѣется, для этого менѣе способны, чѣмъ женщины и дѣти,—вотъ причина, чтобы замѣнить ихъ женщинами и дѣтьми. Чѣмъ болѣе руки и сила мускуловъ замѣняются машинами, дѣйствующими паромъ и водой, тѣмъ менѣе предстоитъ занятій мужчинамъ. А кромѣ большихъ способностей для такого рода занятій, работа женщинъ и дѣтей цѣнится дешевле, и потому, разумѣется, на нихъ является запроса больше, а на мужчинъ меньше. Въ прядильнѣ находятся только женщины и дѣвочки, иногда молодые мужчины, отъ 18 до 20 лѣтъ. На механическомъ ткацкомъ станкѣ работаютъ обыкновенно 15—20-лѣтнія женщины, отчасти и мужчины; но они не остаются при этомъ занятіи болѣе 21 года. Кромѣ этихъ, собственно работающихъ лицъ, находятся еще дѣти для разбора и устанавливанія шпуль и взрослые мужчины для надзора за комнатами и фабричными строеніями: механикъ, машинистъ при машинѣ, столяръ, швейцаръ. Работа же собственно производится женщинами и дѣтьми. Вотъ цифры, которыя приводилъ лордъ Ашли въ 1884 году въ палатѣ, по поводу вопроса о числѣ часовъ рабочаго времени. Изъ 419.560 фабричныхъ рабочихъ 192.387 были моложе 18 лѣтъ, 242.296 женщинъ, изъ которыхъ 112.192 моложе 18 лѣтъ, такъ что, значитъ, взрослыхъ мужчинъ, т. е. старше 18 лѣтъ, было 96,569 или 23%—менѣе четверти всего числа! На бумажныхъ фабрикахъ находилось 56¼, на шерстяныхъ 69½, шелковыхъ 70½, льняной пряжи 70½% всего числа рабочихъ-женщинъ.

Что же выходитъ изъ этого? Слѣдствіе весьма простое: мужчины и женщины мѣняются ролями. Прежде всего работа женщинъ разстраиваетъ домашній бытъ. Если мать семейства проводитъ на фабрикѣ каждый день отъ 12 до 13 часовъ, и столько же часовъ нѣтъ дома мужа, который или на той же фабрикѣ, или работаетъ въ другомъ мѣстѣ,—что можетъ выйти при этихъ условіяхъ изъ дѣтей? Они или растутъ дико, какъ дикая трава, или же за шиллингъ въ недѣлю ихъ отдаютъ на сбереженіе какой нибудь старухѣ, и та медленно отравляетъ ихъ патентованнымъ лекарствомъ. Но вѣдь для дѣтей есть пріюты, есть школы? Да, есть. Но объ нихъ послѣ. Отсутствіе надзора за дѣтьми въ рабочихъ округахъ влечетъ за собой бездну несчастныхъ случаевъ и, разумѣется, возвышаетъ смертность между дѣтьми.

Женщина нерѣдко на третій, четвертый день послѣ родовъ отправляется на фабрику, оставляя своего грудного младенца, разумѣется, дома. Въ свободное отъ занятій время она должна бѣжать торопливо домой, чтобы покормить своего ребенка и перекусить самой чего нибудь. Какой тутъ надзоръ за ребенкомъ, какое кормленіе, когда у матери, обыкновенно и такъ истомленной, половина молока выбѣгаетъ изъ грудей во время работы! Лордъ Ашли приводитъ нѣсколько очень неутѣшительныхъ примѣровъ изъ собственныхъ показаній рабочихъ: «М. Н., двадцати лѣтъ, имѣетъ двухъ дѣтей: младшій—грудной; старшій отдается подъ надзоръ; она уходитъ на фабрику послѣ 5 часовъ утра и возвращается домой въ 8 часовъ вечера. Въ теченіе дня молоко идетъ у нея изъ грудей и течетъ черезъ платье». «Н. W. имѣетъ трехъ дѣтей; уходитъ изъ дому въ понедѣльникъ въ пять часовъ утра и возвращается домой въ субботу вечеромъ въ семь часовъ. Дома ждетъ ее столько дѣла для дѣтей, что она не можетъ лечь въ постель ранѣе трехъ часовъ ночи. Нерѣдко, промоченная дождемъ насквозь, она должна работать въ этомъ положеніи».

Цѣлость семьи важна потому, что весь существующій общественный строй держится на семейномъ началѣ. Къ чему тогда проповѣдывать семью? Къ чему поддерживать ее всѣми законами и учрежденіями, когда въ то же время разрушаютъ ее экономическимъ путемъ? И кто же разрушаетъ? Тотъ же самый законъ и тѣ же учрежденія, которыя закрѣпляютъ отношенія рабочихъ къ нерабочимъ. Развѣ такое противорѣчіе можетъ существовать долго? Или поддерживать тотъ или другой порядокъ? И ужъ, разумѣется, лучше поддерживать семью, чѣмъ ея разореніе, и плодить нищенство рабочаго сословія. При нынѣшнемъ же порядкѣ мать не имѣетъ никакой возможности быть настоящею матерью; она не можетъ ходить за своими дѣтьми, она не можетъ ихъ кормить, какъ слѣдуетъ, она даже отвыкаетъ отъ нихъ и не только становится къ нимъ равнодушна,—она тяготится ими: дѣти для нея—бремя. Дѣти же, выросшія при такихъ условіяхъ, еще больше способствуютъ разрыву семьи. Они не могутъ чувствовать никакого влеченія къ семейной жизни; она чужда имъ, потому что они выросли внѣ семьи. Это вліяніе дѣтей на разрывъ семьи усиливается еще болѣе работой дѣтей на фабрикахъ. Если они зарабатываютъ болѣе, чѣмъ стоитъ ихъ содержаніе, то они платятъ своимъ родителямъ только то, что они имъ стоятъ; остальное тратятъ, куда имъ вздумается. Однимъ словомъ, дѣти эмансипируются и смотрятъ на родительскій домъ, какъ на трактиръ: если онъ имъ не нравится, они его мѣняютъ.

Есть случаи, и ихъ немало, когда семья хоть и не разрушается, но становится навыворотъ: жена дѣлается главой семьи, работаетъ, содержитъ всѣхъ, а мужъ сидитъ дома, нянчитъ дѣтей, мететъ комнаты и стряпаетъ. Случаи эти такъ часты, что въ одномъ Манчестерѣ наберется ихъ нѣсколько сотенъ. Въ 412 фабрикахъ въ Ланкаширѣ, — говоритъ Энгельсъ, — работало женщинъ 10.721; ихъ мужей, тоже фабричныхъ рабочихъ, считалось 5.314; 3.927 имѣли другія занятія; 821 были безъ работъ и жили трудами своихъ женъ; о 659 нѣтъ свѣдѣній. И это—послѣднее слово европейской цивилизаціи, и это экономическій порядокъ, возведенный въ законъ теоретиками! Есть чѣмъ гордиться, чему завидовать и чему учиться!

Незамужнимъ женщинамъ, выросшимъ на фабрикахъ, тоже не лучше. Понятно, что дѣвушка, работавшая на фабрикѣ съ 10—12 лѣтъ и выросшая тамъ, не имѣла никакой возможности познакомиться съ домашнимъ хозяйствомъ; отъ этого фабричныя работницы совершенно чужды домовитости, онѣ совершенно не знаютъ обязанностей хозяйки, онѣ не умѣютъ ни шить, ни вязать, ни стряпать, ни мыть; а какъ обращаться съ дѣтьми — это совершенно имъ чуждо. Одинъ изъ комиссаровъ правительства, удостовѣряющихъ подлинность приводимыхъ нами фактовъ, заключаетъ свой рапортъ желаніемъ и надеждой, что должно наступить наконецъ время, когда замужнія женщины не будутъ уже принуждены работать на фабрикахъ.

Но это еще не все о женщинахъ. Моральное вліяніе фабричныхъ работъ на женщинъ еще хуже. Соединеніе обоихъ половъ и всякихъ возрастовъ въ одной рабочей комнатѣ и вообще скучиваніе на небольшомъ пространствѣ людей, не особенно развитыхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, не можетъ имѣть благопріятнаго вліянія на развитіе женскаго характера. Фабрикантъ можетъ замѣчать и принимать мѣры противъ вещей болѣе крупныхъ, противъ скандаловъ, которые могли бы случиться; но постоянное, менѣе замѣтное вліяніе легкихъ или безнравственныхъ лицъ на характеръ остальныхъ, особенно, молодыхъ работницъ, ему будетъ замѣтить трудно, и въ той же степени будетъ трудно и предупредить это вліяніе. А именно это-то вліяніе, тихое, медленное, едва замѣтное, и есть самое вредное. На фабрикахъ въ маломъ размѣрѣ совершается то же, что и въ большихъ городахъ въ большомъ размѣрѣ. Централизація народа обнаруживаетъ здѣсь то же самое вліяніе: если фабрика и меньше, зато сближеніе больше, тѣснѣе и неизбѣжнѣе. Слѣдствія остаются одни и тѣ же. Одинъ рабочій изъ Лейстера говорилъ привительственному комиссару, что онъ скорѣе согласится послать свою дочь просить милостыню, чѣмъ на фабрику. Это совершенный адъ. Бо́льшая часть развратныхъ женщинъ, живущихъ въ городѣ, обязаны своимъ развратомъ фабрикамъ. Другой свидѣтель изъ Манчестера показалъ, что онъ не имѣетъ никакого основанія сомнѣваться, что три четверти фабричныхъ работницъ, отъ 14 до 20 лѣтъ, лишены уже невинности; а докторъ Гоукинсъ говоритъ слѣдующее: «Оцѣнку половой нравственности сдѣлать цифрами довольно трудно; но, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, на общихъ отзывахъ тѣхъ, съ кѣмъ я говорилъ, наконецъ на впечатлѣніи, производимомъ всѣми признаками, является печальное убѣжденіе о вліяніи фабричной жизни на нравственность женской молодости». Само собой разумѣется, что служба на фабрикѣ дѣлаетъ владѣльца полнымъ господиномъ надъ своими работницами. Увольненіе съ фабрики слишкомъ большое наказаніе, чтобы въ девяти случаяхъ изъ десяти не побѣдить упорства дѣвушки, которая и безъ того не имѣетъ особеннаго побужденія сохранить свою невинность. Если же фабрикантъ настолько низокъ, что захочетъ воспользоваться вполнѣ своимъ правомъ господина, то фабрика въ то же время можетъ служить ему гаремомъ.

Чтобы лучше судить о вліяніи фабричной работы на здоровье и вообще на физическое состояніе женщинъ, нужно сначала познакомиться съ работами, производимыми дѣтьми. Въ началѣ изобрѣтенія машинъ на фабрикахъ занимались почти исключительно все дѣти. Дѣтей даже забирали цѣлыми толпами изъ убогихъ домовъ, принимали ихъ на фабрики на большіе сроки, въ видѣ «учениковъ». Ихъ помѣщали и одѣвали гуртомъ, дѣлали вполнѣ рабами и обращались съ ними совершенно варварски. Противъ этой возмутительной системы возстали д-ръ Персиваль и сэръ К. Поль такъ энергически, что въ 1802 году парламентъ издалъ «постановленія объ ученикахъ» (ApprenticeBill), которыми были прекращены болѣе вопіющія злоупотребленія. Вмѣстѣ съ этимъ фабрики стали учреждаться болѣе въ городахъ, машины увеличены въ размѣрахъ, мастерскія устроены болѣе здоровыя, стали приниматься въ работу люди болѣе взрослые, и число дѣтей на фабрикахъ уменьшилось. Дѣтей моложе 8—9 лѣтъ стали употреблять въ работу значительно менѣе.

Позже разными постановленіями правительства стѣснялся все больше и больше произволъ фабрикантовъ. Несмотря на то, злоупотребленія продолжались и продолжаются. Разумѣется, они рѣже въ городахъ, но зато чаще въ селахъ. Случалось, что брали въ работу пятилѣтнихъ дѣтей; 8—9-лѣтнія дѣти работали 14—16 часовъ, не считая тутъ времени обѣда и отдыха; смотрителя обращались съ дѣтьми грубо, били ихъ, а случалось, что и сами фабриканты колотили ихъ собственноручно. Разсказываютъ, что одинъ шотландскій фабрикантъ, настигнувъ сбѣжавшаго съ его фабрики 16-лѣтняго мальчика, заставилъ его бѣжать передъ собой и погонялъ всю дорогу бичомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, фабриканты считали себя вполнѣ правыми; ихъ задачей было и есть извлечь возможно большія выгоды изъ капиталовъ, затраченныхъ ими на фабрики и машины. А для этого нужно только одно — работать какъ можно больше и дешевле. Вотъ причина, почему они, наконецъ, придумали постыдную систему ночной работы. У нѣкоторыхъ завелись даже двойные комплекты рабочихъ: одни работали двѣнадцать часовъ днемъ, другіе — двѣнадцать часовъ ночью. Понятно, какое вліяніе ли-

шеніе ночного покоя, невознаградимое никакимъ дневнымъ отдыхомъ, должно было имѣть на здоровье не только дѣтей, но и взрослыхъ рабочихъ. Разстройство нервной системы и общее истомленіе тѣла были ближайшимъ слѣдствіемъ этого новаго порядка. Вмѣстѣ съ этимъ увеличились пьянство и развратъ. Одинъ фабрикантъ разсказываетъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, когда у него шла работа ночью, число незаконнорожденныхъ дѣтей увеличилось вдвое, и вообще сдѣлался такой развратъ, что онъ долженъ былъ прекратить ночную работу.

Другіе фабриканты шли еще дальше. Они заставляли рабочихъ работать 30 — 40 часовъ, и это нѣсколько разъ въ недѣлю. Такой варварской мѣрой они пополняли недоставшее у нихъ до полнаго количества число рабочихъ.

Искривленность позвоночнаго хребта и кривизна ногъ были обыкновеннымъ слѣдствіемъ излишней и продолжительной работы. Вмѣстѣ съ этими болѣзнями замѣчены между рабочими особенно сильное, плашмя, развитіе стопы, боли въ спинѣ, бедрахъ и ногахъ, опухоль сочлененій, узловатость жилъ и большіе, упорные нарывы на икрахъ и ляшкахъ. Эти болѣзни встрѣчены почти у всѣхъ рабочихъ; только тѣ изъ нихъ и изъ дѣтей избавлялись отъ этихъ страданій, которыхъ поддерживало или ихъ крѣпкое сложеніе, или другія благопріятныя обстоятельства жизни.

Всѣ эти болѣзни легко объясняются характеромъ фабричной работы: она «легка», какъ говорятъ фабриканты, и именно потому-то надъ ней изнемогаетъ и разслабляется организмъ рабочаго. Рабочимъ дѣла немного; но они должны все время стоять и не имѣютъ права сѣсть. Кто присядетъ на подоконникъ или на ящикъ, съ того берется штрафъ; понятно, что постоянно прямое положеніе тѣла, постоянное механическое давленіе тѣла на хребетъ, бедра и ноги должно вызвать тѣ слѣдствія, о которыхъ мы говорили. А между тѣмъ въ этомъ постоянномъ стояніи нѣтъ никакой необходимости. На нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ, фабрикахъ начали позволять садиться рабочимъ. Это повело сейчасъ же къ облегченію страданій рабочихъ,— и многія работницы согласились работать далѣе.

Постоянно стоячее положеніе рабочихъ въ дурной атмосферѣ фабрикъ, кромѣ ослабленія силъ и общихъ болѣзней, вызываетъ много страданій мѣстныхъ. Атмосфера фабрикъ обыкновенно и сыра, и въ то же время тепла, и обыкновенно теплѣе, чѣмъ это нужно, а при дурно устроенной вентиляціи очень нечиста, затхла и съ весьма малымъ количествомъ кислорода, наполнена пылью, продушена запахомъ масла отъ машинъ. Рабочіе, и такъ ужъ не тепло одѣтые, отъ перемѣны температуръ въ комнатахъ подвергаются легко простудѣ. Самый малѣйшій сквозной вѣтеръ для нихъ вреденъ; общее истомленіе тѣла, слабость органическихъ отправленій и выдѣленіе внутренней теплоты заставляютъ ихъ искать внѣшней теплоты, — вотъ почему для рабочаго нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ работать въ теплой фабричной атмосферѣ при окнахъ, совершенно закрытыхъ. Частая, быстрая перемѣна температуры при выходѣ изъ теплой фабрики на свѣжій воздухъ, особенно во время дурной погоды, невозможность защищаться вполнѣ отъ дождя или смѣнить сырое, промокшее платье на сухое,—все это влечетъ за собой весьма частыя простуды.

Все это вмѣстѣ обнаруживаетъ весьма вредное вліяніе на здоровье рабочихъ. Дѣти, особенно мальчики, теряютъ очень скоро свою розовую дѣтскую свѣжесть, дѣлаются блѣдными и тощими. Даже ученики у ручныхъ ткачей, работающіе босикомъ на глиняномъ полу своей мастерской, имѣютъ гораздо болѣе здоровый видъ, потому что они хоть иногда дышатъ свѣжимъ воздухомъ. Но у фабричнаго дитяти нѣтъ ни одной минуты свободной. Онъ выходитъ на воздухъ только тогда, когда идетъ ѣсть. Всѣ взрослые прядильщики блѣдны и жидки; они страдаютъ неправильнымъ аппетитомъ и несвареніемъ желудка. Ихъ занятіе имѣетъ рѣшительно вредное вліяніе на ихъ сложеніе. Еслибы фабрики не наполнялись рабочими изъ селъ, то фабричные рабочіе весьма бы скоро совершенно выродились. Это отзывы врачей. А докторъ Гоукинсъ замѣчаетъ, что ни въ одномъ городѣ Великобританіи или Европы онъ не замѣтилъ въ такой степени отклоненія всего вообще вида рабочихъ и цвѣта его лица отъ нормальнаго, какъ въ Манчестерѣ. Въ замужнихъ женщинахъ совсѣмъ нѣтъ характеристическихъ особенностей, отличающихъ англійскую женщину. «Я долженъ сказать, что фабричные дѣвочки и мальчики, которыхъ ко мнѣ приводили съ манчестерскихъ фабрикъ, имѣли вообще удрученный видъ и блѣдность; въ выраженіяхъ ихъ лицъ не было обыкновенной дѣтской подвижности, жизни и веселости. Многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія вечеромъ въ субботу или въ воскресенье возиться на свободномъ воздухѣ, но предпочитаютъ оставаться спокойно дома».

Еще факты. Работа останавливаетъ дѣтей въ ростѣ, и это подтверждено сотнями свидѣтельствъ врачей и комиссаровъ отъ правительства. Между прочими, д-ръ Коуэль представляетъ вѣсъ 46 мальчиковъ. Всѣ—17-лѣтніе и всѣ изъ одной воскресной школы. Изъ нихъ 96, работавшіе на фабрикахъ, имѣли среднимъ числомъ 104,5 англійскихъ фунта, а 20 нефабричныхъ вѣсили каждый среднимъ числомъ 117,7 англійскихъ фунтовъ. Одинъ изъ значительныхъ манчестерскихъ фабрикантовъ и глава оппозиціи фабрикантовъ противъ рабочихъ,— кажется, Робертъ Гандъ Грегъ, — сказалъ самъ одинъ разъ, что если этотъ порядокъ будетъ еще продолжаться, то фабричные Ланкашира сдѣлаются скоро пигмеями.

На женщинъ фабричная работа дѣйствуетъ особеннымъ образомъ. Продолжительный трудъ, неправильное положеніе тѣла и продолжительное стоячее положеніе имѣютъ ближайшимъ слѣдствіемъ трудность и неправильность родовъ, затѣмъ общую слабость тѣла. И положеніе ихъ ужасно еще тѣмъ, что онѣ должны работать до послѣдней минуты. Случается нерѣдко, что женщина, рабо-

тавшая еще наканунѣ вечеромъ, на другой день уже родила; а бывали примѣры, что женщины рожали на самой фабрикѣ, между машинами. И все изъ-за чего? Чтобы не лишиться платы или даже и вовсе мѣста. Но каково должно быть положеніе беременной женщины, при послѣднихъ порахъ — работать стоя 12—13 часовъ и безпрестанно нагибаясь! Если сами фабриканты не въ состояніи понять этой пытки, хотя бы они спросили у своихъ женъ и дочерей.

Это еще не все. Рѣдко женщинамъ послѣ родовъ дадутъ отдохнуть двѣ недѣли. Многія приходятъ черезъ восемь дней и даже черезъ три-четыре дня на фабрику и отрабатываютъ цѣлый урокъ!

На молодыхъ дѣвушекъ, особенно въ періодъ ихъ развитія, работа имѣетъ вредное вліяніе тѣмъ, что порождаетъ множество отклоненій отъ нормальныхъ отправленій организма. Многія, особенно имѣющія лучшую пищу, развиваются отъ фабричнаго жара очень рано, т. е. ранѣе, чѣмъ обыкновенно. Очень часто попадаются дѣвушки, вполнѣ сложившіяся въ 12 до 14 лѣтъ. Бывали примѣры беременности даже 11-лѣтнихъ дѣвочекъ, а 15-лѣтнія рожаютъ весьма нерѣдко. Но бываютъ и противные примѣры, когда развитіе женщины задерживается, груди или весьма поздно, или совсѣмъ не развиваются, а менструація появляется въ 17, 18, даже въ 20 лѣтъ, иногда же и вовсе не появляется. Вообще менструаціи бываютъ неправильныя, съ большими болями и страданіями, и очень часто— блѣдная немочь. Во всемъ этомъ согласны всѣ медицинскія свидѣтельства. Дѣти, рожденныя такими женщинами, ужъ, разумѣется, не могутъ быть ни крѣпки, ни здоровы.

Вотъ фабричная система въ ея главныхъ основаніяхъ. Изъ этого описанія должны быть ясны и отношенія буржуазіи къ пролетарію, и причины ихъ обоюдныхъ враждебныхъ отношеній. Мы остановились на описаніи мануфактуры довольно долго, потому что бумагопрядильному и ткацкому производствамъ принадлежитъ первое мѣсто въ промышленности. Все, что было сказано о фабричной системѣ, имѣетъ большее или меньшее примѣненіе и къ другимъ производствамъ, — разница не въ сущности, не въ значеніи фактовъ, а только въ высшей ихъ формѣ. Поэтому объ остальныхъ, болѣе важныхъ вѣтвяхъ англійской промышленности мы скажемъ настолько коротко, чтобы дать понятіе объ ихъ главныхъ особенностяхъ. Мы беремъ для этого тѣ производства, къ которымъ примѣнена фабричная система.

VII. Чулочныя издѣлія и кружевное производство.

Тканье чулковъ производится въ большихъ размѣрахъ въ Нотингемѣ, Дерби и Лейстерѣ. Сидячій образъ жизни, продолжительность работы, вызванная низкой задѣльной платой, и необходимость напрягать зрѣніе ослабляютъ вообще здоровье и особенно зрѣніе рабочихъ. Безъ сильнаго свѣта вечеромъ работать нельзя, поэтому ткачи употребляютъ стеклянные шары, которые сильной концентрировкой свѣта очень ослабляютъ глаза. Около сорока лѣтъ почти всѣ рабочіе принуждены носить очки. При этой работѣ особенно страдаютъ дѣти: они дѣлаются легко близорукими до того, что многія изъ нихъ начинаютъ носить очки. Положеніе этихъ рабочихъ было прежде самое жалкое: работая 16—18 часовъ, они зарабатывали 6 и рѣдко 7 шиллинговъ въ недѣлю. До введенія увеличеннаго стана они добывали отъ 20 до 21 шиллинга, но улучшенія въ производствѣ и усовершенствованія въ машинахъ испортили ихъ заработокъ. Положеніе ихъ едва ли и можетъ улучшиться, потому что въ чулочномъ производствѣ съ Англіей конкуррируетъ сильно Саксонія.

Энгельсъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство одного чулочнаго ткача, изъ Гинчли, о положеніи его товарищей по ремеслу. Онъ указываетъ на 50 семействъ, въ числѣ 321 членовъ, работавшихъ на 109 станахъ. Каждый станъ приноситъ $5^1/_6$ шиллинга въ недѣлю, слѣдовательно, каждое семейство добывало въ недѣлю, среднимъ числомъ, 11 шилл. 4 пенса. Изъ этого на наемъ квартиры, стана, на угли, свѣчи, мыло, иглы шло 5 шилл. 10 пенс., такъ что на пищу приходилось въ день на каждаго $1^1/_2$ пенса, т. е. $4^1/_2$ коп. сер., а на одежду — ничего.

Въ той же мѣстности, гдѣ развито чулочное производство, находятся главные пункты фабрикаціи кружевъ. Въ трехъ сказанныхъ графствахъ въ 1848 году было въ ходу 2.760 кружевныхъ станковъ, а во всей остальной Англіи существовало только 786. Строгое раздѣленіе работъ создало въ этомъ производствѣ нѣсколько подраздѣленій. Прежде всего нити наматываются на шпули; это дѣлаютъ дѣвушки въ 14 и старше лѣтъ (winders). Потомъ шпули устанавливаются мальчиками (threaders) на машину, нити продѣваются чрезъ тонкія отверстія, проводятся впередъ и наматываются. Такихъ отверстій въ машинѣ, среднимъ числомъ, до 1.800. Когда нити установлены, рабочій ткетъ кружева, и они получаются въ видѣ широкаго полотна. Послѣ этого маленькія дѣти вытягиваютъ извѣстныя продольныя нити, и кусокъ распадается на отдѣльныя кружевныя полосы. Это называется running или drawing lace, а дѣти, занимающіяся раздѣленіемъ,—lace-runners. Затѣмъ кружева приготовляются въ продажу. Winders и threaders не имѣютъ опредѣленнаго времени для работы: ихъ обязанность наматывать и продѣвать нити, когда шпули сойдутъ; а такъ какъ работа производится нерѣдко ночью, то понятно, что ихъ могутъ позвать во всякое время. Такая неправильность въ занятіяхъ, частая ночная работа и безпорядочный образъ жизни, какъ слѣдствіе этого, ведутъ къ разнымъ физическимъ страданіямъ и усиливаютъ даже безнравственность рабочихъ, особенно тѣмъ, что возбуждаютъ слишкомъ раннее соединеніе половъ. Работа эта вредна особенно для winders, у которыхъ очень часты воспаленія роговой оболочки и даже темная вода. Работа ткачей тоже очень тя-

жела, потому что машины дѣлаются все шире и шире. Есть изъ нихъ уже такой ширины, что на машину становятся трое рабочихъ, работающихъ по очереди, по восьми часовъ каждый.

Самымъ труднымъ считается, однако, раздѣленіе куска на полосы. Этимъ занимаютъ самыхъ молодыхъ дѣтей. Преслѣдованіе одной и той же нитки, часто исчезающей въ ткани, и вытаскиванье ея иголкой очень напрягаютъ зрѣніе, особенно при продолжительной работѣ. Обыкновенное слѣдствіе этого напряженія — близорукость, а затѣмъ даже и неизлечимая слѣпота. Кромѣ того, отъ согнутаго, сидячаго положенія — слабость, впалость груди, а отъ дурного пищеваренія—золотушность.

Такое же вліяніе на глаза и на весь организмъ имѣетъ и плетеніе кружевъ. Всѣ медицинскія свидѣтельства согласны въ томъ, что дѣти, занятыя кружевнымъ производствомъ, вообще очень страдаютъ, что они блѣдны, слабы, слишкомъ малы для ихъ лѣтъ и менѣе другихъ способны противостоять болѣзнямъ. Обыкновенныя болѣзни: общая слабость, частые обмороки, боли въ головѣ, бокахъ, спинѣ и бедрахъ, біеніе сердца, тошнота, рвота, недостатокъ аппетита, искривленіе позвоночнаго столба, золотуха, сухотка. Особенно страдаютъ женщины: блѣдная немочь, тяжелые роды и выкидыши, — вотъ на что жалуются всѣ. Что же касается нравственности, то вотъ что говоритъ о ней одинъ оффиціальный отчетъ: «Всѣ жители Нотингема, полиція, духовные, фабриканты, рабочіе и даже сами родители дѣтей убѣждены одинаково, что настоящая система работъ служитъ въ высшей степени обильнымъ источникомъ безнравственности. Продѣвальщики (threaders), большею частью мальчики, и мотальщицы (winders), большею частью дѣвушки, требуются на фабрику въ одно время, часто среди ночи. А какъ родители ихъ не могутъ знать, какъ долго держатъ дѣтей на фабрикѣ, то они и имѣютъ прекрасный случай устраивать между собой связи и исчезать вмѣстѣ послѣ работъ». Ноттингемъ составилъ себѣ даже извѣстность безнравственностью.

VIII. Печатаніе матерій и разрѣзальщики бархата.

Въ Ланкаширѣ, Дербиширѣ и на западѣ Шотландіи значительное число рабочихъ занято набивкой бумажныхъ тканей. Ни въ одной вѣтви англійской промышленности механика не пришла къ такимъ блестящимъ результатамъ, какъ въ окрашиваніи, но зато нигдѣ рабочій не былъ поставленъ въ положеніе болѣе тяжелое. Примѣненіе паровыхъ цилиндровъ, открытіе средства печатать сразу нѣсколькими цвѣтами совсѣмъ уронили ручное производство. Въ красильномъ дѣлѣ машины причинили рабочимъ гораздо больше зла, чѣмъ въ прядильномъ и тканьѣ. Одинъ взрослый рабочій, при помощи ребенка, производитъ машиной гораздо больше, чѣмъ 200 человѣкъ ручныхъ рабочихъ,— одна машина въ минуту времени набиваетъ 28 ярдовъ матеріи (35 аршинъ). Такой успѣхъ машиннаго производства поставилъ, разумѣется, рабочихъ въ самое печальное положеніе. Печатники, въ своей жалобѣ палатѣ въ 1842 году, говорятъ, что въ графствахъ Ланкастерѣ, Дерби и Честерѣ въ 1842 году было приготовлено 11 милл. кусковъ печатныхъ матерій,—изъ нихъ 100.000 кусковъ исключительно ручной работой, 900.000 кусковъ машинами и ручной работой и 10 милліоновъ— исключительно машинами. Далѣе въ просьбѣ говорится, что четверть всего числа рабочихъ остается безъ хлѣба, тогда какъ остальные заняты въ недѣлю одинъ, два, много три дня, за дурную плату. Такимъ образомъ крашеніе матерій подчинилось вполнѣ фабричной системѣ, также какъ и прядильное производство, но только съ той разницей, что ему болѣе угрожаютъ всякія случайности, и оно менѣе сдержано законными ограниченіями. Красильни приготовляютъ модныя вещи, и потому у нихъ нѣтъ точно установленнаго времени для работы. Запросъ малъ, — онѣ работаютъ половину времени; какой нибудь новый рисунокъ пошелъ хорошо,—и онѣ работаютъ 10—12 часовъ, даже цѣлую ночь.

Къ этой же категоріи рабочихъ относятся бѣлильщики. Со времени примѣненія къ бѣленію хлора, вещества, вредно дѣйствующаго на легкія, работа бѣлильщиковъ сдѣлалась нездоровой. Работа красильщиковъ гораздо здоровѣе, во многихъ случаяхъ даже очень здорова, потому что вызываетъ напряженіе всего тѣла.

Разрѣзальщики бархата, число которыхъ доходитъ до 4.000, съ введеніемъ машинъ очутились въ положеніи, значительно худшемъ, чѣмъ прежде. Матеріи, которыя ткались прежде на ручныхъ станкахъ, были недостаточно ровны и правильны, и для стрижки ихъ требовались навычныя руки. Съ введеніемъ машинъ это измѣнилось. Машина ткетъ ровно, правильно, каждая нить ложится къ нити одна, какъ другая, совершенно параллельно, такъ что разрѣзываніе ихъ не составляетъ уже искусства. Отъ этого другіе рабочіе, сдѣлавшіеся съ введеніемъ машинъ лишними, кинулись въ разрѣзальщики и, разумѣется, понизили ихъ заработную плату. А когда фабриканты замѣтили, что стрижку бархата можно поручить женщинамъ и дѣтямъ, то задѣльная плата мужчинамъ упала до этого размѣра, и взрослымъ рабочимъ пришлось искать себѣ другой работы. Далѣе, фабриканты разсчитали, что стрижку бархата можно производить выгоднѣе на самыхъ фабрикахъ, чѣмъ отдавать рабочимъ на домъ, и на фабрикахъ устроились для этого особыя комнаты; разрѣзальщики, подчинившись этимъ путемъ фабричной системѣ, очутились въ полной зависимости отъ фабрикантовъ. Одинъ рабочій говорилъ Энгельсу, что онъ еще помнитъ то время, когда за ту же работу, за которую ему даютъ 1 пенни съ ярда, онъ получалъ восемь. Разумѣется, что ровно вытканную матерію онъ можетъ рѣзать скорѣе, чѣмъ матерію прежняго тканья; но въ одинъ часъ онъ всетаки не сдѣлаетъ вдвое противъ прежняго, такъ что его недѣльный заработокъ понизился противъ прежняго въ четыре раза. Личъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе въ за-

работной платѣ разрѣзальщиковъ. За тѣ матеріи, за которыя въ 1827 году платилось съ ярда 4 п., $2^1/_4$ п., $2^3/_4$ п., 1 п., — въ 1843 г. платили: $1^1/_2$ п., $2^3/_4$ п., 1 п., $^3/_8$ п. А отношеніе средняго недѣльнаго заработка Личъ опредѣляетъ такъ:

Въ 1827 г. 1 ф. 6 ш. 6 п., 2=1=6, 1 » » 1=6=6.
—1843 г. » 10=6 » , » 7=6, » 6=8 » 10.

IX. Швеи.

Довольно трудно сказать, какого рода рабочимъ хуже всѣхъ, но вѣрно то, что къ числу наиболѣе страдающихъ отъ излишняго труда и лишеній принадлежатъ работницы, занятыя приготовленіемъ дамской одежды и вообще предметовъ моды. О модисткахъ и швеяхъ Лондона, какъ не составляющихъ особенной, характеристической черты Англіи, мы не будемъ говорить много, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующей статьѣ намъ придется говорить о швеяхъ и модисткахъ Парижа, этого центра европейской моды, поставившаго своихъ работницъ въ положеніе самое печальное.

Модные магазины Лондона даютъ занятіе огромному числу дѣвушекъ. Модистокъ считается до 15.000. Онѣ обыкновенно живутъ и ѣдятъ у содержателей магазиновъ и находятся у нихъ въ совершенной зависимости. Во время сезона, который продолжается около четырехъ мѣсяцевъ, число рабочихъ часовъ даже въ лучшихъ магазинахъ—15, а если есть спѣшная работа, то и восемнадцать. Во многихъ магазинахъ, въ сезоны, даже и нѣтъ опредѣленнаго времени для работы. Работаютъ, когда нужно, такъ что дѣвушки не спятъ болѣе 6 часовъ, а иногда имъ приходится спать всего два часа,— такъ что рабочее время тянется 19—20 и болѣе часовъ, а иногда и всю ночь. Единственнымъ предѣломъ работы въ горячее модное время, когда все торопится имѣть у себя, какъ можно скорѣе, модное платье, когда всѣ магазины завалены работой,— одна положительная физическая невозможность швеи держать хоть одну минуту иголку. Случается, что эти бѣдныя существа нѣсколько дней сряду совсѣмъ не раздѣваются, и боязнь лишиться мѣста и куска хлѣба заставляютъ 14—20-лѣтнихъ дѣвушекъ переносить пытку такой работы, какая не подъ силу даже взрослому, сильному мужчинѣ. Къ этому нужно прибавить спертый и дурной воздухъ мастерской, постоянно согнутое сидячее положеніе и нерѣдко дурную трудноваримую пищу. Болѣе же всего вредятъ продолжительная работа и недостатокъ свѣжаго воздуха. Истома, слабость, слабосиліе, потеря аппетита, боли въ плечахъ, спинѣ, бокахъ и особенно головныя боли появляются очень скоро. Потомъ искривленіе позвоночнаго хребта, переросшія высокія плечи, худоба, гноящіеся, больные глаза, кашель, впаденіе груди, короткое дыханіе и всѣ остальныя женскія болѣзни и чахотка, нерѣдко кончающая печальное существованіе модистки, — вотъ перспектива каждой изъ нихъ и каждой швеи. Даже тѣ, которымъ удается довольно рано освободиться отъ этой работы, бываютъ уже навсегда разстроены, здоровье ихъ потеряно, силъ мало, и выходя замужъ, онѣ приносятъ всегда больныхъ и слабыхъ дѣтей. Всѣ врачи, которыхъ спрашивали, единогласно говорятъ, что нельзя придумать и найти образъ жизни, который бы болѣе разстраивалъ здоровье и велъ къ болѣе ранней смерти.

Совершенно также печально и положеніе швей всякихъ родовъ. Корсетницы, работающія поштучно, едва ли добываютъ болѣе одного пенни за штуку, а между тѣмъ работа ихъ трудна и портитъ сильно глаза. Дѣвушки, шьющія галстухи, шестнадцати-часовой ежедневной работой добываютъ въ недѣлю $4^1/_2$ шиллинга. Но хуже всѣхъ швеямъ рубашекъ: за обыкновенную рубашку онѣ получаютъ $1^1/_2$ пенса ($4^1/_2$ к. с.). Прежде онѣ получали отъ 2 до 3 пенсовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ богадѣльни, управляемыя буржуа, стали брать работу за $1^1/_2$ пенса, бѣдныя рубашечницы должны были соотвѣтственно понизить свой заработокъ. За тонкую рубашку, которая шьется въ день только при восемнадцатичасовой работѣ, онѣ получаютъ 6 пенсовъ (17 к. с.). Заработокъ рубашечницъ, при самомъ усиленномъ трудѣ, при ежедневной работѣ до глубокой полночи, составляетъ въ недѣлю отъ $2^1/_2$ до 3 шиллинговъ! Эти несчастныя дѣвушки живутъ обыкновенно въ ужаснѣйшей бѣдности. Въ одной комнатѣ ихъ помѣщается такъ много, какъ только позволяетъ мѣсто. Тамъ, сидя, согнутыя надъ работой, съ четырехъ или пяти часовъ утра до глубокой ночи, онѣ въ какіе нибудь два года разстраиваютъ свое здоровье и сходятъ въ преждевременную могилу, не узнавъ въ жизни ни одной минуты радости и имѣя возможность удовлетворять едва самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ, въ то время, какъ тамъ внизу, подъ ихъ ногами, высокая буржуазія наслаждается всѣми благами жизни, и какой нибудь пустой денди проигрываетъ или проматываетъ въ одинъ вечеръ болѣе денегъ, чѣмъ сколько другая швея заработала во всю жизнь.

X. Мастера металлическихъ издѣлій.

Кончаемъ объ Англіи описаніемъ производствъ, составляющихъ не меньшую ея славу и гордость, какъ и ея бумагопрядильныя мануфактуры и бумажныя и шерстяныя ткани,—это металлическія издѣлія.

Главное мѣсто производства ихъ—Бирмингамъ, Шеффильдъ и Стаффордширъ. Въ Бирмингамѣ изготовляются всевозможныя тонкія металлическія вещи, въ Шеффильдѣ—ножи, въ Стаффордширѣ, т. е. собственно въ Вольвергемтонѣ, грубыя вещи— замки, гвозди и т. д.

Въ Бирмингамѣ, какъ и въ большей части мѣстъ, гдѣ разрабатываются металлы, промышленность эта нѣсколько удержала еще въ себѣ прежній ремесленный характеръ. Маленькіе мастера держатся покамѣстъ крѣпко и работаютъ со своими учениками или въ своихъ мастерскихъ, на дому, или тамъ, гдѣ явилось уже примѣненіе паровой силы,—въ большихъ фабричныхъ зданіяхъ, разбитыхъ на маленькія мастерскія, отдаваемыя въ наемъ отдѣльнымъ мастерамъ. Въ каждой такой мастерской есть свой стержень или колесо, приводимое въ движеніе общей паровой машиной фабрики.

Леонъ Фоше называетъ такихъ отдѣльныхъ мастеровъ промышленной демократіей и замѣчаетъ весьма справедливо, что эта разрозненность силъ не имѣетъ благопріятнаго вліянія ни на положеніе мастеровъ, ни на ихъ подмастерьевъ. Такое замѣчаніе совершенно вѣрно. Барышъ этого множества мелкихъ мастеровъ совершенно ничтоженъ, потому что онъ зависитъ вполнѣ отъ конкурренціи богатыхъ и сильныхъ фабрикантовъ, имѣющихъ возможность сбывать свои издѣлія болѣе дешево и пользоваться самымъ небольшимъ процентомъ. Одинъ разбогатѣвшій мелкій мастеръ богатѣетъ на счетъ десяти своихъ товарищей, а остальные мастера, находясь подъ гнетомъ централизующей силы капитала богатыхъ фабрикантовъ, стоятъ очень дурно и имѣютъ самыя ничтожныя выгоды. Ученикамъ у такихъ мастеровъ нисколько не лучше, чѣмъ на фабрикахъ; можно даже сказать, что имъ также дурно. Единственная выгода ихъ въ томъ, что современемъ они сами могутъ сдѣлаться мастерами и достигнуть нѣкоторой самостоятельности. Такимъ образомъ, эти мелкіе мастера составляютъ что-то среднее: они не пролетаріи въ собственномъ смыслѣ, потому что живутъ отчасти работой своихъ учениковъ, и не буржуазія, потому что существуютъ всетаки своей собственной работой.

Кромѣ этихъ мастеровъ, существуетъ въ Бирмингамѣ множество большихъ фабрикъ, на которыхъ вполнѣ примѣнена фабричная система, т. е. крайнее раздѣленіе труда, — какъ, напримѣръ, при иголочномъ производствѣ, — употребленіе въ работу огромнаго числа женщинъ и дѣтей и, наконецъ, все то, о чемъ мы упоминали уже нѣсколько разъ: усиленный трудъ женщинъ, неспособность и равнодушіе ихъ къ своему дому, хозяйству и къ дѣтямъ, развратъ, ранняя эмансипація дѣтей отъ родителей, устраненіе мужчинъ отъ работъ и т. д.

Отчеты говорятъ, что половина дѣтей не знаетъ, что значитъ быть сытымъ; многіе ѣдятъ въ день лишь столько хлѣба, сколько можно купить на одинъ пенни (3 к.), или до обѣда не ѣдятъ ничего. Бывали случаи, что съ восьми часовъ утра и до семи вечера дѣти ровно ничего не брали въ ротъ. Платье нерѣдко такъ дурно, что едва прикрываетъ ихъ наготу. Многіе даже зимой ходятъ босикомъ. Вообще дѣти тамъ очень малы, слабы и развиваются въ очень слабыхъ и малаго роста людей. По показанію одного рекрутирующаго унтеръ-офицера, народъ въ Бирмингамѣ мельче, чѣмъ гдѣ либо (бо́льшая часть въ 5 фут. и 4 до 5 дюймовъ) и болѣе чѣмъ на половину негодны для военной службы; изъ 613, набранныхъ имъ, только 238 оказались годными.

Воспитаніе и нравственность дѣтей въ высшей степени плохи. Половина всѣхъ преступниковъ моложе 15 лѣтъ; въ одинъ годъ было 90 десятилѣтнихъ преступниковъ, и изъ нихъ 44—за уголовныя преступленія.

Въ Стаффордширѣ еще хуже. Въ грубомъ желѣзномъ производствѣ строгое раздѣленіе работъ и машины почти не примѣнены. Отъ этого здѣсь очень мало фабрикъ и очень много мелкихъ кузнецовъ, которые работаютъ или въ-одиночку, или съ учениками. Положеніе мастеровъ также дурно, какъ и въ Бирмингамѣ, а положеніе мальчиковъ далеко хуже. Ихъ кормятъ и одѣваютъ весьма плохо, и не только мастера-одиночки, но даже большіе фабриканты. Помѣщенія скверны и грязны нерѣдко въ такой степени, что мальчики хвораютъ. Все это вмѣстѣ, несмотря на здоровую работу, дѣлаетъ дѣтей слабыми и хворыми; нѣкоторыя же работы часто уродуютъ рабочихъ. Напримѣръ, въ Виленголѣ есть множество людей, которые отъ постоянной пилки желѣза въ тискахъ имѣютъ горбы и одну согнутую ногу, — ту, на которую они больше опираются. Ноги, сложенныя вмѣстѣ, имѣютъ видъ буквы К. Болѣзнь эту англичане называютъ hird-leg. Къ этому еще нужно прибавить, что, по меньшей мѣрѣ, треть рабочихъ имѣютъ грыжу, а затѣмъ множество примѣровъ пріостановленной зрѣлости, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами, которыя здѣсь работаютъ тоже въ кузницахъ.

Въ Седжли и его окрестностяхъ, гдѣ вырабатываются почти исключительно гвозди, рабочіе живутъ въ отвратительныхъ, грязныхъ лачужкахъ. Мальчики и дѣвочки съ 10—12 лѣтъ берутся уже въ кузницы, и ученикъ считается настоящимъ рабочимъ, когда куетъ каждый день по 1.000 гвоздей. За 1.200 гвоздей платится $5^3/_4$ пенса; гвоздь куется двѣнадцатью ударами, а молотъ вѣситъ $1^1/_4$ фунта. Слѣдовательно, чтобы заработать эти жалкія 17 коп., рабочій долженъ сдѣлать 14.400 ударовъ или поднять 18.000 фунтовъ!

Въ Шеффильдѣ плата рабочимъ лучше, а слѣдовательно и лучше ихъ внѣшнее положеніе. Но зато нѣкоторыя отрасли работъ замѣчательны своимъ чрезвычайно вреднымъ вліяніемъ на здоровье. Однѣ изъ нихъ требуютъ нажима грудью на инструментъ и порождаютъ нерѣдко чахотку; другія,—напр., пилка желѣза,—удерживаютъ вообще развитіе тѣла; обрѣзка кости, для черенковъ, причиняетъ головныя боли, разстройство печени, а у дѣвочекъ, которыхъ во множествѣ занимаютъ этимъ дѣломъ,—блѣдную немочь. Но самое вредное изъ занятій—это шлифовка ножей и вилокъ, особенно если это дѣлается на сухомъ камнѣ. Вредъ этой работы—частью въ согнутомъ положеніи рабочихъ, въ стѣсненіи груди и желудка, а особенно въ острой металлической пыли, отдѣляющейся во множествѣ, которую рабочій вдыхаетъ. Средняя жизнь для сухихъ шлифовальщиковъ 35 лѣтъ, а мокрыхъ рѣдко можно найти старѣе 45 лѣтъ. Докторъ Найтъ, изъ Шеффильда, говоритъ слѣдующее: «Вредное вліяніе этой работы я поясню вполнѣ, если скажу, что самые сильные пьяницы между шлифовальщиками — самые долгоживущіе люди, потому что они бо́льшую часть своего времени не работаютъ». Всѣхъ шлифовальщиковъ въ Шеффильдѣ около 2.500. Изъ нихъ 150 (80 мужч. и 70 мальч.) шлифуютъ вилки. Эти умираютъ между 28 и 32 годами. Шлифовальщики бритвъ, работающіе сухимъ и мокрымъ путемъ, умираютъ между 40 и 45 годами; а шлифовальщики ножей, работающіе исключительно на мокромъ камнѣ,

умираютъ между 40—50 годами. Тотъ же врачъ говоритъ слѣдующее объ ихъ спеціальной болѣзни—шлифовальной одышкѣ: «Они начинаютъ работать обыкновенно съ четырнадцатымъ годомъ, и если дѣти сложены хорошо, то ранѣе двадцатилѣтняго возраста рѣдко чувствуютъ какія либо страданія. Но послѣ этого симптомы ихъ болѣзни начинаютъ обнаруживаться. При малѣйшемъ напряженіи, поднимаясь на гору или на лѣстницу, у нихъ останавливается дыханіе; они поднимаютъ вверхъ плечи, чтобы облегчить его. Они гнутся впередъ и вообще чувствуютъ себя легче и свободнѣе въ согнутомъ положеніи, т. е. въ томъ, въ которомъ они работаютъ. Цвѣтъ ихъ лица—грязно-желтый, выраженіе — боязненное; они жалуются на стѣсненіе въ груди, голосъ у нихъ жесткій и сиплый; кашляютъ громко такимъ звукомъ, какъ еслибы пропускать воздухъ чрезъ деревянную трубу. Время отъ времени они выхаркиваютъ значительное количество пыли — или перемѣшанной съ мокротой, или шарообразной и цилиндрической формы, покрытой тонкимъ слоемъ мокроты. Кровохарканіе, трудность и даже неспособность лежать, ночной потъ, поносъ съ коликой, необыкновенная исхудалость со всѣми обыкновенными симптомами легочной чахотки — наконецъ сламываютъ ихъ. Я долженъ сказать, что всѣ попытки, какія дѣлались до сихъ поръ, чтобы облегчить или уничтожить эту болѣзнь, оказались совершенно безсильными противъ нея». Это писалъ Найтъ около 1835 года. Съ тѣхъ поръ и число шлифовальщиковъ, и болѣзнь значительно усилились. Чтобы помочь бѣдѣ, стали пытаться прикрывать шлифовальные камни и устранять пыль тягой воздуха. Попытки частью и удались, но шлифовальщики не остались довольны такимъ успѣхомъ. Они боялись, что этимъ привлечется большее число рабочихъ къ ихъ ремеслу и понизится задѣльная плата. Шлифовальщикамъ, являвшимся съ первыми симптомами одышки, докторъ Найтъ говорилъ: «Вы умрете, если пойдете опять къ своему шлифовальному камню». Но это ихъ нисколько не пугало. Кто сдѣлался разъ шлифовальщикомъ, тому, какъ человѣку, продавшему свою душу, ужъ нѣтъ возврата.

Образованіе въ этихъ трехъ округахъ стоитъ чрезвычайно низко. Въ Бирмингамѣ половина дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ вовсе не посѣщаетъ никакихъ школъ; а тѣ, которыя посѣщаютъ, часто ихъ мѣняютъ и, разумѣется, не могутъ получить никакого прочнаго образованія. Учителя въ школахъ крайне плохи. Одна учительница на вопросъ: «учитъ ли она нравственности?» отвѣтила: нѣтъ; да за три пенса въ недѣлю этого и требовать нельзя. А многіе и совсѣмъ не понимали вопроса, или нравственное воспитаніе вовсе и не считали своею обязанностью. Въ Стаффордширѣ тоже только половина дѣтей посѣщаетъ воскресныя школы, да и то чрезвычайно неправильно. Сравнительно съ другими округами, здѣсь очень мало грамотныхъ, а умѣющихъ писать и еще меньше. Оно и понятно, потому что дѣти очень рано берутся въ работу; наконецъ и сами учителя, большею частью кузнецы и рудокопы, едва сами читаютъ и очень часто не умѣютъ подписать своего имени. Комиссаръ Горнъ утверждаетъ, что въ Виленголѣ въ рабочихъ не существуетъ почти вовсе нравственнаго чувства. Онъ нашелъ, что дѣти не только не признавали никакихъ обязанностей относительно своихъ родителей, но и не чувствовали къ нимъ никакой склонности. Они были такъ мало способны разсуждать; все, что они говорили, было такъ тупо, такъ животно-глупо, что они даже утверждали, будто бы съ ними обращаются хорошо, и что вообще имъ отлично. Они не ставили ни во что свою 12—14-часовую работу, свои лохмотья, свой полуголодъ и побои, отъ которыхъ у нихъ болѣли бока нѣсколько дней. Они не имѣли никакого понятія о другомъ образѣ жизни, какъ мучиться въ работѣ съ утра до ночи, и никогда не только не слышали, но даже и не понимали вопроса: «устали ли вы?» И въ Шеффильдѣ то же самое, и тамъ мало грамотныхъ дѣтей, и тамъ нѣтъ порядочныхъ наставниковъ. Однимъ изъ нихъ былъ даже уличенный воръ, который, по выходѣ изъ тюрьмы, не найдя другого средства для существованія, пошелъ въ школьные учителя. Нравственность въ Шеффильдѣ стоитъ еще ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Молодые люди по воскресеньямъ лежатъ цѣлый день на улицахъ, играютъ въ орлянку или травятъ собакъ и посѣщаютъ усердно кабаки, гдѣ и сидятъ со своими возлюбленными; а вечеромъ, попозже, отправляются съ ними гулять вразсыпную отдѣльными парами. Въ одномъ кабакѣ комиссаръ нашелъ отъ 40 до 50 молодыхъ людей того и другого пола, почти всѣ моложе 17 лѣтъ; у каждой дѣвочки былъ свой кавалеръ. Все это пило, пѣло пѣсни, танцовало и играло въ карты. Тамъ и здѣсь сидѣли между ними публичныя женщины. Самыя даже преступленія отличаются здѣсь большею дикостью, чѣмъ гдѣ либо въ Англіи. Тотъ же комиссаръ разсказываетъ, что за годъ до него была открыта шайка, почти вся изъ молодыхъ людей, какъ разъ въ то время, когда у нея было все заготовлено, чтобы поджечь городъ.

Вотъ положеніе англійскаго промышленнаго пролетарія. Вездѣ, гдѣ ни посмотришь, постоянная бѣдность, страданія, болѣзни или отъ экономическаго положенія рабочихъ, или отъ самой работы, развратъ и медленное, но вѣрное разрушеніе физической и нравственной природы человѣка. Только Бруно-Гильдебрантъ и его почитатели не хотятъ понимать этого; по ихъ мнѣнію, теперь рабочимъ гораздо лучше: есть и желѣзныя дороги, и омнибусы, и народныя библіотеки, и дешевые рестораны, и даже цѣлая система благотворительности,—только слушайся хозяина, работай прилежно, не пьянствуй, не развратничай—и будетъ тебѣ хорошо: благодѣтели-хозяева и филантропы не оставятъ умереть съ голода.

Но такъ ли это?

Чтобы показать читателю, что всѣ эти фразы—чистый вздоръ, что всѣ мѣры, придуманныя фи-

лантропической буржуазіей, не въ состояніи измѣнить грустнаго положенія европейскаго рабочаго, и что ему дѣйствительно скверно, — мы нарочно будемъ ссылаться на показанія людей той же партіи, какъ Бруно-Гильдебрантъ и его русскіе почитатели. Надѣемся, что никто не заподозритъ ни Жюля Симона, ни французскаго экономическаго общества, ни адвоката Лорана въ неблагонамѣренности. Это люди порядка; вздора при Наполеонѣ III имъ говорить не позволяли, да они и сами говорить его не стали бы. Посмотримъ же, какого рода факты приводятъ они о Франціи.

РАБОЧІЕ ВО ФРАНЦІИ.

Положеніе рабочихъ во Франціи представляетъ такіе же печальные факты, какъ и въ Англіи. Фабрики и мануфактуры растутъ во Франціи все болѣе и болѣе, но рабочему отъ этого не дѣлается лучше. Попытка, сдѣланная тамъ и здѣсь улучшить его положеніе, помогла нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ; но вся система осталась прежней, и зло въ цѣломъ его объемѣ не только не уменьшилось, но постоянно увеличивается.

Фабрики и мануфактуры, съ ихъ механическими двигателями и машинами, разорвали всѣ прежнія соціальныя отношенія рабочихъ и къ хозяевамъ, и между рабочими. Прежніе патроны и мастера или обанкрутились, или пошли въ рабочіе, или сдѣлались управляющими на фабрикахъ. Что же касается собственно рабочихъ, то ихъ втиснули огромными массами въ огромныя фабрики и поставили въ то же положеніе пролетаріата, въ которое Англія поставила своихъ рабочихъ. Положеніе женщинъ во всемъ этомъ оказалось самое печальное. Когда Кольберъ, желая развить фабричную промышленность Франціи, задумалъ запереть на фабрики и женщинъ,—онѣ не пошли, и всесильный министръ съ деспотическимъ королемъ не могли побѣдить ихъ. Но то, что было невозможно для короля и министра, то сдѣлалъ легко паръ, машины и фабричная система: теперь женщины и дѣти составляютъ главную рабочую силу французскихъ фабрикъ.

Фабричная система Франціи та же, что и Англіи,— она и вездѣ одинакова; понятно, что и слѣдствія будутъ тѣ же самыя. Факты, представляемые Франціей въ этомъ отношеніи, едва ли еще не печальнѣе, особенно потому, что протесты рабочихъ здѣсь менѣе возможны по самому политическому устройству страны.

Чтобы не дѣлать статью слишкомъ длинной и не повторять того, что было уже говорено объ Англіи, мы остановимся на тѣхъ болѣе главныхъ моментахъ жизни и положенія французскаго рабочаго, которые показываютъ болѣе осязательно, что ему очень скверно и невозможно оставаться долго въ этомъ положеніи: задѣльную плату получаетъ онъ очень малую, живетъ въ дурномъ помѣщеніи, въ грязи и нечистотѣ; работаетъ до упадка силъ; о воспитаніи его никто не заботится, и послѣ всего этого его же еще и обвиняютъ въ пьянствѣ и развратѣ, какъ будто бы онъ не сумѣлъ быть другимъ, еслибы жизнь поставила его въ другія условія. Надобно удивляться не разврату рабочаго, а тому, что, несмотря на ужасный гнетъ всѣхъ обстоятельствъ, рабочій еще такъ хорошъ, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ далеко гуманнѣе и нравственнѣе французской буржуазіи.

I. Пьянство и развратъ.

Склонность къ пьянству сильно развита между фабричными рабочими Франціи. Получивъ расчетъ за недѣлю, рабочій отправляется обыкновенно въ кабакъ. Тутъ онъ играетъ въ карты, пьетъ, поетъ, куритъ—и ему весело. Всякій край представляетъ въ этомъ отношеніи свои особенности. Въ Лилѣ и Мильгузѣ поютъ; въ Руанѣ пьютъ серьезно, уединенно, пока не напьются совсѣмъ. До послѣдняго увеличенія Парижа, въ немъ составилъ себѣ славу, подъ именемъ la barrière, цѣлый рядъ загородныхъ кабаковъ. Куда они дѣлись теперь — неизвѣстно. Обыкновенно пустынные въ теченіе всей недѣли, они вдругъ оживали въ субботу. Ужъ съ утра привозились туда провизія, тарелки, стаканы, посыпался въ комнатахъ песокъ, у входовъ ставились деревья въ горшкахъ и развѣшивались повсюду цвѣтные фонари. Гарсоны, не имѣющіе постоянныхъ мѣстъ, сбѣгались тучами со всѣхъ концовъ Парижа. Скрипки, кларнеты, всякіе бродяги и дѣвки—все набиралось заблаговременно. Толпы рабочихъ появлялись наконецъ только вечеромъ, послѣ расчета. Каждую субботу въ одинъ и тотъ же часъ они являлись сюда съ точностью хронометра. Съ ихъ появленіемъ все оживало, и начиналась оргія. Визгъ кларнетовъ и скрипокъ, чоканье стакановъ, шумъ, крикъ, пляски и даже драки смѣняли обыкновенную тишину барьера. Кого не увела полиція вечеромъ, тотъ оставался здѣсь всю ночь, оставался воскресенье и даже понедѣльникъ.

Эти прогулы понедѣльниковъ, или попросту «понедѣльники», составляютъ для фабриканта порядочное мученье. Они общи всѣмъ фабрикамъ Франціи, и только въ Аданѣ удалось ихъ прекратить. Зло «понедѣльниковъ» важно не столько въ томъ отношеніи, что убавляетъ барыши фабрикантовъ, какъ въ томъ, что пьющіе рабочіе заставляютъ сидѣть безъ дѣла людей непьющихъ, напримѣръ: если двое работаютъ на одномъ станѣ или при одной машинѣ, или работа одного слѣдуетъ непосредственно за работою другого. Въ Амьенѣ вы-

пивается въ день 80.000 рюмокъ водки; въ Руанѣ, гдѣ въ послѣдніе годы выдѣлывалось мало сидру, а вино виноградное было не по средствамъ рабочихъ, они принялись за водку. Въ годъ, въ Руанѣ, продается до пяти милліоновъ литровъ водки, не считая сидра, вина и пива.

Кромѣ постоянныхъ «понедѣльниковъ», рабочіе имѣютъ еще годовые праздники. Праздникъ въ Ліонѣ бываетъ въ первый понедѣльникъ послѣ лѣтняго Николы и продолжается три дня. Въ этотъ праздникъ пропивается очень много. Еще наканунѣ рабочіе являются къ хозяевамъ и просятъ у нихъ штрафныя деньги, взыскиваемыя съ нихъ въ теченіе года. Чтобы показать рабочимъ, что штрафы взыскиваются съ нихъ не въ личную свою пользу, а для поддержанія порядка и дисциплины, хозяева отдаютъ имъ эти деньги. Разумѣется, все это тутъ же и пропивается. Излишнее пьянство, вмѣстѣ съ другими неблагопріятными обстоятельствами, въ которыхъ живутъ фабричные рабочіе, обнаружило во Франціи свое вліяніе: рабочіе тамъ уже вырождаются. Но во Франціи пьютъ не одни взрослые, тамъ пьютъ и дѣти, — совершенно также, какъ и въ Англіи; увлекаясь примѣромъ родителей и товариществомъ, мальчики начинаютъ пить уже съ двѣнадцати лѣтъ. Нерѣдко можно встрѣтить ихъ цѣлыми кучками въ кабакѣ передъ прилавкомъ, съ трубками въ зубахъ. Не успѣвъ придумать другихъ средствъ противъ зла, французы обратились къ полицейскимъ мѣрамъ. Напримѣръ, въ Дуэ полицейское начальство запретило мальчикамъ курить, а въ Лилѣ запрещено виннымъ торговцамъ отпускать имъ вино, если они приходятъ безъ родителей. Это кончается, разумѣется, тѣмъ, что первый попавшійся пріятель или просто какой нибудь гуляка беретъ мальчика подъ свое покровительство и пьетъ съ нимъ вмѣстѣ, на его счетъ.

Противъ прогуловъ фабриканты придумывали много средствъ, и всѣ они оказывались неуспѣшными, потому что хотѣли лечить болѣзнь не съ того конца. Одни изъ фабрикантовъ платили своимъ рабочимъ разъ въ двѣ недѣли, чтобы рабочему было менѣе случаевъ и соблазна. Но развѣ рабочій можетъ согласиться на это? Развѣ ему, человѣку, живущему изо дня въ день, можно ждать двѣ недѣли? Да хоть бы и не эти причины. Рабочій хочетъ просто, чтобы ему платили чаще, разъ въ недѣлю, и онъ не станетъ жить у хозяина, который вздумаетъ платить ему чрезъ двѣ недѣли. Другіе фабриканты вздумали платить по средамъ или по понедѣльникамъ, и кто не явился въ понедѣльникъ, тому плата откладывалась до слѣдующаго понедѣльника. Но эта буржуазная выдумка стоитъ рабочему пытки; хуже, — она разоряетъ его въ конецъ, она дѣлаетъ его нищимъ. Чтобы прожить недѣлю, ему нужно брать все въ долгъ, т. е. покупать все гораздо дороже. А развѣ у рабочаго есть средства платить за все дороже? Развѣ ему есть возможность входить въ долги? Такими полицейскими мѣрами можно или ожесточить рабочаго, или разорить его въ конецъ, нисколько не исправивъ. Причина зла лежитъ въ самомъ положеніи рабочаго: измѣните его, и все измѣнится само собой. Но были мѣстности, гдѣ французы поступили еще глупѣе. Они закрыли заведенія, пользовавшіяся дурной репутаціей, и увеличили число полицейскихъ для надзора за рабочими. Какъ будто бы продавецъ, знающій свое дѣло, не найдетъ случая продать вино или привлечь къ себѣ охотника до водки; какъ будто бы человѣкъ, желающій непремѣнно выпить, не сумѣетъ обмануть самаго строгаго и неусыпнаго надзирателя! Все это, разумѣется, пустыя и смѣшныя мѣры; мы упоминаемъ о нихъ для того, чтобы показать ошибки людей, считающихъ возможнымъ огромное общественное зло, экономическую неурядицу, лечить частными полицейскими мѣрами.

Бѣдность, трудныя и вредныя работы и развратъ обнаружили и во Франціи огромное вліяніе на смертность, особенно между дѣтьми. Виллермэ приводитъ слѣдующій фактъ. Бѣдность, въ которой живутъ рабочіе бумажныхъ фабрикъ въ верхнерейнскомъ департаментѣ, такъ велика, что половина ихъ дѣтей умираетъ до двухлѣтняго возраста, тогда какъ изъ дѣтей негоціантовъ, фабрикантовъ, управляющихъ фабриками та же самая половина достигаетъ до двадцатидевяти-лѣтняго возраста. Смертность между дѣтьми во Франціи ужасна. Очень часто можно слышать отъ матерей: у меня осталось четверо дѣтей изъ двѣнадцати; а въ фабричныхъ городахъ Франціи вовсе не рѣдко, если у матери было восемнадцать дѣтей. И чѣмъ больше число рожденій, тѣмъ больше смертность. Какъ бы ни было велико число дѣтей, матери едва ли удастся спасти двухъ. И, несмотря на огромное число рожденій, населеніе Франціи не увеличивается. Въ Руанѣ, по свѣдѣніямъ 1859 года, изъ 3.000 дѣтей умерло въ томъ же году 1.100. Но эта цифра невѣрна, потому что она относится до дѣтей, умершихъ въ Руанѣ, тогда какъ еще значительное число отсылается въ деревни. Вообще принимаютъ, что изъ числа дѣтей рабочихъ половина умираетъ въ первомъ году. Изъ наблюденій, дѣланныхъ съ большою точностью въ 1855 году и въ теченіе половины слѣдующаго года въ госпиталяхъ и воспитательныхъ домахъ Сенъ - Вивьена и Сенъ-Маслу, оказывается слѣдующее: изъ 100 дѣтей, принятыхъ въ дома, въ возрастѣ отъ 6 дней до одного года, — 56 умерло въ томъ же году; изъ 100 дѣтей, принятыхъ въ госпитали моложе 60 дней,—83 умерло, не достигнувъ года. И почти всѣ умерли отъ голода. Супъ, который дается дѣтямъ, утомляетъ ихъ желудокъ, порождаетъ хроническую діарею; ничто такъ не трудно для грудного младенца, котораго силы должны быть возстановлены быстро, какъ супъ: ребенокъ не переноситъ его и умираетъ. Замѣчаніе это подкрѣплено многими вскрытіями. Докторъ Леруа говоритъ, что причиной смертности дѣтей не столько развратъ матерей, сколько ихъ отсутствіе. Молоко матери, самое дурное, негодное для посторонняго ребенка, хорошо для ея собственнаго. Исключеніе только въ томъ случаѣ, если мать насыщается водкой. Другое общее правило, недопускающее

почти исключеній, заключается въ томъ, что всѣ бѣдныя дѣти, имѣющія молочницу (что почти всегда бываетъ), и когда она сопровождается поносомъ (что очень часто), умираютъ, если они на соскѣ. Въ этомъ отношеніи фабрики и мануфактуры въ высшей степени убійственны, потому что матери могутъ кормить своихъ дѣтей только ночью и въ полдень, когда дается роздыхъ.

Вырожденіе фабричныхъ и страшная смертность между дѣтьми составляютъ фактъ, замѣченный во всѣхъ фабричныхъ мѣстностяхъ Франціи. Если находишься при выходѣ рабочихъ съ фабрикъ, то поражаешься огромнымъ числомъ искалѣченныхъ и обезображенныхъ дѣтей. Фабричные округа даютъ наименьшее число людей, годныхъ для военной службы, несмотря на то, что теперешнія требованія уже не такъ строги. Голодъ въ первой молодости, а затѣмъ слишкомъ ранняя и чрезмѣрная работа сдерживаютъ ростъ ихъ и дѣлаютъ ихъ слабыми и болѣзненными.

Легкое поведеніе, въ которомъ обвиняютъ рабочихъ, происходитъ отъ тѣхъ же причинъ и идетъ рядомъ со страстью къ вину. Бо́льшая часть дѣвушекъ, занятыхъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, не отличается нравственностью. Да и кому смотрѣть за ними? Управляющій фабрикой наблюдаетъ только за работой; до остального ему нѣтъ дѣла. А еще чаще онъ и самъ помогаетъ разврату, пользуясь своимъ положеніемъ. Хозяинъ, если нѣтъ скандаловъ и внутри заведенія все въ порядкѣ, смотритъ на это сквозь пальцы. Да и какъ устоять дѣвушкамъ вообще противъ соблазна? Отецъ пьетъ или не бываетъ дома, мать тоже или кутитъ, или занята вѣчно на фабрикѣ; а тутъ такое множество соблазновъ, такъ легко забыться въ любви; да къ тому же, среди вѣчной нищеты, лишеній, вѣчнаго труда и нѣтъ другихъ радостей. А случается, что и сама мать помогаетъ разврату дочери; сама совѣтуетъ ей пріискать себѣ любовника, въ надеждѣ извлечь изъ этого какія нибудь выгоды. А если дѣло затянется, то, пожалуй, и замѣтитъ дочери: «Вотъ ты ничего не дѣлаешь для своихъ». Фабричныя дѣвушки имѣютъ обыкновенно дѣтей уже въ 16 лѣтъ и даже ранѣе. Виллермэ увѣряетъ, что въ Реймсѣ дѣвушки начинаютъ съ двѣнадцати лѣтъ. Реймсъ, какъ извѣстно, долго служилъ главнымъ источникомъ, снабжавшимъ парижскіе дома извѣстными женщинами. Въ Сенъ-Кентенѣ о самыхъ большихъ безпорядкахъ этого рода говорятъ тономъ шутки; а о дѣвушкахъ, которыя наряжаются, чтобы понравиться кому нибудь, выходя съ фабрики, говорятъ, что онѣ дѣлаютъ «пятую четверть», и ихъ прозвали cinqquarts. Въ Лилѣ, даже въ самыхъ лучшихъ домахъ, предназначаютъ въ кормилицы дѣвушекъ-матерей.

Даже Парижъ въ дѣлѣ разврата не превосходитъ фабричныхъ городовъ Франціи: Сенъ-Кентена, Реймса, Руана, Лиля. Развратъ въ этихъ городахъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Разница только въ томъ, что дебоши Парижа болѣе систематичны, болѣе сознательны. Парижскій рабочій развратничаетъ по принципу, у него есть свои софизмы противъ супружества. Манера жить внѣ брака распространяется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе въ населеніи предмѣстій Парижа. Эльзасскіе рабочіе, если имъ случится устроить такую контрабандную связь, называютъ это жить по парижски. У нихъ даже выдуманъ и глаголъ—parisieren.

Дѣвушки вообще зрѣютъ ранѣе мальчиковъ. При выходѣ съ фабрикъ, когда дѣвушки и мальчики толпятся на лѣстницахъ, на дворѣ или въ сосѣднихъ улицахъ, очень часто дѣвушки задѣваютъ мальчиковъ, смѣются надъ ихъ неловкостью и преслѣдуютъ ихъ двусмысленными и даже непристойными словами и выраженіями. Уроки эти, разумѣется, не пропадаютъ даромъ.

Чтобы предупредить развратъ, нѣкоторые фабриканты устроили у себя разные выходы, для каждаго пола отдѣльный, и даже разные часы отпуска съ работы. Въ Баккари работники и работницы отдѣлены совершенно перегородкой, и ключъ отъ двери находится всегда у управляющаго. Но только изъ этого, разумѣется, не выходитъ ничего.

Разсказываютъ, что между работницами есть такія, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ своего жилья. Когда любовникъ оставитъ такую дѣвушку, она сейчасъ же должна взять другого, чтобы не очутиться подъ открытымъ небомъ. Родится ребенокъ—любовникъ нерѣдко бросаетъ мать и оставляетъ ребенка на ея плечахъ; и она не удивляется этому, она даже не ропщетъ. Если такой ребенокъ не будетъ помѣщенъ въ домъ для найденышей, то мать отдаетъ его на попеченіе, чтобы кормить au pett-pott, т. е. козьимъ или коровьимъ молокомъ. Обычай убійственный.

Въ Амьенѣ и другихъ городахъ конторы благотворительности даютъ дѣвушкамъ-матерямъ, которыя кормятъ сами своихъ дѣтей, по 7 франковъ въ мѣсяцъ; но замужнія женщины не имѣютъ права на эту помощь. А между тѣмъ многіе мужья смотрятъ на своихъ женъ, какъ на любовницъ; они ихъ бросаютъ, когда у нихъ пойдутъ дѣти, и уходятъ въ другой городъ, чтобы жить холостяками. Если чрезъ нѣсколько лѣтъ такой мужъ возвращается, жена принимаетъ его обыкновенно по старому, какъ будто бы ничего и не было.

Чтобы облегчить браки во Франціи, между католиками есть общество (Société de Saint-François-Régis), которое беретъ на себя всѣ расходы и хлопоты и устраиваетъ женитьбы между людьми, имѣющими связи. Будущимъ супругамъ заботиться рѣшительно не о чемъ—отъ нихъ ждутъ только согласія. Предсѣдатели разныхъ отдѣленій этого общества говорятъ, что въ минуты совершенія брака у жены открывается всегда нѣсколько дѣтей, обыкновенно отъ разныхъ отцовъ, и объявляются нерѣдко такія дѣти, которыхъ будущій мужъ совсѣмъ не знаетъ. И, несмотря на все это, нерѣдко женщины, имѣвшія до брака многихъ любовниковъ, остаются совершенно вѣрны своимъ мужьямъ. Кажется, только Руанъ и представляетъ исключеніе въ этомъ случаѣ. Въ немъ есть множество примѣровъ, что мужъ и жена расходятся, и ка-

ждый изъ нихъ обзаводится новымъ семействомъ.

Впрочемъ, какъ бы ни было дурно въ молодости поведеніе женщинъ, онѣ ведутъ себя впослѣдствіи гораздо лучше, чѣмъ мужчины; уже одно, что женщина гораздо воздержнѣе во всемъ. Но съ развитіемъ фабричной жизни и фабричныхъ нравовъ, съ увеличеніемъ бѣдности между рабочими и съ увеличеніемъ числа ихъ, ничего нѣтъ мудренаго, что и женщины начнутъ пить. Въ Англіи, гдѣ фабричная система со всѣми ея послѣдствіями существуетъ уже давно, распивочныя лавки посѣщаются болѣе женщинами, чѣмъ мужчинами. Въ Руанѣ и Лилѣ пьянство между женщинами начинаетъ тоже развиваться. Предсѣдатель благотворительнаго общества въ Лилѣ опредѣляетъ число пьяницъ въ слѣдующихъ процентахъ: между мужчинами 25, а между женщинами 12. Въ кварталѣ Спасителя женщины имѣютъ даже свои кабаки, назначенные собственно для нихъ. Тамъ онѣ пьютъ кофе, а еще больше джинъ.

Необходимость оставлять дѣтей дома однихъ, отправляясь на фабрику, ввела между французскими рабочими англійскій обычай давать имъ теріакъ. Благодаря такому снадобью, женщины, берущія дѣтей на попеченіе, могутъ безъ труда держать въ одной комнатѣ большое число совсѣмъ маленькихъ и грудныхъ дѣтей. Эти несчастныя существа и въ воскресенье не спасены отъ своей отравы. Въ субботу вечеромъ продажа капель у аптекарей квартала Спасителя даже усиливается, потому что матерямъ нужно идти на вечернее собраніе въ свои кабаки.

Въ Руанѣ слѣдуютъ другой методѣ. Мелочные продавцы овощей настаиваютъ хлѣбную или картофельную водку остатками овощей. Женщины, являющіяся за провизіей, покупаютъ у нихъ на нѣсколько су этой водки и пьютъ ее дома, сначала, чтобы заглушить свое горе, забыть свою нищету, а потомъ понемногу привыкаютъ и пьютъ уже не хуже мужчинъ. Пьянство женщинъ во Франціи не ушло такъ далеко, какъ въ Англіи, гдѣ матери не только пьютъ сами, но поятъ своихъ дѣтей и даже бьютъ ихъ, когда они не хотятъ пить. Французскія женщины во многихъ мѣстахъ даже совсѣмъ не пьютъ, напримѣръ, въ Сенъ-Кентенѣ, гдѣ хотя онѣ дошли до крайнихъ предѣловъ распущенности въ одномъ отношеніи, но зато не знаютъ ничего, кромѣ воды.

Вообще, однако, женщинамъ труднѣе, чѣмъ мужчинамъ; кромѣ фабричной работы, на нихъ лежитъ еще много обязанностей: онѣ должны смотрѣть за домомъ, должны и встать раньше своихъ, чтобы приготовить пастетъ мужу и дѣтямъ; онѣ должны и лечь послѣ, чтобы убрать домъ и починить лохмотья своихъ домашнихъ. Разумѣется, совершеннаго хозяйства нельзя требовать отъ женщины, работающей каждый день на фабрикѣ по тринадцати часовъ. Но работа ея—этотъ вѣчный принудительный трудъ, трудъ изъ-за куска черстваго насущнаго хлѣба — трудъ каторжника. Семья доставляетъ ей не утѣшеніе, а новый трудъ и огорченія; даже со стороны мужа, которому она служитъ, вмѣсто ласки, достаются ей нерѣдко побои. Вотъ жизнь фабричной женщины! Трудъ и нищета въ настоящемъ, трудъ и нищета въ будущемъ,—другого впереди нѣтъ.

II. Помѣщенія рабочихъ.

Помѣщенія французскихъ фабричныхъ рабочихъ того же сорта, какъ и рабочихъ англійскихъ,—они грязны, скверны, вредны.

Когда Бланки, нѣсколько лѣтъ назадъ, описалъ подвалы Лили, со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ, что онъ преувеличиваетъ. А между тѣмъ Бланки говорилъ сущую правду. Съ тѣхъ поръ принялись усердно ломать погреба, и изъ 3.600 уничтожили три тысячи; многіе изъ подваловъ на большихъ улицахъ и площадяхъ превращены въ магазины и въ кофейни. Но при всемъ томъ въ Лилѣ и въ Дуэ осталось еще нѣсколько сотенъ образчиковъ, какъ ихъ описалъ Бланки. Это—отверстіе на улицѣ, закрывающееся подземной дверцой; затѣмъ пятнадцать или двадцать каменныхъ дурныхъ ступеней, ведущихъ въ погребъ; погребъ, какъ всѣ погреба, со сводомъ, съ землей вмѣсто пола, освѣщаемый единственно черезъ входъ; длиной подвалъ въ двѣ съ половиною сажени, а шириной въ двѣ. Разумѣется, и тутъ нашлись люди, которые стали увѣрять, что такія квартиры нравятся рабочимъ, что лѣтомъ въ нихъ не жарко, а зимой тепло. Но все это натяжки и ложь. Погреба эти темны, такъ что въ нихъ ничего нельзя дѣлать; женщины не могутъ въ нихъ шить и заниматься подобной работой, потому что рискуютъ лишиться зрѣнія. Полъ неровный, сырой; стѣны грязныя, потемнѣвшія отъ времени и тоже сырыя; воздухъ спертый, влажный, безъ всякой возможности вентиляціи, потому что въ погребѣ всего одно отверстіе; а если рядомъ случится еще и сточная труба, то онъ становится совершенно невозможнымъ для дыханія, особенно лѣтомъ. Эти-то подземелья служатъ квартирами для цѣлой семьи. Отецъ, мать, дѣти помѣщаются всѣ вмѣстѣ, а нерѣдко и спятъ въ одной кровати, вперемежку, безъ различія пола и возраста. Ихъ даже не стѣсняетъ смѣшеніе половъ, и если случается кровосмѣшеніе, они не краснѣютъ и даже не скрываютъ его. Комиссія, назначенная въ Лилѣ для наблюденія за помѣщеніями, вредными для здоровья, распорядилась уже уничтоженіемъ многихъ изъ этихъ погребовъ, но, къ несчастью, ихъ приходится терпѣть, потому что для рабочихъ нѣтъ другихъ помѣщеній. Впрочемъ, они и не выиграли бы много, еслибы, покинувъ свои подземелья, переселились на старые «дворики». Это — лабиринтъ узкихъ переулковъ, входящихъ одинъ въ другой. Дома въ нихъ дурны, стары, скверно выстроены, худо освѣщены, почти не запираются, и въ нихъ-то набиты рабочіе. Переулки такъ узки, что нужно ходить поодиночкѣ, и грязны до послѣдней степени. Дома издаютъ страшное зловоніе, потому что отхожія мѣста помѣщены внизу у лѣстницы и, большею частью, не запираются. Одно семейство рабо-

чихъ занимаетъ рѣдко болѣе одной комнаты и обыкновенно платитъ въ недѣлю отъ 1 фр. 25 сант. до 2 франковъ. Въ такой комнатѣ, какъ бы ни велика была семья, рѣдко болѣе двухъ постелей. Благотворительное общество въ Лилѣ раздаетъ бѣднымъ рабочимъ желѣзныя кровати. Въ послѣдніе четыре года ихъ было роздано 3.500. Но рабочіе не всегда пользуются ими: одни продаютъ; другіе отказываются, потому что нѣтъ мѣста въ квартирѣ.

Въ Рубэ, Сенъ-Кентенѣ, вездѣ — то же самое: та же скученность людей и домовъ, та же нечистота. А между тѣмъ Рубэ новый городъ; онъ все расширяется и не имѣетъ извиненія Лиля, который окруженъ крѣпостной стѣной и не можетъ идти за нее. Мало того, что помѣщенія для рабочихъ скверны, но ихъ еще и недостаточно. Недавно одинъ фабрикантъ въ Лилѣ, у котораго недоставало рабочихъ рукъ, пріискалъ себѣ съ большимъ трудомъ нѣсколько работницъ изъ другого мѣста. Имъ было у него гораздо выгоднѣе, и, несмотря на то, при первомъ расчетѣ онѣ объявили, что должны оставить фабрику. Оказалось, что онѣ не могли найти квартиры и ночевали все время подъ воротами.

Выгода сдавать помѣщенія рабочимъ вызвала много спекуляторовъ, которые, думая только о барышахъ, строятъ дома скверно, безъ стоковъ, безъ отдѣльныхъ дворовъ или совсѣмъ безъ дворовъ, безъ хозяйственныхъ помѣщеній при квартирахъ, и, стараясь выгадать какъ можно больше мѣста, дѣлаютъ комнатки совсѣмъ тѣсныя. Дома эти хороши повидимому, пока они еще новы.

Въ Амьенѣ и Сенъ-Кентенѣ — въ каждомъ изъ нихъ есть свои рабочіе кварталы, и помѣщенія для рабочихъ также скверны, какъ въ Рубэ и Лилѣ. Въ Сенъ-Кентенѣ можно еще найти нѣкоторые слѣды фламандской чистоты. Даже самые бѣдные стараются добыть себѣ стѣнные часы или, имѣя нѣсколько су, покупаютъ себѣ распятія, чтобы украсить свою комнату. Но въ Амьенѣ этого уже нѣтъ: чувство чистоты тамъ притупилось, и въ рабочемъ замѣтна какая-то апатія; онъ живетъ скверно, въ очень дурныхъ помѣщеніяхъ. А между тѣмъ Амьенъ очень красивый городокъ, — въ немъ прекрасные бульвары, широкія, красиво застроенныя улицы и одинъ изъ лучшихъ соборовъ въ Европѣ. Жителямъ этихъ хорошихъ улицъ только и остается думать, что и рабочимъ жить также хорошо, какъ имъ, что у всѣхъ рабочихъ есть и хлѣбъ, и огонь, у всѣхъ есть постель!

Въ Реймсѣ контрастъ еще поразительнѣе, потому что промышленность тамъ живѣе. Красивый городъ, съ прекрасными окрестностями, богатыми зданіями, скрываетъ въ себѣ бездну улицъ и дворовъ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ тюрьма, гдѣ нѣтъ почти свѣта и воздуха, и вредное вліяніе которыхъ на здоровье и нравственность рабочихъ было признано свидѣтельствомъ оффиціальныхъ лицъ.

И всѣ фабричные города Франціи представляютъ то же самое. Въ Таннѣ, въ предмѣстьѣ Катенбахъ, напримѣръ, въ квартирѣ изъ двухъ маленькихъ комнатъ живутъ: отецъ, мать, дочь съ мужемъ и четырьмя дѣтьми. Къ нимъ входъ чрезъ свиное стойло, въ которомъ хозяинъ дома держитъ образчики поросятъ и свиней. Рядомъ съ ними два женатыхъ брата, каждый съ тремя дѣтьми, — всего десять человѣкъ,—живутъ въ комнаткѣ въ $1^1/_2$ сажени ширины и $2^1/_2$ длины, освѣщенной однимъ окномъ. Тутъ же еще комната, побольше, довольно хорошо освѣщенная, въ которой живутъ девять человѣкъ. Когда въ 1855 году явилась холера, изъ этихъ девяти семеро умерло въ два дня; и населеніе всего квартала упадало страшнымъ образомъ. Когда холера появлялась въ какомъ нибудь домѣ, такъ развѣ чудомъ оставался кто либо въ живыхъ.

Но бѣдность еще ужаснѣе и еще повальнѣе въ Руанѣ. Трудно составить себѣ понятіе о нечистотѣ нѣкоторыхъ тамошнихъ домовъ, не видѣвъ ихъ. Нѣкоторые хозяева, получая плохую плату, совсѣмъ не заботятся о починкѣ и поправкѣ своихъ домовъ. Вотъ нѣкоторые факты. На одной мансардѣ, въ улицѣ Matelas, полъ совсѣмъ сгнилъ, и въ двухъ шагахъ отъ двери образовался провалъ такой величины, что чрезъ него пройдетъ легко человѣкъ. Двѣ несчастныя, занимающія эту квартиру, не имѣютъ даже чѣмъ заложить дыру и должны предупреждать всякаго посѣтителя крикомъ. Въ концѣ улицы Ganettes, гдѣ деревянные дома такъ и угрожаютъ развалиться каждую минуту, одинъ тесемочный ткачъ съ семействомъ живетъ въ помѣщеніи, назначенномъ, вѣроятно, быть чердакомъ. Квартира его имѣетъ 4 аршина ширины и 7 съ небольшимъ аршинъ длины, если мѣрить по полу. Печная труба дома съ выступомъ занимаетъ половину мѣста, а остальное такъ низко, что нельзя сдѣлать стоя трехъ шаговъ. Когда вся семья — мужъ, жена и четверо дѣтей—въ полномъ сборѣ, то имъ почти невозможно шевелиться. Голодъ и недостатокъ воздуха совершенно разстроили всю семью. Изъ четырехъ дѣтей, которыя еще были живы въ апрѣлѣ 1860 г., двое умерли чрезъ три мѣсяца, остальныхъ голодъ истомилъ совершенно: они были какъ скелеты. Отецъ этого несчастнаго семейства, хорошій ткачъ, могъ бы зарабатывать въ день 3—4 франка, а между тѣмъ, работая на тесемочной фабрикѣ, онъ добываетъ всего полтора франка. Зачѣмъ же онъ остается на ней? А онъ остается на ней потому, что онъ болѣе честный человѣкъ, чѣмъ его хозяинъ. Когда у него родилось послѣднее дитя, онъ былъ совершенно безъ денегъ, не было у него ни дровъ, ни одѣяла, ни свѣта, ни хлѣба, и онъ занялъ у своего хозяина 20 франковъ. Въ настоящее время онъ не можетъ оставить своего хозяина, не отработавъ ему долга. Ясно, что ему придется умереть, если ему не помогутъ; но его семья умретъ раньше.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ Бланки описалъ такъ дома бѣдныхъ рабочихъ въ Руанѣ: «Единственный входъ въ эти дома, низкій, узкій и темный, служитъ въ то же время скатомъ всякихъ нечистотъ, выливаемыхъ жильцами и стекающихъ со двора. Ходъ этотъ такъ низокъ, что въ немъ нельзя помѣститься стоя. Въ квартиры ведетъ узкая, витая, высокая, темная лѣстница. Сами квартиры чрезвычайно низки и тѣсны, почти не запираются и ли-

шены почти всякой мебели и домашней посуды. Изломанная кровать безъ простыни и одѣяла служитъ постелью. Дѣти болѣе маленькія сидятъ на мѣшкѣ съ золой, а остальное семейство вперемежку, какъ случится, на кровати». То же самое и теперь,— Руанъ не ушелъ дальше. «Я не богата, — сказала намъ (Бланки) одна изъ бѣдныхъ работницъ, указывая на свою сосѣдку, лежавшую на полу сырого подвала,—но, благодаря Бога, у меня есть свой пучокъ соломы». Вотъ положеніе бѣдныхъ рабочихъ, гораздо худшее, чѣмъ дикарей, въ такъ называемой образованной странѣ Европы, рядомъ съ роскошью разбогатѣвшей буржуазіи, замаскированное ея блестящими отелями, блестящими магазинами, ресторанами и кафе!

Нѣкоторые дома для рабочихъ приносятъ ихъ владѣльцамъ весьма незначительный доходъ, вслѣдствіе невысокой платы и неаккуратнаго платежа. Франкъ въ недѣлю за квартиру составляетъ для многихъ рабочихъ, имѣющихъ едва хлѣбъ, большой расходъ, а между тѣмъ при неисправномъ платежѣ съ него взять нечего: у него даже нѣтъ постели, которую пощадилъ законъ и не позволяетъ конфисковать. Между тѣмъ въ Реймсѣ, Сенъ-Кентенѣ, Лилѣ, Рубэ считаютъ хорошимъ помѣщеніемъ для капитала — строить на него дома для рабочихъ. Случается, что дома приносятъ 10 и 15%. Но зато какихъ хлопотъ стоитъ это хозяину! Болѣе богатые нанимаютъ управляющихъ, но есть и такіе, которые сами занимаются этимъ дѣломъ и убиваютъ на него все свое время. Только что хозяинъ собралъ съ своихъ жильцовъ деньги, ему снова приходится отправляться за сборомъ, потому что не всѣ жильцы въ состояніи заплатить при первомъ требованіи. Приходится нерѣдко къ одному и тому же постояльцу ходить нѣсколько разъ—и сегодня, и завтра, и послѣзавтра,—и всетаки неудачно. Хозяинъ, недопускающій отсрочекъ, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы получить деньги сразу; франкъ, полтора еще взыскать нетрудно, но 5, 6, 7 франковъ сразу, — это не всегда легко. Хозяева въ такихъ случаяхъ не церемонятся. Если мать семейства не въ состояніи заплатить въ понедѣльникъ, ей просто велятъ очистить квартиру, безъ всякаго сожалѣнія. Но если свободныхъ квартиръ нѣтъ, то довольно мудрено справиться съ неисправнымъ плательщикомъ, потому что онъ остается силой. Владѣльцы домовъ придумали снимать и уносить двери и окна. Разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ жилъ въ Лилѣ домовладѣлецъ, который отправлялся изъ дому утромъ съ ручной телѣжкой. Если одинъ изъ его жильцовъ не платилъ ему, онъ снималъ въ его квартирѣ окно или дверь и увозилъ. Случалось, что къ концу дня телѣжка его была сильно нагружена,—и, какъ говорятъ, онъ всетаки не умеръ милліонеромъ.

Чтобы имѣть понятіе о внутренности квартиръ рабочихъ, нужно видѣть ихъ до и послѣ закрытія фабрики. Въ теченіе дня мужчинъ нельзя найти въ квартирахъ; можно встрѣтить только женщинъ, дѣтей, иногда старика или больного, или ночного рабочаго, который отсыпается днемъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ женщины выросли и воспитались на фабрикахъ, разумѣется, порядка въ квартирѣ рабочаго немного. Такая женщина выходитъ замужъ, имѣетъ дѣтей, но ей незнакомы ни заботы о хозяйствѣ, ни даже заботы о своихъ дѣтяхъ,—она вся поглощена фабричной работой, которая для ея хозяйства почти не оставляетъ ей ни одной свободной минуты. Въ 1836 году число рабочихъ часовъ въ Мильгузѣ, Дорнадѣ, Лилѣ было 15, въ Бишвиллерѣ—16 и во многихъ мануфактурахъ доходило даже до 17. Въ настоящее время законъ ограничилъ время дѣйствительной работы для взрослыхъ двѣнадцатью часами; кромѣ того, еще полтора часа для отдыха, такъ что въ теченіе $13^1/_2$ часовъ женщина разлучена со своимъ семействомъ и не видитъ своего дома. При такомъ разсчетѣ слѣдуетъ предполагать, что квартира ея какъ разъ подлѣ фабрики, но это бываетъ рѣдко; обыкновенно же болѣе часу нужно, чтобы придти на фабрику и возвратиться домой, и выходитъ, что въ дѣйствительности женщина не бываетъ дома отъ 14 до 15 часовъ въ день. Понятно, что ее нельзя упрекать, если домъ у нея не выметенъ, не прибранъ и, вообще, держится не въ особенномъ порядкѣ. Истомленная дневнымъ трудомъ, она едва имѣетъ силы приготовить ужинъ и уложить дѣтей спать. Ни для нея, ни для мужа домъ не представляетъ никакихъ радостей. И что они могутъ найти въ немъ? Грязь и нечистоту, недостаточную и нездоровую пищу, страдающихъ и больныхъ дѣтей, которыя едва знаютъ своихъ родителей! Но не вечеръ составляетъ несчастіе семьи,—онъ, по крайней мѣрѣ, коротокъ,—а день, который тянется безконечно долго. И что будутъ дѣлать дѣти во все это время? Но вѣдь есть пріюты, школы, разныя благотворительныя заведенія. Да, все это есть, но все это не то; все это не мать. Вообразите, какой хотите, пріютъ— прекрасныя свѣтлыя комнаты, чистоту, порядокъ, ласковое обращеніе, а много ли изъ людей, мечтающихъ объ этомъ раѣ для рабочихъ, согласятся помѣстить туда своихъ дѣтей? Этотъ рай рабочаго начинается для него свѣтлымъ пріютомъ, продолжается свѣтлой фабрикой и кончается не менѣе свѣтлымъ госпиталемъ! И, несмотря на все это, не для всякаго ребенка осуществимъ рай пріюта. Постойте у дверей пріюта утромъ, и вы увидите, сколько матерей возвращаются со своими дѣтьми. Сосчитайте число мѣстъ въ пріютѣ и число дѣтей отъ двухъ до пяти лѣтъ, и вы увидите, что для десятой доли изъ нихъ найдется, можетъ быть, помѣщеніе. Откройте списки больницъ, и вы увидите, сколько кандидатовъ на каждую постель. Дѣло въ томъ, что мастерскія и фабрики открываются въ шесть часовъ, а пріюты и школы только въ восемь; что есть много городовъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ пріютовъ; что почти вездѣ слѣдуетъ платить за помѣщеніе, и хоть сумма невелика, но гдѣ ее возьметъ мать, сама едва имѣющая хлѣбъ? Вотъ почему нельзя удивляться, что такъ много дѣтей, едва одѣтыхъ, скитается въ переулкахъ рабочихъ кварталовъ и проводитъ свое время, забавляясь въ лужахъ и стокахъ всякихъ нечистотъ. Обращаемся

еще разъ къ Манчестеру, представляющему въ этомъ случаѣ удивительный образчикъ своего рода. Въ теченіе 1858 года было объявлено въ полицію о пропажѣ 4.715 дѣтей; и въ томъ же году въ Ливерпулѣ, городѣ не мануфактурномъ, но имѣющемъ такое же населеніе, какъ Манчестеръ, число заплутавшихся дѣтей составляло только 360.

Отправлять дѣтей въ школы? Но для этого нужно быть богатымъ, даже и для школъ даровыхъ. Шестилѣтнее дитя можетъ уже наматывать шпули, а восьмилѣтнее—работать на фабрикѣ. Предположите двухъ-четырехъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ,—развѣ одинъ рабочій въ семьѣ въ состояніи ихъ прокормить? Нужно, чтобы они сами добывали деньги. И родители съ нетерпѣніемъ ждутъ опредѣленнаго возраста, когда дѣти ихъ могутъ поступать на мануфактуру. Тутъ дѣйствуетъ не злое сердце, а голодъ. Если у родителей есть больше средствъ, если и жена зарабатываетъ деньги, такъ что они могутъ продержать своихъ дѣтей дома до 12 лѣтъ, они посылаютъ ихъ въ школы. Но тутъ другая бѣда: школы открыты пять-шесть часовъ, а на мануфактурѣ нужно пробыть тринадцать съ половиной. Что лучше: шесть часовъ ученья въ школѣ и семь съ половиною часовъ шатанья по улицамъ или преждевременная работа на фабрикѣ, безъ ученья? Вотъ въ чемъ вопросъ, — вопросъ, который сводится весь къ бѣдности.

Наибольшее число рабочихъ Франціи терпитъ страшную бѣдность, огромныя лишенія, которыя даже трудно вообразить, не видѣвъ ихъ. Даже на фабрикахъ и мануфактурахъ, идущихъ хорошо, гдѣ хозяева платятъ хорошо рабочимъ, болѣе половины ихъ, а особенно женщины, стѣснены очень въ жизни: у нихъ нѣтъ средствъ кормить и одѣвать своихъ дѣтей; они живутъ въ помѣщеніяхъ болѣе тѣсныхъ и непріятныхъ, чѣмъ тюрьма; если одно изъ дѣтей захвораетъ, они не въ состояніи ни купить лекарства, ни устроить ему удобную постель, ни даже нагрѣть квартиру. Доктора для бѣдныхъ говорятъ, что въ половинѣ случаевъ лучшее лекарство для нихъ хорошая пища; но они боятся, не смѣютъ сказать это семейству больного. Вотъ въ какомъ положеніи половина мануфактурныхъ городовъ даже въ пору цвѣтущаго состоянія промышленности и торговли. Но войдите въ нихъ во время кризиса,—вы ужаснетесь: вы встрѣтите не людей, а тѣни. Тутъ только и становится вполнѣ понятенъ смыслъ извѣстной формулы: «право на работу». Если ужасно положеніе человѣка работающаго, но не имѣющаго хлѣба, то каково же положеніе человѣка, полнаго силъ, полнаго желанія работать, со способностями — и не имѣющаго работы! Лишніе люди,—можно отвѣтить на это. Да, лишніе.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, относилось до рабочихъ фабричныхъ, рабочихъ на мануфактурахъ, бѣдность которыхъ рѣзче бросается въ глаза, потому что рабочіе скучены, потому что нищета кидается въ глаза массой. Но есть еще много другихъ занятій, такъ называемая малая индустрія—работа ремесленниковъ въ небольшихъ мастерскихъ и работа на дому. И тутъ положеніе рабочихъ также жалко, какъ положеніе рабочихъ фабричныхъ. Мы разсмотримъ болѣе главныя изъ нихъ, и преимущественно такія, гдѣ работа производится исключительно женщинами.

III. Ручные ткачи.

Введеніе машинъ и мануфактуры не убили еще вполнѣ ручного тканья. Очень можетъ быть, что ручные станы наконецъ исчезнутъ, но въ настоящее время они еще держатся, и нерѣдко рядомъ съ мануфактурой, гдѣ работаютъ сразу пятьсотъ становъ, можно найти ручныхъ ткачей, скромно работающихъ у себя на дому. Они работаютъ обыкновенно въ подвалахъ. Подвалъ, какъ всѣ подвалы, освѣщается однимъ отверстіемъ, довольно сыръ, чтобы пряжа не рвалась, и нерѣдко такъ малъ, что станъ занимаетъ его вполнѣ, и ткачу, чтобы связать лопнувшую нить, нужно подлѣзать подъ станъ.

Большая часть ткачей работаетъ поодиночкѣ, но случается, что въ одномъ подвалѣ стоятъ два, рѣдко болѣе становъ.

Бумажныя матеріи ткутся обыкновенно машиннымъ способомъ, какой бы онѣ ни были тонины. Ручная работа—исключеніе въ этомъ случаѣ, и число ручныхъ становъ постоянно уменьшается, вслѣдствіе невозможности соперничать съ машиннымъ производствомъ. Вотъ разсчетъ. Механическій станокъ производитъ, среднимъ числомъ, въ день 25 метровъ (почти 40 арш.), или 7.500 метровъ въ годъ; ручной станъ только 8 или 9 метровъ; но какъ онъ не работаетъ постоянно, то принимаютъ, что въ годъ на ручномъ станѣ можетъ быть приготовлено 1.300 метровъ. Матерія, стоящая 9 сантимовъ за метръ машиннымъ способомъ, стоитъ ручному ткачу около 11 сантимовъ. Положимъ, что фабрикантъ возьметъ только одинъ сантимъ барыша съ метра матерій, имѣющихъ постоянный сбытъ; ясно, что ручному ткачу конкуррировать съ нимъ невозможно.

Въ Вогезахъ, гдѣ множество ручьевъ и рѣчекъ позволили завести до 15.000 механическихъ становъ, ручные почти совсѣмъ исчезли. Въ Жерардмерѣ, въ Сенъ-Діэ, въ Ремиремонѣ и близъ Бламона ткутъ на ручныхъ только полотно и пеньку, а изъ бумаги только матеріи исключительной толщины и ширины, запросъ на которыя незначителенъ. Въ верхнерейнскомъ департаментѣ на 20.000 механическихъ становъ считалось 4.000 ручныхъ. Въ Сенъ-Кентенѣ пропорція обратная: въ городѣ всего до 800 механическихъ становъ; но въ мѣстности, которая тянется отсюда до Камбрэ и Перона и даже до Вервена съ другой стороны, занято тканьемъ не меньше 70.000 рабочихъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и до 40.000 ручныхъ становъ. Льняныя ткани только средней тонины приготовляютъ до сихъ поръ механическимъ путемъ; толстыя изъ нихъ и особенно тонкій батистъ ткутся руками. Ліонъ и весь югъ Франціи до сихъ поръ былъ спасенъ отъ машинъ и механическихъ двигателей, и шелковыя матеріи ткутся почти исключительно на ручныхъ станахъ.

Вездѣ, гдѣ паръ и вода не убили еще ручного производства, оно служитъ источникомъ благодендтвія для населенія. Двойная выгода имѣть ремесло сома и занятіе въ полѣ. Вообще для крестьянъ весьма выгодно сосѣдство большихъ промышленныхъ центровъ. Если остановилось его производство, онъ возвращается къ своему полю; если у него осталось время отъ полевыхъ занятій, онъ добываетъ деньги своимъ промысломъ. На западѣ Франціи, гдѣ народонаселеніе занято особенно возрощеніемъ льна и конопли, обработка ихъ, пряжа и тканье производятся руками, безъ всякаго пара и механическихъ становъ. Полотно Бретани пользовалось и пользуется до сихъ поръ извѣстностью и предпочитается фландрскому. Бумажныя ткани и мануфактуры дѣлаютъ страшную конкурренцію Бретани, но она вѣрна своимъ преданіямъ и не отстаетъ отъ обычаевъ своихъ предковъ. Красивая прялка съ веретенами тонкой работы служитъ до сихъ поръ свадебнымъ подаркомъ, который крестьянинъ-бретонецъ дѣлаетъ своей невѣстѣ, несмотря на то, что одной пряжей, когда нѣтъ другихъ занятій, невозможно ужъ и тамъ заработать себѣ кусокъ хлѣба.

IV. Кружевницы и цвѣточницы.

Плетеніе кружевъ было всегда исключительно женскимъ занятіемъ. Несмотря на свою высокую цѣну, кружева едва вознаграждаютъ ихъ плетеніе. Въ Парижѣ, гдѣ жизнь дорога, никогда не дѣлали кружевъ, развѣ въ видѣ исключенія. По той же самой причинѣ перестали ихъ дѣлать и въ Валансьенѣ, хотя и до сихъ поръ существуютъ въ продажѣ такъ называемыя валансьенскія кружева. Работа эта чрезвычайно трудная, требующая продолжительнаго ученія и отнимающая у работницы все ея время. Она вознаграждается такъ плохо, что промышленное населеніе сѣвернаго департамента нашло необходимымъ пріискать занятія болѣе выгодныя. А какъ нужно нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и цѣлый годъ, чтобы сплести купонъ въ три метра, и какъ кружевницы не могутъ ждать такъ долго платы, то установился обычай платить имъ по частямъ, за четверть метра. Но это опять невыгодно для подрядчиковъ, которые, снабжая кружевницъ нитками, должны платить впередъ почти за всю работу. Такимъ образомъ, Валансьенъ покончилъ со своими кружевами. Въ немъ остались всего три кружевницы: одна, дѣлающая настоящій валансьенъ, зарабатываетъ въ день всего полтора франка, а двѣ другія плетутъ тотъ сортъ валансьена, какой дѣлается въ Бельгіи, и добываютъ нѣсколько болѣе, т. е. полтора франка за двѣнадцать часовъ работы.

Алансонскія кружева (point d'Alençon) работаются совершенно на другихъ основаніяхъ; у кружевницъ принята система раздѣленія работъ. Въ валансьенскихъ одна и та же работница дѣлаетъ сѣть и рисунокъ; работницы же, плетущія алансонскія кружева, дѣлятся на нѣсколько категорій; у каждой свое занятіе: одна дѣлаетъ сѣть, другая—контуры цвѣтовъ, третья — матъ мелкій, четвертая—матъ крупный и т. д. Трехъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы изучить дѣло, и какъ работа ихъ необременительна, то и позволяетъ въ то же время заниматься вполнѣ и домашнимъ хозяйствомъ. Среднимъ числомъ работница добываетъ въ день только одинъ франкъ, или около 10 сантимовъ въ часъ. Болѣе искусныя зарабатываютъ даже 12 и 14 сант., но такихъ чрезвычайно мало. Нѣсколько кружевницъ, не болѣе десяти, находятся въ магазинахъ для пріема и поправки приносимыхъ работъ. Жалованье имъ въ недѣлю колеблется отъ 7 фр. 50 сант. до 10 фр. Кружевницы работаютъ или поодиночкѣ, сидя даже на порогѣ своего дома, или, чтобы сдѣлать экономію на освѣщеніи, онѣ собираются и работаютъ вмѣстѣ.

Алансонскія и валансьенскія кружева составляютъ предметъ роскоши; но въ Арасѣ, Овернѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лорены и преимущественно въ округѣ Мирекуръ дѣлаютъ кружева болѣе грубыя. Въ Арасѣ и его окрестностяхъ заняты этимъ дѣломъ до трехъ тысячъ работницъ. Кружевницы эти, большею частью изъ окрестныхъ крестьянокъ, занимаются этимъ дѣломъ, когда имъ нѣтъ работы въ полѣ. Онѣ работаютъ обыкновенно безъ заказа, изъ своихъ собственныхъ матеріаловъ, и зарабатываютъ весьма мало денегъ. Отличная работница, работая по двѣнадцати часовъ въ день, можетъ добыть около 1 фр. 25 сантимовъ.

Плетеніе кружевъ, кажется, единственная работа, которой не повредили машины,—по крайней мѣрѣ до сихъ поръ имъ не удались кружева; то машинное издѣліе, которое извѣстно подъ названіемъ «кружевъ», есть собственно тюль.

Къ занятіямъ цвѣточницъ принадлежитъ не одно дѣланіе собственно цвѣтовъ, но и приготовленіе другихъ украшеній, головного убора дамъ, разныхъ сортовъ перьевъ—марабу, райскихъ птицъ и т. д. Едва ли какое нибудь произведеніе современной промышленности можетъ сравниться въ изяществѣ съ издѣліями цвѣточницъ. Цвѣты, ими приготовляемые изъ бумаги или батиста, по свѣжести и блеску рѣшительно соперничаютъ съ живыми. Многія изъ работницъ—совершенныя художницы, изучающія съ любовью настоящіе цвѣты и подражающія природѣ съ точностью и искусствомъ лучшихъ живописцевъ. И несмотря на все это, плата самымъ искуснымъ цвѣточницамъ не бываетъ болѣе 3 франковъ въ день за одиннадцать часовъ работы. Minimum—два франка. При такой платѣ цвѣточницы едва имѣютъ средства существовать.

Изготовленіе цвѣтовъ—промышленность по преимуществу парижская,—по крайней мѣрѣ, Парижъ производитъ лучшее, что существуетъ въ этомъ родѣ. Около 6 тысячъ работницъ заняты въ Парижѣ этимъ дѣломъ.

V. Шляпныя мастерицы и дѣвушки въ магазинахъ.

Плетеніе соломенныхъ шляпъ составляетъ довольно значительную промышленность, и Нанси—

одинъ изъ главныхъ центровъ этого производства. Если вѣрить тамошнимъ фабрикантамъ, то ихъ шляпы отсылаются даже въ Америку. Большая часть мужскихъ шляпъ, извѣстныхъ подъ названіемъ соломенныхъ, плетутся изъ коры латановой пальмы. Фабриканты Нанси получаютъ кору, выдѣлываютъ и, разрѣзывая ее металлическими гребенками на тонкія нити, отсылаютъ для плетенья въ Мозель и Нижній Рейнъ.

Работницѣ платится за шляпу 56 сантимовъ; и нужно быть исключительно ловкой и работать весь день безъ устали, чтобы сплести двѣ шляпы. Панама и сшивныя шляпы высшей доброты дѣлаются также во Франціи: первыя—изъ листьевъ иніафы, привозимыхъ изъ Панамы, а вторыя изъ плетенокъ, привозимыхъ изъ Флоренціи и обложенныхъ страшно высокой пошлиной. Эта-то пошлина, а въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ качество матеріала объясняютъ частью причину дороговизны нѣкоторыхъ шляпъ. Въ одномъ изъ шляпныхъ магазиновъ Парижа долго была выставлена панама съ ярлычкомъ «2.000 фр.». Шляпу купилъ, какъ говорятъ, русскій. Эта самая шляпа продана фабрикантомъ въ магазинъ за 60 франковъ, а работница, которая плела ее, получила едва ли болѣе трехъ франковъ.

Дѣвушки въ магазинахъ принадлежатъ не всегда къ сословію работницъ. Занятія дѣвушекъ бываютъ чрезвычайно разнообразны,—ихъ нѣсколько категорій, и положеніе, которое онѣ занимаютъ, зависитъ отъ ихъ средствъ и образованія. Есть дѣвушки—чистокровныя буржуа, другія—простыя работницы или мастерицы, наконецъ третьи, занимающіяся, рядомъ съ дѣломъ, практикой другого рода...

Дѣвушки, сидящія въ магазинахъ за конторками и исполняющія нѣкоторыя мелочныя работы подъ надзоромъ хозяйки, принадлежатъ часто къ рабочему сословію. Для этого избираются женщины, отличающіяся красотой. Онѣ должны быть одѣты со вкусомъ, изящно и находятся обыкновенно въ сношеніи съ постоянными заказчицами. Многіе думаютъ, что постоянное сношеніе этихъ дѣвушекъ съ богатыми домами, роскошь, изящные туалеты, которые они всегда имѣютъ предъ глазами,—все это дѣйствуетъ на нихъ вредно въ моральномъ отношеніи. Такое замѣчаніе дѣлаютъ относительно модистокъ. Но едва ли оно справедливо. Есть другіе магазины, гдѣ за конторками должны быть непремѣнно самыя красивыя женщины. Такихъ магазиновъ гораздо больше, чѣмъ магазиновъ модъ, и опасность въ нихъ для женскаго цѣломудрія гораздо сильнѣе. Возьмемъ хоть кондитерскія. Это совершенныя мастерскія, въ которыхъ, въ ожиданіи покупщиковъ, дѣвушки приготовляютъ плоды, сироны, взвѣшиваютъ сахаръ и завертываютъ конфекты. Недостаточно еще умѣть отлично сдѣлать вкусныя конфекты, нужно умѣть ихъ и завернуть, украсить изящной оберткой; это тоже большое искусство, которымъ парижанки владѣютъ въ совершенствѣ. Занятіе, повидимому, пріятное, къ которому располагаютъ еще больше изящество и яркое освѣщеніе самой кондитерской лавки. Но вотъ вечеръ кончился,—нужно оставить и великолѣпный, ароматическій, ярко освѣщенный салонъ, богатые зеркала и ковры и отправляться въ своемъ нарядномъ шелковомъ платьѣ въ какую нибудь бѣдную улицу или закоулокъ и забраться въ шестой этажъ, въ бѣдную, маленькую, нетопленную комнату, гдѣ вся семья дѣвушки страдаетъ отъ нищеты, а нерѣдко и болѣзни.

Игрушечное производство имѣетъ много общаго съ кондитерскимъ,—общаго въ характерѣ собственно работъ, но большую разницу въ томъ отношеніи, что дѣвушкѣ не приходится играть роль изящной дамы съ десяти часовъ утра до десяти вечера. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа эта похожа на забаву, но большею частью она тосклива и однообразна. Есть работницы, все дѣло которыхъ заключается въ оклеиваніи цвѣтной бумагой маленькихъ комодиковъ; а этихъ комодиковъ тысячи. Однѣ изъ работницъ, болѣе искусныя, принуждены работать очень долго; другія полгода не имѣютъ никакихъ занятій. Въ ноябрѣ и декабрѣ обыкновенно не находятъ достаточнаго числа рабочихъ для убранства куколъ и для завертыванія мелкихъ конфектъ, и за этимъ дѣломъ приходится проводить цѣлыя ночи; потомъ наступаетъ тихое время, а лѣтомъ дѣлать почти нечего. Это сумасшествіе, лихорадочность въ спросѣ кидаетъ бѣдныхъ работницъ изъ одной крайности въ другую,—ихъ или убиваетъ работа, или убиваетъ голодъ. Сюда же можно отнести и приготовленіе всякихъ картонажей и даже бумажное производство, занимающее много женщинъ. Всѣмъ этимъ работницамъ достается въ день заработной платы отъ 1 до 2½ фр. Теперь стали брать женщинъ даже въ наборщицы типографій. Работа эта нелегка,— она утомляетъ зрѣніе и заставляетъ проводить все время стоя.

VI. Прачки и прислуга.

Главный отличительный характеръ прислуги, которая, въ строгомъ смыслѣ, тоже рабочіе, заключается въ томъ, что она болѣе всѣхъ другихъ находится въ неволѣ. Эта должность—рабство, холопство; тутъ личная услужливость, постоянное подчиненіе себя капризу и прихоти отдѣльнаго лица. Фабричный рабочій менѣе оскорбленъ въ своемъ личномъ достоинствѣ,—тамъ есть извѣстный законъ, извѣстный порядокъ, изъ котораго не могутъ выйти ни рабочій, ни даже самъ хозяинъ; какъ бы ни была невѣрна или ошибочна экономическая сила, управляющая движеніями промышленности и торговли, но это всетаки сила, которую всѣ чувствуютъ надъ собой,—это не произволъ одного лица. Наконецъ у фабричнаго рабочаго есть время, когда онъ можетъ быть у себя, какъ бы это «себя» ни было худо; у него есть свой домъ, есть отдыхъ. Ничѣмъ подобнымъ не пользуется прислуга: она никогда не принадлежитъ себѣ, она зависитъ отъ хозяина, она служитъ ему лично, служитъ все время непрерывно. Какъ бы въ награжденіе за потерю личной свободы, экономическое положеніе ея много

лучше положенія остальныхъ рабочихъ. Она имѣетъ лучшее помѣщеніе, лучшій столъ и весьма большое жалованье. Если во Франціи еще и сохранились такіе благословенные уголки, какъ Бретань, гдѣ прислугѣ платятъ пятнадцать, двадцать экю въ годъ, зато въ другихъ мѣстахъ, и особенно въ большихъ городахъ, явились совсѣмъ уже другія цѣны. Напримѣръ, въ Парижѣ, въ большихъ домахъ, 50 франковъ жалованья въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ—вовсе не рѣдкость. Но кромѣ всего этого еще и подарки. А кухарки къ этому пользуются еще контрабандными доходами, разными получками съ лавочниковъ и купцовъ, боящихся лишиться покупателей. Все это, разумѣется, на счетъ хозяевъ кухарки.

Судя по обезпеченному положенію кухарокъ, можно думать, что въ образѣ жизни ихъ есть нѣкоторый порядокъ и порядочность. Напротивъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Требюше и Пуара Дювалемъ (1855 г.), оказывается, что первое мѣсто по разврату принадлежитъ, какъ слѣдуетъ, женщинамъ безъ занятій, а за ними тотчасъ же слѣдуетъ прислуга. Оно и весьма понятно. Многія изъ нихъ бываютъ даже обольщены въ томъ домѣ, гдѣ онѣ служатъ. Лакей, кучеръ, проводя большую часть своего времени со служанками, имѣютъ бездну случаевъ сблизиться съ ними. А случается, что и самъ баринъ даетъ дѣвушкѣ первый урокъ любви.

Особенно дурное въ положеніи прислуги—это ихъ ужасныя помѣщенія. Парижскіе дома—совершенныя башни; большая часть изъ нихъ имѣютъ шесть этажей. Дороговизна земли заставляетъ хозяевъ вытягивать по возможности свои дома вверхъ; всякое едва годное мѣсто они дѣлаютъ комнатой. Ложи портье стали дѣлать наконецъ такими темными, а слѣдовательно нездоровыми, что полиція вмѣшалась въ это дѣло и ихъ запретила. Есть также законъ, опредѣляющій размѣръ комнатъ для спанья, хотя онъ почти не выполняется. Но законъ не можетъ принудить домовладѣльцевъ дѣлать комнаты для прислуги непремѣнно въ квартирахъ для жильцовъ. А отъ этого прислуга цѣлаго дома—горничныя, няньки, кухарки, лакеи, кучера—живетъ подъ крышей, въ каморкахъ, едва закрывающихся, куда можно взобраться только скорчившись. Въ этихъ-то свѣтелкахъ, съ микроскопическими окнами въ самой крышѣ, открывающимися, какъ табакерки, зимой холодно и сыро, а лѣтомъ нестерпимый жаръ. Еслибы эти свѣтелки обладали обитаемостью хотя въ самой малой степени, изъ нихъ бы сдѣлали квартиру. Но онѣ потому отданы прислугѣ, что нѣтъ такого человѣка, который согласился бы жить въ такой квартирѣ за деньги. Если же въ домѣ нѣтъ такихъ свѣтелокъ, то на чердакѣ, въ подвалѣ, гдѣ нибудь подъ изворотомъ лѣстницы всегда найдется мѣсто, чтобы положить тюфякъ горничной или лакея. И дѣйствительно, помѣщать прислугу въ седьмомъ этажѣ — совершенное варварство, даже убійство. Это что-то вродѣ знаменитыхъ свинцовыхъ тюрьмъ Венеціи, которыя, вѣроятно, нисколько не жарче комнатъ подъ желѣзными крышами Парижа. Но едва ли не такое же варварство помѣщать горничную, какъ собаку, на чердакѣ или подъ лѣстницей!

Въ ремеслѣ прачекъ сохранилось еще нѣсколько слѣдовъ прежней корпоративности. Каждый годъ, въ четвергъ средины великаго поста, прачки избираютъ изъ себя царицу, и сотни фіакровъ привозятъ прачекъ и гладильщицъ изъ окрестностей Парижа. Водоносы, нѣсколько навеселѣ, украшенные лентами всевозможныхъ цвѣтовъ, провожаютъ этотъ кортежъ. Вечеромъ же прачешныя на судахъ, на Сенѣ, превращаются въ танцовальныя залы. Праздникъ продолжается всего одинъ день; уже въ пятницу съ утра прачки принимаются снова за свои утюги.

Прачки дѣлятся на два разряда—мыльщицы и гладильщицы. Мыльщицамъ гораздо труднѣе; но чтобы быть гладильщицей, требуются особенная ловкость и довольно продолжительное ученье, по крайней мѣрѣ два года. Мыльщицы за день, въ четырнадцать часовъ, получаютъ 2 фр. 50 сант. и рѣдко 2 фр. 75 сант. Отдыху дается имъ полтора часа. Каждое утро хозяйка должна дать каждой рюмку водки. Гладильщицы тонкаго бѣлья и съ плойкой зарабатываютъ въ день 2 фр. 75 сант., а за ровное глаженье—2 фр. 50 сант. Рабочій день для прачекъ начинается въ восемь часовъ утра и продолжается до восьми вечера, съ получасовымъ отдыхомъ,—это зимой; а лѣтомъ — съ половины восьмого утра до восьми вечера, съ часовымъ отдыхомъ. Если приходится работать дольше, то за каждый лишній часъ платятся 25 сантимовъ.

Особенность этой профессіи заключается въ томъ, что работницы не служатъ постоянно у одной хозяйки; по крайней мѣрѣ, это—исключеніе. Обыкновенно же хозяйки, вышедшія сами изъ работницъ, смачиваютъ и крахмалятъ бѣлье сами и каждый день отправляются въ извѣстныя мѣста Парижа, куда гладильщицы собираются съ половины шестого утра и вербуютъ себѣ поденщицъ на день, на два.

VII. Швеи.

По свѣдѣніямъ 1851 года, число всѣхъ рабочихъ Парижа составляло 204.925 мужчинъ и 112.891 женщинъ. Изъ этихъ 112 тысячъ, по меньшей мѣрѣ, 60.000 занимались шитьемъ разнаго рода. Но эта цифра ниже дѣйствительной, потому что комиссія считала наемныхъ работницъ, т. е. получающихъ жалованье; но сколько еще есть швей, занимающихся работой у себя на дому, одиночно. Напримѣръ, работницъ, занимающихся починкой и поправкой, показано въ отчетѣ 97 мастерицъ и 16 ученицъ, всего 114, и не показано еще 217 мастерицъ, работающихъ безъ помощницъ.

Въ томъ же отчетѣ показанъ и размѣръ задѣльной платы швей,—maximum, minimum и средній

выводъ. Maximum для модистокъ и вышивальщицъ былъ 5 фр., для швей у портныхъ 4 фр. 50 сант., для обыкновенныхъ швей, корсетницъ и швей бѣлья 4 фр. Здѣсь кстати замѣтимъ, что корсеты составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ парижской промышленности: ихъ продаютъ каждый годъ не менѣе 1.200.000 штукъ. Для чинильщицъ, швей, для башмачниковъ и сапожниковъ maximum составляли 3 фр. 50 сант.; minimum падалъ и до 75 сант. въ день—для перешивальщицъ и чинильщицъ стараго платья и кожаныхъ перчатокъ; 50 сант. — для швей, жилетницъ, корсетницъ; 40 сант.—для башмачницъ и 15 сант.—для швей бѣлья. Эти показанія, однако, не даютъ еще вѣрнаго представленія о дѣйствительномъ заработкѣ швей. Бо́льшая плата достается обыкновенно самому ограниченному числу работницъ: напримѣръ, по отчету видно, что за живопись на фарфорѣ maximum составлялъ 20 фр. въ день. Но эти двадцать франковъ доставались только одной. Средняя плата для работницъ составляла отъ 2 фр. 5 сант. до 1 фр. 6 сант. Общая средняя плата для всѣхъ парижскихъ работницъ была 1 фр. 6 сант., 950 работницъ получали меньше 60 сант. въ день, 100.050—отъ 60 сант. до 3 фр. и только 626 добывали болѣе 3 фр. въ день. Для швей, работающихъ у себя, средній заработокъ составлялъ 1 фр. 42 сант., а для работающихъ въ магазинахъ—2 франка.

Отчетъ этотъ оспаривали много, и вообще слѣдуетъ думать, что показанныя въ немъ цифры задѣльной платы выше дѣйствительной, потому что свѣдѣнія собирались отъ хозяевъ, которые находили выгоднѣе показывать высоко. Несмотря, однако, на это, свѣдѣнія эти всетаки представляютъ интересъ, особенно при сравненіи ихъ съ цѣнами послѣдняго времени, въ которыхъ произошло большое измѣненіе двойного рода: талантъ сталъ оплачиваться выше, работницы же, не имѣющія особыхъ дарованій, получать все меньше и меньше. Это объясняется очень просто. Бо́льшая часть швей, работающихъ на дому, шьютъ для магазиновъ готоваго платья, а бо́льшая часть работающихъ въ магазинахъ шьютъ по заказу. Первое дѣло легче и не требуетъ таланта, какъ второе. Талантливыхъ швей вообще немного,—имъ не страшна конкурренція швей остальныхъ, тогда какъ послѣднимъ всякій наплывъ швей обыкновенныхъ и всякое увеличеніе швейныхъ машинъ понижаютъ заработокъ. Вотъ подтвержденіе этого фактами. Женщины, шьющія для портныхъ, получаютъ плату поштучную. Онѣ шьютъ только жилеты и панталоны. За фасонъ жилета портной платитъ отъ 4 до 6 франковъ; расходы на шелкъ и уголь составляютъ 20 сант.; хорошая работница кончаетъ жилетъ въ день,—слѣдовательно, можетъ заработать отъ $3^1/_2$ до $5^1/_2$ франковъ. Магазины готоваго платья платятъ за фасонъ жилета отъ 1 фр. 50 сант. до 2 фр. 50 сант. Жилетъ шьется тоже въ одинъ день; расходы на нитки и уголь 25 сант.,—слѣдовательно, заработокъ отъ 1 фр. 25 сант. до 2 фр. 25 сант. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же ремеслѣ заработокъ отъ maximum'а въ 5 фр. 50 сантимовъ можетъ упасть до 1 франка 25 сантимовъ. За платья, изготовляемыя для вывоза, платится гораздо дешевле: за фасонъ жилета maximum 1 франкъ 25 сант., minimum 75 сант.; расходы на нитки и уголь 20 сантимовъ; одна работница шьетъ три прямыхъ жилета въ два дня,—слѣдовательно, заработокъ въ день отъ 1 фр. 57 сант. до 82 сантимовъ.

Въ 1849 году напечатанъ тарифъ одного магазина готоваго платья. Вотъ цѣны, которыя онъ платилъ рабочимъ: за фракъ 14 фр.; расходы рабочаго составляли 1 фр. 50 сант.,—чистыхъ оставалось ему двѣнадцать съ половиной франковъ. Костюмъ шился въ 60 часовъ,—слѣдовательно, заработокъ въ часъ составлялъ почти 21 сантимъ. И это были еще рабочіе, получавшіе высшую плату. Плата за панталоны составляла только $6^1/_2$ сантимовъ въ часъ. Женщинами шились только жилеты, потому что у нихъ нѣтъ достаточной силы для утюженья брюкъ. Цѣна за прямой жилетъ съ карманами была 60 сантимовъ, за такой же жилетъ безъ кармановъ 40 сантимовъ. Расходы швеи въ томъ и другомъ случаяхъ—15 сантимовъ, такъ что приходилось за часъ $4^1/_2$ и 3 сантима. И такая плата вовсе не исключеніе. Даже въ провинціальныхъ городахъ плата не поднимается выше 5 сантимовъ въ часъ. Допуская, что работница, получающая 3 сантима, будетъ шить въ день 14 часовъ, ей придется 42 сантима—12 к. сер. Но вѣдь нужны еще расходы на иголки, нитки, уголь, свѣчи; нужно считать праздники и воскресные дни, потерю времени на отдыхъ и пріисканіе работы, наконецъ болѣзнь. Какъ же великъ чистый барышъ, если вычесть все это? Копеекъ восемь въ день, не больше. Развѣ на это можно жить? Что же остается бѣдной швеѣ? Просить милостыню не позволяютъ, воровать тоже, но зато не запрещаютъ торговать своимъ тѣломъ, и она торгуетъ, разумѣется, если красива,—а если нѣтъ?

Приготовленіе мантилій для дамъ отдается обыкновенно магазинами въ однѣ руки. Такая модистка беретъ на себя все, что касается покроя и отдѣлки, а для шитья нанимаетъ простыхъ работницъ. Работница за 12 часовъ труда получаетъ отъ 2 до $2^1/_2$ франковъ. Заготовленіе мантилій въ большомъ размѣрѣ дѣлается нѣсколько иначе. Напримѣръ, торговый домъ заказываетъ модисткѣ три дюжины пальто. За каждое пальто платится два франка; изъ нихъ 50 сантимовъ модистка беретъ себѣ, а остальные отдаетъ швеѣ. За вычетомъ 15 сантимовъ на шелкъ и нитки, ей остается чистыхъ только 1 фр. 35 сант. Работая самымъ прилежнымъ образомъ 13 часовъ въ день, проворная швея сошьетъ въ два дня три пальто,—и добудетъ въ день два франка. Чтобы понять, что значатъ эти два франка, нужно представить себѣ ясно, что значитъ шить въ теченіе тринадцати часовъ, не вставая со стула, не отнимая глазъ отъ работы и не переставая ни на минуту. Нужно прибавить къ этому холодъ зимой и пять, по меньшей мѣрѣ, часовъ работы при огнѣ. Только при этихъ условіяхъ исключительно

ловкая работница добудетъ 2 франка. Ужасно! А каково положеніе той, которая съ тѣми же усиліями и страданіями добываетъ только 3 сантима въ часъ, 42 сантима въ день.

Въ бѣльѣ и, слѣдовательно, въ шитьѣ его есть чрезвычайно много переходовъ, начиная съ передника лакея до изящнаго моднаго чепца. Модистка, шьющая чепцы, можетъ добыть въ день 5, 6 франковъ; но это ужъ не простыя работницы. Между же обыкновенными швеями лучшія—разумѣется, съ самомъ ограниченномъ числѣ—зарабатываютъ въ день 3 франка; а почти всѣ остальныя—2 и 2 франка 50 сант. за день въ 13 часовъ. Работа легкая даетъ далеко меньше: напримѣръ, за дюжину фишу платится 80 сантимовъ, и нужно быть очень быстрой швеей, чтобы сшить двѣ дюжины въ 13 часовъ. Шитье домашняго бѣлья—простынь, наволочекъ, утиральниковъ и проч.—приноситъ съ трудомъ 1 франкъ въ день. Эта работа вообще служитъ для швей рессурсомъ, когда у нихъ нѣтъ другой работы.

Въ одномъ департаментѣ, Изерѣ, шитьемъ перчатокъ занято по меньшей мѣрѣ 12.000 работницъ. Гренобльская фабрика имѣетъ однихъ кройщиковъ до 1.200 человѣкъ и приготовляетъ въ годъ до 540.000 дюжинъ перчатокъ. Считая дюжину въ 30 франковъ, вся фабрика производитъ ихъ на 16.200.000 фр. въ годъ. Вотъ примѣръ, изъ котораго можно судить о важности этого производства для Франціи: одинъ торговый домъ въ Шомонѣ имѣетъ 2.050 перчаточныхъ швей.

Приготовленіе перчатокъ распадается на три производства: кройку, шитье и отдѣлку. Кроятъ мужчины, хотя въ послѣднее время начали заниматься этимъ и женщины. За дюжину платится 20 сантимовъ, и въ мѣсяцъ можно заработать отъ 45 до 70 франковъ.

Положеніе швей хуже. Подрядъ сдается обыкновенно одной, и за дюжину дамскихъ перчатокъ съ одной пуговкой платится ей 4 фр. 50 сант.; съ двумя пуговками—4 фр. 75 сант. Подрядчица беретъ себѣ 50 сантимовъ, а остальное идетъ швеѣ.

За вычетомъ расхода на шелкъ—40 сант., ей достается за дюжину 3 фр. 60 сант. или 30 сантимовъ за пару!

Но сколько паръ работница можетъ сшить въ день? При усиленномъ трудѣ и работая 12 часовъ въ день, она можетъ сшить четыре пары. Вообще же работницы дѣлаютъ не болѣе $2^1/_2$. Это зависитъ отъ бо́льшихъ или меньшихъ занятій домашнимъ хозяйствомъ.

Особенность перчаточнаго производства заключается въ томъ, что оно требуетъ необыкновенной чистоты; не только грязныя перчатки не принимаются хозяиномъ, но съ работницы взыскиваютъ даже за кожу. Допуская, что швея сдѣлаетъ четыре пары, ей придется 1 фр. 20 сант. Изъ этого нужно вычесть что нибудь на освѣщеніе. При двухъ съ половиной парахъ день дастъ только 75 сантимовъ. Но и такая плата дается не вездѣ. Въ Сенъ-Жюньенѣ, въ Авейронѣ, въ Верхней Марнѣ и даже въ Изерѣ плата за дюжину падаетъ иногда до 3 и даже 2 фр. 75 сантимовъ, и въ такомъ случаѣ работницѣ остается въ день $37^1/_2$ сантимовъ, если не считать праздника и болѣзни.

Парижскія перчаточницы получаютъ плату гораздо бо́льшую,—во первыхъ, потому что получаютъ работу прямо отъ хозяевъ, а во вторыхъ, работа ихъ цѣнится выше. Обыкновенная парижская цѣна—6 и $6^1/_2$ франковъ за дюжину; но есть швеи, которымъ платятъ 14 и даже 15 франковъ за дюжину. Впрочемъ,если взять въ разсчетъ бѣготню за работой, то эта, повидимому, высокая плата значительно уменьшится.

Вообще во всѣхъ отрасляхъ промышленности работницы, которыя шьютъ прямо на постоянныхъ заказчиковъ магазиновъ, теряютъ много своего времени въ переднихъ своихъ кліентовъ, неумѣющихъ понять самой простой вещи, что время для бѣднаго рабочаго есть насущный хлѣбъ.

Вотъ печальныя подробности о положеніи французской работницы. Шитье дѣйствительно можетъ доставлять удовольствіе,—это фактъ, который мы видимъ ежедневно на женщинахъ вполнѣ обезпеченныхъ, занимающихся шитьемъ въ видѣ развлеченія. Но это удовольствіе понятно, когда оно тянется часъ, два, когда не голодъ вызываетъ его. Этой-то простой вещи обыкновенно и не понимаютъ. Совсѣмъ не то положеніе швеи по профессіи. Ея трудъ—трудъ лихорадочный; каждый стежокъ для нея—часть сантима, крошка хлѣба; она вся поглощена своимъ шитьемъ, потому что только имъ и существуетъ. И трудъ этотъ—не трудъ развлеченія, какъ для знатныхъ барынь: онъ тянется вѣчно, всю жизнь. Она садится за работу съ разсвѣтомъ и шьетъ до ночи. И это каждый день. А что же даетъ ей этотъ трудъ? Хлѣбъ? Нѣтъ. Онъ даетъ ей возможность самаго жалкаго существованія, потому что конкурренція все больше и больше уменьшаетъ ея заработокъ. Она должна понижать задѣльную плату еще и потому, что замужнія швеи, для которыхъ заработокъ служитъ только дополненіемъ къ заработкамъ ихъ мужей, понижаютъ все цѣну. Чтобы добывать два франка въ 12 часовъ работы, нужно быть работницей исключительной. А такихъ одна на сто. Но развѣ и два франка достаточны, чтобы одѣться и быть сытой? Къ этому еще тысячи несчастныхъ случаевъ, которые угрожаютъ работницѣ каждую минуту: промышленные кризисы, капризы моды, болѣзнь самой работницы, ея семьи, дѣтей, нерасположеніе духа ея хозяина, стоянки въ переднихъ знатныхъ господъ. Еще замужнимъ лучше; но несчастныя одинокія дѣвушки, не имѣющія семьи,—положеніе ихъ такъ худо, онѣ такъ безпомощны, такъ бѣдны, что едва ли можно придумать для человѣка большее страданіе. Объ этихъ-то несчастныхъ мы и будемъ говорить сейчасъ.

VIII. Условія жизни работницъ.

Работница, о которой мы говоримъ теперь,—работница парижская; у нея нѣтъ ни мужа, ни брата,

ни отца, у нея нѣтъ никакого покровителя,— она одна среди Парижа. И не думайте, что такія работницы рѣдки,—напротивъ. Допустимъ, что она принадлежитъ къ числу избранныхъ и добываетъ два франка въ день.

Найдутся многіе, которымъ эти два франка покажутся несмѣтной суммой, потому что есть люди, получающіе еще меньше. Правда, что имѣть постоянно круглый годъ по два франка въ день, дѣйствительно недурно. Но мы говоримъ здѣсь о двухъ франкахъ задѣльной, поденной платы. Чтобы понять, какую сумму составитъ это на цѣлый годъ, нужно исключить всѣ дни нерабочіе: четыре большихъ годовыхъ праздника и пятьдесятъ два воскресенья; а отъ этого всѣхъ рабочихъ дней останется въ году только 310. Это еще не все. Нужно исключить время, когда у швеи не бываетъ работы,— то, что французы называютъ morte saison. Число такихъ дней весьма различно, смотря по роду занятій. Вышивальщицы по шелку, бархату и сукну, получающія въ день отъ 3 до 4 франковъ, не имѣютъ работы шесть мѣсяцевъ въ году; позументщицы—четыре мѣсяца; швеи для дамъ—тоже около четырехъ мѣсяцевъ; швеи грубаго бѣлья—три мѣсяца; жилетницы, работающія по заказу,—столько же. Общее правило, что нерабочее время для всѣхъ работъ, по меньшей мѣрѣ, три мѣсяца. Исключеніе только для тѣхъ, кто работаетъ въ магазины гуртовой продажи. Но зато онѣ никогда не добываютъ двухъ фр. въ день; 1 фр. 25 сант. для нихъ очень высокая плата. Вычитая три мѣсяца, останется двѣсти тридцать четыре дня, представляющіе 468 франковъ.

Правда, что нерабочее время не пропадаетъ совершенно: нѣкоторыя работницы находятъ себѣ занятіе на день, на два въ недѣлю. Но ненужно забывать, что это съ большимъ трудомъ, потому что затишье настаетъ вдругъ, распространяется сразу на всѣ вѣтви промышленности; а къ тому въ нѣкоторыхъ производствахъ всегда больше рукъ, чѣмъ дѣла,—напримѣръ, въ шитьѣ для магазиновъ готоваго платья. Но кромѣ того, рабочіе вообще не слишкомъ любятъ измѣнять родъ занятій; у нихъ есть въ этомъ случаѣ самолюбіе особаго рода: швея, работающая по заказу, повѣрьте, неохотно пойдетъ за работой въ магазинъ готоваго платья. Вообще нужно принять, что время безъ работы приноситъ заработокъ самый жалкій, такъ что, нисколько не удаляясь отъ истины, можно принять годовой доходъ работницы, получающей два франка въ день, въ 500 франковъ. Это цифра скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительной, потому что невозможно, чтобы женщина работала все время непрерывно, ни разу не захворавъ, чтобы съ нею не случилось какихъ нибудь неудачъ въ самой работѣ, чтобы у нея не пропадало время на пріисканіе работы и т. п.

Итакъ, наша работница имѣетъ въ годъ 500 франковъ. Какъ же она разсчитаетъ свои расходы? Прежде всего нужно найти квартиру.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ разбиваются въ Парижѣ великолѣпные бульвары, и прежніе жалкіе дома смѣняются огромными отелями. Даже богатой буржуазіи едва подъ силу квартиры въ этихъ дворцахъ. А между тѣмъ число помѣщеній для рабочихъ все уменьшается годъ отъ году, и годъ отъ году увеличиваются на нихъ цѣны. Чтобы имѣть рабочую мансарду въ пятомъ этажѣ, на правой сторонѣ улицы, нужно платить 150 фр., а комната стоитъ 20, 30, 40 фр. дороже. Въ прежней городской чертѣ, теперь уже значительно отодвинутой, можно еще найти квартиры менѣе дорогія; но, удаляясь слишкомъ отъ мастерской или магазина, на который работаешь, приходится терять много времени, и увеличиваются расходы на обувь. Возьмемъ, однако, что работница наймете квартиру во сто франковъ. Такой расходъ не для всѣхъ возможенъ, и потому нерѣдко двѣ швеи или работницы занимаютъ комнату вдвоемъ.

Наша работница не будетъ ходить въ лохмотьяхъ,—во первыхъ, это нельзя по самому роду ея занятій, по сношеніямъ, которыя она имѣетъ съ магазинами; а во вторыхъ, мы говоримъ не о нищей. Вотъ что нужно работницѣ, ограничивая ее самымъ необходимымъ. Она будетъ шить себѣ платья изъ матерій, разумѣется, дешевыхъ, положимъ, по 75 сантимовъ за метръ. Ей нужно три платья въ годъ; считая работу и прикладъ въ 4 фр. за платье— всего 30 фр. И это будутъ очень жалкія платья. Два передника—4 франка; корсетъ—5 фр.; четыре чепчика—8 фр.; воротнички и рукавчики— 5 фр. 50 сант. У нея будетъ маленькая шаль или платокъ, положимъ, въ 20 франковъ, которая прослужитъ ей четыре года,—значитъ, въ годъ 5 фр.; четыре пары чулокъ бумажныхъ и двѣ шерстяныхъ— 9 фр.; три пары башмаковъ — 21 фр. Теперь бѣлье. У нея будетъ, но, разумѣется, мало и низкаго сорта: 3 рубашки—9 фр.; четыре юбки—8 фр.; шесть носовыхъ платковъ по 60 сант.—3 фр. 60 сант.; четыре утиральника—2 фр. 40 сант.; пара простынь — 5 фр. Весь этотъ гардеробъ, скромный до послѣдней степени, обойдется въ 115 фр. 50 сант.

Но вотъ другіе расходы: стирка бѣлья нужна; но кромѣ того, манишки, чепчики, безъ которыхъ нельзя никуда показаться. Положимъ, что стирать она будетъ сама,—значитъ, на крахмаленье и глаженье, по меньшей мѣрѣ, 3 фр. въ мѣсяцъ. Освѣщеніе и отопленіе тоже неизбѣжны. Продавецъ угля будетъ отпускать ей грѣлку съ углями и золой за 5 сант. Освѣщать она будетъ свою комнату ночникомъ, т. е. свѣтильней въ маслѣ. Для швеи это освѣщеніе черезчуръ варварское; но что же дѣлать, — и оно дорого: масло на три часа будетъ стоить 10 сант. Вотъ общій расходъ: квартира 100 фр., одежда 115 фр. 60 сант., стирка 36 фр., освѣщеніе и отопленіе 36 фр.,—всего 287 фр. 50 сант. На ѣду остается 215 фр. 50 сант., или 59 сантимовъ въ день. Это ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голода. Но вѣдь можетъ случиться болѣзнь, — нужно купить лекарство; можетъ случиться недѣля безъ работы. На чемъ сдѣлать экономію? Или войти въ долгъ? Но чѣмъ заплатить его?

Мы взяли два франка въ день. Но какія работ-

ницы могутъ имѣть такой доходъ? Ужъ, разумѣется, не швеи рубашекъ, потому что, чтобы заработать два фр., ей нужно сшить въ день восемь рубашекъ; и не перчаточницы,—имъ пришлось бы шить 6½ паръ въ день; и не жилетницы магазиновъ готоваго платья, потому что для этого нужно сработать въ день шесть жилетовъ или шесть паръ брюкъ; также и не вышивальщицы, не башмашницы, не бахромщицы: всѣ онѣ зарабатываютъ много менѣе. Какимъ же образомъ жить тѣмъ работницамъ, которыя добываютъ въ день 50, 70 сантимовъ, когда получающія два франка едва имѣютъ возможность существовать?

Трудно представить себѣ, какъ изворачиваются эти люди, если не видѣть того своими собственными глазами. Мансарды, которыя онѣ занимаютъ, едва возможны для житья. Поправокъ въ нихъ, разумѣется, никакихъ не дѣлается, потому что низкая плата за квартиру не позволяетъ этого хозяину. Мебели у нихъ никакой нѣтъ,—какая нибудь жалкая кровать да соломенный табуретъ. Окно въ крышѣ такъ мало и такъ дурно пригнано, что не защищаетъ жилицу отъ дождя. Комиссія, наряженная въ 1851 году для изслѣдованія, доносила, между прочимъ, что одна работница принуждена была разбить стекло въ своемъ микроскопическомъ окнѣ, чтобы имѣть возможность дышать. Многіе чердаки, служившіе квартирами, были совершенно пусты: ни стула, ни кровати, ни пучка соломы, которая дается даже преступнику въ тюрьмѣ. Многіе изъ этихъ ужасовъ уже исчезли, цѣлыя улицы проломаны вновь, и новые дома смѣнили прежнія ужасныя помѣщенія и грязные закоулки. Но развѣ это убавило бѣдность рабочихъ, развѣ это имъ прибавило хоть лишній франкъ въ день? Жильцы покинули эти старыя помѣщенія; ихъ ужъ нѣтъ въ этихъ палаццахъ новыхъ роскошныхъ улицъ и бульваровъ. Но куда они скрылись, гдѣ нашли себѣ пріютъ? Или для нихъ выстроили новые дома, болѣе здоровые и заманчивые? Нѣтъ. Собравъ свои жалкіе пожитки, они почти всѣ переселились въ самые отдаленные концы Парижа, рискуя дѣлать лишнія четыре, пять верстъ, отправляясь за работой и относя ее. Ужасная жертва для женщины, добывающей въ часъ какіе нибудь 10 сантимовъ и питающейся исключительно хлѣбомъ и молокомъ.

Да, хлѣбомъ и молокомъ! Работница, получающая менѣе двухъ франковъ, должна дѣлать экономію на ѣдѣ. Она довольствуется хлѣбомъ на три су и молокомъ на два су, и въ Парижѣ множество женщинъ, незнакомыхъ съ другой пищей. Постепенно уменьшающійся заработокъ, сводя женщину и вообще рабочаго все ниже и ниже въ удобствахъ жизни, заставляя его дѣлать экономію на всемъ противъ приведеннаго нами выше разсчета, сводитъ нѣкоторыхъ на такую нищету, что они не носятъ бѣлья и одѣваются въ лохмотья. Есть примѣры такой бѣдности, что по недостатку платья работницы не могутъ выйти изъ дому для пріисканія себѣ работы.

Хорошо быть добродѣтельной, когда это не стоитъ ничего, или мужественно переносить свои несчастія, когда невозможно измѣнить своей судьбы. Но не въ такомъ положеніи находятся работницы, а особенно парижскія. Всѣ другія женщины вокругъ нея имѣютъ любовниковъ, и никто не стыдится этого; а она молода, парижанка, и на каждомъ шагу такъ много соблазновъ. Когда она вечеромъ отправляется въ магазинъ, чтобы отнести свою работу, неувѣренная вполнѣ—возьмутъ ли ее, заплатятъ ли ей тотчасъ, видитъ весь блескъ и роскошь, ее окружающую, слышитъ о театрахъ и балахъ, встрѣчаетъ женщинъ, нѣкогда такихъ же бѣдныхъ, какъ она, а теперь роскошно одѣтыхъ и утопающихъ во всѣхъ удовольствіяхъ Парижа; когда на каждомъ шагу встрѣчаются ей мужчины, готовые окружить ее тѣми же наслажденіями жизни,—что можетъ мѣшать ей отказаться отъ этихъ предложеній? Чувство нравственности? Да что такое для нея нравственность? Кто говорилъ ей о нравственности хоть одно слово? Напротивъ, и литература, и нравы всего ее окружающаго говорятъ ей противное. Видя все, ей трудно удержаться отъ сравненія, трудно не желать выйти изъ своего положенія какой бы то ни было цѣной. Можно даже съ одного ожесточенія кинуться въ крайній развратъ.

Болѣе счастливыя спасаются отъ него. Онѣ рѣдко находятъ мужей, потому что порядочные рабочіе берутъ себѣ женъ изъ семействъ. Но по крайней мѣрѣ она находитъ себѣ любовника. И тутъ не всѣмъ выпадаетъ одинаковый жребій. Иногда связь тянется хоть и долго, но общественное положеніе женщины отъ этого не лучше; она не пользуется никакими признанными правами и зависитъ исключительно отъ доброй воли своего любовника. Если же дѣвушка, которую обольстить вообще нетрудно, отдается какому нибудь негодяю, онъ бросаетъ ее скоро. Случается, что какъ только она сдѣлается больной или приближается время родовъ, любовникъ, изъ страха кормить ее и ребенка, бросаетъ ее подло и ищетъ новой связи. Что же ей дѣлать? Чѣмъ существовать съ ребенкомъ, когда и для нея одной едва доставало ея заработка? И вотъ новая связь, или же женщина падаетъ еще ниже. Между дѣвушками, кинувшимися въ открытый развратъ, указываютъ много примѣровъ, когда онѣ рѣшились на это, чтобы воспитывать своихъ дѣтей. Паракъ Дюшателе видѣлъ одну, которая боролась долго, долго, и когда она явилась записаться,—три дня передъ тѣмъ ей уже нечего было ѣсть.

Есть и счастливыя исключенія, но они рѣдки, какъ и вообще сильные характеры, и можно пожалѣть, что героизмъ этотъ долженъ тратиться на мелочную, безвѣстную борьбу въ четырехъ стѣнахъ противъ голодной смерти. Такіе характеры заслуживали бы чего нибудь лучшаго.

IX. Соперничество тюремъ, монастырей и швейной машины.

Какъ экономическое поженіе работницъ, и особенно швей, ни дурно, но конкурренція успѣла явиться и тутъ, чтобы дурное сдѣлалось еще болѣе дурнымъ. Конкурренція швейной машины и мага-

зиновъ, заготовляющихъ въ огромныхъ размѣрахъ, но крайней мѣрѣ не противорѣчитъ существующему общему экономическому порядку. Но чѣмъ оправдать благотворительныя заведенія, монастыри и тюрьмы, которые портятъ совершенно практику бѣдныхъ швей?

Относительно тюремъ во Франціи существуетъ такой порядокъ. Содержаніе тюрьмы и всѣхъ арестантовъ, въ ней находящихся, сдается съ торговъ одному лицу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ право пользоваться ихъ трудами. Съемщикъ располагаетъ арестантами вполнѣ, какъ крѣпостными людьми. Онъ можетъ заставить ихъ работать на себя лично, если онъ самъ фабрикантъ, или же продаетъ ихъ трудъ другимъ, одному или многимъ фабрикантамъ, безъ всякаго посредства и вмѣшательства правительства. Поденная плата опредѣляется особой таксой, утвержденной правительствомъ, и весь заработокъ дѣлится на три части: одна арестанту, другая въ казну, третья съемщику. Вотъ первая причина, почему тюремная работа выгоднѣе для хозяина работы вольнымъ трудомъ; часть поденной платы, которую онъ обязался платить, онъ удерживаетъ у себя. Далѣе, арестантъ имѣетъ даровое помѣщеніе, одежду, ѣду, освѣщеніе, отопленіе; у него нѣтъ прогуловъ, потому что для него работа всегда готова; во время болѣзни онъ имѣетъ готовое даровое леченье. Ничѣмъ этимъ не пользуется свободный рабочій слѣдовательно, арестантъ работаетъ выгоднѣе и производитъ дешевле. Опасность такой конкурренціи для вольнаго рабочаго очевидна.

Но кромѣ подрыва въ цѣнѣ, тюрьмы, вслѣдствіе этого самаго, конкуррируютъ и въ количествѣ работы. Вотъ одинъ примѣръ. Центральныя тюрьмы въ 1858 году дѣлали конкурренцію работѣ вольныхъ швей 3.606 работницами, производившими по пониженной цѣнѣ въ теченіе 1.122.544 дней. Въ Бельгіи понимаютъ лучше опасность тюремъ для вольнаго труда. Тамъ работа арестантовъ идетъ или для ихъ собственныхъ потребностей, или назначается для войска.

Монастыри, учрежденныя ими благотворительныя заведенія, извѣстныя подъ названіемъ мастерскихъ (ouvroirs), и разныя благородныя дамы, занимающіяся шитьемъ для продажи, вредятъ еще больше бѣднымъ швеямъ по профессіи.

Разумѣется, и монахини, и благородныя дамы имѣютъ полное право заниматься работой на продажу; благотворительныя заведенія оказываютъ тоже большую услугу обществу, давая занятіе и воспитаніе множеству бездомныхъ или покинутыхъ дѣвушекъ; тѣмъ не менѣе, онѣ дѣйствуютъ въ подрывъ бѣднымъ работницамъ, у которыхъ для существованія нѣтъ другихъ источниковъ, кромѣ ихъ труда.

Въ Парижѣ на сто дюжинъ рубашекъ, поступающихъ въ продажу, восемьдесятъ пять дюжинъ шьются въ монастыряхъ. Не только призрѣваемыя дѣвушки и женщины монастырскихъ мастерскихъ занимаются ихъ шитьемъ, но и монахини. Но если бы эти самыя монахини жили въ свѣтѣ, то ужъ, разумѣется, большая часть изъ нихъ не занималась бы шитьемъ. Живя въ монастыряхъ на счетъ монастырскихъ доходовъ, для нихъ нѣтъ необходимости добывать еще деньги; къ тому же монастырскія постановленія налагаютъ на нихъ правила строгой жизни, и, слѣдовательно, увеличеніе дохода не можетъ и не должно измѣнить этой жизни. Работая, такимъ образомъ, безъ нужды и больше по обряду, или для того, чтобы избѣгнуть праздности, онѣ могутъ понижать свой заработокъ, рѣшительно какъ имъ вздумается. Но положеніе вольной швеи не то: она живетъ своей задѣльной платой; торговаться съ нею, чтобы понизить эту плату, значитъ торговаться на ея жизнь; всякій сантимъ, который она уступитъ, есть для нея новое какое нибудь лишеніе; а лишеніямъ этимъ есть, наконецъ, и предѣлъ.

Обыкновенно монастырское вышиванье и шитье считаютъ лучшимъ, чѣмъ работу вольныхъ швей. Это справедливо. Монахини, которыхъ ничто не торопитъ, могутъ работать медленно и, слѣдовательно, хорошо; для бѣдной швеи это менѣе возможно: количество ея труда есть для нея мѣра средствъ ея существованія. Такимъ образомъ, монастырская работа можетъ быть и лучше по качеству, и дешевле въ цѣнѣ. Обыкновенное пониженіе на монастырскую работу составляетъ 25%. Въ настоящее время за грубыя рубашки монастыри берутъ отъ 25 до 60 сантимовъ. Обыкновенно хорошая вольная швея не можетъ сдѣлать въ день болѣе двухъ рубашекъ въ 60 сантимовъ и трехъ въ 25 сантимовъ. А расходы на иголки, нитки, а зимой на освѣщеніе?

То же самое можно сказать о конкурренціи дамъ, которыя пользуются своимъ временемъ, чтобъ увеличить нѣсколько свои средства. Женщина, сидящая за конторкой магазина, мать, идущая съ дѣтьми гулять, очень часто заняты какимъ нибудь рукодѣльемъ. Еще хорошо, если это дѣлается потому, что трудъ мужа недостаточенъ для содержанія семейства, но чаще всего вышивка идетъ на суетное удовольствіе, на покупку одного лишняго наряда. Тутъ время ужъ не цѣнится,—работа продается за безцѣнокъ. Не цѣня, такимъ образомъ, времени, барыни вовсе не думаютъ, что онѣ торгуютъ не своимъ, а чужимъ временемъ.

Довольно трудно сказать, до какого размѣра доходитъ эта торговля обезпеченныхъ женщинъ, добывающихъ себѣ деньги единственно на прихоти, на удовлетвореніе своей суетности. Многіе изъ отцовъ семействъ вовсе не подозрѣваютъ, что блестящія бездѣлушки, вышиваемыя домашними предъ ихъ глазами, запроданы или даже заказаны какимъ нибудь магазиномъ изъ улицы Saint-Denis. Почти всѣ вышивки, дѣлающіяся въ Парижѣ на кисеѣ или на матеріяхъ, идутъ изъ этого источника; также и кошельки, фоте, сѣтки, вышивки для мебели, туфли, подушки и т. д.,—однимъ словомъ, то, что называется у насъ рукодѣльемъ.

Единственнымъ спасеньемъ швеи противъ монастырей и ихъ благотворительныхъ заведеній служатъ спѣшные заказы магазиновъ. Въ году

всегда есть время, когда наплывъ требованій заставляетъ производить вдругъ и очень много. Напримѣръ, измѣненіе моды, внезапная перемѣна въ воздухѣ, наступленіе новаго сезона, праздника. Въ этихъ случаяхъ на монастыри, работающіе хоть и хорошо, но медленно, разсчитывать нельзя: они работаютъ регулярно, въ опредѣленные часы и не станутъ просиживать ночей. Наконецъ и работницы для этого должны быть подъ руками,— и вотъ пора парижскихъ швей. Но и тутъ имъ грозитъ опасность со стороны магазиновъ готовыхъ вещей, заготовляющихъ все въ огромныхъ размѣрахъ. Капризы, самые требовательные, могутъ быть удовлетворены богатствомъ выбора. Купецъ, спекулирующій въ огромномъ размѣрѣ, рискуетъ менѣе: онъ пошлетъ въ провинцію то, что не нашло себѣ сбыта въ Парижѣ, и отправитъ заграницу, что не нашло сбыта въ провинціи. Несвязанный, такимъ образомъ, своими кліентами, онъ болѣе независимъ и отъ мѣстныхъ работницъ. Онъ можетъ дѣлать заказы далеко, во многихъ мѣстахъ и этимъ беретъ совершенный перевѣсъ надъ рабочими.

Но послѣднее и самое ужасное, что начинаетъ угрожать швеямъ, — это швейная машина. Если она начнетъ одолѣвать ручную работу, то со швеями сдѣлается то же, что уже случилось съ ручными ткачами и прядильщиками, когда машины оставили массы рабочихъ населеній совершенно безъ работы. А что это время близко, сомнѣваться невозможно; въ Парижѣ уже объявляютъ о «мануфактурахъ платья» и, вѣроятно, скоро начнутъ шить паровыми машинами.

Швейная машина обратила на себя во Франціи особенное вниманіе на выставкѣ 1855 года. Съ тѣхъ поръ сдѣлано было въ ней много улучшеній, взято много привилегій, и въ настоящее время пять или шесть болѣе главныхъ изобрѣтателей стараются одинъ передъ другимъ обратить на свое изобрѣтеніе вниманіе публики. Швейная машина занимаетъ вообще мало мѣста,—ее можно даже поставить передъ собой на столъ. Машина Кальбо дѣлаетъ сто стежковъ въ минуту, и, слѣдовательно, въ десять часовъ работы ею можно сшить дюжину перчатокъ; въ парѣ перчатокъ, среднимъ числомъ, 3.150 стежковъ. Швейными машинами шьютъ уже во Франціи кожу, разныя матеріи, обшиваютъ шляпы и даже употребляютъ ихъ для разныхъ вышивокъ. Шовъ выходитъ прочный, правильный и можетъ быть такъ тонокъ, какъ нужно.

Насколько машинная работа будетъ выгоднѣе ручного шитья, сказать еще нельзя точно. Изобрѣтатели, преувеличивая достоинство своихъ машинъ, увѣряютъ, что онѣ шьютъ въ десять разъ скорѣе, чѣмъ швеи. Но это едва ли такъ. Вообще принимаютъ, что машина можетъ сшить въ день 18 рубашекъ такихъ, какую обыкновенно швея шьетъ четыре часа. Слѣдовательно, заработная плата за рубашку можетъ упасть до 20 сантимовъ.

Теперь еще швейныя машины въ небольшомъ ходу: этому мѣшаетъ частью несовершенное знакомство съ выгодами машиннаго шитья, а частью и дороговизна машинъ: самая дешевая машина стоитъ 200 франковъ, есть въ 500, а машина для шитья кожи стоитъ 900 франковъ. И пока машины будутъ дороги, а это будетъ тянуться до конца привилегій, взятыхъ на нихъ,—невозможно ожидать, чтобы отдѣльные рабочіе стали ими обзаводиться. Ихъ начнутъ покупать тюрьмы, монастыри, благотворительныя заведенія, большіе торговые дома и полки, т. е. какъ разъ тѣ, кто скорѣе всего можетъ обойтись безъ машинъ. Въ тюрьмѣ св. Лазаря въ Парижѣ уже есть 36 машинъ, и почти всѣ главныя тюрьмы Франціи и полки обзавелись ими. Въ сентябрѣ 1859 года считалось въ полкахъ 481 машина. Полки въ этомъ случаѣ менѣе всего опасны: они всегда работали для себя. Но тюрьмы и монастыри, эти заведенія нравственности и порядка, существующія для подкрѣпленія нравственныхъ и для поддержанія павшихъ, выступивъ на экономическій путь и плѣнившись выгодами промышленныхъ предпріятій, сдѣлаютъ въ жизни швей самый ужасный переломъ. Если они поглотятъ только двѣ трети ручной работы, — въ дѣйствительности же будетъ болѣе, потому что теперь изъ 100 дюжинъ 85 шьютъ монастыри, а усовершенствованная швейная машина будетъ замѣнять десять работницъ, — то изъ 60.000 парижскихъ швей пятьдесятъ восемь тысячъ очутятся безъ хлѣба, и имъ останется только выбрать одно изъ четырехъ положеній — или умереть съ голоду, или кинуться въ развратъ, или отправиться въ монастырь, или же наконецъ сдѣлать преступленіе, чтобы найти въ тюрьмѣ готовое помѣщеніе со столомъ и даже работой.

X. Помощь буржуазіи и попытки пролетарія.

Чтобы объяснить себѣ причины бѣдности рабочихъ классовъ, защитники оживающаго экономическаго порядка не затруднились обвинить самого рабочаго. Въ чемъ же вина его? Вина его въ томъ, что онъ бѣденъ, что у него нѣтъ любви къ труду, что онъ невѣжественъ, беззаботенъ, развратенъ, или, формулируя все это однимъ словомъ, въ немъ не находятъ «предусмотрительности». Непредусмотрительность — вотъ первая причина бѣдности, нищеты, пауперизма. Уничтожьте рядъ гнусныхъ пороковъ, которые опредѣляются однимъ словомъ «непредусмотрительность», и съ нею исчезнетъ бѣдность. Такъ разсуждаютъ моралисты, экономисты и филантропы. Со своей точки зрѣнія, они, разумѣется, правы; но если невѣжество и непредусмотрительность, точно, главная причина бѣдности, то откуда же взялись они? Моралистамъ нужна образованность. Что же, создайте довольство, съ нимъ явится возможность устраненія невѣжества; съ устраненіемъ невѣжества поднимается уровень цивилизаціи; съ большимъ умственнымъ развитіемъ придетъ и способность смотрѣть нѣсколько дальше завтрашняго дня. Предусмотрительность есть непремѣнное качество людей, стоящихъ уже на извѣстной

степени образованія; дикарь не владѣетъ этой способностью. Значитъ, поставьте человѣка выше того предѣла понятій, при которомъ предусмотрительность невозможна, и она явится. А чтобы поставить человѣка выше этого предѣла, ему нужно дать средства для образованія, дать ему возможность не только желать учиться, но и имѣть возможность учиться, т. е. избавить его отъ нищеты. Такимъ образомъ, приходимъ къ обратному выводу: вмѣсто того, чтобы для избавленія человѣка отъ нищеты вселять въ него предусмотрительность, придется, для развитія въ немъ предусмотрительности, избавить его отъ нищеты. Полагая, что невѣжество и непредусмотрительность создали бѣдность, моралисты, частью изъ трусости, частью по невѣдѣнію, частью изъ своекорыстія, стали проповѣдывать пользу бережливости. Нѣкоторые, напримѣръ Эмиль Лоранъ (Le Paupérisme et les associations de Prévoyance), дошли до того, что въ бережливости видѣли вполнѣ спасеніе бѣдняка, источникъ его благосостоянія и начало нравственности. По ихъ мнѣнію, она всегда дѣлала и будетъ производить чудеса. Въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго, ничего очерствляющаго, не порождающаго никакихъ дурныхъ наклонностей, не развивающаго дурныхъ инстинктовъ и эгоизма; напротивъ, въ ней источникъ самыхъ возвышенныхъ и прекрасныхъ чувствъ, справедливости, правды и тому подобнаго. Послѣдователи этого мнѣнія, если они разсуждаютъ на основаніи теоретическихъ положеній, вполнѣ правы, потому что всякій капиталъ есть сбереженіе; но переходя на практическую почву, вникая въ положеніе современнаго рабочаго пролетарія, всѣ эти громкія фразы теряютъ всякій смыслъ по той простой причинѣ, что рабочему не изъ чего экономничать. Трудами его пользуется другой и оставляетъ рабочему изъ созданныхъ имъ цѣнностей или продуктовъ ровно такую долю, какая позволяетъ рабочему не умереть съ голода и не лишаетъ его способности быть рабочей силой. Изъ чего же тутъ экономничать? Откуда и для чего взяться предусмотрительности, когда нечего предусматривать? Но благотворители мало обращаютъ вниманія на дѣйствительные признаки бѣдности, на дѣйствительную невозможность рабочаго бороться съ обстоятельствами, которыя дѣлаютъ его пролетаріемъ. Вотъ почему они предлагали до сихъ поръ только палліативы, и вотъ почему всѣ ихъ попытки и стремленія не привели ни къ чему, дѣйствительно полезному. Главная причина въ томъ, что за дѣло брались люди, не умѣвшіе стать въ положеніе пролетарія, и вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на помощь рабочему шла буржуазія, она показывала полнѣйшее незнаніе того, за что она бралась. Оставаясь вѣрной своимъ принципамъ, она хотѣла лечить болѣзнь всего организма частными средствами, подводя всѣ ихъ къ благотворительности. Понятно, что изъ этого не только не выходило ничего,—напротивъ, еще зло увеличивалось, и рабочій падалъ еще ниже въ нравственномъ отношеніи.

При всѣхъ кажущихся прекрасныхъ сторонахъ благотворительности не нужно забывать, что, вмѣстѣ съ вопросомъ о вспомоществованіи рабочему, въ ней заключается и другой вопросъ,—вопросъ о безопасности буржуазіи. Вотъ въ чемъ главнѣйше и слѣдуетъ искать причину щедрости буржуазіи и заботливости ея о положеніи рабочаго. Ему готовы всегда помочь, если онъ, какъ послушное дитя, выполняетъ все, что ему велятъ, ведетъ себя смирно и не забываетъ, что его хозяева-буржуа—его кормильцы и благотворители. Только о такихъ послушныхъ дѣтяхъ и заботятся, имъ только и помогаютъ. Если же рабочій вздумалъ бы приняться самъ за разрѣшеніе своего вопроса, то это ему не всегда позволятъ, и смотря по тому, какимъ путемъ вздумаетъ онъ идти къ разрѣшенію своей задачи; есть и разныя средства положить конецъ этому. Еще въ нынѣшнемъ году, въ отвѣтъ на экономическій вопросъ, возбужденный рабочими въ Бельгіи, правительство послало нѣсколько батальоновъ солдатъ.

Во многихъ частныхъ случаяхъ прямая помощь есть единственное средство спасти отъ нищеты и голодной смерти; но этотъ способъ помощи, взятый вообще какъ система, никуда не годится. Она не только не уменьшаетъ бѣдности,—напротивъ, дѣлаетъ ее наслѣдственной и создаетъ нищенство. Вездѣ, гдѣ общественная благотворительность выражается исключительно въ раздачѣ милостыни, развивается лѣность, является ханжество, лицемѣріе; но гдѣ взамѣнъ милостыни предлагаютъ работу, нищій смѣняется рабочимъ. Даже во Франціи было сдѣлано замѣчаніе, что какъ только городъ начинаетъ раздавать милостыню, со всѣхъ сторонъ стекаются нищіе; если же онъ открываетъ мастерскія, тѣ же нищіе являются рабочими. И въ этомъ заключается вся сущность вопроса: рабочему нужны работа, средства и орудія работы, а не милостыня.

Такимъ образомъ, милостыня портитъ рабочаго въ нравственномъ отношеніи, и въ то же время она совершенно безсильна спасти его отъ нищеты. Причину безсилія понять легко. При существующей системѣ распредѣленія результатовъ труда рабочій получаетъ наименьшую долю продукта; бо́льшая идетъ капиталисту. Капиталистъ, побуждаемый помогать бѣдному, и можетъ быть, тому же самому рабочему, на счетъ котораго онъ богатѣетъ, отдаетъ самую ничтожную часть изъ своей большой доли, а остального не дастъ. Слѣдовательно, рабочему, да и то не всякому, достанется меньшая часть изъ того, что онъ дѣйствительно выработалъ. Все остальное пристаетъ къ капиталамъ и, увеличивая ихъ силу, въ то же время создаетъ новыхъ бѣдняковъ, на счетъ которыхъ растутъ новые капиталы. Изъ этихъ капиталовъ рабочій опять получаетъ свою долю въ видѣ милостыни, которая далеко ниже той части продукта, созданнаго его трудомъ, которая ушла въ руки капиталиста. И такъ все идетъ дальше: съ одной стороны увеличиваются постоянно капиталы, скопляющіеся въ рукахъ немногихъ; съ другой—увеличивается число бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи.

Безсиліе благотворительности, вполнѣ очевидное даже изъ этого краткаго соображенія, подтвер-

ждается, разумѣется, и практикой благотворительности. Оно и не можетъ быть иначе, и при всей изобрѣтательности филантроповъ, и при разнообразіи способовъ, придуманныхъ ими, результаты, къ которымъ они пришли, показываютъ вполнѣ ихъ безсиліе и несостоятельность системы. Люди или трусятъ, или не хотятъ, или не умѣютъ взглянуть на дѣло прямо, поставить вопросъ, какъ слѣдуетъ. Тамъ, гдѣ слѣдуетъ лечить коренными средствами, они только подмазываютъ и потомъ сами же удивляются, что изъ этого нѣтъ никакого толку.

Существующая система вспомоществованія бѣднымъ заключается или въ непосредственной раздачѣ средствъ существованія, или въ учрежденіи благотворительныхъ заведеній.

Прямая помощь, преимущественно раздача денегъ, хоть и велика, но бѣдность гораздо сильнѣе ея, и число нуждающихся увеличивается годъ отъ году. Во Франціи на 12 жителей считается одинъ нуждающійся, т. е. 8% всего населенія. Что же сдѣлала для нихъ филантропія? Изъ 36.820 коммунъ, при населеніи въ 35.400.486 душъ (1847 г.) 9.336 коммунъ, съ населеніемъ въ 16.521.883 человѣка, имѣли конторы благотворительности. Число бѣдныхъ, внесенныхъ въ списки, составляло 1.329.659. Изъ числа конторъ, существующихъ теперь, 1.062 не имѣютъ никакого капитала, 7.000 получаютъ доходу менѣе 1.000 франковъ, 5.400 менѣе 500 фр., 2.000 менѣе 100 франковъ, а 145 не получаютъ и 10 франковъ въ годъ. Общіе расходы поглощаютъ отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ дохода. Сколько же остается для бѣдныхъ? Среднимъ числомъ приходилось на бѣднаго 12 фр. 70 с.; но это средняя цифра въ дѣйствительности нѣсколько иная, а именно: 77 конторъ давали въ годъ каждому бѣдному менѣе франка, а другія 77 конторъ не дали ровно ничего, и вообще годичная помощь, начиная съ одного сантима въ годъ на бѣднаго, доходила до 899 фр. 51 сант., т. е. однимъ не доставалось ничего, другимъ слишкомъ много, и вообще для наибольшаго числа бѣдныхъ рѣшительно все равно, существуетъ ли благотворительность, или нѣтъ. Если-бы имъ не давали ровно ничего, положеніе ихъ не было бы хуже. Въ Парижѣ тотъ же порядокъ. Тамошнее благотворительное общество имѣетъ на своемъ попеченіи 20.913 дѣтей; въ его больницахъ 7.172 кровати. Бюджетъ общества болѣе 24 мил. франковъ. Налогъ на спектакли даетъ ему болѣе 14 милліоновъ, и наконецъ оно получаетъ отъ города болѣе 8 милліоновъ на текущіе, обыкновенные расходы, не считая помощи чрезвычайной: бѣлья, платья, мебели. Каждый годъ общество получаетъ еще суммы отъ частныхъ благотворителей; оно устраиваетъ балы, лотереи,—и всетаки парижская бѣдность сильнѣе его двадцати-четырехмилліоннаго бюджета. Если посмотрѣть на все, что дѣлается во Франціи для бѣдныхъ, то поражаешься громадностью усилій и ничтожностью результатовъ. По изслѣдованію Легуа (Legoyt), оказывается, что въ 1853 г. расходы благотворительныхъ обществъ составляли 17.349.937 франковъ; изъ нихъ 12.328.467 фр. или 71,05% были употреблены на вспомоществованіе и 2.238.148 на содержаніе конторъ. При всѣхъ усиліяхъ обществъ число бѣдныхъ все растетъ. Въ 1833—1847 годахъ ихъ было 731.311, а къ 1853 году число ихъ возросло до 1.022.996, т. е. увеличилось на 40%, тогда какъ народонаселеніе только на 8,05%. Съ 1833 по 1837 г. на 100 жителей число нуждавшихся составляло 2,25, и среднимъ числомъ помощь составляла 9 фр. 44 сант. на человѣка; а въ 1853 г. бѣдныхъ было 2,86 на сто и помощь возросла до 12 фр. Въ теченіе 60 лѣтъ, что существуютъ во Франціи благотворительныя общества, имъ удалось спасти отъ нищеты всего только одно семейство. А въ спискахъ настоящаго времени стоятъ бѣдные, дѣды и отцы которыхъ значились въ спискахъ 1802 и 1830 годовъ. Въ Англіи совершенно то же: тѣ же громадныя усилія и та же безплодность результатовъ. Тамъ на 19 милл. населенія считается 1.876.000 нуждающихся, занесенныхъ въ списки бѣдныхъ, т. е. почти 10%. Налогъ на бѣдныхъ составляетъ болѣе 6 милл. фунт. стерл., — число бѣдныхъ не уменьшается,—напротивъ, увеличивается. Въ чемъ же польза такой благотворительности? И какъ опытъ не убѣдилъ до сихъ поръ филантроповъ, что этимъ путемъ имъ не разрѣшить вопроса; что отвѣтъ на него лежитъ глубже, чѣмъ они ищутъ; что давать бѣдному только часть того, что онъ добылъ своимъ трудомъ, вовсе еще не значитъ оказывать ему благодѣяніе. И отчего филантропы, возвращающіе бѣдному только часть ему недоданнаго, не задаютъ себѣ вопроса: гдѣ же остальная часть? Вотъ вопросъ, къ которому благотворители боятся подступить, частью по незнанію дѣла или неспособности понять его, частью изъ трудности или, наконецъ, изъ своекорыстія. Не умѣя разрѣшить вопроса въ корнѣ, они идутъ путемъ безполезной чувствительности и еще плодятъ зло, которое бы имъ хотѣлось уничтожить. Создавая своей помощью бѣдность наслѣдственную, они плодятъ бѣдныхъ: на мѣсто одного выбывшаго бѣдняка является десять кандидатовъ,—а въ цѣломъ выходитъ только временная и совершенно недостаточная помощь отдѣльнымъ лицамъ. А развѣ нужно только это? Благотворители-буржуа и сами знаютъ, что нѣтъ; они знаютъ также, что если существующій экономическій порядокъ не измѣнится, если число бѣдныхъ и благотворителей будетъ расти въ той же прогрессіи, какъ это было до сихъ поръ, то отчего же Европѣ не повторять старую исторію, когда римскіе императоры раздавали хлѣбъ голодному и праздному народу? Но этого, разумѣется, не хочетъ ни одинъ самый заклятый благотворитель; а въ такомъ случаѣ нужно идти другимъ путемъ, и если ни буржуазія, ни благодѣтели не могутъ выдумать ничего сами, пусть они уступятъ свою роль народу; не будетъ ли онъ посчастливѣе?..

Къ такимъ же безплоднымъ результатамъ пришла филантропія и въ своихъ другихъ учрежде-

ніяхъ, и они—та же милостыня, но въ другой формѣ. Больницы, разумѣется, лучше изъ всего придуманнаго; но развѣ для всѣхъ больныхъ въ нихъ есть мѣсто? Моралисты идутъ и еще дальше. Они находятъ, что больницы уничтожаютъ поводъ къ жертвѣ и возможность той солидарности горя и радости, которая образуетъ наиболѣе тѣсную и крѣпкую связь между людьми. Они находятъ большимъ несчастіемъ для больного и для его семейства, если его отрываютъ отъ семьи и помѣщаютъ въ больницу, когда домашніе, цѣною жертвы, могли бы лечить его дома. Замѣчаніе это справедливо и подтверждается практикой людей со средствами,—они не отправляютъ своихъ больныхъ въ госпитали. Если они дѣлаютъ это не ради солидарности горя и радости, а изъ одной неувѣренности въ успѣхѣ госпитальнаго леченія, вопросъ нисколько не мѣняется въ своей сущности. И бѣдные хотѣли бы, чтобы ихъ лечили хорошо, и имъ бы не хотѣлось разставаться со своими больными, и у нихъ нѣтъ недостатка въ моральномъ побужденіи на жертву; но гдѣ у нихъ возможность осуществить его, гдѣ у нихъ деньги? Всѣ кабинетныя разсужденія благотворителей, все, что они дѣлали, дѣлаютъ и думаютъ дѣлать, прежде всего невѣрно въ самомъ основаніи. Они разсуждаютъ о какой-то солидарности горя и радости, о необходимости развивать и поддерживать это чувство въ бѣдномъ рабочемъ; но въ то же время, при кажущейся искренности и гуманности своихъ побужденій и стремленій, они видятъ въ рабочемъ человѣка не бѣлой кости, человѣка, который можетъ довольствоваться тѣмъ, что не нравится или не годится для людей со средствами болѣе значительными. Рабочему предлагаютъ говядину, которую не хочетъ ѣсть буржуа; ему предлагаютъ квартиру, которую человѣкъ другой кости считаетъ для себя нездоровой; наконецъ ему предлагаютъ госпиталь, отъ котораго человѣкъ со средствами бѣжитъ съ отвращеніемъ и боязнью. Но ихъ мнѣнію, что не годится для буржуа со средствами, то бѣдный рабочій доженъ принимать, какъ благодѣяніе. Но будто бы это такъ? Будто бы сердце рабочаго составлено изъ другихъ элементовъ? Будто бы онъ чувствуетъ по другому закону? Будто бы, когда богатому кажется, что на дворѣ холодно и мокро, рабочій находитъ, что на дворѣ тепло и сухо? Существующая система благотворительности, выражающаяся въ подачкахъ разнаго рода, совершенно безсильна передъ сокрушающей силой настоящаго экономическаго порядка Европы, и бѣдный стоитъ внѣ всякой возможности осуществить на практикѣ большую часть своихъ человѣческихъ побужденій, если для этого нужны денежныя средства, которыхъ у него едва достаетъ на то, чтобы существовать.

Экономическій порядокъ, особенно развившійся съ послѣдними изобрѣтеніями въ области промышленности, разрушивъ рабочую семью, замѣнивъ бракъ короткой любовной связью, долженъ былъ привести къ тѣмъ результатамъ, которые, наконецъ, такъ испугали всѣхъ. Пошли дѣти внѣ брака, пошли подкидыши, а у бѣдныхъ для воспитанія своихъ законныхъ дѣтей недоставало средствъ. Что дѣлать со всѣми этими дѣтьми, какъ ихъ кормить? Вездѣ, особенно въ фабричныхъ округахъ, число убійствъ дѣтей, число дѣтей, подкинутыхъ не только къ богатымъ, но даже на паперти церквей и ко вдовцамъ, стало увеличиваться въ огромномъ размѣрѣ. И вотъ придумали воспитательные дома. Но развѣ воспитательные дома измѣнили хоть на волосъ порядокъ? Развѣ они убавили число незаконныхъ рожденій, число подкидышей? Развѣ они дали бѣднымъ средства содержать своихъ дѣтей дома? Но вѣдь благотворители и учреждали ихъ совсѣмъ не для того, чтобы дать бѣднымъ средства содержать своихъ дѣтей дома. А если это такъ, то очевидно, что благотворители придумали свои дома для того, чтобы еще больше разорвать и безъ того уже распадавшуюся семью. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же поддерживать семью всѣми законодательствами? Зачѣмъ разсуждать о ней въ теоріи, разрушая ее въ то же время на практикѣ? На это обстоятельство благотворители не обратили никакого вниманія. Или, можетъ быть, дѣтей воспитывали и воспитываютъ въ духѣ семьи? Тоже нѣтъ. Напротивъ, еще отъ матери прятали ея дитя, матери не позволяли знать своего ребенка, а ребенку свою мать. Или, можетъ быть, воспитательные дома представляютъ что нибудь хорошее въ гигіеническомъ отношеніи? И даже этого въ нихъ нѣтъ. Смертность въ воспитательныхъ домахъ страшная, и причина этого лежитъ въ стадномъ кормленіи и воспитаніи дѣтей. Въ воспитательныхъ домахъ нѣтъ, да и не можетъ быть, ничего общаго съ семьей; у ребенка тамъ нѣтъ матери, а за нимъ ходитъ казенная нянька, и дитя выростаетъ «казеннымъ», чѣмъ-то оторваннымъ отъ всего міра, какой-то одиночкой. Ужъ, разумѣется, не этимъ путемъ, не стаднымъ воспитаніемъ возстановятъ благотворители разрушающуюся семью, о которой такъ плачутся моралисты, противорѣчащіе на практикѣ своей собственной теоріи.

Пріюты тоже вещь прекрасная. Они чисты, опрятны, смотрятъ очень весело, и если сравнить самый плохой пріютъ съ помѣщеніемъ родителей дитяти, туда взятаго, то нетрудно придти къ убѣжденію, что, вырывая дитя изъ грязи и отравляющей атмосферы его дома, пріютъ спасаетъ ребенка отъ смерти. Но развѣ тутъ не та же стадность? Развѣ не по одному шаблону лѣпятъ воспитаніе дѣтей? Развѣ пріютъ пріучаетъ къ семьѣ, развѣ онъ замѣняетъ попеченіе матери и пріучаетъ къ быту, который ожидаетъ впослѣдствіи ребенка? Пріюты хороши въ фабричныхъ и мануфактурныхъ мѣстностяхъ; они, разумѣется, лучше, чѣмъ ничего, т. е. лучше, если ребенокъ сидитъ въ свѣтлой и сухой комнатѣ, чѣмъ полощется одинъ въ грязной лужѣ среди улицы. Но развѣ кто нибудь изъ достаточныхъ людей помѣститъ своего ребенка въ воспитательный домъ или въ пріютъ? Нѣтъ. А если это худо для дѣтей людей со средствами, то отчего же то же самое худое должно сдѣлаться хорошимъ для людей бѣдныхъ? Отчего семейная связь, нужная для однихъ, не нужна для другихъ? Слѣдовательно, очевидно, что пріюты служатъ

больше для услажденія самихъ благотворителей, не разрѣшая нисколько вопроса о возстановленіи семьи и уничтоженіи бѣдности рабочихъ классовъ.

Въ той же степени неудачны были и остальныя попытки благотворительной буржуазіи. Замѣтивъ, что прямая помощь деньгами рѣдко достигаетъ цѣли, что рабочій не всегда употребляетъ ихъ на дѣло, а большею частью относитъ въ кабакъ, филантропическія общества придумали средства другого рода: они стали оказывать помощь бѣднымъ натурой. Но развѣ и эту помощь нельзя пропить? Въ большихъ городахъ есть охотники вымѣнять рабочему всякую вещь на водку. Рабочему даже и не нужно хлопотать самому объ этомъ,—мѣнялы придутъ къ нему и на домъ. Догадавшись, что и этотъ способъ помощи придуманъ не совсѣмъ удачно, филантропы стали строить экономическія кухни и снабжать бѣдныхъ готовой пищей безденежно или за самую незначительную плату. Такія экономическія кухни существуютъ почти во всѣхъ большихъ городахъ, но, несмотря на постоянно возрастающіе размѣры благотворительности, онѣ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ: число голодныхъ желудковъ постоянно больше числа раздаваемыхъ порцій, а повидимому низкая цѣна порцій—для множества бѣдныхъ все еще слишкомъ высока и, слѣдовательно, недоступна. Наконецъ, система эта, въ основаніи совершенно невинная, т. е. нисколько неспособная спасти рабочаго отъ нищеты, дать ему средства для независимаго существованія, превратить его изъ нищаго, пользующагося подачкой, въ рабочаго, имѣющаго постоянный заработокъ, — дурна въ томъ отношеніи, что, убивая въ бѣдномъ чувство собственнаго достоинства, она не уничтожаетъ, а, напротивъ, еще увеличиваетъ нищенство. Куда идти, въ чемъ искать спасенья? Всѣ эти дѣтскія выдумки, какъ нарочно, именно такого свойства, что, вмѣсто уменьшенія, напротивъ, увеличиваютъ число бѣдныхъ, готовыхъ жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая. Моралисты пришли въ ужасъ. Разумѣется, они пугались напрасно; все это слѣдовало имъ знать ранѣе, на основаніи той солидарности горя и радости, которая имъ такъ нравится. Если богатый живетъ трудомъ бѣднаго,—и это не только никого не пугаетъ,—напротивъ, признается учеными нормальнымъ состояніемъ настоящаго европейскаго общества,—то отчего же бѣдному рабочему не жить на счетъ богатаго буржуа? Послѣднее, говорятъ, худо; а чѣмъ же хорошо первое? Бѣдный долженъ работать,—согласны; онъ и работаетъ; а если, по милости сумасшедшей промышленной конкурренціи или по глупости фабриканта, рабочій останется безъ работы,—гдѣ возьметъ онъ средства для существованія, когда у него недостаетъ силы протянуть руку за милостыней? Или умирать ему съ голода? Разумѣется, нѣтъ. Если ему приходится выбирать между нищенствомъ и голодной смертью, то онъ выберетъ нищенство. Какъ же послѣ этого филантропы не умѣютъ понять, что невозможно соглашать несогласимое, что нельзя требовать отъ бѣднаго, неразвитого человѣка какихъ-то высокихъ моральныхъ качествъ, чувства собственнаго достоинства и т. п., когда сами филантропы учатъ рабочаго нищенствовать. Разбирая всѣ эти филантропическія заботы, удивляешься, разумѣется, не тому, что изъ нихъ не можетъ выйти ничего путнаго,—люди, умѣющіе смотрѣть на вещи прямо, понимали это всегда,—нѣтъ, тутъ больно то, что люди, повидимому добрые, способные на жертву, недальновидны въ такой степени, что тратятъ свои силы на игру въ филантропическія бирюльки, что въ нихъ нѣтъ никакой нравственной силы, нѣтъ ни искры правды и справедливости. Впрочемъ, смѣшно и требовать отъ нихъ качествъ противоположныхъ, смѣшно требовать правды, справедливости, нравственной силы. Еслибы въ нихъ было все это,—очевидно, они не стали бы забавляться стряпней въ экономическихъ кухняхъ, а нашли бы для себя другую работу.

Совершенная неудовлетворительность неудачныхъ попытокъ филантроповъ бороться со зломъ, увеличивающимся все болѣе и болѣе, вызвала другую систему дѣйствій. Явилось что-то среднее, явилась система, построенная на филантропіи, моралистикѣ и экономическомъ началѣ. Новая система, менѣе забавная, въ той же степени поверхностна, какъ и прежнія.

Въ промышленныхъ центрахъ съ небольшимъ населеніемъ торговцы предметовъ, необходимыхъ для рабочихъ, имѣютъ въ рукахъ своихъ совершенную монополію и берутъ съ рабочихъ цѣны, какія имъ вздумаются. Рабочій не имѣетъ никакихъ средствъ избавиться отъ грабежа мелочныхъ торговцевъ, потому что у него нѣтъ времени ходить за покупками въ ближайшій городъ, гдѣ бы онъ могъ достать все дешевле. Наконецъ, и въ городахъ цѣны, кажущіяся болѣе доступными, все еще слишкомъ высоки, и рабочій, закупающій все у мелочныхъ торговцевъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, получаетъ все хуже и платитъ за все дороже, чѣмъ покупщики, имѣющіе дѣло съ болѣе значительными торговцами. Сблизить по возможности потребителя съ производителемъ — вотъ основаніе, на которомъ задумали построить новую систему помощи рабочимъ. Не возставая вполнѣ противъ торгующаго сословія, не проповѣдуя его полной безполезности, новая система хотѣла только уменьшить для рабочаго число посредниковъ и пугала дѣйствительно огромное число людей, живущихъ исключительно торговлей, людей, не увеличивающихъ своимъ трудомъ массы продуктовъ, находящихся въ обращеніи, а между тѣмъ поднимающихъ на нихъ цѣну. Чтобы понять, въ какой степени излишнее число купцовъ, особенно мелочныхъ, поднимаетъ цѣны на продукты, довольно было сравнить цѣну оптовую съ цѣной розничной. Основываясь на точныхъ данныхъ, было выведено, что мелочными закупками рабочему обходится все дороже на 20, 30, а иногда на 50 процентовъ. Вотъ примѣры: въ Брюсселѣ килограммъ говядины продавался за 1 фр. 25 сант., а на разстояніи 25 верстъ—только 65 сант.; гренобльское общество для снабженія бѣдныхъ пищею закупало на 3 фр.

такое количество картофеля, за которое въ мелочной продажѣ нужно дать отъ 8 до 10 франковъ. Что было дѣлать, какъ облегчить рабочаго? Посягать на свободу торговли или силой уменьшить число купцовъ невозможно. Раздавать пищу даромъ или въ убытокъ себѣ, какъ это дѣлаютъ общества, построенныя на началѣ чистой благотворительности, не ведетъ къ цѣли. Представителямъ новой системы показалось умнѣе всего не ссориться съ существующими порядками, а придавить всѣхъ мелочныхъ торговцевъ, тѣхъ же нищихъ, какъ и рабочіе, своимъ капиталомъ, т. е. относительно лавочниковъ разыграть роль монополиста-богача. На такомъ миролюбивомъ принципѣ основались во многихъ мѣстахъ — въ Германіи, Англіи, Бельгіи, Швейцаріи — общества сбереженія, для закупки провизіи на зиму. Бѣдные, желающіе покупать провизію отъ общества, объявляютъ о томъ заранѣе, имена ихъ вносятся въ списки, и затѣмъ въ теченіе лѣта каждую недѣлю они вносятъ назначенную сумму и зимой получаютъ отъ общества провизію. Общество, закупающее все гуртомъ, продаетъ, разумѣется, дешевле, чѣмъ мелочные торговцы. Полезное вліяніе такихъ обществъ, по мнѣнію акціонеровъ, заключается въ томъ, что рабочій пріучается къ экономіи и даже не смѣетъ быть неэкономнымъ потому, что связанъ условіемъ платить въ общество непремѣнно деньги въ извѣстные сроки. Далѣе, онъ не играетъ роли нищаго и не живетъ подачкой. Но опять старый вопросъ: въ чемъ же для фабричнаго или вообще для всякаго рабочаго и всякаго пролетарія заключается существенная польза отъ такихъ обществъ, выгодныхъ преимущественно для самихъ только акціонеровъ? Даютъ они пролетарію хоть малѣйшую надежду перестать быть пролетаріемъ? Нѣтъ, они, и то только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и только для извѣстнаго числа людей, а вовсе не для всѣхъ бѣдныхъ, понижаютъ цѣну на нѣкоторые продукты. А что же остается другимъ? Что станется съ лишними людьми, которые, не имѣя работы, вздумали, какъ англійскіе пролетаріи, торговать пирогами или какой нибудь ветошью? Подрывая такого торгаша, развѣ общество пристроитъ его къ работѣ? Однимъ словомъ, насколько измѣнится вообще положеніе рабочаго?

Кромѣ закупокъ, такія акціонерныя общества устраиваютъ еще рестораны и дѣйствуютъ чисто на экономическомъ основаніи: они пускаютъ свой капиталъ въ оборотъ и пользуются процентами. Подобныя общества существуютъ въ разныхъ мѣстахъ—и не всѣ учреждены по одному плану. Въ Мюльгаузенѣ, напримѣръ, общество устроило ресторанъ и булочную. Вотъ цѣны, по которымъ отпускаются тамъ кушанья: супъ—5 сант., говядина ($^1/_4$ ф.)—10 сант., boeuf à la mode—15 сант., колбаса—15 сант., жареная говядина—20 сант., бѣлое вино — 10 сант., красное — 15 сант., сыръ — 5 сант. Порціи такого размѣра, что можно довольствоваться двумя блюдами. Обыкновенно расходы рабочаго на обѣдъ измѣняются отъ 35 до 45 сантим. При всей кажущейся дешевизнѣ рестораны эти имѣютъ два чрезвычайно важныхъ недостатка: они доступны только для холостыхъ и дороги. Если рабочій, расходующій на обѣдъ 35 сант., прибавитъ еще 20 на завтракъ, то онъ имѣетъ содержаніе на цѣлый день. Это расходъ небольшой для одного; но вотъ до какихъ размѣровъ онъ выростаетъ для цѣлой семьи. Положимъ, у рабочаго жена и трое дѣтей: значитъ, расходъ на ѣду составитъ для нихъ, по нашему разсчету, 2 фр. 75 сант. Но вѣдь, кромѣ ѣды, нужно платить еще за квартиру, нужно одѣть всѣхъ, нужно освѣщеніе, отопленіе. Сообразивъ всѣ эти расходы, становится очевиднымъ, что 55 сантим. на человѣка, на ѣду въ день, превышаютъ силы даже хорошо поставленнаго рабочаго. Вотъ остальные его расходы:

квартира 7 фр. въ мѣсяцъ,—въ годъ	84 ф. — с.
отопленіе	62 » 40 »
освѣщеніе	12 » 48 »
содержаніе, т. е.: одежда и прочія вещи	50 » — »
жены	50 » — »
трехъ дѣтей	50 » — »
да каждому расходъ на ѣду по 2 фр. 75 с.	1.003 » 75 »
всего . .	1.312 ф. 63 с.

Такой расходъ долженъ предполагать постоянный ежедневный заработокъ болѣе 4 фр. 50 сант. Рабочему не позволяется хворать, съ нимъ не должно случаться ничего непредвидѣннаго, ему не остается ничего на ремонтъ хозяйства, т. е. посуды, мебели и т. д. Но гдѣ же рабочіе, получающіе въ день 5 франковъ? Много ли ихъ? А если ихъ мало, и большинство находится въ положеніи, много худшемъ, то очевидно, что ему-то именно и нѣтъ никакихъ выгодъ отъ дешевыхъ ресторановъ, что рестораны эти устроены для тѣхъ, кому легче справиться съ дорогими цѣнами; а для кого это трудно,—положеніе того нисколько не облегчено. Чѣмъ же послѣ этого гордятся эти экономическія общества, въ чемъ ихъ заслуга? Въ томъ, что они устроили харчевни, въ которыхъ можно ѣсть выгоднѣе, чѣмъ въ ресторанѣ на Итальянскомъ бульварѣ? Ну, это еще немного: во всѣхъ большихъ городахъ есть харчевни, въ которыхъ рабочіе могутъ достать себѣ очень дешевую ѣду; значитъ, сущность новаго открытія въ томъ, что, кромѣ харчевенъ, содержимыхъ отдѣльными хозяевами, явились харчевни на акціяхъ или учреждаемыя компаніями людей со средствами. Что же въ этомъ важнаго? О чемъ шумъ? Чѣмъ тутъ гордиться благотворителямъ и моралистамъ? Или, можетъ быть, у рабочаго явилась увѣренность въ заработкѣ, явилась постоянная работа, фабрикантъ пересталъ его эксплоатировать или, наконецъ, измѣнилась система распредѣленія результатовъ труда? Разумѣется, нѣтъ, да и странно было бы думать, что нѣсколько спекулянтовъ, устроившихъ на паяхъ дешевую харчевню, могли и захотѣли бы

разрѣшить этотъ вопросъ, какъ слѣдуетъ. Напротивъ, весь ихъ разсчетъ основанъ на бѣдномъ рабочемъ; значитъ, очевидно имъ нѣтъ никакой выгоды идти такимъ путемъ, чтобы пролетарій пересталъ быть пролетаріемъ. Кто станетъ тогда ходить въ эти дешевыя акціонерныя харчевни?

Совершенно въ томъ же отношеніи хороши и сберегательныя кассы. По теоріи, выгодныя стороны кассъ заключаются въ томъ, что онѣ спасаютъ рабочаго отъ голодной смерти во время неимѣнія имъ работы, во время болѣзни; поселяютъ въ рабочихъ любовь къ экономіи, удерживаютъ отъ кабака и укрѣпляютъ ихъ въ семейныхъ добродѣтеляхъ. Противъ всего этого можно возразить однимъ: что сберегательныя кассы хороши для тѣхъ, кому есть что сберегать. Значитъ, и семейныя добродѣтели, и отвращеніе отъ кабака онѣ поселятъ въ одномъ изъ ста, если не изъ тысячи; а что же остальнымъ? Первый опытъ сберегательной кассы былъ сдѣланъ во Франціи въ 1818 году, — значитъ, вотъ уже сорокъ три года, какъ Франція укрѣпляетъ своихъ рабочихъ въ разныхъ добродѣтеляхъ; но гдѣ же эта семейная жизнь, гдѣ это отвращеніе отъ разврата? Оно не только не уменьшилось, но еще, напротивъ, увеличилось.

Неудовлетворительность системы сбереженій посредствомъ кассъ поняли наконецъ и сами благотворители. И дѣйствительно, сколько успѣетъ съэкономничать рабочій? И какіе проценты на его ничтожную сумму? Почти нуль. И все это, въ случаѣ промышленнаго кризиса или болѣзни, уйдетъ въ нѣсколько недѣль. А тамъ что? Опять та же бѣдность? Нельзя ли взамѣнъ экономіи предложить рабочему немедленно что нибудь болѣе прочное, — напримѣръ, домъ, землю? Мысль эта новая, явившаяся въ послѣднее десятилѣтіе, уже осуществлена въ Мюльгаузенѣ. Тамъ это устроили такимъ образомъ: между Мюльгаузеномъ и Дорнакомъ лежитъ довольно большая равнина, и на ней выстроили въ настоящее время городъ рабочихъ; въ немъ уже есть театръ (place Napoléon) и множество улицъ, названныхъ преимущественно въ честь ученыхъ: rue Papin, rue Thénard, и мѣстныхъ богатыхъ фабрикантовъ. Дома двухъ родовъ: одни, стоящіе отдѣльно, съ маленькими садиками; другіе стоятъ рядомъ, примыкая плотно одинъ къ другому, какъ вообще въ городахъ. Каждый изъ домовъ перваго ряда раздѣленъ двумя капитальными стѣнами накрестъ на четыре квартиры, совершенно одинаковыя, которыя отдаются или продаются отдѣльно. Расположеніе комнатъ въ нихъ такое: внизу двѣ комнаты— одна служитъ кухней и спальней, другая—спальней для отца съ матерью. Лѣстница, обыкновенно помѣщенная въ этой комнатѣ, чтобы дѣти не могли ни выйти изъ дому, ни придти безъ вѣдома родителей, ведетъ въ первый этажъ, раздѣленный на три маленькія спальни. Въ этомъ же этажѣ и отхожее мѣсто. При квартирѣ есть чердакъ, погребъ и насосъ для воды. Дома эти чрезвычайно тѣсны; комнаты почти микроскопическія; каждая группа четырехъ квартиръ съ садикомъ занимаетъ 150 кв. метровъ, изъ нихъ почти 120 подъ садами, но это сдѣлано, какъ говорятъ, намѣренно, чтобы рабочіе не могли брать къ себѣ жильцовъ, чтобы семья жила совершенно отдѣльно, сама по себѣ, и чтобы посторонній своимъ присутствіемъ не нарушалъ святости домашняго очага.

Постройка домовъ началась въ 1853 году. Въ первый годъ было выстроено 100 домовъ, въ началѣ 1859 г. ихъ было 428, а теперь уже 560. Вначалѣ рабочіе смотрѣли недовѣрчиво на это дѣло, но теперь уже многіе стали покупать дома; изъ 560 домовъ 403 уже проданы,—403 семейства сдѣлались собственниками.

Вотъ какъ организована система продажи. Каждый домъ — т. е. помѣщеніе для одной семьи— стоитъ обществу отъ 2.400 до 3.000 франковъ; теперь даже стали строить дома въ 3.300 франк. За эту же самую сумму домъ продается. Первый взносъ составляетъ сразу 300 или 400 франковъ, затѣмъ ежемѣсячно платится—за домъ въ 2.400 фр.—18 фр., а за домъ въ 3.000 фр.—23 франка, и весь долгъ погашается въ теченіе 14 лѣтъ.

Что можетъ быть, повидимому, лучше этой новой системы помощи бѣднымъ? Человѣкъ изъ пролетарія дѣлается домовладѣльцемъ. Но точно ли это былъ пролетарій, и къ чему приводитъ домовладѣніе? Вотъ два главныхъ вопроса, отвѣтъ на которые долженъ охладить нѣсколько восторгъ поклонниковъ новой системы и уменьшить ихъ благоговѣніе къ акціонерамъ этого новаго филантропическаго предпріятія. Чтобы добыть себѣ домъ, нужно имѣть въ запасѣ 300 или 400 франковъ; а у многихъ ли рабочихъ найдется такое сбереженіе? У одного изъ тысячи, а всѣ остальные, т. е. дѣйствительно самые несчастные, стоятъ внѣ всякой возможности мечтать о домовладѣніи. Очевидно, что для настоящаго пролетарія рѣшительно все равно, существуетъ или нѣтъ такое филантропическое общество. Ему говорятъ: «Посмотри, твои собратія обзаводятся домами; копи—будетъ и у тебя собственность». А пролетарій отвѣчаетъ: «У меня жена и трое дѣтей; задѣльная плата моя четыре франка въ день, считая тутъ же и заработокъ жены; купить мнѣ рѣшительно не изъ чего,—я веду жизнь самую умѣренную и трезвую, а если и случится какая нибудь жалкая экономія, то и та проѣдается въ дни, когда фабрики стоятъ безъ дѣла, въ дни коммерческихъ кризисовъ, въ дни болѣзни моей и моей жены; покупка дома для меня вещь рѣшительно невозможная, потому что никакими силами я не въ состояніи скопить 400 франковъ». Что же выигрываютъ тысячи такихъ бѣдняковъ отъ того, что есть на свѣтѣ люди болѣе богатые, имѣющіе возможность купить домъ? Такой порядокъ существовалъ всегда, потому что всегда были счастливцы, имѣвшіе деньги. Что выигрываемъ—вы, я, третій—отъ того, что какой нибудь Сорокинъ можетъ купить домъ? Вѣдь для насъ важно, чтобы и мы могли обзавестись собственностью, а отъ того, что Сорокинъ богатъ, мы богаче не сдѣлаемся. Очевидно, что вопросъ о дѣйствительной помощи дѣйствительно бѣднымъ не разрѣшенъ нисколько новымъ способомъ. Ужъ въ самомъ основаніи его лежитъ раз-

счетъ, недопускающій возможности другого разрѣшенія. Акціонерная компанія хочетъ выгодъ, выгоды же ея заключаются въ томъ, чтобы воротить свой капиталъ съ процентами и не потерять ничего на своемъ предпріятіи. Наибольшую гарантію въ этомъ представляютъ, разумѣется, рабочіе со средствами, тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ возможность дѣлать сбереженія и уплачивать долгъ съ процентами. Это одна сторона вопроса. Другая заключается въ томъ, что фабриканты, составляющіе акціонерное общество, разсчитали очень вѣрно, что, вмѣсто рабочихъ вполнѣ свободныхъ и, слѣдовательно, ненадежныхъ, гораздо удобнѣе имѣть рабочихъ постоянныхъ, прикрѣпленныхъ къ фабриканту долговымъ обязательствомъ, находящихся у него въ опекѣ и подъ надзоромъ. Это своего рода кабальная зависимость, предоставляющая три четверти выгодъ фабриканту и только одну четверть рабочему. Но почему же это такъ? Очень просто. Чтобы выплатить фабриканту за купленный у него домъ, рабочій вноситъ ему сразу 400 франковъ и затѣмъ каждый мѣсяцъ, въ теченіе 14 лѣтъ, платитъ ему пятью франками больше противъ того, чтобы ему стоилъ наемъ квартиры на сторонѣ: ежемѣсячный взносъ составляетъ отъ 18 до 23 франковъ. Фабрикантъ имѣетъ хорошій процентъ на свой капиталъ и спокоенъ въ уплатѣ ему денегъ, ибо рабочій платитъ тѣмъ, что самъ у него зарабатываетъ, или, говоря проще, платитъ ему своимъ трудомъ. Что рабочій отъ него не уйдетъ, т. е. будетъ на него работать и отработаетъ свой домъ, — фабрикантъ вполнѣ увѣренъ; значитъ, фабрикантъ, ссужая свой капиталъ подъ вѣрные проценты, кромѣ прямыхъ денежныхъ выгодъ, пріобрѣтаетъ себѣ не только постояннаго и усерднаго, но еще и преданнаго рабочаго, видящаго въ фабрикантѣ своего благодѣтеля. Онъ закрѣпляетъ его къ себѣ въ кабалу и создаетъ для своей фабрики семью вѣчныхъ рабочихъ, прикрѣпленныхъ къ его фабрикѣ. Но что же пріобрѣтаетъ рабочій? Онъ пріобрѣтаетъ микроскопическій домъ, разсчитанный на мужа и жену съ тремя маленькими дѣтьми. А если, кромѣ мужа и жены, есть еще и бабушка или дѣдушка, вмѣсто трехъ дѣтей—пятеро, вмѣсто маленькихъ—взрослые? Такимъ семьямъ, разумѣется, нѣтъ мѣста въ этихъ домахъ, и потому могутъ покупать дома только немногочисленныя семьи. На бѣду, въ эти четырнадцать лѣтъ, семья какъ разъ увеличилась, маленькія дѣти стали большими, всѣмъ имъ въ одномъ домѣ помѣщаться трудно, найти работу на фабрикѣ, гдѣ работаетъ отецъ, тоже нельзя: комплектъ на фабрикѣ полный; семья, значитъ, разсыпается, каждый взрослый пошелъ промышлять на сторонѣ; и каждый изъ нихъ вышелъ пролетарій, какъ и ихъ отецъ до покупки дома. Въ чемъ же тутъ помощь, гдѣ же уничтоженіе бѣдности? Ни въ чемъ и нигдѣ, и вся сущность спекуляціи фабрикантовъ заключается въ томъ, что, закабаливъ себѣ хорошихъ рабочихъ, они выигрываютъ съ ними значительно больше, чѣмъ съ рабочими непостоянными, съ рабочими, праздноующими «понедѣльники», — однимъ словомъ, съ рабочими дурными.

Приходя къ такимъ неутѣшительнымъ выводамъ благотворительности буржуазіи, мы беремъ назадъ свое неосторожное выраженіе, что будто бы буржуазія въ дѣлахъ помощи рабочему выказывала полнѣйшее незнаніе того, за что она бралась. Это заключеніе опрометчиво: буржуазія отлично знала, за что она бралась, и она поступала именно такъ, какъ ей было выгоднѣе. Да и съ какой стати фабриканту или купцу хлопотать о томъ, чтобы создавать новыхъ купцовъ или фабрикантовъ? Поступая такимъ образомъ, они знаютъ очень хорошо, что будутъ поступать во вредъ себѣ; и французскій, и англійскій буржуа вовсе не такъ глупъ, чтобы не понимать своихъ интересовъ. Вотъ почему онъ дѣйствовалъ всегда полумѣрами, зная очень хорошо, что ими онъ успокаивалъ на время рабочаго, зная, что это—лучшее средство заткнуть ему на время ротъ и обезпечить свои личные интересы. Принимать какія нибудь коренныя мѣры для улучшенія быта и положенія рабочаго не входило никогда въ интересы буржуа; онъ обдумалъ все это хорошо и, разумѣется, менѣе всего хотѣлъ идти такимъ путемъ. Благотворители, большею частью добрые, но малосвѣдущіе люди, дѣйствовали искренно, думая, что спасаютъ человѣчество, и вовсе не подозрѣвая, что они служатъ слѣпымъ орудіемъ своекорыстныхъ цѣлей буржуа. Такъ шли и идутъ до сихъ поръ дѣла въ Западной Европѣ. А что же пролетарій, что сдѣлалъ онъ, чтобы выйти изъ своего печальнаго положенія? И пролетарій не сидѣлъ сложа руки; въ его протестахъ-то и лежитъ причина, почему буржуа понялъ, что ему прямой разсчетъ быть благотворительнымъ. Не заяви пролетарій своихъ стремленій обезпечить себѣ болѣе человѣческое положеніе, конечно, нѣтъ мудренаго, что буржуа и не вспомнилъ бы о немъ. Начавъ думать, пролетарій понялъ, что буржуа смотритъ на него, какъ на вещь; онъ увидѣлъ, что его личные интересы прямо противорѣчатъ интересамъ буржуа, что ихъ раздѣляетъ наиболѣе непримиримое, враждебное начало. Первая форма нерваго протеста бѣднаго противъ богатаго, форма грубая — частный грабежъ, безцѣльный и безплодный въ общихъ интересахъ пролетарія, для него не годился, потому что пролетарій не нищій, не воръ, не убійца. Не нищій онъ, потому что у него есть силы, способности и желаніе работать; онъ не отказывается ни отъ какой честной работы, но не работа ищетъ его, а онъ ищетъ работы. Промышленный міръ Западной Европы съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, не представилъ еще ни одного случая, гдѣ бы фабрики остановились отъ недостатка рабочихъ, тогда какъ каждый годъ непремѣнно гдѣ нибудь случится, что рабочіе остаются безъ хлѣба, потому что для нихъ нѣтъ работы. «Почти всегда,—сказалъ Кобденъ, — два рабочихъ гонятся за однимъ хозяиномъ, и очень рѣдко два хозяина за однимъ рабочимъ». Не воръ и не убійца онъ потому, что онъ человѣкъ, желающій жить своимъ трудомъ, что

преступленіемъ выражается протестъ отдѣльныхъ лицъ, протестъ безсильный, противъ котораго возстаетъ все общество въ цѣломъ своемъ объемѣ. Кража, эта безсознательная и безсильная форма протеста, отвергнута пролетаріемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прежній бѣднякъ съ изобрѣтеніемъ машинъ и развитіемъ фабричныхъ производствъ превратился въ пролетарія; съ тѣхъ поръ, какъ онъ сложился въ одно цѣлое и увидѣлъ бездну, раздѣляющую его отъ буржуа, онъ понялъ, что кража и преступленіе—орудія для него совершенно негодныя: идти ему въ мошенники и убійцы не разсчетъ,—этимъ не улучшится ни его личное положеніе, ни всего сословія рабочихъ. Идти противъ движенія мысли и протестовать противъ изобрѣтеній и улучшеній, ломая машины или разоряя фабрики, тоже нелѣпость, хотя не только въ первое время, но даже еще и не очень давно подобные случаи повторялись. Сломавъ и разоривъ нѣсколько машинъ и фабрикъ, пролетарій увидѣлъ, что этимъ положеніе его не улучшается, что возвратъ къ прожитому невозможенъ, что нужно искать спасенья въ другихъ мѣрахъ, а не въ протестѣ противъ человѣческой мысли. Нужно было придумать другую форму для оппозиціи, гдѣ бы силы пролетарія были болѣе сосредоточены и не проявлялись въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ частныхъ преступленій. Однимъ словомъ, пролетарію, какъ мыслящему цѣлому, сознающему свое положеніе и причины его, нужно было придумать мѣры болѣе коренныя и болѣе дѣйствительныя. Въ этомъ случаѣ помогъ особенно англійскому пролетарію законъ 1824 г., по которому уничтожены всѣ акты, запрещающіе рабочимъ собранія по предметамъ ихъ занятій. Съ изданіемъ новаго закона рабочій пріобрѣлъ право, принадлежавшее до тѣхъ поръ исключительно буржуазіи и аристократіи,—право свободныхъ ассоціацій. Съ этого времени стало существовать въ Англіи законно то, что существовало до тѣхъ поръ незаконно. Рабочіе выиграли, очевидно, потому, что прежнія тайныя ихъ сборища не приводили къ особенно замѣтнымъ результатамъ,—таинственность вредила успѣху, а буржуазіи давала законное орудіе противъ всѣхъ попытокъ рабочихъ застраховать себя отъ гнета капиталистовъ. Но когда явился законъ 1824 г., ассоціаціи рабочихъ быстро распространились во всей Англіи. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности образовались союзы или собранія съ опредѣленной, открытой, всѣмъ извѣстной цѣлью — защищать отдѣльнаго рабочаго противъ тиранніи и равнодушія буржуазіи къ его положенію. Цѣлью этихъ обществъ было установить твердую задѣльную плату, входить въ сношеніе съ фабрикантами цѣлыми союзами, какъ сила противъ силы, регулировать рабочую плату, возвышать ее, когда представится случай, и поддерживать ее на одной высотѣ во всѣхъ отрасляхъ производства; для этого предполагалось составить расписаніе платы, предъявлять его отдѣльнымъ капиталистамъ и, если они не принимали его, прекращать съ ними договоры о работѣ. Далѣе, ограниченіемъ пріема учениковъ поднять спросъ на рабочихъ и возвысить имъ плату; работать всѣми силами противъ пониженія фабрикантами задѣльной платы, пониженія, ловко вводимаго фабрикантами по мѣрѣ улучшенія производствъ и изобрѣтенія машинъ, и наконецъ рабочимъ, лишеннымъ средствъ существованія, помогать деньгами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ были попытки образовать общіе союзы по всей Англіи изъ рабочихъ одного рода занятій, и даже—въ первый разъ въ 1830 году — составить одну рабочую ассоціацію для всей страны, съ отдѣльными организаціями частныхъ обществъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Такіе союзы, какъ дѣло еще совершенно новое, рѣдко держались долго: у нихъ еще недоставало силы приложить къ практикѣ въ огромныхъ размѣрахъ истины, вполнѣ вѣрныя въ теоріи.

Какими же средствами общества рабочихъ старались достигнуть цѣли? Средства ихъ были весьма просты. Если одинъ или нѣсколько мастеровъ отказывались платить цѣну, установленную ассоціаціей, къ нимъ посылалась депутація или жалоба; если мастеръ или хозяинъ не уважалъ претензіи, ассоціація приказывала рабочимъ прекратить работу, и всѣ рабочіе уходили домой. Такія прекращенія работъ (turnout) были или отдѣльныя, частныя, касавшіяся одной фабрики, или общія, когда всѣ хозяева или фабриканты одного рода занятій отказывались установить плату согласно требованіямъ ассоціаціи. Средства такихъ союзовъ держать ассоціацію крѣпко въ легальномъ отношеніи были весьма слабы, и ассоціація не могла быть вполнѣ застрахована противъ фабрикантовъ, пока въ странѣ имѣлись рабочіе, стоявшіе внѣ ассоціаціи, или если у буржуазіи была возможность какими нибудь приманками отдѣлить нѣкоторыхъ рабочихъ отъ союза. Особенно это было легко при частыхъ отказахъ отъ работъ, когда фабриканту не представлялось особаго труда набрать себѣ коегдѣ рабочихъ. Тогда сила всей ассоціаціи разбивалась этой простой мѣрой. Что оставалось дѣлать ассоціаціи въ такихъ случаяхъ? Оставалось одно средство — угрожать, бранить и преслѣдовать всѣми возможными способами такихъ измѣнниковъ между рабочими; но этого законъ не позволяетъ, слѣдовательно, въ случаѣ жалобы, буржуазія, для защиты своихъ интересовъ, обрушивалась всей тягостью, всѣми силами закона на членовъ ассоціаціи и совершенно ломала ее, — рабочіе были побѣждены; фабрикантъ торжествовалъ.

Исторія ассоціацій англійскихъ рабочихъ есть постоянный рядъ потерь рабочихъ въ борьбѣ со всемогущей буржуазіей. И очень естественно, что стремленія пролетарія, выражавшіяся въ такомъ видѣ, не могли измѣнить порядка вещей, въ которомъ задѣльная плата опредѣляется спросомъ на трудъ и предложеніемъ его. Рабочій долженъ былъ проиграть, потому что онъ былъ безсиленъ противъ соперничества, лежащаго въ основѣ этого вопроса; въ случаѣ торговаго или промышленнаго кризиса ассоціація должна была сама понизить цѣну или разсыпаться: другого выхода ей не оставалось, если всѣ члены ея не рѣшились умереть съ голода;

а въ случаѣ сильно увеличившагося спроса на трудъ, рабочій не могъ поднять задѣльную плату выше того уровня, какой опредѣлился самъ собою конкурренціей между капиталистами. Безсильныя въ разрѣшеніи вопроса вообще, эти ассоціаціи были довольно сильны въ борьбѣ съ частными причинами. Еслибы фабриканты не ожидали встрѣтить въ рабочихъ оппозицію цѣлой массой, то, разумѣется, имъ не было никакой причины стараться возвышать плату; напротивъ, вслѣдствіе конкурренціи на товары, фабриканты старались бы постоянно понижать задѣльную плату и очень скоро довели бы ее до minimum'а. Этой-то именно конкурренціи и мѣшаютъ ассоціаціи рабочихъ. Такъ же были безсильны ассоціаціи противъ значительныхъ причинъ, измѣнявшихъ условія рабочаго рынка. Въ такихъ случаяхъ—напр. при кризисѣ,—голодъ принуждалъ рабочихъ соглашаться на всякія условія, лишь бы добыть себѣ работу; и если только нѣкоторые рабочіе шли на соглашеніе, вся ассоціація теряла силу: основной капиталъ ея быстро истощался на вспомоществованіе рабочимъ безъ дѣла; кредитъ у мелочныхъ торговцевъ не могъ тоже тянуться долго, потому что у тѣхъ самихъ нѣтъ средствъ существованія,—и нужда заставляла рабочихъ идти снова въ ярмо капиталистовъ. Въ этомъ случаѣ положеніе ихъ обыкновенно ухудшалось, — причина простая: интересъ фабриканта въ томъ, чтобы по возможности понижать плату и производить фабрикаты съ наименьшими расходами; потерявъ на простоѣ фабрики, угрожаемый конкурренціей, наконецъ раздраженный противодѣйствіемъ рабочихъ, фабрикантъ старается понижать по возможности плату не только для возвращенія своихъ потерь, но и для того, чтобы дать рабочему урокъ и удержать его впередъ отъ такихъ продѣлокъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ рабочіе брались за такую мѣру, зная впередъ ея безплодность, зная впередъ, что имъ будетъ хуже? Очень просто: потому что имъ должно было протестовать противъ уменьшенія платы, имъ слѣдовало заявлять, что не имъ, какъ людямъ, слѣдовало зависѣть вполнѣ отъ экономическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находятся, а, напротивъ, эти обстоятельства должны быть выработаны, соображаясь съ человѣческими потребностями рабочихъ; наконецъ потому, что молчаніе рабочаго служило бы признаніемъ съ его стороны справедливости порядка, по которому во времена процвѣтанія промышленности и торговли буржуазія даетъ рабочему ходъ, чтобы извлечь изъ этого свои выгоды, а въ дурныя времена оставляетъ его умирать съ голода.

Эти протесты и служили доказательствомъ, что въ рабочемъ не заглохло еще человѣческое чувство, и какъ англичане—народъ практическій по преимуществу, то понятно, что протестъ англійскаго пролетарія проявился не молчаніемъ, не безмолвнымъ сознаніемъ своего положенія и отношеній своихъ къ буржуазіи, а дѣйствительнымъ дѣломъ. Важность этихъ заявленій, несмотря на всю кажущуюся ихъ несостоятельность, заключается въ томъ, что это были первыя попытки рабочаго уничтожить соперничество, показать на практикѣ, что господство буржуазіи основывается на конкурренціи между рабочими, т. е. на разбросанности пролетаріевъ и на ихъ взаимномъ противодѣйствіи. Что подобные протесты не составляютъ дѣла тупой, неразумной силы, незнающей, что ей нужно, доказывается слишкомъ частыми и повсемѣстными повтореніями ихъ рѣшительно вездѣ. Очевидно, что рабочій чувствуетъ, что ему нехорошо, и онъ хочетъ развязаться со своимъ грустнымъ положеніемъ. Но протесты эти важны еще и въ другомъ отношеніи: рабочій въ нихъ зрѣетъ; онъ думаетъ, соображаетъ всѣ обстоятельства, могущія улучшить его бытъ; онъ пробуетъ, какое средство лучше и вѣрнѣе приведетъ его къ цѣли. Въ этой-то школѣ рабочій понялъ, почему буржуа сильнѣе его, почему буржуа держится за законъ и, повидимому, уважаетъ его,—законъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ пролетарія. У пролетарія нѣтъ этихъ причинъ,—вотъ почему онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что въ учрежденіяхъ Англіи нужно сдѣлать измѣненіе, и предложилъ наконецъ свою народную хартію, скрывающую подъ политической формой тенденціи чисто-экономическія; чартизмъ—въ сущности оппозиція противъ буржуазіи, онъ—выраженіе общаго протеста всего пролетаріата Англіи, понимавшаго, что отдѣльные протесты и возстанія рабочихъ противъ отдѣльныхъ фабрикантовъ, какъ аванпостныя стычки, не рѣшаютъ вопроса. Въ чартизмѣ, напротивъ, проявился общій протестъ одного сословія противъ другого; ударъ направленъ на политическую силу буржуазіи, которой у пролетарія не было, и которая ему нужна для разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. Пролетарій понималъ, что пока вся власть сосредоточивается въ рукахъ духовенства, землевладѣльцевъ и денежной аристократіи, а онъ не имѣетъ никакого участія даже въ дѣлахъ, касающихся личныхъ его интересовъ, — ему нечего ждать хоть какого нибудь успѣха въ его столкновеніяхъ съ буржуазіей. Поэтому еще въ 1817 г. было подано въ палату прошеніе съ 1.700.000 подписей, которымъ требовалось право голоса для всѣхъ сословій. Два года спустя въ Петерлофельдѣ былъ назначенъ большой сходъ, гдѣ предполагалось разсуждать объ измѣненіи хлѣбныхъ законовъ и объ экономическомъ положеніи страны. Собраніе не состоялось, потому что его разогнали военной силой. Эта мѣра хоть и пріостановила политическія демонстраціи пролетарія, но не могла заставить его отказаться отъ своихъ стремленій, и въ 1827 году рабочіе составили политическое общество National union of the working classes и въ то же время начали составляться по всей Англіи небольшія общества, съ цѣлью стѣснять произволъ фабрикантовъ и мѣшать пониженію заработной платы!

Недовольство новымъ закономъ о бѣдныхъ вызвало между рабочими новое общество—Working Men's Association, имѣющаго политическій характеръ и недопускавшаго въ свои члены средній классъ. Это-то общество, имѣя во главѣ Вильяма Ловета, быв-

шаго сначала столяромъ, потомъ хозяиномъ кофейни, наконецъ книготорговцемъ, составило хартію изъ слѣдующихъ шести пунктовъ: право голоса для всякаго взрослаго человѣка, если онъ въ здравомъ умѣ и не сдѣлалъ никакого преступленія; ежегодное возобновленіе парламента; содержаніе членамъ парламента, чтобы люди несостоятельные могли тоже принять выборъ; выборъ баллотировкой, чтобы устранить подкупы и застращиванія буржуазіи; равенство избирательныхъ округовъ; уничтоженіе избирательнаго ценза. Эти шесть пунктовъ, не заключающіе въ себѣ ничего грознаго, страшно однако, напугали парламентъ, потому что касались основныхъ элементовъ государственнаго управленія Англіи. Вопросъ былъ поставленъ прямо и рѣшительно: цѣлый слой общества, исключенный изъ управленія, хотѣлъ облегчить занятія аристократіи и буржуазіи и раздѣлить съ ними власть. Несмотря на этотъ политическій оттѣнокъ чартизма, сущность его была чисто-экономическая, какъ мы это уже и сказали, и основная задача была отлично высказана на одномъ митингѣ рабочихъ извѣстнымъ методистомъ Стефенсомъ. «Чартизмъ, мои друзья,— сказалъ онъ, — вовсе не политическій вопросъ, гдѣ бы разсуждалось о томъ, чтобы вы получили право выборовъ и т. п.; нѣтъ, чартизмъ—это вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба; хартія—это значитъ хорошее жилье, хорошая ѣда и питье, хорошее содержаніе и короткое рабочее время». Волненія въ рабочемъ населеніи не ограничились одними митингами: было задумано поднять всѣхъ рабочихъ страны; неблагонамѣренныя распоряженія правительства, именно: преслѣдованіе чартистовъ Ловета, Колина, излишнее усердіе полиціи разгонять собранія рабочихъ, отказъ палаты на требованіе рабочихъ—ускорили дѣло. Начались ночныя собранія, и, наконецъ, въ ноябрѣ 1839 года поднялся Южный Валисъ. Движеніе подавили военной силой и главныхъ предводителей возстанія сослали. Въ 1840 году депутаты изъ разныхъ провинцій Англіи собрались въ Манчестеръ, а въ іюнѣ 1841 г. пошло новое прошеніе, подписанное 1.300.000 рабочихъ. Требовали снова утвержденія хартіи. А между тѣмъ во все это время не только не прекращались частныя возстанія, но и было нѣсколько возстаній огромнаго размѣра, напримѣръ на сѣверѣ между рудокопами, гдѣ въ мартѣ 1841 года 40.000 горныхъ рабочихъ оставили рудники и отказались отъ работы.

Во время разрѣшенія вопроса о свободной торговлѣ чартизмъ какъ будто бы ослабѣлъ, но февральская революція подожгла снова чартистовъ: начались частныя собранія рабочихъ, посылались французамъ поздравительные адресы, а въ мартѣ 1848 года въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Эдинбургѣ Глазгоу, гдѣ даже строились баррикады, произведены были кое-какіе безпорядки и даже раздавались крики: «Да здравствуетъ республика! Долой королеву!». Впрочемъ, надобно замѣтить, что эта шумливая французская система дѣйствій не совсѣмъ-то въ духѣ англичанъ, и предводители чартистовъ старались постоянно избѣгать стычекъ, кровопролитія. Вскорѣ послѣ этого въ Лондонѣ было новое собраніе чартистовъ и въ палату подана новая просьба, подписанная 5.760.000 рабочихъ. И на этотъ разъ значительное большинство членовъ палаты отвергло прошеніе. Рабочіе однако были тихи, и этому, между прочимъ, способствовало оживленіе промышленности и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе новыхъ хлѣбныхъ законовъ. Чартизмъ притихъ; но онъ существуетъ, и куда онъ долженъ привести современемъ—вполнѣ очевидно. Главный вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, достанетъ ли у господствующихъ сословій столько политическаго такта, чтобы сдѣлать во-время уступку и не вызвать въ народѣ болѣе энергическаго способа дѣйствій, чѣмъ это было до сихъ поръ. Знатоки англійскаго народа, разумѣется, найдутъ такое заключеніе невѣрнымъ: они видятъ въ англичанахъ слишкомъ много благоразумія и разсчета и не допускаютъ возможности въ этомъ народѣ побужденія дѣйствовать силой. Но это едва ли такъ. Дѣйствительно, англійскій рабочій менѣе политикъ, чѣмъ французъ; онъ болѣе спокоенъ и разсчетливъ; онъ не поднимается такъ легко на возстаніе, какъ его континентальный сосѣдъ, но зато въ англичанинѣ есть столько нравственной силы, столько мужества и способности обсудить свое положеніе и средства для выхода изъ него, что если ему не останется ничего, кромѣ крайности, то ужъ, разумѣется, онъ не остановится ни передъ какими препятствіями.

Исторія движеній французскаго пролетарія, конечно, хорошо извѣстна читателю; ему извѣстно также, что результаты, къ которымъ пришелъ французскій пролетарій, не имѣютъ особенно блестящихъ сторонъ; французъ поднимается легко на возстаніе, но въ немъ нѣтъ того холоднаго, спокойнаго мужества, которымъ такъ богатъ англичанинъ. Движенія англійскаго пролетарія уже показали, чего можно ожидать отъ него. Оставитъ ли свое дѣло на полдорогѣ народъ, обладающій такимъ мужествомъ, умѣющій такъ твердо и спокойно выдерживать себя? И дѣйствительно, сколько рѣшимости и воли должно быть въ рабочемъ, знакомомъ уже съ нищетой и нуждой и всетаки упорно рѣшающемся голодать, обрекающемъ на страданіе жену, дѣтей, какъ это дѣлалъ англійскій пролетарій, вступившій въ борьбу со своимъ хозяиномъ-фабрикантомъ и отказавшійся отъ работы, чтобы заставить поднять задѣльную плату. Рискъ француза былъ меньше: онъ вспыхнулъ, пошумѣлъ, поломалъ; его схватили и наказали, — все это было дѣломъ энтузіазма, дѣломъ быстрымъ. Не такъ дѣйствовалъ англичанинъ; вотъ одинъ примѣръ изъ множества. Въ каменноугольныхъ копяхъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ были нисколько не лучше, какъ и въ остальныхъ мѣстахъ Англіи. Сначала рабочіе переносили безропотно всѣ притѣсненія, но потомъ, особенно въ фабричныхъ округахъ, начали оказывать на рудокоповъ свое вліяніе болѣе ихъ развитые фабричные мастеровые. Время отъ времени и работники въ рудникахъ стали составлять ассоціаціи и отказываться отъ работъ. Въ мѣстностяхъ, болѣе цивилизованныхъ, они примк-

нули тѣсно къ чартистамъ. Но одиноко лежащій каменноугольный округъ сѣверной Англіи долго не принималъ участія въ этихъ движеніяхъ, и только послѣ множества усилій, частью чартистовъ, частью самихъ, болѣе развитыхъ, горныхъ рабочихъ, начало появляться общее неудовольствіе и организовалась оппозиція. Постепенно накипавшее озлобленіе кончилось тѣмъ, что горные рабочіе Нортумберленда и Дергама стали во главѣ оппозиціи всѣхъ горныхъ рабочихъ Англіи и извѣстнаго чартиста, адвоката Робертса, изъ Бристоля, избрали генералъ-прокураторомъ. «Union»—извѣстное общество рабочихъ— стало распространяться почти по всѣмъ округамъ, вездѣ были назначены агенты, стали собираться сходки и вербоваться члены: на первомъ собраніи депутатовъ въ Манчестерѣ въ 1844 году было болѣе 60.000 членовъ, на второмъ въ Глазгоу, чрезъ полгода, болѣе 100.000. Тутъ были обсуждены всѣ обстоятельства, касавшіяся горныхъ рабочихъ, и вопросъ объ отказѣ отъ работъ. Въ мартѣ 1844 года рабочіе Нортумберленда и Дергама рѣшили уничтожить прежнія условія со своими хозяевами и поручили Робертсу составить новыя. Между разными пунктами, имѣвшими единственной цѣлью ограничить произволъ хозяевъ, стоялъ и слѣдующій: «владѣльцы рудниковъ обязываются гарантировать своимъ постояннымъ рабочимъ работу, по меньшей мѣрѣ, на четыре дня въ недѣлю, или же плату за четыре дня». Это условіе, самое важное изъ всѣхъ, показываетъ, въ чемъ заключалась главная причина протеста англійскаго рабочаго. Условія эти были переданы владѣльцамъ особой депутаціей; но они отвѣтили, что «Союзъ» для нихъ не существуетъ, они не имѣютъ съ нимъ никакихъ сношеній, знаютъ только отдѣльныхъ рабочихъ и не признаютъ никакихъ законовъ между рабочими. Въ отвѣтъ на условія, предложенныя рабочими, владѣльцы рудниковъ предложили имъ свои; рабочіе, разумѣется, ихъ не приняли, и тогда рабочіе, въ числѣ 40.000, бросивъ свои норки, вышли изъ рудниковъ, и горное производство двухъ графствъ прекратилось сразу. Фондъ ассоціаціи былъ такъ великъ, что каждое семейство могло получать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по $2^1/_2$ шиллинга пособія въ недѣлю. Въ то время, какъ рабочіе рѣшились испытать этимъ страшнымъ путемъ терпѣніе своихъ хозяевъ, Робертсъ старался поддерживать вездѣ волненіе, объѣзжалъ Англію вдоль и поперекъ, собиралъ сходки и пособія для рабочихъ, оставшихся безъ дѣла, проповѣдывалъ спокойствіе и законность и въ то же время поднималъ народъ противъ деспотическихъ и своевольныхъ мировыхъ судей. Войну противъ послѣднихъ онъ объявилъ еще въ началѣ года; причина же неудовольствія на судей заключалась въ томъ, что, выбираемые изъ владѣльцевъ рудниковъ и копей, они постоянно во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ обвиняли рабочихъ и отстаивали исключительно интересы своего сословія. Робертсъ держался такой методы: какъ только какой нибудь рабочій былъ обвиненъ мировымъ судьей, онъ подавалъ протестъ въ высшую инстанцію, отправлялся съ обвиненнымъ въ Лондонъ, и того оправдывали. Такъ разъ были оправданы трое обвиненныхъ въ томъ, что они не хотѣли работать въ такомъ мѣстѣ, которое готово уже было обрушиться; и дѣйствительно, прежде, чѣмъ они воротились домой, произошелъ обвалъ. Робертсъ навелъ ужасъ на мировыхъ судей, и наконецъ довольно было его появленія, чтобы рѣшить дѣло въ пользу несправедливо обвиняемыхъ. Судьи смирились и перестали кривить совѣстью изъ желанія угодить владѣльцамъ рудниковъ.

Точно также ополчился Робертсъ и противъ разбойничьей системы фабрикантовъ платить рабочимъ натурой. Многихъ изъ нихъ онъ притянулъ къ суду и обвинилъ, и вообще своей энергіей, неутомимостью и дѣятельностью, внезапнымъ появленіемъ вездѣ, гдѣ являлась въ немъ хотя малѣйшая надобность, Робертсъ сократилъ произволъ ближайшихъ враговъ рабочихъ и научилъ ихъ если не честности, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой справедливости изъ боязни. Напримѣръ, при появленіи его въ Дерби одинъ изъ фабрикантовъ тотчасъ же объявилъ, что всѣ рабочіе его фирмы будутъ получать плату исключительно деньгами, гдѣ и какъ они хотятъ. Если же они вздумаютъ брать товары изъ лавокъ фирмы, то вещи будутъ отпускаться по оптовой цѣнѣ; вообще фабрикантъ будетъ платить рабочимъ по настоящей цѣнѣ, въ какихъ бы лавкахъ они ни покупали — въ его или постороннихъ. Такой успѣхъ «Союза» поднялъ его чрезвычайно въ мнѣніи всего рабочаго населенія въ Англіи и привлекъ множество новыхъ членовъ. А между тѣмъ на сѣверѣ никто изъ рабочихъ и не думалъ приниматься за работу, и, пока фондъ «Союза» былъ крѣпокъ, все шло хорошо; но ужъ къ зимѣ положеніе рабочихъ начало становиться хуже. Нужда становилась все больше и больше; денегъ между ними не было; пожертвованія рабочихъ, занимавшихся другими производствами, не значили ничего, когда приходилось помогать такой огромной массѣ людей безъ всякихъ средствъ; покупка у мелочныхъ торговцевъ разстраивала еще больше и безъ того чрезвычайно печальное состояніе финансовъ «Союза»; а между тѣмъ вся пресса, исключая нѣсколько журналовъ партіи пролетаріевъ, была не только противъ нихъ, но даже писала ложь, выставляла все дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ и вооружала противъ рабочихъ тѣхъ немногихъ изъ буржуазіи, которые еще не утратили чувства справедливости. Несмотря однако на крайнюю нужду, рабочіе были тверды и, при всей враждебности дѣйствій со стороны владѣльцевъ, спокойны; не было сдѣлано ни одного покушенія на кражу, случаевъ дерзости, оскорбленія или мести. Такъ прошли четыре мѣсяца, и владѣльцы уже теряли надежду побѣдить рѣшимость рабочихъ. Оставалось еще одно средство: они вспомнили, что котеджи не принадлежатъ рабочимъ. Въ іюлѣ послѣдовалъ отказъ рабочимъ отъ квартиръ, и черезъ недѣлю всѣ сорокъ тысячъ были выгнаны вонъ. Мѣра эта была исполнена самымъ варварскимъ образомъ. Больные и слабые, старики и младенцы, даже родильницы,

были безъ всякой жалости выведены изъ домовъ. Одинъ агентъ дошелъ даже до такого усердія, что собственными руками вытащилъ за волосы съ постели на улицу женщину въ послѣднемъ періодѣ беременности. Войско и полиція находились при этомъ, готовые при первомъ противодѣйствіи рабочихъ, по первому знаку мировыхъ судей, управлявшихъ всей этой отвратительной процедурой, броситься и рубить народъ. Рабочіе вынесли все спокойно и обманули ожиданіе владѣльцевъ, хотѣвшихъ, во что бы то ни стало, вывести ихъ изъ терпѣнія и принудить къ возстанію, чтобы имѣть поводъ прекратить всю исторію военной силой. Уговариваемые своими прокураторами, рабочіе молча и спокойно выносили всѣ свои пожитки на болота и сжатыя поля; а кому не нашлось мѣста на болотѣ, тотъ поселялся въ шоссейныхъ канавахъ.

Такъ прожили рабочіе болѣе восьми недѣль подъ открытымъ небомъ, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ самой незначительной помощи «Союза» и уже ослабѣвшаго кредита мелочныхъ торговцевъ. Тогда лордъ Лондондерри сталъ угрожать лавочникамъ и мелочнымъ торговцамъ своимъ высокимъ гнѣвомъ, если они «его» ослушникамъ-рабочимъ будутъ отпускать въ кредитъ. Но когда владѣльцы рудниковъ убѣдились, что рѣшительно ничто не помогаетъ, они начали выписывать рудокоповъ изъ Ирландіи и изъ отдаленныхъ мѣстъ Валиса, куда еще не распространилось возстаніе между рабочими, и, возстановивъ такимъ образомъ конкурренцію, сломили своего врага. Тогда владѣльцы заставили рабочихъ отказаться отъ «Союза», уволить Робертса и принять предложенныя имъ условія. Такъ въ началѣ октября кончилась эта пятимѣсячная борьба рудокоповъ съ владѣльцами рудниковъ, борьба, въ которой рабочіе показали необычайное мужество, спокойствіе и благоразуміе. Что значатъ вспышки французскихъ революціонеровъ съ этимъ спокойнымъ мужествомъ сорока тысячъ человѣкъ, которые, какъ одинъ, съ величайшимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ вели дѣло, пока сопротивленіе дальше становилось уже безуміемъ. И кто же врагъ, съ которымъ приходилось сражаться? Голодъ, нужда, лишенія всякаго рода и бездомность! Вотъ почему отъ англичанъ скорѣе, чѣмъ отъ кого либо, можно ожидать разрѣшенія современнаго экономическаго вопроса въ пользу пролетарія.

Разумѣется, во всѣхъ этихъ протестахъ можно видѣть тупое безсмысліе со стороны рабочаго, можно даже обвинить его, зачѣмъ онъ пошелъ къ своей цѣли тѣмъ, а не другимъ путемъ. Но прежде всего нужно вспомнить, что съ исторіей слѣдуетъ обращаться нѣсколько деликатнѣе, что извѣстное историческое явленіе, разсматриваемое, какъ характеристическій фактъ данной эпохи, нельзя обвинять въ томъ, что оно рисуетъ извѣстный моментъ въ исторіи народа или человѣческой мысли тѣмъ, а не другимъ образомъ или цвѣтомъ. Если англійскій или французскій пролетарій поступилъ именно такъ, это значитъ, что онъ не могъ поступить иначе. Наука уже разрѣшила вопросъ, на чьей сторонѣ правда и справедливость, кому худо, кому хорошо, и что нужно, чтобы дурное перестало быть дурнымъ. Но теоретическое разрѣшеніе вопроса еще не доказываетъ возможности немедленнаго примѣненія теоріи къ практикѣ. И вотъ, въ общемъ, отвѣтъ на замѣчаніе тѣхъ, кому не нравится, что англійскій и французскій пролетарій позволяли себѣ выходить изъ границъ приличія и вѣжливости въ своихъ отношеніяхъ къ буржуазіи и фабрикантамъ. Пролетарій пытался найти средство помочь своей бѣдѣ: онъ дѣйствовалъ и такъ, и иначе; что попытка его не была безплодна, видно уже изъ того, что буржуазія сдѣлалась осторожнѣе, что многое изъ возможнаго прежде, когда пролетарій былъ слабъ на ногахъ, сдѣлалось невозможнымъ, когда пролетарій почувствовалъ свою силу, показалъ, что эту силу нельзя не уважать. Можетъ быть, оно и точно нехорошо,—и въ этомъ согласны всѣ фабриканты Англіи и Франціи, — что пролетарій покушался прибѣгать иногда къ физической силѣ; но развѣ онъ не держался въ этомъ случаѣ системы своихъ друзей, фабрикантовъ? Наконецъ, онъ дѣлалъ это не только потому, что думалъ, что такое средство хорошо и дѣйствительно годится для разрѣшенія его экономической задачи, но и потому, что пролетарія всегда укоряли въ грубости и невѣжествѣ, пьянствѣ и развратѣ; а въ такомъ случаѣ, зачѣмъ и удивляться или негодовать, что грубый поступаетъ грубо; гдѣ же ему взять деликатности въ обращеніи, когда въ своихъ отношеніяхъ къ буржуазіи онъ могъ научиться всему, исключая именно деликатности?

Впрочемъ, пролетарій разрѣшалъ свой вопросъ и другимъ путемъ, путемъ мирнымъ, путемъ медленнаго прогресса. Мысль, лежавшая въ основаніи этого рѣшенія, была очень, очень простая и очень старая— ассоціаціи. Это значитъ, что тамъ, гдѣ усилія одного человѣка не ведутъ ни къ чему, множество людей составляютъ союзъ, чтобы дѣйствовать дружно въ однѣхъ, общихъ цѣляхъ. Въ ассоціаціи повторяется на практикѣ старая басня о старикѣ и трехъ молодыхъ: прутья, которые легко ломалъ старикъ поодиночкѣ, сдѣлались вдругъ несокрушимыми, когда онъ связалъ ихъ въ пучокъ. Мысль эта, несмотря на всю свою простоту, несмотря на свою давность, сказалась практически только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда бѣдный пролетарій понялъ цѣлой массой, что и онъ человѣкъ, что и ему не чуждо все человѣческое, и когда люди его партіи, стоящіе выше его по образованію и развитію, создавъ цѣлыя школы, развили и разъяснили этимъ вопросъ пролетарію. Но даже и въ этихъ совершенно скромныхъ и тихихъ стремленіяхъ пролетарія ему не легко было добиться права на ассоціацію, признанія ея законами. Особенно Франція—эта страна утонченнаго бюрократизма, шпіонства и крайней централизаціи, напуганная революціонными движеніями народа—не легко соглашалась дозволить ему составлять кружки и общества. Правительство постоянно боялось, чтобы экономическія учрежденія рабочихъ не служили щитомъ для маскированія его политическихъ цѣлей. Вотъ почему, признавъ справедливость научнаго положенія, лежащаго въ ос-

новѣ ассоціацій, правительство Франціи до сихъ поръ не рѣшалось устранить себя отъ надзора и опеки надъ общинами рабочихъ. Сладкія рѣчи Наполеона III, сказанныя имъ въ 1852 году, во время президентства, и впослѣдствіи въ Мецѣ, когда онъ уже былъ императоромъ, по поводу обществъ взаимнаго вспомоществованія; заявленное имъ тутъ горячее сочувствіе къ бѣднымъ и намѣреніе употребить всѣ свои силы, чтобъ облегчить участь несчастныхъ,—не обманули никого. Онъ долженъ былъ ради своей популярности заговорить объ этомъ предметѣ и выразиться именно такимъ, а не другимъ, образомъ, потому что многія изъ обществъ, принявшихъ политическій характеръ въ 1848 г., были закрыты правительствомъ между 1850 и 1851 годами. И въ Англіи правительство было тоже осторожно; но оно всегда было далеко либеральнѣе французскаго; стѣсненія ассоціацій не принимали тамъ никогда такого характера, какъ во Франціи, такъ что въ настоящее время даже самые преданные своему правительству французы начали уже понимать, что они пугались привидѣній, и что въ экономическихъ интересахъ страны необходимо имъ взять примѣръ съ Англіи.

Въ чемъ же заключаются эти ассоціаціи? Къ сожалѣнію, рабочій до сихъ поръ стоитъ только въ началѣ того длиннаго пути, который ему предстоитъ сдѣлать; все, что удалось ему, что приняло уже значительные размѣры, опредѣляется самымъ названіемъ выработанныхъ имъ учрежденій, это — общества для взаимнаго вспомоществованія. Задача ихъ: помогать своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни, кражи, пожара и другихъ несчастій; денежныя ссуды безъ процентовъ; поддержка и содержаніе стариковъ, неспособныхъ работать; наконецъ погребеніе бѣдныхъ сочленовъ, не имѣющихъ средствъ, на счетъ общества. Вотъ сущность задачъ всѣхъ обществъ для вспомоществованія. Въ члены принимаются люди добропорядочные; за дурное поведеніе членъ устраняется или на время, или же вычеркивается изъ списка навсегда. Капиталъ общества образуется изъ годичныхъ членскихъ взносовъ. Такія общества имѣютъ нѣчто общее со сберегательными кассами съ той разницей, что вмѣсто одиночныхъ взносовъ образуется капиталъ, принадлежащій цѣлому обществу, и, наконецъ, въ основѣ дѣйствій общества лежитъ начало страхованія. При послѣднемъ условіи средства ассоціаціи пріобрѣтаютъ большую силу, помощь становится дѣйствительнѣе и прочнѣе, чѣмъ при одиночномъ копленіи денегъ. Число такихъ обществъ въ Англіи и во Франціи доходитъ до весьма значительной цифры. Во Франціи ихъ болѣе 2.500, а резервъ превышаетъ 20 милліоновъ франковъ; въ Англіи около 14.000, съ капиталомъ въ 160 милліоновъ франковъ. Нѣкоторыя изъ обществъ вмѣстѣ съ вспомоществованіемъ имѣютъ и другую цѣль—сбереженіе, уменьшеніе издержекъ на средства существованія и доставленіе своимъ членамъ и ихъ семействамъ болѣе выгодныхъ способовъ образованія. Въ этихъ видахъ общества заводятъ лавки для продажи предметовъ, необходимыхъ рабочимъ, устраиваютъ школы, библіотеки, общественныя прачешныя и т. п. Разумѣется, все это хорошо въ томъ отношеніи, что спасаетъ рабочаго въ первый моментъ случившагося съ нимъ несчастія, спасаетъ стариковъ отъ голодной смерти, удешевляетъ жизнь, облегчаетъ и распространяетъ образованіе, но въ сущности все это не извлекаетъ рабочаго изъ его положенія и съ великимъ трудомъ, рядомъ огромныхъ пожертвованій и лишеній, даетъ ему слабую надежду достигнуть въ отдаленномъ будущемъ той самостоятельности и экономической независимости, какая ему нужна, и безъ которой пролетарій останется вѣчнымъ пролетаріемъ. Съ этой стороны общества взаимнаго вспомоществованія слишкомъ далеки до осуществленія на практикѣ простого средства, указаннаго уже новой экономической теоріей. Простое средство это заключается въ томъ, чтобы рабочій получалъ полную долю вознагражденія, причитающагося за его трудъ, и чтобы могъ получать ссуды подъ залогъ своего будущаго труда. Попытки для осуществленія на практикѣ этихъ двухъ идей были до сихъ поръ весьма слабы. Можно указать только на самое малое число подобныхъ обществъ во Франціи и въ Англіи. Что же касается банковъ для ссудъ на честное слово то ихъ и еще менѣе. Но что же изъ этого? Вопросъ не въ числѣ существующихъ банковъ или ассоціацій производителей, а въ томъ, что практика показала возможность разрѣшенія этого теоретическаго положенія. Трудно сказать, съ какой постепенностью и быстротой разовьются подобныя ассоціаціи; но что онѣ разовьются, что онѣ поглотятъ общества взаимнаго вспомоществованія,—въ этомъ нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться. Разумѣется, правительство и Англіи, и Франціи могутъ помѣшать развитію этихъ чисто-экономическихъ учрежденій, если не сумѣютъ взглянуть на нихъ прямо съ точки интересовъ всей страны, если изъ политическаго своекорыстія будутъ стѣснять учрежденія своей опекой и вмѣшательствомъ съ политической цѣлью, если будутъ мѣшать народному образованію и вообще задерживать умственный ростъ народа.

Вотъ послѣднее слово науки, усвоиваемое уже практикою. Какъ приметъ его жизнь? Вполнѣ ли удовлетворится разрѣшеніемъ его? Куда пойдетъ дальше, какъ долго протянется эта борьба стараго экономическаго порядка съ новымъ? На эти вопросы настоящее пока не даетъ никакого отвѣта. Европа, гордая многимъ, что она сдѣлала, гордая своей цивилизаціей, какъ бы не хочетъ понять, что въ своихъ господствующихъ экономическихъ теоріяхъ она переживаетъ древніе вѣка; заря новой экономической жизни едва только занимается для нея, и, разумѣется, одно изъ величайшихъ несчастій настоящаго времени для Европы заключается въ томъ, что словомъ науки, словомъ истины считаютъ обыкновенно только то, что подсказывается личнымъ своекорыстіемъ меньшинства. Борьба новаго со старымъ тѣмъ ужаснѣе въ своей медленной постепенности, что много людей, имѣвшихъ несчастіе смотрѣть на вещи выше общаго уровня, или выше сословій, рас-

полагающихъ судьбою своей страны, падутъ еще жертвой своей любви къ бѣдному пролетарію, не улучшивъ его настоящаго, не увидѣвъ сами будущаго, къ которому стремились и о которомъ мечтали. «Что-жъ,—зачѣмъ мечтать, къ чему рваться впередъ?» Разумѣется, такъ. Но научите мечтателя перестать быть самимъ собой, сдѣлайте изъ него другое существо; а безъ этого—не укоряйте его, не бросайте въ него грязью или, по крайней мѣрѣ соберите въ себѣ столько человѣческаго чувства, чтобы не обвинять человѣка, виноватаго только въ томъ, что ему тяжело смотрѣть на гнойныя раны общества, на страданія простого человѣка. Неужели это такая вина?

Ноябрь, 1861 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

(По поводу книги Пфейфера: «Die Staatseinnahmen»).

I.

Болѣе высокій уровень общественнаго развитія нѣмцевъ, по сравненію съ нами, русскими, не подлежитъ сомнѣнію, а между тѣмъ Пфейферъ въ своемъ «Die Staatseinnahmen» вотъ что говоритъ о своихъ соотечественникахъ: «Какъ велико должно было бы быть изумленіе гражданина, жившаго въ цвѣтущее время въ Греціи или Римѣ, еслибы онъ ожилъ внезапно среди теперешней нашей европейской культуры! Какъ бы удивили и изумили его всѣ изобрѣтенія и условія общежитія, которыя придумалъ человѣческій умъ болѣе чѣмъ въ 2 т. лѣтъ! Но еще болѣе, чѣмъ паровыя фабрики, желѣзныя дороги и нарѣзныя орудія, изумило бы его, конечно, глубокое невѣжество, въ которомъ находится нынче бо̀льшая часть гражданъ относительно важнѣйшихъ учрежденій своего государства, и ему показалось бы совершенно непостижимымъ, какъ мало бо̀льшая часть людей заботится именно о томъ, что онъ привыкъ считать важнѣйшимъ интересомъ человѣчества».

Чтобы не считать такое мнѣніе преувеличеннымъ, стоитъ только приглядѣться, хотя нѣсколько, къ большинству образованныхъ людей. Болтуновъ вездѣ много; люди съ весьма серьезнымъ лицомъ и озабоченной физіономіей громко и горячо разсуждаютъ о разныхъ общественныхъ дѣлахъ, но отъ легкомысленнаго крика до знанія существа учрежденій своего отечества также далеко, какъ отъ земли до луны. Все политическое воспитаніе большинства ограничивается знаніемъ двухъ-трехъ законовъ и нѣкоторыхъ запрещеній, что однако не мѣшаетъ владѣльцу такого скуднаго запаса политической мудрости считать себя добрымъ гражданиномъ и патріотомъ.

Нельзя отрицать того, что Западная Европа, особенно въ послѣднее время, сдѣлала большой шагъ впередъ на пути общественныхъ знаній; для нѣкоторыхъ народовъ, едва только начавшихъ жить самостоятельною политическою жизнью, этотъ шагъ можно признать даже исполинскимъ. Но тѣмъ не менѣе это многое все еще очень мало, а у насъ это малое и еще меньше.

II.

Исторія налоговъ, какъ и всей экономической дѣятельности человѣчества, очень немногосложна. Извѣстный читателю Хеопсъ и разные другіе современные ему властители, если имъ приходила мысль построить себѣ грандіозную гробницу, въ видѣ исполинской пирамиды, или увѣковѣчить свое имя какимъ нибудь другимъ памятникомъ подобнаго же несообразнаго размѣра,—сгоняли десятки или сотни тысячъ людей, заставляли ихъ работать десятки лѣтъ, и памятникъ созидался.

Тѣ же Хеопсы, если имъ казалось необходимымъ завладѣть землей и имуществомъ своего слабаго сосѣда, тѣмъ же способомъ, какъ и при постройкѣ грандіозныхъ памятниковъ, сгоняли своихъ послушныхъ подданныхъ, приказывали имъ брать оружіе, садиться на коней и идти войной, на кого требовалось.

Когда не требовались ни пирамиды, ни война, а нужны были деньги или какіе нибудь другіе предметы, Хеопсы отдавали приказаніе, чтобы то-то и то-то было имъ доставлено, и имъ доставлялось.

Налоги такой несложной формы встрѣчаются только въ начальномъ періодѣ государственной жизни народовъ.

По мѣрѣ экономическаго развитія и цивилизаціи трудъ натурой и платежи натурой начинаютъ терять свое первоначальное удобство, и является стремленіе замѣнять натуральныя повинности денежными. Но такое похвальное желаніе оказывается не всегда удободостижимымъ. Вотъ почему въ этомъ періодѣ, разныхъ видовъ натуральныя повинности преобладаютъ надъ всѣми остальными.

Но эта служба натурой, вызываемая только невозможностью обойтись безъ нея, существуетъ лишь на счетъ народнаго благосостоянія и, съ одной стороны, обременяетъ народъ, съ другой,—правительство, являясь невыгодной тому и другому.

Подобныя обоюдно-невыгодныя отношенія, существующія, какъ неизбѣжная необходимость, побуждаютъ государство изыскивать разныя вспомогательныя средства и суррогаты.

Къ такимъ суррогатамъ принадлежатъ государственныя имущества, регаліи, монополіи и многое множество разныхъ финансовыхъ изобрѣтеній и фискальныхъ средствъ, придумываемыхъ со спеціальной цѣлью сообщить сундукамъ государственнаго казначейства магнитныя свойства по отношенію къ золоту и серебру, находящемуся въ карманѣ народа.

Такъ какъ потребности государственныя слагались подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, большею частью случайныхъ, причинъ религіознаго, политическаго и экономическаго характера, поэтому и налоги, и разные финансовые суррогаты, зависѣвшіе зачастую отъ впечатлѣній минуты, должны были имѣть характеръ случайности и то баснословное разнообразіе, отсутствіе единства, справедливости и уравнительности, которыя привели наконецъ въ великое изумленіе пытливо-критическій умъ людей новаго времени

Съ той минуты, какъ явились подобныя критическія отношенія къ средневѣковой путаницѣ, для системы налоговъ и податей начинается новый періодъ.

Конечно, этотъ новый періодъ не создалъ ни особенныхъ экономическихъ чудесъ, ни уничтожилъ вполнѣ прежней неуравнительности, но тѣмъ не менѣе новое время для государственнаго хозяйства уже наступило, а вмѣстѣ съ нимъ явилась и возможность положить конецъ многимъ уродливымъ финансовымъ явленіямъ, подъ бременемъ которыхъ изнемогали люди встарину.

Разсчетъ привелъ къ системѣ бюджета и строгаго контроля. Въ конституціонныхъ государствахъ народъ, чрезъ своихъ представителей, принимаетъ участіе въ обсужденіи средствъ и способовъ для удовлетворенія денежныхъ государственныхъ потребностей, и плательщики уже не ограничиваются одной безгласной уплатой: они хотятъ знать, на что требуются отъ нихъ деньги и точно ли эти деньги расходуются на то, на что онѣ даны.

Впрочемъ, читатель не получитъ вполнѣ яснаго понятіи о вопросѣ, если онъ вообразитъ, что стремленія цивилизованныхъ націй увѣнчались полнымъ успѣхомъ и что идти впередъ некуда.

Государства новаго времени страдаютъ отъ несоразмѣрныхъ расходовъ на войско и отъ долговъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ явилась система долговъ, этотъ новый источникъ доходовъ далъ государственной расточительности такой могучій полетъ, какой былъ немыслимъ прежде.

Ранѣе предѣломъ государственныхъ расходовъ были внутренніе государственные доходы или собственныя средства: не было доходовъ, нельзя было предпринимать и расходы; со времени же возможности долговъ границы эти исчезли или, по крайней мѣрѣ, отодвинулись такъ далеко, что стали почти незамѣтны.

Съ этой поры начинается необычайное увеличеніе государственныхъ расходовъ, превратившееся въ какое-то международное соревнованіе. Каждое государство хлопочетъ объ увеличеніи своихъ собственныхъ силъ и объ увеличеніи своихъ долговъ.

Еще въ 1685 году государственные расходы Англіи составляли 1.400.000 ф. стерл., а нынче, среди глубокаго европейскаго мира, англійскій бюджетъ простирается до 66.890.000 ф. стерл. И тогда на армію уже тратилась половина, нынче тратится меньше—одна треть; но тогдашняя половина равнялась только 700.000 ф. стерл., нынѣшняя же треть составляетъ 22.000.000!

Во Франціи бюджетъ 1740 г. равнялся 170 м. фр., и въ томъ числѣ на армію и флотъ шло около 100 м.; нынче же государственные расходы Франціи превышаютъ 2 милліарда.

Въ Австріи въ томъ же 1740 г. расходы простирались отъ 30 до 40 м. гульденовъ, а нынче они составляютъ отъ 500 до 600 милл.

У насъ, по государственной росписи на 1790 г., общій расходъ составлялъ 42.519.921 руб., а по росписи на 1868 г. одни платежи процентовъ и погашенія по долгамъ составляютъ 76.638.896 руб.

Общіе европейскіе государственные расходы дошли въ наше время до невообразимой величины—3.000 милліоновъ руб. въ годъ, и въ этой суммѣ содержаніе армій и проценты по долгамъ составляютъ болѣе половины.

Распредѣляя этотъ расходъ на все европейское населеніе, окажется, что на каждое семейство падаетъ въ годъ около 60 руб.

Если подобный расходъ нельзя назвать невыносимымъ, то нельзя отрицать и того, что онъ громаденъ, и что плательщики имѣютъ полное и справедливое основаніе стремиться къ уменьшенію тягости налоговъ.

Этого коротенькаго историческаго очерка, я полагаю, совершенно достаточно для убѣжденія читателя въ той важности, какую имѣетъ и должно имѣть изученіе системы финансовъ и финансоваго управленія для всякаго, имѣющаго притязаніе считать себя гражданиномъ европейскаго государства и членомъ цивилизованнаго общества.

Еще Монтекукули говорилъ, что для успѣха войны существенно необходимы три вещи: деньги, деньги и деньги. Какъ военный спеціалистъ, Монтекукули смотрѣлъ на финансовый вопросъ нѣсколько односторонне. Мы можемъ уже обобщить эту мысль и сказать, что деньги нужны не для одной войны: онѣ — душа всего государственнаго механизма, и безъ нихъ машина должна или остановиться, или распасться.

Но деньги можно добыть только изъ извѣстныхъ источниковъ и только извѣстными средствами или способами. Если способы, употребляемые для пріобрѣтенія денегъ, такого рода, что ими потрясаются или разстраиваются самые источники дохода, то государство можетъ придти къ полному экономическому истощенію. Слѣдовательно, задача государства должна заключаться въ томъ, чтобы добывать средства, нисколько не разстраивая общаго благосостоянія. Очевидно, что вопросъ, поставленный такимъ образомъ, получаетъ громадную важность: на карту ставится все благосостояніе страны, т. е. приходится выбирать между бѣдностью и богатствомъ. Задача эта слишкомъ велика и слишкомъ важна для человѣчества, чтобы можно было допустить къ ней невниманіе или равнодушіе. Поэтому только варварскіе народы могутъ обходиться безъ финансоваго управленія и финансовой науки; цивилизованныя же націи, чѣмъ онѣ развитѣе, тѣмъ больше понимаютъ всеобъемлющее значеніе государственнаго финансоваго управленія и его живительное или мертвящее вліяніе на

всѣ функціи экономической и соціальной жизни страны. Изъ этого вытекаетъ уже само собой, что хорошее финансовое управленіе есть необходимое основное условіе здороваго государственнаго состоянія.

Но что значитъ хорошее финансовое управленіе? Какими условіями оно опредѣляется?

III.

Государственное хозяйство сравниваютъ съ частнымъ. И если это сравненіе касается только принциповъ, т. е. экономическихъ основъ того и другого, то возраженій быть не можетъ.

Государственное хозяйство, какъ и частное, должно имѣть задачей равновѣсіе расходовъ съ приходомъ. Если расходы больше доходовъ, то неизбѣжно слѣдуетъ разореніе.

Конечно, система государственныхъ долговъ позволяетъ прибѣгать къ очень могущественному вспомогательному средству, и, при употребленіи занятыхъ денегъ на производительное потребленіе, противъ долговъ говорить нечего.

Но даже и при помощи кредита расходы не должны выходить изъ границъ, указываемыхъ производительными средствами или силами, и это безразлично какъ для государственнаго, такъ и для частнаго хозяйства.

Въ частномъ хозяйствѣ энергія экономической производительности опредѣляется потребностями, служащими единственнымъ двигателемъ человѣческаго труда.

Въ государственномъ хозяйствѣ расходы опредѣляются тоже потребностями.

Но дѣло въ томъ, что въ индивидуальной экономической дѣятельности потребность создаетъ трудъ, и если размѣръ или качество труда не соотвѣтствуютъ потребности, она остается неудовлетворенной.

Въ государственномъ хозяйствѣ это условіе выполнить гораздо труднѣе. Государство само по себѣ не есть экономическій производитель,—оно лично не создаетъ никакихъ цѣнностей: оно собственно потребитель предметовъ, создаваемыхъ трудомъ его членовъ. Вотъ почему сохраненіе правильныхъ отношеній между потребленіемъ и производствомъ, не представляющее особенныхъ трудностей въ частномъ хозяйствѣ, представляетъ въ хозяйствѣ государственномъ затрудненіе.

Затрудненіе это заключается главнѣйше въ томъ, что для государственныхъ финансовыхъ увлеченій предѣлъ стоитъ гораздо дальше, чѣмъ для увлеченій индивидуальныхъ.

Причина этой большей легкости увлеченія заключается въ большей прочности государственнаго кредита и въ долговѣчности государства. Легкомысленный частный человѣкъ, запутывающійся въ долгахъ на непроизводительное потребленіе, лишится скоро довѣрителей; но государство, дѣлающее займы въ убытокъ, найдетъ всегда и очень легко охотниковъ дать ему деньги за выгодные проценты.

Частный человѣкъ, сдѣлавшій долгъ, самъ и долженъ заплатить его; но правительство, дѣлающее долгъ на счетъ государства, возлагаетъ уплату его не на одно, а на нѣсколько поколѣній всего населенія страны, т. е. обезпечиваетъ долгъ экономическою дѣятельностью и вѣчнымъ трудомъ цѣлыхъ милліоновъ людей. Вотъ въ чемъ заключается корень государственныхъ финансовыхъ ошибокъ, за которыя платятъ большею частью не современники, а потомки.

Трудъ, создающій для частнаго человѣка возможность удовлетворенія потребностей, есть въ сущности жертва или, выражаясь научно, расходъ труда ради пропорціональнаго вознагражденія. Если для удовлетворенія своихъ потребностей, при семьѣ изъ пяти членовъ, вы должны трудиться 10 часовъ въ день, то съ новымъ членомъ или съ явившейся новой потребностью можетъ оказаться необходимымъ трудиться еще 2 или 3 часа. Трудъ этотъ вы предпримите, конечно, только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно удовлетворитъ вашимъ новымъ потребностямъ, т. е. если наслажденіе удовлетворенія превыситъ непріятность труда.

Совершенно то же основаніе долженъ имѣть въ виду и государственный хозяинъ. Для него закономъ дѣйствій служитъ общая польза, и, слѣдовательно, его расходы должны быть покрыты такими средствами или способами, которые бы обрекли гражданъ на жертву сравнительно самую малую, т. е. чтобы причиненная налогами непріятность вознаграждалась возможно большимъ замѣняющимъ его наслажденіемъ или пользой.

Такъ какъ расходы государства должны такимъ образомъ идти исключительно на пользу и благополучіе гражданъ, то, слѣдовательно, каждый гражданинъ обязанъ нести налогъ, соотвѣтствующій его личнымъ обстоятельствамъ.

Но здѣсь возникаетъ новый вопросъ: въ чемъ должны заключаться обоюдныя отношенія и требованія, какъ со стороны государства къ гражданамъ, такъ и со стороны гражданъ къ государству?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно опредѣлить, въ чемъ заключается сущность государства.

IV.

Въ основѣ государственнаго идеала новаго времени лежитъ мысль, что всѣ граждане имѣютъ одинаковыя права, и каждая отдѣльная личность должна подчиняться волѣ большинства.

Такое опредѣленіе можетъ напомнить читателю государственный идеалъ древняго міра; но это сходство больше внѣшнее.

Въ древнемъ классическомъ государствѣ, при общей равноправности, отдѣльная личность совершенно поглощалась государствомъ. Жизненной задачей каждаго было не собственное свободное, личное развитіе, а споспѣшествованіе общей государственной жизни. Каждый житель разсматривался только какъ часть общаго и долженъ былъ приносить себя въ жертву государству. Преслѣдованіе частныхъ, личныхъ цѣлей разсматривалось, какъ нѣчто второстепенное, и допускалось только въ такомъ случаѣ и въ такой мѣрѣ, насколько оно

помогало поддержкѣ общаго государственнаго зданія. Въ этомъ отношеніи новѣйшее государство составляетъ совершенную противоположность древнему.

Въ новѣйшемъ государствѣ личность стоитъ на первомъ планѣ, и свободное развитіе каждаго индивидуума составляетъ главную задачу государства.

Тогда какъ въ древнемъ мірѣ личность служила для развитія и процвѣтанія государства, въ новомъ, напротивъ, государство служитъ для развитія и процвѣтанія личности.

Въ древнемъ государствѣ свобода заключалась въ томъ, чтобы принимать участіе въ управленіи; въ новѣйшемъ же, напротивъ, стремленіе къ свободѣ заключается въ томъ, чтобы быть какъ можно меньше управляемымъ.

Поэтому государство въ отношеніи частнаго лица есть только вспомогательная сила, протягивающая ему руку помощи, когда его собственныя усилія недостаточны для достиженія его личныхъ цѣлей.

Такъ какъ каждый имѣетъ одинаковое право преслѣдовать свои цѣли, то изъ этого слѣдуетъ, что въ то же время онъ можетъ имѣть одинаковое притязаніе на поддержку государства, и недозволеннымъ считается только то, что вредитъ уже существующему праву третьяго или что мѣшаетъ государству въ исполненіи его задачи.

Въ современномъ европейскомъ государствѣ идеалъ новаго государственнаго устройства еще не осуществился: старыя идеи держатся крѣпко и повсюду. Когда Европа достигнетъ полнаго осуществленія созданнаго ею идеала — предвидѣть нельзя, но одно несомнѣнно, что, судя по упорству стремленія народовъ къ свободному, всестороннему, индивидуальному развитію, идеалъ этотъ осуществится непреложно.

V.

Въ какомъ же видѣ должны выразиться основы финансоваго хозяйства въ государственномъ идеалѣ, къ которому стремится теперь Европа?

Чтобы государство могло производить расходы, ему нужно имѣть доходы. Но какъ государство доходовъ лично не производитъ, то нужныя ему деньги или предметы оно должно получить отъ народа. Эти деньги народъ представляетъ или изъ своихъ безоборотныхъ накопленій, или изъ производительнаго капитала. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ уменьшаетъ свои средства, слѣдовательно, подвергается извѣстной долѣ лишеній или несетъ жертву.

Такъ какъ, такимъ образомъ, всякій платежъ государству предполагаетъ со стороны плательщиковъ лишенія и ослабленіе ихъ производительныхъ средствъ, то, при ошибочномъ финансовомъ хозяйствѣ, могутъ легко возникнуть для народа самыя неисходныя экономическія затрудненія и даже полное истощеніе.

Фактовъ полнаго экономическаго истощенія исторія не представляетъ; но состоянія, весьма близкія къ народно-экономическому кризису, являлись нерѣдко. Въ подобномъ положеніи находилась, напримѣръ, Франція при Людовикѣ XIV.

Если государство будетъ отвлекать отъ народа на свои потребности всѣ его излишки, то весь свободный производительный капиталъ страны исчезнетъ, народъ станетъ въ минимумѣ удовлетворенія, и дальнѣйшее экономическое развитіе сдѣлается невозможнымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого будетъ всеобщая бѣдность и, наконецъ, истощеніе государственнаго казначейства, потому что обѣднѣвшему народу платить будетъ болѣе уже не изъ чего.

Единственный случай, когда подобное чрезвычайное напряженіе страны можетъ быть оправдано, есть война.

Въ другое же время финансовое управленіе страны должно имѣть постоянно въ виду этотъ роковой предѣлъ и направлять всѣ свои усилія на то, чтобы отодвигать народъ отъ него какъ можно дальше.

Экономическое истощеніе страны опасно не тѣмъ, что народъ станетъ питаться хлѣбомъ съ солью; еслибы только этимъ однимъ ограничилось—бѣда была бы еще не велика. Матеріальная бѣдность ведетъ къ послѣдствіямъ болѣе печальнымъ. Когда народъ видитъ, что всѣ плоды его труда и сбереженія отъ него отнимаются, онъ теряетъ всякую охоту быть прилежнымъ и энергичнымъ; является равнодушіе къ собственнымъ дѣламъ, исчезаютъ потребность дѣятельности и стремленіе къ возвышенію своего матеріальнаго уровня. Падающій уровень потребностей и минимумъ удовлетворенія создаютъ минимумъ умственной дѣятельности и, слѣдовательно, апатію и спячку мозга. Народъ возвращается къ полудикому состоянію и затѣмъ уже не выходитъ изъ него, если экономическое положеніе его не улучшается.

Такое состояніе есть полное противорѣчіе идеѣ новаго государства, предполагающаго полную личную свободу и возможность всесторонняго индивидуальнаго развитія.

Слѣдовательно, чтобы государственное хозяйство соотвѣтствовало вполнѣ идеалу новаго государственнаго строя, оно должно давать наивозможно большій просторъ экономическому развитію каждой отдѣльной личности.

Такая задача на практикѣ вовсе не такъ легка, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Для разрѣшенія ея, кромѣ глубокаго всесторонняго изученія экономическаго быта и экономической дѣятельности народа, нужно умѣть распредѣлить платежи такъ, чтобы они давили всѣхъ равномѣрно, и, въ то же время, нужно умѣть найти точный минимумъ государственныхъ расходовъ.

Было мнѣніе, не совершенно еще исчезнувшее до сихъ поръ, которымъ большіе государственные расходы оправдываются тѣмъ, что деньги остаются въ странѣ.

Несостоятельность такого ученія опровергнута еще теоріею Адама Смита.

Вопросъ не въ томъ, гдѣ остаются деньги, а на какое употребленіе онѣ идутъ?

Когда цѣлью государства считалось достиженіе великаго и прекраснаго, и когда Людовикъ XIV, въ качествѣ наиболѣе блистательнаго представителя этой теоріи, облачался въ бархатъ и кружева, устраивалъ парки, сады, дворцы, тратилъ милліоны на разныхъ любовницъ и шутовъ, полагая, что этимъ путемъ Франціи легче всего достигнуть красоты и величія, то его бѣдный народъ дошелъ до полуживотнаго состоянія, и никакой красоты и никакого величія не оказалось, а между тѣмъ всѣ деньги оставались въ странѣ.

Значитъ, вопросъ не въ томъ, чтобы деньги оставались дома, а въ томъ, чтобы онѣ шли на выгодное, а не на убыточное потребленіе. Народу, не имѣющему хлѣба и одежды, совсѣмъ не все равно, на что обращаются его производительные капиталы и отвлекаются рабочія руки. Кружева, бархатъ и парки дали занятіе хотя и многому числу рукъ, но какъ трудъ этотъ пошелъ не на созданіе предметовъ, изъ которыхъ могли бы возникнуть новые выгодные предметы, то его слѣдуетъ считать совершенно погибшимъ для экономическаго процвѣтанія страны. Народъ сталъ не богаче, а бѣднѣе.

Совершенно то же самое происходитъ при излишнихъ расходахъ на войско въ мирное время. Деньги, точно, остаются въ странѣ, но онѣ идутъ на содержаніе огромной массы людей, отнятой отъ народно-экономической производительности, и на созданіе предметовъ, необходимость которыхъ можно оправдывать только недостаточнымъ развитіемъ культуры европейскихъ народовъ.

Необходимость охранительныхъ средствъ противъ внѣшнихъ враговъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но если ихъ можно имѣть съ небольшими тратами и съ малой жертвой со стороны народа, зачѣмъ требуются жертвы бо́льшія?

Зачѣмъ континентальная Европа держится своей теперешней разорительной военной системы, когда опытъ Америки показалъ, что тѣхъ же самыхъ результатовъ можно достигнуть гораздо выгоднѣе?

То, что говорится здѣсь относительно военныхъ расходовъ, имѣетъ примѣненіе и ко всѣмъ остальнымъ расходнымъ статьямъ всякаго государственнаго бюджета.

Финансовая задача въ томъ, чтобы не покупать дорогой цѣной того, что можно имѣть дешево.

Но что значитъ дешево? Сравненіе международныхъ расходовъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Тамъ, гдѣ англичанинъ тратитъ 8 руб. и не считаетъ этотъ расходъ большимъ, для австрійца или русскаго будетъ много, можетъ быть, и 4 руб.

Слѣдовательно, задача въ томъ, чтобы расходъ былъ соразмѣренъ силамъ плательщиковъ; чтобы на того, кто можетъ нести безъ труда только одинъ пудъ, не накладывали бы двухъ. Совсѣмъ не все равно брать 1 рубль или 2. Два рубля во многихъ случаяхъ могутъ оказаться не двойнымъ, а десятернымъ налогомъ; изъ того, что народъ выноситъ 1 р. 75 к., нельзя еще заключать, что онъ снесетъ 2 рубля; можетъ быть, эти 25 коп. составляютъ именно послѣдній предѣлъ податной способности.

VI.

Въ настоящее время Европа знаетъ два способа полученія государственныхъ доходовъ: она извлекаетъ доходы или изъ собственныхъ хозяйственно-экономическихъ предпріятій, или беретъ деньги отъ гражданъ. Встарину существовалъ еще третій способъ—добровольныхъ приношеній. Этотъ способъ въ новой Европѣ уже вышелъ изъ употребленія, и хотя на него еще можно разсчитывать въ моменты сильнаго патріотическаго настроенія, но въ обыкновенныя, спокойныя времена онъ не можетъ служить источникомъ постоянно правильныхъ полученій.

Собственныя хозяйственно-экономическія предпріятія государствъ отличались встарину большимъ разнообразіемъ. Многое изъ прежняго теперь уже не существуетъ. Тѣмъ не менѣе остается еще не мало предпріятій, исключающихъ частную предпріимчивость и составляющихъ собственность государства. Сюда принадлежатъ: добываніе и продажа соли, выдѣлка табаку, желѣзныя дороги и телеграфы, почты, разработка драгоцѣнныхъ металловъ и минераловъ.

Отношеніе государствъ къ этимъ источникамъ доходовъ представляетъ два главныхъ различія. Въ одномъ случаѣ правительство допускаетъ конкурренцію частныхъ лицъ, въ другомъ нѣтъ. Тѣ промышленныя дѣятельности, изъ которыхъ государство исключаетъ совершенно частную предпріимчивость, называются монополіями или регаліями.

Что касается другого источника доходовъ, т. е. денежныхъ платежей народа, то они распадаются на два основныхъ вида: на подать личную, которую обязанъ уплачивать каждый гражданинъ только за то, что онъ членъ государства, и взамѣнъ которой государство не оказываетъ гражданамъ никакихъ положительныхъ услугъ, и подоходный налогъ, взимаемый государствомъ за извѣстныя, точно опредѣленныя услуги, или въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданинъ приходитъ въ особенно-близкое соприкосновеніе съ государствомъ и его органами.

При личной подати вознагражденіе государства за жертву гражданъ похоже на отношеніе паціента къ своему годовому врачу. Будетъ ли боленъ паціентъ и чѣмъ именно, понадобится ли ему помощь врача или нѣтъ—неизвѣстно, но плата доктору неизбѣжна. Точно также и въ отношеніи къ государству. Гражданинъ уплачиваетъ личную подать въ видѣ страховой премія за услуги, которыми, можетъ быть, ему придется пользоваться непосредственно, а можетъ быть и нѣтъ. Предположимъ, что изъ вашей личной подати идетъ часть на содержаніе полиціи. Очень можетъ быть, что къ вамъ въ нынѣшнемъ году воры и не заберутся, но вы всетаки должны платить на содержаніе учрежденія, обезпечивающаго вашу личную безопасность.

При подоходномъ налогѣ плата производится за услуги, опредѣленныя съ большею точностью. Здѣсь

жертва стоитъ ближе къ вознагражденію. Напримѣръ, вы пользуетесь собственностью и доходами съ нея. Вы устраиваете торговое или промышленное заведеніе, вы занимаетесь какими нибудь выгодными для васъ предпріятіями,—во всѣхъ этихъ случаяхъ государство является охранителемъ вашихъ интересовъ и соотвѣтственною администраціею способствуетъ не только существованію, но и процвѣтанію вашей экономической дѣятельности. За подобныя услуги государство беретъ со своихъ членовъ извѣстную плату, необходимую ему на покрытіе расходовъ администраціи.

Услуги, оказываемыя государствомъ покровительствомъ собственности, бываютъ такъ многообразны и сложны, что, въ большей части случаевъ, ихъ бываетъ трудно прослѣдить во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ. Помощь оказываютъ и финансовое управленіе, и разныхъ родовъ внутренняя администрація, и полиція, и судъ. Поэтому и въ отношеніи подоходной подати плательщикъ похожъ на пацієнта, а государство—на годового врача.

Но въ числѣ услугъ этого рода есть нѣкоторыя, гдѣ государство является не годовымъ врачомъ, а медикомъ, посѣщающимъ больного при каждомъ его приглашеніи. Услуги этого рода имѣютъ самый точный, опредѣлительный характеръ, и платежи за нихъ называются налогами за особыя услуги. Сюда относятся: плата за титулы и званія, плата за привилегіи и за право торговли, плата за право пользованія дорогами, мостами, каналами, плата за пользованіе судебными, учебными и другими учрежденіями, платежи за совершеніе разныхъ гражданскихъ актовъ и т. д.

Подъ эти двѣ основныя формы—*подать личную*—за личную защиту государства и его заботы о безопасности, чести, здоровья и право считать себя гражданиномъ государства; и *подать подоходную*—за экономическую безопасность и защиту, подраздѣляющуюся на подать *за личныя услуги* — подводятся рѣшительно всѣ платежи, подъ какими бы названіями они ни встрѣчались.

Если разсматривать источники государственныхъ доходовъ по ихъ отношенію къ гражданамъ, то окажется, что какъ бы доходы ни были повидимому далеки отъ народнаго кармана, они берутся всегда изъ него и ложатся на населеніе налогами.

Такъ, монополіи и регаліи въ сущности просто налогъ, хотя повидимому государство этимъ источникомъ доходовъ желаетъ облегчить плательщиковъ. На практикѣ это облегченіе неосуществимо, и по весьма простой причинѣ, совершенно ясной изъ самой сущности монополій и регалій.

Монополіи и регаліи—это государственныя экономическія предпріятія, исключающія, частью или вполнѣ, всякое соперничество. Слѣдовательно, государство является хозяиномъ, устанавливающимъ цѣны своихъ произведеній, и исключительно съ финансовыми цѣлями. Проще говоря, правительство назначаетъ цѣны произвольныя, возможно для себя выгодныя, разсчитывая на то, что неизбѣжно необходимая нужда въ предметѣ заставитъ его покупать. Такимъ образомъ, граждане покупаютъ предметъ дороже, чѣмъ бы его можно было купить у частныхъ производителей.

Это возвышеніе цѣны есть въ сущности налогъ; государство достигло бы той же цѣли, еслибы, предоставивъ монополію производства частной дѣятельности, обложило его извѣстнымъ платежомъ въ свою пользу.

Въ отношеніи монопольныхъ государственныхъ производствъ къ народной экономіи и къ плательщикамъ усматривается слѣдующее любопытное явленіе. Предположимъ, что государство ведетъ свое предпріятіе такъ неудачно, что, при существованіи соперничества, оно бы несло чистый убытокъ. Понесетъ ли оно этотъ убытокъ при системѣ монополій и регалій? Нѣтъ, оно возьметъ свой процентъ, и процентъ этотъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, заплатятъ граждане. Предположимъ, что государство не терпитъ убытка. И въ этомъ случаѣ оно возьметъ процентъ, но не тотъ, какой бы былъ возможенъ при конкурренціи, а большій, съ тѣхъ же гражданъ, и, такимъ образомъ, переложитъ на нихъ и свой убытокъ, и часть процентовъ, которые, по его мнѣнію, не дополучены имъ при производствѣ. Это возмѣщеніе своихъ потерь замѣчается не только въ отношеніяхъ государства къ гражданамъ, но и въ отношеніяхъ плательщиковъ между собою. Такое возмѣщеніе называется технически переложеніемъ податей.

Процессъ переложенія заключается въ томъ, что каждая личность, коллективная или индивидуальная, стремится перенести свой убытокъ или жертву на другого. Во многихъ случаяхъ такое переложеніе дѣлается легко, въ другихъ оно труднѣе, а въ нѣкоторыхъ совершенно невозможно. Все зависитъ отъ рода налога и характера экономической дѣятельности плательщика.

Если государство найдетъ для себя выгоднымъ обложить пошлиною какой нибудь предметъ потребленія, напр., говядину или хлѣбъ, а сборъ налога будетъ производить съ мясниковъ и мельниковъ при ввозѣ ими этихъ предметовъ въ города, то говядина и хлѣбъ вздорожаютъ. Это значитъ, что мясники и мельники поднимутъ цѣну мяса и муки настолько, чтобы воротить уплаченный ими налогъ, и, слѣдовательно, переложатъ его на потребителей.

Каждый изъ потребителей вздорожавшаго мяса и хлѣба постарается, въ свою очередь, возмѣстить свой убытокъ, съ кого возможно. Однимъ изъ нихъ это удастся, какъ удалось мясникамъ и мельникамъ, другимъ нѣтъ.

Напримѣръ, чиновники, получающіе постоянное жалованье, художники, ученые, литераторы, при всемъ огорченіи, которое причинитъ имъ вздорожавшая говядина, будутъ находиться внѣ возможности выместить на комъ нибудь свое огорченіе. Никому изъ нихъ плата за трудъ не прибавится, и налогъ окажется погребеннымъ въ ихъ желудкахъ, вмѣстѣ съ вздорожавшей говядиной и мукой.

Система переложенія показываетъ, что налогъ не всегда выплачивается тѣмъ, на кого повиди-

мому онъ наложенъ. И вслѣдствіе того явилось дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные.

Вопросъ о переложеніи и косвенныхъ налогахъ такъ обширенъ и сложенъ, что весьма справедливо считается однимъ изъ запутаннѣйшихъ финансовыхъ вопросовъ.

Въ настоящей главѣ я коснулся его только вскользь, и то потому, что считалъ бы указанную мною классификацію налоговъ неполной, еслибы не упомянулъ и объ этомъ дѣленіи, пользующемся большою популярностью. Къ сожалѣнію, популярность не помогаетъ ясности вопроса, какъ въ этомъ удостовѣрится читатель дальше, когда я буду говорить о переложеніи и косвенныхъ налогахъ подробнѣе.

VII.

Я уже говорилъ, что существующая теперь система налоговъ сложилась совершенно случайно и большею частью подъ вліяніемъ случайныхъ, временныхъ потребностей.

Никакой общій принципъ не служилъ при этомъ руководящимъ началомъ по той простой причинѣ, что о руководящемъ принципѣ не имѣлось никакого понятія.

Только съ появленіемъ экономическихъ знаній обратили вниманіе на сущность и вліяніе налоговъ, и явилось желаніе освѣтить эту темную область государственнаго хозяйства и разсмотрѣть въ ней входы и выходы.

Пока европейское человѣчество бродило во мракѣ невѣдѣнія, единственная задача финансистовъ заключалась въ томъ, чтобы привлечь въ государственную кассу какъ можно больше денегъ способомъ, наименѣе замѣтнымъ для плательщиковъ.

Одни изъ финансистовъ, и преимущественно болѣе отдаленнаго отъ насъ времени, единственнымъ предѣломъ своего усердія считали полное безсиліе народа внести хотя одну лишнюю копейку; другіе, уже болѣе разсудительные и болѣе близкаго къ намъ времени, смотрѣли на плательщиковъ, какъ на корову, которая только тогда даетъ хорошее молоко, когда ее хорошо кормятъ.

Кругозоръ послѣднихъ былъ, конечно, шире, но въ сущности система тѣхъ и другихъ не представляла большого различія, потому что ихъ требованія простирались до максимума.

Такъ какъ подобныя отношенія финансистовъ къ плательщикамъ никакъ не могли производить на послѣднихъ особенно отраднаго впечатлѣнія, то оказывалось необходимымъ придумать такой способъ или систему взиманія, при которой, не сообщая душѣ плательщиковъ печальнаго настроенія, можно было бы доводить ихъ до максимума платежа

Средство это предоставилось въ косвенномъ налогѣ, служащемъ лучшимъ доказательствомъ умственной невинности плательщиковъ.

Финансисты, конечно, невиноваты въ томъ, что глупость плательщиковъ заставила ихъ прибѣгать къ окольнымъ путямъ; но въ то же время нельзя обвинять безусловно и плательщиковъ, которые привыкли думать, что рубль, оставленный въ ихъ рукахъ, принесетъ имъ гораздо больше пользы, чѣмъ въ рукахъ сборщика податей или въ сундукѣ государственнаго казначейства.

Спросите у плательщика рубль въ видѣ прямого налога, и вы причините ему нескончаемое огорченіе; но обложите налогомъ чай, сахаръ, вино, табакъ, даже говядину и муку, и тотъ же плательщикъ отдастъ вамъ, не поморщившись, три рубля. Конечно, не нужно быть математикомъ, чтобы сообразить, что одинъ рубль отдать выгоднѣе, чѣмъ три. А между тѣмъ такая повидимому простая вещь совершенно ускользаетъ отъ пониманія большинства.

Когда люди, обращавшіе вниманіе на экономическія явленія, подмѣтили этотъ фактъ, то весьма естественно почувствовали желаніе придумать что нибудь очень полезное для человѣчества, и что вмѣстѣ съ тѣмъ заключало бы въ себѣ всѣ условія безобидности, какъ для тѣхъ, кто платитъ, такъ и для интересовъ государства.

Изысканія производились въ слѣдующемъ направленіи:

Предстояло разрѣшить два вопроса: во первыхъ, чѣмъ оправдывается необходимость налога и какъ убѣдить въ этой необходимости плательщиковъ, вообще трудно убѣждающихся даже самыми разумными доводами, когда отъ нихъ требуютъ денегъ; и, во вторыхъ, какой общій принципъ долженъ служить руководителемъ, чтобы система налоговъ оказывалась безусловно справедливой во всѣхъ случаяхъ примѣненія ея на практикѣ?

Первый вопросъ—о правѣ государства на налогъ—разными людьми разрѣшался различно.

Наиболѣе широкое воззрѣніе на податное право государства высказывали тѣ, которые утверждали, «что подать платится свободно, свободными людьми, съ сознаніемъ священной обязанности, и составляетъ взносъ, предназначенный для поддержанія того великаго цѣлаго, къ которому принадлежитъ плательщикъ, а потому стоитъ выше понятія о платѣ за услугу. Въ этомъ смыслѣ съ платежомъ податей связываются извѣстная гражданская гордость и государственная честь».

Такое объясненіе, соотвѣтствующее болѣе всего современно-выработанному понятію о государствѣ, заключаетъ въ себѣ и больше всего условій, общепонятности,—конечно, при извѣстномъ политическомъ развитіи самихъ гражданъ. Этимъ же объясняется и бо́льшая тягость податей въ государствахъ съ болѣе развитыми учрежденіями.

Хотя большой размѣръ европейскихъ налоговъ новаго времени и находитъ себѣ оправданіе въ болѣе свободныхъ учрежденіяхъ, тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что государственныя потребности поглощаютъ такую значительную долю народнаго капитала и отрываютъ его отъ чисто-экономическаго употребленія.

Но нужно полагать, что увеличеніе налоговъ, стремящееся теперь къ своему максимуму, дойдетъ наконецъ до поворотной точки, и затѣмъ послѣдуетъ

обратное движеніе, т. е. постепенное ихъ уменьшеніе.

Далѣе, однимъ изъ основныхъ условій, или, правильнѣе, единственнымъ условіемъ идеальнаго совершенства налоговъ полагается, чтобы они были справедливы и уравнительны.

Противъ такого теоретическаго требованія возражать нечего, но спрашивается, что такое справедливость и уравнительность, и какими условіями онѣ опредѣляются на практикѣ?

На этотъ простой вопросъ существуетъ въ финансовой литературѣ столько же отвѣтовъ, сколько написано сочиненій.

Причина такого разногласія заключается главнѣйше въ томъ, что разные писатели смотрѣли разнымъ образомъ на государство. Но такъ какъ мы съ вами, читатель, условились смотрѣть на государство съ послѣдне-выработанной точки зрѣнія, то и рѣшеніе этого вопроса не представитъ для насъ особенной трудности.

Есть писатели, которые утверждаютъ, что такъ какъ каждый гражданинъ пользуется въ государствѣ равными съ другими правами, то онъ долженъ нести равныя съ другими тягости. Поэтому только тотъ налогъ будетъ справедливъ и уравнителенъ, который падетъ на каждаго въ одинаковомъ числѣ долей. Защитники этого мнѣнія усиливаются доказать, что съ бѣдныхъ и богатыхъ слѣдуетъ брать одинаковый налогъ, потому что финансовой наукѣ нѣтъ никакого дѣла ни до бѣдности, ни до богатства: она знаетъ только государственныя потребности и подлежащую налогу національную собственность; она не хочетъ знать, что человѣкъ въ состояніи дѣлать, а знаетъ только то, что онъ обязанъ дѣлать.

Эта суровая софистика, конечно, не требуетъ большого труда для своего опроверженія. Каждый человѣкъ, не страдающій большой юридической ученостью, пойметъ легко, что съ поденщика, зарабатывающаго въ годъ какихъ нибудь 50 руб., и съ Ротшильда, получающаго дохода въ годъ нѣсколько милліоновъ, брать одинаковый налогъ несправедливо.

Другіе писатели утверждаютъ, что каждый долженъ нести государственныя тягости соотвѣтственно пользѣ, извлекаемой имъ изъ государственныхъ учрежденій. Защитники этого мнѣнія полагаютъ, что такъ какъ богатый въ покровительствѣ и защитѣ, оказываемой государствомъ его собственности, получаетъ значительно больше пользы, чѣмъ бѣдный, то и долженъ быть обложенъ налогомъ соотвѣтственно размѣру своей собственности и заботъ о ней государства.

Противъ этого мнѣнія возражаютъ тѣмъ, что хотя вполнѣ справедливо, чтобы каждый былъ обложенъ налогомъ соотвѣтственно покровительству и защитѣ, но что изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый подвергался налогу пропорціонально своему имуществу.

Совершенно ошибочно полагать, что богатый пользуется большей защитой. Лично онъ не извлекаетъ большей пользы отъ услугъ государства и его учрежденій. Правительству стоитъ одинаковаго труда защитить богатаго и бѣднаго. Тотъ же сторожъ, который охраняетъ сокровища богача, охраняетъ и скудный достатокъ бѣдняка. Судебные процессы богатыхъ людей не требуютъ большихъ усилій со стороны судебныхъ учрежденій, и нерѣдко процессъ въ 50 тысячъ рѣшается легче, чѣмъ процессъ въ 50 рублей.

Скорѣе еще можно сказать, что богатый пользуется меньшими услугами государства, потому что во многихъ случаяхъ богатый помогаетъ себѣ самъ, тогда какъ бѣдный, безпомощный, больной нуждается больше въ покровительствѣ со стороны. Если, такимъ образомъ, защита правительства для бѣднаго нужнѣе, то слѣдуетъ придти къ выводу, какъ разъ противоположному, т. е., что бѣдный долженъ платить больше богатаго. Будетъ ли это однако справедливо?

Здѣсь вопросъ не въ томъ, насколько люди пользуются учрежденіями, но насколько они имѣли бы право ими пользоваться. Богатый сегодня можетъ сдѣлаться бѣднякомъ завтра, и бѣднякъ сегодня можетъ сдѣлаться богачомъ завтра; но въ какомъ бы положеніи люди эти ни были, они во всякомъ случаѣ имѣютъ право разсчитывать на услуги государства. Услуги же эти заключаются не исключительно въ охраненіи собственности,—задача государства шире: оно должно способствовать къ достиженію нами всѣхъ нашихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи всѣ граждане равны и имѣютъ одинаковое право на поддержку государства.

Смотрѣть на подати, какъ на плату за услуги, ошибочно потому, что легко придти къ абсурду. Если размѣръ платы въ видѣ подати долженъ быть соразмѣренъ услугѣ, то какой платой оцѣнить услугу общества, дающаго хлѣбъ умирающему съ голода бѣдняку или устраивающаго народу хлѣбные запасы?

И какъ оцѣнить размѣръ услугъ? Какъ вычислить каждую услугу, достающуюся каждому, и затѣмъ переложить ее въ рубли и копейки? Есть множество услугъ совершенно неуловимыхъ. Высчитайте, напр., образовательное вліяніе гласнаго суда. А какъ поступить въ томъ случаѣ, если государственныя учрежденія отрицательнымъ образомъ доставляютъ намъ положительную пользу?

Вообще эта система, несмотря на свои кажущіяся справедливость и гуманность, въ сущности есть посягательство на все слабое и требующее защиты. Такъ какъ всякое ограниченіе и всякое безсиліе требуютъ большаго покровительства, то, очевидно, что государство за свои услуги бѣднякамъ должно брать съ нихъ больше, чѣмъ съ тѣхъ, кто въ подобномъ покровительствѣ не нуждается.

Такимъ образомъ, и эту теорію нельзя признать пригодной для роли руководящаго принципа.

Послѣднее мнѣніе, наиболѣе пригодное для нашей цѣли и наиболѣе удовлетворительно разрѣшающее вопросъ объ уравнительности и справедливости, слѣдующее: такъ какъ государство должно защищать каждаго, споспѣшествовать его цѣлямъ и стремленіямъ въ одинаковой степени со всѣми, то,

слѣдовательно, и каждый гражданинъ долженъ быть привлеченъ къ государственнымъ тягостямъ въ одинаковой степени съ остальными. Но это вовсе не значитъ, что каждый гражданинъ долженъ платить ровно такую сумму, какую платитъ другой. Справедливость заключается въ томъ, чтобы каждый приносилъ одинаковую жертву.

Что же значитъ одинаковая жертва?

Одинаковость или равенство жертвы опредѣляется одинаковостью давленія или гнета ощущаемаго каждымъ членомъ государства. Члены сильные могутъ выносить больше, потому и должны нести больше; члены слабые выносятъ меньше, а потому должны и нести меньше.

Слѣдовательно, если говорится о равенствѣ въ податяхъ, то подъ нимъ предполагается равномѣрность производимаго ими на каждаго давленія.

Основное правило, котораго должно держаться государство при назначеніи податей, есть справедливость, и чтобы государство было справедливымъ относительно плательщиковъ, т. е. чтобы оно не заставляло ихъ приносить бо́льшую жертву, чѣмъ слѣдуетъ, оно должно держаться слѣдующихъ главныхъ четырехъ правилъ:

Первое касается расходовъ взиманія.

Есть налоги, которые для своего взиманія требуютъ большой массы чиновниковъ, на содержаніе которыхъ расходуются большія суммы, падающія на плательщиковъ новою тягостью. Въ примѣръ этого можно представить таможенный налогъ, требующій не только огромнаго числа сборщиковъ и надсмотрщиковъ, но и по свойствамъ своимъ легко ведущій къ контрабандѣ, противъ которой необходима опять цѣлая армія таможенной стражи. Напр., въ Пруссіи въ таможенномъ вѣдомствѣ находится болѣе семи тысячъ должностныхъ лицъ, на которыхъ тратится 41 процентъ всего таможеннаго сбора.

Очевидно, что если рядомъ съ налогомъ, издержки взиманія котораго поглощаютъ 41%, стоитъ налогъ, расходы по взиманію котораго составляютъ 4, 5, 10 процентовъ, то эти послѣдніе налоги, при другихъ равныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ предпочесть таможеннымъ сборамъ.

Особенную поучительность въ этомъ отношеніи представляютъ цифры сравнительной международной статистики. Такъ, издержки взиманія составляютъ въ Австріи 21, въ Швейцаріи 17, во Франціи 10, въ Великобританіи 4. Очевидно, что англійская система самая лучшая. Еслибы она могла быть примѣнена повсюду, то общая экономія Европы составила бы почти 140 милліоновъ руб. въ годъ. Сколько полезныхъ приложеній могъ бы найти подобный почтенный капиталъ, еслибы онъ не отвлекался отъ народнаго хозяйства!

Второе правило есть видъ налога.

Налогъ, особенно, если онъ невеликъ или имѣетъ приложеніе къ предмету широкаго потребленія и большой промышленной важности, можетъ принести странѣ огромный экономическій вредъ. Въ этомъ случаѣ налогъ парализуетъ дѣятельность производителей и отвлекаетъ ихъ отъ занятій полезныхъ къ менѣе полезнымъ. Налогъ является здѣсь ограниченіемъ экономической свободы и принудительнымъ средствомъ, заставляющимъ людей дѣлать не то, что бы они хотѣли дѣлать.

Этимъ способомъ, напр., налогъ на колоніальный сахаръ помогъ повсюду развитію въ Европѣ свеклосахарнаго производства, и каждый изъ европейскихъ потребителей сталъ платить съ тѣхъ поръ дороже за сахаръ.

Этимъ способомъ, напр., въ Турціи высокій налогъ на земледѣльческіе продукты убилъ земледѣліе, потому что, сдѣлавъ его невыгоднымъ, заставилъ производителей искать себѣ иныхъ занятій или производить сорты хлѣбовъ, приносящіе меньше дохода. Страна стала бѣднѣе, а съ нею стало бѣднѣе и правительство.

Этимъ же способомъ налогъ на соль дѣйствуетъ вредно на сельское хозяйство и на промышленность, мѣшая употребленію соли въ кормъ для скота и для химико-техническихъ производствъ.

Подобныя ошибки могли оправдываться прежде, когда знаній почти не существовало; но въ настоящее время умственная невинность финансистовъ совершенно неумѣстна и выкупается слишкомъ дорогою цѣною.

Третье правило податной справедливости заключается въ томъ, чтобы не собирать денегъ задолго впередъ. Деньги, собранныя заранѣе, лежатъ въ государственномъ казначействѣ непроизводительно, въ то время, какъ въ рукахъ народа онѣ могли бы принести выгоду. Слѣдовательно, государство безъ всякой для себя пользы уменьшаетъ народное производство.

Четвертое правило заключается въ томъ, чтобы государственный доходъ не черпался изъ источника безнравственнаго. Напр., нѣкоторыя государства для увеличенія своихъ доходовъ прибѣгаютъ къ лотереямъ, лото, игорнымъ банкамъ и т. п.

Такимъ образомъ, податная справедливость заключается въ томъ, чтобы каждый государственный налогъ падалъ на всякаго гражданина одинаковой тягостью, вызывая его на одинаковыя жертвы; чтобы налогъ оказывался возможно для народа выгоднымъ и не вводилъ его въ излишніе расходы, не приносящіе государству существенной пользы; чтобы всѣмъ другимъ налогамъ предпочитался такой, который можетъ быть собранъ наивозможно вѣрно и легко и принести наибольшую обоюдную пользу; чтобы источники дохода были нравственны по своему основанію.

VIII.

Теперь мы приступимъ къ перечисленію источниковъ государственныхъ доходовъ въ частности, относясь къ нимъ критически.

Первое мѣсто занимаютъ такіе источники доходовъ, непосредственной разработкой которыхъ занимается само государство.

Съ перваго взгляда, подобный способъ полученія доходовъ долженъ казаться для всякой страны самымъ выгоднымъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ

быть лучше того мудраго порядка, при которомъ государство, устроивъ изъ свободныхъ земель оброчныя статьи, заведя фабрики и заводы, принимается усердно за сельское хозяйство, промышленность и торговлю? При своихъ громадныхъ средствахъ государство можетъ вести экономическія дѣла въ гигантскихъ размѣрахъ и извлекать изъ нихъ гигантскія выгоды; оно будетъ удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ и потребностямъ, не прибѣгая ни къ чьей помощи. Послѣдовательное практическое примѣненіе такой пріятной теоріи обѣщаетъ для всякой страны неисчерпаемое благоденствіе, ибо освобождаетъ народъ повидимому отъ всякихъ повинностей и платежей, даетъ ему возможность употреблять свои доходы исключительно на удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей и производить сбереженія, что, какъ извѣстно читателю, ведетъ къ безконечному благополучію.

Но, увы, такая обольстительная теорія при практическомъ ея осуществленіи вовсе не даетъ обѣщаемыхъ ею выгодъ.

Съ точки зрѣнія права, государство можетъ, конечно, устраивать фабрики и заводы, заниматься сельскимъ хозяйствомъ; но какъ государственное хозяйство есть вопросъ не юридическій, а экономическій, то очевидно, что для правильной его оцѣнки нужно наводить справки не въ римскомъ правѣ, а въ экономической наукѣ.

Единственный случай, когда экономическая наука оправдываетъ государственные заводы и фабрики и государственное земледѣліе, имѣетъ не экономическое, а чисто-воспитательное значеніе. Такъ, Кольберъ оказалъ Франціи несомнѣнную услугу устройствомъ и организаціей шелковыхъ фабрикъ и шелковой промышленности.

Но совсѣмъ не то, если правительство вступаетъ со своимъ народомъ въ конкурренцію или, въ видахъ государственныхъ доходовъ, монополизируетъ извѣстное производство.

Въ этихъ случаяхъ государство переступаетъ свои предѣлы; оно ставитъ себя въ противорѣчіе съ самимъ собою и создаетъ ту разрозненность и враждебность интересовъ, при которыхъ казна и казенное являются народу чѣмъ-то противодѣйствующимъ.

Самымъ грандіознымъ доказательствомъ несовмѣстимости правительственной дѣятельности представляетъ англійская остъ-индская компанія. Пока она имѣла исключительно торговый характеръ, она никуда не годилась, какъ правительство; когда же она вздумала сдѣлаться хорошимъ правительствомъ — пошли худо ея торговыя дѣла. Этотъ фактъ былъ замѣченъ еще Адамомъ Смитомъ, и причина его неизбѣжности весьма понятна. Англійская пословица говоритъ: «Если хочешь, чтобы твое дѣло пошло дурно, поручи его другому». А чиновникъ и есть именно этотъ *другой*, ведущій чужое дѣло.

Конечно, есть теоретическое основаніе предполагать, что чиновникъ, желающій получить служебную награду, постарается вести усердно порученное ему дѣло. Но это теоретическое основаніе практикой не оправдывается. Частный предприниматель желаетъ успѣха своему предпріятію, чиновникъ же *боится неуспѣха*. Для чиновника важно не увеличеніе выгодъ, которое не создаетъ ему соотвѣтственнаго служебнаго вознагражденія, а важны неудачи, которыя могутъ повести къ отвѣтственности. Въ этомъ и причина, почему во всѣхъ казенныхъ предпріятіяхъ являются рутинность и робость, отсталость и медленность, неизвѣстныя въ дѣлахъ частныхъ.

По этимъ причинамъ современныя европейскія правительства оставляютъ уже болѣе и болѣе систему казенныхъ промышленныхъ предпріятій и если еще не отказались отъ нихъ вполнѣ, то не по причинамъ экономическимъ, а по соображеніямъ политическаго характера.

Но если общественное мнѣніе повсюду, даже у насъ въ Россіи, согласно съ тѣмъ, что государству невыгодно имѣть казенные дома, фабрики и заводы, то то же общественное мнѣніе впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда вопросъ касается государственныхъ имуществъ, или, точнѣе, доменъ.

Наиболѣе старое и почти уже отжившее доказательство необходимости сохраненія доменъ заключается въ томъ, что будто бы онѣ нужны, какъ источникъ правильныхъ, постоянныхъ, самыхъ существенныхъ государственныхъ доходовъ и какъ якорь спасенія въ случаѣ финансоваго кризиса. Но опытъ уже убѣдилъ, что домены не обладаютъ такимъ спасительнымъ финансовымъ всемогуществомъ. Такъ что, еслибы доменъ не существовало вовсе, то разница отъ того въ бюджетахъ была бы совершенно незамѣтна.

Слѣдовательно, очевидно, что если необходимость существованія казенныхъ имуществъ и было возможно доказывать лѣтъ 200 — 300 назадъ, когда многихъ нынѣшнихъ источниковъ государственныхъ доходовъ не существовало вовсе, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что подобную мысль можно доказывать и нынче.

Еще Адамъ Смитъ разсчитывалъ, что еслибы вся англійская земля принадлежала государству, то даже и въ этомъ случаѣ она дала бы только половину того, что нужно на расходы правительству. У насъ же въ подобномъ случаѣ получалось бы не болѣе 60 милліоновъ въ годъ, или ровно седьмая часть того, что нужно. А изъ этого слѣдуетъ тотъ неоспоримый выводъ, что домены вовсе не составляютъ одного изъ существенныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ и не могли бы имъ служить даже и въ томъ случаѣ, когда вся земля принадлежала бы правительству.

Говорятъ еще, что доходы отъ доменъ подвергаются меньшимъ случайностямъ. Справедливо, ибо сельское хозяйство не подвергается случайностямъ кризиса; но вѣдь нельзя утверждать также и того, чтобы полеводству не грозили никогда и никакія бѣдствія. Возьмемъ хотя саранчу и неурожай. Злополучную политическую роль играло бы то государство, которое вздумало бы удовлетво-

рять всѣмъ своимъ потребностямъ доходами съ государственныхъ имуществъ.

Утверждаютъ еще, что въ моменты финансовыхъ затрудненій государственныя имущества даютъ средства для кредита. Но не нужно быть особенно сообразительнымъ финансистомъ, чтобы понять разницу въ положеніи финансовъ Англіи и Австріи. Въ Англіи доменъ почти нѣтъ; Австрія же, послѣ Россіи, страна самая богатая государственными имуществами. А между тѣмъ Англіи дастъ въ долгъ каждый, сколько ей нужно, тогда какъ австрійскія обширныя домены помогаютъ очень слабо австрійскому государственному кредиту.

Кредитъ зависитъ не отъ доменъ, а отъ производительныхъ силъ страны и отъ довѣрія народа къ своему правительству. Если страна управляется хорошо, если народъ, хотя и не особенно благоденствуетъ, но и не страдаетъ, правительство его всегда будетъ имѣть кредитъ. Но когда правительство идетъ съ народомъ врозь,—не помогутъ никакія домены. Въ Австріи, при малѣйшей европейской опасности, государственныя бумаги падаютъ, и австрійское правительство, несмотря на свои прекрасныя домены, находилось уже нѣсколько разъ въ невозможности исполнять свои обязательства. Въ Испаніи, послѣ продажи государственныхъ имуществъ, процентныя бумаги поднялись. Очевидно, что кредитъ не находится въ связи съ доменами.

Противъ отчужденія государственныхъ имуществъ возражаютъ еще тѣмъ, что, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія возвышается доходъ съ земли, а слѣдовательно и цѣна ея. Поэтому считаютъ неразсудительнымъ продавать въ настоящемъ за безцѣнокъ то, что современемъ можетъ быть продано болѣе выгодно, или безъ продажи давать много большій доходъ.

Это повидимому очень сильное возраженіе можетъ быть не только опровергнуто, но даже опровергнуто вдвойнѣ. Такъ, въ Баваріи, 1826—28 гг., были проданы государственныя имущества за 2.431.000 флориновъ, дававшія до продажи 54.151 флор. дохода. Предположимъ, что Бавaрія помѣстила бы вырученный капиталъ такъ, чтобы изъ его процентовъ уплачивать проценты по своимъ долгамъ. Помѣстивъ свой капиталъ только изъ $4^1/_2$ процентовъ, Баварія получала бы ежегодно 100.395 флор. Простое вычитаніе убѣдитъ читателя, что Баварія выиграла бы противъ прежняго ежегодно 46.254 флор. Предположимъ, что Баварія обратила бы на уплату долговъ только ту часть, которая равнялась прежнему доходу отъ государственныхъ имуществъ, т. е. 54.000 флор., а излишекъ въ 46.000 помѣщала бы изъ $5^0/_0$ ежегодно. Въ этомъ случаѣ, въ 14 лѣтъ, Баварія получила бы капиталъ, почти равный той суммѣ, за которую продала свои государственныя имущества, или, иначе, капиталъ, заключавшійся въ ея доменахъ, увеличился бы вдвое. А случилось ли бы подобное же двойное приращеніе въ такой короткій срокъ, еслибы продажи не было? Рѣшительно нѣтъ, ибо земельныя имущества не только въ правительственномъ управленіи, но даже и въ частныхъ рукахъ не растутъ въ цѣнѣ съ такою быстротою, какъ капиталъ, положенный изъ сложныхъ процентовъ. Извѣстно, что монастырскія имущества, отнятыя Генрихомъ VIII англійскимъ, по оцѣнкѣ чрезъ 250 лѣтъ, оказались возвысившимися въ цѣнѣ въ двадцать два раза. Еслибы съ этими имуществами Генрихъ сдѣлалъ то же, что Баварія въ нашемъ идеальномъ примѣрѣ, то, кромѣ капитала, который бы приносилъ тотъ же процентъ, какъ и домены, могъ бы быть собранъ новый капиталъ, который увеличился бы въ 250 лѣтъ не въ двадцать два раза, а въ 131, 136 разъ.

Второе опроверженіе будетъ если и не такъ блистательно, то всетаки не менѣе справедливо. Я предполагаю такой случай, что правительство, дошедшее до убѣжденія, что государственныя имущества въ его рукахъ даютъ меньше выгодъ, не продаетъ ихъ частнымъ лицамъ, а отчуждаетъ въ пользованіе общинъ въ видѣ запаса для будущихъ поколѣній. И въ этомъ случаѣ оно будетъ въ выигрышѣ по той простой причинѣ, что въ частныхъ рукахъ хозяйство пойдетъ гораздо лучше, слѣдовательно, поземельный налогъ будетъ увеличиваться въ прогрессіи, болѣе усиливающейся, чѣмъ казенная рента. А если взять въ соображеніе, что отдача земли общинамъ спасаетъ государство отъ земледѣльческаго пролетаріата, то читателю станетъ вполнѣ ясна выгода подобной отдачи доменъ въ распоряженіе самого народа.

Но еслибы недальнозоркое правительство не захотѣло удручать себя заботами о предупрежденіи земледѣльческаго пролетаріата, то, распорядившись распродажею своихъ доменъ, оно поступило бы всетаки разсчетливѣе, еслибы употребило вырученныя деньги на производительные расходы,—напримѣръ, на постройку желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, шоссе, каналовъ.

Если же у государства нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ причинъ, по которымъ оно должно завѣдывать непремѣнно само всѣми промышленными и сельскохозяйственными предпріятіями, то оно только напрасно держитъ усиленный комплектъ служащихъ и обременяетъ себя лишними заботами, обезсиливая свою дѣятельность по другимъ, болѣе важнымъ и существеннымъ для благоденствія, частямъ настолько, насколько прибавляетъ себѣ второстепенной и неважной работы по управленію доменами.

Наконецъ, самое сильное доказательство убыточности доменъ заключается въ томъ, что ихъ нельзя примирить съ основной идеей государства.

Государство существуетъ для своего собственнаго процвѣтанія и благополучія. Оно есть олицетвореніе идеала счастія, къ которому стремится каждый отдѣльный человѣкъ, и котораго онъ надѣется достигнуть совмѣстной общественной жизнью. При управленіи же доменами государство будетъ необходимо противодѣйствовать частнымъ выгодамъ, слѣдовательно, наносить ущербъ самому себѣ.

При управленіи доменами государство будетъ хлопотать, чтобы получить отъ нихъ какъ можно больше. Въ то же время оно должно стремиться и къ

тому, чтобы устроить частное благополучіе. Такимъ образомъ, съ одной стороны, оно захочетъ помогать процвѣтанію частной хозяйственной дѣятельности, а съ другой,—будетъ заботиться о процвѣтаніи своего доменнаго хозяйства. Но какъ при всѣхъ усиліяхъ государства хозяйство, завѣдуемое казеннымъ управленіемъ, будетъ всегда менѣе выгодно хозяйства частнаго, то государству для обезпеченія своихъ доходовъ придется хлопотать о томъ, чтобы частное хозяйство ему не мѣшало.

Поразительный примѣръ этого рода представляетъ исторія саксонскаго горнаго хозяйства. Когда Саксонія освобождала своихъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ промысламъ въ рудокопныхъ горахъ, то, боясь, что крестьяне послѣ своего освобожденія не будутъ наниматься на работы, саксонское правительство надѣлило ихъ ровно такимъ количествомъ земли, чтобы они могли жить впроголодь. Это дѣлалось въ томъ предположеніи, что крестьяне станутъ смотрѣть на казенную работу, какъ на необходимое подспорье, и государственные рудники не запустѣютъ. Такое противорѣчіе могло произойти лишь отъ того, что государство, по ошибочному взгляду на значеніе доменъ, хотѣло непремѣнно удержать ихъ за собою, тогда какъ ему было выгоднѣе или продать рудники въ частныя руки, или отдать ихъ за извѣстный оброкъ, или на какихъ нибудь другихъ условіяхъ тѣмъ же самымъ крестьянамъ.

Все это приводитъ къ тому безусловно справедливому заключенію, что домены въ своемъ настоящемъ видѣ идутъ не только въ убытокъ государству, но и находятся въ прямомъ противорѣчіи съ самою сущностью государства. Единственный выходъ изъ этого—отчужденіе.

Въ Западной Европѣ продажа казенныхъ имуществъ производилась въ послѣднее время весьма усиленно. Особенно отличалась въ этомъ отношеніи Италія, продавшая въ теченіе 1862—65 годовъ на 253.717.000 франковъ. У насъ же превосходнымъ распорядителемъ могло бы быть земство, еслибы управленіе казенными имуществами было передано ему. Если земство признано закономъ хозяйственно-экономическою силою и представителемъ экономическихъ нуждъ страны, то ужъ, конечно, ближе всего завѣдываніе казенными лѣсами и землями поручить ему.

IX.

Если домены, допускающія частную конкурренцію, являются учрежденіемъ, враждебнымъ частному и государственному интересамъ, и потому отвергаются экономической наукой и теоріей государственнаго права, то еще менѣе можно сказать въ защиту монополій и регалій, недопускающихъ рѣшительно никакой конкурренціи.

Послѣднее обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ противъ монополій. Не зачѣмъ было бы обращать извѣстныя производства въ предметъ монополій, еслибы они могли соперничать съ производствами частными; если же производства эти монополизируются, то, очевидно, только для того, чтобы произвольно назначенной цѣной взять съ потребителей лишнее. Въ этомъ случаѣ монополія дѣйствуетъ, какъ налогъ на потребленіе, но только сильнѣе и, слѣдовательно, болѣе несправедливо, ибо съ потребителей берется гораздо больше того, что поступаетъ въ государственное казначейство.

Особенно дурная сторона монополій заключается въ томъ, что онѣ падаютъ на предметы общаго потребленія и, слѣдовательно, поражаютъ наиболѣе бѣдныхъ людей.

Еслибы монополіи ограничивались предметами роскоши, то противъ нихъ нельзя было бы дѣлать никакихъ возраженій. Предположите, что государство беретъ на себя торговлю жемчугомъ и алмазами и налагаетъ на нихъ баснословно-высокую цѣну. И прекрасно: бальные наряды тщеславныхъ барынь потеряютъ нѣсколько въ своемъ блескѣ, а другой бѣды не предвидится. Но дѣло въ томъ, что жемчугъ и алмазы—вещи рѣдкія и даже безъ всякой монополіи доступны немногимъ. Брать за нихъ весьма высокую цѣну значитъ уменьшить на нихъ потребленіе, не доставивъ въ то же время государству замѣтной прибыли.

Поэтому монополія падаетъ не на рѣдкіе предметы, а, напротивъ, на тѣ, которые потребляются въ большомъ количествѣ и удовлетворяютъ наиболѣе настоятельнымъ нуждамъ народонаселенія. Вотъ почему предметами монополіи бываютъ соль, вино, табакъ и тому подобные продукты, и вотъ почему обложеніе ихъ непомѣрно высокимъ налогомъ отражается весьма чувствительно на наиболѣе нуждающемся населеніи.

Подобная система противорѣчитъ основному принципу теоріи налоговъ, ибо монополіи падаютъ на потребителей одномѣрной денежной суммой, но не составляютъ одинаковой для нихъ жертвы. Предположите, что торговля мясомъ дѣлается монополіей государства. Вамъ, человѣку богатому, и мнѣ, человѣку бѣдному, нужно совершенно одно и то же количество мяса, чтобы быть сытымъ и здоровымъ; а между тѣмъ вы, по отношенію къ своимъ средствамъ, заплатите за монополію, можетъ быть, во сто разъ меньше меня.

Отъ того, что монополія исключаетъ всякое соревнованіе и процвѣтаетъ подъ кровомъ глубочайшей тайны, руководимой бюрократическимъ усердіемъ, она грозитъ полнѣйшимъ упадкомъ оберегаемой ею промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, какое основаніе монопольнымъ производствамъ совершенствоваться? Будетъ оно хорошо или дурно—вы все-таки неизбѣжный покупщикъ, которому, кромѣ того, закрыты всѣ пути пріобрѣтать предметы болѣе совершеннаго приготовленія, ибо монополія закрываетъ путь соперничеству не только внутреннему, но и иностранному.

Кромѣ того, опасность соперничества, контрабанды, поддѣлки вызываютъ необходимость цѣлой арміи надсмотрщиковъ, ревизоровъ, сторожей, спеціально назначенныхъ для того, чтобы не сводить глазъ съ населенія страны и предупреждать его всякое преступное покушеніе пріобрѣсти себѣ, за тѣ же деньги, что нибудь лучшее и болѣе выгодное.

Наконецъ, монополія, лишая частную предпріимчивость возможности свободнаго развитія, заставляетъ ее обращать капиталы на менѣе выгодную промышленную дѣятельность. Въ заключеніе всего контрольныя мѣры правительства создаютъ цѣлую систему стѣсненій, обнаруживающихъ болѣе или менѣе задерживающее вліяніе на весь экономическій бытъ страны.

Все вышеизложенное о невыгодахъ монополій примѣняется въ частности и къ каждому отдѣльному ихъ виду. А потому, приступая теперь къ перечисленію главнѣйшихъ монополій, я, для избѣжанія повтореній, обращу вниманіе читателя только на то, что не нашло себѣ мѣста въ предыдущемъ перечисленіи.

Въ хронологическомъ порядкѣ первое мѣсто занимаетъ монополія горнаго промысла.

Еще въ глубокой древности разработка минеральныхъ богатствъ принадлежала правительствамъ.

Что народъ, находящійся на низкой степени развитія, не владѣетъ достаточными средствами для частной разработки рудниковъ, и потому это многосложное дѣло должно брать на себя правительство,—это не требуетъ доказательства; такъ оно и должно быть. Но если народъ уже переступилъ черту дѣтства, если онъ владѣетъ и капиталами, и знающими людьми, то вмѣшательство государства становится совершенно излишнимъ, и вся его роль должна ограничиться наблюденіемъ за исполненіемъ горными промышленниками всѣхъ мѣръ безопасности и предосторожности противъ несчастныхъ случаевъ.

По мѣрѣ экономическаго развитія страны, разработка минеральныхъ богатствъ самимъ государствомъ становится все убыточнѣе, ибо если она была выгодна при отсталости народа, то, обратно, она пойдетъ въ чистую потерю, когда частныя лица сдѣлаются способнѣе правительственныхъ агентовъ для промышленныхъ предпріятій.

Наконецъ, присвоеніе себѣ государствомъ единственнаго права разработки минераловъ и металловъ дѣйствуетъ вредно на горнозаводскую промышленность тѣмъ, что государство не въ состояніи открыть всѣхъ минеральныхъ источниковъ, имѣющихся въ странѣ, и потому многіе изъ нихъ могутъ остаться неразработанными.

Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что передовыя государства начали отказываться отъ монополіи на горные промыслы и разработку минеральныхъ богатствъ предоставили частной предпріимчивости.

Соляная монополія получила въ европейскихъ государствахъ совершенно не то значеніе, какое она имѣла первоначально. Прежде государства разрабатывали соляные источники совсѣмъ не для того, чтобы доставить выгоды казнѣ; напротивъ того, правительства хотѣли дать народамъ возможность покупать соль какъ можно дешевле. Впослѣдствіи, забравъ въ свои руки все соляное производство, правительства сообразили, что оно можетъ служить источникомъ порядочнаго дохода, и такъ неумѣренно пользовались этимъ открытіемъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ налогъ на соль превосходилъ въ сорокъ разъ цѣну разработки.

Такимъ образомъ, монополія на соль превратилась въ настоящій налогъ на потребленіе,—налогъ тѣмъ болѣе неуравнительный, что всею своею тяжестью онъ падалъ на бѣдныхъ.

Вообще ошибка всѣхъ современныхъ и существовавшихъ до сихъ поръ финансистовъ заключается въ томъ, что они упускали изъ виду разницу, которая должна существовать между разсчетами купца и разсчетами человѣка, управляющаго государственными финансами.

Купецъ заботится о своей личной выгодѣ, а выгода его заключается въ барышѣ. Купцу сообразить легко—выгодно ли ему его дѣло. Не напрягая особенно своихъ способностей, онъ по одному итогу своихъ счетовъ увидитъ, что ему нужно. Найдетъ онъ хорошій плюсъ—выгодно; найдетъ минусъ—невыгодно. Но задача финансиста сложнѣе. И онъ долженъ искать выгодъ; но разница между купцомъ и финансистомъ въ томъ, что итогъ купца формируется изъ очень малаго числа элементовъ, тогда какъ итогъ финансиста требуетъ такихъ соображеній, которыя рѣдко подъ силу одному человѣку, потому что эти соображенія должны обнимать всю соціально-экономическую жизнь даннаго народа въ данный моментъ.

Правильность этого замѣчанія читатель оцѣнитъ изъ болѣе короткаго знакомства съ регаліями, къ которымъ я перехожу теперь.

Важнѣйшая изъ нихъ—почтовая.

Первоначально почты устраивались исключительно съ правительственными цѣлями, а потомъ случилось съ почтами то же, что и съ солью.

Пока сообщенія были дурны, а экономическія отношенія развиты слабо, особенно энергической корреспонденціи взяться было неоткуда,—слѣдовательно, и разсчитывать на выгоды отъ почты оказывалось невозможнымъ.

Но вотъ общественныя отношенія развиваются и усложняются; необходимость корреспонденціи становится все настоятельнѣе. Европейскіе финансисты соображаютъ тогда, что если назначить выше цѣну за пересылку писемъ, то это будетъ очень выгодно государству. Они не сообразили только того, что если, съ одной стороны, стремиться, чтобы развивающееся благосостояніе усиливало сношенія гражданъ между собою, и чтобы въ то же время оно способствовало развитію еще большаго благосостоянія, а съ другой,—обложить налогомъ то самое внутреннее сношеніе, объ усиленіи котораго заботится правительство, то вѣдь это значитъ разрушать одной рукой то, что созидаешь другой.

Когда финансисты утвердились въ справедливости своего умозаключенія, то всѣ ихъ мысли направились къ тому, чтобы увеличивать какъ можно больше почтовый доходъ. Уже не почта стала служить публикѣ, а публика почтѣ. Это несчастное время ознаменовалась повсюду чрезвычайно высокой почтовой платой и крайнимъ пренебреженіемъ почтовыхъ управленій къ нуждамъ общества.

Однако къ чести цивилизованнаго человѣчества,

нашелся въ Западной Европѣ человѣкъ, постигшій несовременность подобнаго порядка. То былъ англійскій государственный почтмейстеръ Рауландъ-Гилль. Онъ обратилъ вниманіе на то, что почтовый доходъ, составлявшій въ 1807 г. 1.278.008 фунтовъ, въ періодъ отъ 1816 до 1837 г. не превышалъ среднимъ числомъ 1.412.000. Съ проницательностью геніальнаго человѣка онъ разгадалъ истинную причину этого непонятнаго большинству обстоятельства и предложилъ правительству мѣру, произведшую полнѣйшій переворотъ въ существовавшей до него почтовой системѣ. Прежде плата за письмо взималась по разстояніямъ и составляла среднимъ числомъ по семи съ половиною пенсовъ за письмо; по его же проекту предлагалось брать по одному пенсу за письмо при всякомъ разстояніи, а за письма, посылаемыя въ колоніи, по два пенса.

Всѣ, привыкшіе къ старому порядку, возстали, разумѣется, противъ смѣлаго реформатора, но блистательный практическій результатъ доказалъ правильность соображеній Рауландъ-Гилля: до реформы число отправляемыхъ писемъ составляло 75 милліоновъ, а въ 1863 году ихъ было отправлено 642 милліона.

Очевидно, что высокій почтовый тарифъ дѣйствовалъ, какъ налогъ на корреспонденцію, и подавлялъ внутреннее сношеніе гражданъ, мѣшая его живости и энергіи.

Блистательный успѣхъ англійской почтовой реформы возбудилъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствахъ желаніе ввести и у себя подобныя же преобразованія. Но ни одно изъ нихъ не нашло возможнымъ примѣнить вполнѣ такую радикальную реформу. Отъ этого почтовые тарифы, хотя и много пониженные, почти во всѣхъ государствахъ вдвое, втрое и даже вчетверо выше великобританскаго. У насъ, напр., отправка простыхъ писемъ стоитъ въ $3^1/_5$ раза дороже, чѣмъ въ Англіи. Только въ очень маленькихъ германскихъ государствахъ, какъ Саксонія, Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, принята англійская такса.

Многіе оправдываютъ почтовый налогъ его незначительностью. Но, во первыхъ, это вопросъ относительный, ибо незначительное для васъ можетъ быть значительно для меня; а во вторыхъ, несправедливость или ошибку нельзя оправдывать тѣмъ, что она мала.

Съ точки зрѣнія общенароднаго интереса, налогъ, мѣшающій свободному сношенію гражданъ, оправданъ быть никакъ не можетъ. Но еслибы и нашлись финансисты, которымъ удалось бы доказать справедливость почтоваго налога, то я бы попросилъ ихъ отвѣтить мнѣ еще и на слѣдующіе вопросы: падаетъ ли почтовый налогъ на всѣхъ равномѣрно и всѣ ли несутъ одинаковую жертву? Чѣмъ виноватъ тотъ, родные и знакомые котораго не живутъ съ нимъ вмѣстѣ, и дѣла котораго заставляютъ вести обширную корреспонденцію? Развѣ его податная способность усиливается тѣмъ, что обстоятельства заставляютъ его писать много? Развѣ отъ того, что онъ въ годъ посылаетъ 100 писемъ, а другой только одно, онъ во сто разъ способнѣе платить налогъ? Ясно, что почтовое управленіе должно быть устроено такъ, чтобы оно возвращало лишь свои расходы.

Когда почтовый механизмъ устроится по этой новой системѣ, всѣ постановленія, существующія теперь ради фискальныхъ цѣлей, должны будутъ выйти изъ употребленія. Теперь, напр., нельзя посылать корреспонденцію черезъ частныхъ лицъ, черезъ почтальоновъ и почтарей, нельзя вкладывать письма и записки въ посылки и т. д. Но если почтовая монополія будетъ устранена, каждый будетъ имѣть полную свободу устраивать свою корреспонденцію такъ, какъ онъ находитъ удобнѣе и дешевле.

Рядомъ съ почтой стоитъ аналогичное съ нею телеграфное учрежденіе; поэтому и къ нему слѣдуетъ примѣнить все то, что говорилось выше.

Настоящая высокая плата за телеграммы дѣлаетъ рѣшительно невозможной всеобщую доступность телеграфа.

Если правительства руководствуются тою мыслью, что человѣку въ трудную минуту жизни ничего не значитъ сдѣлать усиленный расходъ, и что кому дѣйствительно нужна телеграфная быстрота, тотъ ею воспользуется непремѣнно, то вѣдь это значитъ облагать налогомъ человѣческое несчастіе и сдѣлать пользованіе телеграфомъ привилегіей богатыхъ.

И здѣсь, какъ въ почтѣ, всѣ неудобства учрежденія проистекаютъ только изъ того, что на телеграфъ смотрятъ, какъ на финансовое учрежденіе и что въ настоящее время, не найдется въ Европѣ новаго Рауландъ-Гилля.

Съ той точки зрѣнія, на которую я ставлю вопросъ, нужно желать, чтобы рубли телеграфныхъ тарифовъ скорѣе превратились въ копейки. Конечно, при этомъ исчезнетъ всякая возможность частной конкурренціи, ибо телеграфы перестанутъ давать выгоду. Но такъ какъ въ этомъ не будетъ ничего иного, кромѣ выигрыша для европейскаго населенія, то немногимъ отдѣльнымъ личностямъ, сдѣлавшимъ телеграфъ предметомъ спекуляціи, придется пожалѣть о томъ, что они дали капиталамъ неразсчетливое движеніе.

Къ одной категоріи съ почтами и телеграфами слѣдуетъ причислить и правительственныя желѣзныя дороги.

Изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ правительства дѣлаютъ постоянно источникъ государственныхъ доходовъ. Они не ограничиваются тѣмъ, что съ лицъ, пользующихся желѣзными дорогами, получаютъ то, что стоитъ ихъ содержаніе, и извѣстный процентъ на затраченный капиталъ, но они хотятъ заставить платить деньги и на другія государственныя нужды. Съ правильностью такого заключенія согласиться рѣшительно невозможно, ибо если сдѣлать желѣзныя дороги источникомъ государственныхъ доходовъ на монопольномъ основаніи, то это значитъ наложить налогъ за право перемѣщенія изъ одного мѣста въ другое. Если

справедливо брать налогъ за право ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, почему же будетъ менѣе справедливо брать пошлину за ходьбу по улицамъ? Поэтому управленія желѣзныхъ дорогъ, возвѣщающія съ гордостью міру, что дороги даютъ 6 или болѣе процентовъ, доказываютъ вовсе не то, что имъ хочется доказать.

Удобныя и быстрыя сообщенія вовсе не роскошь: они составляютъ одинъ изъ основныхъ элементовъ экономическаго развитія и благосостоянія страны. Хорошія дороги строятся не только для богатыхъ и знатныхъ путешественниковъ, а также и для трудящейся массы населенія, для основныхъ экономическихъ производителей, для земледѣльцевъ и бѣдняковъ. Поэтому высокая перевозочная плата, какъ для пассажировъ, такъ и на товары, дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на все экономическое развитіе страны, и, слѣдовательно, чѣмъ выше процентъ, приносимый монополизированными желѣзными дорогами, тѣмъ дѣйствуютъ онѣ вреднѣе на экономическіе народные интересы.

Изъ этого очевидно, что государство, желающее имѣть свои собственныя дороги, уже по одному тому, что оно государство, т. е. олицетвореніе коллективнаго стремленія народа къ своему собственному благополучію, не можетъ дѣлать изъ желѣзныхъ дорогъ налога и источника государственныхъ доходовъ.

Эта мысль какъ бы противорѣчитъ тому, уже выработанному опытомъ, положенію, что желѣзныя дороги, принадлежащія казнѣ, страдаютъ всегда дурнымъ управленіемъ. Но противорѣчія тутъ нѣтъ.

Повидимому государству удобнѣе всего быть владѣльцемъ желѣзныхъ дорогъ, и только при этомъ условіи казалось бы возможнымъ пониженіе тарифа до общедоступнаго минимума. Но, къ сожалѣнію, казенное управленіе промышленными предпріятіями сопряжено обыкновенно съ такою дороговизной, что убыточность казенныхъ желѣзныхъ дорогъ признана уже повсюду несомнѣннымъ фактомъ.

Съ другой стороны, казенное управленіе нерѣдко сопровождается грубостью и неуваженіемъ къ публикѣ. Напр., въ Германіи и во Франціи замѣчено, что любезность и предупредительность существуетъ только на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, на казенныхъ же путешественникъ встрѣчаетъ лишь суровость и олимпійское величіе. На частныхъ дорогахъ оказывается публикѣ множество мелочныхъ услугъ: выдаются, напр., обратные билеты, назначаются поѣзда въ мѣста загородныхъ гуляній, соображаютъ часы отправленія съ потребностями и желаніями отправляющихся пассажировъ, прислушиваются къ общественному мнѣнію и вообще стараются предупредить всякія жалобы или заявленія неудовольствій публики; казенное же управленіе, считающее себя частичкою правительства, старается держать себя выше этихъ уступокъ и смотритъ на нихъ, какъ на мелочи, недостойныя вниманія.

Хотя и утверждаютъ, что государство, стремящееся къ водворенію общаго благополучія, принесетъ скорѣе жертву, чѣмъ частная компанія, заботящаяся исключительно о своихъ денежныхъ выгодахъ; но нужно замѣтить, что это мнѣніе до сихъ поръ рѣдко было подтверждено на практикѣ, и, сколько извѣстно, почти ни одна правительственная дорога не управлялась еще по этому принципу.

Но главное обстоятельство, говорящее противъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, заключается въ томъ, что если иниціатива постройки желѣзныхъ дорогъ принадлежала бы только правительствамъ, то, конечно, Европа имѣла бы еще очень нескоро такую обширную сѣть желѣзныхъ дорогъ, какою она владѣетъ теперь.

Говорятъ еще, что частныя желѣзныя дороги стоятъ внѣ возможности конкурренціи, и что поэтому тарифъ ихъ совершенно произволенъ. Такая мысль ошибочна. На малыхъ, одиночно лежащихъ, линіяхъ конкурренція дѣйствительно невозможна, но на большихъ и въ странѣ съ развитой сѣтью она не только возможна, но и существуетъ въ дѣйствительности. При развитой сѣти дорогъ, когда къ одному и тому же пункту можно слѣдовать разными путями, наибольшее движеніе, разумѣется, устроится по самому дешевому и удобному пути, и рядъ такихъ линій, выработавшихъ всѣ частности, которыми создаются дешевизна и удобство сообщенія, дадутъ тонъ, котораго, по необходимости, должны будутъ держаться и всѣ остальныя линіи. Наконецъ, не нужно забывать и того, что надъ частными желѣзными дорогами существуетъ высшій надзоръ правительства, и что, слѣдовательно, частныя компаніи вовсе не могутъ явиться самовластными и верховными распорядителями жизни и имущества тѣхъ, кто будетъ пользоваться ихъ дорогами.

Въ заключеніе, я прошу читателя обратить вниманіе еще и на то, что совсѣмъ не все равно, находятся ли 100.000 человѣкъ, состоящихъ нынѣ въ Европѣ при желѣзныхъ дорогахъ, на службѣ правительствъ или на службѣ частныхъ компаній.

Говоря о томъ, что желѣзныя дороги не должны служить источникомъ государственныхъ доходовъ, предполагается, конечно, что правительство не только не станетъ эксплоатировать своихъ собственныхъ съ этою цѣлью, но не сдѣлаетъ источникомъ государственныхъ доходовъ и дорогъ частныхъ. А между тѣмъ не только Франція, Россія, Пруссія и другія государства Германіи, но даже и разсудительная Англія обложили частныя желѣзныя дороги налогами. Любопытно, что налогъ падаетъ не на чистый доходъ, а на валовой. Во Франціи онъ составляетъ 10%, и вслѣдствіе того съ 1855 года, когда налогъ дошелъ до этого размѣра, проѣзжающіе стали платить за свои билеты одиннадцатью процентами дороже, потому что, какъ догадывается читатель, компаніи желѣзныхъ дорогъ не имѣютъ ровно никакого желанія взять этотъ налогъ на себя и перелагаютъ его на проѣзжающихъ.

Поэтому нужно желать, чтобы подобная нераціональная система исчезла поскорѣе, чтобы право свободнаго передвиженія людей не облагалось налогомъ и чтобы плата за перевозку пассажировъ и товаровъ не возвышалась, какъ это дѣлается

нынче, а, напротивъ, понижалась и была доведена скорѣе до своего минимума. Пониженіе тарифа желѣзныхъ дорогъ не должно пугать компаніи и правительство, ибо, по мѣрѣ пониженія тарифа, усилятся сношенія, и доходъ, принимая нормой 5% на капиталъ, останется тѣмъ же, въ то время, какъ плата за проѣздъ будетъ значительно понижена. Однимъ словомъ, къ желѣзнымъ дорогамъ слѣдуетъ примѣнить почтовую теорію Рауландъ-Гилля и компаніямъ желѣзныхъ дорогъ разсчитывать не на слабое передвиженіе при высокомъ тарифѣ, а, напротивъ, на сильное при маломъ.

Я говорилъ только о главнѣйшихъ государственныхъ монополіяхъ и регаліяхъ, имѣющихъ современную важность и представляющихъ наибольшій интересъ для насъ. Но есть еще цѣлый рядъ источниковъ того же рода, снабжающихъ европейскія государства доходами.

Объ этихъ менѣе важныхъ источникахъ слѣдуетъ сказать то же, что говорилось выше объ источникахъ важныхъ.

Монополіи этого рода существуютъ по преимуществу въ западно-европейскихъ государствахъ и сложились историческимъ путемъ изъ тѣхъ уродливыхъ общественныхъ отношеній, которыми началась и продолжалась до нынѣшняго столѣтія политическая жизнь Европы.

Такъ, въ Германіи существуетъ монополія на охоту; тамъ же существуетъ монополія на право рыбной ловли; монополія банковая, монополія на лото и азартныя игры. Послѣднюю монополію слѣдуетъ причислить къ тѣмъ безнравственностямъ, которыми государству заниматься бы не слѣдовало.

Факты подобнаго рода слѣдуетъ отнести къ остаткамъ старыхъ государственныхъ заблужденій, когда правительства, ради своихъ личныхъ выгодъ, старались создавать такія монополіи, что не будь онѣ исторически удостовѣрены, ихъ можно бы принять за остроумную выдумку праздныхъ насмѣшниковъ. Въ Неаполѣ, напримѣръ, монополію короля составляло сгребаніе снѣга. Какой-то хитроумный итальянскій правитель обложилъ налогомъ право собиранія ветоши и тряпья. Въ Римѣ монополія этого рода была пожалована одному изъ знатнѣйшихъ родовъ—князьямъ Торлони. Въ бюджетѣ Нассау и нынче значится 41 флоринъ дохода за право собиранія ветошекъ. Бывали даже такія правительства, которыя облагали налогомъ право починки старыхъ котловъ, холощеніе лошадей, ремесло точильщиковъ, цирюльниковъ и парикмахеровъ.

Общее заключеніе о монополіяхъ, которое можетъ сдѣлать читатель и самъ, будетъ такое: такъ какъ непремѣннымъ условіемъ прогресса есть устраненіе всего того, что мѣшаетъ свободному развитію личности, и такъ какъ сущность государственнаго союза заключается именно въ коллективномъ устраненіи того, что неустранимо усиліями отдѣльнаго лица, то, очевидно, что источники доходовъ, обнаруживающіе вредное вліяніе, нельзя считать средствами, содѣйствующими прогрессу.

Еслибы монополіи были единственными, неизбѣжными источниками государственныхъ доходовъ, то, конечно, имъ слѣдовало бы подчиниться безропотно, но дѣло въ томъ, что монополіи существуютъ, какъ остатокъ той почтенной старины, съ которой новѣйшее европейское государство имѣетъ уже очень мало общаго. Монополіи существуютъ не потому, чтобы имъ слѣдовало существовать, а потому, что теорія налоговъ недостаточно распространена, частью какъ знаніе, а частью потому, что государственная практика не выработала еще пріемовъ для осуществленія теоретическихъ положеній.

X.

Есть еще источникъ государственныхъ доходовъ, противъ основного принципа которыхъ сказать нечего, но ихъ практическое примѣненіе приводитъ къ совершенно ненужному обремененію гражданъ. Этотъ источникъ называется налогомъ на личныя услуги государству; или, проще, то, что мы называемъ пошлинами.

Въ строгомъ смыслѣ этотъ источникъ государственныхъ доходовъ нельзя считать налогомъ. Это случайный доходъ государства, зависящій отъ того, что одинъ пользуется больше другого государственными учрежденіями и услугами органовъ правительства. Отличительная черта платежей этого рода заключается въ томъ, что учрежденія, которыми пользуется гражданинъ, существуютъ въ государствѣ, не какъ источникъ собственно доходовъ, но какъ неизбѣжная необходимость для прочности самого государственнаго союза. Такія учрежденія государство будетъ и должно поддерживать, еслибъ они не давали даже ни копейки доходовъ. Мысль, лежащая въ основаніи платы за услугу, заключается въ томъ, что гражданинъ, пользующійся существующими государственными учрежденіями и извлекающій изъ нихъ особенную выгоду, долженъ взносить за то и особенную пошлину. Поэтому на пошлины можно смотрѣть, какъ на частичное возмѣщеніе расходовъ государства, въ которые оно входитъ, оказывая эти услуги.

Противъ такого опредѣленія пошлинъ сказать рѣшительно нечего. Если государство оказываетъ кому нибудь исключительную услугу, почему бы ему и не взять вознагражденія за свои излишніе расходы? Но дѣло въ томъ, что не всегда выгоду пріобрѣтаетъ только тотъ, кто непосредственно пользуется государственными учрежденіями; случается очень часто, что выгода тѣхъ, кто не приходитъ съ ними въ непосредственное соприкосновеніе, бываетъ еще больше. Такъ, тотъ, кто выигрываетъ судебный процессъ, не есть единственное лицо, пріобрѣтающее выгоду отъ существованія суда; гораздо больше выигрываютъ тѣ, кому совсѣмъ не приходится обращаться къ помощи судебной власти. Иногда судебныя рѣшенія по постороннему дѣлу возстановляютъ право многихъ, не имѣющихъ къ этому дѣлу никакого прямого отношенія, и возстановляютъ только потому, что люди, способные на неправду, приходятъ къ по-

ложительному убѣжденію, что правый и гласный судъ не допуститъ восторжествовать насилію и правонарушенію. Если, такимъ образомъ, посредственная услуга суда еще больше услуги непосредственной, то почему судебную пошлину долженъ уплачивать только тотъ, кто обращается къ судебному разбирательству, а всѣ тѣ, которые пріобрѣтаютъ подобную же пользу, но безъ всякихъ хлопотъ и потери времени, отъ этой пошлины освобождаются?

Допуская даже, что судебная пошлина сама по себѣ вполнѣ раціональна, какимъ нужно руководствоваться основаніемъ для опредѣленія ея размѣра въ каждомъ данномъ случаѣ? Какъ вычислить расходъ государства по каждому отдѣльному дѣлу? Разсчитать трудъ по времени или по числу написанныхъ строчекъ? Или какимъ образомъ вычислить расходы, которые причинилъ школьникъ посѣщеніемъ общественной школы? Предполагать, что каждый ученикъ стоитъ однихъ и тѣхъ же расходовъ,—нельзя. Способному мальчику нужна помощь учителей меньше, чѣмъ неспособному. Или какимъ образомъ вычислить порчу дороги, производимую каждой проѣхавшей телѣгой, и размѣръ пользы, оказанной шоссе каждому возу или проѣзжающему? А между тѣмъ, по сущности пошлинъ, только эта польза и должна опредѣлять ихъ размѣръ.

Наконецъ, если пошлины падаютъ только на нѣкоторыхъ, и какъ бы только для нихъ существуютъ учрежденія, то такой порядокъ будетъ противорѣчить идеѣ государства, учрежденія котораго существуютъ для всѣхъ. При слишкомъ высокой пошлинѣ учрежденія эти превратятся въ привилегію для всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи внести пошлину, а всѣ несостоятельные будутъ исключены изъ пользованія благодѣяніями государства.

Разнообразіе пошлинъ, существующихъ въ европейскихъ государствахъ, такъ велико,—напр., въ Англіи въ 1841 году существовало ихъ 616 видовъ,—что привести ихъ въ полную систему недоступно силамъ одного человѣка. Поэтому нисколько неудивительно, что европейскіе финансисты чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко въ этомъ хаосѣ разнообразія и очень часто ошибаются относительно того, куда слѣдуетъ причислить извѣстные платежи—къ пошлинамъ или къ налогамъ.

Это же обстоятельство послужитъ оправданіемъ и мнѣ въ томъ, что я не буду говорить о пошлинахъ съ строгой послѣдовательностью, которой читатель имѣлъ бы право требовать.

Наибольшею извѣстностью пользуются пошлины судебныя.

Первоначально въ Европѣ былъ судъ даровой, и существовалъ обычай дѣлать судьямъ подарки. Обычай этотъ скоро получилъ право гражданства и даже узаконенъ, а размѣръ приношенія опредѣленъ правительственной таксой. Такъ какъ размѣръ приношенія зависѣлъ отъ размѣра дѣла, то понятно, какъ усиливались судьи, чтобы всякое маленькое дѣло сдѣлалось большимъ. Вотъ историческое происхожденіе судебныхъ проволочекъ. Въ новѣйшее время Европа оставила систему личнаго вознагражденія судьи самими тяжущимися, и пошлины вносятся въ государственное казначейство. Этотъ шагъ впередъ, при всей своей важности, далеко еще не послѣдній.

Читателю извѣстно, что если тяжущійся переноситъ дѣло на апелляцію, то онъ долженъ заплатить апелляціонныя пошлины. Пошлина эта установлена на томъ основаніи, что обжалывающій извлекаетъ изъ судебнаго приговора личную пользу. Но, спрашивается, почему долженъ платить пошлину именно тотъ, кто проситъ судебной защиты? Къ апелляціонному суду обращаются именно потому, что судъ первой инстанціи не удовлетворилъ тяжущагося, т. е. что судебное учрежденіе не достигло своей цѣли. И потому, что оно не достигаетъ своей цѣли и заставляетъ искать высшаго безпристрастнаго правосудія, жалующійся долженъ платить государству!—Или почему именно обращаются къ суду вообще? Только потому, что законы и учрежденія страны не въ состояніи устранить и предупредить несправедливость и утѣсненія. За что же въ такомъ случаѣ пошлина? Не раціональнѣе ли подвергать платежу пошлины не тѣхъ, кто обращается къ суду, а тѣхъ, кто къ нему не обращается? Или не было ли бы лучше, чтобы обязательство платежа падало на сторону обвиненную? Но и это будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, когда было сдѣлано дѣйствительное нарушеніе права. Между тѣмъ, случается очень часто, обвиненный не только не думалъ дѣлать никакого нарушенія, а, напротивъ, поступалъ по своему искреннему убѣжденію, съ полнымъ желаніемъ сдѣлать хорошо. Какъ въ такомъ случаѣ подвергать его пошлинѣ?

А между тѣмъ судебныя пошлины имѣютъ и несомнѣнно хорошую сторону, потому что спасаютъ суды отъ пустыхъ дѣлъ и служатъ уздой для кляузниковъ и сутягъ.

Поэтому остается только желать двухъ вещей, вполнѣ осуществимыхъ въ настоящее время: во первыхъ, чтобы европейскія государства ввели у себя наивозможно низкую судебную пошлину, такъ чтобы она не служила ни обремененіемъ платящихъ, ни привилегіей богатыхъ; а во вторыхъ, чтобы утвержденіе гражданскихъ актовъ судебнымъ порядкомъ перестало быть налогомъ.

Если судебныя пошлины, въ ихъ настоящемъ видѣ, нельзя признать мѣрой вполнѣ раціональной и пользующейся благосклоннымъ вниманіемъ плательщиковъ, то тѣмъ меньше можно сказать въ пользу пошлинъ полицейскихъ.

При неусыпности полиціи, проникающей даже въ жизнь частную, полицейское вмѣшательство пользуется не во всѣхъ случаяхъ симпатіями публики, и еще болѣе неохотно смотрятъ плательщики на полицейскія пошлины.

Особенность полицейскихъ пошлинъ заключается въ томъ, что онѣ платятся не свободно и не людьми, ищущими полицейской помощи, а тѣми, со стороны которыхъ правительство предполагаетъ возможнымъ какую нибудь неправильность дѣйствій. Къ поли-

цейскимъ пошлинамъ принадлежатъ: плата за свидѣтельство мертвыхъ, за осмотръ мяса и другихъ припасовъ, за изслѣдованіе напитковъ, за ревизію аптекъ, провѣрку мѣръ и вѣсовъ, выдачу паспортовъ, наложеніе пробъ на драгоцѣнные металлы и т. д.

Очень понятно, что освидѣтельствованіе припасовъ, аптекъ и т. п. должно производить весьма непріятное впечатлѣніе на плательщиковъ, потому что объ этомъ освидѣтельствованіи они сами не просятъ. Конечно, въ защиту свидѣтельствованія можно сказать, что оно производится въ видахъ общественнаго интереса. Тѣмъ не менѣе, если, напр., аптекарь не далъ повода подозрѣвать себя ни въ чемъ, то онъ имѣетъ полное право считать нарушеніемъ справедливости, если его подвергаютъ не только обыску, но еще и заставляютъ платить за обыскъ деньги.

То же самое можно сказать и про другія свидѣтельства этого рода. Положимъ, что провѣрка мѣръ и вѣсовъ и наложеніе на нихъ штемпелей очень полезны для огражденія публики отъ обмана. Но, съ другой стороны, не менѣе справедливо и то, что сами хозяева мѣръ и вѣсовъ объ этой провѣркѣ не просятъ.

Любопытно, что во Франціи проба золота и серебра приноситъ государственному казначейству болѣе трехъ милліоновъ франковъ, и штемпелеваніе считается мѣрой безусловно необходимой. Между тѣмъ въ Женевѣ, славящейся своими золотыми издѣліями, штемпелеванія не существуетъ, и обманутыхъ нѣтъ.

Подобное же противоположное мнѣніе существуетъ и относительно паспортовъ. За границей, особенно же въ Германіи, существуютъ весьма разнообразные виды паспортовъ: одни для переѣздовъ и путешественниковъ; другіе для постояннаго жительства на одномъ мѣстѣ; третьи для временнаго и т. д. Все это дѣлается для защиты общества отъ людей подозрительныхъ. Но въ Англіи разсуждаютъ, что кто имѣетъ дурной умыселъ или желаетъ скрыться, тотъ всегда сумѣетъ обойти паспортныя формальности, и они всею своею тяжестью падаютъ лишь на людей невинныхъ и на скромныхъ путешественниковъ.

Если смотрѣть на паспортную пошлину, какъ на плату за услугу, ибо лицо, пользующееся внутреннимъ паспортомъ, пользуется въ то же время и выгодами полицейской защиты своей страны, то спрашивается, какую пользу получаетъ отъ полиціи своей страны путешественникъ, уѣзжающій въ другое государство?

Есть еще пошлины, имѣющія нѣкоторое сходство съ полицейскими, — пошлины за справки, удостовѣренія и т. д., выдаваемыя изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Пока пошлины эти не высоки, ихъ можно еще допустить, ибо онѣ берутся дѣйствительно за личную услугу. Но какъ только пошлины подобнаго рода достигаютъ высокаго размѣра, онѣ тотчасъ же дѣлаются привилегіей богатыхъ и при крайнемъ своемъ развитіи могутъ быть доведены до абсурда, ибо за что же чиновникамъ платится, какъ не за исполненіе порученнаго имъ дѣла?

Къ этому же роду платежей слѣдуетъ отнести пошлины за свидѣтельство о рожденіи, бракѣ, смерти. Для вѣрной оцѣнки справедливости подобныхъ пошлинъ пусть читатель задастся вопросомъ, дѣйствительно ли частное лицо извлекаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ спеціальную пользу. Еслибы какое нибудь правительство вздумало обложить пошлиною бракъ, то оправдать подобную пошлину оказалось бы совершенно невозможнымъ. Облагать бракъ пошлиной значило бы дать премію внѣ-брачнымъ отношеніямъ. Если, такимъ образомъ, бракъ есть безусловная, непремѣнная неизбѣжность, покровительствуемая правительствами, то такой же неизбѣжностью являются всѣ внѣшнія формальности брака и всѣ его послѣдствія; а потому ни бракъ, ни эти формальности облагать пошлиной невозможно, и всѣ документы, служащіе его юридическимъ доказательствомъ, должны выдаваться также безъ всякой пошлины. Однимъ словомъ, вмѣшательства финансовой власти оправдать нельзя.

Еще меньше можно оправдать пошлины на патенты, на отличія, а тѣмъ болѣе пошлины за ученыя званія. Во Франціи, чтобы сдѣлаться докторомъ медицины, нужно заплатить 1.460 франковъ разныхъ пошлинъ, а чтобы получить дипломъ на доктора правъ—1.660 франковъ. Очевидно, что не способнымъ, а богатымъ открыта дорога къ ученому поприщу. Ту же ошибку повторяетъ и Германія. И вышло изъ этого то, что экзаменъ и знанія превратились въ вещь постороннюю, а главное мѣсто принадлежитъ финансовымъ соображеніямъ.

XI.

Когда еще народное хозяйство европейскихъ государствъ находилось въ своемъ первобытномъ состояніи, однимъ изъ источниковъ доходовъ служили, такъ называемыя, государственныя имущества. Почти въ то же время начали устраиваться казенныя фабрики, заводы и другія промышленныя заведенія, и правительства взяли на себя роль частныхъ производителей.

Едва ли нужно доказывать то, въ чемъ уже всѣ убѣждены, т. е. что государство не можетъ быть ни купцомъ, ни фабрикантомъ, ни сельскимъ хозяиномъ. Достаточно привести одинъ фактъ, что казенныя производства бывали возможны лишь при условіи монополіи. А если государственная промышленность можетъ приносить выгоду только при условіи устраненія конкурренціи, то, очевидно, потому, что безъ конкурренціи она существовать не можетъ.

Но, кромѣ финансовой невыгодности казенныхъ промышленныхъ учрежденій и невыгодности ихъ для народа, который долженъ платить за вещи дороже, чѣмъ при условіи свободнаго производства, монополіи создавали искусственныя границы капиталу и рабочимъ силамъ страны. Если, напр., государство устраивало на монопольномъ основаніи фарфоровые или стеклянные заводы, или брало на себя

разработку драгоцѣнныхъ металловъ, то очевидно, что частные капиталы, которые при отсутствіи стѣсненій могли бы быть направлены на эти производства, должны были искать себѣ другого помѣщенія. А если къ этому присоединить еще, что каждая монополія вызываетъ неизбѣжно контроль и сложный надзоръ, то путы, которыми, такимъ образомъ, государство опутываетъ народное хозяйство, падаютъ весьма чувствительнымъ убыткомъ на всю страну.

Пока монополія падаетъ на подобныя производства, какъ фарфоръ и хрусталь, къ ней, при всей ея несправедливости, пожалуй, еще можно относиться довольно спокойно. Но если монополія обрушивается на такіе предметы первой необходимости, какъ соль или даже табакъ, то совершенно позволительно предложить финансистамъ вопросъ: почему имъ вздумалось взять на себя разработку именно соли, когда частныя лица могли бы сдѣлать то же дѣло и выгоднѣе, и лучше? Почему они замыслили сѣять непремѣнно табакъ, а не горчицу? Почему, устраивая монопольное производство съ прямою цѣлью доставить государству выгоду, финансисты въ то же время принимали мѣры, стѣсняющія народное хозяйство, не замѣчая, что они одной рукой созидали то, что другой разрушали? Государственное хозяйство не можетъ быть выгоднымъ, если терпитъ убытокъ хозяйство народное. Государство не можетъ быть богатымъ, если бѣденъ народъ. А народъ можетъ быть богатъ только тогда, когда онъ свободенъ въ своей экономической дѣятельности. Ясно, что чѣмъ сильнѣе внѣдряется монополія въ торговлю и промышленность, тѣмъ больше терпитъ народное хозяйство. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ государственнымъ производствамъ и государственнымъ имуществамъ, которыя хочетъ эксплуатировать сама казна. Выгоды, извлекаемыя государствомъ изъ нихъ монопольнымъ путемъ, падаютъ налогомъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ сильнѣе создаваемыя имъ помѣхи. Если, напр., желѣзныя дороги превращаются въ правительственную монополію, то народъ не только долженъ заплатить за болѣе дорогую ихъ постройку и за болѣе дорогое ихъ управленіе и поддержаніе, чѣмъ въ рукахъ частныхъ, но и еще платить лишнее за право пользованія ими. Всѣ эти излишки являются налогомъ, стѣсняющимъ свободу передвиженія и сношеній, связывающимъ болѣе или менѣе промышленную свободу населенія.

Пошлины, о которыхъ говорилось, хотя не имѣютъ такого зловреднаго вліянія на народное хозяйство, но юридическая несправедливость ихъ не становится оттого меньше. Ложась меньшимъ гнетомъ на всѣхъ, онѣ тѣмъ чувствительнѣе для отдѣльныхъ лицъ. Пошлины зависятъ исключительно отъ случая; онѣ зависятъ отъ того, потребуется ли тому или другому лицу обратиться къ правительственной власти. Одинъ во всю свою жизнь не обратится ни разу ни къ суду, ни къ полицейской власти, вовсе не по свойствамъ своего личнаго характера, а исключительно по обстоятельствамъ. Другой, по тѣмъ же обстоятельствамъ, нуждается, напротивъ, безпрестанно въ помощи и содѣйствіи правительства; эта нужда не дѣлаетъ его однако способнѣе къ уплатѣ податей, и онъ долженъ нести ихъ, тогда какъ первый избавленъ отъ нихъ только случаемъ. Но, спрашивается, развѣ необходимость въ содѣйствіи правительственной власти для послѣдняго не приноситъ никакой выгоды первому, хотя онъ къ ней и не обращался? Развѣ можно утверждать, что только для тѣхъ и существуетъ полезная сторона суда и полиціи, кто къ нимъ обращается, а тѣмъ, кому весь свой вѣкъ не придется обратиться къ властямъ непосредственно, онѣ не приносятъ никакой пользы? А если этого сказать нельзя, то очевидно, что нѣкоторые платятъ за всѣхъ, и платятъ именно, можетъ быть, тѣ, которымъ, по ихъ стѣсненному положенію и по разнымъ житейскимъ затрудненіямъ, необходимѣе покровительство власти. Несчастные платятъ за счастливыхъ.

Невыгода пошлинъ заключается еще и въ томъ, что собираніе ихъ обходится слишкомъ дорого, и что, кромѣ прямого денежнаго убытка, онѣ создаютъ еще и другія стѣсненія. Напр., если какое либо дѣло вы можете вести лишь на гербовой бумагѣ, то, конечно, не все равно, вести ли его просто, безъ всякихъ подробныхъ справокъ, или же не иначе, какъ спеціально изучивъ разнообразные сорты гербовыхъ пошлинъ и то соотвѣтствіе, въ которомъ онѣ должны находиться съ разнообразіемъ размѣра власти и круга дѣятельности того или другого правительственнаго мѣста.

Изъ всего этого слѣдуетъ то справедливое заключеніе, что ни управленіе государственными имуществами, ни пошлины не могутъ считаться раціональнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ.

Но, кромѣ раціональности, въ государственныхъ доходахъ играетъ важную роль и самый размѣръ ихъ. Поэтому, прежде чѣмъ финансисты разработали основанія своей науки, они позаботились о томъ, чтобы придумать какъ можно больше источниковъ государственныхъ доходовъ.

Первоначально налоги въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь знаемъ, не существовали, и государства необходимыя имъ средства получали въ разныхъ видахъ натурою. Впослѣдствіи, однако, когда государственныя имущества и взносы натурой оказывались недостаточными, государственные люди и финансисты придумали весьма разнообразную систему налоговъ, — систему, до того разнообразную, что, напр., по поводу англійскихъ налоговъ Сидней Смитъ высказалъ слѣдующую, весьма мѣткую характеристику: «налоги накапливаютъ на налоги, пока каждый предметъ потребленія, поступающій въ человѣческій ротъ, прикрывающій человѣческое тѣло или ногу, не будетъ ими обложенъ. Налогъ на все, что пріятно видѣть, что пріятно слышать, что пріятно чувствовать, обонять. Налогъ на тепло, на свѣтъ, на все, что находится въ землѣ, въ водѣ, подъ землею; на все, что приходитъ изъ-за границы или добывается дома. Налогъ на каждое новое сырье, служащее источникомъ новой промышленности; налогъ на соусъ, возбуждающій аппетитъ человѣка, и на ле-

карство, возстановляющее его здоровье; на горностая, украшающаго судью, и на веревку, на которой повѣсятъ преступника; на соль бѣдняка и на овощи богача, на гвозди гроба. Въ постели и за столомъ, при смерти и при рожденіи—должны мы платить налогъ. Школьникъ бьетъ бичемъ оплаченный налогомъ мячикъ; безбородое дитя взнуздываетъ свою оплаченную налогомъ лошадку оплаченной налогомъ уздой, на оплаченной налогомъ улицѣ. Умирающій англичанинъ наливаетъ свое лекарство, оплаченное семью процентами, въ ложку, оплаченную 15%, ложится на постель, оплаченную 22%, пишетъ духовное завѣщаніе на гербовой бумагѣ въ 8 фунтовъ и умираетъ на рукахъ врача, который, за право отправить его на тотъ свѣтъ, заплатилъ 100 фунтовъ. Немедленно за тѣмъ все имущество покойника облагается налогомъ отъ 2 до 10 процентовъ, берется высокая пошлина за гробъ, добродѣтели умершаго оповѣщаютъ міру на обложенномъ налогомъ мраморѣ, и наконецъ покойникъ успокаивается только въ обществѣ тѣней, чтобы не знать больше никакихъ налоговъ».

Конечно, эта картина Англіи былыхъ годовъ, можетъ быть, и непримѣнима къ современнымъ европейскимъ государствамъ. Тѣмъ не менѣе, она совершенно вѣрна въ своей основной идеѣ, ибо весьма рельефно обрисовываетъ систему, которую создали, и цѣли, которыя преслѣдуютъ финансисты.

Финансовая наука—знаніе еще слишкомъ молодое, и потому тѣ, кто бралъ на себя заботы покрывать государственные расходы разными искусноизмышленными доходами, не особенно затруднялись выборомъ раціональныхъ средствъ. Всѣ средства казались хороши, если они достигали своей цѣли. Надъ принципами никто не задумывался, и измышлялись всякія новыя средства, чтобы переводить деньги изъ кармана народа въ руки финансоваго управленія.

Чтобы оправдать этотъ образъ дѣйствій, финансисты придумывали софизмы, противъ которыхъ, правда, не было офиціальныхъ возраженій, но съ которыми, тѣмъ не менѣе, никто изъ плательщиковъ не соглашался. Такъ, напр., финансисты утверждали, что если деньги, взятыя отъ народа, расходуются въ самой странѣ, то никто бѣднѣе не становится. Этотъ софизмъ опровергается легко экономическимъ закономъ о расходахъ на выгодное и убыточное потребленіе. Законъ, о которомъ я говорю, указываетъ, что если трудъ и капиталъ употреблены на производство полезностей, способныхъ создать новыя полезности, то они употреблены выгодно, въ противномъ же случаѣ—убыточно. Если финансовое управленіе, взявъ деньги, употребитъ ихъ на устройство школъ, мостовъ, каналовъ, дорогъ, вообще на устройство и созданіе того, что усиливаетъ экономическую дѣятельность и ведетъ или къ возвышенію человѣческихъ способностей, или къ созданію новыхъ полезныхъ предметовъ, то подобныя дѣйствія для страны выгодны. Школы, дороги, канавы возбуждаютъ въ народѣ энергію производительности, облегчаютъ сношенія, облегчаютъ трудъ, слѣдовательно, увеличиваютъ размѣръ его результатовъ. Конечно, каждый, кто внесъ деньги, сталъ бѣднѣе; но онъ внесъ свои деньги какъ бы въ банкъ на проценты и началъ получать на нихъ такія выгоды и удобства, которыхъ безъ этого взноса получить бы не могъ.

Совсѣмъ иное, если расходъ производится на потребленіе убыточное, т. е. на такое потребленіе, которое не приноситъ плательщику никакой выгоды. Возьму избитый примѣръ, слишкомъ часто приводимый современными экономическими писателями,—расходъ на войско. Безъ сомнѣнія, деньги, употребленныя на ихъ содержаніе, остались въ странѣ. Но вопросъ не въ томъ, гдѣ остались эти деньги, а въ томъ, какая полезная матеріальная выгода явилась результатомъ этого расхода. Прибавилось ли для бѣдныхъ говядины, стали ли дешевле хлѣбъ и квартиры, увеличилось ли въ странѣ количество сапоговъ и удобнаго теплаго платья? Нѣтъ. Деньги, взятыя на содержаніе неэкономическихъ производителей, ушли только на нихъ лично, и взамѣнъ ихъ не получилось ни одного полезнаго предмета, способнаго улучшить матеріальное положеніе страны. Съ общей государственно-экономической точки зрѣнія расходъ на излишнихъ чиновниковъ и солдатъ признается необходимымъ и полезнымъ потому, что для экономическаго процвѣтанія страны необходимо полное матеріальное огражденіе противъ внутреннихъ и внѣшнихъ помѣхъ. Не держать достаточное количество войска—значитъ дать честолюбивому сосѣду возможность взять надъ собою перевѣсъ. А какъ подобное отношеніе грозитъ политической независимости каждаго народа, то понятно, почему современныя европейскія государства довели теорію вооруженнаго мира до чудовищнаго размѣра, испугавшаго даже остроумныхъ финансистовъ.

Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія тѣхъ же экономистовъ, расходъ на содержаніе армій есть дѣло всетаки убыточное, ибо для сохраненія спокойствія внутри и извнѣ можно придумать военную систему болѣе выгодную, которой, къ сожалѣнію, континентальная Европа слѣдовать не желаетъ, хотя примѣръ Швейцаріи и Сѣверо-Американскаго Союза у всѣхъ передъ глазами.

Самое сильное возраженіе финансистамъ, высказывающимъ мысль о томъ, что страна не становится бѣднѣе, если деньги остаются въ ней, служитъ сравненіе народа съ купцомъ, у котораго воръ укралъ сто рублей и затѣмъ купилъ у него же товару на ту же сумму. Конечно, у купца куплено на сто руб., но тѣмъ не менѣе у купца сто руб. всетаки украдены, и выгода его заключается только въ тѣхъ процентахъ, которые онъ взялъ на проданномъ товарѣ.

Такъ какъ налоги берутся съ народа при полномъ отсутствіи съ его стороны сознанія тѣхъ полезныхъ цѣлей, къ достиженію которыхъ они должны вести, то народъ и смотритъ повсюду на налоги не такъ сочувственно, какъ бы того хотѣлось финансистамъ. Но въ этомъ, конечно, плательщики виноваты менѣе всего. Еслибы они были убѣждены, что всякая уплаченная ими копейка прине-

сетъ имъ извѣстную выгоду, что отъ этой копейки станетъ имъ житься дешевле и удобнѣе, и что капиталъ, затраченный ими въ видѣ налоговъ, принесетъ имъ проценты въ какомъ бы то ни было видѣ, то, конечно, не представлялось бы никакихъ затрудненій въ платежахъ налоговъ, и операція эта совершалась бы къ обоюдному согласію плательщиковъ и финансистовъ. Но какъ въ дѣйствительной жизни мы встрѣчаемъ нѣчто иное, то и нечего удивляться, что научные софизмы финансистовъ не находятъ себѣ оправданія въ здравомъ разсудкѣ платящаго простонародья. Въ этомъ разнорѣчіи того, что буквоѣды зовутъ наукой, а здравомысліе—чепухой, заключается причина, почему налоги постоянно стремились къ тому многообразію и усложненію, надъ которымъ издѣвался Сидней Смитъ. Финансисты, видя отвращеніе народа отъ убыточныхъ платежей, старались придумать такой способъ извлеченія изъ народнаго кармана денегъ, чтобы народъ не замѣтилъ, какъ онъ становится бѣднѣе, и насколько на свои чистыя денежки онъ, да, пожалуй, и не онъ, получаетъ красивыхъ безполезностей. Эта организованная финансово-научная система привела, наконецъ, къ тому, что сами финансисты сбились съ толку въ построенномъ ими лабиринтѣ.

Запутанность замысловатаго архитектурнаго произведенія финансистовъ обнаружилась въ своей поражающей полнотѣ только тогда, когда потребовалось найти выходъ изъ лабиринта, или, яснѣе, когда оказалось необходимымъ подумать о томъ, чѣмъ все это кончится, если продолжать прежнее нагроможденіе налоговъ на налоги.

Распутать всю эту путаницу оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ было ее напутать. Финансисты, придумывая налоги, не заботились о какой либо опредѣленной системѣ, не имѣли предъ глазами никакого принципа, никакого идеала. Дѣло дѣлалось всегда очень просто. Потребуются государству деньги — на народъ накладывался налогъ. Понадобятся снова деньги, — къ старому налогу прибавляется новый, и т. д. до безконечности. Если изобрѣтательность офиціальныхъ финансистовъ оказывалась недостаточной, вызывалось содѣйствіе другихъ, болѣе изобрѣтательныхъ умовъ, и такимъ образомъ въ придумываніи новыхъ налоговъ не встрѣчалось затрудненій. Такъ, въ началѣ XVII столѣтія генеральные штаты Голландіи назначили премію тому, кто придумаетъ новый налогъ, способный дать государственному казначейству чувствительную поддержку. Какой-то голландецъ придумалъ штемпельный налогъ, который въ самое короткое время и былъ принятъ во всей Европѣ.

Налоги бывали просты и немногосложны только у народовъ первобытной культуры. Но чѣмъ народъ становился экономически развитѣе, чѣмъ возрастало больше его матеріальное благосостояніе, тѣмъ становились выше и разнообразнѣе налоги. Когда, наконецъ, экономическое развитіе, какъ, напр., въ Англіи, дошло дѣйствительно до замѣчательной высоты, до соотвѣтственной же высоты дошло многообразіе и тягость налоговъ, такъ что только одна гробовая доска спасала англичанина отъ безконечныхъ и вѣчныхъ платежей.

Но чѣмъ многообразнѣе становились платежи, тѣмъ болѣе приближалась поворотная точка. Не говоря уже про плательщиковъ, но и самимъ финансистамъ становилось очевидной необходимостью выяснить финансовые принципы, долженствующіе служить руководящимъ началомъ, и организовать правильную, сознательно-разумную систему. Среди путаницы, сложившейся подъ вліяніемъ случайностей, было вовсе не такъ легко найти свѣтъ, котораго искали. Справедливость требовала, чтобы налоги ложились на всѣхъ относительно одинаковымъ бременемъ. Но при первомъ же, болѣе глубокомъ взглядѣ на сущность вопроса, оказалось, что существуетъ одно особенное обстоятельство, котораго не предвидѣли первоначальные изобрѣтатели налоговъ. Это маленькое обстоятельство, сбившее всѣхъ съ толку, есть такъ называемое переложеніе налоговъ, т. е. возможность вывернуться изъ платежа, переложивъ его на другого. Когда финансисты усмотрѣли это новое, непредвидѣнное ими обстоятельство, они подумали, что сущность вопроса выяснится въ ея полной очевидности, если привести налоги въ систему, соотвѣтственно ихъ переложимости. Нельзя отрицать того, что въ извѣстной степени финансисты были правы, и что придуманное ими дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные бросало на вопросъ больше свѣта, чѣмъ его имѣлось до тѣхъ поръ. Тѣмъ не менѣе всетаки ошибочно полагать, будто бы приведеніе налоговъ въ систему можетъ привести къ тѣмъ полезнымъ результатамъ, къ какимъ стремятся люди прогрессивные.

Невозможность однимъ дѣленіемъ налоговъ на извѣстныя категоріи установить уравнительность и справедливость выказалась немедленно. Не упоминая о другихъ дѣленіяхъ, предложенныхъ финансистами, я обращу вниманіе читателя на дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные. И въ учебникахъ, и въ разговорѣ съ чиновникомъ-прогрессистомъ, и въ обществѣ, претендующемъ на пониманіе финансовыхъ вопросовъ, вы услышите толки о налогахъ прямыхъ и косвенныхъ, какъ о вещи, ясной до очевидности для всякаго говорящаго. При ближайшемъ же разсмотрѣніи вопроса оказывается, что очевидная ясность вовсе не такъ очевидна. Вамъ скажутъ, что прямой налогъ есть тотъ, который платится тѣмъ, на кого онъ наложенъ, а всѣ остальные налоги—косвенные. Такое дѣленіе было бы вполнѣ справедливо, еслибы не существовало возможности переложенія, которое и спутываетъ весь вопросъ. Опредѣленіе того, можетъ ли быть налогъ переложенъ, на кого именно, и въ дѣйствительности ли онъ перекладывается, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ теоретическихъ задачъ. Поэтому нѣкоторые изъ финансистовъ предложили называть прямыми налогами тѣ, при назначеніи которыхъ правительство задается впередъ мыслью, что налогъ долженъ пасть прямо на плательщиковъ. Но и тутъ переложеніе является помѣхой, ибо одного намѣренія правительства еще недоста-

точно, чтобы не происходило переложенія. Такъ, напр., купецъ, привозящій иностранные товары, платитъ на таможнѣ за нихъ пошлину, которая и считается налогомъ косвеннымъ. Но вотъ ѣдетъ путешественникъ, везущій подобные же товары для себя: пошлина, взятая съ него, является налогомъ прямымъ. Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ налогъ на потребленіе, налогъ на него, взятый съ купца, будетъ налогомъ косвеннымъ, а взятый съ лица, везущаго на собственное потребленіе, будетъ налогомъ прямымъ. Очевидно, что и это дѣленіе не достигаетъ своей цѣли. Еще нѣкоторые предлагали называть прямыми налогами тѣ, которые берутся съ капитала или дохода, а косвенными, которые берутся съ расхода. По этой классификаціи для штемпельнаго налога не найдется мѣста, потому что очень часто онъ берется ни съ дохода, ни съ капитала, ни съ расхода, а просто за какое нибудь гражданское дѣйствіе вовсе не экономическаго характера. Наконецъ, явилось и еще одно дѣленіе, по которому къ прямымъ налогамъ причисляются тѣ, которые берутся съ собственности, а къ косвеннымъ—тѣ, которые берутся за извѣстное дѣйствіе. По этому дѣленію налогъ, напр., на дома, на землю, на промыслы или на какіе бы то ни было другіе источники доходовъ, будетъ налогомъ прямымъ, а налогъ на вино, сахаръ, налогъ таможенный и т. п. будутъ налогами косвенными, ибо они берутся не собственно за вино или сахаръ, а за процессъ ихъ изготовленія или за ввозъ произведеній и издѣлій изъ одной страны въ другую.

Нельзя отрицать того, что дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные, еслибы его возможно было провести послѣдовательно до конца, принесло бы несомнѣнную пользу, потому что избавило бы плательщиковъ отъ двойныхъ платежей, неизбѣжныхъ при возможности переложенія. Но какъ выслѣдить процессъ до конца совершенно невозможно, то и польза подобнаго дѣленія является лишь относительной. Оно хорошо только отчасти, ибо всетаки даетъ финансистамъ кое-какое руководящее начало. Но какъ въ запутанной области финансовъ требуется не кое-какое руководящее начало, а радикальный переворотъ, то и дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные должно потерять свою обаятельность, какъ не дающее отвѣтовъ на всѣ вопросы. Изъ дальнѣйшаго и болѣе спеціальнаго изложенія сущности и дѣйствія налоговъ читатель увидитъ, насколько систематизація ихъ приноситъ мало дѣйствительной пользы, и какой непочатый край составляетъ финансовая область не только для обыкновенныхъ людей, но даже и для финансистовъ. Дѣйствительно, любопытная вещь, какъ мало распространены въ публикѣ финансовыя знанія, и какъ велико общее невѣжество въ этомъ вопросѣ. Что бы вы сказали о человѣкѣ, который дѣлаетъ зря, направо и налѣво, расходы для своего домашняго хозяйства, рѣшительно не понимая, что онъ дѣлаетъ? А развѣ не ту же самую голубиную невинность заявляетъ все, платящее налоги, европейское населеніе при выплачиваніи ихъ? Гдѣ люди, знакомые съ этимъ дѣломъ? Платитъ себѣ человѣкъ, платитъ, сердится на сборщика податей, тревожащаго его своимъ посѣщеніемъ, отдаетъ массу денегъ косвеннымъ налогомъ на предметы потребленія, плачется на подавляющую его дороговизну всего и, подчиняясь гнетущему его факту бѣдности, никакъ не умѣетъ понять, что большинство подавляющихъ его экономическихъ бѣдствій исходитъ именно изъ его финансоваго невѣдѣнія. Знаете ли вы, читатель, что повсюдная европейская дороговизна происходитъ почти исключительно отъ существующей въ Европѣ системы налоговъ и возможности ихъ переложенія? Впрочемъ, объ этомъ вопросѣ я буду говорить подробнѣе дальше. Теперь же я приглашу читателя познакомиться съ сущностью налоговъ. Изъ этого знакомства читателю будетъ вполнѣ очевидна справедливость всего до сихъ поръ сказаннаго, а затѣмъ онъ самъ не затруднится спасительными для него выводами. Чтобы не слишкомъ затруднять читателя, я не стану излагать ему всѣ рѣшительно спеціальные виды налоговъ, а коснусь только главнѣйшихъ изъ нихъ, существующихъ въ томъ или другомъ видѣ у насъ. Я буду говорить, конечно, о томъ, что дѣлается за границей, вопервыхъ, потому, что вопросъ этотъ разработанъ иностранными учеными, а не русскими финансистами, которыхъ у насъ еще и до сихъ поръ нѣтъ; а вовторыхъ, что мы и не придумали своихъ системъ налоговъ, а пользовались тѣми, которыя были придуманы на Западѣ.

XII.

Первоначальной формой налога была личная подать. При неразвитости экономической производительности оно и не могло быть иначе. Все, что требовалось для надобности государства, исполнялось обыкновенно лицомъ или натурой. Начинается ли война, необходимые люди берутся прямо изъ народа; требуется ли для надобностей государства построить дорогу, мостъ, берутся точно также люди натурой. Только по мѣрѣ развитія культуры и образованія служба натурой начинаетъ уменьшаться. По мѣрѣ выдѣленія изъ народа высшихъ или болѣе образованныхъ слоевъ, служба натурою отстранялась отъ себя людьми или сословіями, болѣе счастливо поставленными, и сваливалась на плечи мускульнаго простонародья.

Недостатки этой системы, или переложеніе труда на плечи простонародья, обнаруживались по мѣрѣ развитія. Тѣ, кому приходилось исполнять натурой всѣ работы, понявъ невыгоду подобнаго порядка, начинали исполнять свое дѣло такъ плохо, что убыточность для государства личной повинности дѣлалась вполнѣ очевидной. Напр., народъ, сгоняемый на исправленіе или на устройство дорогъ, работалъ до того лѣниво и дурно, что оказывалось вполнѣ необходимымъ поискать, взамѣнъ обязательнаго труда, что нибудь болѣе выгодное. И вотъ работы натурой стали замѣняться повсюду вольнонаемнымъ трудомъ, а для возможности его оплаты натуральныя повинности замѣнялись де-

нежными сборами. Этимъ путемъ натуральныя повинности вышли, наконецъ, въ западной Европѣ совершенно изъ употребленія, и только еще у насъ можно встрѣтить послѣднихъ могикановъ, упорно отстаивающихъ необходимость натуральныхъ повинностей. Въ Европѣ же сохранился только одинъ видъ натуральной повинности — повинность военная.

Военная повинность во всѣ времена считалась дѣломъ чести, ибо съ нею связывалось обязательство защиты отечества. Противъ такого взгляда возражать, конечно, нечего. Если отечество въ опасности, то, конечно, обязанность каждаго гражданина спѣшить на его спасеніе. Но въ другомъ видѣ представляется вопросъ, если мы возьмемъ страну экономически-развитую, гдѣ для каждыхъ рукъ найдется множество дѣла. Въ такихъ странахъ, въ моментъ отсутствія опасности, военная служба не можетъ представлять никакихъ привлекательностей, ибо она предполагаетъ мирное прозябаніе въ казармахъ и военныя упражненія. Въ этихъ случаяхъ каждый экономическій производитель, которому пришлось бы оторваться отъ своего дѣла для безмятежнаго препровожденія времени въ казарменномъ досугѣ, понимаетъ очень хорошо, что такое занятіе ему убыточно. По мѣрѣ экономическаго развитія и по мѣрѣ увеличивающагося отвлеченія рукъ отъ экономической дѣятельности къ военному дѣлу, сознаніе невыгодности подобнаго порядка дѣлалось все больше и больше, и въ настоящее время, благодаря военному напряженію, возбужденному Германіей, вопросъ этотъ, пожалуй, уже недалекъ отъ своей поворотной точки. Насколько новый, болѣе правильный взглядъ справедливъ, читатель увидитъ изъ слѣдующаго сравненія. Въ 1600 г. Генрихъ IV считалъ въ своемъ войскѣ всего 10.000 человѣкъ. Великій курфюрстъ бранденбургскій оставилъ послѣ своей смерти (1688 г.) колоссальную армію... въ 28.000 человѣкъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I Пруссія владѣла еще болѣе колоссальной арміей въ 80.000 человѣкъ. Фридрихъ II довелъ ее уже до 180.000 человѣкъ. Совершенно въ такой же прогрессивности шло увеличеніе армій и въ другихъ государствахъ. Такъ, у насъ при Петрѣ I (въ 1712 г.) въ арміи было 180.000 человѣкъ; въ годъ смерти Петра считалось 196.000 человѣкъ; въ 1785 г.—360.000 человѣкъ; въ 1794 г.—442.000; въ 1803 г.—506.000, а въ 1812 г.—1.490.000. Правда, въ томъ числѣ народнаго ополченія 850.000.

Непроизводительное ежегодное употребленіе громадныхъ суммъ на содержаніе армій, конечно, не избѣгло отъ вниманія европейскихъ государственныхъ людей, и хотя они очень хорошо знаютъ, что швейцарская или американская система гораздо выгоднѣе, но тѣмъ не менѣе, по разнымъ соображеніямъ, не находятъ возможнымъ ввести эту систему во всѣ европейскія государства. Поэтому уничтоженіе постояннаго войска считается въ настоящее время смѣлою мечтой, осуществимой еще въ очень отдаленномъ будущемъ. И дѣйствительно, если мы предположимъ, что военная повинность натурой замѣнится повсюду вольнонаемнымъ трудомъ, то потребуются такіе сборы денегъ, разсчитывать на которые нынче совершенно еще невозможно.

Но если замѣну службы натурой денежнымъ взносомъ слѣдуетъ отнести къ области мечтаній, тѣмъ не менѣе все-таки желательно, чтобы тягость военной натуральной повинности ложилась на народъ болѣе равномѣрно, и чтобы каждый былъ привлеченъ къ ея исполненію. Въ Пруссіи, напр., подобная система уже принята правительствомъ, и каждый пруссакъ долженъ, по закону, быть въ военной службѣ. Въ дѣйствительности этого однако не бываетъ, и обыкновенно изъ 40 человѣкъ, способныхъ къ военной службѣ, поступаетъ въ нее только 26 человѣкъ, потому что въ остальныхъ, по размѣру арміи, нѣтъ необходимости. Такимъ образомъ, даже и лучшая система, прусская, не можетъ считаться справедливой и ложится всею своею тяжестью только на нѣкоторыхъ. Неизмѣримо неравномѣрнѣе та система, при которой отъ военной службы освобождаются извѣстныя привилегированныя сословія. Несправедливость прусской системы—не въ теоретическомъ ея основаніи, а только въ практикѣ; здѣсь же справедливости не хочетъ допустить даже и теорія.

Несправедливость поголовнаго налога уже признана въ настоящее время всѣми европейскими государствами, и если онъ существуетъ еще кое-гдѣ и до сихъ поръ, то вовсе не по принципу, а какъ переходная мѣра къ болѣе раціональному налогу. Слѣдовательно, очевидно, что убѣждать особенно читателя въ несправедливости поголовнаго налога нѣтъ никакой надобности.

Вопросъ о поземельномъ налогѣ считается однимъ изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ финансовыхъ вопросовъ. Трудность его заключается вовсе не въ томъ, чтобы у людей не достало ума понять его во всѣхъ его подробностяхъ. Затрудненія заключаются не въ теоріи вопроса, а въ побочныхъ обстоятельствахъ, чисто юридическихъ. Когда поборники справедливости и равноправности высказываютъ мысль о томъ, что поземельный налогъ долженъ подчиняться тѣмъ же основаніямъ, какъ и всѣ остальные налоги, то землевладѣльцы, основываясь на своихъ правахъ и привилегіяхъ, унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, а то и еще дальше, ссылаются на свое юридическое право и увѣряютъ, что законъ равноправности ихъ нисколько не касается. А если обратить вниманіе на то, что теоретическая разработка вопроса о поземельномъ налогѣ производится лишь въ западной Европѣ, гдѣ существовало рыцарство, гдѣ сложились разные виды ленныхъ отношеній, гдѣ сервитуты существуютъ еще и до сихъ поръ, то будетъ понятно, почему теорія поземельнаго налога является и къ намъ въ своемъ неразработанномъ видѣ, а русскіе финансисты, за неимѣніемъ своей собственной теоріи, стараются увѣрить, кого слѣдуетъ, что и для насъ въ этомъ вопросѣ существуютъ такія же трудности, какъ и на Запа-

дѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидитъ, насколько неправы русскіе финансисты, и насколько вопросъ этотъ представляетъ дѣйствительныя практическія трудности.

Первоначально, т. е. при первомъ основаніи государствъ, земля являлась наиболѣе удобнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Во первыхъ, потому, что по неразвитости экономической и неоткуда было получать доходовъ; а во вторыхъ, потому, что земля—вовсе не такая вещь, которую можно спрятать въ карманъ и скрыть отъ сборщика податей. И вотъ мы видимъ, что у евреевъ, римлянъ, китайцевъ и другихъ народовъ древности земля облагается извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ налогомъ. То же самое повторилось и въ Европѣ. Въ Германіи, напримѣръ, поземельный налогъ явился уже въ XI столѣтіи.

Въ своей первоначальной формѣ поземельный налогъ брался или съ валового дохода, или съ площади. Знаменитая десятина, которую платили еще евреи, была одинъ изъ видовъ поземельнаго налога съ валового дохода. Десятина имѣла почти повсюду религіозное значеніе. Это былъ налогъ въ пользу церкви, который плательщики переносили легко. потому что имъ какъ бы покупали благословеніе на свои поля и на свои хозяйственные промыслы. По мѣрѣ ослабленія религіознаго чувства, десятина утрачивала свое значеніе и плательщикамъ показалась, наконецъ, обременительной. Неуравнительность десятины и, слѣдовательно, ея несправедливость заключается въ томъ, что десятое зерно, взятое съ одного землевладѣльца, по отношенію къ другому можетъ быть двадцатымъ, ибо одно и то же количество хлѣба, полученное съ земли, одному далось съ меньшей затратой силъ и капитала, а другому, можетъ быть, съ затратами вдвое большими.

Въ такой же мѣрѣ несправедливъ и налогъ на площади, потому что при немъ не обращается вниманія на размѣръ дохода. Налогъ этотъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, когда населенія мало, земли много, земледѣліе находится на низкой степени развитія, и земли высшаго качества достаетъ на всѣхъ. Но какъ только обстоятельства сельскаго хозяйства измѣняются, налогъ на площадь теряетъ свою уравнительность. Налогъ этого рода былъ введенъ въ Англіи въ XI столѣтіи и въ Германіи около того же времени. При теперешнемъ состояніи европейской культуры, обѣ эти первоначальныя формы поземельнаго налога не могутъ быть признаны источниками государственныхъ доходовъ.

Не въ меньшей степени несправедливъ и налогъ ленный.

Въ средніе вѣка сложилась въ Европѣ чрезвычайно запутанная система отношеній подданныхъ къ государству, отношеній, вытекавшихъ изъ землевладѣнія. Тотъ, кому давалась земля, вмѣстѣ съ нею принималъ на себя и разныя обязательства. Если землю давало государство, то землевладѣлецъ долженъ былъ нести извѣстную государственную повинность, а если землю давало частное лицо частному лицу, то между ними возникали частныя обязательства. Эти отношенія повели впослѣдствіи частью къ привилегіямъ, а частью къ путаницѣ и нескончаемымъ процессамъ. Напримѣръ, рыцари, за отводимую имъ землю, обязаны были выставлять извѣстное число вооруженныхъ людей. Впослѣдствіи, когда образовалось постоянное войско, обязательства рыцарей кончились, и они позаботились о томъ, чтобы правительство позабыло объ этомъ обязательствѣ. Такимъ образомъ дворянство вышло незамѣтно привилегированнымъ сословіемъ и, переставъ нести подати натурой, какъ это было прежде, освободилось вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякихъ другихъ платежей. И до сихъ поръ потомки рыцарей настаиваютъ на своей привилегіи, будто бы избавляющей ихъ отъ всякихъ налоговъ, и увѣряютъ, что эта привилегія—ихъ законное право, увѣковѣченное давностью. Но у нѣмцевъ есть поговорка, что сто лѣтъ безправія не могутъ быть правомъ и одинъ часъ. Поэтому понятно, что, какими бы юридическими софизмами ни прикрывались потомки рыцарей, они должны нести налогъ также, какъ и всѣ остальные смертные.

Кромѣ этихъ двухъ видовъ поземельнаго налога, явился за границей налогъ на доходъ съ земли. Нѣмцы говорятъ, что если налогъ на доходъ получаетъ всеобщее приложеніе, то нѣтъ никакого основанія освобождать отъ него и доходъ съ земли, При тѣхъ двухъ видахъ налоговъ на земли, о которыхъ мы говорили, берется въ основаніе или площадь, или общая производительность земли; но при налогѣ на доходъ этихъ круглыхъ основаній недостаточно. Налогъ берется настолько, насколько имущество приноситъ дѣйствительнаго чистаго дохода. Въ то же время финансисты, не вникнувъ достаточно въ сущность вопроса, рядомъ съ налогомъ на доходъ отъ земли, придумали еще налогъ на доходъ съ капитала и налогъ промысловый, или, яснѣе, налогъ на доходъ отъ труда. Отъ этого вышла путаница и несправедливость, ибо налогъ падалъ на доходъ безъ предварительныхъ справокъ о томъ, какимъ образомъ этотъ доходъ явился. Возьмемъ два совершенно равнокачественныхъ имѣнія: одно въ долгахъ, другое безъ долговъ. Доходъ съ нихъ будетъ, конечно, неодинаковъ, ибо задолжавшій владѣлецъ долженъ выплачивать долгъ и проценты, а другой этого расхода не несетъ. Или тоже два имѣнія, совершенно одинаковыхъ, но въ одномъ на сельско-хозяйственныя улучшенія владѣлецъ затратилъ свои 10 тысячъ, а владѣлецъ другого на подобныя же улучшенія 10 тысячъ занялъ. Здѣсь случится вотъ что: владѣлецъ чистаго имѣнія весь доходъ съ него запрячетъ къ себѣ въ карманъ, а владѣлецъ имѣнія заложеннаго долженъ будетъ выплачивать не только долгъ, но и съ тѣхъ процентовъ, которые онъ отдастъ своему кредитору, кредиторъ долженъ будетъ заплатить извѣстный налогъ на свой доходъ съ капитала. Слѣдовательно, очевидно, что налогъ на доходъ съ земли, если рядомъ съ нимъ существуютъ еще аналогичные налоги, не можетъ быть признанъ налогомъ уравни-

тельнымъ, ибо одни будутъ платить вдвое, а другіе—ничего.

Когда въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англія создала теорію небывалой до того экономической науки, вопросъ о налогахъ потерпѣлъ тоже революцію. Конечно, революція эта была не такого размѣра, какого бы заслуживала темная область финансовыхъ софизмовъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько лучей свѣта проникли въ геологическій мракъ, въ ней господствовавшій, и къ прежде существовавшимъ видамъ налоговъ западная Европа присоединила еще новый налогъ на ренту.

Такъ какъ я убѣжденъ въ томъ, что для русскаго читателя вопросъ о рентѣ представляется чѣмъ-то вродѣ геологическаго тумана, то я постараюсь изложить ему возможно проще сущность теоріи ренты.

Пока населеніе какой либо страны еще рѣдко, а потребности его скудны и неразвиты, достаточно еще сравнительно очень небольшой площади земли для произведенія всего того сырья, которое нужно людямъ. Земли много, людей мало; слѣдовательно, очевидно, что каждый забираетъ то, что ему нужно, и на дары природы люди смотрятъ также, какъ на воздухъ и воду. Понятно, что тѣ, кто сдѣлалъ изъ земли свою личную собственность, не извлекаютъ изъ своего права владѣнія ровно никакой выгоды. Вы владѣете землею, а я не владѣю; но такъ какъ я въ вашей землѣ не нуждаюсь и могу самъ, также какъ и вы, сдѣлаться собственникомъ земли путемъ завладѣнія, то, конечно, ваше юридическое право не приноситъ вамъ ни гроша дохода.

Но иначе складываются экономическія отношенія, когда разъ занятая земля уже не въ состояніи удовлетворить потребности увеличивающагося населенія. Когда потребностей стало больше, а количество продуктовъ остается прежнее, то очевидно, что слѣдуетъ увеличить или количество обрабатываемой земли, или же въ прежнюю землю вложить болѣе энергическій трудъ или капиталъ.

При производствѣ фабричныхъ произведеній, вопросъ объ ихъ удешевленіи зависитъ прямо отъ количества и качества труда. Если вамъ удастся придумать средство производить какой либо предметъ въ половину дешевле, чѣмъ онъ производился прежде, то очевидно, что вы понизите на половину и продажную цѣну предмета. Ваша экономическая судьба заключается поэтому исключительно въ вашихъ личныхъ талантахъ. Придетъ вамъ счастливая мысль, которая поможетъ вамъ производить предметы дешевле—вамъ и выгода. Другой выгоды для васъ нѣтъ. И ваше званіе фабриканта или ремесленника не дастъ вамъ, какъ званіе, ни одного лишняго фунта хлѣба.

Совсѣмъ иначе становится вопросъ при земельномъ владѣніи. Здѣсь, при тѣхъ же условіяхъ производства, вы не можете ни поднять, ни понизить цѣнъ на свои продукты. Въ этомъ случаѣ являются совершенно новыя обстоятельства, результатомъ которыхъ будетъ то, что называется рентой. Возьмемъ, напр., извѣстное количество земли, занятой уже владѣльцами. Земля эта, при извѣстномъ количествѣ труда, дастъ только извѣстное количество продуктовъ. Но вотъ народонаселеніе увеличилось, прежняго количества продуктовъ не достаетъ, и необходимость заставляетъ занять подъ земледѣліе новыя земли. Такъ какъ хорошіе сорта земли были уже заняты, то очевидно, что приходится занимать сорта менѣе сильные, это значитъ—такіе сорта, съ которыхъ полученіе продукта въ равномъ количествѣ съ землями хорошими возможно только при болѣе энергичномъ трудѣ и съ болѣе сильнымъ капиталомъ. Очевидно, что если одинаковое количество продуктовъ можно получить въ этихъ двухъ случаяхъ съ разными затратами силъ, то владѣлецъ лучшей земли имѣетъ на своей сторонѣ всю выгоду въ экономіи труда. Иначе сказать, владѣлецъ хорошей земли выигрываетъ въ повышеніи цѣны своихъ продуктовъ. Но вѣдь это повышеніе не было создано имъ самимъ: владѣлецъ не трудился болѣе энергично и не сдѣлалъ ровно никакихъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ. Слѣдовательно, ясно, что весь выигрышъ его происходитъ только отъ того, что онъ—владѣлецъ болѣе хорошей земли; этотъ выигрышъ или, правильнѣе, выгода права владѣнія землею называется рентой.

Второй сортъ земли, доставившей владѣльцамъ перваго сорта ренту, самъ своимъ владѣльцамъ приноситъ пока только такое количество произведеній, которое окупитъ лишь ихъ трудъ. Посѣявъ десять четвериковъ и получивъ 30, владѣлецъ второго сорта окупаетъ этимъ не больше, какъ свой трудъ, но ренты еще не имѣетъ. Но вотъ народонаселеніе снова увеличивается, прежнихъ продуктовъ опять не хватаетъ, и занимаются земли третьяго качества. Въ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты является немедленно перемѣна. Цѣна устанавливается по третьему сорту земли, и именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы ею окупались труды земледѣльца. А какъ на полученіе такого же количества продуктовъ со второго сорта земли требуется меньшій трудъ, то очевидно, что владѣлецъ ея начинаетъ немедленно пріобрѣтать новую выгоду, которой не имѣлъ, и которая создана ему владѣльцемъ третьяго сорта. Съ этого момента и владѣлецъ земли второго сорта начинаетъ получать ренту, т. е. выгоду только за то, что онъ—владѣлецъ. Такой порядокъ продолжается безконечно, пока не будетъ занята вся земля. Постоянно владѣльцы низшаго сорта получаютъ самое жалостное вознагражденіе за свой трудъ; постоянно только размѣромъ ихъ труда устанавливается цѣна сельскихъ продуктовъ, и постоянно владѣльцамъ высшихъ сортовъ земель достаются негаданныя выгоды, которыхъ они не имѣли, когда эти высшіе сорта были низшими.

Чтобы сдѣлать вопросъ о рентѣ болѣе понятнымъ, я взялъ примѣръ въ самой простѣйшей формѣ. Въ практикѣ однако вовсе не такъ легко разсмотрѣть съ одинаковою ясностью дѣйствіе закона ренты, подчиняющейся еще и разнымъ другимъ вліяніямъ. Это и было причиной того, что теорія ренты, установленная Рикардо, встрѣчала между экономистами противниковъ, силившихся оспорить ея истинность.

Въ нашемъ примѣрѣ играла роль равнокачественная почва въ своемъ естественномъ видѣ; но то же самое случается, если на обработку почвы низшаго качества будетъ употребленъ капиталъ. Напр., если на удовлетвореніе усилившихся потребностей, вмѣсто разработки почвы низшаго качества, будетъ употребленъ на усиленіе производительности прежней почвы усиленный денежный расходъ, то повторится то же самое явленіе. Но вложенный въ землю капиталъ, по разсчету высшаго размѣра улучшенія, дастъ результатовъ всетаки меньше, чѣмъ прежняя почва. Или, иначе сказать, двойное увеличеніе производительныхъ средствъ не дастъ двойной выгоды. Такимъ образомъ достигнутый результатъ будетъ совершенно такой, какъ еслибы была разработана почва второго сорта, ибо вложенный капиталъ принесетъ лишь не больше того, что далъ бы этотъ второй сортъ, а рентой будетъ только то, что дастъ сама по себѣ почва высшаго сорта. Напр., вы получаете съ извѣстнаго пространства земли 1.000 четвертей пшеницы. Для увеличившагося населенія этого количества недостаточно. Вы употребляете для усиленія производительности своей земли 1.000 рублей, которые однако дадутъ вамъ не 1.000, а только 800 четвертей хлѣба. Слѣдовательно, вашъ капиталъ, принесшій вамъ только проценты, разыгралъ не больше, какъ роль почвы второго сорта, ибо вы получили не 2.000 четвертей, а только 1.800, и 200 четвертей, составляющія разницу, будутъ рентой съ вашей земли; капиталъ же вамъ ренты никакой не дастъ.

Кромѣ фактора, о которомъ мы говорили, важную роль играютъ положеніе земли и всѣ тѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на повышеніе и пониженіе цѣны земледѣльческихъ продуктовъ. Предположите огромную площадь земли совершенно одинаковаго качества. Въ срединѣ этой земли созидается большой городъ или обширный рынокъ для сбыта сельскихъ произведеній. Обработка этой земли начнется, конечно, прежде всего съ участковъ, ближайшихъ къ городу или къ рынку, потому что расходы доставки произведеній гораздо меньше, чѣмъ съ участковъ болѣе отдаленныхъ. Но вотъ населеніе города усиливается, потребности его увеличиваются, и количество сельскихъ произведеній оказывается уже недостаточнымъ. Чтобы удовлетворить новой потребности, приступаютъ къ обработкѣ участковъ болѣе отдаленныхъ. Если прежде воздѣлывались земли, лежавшія въ двухъ-верстовомъ радіусѣ отъ города, теперь начнется обработка участковъ трехъ-верстового разстоянія, и обработка только этихъ участковъ опредѣлитъ размѣръ рыночной цѣны сельскихъ произведеній. Рыночныя цѣны, конечно, должны быть такого размѣра, чтобы окупить издержки болѣе отдаленныхъ участковъ. А какъ производительность отдаленныхъ участковъ усилена быть не можетъ, то возвысившаяся цѣна продуктовъ явится для владѣльцевъ ближайшихъ участковъ рентой. Съ этого момента владѣльцы ближайшихъ участковъ будутъ получать новую выгоду, благодаря исключительно болѣе счастливому положенію своихъ земель. Если и вторыхъ участковъ будетъ недостаточно для удовлетворенія потребностей города, то обрабатываются третьи, четвертые и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ самый отдаленный участокъ будетъ окупать издержки производства, принося ничтожную прибыль, а рента будетъ получаться только съ участковъ болѣе близкихъ.

Теперь предположимъ, что почва мѣстности неоднокачественная. Въ этомъ случаѣ можетъ повториться явленіе мѣстами и въ обратномъ порядкѣ. Напримѣръ, ближе къ городу лежитъ земля худшаго качества, а за нею земля лучшая. Такъ какъ для послѣдней издержки производства усиливаются болѣе дальней перевозкой, то, несмотря на свои лучшія качества, она дастъ доходъ низшій и по отношенію къ своему владѣльцу разыграетъ такую же роль, какъ еслибы онъ владѣлъ худшей почвой, но только ближе къ городу.

Издержки перевозки являются весьма могучимъ факторомъ, вліяющимъ на измѣненіе цѣнъ и на размѣръ ренты. Если въ какой нибудь глухой мѣстности явятся новые, болѣе удобные пути сообщенія, проростся каналъ, или придумается какой нибудь новый выгодный способъ доставки, то доходность разныхъ земель можетъ подвергнуться полнѣйшей революціи. Улучшенные пути сообщенія подѣйствуютъ также, какъ еслибы почва стала внезапно плодороднѣе. Цѣны поднимутся, и земли, не приносившія прежде ренты, начнутъ ее приносить. И здѣсь основаніемъ ренты послужитъ размѣръ затратъ на обработку участковъ, наименѣе выгодныхъ по своему положенію. Всѣ остальные подчиняются этому минимуму и, по отношенію къ нему, образуютъ максимумы разныхъ размѣровъ. Конечно, худшіе участки, но лежащіе ближе къ отдаленному рынку, соединенному съ каналомъ, могутъ дать больше, чѣмъ лучшіе участки, но лежащіе дальше. Разнокачественность почвы и всѣ издержки, устанавливающія цѣны на рынкѣ, будутъ вліять на размѣръ доходности того или другого участка, но сущность и законъ ренты останется тотъ же.

Еще поразительнѣе явленія ренты на земляхъ, служащихъ для построекъ. Цѣна ихъ обусловливается исключительно ихъ положеніемъ. Чѣмъ ближе мѣсто къ центру города, тѣмъ выше цѣна земли. А какъ подобныхъ, выгодно лежащихъ участковъ бываетъ немного, то владѣніе ими является совершенною монополіею. Домъ, выстроенный на выгодно лежащемъ участкѣ, даетъ огромныя выгоды благодаря исключительно своему положенію. До какого размѣра можетъ доходить рента подобныхъ участковъ, читатель увидитъ изъ слѣдующихъ цѣнъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, квадратный метръ земли на оживленной улицѣ стоитъ 250 франковъ. Въ Лондонѣ, въ Сити, квадратный футъ цѣнится въ 28 фунтовъ стерлинговъ. По расчету десятины это составитъ 23.049.600 рублей. Маркизъ Вестминстеръ, на землѣ котораго построена значительная часть Лондона, благодаря постепенному расширенію города, получаетъ до $2^1/_2$ милліоновъ руб. въ годъ дохода за землю подъ постройками.

Изложенныхъ выше фактовъ совершенно достаточно, чтобы убѣдить читателя въ чудовищной сущности экономическаго явленія, называемаго рентой. Какой талантъ, какой трудъ собственниковъ участковъ, лежащихъ въ Сити въ Лондонѣ, возвысилъ достоинство ихъ земель до цѣны въ 23 милл. руб. за десятину? Какимъ умственнымъ напряженіемъ или энергіей труда маркизъ Вестминстеръ достигъ того, что получаетъ въ годъ $2^1/_2$ милліона дохода? Читатель видитъ, что никто изъ нихъ не израсходовалъ ни золотника энергіи и ума, и всѣ выгодныя обстоятельства создались для владѣльцевъ земель, пользующихся рентой, благодаря исключительно увеличившемуся населенію и увеличившейся потребности. Первоначальные владѣльцы этихъ участковъ и ихъ потомки, не шевеля палецъ о палецъ, получали постоянно большій и большій доходъ, сваливавшійся на нихъ внезапно, какъ бы съ неба. Поэтому понятно, насколько налогъ на ренту является мѣрой общественно-справедливой, и какъ несправедливъ опять тотъ порядокъ вещей, при которомъ праздные владѣльцы рентъ, благодаря своему общественному положенію и вліянію, выговариваютъ въ свою пользу или полное освобожденіе отъ налога, или же несутъ самую ничтожную его часть, а всѣ тягости платежей сваливаютъ на дѣйствительныхъ тружениковъ.

Къ сожалѣнію, правильное опредѣленіе размѣра ренты въ каждомъ данномъ случаѣ не всегда такъ легко, какъ это кажется, въ особенности если владѣлецъ есть въ то же время и хозяинъ. Во многихъ случаяхъ бываетъ даже совершенно невозможно опредѣлить, какая доля даннаго дохода принадлежитъ труду, какая капиталу, и что составляетъ собственно ренту. Конечно, подобная трудность не можетъ служить поводомъ къ освобожденію ренты отъ налога, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы невѣрнымъ исчисленіемъ ренты причинилась маленькая несправедливость владѣльцу. Лучше быть несправедливымъ относительно имущаго, чѣмъ неимущаго.

Необходимость введенія поземельнаго налога на болѣе правильныхъ основаніяхъ, чѣмъ какъ это существовало до сихъ поръ, и желаніе привести разнообразные виды разнообразнаго налога къ болѣе уравнительному единству привели западную Европу къ мысли объ оцѣнкѣ земель, или къ такъ называемому кадастру. По теоретической сущности своей кадастръ, конечно, вещь хорошая. Опредѣляется точно доходъ съ земли во всѣхъ его мелочныхъ подробностяхъ, и затѣмъ съ каждаго владѣльца берется въ налогъ соотвѣтственная доля. Какъ ни плѣнительно все это въ теоріи, но на практикѣ выходитъ все это иначе. Прежде всего требуется произвести подробное измѣреніе земель и угодій, опредѣлить точно площадь каждаго отдѣльнаго участка, дающаго тотъ или другой доходъ; вычислить доходъ по урожаю; вычислить доходъ отъ разныхъ побочныхъ статей сельскаго хозяйства. Не говоря про огромный расходъ на подобную работу и про ея громадность, составляющіе довольно важное препятствіе, главное заключается всетаки въ невозможности совершенной точности выводовъ. Во Франціи кадастръ продолжался 50 лѣтъ и стоилъ правительству 200 милліоновъ франковъ, и несмотря на то результаты получились, во первыхъ, весьма приблизительные, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась такая неуравнительность выводовъ по департаментамъ, что вся работа потеряла свое значеніе. Если къ этому присоединить подвижность дохода, являющуюся вслѣдствіе улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, то теоретически правильный кадастръ окажется на практикѣ вещью невозможной. Напр., во время производства кадастра какой нибудь участокъ вычисляется, положимъ, какъ лѣсная площадь; но въ слѣдующемъ году владѣлецъ превращаетъ его въ пашню или, перемѣнивъ систему сѣвооборота или сдѣлавъ какія либо улучшенія, измѣнитъ совершенно доходъ своего имѣнія. А между тѣмъ кадастръ уже конченъ, размѣръ налога уже опредѣленъ. Какая является возможность слѣдить за всѣми измѣненіями сельскаго хозяйства въ такой огромной странѣ, какъ Франція? Кадастръ долженъ являться постоянной финансовой мѣрой; онъ долженъ слѣдить за всѣми измѣненіями въ доходности земель, провѣрять старые результаты новыми и измѣнять цифру налога. Не говоря уже про то, что расходы на содержаніе арміи землемѣровъ и кадастраторовъ лягутъ новымъ, весьма чувствительнымъ налогомъ на плательщиковъ, изъ-за чего, спрашивается, держать всю страну подъ постояннымъ надзоромъ кадастраторовъ и землемѣровъ, тревожить народъ вѣчными провѣрками и перевѣрками, чтобы достигнуть результатовъ весьма сомнительной точности и возбуждать неудовольствіе плательщиковъ неуравнительностью налагаемыхъ на нихъ налоговъ? Ужъ, конечно, проще замѣнить эту дорого стоящую и несправедливую мѣру чѣмъ либо другимъ, болѣе простымъ и дешевымъ. Чтобы не оставлять читателя въ невѣдѣніи относительно такой спасительной мѣры, я скажу ему теперь, что подобная мѣра заключается въ показаніи на совѣсть самого владѣльца при сосѣдяхъ.

Поземельный налогъ въ Россіи до сихъ поръ не былъ приведенъ въ стройную систему, и въ послѣднее время явились только попытки построить его на раціональныхъ основаніяхъ, выработанныхъ Западомъ. Первыя кадастровыя описанія начались у насъ еще въ XIII столѣтіи. Переписчиками описывались земли, и основаніемъ платежей служила доходность земель или, какъ говорилось въ грамотахъ,—народу платить по мірскому разрубу, по животамъ и промысламъ. Со временемъ русскія кадастровыя описанія выработались довольно подробно и систематически. При Иванѣ IV земли измѣрялись количествомъ получаемыхъ съ нихъ произведеній, пашни—четвертями, луга—копнами, лѣса—верстами. Если какія либо внѣшнія обстоятельства создавали перемѣны въ распредѣленіи населенія и въ доходности земель, то предпринимались новыя описи. Такимъ образомъ почти въ каждое царствованіе разсылались писцы и дозорщики, обязанностью которыхъ было привести въ извѣстность земли и доходы съ нихъ. Описанія эти обыкновенно бывали

далеки отъ истины и не удовлетворяли цѣлямъ правительства, потому что за всякимъ описаніемъ слѣдовали милліоны жалобъ на несправедливость писцовъ и на неуравнительность назначенныхъ ими платежей.

Съ Петра Великаго описаніе земель прекращается. И хотя въ началѣ своего царствованія Петръ было думалъ возобновить попытку описаній, но потомъ прежняя раскладка податей по землямъ и по дворамъ была замѣнена подушной податью (1718 г.). Главнымъ поводомъ къ введенію подушной подати было желаніе получить точнѣе и проще суммы, необходимыя на содержаніе войска. Ревизія и подушная подать положили сразу конецъ прежней возможности отдѣлаться отъ платежей. Первоначальный подушный окладъ былъ 80 копѣекъ съ души. Налогъ падалъ лишь на тѣхъ, кто пахалъ землю и производилъ промыслы и торговлю. Свободные люди, не имѣвшіе земель или торговыхъ и промышленныхъ заведеній, обязаны были приписаться къ селеніямъ или городамъ. Дворяне въ окладъ не вносились; но за то они обязаны были нести службу натурой. Если же дворянинъ въ полкъ не являлся, то записывался въ окладъ на своихъ помѣстныхъ земляхъ. Безпомѣстные дворяне должны были приписаться или къ городу, или къ селенію. Изъ духовенства освобождались отъ подати только лица, состоящія на штатныхъ мѣстахъ. Вообще Петръ обладалъ вѣрнымъ практическимъ взглядомъ на экономическую роль своихъ подданныхъ и не допускалъ ни исключеній, ни привилегій. У него всякій долженъ былъ платить или деньгами, или служить государству натурой. Кто не былъ приписанъ нигдѣ или, иначе сказать, не объявлялъ своего занятія и, такимъ образомъ, являлся безполезной податной единицей, тотъ назывался гулящимъ человѣкомъ и за свою безполезность ссылался на галеры.

Такимъ образомъ подушная подать Петра Великаго, возбудившая противъ себя въ свое время такъ много толковъ, да и нынче кажущаяся многимъ финансистамъ чудовищной несправедливостью, была въ сущности поземельной и промысловой податью.

Въ одно время съ подушной податью былъ введенъ дополнительный сборъ, уже исключительно душевой. Эти оба сбора подвергались постояннымъ повышеніямъ и сохранились до настоящаго времени.

Возможное уравненіе платежей согласно податной способности предпринималось нашимъ правительствомъ постоянно. Уже въ 1727 году была учреждена комиссія изъ разныхъ *знатныхъ* лицъ для приведенія въ систему податей. Комиссіи поручалось разсмотрѣть, какъ удобнѣе наложить сборъ: съ душъ ли, съ работниковъ ли, съ дворового числа, съ тяглъ или съ земли. Комиссія не сдѣлала ничего. При Екатеринѣ II вопросъ этотъ былъ поднятъ снова, но и опять не сдѣлали ничего. И на нашихъ глазахъ учреждались не разъ комиссіи для коренного пересмотра податей, но результаты, ими добытые, и принципы, ими установленные, пока еще неизвѣстны.

Нападки на нашу подушную подать нѣсколько преувеличены, въ томъ отношеніи, что платящая душа у насъ не больше, какъ финансовая единица, а вовсе не такая безтѣлесность, какъ думалъ Посошковъ, который увѣрялъ, что «въ счисленіи душевномъ не будетъ проку, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая, а надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя». Хотя у насъ и берется въ основаніе душа, но эта душа всегда представляетъ собою хозяйственную личность, болѣе или менѣе связанную съ землею. Платежъ, перечисляемый на души, производился въ сущности за земли. Крестьянинъ, не пользующійся участкомъ, не платилъ ничего. Тотъ, кто бралъ два тягла, и платилъ за два. Правительство, можетъ быть, и не выясняло этого вопроса, удовлетворяясь удобствомъ подушнаго разсчета; но народъ понималъ дѣло правильно и, дѣлая раскладку между собою, не обязывалъ платить за землю того, кто ею не пользовался.

То, что народъ организовалъ въ извѣстную систему и подвелъ подъ свою экономическую теорію, министерство графа Киселева хотѣло выразить въ предпринятомъ имъ кадастрѣ. То, что народъ дѣлалъ по селеніямъ, уравнивая платежи между односельцами, освобождая отъ нихъ бѣдныхъ и налагая усиленные платежи на болѣе богатыхъ, того самаго хотѣлъ достигнуть кадастръ по селеніямъ цѣлой губерніи. Крестьяне дѣлали у себя раскладку по душамъ, не выходя изъ общаго сбора, наложеннаго на всю губернію. Такимъ образомъ уравненіе денежныхъ сборовъ, введенное гр. Киселевымъ, было не больше, какъ обращеніе кадастра, существовавшаго всегда въ каждой деревнѣ. Разница между этими двумя кадастрами лишь въ томъ, что одинъ былъ шире и производился съ большими расходами, но въ то же время и помогалъ кадастру крестьянскому, когда крестьянамъ было невозможно собственными способами облегчить тягость своихъ налоговъ. Одинъ кадастръ былъ генеральный, другой—частный.

Русскій кадастръ потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и кадастръ французскій. Когда по полученіи кадастровыхъ оцѣнокъ оказалось, что податная способность губерній опредѣляется ими невѣрно, и что губерніи необходимо уравнять между собою, то сдѣлалось очевиднымъ, что результаты, достигнутые цѣною огромныхъ усилій и затратъ, совсѣмъ не такъ блистательны, какъ предполагалось первоначально. Но русское казенное управленіе оказалось отважнѣе французскаго. Французы отказались отъ всякой попытки уравнять налоги между департаментами, русскіе же кадастраторы надѣются, что имъ удастся то, что не удалось французамъ. Работы по уравненію сборовъ по губерніямъ произведены уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но насколько результаты ихъ удовлетворяютъ предположенной цѣли?

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Муравьева, прежнему кадастру былъ нанесенъ существенный ударъ, и инструкціею 1859 года установлены новыя осно-

ванія. По прежней инструкціи производилась только раскладка въ каждой губерніи заранѣе опредѣленнаго оклада; по новой же дѣлалось не уравненіе сборовъ, а оцѣнка земель, и опредѣлялся размѣръ оброчной платы на основаніи дѣйствительной стоимости и доходности угодій. По инструкціи 1859 г. оброчная плата за землю принимается равной четверти оцѣночнаго дохода. Чтобы не вышло ошибки, сумма вычисленнаго оброчнаго платежа повѣряется съ платою за наемъ поземельныхъ угодій въ той же мѣстности. Если окажется, что четверть оцѣночнаго дохода выше оброчныхъ цѣнъ, то она понижается; если же ниже, то повышается. Такимъ образомъ мысль гр. Муравьева заключается въ томъ, чтобы государственные крестьяне считались какъ бы арендаторами казенныхъ земель и платили за нихъ въ казну арендную плату, существующую въ ихъ мѣстности на земли, отдаваемыя въ наемъ. Вводя это новое основаніе, гр. Муравьевъ узаконялъ и уяснялъ юридически то, что прежде являлось или вопросомъ неяснымъ, или даже и вовсе не представлялось вопросомъ. Гр. Муравьевъ хотѣлъ сказать, что если освобожденные помѣщичьи крестьяне должны платить за право пользованія землею помѣщичьей, и если въ одномъ случаѣ является хозяиномъ помѣщикъ, то совершенно въ томъ же положеніи по отношенію къ государственнымъ имуществамъ находятся крестьяне государственные. Они—не хозяева той земли, на которой живутъ, а ея арендаторы, а, слѣдовательно, и должны платить въ казну арендную плату, которая по вычисленію кадастраторовъ равняется четверти чистаго крестьянскаго дохода.

Въ то же время начато производство кадастра на новыхъ основаніяхъ и приступлено въ видѣ опыта къ продажѣ крестьянамъ ихъ оброка на земли. Выкупная сумма опредѣлялась капитализаціей оброчной подати изъ 5%. Въ ноябрѣ 1866 года право выкупа распространено на всѣ губерніи. Сельскимъ обществамъ предоставляется право освобождаться отъ оброчной подати взносомъ процентныхъ бумагъ на такую сумму, проценты съ которой равняются суммѣ оброчной подати.

Этимъ способомъ, параллельно съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщичьихъ, положено начало личной собственности у крестьянъ государственныхъ. Въ какой степени будетъ успѣшно это дѣло, и какъ великъ долженъ быть каниталъ, потраченный крестьянами, чтобы превратить свое общинное владѣніе въ личное, попытаюсь опредѣлить хотя приблизительно.

Государственныхъ крестьянъ считается у насъ болѣе 10 милліоновъ. Четверть оцѣночнаго дохода, капитализація которой составляетъ выкупную сумму, можно принять, безъ большой ошибки, равною средней оброчной подати, которую бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ нынче помѣщикамъ, т. е. нѣсколько болѣе 8 рублей. Эти 8 рублей, помноженные на 10 милліоновъ, или на число душъ крестьянъ, дадутъ 80 милліоновъ, а капитализованные изъ 5% образуютъ почтенную цифру 1.600.000.000. Разсчетъ этотъ уже потому вѣренъ, что онъ ниже дѣйствительнаго, и при всемъ томъ цифра такъ велика, что едва ли есть основаніе предполагать, что при нынѣшнемъ размѣрѣ своей податной способности нашъ государственный крестьянинъ былъ бы въ состояніи отвѣтить призывно въ близкомъ будущемъ на мысль гр. Муравьева. По нѣкоторымъ уже имѣющимся основаніямъ мы можемъ даже опредѣлить приблизительно, какъ велико вѣроятіе скораго выкупа. Съ 1861 по 1866 г. выкуплено на этомъ основаніи въ 8 губерніяхъ 181.193 десятины на сумму 1.525.184 р. На этомъ основаніи выкупъ всей земли, или 53.128.654 десятинъ, можетъ совершиться только въ теченіе 175 лѣтъ. Очень можетъ быть, что, если крестьяне сдѣлаются богаче или проникнутся энергичнѣе мыслью сдѣлаться личными собственниками, то разсчетъ этотъ измѣнится. Но я бралъ въ основаніе тотъ размѣръ успѣха, который сопровождалъ мысль гр. Муравьева до сихъ поръ.

Чтобы проводимая мною мысль запечатлѣлась полнѣе въ представленіи читателя, я повторяю подобный же разсчетъ по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ. Ихъ считается тоже съ небольшимъ 10 милліоновъ, и если мы допустимъ, что успѣхъ выкупа будетъ у нихъ такой же, какъ у крестьянъ государственныхъ, то въ тотъ же срокъ они внесутъ такую же сумму, какъ и эти, и затѣмъ русское крестьянство, выплативъ въ теченіе 175 лѣтъ 3.200.000.000, превратится въ полныхъ собственниковъ занимаемой имъ земли.

Наши финансисты справедливо замѣчаютъ, что въ Россіи не существуетъ правильнаго поземельнаго налога, и въ выкупѣ крестьянами земли видятъ тотъ моментъ, когда назначеніе подобнаго налога сдѣлается возможнымъ. Но нельзя отрицать справедливость и другой мысли, можетъ быть, болѣе практичной. Три милліарда выкупа — сумма слишкомъ большая, а 175 лѣтъ—почти два вѣка, и гадать о такомъ отдаленномъ времени и свои нынѣшнія теоретическія умозаключенія выдавать, какъ конечный научный предѣлъ и какъ истину для людей, которые народятся черезъ два столѣтія,— едва ли практично: чтобы не вышла ужъ слишкомъ большая финансовая и экономическая чепуха.

Эту параллель между нашимъ земельнымъ вопросомъ и вопросомъ о землѣ за границей я привелъ нарочно для того, чтобы показать, насколько еще вопросъ этотъ у насъ не выяснился, не разработался самимъ ходомъ исторической жизни, и какъ мало еще основаній руководствоваться намъ въ своей внутренней экономической жизни юридическими теоріями западныхъ финансистовъ, которымъ мы усиливаемся слѣдовать черезчуръ упорно.

Перехожу къ другимъ видамъ налоговъ, имѣющимъ большую или меньшую связь съ нашей податной системой.

Я уже говорилъ, что система налоговъ въ западной Европѣ сложилась совершенно случайно. Требовались ли деньги на какую нибудь чрезвычайную надобность, а денегъ въ казначействѣ не доставало, и вотъ финансисты измышляли какой нибудь новый налогъ, рѣдко задумываясь о томъ,

какую онъ имѣетъ связь съ налогами, уже существующими. Такимъ образомъ одни налоги входили въ другіе, и получалась, наконецъ, та путаница, которую приходится распутывать нашему времени. Однимъ изъ подобныхъ налоговъ есть налогъ на промыслы.

Налогъ на промыслы явился въ Европѣ довольно поздно, потому что иначе онъ бы противорѣчилъ постоянно выражавшемуся стремленію Европы развивать свою собственную промышленность. Конечно, если финансовое управленіе имѣетъ задачей облагать налогомъ всякій доходъ, то нельзя исключить изъ него и промышленность. Но какъ только мы покончимъ съ теоретической стороной вопроса и обратимся къ практикѣ, то немедленно наталкиваемся на непреодолимыя трудности.

Чтобы опредѣлить размѣръ промысловаго налога, нужно знать размѣръ промысловаго дохода. Какимъ образомъ узнать этотъ доходъ, когда его не знаютъ часто и сами производители? Судить по внѣшнимъ признакамъ совершенно невозможно, ибо этихъ внѣшнихъ признаковъ совсѣмъ не существуетъ. Какимъ образомъ вы узнаете со стороны: въ убытокъ или въ выгоду себѣ дѣйствуетъ какой нибудь богатый купецъ или фабрикантъ? Еслибы это было возможно, то предвидѣлось бы всякое банкротство, и никто бы не ввѣрилъ своихъ денегъ людямъ, дѣла которыхъ пошли въ убытокъ.

Но у большихъ торговцевъ и производителей ведутся, по крайней мѣрѣ, книги, и такъ или иначе, но съ нѣкоторой приблизительностью можно все-таки опредѣлить размѣръ и выгоду ихъ дѣла. Ничего подобнаго не узнаешь у мелкаго ремесленника, потому что онъ и самъ не знаетъ, на сколько онъ производитъ въ годъ. Скапливаются въ его шкатулкѣ деньги, значитъ, дѣло идетъ ладно; денегъ нѣтъ,—значитъ, дѣло идетъ плохо. А сколько такихъ денегъ соберется, сколько ихъ уйдетъ на жизнь, ни одинъ мелкій производитель не можетъ опредѣлить съ точностью. Слѣдовательно, не допуская даже возможности обмана, трудность заключается въ собственномъ невѣдѣніи производителей.

Чтобы отстранить это затрудненіе, финансисты предлагали опредѣлить размѣръ промысловаго дохода по размѣру платы за наемъ помѣщенія. Но это основаніе уже слишкомъ шатко. Напримѣръ, трактирщикъ или содержатель харчевни, по сущности своего дѣла, долженъ имѣть большое помѣщеніе, ограничиваясь, можетъ быть, въ то же самое время самымъ ничтожнымъ доходомъ, тогда какъ ювелиръ или часовой мастеръ можетъ вести большое дѣло въ маленькомъ помѣщеніи. Размѣръ основного капитала помогаетъ точно также мало. Есть занятія, невозможныя безъ сравнительно большого основного капитала, какъ, напримѣръ, тѣ производства, гдѣ обрабатывается бо́льшая или меньшая масса желѣза. Въ то же время банкиръ можетъ производить милліонныя операціи безъ всякаго основного капитала.

И по числу рабочихъ можно судить съ такою же достовѣрностью о доходности промысловъ. У столяра, занятаго изготовленіемъ ящиковъ для какихъ нибудь пряниковъ или сластей, можетъ работать много рабочихъ, а доходъ будетъ малъ; а краснодеревецъ получитъ большой доходъ съ однимъ или двумя рабочими.

Но самое главное затрудненіе заключается въ томъ, что неизвѣстно, работаетъ ли промышленникъ на свой собственный капиталъ или въ кредитъ. Работая въ кредитъ, онъ изъ своего дохода долженъ выплатить, можетъ быть, большую часть въ видѣ процентовъ, а между тѣмъ его обложатъ такимъ же налогомъ, какъ и того, который ничего не платитъ.

Очевиднѣе всего нераціональность промысловой подати изъ ея практическаго примѣненія, доведеннаго въ нѣкоторыхъ странахъ до совершеннаго абсурда. Напримѣръ, въ Вюртембергѣ промысловая подать раздѣлена на 659 классовъ. Каждое ремесло, каждый промыселъ подраздѣленъ на множество категорій; а для каждой категоріи и въ каждой отдѣльной мѣстности назначенъ особенный налогъ. По истинѣ жаль тѣхъ бѣдняковъ чиновниковъ, которымъ приходится знать и распутывать всю эту чепуху, придуманную вюртембергскими учеными финансистами.

Есть еще одинъ налогъ, можетъ быть, лучшій изъ всего, что было до сихъ поръ придумано,—налогъ на доходы. Мысль этого налога принадлежитъ Вильяму Питу. Когда, во время наполеоновскихъ войнъ, военные расходы Англіи потребовали чрезвычайныхъ источниковъ, явился въ Англіи подоходный налогъ (income-tax). Каждый доходъ свыше 60 фунтовъ объявленъ подлежащимъ прогрессивному налогу 0,825 до 5%. Налогъ этотъ, возраставшій по мѣрѣ усиленія военныхъ расходовъ Англіи, не пользовался популярностью у мѣстнаго населенія, и потому, когда Наполеонъ былъ увезенъ на о-въ Елены, подоходный налогъ былъ отмѣненъ. А чтобы онъ не могъ быть введенъ снова, всѣ документы по распоряженію парламента были уничтожены. Несмотря однако на это спустя 25 лѣтъ налогъ этотъ былъ введенъ снова при отмѣнѣ прежнихъ хлѣбныхъ налоговъ.

Англійскій подоходный налогъ дѣлится на 5 категорій и падаетъ на всѣ виды недвижимой собственности, на доходы съ движимостей, на дивиденды, проценты съ капиталовъ, промышленный и коммерческій доходъ, наконецъ, на жалованье и пенсіи чиновниковъ.

Примѣръ Англіи нашелъ себѣ подражаніе между континентальными государствами, и съ тѣхъ поръ налогъ этотъ находитъ себѣ все болѣе и болѣе всеобщее примѣненіе. Несмотря однако на это и на кажущуюся справедливость основного принципа, подоходный налогъ, хотя и лучшій изъ остальныхъ, имѣетъ много недостатковъ.

Хотя въ основаніи этого налога лежитъ та мысль, что размѣръ дохода каждаго долженъ служить масштабомъ его податной способности, но несмотря на то большая разница въ томъ, какими путями пріобрѣтаются людьми одинаковые доходы. Возьмемъ, напримѣръ, мелкаго ремесленника, добывающаго упорнымъ трудомъ и среди всякихъ

крайнихъ лишеній 500 руб. дохода, и такіе же 500 руб. дохода, добываемые другимъ процентами на свой капиталъ. Съ того момента, какъ ремесленникъ перестанетъ трудиться, прекращается его доходъ. Человѣкъ же, живущій процентами со своего капитала, будетъ имѣть ихъ до самой смерти, не шевеля пальцъ о пальцъ. Если бѣдному труженику позволительно думать объ обезпеченіи своей старости, то, конечно, этимъ самымъ дается ему право дѣлать изъ своего дохода сбереженіе на черный день. А между тѣмъ и доходъ бѣднаго ремесленника, и доходъ капиталиста облагаются одинаковымъ налогомъ.

Еще рѣзче видна несправедливость подоходнаго налога изъ того, что онъ падаетъ на самый трудъ, на дѣятельность, и обходитъ покровительственно праздность и мертвый капиталъ. Человѣкъ, живущій дѣятельнымъ трудомъ, долженъ платить за то, что онъ трудится, и премія дается праздности. Этимъ путемъ преграждается всякое экономическое движеніе впередъ и поощряется ничего недѣланіе, ибо платитъ только производительная дѣятельность, а непроизводительная отъ платежа освобождена. Предположите богача, проживающаго свой капиталъ. Онъ будетъ избавленъ отъ подоходнаго налога въ ущербъ трудолюбивому человѣку, увеличивающему народный капиталъ. Такимъ образомъ налогъ на доходъ явится поощреніемъ праздности и роскоши и стѣсненіемъ полезной дѣятельности.

Подобное же возраженіе можно сдѣлать и противъ налога на доходъ.

Въ отдаленныя времена было совершенно справедливо высказывать мысль, что каждый долженъ платить государству по своимъ средствамъ. Но въ настоящее время такая мысль страдаетъ неясностью, ибо явилась разница между денежнымъ капиталомъ и собственностью другихъ видовъ.

Налогъ на капиталъ больше, чѣмъ на какіе либо другіе виды налога, вызвалъ разсужденій, споровъ и толковъ. Противники этого налога доказывали, что имъ уменьшается размѣръ народнаго имущества и уменьшается производительный капиталъ страны. Но противъ этого можно возразить, что налогъ на капиталъ, выплачиваемый кѣмъ либо, вовсе не опредѣляетъ способа платежа. Онъ можетъ быть выплачиваемъ изъ дохода, и весь вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы налогъ не поглощалъ всего дохода. Въ этомъ смыслѣ каждый налогъ составляетъ покушеніе на народный капиталъ.

Второе замѣчаніе, дѣлаемое противниками этого налога, заключается въ томъ, что онъ ложится на капиталъ, не приносящій дохода, и потому падаетъ не уравнительно. И прекрасно, этого-то именно и нужно. Если вамъ вздумается положить милліонъ въ алмазы и брилліанты, то спрашивается, почему только по этой причинѣ васъ слѣдуетъ освободить отъ платежа налога? Въ этомъ отношеніи налогъ на капиталъ представляетъ даже очевидную выгоду. Если, располагая большимъ капиталомъ, вы заведете у себя картинную галлерею, охотничьи парки и зимніе сады, а другой свой маленькій капиталецъ употребите на выгодное производство, то, конечно, васъ необходимо подвергнуть платежу, ибо этимъ самымъ поощрится полезная дѣятельность бѣдняка, и наложится узда на ваше безуміе. Въ этомъ отношеніи налогъ на капиталъ справедливѣе налога на доходъ. Налогъ на доходъ стѣсняетъ полезную дѣятельность, налогъ на капиталъ ее поощряетъ, ибо, если каждый извѣстный капиталъ будетъ обложенъ извѣстнымъ налогомъ, то тотъ, кто своею энергическою дѣятельностью значительно увеличитъ доходъ съ него, конечно, получитъ премію за свою дѣятельность. При налогѣ съ капитала увеличенный доходъ остается въ вашемъ распоряженіи; при налогѣ же съ дохода на каждую увеличившуюся его часть финансовое управленіе немедленно налагаетъ свою руку.

Несмотря на эти выгоды налога съ капитала, онъ не заслуживаетъ особенной похвалы, ибо исключаетъ изъ платежа многихъ, получающихъ большія средства, но въ же время не имѣющихъ капитала. Напримѣръ, какой нибудь маршалъ или министръ, получающій въ годъ тысячъ 50 содержанія, будетъ стоять внѣ этого налога, а ремесленникъ или чиновникъ, скопившій на старость капиталецъ, не больше, какъ спасающій его отъ голоду, обязанъ будетъ платить налогъ.

Другая невыгода заключается въ томъ, что размѣръ налога не опредѣляется производительной силой капитала. Два одинаковыхъ капитала могутъ давать разныя выгоды, благодаря исключительно разной энергіи ихъ владѣльцевъ. Наконецъ, наиболѣе важное неудобство налога на капиталъ заключается въ томъ, что онъ поощряетъ небережливость и мотовство. Люди будутъ стремиться не къ тому, чтобы увеличивать свое состояніе и употреблять его на прочное улучшеніе и украшеніе своей жизни, а, напротивъ, постараются растратить его возможно неразсудительнымъ и предосудительнымъ способомъ.

Этимъ я кончаю обзоръ тѣхъ налоговъ, которые зовутся обыкновенно прямыми, и перехожу теперь къ важнѣйшимъ и наиболѣе развитымъ и разнообразнымъ налогамъ, падающимъ на потребленіе. Налоги эти зовутъ косвенными.

XIII.

Характеристическая особенность налога на потребленіе заключается въ томъ, что онъ соотвѣтствуетъ не размѣру податной способности каждаго платящаго, а соразмѣряется исключительно съ потребленіемъ имъ извѣстныхъ предметовъ.

Въ бюджетахъ современныхъ государствъ налогъ на потребленіе играетъ первую роль и составляетъ нерѣдко болѣе 60% всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Такая значительная цифра не служитъ однако ни теоретической, ни практической рекомендаціей налога на потребленіе.

Конечно, еслибы налогъ на потребленіе могъ быть проведенъ послѣдовательно такъ, что, падая на все и на всѣхъ, въ соотвѣтственной равномѣрности, производилъ бы на всѣхъ одинаковое давле-

ніе, то возраженій противъ этого налога дѣлать было бы невозможно. Еслибы можно было сказать, что такой-то потребляетъ того-то въ 10 разъ больше, чѣмъ его сосѣдъ, слѣдовательно, и его податная способность въ 10 разъ больше, то неоспоримо, что налогъ на потребленіе былъ бы налогомъ справедливымъ. Но этого нѣтъ, и этого сказать нельзя. А сказать этого нельзя потому, что размѣръ потребленія не опредѣляетъ размѣра средствъ, а размѣръ средствъ не опредѣляетъ размѣра потребленія. Предположимте, что мы съ вами одинаково богатые люди и что тратимъ на жизнь одинаковое количество денегъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что мы употребимъ одинаковое количество предметовъ, обложенныхъ налогомъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что вы и я съѣдимъ одинаковое количество мяса, хлѣба, выпьемъ и выкуримъ одинаковое количество вина и табаку? Поэтому понятно, что налогъ на потребленіе, приведенный къ своей основной сущности, является налогомъ поголовнымъ, и поголовнымъ налогомъ въ самомъ несправедливомъ и худшемъ его видѣ.

Защитники налога на потребленіе говорятъ, что хорошая сторона его заключается въ его многообразіи; что этимъ многообразіемъ достигается, будто бы, уравнительность и справедливость, ибо сама собой устанавливается та равномѣрность тягости, по которой излишній платежъ на одинъ предметъ потребленія уравновѣшивается меньшимъ платежомъ на другой. Но разсуждать такимъ образомъ значитъ прямо заявлять свою неспособность построить сознательную, толковую систему налоговъ, и предоставлять случаю то, что должно быть рѣшено политико-экономической наукой.

Другая выгода, выставляемая защитниками налога на потребленіе, заключается, по ихъ увѣренію, въ томъ, что отъ самихъ плательщиковъ зависитъ платить или не платить извѣстный налогъ. Но я васъ попрошу, читатель, переселиться въ Парижъ и затѣмъ сказать, насколько, въ дѣйствительности, вы пользуетесь правомъ подобнаго свободнаго выбора. Въ Парижѣ обложено налогомъ рѣшительно все, кромѣ воздуха. Какимъ же образомъ вы можете устраниться отъ платежа, когда хлѣбъ, мясо, масло, чай, сахаръ, кофе и рѣшительно все съѣстное, привозимое въ городъ, обложено налогомъ? Очевидно, что подобная выгода существуетъ въ одномъ воображеніи защитниковъ.

Говорятъ еще, что выгоды налога на потребленіе заключаются въ томъ, что онъ выплачивается незамѣтно для плательщика. Это совершенно справедливо и потому-то особенно и прискорбно. Для человѣка, недостаточно знакомаго съ сущностью налога на потребленіе, совершенно темно, сколько онъ уплатитъ. Но вѣдь въ этомъ заключается не достоинство, а, напротивъ, недостатокъ косвенныхъ налоговъ. Почему именно требуется мракъ въ этой области, и почему финансистамъ нравится, когда всѣ, не исключая и ихъ самихъ, будутъ толкаться въ потемкахъ?

Говорятъ еще, что выгоды налога на потребленіе заключаются въ томъ, что каждый иностранецъ привлекается тоже къ платежу. Но почему, спрашивается, они должны платить косвеннымъ, а не прямымъ образомъ?

Всѣ эти выгоды въ сущности не больше, какъ невыгоды. Конечно, справедливо, что уплата налога мелочными дробями легче для народа, чѣмъ сразу крупными цифрами. Но и эта выгода слишкомъ ничтожна, ибо кто же мѣшаетъ большую сумму раздѣлить на мелкіе платежи? А между тѣмъ именно этотъ мелочный платежъ падаетъ особенной тягостью на народъ, ибо для надзора за правильностью поступленія косвенныхъ налоговъ требуется усиленная дѣятельность и, слѣдовательно, усиленный комплектъ надсмотрщиковъ, для которыхъ собирается жалованье съ тѣхъ же самыхъ плательщиковъ.

Наконецъ, пусть читатель обратитъ вниманіе на нравственное вліяніе этого налога. Если налогъ на потребленіе слишкомъ высокъ, то онъ вызываетъ немедленно контрабанду, поддѣлку и всякихъ видовъ обманъ, вредно дѣйствующій на нравственность и на здоровье потребителей.

Я разсмотрю теперь главные виды налога на потребленіе, придуманные финансистами западной Европы, и читатель убѣдится самъ, насколько все сказанное выше справедливо.

На Западѣ существуетъ еще и до сихъ поръ налогъ на хлѣбъ въ зернѣ, привозимый для размола. За мельниками смотрится строго, чтобы никто изъ нихъ не посмѣлъ принять ни одного зернышка, не оплаченнаго налогомъ. Понятно, что такой строгій надзоръ связываетъ всю хлѣбную торговлю. Еще вреднѣе дѣйствуетъ онъ на оплачивающую налогъ публику, ибо понятно, что ни одинъ мельникъ не захочетъ принять этого налога на себя, а постарается переложить его на покупателей. Булочники и мучные торговцы поступятъ точно также, какъ мельникъ, и къ потребителямъ печенаго хлѣба налогъ этотъ перейдетъ въ видѣ хлѣбнаго налога. Ясно, что налогъ на зерно является настоящимъ поголовнымъ налогомъ,—налогомъ тѣмъ болѣе несправедливымъ, что онъ ложится всею своею тягостью на бѣдныхъ. Въ хозяйствѣ бѣдняковъ хлѣбъ играетъ главную роль, въ хозяйствѣ богачей—послѣднюю. Понятно, что бѣдный по отношенію къ богатому выплатитъ несоразмѣрно большую часть налога именно на такой предметъ, лишеніе котораго для него равносильно голоду. Напримѣръ, богатый, проживающій по отношенію къ бѣдному въ 1.000 разъ больше, не съѣдаетъ еще оттого въ 1.000 разъ больше хлѣба; слѣдовательно, и налогъ на хлѣбъ для богача является совершенно ничтожной тягостью, а на бѣдняка или на нищаго, питающагося исключительно хлѣбомъ, онъ ложится тягостью вполнѣ несоразмѣрной.

Если притомъ обратить еще вниманіе на необходимость строгаго надзора за точнымъ соблюденіемъ торговцами и промышленниками установленныхъ правилъ, и что для этого каждая мѣстность должна быть оцѣплена стражей, то тягость подобнаго налога является зломъ вполнѣ грандіознымъ. Приведу въ примѣръ хотя бы Парижъ. Городъ обнесенъ

стѣной; ворота только мѣстами: у воротъ—досмотрщики. Не будь стѣны, каждый въѣзжалъ бы прямо въ ту улицу, какая ему нужна; теперь же необходимо дѣлать кругъ и въѣзжать непремѣнно въ извѣстныя ворота. Въ этихъ воротахъ васъ останавливаютъ; обшаривая вашъ экипажъ, осматриваютъ всѣ ваши вещи и, будь вы даже просто путешественникъ съ небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ, вашего мѣшка въ покоѣ не оставятъ, а съ назойливымъ усердіемъ разсмотрятъ все его содержаніе, чтобы опредѣлить, не скрывается ли въ немъ мясо, мука или что нибудь подобное. Не знаю, какъ нынче, но нѣсколько лѣтъ назадъ путешественниковъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ по желѣзной дорогѣ, подвергали самому тщательному надзору, осматривали всѣ ихъ мѣшки и чемоданы, какъ будто бы было какое нибудь разумное основаніе подозрѣвать, что путешественникъ, ѣдущій изъ Германіи во Францію, везетъ съ собою говядину или колбасу. Чего стоитъ содержаніе подобнаго надзора, и чего стоитъ безполезное задерживаніе и безпокойство проѣзжающихъ!

Другой предметъ потребленія, подлежащій налогу и, можетъ быть, не менѣе важный, чѣмъ хлѣбъ, есть говядина. Налогъ на мясо есть средневѣковое изобрѣтеніе. Но что находило себѣ оправданіе въ XVI или XVII столѣтіяхъ, совершенно неумѣстно въ XIX. Нынче, при развитіи промышленности и торговли, всякіе барьеры и заставы являются мѣрами черезчуръ убыточными, чтобы можно было ихъ защищать. Въ наше время сношенія не только между отдѣльными государствами, но даже между отдѣльными частями свѣта гораздо сильнѣе, чѣмъ были въ средніе вѣка сношенія между двумя рядомъ лежащими городами.

Но, кромѣ этого общаго зла, налогъ на говядину имѣетъ свои частныя невыгоды. Въ сельскихъ мѣстностяхъ его нѣтъ, а существуетъ онъ лишь въ городахъ. Почему же, спрашивается, городскіе жители должны платить за говядину гораздо дороже, чѣмъ сельскіе? Далѣе, налогъ на мясо ложится всею своею тягостью лишь на дешевые сортименты. Отъ него освобождаются свинина и дичь четвероногая и пернатая. Слѣдовательно, налогъ этотъ несутъ не тѣ господа, которые услаждаютъ свой вкусъ разными рагу и сыромъ изъ дичи, а тѣ, кто ѣстъ простое воловье мясо, т. е. какъ разъ промышленно-рабочее населеніе, нуждающееся по преимуществу въ сытной, питательной пищѣ.

Что же касается до трудности надзора и издержекъ собиранія налога, то они виднѣе всего изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Саксоніи налогъ на бойни даетъ 420.000 талеровъ валового дохода, расходъ же взиманія — 126.000 талеровъ. Слѣдовательно, въ государственное казначейство поступаетъ лишь 294.000 талер., и потребители должны заплатить совершенно даромъ 126.000 тал. или 43%.

Налогъ на соль такое же старинное изобрѣтеніе, какъ и налогъ на говядину. Но разница между ними та, что безъ говядины прожить можно, а безъ соли нельзя. Отъ говядины можно еще отказаться въ извѣстной степени; хлѣбъ, обложенный налогомъ, можно замѣнить, пожалуй, картофелемъ; но соль замѣнить ничѣмъ нельзя: человѣкъ ее ѣсть *долженъ*. Поэтому налогъ на соль есть истинный поголовный налогъ.

Сравнивая богатаго съ бѣднымъ, мы видимъ, что въ кухнѣ перваго соль вовсе не играетъ такой важной роли, ибо замѣняется частью, а иногда даже и въ значительной степени, разными пряностями. Въ кухнѣ же простолюдина, гдѣ кромѣ хлѣба и картофеля нѣтъ иногда ничего, соль составляетъ существенную, незамѣнимую принадлежность. Поэтому налогъ на соль, заставляющій уменьшать потребленіе, является прямымъ источникомъ бѣдности.

Кромѣ домашней жизни, соль есть необходимый предметъ во многихъ производствахъ, напр., при изготовленіи соляной кислоты и соды, и въ такой же степени необходима она въ сельскомъ хозяйствѣ. Если налогъ на соль возвышаетъ ея цѣну, то очевидно, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уменьшаетъ и ея потребленіе, и это подтверждается вполнѣ слѣдующими цифрами. Въ Англіи на каждаго человѣка приходится 40 фунтовъ, во Франціи — отъ 22 до 30 ф., въ Германіи же отъ 14 до 20 фунтовъ. И еслибы налогъ на соль поступалъ въ своемъ полномъ количествѣ въ государственное казначейство, то, при всей его тягости, его бы можно было если и не оправдывать, то, по крайней мѣрѣ, терпѣть съ грѣхомъ пополамъ. Но, спрашивается, за что народъ долженъ платить вдвое на расходы взиманія? Напр., во Франціи, изъ 40 милліоновъ валового дохода, 10 милліоновъ франковъ составляютъ расходъ взиманія; въ Пруссіи изъ 10 милліоновъ талеровъ—$3^1/_2$ расходъ взиманія; въ другихъ государствахъ отношеніе еще хуже.

Я уже упоминалъ, что количество потребленія соли зависитъ прямо отъ размѣра налога, и чѣмъ меньше налогъ, тѣмъ больше потребленіе; поэтому наибольшее количество соли потребляется въ Англіи, гдѣ нѣтъ налога, а наименьшее въ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ существуетъ самый большой налогъ.

Послѣ того, что было говорено о зловредности налога на предметы такой существенной необходимости, какъ хлѣбъ, мясо и соль, налогъ на вино и табакъ можетъ казаться зломъ меньшимъ; но меньшее зло оттого, что оно мало, не становится еще добромъ.

Конечно, если вино потребляется въ огромномъ количествѣ и безъ мѣры, то оно перестаетъ быть предметомъ необходимости, а дѣлается предметомъ роскоши. Но это замѣчаніе не можетъ никакъ относиться къ простонародью. Для рабочаго человѣка, особенно питающагося недостаточно питательной и здоровой пищей, вино составляетъ прямую необходимость. И вообще замѣчено, что тѣ пьютъ больше вина, кто занятъ болѣе тяжелой работой. Поэтому главнымъ потребителемъ вина является бѣдное рабочее населеніе.

Что же мы замѣчаемъ въ налогѣ? А замѣчаемъ мы то, что онъ падаетъ равномѣрно на всѣ сорта винъ не по ихъ качеству, а по объему сосудовъ, и такимъ образомъ, чѣмъ вино дороже, тѣмъ оплачи-

ваетъ оно меньшую подать, а чѣмъ дешевле, тѣмъ платитъ больше.

Дороговизна вина, являющаяся слѣдствіемъ налога, ведетъ къ тому, что винные торговцы придумываютъ всякія плутни и подмѣси, и потребителямъ, вмѣсто чистаго вина, даются искусственные винообразные напитки. Кромѣ того, необходимость надзора ведетъ къ постоянному, вѣчному вмѣшательству полицейскихъ и другихъ досмотрщиковъ, и ни трактирщикамъ, ни виноторговцамъ, ни изготовителямъ вина не только не даютъ покою, но, напротивъ, держатъ ихъ въ вѣчномъ страхѣ внезапнаго осмотра.

Все, что я говорилъ о налогѣ на вино, примѣняется вполнѣ и къ налогу на водку. Налогъ на водку считается однимъ изъ наиболѣе удобныхъ и выгодныхъ налоговъ, во-первыхъ, по размѣру потребленія, а во-вторыхъ, какъ выражаются финансисты, потому, что ни одинъ предметъ не можетъ такъ легко нести налога, какъ водка. Говоря понятнѣе, это значитъ, что наложи налогъ на водку въ 10 разъ больше того, что она сама стоитъ, ее всетаки пить будутъ. И надобно согласиться, что финансисты, затрудняющіеся въ отысканіи источниковъ государственныхъ доходовъ, правы, если кромѣ водки у нихъ нѣтъ въ виду другого источника.

Тѣмъ не менѣе налогъ на водку, хотя и въ меньшей степени, но не лишенъ тѣхъ невыгодныхъ сторонъ, о которыхъ говорилось ранѣе. Во-первыхъ, размѣръ потребленія вина каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ зависитъ отъ его сложенія, образа жизни, занятій, даже отъ качества одежды. Поэтому очевидно, что если я пью больше водки, чѣмъ вы, по условіямъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ живу и дѣйствую, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы моя податная способность была больше вашей. За что же я плачу больше, чѣмъ вы? Очевидно, только за то, что по обстоятельствамъ, отъ меня нисколько не зависящимъ, я нуждаюсь больше въ напиткѣ, дѣйствующемъ возбудительно на мои нервы. Это будетъ также справедливо, какъ заставить меня платить больше за хлѣбъ и за говядину, чѣмъ васъ, потому только, что я больше и сильнѣе васъ и больше работаю.

Но защитники налога на спиртуозные напитки, которымъ очень хорошо извѣстно, что налогъ на нихъ имѣетъ совершенно тѣ же недостатки, какъ и вообще всѣ налоги на потребленіе, увѣряютъ, что онъ имѣетъ нравственно-воспитательное значеніе. Замѣчаніе это было бы, конечно, справедливо, еслибы не отличалось двумя существенными недостатками: дѣтской наивностью и невѣдѣніемъ исторіи. Пусть защитники заглянутъ въ самихъ себя и скажутъ съ полной откровенностью, что имѣло вліяніе на направленіе ихъ склонностей и привычекъ, и возможно ли измѣнить то и другое внѣшними вліяніями и съ такою быстротой, какъ они думаютъ перевоспитывать пьющихъ людей? Если защитникамъ не захочется заглядывать въ самихъ себя, то пусть они обратятъ вниманіе на факты исторіи. Они увидятъ, что характеръ и наклонности народа нельзя измѣнять мгновенно внѣшними принудительными мѣрами, а тѣмъ болѣе системою налоговъ. Прочныя вліянія достигаются прочными перемѣнами въ бытѣ народа и измѣненіемъ обстоятельствъ, заставляющихъ поступать его именно такъ, а не иначе.

Кромѣ того, высокій налогъ на водку нельзя признать достигающимъ цѣли еще и потому, что цѣна водки опредѣляется не налогомъ, а расходами производства. Налогъ можетъ повышать цѣну только временно. Если вздорожавшій напитокъ найдетъ меньше потребителей, то это прежде всего невыгодно самимъ производителямъ. Они, конечно, постараются придумать средство для удешевленія производства и для пониженія поэтому цѣны на вино. Вслѣдъ за пониженіемъ цѣны увеличится потребленіе, и пьянство, которое хотѣли обуздать финансисты, достигнетъ снова своего уровня.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы пьянство вообще не существовало въ простонародьѣ. Но это пьянство нисколько не меньше того, которому предаются люди другихъ сословій. Здѣсь зло, если оно дѣйствительно зло, — общее. Но нельзя также отрицать и того, что злоупотребленіе спиртуозными напитками не есть болѣзнь поголовная. Пьянство будетъ и въ томъ случаѣ, если водка станетъ продаваться изъ аптекъ, и никакой налогъ не научитъ пьяницъ трезвости. Но если налогъ безсиленъ противъ пьяницъ, то зачѣмъ обременять имъ не пьяницъ, т. е. людей, для которыхъ употребленіе вина составляетъ существенно-необходимую потребность.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія еще и на то, что винокуренное производство есть отрасль сельскаго хозяйства, что оно открываетъ сбытъ зерну въ болѣе выгодной его обработкѣ, что, наконецъ, барда служитъ чрезвычайно выгоднымъ суррогатомъ при откармливаніи скота.

Всѣхъ этихъ обстоятельствъ совершенно достаточно для уясненія той основной идеи, что налогъ на вино не соотвѣтствуетъ вполнѣ ни одной изъ тѣхъ цѣлей, для достиженія которыхъ его устанавливаютъ. Впрочемъ, это — общее свойство всѣхъ налоговъ на потребленіе. Правда, денежные результаты, ими достигаемые, блистательны, но вовсе не такъ блистательны умозаключенія финансистовъ и нравственныя и экономическія вліянія этихъ налоговъ на потребителей вообще, а на простонародье въ особенности.

Налоги на потребленіе имѣютъ еще и другую вредную сторону, потому что даютъ промышленности извѣстнаго народа искусственное, тепличное направленіе. Лучшимъ примѣромъ этого служитъ созданное Наполеономъ I свеклосахарное производство. Во Франціи до Наполеона приготовленіе сахара изъ свекловицы было не больше, какъ лабораторнымъ дѣломъ, вродѣ нынѣшняго приготовленія алюминія. Когда Наполеонъ континентальной системой заперъ доставку во Францію колоніальныхъ товаровъ, пришлось, по необходимости, обратить вниманіе на приготовленіе сахара въ большихъ размѣрахъ. Послѣ свержѳнія Наполеона во Франціи считалось 200 сахарныхъ фабрикъ, производившихъ 7 милліоновъ фунтовъ сахару. Несмотря на

такое, повидимому, сильное развитіе сахарнаго производства, оно не было въ состояніи существовать безъ покровительственной системы. А система эта была до того энергична и послѣдовательна, что въ 1831 году Франція приготовляла уже 24 милліона фунтовъ сахара. Когда производство достигло этого размѣра, финансисты сообразили, что было бы не худо обложить его налогомъ. Сначала налогъ былъ довольно умѣренный, не больше 5 франковъ на центнеръ; въ настоящее же время онъ достигъ уже $17^1/_2$ франковъ. Несмотря, однако, на это, несмотря и на пошлину на колоніальный сахаръ, послѣдняго ввозилось ежегодно до 150 милл. фунт.; а въ 1858 г., когда была понижена ввозная пошлина, колоніальнаго и иностраннаго сахару было доставлено во Францію 384 милліона фунтовъ.

То же самое приходится сказать объ остальныхъ континентальныхъ государствахъ. Вездѣ свеклосахарное производство есть искусственное созданіе, и вездѣ оно идетъ въ убытокъ народу. Въ Германіи, напр., налогъ на колоніальный сахаръ на 50% выше налога на сахаръ внутренняго приготовленія. Только одна Англія не держалась примѣра континентальныхъ государствъ и не создавала у себя искусственнаго сахарнаго производства. Оттого въ Англіи нѣтъ ни одного свеклосахарнаго завода, и сахаръ достается англичанамъ дешевле, чѣмъ какому либо другому европейскому народу.

Въ искусственности, ведущей къ возвышенію цѣны предмета, именно и заключается все зло этой системы. Для того, чтобы поддержать производство, созданное изъ побужденій такого свойства, какъ наполеоновская континентальная система, или же изъ побужденій аристократическаго характера, которымъ слѣдуетъ приписать введеніе свекловичнаго сахарнаго производства въ другихъ государствахъ, народамъ приходится покупать необычайно дорогою цѣной сахаръ и ограничивать себя въ его потребленіи. Что такое сахаръ? Предметъ роскоши или необходимости? Если онъ даже и предметъ роскоши, то налогъ на него всетаки не достигаетъ своей цѣли; а если онъ предметъ необходимости, то налогъ на него оказывается еще болѣе нераціональнымъ. Сахаръ необходимъ для человѣческаго организма и не можетъ быть замѣнимъ суррогатами. Сахаръ важенъ еще и потому, что онъ служитъ необходимымъ, неизбѣжнымъ предметомъ при употребленіи чая и кофе. Наконецъ, чтобы быть послѣдовательными, финансистамъ, такъ нѣжно заботящимся о народной нравственности, нужно было бы обратить вниманіе еще и на то, что если они желаютъ отучить народъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, то имъ нужно поощрять употребленіе чая, которое безъ сахара невозможно. Филантропы такъ и поступали. Отклоняя народъ отъ водки, они взамѣнъ ея предлагали чай. Финансисты же, какъ нарочно, хотятъ ограничить всѣ рѣшительно потребности народа и, ограничивая ихъ, дѣйствуютъ въ ущербъ своей собственной системѣ. Поощреніе сахара внутренняго приготовленія даетъ капиталамъ страны невѣрное направленіе. Въ то же время необходимо налагать высокую пошлину на сахаръ колоніальный и поднимать цѣну на него лишь для того, чтобы на счетъ всей страны наживались домашніе производители. Дороговизна сахара отражается немедленно на потребленіи и ведетъ къ уменьшенію доходовъ. Въ германскомъ таможенномъ союзѣ налогъ на свекловичный сахаръ составляетъ 28%, а пошлина на привозный—45%. А это значитъ, что потребитель вмѣсто 7 коп. за фунтъ платитъ 15.

Конечно, налогъ на сахаръ не такъ вреденъ, какъ налогъ на мясо и хлѣбъ. Сахаръ не служитъ предметомъ безусловной необходимости, и если государству не представляется другого источника, болѣе выгоднаго, какъ налогъ на сахаръ, то при нынѣшней финансовой системѣ налогъ этотъ составляетъ еще явленіе довольно терпимое; тѣмъ не менѣе государства европейскія терпятъ отъ ошибки геніальнаго Наполеона, создавшаго искусственную свеклосахарную промышленность и возбудившаго обезьянство другихъ государствъ. Прямая экономическая выгода каждой страны—въ томъ, чтобы въ ней не существовало искусственныхъ, тепличныхъ производствъ. Умѣренный, исключительно съ финансовой цѣлью, налогъ на ввозный сахаръ такъ расширитъ его употребленіе и доставитъ такой доходъ государству, какого никогда не доставитъ налогъ на свой собственный свекловичный сахаръ и высокая пошлина на колоніальный.

Въ ближайшей связи съ налогомъ на сахаръ находятся пошлины таможенныя. Также, какъ въ сахарномъ производствѣ, онѣ преслѣдуютъ двѣ цѣли: покровительство внутреннихъ фабрикантовъ и полученіе доходовъ. Въ послѣднемъ случаѣ таможенныя пошлины составляютъ не больше, какъ налогъ на потребленіе. Разница ихъ отъ налога на вино, мясо, муку, табакъ—въ томъ, что эти налоги падаютъ на предметы потребленія внутренняго производства, а таможенные—на предметы потребленія производства иностраннаго. Налогъ на ввозимые предметы, возвышая ихъ цѣну, немедленно подавляетъ ихъ потребленіе, и цѣна этихъ предметовъ возвышается на величину налога.

Главная невыгода подобнаго возвышенія заключается въ томъ, что вздорожавшій предметъ беретъ отъ народа неизмѣримо большую сумму, чѣмъ какая достается государству. Предположимъ, что пошлина падаетъ на ввозный хлѣбъ, что этого хлѣба привозится одинъ милліонъ четвертей, и что, кромѣ того, страна производитъ своего собственнаго хлѣба 50 милліоновъ. Въ казну поступитъ лишь пошлина за милліонъ четвертей ввезеннаго хлѣба, положимъ, по 10 копѣекъ съ четверти. А между тѣмъ и весь остальной хлѣбъ, потребляемый въ странѣ, поднимется въ каждой четверти тоже на 10 копѣекъ. Слѣдовательно, финансовое управленіе получитъ доходу только 100.000, а народъ заплатитъ за хлѣбъ лишняго 5 милліоновъ рублей, которые всѣ разойдутся по рукамъ торговцевъ, а правительству изъ нихъ не достанется ни копѣйки.

Подобнымъ образомъ таможенный налогъ вліяетъ на цѣны всѣхъ предметовъ, которые производятся частью въ странѣ. Всѣ они дорожаютъ въ

несоразмѣрной пропорціи съ тѣмъ ничтожнымъ доходомъ, который доставляютъ таможенному фиску.

Если таможенная пошлина падаетъ на предметъ, вовсе не производимый страной, то являются другія неудобства. Большая или меньшая недоступность предмета ведетъ къ подмѣсямъ и обманамъ, къ торговому плутовству и къ контрабандѣ. Вредъ подобныхъ пошлинъ замѣтнѣе всего на винѣ и на колоніальныхъ товарахъ.

Раціональная финансовая политика требуетъ, чтобы таможенныя пошлины падали только на такіе предметы, которые поступаютъ на немедленное потребленіе. Пошлина на сырье, требуя продолжительной затраты капитала, выплаченнаго впередъ, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на дальнѣйшую ихъ обработку. Но и въ предметахъ немедленнаго потребленія пошлины должны быть настолько умѣренны, чтобы онѣ не вели ни къ контрабандѣ, ни къ поддѣлкамъ, и чтобы онѣ не заставляли народъ, за невозможностью удовлетворенія своихъ потребностей предметомъ настоящимъ, набрасываться на его суррогатъ. Все это, конечно, только въ томъ случаѣ, если финанисты считаютъ невозможнымъ отказаться отъ таможенныхъ доходовъ. Если же смотрѣть на таможенный доходъ съ современнаго уровня экономическихъ знаній, то нельзя не признать его началомъ, для всякой страны убыточнымъ.

Даже и остальные финансисты приходятъ къ тому убѣжденію, что покровительственная система идетъ каждому народу въ убытокъ. Число защитниковъ національной экономической независимости становится теперь все менѣе и менѣе, и едва ли изъ нихъ найдется такой, у котораго достало бы рѣшимости утверждать, что для Пруссіи необходимо разводить свой собственный чай и кофе, и что слѣдуетъ освободиться вполнѣ отъ Китая. Всякая страна, ограждающая себя покровительственной системой, наноситъ вредъ, прежде всего, сама себѣ. Зачѣмъ намъ покупать по дорогой цѣнѣ свое собственное, когда намъ выгодно покупать чужое, привозное? Зачѣмъ, если къ намъ могутъ придти дешевыя вещи, мы силой изгонимъ отъ себя дешевыхъ продавцовъ, чтобы покупать свое собственное дорогое? Самопожертвованіе непостижимое, существующее только потому, что люди недостаточно понимаютъ то, что они дѣлаютъ. И хотя бы мѣра эта вела къ тому, чтобы собственныя издѣлія становились лучше и дешевле; но и этого быть не можетъ. Зачѣмъ я стану изготовлять лучше и дешевле, если продамъ и худое? Очевидно, что покровительственныя пошлины даютъ всей внутренней промышленности монопольный характеръ; даютъ выгоду немногимъ производителямъ на счетъ всего народа, обязаннаго платить имъ дорого за худое.

Изъ спеціальнаго изложенія отдѣльныхъ видовъ налоговъ на потребленіе читатель видѣлъ, что они падаютъ тяжестью несоразмѣрной на людей бѣдныхъ. Эта неуравнительность будетъ виднѣе изъ слѣдующаго сопоставленія расходовъ людей богатыхъ и бѣдныхъ. Пфейферъ, для болѣе убѣдительнаго указанія разницы этихъ расходовъ, составилъ довольно подробную таблицу того, что проживаютъ богатые и бѣдные. Въ основаніе сравненія онъ беретъ домашній расходъ одного высокопоставленнаго сановника, проживающаго въ годъ 25.000 талеровъ; банкира, проживающаго 17.000 талеровъ, держащаго своихъ лошадей и ведущаго жизнь вообще роскошную; состоятельнаго купца, живущаго хотя и умѣренно, но расходующаго на домъ 2.000 талеровъ; чиновника, проживающаго 900 талеровъ, наконецъ, рабочаго, добывающаго 300 талеровъ. Вотъ что оказывается изъ сравненія. Сановникъ расходуетъ на квартиру 2.000 талеровъ, что составляетъ 8% всего его расхода. Всѣ остальныя лица платятъ за квартиру въ уменьшающейся прогрессіи, но въ пропорціи увеличивающейся къ ихъ общему расходу. Такъ что рабочій изъ своихъ 300 талеровъ платитъ за квартиру 57 талеровъ, составляющихъ 19% или относительно въ $2^1/_2$ раза дороже сановника. На муку и хлѣбъ сановникъ тратитъ въ годъ 325 талеровъ или $1^1/_3$% всего своего расхода. Такой же процентъ составляетъ расходъ на хлѣбъ и въ хозяйствѣ банкира. Затѣмъ процентъ этотъ постепенно возрастаетъ, и расходъ рабочаго составляетъ 52 тал. или $17^1/_3$%. Такимъ образомъ рабочій тратитъ на хлѣбъ слишкомъ въ 13 разъ болѣе сановника. Чтобы расходъ сановника привести въ равновѣсіе съ расходомъ работника, нужно, чтобы сановникъ, вмѣсто 325 тал., тратилъ на хлѣбъ 4.355 тал. На говядину сановникъ тратитъ 1.175 тал. или 4,7%; банкиръ 4,9%; остальные постепенно больше; а рабочій расходуетъ на нее 45 тал. или 25%. На дичь и рыбу сановникъ расходуетъ 3,6%; банкиръ 2,2%; купецъ только 0,7%; а чиновникъ и рабочій ни копѣйки. На сахаръ сановникъ тратитъ 90 тал. или 0,4%; рабочій только 5 тал., составляющихъ 1,8%. На чай, кофе, шоколадъ расходъ сановника 124 тал. или 0,5%, расходъ же рабочаго $5^1/_2$ тал. или 1,7%. 760 тал., расходуемые сановникомъ на вино, пиво, водку, составляютъ только 3,4% всего его расхода, а жалостные 48 тал., расходуемые на тотъ же предметъ рабочимъ, составляютъ 16%. Пфейферъ замѣчаетъ, что расходъ на вино рабочаго, кажется, преувеличенъ. Любопытно, что 110 тал., расходуемые сановникомъ на табакъ и сигары, составляютъ лишь 0,5%, а 6 тал. на тотъ же предметъ рабочаго — 2%. Сравненіе это относилось только до предметовъ первой необходимости. Что же касается до удовольствій, напримѣръ, театры, концерты, то сановникъ тратитъ на нихъ въ годъ 1.000 тал., чиновникъ 5 тал., а рабочій ничего. На поѣздки и путешествія сановникъ расходуетъ 6.500 тал., а чиновникъ и рабочій опять ничего. На одежду сановникъ тратитъ 4.000 тал., составляющихъ 16%, а рабочій 28 тал., составляющихъ 9,3%.

Разсчетъ этотъ, сдѣланный для Германіи или, правильнѣе, для Берлина, оказался совершенно вѣрнымъ и для Франціи, т. е. для Парижа. Слѣдовательно, не дѣлая никакой ошибки и основываясь на очевидности, можно сказать, что онъ оправды-

вается повсюду и окажется вполнѣ вѣрнымъ и для насъ. Можетъ быть, у насъ пропорція получится еще болѣе рѣзкая, ибо говядина въ быту русскаго рабочаго играетъ роль далеко меньшую, чѣмъ въ быту рабочаго нѣмецкаго.

Несоразмѣрно, относительно, большіе платежи простонародья за предметы первой необходимости вызвали уже давно мнѣніе о необходимости налога прогрессивнаго. Сторонники этой системы думали постепеннымъ возвышеніемъ налоговъ отъ бѣдныхъ къ богатымъ установить несуществующее равновѣсіе въ платежахъ. Эта мысль встрѣтила, однако, сильный протестъ, и противникамъ ея, не находившимъ страннымъ, что налоги возвышаются прогрессивно сверху внизъ, т. е. отъ богатыхъ къ бѣднымъ, показалось возмутительнымъ желаніе дать имъ обратную прогрессію. Хотя и нелогично, но понятно, ибо за прогрессивнымъ налогомъ рисовались противникамъ его необычайные личные расходы, благодаря отсутствію которыхъ они могутъ ѣсть нынче рагу изъ рябчиковъ и тратить на увеселенія и путешествія, подобно нѣмецкому сановнику, 6.500 талеровъ, а тогда имъ пришлось бы рагу не ѣсть и сидѣть дома. Впрочемъ, къ чести финансистовъ западной Европы нужно прибавить, что если они и возмутились противъ прогрессивнаго налога, то, тѣмъ не менѣе, у нихъ нашлось настолько разсудительности, чтобы ввести налогъ пропорціональный. Такой налогъ ввели у себя Англія, Пруссія и другія нѣмецкія государства. Въ Германіи налогъ этотъ называется классным налогомъ.

Но самая дурная сторона налоговъ на потрѣбленіе обнаруживается въ томъ процессѣ, который на языкѣ финансистовъ называется переложеніемъ. Сущность переложенія заключается въ томъ, что налогъ платится не тѣмъ, на кого онъ налагается, а другимъ. Бываютъ случаи, когда финансовое управленіе именно и имѣетъ въ виду, чтобы налогъ былъ переложенъ на другого, напр., при таможенной пошлинѣ и при налогѣ на потребленіе. Въ другихъ же случаяхъ, хотя финансовое управленіе въ виду этого не имѣетъ, тѣмъ не менѣе переложеніе совершается.

Опредѣлить съ полною точностью во всякомъ данномъ случаѣ: совершается или не совершается переложеніе,—составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ. Часто вполнѣ очевидно, на кого долженъ пасть окончательно перелагаемый налогъ; но также часто переложеніе совершенно неуловимо. Если, напр., прусское правительство наложило бы на сановника, о которомъ мы говорили выше, особенную подать за то, что сановникъ одѣваетъ свою жену въ бархатъ и кружева и держитъ у себя выѣздныхъ лакеевъ, то совершенно неоспоримо, что налогъ этотъ палъ бы только на кошелекъ сановника и ни на кого бы не переложился. Также ясно и то, что если пошлина будетъ наложена на иностранные товары или на предметы первой необходимости внутренняго изготовленія, напримѣръ, на муку, хлѣбъ, водку, говядину, то продавцы не возьмутъ этого налога на себя, а переложатъ его на покупателей въ видѣ надбавки на цѣны этихъ предметовъ. Точно также очевидно, что если, напримѣръ, пошлину платитъ, положимъ, скотопромышленникъ, то онъ переложитъ ее на мясника, мясникъ разложитъ ее на своихъ покупателей, а покупатели, если они промышленные люди, постараются точно также переложить ее на своихъ покупателей. Товары, оплачиваемые таможенной пошлиной, точно также помогаютъ переложенію, и налогъ переводится однимъ продавцомъ на другого, пока не дойдетъ до того предѣла, гдѣ переложеніе уже невозможно. Напримѣръ, хозяйка, покупающая говядину, обложенную акцизомъ, платитъ цѣну говядины, выплачиваетъ акцизъ, внесенный продавцомъ, и, наконецъ, платитъ ему же еще и проценты на этотъ сложный капиталъ. Госпожа, покупающая иностранную матерію, или хотя и туземную, но изъ привознаго сырья, обложеннаго пошлиной, уплачиваетъ точно также не только за сырье, за его переработку, но и таможенную пошлину, платитъ за всѣ хлопоты промышленниковъ, купцовъ и перекупщиковъ, наконецъ, платитъ и проценты на затраты, сдѣланныя каждымъ изъ нихъ. Если эта барыня занимается чѣмъ нибудь и получаетъ за свой трудъ деньги, то и она постарается возмѣстить свои расходы съ тѣхъ, съ кѣмъ она находится въ экономическихъ или промышленныхъ отношеніяхъ. Если подобное переложеніе своихъ излишнихъ платежей предпринимаетъ всякій, если всякій усиливается свалить собственную тяжесть на плечи другого, и если въ томъ сложномъ процессѣ, который зовется экономическою жизнью народа, каждому изъ насъ представляется большая или меньшая возможность переложить на другого свои расходы, то и образуется такая сложная и многообразная сѣть переложеній, въ которой, дѣйствительно, мудрено усмотрѣть послѣдній предѣлъ.

Пока возможность переложенія существуетъ, лица перелагающія могутъ жить, не ощущая особенной тягости отъ налога; но зато тѣмъ тяжелѣе жить людямъ, для которыхъ переложеніе невозможно. Для нихъ налогъ является прямымъ лишеніемъ. Если говядина и хлѣбъ поднялись въ цѣнѣ вслѣдствіе акциза, и если эту возвышенную цѣну вы не можете переложить на другого, то очевидно, что вамъ предстоитъ только такой выборъ: или, оставшись при прежнемъ размѣрѣ потребленія говядины и хлѣба, сократить свои другіе расходы, или же, если вы этого сдѣлать не желаете или не можете,—ѣсть менѣе хлѣба и говядины.

Въ этомъ положеніи находятся всѣ тѣ, кто получаетъ постоянное жалованье, и такъ называемые рантье, т. е. люди, живущіе процентомъ съ капитала. Этимъ людямъ переложеніе налога совершенно невозможно, и онъ погребается въ ихъ собственныхъ желудкахъ, вмѣстѣ съ вздорожавшей говядиной или съ другими предметами потребленія.

Относительно возможности переложенія налога рабочимъ народомъ въ мнѣніи экономистовъ явилось разнорѣчіе. Одни изъ нихъ доказывали, что если налогъ возвыситъ цѣну предметовъ первой

необходимости, то и рабочій немедленно потребуетъ возвышенія платы. Такимъ образомъ, если рабочій получалъ 180 р. въ годъ и платилъ налога 18 р., а затѣмъ налогъ возвысился до 20 р., то рабочій потребуетъ 200 р. и возстановитъ равновѣсіе въ своемъ бюджетѣ. Противъ этого возражали, что капиталисту нѣтъ ровно никакого основанія возвышать задѣльную плату, и что, слѣдовательно, капиталистъ не допуститъ рабочаго переложить на него свой налогъ. Мнѣніе послѣднихъ справедливѣе, и вотъ почему. Рабочая плата опредѣлялась размѣромъ спроса и предложенія и величиною капитала. Если капиталъ не увеличился и не убавился, если не увеличилось и не убавилось число рабочихъ, ищущихъ занятія, то очевидно, что и задѣльная плата останется такою, какою была прежде. Она можетъ измѣниться только въ томъ случаѣ, если измѣнится одинъ изъ этихъ основныхъ факторовъ. А какъ возвышеніе налога не влечетъ за собою перемѣны въ отношеніяхъ факторовъ, то очевидно, что переложеніе для рабочаго сдѣлается невозможнымъ, и увеличенный налогъ заставитъ рабочаго ограничить размѣръ своего потребленія.

Если увеличеніе налога заставитъ рабочаго сократить свои издержки до такого размѣра, что неминуемымъ послѣдствіемъ лишенія явятся болѣзни и усилившаяся смертность, въ такомъ случаѣ нарушится равновѣсіе въ тѣхъ факторахъ, о которыхъ упоминалось, и уменьшившееся предложеніе рабочихъ рукъ заставитъ капиталистовъ поднять рабочую плату. Только при этомъ одномъ условіи капиталисты согласятся принять на себя уплату возвысившагося налога. Очевидно, что если вздорожаніе предметовъ первой необходимости и ведетъ къ повышенію задѣльной платы, то вовсе не немедленно, а лишь при томъ условіи, чтобы какія бы то ни было обстоятельства—въ нашемъ примѣрѣ голодъ и болѣзни—уменьшили число рабочихъ. Такимъ образомъ налогъ на потребленіе представляетъ для рабочаго возможность къ переложенію лишь на очень тягостныхъ условіяхъ, и если допустить, что при нормальномъ состояніи общества подобное явленіе терпимо быть не можетъ, то ясно, что переложеніе для рабочаго немыслимо. Томасъ Туке, въ своей «исторіи цѣнъ» съ 1793 по 1857 годъ, приводитъ цѣлый рядъ поразительныхъ фактовъ, подтверждающихъ справедливость изложенной мною теоріи. Изъ его цифръ оказывается, что рабочая плата послѣ всѣхъ подчиняется вліянію дороговизны и обыкновенно сопровождается самыми тягостными послѣдствіями для рабочаго сословія. Изъ цифръ, приводимыхъ Туке, видно, что возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ три раза способствовало возвышенію рабочей платы лишь на нѣсколько пенсовъ, и только послѣ длиннаго промежутка времени. Факты, констатируемые Туке, заслуживаютъ еще и потому особеннаго довѣрія, что авторъ былъ вовсе не мечтатель, а богатый купецъ, буржуа по тенденціямъ и другъ Роберта Пиля, котораго тоже никто не отважится обвинять въ энтузіазмѣ.

И во всѣхъ случаяхъ, какъ, между прочимъ, видѣлъ читатель изъ сравненія расходовъ нѣмецкаго сановника съ нѣмецкимъ рабочимъ, цѣны, возвышающіяся на предметы потребленія, падаютъ, благодаря возможности переложенія, преимущественно на тѣхъ, кто бѣднѣе. Возьмемъ, напр., квартиры. Предположимъ, что государство вводитъ у себя налогъ на окна и на двери. Въ этомъ случаѣ послѣдуетъ то, что если богатый не считаетъ возможнымъ платить за квартиру въ 15 оконъ, то онъ или наймете квартиру въ 10 оконъ, или же домовладѣлецъ, не желая лишиться выгоднаго для него квартиранта, понизитъ цѣну квартиры, т. е. возьметъ налогъ на себя. Большихъ квартиръ мало, потому что немного людей, имѣющихъ возможность ихъ нанимать. Понятно, что домовладѣльцы очень дорожатъ подобными квартирантами и наоборотъ—мало дорожатъ квартирантами бѣдными, которыхъ ужъ черезчуръ много. Поэтому налогъ на окна явится средствомъ принудительнымъ, чтобы люди жили въ маленькихъ квартирахъ, и, слѣдовательно, тотъ, кто не сжался до предѣла послѣдней возможности, постарается или сжаться, или же задѣлаетъ у себя окна. Такъ и было въ Англіи, гдѣ бѣдные люди должны были превращать свои, и безъ того уже нездоровыя, квартиры въ нѣчто подобное тюрьмамъ и, чтобы избавиться отъ налога, лишали себя свѣта и воздуха и подвергались болѣзнямъ. И въ этомъ случаѣ налогъ соглашались брать на себя домовладѣльцы только въ томъ случаѣ, когда смертность уменьшала число квартирантовъ, и когда домовладѣльцы находили болѣе выгоднымъ получать немного, чѣмъ ничего, вслѣдствіе простоя квартиръ.

Выше я говорилъ, что переложеніе образуетъ чрезвычайно сложную, запутанную сѣть, обхватывающую общество во всей его экономической дѣятельности въ такой степени, что, наконецъ, является полнѣйшая невозможность усмотрѣть въ этой путаницѣ хотя малѣйшій лучъ свѣта. Если обратить вниманіе на то, что многообразныя потребности общества удовлетворяются безконечнымъ многообразіемъ предметовъ; если обратить вниманіе на то, что какой нибудь, повидимому, простой предметъ промышленности, напримѣръ, сукно, создается безконечнымъ рядомъ промышленныхъ манипуляцій; если, наконецъ, прослѣдить весь рядъ переложеній хотя бы того же самаго сукна,—то станетъ совершенно яснымъ, почему повсюду такъ жалуются на дороговизну и на трудность жизни. Возьмемъ для примѣра хотя то же самое сукно. Сырье для сукна создается сельскимъ хозяйствомъ. Баранъ, выросшій въ лонѣ природы,—скотина недорогая. Но если этого барана приходится кормить на арендуемой землѣ, то, помимо труда ухода за нимъ, нужно заплатить ренту землевладѣльцу. Вотъ ужъ баранъ и вздорожалъ. Далѣе, этого барана нужно привести въ городъ и заплатить шоссейныя деньги. Новая надбавка. Въ городѣ мясникъ за право быть мясникомъ долженъ заплатить акцизъ и за убой барана возьметъ гораздо дороже, чѣмъ это дѣло стоитъ въ дѣйствительности. Баранъ все становится дороже. Шерсть, снятая съ барана,

должна быть промыта въ зданіи, которое тоже платитъ ренту. Промываютъ ее рабочіе, платящіе промысловый налогъ. Затѣмъ шерсть черезъ руки нѣсколькихъ перекупщиковъ, платящихъ торговыя пошлины, поступаетъ на фабрику, несущую разныя повинности: городскія, гильдейскія и т. д. Обрабатываютъ шерсть на фабрикѣ рабочіе, платящіе тоже промысловый налогъ, пользуясь тепломъ, обложеннымъ налогомъ въ его первоначальномъ видѣ, какъ дрова; пользуясь свѣтомъ, тоже обложеннымъ налогомъ въ его первоначальномъ видѣ каменнаго угля; питаясь хлѣбомъ и мясомъ, оплатившими ввозную пошлину. Для окраски сукна идетъ краска, оплатившая таможенную пошлину; а для всѣхъ изготовительныхъ процессовъ употребляются машины, оплатившія тоже или ввозную пошлину, или промысловый налогъ, наложенный на мѣстныхъ заводчиковъ. Каждое изъ лицъ, связанныхъ солидарностью интересовъ сукнодѣлія, оказываетъ другъ другу услуги только за извѣстный процентъ на свой трудъ или капиталъ. Какъ бы ни были малы эти проценты, но какъ число лицъ, связанныхъ солидарностью общаго производства, довольно велико, то понятно, что общій итогъ этихъ процентовъ образуетъ наконецъ такую сумму, которая неизбѣжно подниметъ цѣну сукна до весьма чувствительной величины. Наконецъ сукно на фабрикѣ готово. Оно продается оптовому торговцу, а отъ него, переходя изъ рукъ одного купца къ другому, достигаетъ наконецъ до какого нибудь медвѣжьяго угла, гдѣ и продается чуть не на вѣсъ золота. Совершенно тотъ же самый процессъ совершается всѣми остальными предметами потребленія. Такъ какъ косвенные налоги падаютъ рѣшительно на все, что люди пьютъ, ѣдятъ и носятъ; такъ какъ каждый производитель перелагаетъ свой налогъ на другого; такъ какъ каждый, кромѣ переложенія налога, беретъ еще и извѣстный процентъ на перелагаемую сумму, то въ концѣ концовъ является та общая дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія, которая приводитъ въ отчаяніе современнаго цивилизованнаго человѣка. Старые люди вспоминаютъ съ наслажденіемъ свою молодость и любятъ толковать о временахъ баснословной дешевизны. Старые люди правы. Еще бы не быть дешевизнѣ, когда въ ихъ времена государственные расходы были почти совершенно ничтожны, и также ничтожны были налоги. Возьмемъ въ примѣръ хотя Англію. Въ 1702 г. ея государственный долгъ составлялъ 37 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а проценты долга 2 милліона фунтовъ. По окончаніи же наполеоновскихъ войнъ, въ 1817 г., долгъ равнялся 848 милліонамъ фунтовъ, а проценты—32 милліонамъ фунтовъ. Присоедините къ этимъ 32 милліонамъ еще 30 милліоновъ ежегоднаго расхода, и тогда вамъ будетъ совершенно ясно, почему сборъ съ народа подобной суммы, преимущественно въ видѣ косвеннаго налога, допускающаго переложеніе, долженъ поднять цѣны на всѣ предметы жизни. Недостатокъ звонкой монеты и будто бы малая добыча драгоцѣнныхъ металловъ, приводимая финансистами, какъ причина дороговизны, есть причина только воображаемая. Главная причина—въ несоразмѣрно увеличившихся повсюду государственныхъ расходахъ, требующихъ усиленныхъ доходовъ. Такъ какъ доходы эти доставляются населеніемъ страны; такъ какъ косвенные налоги составляютъ главный источникъ полученія; такъ какъ налоги каждый годъ увеличиваются въ размѣрѣ и въ разнообразіи; такъ какъ переложеніе, сопровождающее каждый косвенный налогъ, увеличивается вмѣстѣ съ платежами на предметы потребленія; такъ какъ каждое переложеніе не ограничивается простымъ возвратомъ, а сопровождается процентами, — то очевидно, что совершенно безполезно ломать себѣ голову надъ измышленіемъ причинъ непонятной дороговизны, а гораздо проще понять ее такъ, какъ указываютъ простые факты жизни, а не теоретическія измышленія финансистовъ. Еще бы не быть дороговизнѣ, когда за все надо платить дорого, когда повсюду надо платить проценты, когда всякій норовитъ переложить на васъ свои убытки и свой налогъ.

Теперь спрашивается, неужели изъ этого печальнаго положенія нѣтъ выхода? Неужели Западная Европа, выставившая по всѣмъ отраслямъ знаній столько умныхъ людей, не придумала ничего въ области финансовой науки?

XIV.

Въ предыдущихъ главахъ я сказалъ читателю еще не все. Разнообразіе налоговъ дошло въ Западной Европѣ до того, что человѣкъ избавлялся отъ нихъ только съ переселеніемъ въ царство тѣней. Налоги были на хлѣбъ, на говядину, масло, яйца, сыръ, вино, водку, квартиры, прислугу, экипажи, собакъ, кошекъ; однимъ словомъ, нѣтъ ни одного предмета человѣческаго потребленія, который не подлежалъ бы налогу.

Понятно, что это поразительное многообразіе должно было испугать даже и финансистовъ. Еще въ прошедшемъ столѣтіи физіократы хлопотали о приведеніи налоговъ къ одной единицѣ. Спасительной единицей казался имъ налогъ на землю. Спасительность этого налога призналъ даже и Прудонъ, который въ своей теоріи налоговъ говоритъ, что есть на свѣтѣ только одинъ предметъ, самый способный къ обложенію налогомъ, который, между тѣмъ, не былъ никогда облагаемъ раціонально: предметъ, обложеніе котораго, доходящее даже до совершеннаго поглощенія вещества, нисколько не можетъ повредить ни труду, ни капиталу, ни земледѣлію, ни промышленности, ни торговлѣ, ни кредиту, ни потребленію, ни богатству. Такой налогъ, не обременяя народъ, никому не помѣшаетъ жить сообразно со своими средствами въ довольствѣ, въ роскоши и всецѣло наслаждаться произведеніями своего таланта и знанія.

Мнѣніе Прудона встрѣчаетъ рѣзкихъ противниковъ въ Макъ-Куллохѣ и Максѣ Виртѣ. Они говорятъ, что нѣтъ никакой возможности разложить ренту на ея составныя части, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько доходу приноситъ земля, сколько капиталъ и сколько трудъ.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливо, что теперь существующее разнообразіе налоговъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, становится невыносимымъ. Ихъ необходимо замѣнить чѣмъ нибудь однообразнымъ и всепоглощающимъ.

Такимъ всепоглощающимъ налогомъ предлагаютъ не налогъ на потребленіе, не налогъ на доходъ или капиталъ, а налогъ на прожитокъ.

Тѣ, кто предлагаетъ эту новую систему, исходятъ изъ того основанія, что она болѣе, чѣмъ какія либо другія системы, способна устранить неудобства нынче существующихъ налоговъ.

Система, предлагаемая этими финансистами, конечно, не изъ радикальныхъ. Крутые перевороты имъ не нравятся, прогрессивнаго налога они не одобряютъ и, думая достигнуть гавани спокойнымъ плаваньемъ, предлагаютъ устроить такой налогъ, при которомъ, за отчисленіемъ суммы, необходимой на предметы первой надобности, остальное затѣмъ облагалось бы налогомъ.

Въ основаніе своего вычисленія они принимаютъ не доходъ и капиталъ, а только то, что плательщикъ проживаетъ.

Они полагаютъ, что этимъ путемъ отнимется всякая премія отъ праздности, и не произойдетъ никакихъ утѣсненій для людей, живущихъ честнымъ трудомъ.

Расточитель, живущій на счетъ своего личнаго разоренія, заплатитъ долю, соотвѣтственную своей неразсудительности, а человѣкъ бережливый будетъ имѣть возможность сдѣлать сбереженіе на черный день.

Этимъ способомъ и бѣдный, и богатый внесутъ равномѣрную лепту, и тягость налоговъ ляжетъ одинаково на всѣхъ платящихъ.

Противъ этой мысли говорить нечего, но также нельзя на нее смотрѣть иначе, какъ на мысль утопическую, ибо число людей, смотрящихъ назадъ и, по своему тупоумію или своекорыстію, возстающихъ противъ всякой прогрессивной мысли,—легіонъ.

Вотъ почему вопросъ объ однообразномъ, уравнительномъ налогѣ является такою утопическою мыслью. Задача не въ томъ, чтобы выдумать средство помочь людямъ. Задача въ томъ, чтобы растолковать людямъ, что они страдаютъ.

Декабрь 1868.

ЖЕНСКОЕ БЕЗДѢЛЬЕ.

(Посвящается прекрасному полу).

I.

Англійскій экономистъ Мальтусъ былъ весьма послѣдовательный господинъ съ очень аристократическими тенденціями. Онъ разсуждалъ такъ: если въ мой карманъ свалились случайно или, пожалуй, по наслѣдству нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то на пиру природы я почетный гость, получающій въ изобиліи лучшія кушанья и нисколько не обязанный заботиться о своемъ сосѣдѣ. А если у моего сосѣда въ кошелькѣ всего нѣсколько полушекъ, то ему не только неприлично быть на пиру, но благоразумнѣе всего переселиться въ горній міръ, потому что на землѣ онъ лишній человѣкъ.

Когда такой суровый приговоръ былъ доложенъ бѣдному сосѣду, то онъ, съ той же послѣдовательностью, замѣтилъ, что если господинъ Мальтусъ не считаетъ себя лишнимъ, имѣя въ карманѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то онъ, бѣдный сосѣдъ, не считаетъ себя тоже лишнимъ, ибо желаетъ пріобрѣсти такое же количество фунтовъ стерлинговъ, чтобы занять на пиру не менѣе почетное мѣсто.

Разсужденіе свое бѣдный сосѣдъ основывалъ на томъ, что у отца или дѣда господина Мальтуса было, вѣроятно, тоже не слишкомъ много полушекъ, а у перваго человѣка было ихъ и еще того менѣе. И если все то, чѣмъ владѣетъ господинъ Мальтусъ и всѣ другіе богатые потомки Адама, явилось у нихъ, то явилось только потому, что они сами или, лучше, кто нибудь за нихъ умѣли безполезныя вещи превратить въ полезныя.

Природа не создала ничего въ томъ готовомъ видѣ, въ какомъ нужны вещи человѣку, и не существуетъ на свѣтѣ животныхъ и растеній, которыя бы изображали собою печеный хлѣбъ, сдобныя булки, платье, сапоги и проч. Рожь и пшеницу выдумалъ, правда, не человѣкъ, но онъ придумалъ превращать ихъ въ муку, а муку—въ хлѣбъ и пироги. Быка и корову выдумалъ тоже не человѣкъ, но быкъ, пока онъ пасется на лугу, еще не говядина, не бифстексъ и не сапоги. Благородный баранъ тоже не сукно, не пальто и не тулупъ. Рябчикъ, летающій въ лѣсу, еще не жареный рябчикъ, и стерлядь, плавающая въ Волгѣ, не стерляжья уха.

Такимъ образомъ пиръ, уготованный природой человѣку, совсѣмъ не такъ блистателенъ, какъ увѣряетъ Мальтусъ, и въ распоряженіи человѣка находятся только разнообразное сырье и силы природы, которыми человѣкъ пользуется, чтобы быка превратить въ сапоги, ленъ—въ бѣлье, барана—въ пальто и т. д. Пока вѣтеръ гуляетъ въ полѣ или въ степи, онъ больше ничего, какъ праздная и безполезная для человѣка сила; такая же праздная сила онъ и въ морѣ. Но когда человѣкъ придумалъ вѣтряную мельницу и парусъ, то прежній безполезный вѣтеръ сталъ оказывать весьма полезныя услуги: мука стала доставаться легче, чѣмъ при верченіи жернововъ руками, и стали возможны такія морскія плаванія, какихъ на веслахъ дѣлать не приходилось. Вся наша экономическая дѣятельность есть не что иное, какъ подобное приложеніе силъ природы, причемъ человѣкъ хлопочетъ исклю-

чительно о томъ, чтобы превратить быка въ мясо, а кожу его въ сапоги; сѣмена хлопчатника въ пряжу, а пряжу въ разныя матеріи; чтобы заставить воду превратиться въ паръ, а паръ—приводить въ движеніе паровую машину. Во всемъ этомъ человѣкъ не создаетъ ни одного атома новаго вещества, ни одной новой силы. Онъ беретъ уже существующее, становитъ его въ новыя отношенія, и затѣмъ работаютъ уже силы природы и создаютъ то, что нужно человѣку. Такимъ образомъ дѣятельность человѣка ограничивается исключительно передвиженіемъ вещества: въ этомъ и заключается вся сущность его экономическаго труда. Что дѣлаетъ земледѣлецъ, обрабатывающій пашню и сѣющій хлѣбъ? Онъ сначала плугомъ, сохой или чѣмъ другимъ, хотя бы лопатой, передвигаетъ частицы почвы и, приводя ихъ въ новыя отношенія къ солнечной теплотѣ, влажности и воздуху, даетъ имъ возможность вступить въ новыя комбинаціи, чѣмъ въ какихъ они находились прежде. Онъ беретъ со скотнаго двора навозъ и раскидываетъ его по пашнѣ. Очевидно, что весь трудъ только въ томъ, чтобы вывести вещество изъ прежняго положенія и поставить его въ новое. Какъ только этотъ трудъ человѣка оконченъ, вещество само собой производитъ уже тѣ результаты, какіе нужны человѣку. Посѣявъ хлѣбъ, земледѣлецъ точно также только передвигаетъ вещество, т. е. переноситъ зерно изъ однихъ условій, гдѣ оно лежало праздно, въ другія, гдѣ оно должно развиться. Когда онъ жнетъ, молотитъ, мелетъ, онъ поступаетъ точно также. Но во всемъ дѣйствуетъ само вещество, свойствами своей матеріи, а человѣкъ только рѣжетъ, колотитъ, рубитъ, третъ, т. е., въ сущности, передвигаетъ вещество тѣмъ или другимъ способомъ, избирая для себя самый выгодный. — Мои читательницы, для которыхъ я собственно и пишу настоящую статью, въ которой хочу говорить о женскомъ трудѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не увѣренъ, что ее прочтутъ тѣ, кому она посвящается, и поэтому предполагаю, что у меня будутъ только идеальныя читательницы, — итакъ, мои идеальныя читательницы дѣлаютъ мнѣ такое идеальное возраженіе: какія же дѣйствуютъ силы природы, когда мы вяжемъ чулки, шьемъ по канвѣ или производимъ шерстяные шарики и шишечки для украшенія ламиъ? Совершенно тѣ же, какъ и у земледѣльца, сѣющаго хлѣбъ. Прежде чѣмъ бумага, изъ которой вы вяжете чулки, поступила въ ваше распоряженіе изъ лавки, гдѣ вы ее купили, она перешла очень много операцій, совершенно подобныхъ тѣмъ, какими пшеничное зерно превратилось въ колосья пшеницы и наконецъ въ вѣнскій пирогъ. Вашъ прелестный чулокъ, по отношенію къ хлопчатнику, есть такой же удивительный результатъ человѣческаго остроумія и изобрѣтательности, какъ вѣнскій, пирогъ по отношенію къ пшеничному зерну. Хлопчатникъ явился потому, что зерно его было положено въ землю. Затѣмъ человѣкъ сѣлъ, сложа руки, въ тѣни померанцеваго дерева и только ждалъ, когда силы природы превратятъ зерно въ кустъ, и на немъ явятся пушистыя сѣмена. Послѣ этого человѣкъ вылѣзъ изъ-подъ своего померанцеваго дерева и собралъ сѣмена, т. е. съ куста переложилъ ихъ въ корзину, а корзину съ пухомъ унесъ домой. Дома онъ принялся опять перемѣщать вещество, т. е. помѣщать пушинки въ иномъ порядкѣ, чѣмъ онѣ находились въ сѣменахъ; началъ ихъ чесать, сучить и получилъ нитки, а изъ нитокъ вышли, наконецъ, разные брильянтины, канифасы, кембрики и т. д. Чтобы все это могло явиться на свѣтъ божій, нужно было, чтобы само вещество, которое чесалъ и сучилъ человѣкъ, имѣло свойства, необходимыя для превращенія его въ кембрикъ или въ чулокъ. Изъ воды и песку нельзя свить нитки, нельзя сдѣлать ни рукавчиковъ, ни воротничковъ. А потому трудъ человѣка заключался въ томъ, что онъ сумѣлъ сообразить, какого рода полезную вещь онъ можетъ сдѣлать для себя, если тонкія, но короткія нити хлопчатника онъ соединитъ въ одну болѣе или менѣе толстую и очень длинную нитку. Процессъ вязанья чулковъ, въ сущности, процессъ очень простой и нисколько не головной. Дѣло заключается въ томъ, что нитки, намотанныя на клубокъ, запутываются такимъ образомъ, что изъ нихъ выходитъ мѣшокъ или чехолъ для ноги. Сущность, значитъ, въ такомъ перемѣщеніи нитокъ, чтобы изъ шара, изображаемаго клубкомъ, получилась вещь новой формы. При вышиваніи по канвѣ совершается подобный же процессъ, т. е. женщина шевелитъ только руками сверху внизъ и снизу вверхъ. Она только перемѣщаетъ вещество, и если новый предметъ выходитъ полезнымъ для человѣка, такъ только потому, что въ свойствахъ первоначальнаго матеріала заключались всѣ условія его полезности; а эти свойства—какъ, напримѣръ, въ чулочной ниткѣ мягкость, прочность, извѣстная степень упругости—зависятъ вовсе не отъ человѣка и созданы не имъ, какъ не имъ выдуманы хлопчатникъ и пшеничное зерно.

Такимъ образомъ человѣкъ, явившійся на свѣтъ божій голымъ и нищимъ, нашелъ сѣмена разныхъ хлѣбовъ, нашелъ хлопчатникъ, нашелъ быка, корову, барана, но не нашелъ ни булокъ, ни вѣнскихъ пироговъ, ни башмаковъ и лайковыхъ перчатокъ, ни бурнусовъ и кринолиновъ, ни даже копейки денегъ. Все это явилось къ нему очень и очень постепенно, послѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячелѣтій разныхъ размышленій, соображеній, попытокъ, опытовъ, пробъ и испытаній всякаго рода. Первый сапогъ и первый чулокъ, какъ бы ни были они неизящны, по сравненію съ ботинками и чулками парижанокъ, всетаки были плодомъ изобрѣтенія, точно также, какъ первый портной былъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ тѣ, кто вяжетъ чулки нынче, производятъ геніальныя изобрѣтенія, или что всѣ теперешніе портные—очень умные люди. Но это, въ сущности, совсѣмъ и не важно, а важно то, чтобы производилось какъ можно больше полезныхъ предметовъ, и чтобы каждый непремѣнно работалъ. Какъ только явится такая общая полезная дѣятельность, то всѣ люди, замѣнявшіе нѣкогда все одѣяніе однимъ виноградным листкомъ, одѣнутся въ прочное, теплое и здоровое платье, лучшее, чѣмъ то, какое

носитъ нынче большинство человѣчества; заведутъ хорошую обувь, удобные, свѣтлые и теплые дома съ хорошей мебелью; за обѣдомъ будутъ имѣть всегда мясо и вино, при случаѣ даже жареныхъ рябчиковъ, стерляжью уху и вѣнскіе пироги, и тогда бѣдный сосѣдъ Мальтуса, которому этотъ аристократъ-экономистъ совѣтовалъ переселиться въ горній міръ, придетъ къ нему и скажетъ ему такое слово: «Господинъ Мальтусъ, на землѣ нѣтъ лишнихъ людей, если они дѣлаютъ дѣло. Рябчикъ, летающій въ лѣсу, одинаково принадлежитъ и вамъ, и мнѣ; стерлядь, плавающая въ рѣкѣ,—тоже. Если вы купите рябчика на рынкѣ, потому что папенька оставилъ вамъ въ наслѣдство деньги, а я достану его, потому что схожу въ лѣсъ самъ и убью,—мой пиръ будетъ великолѣпнѣе вашего, потому что я создамъ его самъ, своимъ трудомъ, тогда какъ ваше угощеніе будетъ создано трудомъ другихъ людей, наполнившихъ ваши карманы деньгами. Поэтому лишнимъ на пиру природы будетъ не тотъ, кто своими руками умѣетъ превратить рябчика въ жаркое и быка въ бифштексъ и сапоги, а тотъ, кто не умѣетъ дѣлать изъ своихъ рукъ другое употребленіе, кромѣ какъ держать ихъ, сложа кренделемъ, на груди. Всякій, кто трудится,—человѣкъ нужный и полезный; всякій, кто ничего не дѣлаетъ, — человѣкъ лишній. Но я не совѣтую ему переселиться въ горній міръ, а скажу только: «человѣкъ, не будь лишнимъ—трудись!»

Мальтусъ былъ дѣйствительно человѣкъ со средствами; но этого однако еще недостаточно, чтобы быть лишнимъ. Правда, высказавъ свою теорію лишнихъ людей, Мальтусъ надолго спуталъ понятія разныхъ мыслителей средней руки, а его послѣдователи, какъ бываетъ со всѣми послѣдователями, кинулись въ разныя безумныя крайности и стали предлагать отцамъ и матерямъ, чтобы они прониклись благоразумнымъ воздержаніемъ; правительствамъ, чтобы тѣ мѣшали бракамъ, и, наконецъ, вообще всѣмъ людямъ, въ видѣ общей теоретической мѣры, чтобы они не особенно церемонились съ дѣтьми и препровождали ихъ безъ смущенія, при первомъ удобномъ случаѣ, туда, куда Мальтусъ совѣтовалъ отправиться своему сосѣду. Въ той степени, въ какой Мальтусъ своей ошибкой принесъ людямъ вредъ, онъ былъ человѣкъ совершенно лишній; но зато онъ былъ и человѣкъ необходимый, насколько онъ принесъ пользу; а польза, принесенная имъ наукѣ, больше той путаницы понятій, которую онъ внесъ.

Каждый человѣкъ настолько нелишній въ экономическомъ отношеніи, насколько онъ полезенъ для матеріальнаго благосостоянія общества; и обратно: настолько онъ лишній, насколько онъ безполезенъ. Каждый человѣкъ поэтому можетъ быть лишнимъ и нелишнимъ, и въ одинъ и тотъ же день приноситъ пользу и идти своему обществу въ убытокъ. Вы занимаетесь, положимъ, литературнымъ трудомъ и до 8 часовъ вечера работаете. Въ ваше рабочее время приходитъ къ вамъ ваша праздная пріятельница и видитъ, что вы очень медленно обтираете перо, еще медленнѣе кладете его на мѣсто, и, понимая, что она явилась къ вамъ несовсѣмъ во-время, обращается къ вамъ развязно съ вопросомъ: «Вы занимаетесь? Я, кажется, вамъ помѣшала?»—«Нѣтъ, ничего»,—отвѣчаете вы довольно сухо, предполагая, что человѣкъ пришелъ къ вамъ за дѣломъ. Но оказывается, что человѣкъ пришелъ къ вамъ «отвести душу», т. е. попросту поболтать. Этотъ примѣръ не идеальный, и приведенъ онъ въ доказательство того, какъ иногда праздные люди могутъ сдѣлать лишнимъ даже полезнаго человѣка За что отняли у человѣка два часа его рабочаго времени? Если праздной дѣвицѣ нужно было курить, кто же мѣшалъ ей заняться этимъ дѣломъ на улицѣ или у себя дома? Если ей нужно было поболтать, кто мѣшалъ ей плыть къ такой же легкой и праздной ладьѣ, какъ она сама, и произвести съ нею болтовню сугубую? У народовъ, привыкшихъ къ труду, есть время, назначенное для дѣла, когда люди не занимаются пустяками, и куренье папиросъ не считается работой. Парижанинъ работаетъ, напримѣръ, до восьми часовъ и, только кончивъ дѣло, отправляется на бульвары или Елисейскія поля. Ни одинъ порядочный человѣкъ — американецъ, англичанинъ, французъ, нѣмецъ — не пойдетъ къ своему знакомому въ его рабочую пору, чтобы разсказать, что у какой нибудь Анны Васильевны родился сынъ, точно и не вѣсть какое благополучіе снизошло на землю. Вы говорите, положимъ, человѣку, что вы заняты до восьми часовъ вечера, а вамъ отвѣчаютъ на это недовѣрчивой улыбкой, точно вы разсказываете, что можете носить на плечахъ египетскія пирамиды. А между тѣмъ тотъ же самый человѣкъ каждый вечеръ сидитъ за картами отъ 7 часовъ до 2 ночи, а иногда проводитъ за ними и ровно цѣлыя сутки и нисколько не считаетъ такое дѣло египетскими пирамидами. Значитъ, очевидно, что египетскими пирамидами считается только полезный трудъ, и возможнымъ—только такое провожденіе времени, когда человѣкъ дѣлается совершенно лишнимъ на землѣ.

Огромная масса людей или, точнѣе, мужчинъ, продѣлавъ утромъ то, что только при очень наивномъ взглядѣ на жизнь и при большомъ простодушіи можно считать полезнымъ трудомъ, — вечеръ посвящаютъ картамъ. Допускаю, что утро ушло на дѣйствительное дѣло. Ну, а вечеръ? Вечеромъ люди были положительно лишними, и милліоны софистовъ, еслибы они думали милліоны лѣтъ, не нашли бы никакихъ доказательствъ экономической полезности такого занятія. Пусть сегодняшній вечеръ играютъ повсюду сто тысячъ человѣкъ въ карты, и у всѣхъ игроковъ сто тысячъ рублей денегъ. Въ два часа ночи всѣ играющіе расходятся по домамъ. Что же происходитъ при этомъ? Только повторяется въ обратномъ порядкѣ тотъ же процессъ, который происходилъ, когда игроки собирались. Прежде сто тысячъ человѣкъ, имѣя сто тысячъ рублей, шли направо, теперь тѣ же сто тысячъ человѣкъ, имѣя тѣ же сто тысячъ рублей, пошли налѣво. Отъ этого хожденія направо и налѣво на землѣ не прибавилось ни одного фунта печенаго хлѣба, не явилось ни одной пары новыхъ сапогъ, — напротивъ, еще сто тысячъ паръ сапоговъ потерлись отъ ходьбы на-

столько, что въ цѣломъ утрата можетъ считаться не меньше тысячи паръ; то же самое и съ платьемъ, и съ деньгами. Произошло только перемѣщеніе денегъ по карманамъ и больше ничего. Конечно, есть люди, которые изъ этого облагороженнаго посягательства на чужой карманъ дѣлаютъ промыселъ; но такихъ, впрочемъ, немного. Значительное большинство играетъ потому, что оно даже и не подозрѣваетъ, что оно дѣлаетъ себя добровольно лишнимъ, что у него нѣтъ полезнаго дѣла, и, сводя въ концѣ года свои карточные расходы и доходы, находитъ балансъ, равный нулю. Значитъ, человѣкъ, сидя каждый день по четыре часа за картами, а въ теченіе года 1460 часовъ или ровно 61 сутки, не пріобрѣлъ за это продолжительное сидѣнье ровно ничего.

А развѣ дѣвицы и дамы не стараются изо всѣхъ силъ быть какъ можно болѣе лишними? Положимъ, что многія весьма уважаемыя дамы занимаются безъ устали произведеніемъ и кормленіемъ себѣ подобныхъ и приносятъ тѣмъ человѣчеству несомнѣнныя услуги,—предполагая, конечно, что онѣ не создаютъ лишнихъ людей. Но ужъ будто бы у женщины и не можетъ быть другихъ дѣлъ? Деревенскія бабы производятъ и выкармливаютъ очень полезныхъ экономически гражданъ, но кромѣ того онѣ еще пекутъ хлѣбъ, доятъ коровъ, жнутъ. Горничныя и кухарки точно также производятъ и выкармливаютъ полезныхъ людей, но въ то же время занимаются приведеніемъ въ чистоту комнатъ, приготовленіемъ обѣда, чисткой самоваровъ и кострюль. — Не сочтите меня такимъ неразсудительнымъ человѣкомъ, чтобы я сталъ предлагать вамъ чистить самовары, доить коровъ и жать. Всѣ эти дѣла не для васъ, потому что не для нихъ васъ приготовляли. Я говорю только о томъ, что произведеніе и выкармливаніе себѣ подобныхъ, при всей физіологической почетности подобнаго занятія, не составляетъ прямого экономическаго труда, но только можетъ способствовать ему,—да и то при извѣстныхъ условіяхъ. А условія эти вотъ какія. Если мать, произведя ребенка, даетъ ему такое воспитаніе, что онъ выйдетъ экономическимъ производителемъ, то ея трудъ будетъ настолько же полезенъ, насколько разовьется умъ и мускульная сила ея сына или дочери. И наоборотъ, если сынъ приготовится только къ тому, чтобы быть карточнымъ или биржевымъ игрокомъ, а дочка—исключительно для прогулокъ по бульварамъ и для произведенія эффектовъ на пикникахъ и на балахъ, то и весь трудъ родителей будетъ лишнимъ, да и дѣти ихъ будутъ совсѣмъ лишними на пиру природы. Можетъ, разумѣется, случиться такъ, что тотъ или другой результатъ не будетъ нисколько зависѣть отъ усилій родителей. Мать Колумба, открывшаго Америку, произвела въ лицѣ своего сына чрезвычайно полезную экономическую единицу, хотя она лично не способствовала, своимъ вліяніемъ и воспитаніемъ, развитію тѣхъ способностей, какія создали изъ Колумба геніальнаго мореплавателя. Но вѣдь точно также и трудомъ тѣхъ же девяти мѣсяцевъ она могла бы произвести какое нибудь чудовище, вродѣ московскаго Ивана Яковлевича Корейши. Поэтому мать, производящая способнаго ребенка, изъ котораго выходитъ полезный экономическій дѣятель, производитъ экономически-полезный трудъ; но если она создаетъ только небокоптителя, а еще хуже—какого нибудь злодѣя, то весь ея трудъ будетъ потраченъ совершенно даромъ. Что же касается до дѣвицъ, то онѣ лучше моего знаютъ, сколько выигрываетъ человѣчество отъ того, что онѣ встаютъ въ 12 часовъ, одѣваются до двухъ, затѣмъ часъ гуляютъ для цвѣта лица, въ 3 часа обѣдаютъ, до 5 сидятъ на диванѣ, чтобы совершилось лучше пищевареніе, затѣмъ до 7 соображаютъ, какъ бы пріятнѣе провести вечеръ, или мечтаютъ о томъ, какъ бы это было хорошо, еслибы, вмѣсто противныхъ, грязныхъ улицъ, были все померанцевыя рощи и розовые сады, и чтобы пѣли въ рощахъ и садахъ соловьи и канарейки, и какъ бы было пріятно всю жизнь свою гулять въ такомъ очаровательномъ саду подъ руку съ очаровательнымъ юношей, и какъ бы пріятно трепетало при этомъ сердце и было весело. Послѣ этихъ соображеній, если не явился ни одинъ юноша, и прогулки въ померанцевой рощѣ не предвидится,—пьютъ чай; затѣмъ дѣлаются сборы на вечеръ или въ гости; въ часъ ночи возвращаются домой, и дѣвица, развитая, слѣдящая за литературой, читаетъ часъ въ постели повѣсть въ какомъ нибудь журналѣ, а дѣвица не литературнаго воспитанія помечтаетъ въ постели съ полчаса, и затѣмъ та и другая погружаются до 12 часовъ въ сладкій сонъ. Такимъ образомъ въ результатѣ цѣлаго дня получаются: идеальный юноша, идеальная померанцевая роща, идеальная канарейка и ни одного реальнаго полезнаго предмета, ни одной реальной, здоровой мысли. Впрочемъ, экономическая наука, дѣлающая любви такой суровый приговоръ, совсѣмъ не такая человѣконенавистница, чтобы проповѣдывать истребленіе канареекъ и померанцевыхъ рощъ. Экономическая наука признаетъ полезными всѣ силы,—какое бы названіе онѣ не имѣли,—которыя способствуютъ произведенію полезныхъ предметовъ. Любовь — одна изъ тѣхъ великихъ силъ, которыя сильнаго человѣка двигаютъ на великое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одна изъ тѣхъ силъ, которыя дряблыхъ людей приводятъ только къ идеальнымъ канарейкамъ.

Общій выводъ изъ того, что я сказалъ, заключается въ томъ, что ни одной части свѣта и ни у одного народа нѣтъ такихъ садовъ, въ которыхъ бы росли готовые обѣды, шляпки, бурнусы, зонтики и все то, что нужно человѣку. Только трудъ превращаетъ солому въ шляпку и нить шелковичнаго червя въ шелковую матерію. Поэтому, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ то, что ему нужно, онъ долженъ трудиться и производить непремѣнно что нибудь полезное. Вы, посвятивъ себя умственному, литературному и ученому, труду, создаете какія нибудь умственныя полезности; другой, болѣе способный шить башмаки или платья, занимается приготовленіемъ ихъ; третій мастеритъ предметы первой необходимости; четвертый даетъ дѣтямъ воспитаніе; однимъ словомъ, всякій занятъ

дѣломъ, и дѣломъ такимъ, которое приноситъ непремѣнно матеріальную пользу. Трудъ, не приносящій такой пользы, есть трудъ убыточный для общества; а всякій безполезно-трудящійся человѣкъ совершенно равенъ тому, кто ровно ничего не дѣлаетъ, и въ экономическомъ отношеніи они оба лишніе, какъ и тѣ барышни, что мечтаютъ лишь о соловьяхъ, о канарейкахъ и о пріятныхъ прогулкахъ съ краснощекими юношами. Какая польза человѣчеству оттого, что вы, посвятивъ всѣ свои силы тому, чтобы дѣлать такіе удивительные прыжки, какъ Леотаръ, или ходить, подобно мухѣ, по потолку, доставите другимъ, подобнымъ вамъ, лишнимъ людямъ возможность придти въ изумленіе отъ вашей ловкости? Не было ли бы выгоднѣе для общества, еслибы Леотаръ и человѣкъ-муха, научившись шить сапоги и башмаки, создали нѣсколько сотенъ паръ мужской и женской обуви, потому что на свѣтѣ еще много людей, ходящихъ босикомъ? Но и человѣкъ, шьющій сапоги, воспитывающій дѣтей и вообще занимающійся какимъ нибудь, повидимому, полезнымъ дѣломъ, можетъ быть тоже лишнимъ, или постоянно, или временно, если онъ не приноситъ постоянно одинаковой пользы или не всегда занятъ дѣломъ. Какая польза отъ того, что вы, взявшись за воспитаніе дѣтей и не понимая ни способностей, ни наклонностей ихъ и того, какіе люди нужны обществу, среди котораго вы живете, создадите изъ дѣвочекъ сантиментальныхъ, ничего не знающихъ барышень, внушите имъ, что теорія Дарвина вздоръ и ложь? Какая польза отъ того, что своего сына, который могъ бы быть порядочнымъ обойщикомъ или хорошимъ булочникомъ, вы сдѣлаете лайковымъ франтомъ и истребителемъ устрицъ и шампанскаго, которыхъ ему ѣсть и пить совершенно не по чину, потому что онъ человѣкъ лишній? Создавая только лишнихъ людей, вы сами лишніе, и весь вашъ трудъ, какъ вредный, идетъ въ убытокъ обществу. Но положимъ, что вы не создаете лишнихъ людей. Всѣ ваши ученики выходятъ непосредственные экономическіе производители: сапожники, портные, булочники, земледѣльцы, или производители посредствующіе: управляющіе, машинисты, воины, разныхъ родовъ учителя, администраторы и т. д.; на созданіе этихъ полезныхъ людей вы тратите въ день только два часа, да два часа употребляются вами, чтобы самому или самой приготовиться къ своей воспитательной обязанности; затѣмъ на сонъ и на ѣду расходуется десять часовъ; всего четырнадцать. Куда же идутъ остальные 10 часовъ въ сутки? Вы говорите, что вамъ нужно отдохнуть, и отправляетесь играть въ карты. Но игра въ карты—не отдыхъ; отдыхъ—сонъ, укрѣпляющій тѣло. Значитъ, десять часовъ расходуются у васъ на безполезное дѣло, и на эти десять часовъ вы превращаетесь въ совершенно лишняго человѣка. Въ теченіе цѣлаго года это составляетъ ровно 152 сутокъ, или почти половину жизни вы будете лишнимъ. Положимъ, вы не играете въ карты, но посѣщаете семейные дома. Что же, посѣщать семейные дома хорошо, и находиться въ обществѣ умныхъ женщинъ полезно и необходимо. Но не много ли для этого десяти часовъ, даже и въ томъ случаѣ, если магнитность, влекущая васъ въ семейный домъ, вовсе не экономическаго характера? Экономическая теорія, смотрящая на васъ съ точки зрѣнія экономической выгодности, разрѣшаетъ эти вопросы вполнѣ удовлетворительно. Она разсуждаетъ такъ: экономическій производитель долженъ направлять всѣ свои силы на экономическую дѣятельность. Отдыхаетъ онъ столько, чтобы набраться новыми силами для дальнѣйшаго труда. Всякій отдыхъ, болѣе продолжительный, есть уже праздность. Если вамъ, чтобы подготовить себя къ дальнѣйшему труду, нужно только два часа въ бесѣдѣ съ умными людьми,—третій часъ уже будетъ лишнимъ, а десять—совершенная роскошь и дѣло не разсудительное.

Есть люди, изъ сорта людей, живущихъ праздными фантазіями, для которыхъ совершенно немыслимъ постоянный полезный трудъ. Имъ непремѣнно нужно творить безполезности. Господа эти думаютъ, что для постояннаго полезнаго труда нужно имѣть непремѣнно чугунный организмъ и вмѣсто нервовъ—мѣдную проволоку. О добродушный человѣкъ! сообразите только то, что на выдуваніе съ утра до вечера мыльныхъ пузырей вы истратите ровно столько воздуха и силы, что могли бы выдуть ровно дюжину стакановъ и два графина. А вѣдь дюжина стакановъ все полезнѣе милліона мыльныхъ пузырей. Значитъ, вопросъ совсѣмъ не въ тратѣ силы, потому что каждый тратитъ ея ежедневно несмѣтное множество, а въ томъ, чтобы каждая единица силы шла на произведеніе единицы пользы. Если вы ѣдете верхомъ собственно потому, что не знаете, какъ вамъ убить свое время, то какія бы вы ни производили при этомъ чудеса эквилибристики и джигитовки, вы всетаки производите ровно такую же пользу, какъ еслибы все это время вы спали непробуднымъ сномъ. Сонъ еще будетъ даже полезнѣе, потому что сберегутся силы лошади, которая, еслибы возила въ это время муку, оказала бы людямъ гораздо больше услугъ, чѣмъ нося на своихъ ребрахъ празднаго джигита. Но вы ѣдете не для джигитовки; вы несетесь, чтобы предупредить людей о какомъ нибудь ожидающемъ ихъ несчастіи; вы везете секретъ какого нибудь удивительнаго экономическаго изобрѣтенія или открытія, везете капиталъ для какого нибудь полезнаго предпріятія, везете, наконецъ, просто дѣловое письмо. Все это будетъ трудомъ полезнымъ, тратой силъ для блага, и сами вы превращаетесь въ полезнаго человѣка. Слѣдовательно, вопросъ заключается не въ тратѣ силъ, а въ *полезной* ихъ тратѣ, потому что, везя дѣловое письмо, вы устанете нисколько не больше того, сколько вы устанете, катаясь попусту. Полагаю, что ни для одного изъ этихъ случаевъ не требуется ни чугуннаго организма, ни проволочныхъ нервовъ. Точно также ихъ не нужно и для постоянно полезнаго труда. Въ большинствѣ случаевъ отдыхъ есть, въ сущности, перемѣна занятій. Если вы плотникъ и, протесавъ десять часовъ сряду балки, начнете потомъ стругать доски, то, конечно, это не выйдетъ еще отды-

хомъ; но вѣдь это только потому, что обѣ эти дѣятельности совершенно однородны. Точно также не выйдетъ отдыхомъ, если вы, сочиняя донесенія къ губернатору, перейдете потомъ къ сочиненію предписаній уѣзднымъ исправникамъ. Переходъ долженъ быть иного рода, или, по крайней мѣрѣ, одинъ трудъ долженъ отличаться довольно рѣзко отъ другого.—Такъ какъ настоящую статью я пишу не для плотниковъ и кузнецовъ, то, разумѣется, и во всемъ, что говорю, постоянно имѣю въ виду тѣхъ, къ кому могутъ примѣняться излагаемые мною здѣсь вопросы. Вопросы же эти примѣняются къ людямъ, такъ называемаго, образованнаго сословія, посвящающимъ себя труду не чернорабочему, а болѣе или менѣе головному. При занятіяхъ этого рода отдыхъ дѣйствительно легко сдѣлать только перемѣной труда. Вы человѣкъ ученый и пишете какую нибудь глубокомысленную вещь. Чтобы писать ее, вамъ нужно пустить въ дѣло только извѣстныя силы и стороны ума, потому что каждый трудъ требуетъ только напряженія однѣхъ извѣстныхъ силъ, спеціально служащихъ для его исполненія. Математикъ, разрѣшающій задачи, думаетъ только извѣстными, опредѣленными частями своего мозга; натуралистъ—опять другими; человѣкъ, пишущій экономическую статью, думаетъ тоже не тѣми частями мозга, какими думаетъ пишущій фельетонистъ или романистъ. Поэтому, если вы, занимаясь изслѣдованіями и соображеніями юридическихъ вопросовъ, устали до того, что чувствуете невозможность трудиться дольше съ той же силой мысли, какъ прежде,—оставьте свои юридическіе вопросы и возьмите какое нибудь сочиненіе экономическое, историческое, по естествознанію и пр. Вы сейчасъ же почувствуете, что въ васъ начали работать иныя рабочія силы, а прежнія бездѣйствуютъ. Вотъ это-то бездѣйствіе и будетъ отдыхомъ для вашихъ юридическихъ способностей. Часъ-два другой работы возвратятъ вамъ силы для первой, и этимъ способомъ можно работать цѣлый день, только переходя, въ видѣ отдыха, отъ одного полезнаго занятія къ другому. Люди, посвятившіе себя литературному труду, работаютъ зачастую шестнадцать часовъ въ сутки, — разумѣется, съ нѣкоторымъ напряженіемъ силъ, — а двѣнадцать часовъ постоянно, не чувствуя усталости. А между тѣмъ они вовсе не титаны и не прометеи. Весь секретъ такого непрерывнаго труда заключается въ томъ, что для нихъ чтеніе, составляющее для людей непривычныхъ къ головной работѣ нѣкоторое подобіе пилки дровъ, служитъ отдыхомъ, и, переходя отъ одного предмета занятій или чтенія къ другому, они упражняютъ свои способности поочередно, не изнуряя однихъ на счетъ другихъ. Я знаю, что для большинства образованныхъ людей чтеніе, даже легкое, литературное, составляетъ серьезное занятіе; но вѣдь это происходитъ только оттого, что у нихъ мозгъ пріученъ къ праздному дѣлу. И здѣсь повторяется, но въ другой сферѣ, та же исторія, что и съ мыльными пузырями; съ той же тратой силъ, съ какой человѣкъ производитъ праздныя фантазіи и совершенно безполезныя эквилибристики, онъ могъ бы создать умственное дѣло и пріобрѣсть себѣ умственную пользу. Значитъ, поступая иначе, человѣкъ дѣйствуетъ себѣ въ убытокъ. И не только тѣ, кто посвятилъ себя чисто умственному труду, могутъ отдыхать только перемѣной рода занятій, но и всѣ, занимающіеся трудомъ по преимуществу физическимъ, могутъ отдыхать, переходя къ полезному чтенію. Чтеніе, въ сущности, не есть трудъ; это только удовлетвореніе органической потребности мыслить, которой даютъ пристойное и выгодное направленіе. Вмѣсто того, что человѣкъ, не особенно сильный умственно и предоставленный себѣ, станетъ придумывать какія нибудь непригодности, онъ, вслѣдствіе чтенія мыслей человѣка болѣе умнаго, и самъ пойдетъ по тому умственному пути, на который бы ему, можетъ быть, и не выбраться собственными силами. Какъ умный человѣкъ, явившійся въ общество, забираетъ подъ свое нравственное вліяніе и хозяевъ, и гостей, и даетъ разговору разумный смыслъ, такъ точно дѣйствуетъ и книга: она только наводитъ человѣка на новыя темы и возбуждаетъ его мысль на полезную дѣятельность. Ну, а, конечно, лучше думать умно, чѣмъ глупо, въ особенности если и умныя, и глупыя мысли создаются съ одинаковой тратой силъ.

Высказывая эту теорію непрерывнаго труда, не думаю, чтобы я встрѣтилъ несогласіе въ чемъ либо со стороны моей идеальной читательницы. Если у насъ и можетъ явиться въ чемъ либо несогласіе, то, конечно, только въ формѣ, а не въ сущности. Такъ какъ вы, моя читательница, существо идеальное, т. е. созданное въ моемъ воображеніи, то, конечно, вы не обидитесь, если я—и то собственно для ясности изложенія — предположу въ васъ разныя несуществующія качества. Предполагаю, прежде всего, что вы кисейная барышня,—за это названіе вы на меня не претендуйте, потому что оно принадлежитъ не мнѣ,—въ качествѣ кисейной барышни, вы гоняетесь за мотыльками, рвете цвѣты, вьете изъ нихъ вѣнки, дѣлаете букетики изъ душистыхъ полевыхъ цвѣтовъ и долго-долго вдыхаете въ себя ихъ ароматъ, точно вашей душѣ нужно что-то, и это что-то сидитъ въ вашемъ букетѣ, который вы и тискаете, и прижимаете къ сердцу, и нюхаете до самозабвенія. Я знаю, что вамъ нужно, моя кисейная барышня, но съ суровостью, приличною экономической засушенкѣ, я спрошу васъ только, зачѣмъ вы бѣгаете по росѣ? Только простужаетесь и портите себѣ платье и обувь. Зачѣмъ вы вырываете цвѣты изъ дерна? Пусть бы лучше ихъ съѣла корова. Зачѣмъ вы вдыхаете въ себя до самозабвенія ароматъ цвѣтовъ? Положимъ, что физіологи еще не согласны въ томъ, вредно или полезно дѣйствуетъ цвѣточный запахъ на нервы; но въ экономическомъ отношеніи это, во всякомъ случаѣ, нехорошо. Однимъ словомъ, все, что вы ни дѣлаете,—все нехорошо. А между тѣмъ сколько вы тратите силъ, чтобы производить это «нехорошее»! Къ вечеру вы измучитесь такъ, какъ можетъ измучиться только баба, жавшая съ ранняго утра до поздней ночи; но вѣдь баба нажала, можетъ быть,

сто сноповъ; вы же, не создавъ ничего, произвели только цѣлый рядъ разрушеній: вы разрушили свое здоровье, разрушили платье, обувь; вы помяли траву, вырвали цвѣты; однимъ словомъ, что вы ни дѣлали, все было смерть и разрушеніе, приличное какому нибудь Чингисъ-Хану, а не вамъ, моя идеальная, кисейная барышня.—Что же мнѣ дѣлать?—спрашиваете вы меня. Этого я вамъ теперь не скажу, потому что теперь я говорю только о томъ, что весь вашъ трудъ, всѣ ваши хлопоты и усталость имѣютъ въ результатѣ величину меньшую нуля. Нуль, по крайней мѣрѣ, — равновѣсіе двухъ противоположныхъ силъ; вы же что ни дѣлали, все это было убытокъ, убытокъ и убытокъ. Спросите свою маменьку, хорошо ли это?

Но предположимъ, что вы не кисейная сельская барышня, а барышня городская. Принципы вашихъ дѣйствій отъ этого нисколько не измѣняются. Живи вы въ деревнѣ, вы бы производили разрушеніе разныхъ сельскихъ предметовъ; но въ городѣ вы не бѣгаете, во-первыхъ, потому, что городскія барышни вообще не бѣгаютъ; а во-вторыхъ, что хотя въ нашихъ уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ и растетъ на улицахъ трава, но это далеко не та мурава, которую вамъ было бы пріятно топтать. Тѣмъ не менѣе, вы точно также только разрушаете, тратите свои силы на разныя безполезности, не производите ничего, кромѣ убытка. А между тѣмъ вы заняты съ утра до вечера и ухитряетесь устать каждый день такъ, какъ устаетъ только ваша кухарка или горничная.—Можно было бы отъ барышень обратиться теперь къ дамамъ. Дамы вообще любятъ показать дѣвицамъ свое превосходство и считаютъ великой заслугой быть дамами, хотя въ сущности гордиться тутъ нечѣмъ, и не нужно обладать для этого талантами Ньютона. Гордясь тѣмъ, что общество разрѣшило имъ быть матерями, онѣ изъ этого занятія дѣлаютъ свою исключительную спеціальность и затѣмъ во всемъ остальномъ остаются тѣми же кисейными и некисейными барышнями, производя совершенно такія же безполезности. Хорошо еще, если дама произведетъ Галилея, Прудона или что нибудь въ этомъ родѣ; а если она не производитъ ничего, кромѣ тупоумныхъ людей, и создаетъ изъ нихъ воспитаніемъ только землетоптателей? А между тѣмъ у дамы есть весьма разумное основаніе быть довольной своимъ положеніемъ. Она получила новыя, болѣе широкія права, вступила въ кругъ, представляющій возможность болѣе широкой дѣятельности. Но какое же экономическое употребленіе дѣлаютъ дамы изъ драгоцѣнности, приподнесенной имъ обществомъ въ видѣ свадебнаго подарка? Да никакого. Получивъ право ходить безъ маменекъ по улицамъ, онѣ ходятъ. Получивъ право говорить обо всемъ, онѣ говорятъ; и только. Ни изъ хожденія, ни изъ говоренія не выходитъ ничего экономически полезнаго, и матеріальное благосостояніе общества не возвышается ни на волосъ отъ того, что его дѣвицы превращаются въ дамъ. Такимъ образомъ женская сила уходитъ: у дѣвицъ—на нюханье и прижиманіе къ сердцу букетовъ, служащихъ аллегорическимъ представленіемъ идеальныхъ юношей, а у дамъ—на произведеніе экономически безполезнаго населенія, на безполезное хожденіе и безполезные разговоры. Выгодно ли обществу, когда цѣлая половина его бѣгаетъ только по лугамъ, рветъ цвѣты и затѣмъ производитъ людей сомнительной полезности или даже и вовсе безполезныхъ? Вы отвѣчаете, что невыгодно. Разсудительно ли тратить свои силы на убыточныя занятія, когда той же самой тратой можно произвести полезныя вещи? Вы отвѣчаете: неразсудительно. Больше ли устанетъ человѣкъ, употребивъ свои силы на пустяки и употребивъ тѣ же самыя силы на дѣло? Вы отвѣчаете: не больше. Какое общество будетъ богаче: то ли, въ которомъ большинство ничего не дѣлаетъ, или то, въ которомъ всѣ трудятся полезнымъ образомъ? Вы отвѣчаете: то, въ которомъ всѣ трудятся полезно. Послѣ такого единомыслія съ читателемъ, автору остается только перейти къ слѣдующему вопросу.

II.

Что такое богатство? Богатство—не деньги, потому что денегъ нельзя ѣсть, въ деньги нельзя одѣваться, нельзя въ нихъ жить. Правда, что на деньги можно достать все необходимое, но только достать; а необходимое это всетаки нужно сдѣлать. Еслибы не существовало на свѣтѣ денегъ, вся бѣда заключалась бы только въ томъ, что затруднились бы торговыя сдѣлки, и приходилось бы мѣнять вещь на вещь такъ, какъ нынче мѣняется вещь на деньги. Богатство заключается въ полезныхъ предметахъ, произведенныхъ трудомъ человѣка; что не создано трудомъ, то не богатство. Вода, воздухъ, солнечный свѣтъ или теплота сами по себѣ ровно ничего не стоятъ, и каждый можетъ пользоваться ими, сколько ему угодно. Пока вода течетъ въ рѣкѣ или находится въ озерѣ, вы за нее ровно ничего не дадите, потому что она вамъ не приноситъ никакой пользы. Но вода, принесенная вамъ въ умывальникѣ, уже нѣчто другое: она становится предметомъ полезнымъ, идущимъ на удовлетвореніе точно опредѣленной и положительно извѣстной потребности. Случилось это просто потому, что вашъ водовозъ съѣздилъ на рѣку, начерпалъ тамъ въ бочку воды, бочку эту привезъ къ вамъ во дворъ, а горничная принесла вамъ воду эту въ кувшинѣ. Такимъ образомъ, чтобы водѣ добраться наконецъ до вашихъ рукъ, требовался трудъ нѣсколькихъ лицъ, которыя носили и возили ее: требовался трудъ телѣжника, чтобы сдѣлать телѣгу для возки воды; требовался трудъ бондаря, чтобы приготовить бочку и ушатъ; требовался трудъ шорника, чтобы приготовить сбрую для лошади; трудъ земледѣльца, чтобы приготовить пищу для водовоза, его лошади и вашей горничной; трудъ фаянсоваго мастера, приготовившаго кувшинъ; трудъ сапожника и портного, сшившихъ обувь и платье всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ, прямо и косвенно, въ доставленіи вамъ воды на домъ. Весь этотъ трудъ, разлагаясь, въ той или другой пропорціи, на извѣстное количе-

ство воды, сообщаетъ ей уже извѣстную стоимость, какой она не имѣла, пока находилась въ рѣкѣ. То же самое и съ солнечной теплотой или свѣтомъ. Теперь ни за теплоту, ни за свѣтъ никто ничего не платитъ; но еслибы выискался такой хитрый англичанинъ, который сумѣлъ бы собирать солнечный свѣтъ и закупоривать его въ коробки, какъ сардинки, то и свѣтъ имѣлъ бы извѣстную стоимость, размѣръ который зависѣлъ бы отъ размѣра труда всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ заключеніи свѣта въ коробку. Трудъ является и тутъ той почтенной силой, которая даетъ значеніе полезному предмету. Ваше бархатное платье только потому дороже вашего ситцеваго капота, что на приготовленіе бархата пошло гораздо больше труда, чѣмъ на приготовленіе ситца. Конечно, цѣна вещи опредѣляется еще и ея полезностью. Прованское масло—вещь очень хорошая для салата; но когда вамъ хочется пить, для васъ вода дороже, потому что она полезнѣе, несмотря на то, что приготовленіе прованскаго масла требуетъ гораздо больше труда. Убить соболя и лисицу, можетъ быть, совершенно одинаково трудно; лисица, пожалуй, достанется еще труднѣе, но за соболій салопъ вы дадите всетаки дороже, чѣмъ за лисій, потому что соболь теплѣе, нѣжнѣе, легче и красивѣе, т. е. доставляетъ вамъ большія выгоды. Мода значитъ тоже много въ установленіи цѣны предметамъ, но ея вліяніе не прямое. Мода дѣйствуетъ только усиленіемъ спроса, т. е. наплывомъ сразу множества охотниковъ имѣть непремѣнно извѣстный предметъ. Какія бы, однако, обстоятельства ни соединились при установленіи цѣны какой либо вещи, главнымъ, кореннымъ элементомъ останется размѣръ труда, потому что только трудъ сообщаетъ всѣмъ предметамъ полезность, которой они безъ него никогда бы не имѣли.

Такимъ образомъ, если трудъ сообщаетъ всѣмъ предметамъ полезность, то очевидно, что чѣмъ больше будетъ потрачено труда, тѣмъ больше окажется у людей полезныхъ предметовъ, и тѣмъ люди будутъ богаче. Путешествуя, положимъ, по крестьянскимъ избамъ, вы составляете заключеніе о богатствѣ ихъ обитателей по количеству полезныхъ предметовъ, находимыхъ вами въ домахъ; если въ каждомъ домѣ много только пыли и всякой грязи,—вы еще не скажете, что въ деревнѣ живутъ богатые люди; но если вы, входя въ одну избу, находите стулья, столы, диваны, находите въ шкапу множество всякой посуды, а въ печкѣ множество всякихъ здоровыхъ, питательныхъ и вкусныхъ яствъ; если вы, забравшись въ чуланъ, поражаетесь обиліемъ коровьяго масла, муки, мяса, яицъ и т. д., а въ другой избѣ находите только пыль и таракановъ, въ печкѣ одинъ горшокъ съ пустыми щами, а въ чуланѣ пустоту, то вы рѣшаете, что въ первомъ домѣ живутъ люди богатые, а во второмъ—бѣдные. Сравните себя съ вашей менѣе богатой знакомой. Вы богаче ея только потому, что у васъ больше платьевъ, мантилій, разныхъ шубъ и шубокъ, брошекъ, и серегъ, комнатныхъ украшеній, мебели и т. д. (кстати сообразите, что изъ всего этого добыто личнымъ вашимъ трудомъ, и что снизошло изъ кармановъ вашего мужа или вашихъ папеньки и маменьки). Слѣдовательно, очевидно, что чѣмъ больше у людей всего того, что приноситъ имъ матеріальную пользу,—экономическая наука разсуждаетъ только о матеріальномъ благосостояніи,—тѣмъ они богаче. А чтобы у людей было какъ можно больше всякихъ полезностей, необходимо, чтобы всѣ рѣшительно, т. е. каждый человѣкъ безъ исключенія, производили такіе полезные предметы, и производили ихъ какъ можно больше и какъ можно успѣшнѣе. Чуть только являются въ общество люди ничего не дѣлающіе, или трудъ работающихъ, по какимъ нибудь задерживающимъ обстоятельствамъ, становится неуспѣшнымъ, уровень матеріальнаго благосостоянія страны тотчасъ же падаетъ, т. е. оказывается много людей, не имѣющихъ того количества полезныхъ предметовъ, какое имъ необходимо для полнаго, всесторонняго ихъ развитія. Чѣмъ ниже этотъ уровень, т. е. чѣмъ меньше въ странѣ полезныхъ предметовъ, и чѣмъ больше людей, не имѣющихъ ихъ, тѣмъ страна или народъ бѣднѣе.

Если въ странѣ много людей, выдувающихъ только мыльные пузыри, или кисейныхъ барышень, занимающихся прижиманіемъ къ сердцу букетовъ, или, наконецъ, дамъ, спеціально и исключительно посвятившихъ себя размноженію человѣческаго рода, а затѣмъ больше ничему, то въ этомъ случаѣ устанавливается между людьми трудящимися и ничего недѣлающими такое отношеніе. Для ясности примѣра, я предполагаю такую страну, гдѣ всего два человѣка: ничего недѣлающая кисейная барышня и одинъ трудящійся человѣкъ. Предполагаю при этомъ, что трудящійся человѣкъ не желаетъ, чтобы кисейная барышня умирала съ голоду. Какія же установятся между ними экономическія отношенія? Кисейная барышня, вставая утромъ поздно—отчего же ей не спать долго, когда рано вставать не зачѣмъ? — прикажетъ трудящемуся человѣку принести въ кувшинѣ воды и умоется сама только потому, что вообще не принято, чтобы мужчины подавали дѣвицамъ умываться. Послѣ этого барышня велитъ подать себѣ чаю со сливками и разными вкусными булками и печеньями, чтобы возстановить силы утраченныя сномъ, и отправится на лугъ—побѣгать и нарвать цвѣтовъ. Такъ какъ въ этомъ идеальномъ царствѣ, гдѣ всего два человѣка, было бы странно предположить какого нибудь идеальнаго мужчину, то букеты полевыхъ цвѣтовъ не испытаютъ никакого тисканья и насилія и въ натуральной своей свѣжести поступятъ въ вазы, украшающія будуаръ кисейной барышни. Явившись домой послѣ продолжительнаго бѣганья по травѣ, съ разорванными ботинками и перепачканнымъ платьемъ, барышня переодѣнется и, позвавъ трудящагося человѣка, велитъ ему, вмѣсто разорванныхъ ботинокъ, сшить новыя и перепачканное платье выстирать, и затѣмъ потребуетъ обѣдать. Для полнаго возстановленія силъ, утраченныхъ усиленнымъ моціономъ,

обѣдъ будетъ состоять изъ многихъ разнообразныхъ питательныхъ и вкусныхъ блюдъ, которыя барышня препроводитъ сполна и самымъ граціознымъ образомъ въ свой очаровательный желудокъ. За обѣдомъ послѣдуетъ кофе, который подастъ тотъ же трудящійся человѣкъ, и онъ же принесетъ папиросы, потому что кисейная барышня куритъ. Послѣ обѣда, понѣжась часа два на диванѣ, кисейная барышня побѣжитъ опять на свой лужокъ, чтобы еще разъ перепачкать платье и разорвать башмаки, потомъ прибѣжитъ домой пить чай съ густыми сливками и вкусными булками, что опять принесетъ тотъ же трудящійся человѣкъ; затѣмъ опять убѣжитъ и опять прибѣжитъ поужинать, и, наконецъ, ляжетъ спать, чтобы завтра повторить ту же исторію. Жизнь хорошая. Ну, а что же трудящійся человѣкъ? — Трудящійся человѣкъ встанетъ рано, потому что ему много дѣла. Онъ долженъ посѣять хлѣбъ въ двойной пропорціи, для себя и для барышни; онъ долженъ его снять, вымолотить и смолоть; онъ долженъ подоить корову и снять къ чаю сливки; онъ долженъ добыть чаю, сахару, кофе и всякихъ пряностей, колоніальныхъ товаровъ и сластей, чтобы придать обѣду привлекательность, ибо кисейная барышня очень любитъ сладкое. Онъ долженъ сходить въ лѣсъ и настрѣлять рябчиковъ и куропатокъ, и сходить на рѣку наловить стерлядей и осетровъ. Онъ долженъ готовить обѣдъ и ужинъ. Наконецъ, онъ долженъ шить платье и обувь и мыть бѣлье. Еслибы все это приходилось трудящемуся человѣку производить только на себя одного, то еще бы жить можно. Но бѣда въ томъ, что требуется двойная пропорція, и силъ у человѣка не хватитъ. Чтобы не нарушать душевнаго спокойствія своей повелительницы, трудящійся человѣкъ старается только о томъ, какъ бы удовлетворить потребности своей госпожи, а о себѣ ужъ онъ и не думаетъ. Для нея онъ снимаетъ густыя сливки, а самъ пьетъ молоко; для нея онъ печетъ вкусныя булки и крендели, а себѣ состряпаетъ такъ какую нибудь лепешку, лишь бы поскорѣе; для нея онъ состряпаетъ обѣдъ и ужинъ, а самъ поѣстъ остатки, и если барышня, ради вящаго возстановленія силъ, остатковъ никакихъ не оставитъ, то поѣстъ и одного хлѣба. Сшить себѣ порядочную одежонку или обувь трудящемуся человѣку тоже некогда, и вотъ онъ мастеритъ себѣ тотъ сортъ одѣянія, который зовется лопастью. Однимъ словомъ, трудящійся человѣкъ бьется самъ, какъ рыба объ ледъ, и во всемъ у него недостатки; не знаетъ ихъ одна ничего недѣлающая кисейная барышня.

Обладай барышня только половинной долей производительныхъ силъ противъ трудящагося человѣка, и у нихъ бы развилась совсѣмъ другая жизнь. Барышня бы доила коровъ, жала, стирала бѣлье, стряпала, шила и, избавивъ такимъ образомъ трудящагося человѣка отъ многаго того, что онъ дѣлаетъ теперь, доставила бы ему возможность употребить эту экономію во времени на произведеніе полезныхъ предметовъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ онъ производилъ ихъ до сихъ поръ. Трудящійся человѣкъ устроилъ бы себѣ хорошіе сапоги, завелъ пальто изъ плотной, теплой матеріи; вмѣсто молока, сталъ бы пить тоже сливки и, вмѣсто ржаныхъ лепешекъ, ѣсть булки. Однимъ словомъ, трудящійся человѣкъ зажилъ бы господиномъ. А какъ при трудѣ двухъ людей всегда есть излишки произведеній противъ того, что имъ нужно, то они повезли бы свое масло, хлѣбъ или что тамъ у нихъ есть въ сосѣднюю страну и вымѣняли бы на то, чего сами сдѣлать не умѣютъ, или чего, по климатическимъ условіямъ, имъ и невозможно произвести. Хозяйство обоихъ трудящихся лицъ становилось бы все полнѣе и полнѣе, и явился бы у нихъ, наконецъ, досугъ,—потому что, въ самомъ дѣлѣ, не завалить же себя по горло полезными предметами, когда они, по ненужности, становятся безполезными,—и въ эти досужіе часы кисейная барышня и трудящійся человѣкъ читали бы книжки вмѣстѣ—а то, пожалуй, и порознь, хотя вмѣстѣ все лучше,—и кисейная барышня играла бы трудящемуся человѣку на фортепьяно какія нибудь хорошія вещи и пѣла бы ему хорошія пѣсни.

Но такая усладительная картина есть больше ничего, какъ идеалъ счастья въ нашемъ идеальномъ примѣрѣ. При томъ же порядкѣ, какой издавна заведенъ, производителемъ является одинъ лишь трудящійся человѣкъ, а барышня—только потребителемъ, ровно ничего не производящимъ. А какъ все, что она ни потребляла, шло не на то, чтобы направить ея силы на полезную дѣятельность, то очевидно, что потрачивалось на произведеніе безполезныхъ пустяковъ и не приводило къ экономической цѣли. Это все равно, что вы хотите выстрѣлить изъ ружья въ птицу; стрѣляете, но пуля ваша улетаетъ куда-то въ пространство. Пропала ли у васъ эта пуля, всѣ заряды пороху и вашъ трудъ даромъ, или нѣтъ? Разумѣется, пропали, потому что вамъ слѣдовало попасть, чтобы достигнуть предположеннаго результата. А, не попавъ, вы его не достигли, т. е. остаетесь безъ птицы. Неужели вы станете увѣрять, что птица у васъ въ рукахъ? Точно также и тутъ. Все, что ни дѣлаетъ барышня, это попросту стрѣляніе въ небо. И еще хорошо, еслибы пропадалъ трудъ только ея одной, а то пропадаетъ даромъ и трудъ того, кто снабжаетъ ее всѣмъ необходимымъ для жизни. Когда вы стрѣляли въ птицу и не попали въ нее,—пропалъ вмѣстѣ съ вашимъ трудомъ и трудъ человѣка, который приготовилъ пулю, порохъ и пистонъ. Вѣдь результатъ былъ бы тотъ же, какъ еслибы этихъ вещей совсѣмъ не существовало, и вы бы вовсе не стрѣляли, потому что птица и до сихъ поръ летаетъ въ лѣсу, въ ожиданіи болѣе счастливаго стрѣлка. Я думаю, было бы лучше, еслибы рабочіе, приготовлявшіе зарядъ, пропавшій даромъ, вмѣсто него накосили травы или сшили пару женскихъ рукавчиковъ:—явились бы въ обществѣ двѣ новыя вещи, а теперь ни одной. Для трудящагося человѣка было бы выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи, еслибы кисейной барышни совсѣмъ не существовало; все, что онъ ни подѣлалъ, шло бы тогда исключительно на удовлетвореніе его потребностей. А какъ всѣ его

силы были бы направлены на произведеніе полезныхъ предметовъ, и онъ пилъ, ѣлъ, одѣвался бы для того, чтобы трудиться, то очевидно, что каждый кусокъ хлѣба, который бы онъ съѣдалъ, каждая удовлетворенная умственная или матеріальная потребность реализировались бы затѣмъ въ какую нибудь новую полезность, прежде несуществовавшую. При кисейной же потребительницѣ трудящійся человѣкъ былъ совершенно подобенъ тому рабочему, который приготовилъ ружейный зарядъ для вашего промаха. Всѣ сливки, которыя онъ снялъ, оставшись самъ при жидкомъ молокѣ, всѣ платья, которыя онъ нашилъ, щеголяя самъ въ лопасти, всѣ булки и гастрономическія тонкости, которыя онъ настряпалъ, пробавляясь самъ ржаными лепешками, ушли на то, чтобы дать кисейной барышнѣ силу только мять траву и рвать цвѣты. Значитъ, трудящійся человѣкъ работалъ не для того, чтобы каждая единица его полезнаго труда принесла единицу новаго полезнаго труда, а для того, чтобы своимъ трудомъ питать убыточную дѣятельность безполезнаго человѣка. Трудящійся человѣкъ, самъ того не подозрѣвая, содѣйствовалъ косвенно произведенію мыльныхъ пузырей и былъ похожъ на земледѣльца, добывающаго въ потѣ лица хлѣбъ, чтобы бросить его въ воду. Права ли экономическая наука, если она говоритъ, что трудъ бываетъ выгодный и убыточный? Права ли она, когда и потребленіе дѣлитъ на убыточное и выгодное? Въ приведенномъ примѣрѣ были образчики того и другого. Когда трудящійся человѣкъ работаетъ для себя, т. е. для поддержанія своей дальнѣйшей полезной дѣятельности, — онъ трудится выгодно; когда онъ трудится для ничего недѣлающей барышни,—онъ трудится убыточно. Когда барышня потребляла результаты труда рабочаго человѣка, чтобы доить коровъ и стирать бѣлье,—она потребляла выгодно; когда же она пила и ѣла для того, чтобы только рвать полевые цвѣты, — она потребляла убыточно.

Экономическая теорія, обсуживающая всѣ человѣческія дѣйствія съ точки зрѣнія ихъ экономической выгодности, идетъ послѣдовательнымъ, логическимъ путемъ до крайнихъ мелочей и въ своихъ выводахъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ медоточивые филантропы и люди, увлекающіеся сердечными порывами. Увлекающіеся люди требуютъ любви; но скажите мнѣ, что такое любовь? Укажите мнѣ границы, когда она переходитъ въ ненависть, и научите, какъ не переступать этой черты? Порывистость васъ не научаетъ этому, а экономическая теорія научитъ. Ваше чувство возмущается, когда говорятъ, что извощикъ, везущій шалопая, работаетъ въ убытокъ, а между тѣмъ онъ всетаки работаетъ въ убытокъ; и всѣ извощики всего міра, если они будутъ возить только шалопаевъ, т. е. людей, не производящихъ никакой экономической полезности, будутъ работать въ убытокъ, и не только пойдетъ въ этомъ случаѣ въ убытокъ трудъ извощиковъ, но и трудъ земледѣльцевъ, приготовлявшихъ предметы пищи для нихъ и для ихъ лошадей; пойдетъ въ убытокъ и трудъ портныхъ и сапожниковъ, — однимъ словомъ, пойдетъ въ убытокъ трудъ всѣхъ работниковъ, принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ томъ, чтобы существовали извощики. развозящіе только однихъ шалопаевъ и больше никого. Экономическая теорія идетъ еще дальше. Она говоритъ, что убыточнымъ трудомъ будетъ работа и всѣхъ тѣхъ, кто заготовлялъ платье, обувь, пищу и т. д., даже и на кузнецовъ, шорниковъ, портныхъ, земледѣльцевъ, работавшихъ на извощиковъ, катающихъ шалопаевъ. Докажите, что экономическая теорія ошибается. А если вы этого не докажете, потому что и доказать невозможно, то вамъ придется согласиться и съ тѣмъ, что если желѣзная дорога возитъ только праздныхъ людей, ровно ничего не производящихъ полезнаго, то она тоже идетъ въ убытокъ; что если сапожникъ работаетъ на убыточнаго потребителя,—трудъ сапожника убытокъ; если кухарка стряпаетъ на такихъ же потребителей,—трудъ ея тоже убытокъ. «Итакъ,—возражаете вы,—полезны труды однихъ геніевъ, парящихъ въ высшихъ сферахъ прогресса,—безполезны же труды извощиковъ, ибо извощики возятъ шалопаевъ; труды сапожниковъ безполезны, когда онѣ служатъ въ дурныхъ семействахъ». Затѣмъ вы ставите такой угрожательный вопросъ: «сколько дураковъ ѣздитъ каждый день по Николаевской желѣзной дорогѣ,—слѣдовательно, Николаевская желѣзная дорога безполезна?» Ну, разумѣется, если она возитъ *только* дураковъ. Но вѣдь вы сами знаете, что поставили вопросъ невозможный. Потомъ, что значитъ дураки, дурныя семейства? Экономическая теорія не знаетъ ни того, ни другого; она знаетъ только выгодныхъ и убыточныхъ производителей и выгодныхъ и убыточныхъ потребителей; она доказываетъ только, что не всякій трудъ одинаково производителенъ, и не всѣ люди въ одинаковой степени полезны. Вы и сами знаете это очень хорошо. Неужели вы станете утверждать, что трудъ Уатта и всѣхъ тѣхъ, кто производилъ опыты съ паровыми машинами, былъ одинаково полезенъ съ трудомъ кузнецовъ, исполнившихъ заказы этихъ людей, или что Прудонъ принесъ ту же пользу, какъ и наборщикъ, набиравшій его сочиненія? Если люди, знакомые съ экономической теоріей, сортируютъ экономическую дѣятельность людей по ея полезности и говорятъ, что сапоги, сшитые на убыточнаго производителя, идутъ обществу въ убытокъ, то они хотятъ сказать этимъ только одно, что степень полезности людей бываетъ различна, и что для общества выгоднѣе всего, если каждый человѣкъ производитъ самый выгодный трудъ, какой позволяютъ ему произвести его способности. Экономическая теорія хочетъ только того, чтобы не было праздныхъ людей, и чтобы способности трудящихся проявлялись самымъ выгоднымъ и успѣшнымъ образомъ. А это будетъ возможнымъ только тогда, когда общество проникнется правильными экономическими знаніями и установитъ у себя такіе порядки, при которыхъ всякой способности и силѣ найдется не только вполнѣ соотвѣтственное занятіе, но и людямъ, еслибы они даже отъ всей души

желали производить безполезности, производить ихъ будетъ уже невозможно. Здѣсь мы подошли опять къ тому вопросу, котораго коснулись, когда я сказалъ, что кисейная барышня будетъ играть на фортепьяно для трудящагося человѣка какія нибудь хорошія вещи и пѣть ему хорошія пѣсни.

По отношенію къ изящнымъ свѣтскимъ барышнямъ и салоннымъ джентльменамъ экономическая теорія—наука грубая, и свой противосвѣтскій элементъ она проявляетъ съ такой безпощадной суровостью, которая можетъ показаться даже несправедливостью. Напримѣръ, вооружась противъ кисейной барышни, рвущей полевые цвѣты, съ тою цѣлью, чтобы они исправляли должность идеальнаго юноши, экономическая теорія позволяетъ подобное занятіе людямъ, производящимъ и полезный трудъ. Конечно, она и къ нимъ относится довольно сурово, т. е. разбираетъ, съ какою цѣлью они занимаются рваньемъ цвѣтовъ. Про ботаниковъ и натуралистовъ и говорить нечего: у нихъ цѣль ученая, наука и т. д. Но экономическая теорія смотритъ съ благосклонной улыбкой на столяра и сапожника, если они, измученные работой, выйдутъ въ поле погулять и набраться свѣжими силами, когда они валяются на травѣ, рвутъ цвѣты. Вѣдь не каменное же существо, въ самомъ дѣлѣ, мастеровой, и ему позволяется любить природу и чувствовать наслажденіе, вдыхая живительный воздухъ, болѣе свѣжій и здоровый, чѣмъ душный воздухъ мастерской. Дѣло другое, если мастеровой не хочетъ работать и валяется на травѣ не для того, чтобы запастись свѣжими силами, а просто, чтобы убить время. Въ этомъ случаѣ мастеровой не отличается ничѣмъ отъ кисейной барышни, и экономическая теорія отворачивается отъ него и причисляетъ его къ разряду лишнихъ людей. Неуваженіе къ валянью на травѣ и къ собиранію полевыхъ цвѣтовъ экономическая теорія обнаруживаетъ совсѣмъ не потому, чтобы подобныя занятія были дурны сами по себѣ, а потому, что у современнаго человѣчества есть дѣла поважнѣе. Кто же не знаетъ, что гулять на воздухѣ пріятно? Не будь это удовольствіемъ, никто бы не сталъ ни гулять, ни лежать на травѣ, ни рвать цвѣтовъ. Но дѣло не въ пріятности, а въ томъ, что подобныя занятія, причисляемыя вообще къ изящнымъ и высшимъ наслажденіямъ, въ большинствѣ случаевъ несвоевременны и составляютъ совершенную роскошь. Еслибы природа приподносила человѣку готовое платье и жареныхъ рябчиковъ, то, разумѣется, человѣку оставалось бы только возсѣдать на пиру природы и поѣдать все, что ему предлагается, а затѣмъ, для пищеваренія, отдыхать въ тѣни банана, наслаждаясь его плодами. Обезпеченный въ своихъ первыхъ потребностяхъ, человѣкъ обратился бы тогда къ высшимъ, изящнымъ удовольствіямъ и жилъ бы, какъ Адамъ въ раю. Но какъ этого нѣтъ, и человѣку нужно добывать хлѣбъ собственными руками, то очевидно, что по степени полезности первое мѣсто принадлежитъ тому сорту труда, который направленъ на произведеніе предметовъ первой, главной необходимости, а все то, что составляетъ тонину изящества и высшихъ эстетическихъ наслажденій, составляетъ уже корону, которую позволяется человѣку надѣть на себя, когда онъ прилично сытъ и прилично одѣтъ. Иначе можно уподобиться жителю Отаити, надѣвающему щегольской фракъ на голое тѣло.—Кисейная или другая изящная барышня, воспитаніе которой было направлено къ тому, чтобы она умѣла изображать изъ себя фею, чтобы въ ней сосредоточивался источникъ высшаго наслажденія для насъ, грубыхъ мужчинъ, чтобы она соединяла въ себѣ одной всѣхъ музъ и грацій, — такая барышня, конечно, неоцѣненный даръ для рая Магомета; но на землю снизошла она нѣсколькими вѣками ранѣе, чѣмъ бы ей слѣдовало, чтобы получить отъ экономической теоріи билетъ на право жительства.

Не смущайтесь этимъ приговоромъ, моя многоуважаемая читательница, и не думайте, чтобы я сталъ проповѣдывать всеистребительный походъ противъ роялей, флейтъ, скрипокъ, контрабасовъ, віолончелей, чтобы я предлагалъ превратить всѣ театры въ молотильные сараи. Играйте на роялѣ и пойте, какъ божья птичка, когда у насъ есть на то время; а рабочіе люди васъ послушаютъ, потому что вѣдь и они любятъ музыку; но не дѣлайте изъ празднаго занятія существенной стороны своей жизни и не тратьте свое время на музыкальное образованіе, не имѣя музыкальныхъ способностей; лучше научитесь печь вкусныя булки. Если вы взглянете разсудительнымъ окомъ на то, какъ воспитывали васъ и вашихъ сестеръ, то, разумѣется, согласитесь, что изъ васъ хотѣли сдѣлать небожителей, а не земныхъ людей, которымъ нужно пить и ѣсть и самимъ добывать свой хлѣбъ. Вы вяжете превосходныя тамбурныя салфетки и приподносите это изящество въ подарокъ вашему брату въ то время, какъ его сапоги просятъ заплаты, и изъ чулокъ лѣзутъ вонъ пальцы; вы брянчите на разстроенномъ фортепьяно и въ то же время не умѣете заштопать своего платья, а для этого дѣла долженъ существовать особенный родъ людей, которые могли бы заниматься другимъ, болѣе полезнымъ дѣломъ; вы играете постыднымъ образомъ три-четыре польки и наводите уныніе на порядочныхъ людей своимъ полнымъ музыкальнымъ невѣжествомъ и всетаки воображаете, что вы производите музыку; вы награждаете своего мужа безешкой въ то время, какъ ему нуженъ дѣльный совѣтъ, и полагаете, что вы ужасно одолжаете его; вы не находите никакого разговора достойнымъ вашего вниманія, если дѣло не касается любви и эстетическихъ наслажденій, и считаете умнымъ и пріятнымъ только того мужчину, который умѣетъ говорить о сердечныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ вы тратите всѣ свои силы на произведеніе предметовъ, служащихъ исключительно для украшенія жизни, тогда какъ вашъ мужъ или отецъ выворачиваютъ всѣ свои мозги, чтобы придумать, какъ бы добыть именно тотъ кусокъ хлѣба, который идетъ исключительно на возбужденіе въ васъ эстетической дѣятельности. Ну, не выгоднѣе ли было бы для вашей семьи, еслибы вы никогда не учи-

лись брянчать свои безтолковыя польки и то время, которое посвятили музыкальному образованію, употребили на изученіе башмачнаго мастерства?

На свѣтѣ еще слишкомъ мало полезныхъ предметовъ, чтобы люди обыкновенныхъ способностей изощряли ихъ на произведеніе разныхъ неудачныхъ эстетическихъ наслажденій. Намъ нужны еще башмаки, сапоги, платье, хлѣбъ и булки; много еще нужно намъ разныхъ вещей, чтобы жить по человѣчески, и если руки, способныя производить все это, отвлекаются на игру на фортепьяно, на вышиванье по канвѣ, а губы на произведеніе только безешекъ, то всѣ эти силы расходуются убыточнымъ образомъ на ненужную роскошь. Помните ли, когда трудящійся человѣкъ сталъ услаждаться хорошей музыкой и хорошими пѣснями? Только тогда, когда кисейная барышня превратилась въ экономически полезнаго человѣка и понесла на себѣ долю трудовъ по своимъ силамъ. Только тогда явилось въ ихъ хозяйствѣ всего много; только тогда явились излишки, и только тогда явилось свободное время и возможность посвятить его высшимъ наслажденіямъ. Недаромъ же музыка, пѣніе, танцы, театръ и т. д. называются украшеніемъ жизни; но вѣдь украшеніе слѣдуетъ только за необходимымъ. Отчего простонародье не знаетъ украшеній жизни?—Только потому, что всѣ силы его идутъ на произведеніе предметовъ первой необходимости, и затѣмъ у него не остается нисколько досуга для развитія въ себѣ высшихъ человѣческихъ потребностей. Но выгодно ли для общества, если одна часть людей расходуетъ всѣ свои силы на полезный трудъ и затѣмъ, по недостатку досуга, пребываетъ въ варварской грубости, а другая, не производя ровно ничего полезнаго, посвящаетъ все свое время высшимъ наслажденіямъ и пользуется одна всѣми украшеніями жизни? Этой частью, воспитывавшеюся для наслажденій и жившею одними украшеніями, были вы, моя идеальная читательница. Пока вы этого не понимали, вамъ жилось легко и хорошо, ваши потребности были ограничены; я не смѣю сказать, чтобы хорошая безешка была единственной мечтой и цѣлью вашихъ стремленій, хотя водились и такія женщины; но не смѣю также и отрицать ея примитивной важности въ вашей счастливой жизни. Но вотъ пошли тучи,—ужъ, право, не знаю,—съ востока или съ запада, ну, да все равно; дѣло въ томъ, что пошли,—и вы почувствовали, что вашему былому счастью чего-то недостаетъ; что одни наслажденія и украшенія жизни—пустота и пустота; голова требуетъ другой мысли, а не той, какую она знала до сихъ поръ, а сердце—другого чувства, какого оно не испытывало. Узко показалось вамъ въ томъ тѣсномъ кружкѣ мелочныхъ ощущеній, желаній и стремленій, въ которомъ вы плавали до сихъ поръ, какъ водяной жукъ въ лужѣ, и захотѣлось вамъ простора и свѣжей среды. Но гдѣ ихъ взять? Ихъ нѣтъ готовыми въ природѣ, какъ не существуетъ готовыхъ зонтиковъ и жареныхъ карасей, а нужно создать своимъ собственнымъ трудомъ. И вотъ вы задумались, и изморщился вашъ гладкій лобъ, сіявшій до сихъ поръ только довольствомъ, и думаете вы, и думаете, и ничего выдумать не можете, и стало у васъ на душѣ тяжело, и стали вы недовольны,—и то благо!

Одно только угадали вы вѣрно, что поперекъ вашей жизни сталъ экономическій вопросъ, и что, порѣшивъ его строго раціональнымъ путемъ, вы порѣшите и всѣ остальные свои вопросы.

Теоріей непрерывнаго труда я возбудилъ непремѣнно враждебныя мысли къ такому нелѣпому и смѣшному ученію,—но не въ васъ, читательница, живущая работой и собственными руками добывающая себѣ честное, хотя, можетъ быть, и очень скудное существованіе. Вы не скажете, что я говорилъ глупости, потому что вы знаете, что значитъ трудъ, какое высокое наслажденіе быть честнымъ работникомъ, сознавать себя независимымъ и не считать себя лишнимъ на землѣ. Не возбуждалъ я неудовольствія и въ васъ, моя юная читательница и, можетъ быть, кисейная барышня, потому что, хотя вы и не дѣлаете ровно ничего полезнаго, и ни разу въ жизни не являлся вамъ вопросъ, кто именно трудится для того, чтобы къ вашему обѣду слеталась жареные рябчики и куропатки, чтобы къ вашему чаю являлись вкусныя булки и жирныя сливки, чтобы къ пикникамъ и къ танцовальнымъ вечерамъ приносились вамъ разныя бальныя обновки, и вообще кто устраиваетъ жизнь, для васъ веселую; но я знаю, что вы дѣвушка прогрессивная: это значитъ, что у васъ честная и умная натура; что если вамъ не являются никогда никакіе дѣльные вопросы, то это только потому, что вы не встрѣтились еще ни разу ни съ однимъ умнымъ человѣкомъ, ни съ одной умной книжкой; что все окружавшее васъ было тиной, закрывавшей толстымъ слоемъ все, что природа дала вамъ хорошаго, и не позволяло этому хорошему пробиться наружу. Я знаю также, что, несмотря на всѣ удобства, которыми вы окружены, несмотря на покойную и разсѣянную жизнь, вамъ всетаки не весело, и на душѣ у васъ не легко. Вы считаете, что вамъ хорошо только потому, что вы не видѣли никогда ничего лучшаго, какъ человѣкъ, лакомившійся только кочерыжками, не имѣетъ понятія объ ананасѣ. Но, среди воображаемыхъ вами радостей, у васъ являются минуты непонятнаго для васъ неудовольствія или, какъ выражаются поэты, душевной пустоты, и вамъ хочется чего-то другого, а не того, чѣмъ вы пользуетесь. Чѣмъ чаще посѣщаютъ васъ минуты такого неудовольствія, тѣмъ очевиднѣе, что вы не тамъ, гдѣ вамъ нужно быть, и что вы дѣлаете не то, что вамъ дѣлать слѣдуетъ. Въ васъ сказывается ваша хорошая натура, и ваши тонкіе нервы не удовлетворяются впечатлѣніями, которыя приподноситъ вамъ окружающая васъ тупая и грубая жизнь. Поблагопріятствуютъ вамъ обстоятельства, т. е. встрѣтитесь вы съ хорошимъ и умнымъ мужчиной,—вы спасены, и въ одинъ мѣсяцъ совершится въ васъ такой поворотъ, что вы порѣшите окончательно со всѣмъ своимъ прошлымъ и начнете перерабатывать себя; не встрѣтите ни одного умнаго человѣка, ни одной дѣльной, руководящей книги,—и ваши нравственныя неудовольствія прекратятся по-

немногу; примиритесь вы со всѣмъ, что васъ не удовлетворяло прежде, и, съ тупымъ смиреніемъ подчинившись своей судьбѣ, вы превратитесь въ мать семейства, способную только варить манную кашу для своихъ дѣтей и воспитывать въ нихъ ту же тупую покорность, которая и въ васъ убила все человѣческое, со всѣми его благородными порывами и стремленіями. Когда вы дойдете до этого мертвящаго состоянія, тогда вы сдѣлаетесь неспособны не только читать, но и думать о чемъ бы то ни было, и, слѣдовательно, я совершенно застрахованъ отъ вашего неудовольствія или удовольствія; но, пока вы еще прогрессивная дѣвушка, вы согласитесь со мной, я это знаю.

III.

До сихъ поръ я говорилъ только о трудѣ и буду говорить о немъ много. Но я говорилъ о трудѣ вообще, какъ о необходимомъ элементѣ матеріальнаго благосостоянія и довольства человѣчества. Вы знаете, что все, чѣмъ живутъ люди, создается ихъ трудомъ; вы знаете, что общее благосостояніе возможно только тогда, когда будетъ трудиться всякій человѣкъ безъ исключенія—трудиться полезнымъ, производительнымъ образомъ, а не забавляясь на счетъ бѣднаго работника. Но человѣкъ живетъ не одинъ; внѣ общества ему жить невозможно. Даже Робинзону Крузе стало жить легче, когда онъ обзавелся Пятницей. Между тѣмъ у Робинзона жизнь была простая, несложная. Одѣвался онъ въ звѣриныя кожи, ходилъ босикомъ, ѣлъ коренья. Такъ просто живутъ только дикари. По мѣрѣ развитія потребностей, развивается и экономическій бытъ. Это значитъ, что вмѣсто десяти вещей, которыми удовлетворялись Робинзонъ и Пятница, приготовляя всѣ эти десять вещей своими собственными руками, людямъ становятся нужны уже сотни вещей, и Робинзону съ Пятницей своими руками ихъ не приготовить. Въ этомъ случаѣ наступаетъ пора раздѣленія труда.

Обратите вниманіе на экономическую сложность вашей жизни, и вамъ станетъ совершенно ясно, какой экономическій порядокъ долженъ установиться въ раздѣленіи труда. Посмотрите, что вамъ подается за чаемъ, за кофе, за обѣдомъ. Робинзонъ и Пятница, когда чувствовали голодъ, отправлялись въ свой огородъ, вырывали въ немъ какую нибудь рѣпу, шли въ лѣсъ, ловили дикаго козла, взлѣзали на пальму, срывали кокосъ и затѣмъ всѣ эти драгоцѣнности поглощали въ ихъ простѣйшемъ видѣ. Жить по способу Робинзона вамъ, конечно, неудобно и невозможно. Вамъ доставляется чай, положимъ, безъ особенныхъ затрудненій изъ какого нибудь магазина съ Невскаго проспекта или Кузнецкаго моста. Но не такъ просто попалъ чай въ магазинъ, какъ онъ попадаетъ въ вашу чайницу. Населеніе нѣсколькихъ огромныхъ провинцій огромнаго государства занимается спеціально взращеніемъ и приготовленіемъ этого растенія; тысячи извозчиковъ и судовщиковъ везутъ его сухимъ путемъ и рѣками до главныхъ торговыхъ центровъ своей страны, гдѣ опять сотни европейскихъ купцовъ покупаютъ его, грузятъ въ корабли или наваливаютъ на повозки и отправляютъ въ европейскіе торговые центры; здѣсь являются новые купцы, но уже не сотни и не тысячи, а десятки тысячъ; здѣсь являются опять и новые возчики, судовщики, рабочіе для грузки и выгрузки, дорожные приказчики; являются, наконецъ, купцы большихъ чайныхъ магазиновъ и мелкіе торговцы, продавцы чая для васъ, моя богатая читательница, и особые продавцы для бѣдной старушки-вдовы, покупающей его золотниками. Чай, взращенный, высушенный и приготовленный въ одной части свѣта, при посредствѣ сотенъ тысячъ людей, занимающихся каждый своимъ дѣломъ, расходится по городамъ, городкамъ, селамъ, деревнямъ всей Европы и Америки. Ну, могли ли бы сдѣлать подобную штуку Робинзонъ Крузе и Пятница, предполагая даже, что одинъ бы жилъ въ Китаѣ, а другой въ Европѣ? Конечно, нѣтъ. Чтобы дѣло шло въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. именно въ томъ, какъ оно дѣлается, и чтобы чай попадалъ въ вашу чайницу съ тѣми удобствами, съ какими онъ попадаетъ теперь, нужно непремѣнно, чтобы многочисленныя отдѣльныя группы людей занимались многоразличными манипуляціями возрощенія, приготовленія чая, приготовленіемъ для него ящиковъ, упаковкой, перевозкой сухимъ путемъ, моремъ, сплавомъ по рѣкамъ, опять выгрузкой, продажей, покупкой и распродажей. И все это въ нѣсколькихъ частяхъ свѣта. Будь все это иначе, т. е. тѣ же самые китайцы, которые взращаютъ и приготовляютъ чай, сами бы упаковывали его, сами бы развозили до корабельныхъ пристаней, сами бы доставляли въ Европу и здѣсь, развозя повсюду, сами бы его и распродавали въ городахъ и деревняхъ и, распродавъ все, снова бы отправлялись домой, чтобы снова повторить ту же исторію,—то чай, за который вы платите теперь два рубля, стоилъ бы тогда шесть. Это произошло бы оттого, что при томъ способѣ производства и распредѣленія чая между потребителями, какой существуетъ нынче, производится гораздо меньше затраты силъ и меньшій расходъ труда, выражающійся наглядным для васъ образомъ въ томъ, что вы платите за фунтъ два рубля; но еслибы тѣми же самыми операціями стали заниматься сами производители чая, то потрата силъ вышла бы значительно большая, и за излишекъ труда вамъ пришлось бы заплатить лишнихъ четыре рубля. Такой распорядокъ занятій, при которомъ отдѣльные люди занимаются отдѣльными дѣлами, приводящими къ одному общему результату, называется раздѣленіемъ труда.

Тѣмъ, что вы пользуетесь въ своей цивилизованной жизни такими разнообразными матеріальными удобствами, начиная съ прюнелевыхъ ботинокъ, которыхъ тоже не зналъ Робинзонъ, и до вапероваго бальнаго платья и золотыхъ съ эмалью женевскихъ часовъ, вы обязаны исключительно системѣ раздѣленія труда, при которой одни люди дѣлаютъ одно, другіе другое, третьи третье. Только при раздѣленіи занятій возможно довести производства до того совершенства и дешевизны, до которой

они доведены нынче. Адамъ Смитъ первый показалъ важность этой формы сочетанія труда и привелъ примѣръ, который съ тѣхъ поръ цитируется всѣми экономическими писателями. Такъ какъ примѣръ этотъ хорошій, то и я его повторю. Адамъ Смитъ говоритъ о процессѣ приготовленія булавокъ. Процессъ этотъ заключаетъ въ себѣ 18 особыхъ операцій. Одинъ человѣкъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки, пятый приготовляетъ противоположные концы для головки; затѣмъ слѣдуетъ насаживаніе головокъ, требующее трехъ особыхъ операцій; потомъ бѣленіе, вкалываніе на бумажку... «Я,—говоритъ Адамъ Смитъ,—видѣлъ маленькую фабрику, на которой работало только 10 человѣкъ, такъ что инымъ приходилось дѣлать двѣ или три разныя операціи. Но, хотя они были очень бѣдны, и потому инструменты, нужные для дѣла, были у нихъ довольно плохи, они всетаки, когда работали прилежно, могли сдѣлать всѣ вмѣстѣ около 12 фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ считается больше 4.000 булавокъ средней величины. Итакъ, эти 10 человѣкъ могли сдѣлать больше 48.000 булавокъ въ день, то есть можно считать, что каждый изъ нихъ, исполняя десятую часть изъ 48.000 булавокъ, дѣлалъ по 4.800 булавокъ въ день. А еслибы они работали врозь другъ отъ друга, и еслибы каждый изъ нихъ не былъ обученъ своему особенному дѣлу, то навѣрное всякій изъ нихъ не сдѣлалъ бы и 20 булавокъ въ день, — можетъ быть, не сдѣлалъ бы ни одной».

Приведу еще одинъ примѣръ. Въ часахъ каждая отдѣльная часть приготовляется особыми рабочими, и, чтобы часы явились въ томъ видѣ, въ какомъ вы ими владѣете, имъ нужно пройти 43 операціи. Вотъ перечисленіе этихъ операцій: выдѣлка матеріала для часовъ, приготовленіе ходовъ, приготовленіе колесныхъ скольженій, державокъ баланса, зубчатыхъ колесъ, колесъ и зубчиковъ для ходовъ, колесныхъ приборовъ, различныхъ составныхъ частей часового механизма, регуляторовъ, пружинъ, фузей, волосковъ и замочковъ для запиранія часовъ, цѣпочекъ, балансовъ, стрѣлокъ, колечекъ для часовыхъ корпусовъ, внутреннихъ дощечекъ, дощечекъ для циферблатовъ, покрываемыхъ эмалью, металлическихъ циферблатовъ, расписываніе циферблатовъ, шлифованіе приборовъ для позолоты, позолота, гравированіе, украшеніе часовъ разными фигурами и арабесками, гравированіе буквъ и пр., и пр. Въ Швейцаріи считается 40.000 человѣкъ, занимающихся приготовленіемъ часовъ. Они приготовляютъ въ годъ $1^1/_4$ милліона часовъ, т. е. на каждаго мастера приходится ежегодно около 31 часовъ. Но еслибы каждый изъ рабочихъ занимался всѣми 43 операціями, то, конечно, онъ едва приготовилъ бы и четверть.

Въ приведенныхъ мною примѣрахъ вы можете усмотрѣть два рода сочетанія труда. Въ приготовленіи булавокъ и часовъ сочетаніе простое, т. е. большее или меньшее число лицъ въ извѣстной послѣдовательности занимаются однимъ общимъ дѣломъ, и въ результатѣ получается извѣстный предметъ. На фабрикѣ или на мануфактурѣ, на которой приготовляются матеріи для вашего шелковаго платья, приготовляются ленты для вашей шляпки, прюнель для вашихъ ботинокъ, — сочетаніе тоже простое. Здѣсь люди видятъ, что всѣ ихъ усилія и весь ихъ трудъ, какъ бы онъ ни былъ изолированъ, направлены къ одному дѣлу, въ результатѣ котораго получается или шелковая матерія, или ленты, или прюнель. Если нѣсколько человѣкъ рубятъ одно толстое дерево, то хотя каждый изъ нихъ дѣйствуетъ отдѣльно своимъ топоромъ, но они понимаютъ очень хорошо, что трудъ у нихъ общій, и насколько они помогаютъ другъ другу. Слѣдовательно, при простомъ сочетаніи, безъ всякихъ особыхъ умственныхъ усилій, очевидна сущность и значеніе кооперативнаго труда. Но въ сочетаніи сложномъ это нѣсколько хитрѣе. Возчикъ, нагружающій свою телѣгу чайными цибиками гдѣ нибудь въ Казани, чтобы везти чай въ Стерлитамакъ, не имѣетъ ровно никакого понятія о томъ, какой пружиной служитъ онъ во всей чайной операціи, и какое его отношеніе къ китайцу, обрывающему чайные листочки въ Фучанской провинціи Поднебесной имперіи. А между тѣмъ — какъ необходимъ для стерлитамакскихъ барышень казанскій возчикъ, также необходимъ для нихъ и китаецъ Фучанской провинціи. Предположимъ, что возчики, доставляющіе до сихъ поръ чай изъ Казани въ Стерлитамакъ, исчезаютъ съ лица земли; очевидно, что стерлитамакскія барышни останутся безъ чая, потому что кто же имъ его привезетъ? Не все ли это равно, какъ еслибы исчезли съ лица земли всѣ китайцы Фучанской провинціи? Въ результатѣ у стерлитамакскихъ жителей не было бы тоже чая. Или предположите, что въ уѣздныхъ городахъ исчезаютъ всѣ мелочные чайные торговцы, — кто же станетъ продавать чай, и будетъ ли чай въ уѣздныхъ городахъ? Ясно, что для уѣздныхъ городовъ наступитъ такой порядокъ вещей, какъ еслибы Китай со всѣми своими чайными плантаціями провалился сквозь землю. Слѣдовательно, какъ въ простомъ сочетаніи, которое въ то же время есть и раздѣленіе труда, каждый рабочій, занимающійся отдѣльной операціей, необходимъ для успѣшности дѣла и для возможности его существованія, такъ точно и въ сочетаніи сложномъ, обнимающемъ цѣлый рядъ, повидимому, самостоятельныхъ операцій, каждая отдѣльная операція необходима для существованія цѣлаго. Выньте въ часахъ какое нибудь колесо,—и часы перестанутъ ходить, т. е. результатъ тотъ же, какъ еслибы часовъ совсѣмъ не было. Подобнымъ же образомъ связаны между собою всѣ отдѣльныя отрасли экономическаго труда и всѣ экономическіе производители. Надѣвая бальное платье, украшенное лентами, ленточками, бантами, кружевами, бархатомъ и т. д., вы совсѣмъ и не воображаете, какой передъ вами поучительный матеріалъ для поучительныхъ экономическихъ соображеній. На этомъ платьѣ вы можете понять сущность той экономической солидарности, которая связываетъ человѣка съ чело-

вѣкомъ и, наконецъ, весь человѣческій родъ. Чтобы могло явиться на свѣтъ ваше облаку-подобное платье, нужно было, прежде всего, чтобы когда-то, очень давно, жилъ на свѣтѣ Робинзонъ Крузе или нѣкто ему подобный, чтобы у Робинзона явилась жена, чтобы рядомъ съ Робинзономъ поселился Пятница и обзавелся тоже женой. Сначала Робинзонъ и Пятница, съ ихъ семействами, питались въ сыромъ видѣ кокосами, кореньями, англійскимъ бифстексомъ изъ дикаго козла и одѣвались въ сырыя кожи. Устроившись хозяйствомъ и обзаведясь достаточнымъ количествомъ кокосовъ, всякихъ кореньевъ, козами и козлами, Робинзонъ и Пятница, съ ихъ семействами, достигли того экономическаго благосостоянія дикарей, при которомъ является уже досугъ, а слѣдовательно, и возможность умственнаго развитія и стремленія къ улучшенію своего быта. Заручившись этою возможностью, Робинзонъ и Пятница начали находить, что прежняя рѣпа, которую они поглощали въ сыромъ видѣ, не такъ вкусна, кокосъ также; что постоянное потребленіе кокосовъ, рѣпы и козлятины наконецъ наскучаетъ. И вотъ дикіе люди стали измышлять, какъ бы изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ приготовить что нибудь повкуснѣе. Подумали — и догадались. Потомъ точно также имъ перестало нравиться и ихъ козлиное одѣяніе...

Вы отъ меня не потребуете, чтобы я шагъ за шагомъ разсказывалъ вамъ исторію вашего бальнаго платья. Во первыхъ потому, что пришлось бы сообщить вамъ догадки и соображенія, а главное, что это вышло бы очень длинно и скучно. Когда фамиліи Робинзона и Пятницы очень размножились и, переженившись, образовали многочисленные отдѣльные роды, такъ что весь нѣкогда необитаемый островъ наполнился людьми, то они сообразили, что въ распредѣленіи экономическихъ занятій они могутъ держаться системы болѣе выгодной, чѣмъ ихъ пращуры, достопочтенные Пятница и Робинзонъ. Сообразивъ все это, обитатели острова порѣшили раздѣлить свои занятія. Это было первымъ шагомъ къ раздѣленію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сочетанію труда. Одни занялись земледѣліемъ, другіе—обработкой сырыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, третьи—приготовленіемъ изъ нихъ разныхъ предметовъ для дальнѣйшаго употребленія, четвертые взяли на себя разнообразную ремесленную, фабричную и заводскую дѣятельность, пятые пошли въ возчики, судовщики, и такимъ образомъ первоначальный Пятница, бывшій одинъ всѣмъ на свѣтѣ, какъ только онъ распался на многочисленное потомство, — распались и его многочисленные таланты. Каждый талантъ нашелъ себѣ отдѣльнаго представителя; и въ цѣлой совокупности они составляютъ того Пятницу, который нѣкогда одинъ дѣлалъ все. Какъ для Пятницы всѣ его таланты были необходимы, такъ необходимы и всѣ развѣтвленія занятій для его потомковъ, потому что только общею ихъ совокупностью составляется общая экономическая гармонія и создается общее матеріальное удовлетвореніе. Однимъ словомъ, теперешній экономическій міръ — это гигантскій Пятница, производящій все самъ на себя; какъ бы ни были, повидимому, различны и отдалены одни производства отъ другихъ, но они тѣсно связаны между собою: каждое изъ нихъ зависитъ отъ другого, и ни одно изъ нихъ не можетъ существовать безъ помощи другихъ.

Посмотрите на ваше облачное платье: что можетъ быть общаго между нимъ и сиволапымъ мужикомъ, къ которому вы относитесь сверху, или между нимъ и краснощекимъ мясникомъ или булочникомъ-нѣмцемъ, снабжающими своими произведеніями обитателей Невскаго проспекта? А между тѣмъ, не потрудись сиволапъ, въ потѣ лица, надъ своимъ полемъ, — не было бы хлѣба; а не было бы хлѣба, — нечего было бы ѣсть тому рабочему, который ткалъ матерію для вашего платья; нечего было бы ѣсть и той модисткѣ, которая его шила. Предположите, что сиволапъ наготовилъ бы хлѣба ровно столько, сколько ему нужно для себя и для своего семейства: и въ этомъ случаѣ вамъ тоже не имѣть бы платья, потому что ткачъ пошелъ бы самъ пахать землю, чтобы не умереть съ голоду; да и модистка принялась бы по той же причинѣ за земледѣліе. Но земледѣлецъ — человѣкъ кроткій и трудолюбивый. Онъ произвелъ столько хлѣба и другихъ земледѣльческихъ произведеній, онъ развелъ столько скота, что даетъ возможность существовать всѣмъ тѣмъ людямъ, кто приготовляетъ для васъ газы, тюли и бархаты, кто печетъ для васъ булки, пряники и пирожное, кто доставляетъ къ вашему обѣду сладкое мясо, спаржу, салатъ и ранніе огурцы и зелень; кто дѣлаетъ для васъ люстры и бронзу; кто играетъ для васъ на балу на разнообразныхъ инструментахъ; кто пишетъ для васъ разныя назидательныя книжки и популярныя статьи. Еслибы земледѣлецъ не производилъ столько излишковъ, чтобы ими могли продовольствоваться всѣ эти труженики, то имъ бы пришлось самимъ пахать землю; а еслибы они при этомъ производили хлѣба ровно столько, сколько имъ необходимо для себя, то вы, моя многоуважаемая читательница, очутились бы въ положеніи не особенно веселомъ: вамъ предстояла бы весьма грустная альтернатива, т. е. выборъ между двумя крайностями—или самой пахать землю, или умереть съ голоду; я думаю, вы согласились бы скорѣе на первое, потому что съ чего же вамъ, такой красивой и молодой, умереть, не поживши?

Теперь же, при той кротости, какою отличаются земледѣльцы, организовался слѣдующій порядокъ. Земледѣльцы производятъ хлѣба и всякаго сельскохозяйственнаго сырья столько, что даютъ возможность быть сытыми всѣмъ тѣмъ, кто занимается ремеслами, торговлей, разными заводскими и различными производствами, и тѣмъ, кто ровно ничего не дѣлаетъ или же, гоняясь за бабочками и мотыльками, полагаетъ что Богъ создалъ ихъ для нѣжной любви и больше ни для чего. Этотъ излишекъ пищи кормитъ всѣхъ обитателей городовъ. Такъ какъ у земледѣльца все его время уходитъ на возрощеніе хлѣба, воспитаніе скота, и онъ изображаетъ изъ себя основной элементъ экономической производи-

тельности, дающій возможность развитія и существованія всѣмъ остальнымъ производствамъ, то изъ этого, во первыхъ, читательница можетъ усмотрѣть великую экономическую важность земледѣльческаго сословія; а во вторыхъ, можетъ понять, чѣмъ она одолжена ему. Но кромѣ того читательница можетъ усмотрѣть, какого рода связь существуетъ между земледѣльческими и всѣми остальными экономическими производителями. Почему существуютъ булочники и мясники, колбасники, портные, сапожники, модистки и весь остальной людъ, промышляющій въ городахъ и на фабрикахъ? Всѣ они, прежде всего, зависятъ прямо отъ земледѣльцевъ, которые доставляютъ имъ не только матеріалъ для обработки, но и питательные предметы на все время переработки этого матеріала.

Проницательная читательница можетъ задать мнѣ такой вопросъ: если вы говорите, что земледѣлецъ есть основной экономическій производитель, потому что пища—самый важный элементъ, обусловливающій всѣ дальнѣйшія производства, и если, производя много излишковъ, земледѣлецъ не отдаетъ ихъ даромъ, а вымѣниваетъ, то какъ же происходитъ, что разныя бальныя платья, ботинки, бархатъ и т. д. украшаютъ гардеробъ не крестьянки, а мой,—тѣмъ болѣе, какъ я, во всю свою жизнь, не произвела ни одного ржаного зерна и не взростила ни одного теленка?—Этотъ вопросъ, дѣлающій честь сообразительности моей читательницы, ставитъ меня въ нѣкоторое затрудненіе,—не потому, чтобы я не знала, что на него отвѣтить, а потому, что не знаю, какъ мнѣ выразиться безобидно. Впрочемъ, я лучше совсѣмъ не буду отвѣчать на этотъ вопросъ; а такъ какъ вы и сами замѣтили, что бальныя и другія платья у васъ, не дѣлающей ничего полезнаго барышни, висятъ въ гардеробѣ какъ бы не по праву, то вы, вѣроятно, сообразите сами, почему такой разсудительный экономическій производитель, какъ Пятница, преобразившись въ многочисленное потомство, дозволилъ себѣ такую экономическую несправедливость и нарушеніе гармоніи экономическихъ отношеній. Но въ экономической жизни Пятницы не было дисгармоніи, ему жилось лучше, и не онъ виноватъ, что потомки его, по своей неразсудительности и вслѣдствіе грубыхъ наклонностей и кулачнаго права, не сумѣли устроиться, какъ прилично потомкамъ такого почтеннаго человѣка; что имъ живется гораздо хуже, чѣмъ ему, т. е. если все теперешнее, такъ называемое, цивилизованное человѣчество мы представимъ себѣ въ видѣ одного исполинскаго Пятницы, то окажется, что однѣ части его тѣла получаютъ болѣе сильное и совершенное питаніе, а другія нѣтъ; что однѣ части тѣла украшены и одѣты не только удобно, тепло, прилично, а, пожалуй, и роскошно, а другія прикрыты рубищемъ и заплатами или, пожалуй, и совсѣмъ не прикрыты. У достопочтеннаго же Пятницы это было совсѣмъ иначе. Его здоровый желудокъ варилъ правильно и разносилъ питательные соки равномѣрно по всему тѣлу; одѣвался онъ, положимъ, хотя и не особенно красиво, но, по крайней мѣрѣ, онъ одинаково прикрывалъ и ноги, и туловище, и не обижалъ живота на счетъ рукъ и ногъ. Отъ этого маленькій Пятница былыхъ временъ былъ здоровѣе нынѣшняго исполинскаго Пятницы.—Впрочемъ, и нынѣшній исполинъ-Пятница сдѣлается наконецъ разсудительнѣе и выздоровѣетъ; а что это случится непремѣнно, вы и сами можете заключить изъ того, что по мѣрѣ знакомства съ экономическими теоріями и экономическимъ бытомъ современнаго Пятницы, въ вашихъ понятіяхъ совершаются такія измѣненія, что многое, что вы считали прежде себѣ дозволеннымъ, теперь дѣлать не станете. Такъ и другіе. А чѣмъ больше прибавляется умныхъ и знающихъ людей, тѣмъ здоровье Пятницы становится лучше, и питаніе его громаднаго тѣла совершается равномѣрнѣе. Хлопочите только о томъ, чтобы увеличивалось число умныхъ и знающихъ людей, и чтобы, сдѣлавшись матерью, вы создали изъ своихъ дѣтей разумныхъ экономическихъ производителей.

IV.

Самая ближайшая и основная форма сочетанія и раздѣленія труда для васъ, моя читательница, есть бракъ, и въ этой главѣ я буду говорить объ этой формѣ, разсматривая бракъ исключительно съ точки зрѣнія экономической теоріи.

Обратите вниманіе на воспитаніе, которое вы получили дома или гдѣ бы то ни было, и вы замѣтите, что васъ приготовляли не для труда, а для наслажденія жизнью.

Съ другой стороны, я полагаю, что ваше воспитаніе, имѣвшее исключительной задачей создать васъ для наслажденій жизнью, меньше всего достигло своей цѣли. Оно именно и не научило васъ тому, какъ устроить свою жизнь.

Посмотрите на Пятницу: это былъ человѣкъ, отъ котораго хотя и не несло благоуханіями восточныхъ ароматовъ, котораго пальто напоминало скорѣе мучной мѣшокъ, чѣмъ одѣяніе, но все это не мѣшало ему быть человѣкомъ простымъ и прямымъ, практически смотрящимъ на свою жизнь и на свои экономическія отношенія къ женѣ и къ дѣтямъ. У него не было сантиментальныхъ порывовъ и времени для нѣжныхъ вздоховъ; ему нужно было трудиться, чтобы имѣть, что пить и ѣсть, и во что одѣваться. Почтенная госпожа Пятница вела себя такимъ же разсудительнымъ образомъ; конечно, она не отказывалась отъ любви, но любовь не была для нея спеціальностью, потому что у нея были дѣла поважнѣе, а для воркованій оставался у нея свободнымъ только одинъ день въ недѣлю—воскресенье. Вы мнѣ возразите, что госпожѣ Пятницѣ нужно было самой печь хлѣбы, стряпать кушанье, обшивать мужа и дѣтей и производить собственноручно разныя мелочныя домашнія и сельскохозяйственныя работы, тогда какъ для всего этого есть нынче деревенскіе мужики и бабы, пекаря и булочники, повара, портные и т. д. Это совершенно справедливо; но изъ этого всетаки не слѣдуетъ, чтобы вы умѣли воспользоваться своимъ громаднымъ досугомъ для созданія себѣ счастливой жизни. Для васъ бракъ не имѣетъ ровно никакого экономиче-

скаго значенія, тогда какъ у Пятницы экономическій вопросъ стоялъ на первомъ планѣ, и его бракъ съ госпожой Пятницей былъ сочетаніемъ труда.

Всѣ ошибки супружества происходятъ только отъ того, что въ основаніе его кладется какое-то смутное, неопредѣленное стремленіе къ какому-то неопредѣленному счастью. Скажите, что такое счастье, которое вы стараетесь найти въ супружествѣ? Есть ли это то физіологическое удовлетвореніе, смыслъ и значеніе котораго вы такъ бережно скрываете отъ самихъ себя, или это есть нѣчто другое? Если другое, то скажите, что такое именно? Я знаю, что вамъ не отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что вы никогда его себѣ не задавали. Васъ увѣрили, что выше любви нѣтъ ничего на свѣтѣ, и это правда; но только никто не потрудился вамъ объяснить, что такое любовь, отдѣлываясь круглой фразой, что любовь слѣпа, тогда какъ были слѣпы только мудрецы, сочинявшіе этотъ неимѣющій смысла афоризмъ. Въ томъ видѣ, какъ вы любите, чувство это точно слѣпое, но только потому, что не видитъ ничего ваше умственное око. Еслибы оно видѣло что нибудь, вы бы не выходили безразлично замужъ, за кого случится. Для развитого человѣка любовь не слѣпа, и если онъ любитъ—онъ знаетъ, кого онъ любитъ и почему онъ любитъ.

Влюбляющіяся и выходящія замужъ дѣвушки, конечно, не знаютъ ничего этого, и потому онѣ ошибаются на каждомъ шагу. Онѣ полагаютъ, что любовь является *такъ*, неизвѣстно откуда и почему, и что онѣ даже любятъ и мужчину *такъ*. Если же женщины были бы пріучены къ мысли, еслибы онѣ умѣли анализировать каждое свое малѣйшее ощущеніе, онѣ бы поняли, что *такъ* не дѣлается на свѣтѣ ничего, не происходитъ въ человѣкѣ ни одинъ внутренній процессъ. При нормальномъ развитіи чувства, т. е. еслибы не являлись разныя побочныя, не относящіяся прямо къ дѣлу возбужденія, какъ, напримѣръ, зажигательныя рѣчи и совѣты подругъ, наставленія вдовствующихъ маменекъ и т. п., то сходились бы вмѣстѣ исключительно сходственныя натуры, имѣющія наивозможно большее число однородныхъ нравственныхъ сторонъ; а еслибы женщины умѣли сознавать себя, то онѣ знали бы, почему онѣ любятъ и за что именно. Одна изъ главныхъ ошибокъ, ведущая за собой всѣ неудачи въ женской жизни, заключается въ томъ, что дѣвушки выходятъ замужъ слишкомъ рано, когда въ нихъ еще не установились и не окрѣпли ни мысль, ни чувство. Обыкновенно принято думать, что женщина развивается раньше мужчины; но это не такъ. Если 16-лѣтняя дѣвушка способна сдѣлаться матерью, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что при существующемъ нынче воспитаніи она понимаетъ обязанности матери и свое соціальное значеніе. 18-лѣтняя дѣвушка знаетъ не больше, и ея физическая зрѣлость не служитъ нисколько доказательствомъ ея умственнаго развитія. Только женщина, старше 22 лѣтъ и испытавшая нѣсколько практическую жизнь, можетъ относиться спокойнымъ, головнымъ образомъ къ тому серьезному шагу, который дѣлаютъ такъ легкомысленно всѣ молодыя дѣвушки.

Изъ всѣхъ этихъ длинныхъ разсужденій читательница видитъ, что я желаю ей всякаго благополучія. Но снисходительная читательница очень ошибется, если подумаетъ, что подробности супружества, въ которыя я вдавался, не имѣютъ никакого экономическаго значенія. Конечно, экономическая наука не занимается теоріей брака, и какая наука занимается этимъ дѣломъ—я, признаться, и не знаю, хотя по важности вопроса имъ несомнѣнно долженъ же кто нибудь заниматься. Экономическая теорія говоритъ только о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ человѣческая дѣятельность достигаетъ своего высшаго результата. А первое условіе этого при основной формѣ сочетанія труда, представляемой бракомъ, заключается въ томъ, чтобы силы были не только приготовлены соотвѣтственнымъ экономическимъ образомъ, но и чтобы онѣ находились въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для ихъ проявленія. Обо всемъ этомъ благосклонная читательница слышитъ въ первый разъ, потому что ей никто никогда не говорилъ, чтобы люди женились для чего нибудь другого, кромѣ нѣжныхъ воркованій. Обратите вниманіе на то, какъ ваши цивилизованныя понятія извращены противъ понятій достопочтеннаго Пятницы, ближайшими представителями котораго служатъ въ наше время простолюдины. Дѣвушка изъ простого быта воспитывается не для воркованій, а для труда, для экономической дѣятельности. Дѣвичество служитъ ей не для того, чтобы изощрять свои изящные таланты и уловлять женіховъ; она даже вовсе и не думаетъ о женихахъ, и если плачетъ, выходя замужъ, то имѣетъ основательную для того причину, потому что дѣйствительно разстается со своей дѣвичьей волей, чтобы выступить на путь тяжкаго, мучительнаго труда. Еслибы вы взяли на себя хоть часть этого труда, деревенской бабѣ было бы легче, а вамъ выгоднѣе, чѣмъ теперь. Въ то время, какъ у деревенской дѣвушки пора дѣвичества служила временемъ ея свободы, а жизнь труда и разныхъ обязанностей наступаетъ съ момента супружества,—для васъ, напротивъ, дѣвичество есть время заключенія и экзотическаго произрастанія, а супружество, о которомъ вы мечтаете,—пора свободы. Для деревенской дѣвушки дѣвичество есть практическая школа жизни, въ которой она проходитъ полный курсъ житейскихъ отношеній, насколько они выработаны деревенской средой, и, становясь женщиной, она уже знаетъ, что впереди не встрѣтитъ ничего, что бы ей было незнакомо. Отъ этого быстрый, почти мгновенный переходъ изъ одного положенія въ другое у деревенской женщины можно сравнить съ тѣмъ мгновеннымъ переломомъ нѣмца, который опредѣляется поговоркой, что «нѣмецъ до двадцати пяти лѣтъ Иванъ Ивановичъ, а съ двадцати пяти—Адамъ Адамовичъ». Въ вашей же жизни дѣвичество, напротивъ, не есть практическая школа жизни, вырабатывающая и подготовляющая человѣка къ его будущимъ обязанностямъ; это—время мечтаній, поэтическихъ грезъ, непонятныхъ стре-

мленій, тайныхъ смутныхъ желаній и вообще какой-то туманъ и экзальтація, т. е. ненормальное, болѣзненное состояніе. Пора здоровыхъ отправленій мозга и нервовъ наступаетъ для васъ съ супружества, и тутъ, очнувшись отъ дѣвическаго сна, вы начинаете видѣть впервые цѣлый рядъ ошибокъ, приведшій васъ наконецъ къ ошибкѣ самой крупной и, нерѣдко, совершенно непоправимой—къ несчастному супружеству.

Но что же мнѣ нужно производить, чтобы явиться дѣйствительной экономической силой?—спросите вы. На это я вамъ отвѣчу, что никакая журнальная статья не научитъ васъ этому. Я знаю, что у насъ теперь явилось много женщинъ, которыя самымъ искреннимъ образомъ спрашиваютъ: что же намъ дѣлать? Научите! И всѣмъ такимъ женщинамъ можно дать только одинъ отвѣтъ: подумайте, сообразите и займитесь тѣмъ, что вы можете дѣлать выгоднѣе всего. Если же васъ не удовлетворитъ такой отвѣтъ, и вы не въ состояніи понять, почему именно вамъ дается отвѣтъ такой, а не другой, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что вы еще не созрѣли для экономической дѣятельности, что въ васъ еще нѣтъ самостоятельности, потому что вы просите указку, и что въ васъ нѣтъ никакихъ полезныхъ практическихъ знаній. Предположите, что, желая удовлетворить васъ, я бы вамъ сказалъ: дѣлайте кирпичи. Вы бы мнѣ отвѣтили: «Кирпичи я дѣлать не умѣю, да недостанетъ у меня для того и силы». Ну, такъ шейте башмаки.—«Башмаки шить тоже не умѣю».—Рисуйте на фарфорѣ.—«Рисовать я не училась».—Давайте уроки музыки, чтенія, письма; поступайте въ гувернантки, классныя дамы.—«Частью не могу, сама не приготовлена, да нѣтъ и мѣстъ».—Ну, пишите повѣсти, романы, ученыя статьи.—«Не имѣю способностей». Однимъ словомъ, что вамъ ни предлагай, впередъ можешь разсчитывать на отрицательный отвѣтъ. Какой же послѣ этого можно дать вамъ полезный совѣтъ?

Обратите вниманіе еще и на то, что есть много на свѣтѣ,—ну, положимъ, что не особенно много,—дѣйствительно превосходныхъ женщинъ, чрезвычайно честныхъ убѣжденій, понимающихъ вполнѣ всю неловкость своего экономическаго положенія и ту оскорбительную нравственную зависимость, въ которой онѣ находятся; у этихъ женщинъ есть энергія и желаніе выйти изъ своего зависимаго положенія, и при всемъ томъ онѣ не могутъ рѣшиться сдѣлатъ первый шагъ и, вѣроятно, никогда его не сдѣлаютъ, если не помогутъ имъ какія нибудь случайныя счастливыя обстоятельства. Отчего же это происходитъ? Просто оттого, что ихъ энергія, при всей своей силѣ, не доразвилась до возможности самостоятельнаго проявленія. Ихъ испортило воспитаніе и вѣчное хожденіе на помочахъ, онѣ не дѣлали ни одного шага въ жизни безъ того, чтобы не опираться на чью либо руку, и теперь имъ нужна подобная же помощь. По обыкновенному порядку вещей, эта помощь является всегда со стороны, и руководительство беретъ на себя мужчина, изображающій въ этомъ случаѣ своей персоной случайное счастливое обстоятельство. Хорошо, если встрѣтится такая счастливая случайность; а если нѣтъ? Но если и встрѣтится, то и тутъ требуется цѣлое перевоспитаніе человѣка, т. е. нужно, чтобы энергія женщины переходила или перевоспитывалась постепенно въ дѣйствительную, активную дѣятельность, пока не достигнетъ полной самостоятельности. Для этого нужно не годъ, не два, а больше, и во все это время женщина должна чувствовать подлѣ себя поддержку, на которую она можетъ смѣло опереться, въ случаѣ нужды. А если все это нужно для натуръ сильныхъ, то что же потребуется для натуръ слабыхъ, неспособныхъ, легкомысленныхъ? Тѣ, кто говоритъ: «научите», не знаютъ той простой вещи, что всякой активности предшествуетъ зрѣлость мысли. Надобно, чтобы вамъ сдѣлалось очень-очень скверно жить, чтобы сквернность дошла рѣшительно до невозможности ее переносить,—тогда ваша стремительность, доведенная до высшаго возбужденія, поставитъ васъ на ноги, и вы пойдете. Сначала будете идти боязно, но потомъ привыкнете, и сдѣлается вамъ легко и хорошо. Но для всего этого нужно себя воспитать, и если ваше прежнее воспитаніе было иного характера, то, значитъ, нужно себя перевоспитать.

Отчего мужчины смѣлы и безъ страха идутъ по одиночкѣ по пути жизни? Не потому это, чтобы они были сдѣланы изъ другой глины, а только потому, что они получили другое воспитаніе. Есть и порченые мужчины, но порченыхъ женщинъ гораздо больше. И здѣсь вы можете позавидовать дѣвушкамъ изъ простонародья. Сравните себя хоть съ вашей горничной. Посмотрите, какъ твердо стоитъ она на своихъ ногахъ и нисколько не падаетъ духомъ, не чувствуя подлѣ себя опоры. А если вы останетесь однѣ, у васъ сейчасъ же явится сердечное замираніе, точно васъ, неумѣющую плавать, бросили въ глубокую и быструю рѣку. Не бойтесь, барахтайтесь руками и ногами—и не утонете. Конечно, пріятнѣе совершить путь жизни подъ руку съ хорошимъ человѣкомъ, но хорошіе люди не сваливаются съ облаковъ: ихъ нужно находить; а для этого нужно умѣть ходить и искать. Безъ этого вы будете похожи на тѣхъ дѣвушекъ, которыя въ Троицынъ день выставляютъ себя въ Лѣтнемъ саду на показъ женихамъ,—хорошіе къ вамъ не пойдутъ. Устройте свою жизнь по экономической теоріи, и исчезнутъ всѣ тѣ неудобства, отъ которыхъ вы терпите нынче такъ много. Прежде всего забудьте, что жизнь есть рядъ изящныхъ наслажденій и восторговъ, что вы созданы для любви, и что кромѣ любви человѣку на землѣ заниматься нечѣмъ. Не воспитывая себя для любви, вы отъ любви не уйдете, потому что она такая же физіологическая потребность, какъ необходимость пить, ѣсть, думать. Но, воспитывая себя для любви въ томъ видѣ, какъ она создалась въ вашемъ разгоряченномъ воображеніи, вы не воспитываете себя для дѣла болѣе важнаго, въ которомъ и заключается вся сущность,—для труда. Отъ этого въ дѣлѣ, о которомъ и хлопотать не нужно, вы перетомите себя до разстройства нервовъ; а въ томъ, что важнѣе всего, и чѣмъ обусло-

вливается возможность любви, вы являетесь безпомощнымъ человѣкомъ, который безъ посторонней поддержки умретъ съ голоду. Помните мудрый афоризмъ Базарова, что жизнь—не храмъ, а мастерская. Можетъ быть, она будетъ когда нибудь храмомъ, но мы, по крайней мѣрѣ, живемъ не въ такое время. Потому, если смѣшно, когда, принявъ изящный видъ и надѣвъ бальныя одежды, вы расположитесь на жительство въ кузницѣ, гдѣ идетъ работа, такъ точно смѣшно, если вы воспитаете себя для наслажденій въ то время, когда нужно трудиться. Учитесь только тому, что можетъ принести вамъ практическую пользу и дать самостоятельность въ жизни, такъ, чтобы вы, въ какомъ бы положеніи ни очутились, всегда могли разсчитывать на свои собственныя силы. Зачѣмъ вы учитесь музыкѣ, не имѣя музыкальной способности и не думая сдѣлать изъ нея кусокъ насущнаго хлѣба? Зачѣмъ вы занимаетесь разнообразными изящными женскими работами, которыя точно также не принесутъ вамъ въ жизни ни малѣйшей существенной пользы? Продолжительное сидѣнье за ними только ослабляетъ вашъ желудокъ и ведетъ къ праздным мыслямъ, порождающимъ фальшивыя желанія и разгорячающимъ воображеніе.

Когда дѣвушка употребитъ съ пользой свое время, лѣтъ до 22-хъ, а, пожалуй, и больше, когда, учась и наблюдая жизнь и людей, она остановится на опредѣленномъ планѣ жизни, выяснивъ всѣ главные вопросы, она можетъ выходить замужъ, потому что въ мужѣ будетъ искать не юношу, способнаго только гулять въ лайковыхъ перчаткахъ въ тѣни померанцевыхъ деревъ, а соработника и экономическаго производителя, и въ бракѣ будетъ видѣть такой же союзъ, какъ понимаютъ его всѣ простые люди, живущіе трудомъ своихъ рукъ. Развитая дѣвушка можетъ соединиться только съ развитымъ мужчиной; слѣдовательно, очевидно, что такой бракъ будетъ наисовершенная парность, какая только возможна въ данной мѣстности и въ данныхъ обстоятельствахъ, т. е. совершится при условіяхъ, наиболѣе обезпечивающихъ благополучіе супруговъ. Если бракъ понимается супругами, какъ основная форма сочетанія труда, въ такомъ случаѣ нечего бояться, что люди эти не сумѣютъ размежеваться въ жизни безобиднымъ другъ для друга образомъ, или что они поставятъ на первомъ планѣ тѣ отношенія, которыя нерѣдко превращаютъ мужей—въ турецкихъ пашей, а женъ—въ гаремныхъ невольницъ. Пора сладостныхъ порывовъ минуетъ скоро, и если вся прочность брака разсчитывалась только на это, то очевидно, что связь ослабѣетъ, и единство интереса исчезнетъ. Только одинъ экономическій интересъ вѣченъ и потому прочень, и бракъ, основанный на сочетаніи труда, заключаетъ въ себѣ такую гармонію благопріятной, спокойной жизни, что ошибочныя супружества явятся исключеніемъ, а не правиломъ. Я не хочу сказать этимъ, что однородность рабочихъ способностей служитъ непремѣнно доказательствомъ и однородности всѣхъ остальныхъ нравственныхъ качествъ; но если вы выходите замужъ, какъ зрѣлый человѣкъ, то вы сумѣете и поступить умно, т. е., если вы умны, вы не выберете себѣ въ сотрудники дурака; если вы добры, вы не выберете злого; если вы честны,—не возьмете плута и мошенника. Подобное соединеніе противоположностей возможно только тогда, когда дѣвушка, выходя замужъ, сама не знаетъ, что и для чего она дѣлаетъ.

V.

Я старался навести моихъ прекрасныхъ читательницъ на ту прозаическую и очень горькую для нихъ истину, что экономическая независимость есть первая и главная независимость общественнаго положенія женщины. Обыкновенно принято говорить, что историческія обстоятельства помѣшали женщинѣ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть. Такое выраженіе очень удобно въ практикѣ по своей краткости; но оно неудобно по своей эластичности, потому что каждый придаетъ ему смыслъ, какой ему нравится. Историческое положеніе женщины совершенно однородно съ экономическимъ положеніемъ теперешняго европейскаго пролетарія. Что онъ находится въ условіяхъ довольно печальныхъ—винить некого, потому что порядокъ, изъ котораго явился наконецъ современный экономическій бытъ массъ, установился очень давно, еще во времена Робинзона Крузе и Пятницы. Тогда человѣчество находилось въ такомъ положеніи, какъ еслибы всѣхъ людей побросали въ воду, въ которой кое-гдѣ плавали плоты и бревна, и изъ которой мѣстами выдавались острова. У кого была сила и ловкость, тѣ взобрались на острова, плоты и бревна; у кого нѣтъ—остались въ водѣ, чтобы бороться въ ней цѣлый свой вѣкъ съ волнами. Поэтому поэты совершенно правы, когда они сравниваютъ жизнь человѣческую съ плаваніемъ въ безбрежномъ океанѣ; но только они не правы, когда желаютъ увѣрить публику, что они и ихъ добрые знакомые, владѣющіе разными матеріальными житейскими благами, преимущественно въ видѣ вкусныхъ яствъ и питій, изображаютъ своими особами этихъ пловцовъ. Это больше ничего, какъ красивыя слова, порожденныя иллюзіями больного воображенія. Пловцы—не тѣ, кто сидитъ на островахъ и на бревнахъ, а кто дѣйствительно плаваетъ. Первымъ сухо и тепло; вторымъ мокро и холодно. По отсутствію самостоятельности и по зависимости, женщины—такіе же пловцы, какъ пролетаріи; для тѣхъ и другихъ существуетъ одно общее средство вылѣзть изъ воды—достигнуть экономической независимости. Если все, что дѣлалось людьми, во времена Робинзона и Пятницы и потомъ, было названо историческими обстоятельствами, то и пусть будутъ историческія обстоятельства; только дѣло совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ, чтобы люди выучились плавать и стоять на собственныхъ ногахъ. Какъ достигнуть того и другого, люди прежде не знали и окрестили собственное невѣжество деликатнымъ и безобиднымъ для себя именемъ «историческихъ обстоятельствъ». Пока будетъ существовать незнанье и неумѣнье,—

будутъ существовать и такъ называемыя историческія обстоятельства, представляющія то великое удобство, что люди обходятъ весьма ловко щекотливый вопросъ о качествѣ своей мыслительной способности и обвиняютъ какое-то идеальное, вымышленное ими «нѣчто», неосязаемое и неимѣющее никакого опредѣленнаго образа. Происходило это просто потому, что люди, по весьма естественной любви къ самимъ себѣ, полагали, что всякую собственную глупость, приносящую имъ только вредъ, непремѣнно нужно считать чѣмъ-то очень умнымъ только потому, что эту глупость они придумали собственнымъ умомъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ умные люди поняли, что отчизнолюбіе заключается вовсе не въ воскуреніяхъ ѳиміама своей нравственной дряблости,—съ тѣхъ поръ, какъ умные люди поняли, что въ морѣ жизни нельзя плавать безъ умѣнья плавать и нельзя ходить по землѣ, не умѣя ходить,— замысловатыя историческія обстоятельства потеряли весь свой мистическій смыслъ и фаталистическій характеръ, и сдѣлалось всѣмъ понятно, что подъ хитрымъ названіемъ скрывалась очень простая и незамысловатая штука. Въ этотъ моментъ развитія и вступаетъ теперь женщина. Но она только вступаетъ, т. е. собирается забрать въ свои руки тѣ орудія, которыя помогутъ ей выучиться плавать и ходить. Сначала, конечно, выучатся только тѣ, которыя болѣе способны, т. е. располагающія наибольшей возможностью овладѣть необходимыми для того орудіями, которыя въ свою очередь давно уже, но безплодно, приподноситъ имъ надежнѣйшій кормчій человѣка въ океанѣ жизни—наука, знаніе.

Къ этому кормчему женщина относилась до сихъ поръ весьма равнодушно, потому что, имѣя видъ довольно суровый, онъ не предлагалъ прекрасному полу ароматическихъ букетовъ салоннаго краснорѣчія, на которое такъ изобрѣтательны краснощекіе юноши, воображающіе себя мотыльками, а женщинъ—благоухающими цвѣтами. Оттого, что женщинѣ постоянно приподносились букеты, въ то время какъ ей былъ необходимъ здоровый, хорошо испеченный хлѣбъ, она получила вкусъ къ вещамъ легкимъ, кондитерскаго свойства, и отвыкла переваривать здоровую, крѣпительную пищу. Въ такомъ положеніи и находятся дѣла нынче. Еслибы серьезный элементъ входилъ въ женское воспитаніе въ большемъ количествѣ, чѣмъ онъ входитъ нынче, и если вмѣсто того, чтобы направлять ихъ способности въ сторону развитія изящнаго вкуса, т. е. изощренія изобрѣтательности по части прикалыванія разноцвѣтныхъ бантиковъ, ленточекъ и тесемочекъ, упражнялись и укрѣплялись ихъ умственныя способности, то, разумѣется, и женщины, прочитавъ Бокля и Дарвина, сумѣли бы сдѣлать необходимые имъ выводы, сближенія и параллели не хуже популяризаторовъ, спеціально занимающихся своимъ дѣломъ. Этого, между тѣмъ, нѣтъ, потому что женское воспитаніе лишено главнѣйшаго элемента всякаго воспитанія, безъ котораго его совершенно напрасно называть такимъ громкимъ именемъ, потому что это—не воспитаніе, а дрессировка, направленная къ одной спеціальной и весьма односторонней цѣли. Непривычка думать и отсутствіе навыка мысли—главнѣйшая причина, почему даже женщины, по природѣ вовсе не глупыя, всю свою жизнь изживаютъ очень глупо.

Экономическая наука принадлежитъ тоже къ знаніямъ весьма простымъ, доступнымъ пониманію всякаго человѣка. И въ женщинахъ лежитъ стремленіе къ этому знанію, потому что въ нихъ живетъ стремленіе къ улучшенію своего экономическаго и соціальнаго положенія. Всякій вопросъ, имѣющій болѣе близкое отношеніе къ тому, что ихъ занимаетъ наиболѣе, и можетъ разъяснить то, что не совсѣмъ для нихъ ясно, и что знать считаютъ онѣ необходимымъ, сейчасъ же останавливаетъ на себѣ ихъ вниманіе. Онѣ не отказываются ни отъ какихъ вопросовъ, лишь бы только находили въ нихъ тѣ отвѣты, какіе имъ нужны. Разумѣется, ближайшій и коренной вопросъ, вытѣсняющій всѣ прочіе, есть вопросъ о положеніи женщины въ семьѣ, объ отношеніи ея къ мужчинѣ. Романтизмъ прежнихъ писателей не удовлетворяетъ уже теперешнихъ женщинъ: онѣ очень хорошо понимаютъ, что ихъ отуманивали одурманивающимъ куревомъ и рисовали въ видѣ идеала какія-то неправдоподобности, не бывающія никогда и невозможныя въ жизни. Это идеальное одурманиванье себя привело женщину къ тому, что у нея разстроились только нервы, и она кинулась въ сантиментализмъ и въ галлюцинаціи разстроеннаго воображенія, которыми и жила много лѣтъ, воображая, что она живетъ высшею жизнью. Но отдѣляться отъ земли человѣку нельзя. Это поняла и женщина, когда галлюцинаціи довели ее до кризиса. Очнувшись, она поняла, что никакое, даже самое большое облако не сдержитъ на себѣ самой тоненькой и маленькой женщины, и что человѣку глупо воображать себя живущимъ въ волшебномъ замкѣ, когда въ дѣйствительности онъ обитаетъ въ скверномъ домишкѣ. Поворотъ къ реальности обратилъ, разумѣется, вниманіе женщины снова на тотъ же коренной и старый вопросъ, который она, не будучи въ состояніи разрѣшить реальнымъ путемъ, вздумала разрѣшать идеальнымъ. Идеальный способъ оказался неудачнымъ, и женщина снова обратилась къ реальному. На этотъ разъ избранный путь не только вѣренъ самъ по себѣ, но онъ вѣренъ еще и потому, что теперь женщина найдетъ и возможность практическаго разрѣшенія своихъ вопросовъ. Эту практическую возможность представляютъ именно тѣ положительныя знанія, которыхъ прежде не было, и по недостатку которыхъ женщина кидалась въ мистику и въ идеализмъ, чтобы успокоиться хотя на чемъ нибудь.

Было бы, разумѣется, лучше, еслибы женщина обладала собственной достаточной силой для самобытнаго разрѣшенія своихъ вопросовъ, не получая готовыхъ рецептовъ, приготовляемыхъ для нея другими. Но неразумно требовать отъ человѣка, въ первый разъ вступившаго въ воду, чтобы онъ поплылъ, или отъ человѣка, только что ставшаго на ноги, чтобы онъ пошелъ. Точно также по-

нятно, почему женщина обратила все свое вниманіе на самый жизненный, ближайшій для нея вопросъ—вопросъ объ отношеніяхъ къ мужчинѣ,—и почему все остальное знаніе и всѣ остальные вопросы, занимающіе мыслителей и публицистовъ, не находятъ себѣ читательницъ. Но хотя это и понятно, тѣмъ не менѣе всетаки очевидно, что женщина въ этомъ случаѣ ошибается, потому что не обладаетъ еще достаточной дальнозоркостью, чтобы найти связь между ближайшими и отдаленными причинами и чтобы понять, что близкія причины зависятъ отъ далекихъ. И это явится современемъ, когда окрѣпнетъ женская мысль, и когда женщины перестанутъ думать афоризмами.

Къ чему же вы наговорили все это, и какая тутъ связь съ вашей статьей?—спроситъ меня читательница.—Связь очень большая, милостивая государыня. Еслибы вы читали хотя кого нибудь изъ экономистовъ, то неужели вы полагаете, что я рѣшился бы предлагать вамъ эти очерки, и тѣмъ болѣе въ той формѣ, въ какой я ихъ пишу? Я очень хорошо знаю, что, кромѣ кажущейся вамъ сухости самой экономической теоріи, васъ пугаетъ еще и научная сухость ея изложенія. Я знаю также, что болѣе широкое обобщеніе нѣкоторыхъ экономическихъ теоремъ и отысканіе связи между ними и занимающими васъ соціальными вопросами для васъ не всегда доступны. Вотъ почему мнѣ хотѣлось разъяснить, почему существуетъ фактъ подобныхъ отношеній читающихъ и прогрессивныхъ женщинъ къ одной изъ важнѣйшихъ наукъ нашего времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать, почему я вздумалъ говорить о такомъ, повидимому, всѣмъ извѣстномъ и даже модномъ знаніи. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы говорить строже о предметѣ, въ сущности, весьма серьезномъ, не прибѣгая къ иллюстраціямъ и разнымъ неумѣстнымъ украшеніямъ и вольностямъ, которыя я позволялъ себѣ, и которыя едва ли помогутъ ясности вашего пониманія, моя многоуважаемая читательница.

VI.

Прежде чѣмъ говорить объ ассоціаціи, считаю необходимымъ изложить тѣ теоретическія положенія экономической науки, которыми она опредѣляетъ условія успѣшности труда. Когда читательницѣ будутъ извѣстны эти основныя условія, когда она усвоитъ общія понятія, то частности и приложенія, конечно, выяснятся для нея сами собой.

Не посѣщая даже тѣхъ благословенныхъ странъ, гдѣ «зрѣетъ ананасъ» или растетъ финиковая пальма, хлѣбное дерево, хлопчатникъ, сахарный тростникъ, или такихъ печальныхъ сторонъ, какъ наша Камчатка, вы знаете, насколько климатическія и почвенныя условія важны въ отношеніи естественной производительности разныхъ мѣстностей.

Чѣмъ климатъ лучше и почва плодотворнѣе, тѣмъ человѣкъ получаетъ больше матеріальныхъ удобствъ для своего развитія экономическаго, а слѣдовательно, и умственнаго. Чѣмъ дальше и дальше станемъ мы опускаться къ югу отъ звѣроловъ эскимосовъ, тѣмъ встрѣтимъ болѣе и болѣе богатую растительность и способность почвы давать обильныя жатвы разнообразныхъ хлѣбовъ. Напримѣръ, самыя сѣверныя мѣста Архангельской губерніи представляютъ только тундру съ ея такъ называемымъ оленьимъ мохомъ; южнѣе является уже возможность разведенія ячменя; еще южнѣе растетъ овесъ, ленъ, конопля; еще южнѣе—рожь, и наконецъ появляется уже пшеница. Если мы представимъ населеніе, живущее въ такой суровой мѣстности, гдѣ не растетъ ничего, кромѣ ячменя и довольно бѣдныхъ травъ, то какъ бы населеніе ни было трудолюбиво, оно всетаки не выроститъ ни финиковъ, ни ананасовъ, а произведетъ только свой скудный ячмень и больше ничего. Слабая травяная растительность будетъ не богъ-вѣсть какимъ благополучіемъ для скота. Слѣдовательно, очевидно, что, перерабатывая только тѣ произведенія, которыя даетъ мѣстная почва, жители никогда не будутъ имѣть особенно разнообразныхъ предметовъ матеріальнаго благосостоянія и должны будутъ держаться на уровнѣ весьма ограниченныхъ потребностей, потому что изъ ячменя не придумаешь ничего, кромѣ похлебки, каши и, пожалуй, еще ячменныхъ лепешекъ. Домашнія и дикія животныя, по недостатку пищи, не будутъ тоже отличаться ни разнообразіемъ породъ, ни качествами получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ. Разумѣется, все это было бы неважно, потому что, если на мѣстѣ не растутъ апельсины, ананасы и финики, то можно бы ихъ привезти изъ Сициліи, Бразиліи, Аравіи, если нѣтъ шелковицы, то можно привести коконы изъ Персіи, чай изъ Китая, кофе изъ Турціи. Все это, конечно, возможно. Но вѣдь бразильцу взамѣнъ ананаса надобно предложить тоже что нибудь, сицилійцу—также, аравійцу, персу, китайцу, турку—тоже. Предположимъ даже, что всѣ они любятъ ячменную кашу и ячменныя лепешки, и что всѣмъ имъ очень нравится, вмѣсто нѣжныхъ, легкихъ шелковыхъ и льняныхъ своихъ матерій, носить одежды изъ грубой овечьей и коровьей шерсти, получаемой въ ячменной сторонѣ. Дѣло однако вотъ въ чемъ: достанетъ ли у жителей суровой страны столько ячменя и шерсти, чтобы можно было вымѣнять ихъ на шелковыя, бумажныя и другія матеріи, на чай, сахаръ и такъ называемые колоніальные товары? Конечно, нѣтъ. И что тамъ пахарь ни дѣлай, какъ онъ ни трудись, его ячмень ни за что не превратится въ пшеницу и шелкъ, и, можетъ быть, только первѣйшій богачъ страны, эксплоатирующій все населеніе, будетъ стоять нѣсколько выше общаго жалкаго экономическаго уровня мѣстныхъ обитателей. А обитатели эти по быту будутъ похожи на нашихъ забайкальцевъ или архангельскихъ и вологодскихъ крестьянъ бѣдныхъ уѣздовъ.

Но въ другомъ положеніи находится житель плодородной страны. Нашъ крестьянинъ какого нибудь Сольвычегодскаго уѣзда обрабатываетъ свою пашню съ тѣмъ же усердіемъ и съ той же потратой силъ, какъ и крестьянинъ Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи; но у одного родится

только ячмень, да и то самъ-другъ, а у другого пшеница самъ-15. Но культура пшеницы и проса требуетъ тоже одинаковаго труда, а между тѣмъ просо родится самъ-30. За то и нашъ ставропольцъ, имѣющій такое справедливое основаніе гордиться благословеннымъ климатомъ своей губерніи, долженъ будетъ позавидовать египтянину или китайцу, у котораго рисъ родится самъ-100. И чѣмъ ближе будемъ мы подвигаться къ экватору, тѣмъ роскошнѣе станетъ природа, тѣмъ разнообразнѣе ея произведенія. У жителей сѣверной стороны, кромѣ ячменя, нѣтъ ничего; у самарца является уже ячмень, овесъ, рожь, пшеница, просо. Еще дальше пойдутъ, кромѣ кукурузы, шелковица, виноградъ; еще дальше — рисъ; затѣмъ пойдутъ разныхъ сортовъ пальмы, бананъ, сахарный тростникъ, чай, кофе, корица, ваниль и т. д.; и всѣ произведенія растительнаго царства даются человѣку съ меньшей тратой силъ съ его стороны, чѣмъ въ мѣстности суровой.

Климатъ важенъ не только въ томъ отношеніи, что силы природы проявляются въ благорастворенныхъ мѣстностяхъ въ масштабѣ огромнаго размѣра, и тѣмъ сберегается трудъ человѣка при обработкѣ предметовъ пищи,—но и во всемъ другомъ. На сѣверѣ, гдѣ климатъ суровъ и перемѣнчивъ, человѣку нужно болѣе разнообразныхъ одеждъ, въ постройкахъ—болѣе солидности и прочности. Архангельскому крестьянину совершенно невозможно имѣть несложный, легкій лѣтній гардеробъ бедуина пустыни или итальянскаго лаццарони. Въ Архангельской губерніи, за исключеніемъ немногихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, неудобно ходить даже по шотландски, что, впрочемъ, неудобно и во всей Россіи. Слѣдовательно, очевидно, что для доставленія крестьянину одинаковыхъ удобствъ нужно на сѣверѣ потратить больше силъ, чѣмъ на югѣ. Но и этимъ не ограничиваются выгоды теплыхъ мѣстностей предъ холодными. Дожди, грязь, слякоть дѣйствуютъ на одежду и обувь такъ разрушительно, что то и другое носится въ перемѣнномъ, суровомъ климатѣ вдвое скорѣе, чѣмъ въ климатѣ сухомъ, тепломъ, постоянномъ.

Жилища на сѣверѣ подвергаются тоже сильной порчѣ и требуютъ не только большей солидности при первоначальномъ своемъ возведеніи, но и болѣе усиленнаго ремонта. А вѣдь все это лишній трудъ. Деревянный домъ въ сѣверной губерніи простоитъ, конечно, лѣтъ 10—15 менѣе, чѣмъ въ мѣстности сухой. На сѣверѣ домъ изъ хорошаго тесоваго лѣса продержится меньше, чѣмъ въ Тульской губерніи домъ изъ осины. Если вы бывали въ сѣверныхъ губерніяхъ, вглядитесь въ дома, непокрытые тесомъ, и васъ поразитъ ихъ мрачный, темнокоричневый цвѣтъ съ сѣверной стороны. Выражаясь фигурально—это печать, которую накладываетъ суровый климатъ, придающій всему печальный видъ и скоро подтачивающій всякую жизнь. Ни одна русская постройка не можетъ сравняться въ долговѣчности съ подобной же постройкой въ западной Европѣ. Это узнали у насъ и французскіе инженеры, строившіе Варшавскую желѣзную дорогу. Способъ постройки мостовъ, превосходный на западѣ, оказывался у насъ никуда негоднымъ; и мостъ, который стоитъ тамъ безвредно десять лѣтъ, рузрушается у насъ въ годъ. Хотя по части инженеровъ мы составили весьма завидную извѣстность, совершенно недостижимую для Запада, но безпристрастіе заставляетъ сказать, что константинопольскіе турки оставили насъ въ этомъ отношеніи далеко за собой. Если Константинополю вздумается горѣть, то онъ свершаетъ это самымъ грандіознымъ манеромъ, т. е. сгораетъ до тла и съ одного конца до другого. И что же? Черезъ мѣсяцъ взорамъ изумленнаго европейца представляется новый Константинополь, такой же живописный, какъ прежде, съ такими же, какъ прежде, оригинальными и красивыми зданіями. Такая необычайная быстрота происходитъ просто оттого, что дома въ Турціи строятся изъ хвороста, щепочекъ, палочекъ и тому подобныхъ легкихъ строительныхъ матеріаловъ, которые въ нашихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ не возьметъ никто даже на растопки, и затѣмъ прутяной домъ, обыкновенно двухэтажный, обмазывается глиной или известью и окрашивается въ веселенькій цвѣтъ. Гдѣ же успѣшнѣе трудъ—тамъ ли, гдѣ суровый климатъ велитъ громоздить прочный и массивный матеріалъ, по способу постройки египетскихъ пирамидъ, или тамъ, гдѣ растворѐніе воздуховъ позволяетъ людямъ помѣщаться, съ такимъ же или даже съ большимъ удобствомъ, въ прутяныхъ домахъ? Читательница отвѣчаетъ, что трудъ успѣшнѣе тамъ, гдѣ климатъ хорошъ.

Къ естественнымъ богатствамъ страны, способствующимъ успѣшности труда, принадлежатъ еще и минеральные продукты. Вообразите себѣ, что въ вашей Пермской или Вятской губерніи открываются удивительныя копи желѣзной или мѣдной руды, или, еще лучше, богатые золотые пріиски и алмазныя мѣсторожденія. Думаете ли вы, что вашъ знаменитый Слободской, снабжающій всю восточную и сѣверную Россію и Сибирь зажигательными спичками, сталъ бы заниматься попрежнему этимъ, не приносящимъ ему особенной чести, дѣломъ? Конечно, нѣтъ. Слободскіе граждане превратились бы въ золотопромышленниковъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ заводчиковъ, устроили бы вмѣсто спичечныхъ гранильныя фабрики и вообще приняли бы видъ индѣйскихъ набобовъ и англійскихъ джентльменовъ. Отнимите отъ Слободского это идеальное богатство, и онъ опять тотъ же жалкій спичечный производитель и та же жалкая экономическая неразвитость, какая представляется нынче. Еслибы въ Бельгіи и Англіи не было тѣхъ богатыхъ угольныхъ копей и желѣзныхъ рудъ, какія въ нихъ имѣются, то, конечно, эти страны не достигли бы теперешняго своего промышленнаго развитія. То же самое можно сказать и про нашъ Уральскій хребетъ и восточную Сибирь. Естественныя богатства важны тѣмъ, что они служатъ замѣной или пополненіемъ тѣхъ лишеній, на которыя обрекается человѣкъ, живущій въ суровой, неплодородной мѣстности. Если въ такой мѣстности и не растетъ шелковица, виноградъ, финикъ, то человѣкъ всетаки можетъ пріі-

обрѣсти ихъ и вообще развить свой экономическій бытъ все больше и больше, потому что, приготовляя разныя желѣзныя, стальныя и чугунныя издѣлія, и вообще такіе предметы, приготовленіе которыхъ возможно по роду сырого матеріала, онъ вымѣняетъ свои произведенія на то, чего ему не дала скудная природа. Англичане носятъ шелковыя матеріи, индѣйскія ткани, пьютъ виноградныя вина, хотя у нихъ не водится ни шелковичныхъ червей, ни виноградниковъ. Всю эту роскошь они пріобрѣтаютъ за свои ножи, ножницы, машины и другія издѣлія изъ мѣстнаго желѣза. Еслибы эскимосы имѣли желѣзные рудники, разсыпное золото и богатыя копи каменнаго угля, то и они могли бы развить свой экономическій бытъ до положенія, въ которомъ находятся теперь цивилизованные народы. Но какъ у эскимосовъ нѣтъ никакихъ естественныхъ богатствъ, то они и ходятъ въ сырыхъ кожахъ и питаются сырой рыбой.

Къ естественнымъ богатствамъ принадлежитъ и вода, если ея много, и если она удобно можетъ быть превращена въ двигательную силу или служить средствомъ передвиженія. Знаменитыя Пинскія болота, несмотря на все обиліе воды, годятся только для произведенія лихорадокъ; тундры и болота Архангельской и Вологодской губерній, при всемъ своемъ богатствѣ водой, хороши только для того, чтобы мѣшать водному путевому сообщенію и увеличивать уже и безъ того слишкомъ тяжкій трудъ земледѣльца. Но другое значеніе имѣютъ рѣки, особенно въ холмистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ. Здѣсь вода является по преимуществу, какъ двигательная сила, и можетъ разыгрывать ту же экономическую роль, какъ минеральныя богатства въ странѣ съ суровымъ климатомъ. Это значитъ, что если одна страна, богатая земледѣльческимъ сырьемъ, не имѣетъ средствъ и возможности переработки ихъ, то этимъ дѣломъ можетъ заняться другая мѣстность, въ которой, вслѣдствіе суроваго климата, развитіе земледѣлія невозможно; но за то обиліе рѣчной воды позволяетъ явиться фабричнымъ и заводскимъ производствамъ. Въ этомъ случаѣ одна страна будетъ производить сырье, а другая—его перерабатывать.

Еще большее значеніе имѣетъ вода, какъ средство передвиженія. Желѣзныя дороги, несмотря на всѣ удобства, представляемыя ими для путешествующихъ джентльменовъ, далеко не могутъ сравниться съ водой. Чтобы оцѣнить важность воды, какъ средства сообщенія, пусть читательница обратитъ вниманіе на значеніе и развитіе приморскихъ городовъ. Посмотрите на нашу Одессу, даже на отдаленный сѣверный Архангельскъ; посмотрите на города, расположенные на большихъ рѣкахъ, служащихъ торговыми центрами для сбыта произведеній изъ мѣстностей континентальныхъ. Такую роль играетъ, напримѣръ, у насъ Самара, Саратовъ, пожалуй, даже Великій Устюгъ, одолженный своимъ значеніемъ — впрочемъ, уже упадающимъ — положенію при трехъ рѣкахъ: Сухонѣ, Югѣ и Сѣверной Двинѣ. Какъ бы ни развились желѣзныя дороги, но экономическое значеніе водяного сообщенія никогда не утратится ужъ только потому, что океаны и моря останутся всегда океанами и морями, а пароходы не замѣнятся желѣзными дорогами.

Чтобы представить себѣ яснѣе огромное вліяніе естественныхъ богатствъ на успѣшность труда, вообразите двѣ идеальныя страны: въ одной есть рѣки и моря, какъ двигательныя силы и какъ средства передвиженія; растутъ пшеница, маисъ, рисъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, шелковица, виноградъ, водятся разнообразные виды овецъ, козъ и разныхъ другихъ домашнихъ животныхъ; а въ другой, лежащей на далекомъ сѣверѣ, гдѣ нибудь въ тундрахъ, родится только слабый ячмень да испанскій мохъ, и, кромѣ оленей, собакъ и бѣлыхъ медвѣдей, не водится другихъ животныхъ. Первая страна создаетъ, разумѣется, промышленное и развитое экономически населеніе, а вторая—эскимосовъ.

Но однихъ естественныхъ произведеній еще не достаточно, чтобы явилось у людей матеріальное благосостояніе; земля можетъ быть очень плодородна для чая или для хлопчатника; климатъ можетъ быть очень благопріятенъ тутовымъ деревьямъ, винограду; въ землѣ могутъ лежать неизсякаемые запасы желѣзной руды и каменнаго угля; а люди при всемъ томъ не будутъ пить чая, не будутъ имѣть шелковыхъ и бумажныхъ тканей и желѣзныхъ или стальныхъ издѣлій. Въ то время, какъ бритты обитали Англію, страна эта имѣла почти ту же почву, почти тотъ же климатъ и заключала въ своихъ нѣдрахъ тѣ же сокровища, какъ и нынче; но бритты жили далеко не такъ, какъ нынѣшніе англичане. Франція во время Карла Великаго, по естественнымъ своимъ богатствамъ, была тою же, что и теперь; но развѣ въ экономическомъ отношеніи она то же, что была въ 800 году? Недостаточно, чтобы въ странѣ могли произрастать тутовыя деревья и виноградъ; отъ одного ихъ произрастанія еще не явятся ліонскія шелковыя матеріи, венеціанскій бархатъ и шампанское; значитъ, и шелковыя матеріи, и бархатъ, и шампанское нужно еще сдѣлать, потому что природа даетъ для нихъ только матеріалъ и разныя вспомогательныя силы, а сдѣлать все, что нужно человѣку, долженъ самъ человѣкъ. Нѣкоторыя индѣйскія племена живутъ въ мѣстностяхъ, богатыхъ всѣми естественными богатствами, необходимыми для сильнаго экономическаго развитія, и, несмотря на то, они живутъ вообще гораздо хуже, чѣмъ Робинзонъ Крузе въ первый день поселенія своего на необитаемомъ островѣ. Слѣдовательно, для развитія матеріальнаго благосостоянія нужно еще что-то такое, безъ чего оно явиться не можетъ. Вы скажете—трудъ; да,—но, чтобъ явился трудъ, нужна двигательная сила, называемая энергіей. Въ энергіи вся сущность вопроса; а энергія въ свою очередь является изъ стремленія человѣка къ улучшенію своего быта, т. е. изъ постоянно и прогрессивно развивающейся потребности жить все лучше и лучше. Если въ людяхъ нѣтъ этой потребности, они будутъ находиться цѣлые вѣка на одномъ экономическомъ

уровнѣ. Я не стану касаться вопроса, отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ стремленіе къ улучшенію своего быта, потому что этотъ вопросъ не экономическій; замѣчу только, что такъ называемыя политическія обстоятельства играютъ здѣсь главнѣйшую роль. Изъ европейскихъ національностей наименьшую экономическую энергію обнаруживаемъ мы, русскіе.

Въ каждомъ человѣкѣ, въ каждомъ народѣ есть энергія; но дѣло не въ ней, а въ томъ, на что она идетъ. Монголы временъ Чингисъ-Хана тоже обнаруживали огромную энергію; но она шла на порабощеніе народовъ. У человѣка неразвитаго порывистой силы гораздо больше, чѣмъ у человѣка, дѣйствующаго сознательно, но эта порывистость обрушивается вся и сразу на ближайшій предметъ и затѣмъ упадаетъ. Подобной энергіей двигаетъ страсть, и если умѣть возбудить энергію неразвитаго народа, то на короткое время можно произвести ею чудеса. Такая энергія дѣйствуетъ, какъ стремительный горный потокъ, сдвигающій камни; но зато и вода изсякаетъ сразу, и затѣмъ обнаруживается сухое русло. Между развитымъ и неразвитымъ человѣкомъ разница въ томъ, что первый располагаетъ свои дѣйствія соотвѣтственно своему отдаленному идеалу; второй же смотритъ близко и дѣйствуетъ хотя сильнымъ, но короткимъ ударомъ. Въ отношеніи своихъ общественныхъ учрежденій народы неразвитые поступаютъ точно также; они не способны придумать и обезпечить себѣ тѣ порядки, которые называются хорошими политическими учрежденіями, потому что, увлекаясь короткими и даже случайными цѣлями, они безпрестанно теряютъ изъ виду цѣли болѣе существенныя, и оттого ихъ общественные порядки мало обезпечиваютъ собственность, трудъ и его результаты. При слабомъ обезпеченіи собственности, экономическое развитіе не можетъ идти быстро; а при недостаткѣ экономической свободы становится невозможнымъ скорое увеличеніе матеріальнаго благосостоянія. Чтобы человѣкъ могъ богатѣть, ему, прежде всего, нужно быть увѣреннымъ, что отъ него не отнимутъ того, что онъ наработаетъ, и, кромѣ того, ему нужно имѣть развязанныя руки и ноги. Безъ этихъ двухъ условій не можетъ быть экономической энергіи, и невозможенъ успѣшный трудъ. У восточныхъ народовъ, какъ, напримѣръ, у турокъ, гдѣ кади можетъ опростать сундукъ любого своего кліента, никому не разсчетъ хлопотать о наполненіи своего сундука. Ужъ если неизбѣжно сундуку быть пустымъ, то пусть онъ будетъ пустымъ; хозяинъ предпочитаетъ кейфъ всякому труду; зачѣмъ трудиться и всетаки не имѣть ничего?

Чтобы энергія привела къ дѣйствительному матеріальному благосостоянію, нужно, чтобы она дѣйствовала постоянно, съ неослабѣвающей силой. Иначе человѣкъ будетъ работать только въ моменты крайней, неизбѣжной нужды, т. е. ровно столько, чтобы не умереть съ голоду, и когда грозитъ ему голодная смерть, и будетъ находиться на самомъ низкомъ уровнѣ экономическаго быта. Посмотрите на обыкновеннаго, такъ сказать, средняго русскаго мастерового, служащаго типомъ русскаго ремесленнаго человѣка. Я не буду говорить о причинахъ, по которымъ русскій мастеровой вышелъ такимъ, каковъ онъ есть. Здѣсь не объ этомъ рѣчь, а о томъ, что экономическая энергія людей проявляется особеннымъ образомъ, и что, при такомъ проявленіи ея, экономическое благосостояніе невозможно. Нашъ мастеровой, какъ извѣстно, весьма способенъ и понятливъ, хотя способности его пока больше подражательныя. Энергіи у него тоже много. Когда ему необходимо работать, онъ принимается съ такой силой за дѣло, съ какой не работаетъ никогда ни одинъ нѣмецъ или англичанинъ. Въ два часа онъ дѣлаетъ то, на что другому нужно два дня. Но вотъ необходимыя средства добыты, и человѣкъ бросается въ пьянство; затѣмъ опять берется за работу, опять кидается въ пьянство, и въ этихъ переходахъ отъ пьянства къ труду проходитъ вся его жизнь, жизнь, можетъ быть, веселая, но во всякомъ случаѣ жалкая и бѣдная. Развитой рабочій живетъ и дѣйствуетъ иначе. Его энергія проявляется не вспышками, а идетъ ровно, постоянно. Трудъ его непрерывенъ; оттого и совокупная энергія подобныхъ людей, если они составляютъ главную массу населенія, ведетъ въ скоромъ времени ко всѣмъ выпуклымъ экономическимъ результатамъ и къ тому, что называется народнымъ благосостояніемъ. Нашихъ земледѣльцевъ въ недостаткѣ энергіи упрекнуть, конечно, нельзя, и неуспѣшность ихъ труда зависитъ отъ другихъ причинъ. Но нельзя сказать также, чтобы ихъ энергія была того же характера, какъ энергія англійскаго или американскаго земледѣльца.

Предположите страну, преисполненную всякихъ естественныхъ богатствъ. Есть въ ней и золотыя розсыпи, и желѣзная руда, моря и рѣки, богатая растительность, и живетъ въ такой странѣ народъ весьма энергичный, т. е. сильно желающій быть богатымъ, и способный трудиться постоянно и неутомимо. Будетъ ли достаточно этихъ двухъ экономическихъ факторовъ, чтобы народъ дошелъ дѣйствительно до благосостоянія? Предположите, что тамъ, гдѣ вы живете, есть превосходная желѣзная руда, есть дрова, а въ васъ сидитъ сильное желаніе имѣть стальныя ножницы и полная готовность сработать ихъ собственными руками; достаточно ли этого, чтобы ножницы явились дѣйствительно, если вы не умѣете ни извлекать желѣза изъ руды, ни превращать желѣзо въ сталь, ни дѣлать ножницъ? Значитъ, одного желанія еще недостаточно, а нужно владѣть умѣньемъ удовлетворить ему. Такимъ образомъ знаніе является третьимъ необходимымъ факторомъ успѣшности труда, и польза знанія опредѣляется размѣромъ его и степенью производительной ловкости и способности.

Промышленная прогрессивность народа виднѣе всего въ его изобрѣтеніяхъ. Ни одно изъ промышленныхъ производствъ невозможно безъ вспомогательныхъ орудій, и въ нихъ-то обнаружилось первое приложеніе промышленной смышленности человѣка. Эти вспомогательныя средства служатъ только для того, чтобы облегчить трудъ и сдѣлать его успѣшнѣе. Пока люди еще довольно близки къ

первоначальному дикому быту, пока ихъ потребности ограничены, и способности мало развиты, они обходятся очень немногими и несложными вспомогательными орудіями. Первый дикарь, конечно, ловилъ дикаго оленя или быка способомъ самымъ простымъ: онъ гонялся за нимъ и старался одолѣть его силой. Способъ этотъ хотя и простъ, но бѣгать много и дикому человѣку трудно. И вотъ дикарь началъ придумывать способы болѣе легкіе ловить звѣрей, и придумалъ пращу, лукъ и стрѣлы, силки и т. п. Превратившись въ земледѣльца, дикарь нашелъ тоже необходимымъ облегчить себѣ трудъ, и вотъ явились лопата, заступъ, соха, плугъ, борона и т. д. Все это также инструменты, облегчающіе трудъ и съ меньшей потратой силъ дающіе человѣку большую выгоду Какъ бы ни было ничтожно промышленное дѣло, хорошее исполненіе его требуетъ непремѣнно инструментовъ. Нельзя выстроить дома безъ топора, нельзя имѣть дровъ безъ топора или пилы, нельзя имѣть хлѣба, не обработавъ земли, хотя лопатой, и не сжавъ растеній, хотя простымъ ножомъ. Безъ вспомогательныхъ средствъ и орудій перевозки, какъ лодки, барки, корабли, телѣги, сани, нельзя было бы имѣть сношеній съ отдаленными странами и пользоваться ихъ произведеніями, или достигать тѣхъ выгодныхъ результатовъ, которыхъ достигаютъ нынче помомощью перевозочныхъ средствъ. Но помощью грубыхъ, несовершенныхъ орудій достигаются и несовершенные результаты. Вы не разрѣжете хорошо матерію дурными, тупыми ножницами; не разрѣжете хлѣба тупымъ ножемъ. Чѣмъ человѣкъ становится развитѣе и сообразительнѣе, тѣмъ онъ придумываетъ болѣе разныхъ улучшеній въ орудіяхъ, служащихъ къ сбереженію труда и сокращенію издержекъ производства, потому что не все равно, работать ли какую нибудь вещь одинъ часъ или два часа. Улучшеніе орудій ведетъ не только къ сокращенію труда, при одинаковомъ техническомъ совершенствѣ производства, но и къ возвышенію добротности производимаго продукта. Этого стали достигать въ послѣднее время машинами. Машины не только позволяютъ человѣку совершать трудъ, превышающій его силы, какъ, напримѣръ, при употребленіи паровой машины, замѣняющей одновременный трудъ иногда нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но и совершать такія работы, которыя слишкомъ нѣжны для человѣческихъ рукъ. Посмотрите на англійскіе машинные чулки и перчатки; очень можетъ быть, что и найдутся искусницы, которыя и руками свяжутъ вещи такой же тонкой работы; но, во первыхъ, такихъ мастерицъ найдется очень мало, даже между нѣмками, а во вторыхъ, машина ткетъ такъ быстро, какъ не сработать ни одной самой скорой вязальщицѣ. Но это производство еще не изъ особенно тонкихъ. Замѣчательнѣе гораздо производство часовъ, гдѣ многія части такъ тонки и нѣжны, что руками ихъ приготовить рѣшительно невозможно. Разсмотрите мелкія колеса, шестерни, часовую пружину, и вы найдете такую отчетливость и правильность работы, какой можетъ достигнуть весьма способный мастеръ только въ теченіе многолѣтнихъ упражненій. Въ этомъ заключается главнѣйшая польза машинъ. Облегчая механизмъ труда въ отношеніи силы и техники, онѣ уравниваютъ способности людей, и то, для чего требовался прежде талантъ и особенная ловкость, могутъ производить нынче люди посредственныхъ силъ и механическихъ способностей. Въ примѣръ послѣдняго приведу ткацкій механическій станокъ. Весь трудъ человѣка при этой машинѣ заключается въ томъ, чтобы наложить основу и намотать утокъ и затѣмъ соединить станокъ съ приводомъ паровой машины; ткацкій станокъ примется тотчасъ же шумѣть и стучать, дѣлая свое дѣло съ такой быстротой и отчетливостью, какія совершенно невозможны для человѣческихъ рукъ. Но не въ этомъ замысловатость машины. Самое удивительное въ ней то, что, какъ только какая нибудь нитка основы лопнетъ,—машина останавливается, и въ такомъ случаѣ обязанность женщины, приставленной къ станку, заключается въ томъ, чтобы пойти и связать лопнувшую нитку. Затѣмъ машина опять пускается въ ходъ. Лопнетъ нитка опять, и опять свяжутъ ее, и опять пустятъ машину. Такимъ образомъ трудъ ткача сведенъ здѣсь къ простому надзору за машиной и къ связыванію нитокъ, что можетъ сдѣлать почти каждый ребенокъ. Извѣстная вамъ швейная машина шьетъ, конечно, не хуже и не тише швей.

Все это, конечно, хорошо, но вѣдь швейная машина оставляетъ тысячи швей или совсѣмъ безъ хлѣба, или на хлѣбѣ черствомъ; ткацкій станокъ и прядильная машина заставили голодать ткачей и прядильщиковъ; желѣзныя дороги превратили въ лишнихъ людей прежнихъ возчиковъ и ямщиковъ; пароходы оставили безъ дѣла матросовъ и судорабочихъ. И вотъ тѣ, кто смотрятъ на явленія съ точки зрѣнія ихъ ближайшихъ послѣдствій, прокляли нѣкогда машины и обвинили ихъ въ томъ злѣ, отъ котораго такъ страдаетъ современный пролетарій. Пролетарій съ подобной же близорукостью накинулся на машины и, не довольствуясь одними бранными словами и угрозами, принялся ихъ бить и ломать. Нѣсколько машинъ было точно изломано; но взамѣнъ одной изломанной машины явились десятки новыхъ, и пролетарій наконецъ увидѣлъ, что онъ борется не съ машинами, а съ геніемъ человѣчества, съ тѣмъ геніемъ, частичка котораго сидитъ и въ немъ самомъ. Этотъ геній, выражаясь попросту, есть стремленіе, свойственное каждому человѣку, улучшать свое положеніе и придумывать то, что дѣлаетъ жизнь легче и пріятнѣе. Только это стремленіе и привело къ изобрѣтенію машинъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. д. Если пролетарій не выигралъ ничего отъ этихъ изобрѣтеній, то въ этомъ виноваты не желѣзныя дороги и пароходы; точно также, если швея лишилась хлѣба, то виновата въ томъ не швейная машина. Напротивъ, машины имѣютъ прямою цѣлью облегчить трудъ рабочаго, и швейная машина назначена для того, чтобы швеи не сидѣли по 16 часовъ за работой, наживая себѣ чахотку.

И тѣмъ не менѣе только съ машинами явилось

то бѣдствіе, съ которымъ борется девятнадцатое столѣтіе. Прежде былъ пауперизмъ, а теперь къ пауперизму присоединился пролетаріатъ, зло неизвѣстное въ предшествовавшія столѣтія. Никто не отвергаетъ, что промышленный геній человѣчества выразился въ машинахъ самымъ блистательнымъ образомъ; никто не отвергаетъ, что машины удешевили производство и дали бѣднымъ возможность имѣть то, чего прежде не имѣли богатые; никто не отвергаетъ, что машины создаютъ человѣчеству блистательную экономическую будущность; но никто также не отвергаетъ и того, что въ настоящемъ плодами изобрѣтеній машинъ рабочій пользуется только косвеннымъ образомъ, и всѣ выгоды, приносимыя ими, достаются не ему. Ситецъ, бархатъ, всякія бумажныя матеріи и множество предметовъ обыкновеннаго быта стали теперь значительно дешевле, и простой человѣкъ облачается въ ткани фабричнаго издѣлія; но этимъ и ограничивается вся выгода, доставляемая ему машинами. Невыгодная же сторона машинъ заключается въ развитіи системы мануфактурной, фабричной промышленности, подавляющей совершенно фабричнаго рабочаго, работающаго не на себя, а на хозяина. Если-бы сами рабочіе были и хозяевами фабрикъ, на которыхъ они работаютъ, то положеніе ихъ не было бы такъ печально. Но рабочіе—только рабочіе, получающіе плату, размѣръ которой опредѣляется minimum'омъ ихъ потребностей. Противъ рабочаго стоитъ хозяинъ-капиталистъ, изображающій собой другой элементъ производства; т. е рабочій есть представитель труда, хозяинъ—представитель капитала. Двѣ эти силы стоятъ враждебно одна противъ другой, и какъ представители той и другой—живые люди, то вражда ихъ принимаетъ страстный характеръ, и между рабочими (пролетаріями) и фабрикантами (капиталистами) являлись и являются столкновенія, которыя не только вызывали военныя вмѣшательства правительствъ, но вели къ катастрофамъ революціоннаго характера и къ формальнымъ битвамъ. Въ этихъ случаяхъ на одной сторонѣ стояли пролетаріи, на другой — представители капитала. До изобрѣтенія машинъ ничего подобнаго не было; хотя зависимость рабочаго отъ хозяина и была велика, такъ что во многихъ случаяхъ хозяинъ былъ похожъ на плантатора, а рабочій—на бѣлаго негра, но слабое развитіе производствъ не позволяло скопленія большихъ капиталовъ. Съ машинами же изготовленіе фабричныхъ предметовъ усилилось до такой степени, что и барыши, скопившіеся въ немногихъ рукахъ, или соединеніе небольшихъ капиталовъ на одно общее дѣло (акціонерныя предпріятія) образовали громадную силу и сконцентрировали на фабрикахъ огромныя массы рабочаго народа, работавшаго прежде въ разбродъ. Тутъ только и обнаружилось, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ вести разъединеніе капитала отъ труда, когда они сконцентрируются въ двѣ отдѣльныя, независимыя огромныя силы. Какъ рабочій не пользуется выгодами машинъ мануфактурныхъ, такъ точно онъ не пользуется выгодами и отъ всѣхъ другихъ машинъ и промышленныхъ изобрѣтеній. Рабочій, конечно, ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ, и для него строятся даже особые вагоны III класса; но вѣдь онъ и прежде ѣздилъ въ телѣгахъ, когда другіе разъѣзжали въ коляскахъ и каретахъ; слѣдовательно, отношеніе осталось то же; телеграфомъ рабочему, конечно, тоже не запрещено пользоваться, только, къ сожалѣнію, ему нечего телеграфировать; а между тѣмъ все большее и большее развитіе машинныхъ производствъ ставитъ рабочаго въ бо́льшую подчиненность отъ того, кто даетъ ему работу. До чего можетъ доходить бѣдствіе рабочихъ, виднѣе всего при промышленныхъ кризисахъ, когда десятки, а иногда и сотни тысячъ людей остаются буквально безъ куска хлѣба. Если рабочій въ прошедшемъ столѣтіи жилъ хуже, какъ увѣряютъ многіе экономическіе писатели; если онъ щеголяетъ нынче въ сапогахъ и въ плисовыхъ кафтанахъ, то это еще не много. Прежде онъ всетаки былъ довольнѣе и счастливѣе, даже при низшемъ уровнѣ удовлетворенія своихъ потребностей; а теперь у него явилось много стремленій, удовлетворять которымъ онъ не въ состояніи, и эта невозможность удовлетворенія и дѣлаетъ его несчастнымъ.

Конечно, существующія теперь машины были изобрѣтены и построены не сразу; въ этомъ дѣлѣ была своего рода постепенность, при которой, по мѣрѣ того, какъ изобрѣтались и распространялись машины, оставались безъ дѣла сначала одни рабочіе, потомъ другіе. И нашъ XIX вѣкъ тѣмъ и отличается, что во все его продолженіе рабочія руки постоянно вытѣснялись машинами, и, слѣдовательно, постоянно являлись люди, которымъ нужно было пріискивать новый родъ занятій. Дѣло это совсѣмъ не такъ легко. Положимъ, пароходы вытѣснили бурлаковъ и судорабочихъ; спрашивается, за какое дѣло приняться этимъ людямъ, когда они и прежде не могли быть ничѣмъ, какъ бурлаками и судорабочими? Ясно, что въ первый же годъ появленія пароходовъ извѣстное число судорабочихъ и бурлаковъ должны были или совсѣмъ остаться безъ хлѣба, пока не нашли себѣ другого дѣла, или очутиться на половинной порціи, т. е. жить въ-полсыта, что, разумѣется, нездорово. По мѣрѣ развитія пароходства, убивавшаго прежнюю систему плаванія, извѣстное число прежнихъ рабочихъ оставалось непричемъ. И то же самое повторялось и повторяется изъ года въ годъ. Потомъ явились желѣзныя дороги, которыя по мѣрѣ своего развитія повторяли, повторяютъ и будутъ повторять подобную же исторію съ ямщиками и возчиками тяжестей и т. д. Теперь же наступила очередь швей. До сихъ поръ грозила имъ чахотка, потому что бѣдняжкамъ, особенно въ зимній сезонъ, или когда появится плѣнительная для прекраснаго пола мода, приходилось работать отъ 16 до 18 часовъ въ сутки, при горячей же работѣ даже до 20. Положимъ, что трудъ былъ тяжкій, а, главное, мало обезпечивающій существованіе работницъ; но какъ бы мало онъ ни обезпечивалъ ихъ, у нихъ былъ хлѣбъ, — хлѣбъ дурной, а всетаки хлѣбъ. Швейная же машина стала отнимать отъ нихъ даже и эту жалкую кра-

юшку, что, разумѣется, хуже чахотки. Теперь стали устраивать уже швейныя машины, работающія совсѣмъ на фабричный ладъ, посредствомъ пара. Одни Соединенные Штаты продаютъ швейныхъ машинъ ежегодно на 40.000.000 р. сер. На одной фабрикѣ въ Нью-Іоркѣ изготовляется каждую недѣлю 100 машинъ, 5.000 штукъ въ годъ, и занято приготовленіемъ ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Считаютъ, что во всемъ свѣтѣ находится теперь въ дѣйствіи швейныхъ машинъ гораздо болѣе милліона. Сколько же швей оставили онѣ совсѣмъ безъ дѣла, и у какого числа ихъ онѣ убавили на половину ихъ насущный хлѣбъ? Когда человѣкъ разсуждаетъ чисто теоретически, онъ совершенно правъ, говоря, что такъ какъ швейныя машины вытѣсняютъ ручное производство, то швеямъ слѣдуетъ измѣнить родъ занятій, т. е. найти себѣ такое дѣло, при которомъ бы имъ грозила наименьшая конкурренція или опасность остаться безъ средствъ существованія. Нельзя придумать ничего разсудительнѣе подобнаго заключенія, и швея, конечно, съ нимъ согласна вполнѣ. Но какъ нельзя же лишать права дѣлать свои умозаключенія и швею, которой этотъ вопросъ касается ближе всего, то и приходится выслушать отъ нея не менѣе разсудительный отвѣтъ: «что дѣлать?»—Мало ли на свѣтѣ дѣлъ! отвѣчаетъ ей съ удивленіемъ умозаключитель, пишущій теоретическія сочиненія. «Однако?» отвѣчаетъ ему неотвязчивая швея. Теоретикъ пожимаетъ плечами и даже начинаетъ сердиться, потому что это «однако» ставитъ его находчивость и практическій смыслъ въ конфузное положеніе; но, владѣя большимъ запасомъ экономической логики и разными бывшими примѣрами, теоретикъ предлагаетъ швеѣ завести самой швейную машину и устроить собственную мастерскую. Въ отвѣтъ на такой разумный совѣтъ швея выворачиваетъ свой карманъ, и теоретикъ не усматриваетъ въ немъ ничего, кромѣ дыры. Конечно, если какое нибудь дѣло не даетъ вамъ средствъ существованія, вамъ нужно приняться за другое, болѣе выгодное, и самое лучшее, если-бы вы могли завести нѣчто вполнѣ самостоятельное. Но вѣдь въ томъ-то и весь вопросъ, какъ быть сытымъ тому, у кого нѣтъ хлѣба, и какъ завести швейную машину тому, у кого нѣтъ ни копейки денегъ. Я не говорю, что вопросъ этотъ похожъ на заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода; я хочу только сказать, что обыкновенные способы помощи, заключающіеся въ предлаганіи глубокомысленныхъ совѣтовъ, никуда не годятся; а еще хуже то равнодушіе, съ какимъ общество и преимущественно современные люди относятся къ печальному положенію рабочихъ, остающихся безъ дѣла. Вы не пройдете мимо рѣки, если видите утопающаго. Можетъ быть, вы сами и не броситесь въ воду; но вы крикнете помощь, подадите веревку, толкнете бревно, доску, однимъ словомъ—сдѣлаете, что возможно въ вашемъ положеніи. Дѣлайте то же и относительно людей, остающихся безъ средствъ существованія; протяните имъ руку, помогите имъ стать на ноги, обезпечьте ихъ хорошими, гарантирующими ихъ учрежденіями, вотъ и все. Никто не проситъ у васъ для этого ни вашихъ денегъ, ни вашего обѣда; желаютъ только, чтобы вы поняли наконецъ сущность вопроса и сдѣлали то, что вы сдѣлать въ состояніи.—Въ томъ, что положеніе рабочаго ухудшалось, машины, какъ я уже сказалъ, не виноваты; въ машинахъ всетаки выразилась сила человѣческаго стремленія къ облегченію труда и промышленная изобрѣтательность. Машины будутъ появляться все болѣе и болѣе, вытѣсняя ручной трудъ и подготовляя человѣчеству то блестящее экономическое будущее, осуществленіе котораго въ настоящемъ пока еще невозможно. Экономическое зло нашего времени не въ томъ, что существуютъ машины, а въ томъ, что промышленныя способности людей развитѣе ихъ общественныхъ способностей; отъ этого люди, идя свободно по пути промышленной изобрѣтательности, въ то же время задерживаютъ сами себя въ другихъ соціальныхъ вопросахъ, и является тотъ разрывъ, который выступаетъ выпуклѣе всего въ формѣ современнаго пролетаріата.

Іюль 1865.

СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ФАТАЛИЗМЪ.

I.

Личное несчастіе — сильнѣйшій двигатель для возбужденія мысли въ прогрессивномъ направленіи. Люди, даже съ небольшой энергіей, способны въ такихъ случаяхъ озлобляться; а нѣтъ лучшей прогрессивной силы, какъ злоба.

Вотъ вы несчастны. Отчего вы несчастны? Вы размышляете и находите, что лучшія ваши желанія не исполняются, лучшія ваши стремленія не удаются. Васъ беретъ злость на человѣческую глупость. Вы видите, что всему причиной только она, что она стоитъ предъ вами стѣною. Такъ и надѣлъ бы на эту глупость ослиный колпакъ и провелъ бы ее напоказъ людямъ! Но кому напоказъ? Вы думаете, что вашъ колпакъ на одного Ивана, но всмотритесь—и вы увидите, что повсюду торчатъ головы, изобличаемыя нечеловѣческими ушами. Кого вести, кому надѣвать колпакъ? Вы прямой въ странѣ хромыхъ. Бороться? Но борьба отдѣльныхъ лицъ съ длинными ушами не ведетъ ни къ чему.

Есть борьба выше этой мелочной личной борьбы отдѣльныхъ лицъ,—борьбы, въ которой упражняются, напр., провинціальные корреспонденты вооружающіеся противъ отдѣльныхъ фактовъ

отдѣльныхъ личныхъ случаевъ, составляющихъ лишь результатъ другихъ, болѣе широкихъ общихъ причинъ. Эта высшая борьба есть борьба съ принципомъ, борьба противъ коллективной неразумности, выгораживающая отдѣльныхъ лицъ; борьба, которую ведетъ публицистъ. Публицистъ, обобщая и группируя факты, пользуется отдѣльными случаями, какъ матеріаломъ. Кругозоръ публициста шире, дѣятельность его плодотворнѣе; но зато она требуетъ большихъ силъ и знаній и подвергаетъ большей опасности. Корреспонденты и фельетонисты, подобно поэтамъ, отдаются преимущественно чувству; они могутъ ограничить всю свою дѣятельность однимъ выраженіемъ негодованія, преданіемъ гласности глупости и пошлости. Но публицистъ долженъ отдавать перевѣсъ мысли надъ чувствомъ; онъ долженъ убѣждать, расширять кругозоръ читателя и указывать ему отдаленные идеалы. Такимъ образомъ публицистъ является пророкомъ своего народа.

Но чтобы пророкъ могъ приносить пользу, необходимо одно условіе:—чтобы были желающіе его слушать. Ошибочно мнѣніе, будто желаніе слушать зависитъ отъ силы и таланта публициста. Конечно, талантъ — сила великая. Но еслибы Демосѳенъ вздумалъ говорить свои рѣчи каменнымъ стѣнамъ или стаду коровъ, то его краснорѣчіе пропало бы безслѣдно. Бываютъ и въ жизни обществъ моменты, когда люди уподобляются каменной стѣнѣ, и никакой Демосѳенъ не прошибетъ ее.

Но жизнь идетъ своимъ порядкомъ, и соціально-экономическое движеніе въ народѣ продолжается. Онъ думаетъ свою думу, онъ трудится и работаетъ, онъ создаетъ новыя комбинаціи, требуемыя новыми обстоятельствами. Однимъ словомъ, жизнь идетъ впередъ; съ нею идетъ впередъ и наука.

Движеніе назадъ никогда не было движеніемъ постояннымъ. За отливомъ всегда слѣдуетъ приливъ; за остановкой—новое поступательное движеніе. И потому я строю силлогизмъ и говорю: слѣдовательно, наша публицистика и публика должны подчиниться общему ходу исторіи, ибо не они создаютъ исторію, а исторія творитъ ихъ—большее увлекаетъ меньшее.

Конечно, мы еще не вступили въ моментъ сознанія. Даже такой фактъ, какъ минувшій голодъ, не пробудилъ наше общество. Что же значитъ голосъ одного или двухъ публицистовъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что и послѣднимъ публицистамъ нужно замолчать, какъ будто бы все вокругъ нихъ вымерло, и исторія человѣчества остановилась? Нѣтъ. Будемъ говорить и говорить. Послушаетъ насъ сначала одинъ человѣкъ, потомъ два, потомъ четыре, восемь и т. д., въ геометрической прогрессіи. И наведется общество на полезныя размышленія и пойдетъ вмѣстѣ съ жизнью, а не противъ ея

Въ чемъ же ходъ влекущей насъ народной жизни и исторіи? Движеніе ихъ только въ одномъ направленіи—соціально-экономическомъ; оно заключается въ стремленіи людей построить свое благосостояніе по среднему уровню большинства. Кто не знаетъ этого, кто хочетъ идти инымъ путемъ, тотъ не человѣкъ современно-исторической эпохи; тотъ не человѣкъ своего времени.

Что таковъ именно ходъ исторіи, что волей и неволей всякое общество должно ему подчиниться, даже и при отсутствіи сознанія, я хочу попытаться доказать настоящею статьею. Или, иначе, я хочу доказать, что если мы опустили руки и думаемъ: ужъ не ошиблись ли наши публицисты и мы сами, говоря прежде о соціально-экономическихъ вопросахъ, и не поступаемъ ли мы теперь умнѣе, не говоря ни о чемъ,—я хочу доказать, что наше настоящее размышленіе ошибочно, и что намъ нѣтъ другого выхода, какъ думать въ прогрессивномъ направленіи. Не станемъ мы дѣйствовать и думать сознательно,—уведетъ насъ впередъ соціально-экономическій фатализмъ, и не устоимъ мы на мѣстѣ, какъ бы сильно ни упирались. Соціально-экономическій фатализмъ есть сила роковая; ничто не можетъ устоять противъ нея: какъ она вела человѣчество до сихъ поръ, такъ поведетъ она его впередъ и въ будущемъ.

II.

Потребности, удовлетвореніе ихъ и, слѣдовательно, экономически производительный трудъ—вотъ основная форма соціально-экономической дѣятельности. Читатель скажетъ мнѣ, что я говорю азбучную истину. Да, но знаетъ ли читатель, что прошла тысяча вѣковъ, прежде чѣмъ люди выработали эту азбучную истину? Все древнее человѣчество погибло только оттого, что не знало ея; и, конечно, негодующій на меня читатель самъ бы не додумался до нея, еслибы не помогъ ему Адамъ Смитъ. Слѣдовательно, напомнить азбучную истину не только полезно, но и необходимо, ибо только ею разрѣшаются всѣ соціально-экономическіе вопросы, уясняются всѣ самыя сложныя и запутанныя экономическія комбинаціи въ отношеніяхъ труда къ капиталу.

Еще въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ изреченія, что человѣкъ только трудомъ можетъ добыть хлѣбъ свой. Такимъ образомъ уже въ древности передовые мыслители признавали трудъ основой всей дѣятельности человѣка. Но только спустя многое множество вѣковъ явилось сознательное представленіе о выгодномъ направленіи труда. Мало ли какой можетъ быть трудъ; напр., трудъ переливать изъ пустого въ порожнее. Первобытное человѣчество считало трудомъ только войну, рѣшало всѣ вопросы силой и раздѣлило общество на рабовъ и господъ. Такое дѣленіе общества и эксплоатація однихъ другими въ постепенно-умягчающейся формѣ существовала, какъ безсознательная сила, долгое время.

Но соціально-экономическій фатализмъ, помимо воли отдѣльныхъ людей и сословій, обнаруживалъ свою силу въ явленіяхъ, повидимому, вовсе не экономическаго характера. Сила этого фатализма именно въ томъ, что онъ обращаетъ все на пользу

соціально-экономическаго прогресса. Очень можетъ быть, что желѣзныя дороги и телеграфы послужили прежде всего для разрушительныхъ цѣлей. Очень можетъ быть, что по желѣзнымъ дорогамъ проѣхало прежде всего больше воиновъ, чѣмъ мирныхъ экономическихъ производителей. Очень можетъ быть, что телеграфныя проволоки передали вначалѣ болѣе военныхъ распоряженій, чѣмъ коммерческихъ депешъ. Но въ концѣ концовъ полезный результатъ окажется чисто соціально-экономическаго характера. Такъ, изобрѣтатели пороха и огнестрѣльнаго оружія думали только о войнѣ и разрушеніи, какъ продолжаютъ думать еще и донынѣ военные изобрѣтатели. Но посмотрите ближе на результатъ изобрѣтенія пороха. Какъ только порохъ оказался дѣломъ пригоднымъ для войны, измѣнилась и теорія войны, и способъ ея веденія. Прежде каждый гражданинъ отбывалъ военную повинность натурой, каждый былъ воиномъ и обязанъ былъ защищать свою страну. Когда каждый превращается такимъ образомъ въ воина и является представителемъ военной силы, то неизбѣжный результатъ этого — общая грубость нравовъ и перевѣсъ военныхъ занятій надъ всѣми остальными. И мы видимъ въ дѣйствительности, что старая Европа распадалась на два сословія: одно военное, другое духовное; что даже духовные были заражены духомъ воинственности, и какой нибудь Петръ Пустынникъ, обнаживъ мечъ, велъ крестоносцевъ на гибель и разрушеніе, вмѣсто того, чтобы умиротворять ихъ словомъ любви къ ближнему. Бокль справедливо говоритъ, что было много военныхъ и священниковъ, битвъ и проповѣдей, но не было ни промысловъ, ни торговли, ни фабрикъ, не было ни наукъ, ни литературы; полезныя ремесла были неизвѣстны, и даже интеллектуальные представители общества были незнакомы не только съ обыкновеннымъ комфортомъ, но даже съ простѣйшими приличіями цивилизованной жизни. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія круто повернуло жизнь на новый путь. Правда, войны стали губительнѣе, и явились спеціалисты военнаго дѣла, но зато вмѣсто прежнихъ двухъ слоевъ общество выдѣляло изъ себя третій—мирныхъ экономическихъ производителей. Теперь прежнюю грубую милицію смѣнила постоянная армія; а вмѣстѣ съ тѣмъ огромная масса людей, оказавшись безполезной для военныхъ цѣлей, могла употребить свой трудъ для экономической производительности и отвыкла постепенно отъ своихъ прежнихъ воинственныхъ привычекъ. Этимъ путемъ европейскій интеллектъ, устремлявшій прежде всѣ свои силы на войну или теологію, началъ думать въ новомъ направленіи; создались новыя знанія, положилось начало привычкѣ думать экономически-полезнымъ образомъ, смягчились нравы, и европейское общество приняло небывалую до того физіономію; начали развиваться промышленные города, ремесленный трудъ, большій досугъ дозволилъ людямъ устремить свои мысли въ направленіи экономически-выгодномъ, и явился рядъ новыхъ изобрѣтеній, приведшихъ къ новому и тоже соціально-экономическому результату.

Въ числѣ изобрѣтеній этого рода, можетъ быть, наиболѣе плодотворное по своимъ результатамъ есть книгопечатаніе. Когда Гутенбергъ выдумывалъ деревянныя подвижныя буквы, онъ задался лишь мыслью облегчить трудъ какой нибудь сотнѣ переписчиковъ. Гутенбергу и въ голову не приходило, что его простая мысль можетъ имѣть громадныя соціально-экономическія послѣдствія. Въ благочестивомъ душевномъ настроеніи, онъ плѣнялся только тѣмъ, что библія сдѣлается гораздо дешевле и доступнѣе, и что, можетъ быть, большее число людей усвоитъ себѣ ея спасительныя истины. Но вотъ прошло четыре вѣка—и тысячи типографій покрыли землю; миріады книгъ, далеко уже не библейскаго содержанія, наполнили общественныя библіотеки и частныя книгохранилища; дорогой пергаментъ смѣнился дешевой бумагой изъ тряпки, и, повидимому, простая мысль изобрѣтателя создала громадную массу людей, посвятившихъ свои силы новому, невѣдомому прежде дѣлу; журналисты, публицисты, романисты, ученые, занятые кабинетнымъ трудомъ, типографщики, наборщики, словолитчики составляютъ милліоны; явилась невѣдомая до того книжная торговля, привлекшая огромные капиталы и потребовавшая, въ свою очередь, огромную массу людей. И все это благодаря только простой мысли Гутенберга: облегчить трудъ сотнѣ переписчиковъ.

Рыцарство, утратившее свое значеніе съ изобрѣтеніемъ пороха, еще долго жило въ нравахъ европейскаго населенія.. Служеніе дамамъ своего сердца прекратилось, и авантюризмъ пробилъ новую дорогу. Прежде рыцари странствовали для того, чтобы истреблять невѣрныхъ, и, воодушевляясь любовью къ дамѣ своего сердца, убивали людей и сѣяли повсюду смерть и разрушеніе. Съ изобрѣтеніемъ пороха, безпокойные люди, принужденные отказаться отъ прежнихъ рыцарскихъ привычекъ, кинулись въ авантюризмъ и стали мечтать въ экономическомъ направленіи. Хотя это нѣсколько и странно, но совершенно справедливо. Издревле жило преданіе о громадномъ островѣ, поглощенномъ моремъ. Издревле жило преданіе объ обѣтованныхъ уголкахъ, лежащихъ гдѣ-то тамъ, очень далеко. И вотъ люди, не имѣвшіе постоянныхъ мирныхъ занятій, предпріимчивые, смѣлые, неустрашимые, рыцари въ полномъ смыслѣ слова, задумали отыскивать исчезнувшую Атлантиду, обѣтованные уголки, золотоносное Эльдорадо. Люди не могли употреблять уже прежнихъ рыцарскихъ пріемовъ для удовлетворенія своихъ потребностей или, попросту говоря, не могли уже разбойничать, чтобы жить трудомъ ближняго; и такимъ образомъ болѣе мирное общественное настроеніе побудило отважныхъ людей отыскивать иныхъ средствъ для существованія и превратиться изъ разбойниковъ въ изобрѣтателей и открывателей новыхъ міровъ. Это новое направленіе создалось тоже изобрѣтеніемъ пороха.

Мы видимъ цѣлый рядъ людей, выступившихъ на этотъ новый путь: Васко-де-Гама, Кабраля, Франциско д'Альмейду, Альбукерке, Магеллана,

Кабота, Кортеса, Беласкеса, Пизарро, Альмагро, Христофора Колумба. Благодаря направленію, овладѣвшему этими замѣчательными людьми, физіономія цивилизованнаго міра совершенно измѣнилась, и явились такія послѣдствія, о которыхъ меньше всего они сами мечтали. А между тѣмъ что двигало этими людьми? Простая ненасытность передвиженія, возбуждаемая къ лучшему удовлетворенію своихъ личныхъ потребностей. Мореплаватель, пускавшійся въ отдаленный путь, думалъ только о томъ, какъ бы ему найти гдѣ нибудь золотую гору или яму съ драгоцѣнными каменьями. И Колумбъ воодушевлялся только этою мыслью; только этимъ однимъ ему удалось убѣдить Изабеллу Кастильскую дать ему три корабля. Испанская королева не меньше Колумба мечтала о золотѣ и, снарядивъ для Колумба флотъ, великодушно выговорила себѣ девять десятыхъ изъ доходовъ новооткрытыхъ странъ и острововъ. Экипажъ сформировался тоже изъ людей, жаждавшихъ богатства, и только надежда на удовлетвореніе этой жадности поддерживала отважныхъ моряковъ въ ихъ плаваній. Не всѣ надежды, однако, осуществлялись: золота нашлось меньше, чѣмъ думали; но Новый Свѣтъ былъ открытъ, а вмѣстѣ съ открытіемъ Новаго Свѣта перестроилась и вся европейская жизнь.

Европейскій бытъ былъ прежде простъ и немногосложенъ; потребности удовлетворялись тѣмъ, что давала скудная европейская почва. Но вотъ Америка познакомила европейцевъ съ новыми, невѣдомыми имъ предметами, создала такъ называемые колоніальные товары: кофе, сахаръ, табакъ, хлопчатую бумагу. Если читатель обратитъ вниманіе на то, что Америка въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій дала 10 милліардовъ золота и серебра, въ то время, какъ во всѣ средніе вѣка европейскій запасъ серебра и золота составлялъ всего 280 милліоновъ талеровъ; если читатель обратитъ вниманіе на то, что изъ Америки привозится въ Европу около 1.500.000 тоннъ сахара, около 8 милліоновъ центнеровъ кофе, около $4^1/_2$ милліоновъ тюковъ хлопка, около 150 милліоновъ фунтовъ табаку; если читатель обратитъ вниманіе наконецъ на то, что хлопчатобумажная производительность измѣнила совершенно характеръ прежней одежды и создала новыя, небывалыя до того матеріи; что благодаря хлопку явились не только новыя матеріи, но и Аркрайтова машина, и милліоны людей нашли себѣ новое невѣдомое занятіе,— то читатель и самъ собой сообразитъ то громадное значеніе, какой имѣлъ Новый Свѣтъ для старой Европы. Европа стала пить и ѣсть не то, что она пила и ѣла прежде. Она познакомилась съ красильными веществами, которыхъ у нея не было, и вмѣсто прежней бѣдной по внѣшности жизни усвоила новую, блестящую обстановку и новыя, болѣе удобныя привычки.

Но не одно только матеріальное вліяніе обнаружилъ Новый Свѣтъ на Европу. Америка, хотя и привлекла къ себѣ всякихъ авантюристовъ и пройдохъ, думавшихъ только о золотѣ, но вмѣстѣ съ ними явились и хорошіе, трудолюбивые люди, имѣвшіе болѣе мирныя и высокія стремленія. Эти хорошіе люди шли въ Америку не на время, чтобы только разбогатѣть и затѣмъ возвратиться въ Европу проживать добытое богатство, — они явились колонизаторами новой страны и піонерами цивилизаціи. Явившись въ странѣ, изобильной всѣми естественными богатствами и землей, колонисты не имѣли причинъ придерживаться сословныхъ и родовыхъ предразсудковъ старой Европы. Каждый колонистъ получалъ въ свое распоряженіе столько земли, сколько могъ обработать, и, при передачѣ своихъ владѣній своимъ наслѣдникамъ, не имѣлъ нужды придерживаться англійскаго майората. Изъ этого вытекало непосредственно иное, чѣмъ въ Англіи, имущественное отношеніе, экономическое равенство всѣхъ дѣтей одного отца, и выработался тотъ демократическій принципъ, который въ своемъ окончательномъ развитіи создалъ изъ Америки вполнѣ демократическое государство. Въ то же время экономическая независимость каждаго колониста, работавшаго лично на себя, а не на владѣльца земли, какъ въ Англіи, дозволила каждому пользоваться всѣми результатами своего труда. А непосредственнымъ слѣдствіемъ этого явилось обогащеніе колоній. Итакъ, потому, что каждый колонистъ явился собственникомъ, создалась въ Америкѣ имущественная равноправность, и выработались демократическія учрежденія, а потому, что каждый работалъ лично на себя,—общее экономическое благосостояніе.

Эти два обстоятельства вызвали скоро послѣдствія, весьма важныя по своимъ результатамъ для всего цивилизованнаго міра. Англія, смотрѣвшая на американцевъ, какъ на своихъ дѣтей, хотѣла пользоваться ихъ силами и эксплоатировать въ свою пользу ихъ трудъ. Англія хотѣла заставить Америку работать на себя и загребать жаръ чужими руками. Съ этою цѣлью англичане издали цѣлый рядъ стѣснительныхъ для американцевъ постановленій и пытались забрать въ свои руки ихъ торговлю. Такая безцеремонность не понравилась американцамъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, считая себя взрослыми, они не желали, чтобы ими распоряжался кто нибудь другой, кромѣ ихъ самихъ, и во вторыхъ, для нихъ было совершенно очевидно, что стѣсненіе ихъ торговли и промышленности отразится чувствительнымъ образомъ на ихъ карманахъ. Поэтому, при первыхъ же попыткахъ Англіи распоряжаться экономическою судьбою американцевъ, послѣдніе обнаружили противодѣйствіе, и начались немедленно ссоры между метрополіей и ея колоніями.

Въ тѣ времена экономическія воззрѣнія не были еще выработаны въ строгую теорію, и потому для самихъ американцевъ было несовсѣмъ ясно значеніе и важность экономическихъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ ихъ противодѣйствія. Большинство образованныхъ людей и представители американскаго интеллекта были юристы, и потому весь споръ съ метрополіей былъ поставленъ юридическимъ образомъ. Американцы затѣяли споръ о правахъ,

говорили зажигательныя рѣчи, толковали о достоинствѣ человѣка и тому подобныхъ отвлеченностяхъ, и какъ будто бы совершенно не понимали, что сущность обоюдныхъ столкновеній есть чисто экономическая, и что юридическая постановка вопроса есть только внѣшняя сторона дѣла. Тѣмъ не менѣе, даже и при такой постановкѣ вопроса, получились полезные результаты, ибо народъ, задѣтый въ самыхъ ближайшихъ своихъ интересахъ, пользовался всякимъ предлогомъ и всякимъ средствомъ для ихъ огражденія, если они вели къ цѣли. А какъ юриспруденція была орудіемъ достаточно пригоднымъ, то юристы сдѣлались представителями народа и его революціонными предводителями. Дѣло кончилось тѣмъ, что юристы сочинили декларацію правъ, а народъ взялся за оружіе, и началась война съ Англіей, окончившаяся торжествомъ колонистовъ. Освободившаяся Америка создала республику небывалаго размѣра. И такимъ образомъ простое авантюристское желаніе Колумба найти кусокъ золота привело къ результату громадной міровой важности, котораго Колумбъ, конечно, никакъ не ожидалъ.

Но не этимъ однимъ кончилось открытіе Колумбомъ Америки. Американское движеніе обнаружило непосредственное вліяніе на старую Европу, и американскія идеи нашли въ ней весьма плодородную почву. Первой страной, воспользовавшейся этими идеями, была Франція, революціонное движеніе которой въ концѣ прошедшаго столѣтія находилось въ непосредственной связи съ американской войной за независимость. Но и во Франціи, какъ въ Америкѣ, передовыми дѣятелями явились юристы, и всѣ толковали о правахъ въ то время, какъ сущность заключалась въ соціально-экономическомъ вопросѣ. Поэтому французская революція получила характеръ юридически-политическій, и изъ всѣхъ революціонныхъ предводителей Франціи только одинъ Робеспьеръ, и то какъ бы случайно, сказалъ разъ, что послѣ переворота во Франціи не будетъ бѣдныхъ. Въ этомъ причина, что французская революція вышла только половиною дѣла и исключительно политическимъ явленіемъ, несмотря на свою экономическую сущность. Но даже и при этой неполнотѣ она дала экономическимъ силамъ Франціи возможность вступить въ новыя экономическія комбинаціи; она дала возможность проявиться личному труду болѣе совершенно и успѣшно, чѣмъ это было прежде, и въ этомъ причина, почему, несмотря на страшныя внутреннія потрясенія и огромныя внѣшнія войны, Франція вынесла легко не только революцію и царствованіе Наполеона, но и явилась затѣмъ въ девять разъ богаче, чѣмъ была прежде.

Если читатель обратитъ вниманіе на связь причинъ и послѣдствій, то онъ усмотритъ въ нихъ легко тотъ законъ соціально-экономическаго фатализма, который рядомъ постепенно увеличивающихся причинъ создаетъ рядъ постепенно увеличивающихся послѣдствій, имѣющихъ своимъ окончательнымъ результатомъ большее благополучіе постепенно большей массы людей. Такъ, скромный монахъ изобрѣтаетъ порохъ, нисколько не думая о военныхъ преобразованіяхъ, а между тѣмъ огнестрѣльное оружіе освобождаетъ огромную массу людей отъ необходимости непроизводительнаго труда и устремляетъ ея силы на мирныя экономическія занятія. Этимъ развивается ремесленность, является привычка къ полезному труду и мысль большаго числа людей получаетъ направленіе чисто экономическое. Такое новое направленіе мысли заставляетъ людей думать объ облегченіи труда и объ изысканіи средствъ для возможно легчайшаго пользованія результатами своей экономической дѣятельности. Но европейская природа скудна, дѣйствительность не удовлетворяетъ человѣка, и вотъ воображеніе создаетъ идеалъ земного рая и возбуждаетъ дѣятельность человѣка къ отысканію этого рая. Являются предпріимчивые люди, способные переносить всякія лишенія и трудности, и одному изъ нихъ удается дѣйствительно открыть подобный земной рай. Разсказы моряковъ о чудесахъ новооткрытыхъ земель возбуждаютъ жадность и любопытство людей, подобно имъ предпріимчивыхъ или недовольныхъ своимъ настоящимъ. Людямъ, гонимымъ за свои убѣжденія, является мысль искать спасенія въ этой отдаленной странѣ. Тѣ и другіе переплываютъ океанъ, создаютъ колоніи и мечтаютъ объ организаціи спокойной жизни, чуждой европейскихъ треволненій. Не преслѣдуемые своими гонителями, переселенцы быстро достигаютъ экономическаго благосостоянія, возможнаго только при отсутствіи всякихъ внѣшнихъ помѣхъ. Они созидаютъ новую, небывалую промышленность и новые, незнакомые европейцамъ, предметы потребленія и потребности. Завязываются небывалыя торговыя сношенія между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ; а ввозъ американскихъ произведеній въ Европу создаетъ небывалую до того массу новыхъ экономическихъ производителей, въ образѣ новыхъ ремесленниковъ, купцовъ и торговцевъ. Но экономическое развитіе требуетъ отсутствія вмѣшательствъ и помѣхъ; а между тѣмъ старая Европа не даетъ покоя Америкѣ. И вотъ американцы вырабатываютъ принципъ экономическаго вмѣшательства и свободы, берутся за оружіе, потому что словами убѣдить старую Европу не въ состояніи, торжествуютъ надъ своимъ врагомъ и преподаютъ Европѣ урокъ политико-экономической мудрости. Міръ совершенно измѣняетъ свою физіономію. Вмѣсто прежняго исключительно военнаго населенія, является населеніе мирныхъ тружениковъ, не желающихъ убыточной для нихъ войны; вмѣсто небольшого числа ремесленниковъ, перерабатывавшихъ скудные дары европейской природы, является масса новыхъ производителей, перерабатывающихъ американское сырье. Хлопчатая бумага привлекаетъ огромную массу рукъ и даетъ дѣятельности европейскаго населенія совершенно новое направленіе. Повидимому, такой ничтожный предметъ измѣняетъ совершенно всѣ экономическія отношенія и весь порядокъ экономической жизни Европы. Не боясь преувеличенія, можно сказать, что именно хлопчатая бумага создала тѣ чудеса цивилизаціи и изобрѣтенія, которыми пользуется Европа въ настоящій моментъ. Теперь вы не най-

дете ни одной женщины и ни одного мужчины, ни старца, ни ребенка, который бы не одѣвался въ матеріи изъ хлопчатой бумаги взамѣнъ прежнихъ холстинъ и подобныхъ имъ безобразныхъ и грубыхъ матерій изъ грубаго европейскаго сырья. А если мы примемъ европейское населеніе среднимъ числомъ только въ 250 милліоновъ, то читатель и самъ сообразитъ, какъ велика должна быть масса потребленія, и какое множество рукъ занято хлопчатобумажнымъ производствомъ.

Хлопчатобумажное производство создало совершенно новую промышленность, самую громадную по числу лицъ, занятыхъ ею, и по размѣру потребленія. Причину этого нужно искать въ свойствахъ хлопчатника, легко выдѣлывающагося въ прочную тонкую нитку, какой нельзя произвести съ тѣми же усиліями изъ льна, пеньки и вообще изъ европейскихъ волокнистыхъ растеній. Легкость разработки хлопка и приготовленія изъ него ткани привлекла къ новому производству огромную массу людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставила подумать объ облегченіи труда. Прежде хлопокъ пряли или веретеномъ, или самопрялкой. Самопрялка была уже значительнымъ шагомъ впередъ и изображала изъ себя хотя несовершенную машину, а всетаки машину, облегчавшую трудъ. Теперь же, когда—и по преимуществу въ Англіи—почти въ каждомъ деревенскомъ домѣ завелось пряденіе, люди болѣе способные начали думать о томъ, какъ бы замѣнить самопрялку машиной еще болѣе выгодной. Этому стремленію удовлетворили очень скоро Гергравъ, Аркрайтъ и Кромтонъ, придумавшіе совершенно новые снаряды для пряденія бумаги и для тканья. Новое изобрѣтеніе привлекло немедленно огромную массу новыхъ силъ, потому что трудъ оплачивался вдвое и втрое выгоднѣе прежняго. Старымъ системамъ со старыми двигателями оказалось совершенно невозможнымъ существовать, особенно когда явилась паровая машина Уатта. Ломка стараго порядка совершилась съ быстротой необычайной и съ рѣзкостью революціи. Прежде тканьемъ и пряжей занимались сельскіе жители у себя на дому; теперь же явились громадныя фабрики, и сельскій житель, покинувъ свою деревню, потянулся къ мануфактурамъ и создалъ новые, небывалые, громадные города и промышленные центры. Прежнія патріархальныя отношенія порвались; прежній скромный деревенскій ткачъ исчезъ и смѣнился новымъ фабричнымъ рабочимъ, чуждымъ прежней деревенской простоты и способнымъ къ болѣе широкой общественной и политической дѣятельности. Промышленные города начали рости въ Англіи съ изумительною быстротою. Вновь построенная фабрика оттягивала немедленно населеніе изъ сельскихъ мѣстностей. Съ наплывомъ рабочихъ на фабрику являлись и новыя потребности, а для удовлетворенія ихъ являлись и новые люди. И вотъ рядомъ съ фабрикой строились дома для рабочихъ, возводились лавки и магазины для удовлетворенія ихъ потребностей, созидалась полиція и судъ, поселялись адвокаты и маклера, являлись рабочіе для построекъ и изготовленія предметовъ домашней жизни, и такимъ образомъ вслѣдъ за фабрикой, построенной въ какой либо глухой мѣстности, вырасталъ подлѣ нея, какъ бы волшебствомъ, небывалый городъ. Если мѣстность оказывалась выгодной, то подлѣ первой фабрики строилась другая, къ этой прибывало подобное же городское населеніе, за второй фабрикой явилась третья,—и въ какіе нибудь пятьшесть лѣтъ маленькій городокъ превращался въ громадный городъ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ.

Громадные города, явившіеся этимъ способомъ, и усилившаяся промышленность и торговля быстро создали огромные капиталы, которые пошли частью на развитіе той же хлопчатобумажной промышленности, а частью начали искать себѣ другихъ, не менѣе выгодныхъ помѣщеній. Духъ промышленной предпріимчивости охватывалъ все большую и большую массу людей и заставлялъ ихъ способности работать въ экономическомъ направленіи. Мысль, направленная встарину исключительно на военныя предпріятія, избрала теперь для себя экономическую дорогу. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что потребовалось облегчить торговыя и коммерческія сношенія и придумать что нибудь болѣе удобное прежняго паруснаго плаванія. И вотъ Фультонъ изобрѣтаетъ пароходъ, который далъ возможность переплывать изъ Европы въ Америку, вмѣсто прежнихъ трехъ мѣсяцевъ, въ три недѣли, и наконецъ Георгъ Стефенсонъ примѣнилъ машину Уатта къ движенію на сухомъ пути. Судьба этихъ изобрѣтеній, несмотря на всю ихъ громадную важность, конечно, не была бы такъ блистательна, еслибы въ Европѣ не имѣлось достаточно капиталовъ для широкаго практическаго ихъ примѣненія. Такъ какъ силы отдѣльныхъ людей, какъ бы ни были велики отдѣльные капиталы, были всетаки недостаточны, чтобы приняться за постройку желѣзныхъ дорогъ, то у европейскихъ капиталистовъ явилась мысль соединять свои капиталы для одного общаго предпріятія. Создались акціонерныя компаніи, и Европа быстро покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Желѣзныя дороги больше всѣхъ другихъ изобрѣтеній и открытій способствовали прогрессу и развитію европейскаго интеллекта. Ничто такъ не способствуетъ спячкѣ мысли, какъ мирное, патріархальное сидѣніе на одномъ мѣстѣ—и, напротивъ, ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ общеніе съ людьми. Общеніе же тѣмъ больше и вліяніе его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ легче возможность передвиженія, и чѣмъ чаще видятся люди съ новыми людьми и усваиваютъ отъ нихъ новыя понятія. Ничто не способствовало въ такой мѣрѣ подобному сближенію, какъ желѣзныя дороги. Ихъ воспитательное значеніе не только въ томъ, что они переносятъ быстро огромныя массы людей въ новыя мѣстности и знакомятъ съ новыми обычаями; дороги важны еще и потому, что уничтожаютъ сословные предразсудки и пріучаютъ людей къ сближенію, при прежнихъ условіяхъ невозможному. На станціяхъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ знатная барыня по необходимости садится съ просто-

людинкою, а баринъ рядомъ съ мужикомъ, и такимъ образомъ отвыкаютъ постепенно отъ своей сословной исключительности. Борьба съ предразсудками теоретическими средствами, т. е. при посредствѣ книгъ и журнальныхъ статей, могла бы тянуться безплодно цѣлые вѣка, а между тѣмъ желѣзныя дороги сломили нѣкоторые изъ нихъ сразу и въ какое нибудь полстолѣтіе измѣнили внѣшнія привычки европейскаго общества. Общественно-воспитательное значеніе желѣзныхъ дорогъ заключается не только въ томъ, что онѣ нанесли ударъ аристократической спѣси, но еще и въ томъ, что онѣ уничтожили индивидуальную замкнутость отдѣльныхъ людей. Наприм., мы, русскіе, и до сихъ поръ держимъ себя съ олимпійскимъ величіемъ, очутившись въ обществѣ людей, намъ незнакомыхъ, и думаемъ заявлять свою порядочность тѣмъ презрительнымъ молчаніемъ, съ какимъ относимся къ своему сосѣду. Русскіе джентльмены и не подозрѣваютъ, какъ они глупы и смѣшны своимъ олимпійскимъ величіемъ и въ своемъ неудачномъ подражаніи англійскимъ джентльменамъ. Въ Германіи и во Франціи желѣзныя дороги давно уже выкурили эту чепуху, и каждый нѣмецъ или французъ, садясь въ вагонъ, безбоязненно завязываетъ общій разговоръ, съ увѣренностью, что найдетъ въ своихъ сосѣдяхъ людей, а не медвѣдей. Правда, что у нѣмцевъ и французовъ есть предметы для общаго разговора; правда, что у насъ такихъ предметовъ очень мало или вовсе нѣтъ; но правда также и то, что сословная рознь, индивидуализмъ и общественное разномысліе не имѣютъ ни въ одномъ народѣ такихъ глубокихъ корней, какъ у насъ.

Сводя все, что я говорилъ въ этой главѣ, въ одно, я попрошу читателя нарисовать въ своемъ воображеніи двѣ картины: картина первая—пустынная, печальная мѣстность, болота и лѣса, кое-гдѣ раскинутыя бѣдныя печальныя деревни; народъ, живущій патріархальнымъ бытомъ, незнающій никакихъ удобствъ жизни, одѣвающійся скверно, въ грубыя ткани, питающійся простой, грубой пищей и услаждающій всѣ свои досуги пьянствомъ и грубыми потѣхами. Проще, посмотрите на сельскія мѣстности Сибири и затѣмъ перенеситесь внезапно въ любой оживленный центръ англійской жизни. Вы видите тамъ блестящій городъ съ громадными каменными зданіями; вы видите ряды блестящихъ магазиновъ со всѣми возможными предметами, созданными промышленностью всѣхъ странъ міра; вы видите читальни, книжные магазины, театры, кофейни, рестораны, гостиницы, какъ царскіе дворцы; васъ поражаетъ энергія населенія; васъ поражаетъ его промышленная экономическая дѣятельность. И этотъ поразительный контрастъ между мертвою сибирскою деревнею и жизнью англійскаго города создалъ соціально-экономическій фатализмъ. Какая сила могла бы остановить это развитіе? Какая сила могла помѣшать устройству желѣзныхъ дорогъ, изобрѣтенію Аркрайта, Уатта, открытію Америки, книгопечатанію? Одно движеніе мысли вызывало другое, за изобрѣтеніемъ слѣдовало изобрѣтеніе, за развитіемъ — развитіе. И жизнь европейскаго человѣчества катилась, какъ комъ снѣга, постепенно увеличиваясь, и человѣческій интеллектъ по закону инерціи, стремясь впередъ, долженъ былъ придти къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ пришелъ. Также неизбѣжно придетъ онъ и къ тому, что на землѣ не будетъ ни голодныхъ, ни недовольныхъ, и никакія помѣхи не удержатъ человѣчество въ этомъ его постепенномъ прогрессивномъ шествіи.

Но не нужно забывать еще и того, что рядомъ съ поразительнымъ богатствомъ стоитъ поразительная бѣдность, рядомъ съ развитіемъ—тупость, рядомъ съ умомъ — безуміе; что если человѣчество двигается въ прогрессивномъ направленіи, то въ то же время дѣйствуютъ въ немъ и силы ретроградныя, парализующія соціально-экономическій прогрессъ.

III.

На земномъ шарѣ есть и до сихъ поръ еще уголки, въ которыхъ можно наблюдать жизнь человѣчества въ такомъ видѣ, какой она имѣла въ каменный періодъ. Въ этихъ уголкахъ земли удовлетвореніе потребностей и экономическихъ побужденій совершается путемъ насилія. Человѣкъ не знаетъ другого средства пріобрѣтенія, какъ отнять силой отъ другого человѣка то, что ему нужно. Трудъ считается занятіемъ позорнымъ и унижающимъ человѣка, и, по мнѣнію дикарей, гораздо почетнѣе убить своего ближняго, завладѣть силой его имуществомъ, чѣмъ создать своимъ трудомъ необходимое. Дикое общество, организованное на принципѣ насилія, распадается очень скоро на угнетенныхъ и угнетателей. Первые являются работниками и рабами вторыхъ, и по мѣрѣ развитія такого общества является очень скоро имущественное неравенство и скопленіе богатствъ въ рукахъ людей болѣе сильныхъ.

Совершенно то же начало лежало и въ основѣ европейскаго общества, наслѣдовавшаго отъ Рима принципъ насилія и военной расправы. Порядокъ жизни какого нибудь Лукулла, поѣдавшаго со своими пріятелями въ одинъ день то, чѣмъ могли бы существовать тысячи въ теченіе года, имѣлъ слишкомъ много привлекательности, чтобы не вызвать подражателей. И вотъ сильные люди Европы ухватились за этотъ выгодный для нихъ принципъ и организовали у себя такой порядокъ, при которомъ общество раздѣлилось на двѣ неравныя части: одни наслаждались, пользуясь мускульнымъ трудомъ другихъ; другіе несли на себѣ всѣ тяжести жизни.

Изобрѣтеніе пороха, хотя и способствовало увеличенію массы экономическихъ производителей, но было безсильно предъ принципомъ насилія и, скорѣе, даже помогло ему. Явившаяся большая масса экономическихъ производителей облегчила скопленіе богатствъ въ однѣхъ рукахъ и способствовала развитію роскоши, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и всѣмъ ея печальнымъ послѣдствіямъ. Не устранили зла и послѣдующія изобрѣтенія, и поворотъ, созданный въ экономической области открытіемъ Америки. Конечно, индустріальное развитіе, создавъ огромную

массу людей, для дѣятельности которыхъ былъ необходимъ миръ, способствовало ослабленію военныхъ наклонностей. Но, съ другой стороны, промышленная революція вызвала цѣлый рядъ новыхъ явленій и создала еще большія крайности нищеты и богатства. Если успѣхи цивилизаціи, если промышленные города, поражающіе своимъ величіемъ и развитой жизнью, если сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, покрывающія поверхность Европы, одолжены своимъ появленіемъ именно скопленію капиталовъ въ рукахъ немногихъ, то съ другой стороны то же скопленіе произошло на счетъ труда рабочихъ, и въ результатѣ его явились крайности нищеты и богатства, которыхъ не знала прежняя патріархальная Европа.

Чтобы показать нагляднѣе, какимъ образомъ, вмѣстѣ съ изумительнымъ экономическимъ прогрессомъ, росла бѣдность, я напомню читателю исторію промышленнаго развитія Англіи.

Англія есть классическая страна бѣдности и богатства, крайности образованія и невѣжества, крайности довольства и лишеній. Ни въ одной странѣ вы не найдете, чтобы люди умирали съ голоду въ такомъ числѣ, какъ въ Англіи. И все это создалось въ Англіи ея изобрѣтеніями, ея мануфактурными городами, ея эксплоатаціей богатымъ бѣднаго.

Изобрѣтеніе паровой машины и введеніе машинной обработки хлопчатой бумаги дало толчокъ промышленной революціи, революціи, измѣнившей всѣ гражданскія отношенія. Англія первая создала пролетаріатъ, котораго не знала Европа. Правда, бѣдные были въ Европѣ и прежде, и прежде люди умирали съ голода, но пролетаріата Европа не знала. Поэтому знакомство съ промышленною Англіею является поучительнымъ для всѣхъ тѣхъ странъ и народовъ, которые не желаютъ пойти ея путемъ, которые хотятъ отстранить отъ себя то экономическое бѣдствіе, которое высасываетъ изъ Англіи лучшіе ея соки и покрываетъ струпьями ея общественный организмъ.

До изобрѣтенія машинъ пряденіе производилось рабочими на дому. Женщины пряли, а мужчины или продавали изготовленную ими пряжу, или ткали у себя на дому. Ткачи жили обыкновенно семействами по деревнямъ, близъ городовъ, и зарабатывали столько, что могли жить безбѣдно. По мѣрѣ увеличенія запроса росло и число ткачей; но число ихъ обыкновенно держалось въ такой пропорціи, что сильной конкурренціи не бывало. Отъ этого, во первыхъ, плата рабочему была довольно высока, а во вторыхъ, онъ пользовался всѣми результатами своего труда. Такимъ образомъ рабочій могъ откладывать кое-что не только на черный день, но и для веденія своего сельскаго хозяйства. Конечно, ткачъ не являлся при этомъ особенно замѣчательнымъ агрономомъ; можно сказать даже, что онъ былъ плохимъ земледѣльцемъ; тѣмъ не менѣе, онъ обрабатывалъ свой участокъ, имѣлъ отъ него доходъ и не былъ пролетаріемъ. Онъ имѣлъ корни въ своей землѣ.

Сельскіе ткачи вели скромную, патріархальную жизнь, чуждую волненій, посѣщали прилежно храмъ Божій, не знали пьянства и разврата, охотно занимались тканьемъ, не обременяя и не истощая своихъ силъ, имѣли здоровое занятіе въ полевомъ трудѣ и въ садоводствѣ, по праздникамъ проводили время въ мирныхъ бесѣдахъ съ сосѣдями въ своемъ деревенскомъ кабачкѣ, содержимомъ такимъ же почтеннымъ, но только болѣе богатымъ односельцемъ, и вообще вели жизнь мирную, патріархальную, здоровую. Въ тѣ времена рабочее населеніе Англіи отличалось крѣпкимъ сложеніемъ, и ткачи по своему здоровому виду не отличались ничѣмъ отъ земледѣльцевъ. Дѣти ихъ росли на чистомъ воздухѣ, и если помогали своимъ родителямъ въ работѣ, то во всякомъ случаѣ дѣтямъ былъ неизвѣстенъ двѣнадцатичасовой безостановочный трудъ.

Что касается до характера и моральнаго развитія ткачей, то оно угадывается легко изъ этого образа жизни. Ткачи знали обыкновенно только свою деревню, изрѣдка посѣщали городъ, были чужды его соблазновъ, находились въ почтительныхъ отношеніяхъ къ своему землевладѣльцу и, вообще, вели мирную, нравственную, спокойную жизнь. Если хотите, жизнь эта была прозябаніемъ, не тѣмъ не менѣе англійскій ткачъ былъ ею доволенъ. Онъ имѣлъ кое-что на черный день, не зналъ ни голода, ни нищеты и не былъ экономически оторванной одиночкой.

Изобрѣтеніе машинъ и особенно «дженни», придуманной ткачемъ Гергравомъ, нанесло первый ударъ патріархальному быту англійскаго ткача. Этой машиной можно было работать сразу на 16—18 веретенахъ и, слѣдовательно, приготовлять значительно большее количество пряжи. Прежде одинъ ткачъ, занимая трехъ прядильщицъ, сидѣлъ иногда безъ дѣла; теперь же его началъ подавлять избытокъ матеріала. Облегченный способъ пряжи понизилъ цѣну матерій, вызвалъ на нихъ большій запросъ и привлекъ большее число рабочихъ рукъ. Ремесло ткача сдѣлалось много выгоднѣе, и семейство изъ четырехъ взрослыхъ и двухъ дѣтей, при десятичасовой работѣ въ день, могло зарабатывать четыре фунта стерлинговъ въ недѣлю. Такая выгода заставила ткача оставить свое не особенно выгодное сельское хозяйство и обратить всѣ свои силы на ткацкое дѣло. Классъ ткачей-земледѣльцевъ началъ исчезать постепенно и сталъ превращаться въ чистыхъ ткачей, жившихъ исключительно задѣльной платой. Землевладѣніе исчезло, ткачи перестали арендовать земли и превратились въ чистыхъ Working men или, попросту говоря, въ пролетаріевъ. До изобрѣтенія «дженни» ткачи и прядильщицы жили подъ одной крышей. Теперь же, когда пряденіе требовало такихъ же сильныхъ рукъ, какъ и тканье, мужчины принялись за пряжу, и явилось дѣленіе рабочаго населенія на ткачей и прядильщиковъ.

Вмѣстѣ съ промышленнымъ пролетаріатомъ создался и пролетаріатъ земледѣльческій. Прежде было большое число мелкихъ землевладѣльцевъ или іоменовъ, прозябавшихъ также тихо и безмятежно, какъ и ткачи-земледѣльцы. Эти іомены обра-

батывали кусочекъ земли стариннымъ прадѣдовскимъ способомъ, упорно противились всѣмъ нововведеніямъ, передавали изъ рода въ родъ свою землю и поддерживали въ чистотѣ старые нравы. Но когда явились машины, когда ткачи оставили свои участки, то постепенно явился новый классъ крупныхъ арендаторовъ, которые брали въ аренду цѣлую массу мелкихъ участковъ, имѣли возможность вводить земледѣльческія улучшенія, вести хозяйство въ большихъ размѣрахъ и выгоднѣе, а земледѣльческіе продукты продавать дешевле. Цѣны на земли поднялись. Іоменамъ осталось только или, продавая свои произведенія дешевле, нести убытокъ, или же, продавъ свой участокъ, превратиться въ ткачей и прядильщиковъ, или же, наконецъ, наняться въ рабочіе къ богатымъ арендаторамъ. Такимъ образомъ прежній обезпеченный іоменъ превратился постепенно или въ фабричнаго пролетарія, или въ пролетарія земледѣльческаго.

Быстрый переходъ прежнихъ земледѣльческихъ ткачей и земледѣльцевъ въ пролетаріевъ совершился потому, что введеніе полнаго комплекта машинъ бумагопрядильнаго и ткацкаго производства и примѣненіе паровой машины Уатта произошло въ короткій промежутокъ времени — въ теченіе 19 лѣтъ (съ 1764 по 1785 г.). Этотъ промежутокъ времени былъ слишкомъ коротокъ для того, чтобы рабочій могъ бороться съ новой производительной силой, выступившей противъ него, и онъ былъ оторванъ сразу отъ прежняго порядка вещей, не успѣвъ даже оглянуться на прошлое и не будучи въ состояніи понять это новое, его увлекшее. Машины вдругъ, сразу, убили ручную работу и также мгновенно создали всѣ тѣ поразительныя слѣдствія, которыми Англія изъ прежней патріархальной страны превратилась въ новый промышленный міръ. Съ введеніемъ машинъ быстро упали цѣны мануфактурныхъ товаровъ, развилась торговля и промышленность; англійскія произведенія завалили всѣ свободные рынки, и капиталы и національныя богатства возросли до необычайной величины. Но въ то же время и, можетъ быть, еще скорѣе создался пролетаріатъ, разрушилась прежняя собственность, исчезла всякая безопасность для рабочаго класса, явилась деморализація, и начались въ странѣ политическія волненія. Съ подобной же быстротой развилось машинное чулочное производство, кружевное, шерстяное, шелковое, желѣзное, изготовленіе стальныхъ издѣлій, разработка каменнаго угля.

Машины, придуманныя и введенныя во всѣ эти отрасли промышленности, сразу привлекли огромное число рабочихъ рукъ, ибо первоначальная плата рабочему, вслѣдствіе запроса на него, поднялась очень быстро. И вотъ массы рабочихъ потянулись изъ земледѣльческихъ округовъ въ города. Населеніе увеличивалось въ нихъ быстро и почти исключительно насчетъ пролетарія. Такъ, Братфордъ, имѣвшій въ 1801 году 13.264 человѣка жителей, въ 1831 году считалъ 77.000, а въ 1851 г. — 103.000. Манчестеръ, имѣвшій въ 1801 году 94.000 жителей, въ 1851 г. считалъ 401.000; Бирмингемъ за тотъ же періодъ съ 70.670 выросъ до 232.800; Ливерпуль—съ 82.000 до 375.000. Все это громадное увеличеніе народонаселенія, какъ я уже сказалъ, создалось наплывомъ пролетаріевъ, составляющихъ въ этихъ городахъ, по меньшей мѣрѣ, три четверти всего населенія. Машины производили переломъ въ жизни рабочихъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Повсюду ручная работа смѣнялась машинной, повсюду средній классъ превращался въ рабочаго пролетарія, а бывшій въ то время крупный торговецъ—въ фабриканта. Даже ремесленныя производства сложились на фабричный манеръ, и прежнихъ мастеровъ съ ихъ учениками смѣнили капиталисты и рабочіе. Въ ремесленное производство введено было строгое раздѣленіе труда, и мелкіе мастера, не будучи въ состояніи бороться съ большими заведеніями, превратились тоже въ пролетаріевъ. Въ то же время, съ исчезновеніемъ мелкой буржуазіи, исчезла для рабочаго всякая возможность сдѣлаться современемъ самому буржуа. Прежде каждый рабочій имѣлъ въ виду сдѣлаться хозяиномъ и даже завести учениковъ и рабочихъ; теперь же, когда фабрикантъ сталъ грозить всякому мастеру, и для самостоятельнаго существованія требовался большой капиталъ, общество должно было распасться на капиталистовъ и пролетаріевъ, и послѣдніе составили особенный классъ населенія, а не такъ, какъ прежде—переходную ступень къ буржуазіи. Теперь, кто родился въ Англіи рабочимъ, ему нѣтъ въ будущемъ никакихъ другихъ видовъ, какъ быть весь свой вѣкъ пролетаріемъ. Оторвавшись отъ прежней почвы, пролетаріи скопились огромными массами въ городахъ и составили то безпокойное населеніе, которое уже не разъ грозило и правительству, и сословію англійскихъ богачей. Читатель пойметъ значеніе этой новой силы изъ слѣдующихъ цифръ: чисто-промышленное населеніе Англіи составляетъ 14.100.000 человѣкъ или 48,8% всего населенія, земледѣльческое же только 9.700.000. Но и это населеніе—тотъ же пролетаріатъ, только земледѣльческій, ибо землевладѣльцы составляютъ въ немъ лишь 239.000 человѣкъ, въ томъ числѣ крупные землевладѣльцы 33.000. Изъ этого видно, что въ Англіи число людей, обезпеченныхъ собственностью, составляетъ какіе нибудь жалкіе десятки тысячъ на нѣсколько милліоновъ голоднаго, необезпеченнаго пролетаріата. Понятно, что вопросъ о рабочемъ классѣ является, такимъ образомъ, основнымъ вопросомъ страны и народа. Что выйдетъ изъ этихъ милліоновъ людей безъ собственности, проѣдающихъ сегодня то, что они заработали вчера, и все сильнѣе и сильнѣе заявляющихъ свое притязаніе на право находиться въ иномъ, лучшемъ положеніи и пользоваться общественными и житейскими выгодами? Для Англіи вопросъ о ея рабочемъ есть главный основной вопросъ, заслоняющій собой всѣ остальные. И вотъ почему въ парламентскихъ преніяхъ вопросъ этотъ никогда не сходитъ со сцены. Ропотъ рабочаго народа слышится въ Англіи повсюду безъ умолку и заставляетъ волей и неволей

государственныхъ дѣятелей страны и даже капиталистовъ думать объ успокоеніи голодающаго, безпомощнаго рабочаго населенія. Но Англія неспособна рѣшить этотъ вопросъ съ той быстротой, послѣдовательностью и энергіей, съ какой она создала свой пролетаріатъ. Пролетарій явился въ ней почти мгновенно, въ столѣтіе возросъ до цифры 20 милліоновъ; а передовые и государственные люди Англіи успокоиваютъ эти голодающіе милліоны только красивыми словами, ничтожными палліативными средствами.

Такъ какъ въ этой соціальной войнѣ капитала, составляющаго источникъ жизни и производительности, вся сила исключительно на его сторонѣ, то, конечно, всѣ невыгоды падаютъ на бѣднаго. Никто не думаетъ о немъ, никто не старается дать рабочему производительныя средства, и, предоставленный самъ себѣ, онъ долженъ бороться съ водоворотомъ жизни, какъ знаетъ. Если онъ такъ счастливъ, что достанетъ себѣ работу, или, говоря правильнѣе, если буржуазія желаетъ воспользоваться пролетаріемъ, какъ орудіемъ для своего собственнаго обогащенія, то онъ получаетъ задѣльную плату, едва достаточную для его существованія; но если работы нѣтъ, то онъ можетъ воровать или же умирать съ голоду. Въ первомъ случаѣ полиція позаботится о томъ, чтобы отыскать негодяя, нанесшаго оскорбленіе праву собственности; а во второмъ она приметъ мѣры, чтобы бѣднякъ умеръ возможно благопристойно, не дѣлая ни скандала, ни шума и не нарушая мирнаго покоя богачей. Любопытно, что въ Англіи умираютъ ежегодно десятки людей буквально съ голоду, и въ судебныхъ или полицейскихъ актахъ, составляемыхъ по этому случаю, о причинѣ ихъ смерти не высказывается никогда прямо.

Конечно, голодаютъ или умираютъ съ голоду только отдѣльныя лица. Но какую имѣетъ гарантію любой изъ пролетаріевъ, что завтра не наступитъ его очередь? Что обезпечиваетъ его въ томъ, что желанія работать достаточно для полученія работы, что честность, прилежаніе, бережливость, рекомендуемыя людьми обезпеченными, какъ высшія человѣческія добродѣтели, дѣйствительно пробьютъ ему дорогу къ счастью? Ничто. Пролетарій знаетъ только то, что онъ имѣетъ сегодня; но онъ рѣшительно не знаетъ, будетъ ли имѣть что нибудь завтра. Случайности, совершенно отъ него независящія: какая нибудь американская война, внезапно усилившаяся конкурренція, новый родъ спекуляціи, коммерческій или промышленный кризисъ—могутъ выбить его изъ колеи и выбросить на улицу безъ всякаго дѣла, обрекая на голодную смерть. Пролетарій знаетъ только свой сегодняшній день и ничего не знаетъ о завтрашнемъ. Его положеніе въ жизни хуже, чѣмъ положеніе солдата на войнѣ, и смѣшно толковать о бережливости и другихъ подобныхъ добродѣтеляхъ человѣку, которому сберегать нечего, человѣку, неувѣренному въ своемъ завтрашнемъ существованіи. Не въ томъ главное зло Англіи, что въ ней умираетъ человѣкъ 20 съ голоду, а въ томъ, что за ними стоятъ милліоны людей голодающихъ, живущихъ въ нищетѣ, болѣзняхъ,—и умирающихъ громадными массами преждевременно. Конечно, Англія сдѣлала много для уменьшенія смертности въ своихъ фабричныхъ городахъ. Явилось въ Англіи довольно и великодушныхъ фабрикантовъ, помѣстившихъ своихъ рабочихъ въ хорошихъ домахъ; но одного только не сдѣлала Англія: она не приняла никакихъ мѣръ противъ того, чтобы конкурренція между фабрикантами на рабочихъ была сильнѣе конкурренціи между рабочими на работу. Отъ этого буржуазія устанавливаетъ между собою, какъ бы по согласію, минимумъ рабочей платы, являющейся для рабочаго максимумомъ вознагражденія. А все то, что составляетъ въ трудѣ рабочаго избытокъ, буржуазія откладываетъ въ свой карманъ, скапливаетъ громадные капиталы, обращаемые ею на новое производство и являющіеся новой враждебной силой для пролетарія.

Такимъ образомъ пролетарій не можетъ никогда выйти изъ своего положенія. Чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, ему нужно имѣть орудія производства и средства существованія, которыя бы поддержали его во время работы, ибо всякій будущій экономическій продуктъ есть результатъ предыдущаго накопленія. Но какъ у пролетарія нѣтъ ничего отъ прошлаго, и накопленіе для него невозможно, то онъ и не въ состояніи произвести ничего для будущаго. Конечно, есть средство, но и оно только для богатаго, а не для пролетарія: средство это—кредитъ. Но кто дастъ пролетарію въ долгъ, когда онъ не въ состояніи ничѣмъ его обезпечить и не въ состояніи платить процентовъ? И вотъ пролетарій, лишенный возможности пользоваться не только безпроцентнымъ, но и всякимъ другимъ кредитомъ, лишается съ тѣмъ вмѣстѣ главнаго основного орудія производства и долженъ оставаться вѣчнымъ пролетаріемъ. Чтобы выйти изъ этого положенія, опираясь исключительно на свои собственныя силы, ему остается только одно средство, услужливо предлагаемое обезпеченной буржуазіей — копить. Но копить для пролетарія значитъ не доѣдать своего хлѣба, жить впроголодь и работать больше, чѣмъ позволяютъ силы. Это такой героизмъ, для котораго требуется быть, если не совершеннымъ титаномъ, то натурой очень исключительной. Сколько же такихъ исключительныхъ личностей можно отыскать въ десяткахъ милліоновъ пролетаріевъ? Какихъ нибудь нѣсколько единицъ. И вотъ почему средства сбереженія оказываются совершенно непрактичными по отношенію къ пролетарію, который долженъ отъ своего ломтя черстваго хлѣба не доѣдать половины.

Англія есть спасительный примѣръ для всѣхъ, ибо спасительный опытъ ея купленъ милліонами жертвъ, и незачѣмъ ему повторяться въ другихъ странахъ.

Но если экономическій переворотъ, созданный человѣческими изобрѣтеніями, раздѣлилъ и долженъ раздѣлить повсюду людей на два враждебные лагеря, то развѣ не заключается въ этомъ та сила соціально-экономическаго фатализма, которая

должна была привести человѣчество къ подобному состоянію? Нѣтъ, читатель. Это сила не прогресса, а регресса. Это сила ретроградная, и фатализмъ заключается не въ ней, а въ томъ свѣтломъ будущемъ, къ которому стремится человѣчество. Настоящее худшее есть только временное уклоненіе отъ прямого пути къ общему благосостоянію. Соціально-экономическій фатализмъ, создавшій чудеса цивилизаціи, которыми до сихъ поръ не воспользовался однако рабочій и пролетарій, дѣйствуетъ со своею неуклонною силой и сдѣлаетъ всѣхъ довольными. Истинный прогрессивный источникъ и начало человѣческаго счастія заключается въ собственномъ умѣ человѣка. Давно сказано, что хлѣбъ человѣка не въ землѣ, а въ головѣ. И эту истину придется повторить еще разъ. Умомъ человѣчество достигло полной перемѣны быта каменнаго періода на бытъ современной цивилизаціи—и тѣмъ же умомъ оно уничтожитъ современное зло.

Переломъ, созданный машинами и изобрѣтеніями, создалъ совершенно безсознательно и нынѣшнее дѣленіе общества на буржуазію и рабочихъ. Противъ ломки нравовъ, по крайней мѣрѣ съ ихъ внѣшней стороны, созданной желѣзными дорогами, не могъ бороться никакой человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ могущественъ. Аристократы невольно усвоили нѣкоторыя демократическія привычки и утратили свою наружную спѣсь. Но это внѣшнее вліяніе машинъ и изобрѣтеній далеко еще не совершило перелома въ мысляхъ; да и совершить его не въ состояніи. Человѣческое спасеніе заключается въ сознаніи необходимости внутренняго умственнаго перерожденія. И въ этомъ-то внутреннемъ перерожденіи главная сила соціально-экономическаго фатализма. Люди узнаютъ то, чего они не знали прежде; они поймутъ то, чего не понимали.

Бѣдствія пролетарія вызвали небывалое напряженіе европейскаго экономическаго интеллекта и подвинули пониманіе экономическихъ законовъ, которыхъ прежде никто не зналъ. Это-то пониманіе показало, что хотя современное экономическое бѣдствіе и велико, но въ немъ же самомъ заключается и его цѣлебная сила.

IV.

Человѣческій умъ есть главный факторъ прогресса. Ему обязано человѣчество машинами, открытіемъ Америки со всѣми ея послѣдствіями, необычайнымъ накопленіемъ богатствъ, и онъ же откроетъ путь спасенія.

Давно уже передовые мыслители старались понять и объяснить законъ экономическаго благосостоянія. Строились системы и теоріи, но до Адама Смита основного экономическаго закона не удалось никому открыть.

Адамъ Смитъ, несмотря на переворотъ, который онъ произвелъ своимъ «Опытомъ о богатствѣ народовъ», далеко еще не сказалъ послѣдняго слова и, принеся громадную пользу уясненіемъ нѣкоторыхъ экономическихъ законовъ, въ то же время принесъ и немалый вредъ. Смитъ прочиталъ только первую часть экономической книги жизни и только ея содержаніе повѣдалъ міру. Это произошло не отъ того, чтобы Адамъ Смитъ не могъ прочесть и второй части, а потому, что второй части въ такой полнотѣ, какая требовалась для опредѣленія экономическихъ законовъ, тогда еще не было.

Смитъ занимался изслѣдованіемъ законовъ богатства въ то время, когда паровая машина не была примѣнена къ фабричному дѣлу, и когда машины едва только начинали прилагаться къ производствамъ. Поэтому Адамъ Смитъ не предвидѣлъ и не предугадывалъ пролетаріата со всѣми его печальными послѣдствіями и, говоря о законахъ производства, очень легко коснулся законовъ распредѣленія. Адамъ Смитъ смотрѣлъ на экономическую дѣятельность не по отношенію къ вліянію ея на отдѣльныхъ людей, а, такъ сказать, по ея общему итогу. Онъ принималъ богатства всего народа за богатство отдѣльныхъ личностей и, изслѣдуя условія успѣшности труда, обошелъ тѣ послѣдствія, которыя создаются этими самыми условіями въ быту отдѣльныхъ людей.

Мальтусъ и Рикардо разъяснили только кое-что въ ученіи Адама Смита, но также, какъ и онъ, не прочитали второй части. И всѣ вообще англійскіе экономисты оставались вѣрны традиціи творца «Опыта о народномъ богатствѣ». Подводя экономическую науку подъ строгіе математическіе законы,—что совершенно и вѣрно,—они въ то же время какъ бы лишали ее соціальнаго момента.

По ученію англійскихъ экономистовъ, экономическая наука занимается только изслѣдованіемъ производства и останавливается на томъ моментѣ, когда начинается вліяніе экономическихъ законовъ на общественный бытъ человѣка. Заслуга изслѣдованія вліянія экономическихъ законовъ въ этомъ новомъ направленіи принадлежитъ писателямъ континентальнымъ, и преимущественно экономистамъ французской школы. Только французскіе экономисты показали, что нельзя говорить объ экономическихъ законахъ безотносительно, и что невозможно отдѣлять экономическій бытъ страны отъ ея соціальнаго быта. Такимъ образомъ, по изслѣдованію французскихъ экономистовъ, обнаруживается, что послѣдствія экономическихъ комбинацій проникаютъ такъ глубоко въ жизнь и въ соціальный бытъ народовъ, какъ, можетъ быть, того и не подозрѣвали экономисты англійскіе.

По ученію Адама Смита, соперничество есть одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ успѣшности производства. Соперничество способствуетъ и болѣе усиленной экономической дѣятельности. Оно побуждаетъ человѣка къ экономическимъ изобрѣтеніямъ и улучшеніямъ; оно же удешевляетъ производство и удешевляетъ рыночную цѣну товаровъ. Такъ какъ англійскіе экономисты только констатировали и разъясняли факты современной имъ экономической жизни Англіи, то эта сторона усмотрѣннаго ими закона, пожалуй, и справедли-

ва. Но если мы взглянемъ на тотъ же законъ во всѣхъ его соціальныхъ послѣдствіяхъ, то увидимъ, что принципъ соперничества есть основное зло соціально-экономическаго быта человѣчества, и что только онъ создалъ всѣ бѣдствія рабочаго и пролетарія. Ученіе о соперничествѣ есть ученіе о враждѣ; оно есть ученіе о войнѣ каждаго противъ каждаго. Дѣйствительно, при существованіи соперничества производство удешевляется. Но отчего оно удешевляется?

Извѣстно, что число снискивающихъ работу гораздо многочисленнѣе того, какое обусловливается размѣрами производящаго капитала. Поэтому при запросѣ на трудъ является гораздо большее предложеніе услугъ, чѣмъ какое нужно. Если, напр., требуется только десять рабочихъ, то ихъ можетъ явиться пятнадцать, двадцать. Дѣйствуя подъ вліяніемъ соперничества и борясь за свое существованіе, рабочіе начнутъ немедленно понижать цѣну своего труда и собьютъ ее до минимума. Это значитъ, что цѣну установитъ самый низшій уровень потребности рабочаго. Тотъ, кому нужны деньги, или тотъ, кто въ состояніи ограничить наибольше свои потребности, понизитъ плату до послѣдняго размѣра возможности. И такая пониженная плата послужитъ нормою для оцѣнки рабочаго труда. При этомъ можетъ случиться, что рабочій холостой или, можетъ быть, бездѣтный установитъ норму, которой долженъ будетъ подчиниться рабочій съ многочисленной семьей. Что же это значитъ? Это значитъ, что многосемейный рабочій долженъ будетъ удовольствоваться тѣмъ размѣромъ вознагражденія, которое далеко ниже потребностей его семьи. Конечно, если установившаяся цѣна будетъ для него недостаточна, то онъ можетъ отказаться отъ работы. Но въ этомъ случаѣ рабочему грозитъ опасность остаться совершенно безъ дѣла и подвергнуть себя и всю свою семью риску голода. Рабочій соображаетъ, что хотя впроголодь жить и скверно, но голодать еще хуже. И вотъ онъ соглашается на низкую плату, ибо низкая плата все-таки лучше, чѣмъ ничего. Что же хорошаго въ такомъ порядкѣ вещей?

Англійскіе экономисты утверждаютъ еще, что принципъ соперничества помогаетъ распространенію усовершенствованій и побуждаетъ производителей работать лучше и лучше. Но справедливо ли это? Дѣйствительно, если существуетъ запросъ на предметы извѣстнаго, довольно высокаго качества, и если такого качества предметы могутъ производить только нѣкоторые мастера, то понятно, что и всѣ остальные, если они не хотятъ остаться безъ дѣла, должны будутъ работать также хорошо. Но вѣдь для мастера важно въ этомъ случаѣ не только то, чтобы онъ самъ работалъ хорошо, но и то, чтобы другой работалъ хуже его. Понятно, что каждый хорошо работающій мастеръ будетъ стараться о томъ, чтобы не только сохранить въ секретѣ способы своего болѣе совершеннаго производства, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ и уронить репутацію своего соперника. Каждый постарается сохранять въ секретѣ то, что онъ знаетъ, и, вмѣсто того, чтобы распространять знанія, онъ будетъ ихъ задерживать. Такимъ образомъ принципъ соперничества, способствующій съ одной стороны усовершенствованію производства, съ другой стороны вредитъ ему.

Если же мы посмотримъ на этотъ принципъ во всемъ его соціальномъ развѣтвленіи, то увидимъ, что вредныя его послѣдствія составляютъ главнѣйшую помѣху прогрессу. Экономическая дѣятельность есть основа всей соціальной дѣятельности человѣка. Одинъ законъ управляетъ всѣмъ. Соперничество экономическое является вмѣстѣ съ тѣмъ и соперничествомъ соціальнымъ. Если поэтому вы признаете соперничество закономъ экономической дѣятельности, то вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны его признать закономъ и для дѣятельности соціальной. Что же произойдетъ изъ этого? Произойдетъ то, что соперничество явится основнымъ принципомъ всѣхъ человѣческихъ отношеній; что на немъ воспитаются поколѣнія, что мы еще дѣтьми выучимся бороться одинъ съ другимъ и подставлять другъ другу ногу. Посмотрите на ребенка, выростающаго на принципѣ соперничества. Едва только онъ начинаетъ ходить, почтенные наставники стараются уже возбудить въ немъ самолюбіе и поучаютъ его дѣлать все лучше другихъ. Лицевая сторона развивается лучше внутренней. Ребенокъ долженъ быть непремѣнно умнѣе, молодцоватѣе, красивѣе, чѣмъ его товарищъ. Его пріучаютъ непремѣнно быть первымъ и брать перевѣсъ надъ другими. Нравственное баловство является, такимъ образомъ, уже тогда, когда ребенокъ только началъ ходить. Въ школѣ его ведутъ тѣмъ же порядкомъ. И тамъ онъ долженъ быть лучше другихъ, и тамъ онъ долженъ быть первымъ. Чтобы быть первымъ въ познаніяхъ, ребенокъ старается скрывать отъ своихъ товарищей то, что онъ знаетъ. Чтобы быть лучше, ему нужно, чтобы другіе были хуже. Не внутреннее качество служитъ мѣриломъ достоинства, а сравненіе; хорошее хорошо не само по себѣ, а потому, что есть худшее. Когда ученику не помогаютъ его познанія, и не вывозятъ вверхъ его умственныя способности, тотъ же принципъ соперничества заставляетъ его прибѣгать къ окольнымъ средствамъ, портящимъ характеръ. Ребенокъ заискиваетъ, льститъ, подличаетъ. Онъ пріучается къ наушничеству, къ интригѣ и ко всякимъ гадостямъ, портящимъ и его лично, и всѣ его школьныя отношенія. Воспитавъ въ себѣ стремленіе къ первенству такимъ похвальнымъ путемъ, школьникъ внесетъ свою систему и въ жизнь. Сдѣлавшись членомъ общества, онъ точно также будетъ стремиться къ первенству и точно также для достиженія его готовъ на всѣ средства, изученныя имъ практически и теоретически еще въ школѣ. Школьная порча вносится такимъ образомъ въ жизнь и портитъ всѣ общественныя отношенія. Откуда та затаенная и замаскированная вражда, которую мы замѣчаемъ въ обществѣ? Откуда вѣчное подкапываніе другъ подъ друга, сепаратизмъ и злорадство, возбуждаемое страданіями и бѣдствіями ближняго? Начало ихъ исключительно въ томъ принципѣ соперниче-

ства, который англійскіе экономисты провозгласили закономъ экономической дѣятельности. Но мы видѣли, что онъ вредитъ успѣху экономическихъ отношеній, ибо, если и способствуетъ экономическимъ усовершенствованіямъ, то въ то же время, можетъ быть, еще больше ихъ задерживаетъ. Мы видѣли, что онъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на рабочую плату; мы видѣли, наконецъ, что онъ портитъ всѣ соціальныя отношенія и порождаетъ индивидуализмъ, и такимъ образомъ является враждебнымъ началомъ той коллективности и сотрудничества, которыя сами англійскіе экономисты провозглашаютъ однимъ изъ непремѣнныхъ условій успѣшности труда. Слѣдовательно, принципъ соперничества англійскихъ экономистовъ впадаетъ въ противорѣчіе самъ съ собою. Его выгоды лишь призрачные. Сущность же его глубоко вредная. Онъ не помогаетъ прогрессу, а задерживаетъ его. И вотъ почему, заключая самъ въ себѣ разрушительное начало, онъ долженъ наконецъ будетъ смѣниться принципомъ сотрудничества, указаннымъ тѣми же англійскими экономистами и составляющимъ дѣйствительную основу и начало экономическаго благосостоянія. Чтобы принципъ сотрудничества выступилъ со всею силою, какъ новый соціальный двигатель, нужно, чтобы люди поняли все зло принципа соперничества. Это пониманіе уже начинается. Кооперативный трудъ уже смѣняетъ трудъ индивидуальный, и коллективности недостаетъ только всеобщности сознанія. Но роковая сила соціально-экономическаго фатализма, положившая уже начало кооперативности и ассоціаціи, дастъ окончательный перевѣсъ этому новому принципу въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. Какимъ путемъ принципъ сотрудничества обнаружитъ свою фаталистическую силу и подчинитъ себѣ соперничество, я скажу дальше. Теперь же перейду къ другому фактору успѣшности труда.

По ученію Адама Смита, раздѣленіе труда способствуетъ больше всего его успѣшности, ибо сообщаетъ рабочему необычайную ловкость. Это совершенно справедливо. Человѣкъ, занимающійся постоянно однимъ и тѣмъ же несложнымъ дѣломъ, пріобрѣтаетъ въ немъ большой навыкъ. Такъ, если вы заставите рабочаго пробивать въ иголкахъ ушки, то, занимаясь весь свой вѣкъ, онъ, конечно, достигнетъ великаго совершенства въ этомъ дѣлѣ. Но станетъ ли рабочій отъ этого умнѣе? Нѣтъ. Онъ положительно поглупѣетъ. Если, допустивъ всеобщность принципа раздѣленія труда, мы заставимъ каждаго человѣка заниматься только однимъ спеціальнымъ дѣломъ, то въ концѣ концовъ создадимъ самый крайній сепаратизмъ, и человѣчество утратитъ всякій смыслъ коллективности. Предположите, что въ Англіи двадцать милліоновъ рабочаго населенія, воспитываясь на принципѣ раздѣленія труда, достигаетъ высокой степени совершенства въ своей спеціальности. Одинъ пріобрѣтетъ необычайную способность вытягивать проволоку, другой—проколачивать дырки, третій—нарѣзать винты и т. д. Очевидно, что каждый спеціалистъ, превосходно изучившій свое дѣло, утратитъ способность понимать общій ходъ производства. Двадцать милліоновъ англійскихъ рабочихъ затупѣютъ и уподобятся стаду барановъ, неспособныхъ ни къ чему безъ пастуха. Очевидно, что для экономическаго и соціальнаго процвѣтанія страны потребуются пастухи, управляющіе этимъ стадомъ барановъ. Общество раздѣлится на силу интеллектуальную и мускульную, на управляющихъ и управляемыхъ. Съ пониженіемъ умственнаго уровня двухъ третей населенія, понизится и весь интеллектуальный уровень народа. Отсталые потянутъ назадъ передовыхъ, и упадетъ не только уровень экономической, но и всей соціальной жизни. Вообразите себѣ общество изъ тридцати милліоновъ людей, въ которыхъ двадцать милліоновъ дураковъ. Что можно ожидать отъ такого общества? Какъ можно допустить въ немъ соціальный прогрессъ?

Принципъ раздѣленія труда, какъ принципъ экономическій, ляжетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ основѣ и всей соціальной жизни народовъ. Строгое раздѣленіе труда, лежащее въ основѣ экономической дѣятельности, явится, по закону послѣдовательности, и въ основѣ всего соціальнаго быта. Иначе и быть не можетъ. Что же мы и найдемъ въ обществѣ, построенномъ на такомъ началѣ? Мы найдемъ, что оно состоитъ изъ разнаго рода дѣятелей-спеціалистовъ. Каждый будетъ знать только свое частное дѣло: фабричный ли онъ рабочій, инженеръ ли, механикъ ли, — это все равно. Общій взглядъ на соціальную жизнь утратится, и каждый будетъ знать только свое насиженное мѣсто. Но какъ для общаго благосостоянія страны всетаки нужно гармоническое направленіе всѣхъ силъ къ одной общей цѣли, то очевидно, что эту обязанность возьмутъ на себя нѣкоторые, наиболѣе развитые люди или люди, находящіеся въ болѣе благопріятныхъ для того обстоятельствахъ. Какія же послѣдствія отъ этого обнаружились бы въ соціальномъ бытѣ страны или—въ нашемъ примѣрѣ—Англіи? Общество раздѣлилось бы на господъ и негосподъ и уподобилось бы древней аѳинской республикѣ, въ которой 20.000 гражданъ наслаждались жизнью на счетъ 200.000 рабовъ. Куда бы дѣлось англійское самоуправленіе, и стоило ли Европѣ изживать исторически послѣдніе десять вѣковъ, чтобы снова возвратиться къ соціальному быту древняго Рима и Греціи?

Слѣдовательно, очевидно, что принципъ раздѣленія труда, взятый и въ экономическомъ, и въ соціальномъ смыслѣ, не долженъ быть ни проводимъ послѣдовательно въ жизнь, ни провозглашаемъ, какъ всеобщее начало соціально-экономическаго благополучія человѣчества. Онъ есть принципъ, враждебный благосостоянію, и долженъ быть замѣненъ другимъ принципомъ, не дѣйствующимъ такимъ подавляющимъ образомъ на человѣческія способности. И тутъ мы повторимъ, что спасителемъ человѣчества явится соціально-экономическій фатализмъ, который укажетъ иныя, болѣе выгодныя условія сочетанія человѣческаго труда. Эти условія ясны и теоретически уже разъяснены даже

самимъ Адамомъ Смитомъ. Онъ говоритъ, что качество труда зависитъ отъ качества работника. Прогрессъ улучшеній зависитъ отъ умственнаго развитія производителей. Но если строгое раздѣленіе труда имѣетъ тенденцію понижать умственныя качества рабочаго, то очевидно, что оно является силой, вреждебной экономическому прогрессу, къ которому стремится человѣчество. Такимъ образомъ, съ одной стороны стремясь, посредствомъ раздѣленія труда, къ экономическому прогрессу, съ другой, на основаніи того же принципа, достигая пониженія умственнаго уровня производителей, мы впадаемъ въ противорѣчіе и создаемъ двѣ протовоположныя, взаимно уничтожающія силы. Вотъ тутъ-то и является новый спасительный элементъ, дѣйствующій фаталистически и заставляющій людей принять для своей соціально-экономической дѣятельности тѣ основанія, которыми бы обусловливался прогрессъ и устранялись всѣ его помѣхи.

Такъ какъ качество труда зависитъ отъ качества рабочаго, а производительныя качества рабочаго суть энергія и умственное развитіе, то очевидно, что для соціально-экономическаго благосостоянія общества необходимо, чтобы каждый рабочій находился именно въ этихъ благопріятныхъ условіяхъ. Мы знаемъ, что основной агентъ экономической дѣятельности есть капиталъ; не тотъ капиталъ, который обыкновенные читатели представляютъ себѣ въ видѣ денегъ, но капиталъ въ смыслѣ научно-экономическомъ.

Капиталъ, по самой своей внутренней сущности, имѣетъ тенденцію къ необычайно-быстрому возрастанію. Скопляясь въ однѣхъ рукахъ, онъ, при значительной прибыли, въ короткое число лѣтъ можетъ возрасти до необычайнаго размѣра. Въ быстротѣ увеличенія капитала читатель можетъ убѣдиться изъ ежедневныхъ фактовъ быстраго обогащенія купцовъ. Въ какія нибудь десять лѣтъ фабрикантъ или торговецъ создаетъ себѣ иногда милліоны. Причина этого заключается въ томъ, что увеличеніе капитала совершается по закону прогрессіи. А какъ такая математическая прогрессія способствуетъ быстрому увеличенію первоначальнаго капитала, читатель можетъ увидѣть изъ того примѣра, что 100 р., положенные на 100 лѣтъ изъ прибыли 40%, возрастаютъ до суммы, которой, пожалуй, и не выговоришь—41.000.950.000.000.000. Вотъ причина, что капиталы, сосредоточивающіеся въ однѣхъ рукахъ, возрастаютъ до такого подавляющаго размѣра и создаютъ Ротшильдовъ.

Но въ то же время, на основаніи того же экономическаго закона, прибыль обнаруживаетъ тенденцію поглощать рабочую плату и, по мѣрѣ своего распространенія, вначалѣ способствуетъ возвышенію рабочей платы, а потомъ начинаетъ ее захватывать и роняетъ до минимума. Въ Англіи, когда только явились машины, ткачъ-земледѣлецъ покинулъ свое сельское хозяйство, потому что находилъ для себя выгоднѣе работать на фабрикѣ. Но когда рабочій оторвался окончательно отъ своей родной почвы, и число пролетаріевъ увеличилось, цѣна упала—и теперешній рабочій стоитъ уже на минимумѣ задѣльной платы.

Такимъ образомъ капиталъ, увеличиваясь насчетъ труда, скопляется, наконецъ, въ огромныхъ размѣрахъ въ рукахъ немногихъ. Постоянно накопляющійся капиталъ требуетъ или новаго помѣщенія, или расширенія прежнихъ дѣлъ. Изъ этого возникаютъ новыя обстоятельства и новыя комбинаціи, обнаруживающія на капиталъ свойство противоположное. Во первыхъ, прогрессивность увеличенія капитала не соотвѣтствуетъ прогрессивности его размѣра, или, говоря яснѣе, малый капиталъ приноситъ большій процентъ, чѣмъ большой. Мелочной торговецъ, торгующій на какую нибудь тысячу рублей, не согласится брать на свой капиталъ меньше 30, 40, 50 процентовъ, тогда какъ человѣкъ, дѣлающій милліонные обороты, очень доволенъ двумя или тремя процентами. Въ этомъ лежитъ начало того, что тенденція къ накопленію постепенно ослабѣваетъ, а во вторыхъ, что обширное дѣло не можетъ сосредоточиться въ однѣхъ рукахъ и требуетъ большаго числа лицъ для его управленія.

У англичанъ есть поговорка—если хочешь, чтобы твое дѣло было испорчено, поручи его другому. Этой народной мудростью, созданной, можетъ быть, многовѣковымъ опытомъ и наблюденіемъ, объясняется, почему постепенно возрастающій капиталъ не можетъ поглотить окончательно рабочей платы и поставить рабочаго въ невозможность существованія. Такъ какъ для успѣха веденія дѣлъ необходимо напряженіе дѣятельности въ возможно выгодномъ для дѣла направленіи, и такъ какъ только свое дѣло создаетъ это выгодное направленіе, то очевидно, что, по мѣрѣ привлеченія къ дѣлу людей, заинтересованныхъ имъ менѣе, чѣмъ хозяинъ, являются именно тѣ обстоятельства, которыя заставили англичанъ придумать свою поговорку. Исполнители ведутъ дѣло не только небрежнѣе хозяина, но къ ихъ рукамъ прилипаетъ многое, не доходящее до его кармана. Читатель можетъ провѣрить правильность этой мысли, если обратитъ вниманіе на тотъ фактъ, что приказчики богатаго купца дѣлаются всегда сами богатыми купцами.

Этимъ путемъ громадный капиталъ кладетъ самъ себѣ предѣлъ и создаетъ себѣ новые центры. Въ этихъ новыхъ центрахъ онъ подвергается тому же закону распаденія и образуетъ еще новые центры. Число людей со средствами увеличивается этимъ путемъ все больше и больше, и распадающійся капиталъ отыскиваетъ себѣ всякій разъ новое дѣло, новое выгодное помѣщеніе, въ которомъ снова подвергается тому же процессу.

Наиболѣе выгодное помѣщеніе для капитала есть промышленное производство и торговля. Торговля есть одно изъ наименѣе сложныхъ занятій: требуются только деньги, а особенныхъ знаній не спрашивается. Отъ этого мы видимъ, что каждый человѣкъ, владѣющій даже капиталомъ ничтожнаго размѣра, желая получить на него наивозможно большую прибыль, принимается за торговлю. Какой нибудь отставной солдатъ или безпомощная

старуха, считающая въ своемъ кошелькѣ не болѣе десяти рублей, уже покушаются заняться торговлей. Каждый, мечтающій о скоромъ обогащеніи, кидаетъ взоры, полные упованія, непремѣнно на торговлю. И вотъ причина, почему число лицъ, занимающихся торговлей, растетъ все больше и больше и, наконецъ, достигаетъ такого размѣра, что, при принципѣ соперничества, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на торговую прибыль, и купеческій процентъ начинаетъ падать.

Другое выгодное помѣщеніе для капитала есть промышленность, и преимущественно мануфактурная. Промышленность—тоже дѣло нехитрое, не требующее большихъ знаній и мало подвергающее невыгоднымъ для производителей случайностямъ. Возьмемъ для примѣра хлопчатобумажное производство. Ассортиментъ всѣхъ машинъ для этого дѣла придуманъ уже въ полномъ комплектѣ. Процессъ производства не отличается особенной многосложностью и находится внѣ вліянія естественныхъ силъ природы. Поэтому для человѣка, владѣющаго свободнымъ капиталомъ и желающаго употребить его на хлопчатобумажное производство, нужно только выстроить зданіе для фабрики, купить машины, пригласить механика и нанять рабочихъ. Выгоды явятся уже сами собой.

Но, по мѣрѣ обращенія капиталовъ на торговлю и фабричную промышленность, отвлекаются руки отъ земледѣлія, какъ это мы и видимъ на примѣрѣ Англіи. Когда отвлеченіе достигнетъ такого размѣра, что уменьшится количество земледѣльческаго продукта, и поднимется на него цѣна, а въ то же время упадутъ цѣны мануфактурныхъ товаровъ, то начнется явленіе обратное. Капиталы и руки отъ мануфактурной и торговой промышленности начнутъ обращаться къ земледѣлію, и недостатокъ пищи, явившійся вслѣдствіе усиленнаго фабричнаго производства и торговли, побудитъ, наконецъ, людей дать земледѣлію такое же значеніе, какое дается теперь фабричному производству.

Изъ этого возникаютъ новыя послѣдствія — частью экономическаго, частью соціальнаго характера. Изъ Мальтусовой экономической теоремы извѣстно, что, по мѣрѣ увеличенія числа людей является усиленный запросъ на пищу, возвышается цѣна земледѣльческаго продукта сравнительно съ цѣнами мануфактурныхъ издѣлій; а количество земледѣльческаго продукта растетъ въ болѣе слабой прогрессіи, несоотвѣтственной увеличенію числа земледѣльцевъ. Это значитъ, что если съ даннаго пространства земли десять человѣкъ рабочихъ получали десять четвертей хлѣба, то двадцать человѣкъ получатъ съ того же пространства не двадцать четвертей, а меньше. Такимъ образомъ уменьшеніе количества пищи будетъ привлекать къ себѣ постепенно большее и большее количество людей, и рабочія руки отъ непроизводительныхъ занятій обратятся къ производительнымъ. Необходимость въ большемъ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ заставитъ всѣхъ тѣхъ, кто занимался ранѣе тунеядствомъ, праздными забавами, производствомъ предметовъ роскоши, обратиться къ земледѣлію и производству предметовъ основной необходимости. Если у васъ было два лакея, то одинъ непремѣнно уйдетъ отъ васъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ производителемъ. Если вы одѣвались въ кружева, то ихъ, наконецъ, придется вамъ лишиться, потому что руки кружевницъ потребуются для другого, болѣе существенно необходимаго дѣла. Такимъ образомъ привычки роскоши смѣнятся постепенно привычками умѣренности, и человѣкъ, способствующій отвлеченію рукъ отъ труда полезнаго къ труду убыточному, сдѣлается невозможнымъ, ибо будетъ преслѣдоваться общественнымъ мнѣніемъ.

Но еще раньше, чѣмъ совершится такой поворотъ въ мысляхъ людей, капиталы, обратившіеся отъ мануфактурной промышленности къ земледѣльческой, подвергнутся распаденію, о которомъ я говорилъ выше. Богатый мануфактуристъ совершенно неспособенъ вести хозяйство выгоднымъ образомъ,—онъ не соединяетъ въ себѣ условій успѣшности труда. Онъ можетъ вести свое дѣло, только поручая его другимъ. А поручить его другимъ значитъ ввѣрить его людямъ неэнергичнымъ, невнимательнымъ и недостаточно заботящимся объ интересахъ своего хозяина.

Общій результатъ этого поворота будетъ тотъ, что, вслѣдствіе пониженія прибыли крупныхъ капиталистовъ, уничтожится въ людяхъ стремленіе къ большимъ накопленіямъ; а вслѣдствіе необходимости завѣдыванія каждымъ своимъ дѣломъ явятся мелкіе собственники, а трудъ, достигшій наибольшей интенсивности, извлечетъ изъ силъ природы все то, что нужно для человѣка. Капиталъ перестанетъ увеличиваться. Народонаселеніе придетъ въ равновѣсіе съ количествомъ добываемой пищи, и наступитъ, такъ называемое экономистами, неподвижное состояніе.

Повторю коротко, что я сказалъ о капиталѣ, чтобы читатель не потерялъ нити. Въ экономической судьбѣ капитала совершается круговоротъ. На какое бы употребленіе ни шелъ капиталъ, онъ, по существу потребности человѣческаго организма, имѣетъ тенденцію устремляться отъ неполезнаго къ полезному, отъ ненужнаго къ существенно необходимому. По мѣрѣ своего возрастанія и скопленія въ однѣхъ рукахъ, капиталъ, по законамъ успѣшности труда, начинаетъ распадаться на постепенно большее число отдѣльныхъ производительныхъ единицъ, и вмѣсто небольшаго числа крупныхъ капиталистовъ является масса мелкихъ. Трудъ, постепенно освобождающійся отъ зависимости капитала, достигаетъ высшей энергіи, и каждый производитель является хозяиномъ своего производства.

Но подобное состояніе общества не есть идеалъ, на которомъ бы можно было успокоиться. Изъ изслѣдованія Адама Смита мы знаемъ, что подобное условіе не есть условіе успѣшности труда, ибо только большой размѣръ производства дастъ наиболѣе выгодный результатъ и наибольшее количество продуктовъ. Не индивидуализмъ есть производительная сила, а сочетаніе труда. Поэтому рас-

павшееся общество неизбѣжно приходитъ къ мысли о сотрудничествѣ, и сепаратизмъ смѣняется коллективностью. Уже и нынче идея сотрудничества очень сильна и выражается въ разнаго рода кооперативныхъ занятіяхъ и акціонерныхъ компаніяхъ. Но акціонерное сотрудничество то же, что монополія и крупный личный капиталъ. Оно невыгодно и для общества, невыгодно и само для себя. Акціонерныя предпріятія ведутся распорядителями по найму, и потому ихъ неизбѣжно должна постигнуть судьба распаденія. Только есть одна прочная форма сотрудничества, слабый зародышъ которой появился уже на Западѣ,—ассоціація.

Указывая направленіе, въ какомъ пойдетъ соціально-экономическая жизнь человѣчества, мы должны указать всѣ прогрессивные элементы этого поступательнаго движенія. А потому, указывая на силу соціально-экономическаго фатализма, творящаго соціально-экономическій круговоротъ, мы не можемъ не обратиться еще разъ къ основному фактору прогресса — къ человѣческому уму. Только умъ есть двигающая сила, только интеллектъ двигаетъ человѣчество. Прочно не то, что создается фатализмомъ, а что создается сознаніемъ. Мы должны совершать сознательно свой путь и замѣнить фаталистическую силу силою собственнаго сознающаго ума. Тогда на помощь прогрессивнаго фатализма явится новый элементъ, который выразится въ руководящемъ принципѣ, и вотъ тотъ пунктъ, съ котораго совершится поворотъ умственной жизни человѣчества. Темная фаталистическая сила смѣнится сознаніемъ.

Признаки этой поворотной точки уже явились. Если мы обратимся даже къ нашему обществу, то увидимъ и въ немъ появленіе людей принципа, сознательно перестраивающихъ свою соціально-экономическую жизнь, ограничивающихъ свою дѣятельность полезно-экономическимъ образомъ. Эти лучшіе люди суть истинно новые люди. Постепеннымъ увеличеніемъ ихъ числа облегчаются условія прогресса и расширяются вліяніе и размѣръ элементовъ, дѣйствующихъ въ направленіи общаго блага.

Сентябрь 1868 г.

КУСТАРНАЯ НЕУРЯДИЦА.

I.

Чѣмъ ближе знакомишься съ литературой кустарной промышленности, тѣмъ очевиднѣе становится громадность задачи, за которую взялась комиссія по изслѣдованію кустарнаго производства въ Россіи. Какъ комиссія справится со своей задачей? Насколько правильные или неправильные выводы и обобщенія ею будутъ сдѣланы? Что послѣдуетъ изъ этихъ выводовъ? Что выиграетъ кустарь? Улучшится ли его положеніе? Утратитъ ли кустарная промышленность характеръ случайности и неустойчивости? Получитъ ли она какую нибудь правильную организацію? Въ чемъ будетъ заключаться эта правильность? Явится ли въ кустарной промышленности сознательное пониманіе ея отношеній ко всему производящему труду, или же она будетъ плестись также, какъ нынче, отдаваясь на волю всѣхъ вѣтровъ и всѣхъ случайностей? Вотъ вопросы, на которые хотѣлось бы получить отвѣты теперь же, потому что если изъ собранныхъ комиссіею фактовъ будутъ сдѣланы неправильные выводы и примѣненія—къ чему вся ея работа?

Какую громадную задачу представляетъ изслѣдованіе кустарной промышленности и какую важную роль играетъ она въ экономической жизни русской деревни, можно видѣть уже изъ того, что даетъ комиссія въ первомъ выпускѣ своихъ «Трудовъ». Напр.. Тамбовская губернія, благодаря естественнымъ условіямъ, развила въ себѣ преимущественно земледѣліе. Мѣстное населеніе занималось имъ тѣмъ охотнѣе, что промыселъ этотъ доставлялъ заработокъ въ теченіе почти цѣлаго года. Около семи мѣсяцевъ, съ начала апрѣля почти до конца октября, мѣстное населеніе занималось полевыми работами; потомъ до конца ноября, т. е. когда устанавливается санный путь,—молотьбой и подготовкой хлѣба къ отправкѣ, а затѣмъ—перевозкой хлѣба къ пристанямъ и въ ближайшіе города: Рязань, Коломну, Москву. Такимъ образомъ сложился порядокъ занятій, поглощавшихъ у крестьянина все его свободное время. До проведенія желѣзныхъ дорогъ по Тамбовской губерніи, ея взрослое населеніе имѣло работу въ теченіе цѣлаго года у себя дома и не искало занятій внѣ земледѣлія. Но когда прошли желѣзныя дороги, и хлѣбные грузы стали направляться по нимъ, тамбовскому крестьянину не осталось для зимы никакого дѣла. Мало этого, желѣзныя дороги внесли въ распорядокъ занятій населенія цѣлую революцію. Прежде хлѣбъ готовился къ отправкѣ исподволь, и потому никто не торопился его молотьбой и доставкой; съ желѣзными дорогами все это измѣнилось. Прежде цѣны на хлѣбъ росли по мѣрѣ приближенія весенней навигаціи; теперь же, когда явилась возможность осенней доставки, осень оказалась самымъ бойкимъ временемъ для сбыта хлѣба, и вслѣдствіе этого высшія цѣны на хлѣбъ перешли съ весны на осень. Это, повидимому, не особенно важное обстоятельство повело къ послѣдствіямъ, которыхъ никто не предвидѣлъ. Для ускоренія сбыта хлѣба оказалось нужнымъ спѣшить молотьбой, а какъ цѣпная работа оказывалась не особенно спорой, то не только во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ, но даже и въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ явилась молотильная машина. Благодаря требованію на молотилку, въ сосѣднемъ Сапожковскомъ уѣздѣ, Рязанской губер-

ніи, возникли фабрикація переносныхъ молотилокъ и даже новый отхожій промыселъ. Промыселъ этотъ заключается въ томъ, что хозяева молотилокъ разъѣзжаютъ съ ними по деревнямъ и обмолачиваютъ крестьянскій и помѣщичій хлѣбъ. Молотьба и подвозъ хлѣба къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ прекращаются за четыре мѣсяца до наступленія весны; а такъ какъ домашнія зимнія работы требуютъ не болѣе одной четверти рабочей силы населенія губерніи, то остальные $^3/_4$ остаются безъ дѣла. Такими свободными силами оказываются до 300.000 мужчинъ, столько же женщинъ и до 400.000 рабочихъ лошадей. Принимая стоимость рабочаго дня зимой для работника въ 30 к., работницы 15 к. и лошади тоже въ 30 к., получится убытокъ безработицы въ 25.500.000 руб. Цифра эта, почтенная уже сама по себѣ, получаетъ особенную важность, если ее сравнить съ платежами населенія Тамбовской губерніи, а населеніе Тамбовской губерніи платитъ всякихъ податей и сборовъ 13.210.430 руб. Понятно, насколько безработица должна не только мѣшать исправной уплатѣ, но и вести къ постоянному упадку крестьянскаго хозяйства, что въ Тамбовской губерніи уже и обнаружилось. Упадокъ хозяйства и постоянная нужда въ деньгахъ заставляютъ крестьянина прибѣгать къ средству, которое запутываетъ его еще болѣе,—къ запродажѣ своего будущаго труда, нерѣдко даже за половину цѣны. Потеря отъ этой запродажи вычисляется въ $9^1/_2$ милліоновъ, а общая потеря населенія Тамбовской губерніи, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, представляетъ почтенную цифру въ 35 милліоновъ.

Подобный упадокъ крестьянскаго хозяйства случился не въ одной Тамбовской губерніи. Напримѣръ, изъ «протоколовъ» засѣданій тверского губернскаго собранія за 1878 годъ видно, что только въ шести уѣздахъ Тверской губерніи, смежныхъ съ губерніями Ярославской, Владимірской и Московской, развиты промыслы; уѣзды же, примыкающіе къ губерніямъ Псковской и Новгородской, отличаются слабымъ развитіемъ какъ мѣстныхъ, такъ и отхожихъ промысловъ. Чрезъ Тверскую губернію проходитъ рѣка Волга, бо́льшая часть вышневолоцкой системы, рѣка Молога, входящая въ составъ тихвинской системы, петербургско-московское шоссе и желѣзныя дороги: Николаевская, Новоторжская и Рыбинско-Бологовская. До открытія Николаевской дороги, петербургско-московское шоссе давало мѣстному населенію, промышлявшему извозомъ и содержаніемъ постоялыхъ дворовъ, большіе заработки. Вышневолоцкая система, по которой проходило прежде болѣе 6.000 судовъ, доставляла крестьянамъ тоже очень хорошій заработокъ. Съ улучшеніемъ маріинской системы и проведеніемъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги промыселъ этотъ рушился, ибо вмѣсто прежнихъ 6.000 проходитъ до 600, а иногда и менѣе; наконецъ, туерное буксирное пароходство убило окончательно крестьянскій судоходный промыселъ. Проведеніе новыхъ путей невыгодно отразилось на мельнично-крупчатомъ промыслѣ, который былъ сильно развитъ въ Тверскомъ и Новгородскомъ уѣздахъ. Въ Шепелевской волости, Тверского уѣзда, не дальше семи лѣтъ тому назадъ, находилось до пяти мельницъ. Четыре изъ нихъ были выстроены хлѣбными торговцами на крестьянской общественной землѣ, и общество получало отъ нихъ ежегодно до 3.000 р. арендной платы; кромѣ того, по условію, мельницы черезъ десять лѣтъ поступали въ собственность крестьянъ. Каждая мельница размалывала до 32.000 мѣшковъ, а всего до 800.000 пудовъ пшеничной и ржаной муки. Зерно доставлялось съ низовыхъ пристаней, и мука отправлялась въ Петербургъ и Ригу. Семь лѣтъ тому назадъ, въ Шепелевской волости разгружалось не менѣе 150 барокъ; каждую барку тянули десять лошадей при пяти рабочихъ коноводахъ; слѣдовательно, требовалось 1.500 лошадей и не менѣе 750 рабочихъ. Крестьяне трехъ волостей, занятыхъ этимъ дѣломъ, добывали не меньше 15 рублей въ лѣто на каждую лошадь, и барочное коноводство давало 22.500 руб. въ годъ. Доставка зерна съ Волги на крупчатки, а съ нихъ въ Тверь и Торжокъ, производилась преимущественно на подводахъ; въ годъ эта перевозка давала крестьянамъ не меньше 36.800 руб; на мельницахъ работало 300 рабочихъ, получавшихъ до 15.000 руб. Съ проведеніемъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги и постройкою въ Саратовѣ, Балаковѣ и другихъ хлѣбныхъ пристаняхъ паровыхъ мукомольныхъ мельницъ хлѣбъ сталъ доставляться въ Петербургъ мукою.

Кузнечно-гвоздарный промыселъ въ Тверской губерніи, вслѣдствіе сильной конкурренціи машиннаго производства, тоже падаетъ съ каждымъ годомъ. Цѣны на гвоздь остались тѣ же, что были назадъ тому 20—30 лѣтъ, тогда какъ цѣны на хлѣбъ и на всѣ жизненные припасы поднялись на 50%. Насколько сталъ невыгоденъ гвоздарный промыселъ, можно судить изъ того, что чистый заработокъ гвоздаря въ недѣлю составляетъ 90 к. и только при особой удачѣ 1 руб. 20 коп., да и то если гвоздарь покупаетъ желѣзо на чистыя деньги.

Сапожный промыселъ падаетъ точно также. Въ кимровскомъ сапожномъ районѣ, Корчевскаго уѣзда, не считая содержателей большихъ мастерскихъ и скупщиковъ, было занято сапожнымъ дѣломъ до 7.000 мастеровъ и до 2.600 помощниковъ и помощницъ. Въ годъ изготовлялось до 1.400.000 паръ саноговъ на $3^1/_2$ милліона руб. Съ 1874 года на украинскихъ ярмаркахъ упалъ спросъ на кимровскій сапогъ, и промыселъ сталъ падать до того, что нѣкоторыя мастерскія совсѣмъ закрылись. Мелкіе сапожники, которымъ былъ не подъ силу этотъ кризисъ, отдали заготовленный товаръ за безцѣнокъ и сами поступили въ работники. Хотя въ 1877 году большіе заказы военнаго министерства для арміи очень оживили кимровское производство, но это случайное оживленіе, конечно, не могло повліять на общія причины, отъ которыхъ зависитъ промыселъ, и съ окончившимися заказами военнаго министерства онъ сталъ опять падать.

Такъ и повсюду. Желѣзныя дороги, по мѣрѣ того, какъ онѣ проходили въ той или другой мѣстности,

вносили смуту въ существовавшія до того экономическія отношенія. Желѣзныя дороги и пароходы погубили совсѣмъ бурлацкій промыселъ и извозничество, которыми занимались сотни тысячъ народа. Всему этому люду пришлось создать новое дѣло, но вѣдь новыя дѣла не создаются такъ легко. Даже въ Европѣ, въ которой рабочее населеніе и образованнѣе, и развитѣе, человѣкъ, оставшійся внѣ своего дѣла, нелегко создаетъ новое. У насъ же это гораздо труднѣе, вслѣдствіе общей бѣдности населенія, общаго экономическаго неразвитія и отсутствія промышленной жизни. Желѣзныя дороги, несмотря на свое благодѣтельное вліяніе вообще, принесли много зла русскому рабочему населенію въ частности. Зло это, конечно, оказалось бы нечувствительнымъ, еслибы, напримѣръ, тамбовское населеніе, по мѣрѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, сейчасъ же создавало себѣ заработки; а такъ какъ этого не случилось еще и до сихъ поръ, то въ теченіе двадцати лѣтъ, какъ мы строимъ желѣзныя дороги, одна только Тамбовская губернія, благодаря ежегоднымъ четырехмѣсячнымъ прогуламъ, потеряла уже никакъ не меньше 500 милліоновъ рублей.

Подобныя же потери пришлось испытать всей средней, подмосковной, полосѣ Россіи, въ которой выкупные платежи были вычислены по прежнимъ внутреннимъ отношеніямъ. Здѣсь убытки обнаружились не на извозѣ или прогулѣ, а на упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ и на уменьшеніи доходности земель. Неоспоримо, что кто нибудь выигралъ отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ; въ общемъ выиграла, безъ сомнѣнія, и русская торговля, но въ частности этотъ выигрышъ получился на счетъ крестьянскихъ потерь и вызвалъ такую перемѣну экономическихъ условій, которую можно сравнить съ внезапной бурей или грозой. Напримѣръ, лѣтъ тридцать назадъ крестьянское населеніе западнаго края было переведено съ барщины на оброкъ. Перемѣна эта была неоспоримо благодѣтельная, но она застигла крестьянъ настолько врасплохъ, что они оторопѣли и растерялись, не зная, что имъ дѣлать. То, что у нихъ было до сихъ поръ въ рукахъ, выскользнуло, а новое приходилось создавать; создавать же они не привыкли. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что крестьянамъ западныхъ губерній нужно было оставаться вѣчно на барщинѣ или вводить у нихъ переходъ на оброкъ постепенно. Мы говоримъ не объ этомъ,—мы говоримъ о томъ, что переходъ свалился внезапно, какъ градъ на голову, и огромную массу населенія поставилъ сразу въ такое положеніе, что прежнія условія труда оказывались невозможными, а новыхъ не явилось. Точно также волжское пароходство и желѣзныя дороги вытѣсняли бурлака и возчика гораздо быстрѣе, чѣмъ они находили себѣ новое дѣло. Тѣ же желѣзныя дороги гораздо быстрѣе измѣнили условія, вліявшія на цѣнность земель и заработокъ средней полосы Россіи, чѣмъ это населеніе овладѣло явившимися вновь условіями и создало новыя возможности для болѣе успѣшнаго труда. Если вліяніе желѣзныхъ дорогъ, пароходства, вновь явившагося небывалаго кредита и новой банковой системы, перемѣнъ таможеннаго тарифа и новыхъ земельныхъ условій, созданныхъ освобожденіемъ крестьянъ, взять во всей совокупности ихъ послѣдствій; если выслѣдить вліяющія причины съ корня во всѣхъ мелочахъ воздѣйствія ихъ на каждаго отдѣльнаго экономическаго производителя, то создастся такая грандіозная картина массы мелкихъ перемѣнъ, слагающихъ новый экономическій укладъ, въ которомъ тамбовскіе 35 милліоновъ убытка явятся, можетъ быть, очень ничтожной единицей. Перемѣна условій вызвала въ цѣломъ большую производительность. Неоспоримо, что Россія, едва выплачивавшая въ крымскую войну 300 милліоновъ, теперь даетъ 600 милліоновъ, не считая расходовъ на земство; но это всетаки только общій итогъ приращенія; въ частности же создалась масса минусовъ, т. е. такихъ послѣдствій, которыя подъ вліяніемъ убыточныхъ условій создали потери, вродѣ тамбовскихъ.

Что же дѣлать? Ясно, что труду, лишившемуся извѣстныхъ возможностей, нужно предоставить другія возможности и тѣмъ поставить его въ производительное равновѣсіе. Г. Девель, изслѣдующій кустарную промышленность Тамбовской губерніи по приглашенію комиссіи, думаетъ, что Тамбовскую, а, слѣдовательно, и другія мѣстности, спасутъ кустарная производительность и развитіе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, «распространеніе которыхъ въ настоящее время настолько ограничено, что они въ существенныхъ размѣрахъ едва ли могутъ оказывать какое либо вліяніе на безработицу большинства». Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ г. Девелемъ, видно, что въ Тамбовской губерніи кустарными промыслами занимаются всего только 30.000 душъ изъ милліоннаго населенія; въ пяти степныхъ уѣздахъ кустарныхъ промысловъ вовсе не существуетъ, а между тѣмъ именно эти-то уѣзды и пострадали отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ и зимней безработицы. Вопросъ, конечно, только въ томъ, какими средствами создать въ Тамбовской губерніи кустарную промышленность, и насколько вѣрно выяснитъ комиссія причины, по которымъ въ Тамбовской губерніи этихъ промысловъ до сихъ поръ не явилось? Конечно, населеніе Тамбовской губерніи не состоитъ же изъ такихъ тупоумныхъ людей, которые не понимаютъ своей выгоды и не желаютъ жить лучше, чѣмъ они живутъ. Слѣдуетъ думать также, что населеніе Тамбовской губерніи владѣетъ достаточными умственными средствами, чтобы понять такія нехитрыя ремесла, какъ пряденье, тканье и вязанье изъ шерсти и пеньки. Значительное овцеводство (1.800.000) и обширная культура конопли сами собой указываютъ, что перечисленные роды занятій являются какъ бы прирожденнымъ дѣломъ Тамбовской губерніи. Спрашивается: почему же, несмотря на сильно развитое овцеводство и на обширную культуру конопли, Тамбовская губернія ничего не прядетъ, не ткетъ и не вяжетъ изъ шерсти и пеньки? Ничто на свѣтѣ не дѣлается безъ причины; слѣдовательно, должны быть причины и этому, и, конечно, всѣ, желаемые г. Девелемъ для Тамбов-

ской губерніи, кустарные промыслы не явились только потому, что что нибудь мѣшало ихъ появленію.

II.

Чтобы дать читателю понятіе о размѣрѣ народной дѣятельности, которая называется кустарной промышленностью, мы укажемъ ему на нѣкоторыя изъ кустарныхъ производствъ. Существуетъ, напримѣръ, такъ называемая древообрабатывающая промышленность. Въ нее входитъ приготовленіе телѣгъ, повозокъ, тарантасовъ, саней, полозьевъ, оглобель, дугъ, колесъ, клещей для хомутовъ, бочекъ, кадокъ, ведеръ, обручей, граблей, лопатъ, сошниковъ, боронъ, самопрялокъ, ткацкихъ станковъ, мебели всякаго рода, сундуковъ, оконныхъ рамъ, ложекъ, чашекъ, блюдъ, корытъ, обечаекъ для ситъ, табакерокъ, катушекъ, челноковъ, счетовъ, трубокъ, чубуковъ, подсвѣчниковъ, веретенъ, гармоникъ, балалаекъ, гитаръ, корзинъ, лукошекъ, кузововъ, кошелей, лаптей, мочалъ, рогожъ, кулей, рѣшетъ, коробовъ. Къ тому же промыслу относится углежженіе въ кострахъ и ямахъ, смолокуреніе въ ямахъ, майданахъ, корчагахъ, котлахъ, козанахъ и печахъ, сидка дегтя, поташное производство, сажекопченіе.

Телѣжный промыселъ распространенъ болѣе чѣмъ въ 532 селеніяхъ, расположенныхъ въ 35-ти губерніяхъ Россіи и въ 175-ти уѣздахъ. Центромъ телѣжнаго промысла нужно считать губернію Владимірскую и Ярославскую, въ которыхъ болѣе 90 селеній занято этимъ промысломъ; затѣмъ идутъ губерніи Симбирская, въ которой занято промысломъ 68 селеній, Казанская и Нижегородская, въ которыхъ работаютъ 47 селеній въ каждой. Въ Невьянскомъ округѣ, Екатеринбургскаго уѣзда, изготовляется ежегодно колесъ на 146.000 руб.

Деревянная посуда работается въ 420 селеніяхъ, распредѣленныхъ по 28 губерніямъ и 100 уѣздамъ. Центромъ этого промысла служитъ Нижегородская губернія, въ которой работаютъ болѣе 163 селъ. Въ одномъ Семеновскомъ уѣздѣ дѣлается въ годъ до 4.000.000 деревянныхъ ложекъ на 35.000 руб. Въ Костромской губерніи въ двухъ только уѣздахъ, въ Макарьевскомъ и Варнавинскомъ, находятся 111 токарныхъ заводовъ, на которыхъ изготовляется около 1.713.600 осиновыхъ блюдъ, мисокъ, чашекъ и т. п. на 180.000 руб.

Мочальное производство — приготовленіе рогожъ, кулей, лаптей, рѣшетъ, коробовъ—существуетъ болѣе чѣмъ въ 409 селеніяхъ 26 губерній и 102 уѣздовъ. Центромъ промысла служитъ губернія Владимірская, гдѣ занято имъ болѣе 136 селъ, и губернія Нижегородская. Одинъ Лукьяновскій уѣздъ изготовляетъ въ годъ до $1^1/_2$ милліона кулей, на сумму 135.000 рублей; Макарьевскій уѣздъ, Костромской губерніи, изготовляетъ рогожъ и кулей на 250.000 руб.; Ветлужскій уѣздъ — на 100.000 руб. Село Семеновское, Костромской губерніи, изготовляетъ ежегодно лаптей на 100.000 рублей. Гг. Мещерскій и Модзалевскій говорятъ, что все количество ежегодно употребляемыхъ въ Россіи рогожъ, циновокъ и кулей можно принять до 14 милліоновъ штукъ.

Производство это оцѣнивается Кеппеномъ въ 2 м. рублей. Со включеніемъ же луба, мочальныхъ веревокъ, лаптей и проч., по словамъ того же Кеппена, одной только липовой коры въ разныхъ видахъ продается у насъ ежегодно болѣе чѣмъ на 2 милліона рублей. Число взрослыхъ липъ, срубаемыхъ ежегодно для снятія мочальнаго и сухого луба, составляетъ, по словамъ Кеппена, отъ 700.000 до 1 милліона штукъ. Г. Кайгородовъ думаетъ, что цифра эта далеко ниже дѣйствительной, ибо, по свидѣтельству г. Полонскаго, въ одной Вятской губерніи вырубается ежегодно на мочальное дѣло около 500.000 взрослыхъ липъ.

Изготовленіе бочекъ, кадокъ, ведеръ, обручей распространено болѣе чѣмъ въ 350 селеніяхъ 30 губерній и 130 уѣздовъ. Центромъ промысла служитъ Казанская губернія, затѣмъ слѣдуютъ губерніи: Владимірская, Нижегородская, Ярославская, Симбирская, Рязанская и Оренбургская. Въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, бондарнымъ промысломъ занято ежегодно около 700 человѣкъ, получающихъ дохода слишкомъ 22.000 руб.; въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, бондарей считается болѣе 1.000 человѣкъ, и работаютъ они въ годъ на 38.000 руб.

Столярный и плотничій промыслы водворились въ 320 селеніяхъ 25 губерній и 112 уѣздовъ. Центромъ промысла служитъ Московская губернія — уѣзды Московскій и Звенигородскій. За Московской губерніей слѣдуютъ губерніи: Симбирская, Казанская, Вятская, Ярославская и Нижегородская. Въ Московскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ работаютъ болѣе 2.000 столяровъ, изготовляющихъ въ годъ разной мебели на 459.400 руб. Въ одной деревнѣ Лигачево, Черкизовской волости, Московскаго уѣзда, занимаются столярнымъ дѣломъ 122 человѣка и дѣлаютъ въ годъ мебели на 45.000 руб.

Такъ называемыя деревянныя издѣлія—грабли, лопаты, бороны—приготовляютъ въ 258 селеніяхъ 18 губерній и 76 уѣздовъ. Первое мѣсто по производству занимаетъ губернія Ярославская, затѣмъ слѣдуетъ Владимірская. Въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, приготовленіемъ кленовыхъ прядильныхъ гребней занято 250 человѣкъ. Гребней приготовляется до 80.000 штукъ, на 10.000 руб. Въ дер. Лежнево, того же уѣзда, дѣлается боронъ на 2.000 руб.

Мелкія подѣлки — катушки, табакерки, счеты, чубуки, деревянныя дѣтскія игрушки—изготовляются въ 118 селеніяхъ 18 губерній и 52 уѣздовъ. Во Владимірской губерніи занято этимъ дѣломъ 25 селеній. Какого размѣра достигаетъ мѣстами развитіе промысла, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ Вятскомъ уѣздѣ приготовляется до 30.000 трубокъ, на 1.100 руб.; въ Судогодскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, выдѣлывается 2 милліона серповыхъ черенковъ, на 4.000 руб.; верейскій уѣздъ, Московской губерніи, приготовляетъ ежегодно деревянныхъ счетовъ на 20.000 руб.; въ двухъ де-

ревняхъ Владимірской губерніи занято дѣланіемъ игрушекъ до 600 человѣкъ, а деревня Шалимова, Шуйскаго уѣзда, состоящая всего изъ 30-ти человѣкъ, приготовляетъ игрушекъ на 2.000 руб. въ годъ.

Сидка дегтя распространена настолько, что въ рѣдкой мѣстности, гдѣ только растетъ береза, не найдется хотя одного дегтярнаго завода. Дегтярный промыселъ распространенъ преимущественно въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Костромской, Владимірской и Нижегородской. Въ Костромской губерніи находится около 600 дегтярныхъ заводовъ, на которыхъ работаетъ болѣе $12^1/_2$ тысячъ человѣкъ и добывается болѣе 870.000 пуд. дегтя, на 1.005.000 руб. Смолокуренный промыселъ, подсочка, добываніе скипидара, пека, сажи распространены преимущественно въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Костромской и составляютъ промыселъ огромной массы мѣстнаго населенія. Точно также распространено и кустарное углежженіе: гдѣ есть деревенская кузница,—ужъ непремѣнно существуетъ добываніе угля.

Изъ матеріаловъ, которые имѣются о кустарныхъ промыслахъ, не совсѣмъ легко установить порядокъ и размѣръ ихъ распространенія, но несомнѣнно, что чѣмъ бо́льшую народную потребность составляетъ предметъ производства, тѣмъ въ большемъ количествѣ онъ и производится.

Хлопчатобумажное производство сосредоточилось въ селѣ Ивановѣ, въ Вознесенскомъ посадѣ и въ Шуѣ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ занято ткачествомъ до 40.000 человѣкъ; въ томъ же Шуйскомъ уѣздѣ въ нормальную пору бумажной фабрикаціи изготовлялось до 1.500.000 штукъ миткаля, на 5 милліоновъ руб., а ситцевъ и платковъ на 12 милліоновъ руб. Промышленность эта, хотя она и производится частью по деревнямъ, имѣетъ, во всякомъ случаѣ, характеръ неосновной; да, наконецъ, она пріютилась почти въ одной мѣстности и, такъ сказать, спеціализировалась въ губерніи Владимірской, миновавъ всѣ остальныя губерніи Россіи. Но есть рядъ другихъ промышленностей, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ потребностямъ народа и поселившихся почти въ каждой деревнѣ. Къ такимъ промысламъ принадлежитъ древодѣльное производство. Каждому крестьянину нужна телѣга, нужны сани, нужна соха, коса, серпъ, нужны разныя мелкія вещи для домашняго обихода, и удовлетвореніемъ потребности этого обихода заняты не фабрики или заводы съ паровыми двигателями, а кустари, раскинутые также повсюду, какъ раскинуты ихъ деревенскіе потребители. Чѣмъ бо́льшую потребность должно удовлетворить производство, тѣмъ больше, конечно, оно распространено или развито. Напримѣръ, горшки, плошки, чашки, латки нужны въ каждомъ домашнемъ хозяйствѣ, и потому, несмотря на то, что матеріалъ для ихъ изготовленія не находится на всякомъ мѣстѣ, гончарный промыселъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе развитыхъ. Имъ занимаются въ 32 губерніяхъ и 163 уѣздахъ гораздо больше 400 селеній. Есть селенія, какъ, напр., село Камешкиръ, Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи, гдѣ изъ числа 2.500 человѣкъ населенія $^4/_5$ занимаются горшечнымъ производствомъ, и мальчики съ 8-лѣтняго возраста поступаютъ уже въ эту работу. Въ Ливенскомъ уѣздѣ повторяется тотъ же фактъ: тамъ въ деревняхъ Плешкова и Альховника тоже $^4/_5$ всего населенія занимаются гончарнымъ дѣломъ, и мальчики съ 8-лѣтняго возраста пріучаются дѣлать горшки. Вмѣстѣ съ мужчинами работаютъ и женщины.

Остальные промыслы распредѣляются въ такомъ порядкѣ по числу губерній: кожевенное и скорняжное производства развиты въ 30 губерніяхъ; шерстяное производство—т. е. пряденіе волны, козьяго пуха, тканье кушаковъ и шерстяныхъ тканей—въ 29 губерніяхъ; пеньковыя издѣлія—веревки, канаты, кошели, сѣти, невода, тенета, пряжа и пеньковое тканье—въ 28 губерніяхъ; кожевенныя издѣлія—рукавицы, обувь, кошельки, подручники и т. д.—въ 26 губерніяхъ; кузнечный промыселъ—скребницы, подковы, гвозди, ухваты, заслонки, кочерги, вьюшки, уполовники, ложки, ковши и т. п.—въ 26 губерніяхъ; войлочное производство — въ 26 губерніяхъ; льняное производство—въ 30 губерніяхъ. Россія, по разсчетамъ г. Тенгоборскаго, производитъ ежегодно льна до 12 милліон. пудовъ. За исключеніемъ льна, вывозимаго за границу, остается на внутреннее потребленіе до 7.500.000 пудовъ. Если исключить изъ этого $^1/_4$ на потери и другія потребности, то остается для пряденія 5.625.000 пуд.; а такъ какъ пряденіе до сихъ поръ производится у насъ тѣмъ же способомъ, какимъ производила его Пенелопа, то пряденіе 5.625.000 пудовъ должно занимать 2.812.500 человѣкъ. Ткачествомъ занято болѣе 425.000 человѣкъ, а прибавляя къ этому числу всѣхъ тѣхъ, кто занятъ приготовительными работами—мочкою, мятьемъ, трепаньемъ, ческою, дѣланьемъ прялокъ, веретенъ, ткацкихъ станковъ и другихъ побочныхъ орудій, окажется, что изъ числа сельскаго населенія льнянымъ промысломъ занято не менѣе 4 милліоновъ человѣкъ, и цифра эта, конечно, не будетъ преувеличенной, потому что едва ли есть хоть одна русская деревня, въ которой женщины въ зимній досугъ не занимались бы пряденьемъ и тканьемъ.

Женщины принимаютъ неменьшее участіе въ кустарной производительности, но спеціальность ихъ нѣсколько иная, чѣмъ у мужчинъ. Мужской трудъ направленъ на дѣла, требующія большей физической силы, женскій же—на производства, требующія большей усидчивости. Можно замѣтить еще, что женскій трудъ отличается тенденціею аристократизма: напримѣръ, вязаныя и плетеныя издѣлія—чулки, платки, шали, шарфы, варежки, рукавицы—составляютъ промыселъ очень распространенный, пожалуй, мало чѣмъ уступающій шерстяному производству. Онъ водворился въ 24 губерніяхъ и отвѣчаетъ одной изъ главныхъ народныхъ потребностей. Во многихъ губерніяхъ промысломъ эти заняты не только женщины, но и мужчины: напримѣръ, въ Гороховскомъ, Шуйскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, Владимірской губерніи, есть селенія, гдѣ каждый членъ крестьянской

семьи, начиная съ десятилѣтняго ребенка и кончая дряхлымъ старикомъ, занятъ вязаньемъ чулковъ. Рядомъ съ этимъ производствомъ, разсчитаннымъ собственно на крестьянскія потребности, существуетъ вязанье, удовлетворяющее надобностямъ болѣе прихотливыхъ и обезпеченныхъ городскихъ жителей. Такъ, въ Оренбургской губерніи разводятся особаго рода козы, съ пухомъ вродѣ пуха тибетскихъ козъ, и вязаньемъ изъ него разныхъ деликатныхъ вещей заняты всѣ женщины и дѣвушки отъ Оренбурга до Таналыдской станицы. Лучшія шали, изготовляемыя этими мастерицами, цѣнятся на мѣстѣ въ 45—50 руб. Ясно, что такая роскошь приготовляется не для деревенскаго потребителя. Кружевное производство, водворившееся въ 12 губерніяхъ и даже въ Сибири, разсчитано тоже на болѣе состоятельнаго потребителя. Напримѣръ, балахнинскія косынки стоятъ на мѣстѣ отъ 10 до 100 рублей. Мценскія кружева, расходящіяся по всей Россіи, продаются за заграничныя. Кружевное производство есть исключительно женское дѣло, а насколько оно выгодно, можно судить изъ слѣдующаго замѣчанія, сдѣланнаго въ «Сводѣ матеріаловъ» по поводу мценскаго кружевного производства: «Многія кружевницы, занимающіяся плетеніемъ кружевъ съ семилѣтняго возраста, накопляютъ для замужества нѣсколько сотенъ рублей». Если же судить о размѣрѣ выгодности производства по другой выпискѣ «Свода», изъ которой видно, что въ слободѣ Кукаркѣ, Вятской губерніи, 500 женщинъ, занятыхъ кружевнымъ производствомъ, получаютъ прибыли до 4.000 рублей, то нужно думать, что кружевницы выходятъ замужъ очень поздно.

Изъ этихъ, хотя и отрывочныхъ, указаній совершенно ясно, какую роль въ народной экономіи играетъ кустарная производительность. «Вездѣ, гдѣ почва въ Россіи не даетъ достаточныхъ средствъ для прокормленія крестьянской семьи и на уплату лежащихъ на крестьянинѣ податей и повинностей,— говоритъ предисловіе къ «Своду матеріаловъ»,— посторонній промыселъ является неизбѣжнымъ условіемъ крестьянскаго хозяйства. Часть населенія ищетъ заработковъ вдали отъ семьи и родины и занимается отхожими промыслами: идетъ въ города для торговли или найма, работаетъ на фабрикахъ и заводахъ; нанимается на сельскія работы тамъ, гдѣ требуются рабочія силы; идетъ въ извозъ; составляетъ ватаги; тянетъ лямку,—однимъ словомъ, ищетъ работы и лишнюю копейку вездѣ, гдѣ только можетъ найти то и другое. Трудно сказать, гдѣ эти люди: они вездѣ и нигдѣ, переходятъ отъ одного промысла къ другому, изъ одного мѣста въ другое, отъ одного хозяина къ другому; трудъ и заработокъ ихъ неуловимы. Другая часть населенія сидитъ дома и занимается ремесломъ въ кругу семьи. Свободное отъ сельскихъ работъ время, длинныя зимы, а чаще всего непроизводительность труда, затрачиваемаго на тощій надѣлъ и неблагодарную почву, заставляютъ его искать постояннаго заработка, спеціализировать свой трудъ. Такимъ образомъ возникла сельская ремесленность, какъ принадлежность сельскаго быта, почти совершенно независимая отъ городской ремесленности и фабричной производительности, обращающихся въ опредѣленныхъ законодательствомъ формахъ, имѣющихъ свои уставы. Предназначенная сначала для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ самого сельскаго населенія, ремесленность эта скоро пріобрѣла значеніе самостоятельной формы производительности, такъ называемой кустарной промышленности. Кустари—не случайные работники: кустарный трудъ постояненъ и требуетъ подготовки; онъ представляетъ что-то вродѣ организаціи. Какъ бы ни работалъ кустарь,—на себя, на фабрику или частнаго предпринимателя, на артель, — онъ держится извѣстныхъ пріемовъ, извѣстнаго рынка, извѣстныхъ преданій. У него есть свой, хотя и неписанный, ремесленный, торговый уставъ, часто нарушаемый, но тѣмъ не менѣе имѣющій авторитетъ. Масса кустарной работы громадна, кустари существуютъ сотнями тысячъ, производятъ на десятки милліоновъ рублей,— вотъ и все, что о нихъ знаютъ».

III.

Между отхожими и кустарными промыслами не существуетъ рѣзкой границы. Въ этомъ еще больше убѣждаетъ помѣщенный въ «Трудахъ» комиссіи очеркъ кустарной промышленности въ Ставропольской губерніи.

Всѣхъ кустарниковъ въ губерніи, со включеніемъ подмастерьевъ и вообще работающихъ, какъ артелью, такъ и за условленную съ хозяиномъ цѣну, считается 2.470 человѣкъ на 432.473 человѣка всего населенія. Слѣдовательно, на 175 человѣкъ приходится одинъ ремесленникъ или 0,5% всего населенія.

Ставропольскую губернію въ ея внутреннихъ надобностяхъ удовлетворяетъ преимущественно пришлый ремесленникъ. Почти нѣтъ ни одной губерніи въ Россіи, которая не высылала бы въ нее своихъ работниковъ; въ ней есть ремесленники, пришедшіе не только изъ Сибири и Амурской области, но даже и турецкіе подданные. Жители другихъ губерній, занимающіеся кустарными промыслами въ Ставропольской губерніи, составляютъ 62,8%. Наибольшій процентъ кустарей даютъ губерніи: Калужская — 25,5%, Рязанская — 21,3%, Воронежская—15,2%, Курская—9,2%, Тамбовская — 5,5%, Орловская — 5,2%, Тульская—4%, Владимірская—1%, Затѣмъ остальныя 25 губерній, съ кустарями изъ отставныхъ солдатъ и турецкихъ подданныхъ, высылаютъ въ Ставропольскую губернію 12,8%.

Главныя потребности мѣстнаго населенія, которымъ удовлетворяютъ кустари, составляютъ самыя простыя, первыя надобности крестьянства, начиная съ постройки избы и кончая горшками для домашняго хозяйства. Для удовлетворенія этихъ надобностей Ставропольская губернія выставляетъ изъ своего коренного населенія самое ничтожное число рабочихъ. Такъ, всѣхъ плотниковъ въ Ста-

вропольской губерніи считается 347 человѣкъ, и изъ нихъ лишь 25 человѣкъ—мѣстные коренные жители, а остальные — всѣ пришлые. Калужская губернія высылаетъ въ Ставропольскую 74 плотника, Курская — 52 плотн., Орловская — 33, Воронежская—29, Тульская—19, Тамбовская—10, Харьковская и Черниговская—по 6, Пензенская и Саратовская—по 5, Астраханская—3, Нижегородская, Петербургская и Терская область—по одному. Какъ ни незначительно это число плотниковъ, но оно вполнѣ удовлетворяетъ мѣстнымъ надобностямъ, потому что бо́льшая часть жилыхъ и нежилыхъ строеній — землебитныя или изъ саманнаго кирпича. Постройки землебитныя и изъ саманнаго кирпича производятъ сами крестьяне. Лѣсъ же идетъ съ Дона. Поэтому понятно, что онъ дорогъ, и деревянный домъ служитъ уже признакомъ зажиточности. Ясно, слѣдовательно, что плотникъ есть роскошь, доступная немногимъ. Конечно, можно спросить, почему, при небольшой потребности въ плотникахъ, они не создаются на мѣстѣ; можно спросить, почему ни одной изъ своихъ первыхъ надобностей губернія не удовлетворяетъ собственными средствами и не можетъ обойтись безъ искусныхъ пришлыхъ людей? Наконецъ, нѣкоторыя изъ мѣстныхъ потребностей, тоже довольно настоятельныхъ, оказываются совершенно ничтожными. Изъ перечня занятій станутъ читателю совершенно ясны бѣдность губерніи въ ремесленныхъ производителяхъ и ограниченность потребности населенія. Напримѣръ, печниковъ въ губерніи всего только 75 человѣкъ; изъ нихъ лишь 23 изъ мѣстнаго населенія, а остальные 52 приходятъ изъ губерній: Калужской, Воронежской, Курской, Тульской, Орловской, Харьковской, Черниговской. Малое число печниковъ объясняется тѣмъ, что крестьяне, особенно малороссы, устраиваютъ сами себѣ печи изъ глины и очень часто безъ трубъ. Конечно, при такой первобытности требованіе на печниковъ и не должно быть особенно велико.

Стекольщики—еще бо́льшая рѣдкость. Всѣхъ стекольщиковъ въ губерніи 24 человѣка, и изъ нихъ только 8 изъ мѣстнаго населенія. Это невообразимо малое число стекольщиковъ объясняется тоже особенными условіями Ставропольской губерніи. По недостатку лѣсовъ, въ ней неразвиты лѣсные промыслы и почти вовсе не существуетъ древо-обрабатывающей промышленности. Поэтому, вмѣстѣ съ разнымъ щепнымъ товаромъ, которымъ снабжаютъ Ставропольскую губернію сѣверныя лѣсныя губерніи, идутъ и готовыя рамы со вставленными стеклами. Столярное производство тоже неразвито, и при ограниченныхъ потребностяхъ мѣстнаго населенія ему очень мало дѣла. Всѣхъ столяровъ въ губерніи 60 человѣкъ; изъ нихъ только 36 человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей, остальные изъ другихъ губерній Россіи. Въ соотвѣтственномъ отношеніи къ столярамъ, печникамъ, стекольщикамъ, плотникамъ находятся и остальные мастера домостроительнаго дѣла. Такъ, штукатуровъ, кровельщиковъ, красильщиковъ, пильщиковъ и кирпичниковъ считается въ губерніи всего 40 человѣкъ. Этихъ цифръ совершенно достаточно, чтобы составить вполнѣ ясное понятіе о первобытности потребностей населенія и о томъ экономическомъ уровнѣ, на которомъ оно стоитъ. Мѣстное населеніе обходится, какъ видно, во всемъ своими домашними средствами. Даже шитье одежды, и то не нуждается въ ремесленной производительности, ибо во всей Ставропольской губерніи этимъ дѣломъ занимается только 414 человѣкъ, въ томъ числѣ портныхъ 250, шубниковъ 31, сапожниковъ 119 и шапочниковъ 4 человѣка. Самое большое число портныхъ даетъ Калужская губернія — 122 человѣка; мѣстныхъ же ставропольскихъ портныхъ и шубниковъ только 62. Шапочники—всѣ изъ Рязанской губерніи.

Громадное овцеводство и скотоводство, простирающееся свыше 3 милліоновъ головъ, должно бы давать Ставропольской губерніи возможность для развитія очень важной шерстяной промышленности. А между тѣмъ всѣхъ людей, занимающихся обработкою продуктовъ овцеводства и скотоводства, только 496 человѣкъ: изъ нихъ овчинниковъ 313, шерстобитовъ и полстоваловъ 107 и кожевниковъ 76. И тутъ Ставропольская губернія выставляетъ наименьшее число рабочихъ. Изъ общаго числа овчинниковъ она даетъ только 75 человѣкъ, а остальные являются изъ Россіи. Шерстяное производство не подняло выше домашняго приготовленія пряжи и домашняго тканья сукна.

Ставропольская губернія находится въ исключительномъ географическомъ положеніи. Занимая степную мѣстность, она очень нуждается въ водѣ, а такъ какъ источниковъ и колодцевъ въ ней почти нѣтъ, то во время сельскихъ работъ вода для водопоя и для потребности рабочихъ привозится на мѣсто въ бочкахъ. Богатые крестьяне, смотря по числу рабочихъ и скота, держатъ на таборѣ отъ 8 до 10 сорокаведерныхъ бочекъ, не считая мелкихъ боченковъ и кадушекъ, въ которыхъ вода разносится рабочимъ. Этотъ наиболѣе развитый бондарный промыселъ даетъ Ставропольской губерніи 211 бондарей. Изъ нихъ мѣстное населеніе доставляетъ 34 человѣка.

Остальныя промышленности даютъ дѣло самому ничтожному числу кустарей. Колесниковъ въ губерніи—74 человѣка, токарей—2, пряничниковъ—6, гребенщиковъ — 1 и, наконецъ, 59 человѣкъ гончаровъ. Преобладающее большинство кустарниковъ работаетъ въ-одиночку или съ работниками и только 14,9% работаетъ небольшими артелями—отъ 2 до 4 человѣкъ.

Если во всякой экономической дѣятельности есть свои минимумы и максимумы, то, конечно, Ставропольская губернія въ отношеніи кустарной промышленности должна изображать или крайній минимумъ, или величину, очень близко къ нему подходящую. Губернія эта находится въ первоначальномъ періодѣ экономическаго развитія, когда каждый человѣкъ удовлетворяетъ своимъ надобностямъ по возможности самъ: онъ самъ строитъ себѣ домъ, самъ шьетъ обувь, платье, самъ изготовляетъ не-

сложныя принадлежности домашняго хозяйства и только въ тѣхъ случаяхъ, когда собственнаго умѣнья не хватаетъ, онъ обращается къ помощи мастера. Но и этихъ надобностей у ставропольскаго населенія такъ немного, что всѣмъ имъ удовлетворяютъ вполнѣ колесникъ, скорнякъ, бондарь да гончаръ. Понятно, что число ремесленниковъ, удовлетворяющихъ такимъ простымъ и ограниченнымъ надобностямъ, должно быть очень невелико. И дѣйствительно, на всю губернію приходится ихъ только 2.000, и изъ нихъ $^3/_4$ пришлаго люда, перенесшаго свой трудъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ оказывался ненужнымъ. Кромѣ предложенія труда въ пришлой формѣ, ставропольцамъ предлагается трудъ въ формѣ издѣлій, изготовленныхъ въ другихъ мѣстностяхъ; что же касается самихъ ставропольцевъ, то они, удовлетворяясь этими двумя формами чужого труда, сами, какъ видно, весьма медленно двигаются по пути промышленнаго развитія.

IV.

Не ограничиваясь изслѣдованіемъ кустарной промышленности въ Россіи, комиссія предложила собрать свѣдѣнія о мелкой промышленности за границей. Для этого она обратилась къ г. Исаеву, извѣстному своими изслѣдованіями кустарной промышленности въ Московской губерніи, и къ магистру дерптскаго университета, г-ну Туну, посланному, какъ и г. Исаевъ, за границу насчетъ русскаго правительства. Свѣдѣнія, представленныя г. Исаевымъ и г. Туномъ, составляютъ весьма цѣнный матеріалъ для сравненія состоянія народной производительности за границей и у насъ.

За границей не существуетъ кустарнаго производства въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ, и на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Буда-Пештѣ обнаружилось, что въ каждой странѣ съ этимъ названіемъ связываются различныя понятія, и каждый изъ статистиковъ имѣетъ на него свой взглядъ.

Въ Западной Европѣ производство предметовъ первой потребности ушло уже настолько далеко отъ формы, которая усматривается, наприм., въ Ставропольской губ., что первобытный порядокъ производства принялъ два вида: ремесленную, удовлетворяющую личнымъ потребностямъ каждаго заказчика, и фабричную, или мануфактурную, производящую торговлю оптомъ безъ заказа. Ремесленная форма тоже уже начинаетъ уступать мѣсто формѣ фабричной и исчезаетъ все болѣе и болѣе, и домашній производитель уступаетъ свое мѣсто фабричному рабочему.

Причина этого проста. По мѣрѣ того, какъ производитель производилъ больше и терялъ непосредственно изъ вида своего заказчика, работая на неизвѣстнаго потребителя, ему приходилось обращаться къ посреднику, который отыскивалъ рынокъ для его издѣлій. Производитель отдавался все въ бо́льшую и бо́льшую зависимость комиссіонера, и тотъ не только продавалъ его произведенія, но и сталъ, наконецъ, снабжать его матеріаломъ для производства. Этимъ путемъ самостоятельный мастеръ перешелъ шагъ за шагомъ въ простого работника по найму. Такъ какъ переворотъ въ формѣ производства случился вслѣдствіе перемѣны условій сбыта, т. е. вмѣсто того, чтобы работать на извѣстнаго потребителя или заказчика, пришлось работать на неизвѣстнаго потребителя и случайнаго заказчика, то, конечно, руководителями и хозяевами дѣла должны были выйти тѣ люди, которые были лучше знакомы съ условіями сбыта, т. е. купцы. Комиссіонеръ, посредникъ, купецъ, стремясь къ расширенію своего дѣла, стараясь захватывать все большій и большій рынокъ и забирать въ свои руки большее и большее число производителей, придалъ, наконецъ, прежней домашней, или, по нашему, кустарной, производительности капиталистическій характеръ. Эта новая форма производства очень поощрялась правительствами Европы, и капиталъ получалъ все большее преобладаніе надъ трудомъ. При этомъ капиталистъ-фабрикантъ, въ интересахъ своей собственной выгоды, старался пріобрѣсти техническія знанія, и одиноко стоящій рабочій очутился, наконецъ, не только въ денежной, но и въ умственной зависимости отъ него.

Впрочемъ, и у фабричной промышленности есть свой предѣлъ, дальше котораго она идти не можетъ и ниже котораго не можетъ поставить производителя. Раздѣленіе труда, доведшее рабочаго во многихъ отрасляхъ производства до полнаго отупѣнія, встрѣтило, наконецъ, противовѣсъ въ той самой формѣ производства, противъ которой оно возстало. Ремесленная форма производства, считавшаяся англійскими экономистами одной изъ первоначальныхъ ступеней экономическаго развитія, получила во Франціи, или, точнѣе, въ Парижѣ, такое высокое развитіе и выработала, наконецъ, такого искуснаго производителя, что гуртовое фабричное производство, съ его тенденціей къ пониженію платы рабочему, должно было уступить ремесленнику. Въ парижскомъ производствѣ работникъ занимаетъ все болѣе и болѣе видное мѣсто, и искусный работникъ является хозяиномъ своего дѣла. Вслѣдствіе этого, въ противоположность прежнему стремленію производства къ большему размѣру и къ сосредоточенію массы рабочихъ на громадной фабрикѣ въ рукахъ одного хозяина, явилось стремленіе, при которомъ спеціальныя производства все больше обособляются, промышленныя же заведенія становятся меньше, и рабочій снова тянется къ работѣ на дому, въ своей семьѣ.

Въ парижскомъ производствѣ главную роль играютъ искусство и умѣнье рабочаго. Парижъ, напр., славится гравировкою на стали почтовой бумаги и конвертовъ. Искусство, красота работы и вкусъ составляютъ въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ парижскомъ производствѣ, главное требованіе. Понятно, что чѣмъ выше искусство работника, тѣмъ онъ больше цѣнится и тѣмъ выше получаетъ плату. Искусные гравировальщики,

работая отъ 9 до 10 часовъ въ день, получаютъ отъ 50 до 60 франковъ въ недѣлю. Работа эта производится на дому, и только молодежь предпочитаетъ работу въ мастерской, гдѣ собирается веселая компанія.

Шлифованіе стекла и хрусталя требуетъ тоже весьма искуснаго работника, и чтобы сдѣлаться настоящимъ шлифовальщикомъ, надо работать отъ 5 до 10 лѣтъ.

Въ живописи на фарфорѣ рисовальщикъ зарабатываетъ до 10 франковъ въ день, и лучшіе изъ нихъ—не ремесленники, а уже настоящіе художники, пользующіеся почетомъ и уваженіемъ.

Издѣлія изъ британскаго металла составляютъ довольно сложное производство. Сначала вещи изготовляются въ грубомъ видѣ и затѣмъ отдѣлываются. Золотильщики, эмальировщики и граверы работаютъ на дому поштучно, и первые получаютъ 8, а граверы—10 франковъ въ день.

Издѣлія изъ черепахи, слоновой кости, перламутра, которыми такъ щеголяетъ Парижъ, даютъ занятія по меньшей мѣрѣ 300 рабочимъ. Издѣлія эти требуютъ также, какъ и другія, большого искусства, и хорошій работникъ, работая у себя на дому, получаетъ до 10 франковъ въ день.

Издѣлія изъ сафьяна, для производства которыхъ не требуются машины, изготовляются большею частью на дому. Только гуртовой товаръ приготовляется въ мастерскихъ. Дѣломъ этимъ занимаются не только мужчины, но женщины и дѣти, и рабочій на дому, работая съ семьей, добываетъ въ день до 15 франковъ.

Золоченыя издѣлія, которыми Парижъ славится въ особенности, изготовляются безъ всякихъ машинъ, просто рукой. Слѣдовательно, количество и изящество работы зависятъ исключительно отъ искусства мастера. Издѣлія, приготовляемыя изъ мѣдной проволоки или изъ никеля, очень часто мѣняются въ своихъ рисункахъ, примѣняясь къ измѣняющемуся вкусу публики, и потому понятно, что въ этомъ производствѣ главную роль играетъ лицо, заправляющее дѣломъ. Поэтому же только самыя простыя вещи приготовляются рабочими на дому, а лучшія дѣлаются въ мастерской. Впрочемъ, въ Парижѣ есть нѣсколько и мелкихъ самостоятельныхъ мастеровъ, настолько развитыхъ и образованныхъ, что они работаютъ въ собственной мастерской, какъ самостоятельные производители.

Проволочныя издѣлія составляютъ тоже спеціальность Парижа и пріобрѣли себѣ извѣстность и запросъ, благодаря вкусу и таланту хозяевъ и мастеровъ. Производство это не требуетъ никакихъ машинъ и обходится съ самыми простыми инструментами. Такъ какъ работа легка, то въ ней принимаютъ участіе и женщины, и подростки, и отдѣльная плата имъ колеблется между 3, 7 и 8 франками. Взрослые получаютъ отъ 50 до 60 франковъ въ недѣлю.

Роскошныя плетеныя корзинки составляютъ тоже принадлежность парижскаго производства. Впрочемъ, съ Парижемъ начинаетъ конкуррировать уже Германія, да и въ самой Франціи плетеніемъ занимается не собственно Парижъ, а окрестныя селенія, гдѣ эта промышленность составляетъ домашнее производство, которымъ заняты мужчины, женщины и дѣти.

Конечно, парижская промышленность пока еще не создала ремесленнику полной самоятельности. Хотя многія издѣлія, для производства которыхъ не требуется машинъ, изготовляются мастерами на дому, но въ сущности парижское производство — все еще производство капиталистическое.

Парижъ представляетъ новый примѣръ перехода домашнихъ работъ въ домашнюю промышленность. Прежній домашній производитель или ремесленникъ, готовившій предметы на отдѣльное лицо, начинаетъ работать уже на громадные магазины. Магазины, торговые дома, усиливаясь расширить свои дѣли, стараются забирать въ свои руки міровые рынки и прежнюю отдѣльную домашнюю производительность превращать въ промышленность, дающую занятіе десяткамъ тысячъ рабочихъ на дому. Примѣромъ этого вновь возникающаго движенія служитъ изготовленіе одежды. Старый способъ удовлетворенія потребности, когда покупатель шелъ въ маленькую лавочку или къ портному-хозяину, имѣющему свою мастерскую, уже не удовлетворяетъ возникающему разнообразію вкусовъ и общему стремленію къ дешевизнѣ. Прежнюю мелкую лавочку или небольшую хозяйскую мастерскую смѣняетъ теперь большой магазинъ, стоящій во главѣ обширнаго производства, соединяющаго въ себѣ многія отдѣльныя ремесленности и цѣлую массу отдѣльныхъ производителей, работающихъ на дому. При прежнемъ способѣ производства, имѣвшемъ ремесленный характеръ, напр., невѣста, которой нужно было приданое, раздавала работу отдѣльнымъ швеямъ или приглашала ихъ къ себѣ, и все, что ей было нужно, изготовлялось домашнимъ образомъ. Теперь этотъ способъ уступаетъ мѣсто другому способу, болѣе выгодному: та же невѣста отправляется въ большой магазинъ, предлагающій ей выборъ предметовъ самыхъ разнообразныхъ по качеству, достоинству и цѣнамъ, и получаетъ все гораздо скорѣе, лучше и дешевле, чѣмъ могла бы приготовить дома. Французскіе магазины изготовляютъ не только всевозможное бѣлье, но и платье, и всякія мелкія принадлежности туалета. Заготовка дѣлается гуртомъ, не по мѣркѣ; въ платьяхъ дѣлаются только главные швы, затѣмъ портные, состоящіе при магазинѣ, пригоняютъ платье по покупателю. Расширяя свое производство и стремясь сдѣлаться всемірнымъ рынкомъ, Парижъ, благодаря развитому вкусу своихъ работниковъ и работницъ, сталъ законодателемъ модъ и скоро превратился въ главный модный магазинъ Европы. Большіе магазины Парижа приняли теперь такую систему. Они разсылаютъ ко всѣмъ богатымъ людямъ Германіи циркуляры съ обозначеніемъ цѣнъ своихъ издѣлій и просятъ прислать къ нимъ мѣрки. Вещь изготовляется въ точности и доставляется аккуратно. Этимъ способомъ, какъ говоритъ

г. Тунъ, французы вытѣснили на Рейнѣ нѣмцевъ изъ ихъ собственной страны.

До какого размѣра дошла теперешняя домашняя промышленность въ производствѣ принадлежностей туалета, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Женскихъ и дѣтскихъ костюмовъ производится въ Парижѣ на 75.000.000 франковъ и дается работа 20.000 работниковъ и работницъ. Шитьемъ женскихъ платьевъ занято 15.000 рабочихъ, изготовляющихъ товару на 60.000.000 франк. Мужской одежды шьется на 30.000.000 франковъ. Искусственныхъ цвѣтовъ дѣлается на 25.000.000 франковъ. Перьевъ для шляпъ приготовляется на 15.000.000 фр. Изготовленіемъ шляпъ и куафюръ занято 8.000 работницъ, производящихъ товара на 23.000.000 франк. Волосяная промышленность доставляетъ товара на 30.000.000, и во Франціи срѣзывается ежегодно волосъ съ женскихъ головъ 80.000 килограммовъ или 5.000 пудовъ. Прежде этого количества волосъ доставало для французской промышленности, но 12 лѣтъ тому назадъ потребность возросла, и теперь привозятъ волосы изъ-за-границы. Въ 1873 г. было ввезено 97.537 килограммовъ, а вывезено 44.000 килограммовъ невыдѣланныхъ волосъ и 43.000 выдѣланныхъ, всего на 10 мил. Въ одномъ Парижѣ живетъ 2.000 парикмахеровъ съ 5.000 рабочихъ. Шляпное производство доставляетъ товара на 120 мил. франковъ.

Примѣръ Парижа начинаетъ проникать и въ Германію. Г. Тунъ говоритъ, что въ Мальмеди, близъ Аахена, производится успѣшно крестьянскими дѣвушками фабрикація простыхъ крестьянскихъ зипуновъ. Близъ Билефельда, въ Вестфаліи, болѣе 1.000 швейныхъ машинъ работаютъ въ крестьянскихъ домахъ. Дѣвушки сшиваютъ на нихъ мужскія рубашки изъ вестфальскаго полотна и куртки или жакетки изъ орлеана. Въ Берлинѣ существуетъ самое обширное въ свѣтѣ производство бурнусовъ.

Теперешній моментъ промышленности представляетъ чисто-переходную форму и выражается въ борьбѣ, въ которой личная производительность пытается, гдѣ только можно и насколько можно, ослабить фабричное и заводское производства, превращавшія массы рабочихъ въ безнадежный пролетаріатъ. Въ то время, какъ прежняя машинная промышленность стремилась лишь къ тому, чтобы предлагать свои услуги громаднымъ фабрикамъ, поглощавшимъ отдѣльнаго производителя, теперешняя старается изготовлять машины, требующія малой силы и удовлетворяющія спросу небогатаго производителя. Если въ настоящее время швейное производство мѣстами какъ бы стремится принять фабричный характеръ, и есть заведенія, въ которыхъ работницы собираются въ большихъ мастерскихъ, то въ то же время въ характерѣ улучшенія швейныхъ машинъ замѣтна тенденція сдѣлать ихъ возможными для употребленія въ домашней промышленности. Явились машины, для которыхъ нужна очень малая сила. Ножной приводъ замѣненъ въ нихъ ручнымъ, и къ нимъ удобно примѣнить самые маленькіе паровые двигатели, такъ что машины являются чисто-домашнимъ орудіемъ. На парижской выставкѣ былъ особенно силенъ отдѣлъ тканья и вязанья, напр., чулковъ, штановъ, куртокъ и т. п. Были выставлены машины нѣсколькихъ системъ, и нѣкоторыя изъ нихъ по своей дешевизнѣ, между 300—500 франк., назначались исключительно для работы въ семьяхъ. Во Франціи есть округи, въ которыхъ вязанье составляетъ мѣстный промыселъ населенія, такъ что подобныя машины были бы очень удобны для мѣстныхъ производителей, ибо дали бы имъ возможность не только бороться, но и конкуррировать съ фабричнымъ производствомъ. На той же выставкѣ было множество различныхъ двигателей: небольшія паровыя машины въ двѣ лошадиныя силы, въ $^1/_3$ силы, въ $^1/_2$ силы и въ одну силу; были машины въ три и четыре человѣческія силы. Наконецъ, находился замѣчательный маленькій двигатель Дюфора, въ 120 фр., который приводится въ движеніе и водою, и сжатымъ газомъ и примѣнимъ для всѣхъ инструментовъ и машинъ, не требующихъ большой силы. «Его можно оставить на всякій столъ,—говоритъ г. Тунъ:—онъ не требуетъ спеціальныхъ построекъ; въ немъ полное отсутствіе ремней и валовъ, нѣтъ двигающаго колеса, нѣтъ мертвой точки и управлять имъ можетъ очень легко работникъ. Чтобы приводить въ движеніе швейную машину, аппаратъ этотъ требуетъ 400—500 литровъ въ часъ и давленіе въ 20 метровъ».

Парижская промышленность съ тѣми возможностями, которыя представляются для будущаго развитія домашней, семейной промышленности, служитъ лишь указаніемъ на то новое направленіе, которое принимаетъ промышленность въ своемъ стремленіи освободиться отъ капиталистическаго производства. То, что сдѣлалось до сихъ поръ, конечно, еще не даетъ возможности предусмотрѣть, какимъ образомъ совершатся мирная борьба и торжество мелкаго отдѣльнаго производителя съ гуртовымъ фабричнымъ производствомъ. Но несомнѣнно, что та же самая машина, которая въ прошедшемъ столѣтіи убила все домашнее производство и, разрушивъ семью работника, загнала его съ женою и дѣтьми на фабрику и превратила въ фабричнаго пролетарія,—та же самая машина, наконецъ, воротитъ рабочаго въ его семью и дастъ промышленности домашній характеръ, образчики котораго уже и начинаютъ слагаться въ мелкой парижской промышленности. Промышленность эта, дающая занятіе сотнямъ тысячъ парижскаго населенія, совершенно утратила свой фабричный характеръ. Конечно, фабричное и заводское производства сохранятся для нѣкоторыхъ отраслей и видовъ промышленности, но они сохранятся лишь для тѣхъ издѣлій, производство которыхъ невозможно на дому ручнымъ трудомъ, и, вслѣдствіе необходимости сосредоточиванія въ одномъ мѣстѣ большой массы силъ, будутъ совершаться большими машинами и сконцентрированной массой рабочихъ. Парижская промышленность въ этомъ отношеніи является лишь піонеромъ какого-то лучшаго, но еще невыяснившагося и несознаннаго будущаго.

Парижская же промышленность представила факты въ подтвержденіе того, насколько выигрываетъ всякое производство, если оно находится въ рукахъ развитого, умнаго и образованнаго работника.

Система раздѣленія труда, выгоды которой были такъ блистательно доказаны Адамомъ Смитомъ, привела къ тому, что фабричный рабочій потерялъ даже человѣческій видъ. Конечно, Адамъ Смитъ не думалъ доказывать, что отупѣніе рабочаго есть необходимое условіе успѣха промышленности. Напротивъ, онъ требовалъ рабочихъ развитыхъ и знающихъ, но недоразумѣніе его послѣдователей заключалось въ томъ, что они смѣшали навыкъ, пріобрѣтаемый рабочимъ при крайней системѣ раздѣленія труда, съ развитіемъ рабочаго вообще. Теоретическіе писатели новѣйшей экономической школы какъ ни ратовали противъ системы раздѣленія труда, но всѣ ихъ теоретическіе протесты не привели ни къ чему, пока самъ рабочій не явился къ себѣ на помощь. Помощь эта заключалась въ томъ, что рабочій, овладѣвъ средствами знанія и умственнаго развитія, почувствовалъ въ себѣ силу для борьбы съ прежнимъ фабричнымъ направленіемъ.

И въ Германіи начинаются уже попытки дать рабочему средства выбиться изъ его зависимаго положенія. Въ «Трудахъ» комиссіи есть весьма интересныя свѣдѣнія, сообщенныя г. Исаевымъ о нѣкоторыхъ мелкихъ промыслахъ въ Германіи. Въ Рудныхъ горахъ давно уже существовалъ игрушечный промыселъ, и въ прошедшемъ столѣтіи всѣ производители были равны между собою,—всѣ они были одинаково мелкими хозяевами, всѣ возили на собственныхъ лошадяхъ товаръ на продажу въ Лейпцигъ и на другія менѣе значительныя ярмарки. Но вотъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, изъ промышленниковъ выдѣлилось нѣсколько болѣе способныхъ, ловкихъ и даровитыхъ людей, которые, владѣя кой-какими средствами, стали захватывать въ свои руки игрушечный промыселъ. Это имъ удалось, наконецъ, настолько, что они захватили все игрушечное производство и стали посредниками между производителями и рынками для сбыта ихъ произведеній. Однимъ словомъ, та общая перемѣна въ системѣ, о которой мы говорили по поводу Франціи, и которая овладѣла повсюду промышленнымъ движеніемъ, явилась и въ Германіи. Въ Рудныхъ горахъ въ настоящее время—20 торговцевъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ отъ 4 до 20 тысячъ игрушечныхъ мастеровъ. Игрушечный промыселъ есть единственное ихъ занятіе и единственный источникъ ихъ доходовъ. Во главѣ мастерской стоитъ мужъ; помощникомъ его служитъ жена и даже дѣти; однимъ словомъ, всякій изъ семьи, кто въ состояніи только работать, помогаетъ отцу. У подобной крестьянской семьи все земельное имущество заключается въ какой нибудь полудесятинѣ подъ домомъ и небольшимъ огородомъ съ нѣсколькими грядами картофеля и лужайкой для прокормленія одной козы. У большинства игрушечниковъ нѣтъ собственнаго помѣщенія, и они нанимаютъ 1 или 2 комнаты у крестьянъ или мастеровъ. Раздѣленіе труда довольно слабо, и вся работа распредѣляется между тремя группами производителей — столярами, токарями и красильщиками. Изъ нихъ токари—самый безпомощный людъ, а между тѣмъ токари считаются самостоятельными хозяевами. Что же можетъ сдѣлать и что зарабатываетъ этотъ самостоятельный хозяинъ? Напр., токарь-кегельщикъ дѣлаетъ въ день 2 дюжины игръ по 60 фениговъ за каждую дюжину; изъ заработанныхъ 120 фениговъ онъ долженъ заплатить 80 фениговъ за матеріалъ и за мѣсто на токарномъ станкѣ, такъ что чистый заработокъ въ день составляетъ 40 фениговъ, или 12 коп. серебромъ. Другіе токари получаютъ не больше, и только тѣ изъ нихъ, которые вытачиваютъ болванки для туловища животныхъ — слоновъ, лошадей, собакъ, получаютъ $1^1/_2$ марки въ день. Этотъ исключительный заработокъ достается потому, что токари, вытачивающіе болванки для туловищъ, отличаются особеннымъ искусствомъ и такимъ развитіемъ, которое не требуется, напр., отъ токарей, вытачивающихъ кегли, свистульки и волчки. Ничтожный заработокъ держитъ, конечно, мѣстное населеніе впроголодь. Если же рабочій живетъ на хозяйскихъ харчахъ, то, какъ выражается г. Исаевъ, харчи эти вполнѣ нѣмецкія: утромъ—черный кофе съ хлѣбомъ, за обѣдомъ—водянистый супъ (Wassersuppe) и картофель, за ужиномъ—опять картофель. Кромѣ того, хозяева и купцы держатъ рабочаго вполнѣ въ своихъ рукахъ, потому что они одни знаютъ настроеніе рынка и сообразно съ этимъ настроеніемъ дѣлаютъ заказы. Заработная плата сведена до послѣдняго минимума. Есть, напримѣръ, солдатики, которые продаются по 6 коп. за 60 штукъ. Каждаго солдатика нужно вырѣзать, выкрасить нѣсколькими красками, придѣлать къ туловищу руки, ноги и т. д. Двѣнадцать игръ кегель, т. е. 108 штукъ, выточенныхъ очень тщательно, стоятъ 60 фениговъ. Въ этой дешевизнѣ обвиняютъ соперничество, существующее между рабочими, которые готовы понизить цѣну до послѣдней степени, лишь бы заработать хоть что нибудь. Но едва ли за это можно обвинить рабочихъ. Они положительно въ рукахъ торговцевъ, сплотившихся тѣсно между собою и потому дѣйствующихъ дружно и согласно: какая цѣна будетъ установлена однимъ, та же самая будетъ принята и всѣми остальными. Рабочій совершенно безполезно будетъ переходить отъ одного торговца къ другому, и ни одинъ изъ нихъ не дастъ больше. Только въ крайнихъ случаяхъ цѣна зависитъ отъ рабочаго напр., если онъ изобрѣтетъ какую нибудь особенную игрушку, которая, по соображеніямъ торговца, можетъ имѣть успѣхъ на рынкѣ, рабочій назначаетъ цѣну отъ себя; но и эта цѣна не удержится долго, потому что рабочій не можетъ гарантировать своего изобрѣтенія. Напр., недавно одинъ изъ рабочихъ придумалъ довольно хитрую игрушку: изъ небольшого ящика, если подавить пружинку, выскакиваютъ левъ и цѣлящій въ него охотникъ. Изобрѣтатель взялъ съ продавца по $1^1/_2$ марки за штуку, но уже черезъ мѣсяцъ тайна изобрѣтенія стала извѣстной

и выскакивающій левъ продавался по маркѣ за штуку.

Подобный порядокъ существуетъ и въ Тюрингіи, въ которой игрушечный промыселъ даетъ занятіе 30—40 тысячамъ человѣкъ Большинство этого населенія имѣетъ работу въ теченіе двухъ, трехъ, четырехъ мѣсяцевъ въ году, когда они зарабатываютъ по двѣ марки въ день, и весь ихъ годичный доходъ составляетъ отъ 250 до 300 марокъ. Семья подобнаго рабочаго нуждается во всемъ. Если,—говоритъ г. Исаевъ,—у нея есть корова, эта семья продаетъ все масло и молоко, которое получитъ, не оставляя ничего даже для самыхъ малыхъ дѣтей. Главную ихъ пищу составляетъ картофель, да и тотъ безъ масла, которое имъ не по средствамъ. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ они въ недѣлѣ того дня, когда колбасники варятъ колбасу! По установившемуся обычаю, колбасники даютъ населенію воду, въ которой колбаса варится, даромъ. Это даровое угощеніе составляетъ для мѣстнаго населенія праздникъ, и чтобы сдѣлать большее число участниковъ въ немъ, отваръ разбавляютъ усердно холодной водой. «Съ ранняго утра большія толпы мужчинъ и женщинъ бѣгутъ съ горшками въ колбасныя, утѣшая себя надеждой имѣть въ этотъ день къ обѣду не только картофель, но и «мясной супъ»,—говоритъ г. Исаевъ.

Въ Тюрингіи рабочій находится точно также въ рукахъ купца, какъ и въ Рудныхъ горахъ, и цѣна держится тоже на минимумѣ. Мастеръ не смѣетъ взять помимо купца никакого заказа. Если онъ когда нибудь отважится на подобный смѣлый поступокъ, то будетъ наказанъ тѣмъ, что впередъ не получитъ отъ купца никакой работы.

Кромѣ того, игрушечныя и многія другія производства Германіи терпятъ отъ конкурренціи французовъ и американцевъ. Тюрингенская игрушечная промышленность упала сильно въ послѣднія 15 лѣтъ, подъ давленіемъ соперничества французскихъ игрушекъ, болѣе изящныхъ. Чтобы выдержать борьбу, нѣмецкимъ рабочимъ приходилось понижать цѣну, а, слѣдовательно, и работать хуже. Худшее качество работы сокращало ихъ рынокъ для сбыта и роняло цѣны. На бѣду тюрингенцевъ, къ соперничеству французовъ присоединилось еще и соперничество американцевъ. Американцы не только уменьшили сбытъ нѣмецкихъ игрушекъ, но заставили испугаться и шварцвальдскихъ часовыхъ мастеровъ. Это случилось въ 30-хъ годахъ, когда изъ Америки пошли часы значительно болѣе дешевые, чѣмъ шварцвальдскіе. Шварцвальдское производство — производство ручное; американцы же ввели изготовленіе часовъ по нормальнымъ образцамъ, всѣ части которыхъ поэтому могли производиться машиннымъ образомъ и въ большомъ количествѣ. Конечно, шварцвальдцамъ борьба оказалась невозможной, и въ промышленности наступилъ застой.

Чтобы помочь мелкому деревенскому производству Германіи и освободить его отъ давящаго соперничества французовъ и англичанъ, нѣмцы рѣшили давать своимъ рабочимъ ремесленное образованіе. Съ этою цѣлью устраивались повсюду школы, которыя въ концѣ концовъ не привели, однако, ровно ни къ чему, несмотря на то, что давали, повидимому, очень полезныя техническія знанія. Причинъ этому было нѣсколько. Напр., когда шварцвальдское производство дрогнуло отъ соперничества американцевъ, баденское правительство открыло школы для часовщиковъ. Конечно, школа не научила бы производить также дешево, какъ производятъ часы американцы, но, съ одной стороны, правительство хотѣло создать искусныхъ часовщиковъ, а съ другой, — думало завести въ Шварцвальдѣ изготовленіе карманныхъ часовъ. На деньги правительство не скупилось и не только принимало въ школу безплатно бѣдныхъ учениковъ, но и выдавало имъ еще и пособія. Очень можетъ быть, что правительству и удалось бы ввести въ Шварцвальдѣ производство тонкаго часового товара, который достигъ такого совершенства въ Швейцаріи; но въ дѣйствительности этого не случилось, конечно, потому, что подобныя вещи не совершаются удобно при посредствѣ правительственныхъ органовъ, даже если они отличаются нѣмецкимъ усердіемъ. Вторая причина заключалась въ томъ, что школы, поднимая вкусъ производителя, оставляли въ прежнемъ положеніи потребности потребителя. Если потребитель удовлетворяется вполнѣ предметами, не отличающимися особеннымъ вкусомъ, и удовлетворяется предметами грубыми, то онъ не возьметъ изящныхъ, которые къ тому же бываютъ всегда и дороже. Улучшеніе возможно только тогда, когда поднимется уровень спроса; поднять же цѣну предмета, когда для сбыта его не существуетъ рынка, значитъ уронить производство. Какъ ни были плохи нѣмецкія издѣлія, но они потому-то и продавались всѣ, что были плохи, а болѣе хорошія, а, слѣдовательно, и цѣнныя, должны были оставаться безъ сбыта. Наконецъ, германское правительство, заботясь объ одномъ техническомъ образованіи работника, не подумало объ его экономической свободѣ. Онъ вполнѣ зависѣлъ отъ купца, дававшаго ему и заказъ, и матеріалъ и не только назначавшаго ему произвольную цѣну, но и державшаго его въ кабалѣ. Не думая о строѣ промышленной жизни и внутреннихъ отношеніяхъ рабочихъ между собою и хозяевами, когда нѣмецкій рабочій, питавшійся «мяснымъ супомъ», готовъ былъ продать даже свою душу, правительство заботилось о томъ, чтобы въ этомъ несвободномъ, закабаленномъ человѣкѣ воспитать вкусъ и развить ловкость рукъ. Но что же могъ внести въ производство подобный рабочій своимъ развитымъ вкусомъ и своею ловкостью? Для него не только не было рынка и потребителя, но онъ попрежнему оставался въ кабальной зависимости отъ купца.

V.

Конечно, нашему русскому кустарю до парижской утонченной промышленности и парижскаго развитого художника-работника, «какъ до звѣзды небесной, далеко». Наши условія иныя, поэтому и

наши задачи совсѣмъ иныя. Парижская промышленность стоитъ, такъ сказать, выше потребности Франціи и творитъ для мірового рынка. Если французскіе портные шьютъ мужского платья на 300 милліоновъ франковъ, то, ясно, что носителями этого изящества являются всѣ франты европейскаго, а можетъ быть, и американскаго континента. Если модные магазины Парижа расширили свои сношенія до того, что имѣютъ свои отдѣленія во всѣхъ большихъ городахъ Европы и, кромѣ того, разсылаютъ еще циркуляры повсюду, куда только можно, то, ясно, что они работаютъ дальше Франціи. Изящный вкусъ, ручная ловкость, изобрѣтательность и многообразныя тонкія производства изъ черепахи, слоновой кости, перламутра и золоченой проволоки, конечно, не дѣло нашего кустаря, и примѣръ Франціи служитъ для насъ совсѣмъ инымъ урокомъ.

Довольно прослѣдить нашу кустарную промышленность, чтобы увидѣть, на кого она работаетъ. Въ то время, какъ Парижъ работаетъ для столицъ обоихъ полушарій, наша деревня не въ состояніи сготовить даже всего того, что ей нужно самой. Поэтому ей не только не приходится думать, какъ бы удовлетворить изящному вкусу вѣнскихъ, нью іоркскихъ и всякихъ другихъ щеголихъ и щеголей, но прожде всего нужно подумать о себѣ. Наша деревня нуждается пока въ грубыхъ и простыхъ вещахъ, въ производствѣ предметовъ ближайшей и непосредственной надобности, которымъ вполнѣ удовлетворяютъ простые телѣжники и столяры, простые кожевники, сапожники, шорники, скорняки, кузнецы, гончары; да и эти простыя потребности удовлетворяются еще далеко не вполнѣ. Напр., не только въ отдаленныхъ, лѣсистыхъ губерніяхъ, но даже въ Новгородской, пограничной съ Петербургомъ, вмѣсто свѣчей и лампъ, крестьяне жгутъ лучину. Село Семеновское, Костромской губерніи, изготовляетъ лаптей ежегодно на 100 тысячъ рублей; Забайкалье вовсе не знаетъ глиняной и фаянсовой посуды и даже пьетъ чай не изъ стакановъ, а изъ деревянной посуды. Большинство крестьянскаго мужского населенія до сихъ поръ носитъ зимою полотняныя азямы и панталоны и даже не собирается замѣнить ихъ суконными. Ясно, слѣдовательно, что не о производствѣ галантерейныхъ предметовъ можетъ быть рѣчь, когда приходится говорить о русскомъ кустарѣ, а объ удовлетвореніи надобности русскаго сельскаго населенія, которое и до сихъ поръ еще не замѣнило лаптей сапогами, носитъ полотняную одежду вмѣсто суконной, а мѣстами живетъ въ курныхъ избахъ ужъ, конечно, не потому, чтобы не нашлось печниковъ складывать печи съ трубами.

Всѣмъ этимъ надобностямъ удовлетворитъ, конечно, не фабрика, потому что едва ли ей и будетъ выгодно браться за подобныя первоначальныя, грубыя производства. Конечно, и фабричнымъ путемъ было бы возможно удовлетворить нѣкоторыя народныя надобности: ситцы, сукна, манчестеръ, который входитъ въ народное употребленіе, ужъ, разумѣется, выгоднѣе приготовлять фабричнымъ путемъ, также какъ стеклянную и фаянсовую посуду; но затѣмъ остается еще масса надобностей, удовлетворитъ которымъ не фабричное производство, а кустарь, и въ которыхъ никакая фабрика бороться съ нимъ не въ состояніи.

Въ распредѣленіи кустарнаго труда существуетъ, очевидно, неправильность. Есть мѣстности, какъ, напр., Ставропольская губернія, надобности которыхъ удовлетворяются пришлымъ трудомъ. Это наиболѣе распространенная форма удовлетворенія у насъ мѣстныхъ народныхъ нуждъ. Изъ конца въ конецъ Россіи бредутъ калужскіе, костромскіе, вологодскіе плотники и каменщики; они строятъ дома и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ губернскихъ городахъ, и въ деревняхъ; бродятъ изъ конца въ конецъ шерстобиты, шубники, и какъ только какое либо производство не требуетъ ни сложныхъ орудій, ни машинъ, а обходится простой пилой, топоромъ или иглой, то немедленно являются десятки, если не сотни, тысячъ бродячихъ рабочихъ, которые, оставляя весною свои деревни, бредутъ, почти на авось, отыскивая себѣ дѣло въ томъ или другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, каждую весну Россія представляетъ картину переселенія рабочихъ изъ мѣста въ мѣсто и бродяжество ручного труда, переносимаго изъ одной мѣстности въ другую. Кустарный промыселъ теряетъ свой семейный, домашній характеръ, становится отхожимъ и создаетъ цѣлую путаницу неустановившихся отношеній, зависящихъ отъ разныхъ случайностей, которыя влекутъ за собою послѣдствія неэкономическія и дѣйствуютъ весьма вредно на нравственный и семейный бытъ народа и даже на его здоровье.

Есть и еще одна форма труда, когда кустарь прилагаетъ свой трудъ на мѣстѣ и, вмѣсто рабочихъ рукъ, путешествуетъ изъ мѣста въ мѣсто то или другое издѣліе. Причина этого заключается въ неравномѣрномъ распредѣленіи естественныхъ богатствъ, дающихъ матеріалъ нашему кустарному производству. Ни въ одной странѣ не замѣчается такая неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала, какъ у насъ. Сѣверъ загроможденъ безконечными пространствами лѣсовъ, на югѣ же нѣтъ ни прута. Понятно, что кустарная или домашняя промышленность должна была очутиться въ зависимости отъ распредѣленія матеріала, какой ей предлагала та или другая мѣстность. Въ лѣсныхъ губерніяхъ водворились поэтому издѣлія изъ дерева, и древодѣльная промышленность однѣхъ губерній снабжаетъ населеніе другихъ ложками, чашками и всякихъ видовъ деревянной посудой и издѣліями, необходимыми для домашняго крестьянскаго хозяйства. Въ нихъ же явились плотники, столяры и другіе мастера этого рода. Гжель, гдѣ оказалась глина, создала въ своемъ округѣ фаянсовую промышленность; Улома съ деревнями, частью благодаря желѣзной рудѣ, создала у себя желѣзно-кузнечное производство; Тюмень, благодаря своимъ пажитямъ и простору, создала кожевенное производство и изготовленіе рукавицъ и сапоговъ для сибирскихъ промысловъ. Точно также исключительно мѣстныя условія вызвали на

югѣ Россіи овцеводство. Во всѣхъ этихъ случаяхъ кустари, пользуясь естественными богатствами своей мѣстности, создали и соотвѣтственную имъ промышленность, продуктами которой и снабжаютъ другія мѣстности. Такъ, Семеновскій уѣздъ разсылаетъ по всей Россіи свои ложки, село Семеновское—свои лапти, Улома—свои гвозди, Гжель—свою посуду, Тюмень—свои рукавицы.

Во всемъ этомъ распредѣленіи труда, въ формѣ путешествующихъ рабочихъ рукъ или въ формѣ путешествующаго продукта, прежде всего замѣчается частью случайность, частью зависимость отъ разныхъ искусственныхъ условій и обстоятельствъ, ставившихъ кустаря и все промышленное мѣстное населеніе въ положеніе въ большинствѣ случаевъ невыгодное. Идеаломъ распредѣленія кустарнаго труда была бы, конечно, такая его организація, при которой каждый округъ жилъ бы самъ въ себѣ и удовлетворялъ самъ своимъ ближайшимъ надобностямъ. Почему, спрашивается, шерстобитъ бродитъ, какъ цыганъ, съ юга на сѣверъ, отыскивая себѣ по деревнямъ работы? Зачѣмъ костромской, владимірскій или калужскій плотникъ бредетъ въ Ставропольскую губ. или въ Петербургъ? Зачѣмъ, подобно плотнику, бредутъ и печникъ, и штукатуръ, и маляръ, и портной, и шубникъ? Почему, напр., Петербургъ привлекаетъ каждый годъ къ себѣ 250 тысячъ всякаго рабочаго народа, чтобы чинить мостовыя и складывать дома? Почему въ Петербургѣ среди мѣщанства нѣтъ постояннаго населенія плотниковъ, каменщиковъ, мостовщиковъ, когда у него есть свои столяры, слесаря, кузнецы? Въ большинствѣ случаевъ причина эта заключается въ томъ, что не существуетъ правильнаго сношенія между сельско-хозяйственной промышленностью, производящей сырье, и мѣстной обрабатывающей промышленностью. Отъ этого кустари скучились у насъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и, вмѣсто того, чтобы работать у себя, бредутъ Богъ знаетъ куда. Еслибы каждая мѣстность, каждый округъ имѣли только то количество кустарныхъ производителей, которое имъ нужно для собственныхъ надобностей, т. е. полный штатъ плотниковъ, столяровъ, стекольщиковъ, шубниковъ, колесниковъ, бондарей, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ,—конечно, имъ бы не пришлось, подобно Ставропольской губ., жить трудомъ пришлыхъ людей. Теперь же мы видимъ совсѣмъ иной порядокъ. Какая нибудь Улома съ ея округомъ на 90 верстъ поневолѣ куетъ гвоздь для всей Россіи и подвергаетъ себя всѣмъ рискамъ работы на неизвѣстнаго потребителя и на случайный рынокъ, благодаря только тому, что у нея нѣтъ земли и она окружена болотами. Еслибы между сельско-хозяйственной промышленностью, создающей сырье, и мѣстною обрабатывающею промышленностью существовало бы правильное отношеніе,—бродяжества, случайности и риски были бы невозможны.

Едва ли нужно доказывать правильность того экономическаго закона, который требуетъ извѣстной, органической, правильной постепенности въ ростѣ и характерѣ труда. Парижъ, конечно, имѣетъ право создавать свою изящную промышленность и снабжать міръ черепаховыми издѣліями и разными бездѣлушками изъ золоченой проволоки. Но что бы вы сказали про село Семеновское, работающее для Россіи лапти, еслибы оно для благосостоянія Россіи вздумало производить черепаховыя и перламутровыя издѣлія? Дѣло ли русскаго кустаря изготовлять бронзу и фарфоръ или бездѣлушки для прихотливаго вкуса модницъ и щеголей Парижа, Вѣны, Петербурга, Нью-Іорка, когда не только его сосѣдъ, но и онъ самъ ходитъ въ лаптяхъ, живетъ въ курной избѣ и надѣваетъ на лапоть веревочную сбрую? Совершенно ясно, что не этимъ аристократическимъ пошибомъ должна отличаться русская кустарная промышленность, а исключительнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію ближайшихъ надобностей своего населенія и своего округа. Удовлетворивъ только ближайшему, наиболѣе необходимому и наиболѣе неустранимому, кустарь имѣетъ право работать для вторыхъ и третьихъ надобностей, но опять таки своего собственнаго округа, а не какого нибудь отдаленнаго миѳическаго рынка. Нашему кустарю слѣдуетъ гоняться не за журавлемъ въ небѣ, котораго онъ и ловить не умѣетъ, а за синицей; поймавъ синицу, онъ поймаетъ и журавля. Деревня должна работать для деревни, и едва ли разсудительно гнаться за какимъ-то міровымъ рынкомъ, когда не удовлетворенъ свой собственный, лежащій подъ руками. У насъ, въ Оренбургской и Орловской губ., плетутся кружева и ткутся платки изъ козьяго пуха, сбываемые для богатыхъ петербургскихъ барынь. Конечно, эта промышленность кормитъ немалое число женщинъ, но все-таки приходится жалѣть, что деревенскія бабы, прежде чѣмъ имъ наткать рубашекъ для своихъ мужей и дѣтей и одѣть свою собственную семью, плетутъ кружева и вяжутъ платки для петербургскихъ барынь. Почему бы эти платки и кружева не дѣлать французамъ или нѣмцамъ? Пусть бы они снабжали Петербургъ подобными изящными вещами, какъ они снабжаютъ его своими бездѣлушками изъ черепахи и золотой проволоки, какъ они снабжаютъ его своими шиньонами, страусовыми перьями и соломенными шляпками. Еслибы наша кустарная промышленность начинала съ перваго шага, т. е. съ удовлетворенія ближайшихъ нуждъ своего ближайшаго округа, жила своею внутреннею жизнью, какъ древесная ячейка, это было бы все, что отъ нея слѣдуетъ ожидать, и чѣмъ бы она единственно и могла приблизиться къ тому идеалу народнаго благосостоянія, который достижимъ лишь тогда, когда удовлетворены всѣ надобности въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная съ первыхъ, главныхъ, насущныхъ. Въ этомъ отношеніи намъ нужно стремиться не къ расширенію района дѣятельности, а, напротивъ, къ сосредоточенію. А такъ какъ этого до сихъ поръ не случилось, то и встрѣчаются такія аномальныя губерніи, какъ Ставропольская, которая чуть ли не приглашаетъ къ себѣ изъ другихъ губерній хлѣбопековъ, или какъ губерніи Оренбургская и Орловская, изготовляющія для прихотливыхъ петербургскихъ барынь

изящныя кружева и пуховые платки въ то время, какъ мѣстные деревенскіе ребятишки бѣгаютъ нагишомъ.

Конечно, подобный идеалъ не можетъ быть проведенъ послѣдовательно, и многое зависитъ отъ природныхъ условій. Ставропольская губ., при всемъ желаніи изготовлять у себя деревянныя ложки, никогда ихъ для себя не сдѣлаетъ, потому что въ ней нѣтъ лѣсовъ, а по необходимости она будетъ покупать ихъ отъ губерніи Нижегородской. Точно также Гжель повезетъ свою посуду, потому что не вездѣ есть гжельская глина. Понятно, что естественныя условія прежде всего опредѣляютъ характеръ мѣстной промышленности и установляютъ границы для кустарной въ ея собственныхъ предѣлахъ и въ отношеніи ея къ промышленности фабричной. Производство крестьянскихъ суконъ не будетъ, разумѣется, никогда крестьянскимъ производствомъ, также какъ ситцевъ и миткалей для деревенскаго употребленія. Главный вопросъ, разумѣется, въ томъ, чтобы кустарь прежде всего нашелъ дѣло у себя дома, чтобы онъ пересталъ бродить и чтобы исчезнулъ отхожій промыселъ.

Говорятъ, что русскаго кустаря нужно образовать, нужно дать ему ремесленное знаніе. Но какое? Ужъ, конечно, не нѣмецкое и не французское. Достаточно и опыта Германіи, чтобы не повторять намъ того же урока. Вкусъ нашего деревенскаго потребителя простъ, также простъ, какъ его потребности. Понятно, что простымъ потребностямъ можетъ удовлетворить только простая техника. Череповскаго сапожника совершенно безполезно пріучать шить сапоги по петербургскимъ или парижскимъ образцамъ, потому что для череповской грязи возможенъ только череповскій сапогъ. Безполезно учить кустаря приготовленію девятирублеваго сатина, когда въ деревнѣ запросъ только на грубое сукно. Поэтому ремесленное образованіе должно заключаться не въ томъ, чтобы приравнять нашего кустаря къ французскому работнику-художнику, а въ томъ, чтобы дать ему возможность для удешевленія и облегченія труда. А въ этомъ случаѣ поможетъ не столько школа, сколько перемѣна условій, въ которыхъ дѣйствуетъ кустарь. Перемѣна же условій должна заключаться прежде всего въ освобожденіи кустаря отъ скупщика и кулака и въ созданіи потребителя для предметовъ его производства. Въ Череповскомъ уѣздѣ, Новгородской губ., есть промышленное селеніе Улома, вокругъ которой расположены на 90 верстъ села и деревни, занятыя кузнечнымъ дѣломъ. Всѣхъ кузнецовъ считается больше 21 тысячи человѣкъ и ежегодно они выковываютъ до 540 тысячъ пудовъ желѣза. Уломскій гвоздь, несмотря на то, что онъ расходится почти повсюду, не отличается особенными достоинствами, и въ настоящее время промыселъ сталъ падать, частью вслѣдствіе конкурренціи машиннаго гвоздя, а частью вслѣдствіе дурной организаціи дѣла. Купецъ, дающій кузнецу работу, принимаетъ гвоздь безъ брака, и, слѣдовательно, хорошему рабочему гораздо выгоднѣе работать худо, чѣмъ хорошо. Ковка также ведется неправильно, и хотя на извѣстный вѣсъ полагается извѣстное число гвоздей, но ихъ всегда бываетъ меньше. Напримѣръ, если въ 30-тифунтовомъ гвоздѣ должно быть 1.000 штукъ однотеса, то въ дѣйствительности ихъ окажется только 800. Разумѣется, кузнецъ сдѣлалъ себѣ экономію въ работѣ на 200 штукъ, но зато непроизводительно потратилъ цѣлую массу желѣза. Такая непроизводительная затрата считается въ годъ не менѣе 150.000 пудовъ или на 255.000 рублей. Кузнецъ, желающій сдѣлать экономію на трудѣ, правъ, потому что ужъ слишкомъ зависитъ отъ скупщика и купца. А эти неправильныя отношенія привели къ тому, что уломское производство испортило себѣ репутацію, и его гвоздь долженъ уступить свое мѣсто другому гвоздю, лучше приготовленному. Исправить такое испорченное дѣло, конечно, нелегко, а тѣмъ болѣе трудно исправить его сразу. Поставить кузнецовъ на другой промыселъ, сохранивъ тѣ же условія производства, значитъ уронить и новое дѣло. Освобожденія рабочаго отъ кулака и прасола можно достигнуть тѣмъ, чтобы осушить уломскія болота и дать уломцамъ землю. Но однимъ этимъ, разумѣется, не создается добросовѣстность въ трудѣ и не поднимется гвоздяной промыселъ въ своемъ качествѣ. Окажутся необходимыми, разумѣется, сортировка и строгій бракъ. Всему этому научитъ, конечно, не школа, а иная организація кустарной промышленности и ужъ, конечно, не тѣми средствами, какими думало достигнуть въ шварцвальдскомъ часовомъ производствѣ баденское правительство.

Наконецъ, не менѣе важное условіе для того, чтобы поднять кустарную промышленность, будетъ заключаться въ томъ, чтобы увеличить число потребителей. У насъ въ Россіи еще страшно много дѣла для каждаго, кто бы хотѣлъ заняться деревенскими промыслами. Плотникамъ, столярамъ, стекольщикамъ, шерстобитамъ, валяльщикамъ, сапожникамъ, портнымъ, — всѣмъ предстоитъ еще громадное дѣло, чтобы снабдить всю деревенскую Россію порядочными домами съ печами, оконными рамами, сапогами, платьемъ, порядочной конской сбруей, плугами, сохами, боронами и т. д. Русская деревня переживаетъ еще тотъ первый періодъ промышленности, когда каждый, подобно Робинзону, частью отказываетъ себѣ во многихъ нуждахъ, а частью удовлетворяетъ имъ по первобытному способу. Многихъ потребностей не явилось еще у крестьянъ, вслѣдствіе такихъ условій экономической жизни, при которыхъ имъ и явиться невозможно, а частью оттого, что крестьянинъ долженъ отказать себѣ иногда во многомъ, потому что ему не на что удовлетворить своихъ потребностей. Научиться пить чай или жечь, вмѣсто лучины, свѣчу вовсе не хитро, и для этого не требуется никакихъ геніальныхъ способностей. Но явись у крестьянина возможность пить чай два раза въ день да жечь свѣчи или керосинъ, и для удовлетворенія одной этой потребности потребуется масса новаго труда, который теперь лежитъ подъ спудомъ. Поэтому, возможность развитія народной промышленности явится только тогда, когда поднимется общій уровень

потребностей народа, а этотъ уровень, въ свою очередь, поднимется лишь вмѣстѣ съ развитіемъ благосостоянія деревни. Такимъ образомъ, вопросъ о кустарной промышленности не есть вопросъ изолированный, а зависитъ отъ разрѣшенія другого вопроса, который, какъ мы думаемъ, едва ли подлежитъ компетентности комиссіи, взявшейся за изслѣдованіе кустарной промышленности.

О переселеніи.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ.

(«Очерки исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи» П. А. Соколовскаго. Спб. 1877.—«Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ» П. А. Соколовскаго. Спб. 1878).

I.

Есть несомнѣнныя историческія свидѣтельства, что въ недавнемъ прошломъ Россія была страной, чрезвычайно богатой естественными богатствами и почва ея отличалась производительностью почти невѣроятной. Одною изъ плодороднѣйшихъ была земля рязанская, затѣмъ области: Владимірская, Нижегородская и мѣстности по берегамъ Оки, которыя давали отъ двадцати до тридцати зеренъ. Сѣверъ Россіи отличался подобною же плодоносностью, и побережье Сѣверной Двины производило хлѣбъ, почти не требуя заботъ человѣка. Наименѣе плодороднымъ былъ центръ Россіи—область московская. За полосой хлѣбопашества, дальше на югъ, тянулись между Волгою и Дономъ безграничныя степи съ ихъ толстымъ слоемъ чернозема и почти тропическою растительностью.

Обработанная земля составляла сравнительно только незначительную часть общей площади Россіи, а остальное пространство было покрыто лѣсами. О русскихъ лѣсахъ сохранились почти баснословные разсказы европейскихъ путешественниковъ. Сѣверо-востокъ, сѣверо-западъ и сѣверъ Россіи были сплошь покрыты дремучими лѣсами, почти непроходимыми. Даже около самой Москвы были видны огромные пни, свидѣтельствовавшіе о недавно срубленномъ лѣсѣ. Мѣстности приволжскія, нынѣшній Казанскій и Вятскій край, также какъ и Смоленская область, были покрыты подобными же лѣсами. Лѣса Россіи изобиловали пушными звѣрями. Повсюду водились: бѣлки, куницы, горностаи, а въ Смоленской области даже и бобры. Нѣкоторыя мѣстности промышляли исключительно ловлею звѣрей.

Пчеловодство служило тоже важнымъ подспорьемъ для существованія, ибо лѣса изобиловали пчелами. Особенно распространено было пчеловодство въ земляхъ: Казанской, Нижегородской, Муромской, Рязанской и Смоленской. Какъ звѣроловствомъ занимались цѣлыя селенія, такъ занимались цѣлыми селеніями и бортевымъ пчеловодствомъ. Бортевое пчеловодство почти не требовало никакого ухода: пчелы клали медъ или въ дупла естественныя, или для нихъ приготовлялись борти, т. е. дупла искусственныя, или выдолбленныя колоды.

Рыбныя богатства были тоже громадны и неистощимы. Каждая рѣчка, каждое озерцо изобиловали рыбой, и промыселъ рыболововъ былъ промысломъ выгоднымъ и очень распространеннымъ. На Галичскомъ озерѣ, Бѣломъ, Переяславскомъ, на Волгѣ близъ Романова и во многихъ другихъ мѣстахъ существовали цѣлыя рыболовныя слободы, занимавшіяся исключительно рыболовствомъ. При такихъ естественныхъ богатствахъ жизнь была привольной, простой, несложной, и экономическій бытъ народа отличался всѣми условіями первобытной простоты.

II.

Но въ земельныхъ отношеніяхъ замѣчалось уже участіе внѣшнихъ вліяній, которыя колебали патріархальную простоту первобытныхъ отношеній. Древній или первоначальный порядокъ раздѣла земли между отдѣльными родами, въ эпоху, о которой мы говоримъ, сохранился въ немногихъ мѣстахъ. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне сидѣли на земляхъ, принадлежащихъ землевладѣльцамъ, и пользовались своими участками на извѣстныхъ условіяхъ. Только въ областяхъ Новгорода и Пскова были крестьяне-собственники, называвшіеся своеземцами; остальные же крестьяне жили не на своихъ земляхъ: одни жили на земляхъ владѣльческихъ; другіе, называвшіеся черными, жили на земляхъ свободныхъ, верховнымъ собственникомъ которыхъ считался князь. Своеземцы начинаютъ исчезать, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, да и черносошные крестьяне стали съ этихъ поръ уменьшаться.

Черныя земли были сначала единственнымъ видомъ земли въ Россіи. Затѣмъ правительство начинаетъ раздачу свободныхъ земель служилымъ людямъ и съ пятнадцатаго вѣка до того усилило эту раздачу, что свободное крестьянство стало исчезать съ необыкновенной быстротой. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ нынѣшнихъ уѣздахъ—Московскомъ, Коломенскомъ и Звенигородскомъ—совершенно исчезли черныя волости, а въ областяхъ Новгородской и Тверской онѣ составляли незначительную часть. Черносошные крестьяне сохранились больше всего въ сѣверныхъ окраинахъ Россіи, напримѣръ, въ Обонежской пятинѣ, благодаря только тому, что Россія пріобрѣла на югѣ новыя земли, представлявшія для служилыхъ людей бо́льшую выгоду, чѣмъ сѣверныя окраины.

Такимъ образомъ уже и въ тѣ времена почти вся русская земля находилась въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, и крестьяне жили то въ имѣніяхъ дворцовыхъ, то на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ служилыхъ людей, то на земляхъ чернаго и бѣлаго духовенства.

Но былъ разрядъ населенія, рѣзко отличавшійся отъ остальныхъ крестьянъ. То были холопы, или рабы. Они отличались инымъ экономическимъ положеніемъ и гражданской неполноправностью. Число земледѣльческихъ рабовъ вообще не было велико, и, по мнѣнію Бѣляева, количество несвободнаго населенія относилось къ массѣ вольнаго крестьянства, какъ 1 къ 300. Впрочемъ, отношеніе это измѣнилось, потому что во время голодовъ бѣдные продавали себя и дѣтей въ рабство. Слѣдуетъ замѣтить, что положеніе русскаго раба было вовсе не такъ ужасно и безотрадно, какъ положеніе римскаго раба. Хотя, по закону, холопъ находился въ полной зависимости отъ своего господина, и, по двинской грамотѣ, господинъ могъ безнаказанно убить его; но въ то же время между господиномъ и рабомъ его не только существовали извѣстныя нравственныя связи, вслѣдствіе простоты тогдашнихъ отношеній, но и положеніе его, какъ рабочей силы, не было тоже особенно тягостно. Потребности тогдашнихъ землевладѣльцевъ немногимъ отличались отъ потребностей холоповъ и крестьянъ; раздѣляющая черта явилась уже послѣ, когда въ Россію проникла европейская цивилизація. Что же касается собственно труда рабовъ, то онъ не могъ быть великъ, потому что не было ни сельскаго хозяйства, ни развитыхъ потребностей, ни промышленности, ни торговли въ нынѣшнемъ ея видѣ, а слѣдовательно, не могло явиться и такой напряженной потребности въ земледѣльческихъ продуктахъ, которая вызывала бы особенное напряженіе силъ для ихъ добыванія. Г. Соколовскій думаетъ, что если можно находить степени у лучшаго и худшаго въ ужасномъ положеніи раба, то, безъ всякаго сомнѣнія, первыя эпохи слѣдуетъ считать самыми свѣтлыми въ исторіи рабства.

Ремесленность въ тѣ времена была развита слабо и имѣла форму мелкаго производства, связаннаго съ земледѣліемъ. Чаще другихъ ремеслъ попадается въ писцовыхъ книгахъ ремесло кузнечное. Бывали деревни, въ которыхъ по писцовымъ книгамъ значилось по двѣ и по три кузницы. Названіе деревень, вродѣ Кузнецова и Кузнечково и т. д., показываетъ, насколько кузнечное ремесло было тогда развито. О плотникахъ упоминается гораздо рѣже. Въ тѣ времена каждый самъ сооружалъ себѣ, что ему было нужно, или приглашалъ своего сосѣда, которому тоже помогалъ въ свою очередь. Плотники, вовсе не занимавшіеся хлѣбопашествомъ, были рѣдки, или же были или бобыли, или крестьяне непашенные. Еще рѣже, въ качествѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ, являлись гончары и портные. Послѣ кузнечнаго, наиболѣе развитымъ ремесломъ была выдѣлка деревянныхъ издѣлій: бочекъ, кадокъ, корытъ, колесъ. Особенно сильно было развито колесное производство, и, напримѣръ, въ Мусѣтскомъ погостѣ Обонежской пятины была община изъ 33 колесниковъ, со старостой во главѣ. Изрѣдка встрѣчались въ деревняхъ сапожники, ложечники, ларечники, ведерники. Наконецъ, довольно многочисленный разрядъ составляли ямщики, особенно увеличившійся, когда натуральную повинность сталъ замѣнять сборъ «ямскихъ денегъ».

III.

За исключеніемъ сѣверной полосы, въ большей части московскаго государства было настолько тѣсное населеніе, что явился уже трехпольный сѣвооборотъ. Главными хлѣбами были: рожь, овесъ, ячмень и гречиха. По писцовымъ книгамъ, въ числѣ засѣваемыхъ хлѣбовъ, пшеница почти не упоминается.

Такъ какъ мы говоримъ о той переходной эпохѣ, когда Россія устанавливала земледѣльческій бытъ, то понятно, что земледѣліе не составляло исключительнаго занятія народа. Крестьяне занимались еще звѣроловствомъ, бортничествомъ, рыбною ловлей, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ занятія эти составляли самостоятельный промыселъ и почти единственный источникъ матеріальнаго существованія народа. Звѣроловство, бортничество и рыбная ловля входили настолько, какъ культурный элементъ, въ бытовой строй населенія, что даже и земледѣлію, едва возникшему въ болѣе правильной формѣ, сообщали характеръ извѣстной первобытности. Вообще крестьянскій бытъ того времени отличался всѣми признаками первобытной культуры и слабой осѣдлостью.

Ремесленники встрѣчались чаще въ городахъ, а въ селахъ ремесло служило только подспорьемъ земледѣлію и существовало, какъ побочное занятіе. Такъ какъ ремесленность являлась лишь подспорьемъ, то, конечно, не могло явиться класса ремесленниковъ.

Сельское населеніе распадалось на двѣ группы, и одну изъ нихъ составляли крестьяне-земледѣльцы или люди пашенные, а другую—люди непашенные, называвшіеся въ Новгородской землѣ поземщиками и жившіе промыслами, торговлею и ремеслами. Болѣе строгаго раздѣленія труда въ то время не существовало, да и существовать не могло, потому что оно не вызывалось ни условіями полудикаго быта, ни однобразіемъ потребностей и образомъ жизни народа. Въ этомъ случаѣ Россія представляла картину той переходной культуры съ оттѣнкомъ первобытности, когда земледѣлецъ въ одно и то же время является и сельскимъ хозяиномъ, и ремесленникомъ, удовлетворяя, за немногими исключеніями, всѣмъ своимъ потребностямъ самъ.

Въ эти, не совсѣмъ отдаленныя отъ насъ времена,—а мы говоримъ о ближайшей до-петровской Руси,—соціальныя и экономическія требованія были настолько однообразны и просты, какъ онѣ бываютъ однообразны и просты во всякомъ первобытномъ обществѣ. При экономическомъ строѣ, когда каждый являлся личнымъ производителемъ и

потребителемъ того, что онъ самъ дѣлалъ, когда не существовало иной промышленности, кромѣ ремесленной, ди и то ограниченной немногосложными требованіями земледѣльческой жизни, когда не существовало внѣшней торговли, и, какъ нерѣдко случалось въ то время, вывозъ продуктовъ за границу даже запрещался, когда внутренняя торговля отличалась тою же первобытностью, какъ и ремесленность, когда изобиліе естественныхъ богатствъ давало населенію возможность жить вполнѣ обезпеченно, не прибѣгая ни къ особенной энергіи труда, ни къ увеличенію успѣшности его путемъ изобрѣтеній или новыхъ открытій, когда, вслѣдствіе всего этого, скопленіе средствъ и орудій производства въ однѣхъ рукахъ оказывалось часто ненужнымъ и даже невозможнымъ,—при такомъ экономическомъ строѣ, понятно, не могъ образоваться особый классъ населенія, въ рукахъ котораго явилась бы промышленно-производительная власть и сила.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы признаки новаго времени уже не намѣтились въ этотъ періодъ; но они были еще слабы, хотя раздача земель помѣщикамъ, вотчинникамъ и монастырямъ положила уже основаніе раздѣленію населенія на двѣ большія основныя группы.

Въ крестьянской группѣ того времени нельзя не отмѣтить одинъ слой или разрядъ населенія, къ которому принадлежали бобыли, казаки, подворники, захребетники, подсусѣдники и задворные люди. Всему этому люду, не имѣвшему земельной собственности, жилось несомнѣнно хуже, чѣмъ крестьянамъ. Но типомъ чистаго бездомнаго пролетарія былъ въ московской Руси казакъ. Казаки явились въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, и ими назывались безземельные крестьяне, странствовавшіе изъ деревни въ деревню, изъ волости въ волость, нанимавшіеся на разныя, преимущественно земледѣльческія, работы къ крестьянамъ и землевладѣльцамъ. Однимъ словомъ, казаки изображали собою тѣ свободныя руки, которыя предлагались на всякія надобности и на всякія работы. Такъ какъ у казаковъ земли не было, и они не платили поземельной подати, то и во всѣхъ другихъ повинностяхъ они принимали меньше участія, сравнительно съ крестьянами.

Какъ, однако, согласить слѣдующее противорѣчіе? Земли вездѣ много; она отличается необыкновеннымъ плодородіемъ; землевладѣльцы употребляютъ всевозможныя средства, чтобы привлечь къ себѣ крестьянъ,—и въ то же время являются въ обществѣ захребетники, бобыли, подворники, казаки? Это явленіе объясняется тѣмъ, что земледѣліе не составляло исключительнаго средства для существованія. Земледѣльческій трудъ въ ту переходную эпоху былъ скорѣе выходомъ и, сравнительно съ звѣроловствомъ и рыболовствомъ, составлялъ занятіе болѣе тяжелое. Къ этому нужно прибавить, что вся тяжесть повинностей ложилась на землю, и сравнительно болѣе легкій трудъ, какъ звѣроловство, рыболовство и ремесленная промышленность, давалъ крестьянину возможность освободиться отъ налоговъ. Понятно, почему, по мѣрѣ увеличенія налога на землю, увеличивался классъ безземельныхъ крестьянъ.

Чѣмъ почва была неплодороднѣе, и чѣмъ, слѣдовательно, на нее ложилась бо̀льшая платежная тягость, тѣмъ болѣе увеличивалось число безземельныхъ. А такъ какъ подобныя условія существовали преимущественно въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ, то и число безземельныхъ возрастало по направленію отъ окраинъ къ центру. Впослѣдствіи всѣ эти безземельные люди двинулись въ южныя степи.

IV.

Инвентарь тогдашняго крестьянина былъ немногосложенъ и обходился недорого. Въ семидесятыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія крестьянская изба стоила десять алтынъ двѣ деньги. Въ Новгородѣ въ XIV—XV вѣкѣ хоромы, т. е. избу, клѣть и овинъ, можно было купить за двадцать денегъ. Скотъ былъ точно также дешевъ. Лошадь въ тотъ же періодъ можно было купить за 26—30 алтынъ, корову—за 25 алтынъ, яловицу—за 7 денегъ, барана—за гривну. Въ приходо-расходной книгѣ Корнильева-Камельскаго монастыря значится расходъ на покупку саней, хомута и дуги въ $3^1/_2$ алтына; весь расходъ на одежду составлялъ въ годъ для крестьянина 30 алтынъ. Чтобы поселенцу завестись полнымъ хозяйствомъ, нужно было отъ $2^1/_2$ до 3 рублей.

При такой дешевизнѣ труда, работникъ цѣнился, конечно, не особенно высоко. При Василіи III поденщикъ зарабатывалъ въ Москвѣ до двухъ денегъ въ день. Въ тѣхъ же приходо-расходныхъ книгахъ Корнильева-Камельскаго монастыря значатся слѣдующія цѣны казакамъ: одинъ получалъ одинъ рубль въ годъ, другой—двадцать алтынъ, третій—двадцать шесть. Нѣкоторымъ выдавалась плата необыкновенно малая: въ 3, 9, 12, 16 алтынъ. Средняя годичная плата составляла 20 алтынъ. Еслибы подобный казакъ задумалъ завести самостоятельное хозяйство и сталъ для этого копить деньги, ему пришлось бы работать отъ трехъ до пяти лѣтъ, но обыкновенно поселенцу оказывала помощь та община, въ которую онъ поселялся. Такъ, крестьянинъ Тавренскаго стана взялъ у старосты и крестьянъ $^5/_{12}$ десятины земли; при этомъ община дала ему даромъ полъ-избы, полъ-прируба, половину сѣнника, полъ-клѣтки и мякинницы и освободила на годъ отъ всякихъ платежей. Если, такимъ образомъ, община, принимая къ себѣ новаго члена, давала ему средства, то слѣдовало бы предполагать, что подобныя поощренія земледѣльческой осѣдлости должны были бы привлекать къ земледѣлію и самостоятельному земледѣльческому хозяйству большое число рукъ. Почему же одни изъ крестьянъ отказывались отъ земли, другіе поселялись и третьи поступали въ холопы? «Исключительно въ тяжелыхъ налогахъ на землю, разорительность которыхъ усиливалась вслѣдствіе злоупотребленій намѣстниковъ, волостелей и другихъ чиновниковъ, лежалъ корень

тѣхъ побужденій, которыя звали чернаго крестьянина къ помѣщику, а свободнаго въ кабалу и въ холопство», — говоритъ г. Соколовскій.

Слѣдуетъ замѣтить, что землевладѣльцы постоянно стремились къ пріобрѣтенію рабочихъ рукъ и употребляли всѣ средства, чтобы приманить на свои земли крестьянъ. Они обѣщали переселяющимся пособіе, давали имъ льготы отъ государственныхъ податей, наконецъ освобождали на извѣстный срокъ отъ всякихъ повинностей въ свою пользу. Землевладѣльцы какъ бы соперничали въ этомъ случаѣ съ черными общинами, стараясь предоставлять переселенцамъ больше выгодъ, чѣмъ могли дать общины.

V.

Крестьяне, поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ, составляли собственно рабочую силу и за право пользованія должны были нести извѣстныя обязательства. Самой обыкновенной формой этой обязательности было половничество. Впослѣдствіи половничество принимаетъ форму оброка, который въ началѣ шестнадцатаго вѣка заключался въ уплатѣ хлѣбомъ, а въ концѣ того же столѣтія переходитъ въ половинность денежную. Барщина въ то время составляла рѣдкое исключеніе. Землевладѣльцы не имѣли ни средствъ, ни нужды заводить свои пашни и вести личное хозяйство. Земли раздавались за службу, т. е. на время; поэтому помѣщикъ не могъ быть увѣренъ, что имѣніе останется у него или не будетъ отобрано при первомъ случаѣ, и, конечно, не имѣлъ никакого интереса заниматься лично хозяйствомъ. Наконецъ, помѣстья бывали очень малы, особенно у служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, а ихъ было большинство. Очень часто попадались помѣстья, въ которыхъ считалось 3—4 двора.

Одни только монастыри владѣли обширными землями на правахъ неограниченной собственности, и это обстоятельство дало монастырямъ возможность вести свое хозяйство на иныхъ основаніяхъ. Монастырямъ принадлежитъ первая мысль и осуществленіе барщины. Барщина была дѣломъ суровымъ и тяжелой кабалой. Крестьяне не находились еще въ такой безвыходности, чтобы подчиняться гнету барщинной зависимости. Благодаря приволью, они легко могли уходить, чтобы заниматься трудомъ болѣе удобнымъ и независимымъ. И вотъ, чтобы привязать руки къ своимъ землямъ, монастыри старались давать крестьянамъ возможно большія льготы, какихъ далеко не могли дать ни помѣщики, ни черносошные.

Крестьяне, сравнительно съ нашимъ временемъ, обязывались трудомъ не особенно большимъ. Такъ, въ имѣніи Троицкаго монастыря, въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, крестьяне за пять десятинъ въ полѣ пахатной земли, за сѣнокосы и лѣса, которыми пользовались, обрабатывали въ пользу владѣльца полторы десятины. При обиліи земли и при даровомъ пользованіи лѣсомъ, 4—5-я часть продукта, которую выплачивалъ работникъ, въ формѣ барщины или платы натурой, конечно, не была обременительной. Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Высочайше утвержденной комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, въ Рязанской губерніи, напримѣръ, за одну десятину земли крестьяне обрабатываютъ въ пользу землевладѣльца тоже десятину, т. е. въ 4—5 разъ больше, чѣмъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Нужно знать еще, что землевладѣлецъ того времени не могъ увеличить по произволу своихъ требованій, потому что крестьяне могли его оставить. Чуть помѣщикъ измѣнялъ условія къ худшему,—крестьяне уходили отъ него. При такомъ отношеніи крестьянъ къ землевладѣльцамъ, земледѣльческій трудъ находился въ условіяхъ болѣе свободныхъ и не имѣлъ того кабальнаго характера, который онъ получилъ впослѣдствіи.

Вообще крестьянинъ того времени чувствовалъ себя гораздо свободнѣе, и хотя мы, съ теперешней точки зрѣнія, находимъ тогдашнее его положеніе болѣе благопріятнымъ, но самъ крестьянинъ разсуждалъ иначе. Есть народныя традиціи, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе и сохранившіяся сначала, какъ умственное наслѣдіе или преданіе о героическихъ временахъ, а затѣмъ принявшія характеръ мечтательнаго идеализма, дающаго направленіе народнымъ стремленіямъ. Такъ было и съ обществомъ того времени, о которомъ мы говоримъ. Оно находилось въ переходномъ состояніи отъ патріархальнаго быта къ новому экономическому строю и очень хорошо помнило то время, когда крестьянинъ трудился только для себя.

Сельское населеніе относилось не особенно привѣтливо къ помѣщикамъ и служилымъ людямъ и всякое стѣсненіе своей дѣятельности считало покушеніемъ на личный трудъ. Вздыхая о минувшихъ свободныхъ временахъ, легкое, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, обязательство сельское населеніе считало тяжелымъ и подчинялось ему неохотно. Нужно было много времени, чтобы сельскій производитель убѣдился, наконецъ, что прошлое сказочное и традиціонно ему извѣстное, блаженное состояніе свободы и независимости миновало безповоротно, и что онъ долженъ подчиниться ходу исторіи и забыть разсказы о героическихъ временахъ. Крестьянинъ и подчинился; но онъ подчинился неохотно, отыскивая при всякомъ удобномъ случаѣ выхода къ лучшему. Земледѣльцы не воспитались на народныхъ традиціяхъ, и ихъ цѣли и стремленія были иными. Явившись, какъ продуктъ новой исторіи, они преимущественно и служили ей; но въ то же время они понимали, что въ отношеніяхъ землевладѣльца къ работнику должна быть извѣстная бережливость и что работникъ всегда можетъ уйти отъ него, если найдетъ требуемыя отъ него обязательства слишкомъ тягостными для себя. И вотъ, съ самаго начала шестнадцатаго столѣтія наблюдается постоянно возрастающая борьба этихъ двухъ элементовъ нашей экономической исторіи. Съ одной стороны отстаиваетъ свои права трудъ, выросшій на традиціи свободныхъ отношеній; съ другой — постепенно усили-

ваются извѣстныя, стягивающія его, обязательства. Въ началѣ работникъ, переходящій къ земледѣлію, имѣетъ еще много возможностей искать себѣ свободнаго выхода въ такихъ, не ограничивающихъ его, занятіяхъ, какъ звѣроловство, рыболовство, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ; съ другой стороны, служилый помѣщикъ чувствуетъ себя еще очень слабымъ, чтобы удержать этого неосѣвшаго работника на своей землѣ и преградить ему окончательный выходъ. Борьба окончилась тѣмъ, что традиціонное уступило вновь народившемуся, и, съ развитіемъ осѣвшаго земледѣльческаго быта, нѣкогда свободный личный трудъ очутился въ положеніи зависимости.

VI.

Въ тѣ времена, когда еще только началъ формироваться новый земледѣльческій бытъ, рядомъ съ нимъ вырабатывались и слагались и остальныя подробности экономическихъ отношеній. Къ числу вопросовъ особенной важности принадлежалъ и тотъ податной вопросъ, разрѣшеніе котораго принадлежитъ нашему времени, вмѣстѣ съ вопросомъ крѣпостного права.

Съ возникновеніемъ земледѣльческой промышленности, земля явилась преимущественнымъ предметомъ обложенія, и наши прадѣды придумали для распредѣленія поземельныхъ налоговъ слѣдующій способъ. Вся заселенная земля московскаго государства дѣлилась на участки такой величины, что доходность ихъ была одинакова, и каждый участокъ облагался налогомъ одинаковаго размѣра. Такой участокъ назывался сохою. При различныхъ достоинствахъ земли, соха являлась величиной не только условной, но и произвольной, и измѣнялась по времени и по мѣстнымъ условіямъ. Сущность этой системы, сохранившейся и до сихъ поръ, заключалась въ томъ, что сумма заранѣе назначеннаго налога раздѣлялась на опредѣленныя равныя доли между земледѣльческими хозяевами, и каждый изъ нихъ платилъ соотвѣтственно получаемому имъ доходу съ земли. Если единица дохода получалась съ меньшаго пространства лучшей земли, то и соха считалась меньше; если же земля была хуже, то и соха была больше. Земля дѣлилась обыкновенно на три сорта: на худую, среднюю и добрую. Напримѣръ, если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то въ соху средней шло 1.000 четвертей, а худой—1.200. При обложеніи принималось во вниманіе количество и другихъ налоговъ, лежавшихъ на землѣ. Такъ какъ черныя земли не платили оброка землевладѣльцамъ, то на нихъ падали преимущественно государственныя подати, и черныя сохи были мельче остальныхъ. Онѣ заключали въ себѣ отъ четырехсотъ до шестисотъ четвертей. Монастырскія земли несли меньше государственныхъ податей, потому что часть крестьянскаго труда шла на монастырскія работы. Монастырская соха считала въ себѣ до 600 четвертей доброй земли. На помѣстныя и вотчинныя земли ложилась самая малая часть государственныхъ налоговъ, и здѣсь сохи были самыя большія. Въ сохѣ доброй земли полагалось 800 четвертей, въ сохѣ средней 1.000 и худой 1.200 четвертей. Самые меньшіе налоги падали на дворцовыя земли, гдѣ въ сохѣ полагалось 1.300 четвертей. Эти основанія, при всей простотѣ тогдашнихъ знаній, служатъ, однако, несомнѣннымъ доказательствомъ государственной и экономической мудрости нашихъ неученыхъ прадѣдовъ. Во первыхъ, ими былъ принятъ и установленъ принципъ податной справедливости въ настолько чистомъ видѣ, что налоги ложились на всѣхъ равномѣрною тягостью; а во вторыхъ, и самое распредѣленіе налоговъ являлось мѣрой не произвольной, а поставленной въ зависимость отъ условій доходности.

Такъ какъ опредѣленіе поземельнаго дохода было невозможно безъ описанія земель, то наши прадѣды придумали оцѣночную систему, называемую въ настоящее время кадастромъ. Первые намеки на инвентарныя описанія хозяйствъ становятся извѣстными съ тринадцатаго вѣка. Въ шестнадцатомъ столѣтіи описанія эти производятся уже очень часто. Напримѣръ, новгородскія земли, послѣ присоединенія ихъ къ Москвѣ, были описаны въ продолженіе двадцати лѣтъ два раза. Изъ описанія отдѣльныхъ хозяйствъ составлялись писцовыя книги, а лица, производившія описи, назывались писцами, описчиками и бѣльщиками. Въ описаніяхъ обозначались владѣльцы, количество семей каждаго села или деревни, число дворовъ и домохозяевъ, количество сѣна, лѣса; затѣмъ обозначалось, сколько крестьяне платятъ оброка, и какіе крестьяне отправляютъ повинности на землевладѣльца. Когда всѣ свѣдѣнія были собраны, дѣлался разсчетъ, сколько въ мѣстности считать сохъ, и числомъ сохъ устанавливалась подать. Соха дробилась на болѣе мелкія единицы, которыя въ новгородскихъ владѣніяхъ назывались обжами, а въ московскихъ—вытями. Обжи и выти также, какъ и сохи, не имѣли опредѣленной величины, а измѣнялись, смотря по качеству почвы. Конечно, не обходилось безъ того, чтобы писцы не позволяли себѣ обсчитывать крестьянъ. Крестьяне, разумѣется, жаловались; писцамъ эти жалобы не всегда сходили съ рукъ даромъ, но злоупотребленіямъ вообще не было конца. Но мы говоримъ не объ этомъ. Мы говоримъ не о тѣхъ частностяхъ и неудобствахъ, которыя являлись на практикѣ, а объ основной идеѣ и принципѣ податного обложенія и о тѣхъ средствахъ, которыми устанавливалась податная справедливость. Теоретически наши прадѣды разрѣшили этотъ вопросъ настолько вѣрно, что намъ, внукамъ, придется только воспользоваться ихъ урокомъ и снова обратиться къ тому принципу, который они установили и который утратился по времени.

Подать того времени имѣла два вида: дань князю съ земли и поголовная подать, которая накладывалась только въ исключительныхъ случаяхъ. Зато повинности были чрезвычайно разнообразны. Наиболѣе обременительными изъ нихъ были повинности ямская и ратная; кромѣ этихъ двухъ глав-

ныхъ повинностей, было множество мелкихъ, и изъ нихъ наиболѣе сложныя относились къ «городскому дѣлу». Повинность судебная, или пошлины на содержаніе суда, а также кормленіе чиновниковъ, особенно при вымогательствѣ управителей, являлись для народа платежами очень разорительными. Постоянныя жалобы народа на вымогательства кончились тѣмъ, что царь Иванъ Грозный предоставилъ деревенскимъ общинамъ самимъ выбирать излюбленныхъ старостъ. Впрочемъ, это самоуправленіе давалось не даромъ: общины должны были покупать его за извѣстный оброкъ въ казну. Очень можетъ быть, что Ивана Грознаго побудило къ этой реформѣ не столько сочувствіе къ народу, сколько финансовыя соображенія. Во всякомъ случаѣ, народъ остался въ выигрышѣ, потому что вмѣсто произвольныхъ поборовъ онъ платилъ теперь опредѣленный налогъ.

VII.

До основанія Руси славяне жили отдѣльными племенами, и земля, занимаемая какимъ либо племенемъ, составляла его общую собственность. Подобная же идея принадлежности земли племени или народу встрѣчается въ первыя историческія эпохи и у остальныхъ историческихъ народовъ. Съ развитіемъ государственной власти, взглядъ на принадлежность земли измѣняется повсюду, и такое же измѣненіе явилось и у насъ. Сначала право на землю перенеслось на князей, потомъ же, съ утвержденіемъ единодержавія, собственникомъ земли является царь. Вслѣдствіе какихъ вліяній и когда совершилось перенесеніе права на землю на государя, неизвѣстно, но въ XV—XVI вѣкахъ земля называется уже «государевой землей».

Перенесеніе права на землю съ народа на государя долгое время не измѣняло существенно взгляда на землю, какъ на общую собственность, и частной собственности почти не существовало. Черныя земли были въ полномъ смыслѣ государственными, частныя лица ни подъ какимъ видомъ не могли пріобрѣтать ихъ въ свою собственность, да и общины только пользовались ими, но права отчужденія не имѣли. Когда верховное право на землю перешло къ государю, черныя земли стали государевыми. Такія отношенія государя были и къ помѣстнымъ землямъ. Подъ помѣстьемъ въ то время разумѣлась не земля, а скорѣе доходъ съ извѣстнаго пространства земли, который давался служилому за его службу. Помѣстье не было чѣмъ-то постояннымъ: съ перемѣною должности измѣнялось и помѣстье, и его размѣръ. Служилый человѣкъ даже на мѣну помѣстья долженъ былъ испрашивать позволеніе государя. Понятно, что, будучи только временнымъ владѣльцемъ, служилый человѣкъ не могъ завѣщать помѣстья даже своимъ дѣтямъ. Наконецъ, помѣстье могло быть всегда отобрано.

Хотя происхожденіе вотчинъ совершенно иное, но и онѣ, подобно помѣстьямъ, наконецъ, подчинились тому же верховному праву. Въ XVI вѣкѣ всякое различіе вотчинъ отъ другихъ видовъ земель исчезаетъ, и они сдѣлались государственною собственностью.

Только монастыри, благодаря идеѣ, занесенной изъ Византіи, распоряжались своими землями совершенно самостоятельно. Но византійская идея слишкомъ противорѣчила народному воззрѣнію на землю, и русскіе государи, поддерживаемые сочувствіемъ народа, постоянно стремились ограничить права монастырей. Первое время это было довольно трудно, такъ что Иванъ III долженъ быть уступить, встрѣтивъ энергическій отпоръ церковныхъ соборовъ; но что не удалось Ивану III, то удалось Грозному.

Наконецъ, послѣдній видъ земель—дворцовыя—хотя и составляли свободный видъ имущества, но князья владѣли ими не на вотчинномъ правѣ, до того была крѣпка идея о принадлежности земли государству и, въ лицѣ его, государю! Покоривъ Новгородъ, Иванъ III объявилъ новгородцамъ, чтобы они дали ему волости и села, «такъ какъ намъ, великимъ князьямъ, государства своего держать на своей отчинѣ великомъ Новгородѣ безъ того нельзя». Такимъ образомъ великій князь смотрѣлъ на землю, какъ на вознагражденіе за свою службу.

Это воззрѣніе на землю окончательно измѣнилось только въ XVIII столѣтіи.

VIII.

Какія были формы крестьянскаго землевладѣнія до конца XV вѣка, опредѣлить въ точности, на основаніи историческихъ данныхъ, довольно трудно. Ни акты, ни писцовыя книги не задавались опредѣленіемъ отношеній крестьянъ. Одни имѣли судебный характеръ, другія — кадастровый. Тѣмъ не менѣе въ этихъ документахъ можно найти достаточныя свѣдѣнія о хозяйственныхъ условіяхъ сельскаго населенія того времени.

Деревенская Русь XV—XVI вѣка дѣлилась на округа, которые въ Новгородской области назывались погостами, въ Московской—волостями, а въ Псковской—губами. Округа эти имѣли въ то время судебно-административное значеніе. Немногіе сохранившіеся акты убѣждаютъ, что въ основаніи волостей лежало нѣкогда территоріальное начало, и что села и деревни, принадлежавшія къ волости, были связаны между собою общиннымъ владѣніемъ землей.

Несмотря на то, что ко времени, о которомъ мы говоримъ, свершилось уже распаденіе древнихъ союзовъ, тѣмъ не менѣе не только въ XV и XVI вѣкахъ сохранились еще мѣстами волости—общины, но послѣдніе остатки ихъ существуютъ еще и въ наше время По недостатку источниковъ, конечно, нѣтъ возможности опредѣлить тогдашняго пользованія землею, но по остаткамъ, сохранившимся до нашего времени, можно, однако, составить понятіе о существовавшемъ тогда порядкѣ. Общественная запашка практиковалась только мѣстами, но обыкновенно, пашня находилась въ подворномъ пользованіи. Остальныя угодья, какъ-то: пастбища, лѣса, рыбныя ловли, бортныя угодья, а иногда луга

находились въ общемъ пользованіи поземельныхъ союзовъ, состоявшихъ изъ болѣе или менѣе значительнаго числа селеній. Такимъ образомъ первоначальнымъ типомъ общины нужно признать общину волостную. А подъ волостной общиной разумѣлась группа селеній, владѣвшая сообща занятою ею землею. Бывали случаи, когда цѣлая волость владѣла безъ раздѣла; бывали другіе, когда нѣсколько поселковъ тянули къ какому нибудь другому центру, называемому селомъ или сельцомъ; наконецъ, бывали случаи, когда деревни образовали общину безъ центральнаго села или же, наконецъ, двѣ волостныя общины составляли административный союзъ. Подобныя волостныя общины можно встрѣтить нынче въ сѣверныхъ губерніяхъ, на земляхъ казачьихъ, въ Сибири и даже кое-гдѣ въ центрѣ Россіи. Г. Соколовскій встрѣчалъ ихъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи. На подобную же общину въ Серпуховскомъ уѣздѣ указываетъ «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи». Г. Якушкинъ видѣлъ нѣсколько такихъ общинъ въ Ярославской губерніи.

Хотя такимъ образомъ волостная община и была начальной формой крестьянскаго землевладѣнія, но въ концѣ XVI вѣка ее начинаетъ смѣнять община деревенская. Каждый отдѣльный поселокъ образуетъ отдѣльную группу, не имѣющую никакой связи по землѣ съ сосѣдними селеніями, и этотъ порядокъ отношеній, сдѣлавшійся господствующимъ, достался нашему времени.

IX.

Переселеніе крестьянъ, — говоритъ г. Соколовскій, — составляетъ характеристическую черту древне-русскаго быта. «До самаго конца XVI вѣка на всемъ пространствѣ Россіи происходилъ постоянный отливъ и приливъ населенія. То и дѣло возникали поселки или отдѣльные дворы въ однѣхъ мѣстностяхъ, въ то время какъ въ другихъ пустѣли цѣлыя деревни. Древняя исторія Россіи есть исторія колонизирующейся страны. Повсюду, по характерному выраженію Щапова, стучалъ топоръ въ «черныхъ, дикихъ лѣсахъ», шла повсемѣстная расчистка и распашка лѣсовъ. Повсюду ставились дворы и починки, разроставшіеся въ деревни, сельца, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ отыскивались оазисы плодородной земли, чистился и выжигался лѣсъ, и заводилось хлѣбопашество. Эта великая колонизаціонная работа, охватывающая все обширное пространство восточной европейской низменности и продолжавшаяся тысячелѣтія, не конченная даже и въ настоящее время, составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ въ исторіи грандіозной борьбы человѣка съ природой. И этотъ подвигъ совершенъ исключительно силами русскаго земледѣльца. Могутъ сказать, что дѣлу колонизаціи въ такой же мѣрѣ содѣйствовали и землевладѣльцы, созывавшіе крестьянъ на жалованныя имъ земли. Но, кромѣ обѣщаній, льготъ отъ податей въ продолженіе нѣкотораго времени, эти землевладѣльцы ничѣмъ не облегчали страдной работы русскаго земледѣльца. Единственными его помощниками были топоръ, соха и коса. Съ ними одними, среди чуждыхъ племенъ, по всей вѣроятности, не всегда дружественныхъ къ пришельцамъ, онъ завоевалъ для земледѣльческой культуры то громадное пространство, которое занято теперь русскимъ государствомъ. Великъ, непомѣрно тяжелъ былъ трудъ русскаго піонера. Не имѣя ни географическихъ свѣдѣній, ни руководителей, лишенный даже въ большей части колонизуемой земли, гдѣ годная земля попадалась клочками, возможности идти въ обществѣ съ другими колонистами, снабженный самыми грубыми орудіями, онъ долженъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, одинъ рубить и выкорчевывать лѣса, вспахивать новины, удобрять малоплодородную почву, терпя при этомъ всѣ невзгоды изолированной жизни».

До какихъ же размѣровъ доходило переселеніе крестьянъ? Хотя точныхъ свѣдѣній по этому вопросу нѣтъ, но, судя по отрывочнымъ даннымъ, можно съ достовѣрностью сказать, что переселеніе усиливалось постоянно, по мѣрѣ приближенія къ введенію крѣпостного права. Въ XV столѣтіи, какъ видно изъ переписи того времени, населеніе мѣстами не только не уменьшалось, но даже увеличивалось. Но въ концѣ XVI столѣтія переселеніе принимаетъ почти эпидемическій характеръ. Въ это время количество пустошей, деревнищъ, селищъ и пустыхъ дворовъ далеко превосходитъ количество жилыхъ поселковъ. Напримѣръ, въ Васильцевскомъ станѣ Московскаго уѣзда въ 1570—80 годахъ на 46 поселковъ приходилось пустыхъ: 1 погостъ, 2 сельца, 31 деревня, 124 пустоши, въ которыхъ исчезли уже всякіе слѣды жилья. Въ Кошелевомъ станѣ на одну заселенную деревню съ 16 жителями приходилось 44 пустоши. Не меньшимъ количествомъ опустѣвшихъ поселковъ изобиловалъ и сосѣдній Коломенскій уѣздъ, гдѣ на земляхъ разныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ было 70 пустыхъ селъ, деревень и починковъ, 574 пустоши и 83 селища. Въ такомъ же количествѣ оказалось опустѣлыхъ дворовъ въ уѣздахъ: Вяземскомъ, Тульскомъ и друг. Въ Деревской пятинѣ Новгородской области, спустя двадцать лѣтъ послѣ присоединенія къ Москвѣ, было еще густое населеніе, вовсе несклонное оставить свои земли; а черезъ 80 лѣтъ оказывалось 123 жилыхъ поселка и 977 пустыхъ деревень.

Въ чемъ же причина этого постояннаго переселенія и бродяжничества? Причина крылась исключительно въ условіяхъ общественнаго быта. Въ дошедшихъ до насъ историческихъ актахъ постоянно встрѣчаются жалобы крестьянъ на намѣстниковъ, тіуновъ, доводчиковъ, на лихихъ людей и татей, жалобы на насильства, продажи и тяжбы. Крестьяне на владѣльческихъ земляхъ жалуются постоянно на прикащиковъ и доводчиковъ, которые берутъ оброкъ не по грамотамъ и не по окладу и требуютъ исполненія лишнихъ повинностей. Напримѣръ, изъ имѣнія суздальскаго епископства, послѣ того какъ крестьяне были привлечены къ отбыванію повин-

ности вмѣстѣ съ посадскими и волостными людьми, въ продолженіе четырехъ лѣтъ вышло 74 семьи. Крестьяне бѣжали отъ «разныхъ даней и разметовъ», отъ опричнаго правежа и отъ чрезмѣрныхъ оброковъ за землю въ пользу служилыхъ людей.

Вмѣсто того, чтобы устранить причины, заставлявшія народъ разбѣгаться, правительство избрало иной путь и всѣми средствами старалось поддерживать авторитетъ тѣхъ людей, которые заставляли народъ бѣжать. Мѣры, принятыя для удержанія народа, долго не достигали своей цѣли и въ теченіе двухъ столѣтій оставались безуспѣшными. Чтобы одолѣть препятствія и вѣковыя привычки народа, нужно было располагать такими средствами, какими тогдашнее правительство не располагало, тѣмъ болѣе, что оно дѣйствовало безо всякаго плана. Трудность заключалась еще и въ томъ, что прикрѣпленіе къ землѣ не могло быть обобщено, и правительство не располагало никакими контрольными средствами. Кромѣ пашенныхъ крестьянъ, была масса людей нетяглыхъ и бобылей. Прикрѣпить всѣхъ ихъ было не къ чему. Конечно, ихъ можно было заставить взять землю насильно; но такой обычай не вошелъ еще тогда въ обыкновеніе. Понятно, что за переходящими людьми слѣдить было трудно, и, подъ именемъ вольныхъ людей могли переходить тяглые крестьяне.

Тѣмъ не менѣе, прикрѣпленіе къ землѣ совершалось очень энергически; помѣщику давалась все большая и большая власть надъ личностью крестьянина, и экономическій гнетъ усиливался изъ года въ годъ. Можетъ быть, мѣры прикрѣпленія удались бы и гораздо скорѣе, еслибы окраины Россіи не представляли удобства для выхода изъ подобнаго положенія. На югѣ и востокѣ лежали привольныя степи съ богатой почвой и съ сильной растительностью, гдѣ можно было кормиться, даже не занимаясь земледѣліемъ. Эти привольныя окраины плѣняли воображеніе народа мечтами о «вольной волѣ», и народъ стремился въ степи, гдѣ надъ нимъ не могло быть никакой власти, гдѣ никто не заставлялъ бы его работать не на себя.

Московская власть, прикрѣпляя крестьянина къ землѣ, хотя и дѣйствовала въ видахъ фискальныхъ и государственныхъ, но нельзя не признать и того, что подобные интересы сливались съ интересами помѣщиковъ и служилыхъ людей, и отъ прикрѣпленія народа выиграло больше всего не государство, а лишь одна правящая часть его населенія.

Конечно, могло бы случиться и хуже. Могло бы случиться, что, вмѣсто прикрѣпленія народа къ землѣ, явилось бы полное рабство; помѣщикамъ укрѣпленіе холоповъ могло бы быть даже выгоднѣе, хотя, съ другой стороны, едва ли такой общественный строй оказался бы выгоденъ для правительства. Не подлежитъ сомнѣнію, что одной изъ главныхъ причинъ, помѣшавшихъ развитію рабства, было общинное землевладѣніе. Имѣй тогдашній помѣщикъ дѣло съ отдѣльными лицами, съ бобылями, холопами, онъ воспользовался бы ихъ трудомъ такимъ же образомъ, какъ пользовались трудомъ пролетаріевъ ирландскіе землевладѣльцы. Холопъ, не имѣя права уйти, долженъ былъ бы подчиниться всѣмъ требованіямъ помѣщика, но община спасла Россію отъ этого страшнаго состоянія. Въ то время, какъ помѣщикъ, являясь полновластнымъ господиномъ холопа, могъ бы предлагать ему всякія условія, съ общиной и міромъ ему было бороться труднѣе. Еслибы владѣлецъ задумалъ уменьшить крестьянскую землю или возвысить оброкъ, ему съ цѣлой общиной было бы справиться гораздо труднѣе, чѣмъ съ отдѣльнымъ лицомъ. Община, кромѣ того, не изображала собою и конкурирующей силы. Въ то время, когда каждое отдѣльное лицо, подъ давленіемъ конкуренціи, закабаляло себя болѣе и болѣе, община являлась организаціей, на которую нельзя было дѣйствовать обыкновенными средствами. Силы же для принудительныхъ мѣръ не доставало не только у владѣльцевъ, но даже и у правительствъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что за общину стоялъ обычай, а его нельзя было не уважать, ибо оскорбленіе народныхъ традицій, конечно, не прошло бы даромъ.

Другая услуга общины заключалась въ томъ, что она оберегала своихъ членовъ отъ бѣдности и экономическихъ несправедливостей, помогала исхудалымъ и вообще поддерживала благосостояніе народа, противодѣйствуя развитію пролетаріата. Наконецъ, та же община явилась представительницей справедливости, и, только благодаря ей, оказалось возможнымъ то равенство крестьянскихъ участковъ и пропорціональныхъ податныхъ платежей, какое установилось повсюду въ древней Россіи. Такимъ образомъ, если община и не могла совершить экономическихъ чудесъ, то уже, по меньшей мѣрѣ, ее нельзя лишить ея главной заслуги—заслуги спасенія Россіи отъ рабства.

Г. Соколовскій заключаетъ такъ свое изслѣдованіе экономическаго быта русскаго земледѣльца передъ крѣпостнымъ правомъ: «Экономическій бытъ изображалъ собою переходное состояніе къ худшему. Причины упадка народнаго благосостоянія заключались не въ свойствахъ природы, представлявшихъ, напротивъ, самыя благопріятныя условія для экономическаго развитія, также не въ физическихъ и умственныхъ качествахъ народа, доказавшаго свою предпріимчивость и трудолюбіе успѣшной колонизаціей громадной страны, а исключительно въ условіяхъ государственнаго быта. Упадокъ этотъ начался съ того времени, когда, съ развитіемъ помѣстной и податной системъ, русскій крестьянинъ былъ превращенъ въ тяглую единицу. Свободное развитіе народа на общинныхъ началахъ сдѣлалось, вслѣдствіе наложенія тягла, невозможнымъ, и народу приходилось поступиться своими вѣковыми обычаями; но отказаться отъ самыхъ коренныхъ основъ своего міровоззрѣнія онъ, очевидно, не могъ безъ борьбы. Въ продолженіе всего изслѣдуемаго періода крестьянство стремится различными способами уклониться отъ подчиненія все возрастающимъ требованіямъ государства. Тягло падало на него преимущественно чрезъ землю, и крестьяне или отказываются отъ нея совершенно,

или берутъ меньшіе участки, или, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, переходятъ съ однѣхъ земель на другія, гоняясь за льготами, хотя бы и временными. Болѣе предпріимчивыя личности начинаютъ выходить за предѣлы государства. Съ цѣлью обезпечить исправное отбываніе тягла, правительство прикрѣпляетъ крестьянство сначала къ землѣ, а затѣмъ къ личности помѣщика. Усиливающіяся экономическія тягости и ограниченіе личныхъ правъ крестьянъ вызываетъ побѣги за рубежъ, которые постепенно достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Бѣглецы колонизуютъ юго-восточныя степи до Дона и Урала, устраивая свой бытъ на излюбленныхъ началахъ вольной общины. Продолжая усиливать мѣры взысканія за побѣги, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится подчинить своему вліянію и выбѣжавшихъ изъ предѣловъ московскаго государства. Покореніе Казани и Астрахани дало ему возможность покрыть сторожами и огородами большую часть юго-восточныхъ окраинъ и поставить казачество въ зависимоть отъ Москвы. Результатъ этотъ достигнутъ былъ послѣ долгихъ усилій, и самостоятельное существованіе казачества прекращается только въ XVIII вѣкѣ. Съ этой поры оно входитъ снова въ составъ тяглой массы, хотя и на болѣе выгодныхъ условіяхъ, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ».

X.

Общинный союзъ, основанный на общинной помощи, есть такая форма общежитія, которая можетъ примирять всевозможныя общественныя и экономическія требованія и можетъ существовать при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Общины чисто-земледѣльческія, полу-земледѣльческія, ремесленныя, промышленныя, торговыя существовали и въ древности, и въ средніе вѣка, существуютъ и въ новѣйшее время. Новгородъ, несмотря на разнообразіе своего населенія и его интересы, жилъ общинной жизнью. При всѣхъ теоретическихъ возможностяхъ, первоначальная русская община не сохранилась въ своемъ свободномъ, чистомъ видѣ и приняла тяглый характеръ. Спрашивается: былъ ли этотъ переходъ естественнымъ фазисомъ въ исторіи русской общины, явившимся вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, или же древнее устройство могло удержаться въ своихъ началахъ и община получила иное содержаніе, усовершенствовавшись въ своихъ приспособленіяхъ, не измѣняя въ то же время своего основного характера? Исторія русской общины не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но мы можемъ его найти въ исторіи общинъ другихъ народовъ.

Общины, образовавшіяся у насъ на сѣверо-западѣ, на западѣ, на сѣверо-востокѣ, имѣли въ Великомъ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ центральныя правительства. Правительства эти были, однако, слишкомъ слабы, чтобы вести борьбу съ московской властью, ужъ только по одному тому, что не имѣли другого войска, кромѣ временнаго ополченія. Ополченцы были слишкомъ плохими вояками, чтобы устоять противъ организованныхъ армій ливонскихъ рыцарей и московскихъ царей, предводимыхъ опытными ратными людьми. Когда, наконецъ, Новгородъ и Псковъ, не выдержавъ напора Москвы, должны были сдаться силѣ, московская царская власть, признавъ землю собственностью царя и великаго князя, противопоставила немедленно общинному началу начало личное. Цѣлью всѣхъ стремленій московской власти было могущество и величіе государства, а не единоличное счастіе, бывшее идеаломъ общины. Общиной московское правительство воспользовалось, какъ однимъ изъ средствъ служенія себѣ, и весьма послѣдовательно стало стремиться къ достиженію этой цѣли.

Московская власть прежде всего постаралась создать себѣ въ общинѣ постоянныхъ слугъ, связанныхъ присягой князю, и указала общинамъ выбирать старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ, десятскихъ и пятидесятскихъ. Выбирать въ эти должности велѣно было лучшихъ людей, которые бы были «собою добры и къ нашему дѣлу пригожи». Чтобы сообщить крестьянскому самоуправленію тяглый характеръ, московское правительство дало общинѣ власть надъ ея отдѣльными членами. Прежде всего былъ ограниченъ срокъ перехода крестьянъ юрьевымъ днемъ. Затѣмъ общинѣ была поручена раскладка податей, размѣръ которыхъ опредѣлялся московской властью. Общины играли въ этомъ случаѣ пассивную роль. Размѣръ податей и налоговъ опредѣлялся центральной властью, община не могла ни уменьшить ихъ, ни протестовать противъ нихъ и должна была безропотно повиноваться требованію. Все, что ей предоставлялось, заключалось лишь въ томъ, чтобы справедливой раскладкой, по возможности, уменьшить платежную тягость.

Далѣе московская власть постаралась сообщить своимъ выборнымъ чинамъ возможно-сильную полицейскую власть, повелѣвъ «старостамъ и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ людямъ беречи накрѣпко, чтобъ у нихъ на посадѣ, въ станѣхъ и волостяхъ татей и разбойниковъ, и ябедниковъ, и подписчиковъ, и всякихъ лихихъ людей не было, и пріѣзду-бъ ни къ кому лихихъ людей не было». Выборные начальники должны были слѣдить, чтобы въ деревняхъ не было непозволительныхъ игръ, корчемства, разврата, и крестьяне, къ которымъ пріѣзжали посторонніе люди, обязаны были доводить объ этомъ до свѣдѣнія старостъ, цѣловальниковъ или сотскихъ и пятидесятскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцы получили право вмѣшательства въ общинную полицію, и вообще власть общины была доведена почти до нуля. Постоянныя вмѣшательства внѣшней власти привели къ тому, что первобытное отношеніе общины совсѣмъ измѣнилось, и то, что она дѣлала прежде по сознанію необходимости и вслѣдствіе внутреннихъ требованій, стало исполняться теперь по обязанности.

Въ общинномъ судѣ совершалась подобная же перемѣна. Прежде судъ сложился по вѣчевой формѣ; но, съ подчиненіемъ московскимъ князьямъ, онъ сдѣлался судомъ правительственнымъ, и право

на него передавалось иногда землевладѣльцамъ. Хотя землевладѣльцы и даже правительственные чины не могли судить безъ выборныхъ отъ общины, но эта уступка не спасла древняго общиннаго суда.

Вотъ главныя средства московской власти, которыми постепенно была уничтожена автономія русской общины, и прежній ея свободный характеръ смѣнился тягловымъ.

Конечно, трудно рѣшить, могли ли цѣли московскаго правительства достигнуться иными средствами, и какъ бы ему слѣдовало поступать, и могло ли оно поступить иначе; но историческій фактъ заключается въ томъ, что община, недоразвившись, должна была уступить другой, болѣе сильной формѣ.

XI.

Въ какой же формѣ досталась нашему времени древняя наша русская община, и въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ въ настоящее время? Въ отвѣтъ мы считаемъ удобнѣе всего привести подлинныя слова изслѣдователя и тотъ выводъ, которымъ онъ оканчиваетъ свой «Очеркъ исторіи сельской общины». «Давая каждому возможность приложить свой трудъ и обезпечивая безспорное пользованіе продуктами этого труда,—говоритъ г. Соколовскій,—народная система признаетъ землю неотчуждаемою собственностью всѣхъ жителей извѣстной территоріи. Основанная на началахъ взаимности и общинности, народная система устанавливаетъ равенство членовъ въ трудѣ и продуктѣ, во всѣхъ выгодахъ и потеряхъ, признавая этотъ путь единственнымъ для практическаго осуществленія идеи общаго блага. Начала эти, составляющія продуктъ народнаго самосознанія, воспитаннаго на вѣковомъ опытѣ, проникаютъ весь строй экономической жизни крестьянства даже и въ настоящее время, несмотря на всевозможныя неблагопріятныя вліянія. Внутри общины, конечно, нѣтъ и, повидимому, не можетъ явиться причинъ къ саморазрушенію; напротивъ, какъ мы старались доказать,—говоритъ г. Соколовскій,—она обладаетъ замѣчательною способностью приспособляться ко всѣмъ возможнымъ условіямъ, не отступая ни въ чемъ отъ своихъ основныхъ началъ. Отвѣчая болѣе, чѣмъ система индивидуализма, реальнымъ потребностямъ народа, общинная система пользуется повсемѣстно самою крѣпкою привязанностью со стороны народа, которую, по выраженію одного лица, сообщавшаго свои наблюденія «комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства», можно искоренить только насильственными мѣрами. Опасность грозитъ совсѣмъ съ другой стороны. Общественное мнѣніе, значеніе котораго, въ данномъ случаѣ, какъ выразителя взглядовъ заинтересованной и притомъ вліятельной стороны, не подлежитъ сомнѣнію, въ послѣднее время стало относиться къ ней все болѣе и болѣе враждебно. Выставивши назадъ тому 20 лѣтъ цѣлый рядъ талантливыхъ и энергическихъ защитниковъ общины въ литературѣ и въ средѣ губернскихъ комитетовъ, предъ сокрушающими доводами которыхъ должна была, наконецъ, совершенно замолчать незначительная партія противниковъ, которой не помогли ни авторитеты политической экономіи, ни измышленія о фискальномъ происхожденіи общины, —общественное мнѣніе послѣ уничтоженія крѣпостного права явно стала склоняться на сторону насильственнаго уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Для доказательства напомнимъ читателю пренія по докладу г. Бушена на сельскохозяйственномъ съѣздѣ 1865 года, ходатайства петербургскаго земства въ 1870 году о введеніи подворнаго владѣнія и, наконецъ, мнѣнія большинства лицъ, выслушанныхъ «комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства» 1872 года. Даже прежніе горячіе защитники общины, какъ напримѣръ, г. Кошелевъ, стоявшій до уничтоженія крѣпостного права за возможно полную самостоятельность ея, стали теперь находить, что крестьянамъ даны были слишкомъ широкія права, совершенно несоотвѣтствующія ихъ развитію, и видѣть въ общинѣ причину неудачи крестьянской реформы. Вѣрной своимъ прежнимъ взглядамъ осталась лишь группа защитниковъ, но очевидно, что одна она не можетъ вести успѣшной борьбы. Положеніе 19 февраля служитъ памятникомъ безпристрастнаго отношенія законодательства къ народной системѣ распредѣленія земли. Правда, нѣкоторыя статьи положенія доказываютъ слишкомъ ясно, что отдѣлъ объ общинномъ владѣніи составленъ подъ вліяніемъ мысли о неизбѣжномъ естественномъ саморазрушеніи поземельной общины: въ положеніи весьма точно, напримѣръ, опредѣлены правила, которыхъ слѣдуетъ держаться при переходѣ отъ общиннаго къ подворному владѣнію, между тѣмъ какъ вовсе не предполагается возможнымъ обратное явленіе. Нѣкоторыя постановленія даже облегчаютъ такой переходъ, именно предоставленіе права раздѣла общинныхъ земель на подворные участки $^3/_4$ голосовъ мірского схода, вмѣненіе въ обязанность общинѣ выдѣлять въ одномъ обрубѣ участокъ домохозяина, желающаго выйти изъ общины и уплатившаго всю, приходящуюся на его долю, часть государственной ссуды, предоставленіе усадьбы въ наслѣдственное пользованіе семьямъ и, наконецъ, введеніе начала большинства вмѣсто обычнаго начала единогласія; но во всемъ положеніи нѣтъ и намека на какое либо намѣреніе насильственно ускорить процессъ разрушенія общины. Въ докладѣ же Высочайше утвержденной «комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи» 1872 г. мысли о содѣйствіи къ выходу изъ общины, напротивъ, дано широкое развитіе, а разосланные въ 1876 г. въ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ вопросы объ удобнѣйшемъ выполненіи этой мѣры и вообще о способахъ замѣны общиннаго владѣнія подворнымъ доказываютъ, что заключенія комиссіи приняты во вниманіе».

Въ заключительныхъ словахъ г. Соколовскаго заключается порядочная доза лиризма. Можетъ быть, это одна изъ причинъ, почему его выводъ утрачиваетъ часть своей научной убѣдительности. Изслѣдованіе г. Соколовскаго было бы, разумѣется, полнѣе, еслибы онъ, не удовлетворяясь почти исключительно историко-юридической точкой зрѣнія,

подкрѣпилъ свои выводы и экономической теоріей. Мы не отрицаемъ, что индивидуальное воззрѣніе туго поддается убѣдительности экономическихъ доводовъ, если они не принадлежатъ теоріи индивидуализма. Но, съ другой стороны, если нельзя отрицать также, что всякое изслѣдованіе тѣмъ убѣдительнѣе и неотразимѣе, чѣмъ полнѣе и многообразнѣе факты, которыми оно пользуется, то нужно заключить, что изслѣдованіе г. Соколовскаго не потеряло бы ничего отъ большей массы экономическихъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя оставить безъ вниманія изслѣдованія г. Соколовскаго, и мы рекомендуемъ ихъ вниманію даже такихъ читателей, которые не особенно расположены къ теоретическимъ размышленіямъ и которые полагаютъ, что въ вопросахъ, освѣжаемыхъ г. Соколовскимъ, нельзя уже сказать ничего новаго. Многіе думаютъ, что вопросъ объ общинѣ, какъ экономическомъ явленіи, есть вопросъ оконченный. Конечно, такое мнѣніе могло явиться у людей, недостаточно знакомыхъ съ вопросомъ и съ тѣми изслѣдованіями экономической науки, которыя только въ недавнее время опредѣлили вполнѣ производительную сущность и выгодность солидарности и сочетанія труда. Съ этой точки зрѣнія вопросъ объ общинѣ, какъ экономическомъ явленіи,—вопросъ, далеко еще не сданный въ архивъ, ни народной, ни государственной жизнью, и всякое поспѣшное разрѣшеніе его, особенно съ точки зрѣнія индивидуализма, не обѣщаетъ быть разрѣшеніемъ правильнымъ. Г. Соколовскій, сколько это видно изъ его заключительныхъ словъ, смотритъ нѣсколько пессимистически и полагаетъ, что идея коллективности, выражающаяся въ русской общинѣ, проиграла свое дѣло. Но если, съ другой стороны, обратить вниманіе на труды новѣйшихъ изслѣдователей и на тотъ поворотъ, который совершается въ экономической наукѣ, то есть основаніе предполагать, что идея коллективности только что еще начинаетъ пріобрѣтать общественное значеніе и завоевывать себѣ мѣсто въ наукѣ. Поэтому можно предположить, что лирическій пессимизмъ г. Соколовскаго, не имѣя для себя достаточныхъ научныхъ основаній, лишенъ и силы убѣдительности, чтобы его можно было принять за несомнѣнный точный выводъ и послѣднее слово науки.

СТАТЬИ КРИТИЧЕСКІЯ.

ТАЛАНТЛИВАЯ БЕЗТАЛАННОСТЬ.

(„Обрывъ". Романъ И. А. Гончарова. 1869 г.).

I.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что, когда явилась «Обыкновенная исторія» Гончарова,—русская публика пришла въ восторгъ неописанный, и романъ молодого автора читался наперерывъ. Но вотъ чего, конечно, не помнитъ читатель. Онъ не помнитъ отзыва о Гончаровѣ Бѣлинскаго. Часто ошибался Бѣлинскій въ живыхъ авторахъ, но въ настоящемъ случаѣ не ошибся. Разбирая «Обыкновенную исторію», Бѣлинскій сказалъ о Гончаровѣ: «Онъ поэтъ, художникъ и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ правильныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова нѣтъ ничего кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны...» Говоря объ эпилогѣ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что его хоть бы не читать. «Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? — пишетъ Бѣлинскій.—Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли —и пересталъ быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ, и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности, умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли: авторъ «Обыкновенной исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностью сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностію рисовать, говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ... Главная сила таланта г. Гончарова—всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева... въ талантѣ г. Гончарова поэзія—агентъ первый, главный и единственный...»

Эта характеристика такъ вѣрна въ своихъ общихъ основаніяхъ, что прибавлять къ ней нечего. Но для болѣе точной и полной оцѣнки г. Гончарова ее нужно разъяснить въ подробностяхъ.

Со времени «Обыкновенной исторіи» въ мыслительныхъ способностяхъ г. Гончарова никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Оно и понятно—способности эти въ гостиномъ дворѣ не продаются. Г. Гончаровъ остался по прежнему поэтомъ, талантомъ, живописцемъ, съ тою только разницею противъ 1847 г., когда появилась «Обыкновенная исторія», что въ двадцать слишкомъ лѣтъ онъ еще больше окрѣпъ въ живописи и сталъ слабѣе, чѣмъ былъ, на почвѣ сознательной мысли.

Но уже и во времена Бѣлинскаго чувствовалось,

что писателю, кромѣ таланта, нужно имѣть еще *нѣчто*, и что это нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу. Уже во времена Бѣлинскаго у всѣхъ писателей явилось это *нѣчто*, и только одинъ г. Гончаровъ стремился къ идеалу чистаго искусства и пѣлъ, какъ птица божія, потому что хотѣлось пѣть.

Что это такое за *нѣчто*, и почему только въ немъ сила писателя, только въ немъ сила его таланта? Это *нѣчто* есть пониманіе жизни, пониманіе общественныхъ потребностей и соціальныхъ стремленій. Это *нѣчто* есть смыслъ руководящій; это *нѣчто* есть умъ. Если у автора нѣтъ свѣтлаго, прогрессивнаго ума,—его не спасаетъ никакой талантъ.

Что такое писатель, какъ не общественный дѣятель? что такое писатель, какъ не интеллектуальная сила, какъ не путеводная звѣзда, за которой идутъ тѣ, кто понимать и разсуждать безошибочно не въ состояніи?

Чему же служитъ въ этомъ случаѣ талантъ, и для чего онъ нуженъ?

Въ сценѣ отъѣзда Адуева изъ деревни (Обыкн. истор.) мы читаемъ: «Коренная безпрестанно поднимала и трясла голову. Колокольчикъ издавалъ всякій разъ при этомъ рѣзкій звукъ, напоминавшій о разлукѣ, а пристяжныя стояли, задумчиво опустивъ головы, какъ будто понимая всю прелесть предстоящаго имъ путешествія, и изрѣдка обмахивались хвостами или протягивали нижнюю губу къ коренной лошади... Антонъ Иванычъ потрепалъ одну лошадь по шеѣ, потомъ взялъ ее за ноздри и потрясъ въ обѣ стороны, чѣмъ та, казалось, вовсе была недовольна, потому что оскалила зубы и тотчасъ же фыркнула». Недурно. Въ вашемъ воображеніи рисуются знакомыя сцены, у васъ какъ бы передъ глазами ямская тройка, вы видите, что авторъ нарисовалъ сцену мастерски, и говорите—талантъ.

Въ «Обрывѣ» талантъ наблюдательности и изображенія мелочей является еще сильнѣе. Описаніе тетокъ Бѣловодовой, напримѣръ, превосходно: «Это были двѣ высокія, сѣдыя, чинныя старушки, ходившія дома въ тяжелыхъ, шелковыхъ, темныхъ платьяхъ, большихъ чепцахъ, на рукахъ со многими перстнями. Надежда Васильевна страдала тикомъ и носила подъ чепцомъ бархатную шапочку, на плечахъ бархатную, подбитую горностаемъ, кацавейку, а Анна Васильевна сырцовыя букли и большую шаль. У обѣихъ было по ридикюлю, а у Надежды Васильевны—высокая, золотая табакерка, около нея нѣсколько носовыхъ платковъ и моська, старая, всегда заспанная, хрипящая и отъ старости не узнающая никого изъ домашнихъ, кромѣ своей хозяйки. Домъ у тетокъ былъ старый, длинный, въ два этажа, съ гербомъ на фронтонѣ, съ толстыми, массивными стѣнами, съ глубокими окошками и длинными, темными простѣнками... Швейцаръ походилъ на Нептуна; лакеи пожилые и молчаливые; женщины въ темныхъ платьяхъ и чепцахъ. Экипажъ высокій, козлы съ шелковой бахромой, лошади старыя, породистыя, съ длинными шеями и спинами, съ побѣлѣвшими отъ старости губами, при ѣздѣ крупно кивающія головой...» Когда Райскій и Аяновъ вошли, «моська на нихъ захрипѣла, но не смогла полаять и, повертѣвшись около себя, опять улеглась... Надежда Васильевна ласково поглядѣла на вошедшихъ, съ удовольствіемъ высморкалась и сейчасъ же понюхала табаку, зная, что у нея будетъ партія...» Когда бабушка повезла Райскаго въ городъ, «ихъ везла пара малыхъ лошадей, ѣхавшихъ медленной рысью; въ груди у нихъ что-то отдавалось, точно икота. Кучеръ держалъ кнутъ въ кулакѣ, возжи лежали у него на колѣняхъ и онъ изрѣдка подергивалъ ими, съ лѣнивымъ любопытствомъ и зѣвотой поглядывая на знакомые предметы по сторонамъ... Доѣхали они до деревянныхъ рядовъ. Купецъ встрѣтилъ ихъ съ поклонами и съ улыбкой, держа шляпу на отлетѣ и голову наклонивъ немного въ сторону... Въ одной изъ лавокъ, у которой остановилась бабушка, были сукна и матеріи, въ другой комнатѣ—сыръ и леденцы, и пряности, и даже бронза. Бабушка пересмотрѣла всѣ матеріи; прицѣнилась и къ сыру, и къ карандашамъ, поговорила о цѣнѣ на хлѣбъ и перешла въ другую, потомъ въ третью лавку, наконецъ проѣхала черезъ базаръ и купила только веревку, чтобъ не вѣшали бабы бѣлье на дерево, и отдала Прохору. Онъ долго ее разсматривалъ, все потягивая въ рукахъ каждый вершокъ, потомъ посмотрѣлъ оба конца и спряталъ въ шапку...» Когда Райскій пріѣхалъ къ бабушкѣ изъ Петербурга, его глазамъ представилась неожиданно слѣдующая картина: «На крыльцѣ, въ родѣ веранды, установленной большими кадками съ лимонными, померанцевыми деревьями, кактусами, алоэ и розовыми цвѣтами, отгороженной отъ двора большой рѣшеткой и обращенной къ цвѣтнику и саду, стояла дѣвушка лѣтъ двадцати и съ двухъ тарелокъ, которыя держала передъ ней дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, босая, въ выбойчатомъ платьѣ, брала горстями пшено и бросала птицамъ. У ногъ ея толпились куры, индѣйки, утки, голуби, наконецъ воробьи и галки. «Цыпъ, цыпъ, ти, ти, ти! гуль, гуль, гуль!» ласковымъ голосомъ приглашала дѣвушка птицъ къ завтраку. Куры, пѣтухи, голуби торопливо хватали, отступали, какъ будто опасаясь ежеминутнаго предательства, и опять совались. А когда тутъ же вертѣлась галка и, подскакивая бокомъ, норовила воровски клюнуть пшено, дѣвушка топала ногой, «прочь, прочь: ты зачѣмъ?» кричала она замахиваясь, и вся пернатая толпа въ летъ разбрасывалась по сторонамъ, а черезъ минуту опять головки кучей совались жадно и торопливо клевать, какъ будто воруя зерна. «Ахъ ты жадный!» говорила дѣвушка, замахиваясь на большого пѣтуха—«никому не даешь—кому ни брошу, вездѣ схватитъ...» Райскій, не дожидаясь, пока ямщикъ завернетъ въ ворота, бросился впередъ, пробѣжалъ остатокъ рѣшетки и вдругъ очутился передъ дѣвушкой. «Сестрица!»—воскликнулъ онъ, протягивая руки. Въ одну минуту, какъ будто по волшебству, все исчезло. Онъ не успѣлъ уловить, какъ и

куда пропали дѣвушка и дѣвчонка: воробьи, мимо его носа, проворно махнули на кровлю. Голуби, похлопывая крыльями, точно ладонями, въ разсыпную кружились надъ его головой, какъ слѣпые. Куры съ отчаяннымъ кудахтаньемъ бросились по угламъ и даже пробовали съ испуга бросаться на стѣну. Индѣйскій пѣтухъ, поднявъ лапу и озираясь вокругъ, неистово ругался по своему, точно сердитый командиръ оборвалъ всю команду на ученьѣ за безпорядокъ. Всѣ люди на дворѣ, опѣшивъ за работой, съ разинутыми ртами, глядѣли на Райскаго. Онъ самъ почти испугался и смотрѣлъ на пустое мѣсто: передъ нимъ по землѣ были только одни разсыпанныя зерна...» Но наибольшую силу своего рисовальнаго таланта обнаружилъ г. Гончаровъ въ описаніи степного города: такъ, кажется, и видишь Симбирскъ. «Было за полдень давно; надъ городомъ лежало оцѣпенѣніе покоя, штиль на сушѣ, какой бываетъ на морѣ, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не городъ, а кладбище, какъ всѣ эти города. Онъ не то умеръ, не то уснулъ, или задумался. Растворенныя окна зіяли, какъ разверстыя, но не говорящія уста, нѣтъ дыханія, не бьется пульсъ. Куда же убѣжала жизнь? Гдѣ глаза и языкъ у этого лежащаго тѣла? Все пестро, зелено, и все молчитъ. Райскій вошелъ въ переулки и улицы: даже вѣтеръ не ходитъ. Пыль, уже третій день нетронутая, однимъ узоромъ отъ проѣхавшихъ колесъ лежитъ по улицамъ; въ тѣни забора отдыхаетъ козелъ, да куры, вырывъ ямки, усѣлись въ нихъ, а неутомимый пѣтухъ ищетъ поживы, проворно раскапывая, то одной, то другой ногой, кучу пыли. Собаки, свернувшись по три, по четыре, лежатъ разношерстной кучей на любомъ дворѣ, бросаясь, по временамъ, отъ праздности, съ лаемъ на рѣдкаго прохожаго, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ. Просторъ и пустота—какъ въ пустынѣ. Кое-гдѣ высунется изъ окна голова, съ сѣдой бородой, въ красной рубашкѣ, поглядитъ, зѣвая, на обѣ стороны, плюнетъ и спрячется. Въ другое окно, съ улицы, увидишь храпящаго на кожаномъ диванѣ человѣка въ халатѣ: подлѣ него на столикѣ лежатъ «вѣдомости», очки, и стоитъ графинъ кваса. Другой сидитъ по цѣлымъ часамъ у воротъ въ картузѣ и въ мирномъ бездѣйствіи смотритъ въ канаву съ крапивой и на заборъ на противоположной сторонѣ. Давно уже мнетъ носовой платокъ въ рукахъ—и все не рѣшается высморкаться: лѣнь. Тамъ кто-то бездѣйствуетъ у окна съ пѣнковой трубкой, и когда бы кто ни прошелъ мимо,—всегда сидитъ онъ съ довольнымъ, ничего не желающимъ и не скучающимъ взглядомъ...»

Талантъ, большой талантъ! Съ замѣчательной наблюдательностью г. Гончаровъ изучалъ внѣшнюю природу, привычки и поведеніе животныхъ и человѣка. Онъ подмѣтилъ, что лошадь никогда не фыркаетъ, не оскаливъ зубовъ, и не обойдетъ молчаніемъ этого обстоятельства. Онъ знаетъ, что у породистыхъ лошадей спины и шеи длинныя, и на ѣздѣ онѣ крупно киваютъ головами, и вотъ читателю указываетъ и на это. Онъ знаетъ, что собака, прежде чѣмъ ляжетъ, поворотится около себя нѣсколько разъ. Онъ подмѣтилъ, что галка прыгаетъ бокомъ и отличается воровскими привычками, что голуби хлопаютъ крыльями, точно ладонями, что куры въ испугѣ скачутъ на стѣну, а простонародье выражаетъ свое изумленіе разинутыми ртами. Нѣтъ такой мелочи, на которую бы г. Гончаровъ не обратилъ вниманія. Онъ вамъ объясняетъ, что у дяди Адуева (Обыкн. истор.) ногти были длинные и прозрачные; что Надежда Васильевна (Обрывъ) сморкалась иногда отъ удовольствія и затѣмъ нюхала табакъ, что купецъ, почтительно кланявшійся бабушкѣ Райскаго, держалъ шляпу на отлетѣ, а голову наклонивъ немного въ сторону, что какой-то прохожій, когда Райскій спросилъ его, гдѣ живетъ Козловъ, сначала подумалъ немного, потомъ оглядѣлъ Райскаго съ ногъ до головы, затѣмъ отвернулся въ сторону, высморкался въ пальцы и только тогда отвѣчалъ.

Но эта мелочная отдѣлка подробностей васъ не подкупаетъ. Вы видите за нею пружины, извѣстный заученный механизмъ, рѣзко бросающееся въ глаза подражаніе Гоголю. Тутъ, пожалуй, даже нѣтъ таланта въ смыслѣ старой творческой силы, а просто извѣстный, терпѣливо-выработанный пріемъ, сдѣлавшійся признакомъ гоголевской школы. Что такое заключеніе вѣрно, читатель убѣдится изъ слѣдующаго разсужденія.

Бѣлинскій относился къ автору «Обыкновенной исторіи» слишкомъ мягко, точно онъ хотѣлъ пощадить молодого писателя и, не слишкомъ задѣвая, навести его на истинный путь. Ужъ и тогда г. Гончаровъ пускался въ подробное, не подходящее къ дѣлу описаніе несущественнаго, не имѣющее ровно никакого отношенія къ основному вопросу. Бѣлинскій указывалъ ему на это; Бѣлинскій говорилъ, что ему недостаетъ *нѣчто*, что онъ отсталъ неизмѣримо отъ современныхъ ему писателей. Но г. Гончаровъ не понялъ этого предостереженія. Вмѣсто того, чтобы поработать надъ собою, онъ усилилъ въ себѣ свои старые недостатки, не прибавивъ ни одного изъ тѣхъ существенныхъ достоинствъ, безъ которыхъ невозможно быть писателемъ съ плодотворнымъ, прогрессивнымъ значеніемъ.

Какъ будто бы талантъ только въ томъ, чтобы изображать съ поразительной вѣрностью кудахтанье куръ, рысь старыхъ породистыхъ лошадей, пріемъ кучера, державшаго возжи въ кулакахъ, или тѣ клубничныя сцены, которыя дѣлаютъ «Обрывъ» романомъ, назначеннымъ по преимуществу для старыхъ холостяковъ? Неужели, чтобы прослыть талантливымъ, достаточно одной способности копировать до мелочныхъ подробностей все, что подвернется подъ руку, не справляясь, вяжется ли это съ главной идеей или нѣтъ? Бѣлинскій былъ неправъ въ своей деликатности, если только онъ ясно сознавалъ самъ, что онъ говорилъ. Бѣлинскій какъ будто отдѣлялъ талантъ отъ идеи, строго разграничивая поэтическое творчество отъ сознательной мысли. Но существуетъ ли такая черта? Можно ли быть талантомъ безъ мысли? Не будетъ ли это безсвязнымъ, хоть и красивымъ, бредомъ сумасшедшаго?

Никто не живетъ въ пространствѣ. У всякаго

человѣка есть свое мѣсто на землѣ, свои мысли, свой опытъ, свое міровоззрѣніе, свой кругъ дѣятельности. У каждаго человѣка есть, что онъ любитъ, и есть, что онъ ненавидитъ, и эта ненависть и любовь скажутся въ каждомъ его дѣйствіи, въ каждомъ его произведеніи, если онъ талантъ. Подборами сценъ, характеровъ, обстоятельствъ талантъ выразитъ непремѣнно себя, выкажетъ свою душу, постарается передать вамъ свои симпатіи и антипатіи, поставитъ васъ на свою точку зрѣнія, и это-то будетъ идеей его труда, его произведенія. Поэтому чисто объективное, поэтическое творчество, въ которомъ бы не высказался писатель, какъ человѣкъ, какъ членъ общества, совершенно немыслимо; ибо каждый писатель, какъ бы онъ ни былъ силенъ, какъ поэтъ и художникъ, прежде всего человѣкъ, существо привязанное къ землѣ, къ людямъ, стремящееся къ личному счастію. Дуракъ, какъ бы онъ ни былъ талантливъ, обнаружитъ немедленно свою дураковатость соціальной безполезностью своего произведенія, и эта безполезность будетъ опять его идеей. Безъ идеи, безъ мысли никакое произведеніе невозможно. И эта соціальная мысль или *нѣчто*, какъ выражается Бѣлинскій, есть единственное мѣрило таланта, есть основная его сила. Не силой поэтическаго творчества опредѣляется размѣръ таланта, а силой, воодушевляющей его мысли, силой ея соціальной, прогрессивной полезности.

Неужели талантъ и искусство нужны только для того, чтобы рисовать необычайно живописно всякія житейскія безполезности? Поэтъ рисуетъ вамъ необычайно вѣрно завываніе вѣтра въ пустынѣ или ночной вой шакаловъ. Если при описаніи этихъ сценъ у васъ въ умѣ не возникаетъ никакой полезной параллели, къ чему служитъ такое описаніе? Станете ли вы читать книгу, не возбуждающую въ васъ никакого интереса? А что такое интересъ, какъ не ваше ближайшее отношеніе къ жизни? Во всемъ вы ищете себя, во всемъ вы ищете отвѣтовъ на свои вопросы.

Описаніе природы имѣетъ смыслъ настолько, насколько рисуетъ умъ или глупость коллективной жизни человѣка, силу и власть человѣка надъ этой природой. Почему весьма хитро измышленная статья г. Страхова «О жителяхъ луны» осталась незамѣченной, несмотря на всю ловкость ея логическаго построенія? А только потому, что вамъ нѣтъ никакого дѣла до жителей луны, пока къ нимъ не будетъ проведена желѣзная дорога. Описаніе природы вамъ важно лишь въ прогрессивно-историческомъ смыслѣ, т. е. насколько человѣкъ въ борьбѣ съ природой торжествуетъ или падаетъ въ безсиліи. Природа важна для насъ настолько, насколько человѣкъ зависитъ отъ нея. Безотносительной природы нѣтъ, и, какъ бы ни были велики ураганы у жителей луны г. Страхова, вамъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла, пока лунный ураганъ не задѣнетъ васъ, пока онъ не заставитъ васъ справиться о цѣлости крыши вашего дома или не заставитъ васъ подумать о болѣе тепломъ одѣялѣ.

Степной городъ г. Гончарова важенъ для васъ не потому, что въ вашемъ воображеніи возникаетъ картина знойной пустыни съ собаками, лежащими лѣнивыми кучками, и съ людьми, истомленными жаромъ до того, что имъ трудно высморкаться; важенъ онъ вамъ потому, что возбуждаетъ ассоціацію идей соціальнаго характера, рисуетъ вамъ спячку мозга, покой могилы, отсутствіе активности, дичь, невѣжество, отсталость. Вамъ хочется понять, почему эти люди такъ жалки, такъ глупы и бѣдны, почему для нихъ счастье въ томъ, въ чемъ каждый умственно развитый человѣкъ увидѣлъ бы свое несчастье? Но вотъ тутъ-то и возникаетъ истинная задача таланта. Пусть онъ стоитъ за занавѣсомъ, и вы не замѣчаете его пріемовъ. Но талантъ долженъ представить вамъ именно всѣ данныя, которыя должны возбудить въ васъ правильное, прогрессивно соціальное мышленіе. Талантъ долженъ подобрать всѣ факты, всѣ обстоятельства, всѣ особенности, чтобы сконцентрировать ваши мысли въ извѣстномъ, точно-опредѣленномъ направленіи и привести васъ къ правильному логическому выводу. Все постороннее, мѣшающее быстротѣ и силѣ вашего мышленія въ данномъ направленіи, будетъ уже не задачей таланта, а признакомъ безталанности. Для чего вамъ нужно знать, что собака, прежде чѣмъ легла, повернулась нѣсколько разъ вокругъ себя, или что куры прыгали въ испугѣ на стѣну, если эти факты не помогаютъ вашему мышленію въ извѣстномъ данномъ направленіи и не усиливаютъ вашего соціальнаго вывода? Пропустите ихъ — проиграете или выиграете вы въ своемъ знаніи? Если умственное безразличіе несомнѣнно, то къ чему приводить факты, только мѣшающіе вашему мышленію, только затемняющіе его своею постороннею примѣсью?

Талантъ есть только та сила, которая умѣетъ концентрировать данныя для извѣстнаго положительнаго вывода, и непремѣнно вывода высокой общественной полезности, вывода, очищающаго понятія и имѣющаго руководящее значеніе. Талантъ есть сила образнаго изображенія въ широко захватывающихъ картинахъ, сильнѣе дѣйствующихъ на воображеніе, борьбы и умственнаго торжества человѣка надъ мракомъ и невѣжествомъ. Борьба можетъ быть съ природой, борьба можетъ быть соціальная, но все ради этой борьбы, все ради торжества свѣта надъ тьмою. Въ иной формѣ, въ иномъ значеніи талантъ немыслимъ, ибо онъ иначе талантливая безталанность, красивое пустословіе, поэтическая бездѣлка. Если обыкновенному человѣку разсказать обыкновеннымъ, простымъ языкомъ о пыткѣ и ея гнусности, разсказъ можетъ пропасть холостымъ зарядомъ; но вотъ талантъ, поэтъ, живописецъ, изобразитъ вамъ пытку съ такими подробностями физіологически вѣрными и сконцентрированными, что у васъ захватываетъ духъ, точно васъ самого жарятъ на огнѣ или распинаютъ на крестѣ, и вы проникаетесь негодованіемъ противъ изувѣрства и глубокимъ сочувствіемъ къ страдающимъ, — вотъ въ чемъ талантъ, вотъ въ чемъ его задача. Если талантъ не имѣетъ подобной прогрессивной, просвѣщающей тенденціи,—онъ не талантъ, а неудавшаяся сила. Бывали даже неудавшіеся геніи, почему

же г. Гончарову не быть неудавшимся талантомъ? А неудавшимся талантомъ будетъ всякій писатель, который не въ силахъ имѣть воспитательнаго значенія, который не въ состояніи пробуждать хорошихъ, благородныхъ чувствъ и гуманныхъ мыслей.

Самъ г. Гончаровъ произнесъ себѣ приговоръ, конечно, не подозрѣвая того, что можно вывести изъ его словъ. Онъ говоритъ: «глупая красота — не красота. Вглядись въ тупую красавицу, всмотрись глубоко въ каждую черту лица, въ улыбку ея, взглядъ—красота ея мало по малу превратится въ поразительное безобразіе: воображеніе можетъ на минуту увлечься, но умъ и чувство не удовлетворятся такой красотой: ея мѣсто въ гаремѣ. Красота, исполненная ума—необычайная сила: она движетъ міромъ, она дѣлаетъ исторію, строитъ судьбы; она явно или тайно присутствуетъ въ каждомъ событіи. Красота и грація—это своего рода воплощеніе ума. Отъ этого дура никогда не можетъ быть красавицей, а дурная собой, но умная женщина, часто блеститъ красотой. Красота, про которую я говорю, прежде всего будитъ въ человѣкѣ человѣка, шевелитъ мысль, поднимаетъ духъ, оплодотворяетъ творческую силу генія, не тратитъ лучи свои на мелочь, не грязнитъ чистоту...»

О какой красотѣ говорите вы, г. Гончаровъ? Ужъ, конечно, не о красотѣ смазливаго женскаго личика. Вы признаете, что красота есть какая-то таинственная сила, двигающая человѣка на все хорошее, честное и благородное, дѣлающая его гуманнымъ, доброжелательнымъ и потому великимъ. Что же это такое, какъ не умъ, выводящій человѣка изъ лабиринта житейской запутанности, созданной человѣческой глупостью, на свѣтлый и прямой путь къ благополучію? Вы не признаете красоты безъ ума; повѣрьте, что нѣтъ безъ ума и таланта.

Г. Гончаровъ предпослалъ своему роману весьма наивное объясненіе. Онъ говоритъ, что программа этого романа была набросана имъ еще въ 1856 и 1857 гг., т. е., 12 лѣтъ назадъ. Всѣ характеры были имъ обдуманы, кромѣ Марка Волохова, которому подъ конецъ романа онъ придалъ болѣе *современный оттѣнокъ;* что задача, которой онъ задался, казалась ему не по силамъ. Но лестное участіе къ его прежнимъ трудамъ возлагало на него обязанность или сознаться въ своей несостоятельности и уничтожить рукопись, или напечатать то, что написалось, и такимъ образомъ представить публикѣ *запоздалый* трудъ».

По истинѣ, печальная судьба являться постоянно предъ публикой съ запоздалыми трудами! Когда появилось первое произведеніе г. Гончарова, его преслѣдовалъ тотъ же рокъ. «Говорятъ, писалъ Бѣлинскій, типъ молодого Адуева—устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ...» И хотя Бѣлинскій пытается увѣрить читателя, что подобные типы на Руси еще не вывелись, но Бѣлинскій въ этомъ случаѣ былъ подкупленъ красотою изложенія, т. е. тѣмъ самымъ, что заставляетъ и теперь еще всю Россію читать «Обрывъ», не подозрѣвая всей талантливой безталанности этого произведенія.

Уже въ сороковыхъ годахъ г. Гончаровъ стоялъ особнякомъ и неизмѣримо позади литературныхъ дѣятелей того времени. Это было почти тридцать лѣтъ назадъ. И вотъ этотъ, уже въ молодости отстававшій, писатель снова привлекаетъ вниманіе русской читающей публики. Снова носятся съ его «Обрывомъ», какъ нѣкогда съ его «Обыкновенной исторіей». Такъ ли мы зрѣлы, какъ были тогда; такъ ли насъ легко подкупить теперь одной красивой формой и безсодержательной внѣшностью; даромъ ли пропали для насъ послѣднія 15 лѣтъ; нужны ли нашему обществу подобные писатели, или время требуетъ другихъ талантовъ, не заставляющихъ насъ думать безполезно? Посмотримъ!

II.

Есть разные способы мышленія. Можно думать образами и картинами, какъ думаютъ романисты, художники, поэты; можно думать афоризмами, какъ думаетъ большинство женщинъ; можно думать послѣдовательнымъ логическимъ мышленіемъ. Сила всѣхъ этихъ родовъ мышленія бываетъ различная, прямо выходящая изъ качества человѣческаго мозга. Отъ этого бываютъ слабые и сильные романисты, поэты, художники, слабые или сильные мыслители. Логичность мышленія, въ какой бы формѣ она ни выражалась, есть сила неотразимая, всесокрушающая, влекущая; противъ нея устоять невозможно. Гдѣ же нѣтъ этой неотразимой силы— тамъ нѣтъ логики, тамъ нѣтъ прогрессивнаго мышленія.

Вся соль романа г. Гончарова заключается въ его героѣ Маркѣ. Вычеркните Марка—и романа нѣтъ, нѣтъ жизни, нѣтъ страстей, нѣтъ интереса, «Обрывъ» невозможенъ. Маркъ—это сосудъ, вмѣщающій въ себѣ всю сумму русскихъ заблужденій. Это черное пятно на свѣтломъ горизонтѣ русской патріархальной добродѣтели; это темная сила, идущая по ложному пути и губящая все, къ чему она ни прикасается. Г. Гончаровъ, рисуя Марка, хотѣлъ сказать будущей Россіи—вотъ чѣмъ ты можешь быть — спасайся!

Прототипомъ Марка служитъ Базаровъ. Но Базаровъ лучезарнѣе, чище, свѣтлѣе. Для изображенія же Марка г. Гончаровъ опустилъ кисть въ сажу и сплеча, вершковыми полосами, нарисовалъ всклокоченную фигуру, вродѣ бѣжавшаго изъ рудниковъ каторжнаго.

Люди, считающіе себя представителями новыхъ понятій, при появленіи въ литературѣ типовъ, подобныхъ Марку, обнаруживали постоянно непростительную запальчивость. Базаровъ чуть не произвелъ междуусобной войны. Каррикатуру и глумленіе каждый принималъ за портретъ. Одинъ лагерь вламывался въ амбицію; другой тыкалъ въ каррикатуру пальцемъ, съ злобной укоризной поглядывая на всякаго молодого человѣка.

По отношенію къ г. Гончарову обидчивость менѣе всего простительна. Г. Гончаровъ еще моло-

дымъ не умѣлъ стоять въ передовомъ полку Бѣлинскаго, неужели мы будемъ настолько неразсудительны, чтобы требовать отъ него передового человѣка черезъ тридцать лѣтъ? Предположите, что современная критика воспылала бы негодованіемъ противъ направленія Карамзина, Загоскина, Лажечникова. Развѣ къ дѣятелямъ карамзинскаго и пушкинскаго періода можетъ быть другое отношеніе, кромѣ разсудочнаго, спокойнаго, историческаго? Изъ-за чего негодованіе къ этимъ призракамъ? Вы скажете, что есть изъ нихъ и не призраки, а живые люди, которые сердятся, пишутъ, бранятся. Ну, и пусть себѣ. Оттого они и бранятся, что чувствуютъ свое безсиліе; оттого они и сердятся, что не понимаютъ. Задача современной критики вовсе не въ запальчивой личной борьбѣ съ отжившими писаталями. По отношенію къ нимъ ей слѣдуетъ лишь произнести надгробное слово и отпустить ихъ съ миромъ. Истинная задача критики въ томъ, чтобы спасти читателя отъ губительнаго обаянія формы, показать, что у позолоченнаго орѣха гнилое ядро, что за красивыми словами скрывается полнѣйшій обскурантизмъ и маломысліе, этотъ самый ужаснѣйшій ядъ, отъ котораго нужно спасать современное русское общество. «Обрывъ» читаютъ всѣ, но многіе ли въ состояніи отличить въ немъ форму отъ сущности, указать разницу между Маркомъ и Райскимъ, увидѣть скверность подъ позолотой?

Какъ только г. Гончарову впервые пришлось сказать къ слову о Маркѣ, читатель узнаетъ, что Маркъ Волоховъ нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ Аттила, Чингисъ-ханъ и Омаръ, взятые вмѣстѣ; что для него нѣтъ ничего святого, что изъ самыхъ драгоцѣнныхъ книгъ онъ, по прочтеніи, выдираетъ листы и закуриваетъ ими сигары или, скатавъ трубочку, чиститъ ею ногти или уши. Этотъ Волоховъ—чудо степного города. Его никто не любитъ и всѣ боятся. Онъ сосланъ подъ надзоръ полиціи и съ тѣхъ поръ городъ—нельзя сказать, чтобъ былъ въ безопасности. Такъ писалъ о Маркѣ Леонтій Козловъ Райскому.

Рекомендація, сдѣланная Татьяной Марковной, была нѣсколько опредѣлительнѣе, но за то и хуже. Райскій узналъ, что Волоховъ—Маркушка, да еще и бездомный; что, гдѣ бы его ни увидѣть, слѣдуетъ бѣжать отъ него, какъ отъ сатаны, потому что онъ собьетъ съ пути; что онъ грубъ и невѣжа; что онъ чуть не застрѣлилъ Нила Андреевича; что на Крицкую напустилъ собакъ, которыя оборвали ей шлейфъ, и что, вообще онъ человѣкъ пропащій.

Но портретъ, рисуемый самимъ авторомъ романа, еще грандіознѣе. «Маркъ былъ лѣтъ двадцати семи, средняго роста, сложенный крѣпко, точно изъ металла, и пропорціонально. Онъ былъ не блондинъ, а блѣдный лицомъ; волосы блѣдно-русые, закинутые густой гривой на уши и на затылокъ, открывали большой выпуклый лобъ. Усы и борода жидкіе. Открытое, какъ будко дерзкое лицо далеко выходило впередъ. Черты лица не совсѣмъ правильныя, довольно крупныя. Руки у него длинныя, кости рукъ большія, правильныя и цѣпкія. Взглядъ сѣрыхъ глазъ былъ или смѣлый, вызывающій, или по большей части холодный и ко всему небрежный. Сжавшись въ комокъ, онъ сидѣлъ неподвиженъ; ноги, руки не шевелились, точно замерли; глаза смотрѣли на все спокойно или холодно. Но подъ этой неподвижностью таилась зоркость, чуткость и тревожность, какая замѣтна иногда въ лежащей, повидимому, покойно и беззаботно собакѣ»... За тѣмъ идетъ подробное описаніе собаки, лежащей, повидимому, спокойно, а между тѣмъ готовой каждую минуту вскочить и залаять. Маркушка — бездомный, какъ называла Волохова Татьяна Марковна, оказывается прозвищемъ весьма деликатнаго свойства предъ букетомъ, приподнесеннымъ герою романа самимъ авторомъ. И вотъ что значитъ сила таланта: вполнѣ отъ автора зависѣло обозвать Марка львомъ, тигромъ, крокодиломъ, змѣей, свиньей, кошкой, смотря по тому, какое представленіе требовалось возбудить въ умѣ читателя. Авторъ нашелъ, что лучше и пристойнѣе всего сравнить Марка съ собакой, несмотря на то, что грива, большой лобъ и смѣлые сѣрые глаза давали ему нѣкоторое и, какъ кажется, не малое право на сходство со львомъ. Еслибы авторъ задался мыслью похвалить Марка и выставить его образцомъ житейскихъ добродѣтелей, то, конечно, онъ сравнилъ бы его со львомъ; но какъ имѣлось въ виду выругать, то и большая соотвѣтственность была найдена въ сравненіи съ собакой. Отдѣляется ли талантъ отъ идеи? Сознательно или безсознательно подбираются сравненія?

Изъ дальнѣйшаго жизнеописанія Марка мы узнаемъ, что онъ ничего не дѣлаетъ по людски. Подступитъ ли къ нему голодъ ночью, онъ, нисколько не соображая, что весь городъ спитъ, и нигдѣ ничего достать невозможно, предполагаетъ поднять тревогу, крикнуть «пожаръ» и ворваться въ трактиръ. Когда на такое смѣлое предложеніе ему отвѣчаютъ, что его могутъ изъ трактира выгнать, Маркъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, ужъ это напрасно: не впустить меня еще можно; а когда я войду, такъ ужъ не выгонишь!» Для Марка не существуетъ ни дверей, ни воротъ,—онъ лазитъ въ окна и черезъ заборы; ѣстъ онъ за четверыхъ, пьетъ, какъ медвѣдь; живетъ на концѣ города въ клѣтушкѣ у огородника, спитъ въ телѣгѣ, подъ рогожей, хоть и владѣетъ тоненькимъ старымъ тюфякомъ, тощимъ ваточнымъ одѣяломъ и маленькой подушкой; средствъ для существованія у него нѣтъ никакихъ, и чѣмъ онъ живетъ—неизвѣстно; увидѣвъ въ первый разъ человѣка, у котораго онъ знаетъ, что есть деньги, Маркъ немедленно проситъ въ долгъ рублей триста, не менѣе, и объявляетъ, что онъ долга платить не будетъ; такъ прямо и говоритъ: «я вамъ... никогда не отдамъ, развѣ только будете въ моемъ положеніи, а я въ вашемъ»... Износится ли его платье,—а у васъ онъ видитъ платье хорошее,—онъ поступаетъ съ такою же нецеремонностью и чуть не силой отнимаетъ ваше платье и даетъ вамъ свое. Собственность, сколько видно, онъ не особенно уважаетъ. Когда Вѣра поймала его на кражѣ яблоковъ и упрекнула въ томъ, что онъ беретъ тихонь-

ко чужія яблоки, Маркъ отвѣтилъ ей: «Они—мои, а не чужія,—*вы* воруете ихъ у меня!» Образованное населеніе степного города называло его отщепенцемъ, отверженцемъ, Карломъ Моромъ, «Варравой». Хозяйка дома—огородница—говорила, что онъ—благой, какой-то чудной, и что безъ мужа ей жутко съ нимъ одной.

Остановимся пока на этихъ внѣшнихъ чертахъ, изображаемыхъ г. Гончаровымъ съ такой талантливостью, что вами овладѣваетъ рѣшительное недоумѣніе, о комъ тутъ рѣчь—о Горкинѣ или Кореневѣ въ юности, о букѣевской ордѣ или о государствѣ, сложившемъ извѣстный, внѣшній порядокъ?

Идите впередъ послѣдовательно безъ лукавства, въ которое маскируется г. Гончаровъ, и скажите, возможны ли у насъ подобные типы? Предположимъ, что возможны отдѣльные люди; но вѣдь г. Гончаровъ ставитъ «вопросъ»; онъ обобщаетъ, онъ создаетъ типъ, онъ пророчествуетъ. Намъ прежде всего объясняютъ, что Маркъ живетъ подъ надзоромъ полиціи. Вы знаете, что это значитъ; положимъ, вы, какъ читатель, можете этого и не знать, но г. Гончаровъ, какъ писатель, знать это долженъ. Лѣтъ двадцать назадъ въ Новоузенскѣ жилъ молодой докторъ, который, подобно Марку, лазилъ вѣчно въ окна, а когда отправлялся купаться, то, раздѣвшись дома, шелъ нагишомъ черезъ весь городъ до рѣки и въ такомъ же костюмѣ возвращался домой. Предположите, что подобную особенность какой нибудь авторъ вздумалъ бы изобразить, какъ типическій признакъ всего молодого поколѣнія того времени. Что бы вы подумали о наблюдательной способности и о сообразительности автора? И въ чемъ пикантность этой особенности, въ чемъ ея внутренняя суть? Бѣлинскій говоритъ, что г. Гончаровъ, какъ замѣчательный талантъ, только рисуетъ то, что онъ видитъ; а добираться до сути, дѣлать выводъ обязанъ уже самъ читатель. Мы задаемся вопросомъ: повсюду и ко всѣмъ Маркъ путешествуетъ этимъ прямымъ, кратчайшимъ путемъ или нѣтъ? И какъ онъ посѣщаетъ своихъ знакомыхъ, живущихъ во второмъ или третьемъ этажѣ, и какъ онъ минуетъ ворота, если дворъ окруженъ высокимъ заборомъ? Г. Гончаровъ молчитъ. Сокращеніе труда руководитъ Маркомъ или другія соображенія? Г. Гончаровъ опять молчитъ; онъ—талантъ,—дѣлайте выводъ сами. Или имѣлось въ виду нарисовать картину грандіознаго отрицанія, не признающаго даже архитектуры и попирающаго рѣшительно все? Но вѣдь прежде всего всякое отрицаніе есть логическое построеніе; оно есть стремленіе къ замѣнѣ худшаго лучшимъ. Конечно, отрицатель можетъ ошибаться, и такую ошибку г. Гончаровъ, вѣроятно, и хотѣлъ изобразить. Но можно ли ошибаться до того, чтобы отрицать ворота и двери? При той бѣдности, въ которой обрѣтался Маркъ, это было уже совсѣмъ неразсудительно, ибо онъ рисковалъ оставить на заборѣ свои послѣдніе штаны. А г. Гончаровъ увѣряетъ, что Маркъ смотрѣлъ умно и говорилъ логически!

Г. Гончаровъ говоритъ, что Маркъ стрѣлялъ въ Нила Андреевича, что онъ напустилъ собакъ на Крицкую, что онъ врывался силой въ трактиры. Во первыхъ, нужно ли это? Нилъ Андреевичъ былъ предсѣдатель какой-то палаты, генералъ, лицо почетное и всѣми уважаемое; Крицкая принадлежала тоже къ губернской аристократіи. И вы думаете, что человѣкъ, находящійся подъ надзоромъ полиціи, могъ бы оставаться прежнимъ «Варравой» послѣ такихъ пассажей и посмѣлъ бы думать о штурмованіи трактировъ? Не русскимъ читателямъ разсказывайте, г. Гончаровъ, подобныя небывальщины. Кисейная барышня, увидѣвъ Марка въ вашей картинѣ на базарѣ, съ чужими яблоками, скажетъ: «фи, какой противный!» Но мы знаемъ, что г. Гончаровъ—талантъ, и что онъ измыслилъ эту сцену для эффекта, что въ дѣйствительности она никогда не бывала, да и невозможна. Типъ не долженъ уважать ничьихъ заборовъ и ничьихъ яблоковъ. И вы думаете, что мѣстные мѣщане не переломали бы Марку всѣ ребра? Дѣло другое, если Маркъ взлѣзъ на заборъ Татьяны Марковны, чтобы порисоваться передъ Вѣрой и завести съ нею знакомство. Но развѣ это типическая черта, развѣ обобщеніе возможно? А отрицаніе собственности! Маркъ прямо объявляетъ, что долговъ не отдаетъ,—и находятся всетаки люди, которые даютъ ему деньги. Г. Гончаровъ, подумайте! Предположите, что какой нибудь господинъ приходитъ къ вамъ и проситъ у васъ 300 р., на условіи никогда не отдавать долга. Дадите вы ему или нѣтъ? За кого же вы принимаете своихъ читателей?

Наконецъ, помимо всего этого, обратимся къ личной наблюдательности читателя. Скажите, случалось ли вамъ встрѣчать молодыхъ людей, отрицающихъ двери и ворота, штурмующихъ трактиры, напускающихъ собакъ на элегантныхъ барынь, стрѣляющихъ въ почетныхъ лицъ, ворующихъ яблоки и овощи, занимающихъ деньги безъ отдачи и присваивающихъ себѣ чужое платье, если оно лучше собственнаго? И когда Маркъ колобродитъ у г. Гончарова? Когда объ освобожденіи крестьянъ въ русскомъобществѣ толковали еще шопотомъ,—это значитъ около 1859 года. Видѣли ли вы въ этомъ году не только законченный типъ, но даже и отдѣльныхъ людей Маркова пошиба?

Бѣлинскій былъ правъ, когда предостерегалъ г. Гончарова не забираться въ неподлежащую ему область сознательной мысли. Какъ хорошъ, неподражаемо хорошъ г. Гончаровъ, когда рисуетъ старыхъ мосекъ, старыхъ лошадей, кивающихъ крупно головами, собакъ, лежащихъ отъ жара лѣнивыми кучами, куръ, прыгающихъ на стѣны, и голубей, хлопающихъ въ ладоши! Въ животномъ мірѣ намъ все загадка. Насъ плѣняетъ вѣрно схваченная внѣшность, и мы съ упоеніемъ говоримъ: о, какой талантъ г. Гончаровъ! Но съ человѣкомъ иное. Намъ мало знать фасонъ и качество его платья, безцеремонность обращенія и вольное поведеніе вообще,—мы хотимъ забраться непремѣнно въ душу человѣка и распластать ее такъ, чтобы причина каждаго его побужденія, каждаго его поступка лежала передъ нами, какъ на тарелкѣ. Что же сдѣлалъ г. Гончаровъ съ добро-

душнымъ и довѣрчивымъ русскимъ читателемъ? Онъ просто надъ нимъ насмѣялся. Г. Гончарову кто-то наговорилъ, что завелись въ Россіи злодѣи, и попросилъ его принять противъ нихъ литературныя мѣры. И вотъ г. Гончаровъ уподобился молодому неразумному пѣтуху, прыгающему со страха на стѣну. Страхъ большой, но дѣйствительной опасности не имѣется. Данныхъ нѣтъ, факта нѣтъ, типа не существуетъ. Г. Гончаровъ отправился въ неподлежащую ему область и тамъ началъ измышлять. Но вѣдь сила не во внѣшности,—сила во внутреннемъ содержаніи. Какъ человѣкъ исключительно формы, г. Гончаровъ придумалъ внѣшнія несообразности, но вложить въ нихъ душу былъ не въ состояніи, потому что ея не выдумаешь. Для такого поверхностнаго таланта, какъ г. Гончаровъ, нужно, чтобы передъ его глазами стояла готовая картина, и онъ ее опишетъ дѣйствительно мастерски и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Но чтобы прозрѣть въ будущее, чтобы заглянуть въ самую глубь того, что̀ шевелится на днѣ человѣческой души, что̀ происходитъ въ его умѣ, что̀ управляетъ его желаніями и стремленіями, — у г. Гончарова никогда не бывало силы. Посмотрите, какъ хорошъ Гончаровъ, когда онъ рисуетъ знатныхъ тетушекъ и ихъ мосекъ, старыхъ безпутныхъ волокитъ, камелій и простыхъ распутныхъ женщинъ. Въ этомъ мірѣ онъ, какъ рыба въ водѣ. Ему извѣстно все, все до послѣдней мелочи. Предъ вами стоятъ живые люди. Но чуть человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ существующей дѣйствительности—и вы видите ложь, выдумку, инсинуацію. Если внѣшними фактами отрицанія собственности г. Гончаровъ хотѣлъ изобличить несостоятельность извѣстнаго экономическаго ученія, или пока доктрины, то онъ трудился даже не менѣе напрасно, чѣмъ молодой пѣтухъ, прыгающій со страха на стѣну. Во первыхъ, русское общество знаетъ на этотъ счетъ гораздо больше того, что сообщилъ ему г. Гончаровъ; а во вторыхъ, выводить на сцену пріемы наглой беззастѣнчивости вовсе не значитъ опровергать логическія построенія. Неловкость г. Гончарова въ неподлежащей ему области обнаружилась въ настоящемъ случаѣ гораздо рѣзче, чѣмъ когда еще Бѣлинскій предостерегалъ его не садиться не въ свои сани.

Впрочемъ, г. Гончаровъ, изображая внѣшніе подвиги Марка, не относится къ нимъ, повидимому, съ особенной настойчивостью. Конечно, это можно объяснить, пожалуй, и тѣмъ, что г. Гончаровъ вовсе не мыслитель и недостаточно знакомъ съ теоретическою сущностью того, о чемъ онъ взялся трактовать.

Но иначе относится авторъ къ вопросу, когда выводитъ на сцену Вѣру. До сихъ поръ кидались какія-то крупныя, и хотя очень черныя, но тѣмъ не менѣе всетаки неясныя черты. Но съ появленіемъ Вѣры и съ изложеніемъ исторіи ея любви и *паденія* начинается собственно романъ, криминальное обвиненіе Марка,—вотъ гдѣ вся его чудовищность. До сихъ поръ о Маркѣ говорилось какъ бы вскользь. Читатель подготовлялся къ тому, что на сцену должно выступить нѣчто очень ужасное, невозможное, поразительное, вродѣ мастодонта или ихтіозавра. Теперь же этотъ ихтіозавръ рисуется во всей своей страшной красѣ.

Почему Юлія «Обыкн. истор.» вышла такой нѣжной, чувствительной особой, помѣшанной на вѣчной любви, авторъ далъ намъ нѣкоторую возможность догадываться. Ее воспитывалъ французъ на романахъ, надѣлавшихъ въ то время большой шумъ: Le manuscript vert, Les sept péchés capitaux, L'âne mort и т. д. Венера, похожденія которой были очень хорошо извѣстны Юліи отъ того же француза, оказывалась агнцемъ невинности сравнительно съ героинями этихъ романовъ. Юлія жадно читала новую школу. Съ эмбріологіей Вѣры насъ почти не знакомятъ: заставляютъ догадываться, какъ бы намѣренно накидываютъ на нее вуаль таинственности.

Съ заученной талантливостью, прежде чѣмъ показать Вѣру, намъ показываютъ ея комнату. Но въ комнатѣ рѣшительно нѣтъ ничего, что бы указывало на вкусъ и склонности хозяйки. Загадка осталась загадкой. Интересъ возбуждается.

Потомъ намъ показываютъ очень красивую дѣвушку, въ чертахъ которой не видно ни чистосердечія, ни дѣтскаго, херувимскаго дыханія свѣжести, но на которой лежитъ какая-то тайна, мелькаетъ не высказывающаяся сразу прелесть въ лучѣ взгляда, во внезапномъ поворотѣ головы, въ сдержанной граціи движеній, что-то неудержимо прокрадывающееся въ душу во всей фигурѣ.

Прочитавъ такое художественное, но въ то же время совершенно непонятное описаніе наружности героини, проницательный читатель сейчасъ же догадывается, что онъ имѣетъ дѣло съ талантомъ очень опытнымъ, но очень, очень старой школы, когда каждая дѣва была неземной, таинственной, непостижимой тайной природы; когда для уразумѣнія женскаго сердца писались цѣлые томы, и всетаки ничего не уразумѣвалось. Читатель немедленно соображаетъ, что ему предстоитъ очень трудная задача постигнуть непостижимое и понять непонятное даже для самого автора. И читатель правъ.

Вѣра съ перваго же раза осадила Райскаго, показавъ ему всю неумѣстность его экзаменовъ. Въ то же время Райскій замѣтилъ, что Вѣра держитъ себя со строгой недоступностью, и ее какъ бы побаивается даже и сама Татьяна Марковна. Бабушка щедро надѣляла Марфиньку замѣчаніями и предостереженіями на каждомъ шагу, но Вѣру обходила съ осторожностью. «Бывали случаи, что Вѣра вдругъ охватывалась какой-то лихорадочной дѣятельностью, и тогда она кипѣла изумительною быстротою и обнаруживала тьму мелкихъ способностей, какихъ въ ней нельзя было подозрѣвать. Такъ, она однажды изъ куска кисеи часа въ полтора сдѣлала два чепца: одинъ бабушкѣ, другой—Крицкой, съ тончайшимъ вкусомъ, работая надъ ними со страстью, съ адскимъ (?) проворствомъ и одушевленіемъ, потомъ черезъ пять минутъ забыла объ этомъ и сидѣла опять праздно. Иногда она какъ будто прочтетъ упрекъ въ глазахъ бабушки,

и тогда особенно одолѣетъ ее дикая, порывистая дѣятельность: она примется помогать Марфинькѣ по хозяйству и въ пять-десять минутъ, все порывами, передѣлаетъ бездну; возьметъ что нибудь въ руки, быстро сдѣлаетъ, оставитъ, забудетъ, примется за другое, опять сдѣлаетъ и выйдетъ изъ этого также внезапно, какъ войдетъ». Кромѣ этой порывистости и неровности, въ Вѣрѣ замѣчались сдержанность, сосредоточенность, стремленіе къ независимости и полнѣйшая таинственность въ поведеніи. Татьяна Марковна говорила про Вѣру, что для нея свой умъ и своя воля выше всего. «И бабушка не смѣй спросить ни о чемъ: «нѣтъ да нѣтъ ничего, не знаю да не вѣдаю». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мной, а я не знаю, что у нея на умѣ, что она любитъ, что нѣтъ. Если и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лекарства не спроситъ, а только пуще молчитъ. Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ; ни шить по канвѣ, ни музыки не любитъ, ни въ гости не ѣздитъ,— такъ уродилась такая! Я не видала, чтобы она засмѣялась отъ души или заплакала бы». И самъ авторъ, которому бы слѣдовало знать Вѣру лучше, чѣмъ бабушкѣ, не выводитъ читателя изъ недоразумѣнія, а, напротивъ, сбиваетъ его еще больше. «Да,— говоритъ онъ,—это не простодушный ребенокъ, какъ Марфинька, и не «барышня». Ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей, искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливались складъ ума, нравы, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы и отдѣлалась отъ нея, добиваясь правды. Въ ней много спирта, задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера,—всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая женщина и дать направленіе своей и чужой жизни, многимъ жизнямъ, освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставитъ ее судьба. Она пока младенецъ, но съ титанической силой...»

Если вѣрить всему тому, что говорится о Вѣрѣ въ текстѣ романа, а не судить о ней по ея собственнымъ поступкамъ, то она дѣйствительно сила. Но какая же это сила, въ чемъ ея задатки, къ чему она должна придти по существу своихъ душевныхъ элементовъ, по своему органическому составу, по основнымъ свойствамъ своего ума? Г. Гончаровъ, какъ видно, принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые полагаютъ, что воспитаніемъ достигается все. Изображая Вѣру не только цѣльной натурой, но и титанической силой, онъ въ то же время говоритъ, что «надо только, чтобы сила эта правильно развилась и разумно направилась». Вотъ гдѣ завязка всѣхъ противорѣчій въ характерѣ Вѣры. Съ одной стороны—это титаническая сила, съ другой—все зависитъ отъ воспитанія. И, согласно этой непослѣдовательности въ самомъ замыслѣ автора, Вѣра распадается на двѣ Вѣры. Одна Вѣра, какою ее видитъ читатель въ портретѣ, рисуемомъ авторомъ, и въ туманныхъ очеркахъ пустомели Райскаго, та Вѣра, которую никто не понимаетъ, ни даже бабушка, живущая съ нею 22 года,—Вѣра порыва, сосредоточенности, быстрыхъ способностей, Вѣра сильнаго, самостоятельнаго характера, свободолюбивая и независимая; другая Вѣра—робкая, нерѣшительная, ищущая внѣшней поддержки и покровительства, спасающаяся въ религіозномъ чувствѣ, боящаяся общественнаго мнѣнія, условныхъ формъ и установившагося обычая. Откуда же является эта раздвоенность? Если намъ говорятъ, что въ человѣкѣ сидитъ титаническая сила, мы знаемъ, что онъ двоиться и качаться не станетъ; если же онъ двоится и качается, то, очевидно, что въ немъ титанической силы нѣтъ. Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію Вѣры и для провѣрки непослѣдовательностей автора? Ключъ отъ загадки— опять въ томъ же свойствѣ таланта г. Гончарова, по которому ему слѣдуетъ уклоняться всѣми силами отъ чуждой ему области и не браться за разрѣшеніе современныхъ вопросовъ.

Г. Гончаровъ соткалъ Вѣру изъ газа, облаковъ, ароматовъ цвѣтовъ, красокъ радуги, облекъ ее въ невысказывающуюся прелесть, нашелъ въ ея глазахъ лучи и нѣчто, неудержимо прокрадывающееся въ мужскую душу, и рядомъ съ такимъ вербнымъ херувимомъ поставилъ чудище—ихтіозавра Марка! Вѣра—это голубиная чистота всѣхъ душевныхъ прелестей, начало добра и счастья; Маркъ— исчадіе всеотрицающаго сомнѣнія, исковерканный человѣкъ. Одно—добро, другое—зло. Въ борьбѣ добра со зломъ—сущность романа. Зло одолѣваетъ; но добро не гибнетъ, а, напротивъ, подобно золоту, выходитъ изъ огня еще чище; восторжествовавшее, повидимому, зло въ сущности искупило свой грѣхъ покаяніемъ и такимъ образомъ тоже очистилось. Вотъ ходули старой морали, на которыя взобрался г. Гончаровъ ради спасенія Россіи.

Но неблагодарная Россія, въ лицѣ болѣе разсудительныхъ людей, не внемлетъ пророчеству автора «Обрыва». Она очень хорошо видитъ, что «Обрывъ»—не больше, какъ театръ маріонетокъ. Все въ немъ—пружины и красиво размалеванныя куклы; но русскихъ людей и русскихъ типовъ въ немъ нѣтъ ни одного, ни одной живой души, ни одного новаго, своеобразнаго характера. Развѣ благоухающая Вѣра—новый типъ? Развѣ Марка мы не видѣли, но только въ болѣе точномъ и опредѣлительномъ изображеніи? Развѣ борьбу стараго и новаго не излагали уже съ далеко большею ясностью?

У г. Гончарова же, прочитавъ всю исторію любви, вплоть до катастрофы, никакъ не поймешь, въ чемъ заключалась сущность препирательства, какія начала отстаиваются съ одной стороны и какія проводятся съ другой. Авторъ увѣряетъ, будто бы происходитъ борьба разрушительныхъ принциповъ, навѣянныхъ кѣмъ-то и откуда-то, съ прирожденной человѣку правдой. Но ни однимъ словомъ онъ не обмолвился—какіе это разрушительные принципы и какая правда, и у читателя, одолѣвшаго романъ до конца, удерживается въ памяти лишь споръ о вѣчной и невѣчной любви.

Маркъ Волоховъ, въ своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ, конечно, если не очень глупъ, то, во всякомъ случаѣ, очень непослѣдователенъ. Будто онъ не замѣтилъ съ самаго начала, что Вѣра вовсе не умна,

что въ ней преобладаютъ въ сильнѣйшей степени сердечный элементъ, сантиментализмъ и въѣлись до мозга костей законы и правила степного, провинціальнаго міра, въ которомъ Вѣра родилась и прожила двадцать два года. На множествѣ страницъ Вѣра и Маркъ занимаются пустыми препирательствами, точно они и въ самомъ дѣлѣ рѣшаютъ вопросы и могутъ убѣдить другъ друга. Даже на послѣднемъ свиданіи, когда сила и разсудительность доводовъ должны были получить наибольшую взаимную неотразимость, мы встрѣчаемъ ту же болтовню, ту же игру въ красивыя слова. «Мы разойдемся навсегда,—говоритъ Маркъ,— если... бабушкины убѣжденія разведутъ насъ... Или ужъ сойдемся и не разойдемся больше...»—Никогда?—спросила Вѣра.—«Никогда! —повторилъ Маркъ съ досадой,—какая ложь въ этихъ словахъ: «никогда», «всегда»... Конечно, «никогда»: годъ, можетъ быть, два... три... Развѣ это не «никогда»? Вы хотите безсрочнаго чувства? Да развѣ оно есть?...»—Довольно, Маркъ: я тоже утомлена этой исторіей о любви на срокъ!.. Я думала, что мы наконецъ выскажемся, объявимъ другъ другу свои мысли, ну, надежды... и... потомъ я пойду къ бабушкѣ и скажу ей: вотъ кого я выбрала. . на всю жизнь...— И эта канитель съ вопросительными и восклицательными знаками разводится на десяткахъ страницъ и занимаетъ больше половины всего романа. Маркъ и Вѣра только и дѣла дѣлаютъ, что взаимно убѣждаютъ другъ друга. Маркъ говоритъ: я любить вѣчно не могу,—обѣщать это было бы ложью. Вѣра, напротивъ, настаиваетъ на счастьѣ вѣчномъ: я хочу, чтобы ты любилъ меня всегда! Райскій юлитъ и хлопочетъ на ту же тему, мечтаетъ тоже о вѣчномъ счастьѣ подъ розовымъ кустомъ, млѣетъ передъ Вѣрой и очень обижается, что ни Вѣра, ни Маркъ не хотятъ избрать его суперарбитромъ. Бабушка, кажется, лучше всѣхъ поняла, почему можно изнывать въ теченіе цѣлаго романа надъ такимъ пустымъ словопреніемъ: «Я съ докторомъ говорила,—сообщала она Райскому,— тотъ опять о нервахъ поетъ. Дѣвичьи припадки, что ли?...» Ну, конечно... Вѣра, должно быть, начиталась «Обыкновенной исторіи», хотя г. Гончаровъ объ этомъ нигдѣ не упоминаетъ. Есть тамъ двѣ сахарныя куколки—Юлія и Александръ Адуевъ. «Послѣ пяти лѣтъ замужества безъ любви,—поэтизируетъ г. Гончаровъ,— вдругъ явились для Юліи свобода и любовь. Она улыбнулася и простерла къ нимъ горячія объятія и предалась своей страсти, какъ человѣкъ предается быстрому бѣгу на конѣ: Онъ несется съ могучимъ животнымъ, забывая пространство; духъ замираетъ; предметы бѣгутъ назадъ; въ лицо вѣетъ свѣжесть, грудь едва выноситъ ощущеніе нѣги... или какъ человѣкъ, предающійся безпечно въ челнокѣ теченію волнъ: солнце грѣетъ его, зеленые бенега мелькаютъ въ глазахъ, игривая волна ласкаетъ корму и такъ сладко шепчетъ, забѣгаетъ впередъ и манитъ все дальше, дальше, показывая путь безконечной струей... И онъ влечется. Некогда смотрѣть и думать тогда, чѣмъ кончится путь: мчитъ ли конь въ пропасть, влечетъ ли волна на скалу?.. Мысли уноситъ вѣтеръ, глаза закрываются, обаяніе непреодолимо... такъ и она не преодолѣвала его, а все влеклась, влеклась... Для нея наконецъ настали поэтическія мгновенія жизни: она полюбила эту, то сладостную, то мучительную, тревожность души, искала сама волненій, выдумывала себѣ и муку, и счастье. Она пристрастилась къ своей любви, какъ пристращаются къ опіуму, и жадно пила сердечную отраву...» А молодой Адуевъ, этотъ второй экземпляръ Вѣры, только въ мужскихъ панталонахъ, тѣ же самыя сладострастныя побужденія выражалъ еще, пожалуй, въ болѣе смутной формѣ, болѣе безумной рѣчью: «Любовь,— говорилъ онъ,—это—чистое, святое чувство, поэзія; не любить—прозябать, прозябать безъ вдохновенія, безъ слезъ, безъ жизни. Любовь—святыя волненія!»—Знаю я эту святую любовь,—отвѣчалъ дядя;—въ твои лѣта только увидятъ локонъ, башмакъ, подвязку, дотронутся до руки—такъ по всему тѣлу и побѣжитъ святая, возвышенная любовь, а дай-ка волю, такъ и того...»—Въ письмѣ, которое дядя диктовалъ молодому Адуеву, высказывались слѣдующія разсудительныя мысли: «Дядя не вѣритъ въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣритъ въ домовыхъ,—и намъ не совѣтуетъ вѣрить. Жизнь не въ одномъ только этомъ состоитъ: для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви—глупо. Тѣ, которые ищутъ ея и не могутъ ни минуты обойтись безъ нея, живутъ сердцемъ и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ. Мы принадлежимъ обществу, которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя».

Двадцать два года назадъ, т. е. когда Вѣра только что родилась, г. Гончаровъ изображалъ въ лицѣ дяди Адуева реалиста, осмѣивающаго всякую романическую дичь и непригодный для жизни идеализмъ. Г. Гончаровъ стоялъ тогда на реальной почвѣ и усиливался показать тогдашнему молодому поколѣнію всю безплодность и практическую нелѣпость мышленія въ сладострастномъ направленіи, убивающемъ всякія силы и способности для полезной практической дѣятельности.

Стоило ли жить двадцать лѣтъ, чтобы повернуть на отсталый путь, чтобы отстаивать въ 1869 году то, что осмѣивалось и признавалось старымъ въ 1847 году? А именно такой задній ходъ и обнаружился въ мышленіи г. Гончарова. Дядя Адуева, не признающій вѣчной любви и сладострастнаго, платоническаго изнываніе, выставлялся русскому обществу, какъ образецъ прогрессивнаго мышленія; теперь же отсталымъ образцомъ сердечной непогрѣшимости выставляютъ намъ туманную, облачную Вѣру. Еслибы сердечныя изліянія Вѣры услышалъ дядя Адуева, то онъ, конечно, повторилъ бы ей то же, что сказалъ нѣкогда своему бѣснующемуся племяннику: «Ему говорятъ, что начало—въ разсудительности,—соображай поэтому конецъ; а онъ закрываетъ глаза, мотаетъ головой, какъ при видѣ пугала какого нибудь, и живетъ по дѣтски. По твоему живи день за днемъ, какъ живется, сидя

у порога своей хижины, измѣряй жизнь обѣдами, танцами, любовью да неизмѣнной дружбой. Все хотятъ золотого вѣка! Ужъ я сказалъ тебѣ, что съ твоими идеями хорошо сидѣть въ деревнѣ съ бабой да съ полдюжиной ребятъ, а здѣсь надо дѣло дѣлать... Да что съ тобою толковать,—заключилъ дядя:—ты теперь въ бреду...» «Съ твоими дѣтскими понятіями,—сказалъ бы еще дядя Адуева,—жизнь хороша тамъ, въ провинціи, гдѣ ея не вѣдаютъ,—тамъ и не люди живутъ, а ангелы, а какъ посмотришь, такъ все дуры и дураки».

Эта параллель должна убѣдить читателя, что сила мысли идетъ въ г. Гончаровѣ обратно пропорціонально силѣ его таланта; что нѣсколько прогрессивное вначалѣ мышленіе превратилось въ отступательное,—умъ получилъ задній ходъ, и что, наконецъ, Вѣра измышлена г. Гончаровымъ на свою собственную авторскую пагубу.

Намъ говорятъ въ текстѣ, что Вѣра—сила, и въ то же время рисуютъ зрѣлую дѣвушку, изнывающую въ любовномъ мистицизмѣ. Намъ говорятъ, что ее мучатъ вопросы, что она рвется пересоздать свою жизнь, и въ то же время не показываютъ ни одного вопроса, кромѣ вопроса вѣчной любви, и просятъ вѣрить на слово. Намъ говорятъ, что она—титаническая сила, натура цѣльная, своеобразная, самобытная, независимая, и въ то же время мы видимъ, что, послѣ всякаго свиданія съ Маркомъ, Вѣра укрывается въ часовнѣ или ищетъ ласкъ бабушки, жмется къ ней и чуть не ложится съ нею подъ одно одѣяло. Внутреннее противорѣчіе автора не можетъ выразиться въ болѣе рѣзкой, обличительной формѣ. Вліяніе напускныхъ идей и трудъ подъ гнетомъ чужихъ мыслей такъ очевидны во всемъ романѣ г. Гончарова, что автору было бы гораздо разсчетливѣе его не печатать.

Рѣзкій переломъ, наступившій въ Вѣрѣ послѣ катастрофы, лучше всего оправдываетъ физіологическую дальнозоркость Татьяны Марковны. Вѣра, какъ бы выразились психіатры, находилась въ аффектированномъ моментѣ непреодолимаго намѣренія, вызваннаго физіологическими требованіями организма. Возбужденіе кончилось немедленно, какъ немедленно наступаетъ свѣтлый моментъ за аффектомъ, вызвавшимъ преступленіе. Нервы упали, временно-возбужденную силу смѣнило безсиліе, отвагу и смѣлость — боязнь общественнаго мнѣнія. Вѣрѣ, какъ всѣмъ слабымъ людямъ, стало легче, когда она узнала, что она не одна *такая*, что даже и съ бабушкой случился грѣхъ въ молодости. На людяхъ и смерть красна — поговорка людей безсильныхъ. Вѣра увидѣла, что нѣтъ ничего новаго, что бы могло быть лучше мирнаго стараго, въ которомъ она родилась и выросла, и снова стало тепло въ ея груди, легче на сердцѣ. «Она внутренно встала на ноги, чувствуя, что въ ней льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ, стучится миръ въ душу, что душу эту, какъ темный, запущенный храмъ, освѣтили огнями и наполнили молитвами и надеждами...» Маркъ, конечно, былъ глупъ, не сумѣвъ предвидѣть подобнаго конца.

III.

По плану романиста, Маркъ долженъ былъ производить на читателя омерзительное впечатлѣніе, подобное волку, похищающему ягненка. Всѣ слова подобраны авторомъ такъ искусно, что задуманное впечатлѣніе дѣйствительно пробуждается. Но возбуждающія слова только форма, внѣшняя оболочка; надобно, чтобы внѣшность вполнѣ гармонировала съ внутреннимъ смысломъ, скрывающимся за словами, и только тогда возможенъ полный эффектъ, только тогда литературное произведеніе будетъ дѣйствительно талантливымъ.

Мы уже говорили, что у г. Гончарова нѣтъ способности послѣдовательности, и что форма стоитъ у него на первомъ планѣ, не служа отраженіемъ содержанія. Г. Гончаровъ держитъ передъ читателемъ зеркало, въ зеркалѣ показываетъ ему какое-то размалеванное чучело и въ то же время разсказываетъ: посмотрите, что это за небесное существо, сколько нѣги и аромата въ этой душѣ, сколько глубокой страсти, титаническихъ силъ и ума въ этихъ глазахъ и т. д. Добродушный читатель смотритъ и вѣритъ... Нигдѣ этотъ недостатокъ автора не обнаруживается такъ рѣзко, какъ въ изображеніи Райскаго.

Семь смертныхъ грѣховъ Марка заключались въ томъ, что:

1) Онъ не признаетъ дверей и калитокъ.

Райскій, когда шелъ съ первымъ визитомъ къ Марку, то вошелъ къ нему не въ калитку, а перелѣзъ черезъ плетень. Къ Козлову онъ забрался въ окно. Дѣло происходило такъ. Маркъ, не желая, какъ онъ говорилъ, будить собакъ, постучался къ Леонтію въ окно. Тотъ отворилъ, и Маркъ влѣзъ въ комнату. «Это кто еще за тобой лѣзетъ? Кого ты привелъ?»—съ испугомъ говорилъ Козловъ, замѣтивъ, что лѣзетъ еще кто-то.—Никого я не привелъ,—это тебѣ чудится... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, лѣзетъ кто-то...—Райскій въ это время вскочилъ въ комнату. Когда Райскій пригласилъ Марка къ себѣ ужинать, они тоже перелѣзли черезъ заборъ, хотя калитка была рядомъ.

2) Маркъ прицѣлился въ Нила Андреевича. Райскій на именинномъ завтракѣ, при гостяхъ, выругалъ его воромъ, взяточникомъ, и еслибы его не удержала Татьяна Марковна, то, конечно, его бы и поколотилъ.

3) Маркъ напустилъ собакъ на Крицкую, а Райскій такъ круто повернулъ ее за плечи на краю обрыва, что подобной шутки не позволилъ бы себѣ ни одинъ пьяный деревенскій мужикъ.

4) Маркъ отличался непочтеніемъ къ старшимъ и даже откармливалъ двухъ бульдоговъ, чтобы напустить ихъ на полиціймейстера. Райскій бульдоговъ не откармливалъ,—это правда, но онъ проявлялъ большую непочтительность къ болѣе высокимъ мѣстнымъ властямъ, чѣмъ полиціймейстеръ, а надъ устарѣлыми понятіями своей бабушки подсмѣивался съ полнымъ отсутствіемъ того пониманія, которое дѣлаетъ подтруниваніе совершенно ненужнымъ.

5) Маркъ ѣлъ чужія яблоки. Райскій не дѣлалъ этого, конечно, потому, что для хода романа это не было нужно.

6) Маркъ рвалъ чужія книги, чтобы ковырять у себя въ зубахъ. Въ Райскомъ этой поразительной черты мы не находимъ.

7) Но величайшій смертный грѣхъ Марка—«обрывъ». Какъ волкъ тащитъ въ лѣсъ ягненка, чтобы сожрать его, такъ утащилъ Маркъ Вѣру въ бесѣдку. За тѣмъ послѣдовали раздирательныя сцены раскаянія, муки, отчаянія съ одной стороны, и утѣшенія, великодушія, самоотверженія—съ другой. Г. Гончаровъ положилъ всего себя на отдѣлку пятой части. А Райскій, этотъ великодушный другъ и утѣшитель! Только здѣсь обнаружилась вся нравственная мизерность этого человѣка. Не онъ ли, не подозрѣвая ничего о любви Вѣры и считая ее свободной, усиливался всѣми средствами влюбить ее въ себя! Съ какой беззастѣнчивой настойчивостью онъ преслѣдовалъ ее въ то время, какъ она прямо отталкивала его отъ себя. И когда его тактика не удалась, когда его пошлая болтовня о вѣчномъ счастьѣ, о страсти, о клубничномъ наслажденіи пропала холостымъ зарядомъ,—онъ начинаетъ говорить противъ себя; онъ говоритъ «угасшимъ голосомъ»—*трагедія!* и, раскиснувъ окончательно, ѣдетъ ни съ того, ни съ сего въ Римъ лѣпить изъ глины. Этотъ Райскій, какъ и молодой Адуевъ, не могъ видѣть равнодушно ни одного смазливаго женскаго личика. Сначала онъ *развивалъ* Бѣловодову и тоже на множествѣ страницъ толковалъ съ нею до приторности о блаженствѣ и счастьѣ страсти и вѣчной любви. Въ то же время онъ успѣлъ *развить* Наташу и забылъ ее бѣдную, умиравшую въ чахоткѣ. Пріѣхавъ къ бабушкѣ, онъ немедленно принялся за развитіе Марфиньки и разъ подсѣлъ къ ней такъ близко, что у него сдѣлалось головокруженіе, причины котораго наивная Марфинька, конечно, не поняла. Бросивъ Марфиньку, онъ сталъ разжигать Вѣру, причемъ, потерпѣвъ неудачу, превратился въ друга. А Ульяна? Еслибы Райскій былъ порядочный человѣкъ въ смыслѣ проповѣдей г. Гончарова, онъ могъ бы сейчасъ положить предѣлъ ея натиску. Но въ томъ-то и дѣло, что Райскій всѣмъ женщинамъ, начиная съ Бѣловодовой, проповѣдывалъ свободную любовь. Въ этомъ же смыслѣ онъ поучалъ и Марфиньку; та сдуру разболтала Вѣрочкѣ, и Вѣрочка поймала его на непослѣдовательности, когда ему очень хотѣлось, чтобы Вѣра сказала, что любитъ его. Ну, занимайся всѣмъ этимъ Маркъ, то-то гоненіе поднялъ бы противъ него г. Гончаровъ! Повѣствуя же о Райскомъ, г. Гончаровъ выражается такъ пріятно, что выходитъ даже и хорошо.

Райскій—вообще любимецъ г. Гончарова, и изъ него онъ, какъ кажется, хотѣлъ создать новый типъ; но какъ г. Гончаровъ пишетъ свои романы десятки лѣтъ, то рамы первоначально задуманнаго плана пришлось раздвинуть и втиснуть въ серединку Марка. Иначе, безъ сомнѣнія, героемъ романа, хотя и менѣе пикантнымъ, оказался бы Райскій, а героиней по нынѣшнему—Вѣра. Конечно, романъ тогда бы выигралъ, если не по новизнѣ своей основной мысли, — ибо г. Тургеневъ давно уже воздѣлалъ эту почву,—то въ послѣдовательности, и г. Гончарову не пришлось бы выслушивать упрековъ въ умственной отсталости и въ непониманіи своего времени. Тотъ романъ былъ бы просто искусствомъ для искусства, безъ претензіи на тенденціозность, и лучше!

Райскій изображаетъ собою подготовительную переходную форму къ Марку. Райскій—герой благоприличный: онъ знаетъ языки, искусство, говоритъ довольно красиво; одѣвается по модѣ и можетъ быть принятъ въ любомъ столичномъ салонѣ, не то, что бездомный Маркушка. Новыя теоріи Райскій развиваетъ если и не совсѣмъ ясно и удовлетворительно, то, по крайней мѣрѣ, съ такою красотою, какой рѣшительно не усматривается въ дерзкомъ лаконизмѣ Волохова. Видно по всему, что Райскихъ г. Гончаровъ видѣлъ, изучалъ, знаетъ, тогда какъ съ Маркомъ онъ на чуждой почвѣ и долженъ, черпать всѣ данныя лишь въ собственномъ творчествѣ, выдумывать, сочинять. Отъ этого портретъ Марка есть только грубо, крупными чертами набросанный общій очеркъ, а въ Райскомъ вы видите такую тщательную отдѣлку мелочей, что у васъ рябитъ въ глазахъ, и общая идея совершенно расплывается подъ невообразимымъ множествомъ частностей, собранныхъ въ одну кучу. Но Райскій превращается въ переходную форму къ Марку и становится подставнымъ героемъ только съ 3-й части. До появленія на сценѣ Марка Райскій—новый человѣкъ и лишь при Маркѣ является элементомъ качающагося благоразумія.

Такъ, съ перваго знакомства съ Райскимъ вы слышите изъ устъ его соціальную проповѣдь. «У меня все есть, и ничего мнѣ не надо! говорите вы,—поучалъ Райскій Бѣловодову.—А спросили ли вы себя хоть разъ о томъ, сколько есть на свѣтѣ людей, у которыхъ ничего нѣтъ и которымъ все надо? Осмотритесь около себя: около васъ шелкъ, бархатъ, бронза, фарфоръ. Вы не знаете, какъ и откуда является готовый обѣдъ, у крыльца ждетъ экипажъ и везетъ васъ на балъ и въ оперу. Десять слугъ не дадутъ вамъ времени пожелать и исполняютъ почти ваши мысли... Не дѣлайте знаковъ нетерпѣнія. А думаете ли вы иногда, откуда это все берется и кѣмъ доставляется вамъ?.. А если бы вы знали, что тамъ, въ тамбовскихъ или орловскихъ вашихъ поляхъ, въ зной, жнетъ беременная баба...»—Cousin!—съ ужасомъ произнесла Бѣловодова. «Да,—продолжалъ онъ,—а ребятишекъ бросила дома,—они ползаютъ съ курами, поросятами; жизнь ихъ каждую минуту виситъ на волоскѣ: отъ злой собаки, отъ проѣзжей телѣги, отъ дождевой лужи... Я не проповѣдую коммунизма,—будьте покойны... Научить, «что дѣлать»,—я тоже не могу, не умѣю. Другіе научатъ. Мнѣ хотѣлось бы разбудить васъ; вы спите, а не живете... Современемъ вы постараетесь узнать, нѣтъ ли и за вами какого нибудь дѣла, кромѣ визитовъ. Представьте, напримѣръ, себѣ, еслибъ вамъ пришлось идти пѣшкомъ въ зимній вечеръ, одной взбираться на пятый

этажъ, давать уроки? Еслибы вы не знали, будетъ ли у васъ топлена комната и выработаете ли вы себѣ на башмаки и на салопъ,—да еще не себѣ, а дѣтямъ? И потомъ убиваться неотступною мыслью, что̀ вы сдѣлаете съ ними, когда упадутъ силы?.. и жить подъ этой мыслью, какъ подъ тучей, десять, двадцать лѣтъ».—C'est assez, cousin!—нетерпѣливо отвѣтила Бѣловодова.—Возьмите деньги и дайтет уда...—и она указала на улицу.—Такъ вотъ тѣ principes... А что дальше?—спросила она. «Дальше... любить... и быть любомой...»—И что же потомъ?—«Потомъ...—отвѣтилъ Райскій,—плодиться, множиться и населять землю...» «Воскресните, кузина, отъ сна,—проповѣдывалъ тотъ же Райскій той же Бѣловодовой въ другой разъ,—бросьте вашихъ Катринъ, ваши выѣзды—и узнайте другую жизнь. Когда запроситъ сердце свободы, не справляйтесь, что скажетъ кузина,—смѣло бросьтесь въ жизнь страстей, въ незнакомую вамъ сторону... Страсть—гроза жизни, а зачѣмъ гроза въ природѣ?.. Не къ раскаянію поведетъ васъ страсть,—она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предразсудки и дастъ вамъ дохнуть настоящей жизнью. Страсть подниметъ васъ высоко, вы черпнете познанія добра и зла, упьетесь счастьемъ и потомъ задумаетесь на всю жизнь,—не этой красивой, сонной задумчивостью... И когда я васъ встрѣчу потомъ, можетъ быть, измученную горемъ, но богатую и счастьемъ, и опытомъ, вы скажете, что вы не даромъ жили, и не будете отговариваться невѣдѣніемъ жизни. Вотъ тогда выглянете и туда, на улицу, захотите узнать, что дѣлаютъ ваши мужики, захотите кормить, учить, лечить ихъ... Поживъ въ тишинѣ, наединѣ, гдѣ нибудь въ чухонской деревнѣ, вы ужаснетесь вашего свѣта. Парижъ и Вѣна поблѣднѣютъ передъ той деревней. Прочь prince Pierre, comte Serge, тетушки, эти портьеры, драпри! Съ глазъ долой фамильные портреты!.. Вы возненавидите и Пашу съ Дашей, и швейцара, и всѣ выѣзды,—все вамъ опротивитъ тогда...» Маркъ, конечно, не говорилъ бы такъ многорѣчиво и съ такимъ паѳосомъ, но по части отрицанія и радикальнаго реализма онъ едва ли былъ бы въ состояніи идти дальше.

Не говоря уже про Марфиньку и Вѣру, Райскій не оставилъ въ покоѣ даже бабушки, которую наставлять на путь истины было уже совершенно безплодно. Райскій вздумалъ преподавать Татьянѣ Марковнѣ теорію утилитаризма, доказывая ей, что она глубоко ошибается, если въ желаніи дѣлать другимъ пріятное видитъ что нибудь другое, кромѣ личнаго удовольствія, личной пользы. Бабушка, конечно, пришла въ ужасъ, но Райскій остался непреклоненъ и даже прибавилъ, что онъ ходитъ по трактирамъ, играетъ на бильярдѣ и куритъ. Совсѣмъ радикалъ.

Вообще повсюду и вездѣ, гдѣ только не является Райскій, онъ вноситъ новый, разъѣдающій элементъ и тяготѣетъ ко всякой перемѣнѣ, ко всему новому. Оттого же онъ потянулся немедленно къ Марку и, несмотря на предостереженіе бабушки, свелъ тотчасъ же знакомство съ этимъ бездомнымъ искусителемъ. Но искуситель прозрѣлъ немедленно, что предъ нимъ—второстепенный герой, и что роль перваго героя отмежевалъ г. Гончаровъ ему, Марку. Презрительно отнесся Маркъ къ Райскому и, какъ говорится, раскусилъ его съ перваго раза. Маркъ видѣлъ, что это человѣкъ сердечный, добрый, способный на короткое увлеченіе, но рѣшительно неспособный ни къ какой выдержкѣ, ни къ какому прочному дѣлу. Когда Райскій вздумалъ говорить ему о своихъ *намѣреніяхъ*,—«Знаю,—отвѣтилъ Маркъ,—ими, говорятъ, вымощенъ адъ. Нѣтъ, вы ничего не сдѣлаете, и не выйдетъ изъ васъ ничего, кромѣ того, что вышло, т. е. очень мало. Много этакихъ у насъ было и есть: всѣ пропали или спились съ кругу. Я еще удивляюсь, что вы не пьете: наши художники обыкновенно кончаютъ этимъ. Это все неудачники!..»

Для насъ важно не то—удачникъ или неудачникъ Райскій,—намъ важно то, что русскій литературный интеллектъ стоитъ на такомъ низкомъ уровнѣ, и Райскаго, въ такомъ смутномъ, противорѣчивомъ видѣ, можно предлагать публикѣ. По первоначальному замыслу, т. е. судя по первой части романа, Райскій долженъ былъ явиться загадочной, титанической натурой. Но вы видите преждевременное развитіе, слабость работающихъ нервовъ, половую раздражительность, разбродъ мыслей, упадокъ, дегенерацію расы. Ходитъ въ этомъ человѣкѣ что-то смутное, колобродитъ какая-то сила; чувствительность, живость, перемѣнчивость впечатлѣній не даютъ человѣку сосредоточить своихъ силъ на одномъ предметѣ. Посмотрите на бездомнаго Марка: онъ изображенъ, правда, чудовищемъ, но вы видите, что этотъ желѣзносложенный организмъ владѣетъ желудкомъ, перерабатывающимъ каменья; что онъ не заплачетъ, когда Васюкъ начнетъ драть квинту, потому что у него проволочные нервы; что онъ можетъ спать на гвоздяхъ, покрываться, вмѣсто шелковаго одѣяла, рогожей,—и въ васъ возбуждается уваженіе къ силѣ, возбуждается увѣренность, что сила эта перетащитъ васъ и черезъ пропасть, и черезъ безплодную степь, что она выручитъ васъ изъ всякой бѣды. Что же это такое? Торжество реализма надъ идеализмомъ? Но развѣ такъ думаетъ Гончаровъ?..

Конечно, мы не имѣемъ права простирать своихъ претензій до того, чтобы обвинять лично Райскаго. Намъ важенъ не Райскій, а самъ г. Гончаровъ. Намъ обидно за грамотную Россію; обидно за то, что можно такъ свысока относиться къ коллективному русскому уму и печатать такія вещи, какъ «Обрывъ». Что такое Маркъ, Райскій, бабушка, Вѣра, Мироновна и т. д.? Все это степной хламъ, все это тѣни, покойники, призраки. Намъ въ 1869 г. рисуютъ людей, жившихъ въ 1837 г. Къ чему эти китайскія тѣни? Дѣтямъ онѣ не нужны; взрослымъ еще менѣе. Никакой связи съ современной дѣйствительностью; ни одного живого человѣка. Мы понимаемъ, что въ наше время можетъ явиться даже двадцатое изданіе «Мертвыхъ душъ», какъ сочиненіе, имѣющее историческое значеніе; но еслибы Гоголь продержалъ свой романъ у себя въ столѣ

тридцать лѣтъ и вздумалъ бы напечатать его, когда ни одной Коробочки не осталось на свѣтѣ, и сталъ бы выдавать свой трудъ за картину современности, мы, не отрицая таланта въ авторѣ, ни одной минуты не усомнились бы, что онъ сумасшедшій и что онъ страдаетъ той формой, которую психіатры зовутъ помѣшательствомъ величія.

Бѣлинскій, несомнѣнно, ошибался, когда отдѣлялъ идею отъ таланта; но даже и тогда, когда г. Гончаровъ стоялъ еще на реальной почвѣ, онъ замѣтилъ, что этотъ авторъ неспособенъ къ глубокому анализу, неспособенъ къ пониманію жизни и пружинъ, ею управляющихъ, неспособенъ къ послѣдовательному мышленію и владѣетъ исключительно талантомъ внѣшняго рисованья. Въ каждомъ словѣ г. Гончарова вы видите измышленіе; вы видите, что этотъ человѣкъ грызетъ перо, чиркаетъ и вычеркиваетъ, подбирая красивыя слова, какъ бусы на нитку, что весь его разсчетъ въ томъ, какъ его писанье выходитъ красиво со стороны. Что же касается идеи, мысли, логики, — выражаются ли онѣ рисункомъ, постепеннымъ подборомъ картинъ или строгимъ логическимъ изложеніемъ,—ихъ нѣтъ. «Обрывъ»—это сшивки разноцвѣтныхъ лоскутковъ, нарисованныхъ въ разное время, въ періодъ 12 лѣтъ, человѣкомъ, думавшимъ въ каждый послѣдующій годъ иначе, чѣмъ онъ думалъ въ предыдущій. Отъ этого въ первой части вы видите одинъ замыселъ. Старая чопорная Россія, разъѣзжающая въ коляскахъ съ высокими козлами,— вы, читатель, тогда еще не родились,—воспитываетъ молодое поколѣніе въ строгихъ мертвящихъ приличіяхъ. Аристократія, французскій языкъ, легкомысленное папильонство старыхъ шалуновъ, воображающихъ себя маркизами. Скажите, кому это нужно и когда? А между тѣмъ г. Гончаровъ измышляетъ цѣлую часть въ 137 страницъ, и эту часть печатаетъ не московское археологическое общество, а петербургскій журналъ «исторіи, политики, *литературы*», конечно, современной. Во второй части васъ внезапно переносятъ на полстолѣтія впередъ. Почему понадобился такой внезапный скачокъ? Какая связь между тетушками Бѣловодовой и Татьяной Марковной, между Софьей и Мироновной и Вѣрой? Никакой. Что же это? Исторія цивилизаціи Россіи, изображеніе картины послѣдовательнаго происхожденія и развитія новыхъ людей временъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, или что другое? Понять невозможно, да едва ли и самъ г. Гончаровъ понимаетъ, почему къ «Обрыву» приклеилась Бѣловодова съ ея бабушками и екатерининскимъ проказникомъ Пахотинымъ.

Во второй части вы видите новый замыселъ, и этотъ замыселъ продолжается до конца. Новая мѣстность, новые люди, новая жизнь. Степь съ ея удушливой жарой и спячкой мозга, деревенская жизнь съ ѣдой отъ утра до вечера, крѣпостной бытъ съ Савельями и Мишками и съ помѣщичьей придурью. Но кому же все это нужно, спустя восемь лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ? Какую новую мысль хочетъ высказать и высказываетъ авторъ? Опять никакой. Читаешь и ждешь, чего надѣлаетъ Райскій, этотъ герой, съ которымъ авторъ давно уже познакомилъ публику и на литературныхъ вечерахъ, и «эпизодами изъ жизни Райскаго». Но герой стушевывается; его смѣняетъ герой новый, а Райскій, превратившись изъ силы въ несостоятельность и опозорившись, сходитъ со сцены.

Но вы боитесь довѣрить собственному сужденію: не можетъ быть, чтобы такой извѣстный талантъ, какъ Гончаровъ, не имѣлъ тонкаго замысла и не изобразилъ бы его еще тоньше? Однако, напрасны ваши усилія понять тонкій замыселъ, ибо способность писать красиво далеко еще не способность анализа и послѣдовательнаго мышленія.

Весь недостатокъ «Обрыва» именно въ томъ и заключается, что авторъ не выяснилъ себѣ, что онъ хочетъ сказать, и работалъ случайно, подъ вліяніемъ поверхностныхъ впечатлѣній. Отъ этого ни одинъ его герой не выдержалъ до конца, и какъ г. Гончаровъ не успѣлъ сберечь молодого Адуева отъ рѣзкаго перелома, такъ не сохранилъ онъ въ послѣдовательной чистотѣ ни Райскаго, ни Вѣры, ни Марка. Всѣ они сломились, всѣ они раскаялись, всѣ они измѣнили себѣ. Эта непослѣдовательность героевъ заключается въ самомъ существѣ логической непослѣдовательности автора, въ шаткости его понятій, въ мимолетности его убѣжденій.

Обратимся опять къ «Обыкновенной исторіи». Сила этого романа—въ рѣзкомъ протестѣ противъ идеализма и сантиментализма. Романъ читался потому, что вздохи и мечтанія о дѣвѣ, лунѣ и другомъ романтическомъ вздорѣ всѣмъ уже надоѣли, и общество почувствовало, что на него повѣяло новымъ воздухомъ. Сила романа заключалась именно въ его реализмѣ: масса публики услышала новое слово и благоговѣйно взглянула на новаго пророка. Вотъ корень извѣстности г. Гончарова.

Но г. Гончаровъ не понялъ причины своего успѣха,—не понялъ, что его выдвинулъ не талантъ, т. е. способность рисовать картинки, а мысль, идея, тенденція.

И вотъ двадцать два года спустя онъ выступаетъ съ новымъ романомъ. Чего въ правѣ ожидать публика, пережившая въ это время освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство, вступившая на совершенно новую экономическую почву, перечитавшая Стюарта Милля, Дарвина, Ляйеля, Бокля, Конта, отъ автора, который такъ ловко и кстати еще двадцать лѣтъ назадъ кинулъ новое слово, обобщилъ прогрессивную мысль? Ей описываютъ какихъ-то тетушекъ XVIII вѣка, какихъ-то провинціальныхъ дуръ, даютъ ей слабую копію Лаврецкаго, изуродованнаго Базарова и зрѣлыхъ дѣвъ, мечтающихъ о лунѣ и о вѣчной любви. Вмѣсто реализма, знамя котораго г. Гончаровъ поднималъ въ 1847 году, онъ въ 1869 году проповѣдуетъ снова сантиментализмъ и идеализмъ; онъ отрекается отъ самого себя; онъ отказывается отъ послѣдовательности. Какъ же было не надломиться его героямъ?

Неправда, что г. Гончаровъ относится безучастно къ своимъ героямъ, что онъ держитъ себя объективно. Это невозможно и психологически. Литератур-

ное и всякое другое произведеніе творчества есть результатъ субъективности. Нельзя отдѣлить своего *я* отъ своего произведенія. Авторъ можетъ не умѣть думать послѣдовательнымъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе его думы, его симпатіи и антипатіи олицетворяются въ его герояхъ. Однимъ словомъ, авторъ весь въ своемъ произведеніи. Сила проявится силой, безсиліе—безсиліемъ. Романъ, не возбуждающій въ читателѣ прогрессивнаго мышленія и прогрессивнаго вывода, можетъ быть написанъ только отсталымъ и слабо мыслящимъ авторомъ. Не было примѣра, чтобы умный человѣкъ, работавшій десять лѣтъ, написалъ глупость.

Въ «Обрывѣ» г. Гончаровъ похоронилъ себя: миръ его праху! Если самъ авторъ не былъ въ состояніи понять, что сила современнаго писателя—въ реализмѣ, а не въ идеализмѣ,—намъ не научить его. Еще одна свѣжая могила надъ писателемъ, умершимъ для прогресса! Но, по крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что если г. Гончаровъ черезъ 15 лѣтъ напечатаетъ еще романъ,—романъ этотъ будутъ читать наши бабушки, да и то по воспоминанію и по той любовной пикантности, которая такъ пріятна для старухъ и стариковъ.

Въ русской литературѣ еще не было такого могучаго таланта для изображенія картинъ сладострастія. Что за мерзость—сцена Райскаго съ Марфинькой, а еще хуже съ Ульяной. Предъ вами живая жена Пентефрія. Чтобы писать такія сцены, надо слишкомъ глубоко направить свой умъ на ихъ изученіе и думать очень напряженно въ сладострастномъ направленіи. Тѣ, кто, обративъ все свое вниманіе на тенденціозные намеки, обойдутъ эту сторону таланта г. Гончарова, сдѣлаютъ большую ошибку, особенно если они—солидные отцы семейства. Юлія распалила свое воображеніе только чтеніемъ французскихъ романовъ, съ подобными безстыдными, но изящно описанными сценами. И снова наводятъ на этотъ вредный путь; рисуютъ намъ, подъ благоухающимъ покровомъ, разслабляющія нервы картины. И что выигрываетъ или проигрываетъ главная мысль романа, еслибы у Райскаго отъ излишне-близкаго сидѣнья къ Марфинькѣ не закружилась голова, и еслибы не только любовной сцены съ Ульяной, но и самой Ульяны не было вовсе? Зачѣмъ же они? Такой вопросъ былъ бы, конечно, разсудителенъ по отношенію ко всякому другому автору, но не автору «Обрыва». Что такое этотъ романъ, съ начала и до конца, какъ не любовная пѣснь, какъ не скандалезная хроника какого-то медвѣжьяго угла? Бабушка въ молодости согрѣшила и до глубокой старости млѣетъ рядкомъ съ Ватунинымъ; Крицкая только и думаетъ о любви, ограничиваясь, впрочемъ, поддразниваніемъ своего воображенія; Ульяна—реалистъ и практикъ—подобно женѣ Савелья, платонизмомъ не удовлетворяется, а любитъ всякаго мужчину, какъ слѣдуетъ; Райскій не даетъ прохода ни своимъ сестрамъ, ни племянницамъ и съ первой до послѣдней части романа усиливается сбивать съ толку всѣхъ смазливыхъ женщинъ и дѣвушекъ; Маркъ, главное лицо романа, совершаетъ грѣхъ при самой чудовищной обстановкѣ. А второстепенныя лица? Пахотинъ, Тушинъ? Любовь, любовь, любовь! Г. Гончаровъ, кажется, серьезно убѣжденъ, что любовь—архимедовъ рычагъ. И силенъ же онъ съ этимъ рычагомъ! Романъ г. Гончарова мы считаемъ произведеніемъ недомысленнымъ, вреднымъ, безнравственнымъ и ужъ, конечно, не дали бы его въ руки дѣвушекъ и мальчиковъ, которымъ еще нужно учиться.

IV.

Переносить разборъ «Обрыва» на научную почву—значитъ подвергать себя обидному неудобству, ибо приходится превращаться въ донъ-Кихота, а г. Гончарова превращать въ вѣтряную мельницу. Можно ли вступать въ серьезное научное состязательство съ человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ послѣдними успѣхами точныхъ знаній и ихъ методомъ? Можно ли серьезно опровергать человѣка, который даже науку хочетъ превратить въ простой подборъ красивыхъ словъ и въ трескучую риторику, возбуждающую чувство? Г. Гончаровъ въ интеллектуальномъ отношеніи всегда вѣренъ себѣ: есть у него микроскопическая крупица знаній и собственной умственной силы, и разводитъ онъ эту крупицу въ бочкахъ розовой воды, пріобрѣтенной по наслѣдству отъ романтиковъ и идеалистовъ. А что же читающая публика? О, русская публика всегда была снисходительна въ своей недальнозоркости; она всегда любила розовую воду; она серьезно признаетъ г. Гончарова за великаго мыслителя и поучается у него.

Еслибы г. Гончаровъ повѣствовалъ безъ всякой тенденціозности о томъ, что гдѣ-то на берегу Волги жила мечтательная кисейная барышня, что этой барышнѣ подвернулся на глаза дикій, некультивированный человѣкъ и, сбивъ ее съ толку, сдѣлалъ съ нею то, что ему дѣлать не слѣдовало,—мы бы такъ и знали, что дикій человѣкъ поступилъ по дикому, пожалѣли бы бѣдную дѣвочку, а г. Паульсонъ занесъ бы этотъ нравоучительный фактъ въ свою книжку для чтенія. Но г. Гончаровъ думаетъ не такъ. Онъ во что бы то ни стало желаетъ уподобиться московскому купцу, о которомъ разсказываетъ гдѣ-то покойный Марлинскій. Купецъ, усиливаясь доказать вредъ новаго образованія, привелъ слѣдующій фактъ: «Былъ у насъ молодой купчикъ,—разсказывалъ купецъ;—захотѣлось ему непремѣнно учиться, выучился, и что же? Отправился на службу на Кавказъ, а тамъ—въ первомъ сраженіи его убили». Пусть г. Гончаровъ и всѣ его поклонники докажутъ, что его логика отличается хотя чѣмъ нибудь отъ логики этого московскаго купца.

Мѣстами вы дѣйствительно видите, что Маркъ—лично ошибающаяся натура, недоразвившійся человѣкъ; но когда г. Гончаровъ, гоняющійся только за красивыми словами, забывъ о томъ, что онъ говорилъ въ четвертой части, въ пятой, сосредоточивъ всѣ свои умственныя силы, обрушивается на новое знаніе, вы видите, что перчатка бросается не одному заблуждающемуся человѣку, а всему ци-

вилизованному человѣчеству, всему коллективному передовому уму всѣхъ пяти частей свѣта. Можетъ быть, и найдутся такіе патріоты, которые умилятся, что въ Россіи нашелся подобный смѣлый умъ. Мы не изъ ихъ числа. Намъ стыдно за возможность подобнаго туранизма и намъ больно за г. Гончарова. Мы постараемся перевести философію г. Гончарова на простой, понятливый языкъ, и пусть читатель судитъ, на чьей сторонѣ правда.

Г. Гончаровъ говоритъ, что европейское общество внесло новый взглядъ на все, взглядъ полный отрицанія.

Это правильно. Но позвольте васъ спросить: худо или хорошо, что люди, усомнившись въ дѣйствительности услуги трехъ китовъ, нашли законъ тяготѣнія? Худо или хорошо, что, усомнившись въ четырехъ элементахъ и флогистонной теоріи, нашли большее число началъ и научились разлагать воздухъ и газы? Чему мы обязаны желѣзными дорогами, пароходами, всѣми техническими усовершенствованіями въ фабричномъ и заводскомъ производствахъ, какъ не сомнѣнію и послѣдовавшему за нимъ научному отрицанію? Научный методъ изслѣдованія говоритъ, что истина дается только провѣркою. Что бы было, еслибы отрицаніе предыдущихъ знаній не принимало того дерзкаго характера, который нарушаетъ умственный покой г. Гончарова. Ужъ, конечно, г. Гончаровъ очень бы изобидѣлся, еслибы ему преподнесли за «Обрывъ» полный костюмъ китайскаго мандарина, бритву для сооруженія соотвѣтственной шевелюры и двѣ готовыя косы

Г. Гончаровъ говоритъ, что дерзость новаго европейскаго изслѣдованія простирается до того, что отрицаются авторитеты, старая жизнь, старая наука, старыя добродѣтели и пороки. Это правильно; но только намъ нужно объясниться. Дѣйствительно, наука признаетъ только то, что подчиняется и подлежитъ опыту. Вѣдь вы, г. Гончаровъ, въ домовыхъ не вѣрите? А вѣдь ужъ какъ хороша была повѣсть Иваницкаго «Неразмѣнный червонецъ»! А почему? Да только потому, что г. Иваницкій пишетъ хотя и хорошо, а домового намъ всетаки не показалъ. Вѣдь вы не вѣрите Аристотелю, Платону, экономической теоріи Сюлли, фортификаціонной теоріи Вобана, стратегическимъ основамъ Валленштейна, Монтекукули и даже Суворова, политической мудрости Людовика XIV, драматической теоріи о трехъ единствахъ, забытымъ изслѣдованіямъ натуралистовъ прошлаго столѣтія и даже философіи Гегеля. Значитъ, вы и сами поступаете такъ, какъ человѣкъ, живущій въ XIX вѣкѣ. За что же вы обвиняете другихъ? Вы говорите о добродѣтеляхъ и порокахъ И эта почва не дурна. По ученію Сильверста, добродѣтелью считалось сокрушить ребра своимъ чадамъ и домочадцамъ. Упражняетесь вы въ этой добродѣтели, г. Гончаровъ? По ученію нашихъ дѣдовъ, живущему и до сихъ поръ въ деревняхъ, ремень считался лучшимъ педагогическимъ средствомъ,—станете вы колотить дѣтей? Станете вы стѣснять свою дочь въ выборѣ мужа? станете вы внѣдряться со своимъ авторитетомъ въ чужой внутренній міръ? станете вы требовать уваженія и любви силой? Станете, наконецъ, вы увѣрять, что старыя добродѣтели и до сихъ поръ добродѣтели, а старые пороки и до сихъ поръ пороки? Если все старое такъ незыблемо-хорошо, отчего каждая петербургская кухарка стала говорить извозчику *вы*; отчего прежній Петръ и Васька превратились въ Петровъ Ивановичей и Васильевъ Петровичей? Отчего, можетъ быть, и безсознательно для васъ, мысли Стюарта Милля произвели кое-какую перемѣну въ вашихъ понятіяхъ, и вы почувствовали бы себя великимъ несчастливцемъ, еслибы васъ перенесли въ степную деревню да женили на деревенской бабѣ?

Г. Гончаровъ говоритъ, что въ новой наукѣ есть односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышленная ложь пропаганды. Все это правда. Но когда было больше пробѣловъ въ знаніяхъ—нынче или во времена Эразма Ротердамскаго? Когда было больше односторонности въ русской мысли—во времена Ломоносова или теперь? Умышленная ложь кажется г. Гончарову очень неотразимымъ аргументомъ. Дѣйствительно, лгать вообще нехорошо. Но вѣдь ложь, въ смыслѣ научной пропаганды, есть не болѣе, какъ сила, концентрирующая умъ на извѣстной точкѣ, дающая ему направленіе въ одну, наиболѣе выгодную сторону. Отчего явились паровая машина, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, швейная машина, орудія-машины, даже велосипедъ? Именно потому, что пропаганда направила человѣческое мышленіе въ извѣстномъ, одномъ направленіи. Теперь мысли людей направлены на изслѣдованіе причинъ, отъ которыхъ зависитъ личное счастье. Худо это? И паровая машина далась рядомъ опытовъ, и Стефенсонъ не вдругъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ!

Г. Гончаровъ говоритъ, что новая наука не открыла Америки. А развѣ старая открыла? Развѣ человѣчество со времени Адама было хоть одну минуту убѣждено, что оно владѣетъ истиной, и что ему некуда идти? Г. Гончаровъ спрашиваетъ, что такое истина? Да истина то, что признаетъ человѣкъ истиной въ данный моментъ. Вотъ авторъ «Обрыва» въ 1847 г. говорилъ одно и былъ убѣжденъ, что проповѣдуетъ истину; а въ 1869 г. онъ говоритъ другое и тоже убѣжденъ, что проповѣдуетъ истину. Безусловная истина, заключающаяся въ общемъ примиреніи,—отдаленный идеалъ. Она еще далеко впереди, и вся сущность прогресса человѣчества заключается въ постоянномъ поступательномъ движеніи къ этому идеалу. А г. Гончаровъ огорчается, что еще не открыта Америка, и хочетъ удержать всѣхъ въ Азіи. Ну, конечно, еслибы г. Гончаровъ былъ Изабеллой испанской, то Колумбъ умеръ бы въ сумасшедшемъ домѣ.

Г. Гончаровъ говоритъ, что современный реализмъ видитъ въ чувствахъ рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному. Во первыхъ, сравнительная психологія показываетъ, что и у животныхъ есть иллюзіи. Такъ, собака принимаетъ иногда чужого за своего хозяина; такъ, еще

Линней въ числѣ спеціальныхъ, характеристическихъ признаковъ собаки помѣстилъ, что она лаетъ на луну. А во вторыхъ, г. Гончаровъ поступаетъ очень неосторожно, разоблачая самого себя. Реализмъ требуетъ прежде всего здоровой, правильной, неразслабляющей жизни. Ни одинъ дѣйствительный реальный писатель не станетъ описывать тѣхъ сценъ сладострастія, которыми г. Гончаровъ только и существуетъ въ своемъ «Обрывѣ». Возьмите любого европейскаго романиста, — не говоря уже про Шпильгагена, Шатріана, Гюго,—возьмите романистовъ Англіи, Америки, даже Франціи, гдѣ, у какого романиста, кромѣ Луве-де-Кувре, вы встрѣтите сцену, подобную сценѣ Ульяны съ Райскимъ и Райскаго съ Марфинькой? Какъ ни сочувствуетъ г. Гончаровъ Райскому, и какъ ни чудовищенъ Маркъ, но скажите, можно ли ихъ сравнивать въ этомъ отношеніи? У самого г. Гончарова не поднялась рука нарисовать невозможную картину съ Маркомъ; онъ понималъ, что его могутъ уличить даже и друзья.

Г. Гончаровъ не признаетъ закона причинности и вѣритъ въ моисеевскій принципъ награды и воздаянія. Это совсѣмъ не по христіански,—мы должны поступать хорошо вовсе не потому, что получимъ въ будущемъ награду, и, конечно, еслибы г. Гончаровъ писалъ свой романъ не для степныхъ кисейныхъ барышень, а для мыслящихъ людей, онъ бы понялъ всю логическую невозможность высказыванія подобныхъ мыслей. Тургеневъ разсуждалъ на эту тему гораздо сильнѣе, и мы не можемъ не уважать въ немъ искренняго, честнаго человѣка. Г-нъ же Гончаровъ подогрѣваетъ себя и становится на ходули и рѣшительно не возбуждаетъ убѣжденія въ своей искренности. Несмотря на теплыя, повидимому, фразы, отъ романа г. Гончарова вѣетъ холодомъ, измышленіемъ, безучастіемъ къ людямъ, мелочнымъ эгоизмомъ. Г. Гончаровъ изумляется, что новая наука и новая нравственная философія явились изъ старой. Да развѣ это могло быть иначе? Бокль весьма наглядно объяснилъ сущность исправленія ошибочныхъ ученій. Оно заключается не въ измышленіи новаго, а только въ уничтоженіи, вычеркиваніи изъ жизни старыхъ заблужденій и данныхъ для возможности ошибокъ.

Вотъ и вся сущность отрицательнаго отношенія г. Гончарова къ прогрессивному движенію современной науки. И такая крупица отсталыхъ мыслей послужила матеріаломъ для сооруженія огромнаго, пятитомнаго романа. Поистинѣ изумительный талантъ плодовитости!

Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ справедливо замѣчаетъ, что между писателемъ и его читателями не должно быть бездны, а иначе его не поймутъ. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить появленіе «Обрыва» и большой на него запросъ? Мы положительно знаемъ, что лучшіе русскіе люди бросали «Обрывъ» съ четвертой части; но также положительно знаемъ, что значительное большинство читало «Обрывъ», продолжаетъ его читать и скромно отмалчивается, если спрашиваютъ его мнѣніе о романѣ. Это похвально, потому что не усиливаетъ торжества ретроградной пропаганды.

И жаль, что г. Гончаровъ не могъ понять въ свое время, что здравый смыслъ подкупать нельзя. Даже самый непроницательный читатель пойметъ, что «Обрывъ»—*сочиненіе*, что обобщеніе г. Гончарова—ложь, что не было еще примѣра, чтобы молодая сила, въ составѣ цѣлаго поколѣнія или его представителей, становилась на тотъ логически-невозможный путь, который придумалъ г. Гончаровъ. Шлейхеръ даже «Дымъ» г. Тургенева называлъ пасквилемъ и говорилъ, что беллетристъ долженъ изображать болѣе идеализированную, нежели дѣйствительную жизнь, со всѣми ея дрязгами. А г. Гончаровъ даетъ хуже, чѣмъ пасквиль: онъ идеализируетъ крѣпостныя времена, исчезнувшія для насъ безвозвратно, и серьезно проповѣдуетъ, что счастье только въ быломъ русскомъ обскурантизмѣ. На такой выводъ навела его кисейная Вѣра. «Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго,—не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и неновые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизаціи», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи...» Такъ говоритъ въ защиту міровоззрѣнія Татьяны Марковны г. Гончаровъ на 35 страницѣ пятой части, а на 567 стр. II ч. онъ заставляетъ Райскаго послѣ безплодной попытки обращенія къ новой «цивилизаціи» той же Татьяны Марковны высказать слѣдующее умозаключеніе: «Какъ жизнь-то эластична!.. во что хочешь, вѣруй: въ религію, въ математику или философію,—жизнь поддается всему...

И нужно согласиться, что почти всѣ беллетристы русской земли насчетъ литературнаго творчества держатся теоріи Эсхила. Грекамъ того времени дѣйствительно приходилось работать лишь изъ непосредственнаго созерцанія жизни и природы; но чтобы быть беллетристомъ нашего времени, одного таланта далеко недостаточно. Прежде всего требуется знаніе. Беллетристъ долженъ знать столько же, сколько знаетъ всякій публицистъ. Резюмируйте весь романъ г. Гончарова въ видѣ публицистической статьи, и получатся лишь слѣдующіе шесть афоризмовъ:

«Европейское общество внесло въ жизнь новый взглядъ на все, взглядъ, полный отрицанія. Дерзость новаго европейскаго изслѣдованія простирается до того, что оно отрицаетъ авторитеты, старую жизнь, старую науку, старыя добродѣтели и пороки. Въ новой наукѣ есть односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышленная ложь пропаганды. Современный реализмъ видитъ въ чувствахъ рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій (!), составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному. Закона причинности нѣтъ».

Попробуйте съ подобной статьей явиться въ лю-

бую редакцію, хоть бы того же «Вѣстн. Европы», который напечаталъ «Обрывъ», и вамъ скажутъ, что статья слишкомъ мала, недостаточно развита, не заключаетъ въ себѣ не только ничего новаго, а, напротивъ, идетъ прямо вразрѣзъ съ состояніемъ современныхъ знаній и потому неудобна для печати. Но не только эту чушь, даже двѣ строчки изъ нея изложите въ формѣ удобочитаемой повѣсти или романа, подпишите «И. Гончаровъ»—и любая редакція не только напечатаетъ романъ, но нашумитъ своими рекламами отъ Архангельска до Одессы и пріобрѣтетъ по меньшей мѣрѣ 2.000 новыхъ подписчиковъ. Кого слѣдуетъ винить—редакцію или публику? Редакцію,—скажемъ мы. Нельзя журналу, мало-мальски понимающему свою общественную обязанность, стоять своими серьезными статьями на высшемъ уровнѣ европейскихъ знаній, а беллетристикой опускаться въ гущу и поддонки обскурантизма. Что это терпится русской публикой, что это иногда выгодно въ денежномъ отношеніи—не оправданіе, ибо мы спросимъ: гдѣ же предѣлъ литературной продажности?

Намъ теперь именно нужно оправданіе молодого, подростающаго, а частью служащаго уже обществу поколѣнія отъ комьевъ грязи, упрековъ и клеветъ, которыя безъ мѣры бросались въ него литературой. Какой честный человѣкъ не знаетъ, что никакихъ Волоховыхъ нѣтъ на Волгѣ, ни на всякой другой рѣкѣ и во всякой другой мѣстности? Г. Гончаровъ нашелъ Волохова въ идеальной «Малиновкѣ»,—или какъ она тамъ зовется, — лежащей въ идеальной степи; можетъ быть, въ идеальномъ брынскомъ лѣсу онъ найдетъ что нибудь и похуже; а въ идеальномъ нерчинскомъ рудникѣ и еще того хуже; но только что же изъ этого? Неужели разсудительно тратить свой талантъ на идеализацію вымышленныхъ и несуществующихъ явленій, усиливающихъ рознь поколѣній, возбуждающихъ въ обществѣ тревожное состояніе, разжигающихъ недовѣрчивость ко всему молодому, честно борющемуся со всѣми трудностями и препятствіями жизни? Г. Гончаровъ, пребывая въ Петербургѣ, направилъ телескопъ на какую-то отдаленную Малиновку, тогда какъ у него подъ глазами совершаются иныя сцены, просятся подъ перо иныя явленія глубоко-назидательнаго смысла. У него предъ глазами учащаяся молодежь, силы, пропадающія въ борьбѣ съ нуждой, желѣзная энергія, разбивающаяся о несокрушимыя единолично препятствія. У него передъ глазами дѣвушки, не кисейныя идеалистки, а честныя труженицы, тоже губящія молодость и силы въ борьбѣ съ невыгодно сложившейся жизнью. У него передъ глазами крупныя соціальныя явленія, ожидающія талантливаго пера и обобщенія, а онъ тратитъ свои силы на десятилѣтнее измышленіе клубничныхъ сценъ и поетъ намъ, голоднымъ людямъ, про обманутую любовь, поучаетъ насъ въ теоріи срочной и безсрочной любви, точно это для насъ вопросъ первой важности.

Августъ 1869 г.

ФИЛОСОФІЯ ЗАСТОЯ.

(«Война и Миръ», сочиненіе графа Л. Н. Толстого. Москва, 1869 г.).

I.

Когда явился въ свѣтъ послѣдній томъ романа «Война и Миръ», то первые томы были почти забыты; по крайней мѣрѣ, интересъ, возбужденный произведеніемъ графа Л. Толстого въ самомъ началѣ, подъ конецъ упалъ.

Что это значитъ? Чѣмъ это объясняется? Это объясняется отсутствіемъ глубоко-жизненнаго содержанія, которое одно можетъ дать литературному произведенію долговѣчность и постоянно возростающій интересъ во мнѣніи критики и публики. Такого содержанія нѣтъ у графа Толстого. А между тѣмъ графъ Толстой претендуетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ на философскія воззрѣнія. Если онъ пойдетъ съ тою же философскою смѣлостью по пути отвлеченнаго мышленія дальше, то слѣдующему своему роману, конечно, дастъ заглавіе: «Суета суетъ и всяческая суета».

На графѣ Толстомъ мы видимъ тысячный примѣръ того, какъ изнемогаютъ русскія дарованія. Исторія русской литературы сохранитъ немного именъ такихъ писателей, которые бы кончили тѣмъ, чѣмъ начали.

Мы относились безпристрастно къ послѣднимъ произведеніямъ гг. Гончарова, Тургенева, Писемскаго. Мы относимся съ тѣмъ же безпристрастіемъ къ графу Толстому. Но наше безпристрастіе будетъ односторонне, если мы обойдемъ молчаніемъ вопросъ—отчего гибнутъ русскія дарованія. Неужели и вездѣ такъ? Нѣтъ, не вездѣ,—потому что нигдѣ общественная жизнь не развивается болѣе строго замкнутыми поколѣніями, какъ у насъ, и нигдѣ борьба поколѣній не обнаруживается съ такою рѣзкостью. Мы укажемъ читателю на четыре момента наиболѣе выдающихся подобныхъ столкновеній: эпохи Петра, Екатерины II, Александра I и Александра II. Это эпохи, когда Россія обнаруживала наиболѣе сильное прогрессивное движеніе и, слѣдовательно, должна была испытывать наиболѣе сильную внутреннюю борьбу.

Нужна не малая нравственная сила, чтобы устоять противъ подавляющаго вліянія болѣе сильнаго поколѣнія. И люди, которыхъ въ подобныя тяжелыя времена сламывала жизнь, или сбрасывали съ пьедестала боговъ, которымъ они молились, или искали спасенія въ ренегатствѣ, или уходи л въ самосозерцаніе, какъ сдѣлалъ графъ Толстойилии, схо-

дили съ ума, или, наконецъ, умирали преждевременно.

Что же дѣлать? Спросите у графа Толстого. Онъ говоритъ, что человѣкъ любитъ больше всего самого себя и повинуется влекущей его впередъ силѣ жизни. У каждаго войска есть больные, раненые, отсталые, умирающіе. Кому какое до нихъ дѣло! Отстали вы—и васъ вычеркнутъ изъ списка. Но литературная отсталость не совсѣмъ похожа на военную перекличку больныхъ и раненыхъ. Если солдатъ Каратаевъ просвѣтлялъ своею философіею графа Пьера—это не важно, ибо въ балаганѣ, въ которомъ ихъ держали, было всего десять человѣкъ. Но когда философія Каратаева можетъ испортить многихъ людей, тогда недостаточно еще Каратаева вычеркнуть изъ списка — нужно принять мѣры противъ его одуряющаго вліянія.

Графъ Толстой умиляется простымъ русскимъ человѣкомъ, потому что простой русскій человѣкъ отрицаетъ всякое знаніе. Да и зачѣмъ ему знаніе,—говоритъ графъ Толстой,—если онъ чувствуетъ правду жизни непосредственно и поступаетъ правильно безъ размышленія. И гдѣ эта правда, кто ее знаетъ? Отрицая знаніе, графъ, однако, понимаетъ, что создаетъ этимъ торичелліеву пустоту и потому наполняетъ ее тѣмъ, что Богъ положилъ ему на душу, что онъ прочиталъ въ окружающей его деревенской природѣ, что навѣяла на него славянофильская Москва.

Это отступленіе въ глубь степной Азіи, чтобы спасти лоскутки разорванныхъ юношескихъ вѣрованій въ лучшее, но неудавшееся будущее, можетъ имѣть значеніе, какъ фактъ личной житейской неудачи, какъ фактъ личнаго опыта. Но почему же вы думаете, что опытная мудрость отставшаго Каратаева должна служить урокомъ для идущей впередъ арміи? Назовите свой романъ автобіографіей—мы будемъ понимать и его, и автора; но если авторъ хочетъ провозгласить торжественно новое слово, хочетъ открыть міру новую мудрость, которой научила его обманувшая жизнь, — мы, съ правомъ войска, идущаго впередъ, не повѣримъ пророку, приглашающему насъ идти въ Палестину чрезъ степи Азіи, когда намъ дорога совсѣмъ не туда.

II.

Графъ Толстой глубоко убѣжденъ, что не только въ Россіи, но и повсюду—въ Европѣ, Азіи, Америкѣ—люди, какъ неразумные звѣри, не знаютъ, зачѣмъ они живутъ, и въ чемъ заключается человѣческое счастье, къ которому каждый инстинктивно стремится. Ну, для чего вы живете, читатель? Прочитайте «Войну и Миръ», вникните въ глубь философіи графа Толстого и вы почувствуете себя въ положеніи человѣка, котораго изъ полусвѣтлой комнаты заперли въ чуланъ. Если вы знали прежде мало, то, по прочтеніи романа графа Толстого, вы ощутите въ головѣ такую смутность понятій, что у васъ опустятся руки, и послѣдняя почва исчезнетъ изъ-подъ вашихъ ногъ.

Въ поученіе человѣчества графъ Толстой ри-суетъ двѣ параллели: исторію индивидуальнаго развитія постепенно прозрѣвающаго человѣка, нашедшаго наконецъ откровеніе и правду жизни, и моментъ коллективнаго движенія человѣчества, руководимаго перстомъ Провидѣнія. Первую параллель изображаетъ графъ Пьеръ Безухій, вторую—наполеоновскія бойни и отечественная война 12-го года. Крупное событіе выбрано не безъ цѣли: если будетъ доказано,—думаетъ авторъ,—что люди—безсмысленные муравьи въ грандіозныхъ положеніяхъ, подобныхъ бранной эпохѣ Наполеона, то ужъ, конечно, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они не заслуживаютъ сравненія даже съ тлей.

Въ романѣ многое множество разныхъ дѣйствующихъ лицъ: мужчинъ и женщинъ, сѣдовласыхъ екатерининскихъ старцевъ и ребятъ въ пеленкахъ, князей, графовъ, мужиковъ, генералиссимусовъ и тонкихъ дипломатовъ, генераловъ и солдатъ; на сценѣ являются даже три императора; но всѣ эти вводныя лица служатъ лишъ дополнительнымъ доказательствомъ неопровержимой вѣрности идеи, олицетворяемой въ графѣ Безухомъ и наполеоновскомъ движеніи. Вотъ почему, не вдаваясь въ подробности, которыя безполезно растянули бы нашу статью, мы остановимъ читателя только на главной идеѣ романа.

Романъ графа Толстого начинается изображеніемъ пустоты великосвѣтскихъ нравовъ, съ которыми онъ знакомитъ читателя, вводя его въ салонъ Анны Павловны Шереръ, фрейлины и приближенной императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ этомъ же салонѣ авторъ показываетъ и своего героя. Пьеръ Безухій—толстый, неуклюжій господинъ, выше обыкновеннаго роста, широкій, съ огромными красными руками, не умѣющій ни войти въ салонъ и еще меньше изъ него выйти, т. е. передъ выходомъ сказать что либо особенно пріятное. Кромѣ того, герой очень разсѣянъ. Такъ, вставъ, чтобы уйти, онъ вмѣсто своей шляпы захватилъ треугольную шляпу съ генеральскимъ плюмажемъ и держалъ ее, дергая султанъ, до тѣхъ поръ, пока генералъ не попросилъ возвратить ее. Но вся его разсѣянность и неумѣнье войти въ салонъ и говорить—что онъ доказалъ особенно своимъ горячимъ заступничествомъ за Наполеона и нападеніемъ на Бурбоновъ — выкупалась выраженіемъ добродушія, простоты и скромности.

Пьеръ, побочный сынъ графа Безухаго, съ десятилѣтняго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за-границу, гдѣ онъ пробылъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, графъ отпустилъ аббата и сказалъ молодому человѣку: «Теперь поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись и выбирай. Я на все согласенъ; вотъ тебѣ письмо къ князю Василью и вотъ тебѣ деньги». И вотъ Пьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ и не знаетъ, куда ему помѣстить свое большое и толстое тѣло. Идти въ военные, но это значитъ воевать противъ Наполеона, т. е. помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ. Не порѣшивъ насчетъ выбора пути, Пьеръ пристроился къ компаніи пьяныхъ кутилъ, кото-

рыми заправлялъ князь Курагинъ. Что это была за жизнь, читатель можетъ видѣть изъ продѣлки Долохова, который, пьяный, держалъ пари, что, сѣвъ на окно третьяго этажа и спустивъ ноги на улицу, выпьетъ залпомъ бутылку рома. Всѣ были въ восторгѣ, а Пьеръ воодушевился до того, что предложилъ повторить такую же штуку и уже полѣзъ на окно, но его стащили. Кутежъ и развратъ, ночныя посѣщенія какихъ-то темныхъ барынь, потѣхи съ медвѣдемъ, къ спинѣ котораго привязали даже разъ квартальнаго надзирателя, — вотъ подвиги героя, нравственнымъ просвѣтлѣніемъ котораго графъ Толстой хочетъ опредѣлить глубину той мудрости, которая должна руководить каждымъ человѣкомъ. Бродитъ въ большомъ тѣлѣ Пьера какая-то сила, но куда она претъ—человѣкъ не знаетъ; у него нѣтъ ничего точно опредѣленнаго, ясно выработаннаго. Отдавшись своей некультивированной необузданности, Пьеръ дѣлаетъ всякія дикости, и какъ онъ, ни съ того, ни съ сего, просто отъ разброда силы, хотѣлъ повторить штуку Долохова, такъ онъ и женится на прекрасной Элень. Зачѣмъ ему понадобилось жениться? Великосвѣтская Анна Павловна задумала пристроить Элень, а благодушный Пьеръ попалъ какъ куръ во щи. Можетъ быть, Пьеръ и миновалъ бы сѣтей, но ужъ такъ случилось, что на одномъ вечерѣ Анны Павловны Пьеръ очутился такъ близко отъ Элень, что онъ «своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелесть ея плечъ, шеи, губъ, и что ему стоило лишь немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. *Онъ слышалъ тепло ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движеніи.* Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составляющую одно цѣлое съ платьемъ,— онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелесть ея тѣла, которое закрыто было только одеждою». Такъ хорошо разсказываетъ графъ Толстой. Мы только удивляемся, отчего Пьеръ женился черезъ полтора мѣсяца, а не въ ту же секунду, когда почувствовалъ тепло и всю прелесть тѣла Элень.

Сдѣлавъ одну глупость, Пьеръ неизбѣжно долженъ былъ произвести рядъ еще новыхъ глупостей. Его плѣнило только красивое тѣло, а другихъ болѣе прочныхъ нравственныхъ связей съ Элень у него не было. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что красивое тѣло Элень, вышедшей за Пьера по разсчету, потянулось скоро къ другимъ, болѣе красивымъ мужчинамъ, чѣмъ ея мужъ, и Пьеръ началъ ревновать. Къ чему? зачѣмъ? что у него было общаго съ красивой Элень? Пьеръ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ. Его широкая, страстная натура, помѣщающаяся въ огромномъ тѣлѣ, умѣетъ только волноваться и кипятиться. Онъ злится на Долохова, какъ на любовника своей жены, и, придираясь къ пустяку, называетъ его негодяемъ. Слѣдуетъ дуэль, т. е. новая глупость, глупость тѣмъ болѣе капитальная и обнаруживающая всю некультивированную ширь натуры Пьера, что онъ въ жизнь свою не держалъ въ рукахъ пистолета, что онъ не только не знаетъ, какъ заряжаютъ пистолетъ, но даже какъ спускается курокъ. Но есть надъ человѣкомъ силы, которыя заставляютъ его идти тѣмъ, а не другимъ путемъ,—размышляетъ и усиливается доказать гр. Толстой. Пьеръ на мѣстѣ дуэли вздумалъ даже оправдать Долохова въ томъ, за что раньше называлъ негодяемъ. «Можетъ быть, я бы то же самое сдѣлалъ на его мѣстѣ,—думалъ Пьеръ.—Даже навѣрное я бы сдѣлалъ то же самое; къ чему же эта дуэль, это убійство? Или я убью его, или онъ попадетъ мнѣ въ голову, въ локоть, въ колѣнку. Уйти отсюда, бѣжать, зарыться куда нибудь,—приходило Пьеру въ голову». И несмотря на такое справедливое размышленіе, Пьеръ, на замѣчаніе секунданта, желавшаго примирить враговъ,—что обиды ни съ одной стороны не было, и что не нужно ли переговорить съ Долоховымъ,—отвѣтилъ: нѣтъ, о чемъ же говорить,—все равно... И та же судьба, заставившая Пьера ни съ того, ни съ сего жениться, ни съ того, ни съ сего выйти на дуэль, устроила такъ, что Пьеръ, неумѣвшій даже спустить курокъ, подстрѣлилъ извѣстнаго бретера Долохова.

Послѣ дуэли Пьеръ, думавшій постоянно заднимъ умомъ, началъ размышлять, зачѣмъ онъ сказалъ до женитьбы: «Je vous aime». «Я виноватъ и долженъ нести... что? Позоръ имени, несчастіе жизни? Э, все вздоръ—и позоръ имени, и честь; все условно, все независимо отъ меня. Людовика XVI казнили за то, какъ они говорили, что онъ былъ безчестенъ и преступникъ,—пришло Пьеру въ голову,—и они были правы со своей точки зрѣнія, также какъ и правы тѣ, которые за него умирали мученическою смертью и причисляли его къ лику святыхъ. Потомъ Робеспьера казнили за то, что онъ былъ деспотъ. Кто правъ, кто виноватъ? Никто. А живъ и живи: завтра умрешь, какъ могъ умереть часъ тому назадъ. И стоитъ ли того мучиться, когда жить остается одну секунду въ сравненіи съ вѣчностью». Затѣмъ Пьеръ порѣшилъ, что ему нужно «разъѣхаться» съ женой. Онъ не могъ оставаться подъ одной съ нею кровлей. Онъ оставитъ ей письмо, въ которомъ объявитъ, что намѣренъ навсегда разлучиться съ нею и ѣдетъ завтра же. Но вотъ входитъ жена и объявляетъ ему, что онъ дуракъ и оселъ, и что это знаетъ весь свѣтъ, что онъ, въ пьяномъ видѣ, не помня себя, вызвалъ на дуэль человѣка, котораго ревнуетъ безъ всякаго основанія. «Гм... гм...»— мычитъ на это Пьеръ.—И почему вы могли повѣрить, что онъ мой любовникъ, почему? Потому что я люблю его общество? Еслибы вы были умнѣе и пріятнѣе, я бы предпочла ваше.—Пьеръ выходитъ изъ себя, схватываетъ со стола мраморную доску, замахивается на жену и кричитъ: «Я тебя убью!» Если читатель припомнитъ, что Пьеръ вдавливалъ гвозди въ стѣну, то онъ пойметъ, что мраморная доска, въ рукахъ такого Голіафа, представляла нѣкоторую опасность. «Богъ знаетъ, что бы сдѣлалъ Пьеръ въ эту минуту, еслибы Элень не выбѣжала изъ комнаты»,—замѣчаетъ авторъ.

Повидимому, непонятно, почему графъ Толстой избралъ своимъ героемъ такую сырую, дикую натуру. Вѣдь это необузданный монголъ. Зачѣмъ его

называть графомъ, зачѣмъ ему давать въ воспитатели аббата, зачѣмъ его посылать на десять лѣтъ за-границу? Сырая сила, сердечный порывъ—вотъ основа характера Пьера. Его бродящая сила, вмѣщаясь въ тѣлѣ Голіафа, съ умомъ страуса, конечно, не можетъ придти ни къ какимъ европейскимъ результатамъ. Но именно это-то и нужно графу Толстому: иначе его философія, основанная на сырой, непосредственнной силѣ, потеряетъ почву. Ему именно нуженъ фатализмъ Востока, а не разумъ Запада.

Послѣ своего объясненія съ женой Пьеръ поѣхалъ въ Петербургъ и на станціи, въ Торжкѣ, встрѣтился съ какимъ то таинственнымъ господиномъ. Таинственный господинъ былъ приземистый, ширококостный, желтый, морщинистый старикъ съ сѣдыми нависшими бровями надъ блестящими, неопредѣленнаго сѣроватаго цвѣта, глазами. Таинственный незнакомецъ, говоря, подчеркивалъ каждое слово и, точно пророкъ, зналъ, что случилось съ Пьеромъ. «Вы несчастливы, государь мой,—говорилъ таинственный старикъ Пьеру.—Вы молоды, я старъ. Я бы желалъ по мѣрѣ моихъ силъ помочь вамъ. Но если по какимъ либо причинамъ вамъ непріятенъ разговоръ со мной, то вы такъ и скажите, государь мой». Пьеръ былъ пораженъ таинственностью и всею внѣшностью непостижимаго старика и, какъ вполнѣ сердечный человѣкъ, съ робостью подчинился непонятной ему силѣ. Тутъ только впервые Пьеръ почувствовалъ, что все, что онъ дѣлалъ, было не то, что ни умомъ, ни сердцемъ онъ не былъ въ состояніи постигнуть жизни, и что мудрость и истина текли ключомъ мимо него, не орошая его души. Высшая мудрость основана не на разумѣ, не на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ физики, исторіи и химіи, на которыя распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку,—науку всего, науку, объясняющую все мірозданіе и мѣсто, занимаемое въ немъ человѣкомъ... Для того, чтобы вмѣстить въ себѣ эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому, прежде чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для достиженія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенъ свѣтъ Божій, называемый совѣстью. Погляди духовными глазами на своего внутренняго человѣка и спроси самого себя: доволенъ ли ты собой? Чего ты достигъ, руководясь однимъ умомъ? Что ты такое? «Вы молоды, вы богаты, вы умны, образованы, государь мой. Что вы сдѣлали изъ всѣхъ этихъ благъ, данныхъ вамъ Богомъ?»—говорилъ таинственный старикъ, и Пьеръ, пришибленный до слезъ, чувствовалъ, что до сихъ поръ не дѣлалъ ничего, кромѣ глупостей. Мало того, онъ даже не вѣрилъ въ Бога. Бесѣда съ масономъ произвела на Пьера глубокое впечатлѣніе, и первое изъ внѣшнихъ вліяній заставило его хоть нѣсколько заглянуть въ самого себя. Пьеръ не былъ безысходный дуракъ, но онъ былъ широкая русская натура. Пьеръ не могъ думать хорошо, но онъ могъ чувствовать хорошо, если внѣшнія обстоятельства тому благопріятствовали. Графъ Толстой ставитъ его въ такія положенія, которыя должны олицетворить философію, убѣждающую въ умственномъ ничтожествѣ Запада и въ превосходствѣ непосредственнаго чувства русской широкой натуры, не нуждающейся въ умѣ, чтобѣ обрѣсти истину.

Графъ Толстой правъ, когда онъ приписываетъ большую важность личному усовершенствованію человѣка. Если исторія, о которой онъ говоритъ, есть совокупность личныхъ произволовъ, то, конечно, чѣмъ выше совершенство отдѣльныхъ людей, тѣмъ счастливѣе судьба человѣчества. Но графъ Толстой впадаетъ въ противорѣчіе, когда онъ преграждаетъ путь къ личному усовершенствованію мертвящимъ фатализмомъ. Усиливаясь доказать, что отдѣльный человѣкъ руководствуется личнымъ произволомъ, онъ въ то же время говоритъ, что коллективное человѣчество движется по извѣстнымъ, независящимъ отъ него предначертаніямъ. Но если исторія создается личнымъ произволомъ отдѣльныхъ лицъ, то какъ же согласить его съ фатализмомъ? Міровой законъ не допускаетъ дуализма. Тотъ же законъ тяготѣнія, который управляетъ малѣйшими атомами, управляетъ и громадными міровыми тѣлами и совокупной ихъ жизнью. Если законъ этотъ впадаетъ въ дуализмъ, мірозданіе разрушится. Какъ же на разрушенномъ мірозданіи графъ Толстой хочетъ создать свою систему общественной гармоніи.

Таинственный старикъ былъ одинъ изъ извѣстныхъ масоновъ и мартинистовъ. Вліяніе его оказалось до того сильнымъ, что Пьеръ поступилъ въ масоны. Въ масонствѣ, какъ ему казалось, онъ нашелъ тотъ свѣтъ, который искалъ, нашелъ то внутреннее успокоеніе и довольство, которыхъ въ немъ до сихъ поръ не было. Пьеру казалось, что масонство есть единственное выраженіе лучшихъ, вѣчныхъ сторонъ человѣчества. Только масонское святое братство имѣетъ дѣйствительный смыслъ въ жизни, а все остальное—сонъ. Пьеръ горячо отдался новому вліянію. Онъ устраивалъ столовыя и надгробныя ложи; вербовалъ новыхъ членовъ, заботился о соединеніи различныхъ ложъ и о пріобрѣтеніи подлинныхъ актовъ. Онъ давалъ свои деньги на устройство храминъ и пополнялъ, насколько могъ, сборы милостыни, на которые большинство членовъ были скупы и неаккуратны. Онъ почти одинъ, на свои средства, поддерживалъ домъ бѣдныхъ, устроенный орденомъ въ Петербургѣ. По прошествіи года Пьеръ, однако, началъ чувствовать, что почва масонства, на которой онъ стоялъ, тѣмъ болѣе выходила изъ-подъ его ногъ, чѣмъ тверже онъ старался стать на ней. Когда онъ приступилъ къ масонству, онъ испытывалъ чувство человѣка, довѣрчиво становящаго ногу на ровную поверхность болота. Поставивъ ногу, онъ провалился. Чтобы вполнѣ увѣриться въ твердости почвы, на которой онъ стоялъ, онъ поставилъ другую ногу—и провалился еще глубже. Онъ разочаровался въ братьяхъ и въ дѣйствительности того самоусовершенствованія, къ которому будто бы стремилось масонство. Въ членахъ общества онъ видѣлъ не братьевъ по

труду и подвигамъ своего мистическаго ордена, а какого нибудь князя Б., графа Д.—людей слабыхъ и ничтожныхъ, изъ-подъ масонскихъ фартуковъ и знаковъ которыхъ онъ видѣлъ мундиры и кресты, которыхъ они добивались въ жизни. Онъ понялъ всю фальшь и ложь слова, не сходившагося съ дѣломъ, и затосковалъ. Пьеръ сталъ искать выхода въ молитвѣ и въ духовно-назидательномъ чтеніи. Въ этотъ періодъ онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Ложусь спать съ счастливымъ и спокойнымъ духомъ. Господи великій, помоги мнѣ ходить по стезямъ твоимъ: 1) побѣждать часть гнѣвну—тихостью, медленіемъ; 2) похоть—воздержаніемъ и отвращеніемъ; 3) удаляться отъ суеты, но не отлучать себя отъ: а) государственныхъ дѣлъ службы, b) отъ заботъ семейныхъ, c) дружескихъ сношеній и d) экономическихъ занятій». Нѣсколько дальше Пьеръ писалъ: «Имѣлъ поучительный и длинный разговоръ съ братомъ В., который совѣтовалъ мнѣ держаться брата А. Многое, хотя и недостойному, мнѣ было открыто. Адонаи есть имя сотворившаго міръ. Элоимъ есть имя правящаго всѣмъ. Третье имя—имя неизрѣкаемое, имѣющее значеніе *Всего*. Мнѣ ясно различіе бѣднаго ученія наукъ общественныхъ съ нашимъ святымъ всеобнимающимъ ученіемъ. Науки человѣческія все подраздѣляютъ—чтобы понять, все убиваютъ—чтобы разсмотрѣть. Въ святой наукѣ Ордена все едино, все познается въ своей совокупности и жизни. Троица—три начала вещей—сѣра, меркурій и соль. Сѣра—элейнаго и огненнаго свойства; она въ соединеніи съ солью огненностью своею возбуждаетъ въ ней алканіе, посредствомъ котораго притягиваетъ меркурій, охватываетъ его, удерживаетъ и совокупно производитъ отдѣльныя тѣла. Меркурій есть жидкая и летучая духовная сущность—Христова, Духъ Святый, Онъ». Пьеру казалось, что эта чепуха есть именно та истина, которую онъ искалъ, и что его мистическая химія трактуетъ гораздо умнѣе о соединеніи сѣры, меркурія и соли, чѣмъ химія Лавуазье и Берцеліуса.

Впрочемъ, у Пьера бывали иногда и свѣтлые моменты, когда онъ снова обращался къ своей безпутной, разгульной жизни, но эти моменты не были продолжительны. Пьеръ жилъ въ какомъ-то чаду, особенно усиливавшемся отъ общаго патріотическаго, воинственнаго настроенія, ибо Наполеонъ шелъ уже на Москву. Нервы Пьера были натянуты въ высшей степени. Онъ чувствовалъ приближеніе какой-то катастрофы, которая должна была измѣнить всю его жизнь, и во всемъ онъ отыскивалъ признаки этого страшнаго приближающагося момента. Наши книжники вывели изъ апокалипсиса, что Наполеонъ есть антихристъ, а имя его—звѣриное число 666. Кажется, зачѣмъ бы идти дальше, но полубезумный Пьеръ захотѣлъ во что бы то ни стало найти звѣриное число въ своемъ собственномъ имени. Онъ писалъ свое имя по русски и по французски, урѣзывалъ, пропускалъ буквы и наконецъ достигъ того, что искомое число 666 получилось. Открытіе это взволновало его. Какъ, какою связью онъ соединенъ съ тѣмъ великимъ событіемъ, какое было предсказано въ апокалипсисѣ,—онъ не зналъ; но онъ ни на минуту не усомнился въ этой связи.

Катастрофа дѣйствительно наступила. Подъ вліяніемъ воинственнаго азарта Пьеръ, переодѣтый, отправился смотрѣть бородинское сраженіе. Онъ побылъ въ компаніи солдатъ и понялъ, какъ бы вдругъ, что они-то, эти странные, невѣдомые до тѣхъ поръ ему люди, и есть именно настоящіе люди. «Война есть наитруднѣйшее подчиненіе свободы человѣка законамъ Бога,—говорилъ какой-то мистическій голосъ въ Пьерѣ.—Простота есть покорность Богу, отъ Него не уйдешь. И *они* просты. Они не говорятъ, но дѣлаютъ. Сказанное слово—серебряное, а не сказанное—золотое. Ничѣмъ не можетъ владѣть человѣкъ, пока онъ боится смерти, а кто не боится ея, тому принадлежитъ все. Если бы не было страданія, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самого. Самое трудное состоитъ въ томъ, чтобы умѣть соединять въ душѣ свое значеніе всего. Все соединить? Нѣтъ, не соединить. Нельзя соединить мыслей, а сопрягать всѣ эти мысли—вотъ что нужно! Да, сопрягать надо, сопрягать надо!»

Этотъ порывъ больного, возбужденнаго человѣка далеко еще не разрѣшалъ того неразрѣшимаго, чего искалъ Пьеръ. Возбужденный человѣкъ кидался повсюду и, предоставленный самъ себѣ, своей умственной безпомощности и убогости, только путался въ ощущеніяхъ темнаго чувства, не находя ни въ чемъ успокоенія. У Пьера не было здоровой, активной жизни; у него не было никогда никакого дѣла; онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать со своимъ громаднымъ тѣломъ и на что направить свою силу Голіафа. По натурѣ человѣкъ страстнаго чувства,—ему надо было ворочать каменья, чтобы успокоить сильно бродившую въ немъ горячую кровь; но милліоны противорѣчій, сталкивавшихся въ этой хаотической, несложившейся, неустановившейся натурѣ, заставляли искать точки опоры, которой онъ еще не нашелъ. Человѣкъ простого, демократическаго склада, Пьеръ, ошибкой родившійся отъ графа, чувствовалъ себя не на мѣстѣ въ аристократическихъ салонахъ, съ ихъ чопорностью, условными приличіями, къ которымъ онъ не могъ себя пріучить. И вотъ, побывавъ въ солдатской компаніи, поѣвъ кавардачка, послушавъ простыя солдатскія рѣчи, Пьеръ почувствовалъ въ солдатахъ своихъ людей и въ безхитростности ихъ умственной жизни увидѣлъ свою сферу. Вотъ почему такой человѣкъ, какъ Каратаевъ, долженъ былъ обнаружить на Пьера громадное вліяніе.

Каратаевъ былъ родственной натурой съ Пьеромъ. Главная особенность Каратаева состояла въ непосредственности и быстротѣ. Онъ, видимо, никогда, не думалъ о томъ, что онъ сказалъ и что онъ скажетъ, и оттого въ быстротѣ и вѣрности его интонаціи была особенная, неотразимая убѣдительность. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, точалъ сапоги. Онъ пѣлъ пѣсни, не такъ, какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ, но пѣлъ,

какъ поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было также необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться. И звуки эти всегда были тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные, и лицо его при этомъ бывало очень серьезно. Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, онъ, видимо, отбросилъ отъ себя все напущенное, чуждое, солдатское и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу. Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и, видимо, дорогихъ ему воспоминаній «христіанскаго», т. е. крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ, большею частью, неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными, взятыя отдѣльно, и которыя вдругъ получаютъ значеніе глубокой мудрости, когда онѣ сказаны кстати. Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что говорилъ прежде, но и то, и другое было справедливо. Для Пьера Каратаевъ является какимъ-то непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды. Каждое слово и каждое дѣйствіе его были проявленіемъ какой-то неизвѣстной ему самому дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только, какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него также равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять его цѣны и значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова.

Этой идеализаціей непосредственнаго человѣческаго чувства и цѣлостности натуры графъ Толстой изобличаетъ вполнѣ несостоятельность всей своей философіи. Авторъ выдаетъ за конечный результатъ то, въ основѣ чего заключается исключительно некультивированная, сырая сила человѣка, практически развившагося въ первобытномъ быту. Ставъ на эту точку зрѣнія, графъ Толстой очутился на противоположномъ полюсѣ всей европейской цивилизаціи и всей суммы знанія, которое выработало человѣчество вѣками. Знанія нѣтъ,—говоритъ графъ Толстой.—Развѣ общипанныя свѣдѣнія и отдѣльно выхваченные результаты могутъ составлять прочный фундаментъ, на которомъ бы можно было выстроить храмъ человѣческаго счастья? Не въ книгахъ, не въ кабинетахъ ученыхъ, не въ лабораторіи химика, не въ головѣ философа живетъ правда жизни. Она живетъ въ лѣсу, въ степи, въ деревнѣ, въ сердцѣ Каратаева. Но отчего же свѣтъ истины поселился въ Каратаевѣ, выросшемъ, какъ грибъ въ лѣсу или какъ репейникъ въ полѣ, и нѣтъ его въ коллективномъ умственномъ трудѣ всего человѣчества, изъ поколѣнія въ поколѣніе увеличивавшаго сумму знаній? Весь міръ—мракъ; одинъ Каратаевъ—свѣтъ. И этотъ свѣтъ понимаютъ лишь графъ Пьеръ Безухій да графъ Л. Н. Толстой. Судите сами. На одномъ изъ приваловъ плѣнный Пьеръ, удалившись отъ товарищей, сѣлъ у одиноко стоявшей повозки, отдался своимъ мыслямъ и спасительному вліянію Каратаева и вдругъ захохоталъ своимъ добродушнымъ, толстымъ смѣхомъ такъ громко, что съ разныхъ сторонъ съ удивленіемъ оглянулись люди на этотъ странный, очевидно одинокій смѣхъ. «Ха, ха, ха! —смѣялся Пьеръ, и онъ проговорилъ вслухъ самъ съ собою:— не пустилъ меня солдатъ. Поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня. Кого меня? Меня? Меня—мою безсмертную душу! Ха, ха, ха!.. ха, ха, ха!—смѣялся онъ съ выступившими на глаза слезами... и все это мое,—сказалъ онъ, оглядывая окружающую природу. И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками!».

Каратаевъ и плѣнъ, въ которомъ Пьеръ вынесъ много, обновили его. Но не *умомъ*, а всѣмъ существомъ своимъ онъ понялъ, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастіе происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка. Находясь въ плѣну, онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданія и свободы, и что эта граница близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно также страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь, засыпая на голой, сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую; что когда онъ, бывало, надѣвалъ свои бальные узкіе башмаки, онъ точно также страдалъ, какъ и теперь, когда онъ шелъ, уже босой совсѣмъ, ногами, покрытыми болячками. Онъ узналъ, что когда онъ, какъ ему казалось, по собственной своей волѣ женился на своей женѣ, онъ былъ не болѣе свободенъ, чѣмъ теперь, когда его запирали на ночь въ конюшню.

Эта безропотная, умиротворяющая философія, на путь которой выступилъ графъ Толстой, есть философія безнадежнаго, безвыходнаго отчаянія и упадка силъ. Каратаевъ, конечно, не могъ придти къ иному міровоззрѣнію и въ спасительной вѣрѣ, что добро и страданіе должны наконецъ получить вознагражденіе, если не здѣсь, то тамъ, долженъ былъ искать единственный исходъ безысходности своего положенія. Но когда къ тому же выводу приходятъ графъ Пьеръ и графъ Толстой—это уже не то. Мы согласны, что ребенокъ, родившійся на бархатѣ и атласѣ, можетъ быть, чувствуетъ такое же страданіе отъ завороченнаго розоваго листа, какъ ребенокъ, родившійся на камняхъ, отъ остраго кремня, очутившагося у него подъ бокомъ. Но вѣдь это вопросъ человѣческой выносливости, а не человѣческаго счастья. Графъ же Толстой создаетъ теорію единоличнаго человѣческаго счастья и хочетъ указать средства, какъ его достигнуть каждому. Графъ Пьеръ чувствовалъ себя счастливымъ въ мужицкомъ армякѣ, съ израненными ногами и находилъ солдатскій каверда-

чокъ вкуснѣе всѣхъ яствъ своей барской кухни. Пьеръ былъ чудакъ и эксцентрикъ, и мы понимаемъ, что лично онъ могъ дойти до всякаго абсурда. Но вообразите, что его философія становится общей міровой философіей, что всякій, родившійся на бархатѣ, будетъ убѣжденъ, что розовый листочекъ, согнувшійся у него подъ бокомъ, то же самое, что острый кремень, протыкающій бокъ бѣдняку, котораго нищета заставляетъ спать на камняхъ? Развѣ это не философія застоя, убійственной несправедливости, притѣсненій и эксплоатацій? Философія безропотности, перешедшая отъ Каратаева къ Пьеру, доказываетъ только то, что графъ Толстой почувствовалъ свое безсиліе предъ несокрушимостью подавлявшихъ его обстоятельствъ и вздумалъ идеализировать именно то состояніе и отдѣльныхъ людей, и цѣлаго общества, которое въ людяхъ мысли вызываетъ совсѣмъ иныя размышленія и приводитъ ихъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Вся Россія пытается встать на новый путь. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство подсказываютъ намъ, что наши попытки должны насъ довести далеко-далеко отъ монгольской традиціи, а графъ Толстой даетъ Россіи тотъ же совѣтъ, какой далъ Рудинъ Натальѣ Алексѣевнѣ! И вся эта аскетическая философія облечена у графа Толстого въ увлекательную форму! Онъ щедръ на слова любви, но истинной любви и гуманности въ нихъ нѣтъ. Графъ Толстой безпрестанно говоритъ о томъ хорошемъ внутреннемъ чувствѣ, смыслъ котораго передается не словами, а всѣмъ существомъ человѣка. И сила Каратаева была не въ словахъ, а въ чемъ-то иномъ, чего графъ Толстой опредѣлить не берется, но что исходило непосредственно и дѣйствовало непосредственно. Отстранивъ такимъ образомъ отъ себя интеллектуальный элементъ и отдавшись непосредственному чувству, въ которомъ графъ Толстой видитъ источникъ всей міровой мудрости, онъ, подъ вліяніемъ этого чувства, впалъ въ противорѣчіе. Ставя выше всего любовь, онъ въ то же время, вмѣсто практики любви, гуманности и блага, проповѣдуетъ застой и самое узкое своекорыстіе. Источникъ любви привелъ самосозерцающаго графа Толстого къ проповѣдыванію того, что есть зло, несчастіе и бѣдствіе,—къ индифферентизму и индивидуализму.

Всѣ любимые герои графа Толстого отличаются одинаковою глубиною мысли, и потому нечего удивляться, что, исходя изъ непосредственнаго чувства, они приходятъ къ практической чепухѣ. Напримѣръ, Наташа, увидѣвъ Пьера, преображеннаго Каратаевымъ, говоритъ, что Пьеръ сдѣлался какой-то чистый, гладкій, свѣжій,—точно изъ бани, морально изъ бани. Но Наташа никогда не проявляла дѣйствительной умственной силы и, какъ всѣ герои и героини графа Толстого, отличалась порывомъ, преданностью и пустотой. Въ ней колобродила сила, бродилъ многокровный организмъ; она искала себѣ мужа, и потребность его въ ней была такъ велика, что когда пришлось отложить свадьбу съ княземъ Андреемъ на годъ, то она задумала бѣжать съ Анатолемъ, лишь бы найти себѣ мужа. Мать ея говоритъ, что въ Натальѣ было всегда сильно чувство матери; но какое это именно чувство? Чувство непосредственное, органическое, каратаевское, что становится совершенно яснымъ сквозь прозрачную идеализацію графа Толстого. Наташа стала примѣрною матерью; графъ Пьеръ—примѣрнымъ семьяниномъ. Личное счастье сжалось до послѣдняго предѣла эгоизма вдвоемъ, а интеллектуальный элементъ подавился жизнью стоячей воды, чуждой всего, что отличаетъ человѣка, какъ члена общества, отъ лошади и отъ собаки. Вышла глухая деревня. Уже будто это цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій?

Мы понимаемъ, почему Пьеру его семейная жизнь должна была казаться именно той обѣтованной землей, къ которой онъ какъ будто бы стремился. Еще бы! Въ огромномъ, толстомъ организмѣ Пьера было слишкомъ много мускуловъ и крови, чтобы они не проявились въ порывѣ какой-то силы, ищущей чего-то. Онъ сначала пьетъ и кутитъ, чуть не борется съ медвѣдями, ломаетъ мраморные столы, женится неизвѣстно для чего, неизвѣстно для чего выходитъ на дуэль, одѣвшись въ мужицкое платье, бѣжитъ на Бородинское поле, бѣжитъ назадъ въ Москву и остается въ ней тоже неизвѣстно для чего, когда всѣ уѣзжаютъ, и только въ плѣну у французовъ, когда Даву, этотъ страшный, безсердечный Даву, пригрозившій ему смертью, только въ плѣну, когда голодъ, холодъ и физическія страданія посбавили толщины Пьеру, онъ почувствовалъ смиреніе, ибо въ немъ убавилось силы. Слонъ сильнѣе графа Пьера, да и тотъ бы усталъ въ такихъ передѣлкахъ. Понятно, почему графъ Пьеръ почувствовалъ такое счастье, когда подлѣ него очутилась молодая, красивая женщина, когда у него завелись дѣти, когда наконецъ явилось удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя до сихъ поръ были отодвинуты на второй планъ. Послѣ усталости всегда нуженъ отдыхъ.

Еслибы графъ Толстой далъ намъ въ такой простой формѣ объясненіе физіологическихъ и психологическихъ процессовъ, происходившихъ въ его героѣ, мы бы понимали, что онъ говоритъ. Но графъ Толстой поступаетъ иначе. Онъ идеализируетъ усталость измученнаго человѣческаго организма. Онъ идеализируетъ отсутствіе мысли и указываетъ, какъ на спасительный исходъ, именно на то положеніе, которое, можетъ быть, больше всего мѣшаетъ соціальному развитію человѣчества. Пьеръ начинаетъ женитьбой на Эленъ, — женитьбой, не имѣвшей никакого смысла. Тотъ же Пьеръ кончаетъ женитьбой на Наташѣ, изображаемой графомъ Толстымъ вѣнцомъ семейныхъ добродѣтелей. Чему же вѣрить? Гдѣ счастье и гдѣ несчастье? Или правъ князь Андрей, который говорилъ, что женитьба мѣшаетъ всему, и что нужно жениться, передѣлавъ всѣ общественныя дѣла? Или же правъ непосредственный Каратаевъ, который говорилъ, что нужно жениться 18-ти лѣтъ? Графъ Толстой молчитъ, и мы рады за русскую читающую пу-

блику, которая видитъ смущеніе автора, запутавшагося въ своихъ собственныхъ размышленіяхъ.

Впрочемъ, мы были бы несправедливы къ графу Толстому, еслибы скрыли ту демократическую струйку, которую онъ пытается провести во всемъ своемъ романѣ. Жизнь среди народа научила графа Толстого понимать, насколько его практическія, дѣйствительныя нужды выше избалованныхъ требованій князей Болконскихъ и разныхъ кривляющихся барынь, вродѣ г-жи Шереръ, погибающихъ отъ праздности и избытка. Графъ Толстой рисуетъ сельскій міръ и крестьянскій бытъ, какъ одно изъ спасительныхъ вліяній, превращающихъ барина изъ великосвѣтскаго пустоцвѣта въ практически-полезную общественную силу. Такимъ, напримѣръ, у него выходитъ графъ Николай Ростовъ, который, отдавшись вполнѣ управленію своимъ имѣніемъ, явился безсознательно покровителемъ рабочей крестьянской силы и врагомъ всякаго дармоѣдства въ видѣ кулаковъ и дворовыхъ. Но и тутъ не обошлось безъ любимаго конька. Николай Ростовъ является безсознательнымъ орудіемъ народной воли его крестьянъ. Онъ никогда не обдумываетъ ничего, что онъ дѣлаетъ, и, несмотря на то, никогда не ошибается. Во всѣхъ распоряженіяхъ его, касавшихся мужиковъ, онъ никогда не испытывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Всякое распоряженіе — онъ это зналъ—будетъ одобрено всѣми противъ одного или нѣсколькихъ. Онъ одинаково не позволялъ себѣ утруждать или казнить человѣка, потому только, что ему этого такъ хотѣлось, какъ и облегчать и награждать человѣка, потому что въ этомъ состояло его личное желаніе. Онъ не умѣлъ бы сказать, въ чемъ состояло мѣрило того, что должно и чего не должно, но мѣрило это въ его душѣ было твердо и непоколебимо. Графъ Николай Ростовъ всею душой любилъ русскій народъ и его бытъ, и только поэтому понялъ и усвоилъ себѣ тотъ единственный путь и пріемы хозяйства, которые приносили хорошіе результаты. Послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память объ его управленіи: «Хозяинъ былъ... напередъ мужицкое, а потомъ свое. Ну и потачки не давалъ. Одно слово—хозяинъ!»—говорили крестьяне.

Конечно, все это натяжки и украшенія, въ которыхъ можно усмотрѣть славянофильскую тенденцію и тотъ «армякъ», который долженъ спасти Россію. Но въ этой идеѣ у графа Толстого одна хорошая сторона, если онъ только дѣйствительно хотѣлъ сказать то, что мы скажемъ за него. Графъ Толстой, повидимому, проводитъ идею народности въ графѣ Пьерѣ, котораго очистили и обновили не вѣликосвѣтскіе салоны, не богатство, не связи со знатными и великими, а Каратаевъ и общество солдатъ, въ которыхъ Пьеръ увидѣлъ впервые человѣческую простоту, увидѣлъ первыхъ людей дѣла.

Струйкѣ народности, проходящей черезъ романъ, мы не можемъ не сочувствовать; но зачѣмъ же впадать въ крайность и отъ народа восходить къ славянофиламъ, и ихъ три магическія слова выдавать за единственный якорь спасенія русскаго человѣчества?

Вообще въ романѣ графа Толстого напутано столько вѣрнаго съ невѣрнымъ, рядомъ съ заблужденіями столько правильныхъ мыслей; зловредность прикрыта иногда такою кажущеюся искренностью и теплотой, что неопытный читатель подъ розовыми листьями разсмотритъ не скоро сумбуръ славянофильства и тяготѣніе къ Востоку, замаскированное стремленіемъ раскрыть истину.

Общее впечатлѣніе романа, во всякомъ случаѣ, затуманивающее, особенно когда графъ Толстой принимается за философію. Тутъ даже и не поймешь иногда хорошенько, что хочетъ сказать авторъ. Иногда онъ говоритъ, что человѣкъ лично свободенъ, а коллективно—нѣтъ; что роевая жизнь управляется не тѣми законами, какъ индивидуальная. Другой разъ у него выходитъ, что дѣятельность человѣка есть произведеніе личной свободы и отчасти законовъ необходимости. Въ заключеніе же онъ говоритъ, что, допуская нашу свободу, мы приходимъ къ безсмыслицѣ, а допуская зависимость—приходимъ къ законамъ; поэтому необходимо отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость.

Противъ этого правильнаго вывода мы ничего сказать не можемъ и въ то же время признали бы въ графѣ Толстомъ вполнѣ послѣдовательнаго писателя, еслибы его романъ служилъ прогрессивнымъ подтвержденіемъ въ художественныхъ образахъ такого вывода. Къ сожалѣнію, именно этого-то въ романѣ графа Толстого и не замѣчается. Его герой графъ Пьеръ, олицетворяющій философское ученіе, хотя и является какъ бы результатомъ длинной связи причинъ и послѣдствій, но въ концѣ концовъ утверждается на такой золотой серединѣ, въ которой нельзя усмотрѣть никакой прогрессивности. Конечно, всѣ правы: правъ и самодуръ графъ Болконскій, и Эленъ, и Николай Ростовъ, когда онъ бьетъ мужиковъ, такъ что расшибаетъ камень на своемъ перстнѣ; правы и Борисъ, и Пьеръ, и Каратаевъ. Значитъ, всѣ правы? Но какой же въ такомъ случаѣ выходъ изъ неправдъ и золъ, существованія которыхъ авторъ не отрицаетъ? Или, согласно идеализаціи графа Толстого, нужно всѣмъ жениться на дѣвушкахъ, какъ Наташа, поселиться въ деревнѣ и лишь плодить дѣтей?

Графъ Толстой выдаетъ непосредственное чувство за магическую нравственно-спасительную силу; его Каратаевъ претворилъ грѣховнаго Пьера въ праведника; та же сила помогла потомъ Пьеру и всѣмъ, кого хотѣлъ надѣлить ею авторъ, отличать сразу правду отъ лжи, благо отъ зла. Но, владѣя талисманомъ, графъ Толстой надѣлилъ имъ только своихъ любимыхъ героевъ, т. е. людей очень обыкновенныхъ; за собою же оставилъ болѣе широкое право — право философствовать. Очутившись такимъ образомъ въ противорѣчіи, авторъ заставляетъ читателя испытывать весьма тоскливое чувство и въ неудовольствіи читателя находитъ справедливое возмездіе на свой философскій дуализмъ.

Но отчего же графъ Толстой своими выдающимися героями изображаетъ такихъ людей, какъ Пьеръ и Каратаевъ и частью Николай Ростовъ? Казалось бы, умному и характерному Андрею Болконскому пристойнѣе быть героемъ. На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ вторая параллель его романа — историческая, которою авторъ хотѣлъ доказать, что именно простые люди и творятъ исторію. Только совокупность ихъ единоличныхъ произволовъ выдвигаетъ такихъ людей, какъ Наполеонъ, и только эта масса темныхъ людей, повидимому, деспотически управляемыхъ людьми власти, въ сущности заставляетъ эту власть дѣйствовать по своему. Ничтожество личности въ ходѣ міровыхъ событій графъ Толстой изображаетъ съ особенною настойчивостью, не боясь даже надоѣсть безпрестанными повтореніями.

III.

«Если допустить, какъ то дѣлаютъ историки, что великіе люди ведутъ человѣчество къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, состоящихъ или въ величіи Россіи или Франціи, или въ равновѣсіи Европы, или въ разнесеніи идей революціи, или въ общемъ прогрессѣ, или въ чемъ бы то ни было, то невозможно объяснить явленія исторіи безъ понятія о *случаѣ* и о *геніи*.

«Если цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ и безъ нашествія. Если цѣль — величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи, и безъ имперіи. Если цѣль — распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это гораздо лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль — прогрессъ цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе, болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи.

«Почему же это случилось такъ, а не иначе?

«Потому что это такъ случилось. «*Случай* сдѣлалъ положеніе, *геній* воспользовался имъ»,—говоритъ исторія.

«Слова *случай* и *геній* не обозначаютъ ничего дѣйствительно существующаго и потому не могутъ быть опредѣлены. Слова эти только обозначаютъ извѣстную степень пониманія явленій. Я не знаю, почему происходитъ такое-то явленіе; думаю, что не могу знать и потому не хочу знать, и говорю: *случай*. Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе; не понимаю, почему это происходитъ, и говорю: *геній*.

«Для стада барановъ тотъ баранъ, который каждый вечеръ отгоняется овчаромъ въ особый денникъ къ корму и становится вдвое толще другихъ, долженъ казаться геніемъ. И то обстоятельство, что каждый вечеръ именно этотъ самый баранъ попадаетъ не въ общую овчарню, а въ особый денникъ къ овсу, и что этотъ, именно этотъ самый, облитый жиромъ, убивается на мясо, должно представляться поразительнымъ соединеніемъ геніальности съ цѣлымъ рядомъ необычайныхъ случайностей.

«Но баранамъ стоитъ только перестать думать, что все, что дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей; стоитъ допустить, что происходящія съ ними событія могутъ имѣть и непонятныя для нихъ цѣли, и они тотчасъ же увидятъ единство, послѣдовательность въ томъ, что происходитъ съ откармливаемымъ бараномъ. Если они и не будутъ знать, для какой цѣли онъ откармливался, то, по крайней мѣрѣ, они будутъ знать, что все случившееся съ бараномъ случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды въ понятіи ни о *случаѣ*, ни о *геніи*.

«Только отрѣшившись отъ знанія близкой, понятной цѣли и признавъ, что конечная цѣль для насъ недоступна, мы увидимъ послѣдовательность и цѣлесообразность въ жизни историческихъ лицъ; намъ откроется причина того несоразмѣрнаго съ общечеловѣческими свойствами дѣйствія, которое они производятъ, и не нужны намъ будутъ слова *случай* и *геній*.

«Стоитъ только признать, что цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна, а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ, сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, и что движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій, и намъ не только не нужно будетъ видѣть исключительность и *геніальность* въ характерахъ Наполеона и Александра, но нельзя будетъ представить себѣ эти лица иначе, какъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные; и не только не нужно будетъ объяснять *случайностью* тѣхъ мелкихъ событій, которыя сдѣлали этихъ людей тѣмъ, чѣмъ они были, но будетъ ясно, что всѣ эти мелкія событія были необходимы.

«Отрѣшившись отъ знанія конечной цѣли, мы ясно поймемъ, что точно также, какъ ни одному растенію нельзя придумать другихъ, болѣе соотвѣтственныхъ ему, цвѣта и сѣмени, чѣмъ тѣ, которые оно производитъ, точно также невозможно придумать другихъ двухъ людей со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей тому назначенію, которое имъ предлежало пополнить».

Этой философіей коллективнаго фатализма графъ Толстой объясняетъ всѣ историческія событія.

Когда появилась первая часть романа, наши военные очень изобидѣлись тою непочтительностью, съ какою графъ Толстой относился къ подвигамъ русскихъ въ войну 1805 г. Непочтительность графа Толстого, возбудившая общее негодованіе ветерановъ, относилась тогда къ Багратіону. Графъ Толстой говоритъ, что Багратіонъ въ сущности ничѣмъ не распоряжался, ничего не обдумалъ, ничего не зналъ, какъ дѣлать. Никакихъ приказаній отдаваемо не было, а князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ началь-

никовъ,—все это дѣлалось, хотя не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. «Благодаря такту, который выказывалъ князь Багратіонъ,—говоритъ графъ Толстой,—князь Андрей замѣчалъ, что, несмотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойны. Солдаты и офицеры весело привѣтствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи, и, видимо, щеголяли передъ нимъ своею храбростью. Что бы ни дѣлалось въ этомъ дѣлѣ,—били ли насъ, или мы били,—князь Багратіонъ наклонялъ только голову въ знакъ того, что все это было точно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ». О неспособности нашихъ офицеровъ графъ Толстой выражается тоже не съ особенной осторожностью. Такъ, онъ разсказываетъ объ одномъ ротномъ командирѣ, круглолицомъ, статномъ, съ глупымъ, но счастливымъ выраженіемъ лица, который, идя со своею ротою на французовъ, несъ у ноги вынутую тоненькую, узенькую шпагу и, оглядываясь то на начальство, то назадъ, не теряя шагу, гибко поворачивался всѣмъ своимъ станомъ. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы наилучшимъ образомъ пройти мимо начальства, и, чувствуя, что онъ исполняетъ это дѣло хорошо, онъ былъ счастливъ. «Лѣвый... лѣвый... лѣвый...»—казалось, внутренно приговаривалъ онъ черезъ каждый шагъ, и по этому такту, съ разнообразно строгими лицами, двигалась стѣна солдатскихъ фигуръ, отягченныхъ ранцами и ружьями, какъ будто каждый изъ этихъ сотенъ солдатъ мысленно черезъ каждый шагъ приговаривалъ: «лѣвый... лѣвый... лѣвый...»

Всѣмъ этимъ, почти съ первыхъ страницъ романа, графъ Толстой намѣчаетъ ту идею, которую въ теченіе всего романа развиваетъ съ постоянно возростающей настойчивостью. Авторъ вовсе не думаетъ обижать русскихъ. Напротивъ, вездѣ, гдѣ только можно, онъ старается выказать русскихъ въ наивозможно выгодномъ свѣтѣ. Напримѣръ, говоря о бородинскомъ сраженіи, которое произошло совсѣмъ не такъ, какъ его описываютъ, графъ Толстой замѣчаетъ, что сраженіе это было принято русскими на открытой, почти не укрѣпленной мѣстности, съ вдвое слабѣйшими противъ французовъ силами, т. е. въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ не только немыслимо было драться 10 часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немыслимо было удержать въ продолженіе трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства. Налегая на Багратіона, графъ Толстой повторяетъ ту же мысль при всякомъ другомъ случаѣ только для того, чтобы показать ничтожество единоличной воли въ коллективныхъ дѣйствіяхъ людей. Никому не достается въ подобныхъ случаяхъ отъ графа Толстого болѣе, чѣмъ Наполеону. Говоря о наполеоновскомъ отступленіи изъ Москвы, графъ Толстой замѣчаетъ, что историки напрасно лгутъ, приписывая Наполеону какіе-то тонкіе разсчеты, соображенія и мысли. Наполеонъ приказалъ отступать просто потому, что добродушный солдатъ Мутонъ высказалъ эту мысль, и съ нимъ согласились всѣ французы. Этому обстоятельству помогло еще и то, что русскіе солдаты чуть не захватили въ плѣнъ Наполеона. «Подъ вліяніемъ страха, котораго Наполеонъ набрался отъ казаковъ, онъ сейчасъ же согласился съ Мутономъ и отдалъ, какъ говорятъ историки, приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу. То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ, не доказываетъ того,—говоритъ графъ Толстой,—что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона». Простое орудіе дѣйствовавшихъ на него силъ, Наполеонъ воображалъ, что, напротивъ, онъ есть сила, заставляющая человѣчество творить такую, а не иную исторію. Онъ жилъ въ искусственномъ мірѣ призраковъ какого-то величія и не больше какъ исполнялъ жестокую, печальную, тяжелую, нечеловѣческую роль, которая ему была предназначена. Никогда, до конца жизни своей, Наполеонъ не могъ понимать ни добра, ни красоты, ни истины, ни значенія своихъ поступковъ, которые были слишкомъ противоположны добру и правдѣ, слишкомъ далеки отъ всего человѣческаго; для того, чтобы онъ могъ понимать ихъ значеніе, онъ не могъ отречься отъ своихъ поступковъ, восхваляемыхъ половиной свѣта,—говоритъ графъ Толстой,—и потому долженъ былъ отречься отъ правды и добра и всего человѣческаго. Объѣзжая поле сраженія, уложенное мертвыми и изувѣченными людьми, онъ, глядя на этихъ людей, считалъ, сколько приходится русскихъ на одного француза, и, обманывая себя, находилъ, причины радоваться, что на одного француза приходится нѣсколько русскихъ. Наполеонъ находилъ, что поле битвы *великолѣпно*, если на немъ было нѣсколько десятковъ тысячъ труповъ. Даже на островѣ св. Елены онъ думалъ, что совершалъ великія дѣла, и русскую войну называлъ самою популярною, войною здраваго смысла, войною спокойствія и безопасности всѣхъ, войною миролюбивою и консервативною. Человѣкъ этотъ, исполнявшій печальную, невольную роль бича народовъ, увѣрилъ себя, что цѣль его поступковъ было благо человѣчества, что онъ могъ руководить судьбами милліоновъ и путемъ власти дѣлать благодѣянія.

«Но есть сила выше этой силы одного лица, какъ бы ни была велика его власть. Она заключается во взаимодѣйствіи безчисленнаго количества единоличныхъ произволовъ, создающихъ безпрестанное, непрерывное движеніе человѣчества. Первыя 15 лѣтъ XIX столѣтія въ Европѣ представляютъ необыкновенное движеніе милліоновъ людей,—говоритъ Толстой.—Люди оставляютъ свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны Европы въ другую, грабятъ, убиваютъ одинъ другого, торжествуютъ и отчаиваются, и весь ходъ жизни на нѣсколько лѣтъ измѣняется и представляетъ усиленное движеніе, которое сначала идетъ возрастая, потомъ ослабѣвая. Историки, пытаясь уяснить

смыслъ этой коллективной жизни, излагаютъ дѣянія и рѣчи нѣсколькихъ десятковъ людей въ одномъ изъ зданій города Парижа, называя эти дѣянія и рѣчи словомъ «революція»; потомъ даютъ подробную біографію Наполеона и нѣкоторыхъ сочувствующихъ и враждебныхъ ему лицъ, разсказываютъ о вліяніи однихъ изъ этихъ лицъ на другія и говорятъ: вотъ отчего произошло это движеніе и вотъ законы его... Для изученія законовъ исторіи мы должны измѣнить совершенно предметъ наблюденія, оставивъ въ покоѣ царей, министровъ и генераловъ, а изучать однородные, безконечно малые элементы, которые руководятъ массами. Никто не можетъ сказать, насколько дано человѣку достигнуть этимъ путемъ пониманія законовъ исторіи; но очевидно, что на этомъ только пути лежитъ возможность уловленія историческихъ законовъ, и что на этомъ пути не положено еще умомъ человѣческимъ одной милліонной доли тѣхъ усилій, которыя положены историками на описаніе дѣяній царей, полководцевъ и министровъ и на изложеніе своихъ соображеній по случаю этихъ дѣяній...»

Событія идутъ одно за другимъ сами собой,—идутъ потому, что имъ нельзя не идти. И отдѣльные люди являются только орудіями и средствами событій, воображая себя силой. Когда французы разстрѣливали въ Москвѣ поджигателей, и когда Пьеръ, обвинявшійся тоже въ поджогахъ, былъ приведенъ на мѣсто казни, онъ, во время разстрѣливанія, на всѣхъ лицахъ русскихъ и на всѣхъ лицахъ французскихъ солдатъ, офицеровъ читалъ такой же испугъ, узналъ и борьбу, какіе были въ его сердцѣ. «Да кто же это дѣлаетъ, наконецъ?—спрашивалъ онъ себя мысленно.—Они всѣ страдаютъ также, какъ и я. Кто же? кто же? Всѣ, очевидно, несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скрыть скорѣе слѣды своего преступленія». Пьеръ усиливался найти виновника всѣхъ этихъ ужасовъ и видѣлъ, что виновника нѣтъ, и что всѣмъ двигаетъ какая-то непостижимая для него сила. Но нигдѣ эта таинственная, непроизвольная сила не проявлялась въ такой всесокрушающей необходимости, какъ въ войнѣ 12-го года. Всѣ дѣлали что-то не то, дѣйствовали вяло и неохотно; шли, неизвѣстно почему, направо; также неизвѣстно почему, шли налѣво; а дѣло дѣлалось—и получился результатъ, къ которому стремились всѣ. Подъ Тарутинымъ привели графу Орлову перебѣжчика изъ французскаго лагеря, который говорилъ, что Мюратъ ночуетъ въ верстѣ отъ русскихъ, и что если перебѣжчику дать сто человѣкъ конвоя, онъ живьемъ возьметъ Мюрата. Предложеніе было лестное. Графъ Орловъ-Денисовъ посовѣтовался съ товарищами: всѣ вызывались ѣхать; всѣ совѣтовали попытаться. Послѣ многихъ споровъ и соображеній генералъ-маіоръ Грековъ, съ двумя казачьими полками, рѣшился ѣхать съ перебѣжчикомъ. Когда Грековъ выступилъ со своимъ отрядомъ, графъ Орловъ впалъ въ раздумье, сомнѣніе и нерѣшительность. «Ну можно ли изъ такой массы войскъ выхватить главнокомандующаго?—размышлялъ Орловъ.—Право, перебѣжчикъ вретъ».

— Можно воротить,—сказалъ одинъ изъ свиты, который почувствовалъ также, какъ и графъ Орловъ-Денисовъ, недовѣріе къ предпріятію, когда посмотрѣлъ на французскій лагерь.

— А? Право?.. Какъ вы думаете, или оставить, или нѣтъ?

— Прикажете воротить?

— Воротить, воротить! — вдругъ рѣшительно сказалъ графъ Орловъ, глядя на часы. — Поздно будетъ, —совсѣмъ свѣтло.

Когда Грекова воротили, Орловъ снова впалъ въ сомнѣніе и рѣшилъ наступать. Одна сотня за другою, какъ изъ мѣшка высыпаясь, полетѣли весело казаки со своими дротиками на перевѣсъ. Французы, застигнутые врасплохъ, струсили и побѣжали, куда попало. Еслибы казаки преслѣдовали французовъ, не обращая вниманія на то, что было позади и вокругъ нихъ, они взяли бы и Мюрата, и все, что тутъ было. Начальники и хотѣли именно этого. Но никакой силой нельзя было заставить казаковъ исполнить то, что хотѣлось начальникамъ. Никто не слушалъ команды, потому что казаки, добравшись до французскихъ лошадей, сѣделъ, одѣялъ и различныхъ предметовъ, принялись дѣлить добычу. А между тѣмъ по диспозиціи слѣдовало дѣйствовать совершенно иначе, но, какъ всегда, диспозиція не была исполнена, никто не пришелъ туда, куда слѣдовало; какъ и всегда, люди, вышедшіе весело, стали потомъ останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы; двинулись куда-то назадъ. Прискакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили, шли совсѣмъ не туда и, конечно, опоздали; наконецъ всѣ махнули рукой и пошли только съ тѣмъ, чтобы идти куда нибудь. «Куда нибудь да придемъ!» И дѣйствительно пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали такъ, что пришли безъ всякой пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли. Толль, который въ аустерлицкомъ сраженіи игралъ роль Вейрота, въ тарутинскомъ—стремительно скакалъ изъ мѣста въ мѣсто и вездѣ находилъ все наизворотъ. Такъ, онъ наскакалъ на корпусъ Баговута, когда уже было совсѣмъ свѣтло, а корпусъ этотъ давно уже долженъ былъ быть тамъ съ Орловымъ-Денисовымъ. Взволнованный, огорченный неудачей, и полагая, что кто нибудь долженъ быть виноватъ въ этомъ, Толль подскакалъ къ корпусному командиру и строго сталъ упрекать его, говоря, что за это разстрѣлять слѣдуетъ. Баговутъ, старый, боевой, спокойный генералъ, тоже измученный всѣми остановками, путаницей, противорѣчіями, къ удивленію всѣхъ, противно своему характеру, пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ непріятныхъ вещей Толлю. «Я уроковъ принимать ни отъ кого не хочу, а умирать со своими солдатами умѣю не хуже другого»,—сказалъ онъ, и съ одной дивизіей пошелъ впередъ. Выйдя на поле подъ французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговутъ, не соображая того, полезно или безполезно его вступленіе въ дѣло теперь и съ одной дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы. Одна изъ первыхъ пуль убила его. Слѣ-

дующія пули убили много солдатъ. И дивизія его простояла нѣсколько времени безъ пользы подъ огнемъ. Кутузовъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ въ томъ же родѣ; но какъ Кутузовъ въ идеалѣ графа Толстого изображается единственнымъ избранникомъ Россіи, единственнымъ человѣкомъ, угадывавшимъ какимъ-то непостижимымъ чутьемъ то, что нужно, то онъ и является примиряющимъ дуалистомъ, и, дѣлая видъ, что уступаетъ волѣ людей, воображавшихъ, что они руководятъ событіями, въ сущности исполнялъ негласную народную волю. Кутузовъ приказалъ наступать на удалявшагося Мюрата, но чрезъ каждые сто шаговъ останавливался на три четверти часа. Все тарутинское сраженіе состояло только въ томъ, что сдѣлали казаки Орлова-Денисова; остальныя войска лишь напрасно потеряли нѣсколько сотъ людей!

Вслѣдствіе этого сраженія,—говоритъ графъ Толстой,—Кутузовъ получилъ алмазный знакъ, Бенингсенъ—алмазы и сто тысячъ; другіе по чинамъ получили тоже много пріятнаго. Послѣ тарутинскаго сраженія русскіе офицеры и генералы говорили, что кто-то поступалъ глупо, а они бы не такъ сдѣлали. Но всякое сраженіе,—говоритъ графъ Толстой, — тарутинское, бородинское, аустерлицкое, — совершается не такъ, какъ предполагаютъ его распорядители. Это-то и есть существенное условіе успѣшнаго результата, предуказаннаго заранѣе книгою судебъ,—гласитъ философія графа Толстого. Тарутинское сраженіе именно вслѣдствіе его несообразности было то самое, что было нужно въ тотъ періодъ кампаніи. Трудно и невозможно придумать какой либо исходъ этого сраженія, —говоритъ графъ Толстой,—болѣе цѣлесообразный, чѣмъ тотъ, который оно имѣло. При самомъ маломъ напряженіи, при величайшей путаницѣ и при самой ничтожной потерѣ были пріобрѣтены самые большіе результаты во всю кампанію. Былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію; была обличена слабость французовъ, и былъ данъ тотъ толчокъ, котораго только и ожидало наполеоновское войско для начатія бѣгства. Послѣ этого дѣла Наполеонъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ и имѣвшій власть управлять арміей, ничего не сдѣлалъ для спасенія ея. Напротивъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ дѣлалъ какъ разъ все то, чтобы погубить свое войско. Сказать, что Наполеонъ погубилъ свою армію, потому что онъ этого хотѣлъ, было бы абсурдомъ; но дѣло въ томъ, что личная дѣятельность его, не имѣвшая больше силы, чѣмъ дѣятельность каждаго солдата, только совпадала съ тѣми законами, по которымъ совершилось явленіе. Дѣятельность Наполеона въ Москвѣ была также геніальна, какъ и вездѣ. Онъ отдаетъ приказаніе, строитъ планы за планами, не упускаетъ изъ вида ни блага своей арміи, ни дѣйствій непріятеля, ни блага народовъ Россіи, ни управленія дѣлами Парижа, ни дипломатическихъ соображеній о предстоящихъ условіяхъ мира, и въ концѣ концовъ выходитъ какъ разъ противное тому, къ чему онъ стремился лично. А оставленіе Москвы и московскіе пожары,—развѣ это не подобное же событіе по своей сущности? «Стыдно бѣжать отъ опасности,—только трусы бѣгутъ изъ Москвы»,—говорили всѣмъ, кто хотѣлъ оставить Москву. Патріоты воинственнаго настроенія хотѣли возбудить чувство отпора. Растопчинъ поджигалъ и возбуждалъ общественное мнѣніе въ этомъ же направленіи, и, несмотря на то, случилось какъ разъ обратное. Народъ бѣжитъ: анархія, безпорядокъ, грабежъ, поджоги, повсюду паническій страхъ. Воинственный, грозный, повидимому, несокрушимый непріятель долженъ подавить этотъ струсившій народъ; а между тѣмъ несокрушимый непріятель несетъ самъ въ себѣ погибель и собственную смерть, а видимая малодушная слабость, безсиліе и паническій страхъ заключаютъ въ себѣ въ дѣйствительности побѣдоносную силу.

Если изъ романа графа Толстого повыбрать все то, чѣмъ онъ хочетъ убѣдить въ силѣ и безошибочности коллективнаго проявленія единоличныхъ и тупыхъ, по его мнѣнію, произволовъ, то предъ вами дѣйствительно возникаетъ какая-то несокрушимая стѣна величественной стихійной силы, предъ которой отдѣльныя попытки людей, воображающихъ себя руководителями человѣческихъ судебъ, являются жалкимъ ничтожествомъ. Какими смѣшными старается изобразить графъ Толстой всѣхъ генераловъ и особенно ученыхъ нѣмцевъ, составляющихъ диспозиціи какъ разъ для того, чтобы ихъ никто не выполнялъ. Какъ онъ смѣется и старается унизить Багратіона, Толля, Милорадовича, воображающаго себя Мюратомъ, и всѣхъ штабныхъ офицериковъ, спорящихъ, интригующихъ, подставляющихъ другъ другу ножку, гоняющихся за чинами, орденами, отличіями и хлопочущихъ только о томъ, чтобы удовлетворить своей личной мелочной суетности. Унижая личный произволъ людей, воображающихъ себя руководителями судебъ народовъ, графъ Толстой въ то же время старается выставить въ выгодномъ свѣтѣ тѣхъ, кто не высовываетъ себя на первый планъ. Геніальнѣйшимъ человѣкомъ этого сорта является у него Кутузовъ. И геніальность Кутузова выражается именно въ томъ, что онъ умѣетъ понять народную душу, народное стремленіе, народное желаніе и дѣлаетъ имъ уступку. Кутузовъ бережетъ человѣческую кровь и щадитъ солдатскую жизнь. Кутузовъ плачетъ, когда дуализмъ велитъ ему посылать людей на очевидную смерть, между тѣмъ какъ можно достигнуть выгоднаго результата и безъ этой жертвы. Кутузовъ всегда другъ народа; онъ всегда слуга своего долга, а долгъ, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы выполнить стремленіе и желаніе большинства единоличныхъ произволовъ. Кутузовъ великъ потому, что онъ отрѣшается отъ своего *я* и пользуется своею властью, какъ точкой силы, концентрирующей всенародную волю. Наполеонъ — пигмей, потому что онъ дѣйствуетъ обратно. Геніальнѣйшій изъ геніевъ, Наполеонъ, сбившійся съ толку, подобно царю Соломону, хочетъ быть не выразителемъ народной воли, какъ онъ заявилъ это въ своей собственной конституціи, а, напротивъ, усиливается заставить народы дѣйствовать по его единоличному произволу. Отъ этого всѣ его мудрыя распоряже-

нія, приказанія въ Москвѣ ведутъ къ абсурду въ результатѣ, къ гибели милліонной арміи и къ торжеству Россіи.

Здѣсь не единоличная воля создала равновѣсіе силъ, а коллективная борьба единоличныхъ стремленій тѣхъ ничтожествъ, которыми хотѣли управлять Наполеоны и Милорадовичи. Народъ шелъ на народъ, какъ идетъ стѣна на стѣну, и паника погубила однихъ, а внутренняя сила спасла другихъ. Гр. Толстой, повидимому, усиливается опредѣлить сущность и смыслъ этихъ словъ, возбуждающихъ смутное понятіе о какой-то смутной силѣ. Но задача выше единоличнаго его пониманія.

Онъ отрицательно относится къ дѣятельности Бокля, Шлоссера и другихъ историковъ, которые пытались проникнуть въ историческую суть жизни народовъ. Но отрицая другихъ, онъ самъ не даетъ ничего. Великъ Кутузовъ, если онъ умѣетъ подводить итогъ единоличнымъ произволамъ и дѣйствовать согласно этому итогу. Но загадка остается загадкой. Какъ, повидимому, ни ставитъ низко графъ Толстой науку Запада, но его славянофильское рѣшеніе не даетъ отвѣта на вопросъ. Та сырая, некультивированная сила, которую мы видимъ въ графѣ Пьерѣ, бурлитъ и стремится къ чему-то, и человѣкъ чувствуетъ себя несчастнымъ и бьется, какъ рыба объ ледъ, въ попыткахъ дать отвѣты на неразрѣшимые вопросы. Россія въ этомъ отношеніи счастливѣе и несчастнѣе всѣхъ странъ. Она счастливѣе потому, почему Райнеръ нашелъ ее странюболѣе удобной для разрѣшенія волновавшихъ его вопросовъ; она счастливѣе потому, почему Гакстгаузенъ находилъ ее единственной страной, положительно отвѣчающей на стремленія къ мечтательному счастью европейскихъ утопистовъ. Но при этомъ она несетъ въ себѣ начало разъѣдающаго разъединенія и единоличнаго страданія. Западная наука, созданная Западомъ, создала у насъ несчастную и злополучную борьбу развитой единоличности съ задержавшейся коллективностью. Въ этой борьбѣ индивидуализма съ коллективностью заключается глубокій драматизмъ соціальнаго положенія общества, и мы вполнѣ понимаемъ, почему графъ Толстой пришелъ къ своей философіи. Мы понимаемъ поэтому, что къ графу Толстому нельзя относиться такъ, какъ мы относились къ Гончарову и Писемскому. Результатъ, къ которому приходитъ графъ Толстой, конечно, соціально вредный. Но въ томъ пути, которымъ онъ его достигаетъ, попадаются вѣрныя положенія, которыя не пропадутъ даромъ, если подвергнутся дальнѣйшей логической переработкѣ. Ни у Гончарова, ни у Писемскаго мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Это своего рода Наполеоны, которые дѣйствуютъ не по общему итогу, а, напротивъ, хотятъ заставить дѣйствовать общій итогъ по своему. Но, съ другой стороны, графъ Толстой вреднѣе ихъ, ибо онъ сильнѣе дѣйствуетъ на слабый умъ. Гг. Гончаровы и Писемскіе слишкомъ прозрачны для того, чтобы не быть ясными для всякаго пониманія и для всякаго вѣрнаго чутья. Графъ Толстой, напротивъ, возбуждаетъ какую-то смутную жиръ, вызываетъ смутное стремленіе къ чему-то неопредѣленному, но, повидимому, доброму, хорошему, гуманному; и въ то же время онъ убиваетъ всякую мысль, всякую энергію, всякій порывъ къ активности и сознательному стремленію улучшить свое единоличное положеніе и достигнуть своего единоличнаго счастья. Говоря сравненіями, гг. Гончаровъ и Писемскій подобны разбойнику въ извѣстной баснѣ, а гр. Толстой—клеветнику. Еще счастье, что графъ Толстой не обладаетъ могучимъ талантомъ, что онъ—живописецъ военныхъ пейзажей и солдатскихъ сценъ. Еслибы къ слабой опытной мудрости гр. Толстого придать силу таланта Шекспира или даже Байрона, то, конечно, на землѣ не нашлось бы такого сильнаго проклятія, которое бы слѣдовало на него обрушить. Гр. Толстой изливаетъ потоки негодованія на Наполеона за его принципы, но развѣ принципы гр. Толстого, обратные по своему характеру и по своей тенденціи, не заслуживаютъ того же самаго? Графъ Толстой кидаетъ грязью въ европейскую науку и въ результаты европейской мысли, добытые вѣками, и въ то же время предлагаетъ выводы своего скуднаго единоличнаго опыта, самоувѣренно полагая, что ему суждено поставить человѣчество на путь умственной безошибочности. Мы не отрицаемъ въ гр. Толстомъ таланта для описанія солдатскихъ сценъ, но думаемъ, что міровая философія—не его ума дѣло.

Тѣ возраженія, которыя графъ Толстой дѣлаетъ исторіи, вовсе не открытіе Америки. Кто же не знаетъ, что исторіи еще нѣтъ. Но графъ Толстой ставитъ на мѣсто опыта, наблюденія, знанія—непосредственное чувство, будто бы не ошибающееся въ своемъ конечномъ выводѣ, и для доказательства своей мысли даетъ такихъ героевъ, какъ графъ Пьеръ, Наташа, Каратаевъ, Николай Ростовъ. Всякая способность, выражающаяся въ рѣзкой активности, для него не сила, а помѣха; всякое умственное убожество, выражающееся въ покорной пассивности судьбѣ, — напротивъ, сила, безсознательно держащая въ своихъ рукахъ историческую нить. Это ученіе совершенно обратное тому, съ чѣмъ мы познакомились изъ трудовъ новѣйшихъ мыслителей. Кто же правъ—Огюстъ Контъ или графъ Толстой? Западъ или Востокъ? Кто ведетъ исторію міра—Европа или монголы?

Но еслибы даже и согласились съ тѣмъ, что человѣчество—стадо барановъ, которому каждый болѣе жирный баранъ представляется геніемъ, то и тутъ мы бы не нашли въ примѣрахъ гр. Толстого подтвержденія этой мысли. Его примѣры меньше всего могутъ служить примѣрами, ибо они не соціальные, а односторонне-военные; его судьба—тоже односторонняя, ибо покровительствуетъ одной Россіи. Гр. Толстой коритъ Наполеона, что тотъ радовался, когда видѣлъ, что русскихъ убито больше, чѣмъ французовъ, баварцевъ, гессенцевъ; но развѣ самъ авторъ не благословляетъ справедливость судьбы, что въ русскихъ снѣгахъ погибъ милліонъ европейцевъ?

А между тѣмъ, еслибы графъ Толстой смотрѣлъ не назадъ, а впередъ, не на востокъ, а на западъ; еслибы онъ обладалъ дѣйствительной силой для

беллетристической популяризаціи разрабытываемаго теперь мыслителями вопроса о борьбѣ лица съ обществомъ, цивилизаціи съ варварствомъ, индивидуализма съ коллективностью, то, конечно, у него не вышло бы, что историческое значеніе Каратаевыхъ выше значенія Контовъ, Стефенсоновъ, Морзовъ и непосредственное чувство Востока сильнѣе европейской мысли. «Война и Миръ» въ сущности—славянофильскій романъ, въ которомъ напутаны правда съ ложью, наука съ невѣжествомъ, благо со зломъ, прогрессъ съ отсталостью. Это какая-то смѣсь немногаго хорошаго со многимъ дурнымъ, возводящая графа Пьера въ руководящій идеалъ, долженствующій обновить и просвѣтить Россію. Только будетъ ли лучше, если судьбами Россіи станутъ управлять такіе умные люди?

Январь 1870.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СИЛА КРИТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

I.

Говорятъ, что европейскую критику мысли создала реформація. Это правда, но только въ половину. Когда рядомъ съ докторомъ Лютеромъ явился Томасъ Мюнцеръ и сталъ также проповѣдывать евангеліе, но такое, которое обѣщало всѣмъ нѣмцамъ равенство и братство, докторъ Лютеръ очень возмутился. Ему казалось, что думать критически позволялось только ему одному. Мюнцеръ былъ правъ, и ему всетаки отрубили голову, а Лютеръ былъ не правъ—и остался живъ.

Въ 1789 г., когда Франція начала проповѣдывать тоже равенство и братство, и эта проповѣдь не обошлась безъ казней, и еслибы Лютеръ и Мюнцеръ дожили до этого времени, то, конечно, остался бы живъ Томасъ Мюнцеръ.

Такихъ людей, какъ Мюнцеръ, и подобныхъ ему зовутъ фанатиками, энтузіастами, мечтателями, идеалистами, сумасбродами, безумцами. Вообще для характеристики ихъ подбираютъ такіе эпитеты, которые бы намекали, что въ головахъ этихъ людей царитъ безпорядокъ. Но отчего же именно фанатики увлекаютъ за собою массы? Отчего именно они совершаютъ громадные историческіе перевороты? Отчего именно они, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, даютъ новое движеніе всей исторической жизни? Магометъ былъ сумасбродъ, страдавшій галлюцинаціями; Мартинъ Лютеръ былъ фанатикъ, тоже не чуждый галлюцинацій; Мюнцеръ былъ энтузіастъ. Цѣлый рядъ сумасбродовъ совершенно перевернулъ историческій ходъ Франціи и началъ для Европы новую эру. Неужели все это могли бы дѣлать люди, еслибы въ головахъ ихъ не было порядка? Въ чемъ же секретъ нравственной силы подобныхъ людей?

Въ жизни народовъ могутъ проходить цѣлые вѣка въ однообразной смѣнѣ одного дня другимъ, когда люди ѣдятъ, пьютъ, спятъ, плодятся, копошатся, что-то такое дѣлаютъ, и жизнь ихъ тянется, какъ канитель. Такой культурной муравейной жизнью жили, напримѣръ, аравитяне. Но вотъ является Магометъ и говоритъ: «Богъ одинъ, Богъ вѣчный; нѣтъ Бога, кромѣ Бога; Богъ не родился ни отъ кого; ему нѣтъ равнаго». И всѣ аравитяне вѣрятъ Магомету и бросаютъ своихъ идоловъ, и начинаютъ молиться единому, вѣчному Богу, которому нѣтъ равнаго. Магометъ говоритъ: «Добродѣтель не въ томъ, чтобы во время молитвы обращать лицо къ востоку или западу, а въ томъ, чтобы думать о Богѣ и, ради любви къ нему, помогать роднымъ, бѣднымъ, странникамъ, выкупать плѣнныхъ, творить милостыню, держать свои обѣщанія и сохранять терпимость во враждѣ. Лучшій человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ наиболѣе добра своимъ ближнимъ». И полудикіе аравитяне задумываются надъ этими хорошими словами, и изъ разбойниковъ слагается сильное государство, покоряющее себѣ полміра. Почему же сумасбродство одного человѣка создаетъ такое чудо? Только потому, что среди недумающихъ людей лишь въ одномъ сумасбродѣ Магометѣ живетъ критическая мысль. Своимъ критическимъ умомъ Магометъ проникаетъ въ окружающій его бытъ, исправляетъ свое сужденіе и исправляетъ сужденіе своихъ полудикихъ соотечественниковъ, и ученики проникаются такою вѣрою въ новую правду своего учителя, что хотятъ спасти ею весь міръ, какъ спаслись ею сами, и съ огнемъ и мечомъ идутъ проповѣдывать ее другимъ народамъ.

Сумасбродъ Мюнцеръ былъ того же склада ума, какъ и Магометъ. Мюнцеръ учился весьма серьезно и основательно, получилъ званіе доктора теологіи, и даже противникъ его Меланхтонъ находилъ, что Мюнцеръ очень силенъ въ священномъ писаніи. Въ Мюнцерѣ съ самой ранней поры обнаружился критическій умъ, и много раньше Лютера, совершенно независимо отъ него, молодой теологъ выступилъ противникомъ католической церкви. Еще ученикомъ, въ школѣ, Мюнцеръ составилъ тайный союзъ противъ архіепископа Эрнста II; цѣлью союза было «преобразованіе духовенства». Кончивъ ученье и сдѣлавшись проповѣдникомъ, Мюнцеръ сталъ горячо нападать «на слѣпыхъ пастырей слѣпыхъ овецъ». Онъ поучалъ, что проповѣдывать исключительно на основаніи культа—значитъ проповѣдывать дурно, что къ евангелію нужно прибавить многое, чего въ немъ нѣтъ, и если принять бѣдность евангельскимъ основаніемъ, то короли и знатные не должны собирать богатства, а должны быть бѣдными и нищими. Съ суровой послѣдовательностью

относился Мюнцеръ ко всему старому, католическому; онъ хотѣлъ вырвать плевелы изъ вертограда Господня, ибо Богъ не повелѣлъ миловать идолослужителей, а повелѣлъ разрушать ихъ алтари, посѣкать ихъ дубравы и пожигать огнемъ изваянія ихъ боговъ. Курфирстъ саксонскій, къ которому Мюнцеръ обратился, конечно, не могъ согласиться съ такою демократическою проповѣдью. Тогда Мюнцеръ, полный вѣры въ свою правду, обратился къ народу, думая черезъ него возстановить на землѣ царство братства, равенства, свободы и нравственности.

А Мартинъ Лютеръ? Развѣ сила его не въ той же критикѣ, которая вмѣсто старой правды дала ему новую? Развѣ сила его не въ твердой вѣрѣ въ новую правду, которою онъ хочетъ спасти людей?

У насъ слово *критика* понимается значительнѣйшимъ образованнымъ большинствомъ совершенно своеобразно. Для однихъ — это насмѣшливое отношеніе къ чьему либо личному поведенію: «Ахъ, вы какой критиканъ,—съ вами и говорить страшно!»—услышите вы и нынче отъ провинціальной барышни; для другихъ—критика есть непремѣнно брань и безусловное порицаніе, и критикъ—такой человѣкъ, который съ пѣною у рта кидается на все встрѣчное. По обиходному понятію, критика всегда есть нѣчто внѣшнее, враждебное, порицающее, нѣчто вродѣ инспектора, надзирающаго за нашимъ поведеніемъ.

Но всякій человѣкъ, если онъ родится съ правильно-устроенной головой, носитъ уже въ ней начала критики. Критика есть способность мысли относиться съ провѣркой ко всѣмъ явленіямъ жизни и къ своимъ собственнымъ психологическимъ процессамъ. Ребенокъ, дѣлающій первый невѣрный шагъ, уже оцѣниваетъ его и усиливается ступать такъ, чтобы не падать. Позже тотъ же ребенокъ и тѣмъ же процессомъ мысли пріучается располагать свое поведеніе такимъ образомъ, чтобы извѣстныя невыгодныя для него явленія не повторялись. Онъ дѣлаетъ то, что ему лучше, и избѣгаетъ дѣлать то, что причиняетъ ему непріятность. Поступая въ школу, онъ оцѣниваетъ людей по тому представленію о лучшемъ, которое въ немъ уже выработалось. Онъ дружится съ одними, съ другими держитъ себя дальше. Изъ числа тѣхъ, съ кѣмъ онъ дружится, онъ дѣлаетъ новый спеціальный выборъ и своимъ пріятелемъ избираетъ того, кто полнѣе всѣхъ удовлетворяетъ его идеалу дружбы. Онъ оцѣниваетъ своего друга, сравнивая его съ другими, опредѣляетъ всѣ его особенности и затѣмъ получаетъ изъ своего сравненія извѣстный результатъ. Этотъ результатъ есть вѣра въ своего друга, которая и руководитъ обоюднымъ поведеніемъ друзей.

Школа кончилась; человѣкъ выступаетъ на дорогу жизни. Жизнь есть дѣйствительная дорога, и человѣкъ въ ней прибѣгаетъ къ тому же критическому процессу мысли, къ какому прибѣгаетъ путникъ, идущій большою дорогой. Онъ переступаетъ съ камня на камень, обходитъ лужи и выбираетъ мѣста сухія. Идти твердо и съ увѣренностью учитъ критика, ибо только она даетъ извѣстные положительные результаты, на основаніи которыхъ человѣкъ дѣйствуетъ съ увѣренностью.

Въ устройствѣ житейскихъ отношеній человѣкъ руководствуется тѣмъ же критическимъ пріемомъ, какимъ онъ руководствовался, выбирая себѣ школьнаго друга. Человѣкъ оцѣняетъ пригодность каждаго человѣка, съ которымъ его сводитъ жизнь, опредѣляетъ его достоинства и недостатки, уясняетъ себѣ, въ какихъ случаяхъ и насколько можно на него положиться. Когда человѣку нужно великодушіе, онъ обратится къ тому, въ комъ встрѣтитъ это великодушіе; когда ему нужна помощь, онъ обратится туда, гдѣ найдетъ эту помощь. Что же научаетъ его поступать такимъ образомъ? Только критика.

Такимъ образомъ, критика есть та основная способность, которая съ перваго дня рожденія ведетъ человѣка по пути жизни. Только критика учитъ человѣка опредѣлять себя и другихъ, и только она создаетъ тѣ результаты, на основаніи которыхъ человѣкъ поступаетъ безошибочно.

Размѣръ критики и плодотворность ея результатовъ зависятъ отъ обширности умственнаго горизонта и отъ круга дѣятельности человѣка. Есть люди, для которыхъ никогда не прекращается дѣтскій періодъ критики. Провинціальная кумушка, весь свой вѣкъ занимающаяся пересудами, также оцѣниваетъ людей по ихъ пригодности и на основаніи идеала, который себѣ выработала. Великосвѣтская барышня, для которой идеаломъ служитъ привлекательность внѣшнихъ манеръ, тоже ищетъ лучшаго и умѣетъ отличить его отъ худшаго. Но развѣ это критика, которая создала Магомета, Лютера, Мюнцера? И провинціальная кумушка, и великосвѣтская барышня, и всѣ тѣ, кто думаетъ не дальше ихъ, находятся въ періодѣ не исторической, а только культурной жизни. Могутъ пройти вѣка, а ихъ критика все будетъ оставаться дѣтской, если не явится на выручку какой нибудь Магометъ. Накопленіе опыта въ культурный періодъ такъ ничтожно, новыя перемѣны такъ незначительны, что умъ, направленный на оцѣнку повседневныхъ мелочей, нельзя еще назвать прогрессивной критической силой. Мысль становится критической, когда она дѣлается соціально-прогрессивной.

Для Европы начало современной критики положила французская философія конца XVIII вѣка. Никогда еще критика не была такъ плодотворна и такъ всесторонне-глубока. Зато никогда и бо́льшая сила не одушевляла людей. Франція отнеслась критически ко всему. Она не оставила въ покоѣ ни одного авторитета среднихъ вѣковъ. Весь соціальный порядокъ былъ пересмотрѣнъ и провѣренъ; все, доступное уму, было переизслѣдовано—и старое феодальное государство рухнуло. Вотъ съ какого времени начинается собственно для Европы періодъ теперешней критики.

Миртовъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ» разъясняетъ все значеніе критики, какъ прогрессивнаго историческаго элемента. Онъ указываетъ на нее, какъ на единственную прогрессивную силу,

управляющую коллективною жизнью людей. Народы, у которыхъ не пробудилось критическое направленіе, не живутъ, а прозябаютъ.

Критика,—говоритъ авторъ,—есть дѣло всей жизни, — привычка, которую человѣкъ долженъ пріобрѣсти и усвоить, чтобы имѣть право на названіе развитой личности. Плохъ тотъ, кто до той минуты, когда видитъ гибнущаго человѣка, не подумалъ и не усвоилъ себѣ убѣжденія, должно ли и какъ спасать погибающихъ. Тотъ не общественный дѣятель и не гражданинъ, кто чуждъ историческаго движенія, и кого народный взрывъ застаетъ врасплохъ. Что сказать? что сдѣлать? куда идти? за кѣмъ? Францію наводняютъ нѣмцы; Наполеонъ въ плѣну; обѣ арміи сдались; ходятъ слухи объ интригахъ Бисмарка; пророчатъ, что Наполеонъ во главѣ обѣихъ армій, сбереженныхъ пруссаками, войдетъ во Францію, чтобы посадить на французскій престолъ своего сына; поговариваютъ о домогательствахъ Бурбоновъ; одни проповѣдуютъ республику умѣренную, другіе — красную. Можно ли назвать гражданиномъ того француза, который раньше не отнесся критически къ положенію своей родины и не уяснилъ себѣ, какъ онъ долженъ поступить для блага и спасенія своего отечества! Теперь думать и рѣшать поздно; нужно было думать и рѣшать раньше, чтобы седанская катастрофа не застала врасплохъ. Предположите, что во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, думавшаго критически,—нѣтъ ни Гамбетты, ни Трошю, ни Эскироса. Что было бы съ бѣдной страной, населенной готентотами! Никто, конечно, не могъ предвидѣть именно Седана, но каждый французъ долженъ былъ знать, что̀ можетъ случиться, когда отечество скажетъ ему: «Иди и дѣлай». Можетъ быть, Франція и никогда бы не сказала этого; можетъ быть, Седана и никогда бы не было; но что бы вы сказали о томъ генералѣ, который сталъ бы учиться тактикѣ, выступивъ въ походъ?

По обыденнымъ понятіямъ, критика есть нѣчто разъѣдающее, лишающее человѣка прочности убѣжденій, заставляющее его колебаться и выбирать. Правда, человѣкъ колеблется въ моментъ критической работы, ибо процессъ критики заключается въ сравненіи разныхъ очевидностей. Но каждой критикѣ подводится наконецъ итогъ, и тогда наступаетъ второй моментъ въ развитіи мысли — твердая вѣра, вызывающая дѣйствіе. Чѣмъ была глубже и сильнѣе критика, тѣмъ могущественнѣе и жарче вѣра, и тѣмъ упорнѣе и энергичнѣе дѣйствіе. Откуда сила Магомета, Лютера, Мюнцера? Въ ихъ глубокой вѣрѣ, явившейся изъ глубокой критики. Вѣра превращаетъ людей въ титановъ, а титаны двигаютъ горами. Читатель понимаетъ, что слово *вѣра* мы употребляемъ въ широкомъ общемъ смыслѣ: можетъ быть вѣра въ Бога; можетъ быть вѣра въ человѣка; можетъ быть вѣра въ непогрѣшимость своихъ политическихъ убѣжденій. Миртовъ говоритъ о вѣрѣ въ послѣднемъ смыслѣ, и эта вѣра двигаетъ горами, если человѣкъ и заблуждается. Магометъ проповѣдывалъ не христіанскаго Бога и всетаки поднялъ и наэлектризовалъ массы, ибо онъ самъ вѣрилъ слѣпо въ свои убѣжденія, и точно также слѣпо вѣрила ему масса. Вѣра всегда тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе критика, ей предшествовавшая. Въ исторіи человѣчества истинными прогрессивными героями были только люди мысли. Только люди съ убѣжденіями и съ глубокой вѣрой умѣли бороться и умирать за свои идеи. Припомните Джіордано Бруно, Серве, Гуса, французскихъ роялистовъ, умиравшихъ на эшафотѣ конвента, и революціонеровъ, умиравшихъ подъ пулями и ножами роялистовъ. А герои теперешней Франціи! Развѣ Трошю не тотъ человѣкъ, который критически отнесся къ военной системѣ Наполеона! Развѣ это не тотъ человѣкъ, который предсказалъ Франціи невозможность борьбы съ нѣмцами!.. А энергія Гамбетты—развѣ не результатъ той критики, съ которою онъ всегда преслѣдовалъ политическій обманъ Наполеона! Современники еще не въ состояніи оцѣнить этихъ новыхъ героевъ Франціи, имена которыхъ уже принадлежатъ исторіи и будутъ окружены ореоломъ славы, какъ бойцовъ за освобожденіе страны отъ иноземнаго нашествія. Только въ моментъ кровожадной страстности можно говорить: «какой нибудь Гамбетта», какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе журналисты. Но Гамбетта и Трошю—не «какіе нибудь». Это современные герои Франціи, и они не становятся меньше отъ того, что живутъ въ 1870 году, а не въ X столѣтіи. Наполеонъ III, погубившій Францію и бывшій нѣкогда кумиромъ не однихъ французовъ, не дѣлается больше отъ того, что онъ императоръ.

Но вѣра, дающая силу человѣку, создаетъ не однихъ героевъ истины,—она создаетъ и героевъ лжи. Игнатій Лойола и Наполеонъ I тоже вѣрили, но ихъ вѣра не спасла міра. Мало того, чтобы мыслить, но нужно мыслить въ прогрессивномъ направленіи, въ направленіи полезнаго, истиннаго, справедливаго. Вѣра, созданная ложной или ошибочной критикой, хотя тоже творитъ героевъ, но героизмъ ихъ самоотверженія пропадаетъ даромъ, потому что опирается на недостаточную критику. Такой герой, напримѣръ, Бисмаркъ.

II.

Давно въ русской литературѣ не появлялось сочиненія, заслуживающаго такого вниманія, какъ «Историческія письма» Миртова. Въ этихъ письмахъ мы видимъ прежде всего благородную, честную личность самого автора, одухотвореннаго и проникнутаго той самой критической мыслью, выразителемъ которой онъ выступаетъ. Еслибы «Письма» г. Миртова отличались только логической послѣдовательностью, которая въ нихъ прежде всего бросается въ глаза, мы бы не придали имъ слишкомъ большого значенія. Логично думать можетъ всякій. Но въ нихъ, кромѣ глубокой и твердо продуманной мысли, слышится въ каждомъ словѣ горячая вѣра. Это не либеральный налетъ, который также легко сходитъ съ человѣка, какъ серебро съ мѣдной копейки. Здѣсь все—серебро; больше—чистое, червонное золото правды, которою русскіе люди насъ не избаловали.

Говорятъ, будто бы есть два способа изложенія—объективный и субъективный. Я не знаю, кто выдумалъ это дѣленіе; но еслибы его установилъ самъ Магометъ, то и тутъ Аллахъ простилъ бы правовѣрнымъ грѣхъ сомнѣнія.

Никогда человѣкъ не можетъ стоять внѣ себя, если онъ говоритъ о вопросахъ той жизни, которою самъ живетъ. Человѣкъ всегда стоитъ подъ извѣстнымъ знаменемъ, которому онъ служитъ, и правда, которой онъ вѣруетъ, всегда отпечатлѣется на его словѣ и на его дѣлѣ, какъ штемпель на монетѣ. Объективность не есть даже индифферентизмъ, который, конечно, хуже,—она просто старая правда, которую такъ называемые объективные историки лишь выдаютъ за новую и такимъ образомъ чеканятъ фальшивую монету. Неужели вы думаете, что *безпристрастное* изложеніе историковъ московской школы есть безпристрастіе? И Шлоссеръ безпристрастенъ, но это живой человѣкъ, идущій вмѣстѣ съ живыми людьми и старающійся освѣтить имъ путь жизни критикой исторіи. Ужъ будто бы историки московской школы стоятъ подъ однимъ знаменемъ съ Шлоссеромъ; ужъ будто бы они освѣщаютъ исторію и помогаютъ понимать событія? Пощадите!

Миртовъ—живой человѣкъ, живо чувствующій въ прошедшемъ настоящее и въ настоящемъ будущее. Для него мѣстомъ дѣйствія исторіи не луна, а земля, на которой онъ живетъ теперь, въ историческомъ водоворотѣ которой онъ вращается, чувствуетъ, что вращается, и понимаетъ, что вращается.

Но Миртову мало того, что самъ онъ знаетъ. Въ каждомъ человѣкѣ есть потребность пропаганды, и начало ея—въ чувствѣ любви къ ближнему. Отчего Магометъ сталъ проповѣдникомъ истины, которую онъ считалъ истиной? Почему Лютеръ не ограничился результатами своей критики для себя и, подобно Магомету, готовъ былъ проповѣдывать свою правду огнемъ и мечомъ? Отчего Мюнцеръ послѣ отказа саксонскаго курфирста обратился къ народу? Только оттого, что истину, которую они добыли, они считали спасительной не для однихъ себя, но хотѣли спасти ею всѣхъ. Можно сказать, что каждый человѣкъ родится миссіонеромъ и проповѣдникомъ. Да, каждый и проповѣдникъ! Но не всѣ—Магометы, и не у всѣхъ всегда большой кругъ учениковъ и слушателей. Это зависитъ отъ свойствъ проповѣдуемой истины, отъ размѣра силъ проповѣдника и отъ подготовленности слушателей.

Сдѣлавъ попытку рѣшать задачи, существовавшія во всякую историческую эпоху, и добывъ путемъ критики твердое убѣжденіе, Миртовъ хотѣлъ бы передать его и другимъ, научить каждаго тому, что онъ самъ узналъ. Каждаго! Какое скверное слово! Гдѣ этотъ каждый? Но Миртовъ и самъ знаетъ, что подобная задача недостижима. Онъ скромно говоритъ, что его письма недостаточны и несовершенны, что онѣ могутъ показаться и тяжелы, и отвлеченны, и неинтересны, и чужды вопросовъ дня; онъ прибавляетъ: «другой авторъ при другихъ обстоятельствахъ могъ бы написать и лучше, и занимательнѣе. Но я надѣюсь, что въ нашемъ обществѣ, хотя бы между читающею молодежью, найдется еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ не испугаетъ необходимость серьезно подумать о вопросахъ минувшаго, оставшихся и вопросами для настоящаго. Для этихъ читателей недостатки исполненія, можетъ быть, отступятъ на второй планъ предъ содержаніемъ. Эти читатели, можетъ быть, поймутъ также, что вопросы дня получаютъ свой дѣйствительный существенный интересъ именно отъ тѣхъ вѣчныхъ историческихъ вопросовъ, которыхъ авторъ коснулся въ своихъ письмахъ. Эти читатели поймутъ, что они именно, какъ личности, должны совершать критическую работу мысли надъ современною культурою; что они именно должны своею мыслью, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившейся; что именно они должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что именно они должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса. Если найдется хотя нѣсколько подобныхъ читателей этихъ писемъ, то дѣло автора сдѣлано...»

Какое тяжелое сознаніе и какой безотрадный мучительный взглядъ на микроскопичность растущей силы. Мы можемъ прибавить къ этому только то, что авторъ вполнѣ правъ въ своемъ мрачномъ взглядѣ на русскихъ читающихъ людей. Мы знаемъ общественныя библіотеки нѣкоторыхъ городовъ (а, можетъ быть, это и большинство городовъ), въ которыхъ тѣ №№ «Недѣли», гдѣ помѣщались «Письма» Миртова, не разрѣзывались; мы знаемъ также, что за чтеніе отдѣльнаго изданія «Писемъ» Миртова нѣкоторые принимались съ полной готовностью и оставляли ихъ на первомъ письмѣ, потому что не выносили умственнаго напряженія. Что это такое, какъ не безсиліе мысли, какъ не слабость ея при хорошихъ намѣреніяхъ? Дорогой же цѣной пріобрѣтаетъ себѣ человѣчество людей, даже только способныхъ читать серьезное. Какъ же дорого должны обходиться ему люди, способные мыслить самостоятельно и думать критически въ прогрессивномъ направленіи?

Въ четвертомъ письмѣ Миртовъ говоритъ о цѣнѣ прогресса, о той дорогой цѣнѣ, какой купилась развитая мысль. Чтобы мысль могла развиваться, требовался прежде всего досугъ, а этотъ досугъ могъ быть купленъ путемъ порабощенія, чтобы меньшинство имѣло время думать и культивировать свой интеллектъ въ то время, какъ большинство несло на себѣ весь мускульный трудъ. «Цѣлый рядъ вѣковъ доисторическаго и историческаго періодовъ шла неустанная борьба, и все немногое, чѣмъ теперь владѣютъ люди, чѣмъ они гордятся, всѣ ихъ знанія, всѣ стремленія только результатъ этой борьбы и милліоновъ погибшихъ жертвъ. Еслибы счесть образованное меньшинство нашего времени, — говоритъ Миртовъ, — число жизней, погибшихъ въ минувшемъ въ борьбѣ за его существованіе, и оцѣнить работу ряда поколѣній,

трудившихся только для поддержанія своей жизни; еслибы вычислить, сколько на каждаго нынче живущаго человѣка, живущаго только *нѣсколько* человѣческою жизнью, приходится потерянныхъ человѣческихъ жизней,—цѣнность всего ихъ труда, то каждый развитой человѣкъ ужаснулся бы, какой капиталъ крови и труда израсходованъ на его развитіе». Но если окончательнымъ итогомъ всѣхъ погибшихъ жизней и силъ, на которыхъ, какъ на геологической почвѣ, мы будемъ искать лишь цвѣтъ русскаго развитія, будемъ собирать тѣ немногія единицы, которыя составляютъ нашу культурную силу, то какими горами золота придется цѣнить каждаго читателя, котораго Миртовъ считаетъ способнымъ заплатить долгъ прогрессу, считаетъ способнымъ противостоять лжи и несправедливости, способнымъ образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса!

Слѣдуетъ пожалѣть, что «Письма» Миртова менѣе доступны по своему изложенію, чѣмъ бы онѣ могли быть. «Другой авторъ при другихъ обстоятельствахъ могъ бы написать и лучше, и занимательнѣе»,—говоритъ про себя Миртовъ. Ну, а если нѣтъ ни этого другого автора, ни этихъ другихъ обстоятельствъ, то что же остается дѣлать? Конечно, только пожалѣть о томъ, чего нѣтъ, и еще больше пожалѣть о томъ, что не всѣ люди съ добрыми намѣреніями могли найти въ «Письмахъ» Миртова поучительное для себя чтеніе. Такъ, въ средніе вѣка, когда наука жила отшельницей въ кабинетахъ ученыхъ, когда она излагалась по латыни, истина была недоступна не сама по себѣ, а только потому, что между нею и тѣми, кому она была нужна, стояла китайская стѣна. Еслибы Миртовъ могъ миновать эту стѣну, и еслибы тугое изложеніе, которымъ такъ страдаютъ многіе изъ современныхъ русскихъ писателей, не напоминало собою недоступной средневѣковой латыни, то, можетъ быть, намъ, писателямъ, приходилось бы сожалѣть меньше, что насъ читаютъ немногіе. Для мысли есть тоже свои законы приличія. Если невѣжливо затруднять своего ближняго письмомъ, написаннымъ дурнымъ, неразборчивымъ почеркомъ, то еще хуже облекать свои мысли въ печальную одежду и заставлять ихъ въ такомъ видѣ дѣлать визиты читателямъ. Мысли должны щеголять по праздничному, потому что онѣ—самое лучшее, что только въ состояніи произвести человѣкъ. Поэтому каждый писатель долженъ завести для своихъ мыслей самый богатый гардеробъ, чтобы онѣ выходили изъ дома хорошими, опрятными, красивыми, привлекательными, а не замарашками.

Это замѣчаніе примѣняется только частью къ «Письмамъ» Миртова, которыя если и затрудняютъ читателя, то, конечно, только потому, что самъ читатель уже слишкомъ дитя. Мы не находимъ въ «Письмахъ» Миртова слишкомъ сухого, ученаго изложенія,—напротивъ, мы чувствуемъ въ каждой ихъ фразѣ горячее и энергическое чувство, съ которымъ онѣ писаны; онѣ—вполнѣ живое слово не только о вопросахъ жизни, но именно о тѣхъ вопросахъ, которые мы еще такъ недавно переживали да переживаемъ и теперь. Миртовъ является съ масличной вѣтвью примиренія; онъ подводитъ итогъ тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя раздѣлили нашихъ прогрессивныхъ писателей на два, повидимому, враждебныхъ лагеря; онъ хочетъ поставить ихъ на вѣрную точку, дать имъ въ руки одну общую руководящую нить, хочетъ, чтобы разрозненныя силы думающихъ людей соединились въ одну думающую силу.

Въ основныхъ мысляхъ Миртова мы не находимъ ничего, въ чемъ бы могли съ нимъ не согласиться. Все въ нихъ вѣрно, искренно и честно. Незначительныя частности, противъ которыхъ, повидимому, можно говорить, суть не ошибки сужденія, а, можетъ быть, лишь односторонность изложенія. Поэтому главная задача настоящей статьи не въ томъ, чтобы указать ошибки, которыхъ нѣтъ, и предостеречь отъ нихъ читателя, а, напротивъ, обратить на «Письма» вниманіе тѣхъ, кому онѣ неизвѣстны, и показать важность ихъ значенія тѣмъ, кто не могъ оцѣнить ихъ достаточно самъ.

III.

Еще недалеко то время, когда вопросъ о важности естествознанія поднималъ въ нашей журналистикѣ цѣлую бурю. Со времени извѣстнаго афоризма Писарева о лягушкѣ, споръ о спасительности естествознанія превратился рѣшительно во всеобщее недоразумѣніе.

Этотъ простой самъ по себѣ вопросъ запутывался не потому, чтобы стороны не понимали ясно, чего онѣ хотятъ сами,—онъ запутывался потому, что спорящіе не хотѣли понимать, чего хотятъ ихъ противники. Страстность, какъ и всегда, усилила еще больше недоразумѣніе, разожгла полемическій задоръ, и сторонники одного знамени раздѣлились, точно они и въ самомъ дѣлѣ враги.

Разъясненію этого спорнаго вопроса Миртовъ посвящаетъ свое первое письмо.

Изъ тѣхъ настойчивыхъ и подробныхъ доказательствъ, къ которымъ прибѣгаетъ Миртовъ, мы заключаемъ, что и онъ остался не чуждъ общаго недоразумѣнія. Еслибы насъ спросили, что важнѣе—исторія или естествознаніе, то на вопросъ мы бы отвѣтили вопросомъ: «сколько лѣтъ ученику, о которомъ рѣчь?»

Когда общество только что пробуждается къ жизни, когда ему незнакомъ не только методъ, но даже самый слабый механизмъ самостоятельнаго мышленія, когда оно не знаетъ основныхъ законовъ физической природы человѣка, когда оно считаетъ громъ трескомъ колесницы на небѣ, когда оно самыя обыденныя физическія явленія объясняетъ, что такъ Богу угодно, когда метафизическое міровоззрѣніе, воспринятое традиціей, держитъ его въ разныхъ общественно-вредныхъ предразсудкахъ, когда общество не умѣетъ ни растить, ни воспитывать здоровыми своихъ дѣтей,—позволительно ли посовѣтовать такому обществу познакомиться прежде всего съ законами природы и узнать, что такое физическій міръ? Да, именно лягушка можетъ спасти такое общество.

Если вы спросите, что̀ важнѣе для такихъ темныхъ людей, и что̀ имъ ближе—естествознаніе или исторія, то можетъ быть только одинъ отвѣтъ—естествознаніе.

Исторія человѣчества, какъ простое заучиваніе чиселъ, подвиговъ генераловъ и описанія кровопролитныхъ битвъ, даже и такая безполезная исторія ставится въ школахъ послѣ описанія животныхъ. Но какъ же преподать ту исторію, которая пытается разъяснить законы человѣческихъ знаній, борьбу началъ утилитаризма съ эгоизмомъ, соціализма съ индивидуализмомъ, борьбу между національнымъ объединеніемъ и общечеловѣческимъ единствомъ, отношеніе экономическихъ интересовъ голодающей массы къ умственнымъ интересамъ болѣе обезпеченнаго меньшинства, связь между общественнымъ развитіемъ и формою государственнаго строя? Самъ г. Миртовъ говоритъ, что вопросъ объ исторіи, поставленный такимъ образомъ, хотя и самый важный вопросъ, но все-таки вопросъ второй.

Употребляя очень настойчивыя и подробныя доказательства для того, чтобы убѣдить читателя, что исторія важнѣе естествознанія, Миртовъ точно продолжаетъ старый, забытый споръ,—иначе зачѣмъ бы такія подробности,—тогда какъ другіе вопросы, сравнительно болѣе важные, развиты у автора слабѣе. Нѣтъ ли тутъ продолжающагося недоразумѣнія? Не оттого ли настойчивыя и подробныя доказательства, что, желая повершить споръ, авторъ придаетъ ему излишнюю живучесть? Теперь этотъ вопросъ уже конченъ. Тѣ, кто такъ усиленно налегалъ на важность естествознанія, дѣлали это для того, чтобы навести просыпающееся общество на наиболѣе важный, основной, первый и доступный ему путь. Общество на него стало и пошло указанной ему дорогой, чему между прочимъ можетъ служить доказательствомъ необъятное количество появившихся у насъ переводовъ и оригинальныхъ сочиненій по естествовѣдѣнію; ясно, что дѣло тѣхъ, кто ставилъ на путь, кончилось, а съ нимъ покончился и старый споръ.

Для новаго момента мысли нужна и новая пища, какъ для новаго вина—новые мѣхи. Миртовъ совершенно правъ, что для русскаго общества наступила теперь пора зрѣть мыслью на дальнѣйшихъ очередныхъ вопросахъ, и эти вопросы—историческіе, тѣсно связанные съ вопросами соціологическими.

Заслуга Миртова именно въ томъ, что послѣ періода умственнаго затишья онъ первый наводитъ общественное сознаніе на новый путь, напоминая ему о томъ важномъ моментѣ, въ который оно должно вступить, и открываетъ ему широкую панораму исторически-соціальнаго кругозора.

Уясненіе себѣ законовъ жизни личности и общества невозможно безъ изученія исторіи. «Кто оставляетъ въ сторонѣ ея изученіе,—говоритъ Миртовъ,—тотъ высказываетъ или свой индифферентизмъ въ отношеніи самыхъ важныхъ интересовъ личности и общества, или свою готовность вѣрить на слово той практической теоріи, которая случайно ему первая попадается на глаза». Миртовъ хочетъ застраховать читателя отъ подобныхъ случайныхъ практическихъ теорій и, сближая событія разныхъ періодовъ исторіи, истолковываетъ читателю смыслъ фактовъ и даетъ руководящіе выводы.

Теперешнія европейскія событія явились, какъ нарочно, оправданіемъ заключеній Миртова. Война Германіи съ Франціей—не простое столкновеніе военныхъ силъ и арміи короля Вильгельма съ арміей императора Наполеона; война эта даже и не доказательство перевѣса хорошей военной администраціи и дисциплины надъ дурной,—война короля съ императоромъ превратилась въ народную войну, въ столкновеніе идей, изобрѣтателями которыхъ являются два прогрессивные народа. Разбирая успѣхи одного и потери другого, каждый хочетъ углубиться въ самую сущность этихъ отношеній, въ причины силъ и безсилія, въ раціональность и прогрессивность средствъ, дающихъ военную силу,—уяснить причины и сущность тѣхъ общественныхъ формъ, которыя ведутъ къ общественному несчастью. Чтобы понять все это, приходится задумываться и надъ прошлымъ, и надъ настоящимъ, и искать въ исторіи отвѣтовъ на множество вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены только исторіей. Теперешняя война служитъ превосходной иллюстраціей къ письмамъ Миртова, и онъ, конечно, не ожидалъ, что политическія событія такъ скоро придутъ ему на помощь. Но, съ другой стороны, и письма Миртова—необходимое руководство для тѣхъ, кто захочетъ понять теперешнія военныя и невоенныя событія во Франціи и Германіи и не желаетъ остаться въ историческихъ потемкахъ.

IV.

Исторія! Но что такое исторія? Изъ-за чего эта вѣчная борьба, вѣчное столкновеніе людей и народовъ? Какія скрытыя силы, какія стремленія заставляютъ волноваться Европу вотъ уже цѣлое столѣтіе? Исторія есть борьба за прогрессъ, читатель, борьба за то лучшее, къ чему стремится человѣчество. Но въ чемъ же это лучшее и въ своемъ идеалѣ наивысшее благо? «Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости—вотъ краткая формула, обнимающая все, что можно считать прогрессомъ,—говоритъ Миртовъ. — Эта формула, — продолжаетъ онъ,—лежитъ въ сознаніи всѣхъ мыслителей послѣднихъ вѣковъ, а въ наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже тѣми, кто дѣйствуетъ несогласно съ нею и желаетъ совершенно иного».

Какія же условія необходимы, чтобы эта формула прогресса могла осуществиться? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Развитіе личности въ физическомъ отношеніи возможно лишь тогда, когда она владѣетъ извѣстнымъ количествомъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ. Это количество есть тотъ минимумъ, ниже котораго начинаются страданія, болѣзни, совершенно задерживающія какое бы то ни было развитіе, а, напро-

тивъ, или ведущія къ вырожденію расы, или же къ такой напряженной борьбѣ за существованіе, что улучшеніе физическаго положенія становится совершенно невозможнымъ».

Второе условіе прогресса заключается въ томъ, чтобы личность располагала возможностью умственнаго развитія. Умственное развитіе будетъ только тогда прочно, когда личность выработала себѣ потребность критическаго взгляда на все, ей представляющееся, увѣренность въ неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, и пониманіе, что личная польза солидарна съ пользой общей.

Третье условіе, — нравственное развитіе личности тогда только возможно и вѣроятно, когда личность можетъ развивать свободно самостоятельныя убѣжденія, и когда она сознала, что собственное достоинство каждаго—въ уваженіи достоинства чужой личности.

Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости предполагаетъ прежде всего для ученыхъ и мыслителей право высказывать свои положенія; предполагаетъ въ обществѣ такой запасъ образованія, который бы дозволилъ большинству понять эти положенія; наконецъ, предполагаетъ такія общественныя формы, которыя бы допускали измѣненіе, какъ только окажется, что эти формы устарѣли и мѣшаютъ прогрессу.

Если добросовѣстный читатель, вникнувъ въ смыслъ этихъ условій, захочетъ опредѣлить, насколько они осуществились въ дѣйствительности, то ему сдѣлается очень конфузно за скудость европейской цивилизаціи и мизерность результатовъ, которыхъ она достигла. Какія громкія слова, какія тяжеловѣсныя опредѣленія, сколько мелочныхъ споровъ о словахъ, какъ всѣ говорятъ о прогрессѣ, о благѣ человѣчества, о формулахъ и средствахъ прогресса,—а чего достигло большинство? Гдѣ эти люди, для которыхъ осуществились всѣ условія прогресса, гдѣ личности, развитыя вполнѣ въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ?

На земномъ шарѣ считается 1.300 милліоновъ людей. Но сколько изъ нихъ живутъ едва по человѣчески, а не какъ скоты; сколько изъ нихъ стоятъ выше того минимума, за которымъ начинаются голодъ, болѣзни, физическія страданія; сколько пользуются достаточной и здоровой пищей; сколько имѣютъ одежду, жилище, удовлетворяющія требованіямъ гигіены; какое громадное большинство проводитъ всю свою жизнь только въ борьбѣ за матеріальное существованіе и занято исключительно заботой о кускѣ насущнаго хлѣба, въ которомъ не увѣрено; сколько на земномъ шарѣ племенъ, которыхъ матеріальная жизнь нисколько не выше волковъ и лисицъ? А среди цивилизованной Европы какая еще масса населенія не увѣрена въ завтрашнемъ кускѣ хлѣба и постоянно обречена всѣмъ случайностямъ лишеній? Статистическія изслѣдованія указываютъ на страшную смертность вслѣдствіе недостатка заработка, не позволяющаго рабочему населенію удовлетворять достаточно всѣмъ своимъ физіологическимъ потребностямъ. Въ то же время та же статистика указываетъ, какъ прирощается богатство и увеличиваются вообще матеріальныя удобства жизни. Кто же пользуется выгодами этого прирощенія, когда у насъ нѣтъ ни здороваго жилья, ни достаточно теплой одежды и даже иногда нѣтъ хлѣба? Только незначительная доля людей. И только незначительная доля застрахована отъ нужды, и только на ней одной,—говоритъ Миртовъ,—лежитъ въ наше время *вся* человѣческая цивилизація.

Какъ ни мала эта доля, но еслибы умственное развитіе осуществлялось въ такой же степени, какъ матеріальное, то, конечно, Европа была бы гораздо счастливѣе. Мы уже не говоримъ о тѣхъ, кто не увѣренъ въ кускѣ насущнаго хлѣба,—гдѣ ужъ имъ владѣть умственнымъ развитіемъ и сберечь запасы умственной пищи, когда у нихъ нерѣдко недостаетъ пищи матеріальной! — мы обратимся къ меньшинству, «на которомъ лежитъ вся человѣческая цивилизація». Кто изъ этого меньшинства привыкъ думать критически; сколько людей, стоящихъ внѣ рутины мысли, свободныхъ отъ предразсудковъ и нелѣпости обычая; много ли тѣхъ, чья мысль совершенно свободна отъ какого бы то ни было стѣсняющаго ее авторитета? Рѣдкія, самыя рѣдкія единицы—не болѣе. А сколько изъ всего того человѣчества, на которомъ лежитъ вся цивилизація, найдется людей, которые бы не повторяли чужихъ мнѣній, не только не провѣряя ихъ, но даже и не зная, какимъ масштабомъ ихъ провѣрить? А сколько людей, повидимому, знакомыхъ съ законами явленій, и которые не задумаются окунуться сразу, съ головою, въ міръ чудеснаго и сверхъестественнаго, нисколько не сомнѣваясь въ собственномъ здравомысліи. Шаткость и неустойчивость мнѣній, неувѣренность въ собственныхъ умственныхъ силахъ и средствахъ, вѣчное изысканіе опоры и поддержки чужого авторитета — вотъ характеристическая черта того состоянія умственнаго развитія, въ которомъ находится громадное большинство образованныхъ людей. При такой шаткости мнѣній развѣ возможно твердое нравственное поведеніе? Нравственное развитіе есть результатъ убѣжденія, а убѣжденіе вырабатывается критикой. Когда же нѣтъ критики—не можетъ быть ни убѣжденій, ни твердо выработаннаго нравственнаго міровоззрѣнія; человѣкъ никакъ не пойметъ солидарности своихъ интересовъ съ интересами ближняго; справедливое и законное для себя онъ не будетъ считать справедливымъ и законнымъ для другого, и, отрицая тѣмъ чужое человѣческое достоинство, онъ отрекается и отъ своего. При такой высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія общественная жизнь несетъ на себѣ печать всякихъ видовъ насилія. Образованное меньшинство, считающее себя хранителемъ и поборникомъ прогресса, въ сущности его задерживаетъ. Исторія показываетъ, что каждому нарождающемуся поколѣнію приходится непремѣнно выносить умственное и нравственное давленіе и бороться за свое умственное и нравственное существованіе также, какъ необразованное большинство борется за существованіе физическое. Если

среди цивилизованнаго европейскаго человѣчества только самыя рѣдкія единицы составляютъ умственную силу, а характеръ и направленіе общественной жизни зависятъ отъ несложившагося умственно цивилизованнаго большинства, то, понятно, что и общественныя формы не могутъ воплощать въ себѣ того, что Миртовъ называетъ истиною и справедливостью.

Еслибы всѣ результаты прогресса гордящейся своей цивилизаціей Европы было возможно изобразить цифрами; еслибы можно было показать число людей, стоящихъ на минимумѣ матеріальнаго удовлетворенія, число людей, стоящихъ ниже его, число людей, съ досугомъ для развитія мысли, число людей свободнаго практическаго ума, число людей, плетущихся за авторитетами и думающихъ чужими мыслями, число людей, зараженныхъ предразсудками и стоящихъ ниже результатовъ современнаго знанія, число людей, не понимающихъ, въ чемъ заключается человѣческое достоинство, и мѣшающихъ развитію его въ другихъ, — о, какая печальная картина матеріальной и умственной бѣдности предстала бы предъ читателемъ, и сколько темноты, вмѣсто свѣта, увидѣлъ бы онъ въ блестящей картинѣ европейской жизни, наблюдаемой имъ съ Итальянскаго бульвара въ Парижѣ или съ Риджентъ-стрита въ Лондонѣ! Какое страшное большинство людей обречено повсюду на безпрестанный физическій трудъ, забивающій всѣ способности ума и чувства. И что же дѣлаетъ то досужее меньшинство, которое, несмотря на свое обезпеченіе, полно предразсудковъ и заблужденій! Слѣдуетъ ли удивляться, что для «вѣчно-трудящейся человѣческой машины, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашнимъ днемъ, прогресса нѣтъ; что ей мало дѣла и до культуры, стоящей надъ ея головою со своими дворцами, парламентами, храмами, академіями, музеями».

А сколько погибло на землѣ цивилизацій оттого, что развитое меньшинство не чувствовало и не понимало своей связи съ трудящимся большинствомъ? Отчего погибли безслѣдно Ниневія, Вавилонъ, царство инковъ, Грецiя, Римъ? Гдѣ эти нѣкогда славныя страны, гордыя своей силой, своимъ богатствомъ своимъ образованіемъ? Даже камней не осталось отъ нихъ. Когда между тѣми, кто пользуется плодами прогресса, и тѣми, кто служитъ ему лишь подкладкой и питающей почвой, нѣтъ связи, стоитъ только явиться первому, порядочно сильному вѣтру, чтобы сдуть золотой налетъ и обнажить черноземъ. Миртовъ грозитъ непрочностью даже и европейской цивилизаціи; онъ говоритъ, что «новая цивилизація Европы можетъ разсчитывать на свою прочность лишь настолько, насколько матеріальные, умственные и нравственные интересы меньшинства, ее представляющаго, будутъ связаны экономически съ благосостояніемъ большинства, педагогически — съ его мышленіемъ, жизненно — съ убѣжденіемъ большинства личностей, что ихъ достоинство солидарно съ существующей цивилизаціей». Мы думаемъ, что это зловѣщее пророчество нѣсколько преувеличено. Европейской цивилизаціи не можетъ грозить то, что грозило Риму,—напротивъ, ее именно ожидаютъ прочность и послѣдовательность развитія,—ибо масса европейскаго населенія уже становится на путь критической мысли, а число проповѣдниковъ прогресса, принимающихъ на себя борьбу за него, растетъ все больше и больше, и борьба становится напряженнѣе и успѣшнѣе. Можетъ быть, и недалеко то время, когда своекорыстный индивидуализмъ увидитъ наконецъ безполезность борьбы и уступитъ давленію, какъ уступаетъ англійская аристократія давленію народа. Урокъ нынѣшней Франціи — одинъ изъ спасительнѣйшихъ уроковъ новой исторіи. Въ немъ есть аналогія съ Ниневіей и Вавилономъ. Вотъ первая имперія—блестящая, сильная, могучая, геніальная; все склоняется предъ нею въ благоговѣйномъ страхѣ и благоговѣйномъ повиновеніи. Но рядъ столкновеній, окончившихся Ватерлоо, уноситъ вѣтромъ весь золотой песокъ. Бѣжитъ императоръ, разбѣгаются его блестящіе генералы, все, что ослѣпляло и повелѣвало, очищаетъ французскую землю, и остается эта земля только со своими чистыми подонками. Новый блескъ—хотя и менѣе яркій; но на этотъ разъ поднимается вихрь на собственной землѣ—и опять бѣжитъ блестящая цивилизація, и опять остается только французская почва съ ея темнымъ народомъ. Еще новый поверхностный блескъ—и опять та же исторія. Но этихъ уроковъ, видно, мало: нужно землетрясеніе; нуженъ разливъ лавы; нужно, чтобы саранча все поѣла до черной земли; нужно, чтобы каменный дождь побилъ то, что оставила саранча; нужно, чтобы, вмѣсто рѣкъ воды, потекли рѣки крови,—и все это постигло страну. Въ три мѣсяца Франція лишилась всего новаго наполеоновскаго императорскаго блеска; лишилась не только своего императора и всѣхъ его маршаловъ, но лишилась даже послѣдняго солдата императорской арміи. Точно вѣтеръ сдулъ весь этотъ песокъ, обнаживъ каменную почву, на которой онъ лежалъ. Германія въ настоящемъ столкновеніи съ Франціей является представительницей иной идеи: идеи прочности и силы, когда общая связь проникаетъ всю страну. Я знаю, что противъ силы, связывающей теперь Германію, можно сказать многое. Можно оспаривать многія качества факта, но нельзя отрицать его дѣйствительнаго существованія. Штейнъ, положившій начало народной арміи, работалъ для другой идеи; но феодальный мечъ—обоюдоострый, и прогрессивный фатализмъ исторіи показалъ, что только связь цивилизованнаго меньшинства съ народомъ даетъ странѣ силу и создаетъ ея несокрушимость. Теперь эта связь Германіи — пока чисто-военная, но она должна перейти и перейдетъ въ чисто-общественную, и чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ скорѣе Германія превратится въ страну могучаго и несокрушимаго прогресса. Какой народъ станетъ скорѣе на этотъ путь, тотъ и поведетъ Европу.

V.

Мы уже говорили о цѣнѣ прогресса. «Дорого заплатило человѣчество за то, чтобы нѣсколько мы-

слителей въ своемъ кабинетѣ могли говорить о его прогрессѣ»,—говоритъ Миртовъ. Если это больше ничего, какъ форма выраженія, то намъ нечего сказать противъ мысли Миртова. Но, какъ намъ кажется, онъ думаетъ другое, потому что возлагаетъ на человѣчество отвѣтственность за прошлое. Онъ старается опредѣлить и чуть ли не вычислить доли *необходимой* и *излишней* крови, пролитой человѣчествомъ за свой прогрессъ. Онъ ставитъ себѣ такіе вопросы: «какая доля неизбѣжнаго естественнаго зла лежитъ въ томъ процессѣ, который мы называемъ громкимъ именемъ историческаго процесса? Насколько наши предки, доставившіе намъ, цивилизованному меньшинству, возможность воспользоваться выгодами этого прогресса, безъ нужды увеличили и продолжили страданіе большинства, выгодами прогресса никогда не пользовавшагося? Въ какомъ случаѣ отвѣтственность за это зло можетъ пасть и на васъ въ глазахъ будущихъ поколѣній?» Миртовъ говоритъ дальше: «Необходимое естественное зло въ прогрессѣ ограничивается предыдущимъ, и за предѣлами этихъ законовъ начинается отвѣтственность человѣческихъ поколѣній, въ особенности же цивилизованнаго меньшинства. Вся кровь, пролитая въ исторіи внѣ прямой борьбы за существованіе, въ періодъ болѣе или менѣе яснаго сознанія жизни, есть кровь, преступно пролитая и лежащая на отвѣтственности поколѣнія, ее пролившаго. Всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотѣло быть цивилизующимъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло устранить, еслибы не ограничивалось ролью представителя и хранителя цивилизаціи, а взяло на себя роль ея двигателя».

Мы думаемъ, что такіе вопросы дѣлать исторіи неудобно, и требовать отъ исторіи отвѣтственности, по меньшей мѣрѣ, безрезультатно. Кому спрашивать и кому отвѣчать? Вправѣ ли мы задаваться вопросомъ о цѣнѣ въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Миртовъ? Дорога эта цѣна или дешева—кто это можетъ сказать? Мы можемъ только удивляться количеству жизней, которыя погибли; можемъ, пожалуй, поражаться массой бѣдности, которую вынесло человѣчество. Но сколько бы мы ни поражались, сколько бы ни изумлялись—все это будетъ безполезно. А отвѣтственность? Кто эти виновные, когда никого изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, и что прикажете дѣлать съ виноватыми тѣнями? Мы можемъ понимать отвѣтственность за напрасно пролитую кровь, напримѣръ, за такую кровь, которая льется теперь во Франціи: виноватый Бонапартъ тутъ на лицо, и отвѣтственность будетъ не нравственная, а фактическая. Мы понимаемъ, что подобная фактическая отвѣтственность можетъ быть уздой, что Наполеонъ, еслибы передъ нимъ не стояли только такія фактивности, какъ нравственность и судъ исторіи, велъ бы себя иначе. При подобной отвѣтственности и Базенъ не продавалъ бы порохъ мехиканцамъ, съ которыми воевалъ, и не измѣнилъ бы теперешней Франціи. Но нравственная отвѣтственность, и особенно цѣлыхъ поколѣній,—больше ничего, какъ фикція. Кто тутъ виноватые, когда всѣ участвовали въ кутерьмѣ, и никто не вѣдалъ, что творилъ? Никто не дѣлаетъ съ намѣреніемъ скверное, чтобы только было скверно. Люди всегда руководствуются извѣстными принципами, правилами, идеей блага. Ошибки дѣйствія, т. е. вредные результаты вмѣсто полезныхъ, суть ошибки мысли. Но какъ не быть ошибкамъ мысли, когда самъ Миртовъ говоритъ, что число людей, критически мыслящихъ и свободныхъ отъ предразсудка—единицы.

Мы думаемъ, что *отвѣтственность*, какъ ставитъ ее Миртовъ, есть просто плетка, которую онъ считаетъ способной подгонять людей, чтобы они дѣйствовали прогрессивно и во благо большинства. Миртовъ ставитъ даже какъ бы обязательствомъ, чтобы развитыя личности спрашивали себя, что они дѣлаютъ и такъ ли они дѣлаютъ, и что и какъ имъ слѣдуетъ дѣлать, чтобы не отвѣчать передъ потомствомъ за новыя страданія человѣчества. Поставивъ такой вопросъ, Миртовъ заставляетъ идеальныхъ представителей разныхъ группъ идеальной прогрессивной лѣстницы давать самимъ себѣ отвѣты. Но увы! этого никогда не бывало даже съ самыми развитыми личностями, и вовсе не по недостаточности ихъ развитія, а именно вслѣдствіе его.

Въ борьбѣ за существованіе — матеріальное, нравственное, какъ хотите — заключается вся сущность жизни. Но эта борьба совершается вовсе не по заранѣе написанной программѣ, которую человѣкъ вывѣсилъ у себя въ кабинетѣ и затѣмъ провѣряетъ себя, насколько остался ей вѣренъ или отступилъ отъ нея. Такая жизнь была бы безконечнымъ педантствомъ, и прогрессисты превратились бы въ гувернеровъ, надзирающихъ и за своимъ собственнымъ, и за чужимъ поведеніемъ. Въ самой борьбѣ за существованіе—и средство для борьбы. Жизнь есть постоянное стремленіе къ свободному развитію, къ свободному пользованію своими силами и результатами ихъ направленія. На пути такого стремленія мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ помѣхи и препятствія, и каждый человѣкъ безъ исключенія старается ихъ уничтожить, отдалить, обойти, вообще какимъ бы то ни было средствомъ освободиться отъ нихъ. Поэтому процессъ жизни, въ своей коренной сущности, есть стихійный, органическій, и только выборъ и изобрѣтеніе средствъ, удаляющихъ помѣхи, есть работа головная. Какъ будто Мюнцеръ или Магометъ дѣйствовали потому такъ, какъ они дѣйствовали, что, сообразивъ, какой цѣной прогресса выработались они сами, хотѣли загладить несправедливость вѣковъ. Я думаю, что ихъ головные и нравственные процессы совершались гораздо проще. Если вы видите человѣка, умирающаго съ голода, неужели вы станете взвѣшивать на вѣсахъ разные pro и contra, опредѣлять цѣну прогресса, цѣну развитой личности и т. д.? Если вы видите человѣка, погрязшаго въ невѣжествѣ, неужели вы захотите просвѣтить его? А если вы видите не одного, а массу голодающихъ и несчастныхъ;

если вы чувствуете въ себѣ силу поставить ихъ въ иное положеніе; если вы видите массу невѣжественныхъ людей и чувствуете въ себѣ способность и силу просвѣтить ихъ, — скажите, развѣ вы, смотря по обстоятельствамъ, по времени дѣйствія и по своимъ внутреннимъ средствамъ, не могли бы сдѣлаться Магометомъ, Мюнцеромъ, Лютеромъ? Подобному поведенію нѣтъ никакихъ школьныхъ программъ; все совершенно просто, безъ педантическихъ натугъ, безъ соображеній объ уплатѣ цѣны прогресса или о заглаживаніи вины предыдущихъ поколѣній. Критикой, размышленіемъ, сравненіями человѣкъ вырабатываетъ себѣ убѣжденіе, проникается вѣрой въ безусловную его непогрѣшимость и затѣмъ, если владѣетъ достаточной энергіей и средствами для дѣйствія—дѣйствуетъ. Всѣ тѣ, кого исторія величаетъ великими, и имена которыхъ внесла въ списки благодѣтелей человѣчества: всѣ эти Виклефы, Гуссы, Галилеи, Джіордано Бруно, Ньютоны и новѣйшіе дѣятели на пути избавленія человѣчества отъ страданій,— погибли ли эти люди на кострахъ, или умерли на своихъ постеляхъ,—поступали совершенно также просто и на основаніи тѣхъ же простыхъ процессовъ. Въ нихъ дѣйствовалъ просто органическій процессъ воспріятія впечатлѣній и соотвѣтственныхъ имъ рефлексовъ дѣйствія. И всякій человѣкъ поступаетъ по тѣмъ же законамъ. Въ каждомъ живетъ живое чувство любви и состраданія, въ каждомъ живетъ потребность оцѣнить критически совершающіяся вокругъ него явленія природы и жизни. Внутренніе процессы, совершающіеся въ спасителяхъ человѣчества и въ такихъ громкихъ дѣятеляхъ, какъ Магометъ, отличаются отъ будничныхъ процессовъ обыкновенныхъ маленькихъ людей только размѣромъ. Но и самый маленькій и темненькій человѣкъ проникнутъ тѣми же стремленіями: онъ тоже просвѣщаетъ, тоже усиливается строить благо людей—ну, хотя бы своей жены и своихъ дѣтей.

Миртовъ говоритъ, что уплата цѣны прогресса «есть посильное распространеніе удобствъ жизни, умственнаго и нравственнаго развитія на большинство, внесеніе научнаго пониманія и справедливости въ общественныя формы». Не ясно ли, что для этого необходимо только, чтобы каждая личность располагала вѣрными средствами быть полезной, чтобы она думала критически и была доброжелательна. Затѣмъ все сдѣлается само собою безъ всякаго внутренняго и внѣшняго обязательства *непремѣнно творить прогрессъ*, изъ котораго Миртовъ дѣлаетъ какую-то работу, какое-то служебное обязательство для всякаго.

Становясь на точку обязательности, Миртовъ вѣшаетъ надъ головою людей Дамокловъ мечъ постоянной отвѣтственности, если они не прогрессируютъ. Онъ предлагаетъ каждому относиться непремѣнно критически къ самому себѣ, къ своимъ знаніямъ, къ своимъ силамъ, спросить себя, что онъ именно можетъ сдѣлать, и затѣмъ, поставивъ себѣ разумную жизненную задачу, идти къ ея осуществленію. Онъ велитъ каждому, отнесшемуся къ себѣ критически человѣку, отплатить человѣчеству, отплатить непремѣнно значительную цѣну, израсходованную на его развитіе человѣчествомъ, и затѣмъ, возложивъ на себя нравственную обязанность, избрать такой широкій кругъ общественной дѣятельности, какой только ему доступенъ.

Но тутъ же мы находимъ у автора объясненіе постепеннаго перехода человѣка изъ культурной жизни въ историческую. Изъ этого объясненія мы видимъ, что потребности составляютъ неизбѣжную точку исхода для объясненія всякаго историческаго явленія, что потребности и влеченія составляютъ самый прочный, самый натуралистическій элементъ жизни, что изъ этихъ потребностей постепенно формируетея сначала культурная жизнь, а потомъ, когда работа мысли на почвѣ культуры обусловила общественную жизнь требованіями науки, искусства, нравственности или религіи, то культура переходитъ въ цивилизацію, и начинается исторія. Въ этихъ переходахъ изъ одного фазиса развитія въ другой развѣ процессъ развитія раскалывается до того, чтобы въ историческомъ періодѣ люди совершенно отрѣшались отъ своихъ органическихъ или натуралистическихъ процессовъ; чтобы они начали поступать не такъ, а иначе, потому что къ нимъ со своими *требованіями* является то искусство, то наука, то религія? Всѣ эти нескончаемыя *требованія*, право, въ состояніи убить всякую энергію, привести только къ колеблющейся рефлекціи и къ постоянному страху, что человѣкъ дѣйствуетъ не такъ, какъ отъ него *требуется*, и что за это придется отвѣчать. Кажется, страховъ и такъ много на свѣтѣ; зачѣмъ къ старымъ прибавлять еще новые, зачѣмъ прогрессивное поведеніе возводить въ требованіе юридическое и рядомъ съ нимъ ставить уголовный кодексъ за неисполненіе? Не создастъ ли такая теорія требованій и обязательствъ напускную прогрессивность и напускныхъ прогрессистовъ, превративъ въ нихъ всѣхъ слабоголовыхъ филистеровъ и глупцовъ, которые, насупившись и съ важнымъ глубокомысленнымъ видомъ непогрѣшимости, являются только помѣхой дѣлу? Развѣ исторія не учитъ, какъ глупые подражатели портятъ самыя лучшія идеи и искажаютъ самыя лучшія дѣла? Впрочемъ, и самъ Миртовъ не совсѣмъ увѣренъ въ дѣйствительности подгоняющей плетки, ибо признаетъ, что не у всѣхъ людей равныя силы. Онъ говоритъ, напр., что даже и тѣ люди, которые кажутся доступными свѣжей мысли, въ большинствѣ случаевъ, поддаются трусости, и бываетъ иногда достаточно раздавить двухъ-трехъ передовыхъ дѣятелей, чтобы псевдорыцари прогресса измѣнили знамени, отреклись отъ него и попрятались по угламъ. Зачѣмъ же возиться съ такими ничтожными людьми, и къ чему поведутъ съ ними всѣ требованія, всѣ обязательства и нравственныя отвѣтственности?

Человѣкъ, вступая въ историческій періодъ изъ культурнаго, нисколько не сламывается въ существѣ своихъ стремленій и не превращается въ нѣчто новое. Историческій періодъ отличается отъ культурнаго не переломомъ силъ, а только большимъ

кругомъ, въ которомъ имъ приходится теперь дѣйствовать. Въ культурномъ періодѣ человѣчество смотритъ ближе и борется лишь съ самыми мелкими, такъ сказать, обыденными помѣхами; въ историческомъ же оно глядитъ дальше и старается совершенствовать формы своей общественной жизни. Если народъ, живя изо дня въ день, погруженъ лишь въ домашнія заботы и совершенно чуждъ критики своихъ общественныхъ формъ, — это народъ культурный, и цивилизація его можетъ быть даже застоемъ. Если народъ понимаетъ, что условія его лучшаго и прогрессивнаго существованія связаны тѣсно съ условіями его политической жизни, — это народъ историческій. То же и съ отдѣльными людьми: есть личности культурныя, есть личности прогрессивно-историческія. Но такъ какъ исторію ведетъ лишь умственный элементъ человѣчества, а представителями умственнаго элемента являются тѣ счастливцы, которые «куплены цѣною прогресса», то ясно, что и будущій прогрессъ ведутъ они, и личность ихъ является руководящей и двигающей силой.

VI.

Я не думаю, чтобы послѣ фактовъ, приведенныхъ въ предыдущихъ главахъ, нужно было еще доказывать значеніе личности въ дѣлѣ осуществленія формулы прогресса.

Изъ прогрессивнаго поведенія мы не дѣлаемъ обязательства, ибо это значило бы привлекать подъ прогрессивное знамя мѣшающихъ людей. Они явятся сами и безъ приглашенія. Мы вѣримъ больше въ человѣческія способности и въ хорошія человѣческія намѣренія, потому не станемъ рекомендовать настойчивыхъ и принудительныхъ мѣръ. Мы не противорѣчимъ Миртову и не оспариваемъ справедливости его мысли о необходимости вербовки, но мы только говоримъ, что нѣтъ нужды прибѣгать къ настойчивому преподаванію и разжевыванію ученія о прогрессѣ людямъ безнадежнымъ, и что на свѣтѣ гораздо больше хорошихъ людей, чѣмъ это можетъ казаться тѣмъ, кому по несчастію приходилось испытать на себѣ тупоуміе прогрессирующихъ филистеровъ. Въ комъ живо живое чувство, того одно живое слово наводитъ на путь и ставитъ на новую правильную точку, съ которой онъ уже идетъ самъ, куда нужно. Если же приходится употреблять пріемъ настойчиваго вдалбливанія, то очевидно, что трудъ тратится непроизводительно, и нѣтъ ручательства въ прочности такого оранжерейнаго развитія.

Современная прогрессивная мысль раздѣлялась вполнѣ съ предыдущимъ культурнымъ періодомъ. Это значитъ, что она твердо стала на ту высоту, съ которой вполнѣ ясно значеніе тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ для наивозможно-всесторонняго развитія личности. Развѣ вся исторія западной Европы въ XIX столѣтіи и современный прусскій погромъ не подтверждаютъ этой мысли? Даже самые отчаянные филистеры признаютъ могущество школьнаго учителя. А что это значитъ, какъ не то, что только масса сильныхъ отдѣльныхъ личностей создаетъ коллективную силу. Но когда же наступаетъ эта сила?

Мы начали статью съ того, что сила такихъ дѣятелей, какъ Магометъ, заключается въ ихъ критической мысли; что въ критическомъ мышленіи заключается физіологическое свойство человѣческаго ума, изыскивающаго средства для борьбы за существованіе, но что думать критически, не выходя изъ предѣловъ домашняго обихода, еще не значитъ думать прогрессивно, т. е. въ направленіи прочнаго личнаго блага и въ направленіи блага общественнаго. Прогрессивное мышленіе наступаетъ только съ того момента, когда человѣкъ изъ культурнаго міровоззрѣнія вступаетъ въ міровоззрѣніе историческое.

Германія, которая почти на нашихъ глазахъ вступила въ періодъ историческій и такъ громко напомнила теперь о своемъ существованіи, даетъ случай прослѣдить нашъ вопросъ на близкомъ живомъ примѣрѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи мы видимъ въ этой странѣ полный мракъ и во мракѣ спящую мысль. Томазій приходитъ первымъ будить спящихъ, но онъ одинъ. Потомъ болѣе сильный критическій мыслитель, — Лессингъ; онъ будитъ крѣпче и сильнѣе, и подъ его знамя собирается уже цѣлая толпа людей, дѣлающая то же дѣло. Филистеры, съ которыми приходится бороться этимъ новымъ людямъ, стоятъ за безплодное искусство для искусства, за эстетику, за художественность и за старую мораль. Только глупцы думаютъ такимъ образомъ,—говоритъ Лессингъ и доказываетъ это. Думайте о жизни и въ художественныхъ образахъ давайте эту жизнь, но жизнь, которою вы сами живете, которая у васъ передъ глазами и которая впереди, а не ту, которая лежитъ далеко назади. Всѣ эстетики, педанты и глупцы, конечно, накидываются на Лессинга и на новыхъ людей, но подъ новое знамя ихъ стало уже такъ много, что педанты безполезно противятся и спорятъ—ихъ никто не слушаетъ. Проснувшаяся критическая мысль отъ критики искусства, которое она сдѣлала слугою жизни, постепенно перешла къ оцѣнкѣ условій, помогающихъ развитію жизни и развитію лица. Небольшое ядро людей, старавшихся возбудить въ народѣ энергію духа и самостоятельность мысли, разросталось все болѣе и болѣе; вмѣсто одного Лессинга, который одинъ заговорилъ нѣкогда о патріотизмѣ, величіи, единствѣ, явилась цѣлая говорящая Германія. Теперь этотъ кличъ создалъ несокрушимую народную армію, готовую создавать свое величіе даже на счетъ порабощенія другихъ. Такъ филистеры портятъ всегда великія идеи, когда эти идеи становятся достояніемъ традиціи.

У каждаго народа есть свои эпохи пробужденія критической мысли, и эти эпохи обозначаются обыкновенно именемъ того человѣка, который взялъ первый въ руки новое знамя и собралъ вокругъ себя первое ядро критически мыслящихъ людей. Такимъ, напримѣръ, въ Германіи былъ Лессингъ. Но откуда является въ этихъ людяхъ критическая мысль? Прослѣдите жизнь Магомета, Мюнцера, Лю-

тера, Лессинга, какихъ угодно новаторовъ, и вы увидите, что ихъ мысль получила толчокъ изъ предыдущаго. До корня этого предыдущаго также трудно добраться, какъ до начала міра. Въ началѣ XIV столѣтія является въ Англіи человѣкъ, который относится критически къ католичеству. Откуда его критика? Онъ проповѣдникъ; читалъ библію и евангеліе, читалъ и то, чего въ нихъ нѣтъ. Учениковъ его истребляютъ, но идею истребить нельзя. Сто лѣтъ спустя сочиненія Виклефа даютъ толчокъ критической мысли Гусса. Гуссъ гибнетъ, но идея опять остается. Еще сто лѣтъ спустя являются Мюнцеръ и Лютеръ. Критическая мысль уже торжествуетъ, и выросшая сила одерживаетъ побѣду. Реформаціонное движеніе охватываетъ весь западъ и Англію, и критическая мысль идетъ дальше. Индепенденты, квакеры и вообще всѣ протестующіе люди уходятъ въ Америку, ибо живущая въ нихъ критическая мысль хочетъ свободы. Въ Америкѣ идея свободы создаетъ республику. Но критическая мысль, повидимому, бѣжавшая въ Америку, не бросила своей родины, Европы, и заявила свое существованіе въ лицѣ французскихъ и англійскихъ мыслителей. Лессингъ, развившійся на французскихъ идеяхъ, на Вольтерѣ и Дидро, вноситъ критику въ Германію; но это только первые шаги нѣмецкой критической мысли, вращающейся преимущественно въ области изящной литературы. Французское движеніе расширяетъ нѣмецкую критическую мысль и превращаетъ ее въ народную силу. Эта народная сила торжествуетъ теперь въ прусскихъ побѣдахъ и въ несокрушимости Франціи. Прусскія побѣды, точно громъ небесный, будятъ многое множество спавшихъ людей, и проснувшіеся люди хотятъ понять причины мощности пруссаковъ, т. е. готовы уже для критическаго мышленія, ибо безъ него они ничего не поймутъ. Но побѣды пруссаковъ больше, чѣмъ кого либо, должны заставить задуматься самую Германію. Какъ нѣкогда живой протестантизмъ и новое слово Лютера закостенѣли наконецъ въ современной протестантской рутинѣ путемъ наслѣдственной культурной передачи только внѣшней формы ученія, безъ его протестантскаго содержанія, такъ и живыя слова: «родина, единство, величіе, свобода» превратились у нѣмцевъ въ такую же закостенѣлость, благодаря той же наслѣдственной передачѣ рутинными средствами школьнаго педантизма. Германія заснула на той дорогѣ, на которую ее поставили критически мыслящіе люди. Въ рутину и мертвыя слова превратила она ихъ кличъ, и подъ старымъ знаменемъ нѣтъ его прежняго духа. Теперь для прогресса Германіи нужны новые новаторы, и на новомъ знамени критики должно быть написано новое слово. Германіи предстоитъ большая внутренняя работа, предстоитъ трудная борьба, потому что нужно собирать новую армію, растить новую общественную силу. Въ этомъ новомъ процессѣ повторится старая исторія, поучительная для всѣхъ, кто можетъ понять ее. Выскажусь словами г. Миртова: «Неокрѣпшая новая идея сначала будетъ находить сочувствіе нѣкоторыхъ личностей, потомъ сочувствіе это перейдетъ въ нестройное ихъ содѣйствіе, потомъ организуется партія, которая опредѣлитъ направленіе и дастъ личностямъ плотное единство; наконецъ начинается и борьба. Партія встрѣтится съ другими партіями, и вопросъ о побѣдѣ превратится въ вопросъ о числѣ и мѣрѣ. Побѣда же будетъ на той сторонѣ, гдѣ болѣе силы, гдѣ больше ума, энергіи, болѣе искусства вести борьбу, гдѣ сумѣютъ лучше воспользоваться обстоятельствами, однимъ словомъ, лучше отстоять своихъ и вѣрнѣе побороть враговъ. Когда борьба организуется въ большія силы за новую спасительную прогрессивную идею,—исторія Европы сконцентрируется на принципахъ, написанныхъ на знаменахъ партій».

«Тутъ нѣтъ ничего новаго, я это зналъ и прежде»,—скажетъ читатель.

И прекрасно, если ты зналъ это.

Ноябрь 1870 года.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ.

I.

Насъ пріучили слышать о людяхъ двадцатыхъ годовъ, сороковыхъ, шестидесятыхъ; но мы еще ни разу не слышали, чтобы у насъ были люди XIX вѣка. Или десятилѣтія — наши вѣка, или русская мысль растетъ не годами, а часами? Какія умственныя пропасти раздѣляютъ мыслящую Россію на десятилѣтія? Откуда эта невозможность примиренія; откуда этотъ безпощадный, антагонизмъ, который даже и людей одного десятилѣтія дѣлитъ на нѣсколько враждебныхъ лагерей? Говорятъ: люди сороковыхъ годовъ—отцы теперешней эпохи; это освободители Россіи отъ крѣпостного права; это первые люди, сказавшіе на Руси первое слово въ пользу человѣческихъ правъ женщины; съ людьми пятидесятыхъ годовъ они думали уже о гласномъ судѣ. Но развѣ люди шестидесятыхъ годовъ не прямое, непосредственное слѣдствіе идей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ? Гдѣ же логика для вражды и антагонизма; отчего «отцы» не понимаютъ «дѣтей», не понимаютъ, что они—ихъ родныя дѣти?

Что за странная и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная книга, по поводу которой мы говоримъ: въ одно время она и новая, и старая; она какъ будто написана вчера, потому что отвѣчаетъ на вопросы дня, и въ то же время она говоритъ о двадцатыхъ и сороковыхъ годахъ; она переноситъ васъ въ средніе вѣка и заставляетъ заглядывать въ такое далекое будущее, что пугаешься собственной

отважности. Вы чувствуете, что авторъ съ вами, что онъ живой человѣкъ нашего времени; но онъ, по времени, человѣкъ сороковыхъ годовъ. Отчего же вы, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, съ нимъ не расходитесь и не только видите его съ собою, но даже дальше себя?

Давно не являлось въ нашей литературѣ ничего подобнаго. Книга эта обнимаетъ даже и не эпоху, а больше, она обнимаетъ и нашъ родной востокъ, и далекій для насъ западъ; она писана, когда крѣпостное право стояло у насъ въ полномъ своемъ всеоружіи, и между тѣмъ въ каждомъ словѣ ея чувствуется Европа; она какъ бы связываетъ русскую мысль съ европейской, уводитъ русскую мысль въ ея европейское продолженіе.

Предъ вами открываютъ прежде всего міръ дѣтскихъ воспоминаній. Вотъ гувернантка m-me Proveau разсказываетъ ребенку о своемъ мужѣ, который былъ метръ-д'отелемъ въ массонской ложѣ, и какъ она разъ зашла въ ложу: все обтянуто чернымъ сукномъ, а на столѣ лежитъ черепъ на двухъ шпагахъ; а вотъ и разсказы изъ первой французской революціи: Робеспьеръ, — кровь рѣками; вотъ русскій помѣщикъ, у котораго въ саду гуляютъ медвѣди; вотъ и Наполеонъ, пожаръ Москвы. Какія славныя времена, но и какъ же все это было давно! Наши нянюшки объ этихъ временахъ намъ не разсказывали; у насъ не было гувернеровъ изъ эмигрантовъ. Обо всемъ этомъ мы въ первый разъ узнали въ школѣ изъ исторіи, за которую намъ ставили нули, и которая поэтому насъ пугала инымъ страхомъ, а не тѣмъ живымъ и непосредственнымъ, который дѣйствуетъ на воображеніе ребенка въ разсказѣ его няни. И о Коцебу, и о Зандѣ мы узнали уже много послѣ, когда стали большими и стали читать сами. Аптекарскій ученикъ изъ аптеки на Моросейкѣ говорилъ автору книги, что Коцебу былъ почтенный старикъ, а Зандъ—не больше, какъ негодяй, которому за это и отрубили голову. Кажется, и намъ говорили то же.

Еще при m-me Proveau и при губернерѣ m-r Bouchot и при нѣмцѣ Карлѣ Карловичѣ—видите, какъ это было давно — началось безпорядочное чтеніе. Тутъ были и «Лолотта и Фанфанъ», и «Алексисъ или домикъ въ лѣсу», и «Россіада», и «Россійскій Ѳеатръ»; потомъ пошелъ Лафонтенъ, Письмовникъ Курганова, а затѣмъ явился живой человѣкъ, Василій Евдокимовичъ, студентъ медицины изъ семинаристовъ, придерживавшійся отрицательнаго метода воспитанія, познакомившій съ «Кавказскимъ плѣнникомъ» и съ «Горе отъ ума». Вы знаете, чѣмъ былъ Пушкинъ для людей сороковыхъ годовъ! У всякаго поколѣнія есть свои великіе учители; такимъ былъ Пушкинъ для людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; его читали и зачитывались; молодежь нашла въ немъ своей философскій камень. Она вообразила, что заключила въ своей груди всю Россію; что впереди широкій, просторный свѣтлый путь... Но куда?... Ужъ будто Пушкинъ велъ такъ далеко! Для насъ въ Пушкинѣ нѣтъ лучезарности; мы воспользовались готовымъ наслѣдіемъ, которое досталось намъ уже въ третьемъ колѣнѣ, и, живые люди своего времени, мы не можемъ жить мертвыми восторгами, по наслышкѣ. Мы развивались не на немъ; для насъ Пушкинъ стоялъ уже въ гимназической программѣ и былъ источникомъ нулей. Для людей же сороковыхъ годовъ онъ былъ живымъ, новымъ человѣкомъ. Намъ читать его приказывали; имъ—запрещали. Но и для «отцовъ» Пушкинъ былъ хорошъ только какъ первый человѣкъ, заговорившій съ ними по русски и о людяхъ своего времени. До Пушкина были только Кантемиры да Херасковы и Державины.

Василій Евдокимовичъ отлично понималъ, какой хламъ всѣ эти скучные Херасковы и Державины, и потому, принявшись за преподаваніе словесности, началъ съ отрицанія. Риторика,—говорилъ онъ,—есть пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей древа познанія и наука вовсе не нужная. Если Богъ не далъ способности говорить красно, не научитъ ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ. Василій Евдокимовичъ былъ человѣкъ живой, и потому, толкуя о метафорахъ, фигурахъ, хріяхъ, онъ давалъ перелистывать «образцовыя сочиненія» и при этомъ прибавлялъ, что десять строкъ «Кавказскаго плѣнника» лучше всѣхъ образцовыхъ сочиненій Муравьева. Придерживайся Василій Евдокимовичъ положительнаго метода, онъ забилъ бы въ ребенкѣ его геніальность и чутье. При отрицательномъ же методѣ даровитый ученикъ научился выбирать и цѣнить, и затѣмъ, какъ горячій и впечатлительный ребенокъ, сейчасъ же возвелъ въ квадратъ и кубъ всѣ недостатки своего учителя. Бравши книгу, ученикъ тотчасъ же справлялся: въ которомъ году она напечатана, и бросалъ, если она была напечатана больше пяти лѣтъ назадъ. Василій Евдокимовичъ спасъ живую душу. Онъ предохранилъ ее отъ сухого тумана мертваго школьнаго формализма, позволилъ ей жить минутой, жить живыми впечатлѣніями настоящаго.

Нынче уже нѣтъ великихъ поэтовъ—не тѣ времена. Адамъ Смитъ и политическая экономія буржуазіи до того засушили всѣхъ, что жизнь свелась къ таблицѣ умноженія. Люди начала XIX столѣтія были счастливѣе, и для молодежи имѣлся Шиллеръ. «Тебѣ,—говоритъ авторъ о Шиллерѣ,—обязанъ я святыми минутами въ начальной юности». И дѣйствительно, благородный, горячій и честный Шиллеръ есть по преимуществу поэтъ юношества. Онъ манитъ «туда, туда!»,—въ плѣнительное неясное, впередъ, гдѣ столько любви къ людямъ, столько симпатіи къ современности. «Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ и особенно Шиллера, поэта благородныхъ порывовъ, чтобы поймать свою душу...»

Безпорядочное и безсистемное воспитаніе большею частью спасаетъ дѣтскую душу, потому что меньше всего выламываетъ ее по шаблону, по школьнымъ образцамъ, которые для всѣхъ людей готовятся въ одной столярной. Можетъ быть, шаблонъ потому такъ всеобщъ, что все наше воспитаніе разсчитано на людей дюжинныхъ. Но не ошибка ли, что ради дюжины ничтожностей мы жертвуемъ силами даровитыхъ личностей? И еще уди-

вляются, что на свѣтѣ такъ мало способныхъ людей; скорѣе нужно удивляться, что ихъ такъ много. M-me Proveau, citoyen Bouchot, нѣмецъ Карлъ Карловичъ, безпорядочное чтеніе, отрицательное воспитаніе Василья Евдокимовича, Пушкинъ и Грибоѣдовъ — всѣ вмѣстѣ возбудившіе критику мысли, — затѣмъ зажигающій Шиллеръ, давшій ребенку возможность поймать свою душу... какая безсистемность, какое воспитаніе! Но не этотъ ли медовый мѣсяцъ юношества спасъ будущаго человѣка? Не плачьтесь надъ судьбою ближняго, если онъ не достигаетъ иногда ни орденовъ, ни отличій,— вы думаете, онъ сгубилъ свою душу? Менцель также думалъ о Берне. Но сгубившій душу—найдетъ ее,—сказалъ еще тотъ, кому и всѣ Менцели въ мірѣ были недостойны обмыть одинъ палецъ ноги... И что вы такъ хлопочете о душѣ!

Забылъ сказать, что много сладостей къ медовому мѣсяцу жизни прибавило знакомство съ героями древняго міра. Если хотите — это классицизмъ, но не латинская грамматика, въ которой вы только и отыскиваете доблести древняго Рима и историческую разгадку его судебъ. Всѣ эти Курціи, бросающіеся въ пропасти, или Сцеволы, жгущіе себѣ руки, величественныя тѣни Ѳемистокловъ, Перикловъ, Александровъ—живые уроки нравственности, цѣлая эстетическая школа гражданскаго величія, которое остается при васъ на всю вашу жизнь. Доблести великихъ гражданъ древняго міра даютъ твердую точку опоры, связывая васъ съ прогрессивными судьбами всего міра и дѣлая васъ новымъ продолженіемъ стараго человѣчества. Классицизмъ закаляетъ душу, даетъ ей мощь и принципъ. Затѣмъ нужно, чтобы педантическое воспитаніе не уморило души, сохранило въ ней ея живой порывъ ко всему близкому и современному, и—человѣкъ готовъ.

II.

Отдѣлить писателя отъ человѣка не всегда легко, а въ настоящемъ случаѣ невозможно.

Наша книга повидимому — рядъ безсвязныхъ разсказовъ. Вы тутъ видите и русское дѣтство первой четверти XIX вѣка съ неизмѣнными француженками и гувернерами; потомъ—какой-то выхваченный разсказъ «Изъ записокъ одного молодого человѣка» съ русской провинціей тридцатыхъ годовъ, со всѣми ужасами чиновничьяго произвола, съ людьми, живущими, повидимому, въ простотѣ душевной, но въ самомъ дѣлѣ создавшими себѣ адъ; вы находите и критическую статью «По поводу одной драмы» — драмы, которая продолжается и до сихъ поръ и будетъ еще долго продолжаться, пока люди не поймутъ, что классицизмъ и латинская грамматика не одно и то же; есть тутъ и повѣсть «Сорока-воровка», и отрывокъ изъ записокъ доктора Крупова «О душевныхъ болѣзняхъ», и нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи, и біографія Гофмана, и о диллетантизмѣ въ наукѣ, и о буддизмѣ въ наукѣ. Какая безсвязная смѣсь! Но это не отдѣльные разсказы; это связная нить событій внутренняго міра человѣка; это—романъ и исповѣдь человѣческой души. Если это не полный законченный романъ, то—отдѣльныя главы его, находящіяся въ полной преемственной связи. Можетъ быть, не всѣ главы на лицо. Но почему вы знаете, что если романистъ сохранилъ всю нумерацію, онъ сохранилъ всѣ главы? Но отъ этого связь тѣснѣе, потому что событія ближе, и весь романъ выходитъ полнѣе и больше подавляетъ своей силой. Не думайте читать тутъ что нибудь между строками,—авторъ не прибѣгаетъ къ этой уловкѣ. Правда, онъ называетъ иногда главу—«капризомъ», если думаетъ, что для его темныхъ соотечественниковъ его мысли, по своей внезапности и новизнѣ, могутъ показаться парадоксами; но это не больше, какъ невинная авторская уловка, ясная для всякаго. И авторъ всегда весь на лицо; умѣйте только понимать его; умѣйте понимать, что онъ предлагаетъ вамъ анализъ своей собственной души, свой критическій процессъ. Предъ вами совершается интеллектуальный ростъ человѣка; предъ вами происходятъ процессы мысли, предъ вами вслухъ думающій человѣкъ, анализирующій самъ себя и свои ощущенія. Это душевный анализъ — глубокій, богатый, всесторонній, но это не анализъ романиста, не литературное упражненіе надъ вымышленными идеальными героями, а живой процессъ, совершаемый человѣкомъ надъ самимъ собою. Въ этомъ-то—глубокая поучительность и сила анализа. Идеальные герои всегда—тѣни, какъ бы они ни были живы; между книжнымъ героемъ и читателемъ всегда стоитъ стѣна. Но живой человѣкъ дѣйствуетъ глубоко своею жизненностью. Поэтому-то всякая подробная біографія, а тѣмъ болѣе автобіографія человѣка, которому есть что сказать, стоитъ всегда выше всякаго романа.

Авторъ замѣчателенъ гуманной широтой воззрѣнія. У него нѣтъ той узкой односторонности, которая гнетъ все въ одну дугу и такъ обыкновенна у людей въ моменты сильнаго возбужденія одной идеи. Но сильная односторонность хороша, когда нужно пробивать брешь; она хороша, когда нужно дѣйствовать и, слѣдовательно, бить въ одну точку. Въ авторѣ мы не видимъ этого; онъ скорѣе умъ чисто-критическій, съ оттѣнкомъ художественности, глубокій и богатый разнообразіемъ мыслей настолько, что у него недостаетъ даже времени развивать ихъ. Это скорѣе фейерверкъ мысли, логическое мышленіе въ формѣ афоризмовъ, сомнѣній и раздумій, являющихся въ немъ подъ вліяніемъ окружающихъ впечатлѣній, какъ бы они ни были ничтожны. Конечно, жизнь въ городѣ Малиновѣ менѣе богата впечатлѣніями, чѣмъ жизнь въ Парижѣ при путешествіи заграницей послѣ Малиновской губерніи. Но вѣдь смѣшно же и требовать, чтобы на мыслящаго человѣка Малиновъ производилъ впечатлѣніе Парижа, а Вятская губернія — впечатлѣніе рейнскихъ провинцій! Можетъ быть, въ этомъ вѣчномъ, безпокойномъ анализѣ, какъ бы ни была ничтожна окружающая жизнь, выразилась и рефлексія, эта неизлечимая болѣзнь людей въ трудныя общественныя эпохи; болѣзнь людей мысли, которымъ жизнь

не позволила сдѣлаться людьми дѣла, а безпокойный умъ не допустилъ до примиренія. Но развѣ не въ этомъ воспитательное значеніе критики въ моменты спячки мысли? Развѣ сила критики не въ томъ, чтобы она возбуждала чувство и мысль, заставляла ихъ болѣть и ныть, пробудила голодъ мысли? Лучшая критика въ этомъ случаѣ—не разборъ литературныхъ произведеній, а собственный анализъ человѣка, мыслившаго и страдавшаго. Въ нашей книгѣ вы часто наталкиваетесь на смѣхъ и остроту, но это не холодная сталь, блестящая и острая, какъ острота Гейне, а скорѣе каленое желѣзо, которое жжетъ и напоминаетъ выстраданную горечь Берне. Вѣдь и мученики иногда смѣялись и говорили острыя слова; но спросите ихъ, было ли имъ весело!

Анонимный авторъ совсѣмъ не похожъ на тотъ типъ людей сороковыхъ годовъ, который сохранился еще въ нѣкоторыхъ нашихъ живыхъ литературныхъ образцахъ. На него нельзя приклеить ярлычка съ надписью: «Москва, 1840 годъ». Обыкновенно люди сороковыхъ годовъ были односторонними идеалистами. Тотъ задался клятвой побить крѣпостное право и, дѣйствительно, билъ его, и когда оно было побито, человѣкъ остался внѣ дѣлъ; одухотворявшая его сила отлетѣла, и сказать ему больше нечего. Другой хотѣлъ провести идеи здраваго реализма—легко сказать!—но, вглядѣвшись пристальнѣе въ свою записную книжку, увидѣлъ въ ней только бѣлыя страницы и закрылъ ее навсегда. Третій... зачѣмъ третій?.. ихъ найдется и четвертый, и пятый, и шестой... и ни у одного не было въ запасѣ болѣе одного идеала; имѣлось только по одной Дульцинеѣ Тобозской. Оттого-то они всѣ такъ легко и дописались до донкихотства. И людей шестидесятыхъ годовъ постигла та же участь: они тоже пошли въ кость. Я говорю не о тѣхъ, кто давалъ цвѣтъ времени, но говорю о тѣхъ, у которыхъ, какъ у людей съ ярлычкомъ: «Москва 1840 г.», стоялъ ярлычекъ: «Петербургъ 1860 г.», и у которыхъ было тоже по одной Дульцинеѣ Тобозской; такъ что, когда она измѣнила, они посыпали головы пепломъ и занялись веденіемъ приходо-расходныхъ книгъ по домашнему хозяйству. Какъ будто на свѣтѣ только одна Дульцинея; посмотрите, сколько еще живыхъ красавицъ—умѣйте только идти и смотрѣть. Жизнь есть оселокъ, на которомъ пробуются силы. Натуры честныя, хорошія, но идеальныя, если онѣ не сумѣютъ справиться съ препятствіями, такъ и застываютъ на всю жизнь на одной идеѣ. Это настоящіе роговые музыканты, которые всю жизнь повторяютъ одну ноту. Былъ у насъ одинъ такой хоръ съ надписью: «Москва 1840 г.»; появился потомъ съ надписью—«Петербургъ 1860 г.». Не перетолковывайте моихъ словъ и поймите, о комъ я говорю. Я говорю объ идеалистахъ, которые засохли въ своемъ уныломъ видѣ и которые, увидѣвъ, что жизнь ихъ выталкиваетъ съ ихъ одной роговой нотой, сдѣлали видъ, что сами отъ нея отворачиваются. Натуры дѣйствительныя, реальныя, живучія дѣйствуютъ по событіямъ: онѣ являются не съ готовыми сентенціями и идеалами, не съ запасомъ готовыхъ истинъ, чтобы вѣчно держаться за нихъ, а только съ честными стремленіями и съ юношеской энергіей, которая никогда ихъ не оставляетъ. Жизнь—море; его не сдвинешь; надо умѣть плавать; надо, чтобы мысль была также текуча, какъ море, по которому человѣкъ плыветъ. Оттого-то дѣятельная натура не можетъ ни закостенѣть въ идеализмѣ, ни уйти въ филистерство, которое является тоже отъ неумѣнья примирить дѣйствительность съ идеалами. Изъ людей шестидесятыхъ годовъ одни завернулись величественно въ свой идеализмъ, наклеивъ на себя ярлычокъ; меньшее число осталось людьми безъ ярлычка, а громадное большинство примирилось съ жизнью въ филистерствѣ, въ пошлости, въ преждевременномъ старчествѣ, въ буржуазности.

Филистерство есть противоположный полюсъ идеализма, и оба они одинаково вредны для жизни. Зато какъ свѣжи и хороши люди безъ ярлычковъ, и какъ высоко слѣдуетъ цѣнить такихъ людей, какъ нашъ авторъ, мысли котораго сохранили текучесть на всю жизнь, а энергія тоже на всю жизнь сохранила свою юношескую силу. Такіе люди могутъ по очереди пережить двадцатые, сороковые, шестидесятые и даже сотые года, лишь бы Богъ далъ вѣку, и не остановятся на какомъ либо предыдущемъ періодѣ, чтобы сдѣлаться врагами послѣдующаго. Тутъ—истинная сила преемственной мысли, не знающей дѣленія на десятилѣтія. Если въ людяхъ нѣтъ этой способности—очевидно только одно, что вещество ихъ головного мозга не выработалось наслѣдственной передачей въ аппаратъ текучаго мышленія.

III.

Кто не понимаетъ, что исторія начинается въ крестьянской избѣ, тотъ не пойметъ и того, что самое трудное для пониманія есть именно то, что подлѣ насъ.

На семинаристахъ легче всего наблюдается неспособность непосредственнаго пониманія, неспособность къ той силѣ ума, которую по ея быстротѣ можно назвать геніальностью, въ противоположность тугому пониманію нѣмцевъ, которое составило имъ репутацію тупицъ. Семинариста портитъ вся система воспитанія, начинающаяся для него еще въ отчемъ домѣ, гдѣ учатъ его быть степеннымъ, сдержаннымъ, солиднымъ, глубокомысленнымъ. Въ духовномъ училищѣ и семинаріи всякая острота и быстрота мысли преслѣдуется товарищами; чѣмъ неповоротливѣе умъ, тѣмъ онъ цѣнится выше; чѣмъ движенія медленнѣе, угловатѣе, мужиковатѣе, тѣмъ совершеннѣе, по мнѣнію юныхъ философовъ, выражается основательность мышленія. Но, милыя мои дѣти, повѣрьте, что чѣмъ вы туже думаете, тѣмъ меньше думаете; чѣмъ медленнѣе ходятъ колеса въ вашемъ умѣ, тѣмъ меньше у васъ мыслей; чѣмъ больше труда, тѣмъ слабѣе результатъ, потому что въ вашемъ мыслящемъ аппаратѣ много ненужнаго тренія. Спросите любого механика, онъ вамъ объяснитъ это.

Но за что же нападки на семинаристовъ; будто мы, гимназисты, лучше. Рекрутская мѣрка насъ немного теперь приравняетъ; семинаристы, можетъ быть, утратятъ часть своей медвѣжести и тугости, а дворянчики, гимназисты—часть своего легкомыслія, и тогда, конечно, тѣ и другіе, можетъ быть, научатся лучше цѣнить и понимать окружающую ихъ жизнь.

Не думайте, что легко только то, что повидимому легко, и трудно то, что повидимому трудно. Воспитаніе прежде всего искажаетъ нашъ духовный образъ и засоряетъ нашъ мыслящій аппаратъ. Отчего же намъ всѣмъ приходилось и придется еще впередъ исправлять свое сужденіе и передѣлывать себя въ тридцать лѣтъ? Только оттого, что наше усвоенное сужденіе не находитъ оправданія въ окружающей насъ дѣйствительности и должно быть исправлено ею. На семинаристахъ это виднѣе всего, ибо они еще въ отчемъ домѣ свихнутъ свой умъ и затѣмъ выдрессировываютъ его такъ, что, за отсутствіемъ ортопедическихъ заведеній для головы, остаются съ вѣчнымъ горбомъ въ мозгу Оттого же они могутъ понимать только то, что написано по всѣмъ правиламъ ихъ семинарской логики. Геніальность и семинаризмъ—два притивоположныхъ полюса.

И опять повторяю: зачѣмъ говорить объ однихъ семинаристахъ? Развѣ не всѣ мы понимаемъ одинаково философію не въ единствѣ идеи, связывающей все однимъ принципомъ и пополняющей прорѣхи наблюденія и опыта, а въ процессѣ логическихъ построеній, которыя чѣмъ дальше отъ земли и чѣмъ общѣе, тѣмъ кажутся большинству глубокомысленнѣе. Трудность—вотъ что плѣнительно. Но во сто разъ труднѣе понять то, что подлѣ насъ, чѣмъ то, чего мы не видимъ и о чемъ, поэтому, мы можемъ разсуждать безъ всякаго удержу.

Въ томъ, что воспитаніе заводитъ насъ въ дебри отдаленныхъ обобщеній и вообще въ тотъ мрачный, пришибающій міръ, который почему-то на обыкновенномъ языкѣ называется философіей, заключается причина, что наша будничная, домашняя жизнь представляетъ такой контрастъ съ общимъ соціальнымъ прогрессомъ, точно это два отдѣльныхъ міра, которые не должны никогда встрѣтиться. Обратите вниманіе, куда пришла промышленность, къ чему привели насъ чудеса изобрѣтеній, какое это широкое и могучее движеніе, закрутившее всѣхъ; сравните, чѣмъ была промышленность и политическая жизнь сто лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что она теперь, и скажите, насколько наша домашняя жизнь ушла за столѣтіе? Только еще въ первой молодости, въ медовый мѣсяцъ человѣческихъ чувствъ и мыслей, мы какъ будто мчимся на тѣхъ же парахъ, а затѣмъ у каждаго человѣка являются два порядка жизни и два кодекса поведенія: одинъ—для домашняго обихода, лицомъ къ лицу съ женой и дѣтьми; другой—для публики въ общественныхъ собраніяхъ, на дебаркадерѣ желѣзной дороги. Вы возмущаетесь, когда какой нибудь горячій провинціальный корреспондентъ петербургской газеты показываетъ вамъ кусочекъ уха, оторванный учителемъ у лѣниваго или непослушнаго ученика. Но еслибы вы знали, какъ прогрессивные родители, изъ людей шестидесятыхъ годовъ, сѣкутъ своихъ дѣтей, и въ какихъ почтенныхъ домахъ царитъ эта система! Учителя—только продолженіе отцовъ; это отцы, выступившіе на свѣтъ божій; это разоблачившійся домашній обиходъ.

Отчего же эта двойственность; отчего міръ ежедневныхъ отношеній, какъ сельское хозяйство, стоитъ на точкѣ первобытной культуры, и только наша офиціальная, внѣдомашняя жизнь усиливается приравняться къ общественно-промышленному прогрессу? Оттого, что ни для сельскаго хозяйства, ни для ежедневныхъ отношеній не явилось еще своихъ Уаттовъ, а своимъ обыкновеннымъ умомъ мы ничего сдѣлать не можемъ. Наши порывы въ медовый мѣсяцъ мысли—порывы холостые и теоретическіе. Когда же изъ сферы общихъ легкихъ соображеній приходится перейти къ практикѣ во всѣхъ ея мелочахъ, то оказывается, что у насъ нѣтъ другого кодекса, кромѣ наслѣдственнаго прародительскаго. И обнаруживается, что повидимому простое и легкое мы не понимаемъ и устроить не можемъ, и въ то же время скрипимъ колесами и съ гордостью думаемъ, что мы философствуемъ.

Но, можетъ быть, насъ и не слѣдуетъ обвинять слишкомъ въ томъ, что мы такъ сильны въ обобщеніяхъ и такъ дѣтски наивны въ пониманіи своихъ повседневностей? Человѣкъ живетъ не внѣ времени. Желѣзную дорогу потому и изобрѣли раньше жатвенной машины, что ее и изобрѣсти было легче. Бисмаркомъ быть легче, чѣмъ человѣкомъ вообще, и воспитать милліонъ прусскихъ солдатъ легче, чѣмъ воспитать отцу одного сына. Въ политикѣ только часть законовъ, дѣйствующихъ въ повседневности; политика, какъ астрономія — наука старая и сравнительно нетрудная, а повседневныя будничныя отношенія—соціологія, наука, которая еще только предчувствуется, но которой еще никто не создалъ. Предчувствіе новаго зданія вызвало критику, расшатавшую то, что, повидимому, стояло такъ крѣпко. Прежде на всѣ случаи жизни были готовые отвѣты, и жилось легко, какъ по писанному. Въ случаѣ сомнѣній было всегда къ кому обратиться за совѣтомъ и успокоеніемъ. Весь путь человѣческой жизни былъ уставленъ указательными столбами: на одномъ распутіи значилось — самъ будешь цѣлъ, конь съѣденъ; на другомъ—конь цѣлъ, самъ съѣденъ. Выбирать было легко. Но со времени Мартина Лютера и особенно послѣ бѣгства ситуаена Бушо въ гувернеры въ Россію, старые указательные столбы исчезли съ большихъ дорогъ, и путешествіе по житейскому морю оказывается очень головоломнымъ. Путники оказались предоставленными себѣ. Въ своемъ чувствѣ и умѣ, въ силахъ и средствахъ собственнаго духа они должны искать теперь руководителей. Что же удивительнаго, что всѣ такъ старательно ищутъ спасенія въ прародительскомъ кодексѣ и готовы бы вновь натыкать старые указательные столбы.

Теперь каждый человѣкъ есть олицетворенное сомнѣніе, а литература и театръ—та арена, гдѣ

всѣ эти сомнѣнія разоблачаются. Чѣмъ глубже произведенія захватываютъ жизнь, чѣмъ крупнѣе сомнѣніе и вопросъ, который онѣ ставятъ, тѣмъ тягостнѣе положеніе читателя и зрителя. Понятно, почему читатель не любитъ, когда его оставляютъ самого съ собою, когда ему приходится разрѣшать самому всѣ сомнѣнія, которыя въ немъ возбуждены. Каждый читатель прежде всего практикъ, а не эстетикъ; онъ мало понимаетъ толку въ художественности и ищетъ лишь практическихъ уроковъ и указаній. Читатель, какъ дитя, видитъ въ каждомъ вымыслѣ дѣйствительность, потому что онъ самъ полонъ сомнѣній и ищетъ ихъ разрѣшенія. А писатели?—Развѣ не собственныя сомнѣнія разрѣшаютъ они въ своихъ произведеніяхъ—иначе для чего же и писать!

Любовь къ театру, также, какъ къ легкому беллетристическому чтенію, вовсе не забава отъ праздности. Зритель и читатель ищутъ поученій и отвѣтовъ на вопросы, и, можетъ быть, нигдѣ эта связь, эта жажда не проявляется въ такой степени, какъ въ страсти къ театру. Но, можетъ быть, и ничто такъ мало не удовлетворяетъ человѣческаго сомнѣнія, какъ сцена! Въ лекціи профессора слушатель находитъ полное поученіе со всѣми выводами, обобщеніями и заключеніями. Здѣсь человѣкъ становится въ совершенно безстрастныя отношенія къ предмету. Въ романѣ иныя отношенія; читатель ближе къ своимъ сомнѣніямъ, но онъ еще все внѣ героевъ, внѣ дѣйствующихъ лицъ; онъ является даже судьею героевъ и автора. Въ театрѣ партеръ и сцена сливаются въ одно; предъ зрителемъ совершается живое движеніе, которое охватываетъ его и ведетъ съ собою; съ прерывающимся дыханіемъ слѣдитъ зритель за дѣйствіемъ, входитъ въ интересы и страданія дѣйствующихъ лицъ; зато ему и тяжелѣе остаться самому съ собой, когда его сомнѣнія не разрѣшены, и нужно создать выводъ, котораго ему не дали въ готовомъ видѣ. По театру можно судить о потребности партера, а по партеру о народѣ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой разнообразно удовлетворяющейся публики, какъ у насъ, потому что ни у одного народа нѣтъ такъ мало сомнѣній и нѣтъ такъ мало вопросовъ, на которые мы дѣйствительно искренно искали бы отвѣтовъ. Нашъ партеръ удовлетворяется всѣмъ и видитъ картины быта, сомнѣнія и страданія, разрѣшимое и неразрѣшимое чуть не всѣхъ народовъ въ мірѣ. Онъ не видитъ только пьесъ изъ собственнаго быта, потому что онъ самъ надъ своимъ бытомъ еще серьезно не задумывался.

На какомъ-то театрѣ, кажется, за границей, давали драму, самую простую. Если вы не видѣли подобной у себя въ домѣ, то навѣрное могли видѣть у котораго нибудь изъ сосѣдей. Дѣвица 28 лѣтъ, по имени Генріетта, болѣзненная и печальная, влюблена въ юношу 20 лѣтъ. Беззаботный и веселый юноша не думаетъ ни о чемъ и, кажется, меньше всего—о самой Генріеттѣ. Но на бѣду подвертывается посредникъ и портитъ все. Докторъ, другъ отца Генріетты, желая спасти ее отъ безумной страсти, открываетъ юношѣ торжественно и таинственно любовь дѣвушки и требуетъ, чтобы онъ уѣхалъ. Понятно, что юноша немедленно влюбился и затѣмъ проситъ руки своей возлюбленной. Проходитъ пять лѣтъ. Супруги живутъ въ своемъ замкѣ; дѣтей у нихъ нѣтъ, и они ведутъ пустую и праздную жизнь. Но среди этой веселой безпечности совершился въ сердцѣ молодого человѣка переломъ: онъ разлюбилъ Генріетту и полюбилъ Полину. Генріетта въ отчаяніи; для нея нѣтъ ничего внѣ мужа; нѣтъ другой жизни, кромѣ любви къ нему. А онъ? Развѣ онъ не клятвопреступникъ, не подлый обманщикъ? Что дѣлать? какъ спастись? Генріетта рѣшила выдать Полину замужъ и открываетъ ей тайну своего мужа. Эмиль тоже рѣшилъ этотъ бракъ; онъ исполнилъ свой долгъ, но затѣмъ у него недостаетъ силы, и онъ рѣшается уѣхать. Генріетта, узнавъ объ этомъ, намѣревается лишить себя жизни, отказываетъ ему имѣніе и исчезаетъ. Проходитъ годъ; Полина въ монастырѣ; Эмиль ѣдетъ за ней, женится и на обратномъ пути встрѣчаетъ Генріетту, которая и не думала лишать себя жизни. Едва живая, больная Генріетта не выноситъ удара и умираетъ.

«Когда опустился занавѣсъ, мнѣ было невыразимо тяжело,—говоритъ авторъ.—Точно я присутствовалъ при инквизиторской пыткѣ невинныхъ. Всѣ люди въ этой драмѣ—люди добрые, обыкновенные, даже честные и исполняющіе долгъ свой; а между тѣмъ одинъ изъ нихъ казненъ смертью; двое другихъ—участіемъ въ этой казни». Гдѣ искать отвѣта на разъѣдающія сомнѣнія, за что вся эта казнь? Зритель, подавленный, выходитъ изъ театра и остается одинъ со своими сомнѣніями, не владѣя нитью для выхода. Въ чемъ же бѣдствіе и Полины, и Эмиля, и Генріетты? Въ односторонности жизни чувствомъ и въ ихъ внутренней пустотѣ. Люди, нельзя сказать, чтобы безъ содержанія, но жизнью которыхъ управляетъ внѣшняя власть; люди, ничѣмъ не наполненные, когда ими овладѣваетъ любовь, отдаются ей всѣми своими силами. Имъ хорошо: они чувствуютъ полноту; томившая ихъ безцѣльность исчезла, и бракъ является дѣломъ жизни. Но жизнь, въ которой нѣтъ другой подкладки, кромѣ нѣжности и любованія,—жизнь бѣдная и односторонняя. Человѣку становится тѣсно и узко въ мірѣ исключительныхъ нѣжностей; жизнь, незнающая ничего за порогомъ своего дома, не можетъ удовлетворить человѣческой личности; свободный духъ человѣка ищетъ воротъ, которыми бы онъ могъ выйти въ болѣе широкій міръ. Міръ любованья—только кусочекъ остального прекраснаго міра, и лишь только въ этомъ полномъ прекрасномъ мірѣ красота и жизнь и духъ человѣческій чувствуютъ себя дома. Вотъ къ этому-то міру и стремится всегда свободный духъ человѣка, котораго нельзя, какъ улитку, запереть въ раковину. Чѣмъ человѣкъ полнѣе, тѣмъ онъ сильнѣе чувствуетъ свою міровую связь и тѣмъ скорѣе подвергается всякимъ случайностямъ, разрушающимъ его семейный мірокъ. Душѣ нужно больше того, что она находитъ въ личныхъ влеченіяхъ сердца. Но не отвернуться отъ нихъ хочетъ душа; не отречься отъ

своей индивидуальности; не предать семейство всеобщему; нѣтъ, душа хочетъ раскрыться *всему* человѣчеству, а не части его. Она хочетъ наслаждаться и страдать въ наслажденіяхъ и страданіяхъ современности; слиться съ міромъ и связать съ нимъ себя всѣми связями, любить и жить всѣми привязанностями, какія вмѣщаются въ сердцѣ; обобщить себя. «Человѣкъ безъ сердца—какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семьи, ни друга, ни родины; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія; изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня, всесогрѣвающаго и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслажденіи, ради себя. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе; по мѣрѣ расширенія интересовъ уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей».

Вотъ въ чемъ выходъ, и вотъ на какой высотѣ человѣкъ застраховываетъ себя отъ всѣхъ тѣхъ случайностей, которыя поразили Генріетту, Полину и Эмиля. Они разбились и погибли потому, что для нихъ не было этого выхода, но ихъ гибель открываетъ его для тѣхъ, кто его ищетъ. Герои драмы погибли, потому что не знали, что любовь есть только одинъ изъ моментовъ жизни, а не вся жизнь. Они думали, что любовь есть что-то вѣчное, что въ этомъ—единственная цѣль жизни. Но хорошо указывать выходъ во всеобщее и въ просторный міръ, открытый для дѣятельности мужчины, а какъ будто ворота его отворены женщинѣ?.. Для женщины внѣшній міръ ограниченъ спальней, дѣтской и кухней. Скажите, кто это вамъ сказалъ? Скажите, когда отъ женщины были отняты права матери и воспитательницы дѣтей? Развѣ это не самое широкое общественное дѣло, которымъ женщина связывается со своей родиной, съ ея печалями и радостями и со всѣмъ остальнымъ міромъ? Не сама ли женщина запирала для себя этотъ міръ и уходила въ кухню; не сама ли она воспитывала дѣвушку исключительно въ невѣсты? «Мысль, что женщина сама въ себѣ не имѣетъ никакой цѣли, кромѣ замужества, право, ненравственна и непристойна». Неужели вы думаете, что эту мысль втолковалъ женщинѣ мущина: пришла пора—и поняла; пришла пора учиться—и стала учиться. И женскій вопросъ выдумали и создали не мужчины, а сами женщины. Ищите силъ въ себѣ—и вы ихъ найдете; внѣшняя поддержка только помогаетъ, но ничего не создаетъ, и если спитъ внутри—одно внѣшнее не разбудитъ.

Но какую связь имѣетъ эта глава съ книгой, о которой мы говоримъ, а еще болѣе съ ея авторомъ?—спроситъ читатель. Для чего я заговорилъ о семинаристахъ, о мелочахъ жизни, о любви, о выходѣ? Въ этой главѣ я не сказалъ ничего своего, читатель; я только формулировалъ иначе то, что вы найдете въ статьяхъ: «По поводу одной драмы» и «Капризы и Раздумье». Подъ одной изъ этихъ главъ стоитъ: «1842 г. октября 10», подъ другой «1845 г.», а подъ моей статьей 1871 г., и она не покажется вамъ запоздалой. Я хотѣлъ только убѣдить васъ неопровержимымъ доказательствомъ, что авторъ—человѣкъ безъ ярлычка; что онъ въ сороковыхъ годахъ—человѣкъ сороковыхъ годовъ, въ шестидесятыхъ—шестидесятыхъ, и въ наше время — человѣкъ нашего поколѣнія; что онъ всегда нашъ, всегда съ молодыми, только умѣйте понимать его и не кивайте на Петра, когда вамъ слѣдуетъ заглянуть въ себя.

IV.

Судите людей не по своей, а по ихъ совѣсти. Вы скажете, что вы не знаете ихъ совѣсти; но вѣдь точно также они не знаютъ и вашей. Только въ судѣ по чужой совѣсти—послѣднее слово гуманности, высочайшая ея точка, крайній предѣлъ, до котораго можетъ подняться человѣкъ. Для критика въ этомъ пріемѣ лежитъ начало безошибочности и той всеобъемлющей шири, которою онъ побѣждаетъ противниковъ и покоряетъ себѣ слушателей. Въ этомъ послѣднее слово любви, выводящей индивидуальную личность изъ ея особняка, чтобы поставить ее въ міровую связь.

Авторъ нашей книги владѣетъ вполнѣ секретомъ гуманности, и оттого его критика всегда вѣрна и глубока. Для нея нѣтъ узкихъ рамокъ единоличнаго кодекса и извѣстнаго числа правилъ, подъ которыя гнутъ все эстетики и моралисты. Эти бѣдняки, когда исчерпаютъ всѣ свои параграфы, попадаются въ ловушку, устроенную собственными руками: имъ идти некуда. Но когда человѣкъ стоитъ на высотѣ чужой совѣсти,—міру его нѣтъ конца. Для него становятся открытыми не сотни или тысячи человѣческихъ душъ извѣстнаго фасона и отдѣлки, а всѣ души всего человѣчества.

Найдете вы въ книгѣ статью о Гофманѣ. Кто же не знаетъ, что Гофманъ—сумасшедшій и пьяница, писавшій свои сказки въ кабакѣ? Къ сожалѣнію, только это и знаютъ у насъ, можетъ быть, и до сихъ поръ. Но мало сказать, что Гофманъ жилъ, пилъ и писалъ въ кабакѣ; нужно знать, почему онъ пилъ, почему писалъ такъ, какъ онъ писалъ. Въ своей совѣсти вы не найдете отвѣта, ибо, чтобы понять Гофмана, нужно прочесть самого Гофмана, прочесть его совѣсть. Если хотите—и этого мало. Совѣсть и душа Гофмана выросла на нѣмецкой почвѣ, въ нѣмецкихъ обстоятельствахъ, въ четырехъ стѣнахъ нѣмецкаго родительскаго дома. Изслѣдуйте и опредѣлите все: опредѣлите особенности и условія развитія, опредѣлите психологическія свойства человѣка, сложите величины, и только тогда вы получите вѣрный итогъ. По этой ли теоріи мы судимъ о людяхъ, судимъ о народахъ, судимъ о событіяхъ? Говоря о чудакѣ Гофманѣ, авторъ уводитъ васъ въ Германію, дѣлаетъ Гофмана микрокосмомъ его страны, если и не полнымъ, то по крайней мѣрѣ той части страны, которая создала его. Безумецъ и пьяница превращается такимъ образомъ въ воплощенную идею и служитъ объясненіемъ нѣмецкаго міра.

Но «Гофманъ»—только проба силъ! Статья о немъ — одно изъ приложеній гуманнаго метода критики по чужой совѣсти. Главная сила автора не въ этомъ, и главная его артиллерія выступаетъ не тутъ. Она выступаетъ въ критической оцѣнкѣ народной жизни, жизни не одного человѣка, а жизни страны, и въ критикѣ идей, двигающихъ людьми. Здѣсь васъ проводятъ по всему пути исторіи и логическаго роста народовъ, и вы, не бывъ никогда въ Германіи, поймете нѣмцевъ, и не бывъ никогда во Франціи, поймете французовъ. Вы даже изъ того, что вамъ говорятъ въ сороковыхъ годахъ, сумѣете предсказать событія 1870 г. Васъ переносятъ въ самую середину умственнаго процесса Европы; вы чувствуете, что васъ точно посадили въ какую-то гигантскую голову; вы видите, какъ совершаются всѣ ея процессы мысли, точно вы внутри какой-то мануфактуры, гдѣ все скрипитъ, стучитъ, трещитъ. И какъ же вздыхается легко, когда закроешь книгу и чувствуешь, что вокругъ, слава Богу, нѣтъ никакой мануфактуры, все такъ спокойно, и, кажется, не о чемъ даже и думать!

Сила критической мысли автора не въ томъ одномъ, что онъ разбираетъ самъ, а въ томъ, что онъ заставляетъ думать васъ. Скажутъ—талантъ. Но этимъ талантомъ можетъ владѣть только тотъ, кто владѣетъ хорошими чувствами и глубоко любящимъ сердцемъ. Авторъ не пишетъ ничего догматически; онъ переживаетъ самъ свои сомнѣнія и свои раздумья, и потому, что онъ ихъ переживаетъ, онъ затягиваетъ васъ въ себя, передаетъ вамъ часть своей силы, зажигаетъ васъ — и вы начинаете чувствовать, думать и понимать. Согласитесь, что это хорошо, и что человѣкъ, совершающій съ вами такой фокусъ, заслуживаетъ глубокой вашей признательности. Обновляющая сила подобнаго процесса именно въ томъ, что онъ прошибаетъ кору загрубѣвшаго чувства, которая испортила вашъ умъ и развратила идею. Васъ обращаютъ къ источнику жизни, къ вашимъ основнымъ хорошимъ силамъ, — а когда вы хоть разъ начали чувствовать хорошо, вы будете и думать хорошо. Дѣти и юноши, когда имъ впервые приходится построить ловкій силлогизмъ, бываютъ въ восторгѣ—они чувствуютъ пробужденіе мысли. Но тутъ же они впускаютъ въ нее и ядъ разврата, ибо съ этого момента она не застрахована отъ погибели въ софизмахъ и метафизикѣ. а напротивъ, наведена на опасный путь: случайностей погибели больше, чѣмъ случайностей спасенія. Бѣдное чувство рѣдко знаетъ радости ума. Чувство обыкновенно забиваютъ съ молоду и когда хитрый умъ изловчится въ построеніяхъ, онъ презрительно, свысока относится къ чувству, не подозрѣвая того, что онъ извращенъ только оттого, что имъ повелѣваетъ чувство, извратившееся еще въ юности. Доставьте случай чувству проникнуться человѣческой теплотой и гуманностью, и посмотрите, какія славныя мысли явятся у васъ послѣ этого.

Я читаю въ книгѣ о «педантизмѣ въ наукѣ», о «буддизмѣ въ наукѣ», и въ моемъ воображеніи встаютъ величавые образы мрачно-ученыхъ профессоровъ, деревянныхъ педантовъ, сухихъ школьныхъ учителей, точно несокрушимый лѣсъ дубовъ, разросшихся широко въ вѣтви и осѣнившихъ своею могучею тѣнью всю русскую землю. И тебѣ, Москва, мать городовъ русскихъ—Калуги, Тулы, Ярославля, Владиміра и многихъ другихъ, и тебѣ, Кіевъ, въ которомъ такъ долго процвѣтала извѣстная мудрость, привѣтъ за эту тѣнь; но пусти къ свѣту. Ты сдѣлала свое дѣло, и Дмитрій Донской, Иванъ Калита, Всеволодъ III, Иванъ III и IV живутъ въ тебѣ своимъ духомъ, ты ихъ и понынѣ. Но Петръ I уѣхалъ изъ тебя въ Петербургъ, потому что только тамъ нашелъ мѣсто, чтобы прорубить окно въ Европу. И этотъ фактъ имѣетъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ кажется. Съ этихъ поръ Россія раздвоилась на западную и восточную, на петербургскую и московскую, на текучую и стоячую. Стоячая погрязла въ формализмѣ и выразилась въ семинаризмѣ, въ неповоротливости и тугости мысли, въ поклоненіи преданію, въ расколѣ, въ купеческомъ обычаѣ, во всемъ томъ, что держитъ или тянетъ назадъ. Россія текучая догнала Европу, связала свою идею съ европейской идеей и повела русскую мысль рядомъ. У насъ привыкли говорить, что западники не имѣютъ корней въ родной почвѣ, что они не органическій продуктъ. Это выдумка стоячей Россіи. У мысли нѣтъ отечества, и для нея нѣтъ границъ. Съ той минуты, какъ на берегахъ Невы явился Петербургъ, русская мысль связалась съ европейской и должна была идти путемъ европейской логики, — иначе зачѣмъ же и окно? Если это вамъ не нравится—закройте окно или прорубите его на востокъ, но если оно смотритъ на западъ—принимайте его со всѣми его логическими выводами. Наша умственная жизнь не была ни обезьянствомъ, ни вычитанной изъ иностранныхъ книжекъ; проснувшейся мысли нельзя же было сидѣть со сложенными руками, и вотъ, совершая свой процессъ, она, за неимѣніемъ пищи изъ Москвы, брала ее оттуда, гдѣ ее находила. Мы не въ книжкахъ переживали и Наполеона I, и Ватерлоо, и Парижъ, и послѣдующія разочарованія, и классицизмъ, и романтизмъ, переживаемъ и теперешнія европейскія событія. Это была дѣйствительная жизнь, такая же, какую переживала мысль европейская. Все тамошнее повторялось и у насъ, но только въ маломъ масштабѣ, въ маломъ числѣ лицъ; мы были какъ бы уменьшенной Европой. А Москва намъ ставитъ въ упрекъ, зачѣмъ мы не были Азіей, точно это заслуга! Не нужно бы тогда строить и Петербурга! Конечно, книжки помогаютъ. Но развѣ у насъ нѣтъ и своихъ? Или вамъ обидно, что русская мысль черпала себѣ пищу изъ Шекспира, Байрона, Гетте, Шиллера, Гегеля, а не изъ «Русскаго Вѣстника»? Борьба романтизма съ классицизмомъ привела на Западѣ къ реализму, и онъ не только по закону преемственности перешелъ къ намъ, но и такъ пришелся по плечу, что остается развѣ жалѣть, зачѣмъ мы не начали прямо съ него. Наша исторія, конечно, не то, по

своей формѣ, что исторія Запада, но она та же въ развитіи идей. Кто же научилъ насъ понимать свою жизнь, какъ не представители текучей Россіи? Кѣмъ, какъ не ими, двинута русская мысль и созданы новыя формы жизни, выразившіяся въ послѣднихъ реформахъ?

Тупые и мрачные враги впередъ идущей русской мысли никогда не умѣли подняться на высоту критическаго пониманія; они хотѣли только обвинять, но не оправдывать, и потому отъ ихъ сужденія отлетѣлъ духъ безпристрастія и правды. Они не оцѣнили западниковъ и не поняли, что это наши пророки и учителя, помогавшіе нашему претворенію европейской мысли и освѣщавшіе нашъ путь.

Въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ разбираемомъ авторѣ западника по преимуществу, даровитѣйшаго человѣка, который съ легкостью геніальности усвоилъ себѣ европейскій разумъ. Оттого-то онъ въ сороковыхъ годахъ былъ такъ далеко впереди нашихъ людей сороковыхъ годовъ, и оттого-то мысли его и теперь съ нами: мы догоняемъ его, Оттого онъ въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ пророчески указывалъ на теперешнее поколѣніе. Болѣзни мысли повсюду однѣ и по зародышамъ, и по аналогіи; тому, кто видитъ, предсказывать нетрудно. Въ статьѣ «Диллетантизмъ въ наукѣ» мы находимъ эти пророчества, и я укажу на нихъ читателю.

Массы не могутъ принять философіи; онѣ не подготовлены, чтобы подняться въ ея область, и имъ недоступны безтѣлесныя умозрѣнія; а чтобы сдѣлаться достояніемъ семьи и площади — философія еще слишкомъ юна. «Но если массамъ недоступна наука, то до нихъ не дошли и страданія душнаго состоянія пустоты. Массы не внѣ истины, онѣ знаютъ ее божественнымъ откровеніемъ. Въ несчастномъ и безотрадномъ положеніи находятся люди, попавшіе въ промежутокъ между естественною простотою массъ и разумною простотою науки». Этихъ стоящихъ въ промежуткѣ людей легіонъ, и они-то обыкновенно враги знанія и друзья понятности. Это все разныхъ видовъ недоучившіеся диллетанты, которые не сумѣли подойти къ наукѣ просто. Въ толпѣ людей этого направленія выдаются по своему числу люди, вышедшіе изъ дѣтскаго возраста, вообразившіе, что наука легка, что стоитъ захотѣть знать—и узнаешь. Но какъ наука имъ не далась, они на нее разсердились, а между тѣмъ они не принесли съ собой ни окрѣпшихъ дарованій, ни способности труда, ни желанія чѣмъ бы то ни было пожертвовать для истины. Это говоритъ авторъ о западныхъ диллетантахъ, а вотъ что онъ говоритъ о насъ. «Одно изъ общественнѣйшихъ достоинствъ русскаго характера — чрезвычайная легкость принимать и усваивать плодъ чужого труда. Намъ понравилось загребать жаръ чужими руками; намъ показалось, что это въ порядкѣ вещей, чтобъ Европа кровью и потомъ вырабатывала каждую истину и открытіе: ей всѣ мученія тяжелой беременности, трудныхъ родовъ, изнурительнаго кормленія грудью,—а дитя намъ... Все шло хорошо, но когда мы приблизились къ современной наукѣ, ея упорство должно было удивить насъ. Эта наука вездѣ дома,—но только она нигдѣ не даетъ жатвы, гдѣ не посѣяна; въ каждой личности она должна прозябнуть и возрасти. Намъ хотѣлось бы взять результатъ, поймать его, какъ ловятъ мухъ... Но результатъ отдѣльно вовсе не существуетъ. Все это должно было удивить и оскорбить нашихъ диллетантовъ гораздо болѣе, нежели иностранныхъ; ибо у насъ гораздо менѣе развито понятіе науки и путей ея. Наши диллетанты съ плачемъ засвидѣтельствовали, что они обманулись въ коварной наукѣ запада, и стали говорить противъ нея». Но если въ Германіи есть враги новаго знанія, сами вытѣсняющіе себя изъ жизни современной, у нихъ есть свои историческіе корни въ созданномъ ими предыдущемъ знаніи; мы же всегда были праздношатающимися въ сѣняхъ храма науки и никогда не имѣли своего дома. Насъ пугаетъ праздность, а трудиться мы не хотимъ и, отказываясь отъ *трудной* науки, ждемъ все какой-то науки *легкой*. Писаревъ понималъ это отлично, когда высказывалъ необходимость для нашего общества популяризаціи и приподнесенія нашимъ читателямъ истинъ, завернутыхъ въ красивыя золотыя бумажки. «Если мы вникнемъ,—говоритъ авторъ,—почему, при всемъ желаніи и стремленіи къ истинѣ, многимъ наука не дается, то увидимъ, что существенная, главная, всеобщая причина одна: всѣ они не понимаютъ науки и не понимаютъ, чего хотятъ отъ нея. Скажутъ: для кого же наука, если люди ее любящіе, стремящіеся къ ней, не понимаютъ ея?.. Нѣтъ, современная наука можетъ быть понятна всякому, кто имѣетъ живую душу, самоотверженіе и подходитъ къ ней просто. Въ томъ-то и дѣло, что всѣ эти господа подходятъ къ ней замысловато, съ задними мыслями, испытывая и дѣлая ей требованія. И оттого она остается для нихъ безсмысленнымъ формализмомъ, не заключающимъ въ себѣ никакой сущности». Пока вы соперничествуете съ истиной, вы ее ограничиваете и подчиняете ее своему своеволію. Вы стоите за свои предвзятыя личныя убѣжденія и личнымъ убѣжденіемъ отрицаете истину. «А что заставляетъ такъ упорно держаться личныхъ убѣжденій?—Эгоизмъ. Эгоизмъ ненавидитъ все общее, отрываетъ человѣка отъ человѣчества, ставитъ его въ исключительное положеніе; для него все чуждо, кромѣ своей личности. Онъ вездѣ носитъ съ собою свою злокачественную атмосферу, сквозь которую не проникнетъ свѣтлый лучъ, не изуродовавшись. Съ эгоизмомъ объ руку идетъ гордая надменность». Развѣ это не мы, люди 1870 г., а вѣдь это писано въ 1842 г. Люди съ ярлычками сразу окунулись въ глубину премудрости и вышли оттуда всезнающими, непогрѣшимыми. Одни отстали отъ западниковъ, чтобы примкнуть къ стоячей Россіи, къ тѣмъ старымъ московскимъ диллетантамъ, о которыхъ говоритъ авторъ; другіе — стали, воображая, что они ушли ужъ очень далеко, и что ни впереди, ни назади нѣтъ для нихъ ничего новаго. Людей безъ ярлычковъ, продолжавшихъ свой путь, осталось

немного... То, что совершалось въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ на небольшомъ числѣ лицъ—повторилось на нашихъ глазахъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ на большемъ числѣ лицъ.

Да, наука обманула, она не разрѣшила всѣхъ нашихъ сомнѣній и вопросовъ, а, напротивъ, неразрѣшенныхъ сомнѣній явилось еще больше, и это понятно. Мы прежде совсѣмъ не думали, а если думали, если являлись сомнѣнія и вопросы, то въ арсеналѣ нашихъ отцовъ находили на нихъ готовые отвѣты. Пробужденные обстоятельствами, мы окунулись съ головою въ водоворотъ всякихъ вопросовъ жизни и, не найдя на днѣ его волшебнаго ключа, которымъ бы отворялись всѣ секретные замки—обвинили всѣхъ, кромѣ себя, и пошли назадъ. Да, назадъ. Мы были прежде нравственнѣе и идеальнѣе; теперь же стали пошлѣе и буржуазнѣе. Мы, правда, перестали брать взятки, безобразій стараго самодурства теперь нѣтъ, рѣзкости сгладились, внѣшнее поведеніе умягчилось и стало ровнѣе, гласный судъ наложилъ свою узду, но въ цѣломъ нашъ нравственный уровень не повысился, и обществомъ овладѣла буржуазная тенденція, которой прежде не было. Прежде мы были Куролесовыми, Хлестаковыми, Чичиковыми, Сквозникъ-Дмухановскими, самодурами и взяточниками, теперь же мы становимся самодовольными практиками, дѣльцами и размѣняли всю жизнь на рубли. А знаете, что это значитъ? Опять пойдемте за справками въ нашу книгу.

Германія создала филистера; это, если хотите, глупецъ, увѣренный въ свою основательность, въ глубину своей цивилизаціи; это школьный педантъ, скучный, самоувѣренный, упрямый; но нѣмецъ всегда идеалистъ, даже и тогда, когда онъ пошлый дуракъ; онъ не можетъ молиться золотому тельцу; до этого его не допустятъ тѣни его великихъ поэтовъ и мыслителей. Конечно, и въ Германіи есть подобіе буржуазіи, но нѣмецкая буржуазія смиренна и мелка; она съ примѣсью геологовъ и ученыхъ. Истинный буржуа—пропріэтеръ, лавочникъ, рантье—типъ французскій. Буржуа держатъ себя дерзко и высокомѣрно; они корчатъ изъ себя аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ. Былое дворянство Франціи имѣло свою общественную религію. Но правилами политической экономіи нельзя замѣнить догматы патріотизма, преданія мужества, святыню чести. Наслѣдникъ блестящаго дворянства и грубаго плебеизма, буржуа соединилъ въ себѣ самые рѣзкіе недостатки обоихъ, утративъ всѣ ихъ достоинства. Буржуа богатъ, какъ вельможа, но скупъ, какъ лавочникъ, и, какъ лавочникъ, извлекъ себѣ выгоды отовсюду. Уже въ 1789 году онъ пріобрѣлъ, когда другіе теряли; дворянство лишается правъ—буржуа увеличиваетъ свои; народъ умираетъ съ голоду—буржуа сытъ; республика безъ денегъ продаетъ земли—буржуа ихъ скупаетъ; народъ вооружается и идетъ на враговъ—буржуа поставляетъ арміи сукно и провіантъ. Вся Европа въ огнѣ, повсюду течетъ кровь—буржуа пользуется выгодами континентальной системы; дальше—буржуа дѣлается изобрѣтателемъ и депутатомъ; еще дальше, когда ему показалось, что его обижаютъ,—онъ подбилъ чернь вступиться за себя, а самъ ждалъ за угломъ, чѣмъ все это кончится. Добыча, конечно, досталась ему, а народъ попрежнему остался не причемъ. «Любовь къ порядку и самосохраненіе много способствовали къ тому, чтобы буржуазія изъ класса неопредѣленнаго перешла въ замкнутое сословіе, которому границы—электоральный цензъ внизъ и баронъ Ротшильдъ вверхъ... Буржуа—строгій блюститель нравовъ у себя въ домѣ; любитъ отпустить полновѣсную шутку, заставить покраснѣть двусмысленнымъ намекомъ дѣвушку; онъ и дальше идетъ—онъ любитъ поволочиться и вообще любитъ развратикъ втихомолку, такой развратикъ, который не можетъ никогда поставить его лицомъ къ лицу съ его обличенной совѣстью въ треугольной шляпѣ, называемой полицейскимъ коммисаромъ,—онъ развратенъ включительно до статей кодекса о дурномъ поведеніи гражданъ...»

У такого сословія не можетъ быть будущаго, и въ лицѣ Наполеона III, погубившаго Францію, оно погубило и себя. Оно смѣхомъ Фальстафа смѣялось надъ лучшими надеждами и идеалами людей, читавшихъ въ будущемъ и желавшихъ спасти дѣло прогресса отъ грубаго матеріализма; оно своимъ цинизмомъ возбуждало общее неудовольствіе и своимъ бездушіемъ разочаровывало все. «Но буржуазія сама отучила отъ любви и симпатіи; она сама проповѣдывала холодъ и бездушіе—чего же и ожидать? Еще во время реставраціи буржуа не все продали внутри души своей, тогда ихъ еще уважали. Но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ интересы ихъ можно размѣнять на звонкую монету, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь превратилась для нихъ въ средство чеканить деньги, народъ возненавидѣлъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нимъ стоитъ». Теперь народъ долженъ стать лицомъ къ лицу съ буржуазіей; вотъ поворотная точка исторіи Франціи и европейской цивилизаціи, и мы становимся на ту же поворотную точку.

1870.

ПРАВО И СВОБОДА.

(Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерра. Перев. съ нѣм. С.-Петербургъ, 1870 г. Наука о человѣческомъ обществѣ. Соч. Глинки. С.-Петербургъ, 1870 г.).

I.

Еще очень недавно наши прогрессивные писатели съ особенною любовью рекомендовали своимъ русскимъ соотечественникамъ быть умными и указывали имъ на умъ, какъ на единственное средство соціальнаго преуспѣянія.

Но похвалы уму, особенно въ его русскомъ проявленіи, были преувеличены, и русскій умъ не оправдалъ блистательныхъ надеждъ, на него возлагаемыхъ.

Это произошло вовсе не отъ того, чтобы русскій умъ былъ какого либо не настоящаго качества, или явился поддѣлкою ума хорошаго. Причина въ томъ, что такъ называемый умъ, какъ руководящій свѣточъ, также легко заводитъ въ болото, какъ и выводитъ на просторную и свѣтлую дорогу.

На каждомъ шагу встрѣчается у насъ многое множество людей весьма благопристойно и послѣдовательно разсуждающихъ объ очень важныхъ вопросахъ и созидающихъ весьма логическія построенія неотразимой доказательности. Еслибы эти умные люди образовали изъ себя корпусъ колонновожатыхъ прогрессирующаго человѣчества, то, конечно, прогрессирующее человѣчество сидѣло бы уже давно въ какой нибудь непроходимой трущобѣ, и пришлось бы пригласить новыхъ проводниковъ.

Вотъ г. Страховъ доказываетъ, что сначала нужно изучить природу женщины и затѣмъ уже дать ей то, что ей нужно въ дѣйствительности. И можетъ ли быть что нибудь логичнѣе подобнаго разумнаго разсужденія? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, удовлетворить желанію, не зная безошибочно его сущности?

Или крѣпостники съ тою же неотразимостью доказывали, что нельзя давать свободы тому, кто съ нею не умѣетъ управляться, какъ нельзя давать ребенку въ руки бритвы.

Или наши экономисты-фабриканты доказываютъ, что никакое промышленное развитіе у насъ невозможно безъ покровительственнаго тарифа, что насъ подавятъ иностранцы, и что промышленное богатство Англіи и Франціи явилось только отъ устраненія иностранной конкурренціи.

До сихъ поръ насъ увѣряли, что только всеподавляющая глупость мѣшаетъ счастью людей. Основываясь на фактахъ, приходится думать, что дурно жить на свѣтѣ потому, что уже слишкомъ много умныхъ людей. Обратите вниманіе на всѣхъ, съ кѣмъ вамъ когда либо приходилось видѣться и говорить, и скажите, встрѣчали ли вы дураковъ? Нѣтъ. Всякій разсуждаетъ умно, логично, говоритъ даже красиво. Нынче даже десятилѣтніе гимназисты отличаются благоразуміемъ и разсуждаютъ логично. Какое же основаніе обвинять человѣчество въ глупости, какъ это дѣлаетъ Шерръ, когда всѣ такъ умны, что глупости не найдешь и съ фонаремъ? Но если повсюду такая масса ума, отчего же дѣла цивилизованнаго человѣчества идутъ плохо, и довольнаго человѣка найти также трудно, какъ идіота?

Вовсе не умъ мѣшаетъ отличать людямъ важное отъ неважнаго, первое отъ второго, а изворотливое лукавство, преслѣдующее мелочное удовлетвореніе, управляетъ умомъ и даетъ ему какое-то мошенническое направленіе. Умъ образованнаго общества мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ является большая масса людей, начинающихъ думать и стремящихся создать личное счастіе. Умъ философа, обобщающій частности, размѣняли на мелкую монету единоличнаго мышленія, преслѣдующаго мелочное удовлетвореніе на счетъ интересовъ ближняго. Люди точно думаютъ, что природа создала только извѣстный запасъ счастья, и что, если не поспѣшить оторвать отъ него кусочекъ, то онъ достанется сосѣду.

Изъ мелочныхъ, себялюбивыхъ чувствъ выростаетъ та робость характера, которая пріучаетъ человѣчество жить ниже травы, тише воды. А изъ этой робости формируются такіе принципы общественнаго и частнаго поведенія, которые приспособлены исключительно къ огражденію мелочного своекорыстія, индивидуализма и домашняго особнячества.

Робкое, мелочное чувство даже науку сдѣлало орудіемъ своекорыстія. Либихи, Гегели, Тьеры, Гизо и т. д. спекулировали своимъ знаніемъ не хуже биржевыхъ игроковъ. Въ арсеналѣ юристовъ есть оружіе для защиты и Робеспьера, и Людовика XVI, и монархіи, и республики, и орлеанистовъ, и бонапартистовъ, и для отмѣны смертной казни, и для введенія ея вновь,—для всякаго pro и для всякаго contra. Изъ устъ ученыхъ, занимающихся общественными и политическими науками, какъ изо рта дровосѣка въ извѣстной баснѣ, по произволу выходятъ и тепло, и холодъ, извлекается на служеніе мелочнымъ своекорыстнымъ интересамъ то, что требуется въ данную минуту. А почему бонапартистъ въ молодости—въ зрѣломъ возрастѣ превращается въ орлеаниста, а орлеанистъ можетъ опять превратиться въ бонапартиста? На языкѣ политиковъ, историковъ, юристовъ это называется сдѣлаться благоразумнымъ и раскаяться въ увлеченіяхъ молодости.

И среди такого повальнаго хамелеонства и арлекинады чувствъ человѣкъ, чувствующій глубоко и умѣющій выражать сильно свои человѣколюбивыя чувства и стремленія, громящій ложь и постыдное

своекорыстіе, рисуется карликамъ чувства какимъ-то непостижимымъ титаномъ, и благоговѣйно склоняются предъ нимъ на колѣни всѣ карлики цивилизованнаго человѣчества. Такимъ великаномъ является, напримѣръ, Байронъ. И люди меньшей силы,—возьмемъ хоть, напр., Берне, Гейне и другихъ честныхъ публицистовъ, извѣстныхъ подъ именемъ патріотическихъ писателей, и которые есть у всякаго народа,—привлекаютъ къ себѣ всегда поклонниковъ, которые уважаютъ и любятъ ихъ.

Не силой ума достигается эта слава, а только глубиной и энергіей хорошихъ чувствъ. И, должно быть, хорошія чувства рѣдки, если такъ мало людей, окруженныхъ за нихъ ореоломъ славы, и если у ногъ такъ называемыхъ великихъ писателей валяется колѣнопреклоненная толпа всякихъ карапузиковъ.

Шерръ въ своей «Комедіи всемірной исторіи» даетъ картину одного изъ эпизодовъ европейской борьбы, борьбы, въ которой мелочность и своекорыстіе чувствъ не обнаруживали еще никогда въ болѣе яркомъ свѣтѣ всей несостоятельности европейскаго филистерства и его теоріи золотой середины.

II.

«Быть молотомъ или наковальней» — вотъ въ чемъ вопросъ, —говоритъ Шерръ,—и третьяго выбора нѣтъ. Борьба за существованіе раздѣлила всѣхъ на *я* и *ты*, на *мое* и *твое*, и съ начала міра и до нашихъ дней на землѣ ведется неумолкающая брань, и «братъ» давитъ «брата».

Историки разсказываютъ только процессы этой брани, но еще не приподняли даже и края занавѣса, за которымъ скрытъ механизмъ картинъ, ими показываемыхъ. Вотъ почему въ этомъ сумбурѣ столкновенія страстей такъ легко показывать историческіе фокусы и подбирать картины по произволу, выставляя болѣе выгодныя и красивыя. Поэтому же и добродушный нѣмецкій Михель является такъ легко «неповиннымъ олухомъ всемірной исторіи», какъ выражается Шерръ, и многотерпѣливой наковальней, по которой колотитъ молотъ. Добросердечный Михель даже потираетъ себѣ руки, думая, что его колотятъ на его собственное благо, и что въ этомъ-то именно и есть исторія.

Среди этой нескончаемой борьбы за *мое* и *твое*, когда каждый норовилъ оторвать лакомый кусочекъ отъ краюшки своего сосѣда, когда каждая наковальня хотѣла сдѣлаться молотомъ, являлись не разъ попытки превратить братоубійственную войну въ братолюбивое согласіе. Давно, очень давно голосъ изъ Галилеи провозгласилъ радостную вѣсть всѣмъ бѣднымъ и удрученнымъ, обѣщая всѣмъ страдающимъ свободу и счастье. Мечты о свободѣ, равенствѣ и братствѣ успокоили было людей, но молотъ стучать не переставалъ. Иллюзія о великихъ гуманныхъ истинахъ разсѣялась, какъ туманъ, и отрезвѣвшій мечтатель Михель увидѣлъ, что ему только снился пріятный сонъ.

Проповѣдью любви воспользовалось лукавое своекорыстіе, и хитрый католицизмъ, надѣвъ на себя личину смиренномудрія и кротости, сдѣлалъ изъ имени Христа орудіе для достиженія вовсе не небесныхъ цѣлей. Хитрый монахъ, надѣвъ на себя корону, провозгласилъ себя намѣстникомъ божіимъ, царемъ царей, и все болѣе лукавое поняло, что это — штука хорошая, и что ею можно достигать многихъ удобствъ и пріятностей жизни и побѣдоносно вести борьбу за свое существованіе.

Многіе вѣка католицизмъ служилъ могучимъ орудіемъ мелочнаго своекорыстія, и ничто въ исторіи человѣчества не можетъ сравниться съ его лукавствомъ, когда нужно было сдѣлать *твое—моимъ*. Католицизмъ прикидывался кроткимъ и набожнымъ; онъ благословлялъ и проклиналъ; онъ бралъ въ одну руку крестъ, въ другую—мечъ; онъ то протягивалъ руку свѣтской власти и давалъ ей неземное происхожденіе, то предавалъ ее анаѳемѣ, и пользовался всѣми этими средствами, смотря по тому, какое изъ нихъ оказывалось вѣрнѣе, чтобы устроить себѣ рай на землѣ. Рай на небеси католицизмъ приподносилъ меньшей братіи и обиралъ ее одною рукою въ то время, какъ другой указывалъ на картины будущаго небеснаго блаженства.

Вышедшее изъ католицизма лютеранство въ сущности не больше, какъ контрафакція. Оно — подновленное и исправленное изданіе старой книги, которую только переплели въ новый корешокъ, оставивъ сущность нетронутою. Лютеранство, прикинувшись врагомъ католицизма, отбросило лишь нѣкоторыя его грубыя внѣшнія формы, утратившія свой кредитъ и негодившіяся больше для фокусовъ. Но, какъ и католицизмъ, оно дѣлило людей на привилегированныхъ и безправныхъ, на рабовъ и господъ, на осужденныхъ и спасенныхъ отъ рожденія. Оно питало ханжество, ложное смиренномудріе и святошество; оно проповѣдывало истребленіе непокорныхъ; оно превращало религію въ полицейское орудіе; оно создало придворную церковь; оно не допустило прогрессивности въ религіи; оно вмѣсто папы римскаго превратило въ папу самого себя; оно сохранило въ себѣ старую католическую душу, только въ новой внѣшности, и воспользовалось филантропіей, какъ усыпляющимъ средствомъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть старыхъ цѣлей и обобрать въ свою пользу кроткаго Михеля.

Но многотерпѣливый и кроткій Михель наконецъ понялъ, что всѣ красивыя слова о смиреніи, покорности и земномъ терпѣніи—больше ничего, какъ лукавая штука, которой его обманываютъ, что въ проповѣди любви нѣтъ никакой любви, что, заставляя его протягивать нѣжныя объятія брату, его превращаютъ въ покорную наковальню, по которой другой братъ немедленно начинаетъ стучать молотомъ; единоспасающее ученіе о власти отъ Бога приноситъ пользу только тѣмъ, кто его проповѣдуетъ, а вовсе не ему. Что же дѣлать? Бороться и бороться, надѣяться на свои силы и не вѣрить медоточивымъ рѣчамъ коварнаго католическаго и лютеранскаго брата, который усыпляетъ, чтобы вѣрнѣе обобрать. И вотъ Михель очень оби-

дѣлся такимъ открытіемъ и, разсердившись, сталъ сжимать кулакъ и сцѣпился наконецъ со своимъ врагомъ. Упоенный своей отвагой, онъ провозгласилъ «волю народа» новымъ спасительнымъ началомъ, которое всѣхъ недовольныхъ сдѣлаетъ довольными, всѣхъ рабовъ—господами, всѣхъ бѣдныхъ—богатыми и всѣхъ несчастныхъ—счастливыми. Но и это упоеніе, какъ и нѣкогда послѣ гласа изъ Галилеи, оказалось иллюзіей и пріятнымъ сномъ.

Въ то время, какъ феодализмъ и демократизмъ вели свою борьбу на жизнь и смерть, явилось ученіе, манившее всѣхъ счастьемъ и обѣщавшее всѣмъ свободу и равенство. Но лукавое своекорыстіе поняло тотчасъ же, что этой новой штукой можно также удобно воспользоваться для фокусовъ, какъ нѣкогда католицизмомъ. Оно поняло, что новой штукой можно производить превосходныя волшебныя представленія, стоитъ только умѣть подбирать актеровъ. Этимъ новымъ орудіемъ лукаваго своекорыстія явилось ученіе о трехъ властяхъ и конституціонализмѣ. Написавъ новое красивое слово на своемъ знамени, лукавое своекорыстіе обошло съ нимъ всю западную Европу и вездѣ дало представленіе въ свою пользу.

Исторію этихъ представленій и разсказываетъ Шерръ въ своей книгѣ.

III.

Ученіе о спасительной золотой серединѣ нигдѣ не выказывалось практически въ такой несостоятельности, и нигдѣ мелочныя чувства актеровъ не обнаружили такой грандіозности ничтожества, какъ во Франціи въ 1848—1851 гг.

Главный жрецъ ученія о золотой серединѣ—Гизо, явившись руководящимъ свѣтомъ конституціонной фантасмагоріи, довольно скоро убѣдилъ французовъ, что въ золотой скорлупѣ внутри пусто; что теорія золотой середины не больше, какъ своекорыстная игра мѣщанства и его представителей, преслѣдующихъ подъ видомъ общаго блага свои мизерныя цѣли, свое кресло въ сенатѣ и свое чиновное жалованье. Французы не захотѣли видѣть больше этихъ фокусовъ. Они не захотѣли, чтобы, подъ видомъ исторіи, Гизо показывалъ имъ картины собственнаго рисованія. Парижъ поднялся и загудѣлъ. Раздался крикъ: «долой Гизо!»

Что дѣлать? Унять крикуновъ пушками, или же перемѣнить въ панорамѣ картину и вывести на сцену новыхъ актеровъ? Фабриканты политическихъ системъ, посовѣтовавшись, рѣшили, что, вмѣсто убыточной и опасной игры въ пушки, лучше перемѣнить актеровъ. И вотъ лукавая лисица Луи-Филиппъ посылаетъ за болтуномъ Тьеромъ—этимъ исправленнымъ изданіемъ Гизо, но менѣе искуснымъ эквилибристомъ. Видите, какъ легко дѣлается исторія!

«Ахъ, г. Тьеръ! какъ мы рады видѣть васъ,—говоритъ ему Манталиве.—Впрочемъ, его величество ждалъ этого отъ вашей преданности. Но пощадите короля!»—«Пощадить короля? Моя первая обязанность высказать ему истину», — отвѣчаетъ карликъ. Тьеръ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что у него въ карманѣ есть истина, которую стоитъ только вынуть изъ коробочки,—и міръ освѣтится новымъ свѣтомъ, и всѣ увидятъ его и увѣруютъ въ него.

«Есть ли у васъ наготовѣ министерство? мнѣ оно тотчасъ же нужно!» встрѣчаетъ Луи-Филиппъ Тьера —«Государь! я не ожидалъ, что меня призовутъ, и у меня нѣтъ готоваго списка министровъ».—«Вы знаете непріятное происшествіе, случившееся предъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ,—продолжалъ король,—правительство не можетъ этого поправить: это былъ случай, но дѣйствіе его было весьма неблагопріятно. Теперь мнѣ надо взять министерство изъ оппозиціи. Какихъ людей вы мнѣ выберете?» — И двѣ лисицы лукаво подбираютъ списокъ актеровъ, способныхъ показывать фокусы болѣе веселые и успокоительные, чѣмъ потерпѣвшее фіаско лавированіе Гизо, — актеровъ, болѣе искусныхъ въ отысканіи золотой середины и центра тяжести.

Маленькій Тьеръ послѣ совѣщанія съ Луи-Филиппомъ выбѣжалъ впопыхахъ изъ дворца и принялся рыскать по Парижу, отыскивая себѣ товарищей. Хлопоты увѣнчались кое-какимъ успѣхомъ, и Тьеръ, подобравъ компанію спасителей и кормчихъ для тонущаго корабля, возвратился съ ними къ королю. «Ну что, мой милый министръ?» — встрѣтилъ Луи-Филиппъ Тьера. — «Государь, мы явились попробовать, можемъ ли сойтись съ вами, но мы еще не ваши министры»,—отвѣчалъ Тьеръ.—«Вы сейчасъ ими будете. Что надо дѣлать?»—возражаетъ король. И вотъ начинается торговля, и служители золотой середины, начавъ съ концовъ, очень мирно сходятся на взаимномъ примиреніи. Тьеръ садится и пишетъ прокламацію: «Парижъ, 24 февраля, 10 ч. утра. Граждане! Приказъ прекратить всюду огонь отданъ. Мы получили отъ короля порученіе составить новое министерство. Палата будетъ распущена, и правительство обратится съ воззваніемъ къ народу. Свобода, порядокъ, реформы!» Но—увы!—во дворцѣ не оказывается типографіи, и буржуазное правительство падаетъ потому, что опоздало напечатать во-время прокламаціи. Народъ кричитъ: Долой нерѣшительныхъ! долой вялыхъ! Мы не хотимъ Тьера! Долой Людовика-Филиппа!» Эта неблагодарность народа, не желающаго принять спасительныхъ услугъ Тьера, очень огорчаетъ маленькаго человѣка. Но въ то же время онъ очень радъ, что можетъ выйти сухимъ изъ воды, и говоритъ королю: «Государь! я готовъ тотчасъ же отказаться». И опять составляется списокъ новыхъ спасителей отечества.

Но поздно и поздно! Исторія кончается тѣмъ, что Луи-Филиппъ снимаетъ орденскую ленту и шпагу, снимаетъ свой мундиръ, надѣваетъ, съ помощью королевы, статское платье и садится въ извозчичью карету, чтобы оставить Францію. Второпяхъ Людовикъ-Филиппъ забылъ свой портфель. «Портфель! мой портфель»,—кричитъ онъ изъ кареты. Кремье съ трудомъ просовываетъ въ каретное окошечко туго набитый портфель съ де-

нежными бумагами и старикъ, овладѣвъ своимъ сокровищемъ, кричитъ нетерпѣливо: «Partez! Partez donc!»

Теорія золотой середины оказалась, какъ видно, непрактической, и двусмысленное положеніе, изъ котораго не выходило правительство, не только не принесло ему никакихъ выгодъ, кромѣ денежныхъ, но даже то самое мѣщанство, которому такъ льстила іюльская монархія, обратилось противъ нея. Когда еще не все было кончено, королева убѣждала Луи-Филиппа «наэлектризовать» войска, разставленныя на Карусельной площади. Но увы! Сонныя и вялыя черты лица тихо плетущагося верхомъ короля скорѣе могли возбудить сожалѣніе, чѣмъ наэлектризовать кого нибудь,—говоритъ Шерръ. «Король подъѣхалъ сначала къ батальону національной гвардіи 1-го легіона, который встрѣтилъ его не крикомъ «Vive le roi», а крикомъ «Vive la réforme!» Людовикъ-Филиппъ подъѣхалъ къ командиру и сказалъ ему: «Вы можете увѣрить вашихъ гвардейцевъ, что они получатъ реформу. Я давно бы далъ ее, еслибы зналъ, что ее такъ живо желаетъ національная гвардія». Батальонъ 10-го легіона закричалъ тоже о реформѣ и получилъ тотъ же отвѣтъ. Когда же король подъѣхалъ къ батальону 4-го легіона, его встрѣтили еще знаменательнѣе: «Да здравствуетъ реформа, и долой министровъ!» Людовикъ-Филиппъ хотѣлъ говорить, но крикъ заглушилъ его голосъ. Батальонные офицеры махали шпагами, солдаты—ружьями, и всѣ вмѣстѣ кричали всеобщій, рѣшительно непріязненный возгласъ: «долой эту систему!»

Тяжелое впечатлѣніе произвела эта демонстрація на короля. Непріятно падать съ высоты той самоувѣренности, на которой стоялъ Людовикъ-Филиппъ, глубоко вѣровавшій въ безусловную непогрѣшимость своей системы, имѣвшей центръ тяжести въ мелочныхъ интересахъ партіи. Эта-то система и погубила короля. Нельзя ни самому имѣть нравственной силы, питая въ себѣ только мелочныя чувства эгоизма, ни создать прочный общественный порядокъ возбужденіемъ и поддержаніемъ тѣхъ же чувствъ въ другихъ. Не одно мелочное чувство своекорыстія управляетъ коллективными интересами человѣчества, иначе лабазникъ былъ бы величайшимъ идеаломъ человѣческихъ добле-стей.

А между тѣмъ жена Луи-Филиппа была глубоко убѣждена, что вся эта печальная исторія—простая интрига Тьера, Баро и Елены Орлеанской. Когда Людовикъ-Филиппъ подписалъ свое отреченіе въ пользу внука, графа Парижскаго, королева, обнявъ короля, сказала: «Дай Богъ, чтобы внукъ походилъ на тебя! Да, господа, король честнѣе васъ всѣхъ», и потомъ прибавила со злобой: «вы достигли теперь того, чего добивались, но вы раскаетесь въ этомъ!» Королева совершенно искренно думала, что, не будь шашни со стороны завистливыхъ людей, никакой бы революціи не случилось. Да изъ чего быть революціи, когда Людовикъ-Филиппъ—такой хорошій семьянинъ, такой банкиръ и такой ловкій и опытный въ коммерческихъ сдѣлкахъ человѣкъ? Для людей того же воспитанія, какъ жена Людовика-Филиппа, историческая борьба всегда или интрига, или напущеніе глупыхъ и неразумныхъ людей, или непокорство народа, возбужденнаго тоже какими нибудь негодяями. Для этихъ людей исторія есть борьба за цѣлость ихъ личнаго имущества, на которое каждый, по ихъ мнѣнію, ищетъ случая посягнуть. Но благодушество этого сельскохозяйственнаго воззрѣнія на исторію не обнаружилось нигдѣ во всемъ величіи своей наивности, какъ въ прокламаціи Фридриха-Вильгельма IV къ берлинцамъ въ этотъ же несчастный годъ. Эта, написанная очень тепло и сердечно, прокламація оканчивалась такъ: «Ваша всемилостивѣйшая королева, истинная мать и подруга, лежитъ на одрѣ болѣзни, но тѣмъ не менѣе присоединяетъ свои горячія слезныя просьбы къ моимъ». Король думалъ, что послѣ того, какъ берлинцы узнаютъ, что королева лежитъ на одрѣ болѣзни и всетаки проситъ ихъ успокоиться, они успокоятся и приведутъ въ прежній порядокъ улицы Берлина. При такихъ мелочныхъ чувствахъ можно ли ожидать отъ людей способности понимать исторію нѣсколько шире, чѣмъ ее понимали правительства?..

IV.

Республика 24 февраля не могла быть прочной. Конституціонное правленіе Людовика-Филиппа и Гизо, съ ихъ подкупами народныхъ представителей, лживостью и поощреніемъ денежной жадности, спекуляціи и стремленія къ наживѣ, не могло вести къ воспитанію въ среднемъ сословіи хорошихъ чувствъ, кромѣ чувствъ самаго узкаго своекорыстія. Поэтому даже самый робкій признакъ проведенія реформы на строгихъ экономическихъ началахъ наводилъ ужасъ на всю буржуазію, на всѣхъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Съ другой стороны, говоритъ Шерръ, друзья прежнихъ злоупотребленій, челядь реализма и жрецы золотого тельца—словомъ, вся эта орда коррупти-стовъ, разсѣянная 24 февраля по вѣтру, успѣла превосходно эксплоатировать страхъ этотъ въ свою пользу, такъ что, спустя нѣсколько недѣль, французскій и вообще европейскій филистеръ—а филистеровъ вѣдь многіе милліоны — смотрѣлъ на страшное, хотя и всѣмъ извѣстное слово «реформа», какъ на синонимъ грабежа, убійства, разбоя, раздѣленія имуществъ, общности женъ, постояннаго водворенія гильотины — однимъ словомъ, какъ на синонимъ всевозможнаго скотства и канибализма.

Люди съ мелкими чувствами, все низкое и подобострастное, всѣ заклятые враги, клеветники и противники лучшаго соціальнаго порядка, тѣмъ не менѣе, не преминули съ горячимъ воодушевленіемъ присягнуть въ вѣрности новому правительству республики. Всѣ, безъ различія сословій, спѣшили преклониться предъ новымъ кумиромъ. Генералы, адмиралы, прелаты, бюрократы, конституціоналисты, орлеанисты, легитимисты, бонапартисты клялись въ вѣрности республикѣ, а патеры во все гор-

ло восхваляли ее въ своихъ молитвахъ. Самые заклятые враги народа явились теперь его друзьями, восхваляли народное великодушіе, чарующую честность и справедливость. Но это была ложь, и ложь до того хорошо замаскированная, что иностранные дипломаты, люди, не принадлежащіе къ числу тупыхъ, были обмануты маскарадомъ чувствъ и доносили своимъ правительствамъ, что большинство искренно предано республикѣ. Когда 4 мая въ $5^1/_2$ ч. вечера на платформѣ бурбонскаго дворца показалось временное правительство, чтобы засвидѣтельствовать передъ народомъ, что республика признана единодушно, сотни тысячъ голосовъ единогласно закричали: «Да здравствуетъ республика», и всѣ безъ исключенія, не только республиканцы, но и орлеанисты, легитимисты, бонапартисты и іезуиты—всѣ, всѣ подняли руки въ знакъ торжественной подтвердительной клятвы.

А впереди уже предвидѣлось клятвопреступленіе,—говоритъ Шерръ.

До чего доходитъ лживость и себялюбивая мелочность своекорыстія, отдающагося то страху, то денежной жадности, то суетности и тщеславію, лучше всего показываетъ Ламартинъ. Человѣкъ этотъ изъ роялиста ореспубликанился въ одно мгновеніе. Этотъ мелочникъ, но одаренный талантомъ краснобайства, разсказываетъ про себя, что когда Марра обратился къ нему съ рѣчью, назвалъ его человѣкомъ будущаго и спросилъ: желаетъ ли онъ быть опекуномъ умирающаго королевства и министромъ созидающейся республики, Ламартинъ немедленно усѣлся въ оппозицію. «Онъ оперся на столъ локтями и закрылъ руками лицо. Онъ возносился внутренно къ Тому, Кто никогда не ошибается, чтобы Тотъ руководилъ имъ. Почти безъ движенія пробылъ онъ пять или шесть минутъ въ глубокомъ раздумьѣ». Такъ разсказываетъ про себя самъ Ламартинъ. И на него снизошло дѣйствительно вдохновеніе, и онъ объявилъ окружающимъ его республиканцамъ, что самъ *вдругъ* сталъ ярымъ республиканцемъ. И до того можетъ доходить ничтожество человѣческихъ чувствъ, что Ламартинъ не постыдился даже прикрыть свою ложь, свою трусость и свою суетность именемъ Того, Кто никогда не ошибается, и въ Комъ одномъ, по его словамъ, живетъ правда. Да и чего такимъ людямъ, какъ Ламартинъ, бояться кощунства?

Люди ламартиновскаго сорта преклоняются всегда передъ силой, въ какомъ бы видѣ она ни являлась. Они могутъ быть по очереди роялистами, республиканцами, орлеанистами, бонапартистами, легитимистами, революціонерами, соціалистами, коммунистами, анархистами—однимъ словомъ, чѣмъ хотите, если только имъ за это будетъ заплачено. Они перебѣгаютъ изъ одного лагеря въ другой съ легкостью балетной танцовщицы и жужжатъ и хлопочутъ, какъ муха на возу, желая выказать свое усердіе. Этотъ сортъ людей — самый опасный по своей измѣнчивости въ критическія минуты и самый мелкій по своимъ чувствамъ. Самый простой и грубый пролетарій, самый послѣдній фабричный рабочій — титанъ добродѣтели сравнительно съ этими измельчавшими людьми, ходящими въ раззолоченныхъ кафтанахъ и получающими жалованье за свое ничтожество. Какъ неизмѣримо выше ихъ держалъ себя французскій пролетарій въ то время, когда продажные друзья его сознательно клятвопреступничали. Блузники и пролетаріи, въ которыхъ буржуа видѣлъ разбойниковъ и воровъ, разгромивши тюльерійскій дворецъ, не тронули его сокровищъ; французскій банкъ, находившійся 24 февраля въ рукахъ инсургентовъ, остался неприкосновеннымъ, кассиры банка спокойно проносили по улицамъ среди «разбойниковъ и воровъ» мѣшки съ золотомъ, и не было сдѣлано ни одной попытки завладѣть хоть однимъ такимъ мѣшкомъ.

Слѣдующую ступень составляютъ политическіе либералы. Эти не такъ продажны, но зато болѣе трусливы и желаютъ быть непремѣнно «общими друзьями». Имъ по преимуществу одолжена своимъ процвѣтаніемъ теорія примиряющей середины, которою они думаютъ согласить крайности и уравновѣсить человѣческія страсти. Но такъ какъ это задача совершенно недостижимая, то политическій либерализмъ, помѣщающійся обыкновенно между крайностями, получаетъ всегда печальный характеръ. Его тянутъ влѣво, его тянутъ вправо; онъ склоняется то къ демократіи, то къ Людовику-Филиппу. Онъ не хочетъ идти заодно съ народомъ, но и не хочетъ безусловно продаться князьямъ—и такимъ образомъ онъ вѣчно раздваивается, вѣчно колеблется и, не принося пользы ни себѣ, ни тѣмъ крайностямъ, между которыми онъ качается, превращается наконецъ въ орудіе политической эксплоатаціи.

Вѣдь и французскую республику 1848 г. погубила шаткость убѣжденій и колебанія между старымъ и новымъ. Временное правительство хотѣло быть справедливо ко всѣмъ партіямъ и всѣмъ имъ понравиться. Оно тянулось къ разнымъ полюсамъ и потому не имѣло твердой точки опоры. Французская республика 48 г. вообразила, что, оставляя монархическія основы, т. е. централизацію, всемогущество Парижа и постоянное войско въ прежнемъ ихъ монархическомъ видѣ, можетъ существовать, какъ республика. И непослѣдовательность убила республику, и она вышла красивымъ словомъ безъ республиканскаго содержанія. Конечно, красивыя слова иногда много значатъ, но едвали въ такой степени.

Лживый конституціонализмъ, сохранившій свои корни въ республикѣ 1848 г., долженъ былъ привести къ болѣе вѣроятной исторической послѣдовательности. Если не могла быть послѣдовательной республика, то должна была взять перевѣсъ послѣдовательность не республиканская. А тутъ еще легіонъ политическихъ либераловъ и перебѣжчиковъ всѣхъ цвѣтовъ, которымъ ничего не стоитъ быть сегодня республиканцами или орлеанистами, а завтра монархистами или бонапартистами. Что же удивительнаго, если всѣми этими обстоятельствами воспользовался Наполеонъ III, хорошо знавшій, что мелочниковъ легко купить деньгами, по-

честями и страхомъ. Новѣйшая исторія не представляетъ большаго примѣра политическаго лукавства и большаго искусства пользоваться мелочными страстями для личныхъ цѣлей въ видахъ узурпаціи. Наполеонъ самъ прошелъ эту школу и потому зналъ хорошо тѣхъ, кто годился для его цѣлей. Наполеонъ былъ и карбонаріемъ, и соціалистомъ, и республиканцемъ, и заговорщикомъ; превратился потомъ въ деспота и, наконецъ, выкинулъ флагъ конституціонализма. И все это такъ искренно, и все это во благо любезной Франціи, для счастія которой онъ только живетъ и дышитъ. Какой безкорыстный патріотизмъ!

V.

Шерръ предлагаетъ читателю вообразить, что какое нибудь высшее существо вздумало въ одинъ прекрасный день выхватить изъ океана міровъ одну крошечную каплю—нашу землю, и помѣстить ее подъ микроскопъ. Изумленнымъ глазамъ наблюдающаго существа представилось бы то же, что вы видите въ водяной каплѣ—неустанная суматоха живыхъ существъ, разрывающихъ и пожирающихъ другъ друга въ безконечной взаимной борьбѣ.

Читая «Комедію всемірной исторіи», видишь, что это дѣйствительно неустанная суматоха живыхъ существъ, пожирающихъ другъ друга; что это даже вполнѣ организованная война, въ которой человѣкъ усиливается укрѣпить себя всѣми средствами своей изобрѣтательности, чтобы обезпечить себѣ по возможности болѣе удобное существованіе.

Историки обыкновенно изображаютъ коллективную борьбу, гдѣ идетъ народъ на народъ или слой на слой. Такими мелочами, какъ отдѣльный человѣкъ, исторія не занимается. Описаніе страданій и борьбы отдѣльныхъ людей и всѣхъ переживаемыхъ ими психологическихъ процессовъ историки предоставляютъ романистамъ и повѣствователямъ.

Но исторія начинается не съ коллективной борьбы; корень исторіи глубже. Онъ именно въ той области индивидуальной жизни, которую историки уступили романистамъ. Тѣ болѣе широкія и міровыя явленія, которыя рисуютъ историки, вырабатываются уже въ четырехъ стѣнахъ каждой хижины, каждой мужицкой избы и въ мозгу каждаго отдѣльнаго человѣка. Каждый человѣкъ есть творецъ исторіи, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, и какъ бы силы его ни были слабы.

Отъ того, что исторія какъ бы выгораживала отдѣльнаго человѣка и имѣла дѣло съ крупными общенародными явленіями, явились, съ одной стороны, слишкомъ преувеличенныя притязанія, и какіе нибудь Тьеры, Гизо, Наполеоны вообразили себя властителями историческихъ судебъ, а съ другой — маленькій, единичный человѣкъ умалился до ничтожества нуля, нисколько не воображая, что онъ — весьма почтенная единица.

Неуваженіе къ единицамъ, воображающимъ себя нулями, превосходно обрисовано у Шерра въ поведеніи маленькаго Тьера, ученаго жреца золотой середины Гизо, въ добродушномъ убѣжденіи французской королевы. Но, кажется, всѣхъ ихъ перещеголялъ прусскій правительственный органъ — «Allgemeine Preussische Zeitung», по словамъ которой февральскій переворотъ возникъ изъ двухъ мотивовъ—«измѣны» и «грубаго насилія». Фридрихъ-Вильгельмъ IV, подъ вліяніемъ собственно піетистическаго настроенія и подъ вліяніемъ своего набожнаго министра фонъ-Тиле, полагалъ, что прусское возстаніе затѣяно «буйной чернью», «ожирѣвшими анархистами», «иностранными революціонерами»—«исчадіемъ ада».

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ становится совершенно понятнымъ, почему историческая борьба имѣетъ характеръ безсознательно страстной кутерьмы. Никто не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, и лишь повинуется слѣпому чувству страха за свое существованіе. Только страхъ и консерватизмъ, въ привычкахъ и удобствахъ разъ свитаго гнѣзда, порождаютъ ту преувеличенную боязнь, которая какого нибудь Ламартина превращаетъ въ одну минуту изъ монархиста въ республиканца. Въ политическомъ поведеніи лишь тотъ будетъ послѣдователенъ, кто не считаетъ несчастіемъ лишиться мягкаго дивана и вмѣсто бѣлаго хлѣба ѣсть черный.

Но неужели въ этой безсознательности нѣтъ никакого свѣта? Неужели это только канибализмъ, прикрытый громкими фразами? Неужели это только соціально-экономическій фатализмъ, ведущій человѣчество безсознательно впередъ? Неужели человѣкъ только тщеславится своими высшими духовными способностями, а въ сущности отличается отъ двуногаго пѣтуха только тѣмъ, что не имѣетъ перьевъ?

Творцы политическихъ системъ и возницы исторической колесницы, сидѣвшіе до сихъ поръ на ея козлахъ,—какъ, напримѣръ, злополучные искатели золотой середины,—убѣждаютъ лучше всѣхъ, что интеллектуальный элементъ вождей мало помогалъ человѣчеству въ его борьбѣ за существованіе. Способнѣйшій человѣкъ XIX вѣка, Наполеонъ I, служитъ лучшимъ наглядымъ доказательствомъ того, какъ легко ошибаться и сбиваться съ пути, правя исторической колесницей. Наполеонъ хотѣлъ обновить общество цезаризмомъ и, не понявъ, что время цезаризма прошло, онъ, «мастеръ великой войны», въ концѣ концовъ долженъ былъ погибнуть въ самомалѣйшей битвѣ, въ поединкѣ съ клопомъ, въ ссорѣ съ Гудсономъ Лау,—говоритъ Шерръ.

Но тѣ же историческіе факты, указывающіе какъ бы на безсознательность борьбы, говорятъ, что въ этой борьбѣ есть идея, которую можно выслѣдить и опредѣлить: «Въ день собранія государственныхъ сословій въ Версали, 5 мая 1789 г.,—разсказываетъ Шерръ,—когда король, послѣ произнесенной имъ рѣчи, накрылся своею украшенною перьями шляпою, и когда вслѣдъ за тѣмъ представители церкви надѣли свои красныя и фіолетовыя баретки, а дворяне украсились шляпами со вздернутыми кверху полями,—люди дѣловой сферы также плотно нахлобучили на свои буржуазныя головы вислоухія шапки». И это значило: съ этихъ поръ и мы, бур-

жуа, хотимъ быть соучастниками въ управленіи государствомъ. Наполеонъ I погибъ потому, что не понялъ этого; іюльская монархія погибла тоже потому, что не поняла дальнѣйшаго развитія той же идеи; Наполеонъ III возбудилъ противъ себя теперешнее неудовольствіе Франціи по той же причинѣ. Въ чемъ же сущность идеи, двигающей людьми по двумъ противоположнымъ направленіямъ и приводящей къ подобнымъ печальнымъ столкновеніямъ? Сочиненіе нашего соотечественника, Димитрія Глинки, «Наука о человѣческомъ обществѣ», даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Причина борьбы заключается въ столкновеніи идеи права съ идеей свободы.

Сочиненіе г. Глинки служитъ какъ бы дополненіемъ къ «Комедіи всемірной исторіи» Шерра. Только по прочтеніи той и другой, картины человѣческаго недомыслія и своекорыстныхъ политическихъ стремленій получаютъ смыслъ, и вы разсортируете бойцовъ и каждому изъ нихъ отведете пристойное мѣсто.

Исходя изъ абстрактной идеи о правѣ и справедливости, г. Глинка впадаетъ иногда въ юридическія противорѣчія и приходитъ къ выводамъ митермайеровскаго цвѣта. Но въ интересующемъ насъ вопросѣ мы не придаемъ этому особенной важности и обратимъ вниманіе читателя только на тѣ мысли г. Глинки, въ которыхъ усматриваемъ непосредственную связь съ историческими картинами Шерра.

VI.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили на путь юридическихъ размышленій и стали засѣдать въ судахъ въ качествѣ присяжныхъ, мы очень полюбили юридическую науку и любимъ толковать о правахъ, обязанностяхъ, свободѣ и т. д. Но все это въ устахъ говоруновъ не больше, какъ красивыя слова, о которыхъ очень немногіе имѣютъ ясное представленіе. Мы не будемъ взыскательны къ своимъ почтеннымъ соотечественникамъ не потому, чтобы по новости дѣла они не знали, о чемъ говорятъ, а потому, что и сама наука, спеціально трактующая о правахъ, не всегда понимаетъ то, о чемъ она трактуетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое право, о которомъ каждый разсуждаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что достаточно сказать слово, чтобы понять его смыслъ? Даже такіе представители борьбы за свободу, какъ американцы, въ декларации 1776 г. провозгласили, что всѣ люди созданы равными и потому одарены Создателемъ нѣкоторыми неизмѣнными правами, какъ *жизнь. свобода, стремленіе къ счастью*. Неужели жить для человѣка есть юридическое право? неужели для него право—дышать, видѣть, слышать, обонять? неужели потребности организма нуждаются въ подтвержденіи ихъ парламентскимъ актомъ, и если новорожденному младенцу не будетъ положенъ въ колыбель пергаментъ за подписью полицейскаго префекта на право дышать, ѣсть, чувствовать и мыслить, то ребенокъ не смѣетъ жить? А между тѣмъ сколько есть людей, которые думаютъ, что человѣкъ пользуется жизнью не потому, что онъ родился для жизни, а потому что кто-то далъ ему на это письменное разрѣшеніе.

Потребности, лежащія въ основѣ борьбы человѣка за существованіе, сами по себѣ не право, а только ближайшій его источникъ.

Чтобы человѣкъ могъ удовлетворять своимъ потребностямъ, онъ долженъ пользоваться произведеніями и силами природы. Но произведенія и силы природы только тогда дѣлаются способными служить человѣку, когда онъ своимъ трудомъ сдѣлаетъ ихъ для того пригодными. Человѣкъ овладѣваетъ предметами посредствомъ труда, измѣняетъ ихъ первоначальную форму и этимъ приспособленіемъ ихъ къ своимъ нуждамъ какъ бы кладетъ на нихъ свою печать, свидѣтельствующую о связи трудившагося съ результатами его труда. Это-то и есть право въ первомъ его моментѣ.

Ближайшая форма права имѣетъ такимъ образомъ экономическую сущность и является въ видѣ права собственности. Поэтому право не есть готовая способность или отвѣтственность, а идея, имѣющая прямое отношеніе къ дѣйствительности и устанавливаемая фактомъ. Нужно, слѣдовательно, чтобы прежде всего существовалъ предметъ и затѣмъ воздѣйствіе на него человѣка, которымъ, т. е. воздѣйствіемъ, предметъ этотъ и обращается въ предметъ права.

Но право, кромѣ выраженія его во внѣшнихъ предметахъ, на которыхъ очевидны слѣды человѣческаго труда, можетъ выражаться и въ менѣе осязательной формѣ. Дѣятельность человѣка можетъ быть направлена на развитіе духовныхъ и физическихъ способностей, можетъ быть перенесена въ интеллектуальную сферу, и тогда бываетъ труднѣе различить происхожденіе права.

Право, проявляющееся въ дѣйствіи на какой либо реальный предметъ, можетъ быть всегда обозначено точно. Это право опирается всегда на дѣйствительные факты, имѣющіе положительные признаки, и потому называется *положительнымъ*.

Другой же видъ права, обусловливающійся измѣненіями въ органахъ тѣла и усовершенствованіемъ свойственныхъ человѣку способностей, не можетъ быть подвергнутъ точному изслѣдованію, потому что сама внутренняя природа человѣка намъ еще недостаточно извѣстна. Такимъ образомъ, видя несомнѣнность дѣятельности человѣка на развитіе самого себя и своихъ органовъ, мы всетаки не въ состояніи прослѣдить эту дѣятельность до ея корня и обозначить ея объемъ, а потому и не можемъ назвать такое право положительнымъ.

Право, какъ я уже сказалъ, вовсе не есть нѣчто готовое и составляющее одинъ изъ элементовъ земной атмосферы. Чтобы вышло право, нуженъ предметъ и нужно дѣйствіе. Чтобы явилось право, нужно, чтобы вы направили свой трудъ на какой нибудь реальный предметъ, и чтобы трудъ вашъ проявился въ извѣстномъ результатѣ. Только трудъ даетъ вамъ право на предметъ, и лишь въ вашемъ трудѣ ваше право. Слѣдовательно, право имѣетъ экономическую основу и заключается въ присвое-

нiи предмета на интеллектуальную или физическую потребность.

Но одно обращеніе труда на предметъ или присвоеніе предмета не создаетъ еще права, какъ юридическаго понятія. Право получаетъ свой раціональный характеръ только тогда, когда оно проникнуто идеей, и тогда только оно становится правомъ. Идея права есть поэтому главный двигатель всѣхъ результатовъ проявленія права. Дѣйствіе человѣка, освобожденное отъ идеи права, есть не больше, какъ одно побужденіе, вызывающее дѣятельность. И животныя не лишены этого побужденія, но въ ихъ дѣятельности нѣтъ главнаго момента, который образуетъ права, т. е. идеи.

Такъ какъ идея права есть чисто разсудочное движеніе, то путемъ логическаго развитія оно можетъ идти безгранично, до крайнихъ выводовъ и уродливостей, если не встрѣтитъ никакихъ препятствій. При такомъ развитіи идеи человѣкъ можетъ считать свое право на вещи вѣчнымъ; онъ даже считаетъ своею собственностью пищу, перешедшую въ тѣло другого человѣка. Семейный деспотизмъ и чудовищное законодательство римлянъ являются прямымъ послѣдствіемъ такого логическаго развитія, не встрѣчающаго предѣла. Женщина испытывала и испытываетъ на себѣ эту логическую уродливость въ развитіи права. Что такое выкупъ невѣсты или приданое, какъ не плата за то, что женщина съѣла или съѣстъ въ будущемъ? У магометанъ существуетъ обычай платить за невѣсту такъ называемый калымъ. Калымъ—не что иное, какъ плата за всѣ тѣ предметы, которые женщина потребила въ своемъ родительскомъ домѣ. Мущина, заплатившій за эти предметы, считается выкупившимъ то право, которое имѣлъ на женщину человѣкъ, ее вскормившій. Выкупившій это право пріобрѣтаетъ его себѣ и становится такимъ образомъ господиномъ своей жены. И у насъ между крестьянами нѣкоторыхъ губерній платится *выводъ*, имѣющій тотъ же смыслъ. У древнихъ римлянъ принципъ права родительской власти былъ доведенъ до того, что ребенокъ считался не больше, какъ произведеніемъ отца, который могъ обращаться съ нимъ, какъ и со всякою вещью. Отецъ могъ подарить, продать и даже убить своего ребенка. Еще чудовищнѣе проявилась логика права въ отношеніи должниковъ. Римляне разсуждали: такъ какъ собственность заимодавца перешла къ должнику на удовлетвореніе его потребностей и, слѣдовательно, превратилась въ его собственную сущность, то очевидно, что кредиторъ, не получающій обратно долга, имѣетъ право на эту сущность. Поэтому законъ позволялъ кредиторамъ схватить должника и разрѣзать его на части, соотвѣтственно причитавшейся каждому суммы. Это право сопровождалось самой адской юридической оговоркой, что если кредиторъ отрѣзалъ отъ тѣла должника часть больше той, какая ему слѣдуетъ,—это не ставится ему въ вину.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ право является въ формѣ собственности очевидной и осязаемой. Люди, занявъ необитаемую землю или явившись куда нибудь переселенцами, захватываютъ каждый такое пространство, какое ему необходимо, и тѣ предметы, которые нужны ему для его существованія. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія и по мѣрѣ занятія предметовъ, число послѣднихъ будетъ уменьшаться, и каждый человѣкъ увидитъ себя наконецъ окруженнымъ такими предметами, которые уже заняты другими людьми. Если при этомъ люди не захотятъ уважать правъ другъ друга, вздумаютъ употребить насиліе, чтобы завладѣть предметомъ уже занятымъ, то существованіе подобнаго общества окажется невозможнымъ. Вотъ откуда является право перваго завладѣнія.

Изъ того, что каждый долженъ беречь право другого, непремѣнно вытекаетъ, какъ необходимое условіе, его всеобщность; иначе исчезнетъ всякое понятіе о правѣ. Умъ и высшее интеллектуальное развитіе ничего при этомъ не значатъ. Если признать ихъ господство въ правѣ, то придется отобрать все отъ глупыхъ и отдать умнымъ. Но гдѣ же граница между умомъ и глупостью? Если основаніемъ для права считать только умственное развитіе и изобиліе свѣдѣній, то этимъ самымъ придется уничтожить идею правосудія, вытекающую изъ права, и замѣнить ее насиліемъ. Одно время цивилизованная Европа примѣняла этотъ принципъ и оправдывала своимъ нравственнымъ превосходствомъ захваты земель американскихъ и другихъ дикарей. Теперь этотъ принципъ, кажется, исчезъ, и обладаніе даже самымъ высокимъ умомъ не считается правомъ на присвоеніе чужой собственности.

По мѣрѣ развитія первобытнаго общества, завладѣвшаго всѣми свободными предметами, находящимися на поверхности земли, является необходимость въ изощреніи своихъ способностей, въ пріобрѣтеніи ловкости, навыка, знанія для извлеченія предметовъ изъ нѣдръ земли и для такого утонченнаго пользованія силами природы, при которомъ возникаютъ науки, искусство,—дѣятельность человѣка развивается, совершенствуется, и человѣческія отношенія усложняются. Такъ какъ каждый человѣкъ вырабатываетъ самъ себѣ свое собственное право обращеніемъ своей дѣятельности на внѣшніе предметы, или на улучшеніе своихъ собственныхъ силъ и средствъ, то и возникаетъ довольно сложное сочетаніе правъ отдѣльныхъ людей, образующихъ извѣстное общество. Изъ этого осложненія отношеній являются разные виды гражданскаго права, опредѣляющіе предѣлъ и размѣръ власти человѣка надъ предметами его права. Эти права опредѣляются имущественными законами—о собственности, ссудѣ, залогѣ, дарѣ, куплѣ, продажѣ, завѣщаніи, договорѣ и т. д.

Чтобы человѣкъ могъ пользоватсья безобидно своими правами, не боясь насилія со стороны своего сосѣда, нужно, чтобы взглядъ его на право подчинялся извѣстной дисциплинѣ. Когда каждый воображаетъ, что только онъ одинъ обладаетъ превосходствомъ надъ предметами природы, то изъ этого, какъ мы уже говорили, возникаетъ прин-

цинъ насилія, и общественная жизнь дѣлается невозможной. Ясно, что для возможности общественной жизни слѣдуетъ допустить, что каждый обладаетъ такимъ же превосходствомъ, и что всѣ люди одарены тѣмъ разсудочнымъ началомъ, которое ихъ можетъ сдѣлать властелинами природы. Признаніе этого равенства порождаетъ идею правосудія, непосредственно вытекающую поэтому изъ идеи права. Но идея правосудія кроется въ субъективномъ представленіи. Она получаетъ общественное значеніе лишь тогда, когда всѣ люди будутъ понимать ее одинаково. Допуская произвольное толкованіе каждымъ правосудія по своему, мы придемъ къ невозможности совмѣстной жизни, и потому, чтобы этого не случилось, общество должно выяснить и опредѣлить идею правосудія для всеобщаго одинаковаго ея пониманія. Это выясненіе и дѣлается законодательствомъ. Обязанность законодательства—указать границы внѣшнему проявленію права и установить правила и обезпеченіе въ пользованіи сдѣлками, вытекающими изъ пользованія правомъ. Но чтобы законодательство достигло вполнѣ своей обезпечивающей и гарантирующей цѣли, законодатели должны прежде всего выяснить себѣ точно идею справедливости. Это дѣло вовсе не легкое. Нравственное равенство, которое должно быть установлено законодательствомъ, разлагается на множество второстепенныхъ идей и требованій. Неполное удовлетвореніе ихъ ведетъ къ несправедливости, что мы и видимъ повсюду въ постановленіяхъ семейнаго права и особенно относительно правъ женщины.

Изъ идеи права вытекаетъ еще другая идея, какъ бы видоизмѣняющая ея характеръ, и въ этомъ новомъ моментѣ право называется властью. Властью называется такое право, которое съ предметовъ вещественнаго міра перенесено на человѣческія существа. Идея власти коренится и зарождается въ семейномъ началѣ, въ той невольной зависимости, которой подчиняются дѣти родителямъ. Превосходство старшихъ надъ младшими устанавливаетъ въ послѣднихъ такія привычки, что дѣти формируются и вступаютъ впослѣдствіи въ общество уже готовыми подчиняться власти. Здѣсь между тѣми, кто предписываетъ свою волю другимъ, и кто ее принимаетъ, не существуетъ никакихъ сдѣлокъ, и потому объяснять происхожденіе власти договоромъ оказывается невозможнымъ.

При возникновеніи власти, человѣкъ вовсе не допускаетъ идеи, что ближній его одаренъ одинаковымъ съ нимъ достоинствомъ, но исключительно настаиваетъ на собственномъ превосходствѣ надъ принадлежащими ему предметами, еслибы они даже обратились въ самую природу другого человѣка. Отецъ поэтому считаетъ себя полнымъ властелиномъ кормимыхъ и воспитываемыхъ имъ дѣтей и кормимой имъ жены, и если идею власти не будетъ ничто задерживать въ ея логическомъ развитіи, то она можетъ дойти до того абсурда, который мы встрѣчаемъ въ римскомъ правѣ. Уродливому проявленію идеи права, въ разныхъ его развѣтвленіяхъ, доводимому наконецъ крайнимъ развитіемъ власти до обезличенія человѣка, кладетъ предѣлъ идея свободы.

VII.

Итакъ, если идея права не встрѣчаетъ противовѣса, то она, какъ разсудочное движеніе, можетъ дойти до крайности. Личность исчезаетъ изъ общества, духовное достоинство не признается, и суровая логика приводитъ къ тому, что отдѣльныя единицы подчиняются посторонней волѣ одного или многихъ деспотовъ. Востокъ довелъ эту логику до степени опеки, вторгающейся въ самыя сокровенныя чувства опекаемаго. Если право, развивающееся въ такомъ направленіи, не можетъ ни прекратиться, ни измѣниться, то оно кончаетъ тѣмъ, что поглощаетъ всѣ личныя права человѣка или задерживаетъ ихъ проявленіе. Но это крайнее завладѣніе чужою личностью возбуждаетъ въ стѣсненной личности желаніе дать отпоръ подавляющему ее чужому праву. Подавленная личность не хочетъ быть безгласнымъ и безотвѣтственнымъ орудіемъ, но желаетъ распоряжаться сама, по собственному своему усмотрѣнію, своими силами и средствами. Вытекающее изъ этого желанія разсудочное движеніе, противодѣйствующее праву, называется идеей свободы.

Идея свободы дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи съ идеей права, составляя оппозицію ему и установленному имъ порядку вещей. Но она не ведетъ къ прямымъ результатамъ, какъ право. Она является, напротивъ, отрицающей силой, сокращающей, удерживающей и измѣняющей право. Право, какъ положительное дѣйствіе, направленное на матеріальный предметъ, налагаетъ на другихъ стѣсненіе, тогда какъ свобода, противодѣйствующая идеѣ права, уничтожаетъ это стѣсненіе и даетъ просторъ личности.

Идея свободы имѣетъ всеобщее значеніе и отличается тенденціей поражать право на всѣхъ его пунктахъ. Въ своей всеобщности она рѣзко отличается отъ идеи права, и въ этой-то всеобщности заключается основной признакъ, по которому въ спорныхъ случаяхъ можно безошибочно рѣшить, какія явленія принадлежатъ къ области права, и какія проявляютъ въ себѣ идею свободы. Что же именно слѣдуетъ понимать въ извѣстномъ явленіи подъ правомъ или свободой?

Чтобы явилось право, нуженъ матеріальный предметъ, и нужна дѣятельность человѣка. А такъ какъ жить и трудиться есть прирожденное свойство человѣка, а не право, какъ думаютъ ученые юристы, то, слѣдовательно, у каждаго человѣка есть и должны быть права. Но успѣшность труда зависитъ отъ разныхъ условій, отъ силъ и способностей трудящагося и отъ внѣшнихъ причинъ, стѣсняющихъ или поощряющихъ дѣятельность. Поэтому ясно, что размѣръ и количество правъ каждаго человѣка будутъ различны. Чѣмъ дѣятельность шире, чѣмъ плодотворнѣе ея результаты, тѣмъ больше и правъ у человѣка. Чѣмъ же всего этого меньше, тѣмъ и правъ меньше.

Но свобода—иное дѣло. Свобода не дается трудомъ и не требуетъ никакихъ печатей и клеймъ для прцзнанія ея принадлежности тому или другому лицу. Стремленіе къ свободѣ есть такое же прирожденное свойство человѣческаго организма, какъ потребность въ пищѣ и въ питьѣ. Человѣкъ уже родится со стремленіемъ къ свободѣ и, спеленутый грудным младенцемъ, своими еще слабыми ручонками и ножонками дѣлаетъ оппозицію усердію матери, закутывающей его въ свивальникъ. Поэтому всеобщность свободы имѣетъ другой характеръ, чѣмъ всеобщность права. Право вы должны себѣ создать; со свободой мы родимся. Вотъ гдѣ главнѣйшій признакъ, по которому можно отличить безошибочно явленія права отъ явленій свободы. Если, предположимъ, зашла бы рѣчь о неприкосновенности жилища—о чемъ рѣчь: о правѣ или о свободѣ? О правѣ, потому что законъ этотъ гарантируетъ только тѣхъ, у кого есть жилища или дома. Но если говорятъ о неприкосновенности лица—о чемъ рѣчь? О свободѣ, ибо каждый человѣкъ долженъ быть неприкосновененъ. Точно также учиться не есть право, потому что всякій нуждается въ знаніяхъ; слѣдовательно, все, ограничивающее пріобрѣтеніе познаній, есть ограниченіе свободы. Правоспособность перемѣнить отечество или перейти въ другое состояніе не составляютъ вопроса права, а вопросъ свободы, ибо если мы разъ допустимъ, что свобода есть прирожденное человѣку условіе для его соціально-экономическаго процвѣтанія и развитія, то и все то, чѣмъ обусловливается возможность развитія, будетъ принадлежать къ области идеи свободы. Всякое ограниченіе труда есть поэтому нарушеніе принципа свободы, и право на трудъ существовать не можетъ.

Идея свободы, противодѣйствуя праву, измѣняетъ его. Понятіе о правѣ не можетъ быть вѣчнымъ и измѣняется по мѣрѣ развитія общества, по мѣрѣ того, какъ улучшаются способности людей, и увеличиваются ихъ потребности. Усиливающаяся дѣятельность требуетъ больше простора и, слѣдовательно, больше свободы. Въ моменты большаго умственнаго развитія люди перестаютъ уважать тѣ права, которымъ они прежде оказывали почтеніе, сжимаютъ эти права въ болѣе тѣсные предѣлы и даже измѣняютъ ихъ смыслъ. Если противодѣйствіе праву въ подобные моменты исторической жизни принимаетъ до того широкіе размѣры, что оказываются необходимыми большія коренныя перемѣны въ законодательствѣ, то этотъ фактъ указываетъ на наступленіе для общества новаго порядка вещей. Напримѣръ, рабство или крѣпостное право есть не больше, какъ крайне послѣдовательное логическое развитіе идеи права. Общество, построенное на подобной идеѣ, будетъ у себя имѣть и все законодательство, приспособленное для его поддержанія. Но вотъ мысли и чувства людей улучшаются настолько, что общество перестаетъ считать рабство правомъ. Признавъ всеобщность свободы, общество измѣняетъ все свое законодательство согласно своему новому взгляду, и для общества возникаетъ совершенно новый порядокъ вещей, построенный на иномъ принципѣ.

Еслибы абстрактная идея права никогда не сокращалась и, отличаясь вѣчной живучестью, росла и развивалась въ логической послѣдовательности, то узелъ затянулся бы до того, что наконецъ одинъ человѣкъ съѣлъ бы всѣхъ. Когда право развивается безъ удержу, то число лицъ, владѣющихъ имъ, постоянно сокращается, является произволъ, и люди превращаются въ простыя машины, лишающіяся всякой свободы дѣйствій. До этого обыкновенно не доходило, но близкія состоянія бывали. Отчего же можетъ явиться подобное положеніе въ обществѣ, когда идея права развивается, повидимому, несомнѣнно правильнымъ логическимъ путемъ? Вотъ тутъ-то юристы и должны понять, что ихъ безпощадная логика, создавшая множество безпощадныхъ результатовъ,—напримѣръ, совершенно логически приведшая къ тому, что Торквемада замучилъ 100 т. людей на основаніи совершенно правильныхъ логическихъ построеній,—есть знаніе одностороннее. Право тѣмъ полнѣе, чѣмъ оно строже въ своей логической послѣдовательности, но тутъ-то именно и обнаруживается абсурдъ его односторонности. Соціальныя явленія—явленія слишкомъ сложныя, чтобы ихъ можно было опредѣлить и мѣрить съ точки зрѣнія одного принципа, считаемаго непогрѣшимымъ. На общество нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія одного принципа и признавать непогрѣшимымъ только тотъ порядокъ вещей, который вытекаетъ изъ этого принципа. Общество держится не одной идеей: оно слагается изъ множества соціальныхъ элементовъ, и каждый изъ нихъ хочетъ жить и развиваться. Поэтому, пока общество не измѣнило своихъ понятій, оно можетъ держаться въ своемъ прежнемъ строѣ; если же по мѣрѣ развитія требованій являются новыя идеи, то эти идеи должны порождать и новые факты, и только тогда общество будетъ держаться въ равновѣсіи. Но если фактами, порождаемыми прежними идеями и новыми идеями, неосуществляющимися въ этихъ фактахъ, нарушится логика общественной жизни,—общество необходимо должно волноваться. Если при этомъ право уступитъ мѣсто свободѣ, то равновѣсіе въ обществѣ можетъ установиться мирнымъ путемъ, въ противномъ же случаѣ является борьба. Наиболѣе грандіозный фактъ подобнаго столкновенія права и свободы представляетъ французская революція 1789 г.

Французская революція, о которой мы говоримъ, въ своей именно грандіозности и представляетъ наибольшую поучительность. Ее породило столкновеніе двухъ противоположныхъ понятій, выразившихся практически въ двухъ противоположныхъ движеніяхъ. Вся запутанность отношеній, выразившаяся въ волненіи, продолжавшемся такъ долго, произошла именно отъ того, что число новыхъ идей было слишкомъ велико, также какъ были слишкомъ велики число и интенсивность противодѣйствовавшихъ имъ юридическихъ софизмовъ. Но число этихъ софизмовъ, составляв-

шихъ какъ бы исключительныя привилегіи, уже по этому одному было количественно меньше идеи свободы, представляющей бо́льшую всеобщность, чѣмъ идея права. Вотъ почему въ подобныхъ движеніяхъ всегда является перевѣсъ большинства. Свобода присуща каждому; право—нѣтъ. Только поэтому въ моменты всеобщаго смятенія всемогущество переходитъ всегда на сторону большинства; только оно беретъ верхъ и только оно рѣшаетъ общественные вопросы. Тотъ голосъ является болѣе сильнымъ, который слышенъ большему числу людей, и только тотъ является властелиномъ, кто умѣетъ быть понятнымъ большинству. Но вѣдь это большинство состоитъ изъ существъ разумныхъ; стихійность его—только въ его несокрушимости, а не въ тѣхъ качествахъ, которыя бы уподобляли его океану, вихрю, громовой тучѣ. Поэтому на силу большинства нельзя смотрѣть, какъ на силу чисто физическую; ее нужно признать орудіемъ разумнаго принципа.

Когда борьба идеи свободы съ идеей права получаетъ всеобщій характеръ, — это служитъ неоспоримымъ признакомъ ея сознательности. Подобная борьба есть несомнѣнный результатъ пробудившейся идеи свободы. Но борьба свободы съ властью можетъ быть случайно вызвана насильственными дѣйствіями, возбудившими частное неудовольствіе. Въ послѣднемъ случаѣ по прекращеніи борьбы все приходитъ въ прежній порядокъ, тогда какъ въ первомъ—въ общественныхъ отношеніяхъ страны являются большія или меньшія коренныя перемѣны.

Своимъ противодѣйствіемъ насилію идея свободы ведетъ борьбу на почвѣ общественнаго права, и съ этого она обыкновенно начинаетъ. Но та же идея свободы и по тѣмъ же причинамъ идетъ протестомъ и противъ личнаго права. Когда въ обществѣ по какимъ либо причинамъ права развиваются неравномѣрно, то непремѣннымъ слѣдствіемъ этого оказывается слишкомъ большой имущественный перевѣсъ однихъ людей надъ другими. У однихъ слишкомъ много, у другихъ слишкомъ мало, и каждый малоимущій чувствуетъ, что его подавляетъ матеріальный элементъ чужого права. Борьба за существованіе или такъ называемый инстинктъ самосохраненія заставляетъ человѣка желать освободиться отъ излишняго невыносимаго имъ гнета. А какъ сущность идеи свободы только и заключается въ томъ, чтобы уменьшать подавляющее вліяніе, производимое на человѣка чужими правами, то въ настоящемъ случаѣ она и направится противъ права частной собственности. Право будетъ стремиться закрѣпить собственность, свобода—потрясти или даже разрушить ее. Законодательство, на которое идея свободы обнаружитъ свое вліяніе, будетъ клониться къ ограниченію личныхъ правъ и къ перенесенію тягости съ неимущихъ на имущихъ. Въ своемъ крайнемъ развитіи идея свободы, перенесенная на экономическую почву, можетъ дойти даже до отрицанія права въ человѣкѣ пользоваться талантомъ въ свою собственную пользу. Личность подчинится вполнѣ обществу, и личная польза будетъ поглощена пользой общественной.

Какъ изъ идеи права возникла идея справедливости, такъ и изъ идеи свободы исходитъ идея равноправности. Свобода признаетъ равное духовное достоинство людей и поэтому стремится противодѣйствовать тому неравенству правъ, которое закрѣпляетъ юридическая софистика, имѣющая въ виду поддержать существующій порядокъ вещей. Поэтому равноправность является движеніемъ противоположнымъ правосудію, какъ сила, расшатывающая то, что правосудіе хочетъ увѣковѣчить.

Равноправность имѣетъ своей задачей водворить между людьми нравственное равенство. Но нравственное равенство отдѣльныхъ людей, совсѣмъ не такая вещь, которую бы можно было точно опредѣлить юридическими вѣсами и для каждаго отдѣльнаго случая точно обозначить буквою закона. Такой точности поддается только право, касающееся матеріальныхъ предметовъ, пользованіе и владѣніе которыми можетъ быть всегда опредѣлено съ математическою точностью. Неподдающаяся подобному измѣненію равноправность ведетъ неизбѣжно къ субъективному взгляду на соціальныя явленія. Вотъ почему суды, развивающіеся подъ идеею равноправности, соображаются болѣе съ общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ примѣняются къ буквѣ закона.

Каждой идеѣ, возникающей изъ права, идетъ навстрѣчу противоположный потокъ, вытекающій изъ идеи свободы. Такимъ потокомъ, вытекающимъ изъ идеи свободы, является нравственность, противодѣйствующая идеѣ справедливости. — Считаю однако необходимымъ оговориться. Обыкновенный читатель, выросшій на ходячихъ убѣжденіяхъ, слыша, напримѣръ, что нравственность является противовѣсомъ справедливости, долженъ почувствовать нѣкоторую неловкость въ мысляхъ и чувствахъ. Но въ этомъ не будетъ нисколько виноватъ авторъ настоящей статьи, который и не думаетъ наносить никакого оскорбленія ни нравственности, ни справедливости. Сущность понятій остается та же, и сущность гуманныхъ, хорошихъ чувствъ и правильныхъ мыслей нисколько не нарушается тѣмъ, что старымъ словамъ дается болѣе точное, широкое, а иногда и новое опредѣленіе. Если читатель будетъ имѣть терпѣніе дочитать мою статью до конца, то онъ убѣдится, что излагаемыя въ ней нравственныя понятія нисколько не противорѣчатъ хорошимъ чувствамъ самого читателя, а только освѣщаютъ ихъ вѣрнымъ пониманіемъ. — Итакъ, идея нравственности идетъ навстрѣчу идеѣ справедливости. Обѣ эти идеи признаютъ равное духовное достоинство людей относительно вещественныхъ предметовъ; но идея справедливости хочетъ сохранить все созданное правомъ, тогда какъ нравственность побуждаетъ человѣка къ самопожертвованію. Идея справедливости, какъ вытекающая изъ права, формулируется и опредѣляется законодательствомъ и поддерживается судебными учрежденіями, тогда какъ

нравственность, какъ и свобода, законодательнымъ предписаніямъ не поддается. Нравственность создается воспитаніемъ, религіознымъ міровоззрѣніемъ, примѣрами, умягченіемъ чувствъ, но не можетъ быть предписана никакими законами. Обращаясь къ каждому человѣку отдѣльно, нравственность исключаетъ всякую точно установленную коллективность поведенія. Навязываемая же силой, она перестаетъ быть нравственностью и будетъ результатомъ насилія. Справедливость не имѣетъ этой спеціальной черты и сохраняетъ свой основной характеръ, несмотря на то, какъ она исполняется—добровольно или по принужденію.

Нравственность является тоже врагомъ права, потому что противодѣйствуетъ эгоизму и своекорыстію чувствъ, сопровождающихъ право. Въ то время какъ идея права побуждаетъ человѣка стѣснять чужія права, идея нравственности, напротивъ, заставляетъ отказываться отъ своихъ правъ въ пользу ближняго. Идея нравственности поэтому имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ воспитаніи чувствъ и является той силой, которая, по мѣрѣ ея всеобщности и глубины, служитъ однимъ изъ основныхъ орудій, смягчающимъ человѣческія отношенія и умягчающимъ своекорыстное эгоистическое давленіе права. Наиболѣе поразительный историческій примѣръ этого рода представляетъ знаменитая ночь 4 августа 1789 г., когда привилегированныя сословія Франціи добровольно отказались отъ своихъ правъ. Въ послѣдующую свою исторію Франція подобныхъ чувствъ не обнаруживала и меньше всего показала ихъ въ февральскую революцію. Въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Франціи стояла всегда Англія. Англійская аристократія была всегда преисполнена хорошими чувствами и нравственными побужденіями во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свободѣ приходилось сталкиваться съ силой. Англійская аристократія никогда не торговалась изъ-за грошей, всегда несла на себѣ главнѣйшія тягости, всегда умѣла прислушиваться къ голосу людей, которые по своему слабосилію владѣли меньшимъ числомъ правъ, и всегда во-время уступала протесту стремившейся впередъ идеи свободы. Франція всегда завидовала Англіи въ этомъ отношеніи, и ея аристократія ревниво мечтала достигнуть подобнаго же значенія, уваженія и политической силы. Но аристократію нельзя создать законодательствомъ потому же, почему нельзя создать законодательствомъ нравственности и предписать хорошихъ чувствъ. Еслибы французская аристократія владѣла чувствами англійской, то она сама собой создала бы себѣ силу. Но какъ именно этихъ-то чувствъ и недоставало, то не могло явиться и силы. Законодательство, явившееся на помощь, дѣйствовало въ такой области, гдѣ оно—не хозяинъ, и никакого результата достигнуть не могло.

Не только февральская, но и революція 1789 г. не принесла Франціи пользы потому, что между людьми права была слаба нравственная идея, еще и потому, что недостало логической послѣдовательности въ переходѣ отъ одной формы государственнаго строя къ другой. Вмѣсто того, чтобы отъ той формы, гдѣ преобладаетъ крайнее развитіе идеи права, перейти прямо къ формѣ, построенной на идеѣ свободы, т. е. отъ монархіи къ республикѣ, Франція остановилась на какомъ-то компромиссѣ, въ которомъ затѣйливымъ образомъ перепутались принципы противоположныхъ направленій. Слѣдствіемъ этого явилась та неустойчивость, съ которою Франція борется до сихъ поръ и которая, вѣроятно, продолжится долго, если идея свободы не возьметъ руководящаго перевѣса надъ той идеей права, которую думали олицетворять собою всѣ эти Луи-Филиппы и ихъ министры, или благодушный и невѣжественный Фридрихъ-Вильгельмъ IV, полагавшій, что достаточно «горячей просьбы всемилостивѣйшей королевы, лежащей на одрѣ болѣзни», чтобы протестующій народъ почувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ.

Іюль 1870 г.

ПЕРВЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПУБЛИЦИСТЪ.

(Сочиненія Людвига Берне, въ переводѣ П. Вейнберга. Въ 2-хъ том. С.-Петербургъ, 1869 г.).

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что самое горькое разочарованіе для мыслящаго человѣка—умереть, не дождавшись осуществленія своихъ лучшихъ надеждъ. Это разочарованіе вполнѣ испыталъ Берне. Какъ великій патріотъ Германіи, онъ любилъ ее той болѣзненной любовью, которая была непонятна для его трусливыхъ современниковъ, жившихъ казарменною и полицейскою жизнью Меттерниха. Защищая себя противъ инсинуацій Менцеля, онъ писалъ: «Я не изъ тѣхъ людей, которые носятъ сердце въ животѣ, и которыхъ философія зависитъ отъ пищеваренія. Я боленъ только моимъ отечествомъ, и, когда оно освободится, я выздоровѣю». Но выздоровѣть не было суждено Берне. Онъ жилъ и умеръ въ эпоху тяжелой реакціи, послѣдовавшей за Вѣнскимъ конгрессомъ, когда Германія, погруженная въ метафизическія грезы Гегеля и убаюканная пѣснями романтиковъ, спала сномъ добродушнаго Михеля. Лучшіе ея люди молчали или были въ изгнаніи, лучшія ея силы коснѣли въ бездѣйствіи. Однимъ словомъ, это было время, по выраженію Гейне, келейнаго умерщвленія плоти и духа Германіи.

Но, какимъ суровымъ гнетомъ ни ложился деспотизмъ, онъ не могъ заглушить вполнѣ нѣмецкой

мысли. Либеральныя теоріи дѣлали свое, и значеніе буржуазіи расширялось въ Германіи. Нѣкоторыя маленькія государства, находившіяся подъ вліяніемъ Франціи, ввели у себя конституціи. Несмотря на всю свою «бумажность», конституціи эти являлись пугалами въ глазахъ реакціонеровъ. Ну, какъ терпѣть, чтобы простые вислоухіе бюргеры смѣли разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ? А между тѣмъ требованія либераловъ были скромны и невинны, какъ дѣтское желаніе. Либералы просили скромно, не угрожая никакими опасными тѣлодвиженіями, чтобы имъ позволяли дышать нѣсколько свободнѣе, чтобы ихъ не заставляли силой идти направо, когда имъ по своимъ дѣламъ нужно идти налѣво, чтобы имъ позволили говорить свободно о своихъ дѣлахъ, о своихъ нуждахъ, стремленіяхъ и чувствахъ, — наконецъ, чтобы дали гласный судъ, ибо произволъ чиновниковъ при инквизиціонномъ процессѣ и «тщательномъ допрашиваніи» до того иногда «размягчалъ сердце преступника», что люди невинные сознавались въ вымышленныхъ преступленіяхъ и подвергались казни.

Либерализмъ былъ однако безсиленъ противъ царящаго зла, и потому онъ по необходимости ограничивался однимъ отрицаніемъ. Но вотъ разразилась іюльская революція, и нѣмецкій либерализмъ поднялъ голову. Прежнюю романтическую ненависть къ французамъ смѣнилъ въ Германіи французскій республиканизмъ. Либерализмъ выдѣлилъ изъ себя даже революціонную фракцію. Она была, конечно, слаба, и все дѣло ея могло ограничиваться лишь однѣми демонстраціями, но и этого было достаточно для реакціонеровъ. Для поддержанія общественнаго порядка и безопасности, они приняли всѣ мѣры противъ «проклятыхъ демагоговъ» и въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ организовали преслѣдованіе политическихъ преступниковъ.

Къ этому-то періоду и относится дѣятельность Берне.

II.

Берне, первый въ Германіи, явился проповѣдникомъ новаго политическаго будущаго, новой политической религіи. Его сравниваютъ съ Лессингомъ. И это вѣрно. Какъ Лессингъ первый прозрѣлъ новое эстетическое будущее, такъ Берне явился первымъ пророкомъ будущаго политическаго, т. е. перехода нѣмецкаго застоя и косности въ свободное развитіе, грубаго, замкнутаго абсолютизма въ демократическое движеніе. Берне первый увидѣлъ на далекомъ горизонтѣ едва возникающій свѣтъ политическаго перерожденія Германіи и указалъ на него, какъ на путеводную звѣзду новаго, свободнаго, истиннаго патріотизма.

Французы говорили о Берне, что онъ nec plus ultra нѣмецкой либеральной прессы; что никто до него еще не отваживался писать такъ смѣло. «Наши малопросвѣщенные нѣмцы,—писали французы,—похожи на человѣка, который долго просидѣлъ въ тюрьмѣ, лишенный свѣта, и, какъ только ему открыли дверь, ослѣпленъ невыносимымъ для него блескомъ солнца». И дѣйствительно, Берне былъ этимъ ослѣпляющимъ солнцемъ, котораго не могли выносить его слѣпые соотечественники. Берне съ невиданнымъ до того времени ожесточеніемъ и отвагой напалъ на нѣмецкое политическое безсмыслiе, Онъ заговорилъ неслыханнымъ до того времени. прямымъ, смѣлымъ языкомъ, нисколько не стѣсняясь называть вещи и людей ихъ собственными именами. Нѣмцы, воспитанные въ почтительности къ своимъ гофъ, штатсъ и другимъ ратамъ, свалились точно съ неба. Какъ какого нибудь гофрата, проникнутаго несомнѣнной силой таинственной непостижимости и непогрѣшимой бюрократической премудрости, назвать подлецомъ, дуракомъ, осломъ! Конечно, Берне обзывалъ этими словами не отдѣльныхъ извѣстныхъ лицъ, не лично кого нибудь,—это было бы нестерпимымъ оскорбленіемъ; Берне поступалъ хуже—онъ ругалъ поголовно всѣхъ; онъ видѣлъ ослиную кожу на каждомъ нѣмецкомъ бюрократѣ, и потому понятно, какой вой долженъ былъ подняться во всей нѣмецкой землѣ противъ Берне. Но Берне былъ себѣ на умѣ. Онъ зналъ, что ослиную кожу словами не прошибешь. Онъ говорилъ не съ гофратами, а съ народомъ. И добродушный Михель всплеснулъ руками и широко раскрылъ ротъ отъ изумленія. Онъ всегда думалъ, что гофраты, штатсраты, легаціонсраты, юстицраты — совсѣмъ иные люди, созданные не по тому, какъ онъ, Михель, образцу, и что въ нихъ, при самомъ ихъ рожденіи, вкладывается не такая душа, какъ въ сапожниковъ, столяровъ и слесарей. И предъ глазами изумленнаго Михеля Берне снимаетъ съ гофратовъ ихъ ночные колпаки, и изумленный Михель видитъ во всемъ комизмѣ смѣшную фигуру рата—не величаваго, недоступнаго и мудраго, а жалостнаго, сморщеннаго, трусливаго карлика, прислужника и прихлебателя, съ «собачьимъ смиреніемъ» въ груди вмѣсто сердца и съ неисходною глупостью въ головѣ вмѣсто ума.

Берне сдѣлалъ нѣмецкія правительства главною мишенью, въ которую стрѣлялъ всю свою жизнь. Разоблачать ничтожество и глупость нѣмецкой политической мудрости, надѣвать ночные смѣшные колпаки на тѣхъ, кто выдавалъ себя за непогрѣшимость, выставлять на свѣтъ божій ослиныя уши, тщательно скрываемыя нѣмецкими мудрецами, бороться за свободу и справедливость, разоблачать ложь и гадость, какъ бы высоко онѣ ни стояли и какой бы тогой онѣ ни были украшены—въ этомъ заключалась задача и дѣло жизни Берне.

Люди такой природы не по плечу обыкновенному сужденію. Филистеры не понимаютъ, какъ человѣкъ огромныхъ способностей, какъ Берне, который могъ бы быть не только легаціонсратомъ, но и штатсратомъ, а пожалуй, и выше,—всю жизнь свою только снималъ колпаки съ дураковъ и вытаскивалъ напоказъ ихъ ослиныя уши. Вмѣсто того, чтобы ходить въ золотѣ, этотъ странный человѣкъ бѣжитъ во Францію, умираетъ въ изгнаніи и до самой смерти не перестаетъ разоблачать и громить всякую мерзость и пигмейство, мѣшающія свободѣ и счастью дорогой ему Германіи. Ясно, что тутъ что-то неладно:—или у Берне разстроена желчь, или онъ

напускаетъ на себя задоръ. Поведеніе Берне казалось филистерамъ совершенно непостижимымъ. Они находили, что Берне не только не приноситъ никакой пользы, но вредитъ. Обвиненіе, впрочемъ, слишкомъ старое и слишкомъ новое. «Кто приноситъ пользу? Кто вредитъ?—спрашиваетъ Берне.—Море вздымается, вѣтеръ попутный, и Богъ сидитъ у руля. Я, бѣдный матросъ, качаюсь на верхушкѣ мачты и кричу внизъ: подводный камень, песчаная отмель, непріятельскій парусъ, земля! Слушая этихъ людей, подумаешь, что я стою, прислонясь спиной къ стѣнѣ міра, и двигаюсь только въ ту сторону, куда мнѣ самому хочется повернуться! Я не имѣю никакой свободы позади себя и никакой впереди. Я двигаюсь потому, что меня двигаютъ; я раздражаюсь потому, что меня раздражаютъ. Тутъ сила исходитъ не отъ меня собственно, а отъ вѣтра, который качаетъ мною. Развѣ это моя вина? Развѣ я создалъ вѣтеръ? Развѣ я могу велѣть ему замолчать? Если есть на свѣтѣ люди, лишенные груди и потому не имѣющіе надобности дышать,—тѣмъ лучше для нихъ; но пусть они оставятъ меня въ покоѣ; для моего существованія необходимъ воздухъ свободы, иначе я умру». Какъ же было филистерамъ понять Берне, когда его сложеніе совсѣмъ не походило на ихъ сложеніе? какъ же было имъ не считать его больнымъ, когда они могли безъ труда переносить всякую грязь и даже побои, а Берне не выносилъ даже малѣйшаго сквознаго вѣтра? Берне былъ дѣйствительно боленъ любовью къ отечеству, любовью къ свободѣ.

Впрочемъ, что обвинять филистеровъ, когда даже люди одного полка съ Берне не понимали его. Есть писатели, посвятившіе всю свою жизнь тому же дѣлу, какъ и Берне, и которые увѣряютъ, будто направленіе Берне и Гейне не привело къ новому литературному періоду. Какъ будто тутъ можетъ быть рѣчь о какомъ-то литературномъ періодѣ, выразившемся въ цѣломъ, закончившемся циклѣ новыхъ литературныхъ произведеній, въ новомъ, законченномъ нѣмецкомъ типѣ, который долженъ смѣнить стараго выдохшагося гофрата! Развѣ Берне своимъ собственнымъ лицомъ не есть этотъ новый человѣкъ? Развѣ онъ не новый типъ, явившійся на смѣну стараго? Берне не виноватъ, что онъ одинъ, что люди съ подобными чувствами не родятся, какъ грибы, и не валяются не только по переулкамъ маленькихъ нѣмецкихъ городовъ, но ихъ не найдешь даже и на главныхъ улицахъ Берлина! Точно Берне—Богъ, который однимъ словомъ могъ перевернуть всѣ нѣмецкіе мозги и вмѣсто «собачьяго смиренія» вложить въ грудь нѣмецкихъ гофратовъ мужество и чувство свободы! Берне—лишь провозвѣстникъ будущаго сознанія. Онъ—первая метла, начавшая выметать Германію отъ всякаго хлама, накопившагося въ ней столѣтіями. Это не такая легкая работа, чтобы одинъ человѣкъ могъ кончить ее въ недѣлю. Предвидѣлъ ли Берне этотъ упрекъ или нѣтъ, но онъ въ объявленіи къ первому изданію своихъ сочиненій говоритъ, что подъ статьями политическаго содержанія онъ выставляетъ годъ, когда онѣ написаны. Дѣлаетъ онъ это для того, «чтобы указать не на ихъ старость, а на ихъ молодость». Онѣ до сихъ поръ также новы и неистерты, какъ будто только вчера вышли изъ мастерской мысли, потому что политическія истины не переходятъ въ Германіи изъ рукъ въ руки, начкаясь и стираясь, а лежатъ спокойно въ сундукахъ безъ употребленія, даже безъ прикосновенія къ нимъ. «Прекрасна страна, въ которой родишься старикомъ и умираешь молодымъ,—восклицаетъ Берне.—Съ мудростью нашихъ дѣдовъ появляемся мы на свѣтъ и эту же мудрость, безъ всякой прибавки, оставляемъ послѣ себя. Мы—*желѣзный скотъ*, который прошедшее отсчитываетъ настоящему и который настоящее долженъ передавать будущему въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ получилъ его». Насколько правъ Берне, читатель можетъ видѣть изъ того, что мысли эти были высказаны имъ сорокъ лѣтъ назадъ, но и до сихъ поръ онѣ не потеряли еще своей поучительности. Должно быть, Германія ушла не такъ далеко!

III.

«Только побѣжденнаго можно любить, только ему можно прощать». Но гдѣ же было маленькому, худенькому, болѣзненному Берне одному побѣдить всю массу лжи, трусости, малодушія и тупости, его любезнаго отечества, когда они стояли передъ нимъ несокрушимой стѣной, и когда, для рожденія германской свободы, требовался не одинъ акушеръ, а, можетъ быть, сотни! И Берне до самой смерти боролся съ тупостью своихъ соотечественниковъ, и если не могъ ее побѣдить, зато не отступалъ и не прощалъ.

«Меня упрекаютъ въ томъ, что я мало пишу, рѣдко поднимаю голосъ въ пользу моего глухонѣмого отечества,—говорилъ Берне.—Ахъ! они думаютъ, что я пишу какъ другіе, чернилами и словами; но я пишу не какъ другіе: я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ первовъ». И Берне не лгалъ, не рисовался. Онъ, одинъ изъ честнѣйшихъ нѣмцевъ XIX вѣка, имѣлъ счастье родиться съ безстрашнымъ сердцемъ, которое билось для свободы и любви. Оно жило для всѣхъ угнетенныхъ, и въ немъ не было мѣста ни для подлаго страха, ни для «собачьяго смиренія».

Но глухонѣмое отечество спало сномъ Геркулеса и во снѣ улыбалось, видя себя королемъ. Что же можно сдѣлать со спящимъ народомъ? Чувство еще можно пробудить, можно заставить и умъ мыслить, но гдѣ нѣтъ мужества—сонъ равняется смерти,—говоритъ Берне. Пассивность нѣмецкаго народа—котомка, тяжело нагруженная покорностью. Чуть какой нибудь утомленный гражданинъ сбрасываетъ съ себя котомку,—его сосѣдъ сейчасъ поднимаетъ ее и навьючиваетъ на себя. Эта покорность приводитъ Берне въ совершенное отчаяніе. Ахъ, Михель, Михель,—говоритъ онъ съ кроткой ироніей простодушному нѣмецкому народу,—ты опять накуралесилъ! Что мнѣ съ тобою дѣлать?—И съ прежнею неутомимостью Берне трунитъ и смѣется надъ добродушнымъ и спящимъ Михелемъ; онъ ругаетъ его

эсякими словами, но ругаетъ, какъ любящая мать явое неразумное дитя; онъ толкаетъ Михеля подъ бока, и толкаетъ не всегда деликатно, потому что крѣпко спящаго Михеля нельзя разбудить нѣжнымъ прикосновеніемъ. Онъ разъясняетъ Михелю, какъ его обманываютъ и проводятъ. Но Михель спитъ и только улыбается, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ король. Обыкновенный человѣкъ давно бы или самъ надѣлъ на себя котомку покорности и завилялъ хвостомъ, подобно Менцелю, или заперся у себя въ кабинетъ и зарылся бы въ архивной пыли, подобно многому множеству своихъ ученыхъ соотечественниковъ. Но Берне не былъ человѣкомъ обыкновеннымъ. «Мы хотимъ не измѣнить нѣмецкій народъ,—говоритъ онъ,—а разбудить его, потому что онъ спитъ. Мы его мухи, жужжащія ему въ уши и кусающія въ лицо; по крайней мѣрѣ, себѣ я всегда приписывалъ только такое значеніе. Правда, нѣмецкій народъ спитъ очень крѣпкимъ сномъ,—да возможно ли ему устоять противъ своихъ ученыхъ, которые своими сочиненіями способны усыпить даже австрійскаго часового? Но зато и мы—неутомимыя мухи. А если не разбудитъ его наше кусанье, то разбудитъ когда нибудь громъ; а не сдѣлаетъ этого громъ, такъ сдѣлаетъ землетрясеніе...»

IV.

Обращаясь къ добродушному Михелю, Берне зналъ, что съ нимъ нельзя говорить ни туманнымъ языкомъ Гегеля, ни канцелярскимъ слогомъ берлинскаго полицейскаго управленія.

Отдѣлывая въ одномъ мѣстѣ Раумера и говоря, что онъ примѣняетъ къ вигамъ и тори Пиѳагорову теорему, Берне прибавляетъ: «я выражаюсь такъ учено и глупо—нарочно для того, чтобы показать нѣмецкимъ ученымъ, что и я учился кое-чему серьезному, и что если обыкновенно я говорю яснымъ и разумнымъ языкомъ, то поступаю такъ только съ гуманною цѣлью—дать возможность каждому понимать меня». По поводу нѣмцевъ, посѣтившихъ его въ Парижѣ, и которымъ онъ разсказывалъ, какъ идутъ дѣла въ Германіи, Берне говоритъ: «я могу молчать, когда хочу,—но я не хочу. Да и къ чему молчать? Можетъ же найтись борозда, въ которую какое нибудь сѣмя тихо упадетъ и пуститъ корни».

Берне писалъ своимъ блестящимъ, живымъ, юмористическимъ языкомъ не потому только, что у него былъ талантъ, но еще и потому, что выражаться иначе считалъ безцѣльнымъ и глупымъ. Развѣ не пропавшій трудъ—писать такъ, чтобы не понимали, и чтобы наводить на читателя тоску?

Ученые и глубомысленные, а больше трусливые нѣмцы никакъ не понимали этой простой вещи и полагали, что писать дубовымъ языкомъ—значитъ быть очень умнымъ и очень сновательнымъ. Но напускное глубокомысліе—развѣ не маска, скрывающая ослиныя уши? Мысль не становится основательнѣе отъ формы, и производящее зѣвоту изложеніе не создаетъ ума, если его не было въ головѣ писателя. Конечно, алгебру неудобно излагать юмористическимъ языкомъ, но также нельзя говорить алгебраическимъ языкомъ и объ общественныхъ вопросахъ. Это даже и не неприлично, а просто глупо и бездарно. Читателя нужно пріохочивать, увлекать и постоянно раздражать его мозгъ изложеніемъ. Если не всякій писатель можетъ владѣть талантомъ Берне, то всякій долженъ стараться быть яснымъ, веселымъ, милымъ или сильнымъ, потрясающимъ—однимъ словомъ, чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, а не изображать изъ себя унылую, зѣвающую и сонъ наводящую фигуру,—не говорить съ живыми людьми такъ, какъ будто бы ротъ полонъ каши. Глупо говорить въ обществѣ дурацкиученымъ языкомъ, и еще глупѣе этотъ языкъ въ журналистикѣ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Гесперуса», желая разъяснить читателямъ о дѣйствіи нѣмецкаго ландтага, вздумалъ популяризировать вопросы о подати на квартиры алгебраическими формулами. Можетъ быть, все это и очень основательно; но не менѣе основателенъ и Берне, который говоритъ: «мнѣ кажется, любезный господинъ авторъ, что вы нарочно морочите насъ. Развѣ можно разговаривать такимъ образомъ съ читателями «Гесперуса», развѣ такимъ способомъ распространяютъ въ Германіи политическое разумѣніе? Развѣ такимъ способомъ знакомятъ простыхъ гражданъ и поселянъ съ дѣлами ихъ страны? Развѣ нельзя растолковать все это также основательно безъ этихъ иксовъ и игрековъ, плюсовъ и минусовъ? Много ли человѣкъ изъ всего нѣмецкаго народа поймутъ васъ?.. Слыхали ли вы когда нибудь, чтобы французы употребляли такіе алгебраическіе пріемы въ своихъ засѣданіяхъ палатъ, когда рѣчь заходитъ о финансовомъ вопросѣ? Отчего вы не поступите къ нимъ въ школу, чтобы выучиться говорить и писать? Къ чему же послужило намъ то, что Парижъ былъ занятъ нами два раза? «Полетѣлъ гусенокъ черезъ Рейнъ, и вернулся онъ домой гусемъ».

Журналистика существуетъ не для того, чтобы предлагать взрослымъ читателямъ учебники, изъ которыхъ они выросли. Журналистъ—не возница науки и исторіи; онъ не рудокопъ,—онъ рабочій монетнаго двора. Слитки сокровищъ, добытыхъ рудокопами, могутъ пролежать десятки и сотни лѣтъ безъ всякой пользы. Среди сокровищъ въ глыбахъ можно умереть съ голоду, если слитки не могутъ быть пущены въ обращеніе. Сколько есть людей, которые не могутъ пользоваться сокровищами мысли именно потому, что сокровища эти не вычеканены въ монету. Вотъ это-то монету, удобную для обращенія, и выдѣлываетъ изъ слитковъ журналистика. Журналы, по выраженію Берне, поддерживаютъ денежные обороты между теоріей и практикой, между наукой и жизнью. Журналистъ, воображающій, что онъ творитъ просвѣщающее глубокомысліе, говоря со своими читателями языкомъ судебнаго протокола, не больше, какъ плотникъ, думающій, что топоромъ можно дѣлать тонкую рѣзную работу. Правда, есть много читателей, у которыхъ въ головѣ мельничные жернова. Подобнымъ бездарнымъ читателямъ непремѣнно нужно слышать и чувствовать, какъ визжатъ и скрипятъ жернова

въ ихъ головѣ. Только тогда считаютъ они себя мыслящими людьми; только тогда имъ кажется, что они думаютъ. Но бѣдняки не знаютъ того, что мышленіе—какъ здоровье: его нельзя чувствовать. Если чувствуется механизмъ мышленія, значитъ, колеса мозга просто заржавѣли, и ихъ нужно смазать деревяннымъ масломъ.

Ученость, несомнѣнно, вещь хорошая, но только та ученость привлекаетъ взоръ, «которая растетъ подъ открытымъ небомъ, и сквозь вѣтви которой вѣетъ свѣжее дыханіе общественной жизни». Въ ученыхъ никогда не было недостатка; но какой толкъ принесли они, зарываясь въ пыли своихъ кабинетовъ? Нужно обращаться не къ заржавленнымъ, скрипящимъ колесамъ засохшаго ума, а къ чувству,—и самому писателю имѣть чувство. Французскіе журналисты говорятъ хорошо не потому, что ихъ языкъ выработала революція, а потому, что они—живые люди. Голова есть только рука сердца, и если въ писателѣ живетъ живое чувство, то онъ непремѣнно будетъ писать живымъ языкомъ. Такъ думалъ Берне.

Берне никогда не забывалъ, что онъ—муха, которая безъ устали должна жужжать подъ уши нѣмецкому Михелю и кусать его въ лицо, чтобы онъ проснулся. Но и жужжать нужно умѣть съ толкомъ. «Не надо ни на минуту переставать злить нѣмцевъ; только это одно можетъ помочь,—говоритъ Берне.—Но надо ихъ злить не по одиночкѣ,—это было бы несправедливо, потому что между ними есть и хорошіе люди,—а злить всю массу. Надо разжигать ихъ національную злобу, если ужъ нельзя воодушевить ихъ для національной радости, и, можетъ быть, первая будетъ имѣть слѣдствіемъ послѣднюю. Надо день и ночь кричать имъ: вы не нація, вы никуда не годитесь, какъ нація. Съ ними нельзя говорить разумно, а слѣдуетъ говорить неразумно, страстно, потому что имъ недостаетъ не разума, а безразсудства, страстности, безъ которыхъ разумъ—безногое существо». «Убѣжденія, доводы—все это безцѣльные пустяки, пустое бумагомараніе. Глубокомысленные и основательные нѣмцы толкуютъ уже давно о свободѣ, но они толкуютъ такъ, какъ будто бы пишутъ юридическій трактатъ. И какъ будто бы тутъ нужны еще какіе нибудь доводы? Въ теченіе ста лѣтъ нѣмцы толкуютъ о всякихъ правахъ, человѣческихъ, гражданскихъ и т. д., и сказали все, что можно сказать на эту тему». «Все это притѣснитель знаетъ также хорошо, какъ и рабъ,—говоритъ Берне.—Насиліе исходитъ изъ сердца точно также, какъ и свобода. Разбойникъ, отнимающій у насъ наше достояніе, поступаетъ такъ не вслѣдствіе заблужденія,—онъ очень хорошо понимаетъ, что дѣлаетъ. Не къ разсудку надо обращаться, а къ сердцу,—сердцу противниковъ и единомышленниковъ. Волновать сердца, прокалывать насквозь тѣ изъ нихъ, которыя неподвижны,—вотъ что необходимо. Слово должно быть мечомъ; гонитесь за насиліемъ съ насмѣшкою, ненавистью, презрѣніемъ, а не ковыляйте за нимъ съ тяжеловѣсными логическими доводами...» Чѣмъ больше доводовъ, тѣмъ больше ногъ; чѣмъ больше ногъ, тѣмъ медленнѣе походка:—это мы видимъ на насѣкомыхъ... «Я не знаю,—говоритъ Берне въ своемъ дневникѣ,—какое мѣсто отведено остроумію въ сводѣ законовъ эстетики, но безъ остроумія, будьте вы величайшій писатель, вамъ не подѣйствовать на человѣчество. Человѣкъ, не имѣющій остроумія, не имѣетъ ни сердца, чтобы понять страданія своихъ братьевъ, ни мужества, чтобы ратовать за нихъ. Остроуміе—крючокъ, который сцѣпляетъ между собою непріятельскіе корабли и крѣпко держитъ ихъ въ этомъ положеніи. Оно—неустрашимый адвокатъ права и вѣры, который видитъ Бога тамъ, гдѣ Его присутствія никто еще не предчувствуетъ. Остроуміе—демократическій принципъ въ царствѣ духа...»

V.

Заскорузлые филистеры находили, что подобныя разсужденія не доказываютъ благоразумія и недостойны сорокалѣтняго человѣка, который долженъ быть солиденъ, какъ парижскій сержантъ, и говорить съ самоувѣренною степенностью прусскаго унтеръ-офицера. Но Берне зналъ, что говорилъ. Онъ зналъ, что ходячее благоразуміе есть только маска трусости и ничтожества, признакъ мелкаго чувства и отсутствія отваги. «Гуцковъ и его друзья поступали умнѣе меня,—говоритъ Берне:—они имѣли осторожность отдѣлить дѣло правительства отъ своего собственнаго; они говорили не о политикѣ, а только о философіи, религіи, нравственности. Но что выиграли они этимъ? Какую пользу принесло имъ то, что въ тѣ годы, когда мечтательность такъ прекрасна, а заблужденіе имѣетъ такой милый характеръ, они были такъ стариковски умны? Развѣ союзный сеймъ не увидѣлъ тотчасъ, что подъ ихъ сѣдыми париками скрываются молодыя кудри, а подъ ихъ очками—молодые глаза?»

Зачѣмъ это искусственное прививаніе къ себѣ старости? О молодость, молодость! Мы, старые умники, часто произносимъ это слово, не понимая его. А, можетъ быть, и хорошо, что мы такъ скоро забываемъ молодость: все легче, все меньше сомнѣній, и живется спокойнѣе, когда чувство и мысль знаютъ меньше тревогъ, и когда сердце, подобно улиткѣ, замуравливается въ раковину, гдѣ нѣтъ ни простора, ни свѣта. «Для какого возраста предназначаетъ насъ рожденіе? Для какого возраста подготовляемъ мы себя? Для какого возраста воспитываемъ нашихъ дѣтей? Должно бы быть—для всѣхъ, но не такъ на самомъ дѣлѣ. Мальчикъ приносится въ жертву юношѣ, юноша—мужу, мужъ—старику. А когда старикъ захочетъ наконецъ насладиться свободой, религія говоритъ ему: погоди—не здѣсь, а тамъ! И затѣмъ является смерть. Мы живемъ постоянно только для будущаго, но никогда не знаемъ настоящаго. Мы—точно музыканты, вѣчно настраивающіе инструменты и никогда не начинающіе концерта». «Вы можете прочесть въ книгахъ, что изъ всѣхъ рождающихся людей почти половина умираетъ въ дѣт-

ствѣ; юношескаго возраста достигаютъ меньше чѣмъ половина; до пятидесятилѣтняго возраста, т. е. возраста, въ которомъ начинаютъ пожинать плоды трудовъ и лишеній, доживаетъ меньше третьей части,—и благо этой маленькой трети, которой въ жертву приносятся двѣ большія трети! Міръ принадлежитъ молодымъ, а старики хозяйничаютъ въ немъ. Родители, школа, воспитаніе—все заботится только о престарѣлыхъ, а молодость осуждена быть прислужницей старости». Удивительно ли, что загнанная молодость надѣваетъ на себя сѣдой парикъ и очки, принимаетъ степенный видъ и усиливается казаться основательной и благоразумной! Но что это такое, какъ не черствость сердца, какъ не закаменѣлость чувства, какъ не преждевременное старчество,—или же самая трусливая ложь? «За свободу мысли,—говоритъ Берне о Жанъ-Полѣ,—онъ сражался вмѣстѣ съ другими; въ борьбѣ за свободу чувства онъ стоитъ одинокъ. Странные, непостижимые мы люди! Нашу любовь мы стараемся скрывать еще старательнѣе, чѣмъ ненависть, и выказывать себя добрыми боимся точно также, какъ опасаемся обнаруживать свое богатство въ присутствіи воровъ. Мы притворяемся равнодушными, когда на самомъ дѣлѣ взволнованы, принимаемъ серьезный видъ, когда на душѣ у насъ весело, выказываемъ себя бодрствующими, когда сердце убаюкивается сладкими грезами, идемъ медленными и размѣренными шагами, когда всѣ чувства прыгаютъ отъ воспоминанія къ воспоминанію, и ноги ходятъ между цвѣточными грядами нашего дѣтства, и крылья фантазіи уносятъ насъ къ пурпурнымъ облакамъ закатившейся юности». Но мы стали чертовски умны и чувство считаемъ глупостью, а увлеченіе—неприличной болѣзнью. Да развѣ можно жить безъ увлеченій? Развѣ есть люди неувлекающіеся? Разница въ томъ, что одни увлекаются страдающими мухами и тараканами, а другіе—страданіемъ людей. Одни увлекаются свободой личнаго эгоизма, другіе—свободой человѣчества. Есть и такіе, которые увлекаются водкой и картами. Какое увлеченіе благоразумнѣе, и кто умнѣе?

Вотъ и Гете, этотъ великій Гете, этотъ придворный писатель и высокопревосходительный тайный совѣтникъ, также не увлекался. Честный, горячій, любящій, стремительный Берне обрушивается всею силою своего негодованія на Гете, который по способности ума могъ бы сдѣлать многое для счастія Германіи—и не сдѣлалъ ничего, потому что имѣлъ тупое сердце и хотѣлъ быть основательнымъ, объективнымъ, благоразумнымъ. Берне называетъ Гете и Шиллера *оглавленіемъ прошлаго*, а Вольтера и Лессинга—*указателями будущаго*.

Берне коритъ Гете за его политическое бездушіе и за его политическую дрянность. Гете могъ бы быть Геркулесомъ; онъ могъ бы очищать свое отечество отъ грязи, но онъ срывалъ только золотыя яблоки Гесперидскихъ садовъ. Какая разница съ жизнью и дѣятельностью другихъ великихъ поэтовъ! Напримѣръ, Данте—воинъ, государственный человѣкъ, дипломатъ, постоянно боролся за права человѣка. Альфіери—богатый и знатный, задыхаясь, взбирался, какъ простой носильщикъ, на Парнасъ, чтобы съ вершины его проповѣдывать свободу. Монтескье—высокій сановникъ, осмѣиваетъ дворъ и является судьею преступленій Франціи. Вольтеръ—утонченный придворный, носившій тонкія манжеты и шелковые чулки, смѣло входилъ въ грязную лужу, какъ только слышалъ крикъ гонимаго человѣка, звавшаго на помощь, и дворянскими руками снималъ съ висѣлицы невинно повѣшенныхъ. Руссо, пресмыкаясь въ бѣдности, не продалъ за груды золота своей свободы и умеръ нищимъ. Также поступали Мильтонъ, Свифтъ, Байронъ. А что дѣлалъ и дѣлаетъ Гете?—спрашиваетъ Берне.—«Ни разу не произнесъ онъ ни одного словечка въ пользу своего народа,—онъ, который по своему положенію, дѣлавшему его неприкосновеннымъ, и во время высшей славы, и въ преклонной старости, имѣлъ бы право говорить то, чего не смѣлъ бы сказать никто другой. Еще за нѣсколько лѣтъ назадъ онъ просилъ «высокія и высшія правительства» нѣмецкаго Союза не допускать контрафакцій его сочиненій; но ему не пришло въ голову похлопотать о такомъ заступничествѣ и для всѣхъ нѣмецкихъ писателей. Я бы лучше позволилъ, чтобы меня, какъ школьника, били линейкой по рукамъ, чѣмъ согласился бы употребить эти руки на то, чтобы протягивать ихъ для выпрашиванія защиты *моего и только моего* права»,—говоритъ честный Берне. Вездѣ, гдѣ только представляется случай, Берне бьетъ Гете за его бездушность, объективность и равнодушіе. Для Гете точно нѣтъ окружающей его жизни, и онъ вѣчно замыкается въ холодный эгоизмъ, чтобы оттуда, какъ съ облаковъ, смотрѣть на кишащихъ людей, которые кажутся ему муравьями. Одинъ вѣнскій профессоръ писалъ Берне о Гете, что этотъ человѣкъ—образецъ скверности во всемірной исторіи: нескоро найдешь ему равнаго и подобнаго. «Какъ справедливо, какъ справедливо все это,—восклицаетъ Берне.—Этотъ человѣкъ обладаетъ *задерживающей* силой въ громадной степени; онъ—бѣльмо на нѣмецкомъ глазу; повидимому, это пустякъ, кусочекъ роговой оболочки, не больше; а снимите его—и цѣлый міръ откроется передъ вами во всей ясности. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ чувствовать, я ненавижу Гете; съ тѣхъ поръ, какъ я мыслю, мнѣ понятна причина этой ненависти».

Изъ всѣхъ произведеній Гете Берне признаетъ юнымъ, свѣжимъ, молодымъ только Вертера. «Читать сердцемъ произведенія Гете нельзя,—ихъ нужно читать разсудкомъ,—говоритъ Берне,—но это скучно. Вертера написалъ Гете для того, чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ осаждавшей его молодости». «Не геній—Гете,—говоритъ Берне,—это просто фальшивый монетчикъ. Какое безпримѣрное счастье поддѣлываться весь свой вѣкъ подъ почеркъ генія и остаться неуличеннымъ! Гете—рифмованный рабъ, какъ Гегель—нерифмованный». Представителямъ русскаго элемента благоразумія рѣзкое слово Берне покажется непочтительнымъ и неблагопристойнымъ, потому что

они еще въ школѣ заучили, что Гете былъ геній и великій поэтъ, о Берне же имъ въ школѣ никогда не говорили, и чувствъ, его одушевлявшихъ, они не видѣли даже близко. Но чтобы быть судьею Берне и опредѣлить, деликатенъ онъ или нѣтъ, нужно влѣзть въ его кожу, чувствовать то, что онъ чувствовалъ, и выстрадать то, что онъ выстрадалъ. Обыкновенные люди легче понимаютъ Гете, чѣмъ Берне. Эта мысль можетъ показаться парадоксомъ. Но дѣло въ томъ, что дѣйствительно умное и возвышенно-объективное въ произведеніяхъ Гете доступно вовсе не всѣмъ: что недоступно, то вовсе не возвышенно, а задерживаетъ или тянетъ назадъ. Гете, напримѣръ, называлъ современную ему первую французскую революцію *дѣломъ, вызывающимъ досаду*, дѣломъ, въ которомъ даже позорнымъ личностямъ позволяютъ играть замѣтную роль. Гете постоянно показывалъ отвращеніе къ политическимъ движеніямъ своего времени. Онъ не только не понималъ духа времени, но и не былъ въ состояніи прозрѣть въ будущее и въ кутерьмѣ французской революціи разсмотрѣть народившееся дитя новой свободы. Чтобы отвратить нѣмцевъ отъ французской революціи, Гете даже написалъ двѣ пошлыя пьесы для веймарскаго театра. И даже далеко послѣ, когда плоды французской революціи были уже очевидны когда духъ свободы и новаго патріотизма, спасшій Германію отъ наполеонскаго гнета, перелетѣлъ въ Грецію, Гете также былъ мало способенъ понять его, какъ и въ годы своего *юношескаго благоразумія*. Подъ 1817 г. Гете писалъ въ своемъ дневникѣ: «Попандопулосъ, довольно часто посѣщавшій меня въ Іенѣ, разсказывалъ мнѣ однажды съ юношескимъ энтузіазмомъ о лекціяхъ своего профессора философіи. „Такъ чудно,—восклицалъ онъ,—такъ сладостно звучатъ слова этого превосходнаго человѣка *о добродѣтели, свободѣ и отечествѣ*“. Когда же я спросилъ молодого грека, что собственно говоритъ о добродѣтели, свободѣ и отечествѣ этотъ превосходный профессоръ, то не получилъ никакого отвѣта; „этого я не могу вамъ съ точностью сказать,—объяснилъ юноша,—но въ душѣ моей ежеминутно звучатъ слова: свобода, добродѣтель и отечество, и тонъ, которымъ онѣ произносятся“... «О г. Гете,—восклицаетъ Берне,—какая остроумная насмѣшка! Греки вѣдь очень ясно показали, что они понимаютъ подъ этими тремя словами, хотя благородный юноша и не умѣлъ *схематизировать* добродѣтель, свободу и отечество по вашему филистерскому способу!»

И какая разница съ полнымъ жизни Берне!—каждая жилка въ этомъ человѣкѣ бьется и дрожитъ, каждый нервъ злится. Своимъ тонкимъ чутьемъ, своимъ нѣжнымъ любящимъ сердцемъ Берне чувствуетъ малѣйшую неправду, малѣйшій гнетъ, малѣйшую политическую ложь и не хоронитъ въ себѣ негодованія, не старается примирить его сознаніемъ своей безпомощности или безсилія, а стучитъ, стучитъ неутомимо, чтобы разбудить спящихъ и глухонѣмыхъ. «И такого человѣка почитать?! такого человѣка любить?!—говоритъ Берне о Гете.—Да я лучше повергнусь въ прахъ передъ Витцли-Путцли, лучше соглашусь пить слюну Далай-Ламы!»

VI.

Бросить перчатку въ лицо Менцеля—значило объявить войну всему чиновному нѣмецкому тупоумію, всѣмъ носителямъ «котомки покорности», всѣмъ, у кого въ сердцѣ сидѣло «собачье смиреніе». Ну, а ихъ былъ легіонъ. Много смѣлости и отваги требовалось для этого, и много силы, а еще больше—негодованія. «Менцель-французоѣдъ»—одно изъ лучшихъ произведеній Берне. Безжалостность политическаго юмора и сатиры доведены въ немъ до высокаго совершенства. Послѣ такихъ побоевъ не встаютъ!

Менцель—критикъ и писатель первой четверти нынѣшняго столѣтія. Онъ извѣстенъ не столько своею «Исторіей нѣмецкой литературы» и не столько тѣмъ, что принадлежалъ сначала къ либеральной партіи, сколько своими доносами на «молодую Германію». «Молодой Германіей» обозначалось извѣстное литературное движеніе, во главѣ котораго стояли Берне и Гейне. Менцель доносилъ нѣмецкимъ правительствамъ, что «молодые германцы»—источникъ всякой гнусности и всякаго разрушенія. Для нихъ нѣтъ ничего святого; они задумали перевернуть всю Германію вверхъ ногами и перемѣшать палкой мозги добродушнаго Михеля, чтобы заставить его дѣлать всякіе вздоры. Они задумали эмансипировать плоть, разрушить бракъ, превратить всѣхъ цѣломудренныхъ и наивныхъ Гретхенъ и Анхенъ чуть не въ публичныхъ женщинъ, а почтенныхъ гофратовъ лишить ихъ мѣстъ и жалованья. Нѣмецкія правительства повѣрили доносамъ Менцеля, и начались преслѣдованія писателей «Молодой Германіи»,—преслѣдованія, которыя и тогда казались благоразумнымъ людямъ преувеличенными. Сочиненія «молодыхъ германцевъ» запрещались; самихъ ихъ заключали или изгоняли изъ Германіи. Дѣло раздули въ такой громадный пузырь, точно Германіи грозила всеобщая революція, точно надъ нею раскинулась гигантская сѣть всеобщаго заговора. И все это было гнусностью и пустою выдумкою своекорыстія, искавшаго выслуги. Какъ же было Берне молчать!

Все, что ни писалъ Менцель противъ Берне, было, съ начала до конца, клеветой и ложью. Менцелю ли было понимать Берне! «И благородный человѣкъ можетъ быть рабомъ обстоятельствъ; но тотъ, кто становится лакеемъ обстоятельствъ,—не благородный человѣкъ. Менцель—грязный прислужникъ, а «Allgemeine Zeitung»—повѣренный нѣмецкаго союзнаго правительства! Что онъ подарилъ себя ему, а не продалъ,—положимъ, это такъ. Но развѣ продажа за деньги—единственная продажа, обезчещивающая человѣка? Развѣ можетъ назваться честнымъ человѣкомъ тотъ, кто обмѣниваетъ свой образъ мыслей на австрійскую улыбку, прусскую лесть, баварское трепанье по плечу и іезуитскую похвалу? Такой человѣкъ, какъ Менцель, льстив-

шій тиранін изъ-за своего комфорта, былъ, конечно, не въ состояніи понять благородныхъ чувствъ Берне. Онъ приписывалъ всю желчь и негодованіе Берне его жидовскому происхожденію. «Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ,—писалъ Менцель,—гдѣ великаго Гете лелѣяли, какъ дитя патриціевъ, родился болѣзненный ребенокъ—еврей Барухъ. Уже въ дѣтствѣ онъ подвергался насмѣшкамъ мальчиковъ-христіанъ. Каждый день видѣлъ онъ на саксонскомъ мосту постыдную статую, представляющую еврея рядомъ со свиньей. Проклятіе его народа лежало на немъ тяжелымъ гнетомъ. Когда онъ отправлялся путешествовать, въ паспортѣ его прописывали насмѣшливыя слова: Juif de Francfort. «Развѣ я не такой же человѣкъ, какъ и всѣ вы?—восклицалъ онъ.—Развѣ Богъ не снабдилъ моего духа всевозможными силами? Какъ же вы можете презирать меня? Я отомщу вамъ самымъ благороднымъ образомъ; я буду помогать вамъ въ борьбѣ за вашу свободу». Все это было бы прекрасно, будь оно справедливо, отвѣчаетъ Берне,—и какъ же онъ отдѣлываетъ за то Менцеля! Слышите, Берне мститъ за жидовъ! Да будь у меня даже тысячи кинжаловъ, и тысячи ядовъ, и тысячи проклятій, и сердце чорта для того, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ,—могъ ли бы я причинить вредъ моимъ старымъ врагамъ? Да развѣ всѣ франкфуртцы не сдѣлались евреями? Развѣ пруссаки и австрійцы не стали теперь ихъ христіанами? «Еслибы сердце мое чувствовало сожигающую жажду мщенія, оно именно теперь вполнѣ утолило бы эту жажду. Но оно не желаетъ мстить и только чувствуетъ скорбь своего отечества; а если оно чувствуетъ только ее изо всѣхъ, то въ этомъ вина не моя, а безчувственныхъ людей».

Но у Берне, по словамъ Менцеля, есть еще и другая болѣзнь. Маленькій, худенькій, больной человѣкъ страдаетъ силиномъ. Пользуясь тѣмъ, что живетъ безопасно въ Парижѣ, онъ ругаетъ все и вся, и выступаетъ врагомъ нѣмецкаго народа. Какъ это остроумно и правдиво, а главное—умно и честно! «Пусть г. Менцель выпроситъ на нѣсколько дней свободу печати,—говоритъ Берне,—и окажется, что скорѣе г. Менцель и его партизаны исключительные враги нѣмецкаго народа. Онъ говоритъ о моемъ «безопасномъ убѣжищѣ» въ Парижѣ и даетъ себѣ излишній трудъ сдѣлать себя смѣшнымъ. Ужъ не писать ли мнѣ во Франкфуртѣ? Тамъ меня спрятали бы лучше, чѣмъ въ Парижѣ. Если г. Менцель желаетъ лично поговорить со мною, то съѣздить въ Парижъ ему обошлось бы дешевле, чѣмъ подкупить моего тюремщика. И эти люди говорятъ объ укрывательствѣ! Не я, а вы говорили изъ безопаснаго убѣжища; вы никогда не посмѣли бы лаять на нѣмецкихъ бѣглецовъ, еслибы не знали, что полицейская рѣшетка, за которой вы сидите, защищаетъ васъ отъ заслуженнаго наказанія».

Но за этой рѣшеткой сидѣлъ не одинъ Менцель,—Менцелей были тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ; это была сплошная масса идіотствующаго своекорыстія, жесткаго, жестокосерднаго, безпощаднаго и неумолимаго. Берне приводитъ изъ «документовъ нѣмецкаго союза» цѣлыя выписки, разоблачающія махинаціи этихъ сквернѣйшихъ людей, которые, подъ видомъ политической необходимости, цѣлой лукаво измышленной системой внутренняго управленія думали удержать Германію на точкѣ невѣжества среднихъ вѣковъ и затушить искру гуманности и свободы, которую хотѣли раздуть лучшіе представители честныхъ нѣмецкихъ стремленій. Противъ этой силы могла стоять и устоять только необычайная сила. Все болѣе робкое и мягкое должно было погибнуть. И дѣйствительно, устояли немногіе. «Я остался неизмѣннымъ, когда другіе перемѣнились, — говоритъ Берне.—Время выдубило меня; я грубъ, но твердъ. Между тѣмъ какъ другіе, прежде бывшіе со мною одинаковаго образа мыслей, такъ размякли въ уксусѣ нѣмецкаго либерализма, въ которомъ пролежали нѣсколько времени, что въ нѣсколько минутъ сварились на слабомъ огнѣ высоко-милостивыхъ взоровъ». И Берне указываетъ на размякшихъ людей не изъ одной дряни. «Что было причиной того,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что въ прежнее время Герресъ, Шлегель, Стеффенсъ, Захарій Вернеръ и многіе другіе благородные нѣмцы упали изъ царства солнечнаго свѣта и истины въ царство тьмы и безумія? Что сдѣлало ихъ изъ орловъ—совами, изъ мыслителей — мистиками? Отчаяніе въ самихъ себѣ, въ отечествѣ и въ мірѣ. Увидѣвъ себя въ невозможности пріобрѣсть свободу жизни, они бѣжали къ свободѣ смерти. Чтобы не оставаться долѣе узниками, они сдѣлались тюремщиками и начали такъ гордо побрякивать своими ключами, какъ будто ими они отворяли дверь истинѣ, а не затворяли ее; и тутъ пришли къ нимъ всѣ лицемѣры и дураки и стали цѣловать ключи истины и чтить добродѣтельныхъ ключарей». И это были еще лучшіе люди! А что же сдѣлалось съ дрянью? Менцель правъ, когда говоритъ, что подъ кокетливо наброшеннымъ плащемъ карбонарія у большей части представителей «Молодой Германіи» виднѣлся ливрейный фракъ чиновника. Не революціонный духъ жилъ въ этихъ людяхъ, а тщеславіе. Многіе изъ этихъ ярыхъ якобинцевъ, расписавшихъ себѣ лицо углемъ, чтобы внушить такимъ же, какъ они, дуракамъ ужасъ къ своей кровожадности и демонически революціонной силѣ, оказались потомъ очень скромными и добродѣтельными гофратами, очень угодливыми придворными и очень услужливыми полицейскими. Но Менцель не правъ, когда онъ лягаетъ своимъ грязнымъ копытомъ Берне. Менцель клеветалъ, и клевета его была орудіемъ пропаганды застоя; онъ пользовался ею для униженія либеральныхъ стремленій, для того, чтобы представить ихъ чѣмъ-то смѣшнымъ и ребячески глупымъ. Старая игра въ благоразуміе! И какъ будто Берне самъ не зналъ, что на свѣтѣ много всякой дряни и мало такихъ людей, какъ онъ. Но онъ также зналъ, что на свѣтѣ есть немало и хорошихъ людей: съ этими-то хорошими людьми онъ и говорилъ. Въ нихъ старался онъ пробудить и поддержать энергію и хорошія, честныя стремле-

нія. Отъ дряни онъ отстранялся. «Кто въ этомъ позорномъ, зачумленномъ свѣтѣ хочетъ не заразиться и остаться здоровымъ, тотъ долженъ купаться въ уксусѣ, чтобы держать въ далекомъ разстояніи отъ себя всѣ свинцово-сладкія сердца и изволочившіяся лавандныя души. Но на свѣтѣ есть еще довольно хорошихъ людей, которые всегда пожмутъ руку честнаго человѣка, будь она даже кисла отъ уксуса; эти-то люди понимаютъ меня и улыбаются мнѣ». Такъ кончаетъ Берне съ Менцелемъ.

VII.

Когда Берне отдѣлываетъ Менцеля или Гете, онъ щедро надѣляетъ ихъ нецеремонными эпитетами. Еще щедрѣе онъ, когда обращается къ филистерамъ. Онъ говоритъ, что умѣреннаго и благоразумнаго филистера не прошибешь обыкновеннымъ словомъ. Филистеръ вѣчно будетъ торговаться и урѣзывать, и потому съ него нужно урѣзывать вдвое, чтобы онъ согласился хоть на половину. Толстокожаго филистера нужно толкать бревномъ. Но когда тотъ же Берне обращается къ народу, вы чувствуете, что суровость у него только на языкѣ, а не въ сердцѣ. Въ рѣзкомъ, повидимому, словѣ вы слышите нѣжную досаду,—зачѣмъ любимое существо хуже того, чѣмъ бы хотѣлось его видѣть. Берне въ разговорѣ съ добродушнымъ Михелемъ употребляетъ всегда сравнительный методъ. Онъ не говоритъ ему: «дѣлай такъ и такъ», а говоритъ: «посмотри, какъ у другихъ чисто, свѣтло и весело, а у тебя какъ грязно, темно и скучно! Посмотри на французовъ, развѣ у нихъ то, что у тебя? Французы—народъ великій; народъ, который всегда шелъ впереди другихъ и всегда стоялъ на стражѣ свободы. Во время войны за освобожденіе и во время позора твоего угнетенія ты выучился негодовать на Наполеона; ты увѣрилъ себя, что это бичъ свободы. Но развѣ Наполеонъ похожъ на твоихъ королей? Развѣ твои микроскопическіе Генрихи LXXVII не въ тысячу разъ худшіе деспоты, да въ прибавку къ тому еще деспоты тупоумные? Развѣ кто нибудь изъ эльзасцевъ захочетъ сдѣлаться подданнымъ прусскаго короля? Развѣ твои лучшіе люди и патріоты не бѣгутъ во Францію, гдѣ имъ дышится свободнѣе, и развѣ это не служитъ доказательствомъ твоего собственнаго позора? И французскій деспотизмъ, конечно, тоже деспотизмъ, но развѣ это деспотизмъ грубаго нѣмецкаго кулака?»

«Мы всегда плелись за французами,—говоритъ Берне,—и не сдѣлали бы сами ничего безъ ихъ помощи. Кто уничтожилъ безчисленное множество злоупотребленій, которыми мы были богаты, какъ не французы? Франція до такой степени расшатала зданіе нѣмецкаго феодализма, что никакими столбами не удержать его отъ окончательнаго паденія. Франція сдѣлала нѣмецко-лютеранско-политическую мораль до того смѣшною, что ей ужъ никогда не поднять головы и не выйти изъ собственнаго униженія. Не будь французовъ и ихъ подвиговъ, не стой французы неподвижно въ своемъ угрожающемъ положеніи, не составляй они тѣлохранительную стражу народовъ Европы,—всѣ старыя злоупотребленія вернулись бы снова въ Германію. Скажите, что развивалось въ Германіи самодѣятельно и самостоятельно? Развѣ все не подвигалось впередъ только вслѣдствіе пинковъ? Развѣ ту дань, которую нѣмцы должны были платить духу времени, они платили не такъ, какъ платятся вообще всякія подати, т. е. сердито, неохотно, нерѣшительно? Развѣ заплатили они хоть одинъ разъ безъ принужденія? — спрашиваетъ Берне. — Франція, уже 50 лѣтъ погоняющая міръ, какъ какой нибудь кубарь, имѣетъ полное право спросить нѣмцевъ: что вы сдѣлали? какую пользу принесли вы гражданской свободѣ? Никакой. Сказать правду, Германія уже триста лѣтъ ничего не дѣлаетъ и терпѣливо переноситъ все, что дѣлаютъ съ ней другіе. Германія—не проснувшаяся страна будущаго, и для этого будущаго ее нужно будить».

За то, что Берне указывалъ на французовъ, какъ на примѣръ для подражанія, и проводилъ параллели, не особенно лестныя для нѣмецкаго самолюбія, нѣмецкіе Менцели укоряли его въ космополитизмѣ. Но космополитизмъ Берне есть именно тотъ истинный патріотизмъ, котораго филистеры, зашитые въ свиную кожу, понять не могли. «Я люблю Германію больше, чѣмъ Францію, потому что Германія несчастна, а Франція нѣтъ; въ остальномъ я столько же французъ, сколько нѣмецъ,—отвѣчаетъ Берне на дѣлаемыя ему обвиненія.—Я, благодаря Бога, никогда не былъ чурбаномъ патріотизма; приманки честолюбія, съ какой бы стороны онѣ ни являлись,—королей ли, патриціевъ, или народовъ,—никогда не дѣйствовали на меня». «Честь народа не въ томъ, въ чемъ вы понимаете ее, ярые поклонники національной чести». «Быть покореннымъ чужеземнымъ народомъ—несчастіе, но отнюдь не позоръ; это случалось со всѣми народами, даже съ самыми храбрыми; но быть рабомъ въ собственномъ отечествѣ—позорно. Чужеземный побѣдитель, по крайней мѣрѣ, не отнимаетъ у насъ права ненавидѣть его и мстить ему; порабощая и угнетая насъ, онъ въ то же время не требуетъ отъ насъ любви и уваженія; но если въ собственномъ отечествѣ заводятся тираны, то они заставляютъ насъ цѣловать руку, карающую насъ. Честь народа состоитъ въ томъ, чтобы онъ сознавалъ себя свободнымъ; народъ лакей не имѣетъ никакого права требовать уваженія къ себѣ. Для чего намъ возвращаться за два столѣтія назадъ, чтобы искать въ Эльзасѣ нашего національнаго посрамленія?»

Все это было жестоко, но справедливо, и потому показалось нѣмецкимъ реакціонерамъ очень обиднымъ. Но развѣ Берне проповѣдывалъ тутъ какой нибудь возмутительный космополитизмъ и самоотреченіе? Берне только говоритъ: добрые мои соотечественники, не будьте лакеями. Берне говоритъ: не любите свою грязную и темную нору только за то, что она ваша, а вымойте и вычистите ее и продѣлайте въ ней окна, чтобы солнечный свѣтъ игралъ въ ней весело, и чтобы вамъ самимъ было весело. Берне чувство

свободы ставитъ первою народною добродѣтелью. Въ чемъ величіе французовъ? — спрашиваетъ Берне.—Въ стойкости и мужествѣ. Вы думаете, что великодушіе побудило государей дать въ 1815 году свободныя государственныя учрежденія побѣжденной Франціи? «Нѣтъ, тутъ дѣйствовало не великодушіе,—отвѣчаетъ Берне,—тутъ главную роль играло уваженіе, которое вынудилъ къ себѣ у побѣдителей мужественный, стойкій народъ; тутъ двигателемъ была и боязнь, которую разгнѣванный и угрожающій народъ вселилъ въ побѣдителей. Такимъ образомъ французы своимъ пораженіемъ пріобрѣли себѣ то, чего не могли прібрѣсть себѣ нѣмцы своей побѣдой».

Не такъ понимали патріотизмъ Германія и Менцели, укорявшіе Берне: они доказали лишь своими нападками, что у нихъ изволочившіяся лавандныя души. Патріотизмъ, отечество—слова хорошія; хорошъ и вѣрный смыслъ, въ нихъ скрывающійся, но вѣдь этотъ смыслъ нужно еще найти. Что такое патріотизмъ, какое отечество нужно любить, и что такое отечество для нѣмца? «Злые языки говорятъ, что наша добрая матушка была очень разсѣянна, и что у насъ отъ этого было много отцовъ. Какъ же прикажете намъ—любить ихъ всѣхъ или какого нибудь одного? но какого именно?—издѣвается Берне надъ филистерскимъ отчизнолюбіемъ.—Я родился въ Майнцѣ; младенцу разсказывали, что его отецъ—архіепископъ; любознательный мальчикъ узналъ, что онъ свободный французскій гражданинъ; у юноши высоко вздымалось сердце, когда войска его великаго императора проходили мимо него; а когда, усталый отъ любви, зрѣлый мужъ замкнулъ свое сердце, раскрылъ разумъ и оглянулся,—онъ увидѣлъ себя въ дармштадтской землѣ. Когда же я прогуливаюсь по окопамъ, окружающимъ мой родной городъ, то справа я—австріецъ, а слѣва—пруссакъ. Кого, что любить мнѣ? Долженъ ли я носить въ груди майнцкое сердечко, или я долженъ быть гордымъ республиканцемъ? Или слѣдуетъ мнѣ обращать взоры во Францію? Какой образъ мыслей прикажете мнѣ имѣть—австрійскій или прусскій? Или, наконецъ, слѣдуетъ мнѣ имѣть нѣмецко-союзное сердце? Да, союзное сердце слѣдовало бы мнѣ имѣть, еслибы мнѣ велѣли почитать всѣхъ моихъ отцовъ, любить всѣ мои отечества!»

Но Берне не дожилъ до того времени, когда Пруссія всѣ нѣмецкія отечества пожелала соединить въ себѣ одной, когда ея идеальныя стремленія къ преобладанію надъ Германіей и, если угодно, надъ Европой перешли изъ мечты въ фактъ. Неужели въ этомъ стремленіи руководитъ пруссаками патріотизмъ? Неужели ради нѣмецкой свободы они били австрійцевъ подъ Садовой и водрузили своего прусскаго орла въ Ганноверѣ и Саксоніи? Берне совершенно правъ, когда говоритъ, что каждый имѣетъ неоспоримое право быть дуракомъ, но что всякимъ правомъ нужно пользоваться скромно и умѣренно; нѣмцы же злоупотребляютъ своимъ правомъ. О нѣмцы, нѣмцы! Когда же вы поймете, что стоять на караулѣ—значитъ прежде всего держать самихъ себя подъ карауломъ!—Кто выиграетъ отъ успѣха прусскаго патріотизма,—предвидѣть трудно, но народъ и нѣмецкая свобода проиграютъ несомнѣнно. Графъ Бисмаркъ никого не увѣритъ, что онъ снабдилъ прусскую армію игольчатыми ружьями и картечницами для завоеванія нѣмецкой свободы. «До такой степени давать водить себя за носъ, быть такими олухами—это невѣроятно!»—сказалъ 40 лѣтъ назадъ Берне, и это же самое онъ могъ бы сказать нѣмцамъ нынче и былъ бы, можетъ быть, еще справедливѣе.—«Въ томъ ли состоитъ прекрасное назначеніе благородной Германіи,—говоритъ Берне,—чтобы исполнять полицейскую должность во всей Европѣ и являться повсюду палачомъ свободы? До сихъ поръ еще нѣмецкое вліяніе повсюду защищаетъ насиліе, угрожаетъ свободѣ, нарушаетъ ее и не позволяетъ людямъ спокойно насладиться ею». О, какъ ты глупъ, благодушный Михель!—воскликнулъ бы Берне, еслибы онъ видѣлъ, что выдѣлывается теперь въ Германіи, и орудіемъ чего и какихъ людей является честный нѣмецкій народъ. Изъ-за прусскаго патріотизма онъ самъ связываетъ себѣ руки, не понимая того, что онъ—игрушка политическаго и династическаго честолюбія... Но многое, что говорилъ Берне, можно бы повторить снова нѣмцамъ, и было бы оно для нихъ ново.

VIII.

Какъ много еще нужно трудиться надъ Германіей, чтобы воспитать въ ней хорошія соціальныя чувства и хорошія соціальныя мысли! Ужъ по истинѣ исторія приносила до сихъ поръ пользу только книгопродавцамъ! Вѣчное заглядываніе назадъ и вѣчное повтореніе именно того, чего бы повторять никогда не слѣдовало!.. Нѣмцы до сихъ поръ были похожи на русскую провинціальную барышню тургеневскаго типа, являвшуюся первымъ врагомъ самой себѣ. Она, подобно китайцу, вытащенному изъ воды, готова была начать процессъ со своимъ спасителемъ.

За то, что Берне молился только одному Богу—свободѣ, и хотѣлъ излечить нѣмцевъ отъ идолопоклонства, на него набросились сами тѣ, кого онъ хотѣлъ обратить къ единобожію. Желая быть благоразумными и основательными, нѣмцы требовали, чтобы имъ дали въ руку истину,—точно на свѣтѣ есть она гдѣ нибудь въ готовомъ видѣ, и точно ее можно завернуть въ бумажку и принести къ себѣ домой. Какіе же вы болваны, милые мои сограждане, если вы такъ думаете,—сказалъ бы Берне.—Менцель, нападая на отрицаніе Берне, спрашиваетъ, что онъ намѣренъ основать, когда все разрушитъ? «О птицеловы общественнаго мнѣнія,—возражаетъ на это Берне,—заманивайте въ свои сѣти глупыхъ дроздовъ, чтобы не оставаться безъ пріятной компаніи, но не говорите съ *людьми* о свободѣ, которой вы не понимаете и не чувствуете. Свобода отнюдь не есть нѣчто положительное, она — только отрицательное: именно отсутствіе неволи».

Но Менцели только притворялись, будто бы они не понимаютъ, что говорилъ Берне. Они очень хорошо его понимали и всетаки утверждали, «что человѣческое положеніе никогда нельзя измѣрять высшимъ масштабомъ идеала». Этой уловкой они усиливались выставить Берне юнымъ энтузіастомъ, мечтательнымъ гимназистомъ, легкомысленнымъ свистуномъ, на котораго благоразумные люди должны смотрѣть съ сожалительнымъ снисхожденіемъ. Но развѣ Берне предлагалъ когда нибудь прусскому правительству превратить Нѣмецкое море въ лимонадъ? «О небо! Требовать для нѣмцевъ—этого образованнѣйшаго, умнѣйшаго, здоровѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго народа въ свѣтѣ—то, что имѣютъ Португалія и Испанія, Франція и Англія, Бельгія, Голландія, Швейцарія и Греція, то, чѣмъ владѣютъ негры въ колоніяхъ Сіерра-Леоны и Либеріи, именно: свободу печати, гласный судъ и присяжныхъ и всѣ тѣ остальныя учрежденія, которыя должны существовать у совершеннолѣтнихъ народовъ, и отсутствіе которыхъ низводитъ народъ на степень презрѣнныхъ рабовъ и смѣшныхъ школьниковъ,—требовать всего этого для нашего отечества—значитъ, по мнѣнію Менцеля, *мѣрять высшимъ масштабомъ идеала!*» Чего же хотѣлъ Менцель? Онъ хотѣлъ, чтобы учили народъ терпѣнію, и доказывалъ, что пропаганда Берне заключаетъ въ себѣ одни продерзости и неосуществимыя мечты. «Но пусть силезскій г. Менцель, вюртембергскій г. Менцель и прусскій г. фонъ-Раумеръ, которые, въ случаѣ нужды, всѣ вмѣстѣ могутъ составить изъ себя одного историка, пусть они совокупятъ воедино свою честность и свое остроуміе, чтобы опровергнуть наши нелѣпости». И Берне доказываетъ, что въ исторіи нѣтъ ни одного случая, когда бы народъ добился свободы благодаря терпѣливому перенесенію своего рабства, и что, если нѣмецкіе ученые Менцели говорятъ противное, то дѣлаютъ это вовсе не потому, чтобы не знали исторіи; «но они знаютъ еще лучше, что между ложью и правдой возвышается непроходимый лѣсъ нѣмецкихъ штатовъ, и что имъ, этимъ господамъ, рѣшительно нечего бояться людей, лучше думающихъ и больше свѣдущихъ. Подъ такимъ прикрытіемъ лгутъ они безбоязненно предъ лицомъ всего отечества».

Эти же храбрые нѣмецкіе публицисты, говорившіе о Берне, какъ о свистунѣ, находили, что въ его остроуміи нѣтъ никакой прочной содержательности и той солидности, которой отмѣчаются всегда положительныя и благоразумныя мысли. Они находили, что Берне своими летучими остротами никогда не засѣетъ германской почвы *сѣменами будущихъ подвиговъ*. «О, пощадите: со мною дѣлаются судороги, когда я слышу о *засѣваніи сѣмянъ*,—отвѣчаетъ Берне.—До сихъ поръ они толкуютъ о сѣяніи, толкуютъ теперь, когда ихъ хлѣбъ давно уже скошенъ, и недостаетъ только цѣповъ, чтобы вымолотить его». И въ самомъ дѣлѣ недоумѣваешь, надъ кѣмъ смѣялись противники Берне. Ужъ, конечно, не надъ нимъ, а надъ легковѣріемъ тѣхъ, кого они хотѣли вылечить отъ заразительнаго его вліянія. Они точно хотѣли, чтобы Берне писалъ трактаты гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, о свободной торговлѣ, о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, объ осколкахъ глиняныхъ горшковъ, найденныхъ въ какихъ нибудь курганахъ, и тому подобной ненужной дряни, о которой нѣмецкими учеными написаны уже сотни томовъ. Берне укоряли даже въ томъ, что у него нѣтъ *новыхъ идей*. «Подвергните пыткѣ всѣхъ вашихъ профессоровъ,—говоритъ Берне на это,—и если при третьей степени ея они сознаются, что нашли новую идею, то знайте, что это ложь, вызванная страшною физическою болью,—ложь, отъ которой они отрекутся, какъ скоро вы освободите ихъ». «А что сдѣлали ваши ученые, ваши просвѣтители народа? Какія новыя идеи они создали, чему они научили Германію? Какъ будто въ Германіи было мало учености, мало университетовъ? Чего она достигла съ ними, и пошла ли она послѣ войны за освобожденіе впередъ или назадъ?» Противники Берне обходили этотъ вопросъ, потому что они знали, что они представители реакціи и гасильники свободы. Берне говоритъ, что «еслибы храбрый Блюхеръ дожилъ до того времени, когда Менцель выступилъ *защитникомъ* нѣмецкаго народа, то, можетъ быть, Блюхеру пришлось бы утѣшиться въ Магдебургской крѣпости участью Арминія, потому что хотя Блюхеръ и самъ былъ гусаромъ, но не сказалъ бы ни слова въ пользу нынѣшняго гусарскаго управленія Пруссіей». Въ Берлинѣ, напримѣръ, полиція конфисковала сочиненія Берне. «Какъ будто дождь можетъ прекратиться отъ того, что нѣсколько человѣкъ идутъ подъ зонтиками!» говоритъ на это Берне. Вотъ съ какой массой реакціонной лжи и тупоумія приходилось бороться Берне! Сколько нужно было силы, чтобы выступить въ полѣ, одному противъ всей тяжелой кавалеріи нѣмецкой ученой неповоротливости и ученой основательности.

Но зато съ какой тонкой ироніей Берне смѣется и трунитъ надъ трусливою ученостью нѣмцевъ, и какъ онъ ловко разоблачаетъ смѣшное буквоѣдство нѣмецкихъ ученыхъ, затупѣвшихъ отъ многочтенія и отъ отыскиванія философскаго камня безусловной истины до того, что у нихъ зашелъ умъ за разумъ, и они превратились въ жалкую игрушку австрійско-прусской интриги. «Какую пользу приносятъ вамъ, господа профессоры и ученые, ваша кабинетная замкнутость, ваша основательная ученость, ваша объективность и разумность? Вы больше ничего, какъ шуты въ ученыхъ колпакахъ, не понимающіе, что вся ваша ученость не стоитъ и копейки, потому что отъ нея нѣтъ никакой пользы». Если разумъ хочетъ одержать побѣду надъ неразумѣемъ, онъ самъ долженъ быть неразумнымъ съ обоихъ своихъ концовъ; будьте разумны только на серединѣ. «Дѣлайтесь жидкими, профессоры; отрекитесь отъ своей гордости; становитесь маленькими, о великіе умы; дробитесь на части и затѣмъ перемѣшивайтесь съ дѣлами и людьми нашей песчаной страны,—поучаетъ Берне нѣмецкихъ профессоровъ и ученыхъ.—Соедините вмѣстѣ науку, искусство, жизнь. Но развѣ вы это дѣлаете? Развѣ жизнь

что либо выигрываетъ отъ вашего знанія? Неужели вы хотите вѣчно только стряпать и никогда не подавать на столъ? Развѣ д'Аламберъ, Дюкло, Рейналь, Кондорсе, Мабли были менѣе васъ основательны изъ-за того, что они пополняли свои стаканы изъ бутылокъ, а не изъ колодцевъ? Неужели вы не можете быть умны потому, что вы глубокомысленны? Дѣлать науку неуклюжею, брюзгливою—развѣ это значитъ служить ей? Если мышленіе для васъ такая тяжелая работа, что послѣ него вы должны каждый разъ отдыхать,—такъ ужъ лучше перестаньте совсѣмъ думать. Для здороваго ума и духа работа составляетъ жизнь, а наука для него—отдохновеніе». Но нѣмецкіе ученые своимъ тяжеловѣснымъ умомъ думали совсѣмъ иначе и поступали навыворотъ. Для нихъ наука не служила для жизни, а была какою-то химической лабораторіей, въ которой они думали создать истину и, отшлифовавъ и отдѣлавъ ее въ серебро и золото, приподнести въ подарокъ нѣмецкому человѣчеству. По справедливому выраженію Берне, они вѣчно стряпали и никогда не подавали на столъ. Вокругъ ихъ лабораторіи стоятъ голодныя толпы народа, а нѣмецкіе повара нѣмецкой науки, надѣвъ на себя бѣлые колпаки, стучатъ только поварскими ножами да дразнятъ голодныхъ запахомъ какого-то очень вкуснаго будущаго кушанья, котораго они однако никому не показываютъ. Вѣдь это очень скучно и нелюбезно. Такихъ людей, какъ Берне, ученые нѣмецкіе повара называли неразумными торопыгами за то, что они не хотятъ ждать терпѣливо рожденія какой-то новой истины. «Но что такое истина?—спрашиваетъ Берне.—Что значитъ разумъ, которымъ гордятся лаборанты, считающіе только себя разсудительными и умными людьми? «Вашъ разумъ,—отвѣчаетъ имъ Берне,—есть безумный бредъ *всѣхъ*; разумъ же одного отдѣльнаго человѣка, который опередилъ васъ, вы называете безумнымъ бредомъ. Что по вашему—истина? Заблужденіе, имѣющее нѣсколько столѣтій отъ роду. Что по вашему—заблужденіе? Истина, прожившая на свѣтѣ всего одну минуту. Не будьте такими умниками, а будьте живыми людьми; перестаньте быть взрослыми карликами и приносите пользу себѣ и другимъ. А это такъ легко. Вамъ стоитъ для этого сдѣлаться плутами и перестать быть честными». Берне, какъ пропагандистъ новой правды, хочетъ, чтобы и нѣмецкіе ученые явились такими же пропагандистами и популяризаторами. Это-то онъ и называетъ сдѣлаться плутами и перестать быть честными. «Одинъ дипломатъ,—разсказываетъ Берне,—обратился къ одному профессору съ письменною просьбою достать учителя для его дѣтей, но съ условіемъ, чтобы этотъ наставникъ былъ порядочный человѣкъ и не либералъ. Профессоръ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ исполнить этого желанія, потому что въ настоящее время всѣ порядочные люди либералы. Это былъ отвѣтъ честный и прямой. А будь нашъ философъ плутъ, какимъ ему слѣдовало бы быть, онъ отыскалъ бы архилиберальнаго молодого человѣка и отправилъ бы его къ дипломату, снабдивъ слѣдующею запискою: «При семъ прилагаю человѣка согласно вашему заказу; это—образецъ молодыхъ людей, родственникъ господина фонъ-Галлера въ Бернѣ», и затѣмъ привезенный контрабандою наставникъ сталъ бы сѣять сѣмена добра въ сердцахъ своихъ высокоблагородныхъ питомцевъ, а, можетъ быть, даже преобразовалъ бы и самого старика. Почему же нѣтъ? Развѣ это такъ невозможно? Развѣ дипломатъ не человѣкъ?—спрашиваетъ Берне.

Мы пришли теперь къ самому щекотливому пункту—къ теоріи политической нравственности Берне. Вопросъ этотъ спорный и до сихъ поръ, а тогда онъ былъ еще спорнѣе. Люди соглашаются быть всѣмъ и безъ обиды перенесутъ прозвище идіота, но никто не снесетъ, когда его назовутъ безчестнымъ. Но честность и нравственность—такой философскій камень, надъ составомъ котораго еще не условились алхимики. Ложь, конечно, скверная вещь. И если вы спрашиваете *вообще*, то, конечно, не найдется ни одного человѣка, который бы сказалъ, что лгать похвально. Но развѣ былъ хотя одинъ человѣкъ, со временъ Адама, человѣкъ, даже выкованный изъ червоннаго золота правды, который бы не сказалъ никогда ни одной лжи? Я напомню читателю старый, употребленный уже у насъ примѣръ, потому что лучшаго и не придумаешь. Муцій Сцевола, когда сжегъ свою руку, и когда Порсена спросилъ его: много ли у нихъ еще такихъ молодцовъ, отвѣтилъ: насъ триста—и солгалъ: онъ былъ одинъ. Что же, слѣдовало ему сказать правду, когда этимъ отвѣтомъ онъ могъ бы погубить свое отечество? Ученіе Берне нельзя мѣрять филистерскимъ аршиномъ изъ времени нѣмецкаго политическаго застоя. Берне не былъ холоднымъ проповѣдникомъ того повседневнаго благоразумія, съ которымъ люди рѣшаютъ ничтожныя дѣла и которое рѣшительно не годится, когда рѣшаются дѣла великія, когда вся сила заключается въ страсти и въ мужественномъ сердцѣ. Берне укоряетъ нѣмцевъ за то, что они въ состояніи быть мужественными только одну минуту. Будьте мужественны и страстны только годъ, и вы увидите, какъ у васъ сдѣлается хорошо,—говоритъ онъ нѣмцамъ.—Слушайтесь своего сердца, а не своего филистерскаго ума, ибо только голосъ сердца чаруетъ и увлекаетъ. «Какъ могущественно одинъ малѣйшій звукъ его побѣждаетъ и приводитъ въ смущеніе безчисленное множество лживыхъ выдумокъ даже самаго сильнаго дарованія! Даже заблужденія сердца... но заблужденій сердца не существуетъ. Заблужденіями эти движенія являются только тогда, когда ихъ оцѣниваютъ по правиламъ мошеннической таблицы умноженія торгашей, которые покупаютъ и продаютъ добродѣтель; но у неба совсѣмъ другого рода ариѳметика». Берне жилъ въ такое время, когда шла великая борьба политическихъ идей, и когда каждый долженъ былъ отстаивать дѣло своей стороны. Еще бы воюющіе теперь французы и пруссаки вздумали руководиться во взаимныхъ отношеніяхъ нравственными афоризмами прописей! Берне зналъ, что онъ—воитель, и онъ велъ войну сознательную, думая только о томъ, чтобы доставить побѣду своему дѣлу. «Нѣ-

мецъ думаетъ,—говоритъ Берне,—что и въ войнѣ за политическія убѣжденія главное дѣло—сражаться за истину и говорить то, что считаешь справедливымъ и честнымъ. Нѣмецъ совершенно забываетъ, что это—война, какъ и всякая другая, и что сражаться за доброе дѣло еще недостаточно, а нужно заботиться и о соратникахъ. Ихъ надо вербовать, собирать, вооружать, ободрять и награждать. Французъ хвалитъ и защищаетъ каждаго, стоящаго на его сторонѣ, и порицаетъ, причиняетъ вредъ каждому, дѣйствующему противъ него. Нѣмцы, отыскивающіе теоретическую правду и гоняющіеся за призракомъ честности, такъ поступать не умѣютъ, и оттого они всегда проигрываютъ». Считая себя воиномъ въ полѣ, Берне и держалъ себя такъ, какъ долженъ держать себя воюющій воинъ, а не какъ воинъ, живущій въ казармѣ на мирномъ положеніи. Правда, пригодная для казармы, негодится въ полѣ. «Неужели, когда я выхожу въ битву,—говоритъ Берне,—и противъ меня стоитъ глупый обломъ, не знающій, гдѣ онъ находится, откуда пришелъ, куда идетъ, за кого и за что сражается,—вы мнѣ прикажите щадить его изъ-за того, что онъ глупъ? Но вѣдь это не мѣшаетъ ему дѣлать свое дѣло, и пуля его попадетъ также хорошо, какъ попала бы, еслибы онъ стрѣлялъ сознательно. Вотъ почему я и дерусь съ нимъ... Мы должны отречься отъ всякой умѣренности и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ... Пусть нѣмецкая свобода лежитъ въ непролазной грязи. Вѣдь только оттого злоба и побѣждаетъ всюду, только оттого пошлость и глупость всегда остаются въ выигрышѣ, что онѣ идутъ къ цѣли кратчайшей дорогой, не заботясь о томъ, чиста она или грязна. Чистота не устрашаетъ *ихъ; онъ* даже употребляютъ благородныя средства для достиженія скверныхъ цѣлей, а *мы* станемъ избѣгать грязи даже въ томъ случаѣ, когда по ней можно дойти до добра... Да, мечъ противъ меча, коварство противъ коварства, грязь противъ грязи, собачій лай противъ собачьяго лая. Гейне говоритъ, что и свобода должна имѣть своихъ іезуитовъ; я говорю то же самое. Но не только іезуитовъ,—она должна имѣть все, чѣмъ обладаютъ ея враги... Намъ незачѣмъ противопоставлять коварству искренность, пороку—добродѣтель, наглости—кротость, грубости—вѣжливость». Уроки политической честности, которые преподаетъ Берне своимъ соотечественникамъ, — уроки честности военнаго времени. Берне именно жилъ въ такое военное время; Берне всю жизнь свою сражался, и оцѣнять его политическую мораль съ иной точки зрѣнія и укорять за то, что онъ считалъ всѣ средства позволительными, лишь бы они достигали цѣли, едвали будетъ справедливо. Берне не лукавитъ и не лжетъ; онъ прямо говоритъ, что онъ—боецъ за нѣмецкую свободу, что ее никогда не добьешься церемонными средствами, и что нѣмцы всегда оставались въ дуракахъ только потому, что хотѣли быть теоретически цѣломудренными, какъ старыя дѣвы. Надъ этими цѣломудренными дѣвами Берне и смѣется въ лицѣ осмѣиваемыхъ имъ нѣмецкихъ профессоровъ и называетъ ихъ невинность—глупостью. Берне слѣдуетъ опредѣлять съ точки зрѣнія его времени, съ точки зрѣнія тогдашняго состоянія Германіи, а не съ точки зрѣнія отвлеченной морали въ ея философскомъ опредѣленіи. Берне хотѣлъ именно вывести нѣмцевъ изъ ихъ теоретическаго усыпленія, изъ ихъ туманныхъ стремленій къ воздушному идеалу человѣчества. Онъ хотѣлъ стащить ихъ на землю и показать, что въ средоточіи земной жизни стоитъ живой человѣкъ, и что для этого-то живого человѣка и долженъ работать каждый. И этотъ живой человѣкъ не есть какая нибудь абстракція: онъ въ каждомъ нѣмцѣ; поэтому и каждый нѣмецъ долженъ, наконецъ, проснуться, понять самаго себя и дѣйствовать, какъ слѣдуетъ живому человѣку. Берне хотѣлъ явиться будильникомъ личнаго гражданскаго сознанія, и въ тотъ моментъ, въ который онъ дѣйствовалъ, считалъ только одну дѣятельность единственно достойной—пропагандировать между своими соотечественниками идею свободы и возбуждать ихъ энергію для ея завоеванія, ибо не вѣрилъ, чтобы прусское или австрійское правительство могли дать ее нѣмецкому народу, если онъ самъ ея не потребуетъ.

Августъ 1870.

Н. В. Шелгуновъ.

ГЕНІЙ МОЛОДОЙ ГЕРМАНІИ.

(Сочиненія Генриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей Петра Вейнберга).

I.

Я бы хотѣлъ, чтобы какой нибудь эстетикъ научилъ меня,—читая Гейне, уноситься въ безконечное, прекрасное, возвышенное и забыть, что я лежу на диванѣ и читаю книгу, каждое слово которой говоритъ о страданіи,—чтобы онъ научилъ меня слышать только гулъ морской волны, когда Гейне рисуетъ море, слышать только шелестъ и разговоръ листьевъ, когда онъ описываетъ лѣсъ, и въ похвалахъ природѣ не читать укора человѣческой тупости,—чтобы онъ научилъ меня уноситься вмѣстѣ съ вѣдьмами и домовыми на вершину Брокена и вмѣстѣ съ нѣмецкими русалками опускаться на дно Нѣмецкаго моря, забывъ о томъ, что на маленькой землѣ такъ много маленькихъ людей. Научите, эстетики, какъ забыть все,—и то, что пережилось, и то, что переживается,—какъ въ прошломъ не читать настоящаго и не видѣть будущаго?

Неужели Гейне писалъ только для того, чтобы уносить эстетиковъ въ безконечное? Бѣдный Гейне, еслибъ ты зналъ, что г. Николай Соловьевъ, и г. Страховъ, и «Русскій Вѣстникъ», и «Всемірный Трудъ», и «Заря», и тысячи тысячъ русскихъ людей, стоящихъ за ними, смотрятъ на тебя, какъ на усыпляющій морфій,—я знаю, какимъ бы словомъ обозвалъ ты этихъ людей. Впрочемъ, эта русская горькая капля едва ли прибавила бы много горечи къ тому ведру полыни, которое приподнесло тебѣ тупоуміе твоихъ собственныхъ соотечественниковъ. Ты бы, можетъ быть, только кротко улыбнулся и сказалъ: «все это мы уже знаемъ».

Гейне—зеркало, отражавшее свое время. Все честное, умное, хорошее, и все ожившее, тупое и самодовольное проходятъ передъ вами церемоніальнымъ маршемъ, какъ на парадѣ. Вы видите тупость въ ея сомкнутомъ строѣ, точно прусская армія, величавая и гордая въ своемъ всепобѣдномъ насиліи; вы видите и свѣтлые ручейки надежды, манящіе васъ съ собою куда-то вдаль, точно въ концѣ ихъ лежитъ страна счастья, куда они хотятъ показать вамъ дорогу; вы слышите ликующее торжество нѣмецкаго толстаго лба, довольнаго своею глубокой философіей и гордо охраняющаго свои темницы,—а за рѣшетками этихъ темницъ раздаются проклятія и стоны и голосъ безнадежнаго отчаянія; вы видите блестящую грязь и фальшивыхъ монетчиковъ мысли, растолстѣвшихъ и довольныхъ, какъ сибариты,—и жестокое страданіе честныхъ людей, которыхъ великая скорбь довела до сумасшедшаго дома и преждевременной смерти. Несчастіе и страданіе, муки томительной безнадежности, колоссальное непониманіе себя и дрянность, точно безконечныя горы, тянутся одна за другой все дальше и дальше, выше и выше, и скрываются въ безконечной синей дали.

Гейне—зеркало, зеркало, отражающее міровую скорбь, міровую жизнь, Но онъ не такое зеркало, какое открылъ въ графѣ Толстомъ г. Николай Соловьевъ. Графъ Толстой, по словамъ московскаго критика, даетъ красоту жизни, но у Гейне такой красоты жизни нѣтъ. Его красота—въ его талантѣ, въ переходахъ его духа, въ быстрыхъ перемѣнахъ цвѣтовъ его душевнаго настроенія. Онъ точно разноцвѣтное зеркало, окрашивающее картины міра въ разные переливающіеся цвѣта. Гейне напрасно старается прикидываться объективнымъ. Онъ слишкомъ тонокъ, впечатлителенъ, нервно-раздражителенъ, чтобы сидѣть въ раковинѣ объективности. Все его тревожитъ, и колетъ, и безпокоитъ, и бѣситъ. Но въ этомъ непосѣдливомъ, безпокойномъ духѣ, вѣчно подвижномъ, вѣчно впечатлительномъ, сторожливомъ, какъ въ свѣтломъ прозрачномъ озерѣ, отражается и громовая туча, и набѣгающее легкое облачко, и быстро пролетѣвшая ласточка, и утомленный путникъ, идущій по берегу, и оселъ, щиплющій траву. Озеро это такъ чисто и прозрачно, что вы видите только отражаемые имъ предметы, но самой отражающей поверхности вы не замѣчаете. Тонкая, впечатлительная душа Гейне скорбитъ лишь чужой скорбью, и въ чужой-то скорби ея собственная скорбь. Гейне не даетъ вамъ ни типовъ, ни характеровъ; онъ не пишетъ ни романовъ, ни повѣстей; онъ вѣчно самъ съ собою, съ собственными впечатлѣніями и ощущеніями, но въ его отраженныхъ впечатлѣніяхъ вы читаете исторію времени, исторію честнаго чувства, которое не можетъ погрузиться въ самодовольное созерцаніе.

Гейне—лирикъ, но не лирикъ по художественному рецепту Николая Соловьева. По рецепту нашихъ эстетиковъ озеро должно отражать только небо да облака, да дальнія горы, но оно не смѣетъ отражать ни ласточекъ, быстро пронизывающихъ воздухъ, ни ястреба, высматривающаго добычу, ни тучныхъ и тощихъ коровъ, ни пасущихсяословъ. Русскіе эстетики хотятъ, чтобы искусство было гравюрой, по которой очень удобно было бы переходить глазами черезъ болото, не шевеля ногами. Гейне—лирикъ, но не лирикъ, описывающій свою любовь къ *ней* или свои тайныя муки ревности и опять къ *ней*. Онъ описываетъ красоты природы не для того, чтобы сказать, что *она* выше всѣхъ этихъ красотъ. Гейне—лирикъ другого чувства. Какъ онъ любитъ дѣву, вы отъ него не узнаете. Какъ дѣйствуютъ луна и ночь, и солнце, и соловьи на возбужденіе *его* сладострастныхъ чувствъ къ *ней*—вы у него не прочитаете. Кому какое дѣло до того, какъ любитъ Гейне женщину и какія нѣжныя слова говоритъ онъ ей, и какъ онъ ее ласкаетъ, и какая у него ревность! Красавица, о которой говоритъ Гейне, которая его мучитъ день и ночь, которую онъ любитъ всѣми своими силами—это его родина, его милая Германія. Хотите знать, какъ онъ ее любилъ и за что; хотите знать, какъ онъ хочетъ сдѣлать хорошей, умной, счастливой,—читайте, что отражало любящее сердце Гейне, и вы это узнаете,

Но эстетики улыбаются; я знаю, чему они улыбаются. Гейне, оправдываясь противъ обвиненій въ индифферентизмѣ, въ барствѣ, въ непослѣдовательности и даже въ отступничествѣ, говоритъ, что не карликамъ судить о немъ, что взглядамъ карликовъ не достигнуть вершины тѣхъ памятниковъ, которые онъ воздвигъ въ Европѣ къ вѣчной славѣ нѣмецкаго духа. Эти нападки напоминаютъ Гейне маленькихъ парижскихъ зѣвакъ, которые при поднятіи обелиска на площади Людовика XVI высказывали свои мнѣнія о достоинствѣ и полезности этого памятника. Одинъ чахоточный, тощій портной утверждалъ, что красный камень не довольно твердъ, чтобы долго сопротивляться сѣверному климату. Этотъ портной шилъ очень скверные сюртуки, изъ которыхъ ни одна тряпка не дойдетъ до потомства,—говоритъ Гейне,—да и самъ онъ уже лежитъ на кладбищѣ Лашеза, а красный камень все еще непоколебимо стоитъ на площади Людовика XVI и будетъ стоять еще цѣлыя столѣтія. Странныя мысли, однако, приходятъ въ голову, — говоритъ Гейне, — когда начинаешь думать объ этомъ Луксорскомъ обелискѣ. Кто разгадаетъ этотъ голосъ древняго времени, эти

древніе іероглифы? Можетъ быть, въ нихъ заключается проклятіе, а можетъ быть—и рецептъ для исцѣленія нашего времени. «Ахъ, пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ мы отыщемъ великое цѣлебное средство; до тѣхъ поръ придется намъ сильно хворать и употреблять всевозможныя мази и домашнія средства, которыя будутъ только усиливать болѣзни. Тутъ прежде всего приходятъ радикалы, прописывающіе радикальное леченіе, которое однако дѣйствуетъ только наружнымъ образомъ, потому что развѣ только уничтожаетъ общественную коросту, а не внутреннюю гнилость. А если имъ и удается на короткое время избавить страждущее человѣчество отъ страшнѣйшихъ мукъ, то это дѣлается въ ущербъ послѣднимъ слѣдамъ красоты, до тѣхъ поръ остававшимся у больного; гадкій, какъ вылечившійся филистеръ, встанетъ онъ съ постели, и въ отвратительномъ госпитальномъ платьѣ, пепельно-сѣромъ костюмѣ равенства, станетъ жить со дня на день. Вся безмятежность, вся сладость, вся поэзія будутъ вычеркнуты изъ жизни, и отъ всего этого останется только румфордовъ супъ полезности... Сухое будничное настроеніе новыхъ пуританъ распространяется уже по всей Европѣ, точно сѣрыя сумерки, предшествующія суровому зимнему времени... Что значатъ бѣдные соловьи, которые въ нѣмецкомъ поэтическомъ лѣсу вдругъ мелодически зарыдали болѣзненнѣе, но и слаще, чѣмъ когда либо? Они поютъ тоскливое прости!..»

Но вѣдь Гейне говоритъ здѣсь не противъ Добролюбова и Писарева, г. Соловьевъ! Онъ говоритъ противъ карликовъ, противъ филистеровъ; а филистеры—какъ морской песокъ. Платье не измѣняетъ души, и маскарадъ филистеровъ доказалъ это достаточно. Даже и республиканскій плащъ не довольно длиненъ и красенъ, чтобы совершенно скрыть копыто. Филистеровъ теперь такъ много на свѣтѣ, что ихъ не умѣстятъ на себѣ всѣ соборныя площади Европы. Они разбрелись повсюду, живутъ во всѣхъ лагеряхъ и чувствуютъ себя весьма пріютно и въ эстетическомъ фракѣ, и въ реалистическомъ плащѣ, и въ панталонахъ радикализма, и въ тогѣ роялизма. Какъ будто потому, что сѣверная Америка—республика, всѣ граждане ея должны быть Катонами и Брутами? Посредственность и тупость—вотъ прирожденное клеймо филистерства. Что оно перемѣняетъ плащъ и родится иногда отъ умныхъ людей, и даже повторяетъ умныя фразы,—это доказываетъ только, что для порядочности недостаточно еще одного происхожденія. Филистеръ-реалистъ—это худшій видъ филистерства, ибо онъ щеголяетъ въ чужомъ плащѣ и вводитъ въ заблужденіе и своихъ, и чужихъ. Когда Берне писалъ противъ Гейне, онъ зналъ, что онъ говорилъ; но когда всякій школьный учитель станетъ повторять его слова—это будетъ чахоточный портной, разсуждающій о прочности обелиска. Когда Писаревъ говорилъ, что онъ расходится съ Добролюбивымъ—онъ тоже зналъ, что говорилъ; но когда вамъ повторяетъ тѣ же слова недоучившійся гимназистъ, поступающій въ юнкера, вамъ становится стыдно, вы опускаете глаза и видите, что изъ-подъ реальнаго плаща торчитъ копыто. Филистеръ-реалистъ самоувѣренъ, какъ всякій филистеръ, и, какъ всякій филистеръ, признаетъ непогрѣшимость только собственнаго ума. Это хорошо. Но все-таки нѣтъ, ничего противнѣе молодыхъ неоперившихся воронъ сидящихъ въ своихъ черныхъ филистерскихъ гнѣздахъ и только разѣвающихъ свои широкіе рты, изъ которыхъ ничего не выходитъ. Писаревъ неосновательнѣнъ, Гейне непослѣдовательнѣнъ, —говоритъ филистеръ, и ищетъ умственнаго спасенія въ основательности учебника исторіи, который гораздо понятнѣе для убогаго ума. Вотъ о какой породѣ людей говоритъ Гейне: онъ говоритъ о той породѣ глупцовъ, которая была его насущнымъ хлѣбомъ, потому что не будь этихъ глупцовъ, не было бы и Гейне. «Я испыталъ на себѣ, каковы эти критики,—говоритъ онъ: —курица становится на одну ногу и кудахчетъ, что въ пѣвцѣ нѣтъ души; индѣйскій пѣтухъ клохчетъ, что въ немъ нѣтъ должной серьезности; голубокъ воркуетъ, что онъ незнакомъ съ истинною любовью; гусь гогочетъ, что онъ не ученъ; каплунъ кричитъ, что онъ недостаточно нравственъ; снѣгирь свиститъ, что у него, къ сожалѣнію, нѣтъ религіи; воробей чирикаетъ, что онъ не довольно производителенъ; удодъ, сорока, филинъ—всѣ скрипятъ, стрекочутъ и охаютъ... одинъ соловей не вмѣшивается въ эту критику: онъ не обращаетъ вниманія ни на что вокругъ; всѣ его мысли, всѣ его пѣсни направлены къ алой розѣ; страстно порхаетъ онъ вокругъ алой розы и вдохновенно бросается въ любимые шипы, истекаетъ кровью и поетъ». Прежде филистеровъ было меньше, потому что они не выучились читать; но когда они выучились читать и стали затѣмъ разсуждать, соловьи зарыдали, потому что ихъ заглушило карканье воронъ. Развѣ не филистеры заѣли жизнь Берне? Развѣ не это бездарное, сухое филистерство, котораго боялся Гейне, подняло теперь всю Германію на Францію? Развѣ такъ Гейне и Берне учили любить свою родину? Развѣ для того они хотѣли видѣть Германію сильной, чтобы она позорилась осадой Парижа и избіеніемъ французовъ? Развѣ они для того возбуждали національное чувство, чтобы превратить его въ прусскій шовинизмъ?

Берне видѣлъ отлично, какой лѣсъ ослиныхъ ушей покрываетъ германскую почву, и какъ недостоточно его единственныхъ ножницъ, чтобы выкроить всѣ ослиныя уши въ уши человѣческія. Берне горячится, торопится, спѣшитъ, а тутъ такой могучій человѣкъ, какъ Гейне, время отъ времени уходитъ въ рощу, чтобы слушать соловьевъ! У насъ нѣсколько разъ высказывалось мнѣніе, что между Гейне и Берне было недоразумѣніе. Нѣтъ, это не было недоразумѣніе. Берне—молотокъ; всѣ свои нравственныя и физическія силы онъ направилъ на то, чтобы стучать и стучать въ одно мѣсто. И онъ стучалъ въ одно мѣсто, и достучался до смерти. «Берне былъ великій патріотъ,—говоритъ Гейне:—можетъ быть, самый великій, который со-

салъ изъ груди своей мачихи-Германіи пламеннѣйшую жизнь и горчайшую смерть». Этотъ патріотизмъ заставилъ Берне посвятить всего себя политической дѣятельности. «Берне никогда не переставалъ толковать о политикѣ,—говоритъ Гейне,—и дѣлалъ это даже за обѣдомъ, который часто раздѣлялъ со мной... Но не только за столомъ, даже и во время ночного отдохновенія Берне надоѣдалъ мнѣ своею политическою экзальтаціею. Разъ онъ пришелъ въ полночь ко мнѣ на квартиру, разбудилъ меня отъ самаго сладкаго сна, сѣлъ передъ моею постелью и цѣлый часъ разливался въ соболѣзнованіяхъ о бѣдствіяхъ нѣмецкаго народа и о поступкахъ нѣмецкихъ правительствъ, и разсказалъ о томъ, какъ онъ готовился писать объ этихъ послѣднихъ и противъ всего союзнаго сейма...» Въ этомъ неугомонномъ, вѣчно свѣжемъ и постоянно новомъ сосредоточеніи на своей идеѣ выразился весь Берне. Онъ жилъ только жизнью своего глубокаго убѣжденія.

Гейне былъ тоже великій патріотъ, и онъ былъ тоже мухой, кусавшей спящаго Михеля, но свою политическую роль онъ считалъ проніею судьбы. Онъ говоритъ, что ему, человѣку склонному къ созерцательной жизни, выпало на долю исторгать бѣдныхъ соотечественниковъ изъ ихъ безмятежнаго спокойствія; ему пришлось издавать политическія газеты, обсуживать современные вопросы, подстрекать страсти и постоянно щекотать у бѣднаго нѣмецкаго народа въ носу, для того, чтобы онъ очнулся отъ своего здороваго, исполинскаго сна... Гейне самъ устанавливаетъ разницу между собою и Берне. Онъ дѣлитъ людей на «евреевъ» и «эллиновъ» и подъ этимъ разумѣетъ не народъ, не національность, а столько же враждебное, сколько и развитое образованіемъ, направленіе ума и воззрѣнія на вещи. «Въ этомъ смыслѣ я могъ бы сказать,—говоритъ Гейне,—всѣ люди—или «евреи» или «эллины», т. е. люди—или съ побужденіями, враждебными образности, жадными до абстрактной идеи, или съ веселымъ, гордымъ и реалистическимъ характеромъ...» Берне былъ вполнѣ «еврей»; его антипатія къ Гете истекала изъ этого духа; его позднѣйшая политическая экзальтація имѣла основаніемъ тотъ рѣзкій аскетизмъ, то стремленіе къ мученичеству, которые вообще встрѣчаются въ республиканцахъ и которые они называютъ республиканскими добродѣтелями». Такимъ образомъ, Берне былъ политическій дѣятель по міровоззрѣнію и демократъ по характеру; онъ былъ настоящій боецъ за свободу, но за свободу политическую, тогда какъ Гейне именно по своему пластическому реализму не могъ сосредочиваться на одномъ предметѣ и раскидывался. Берне весь ушелъ въ одно: онъ видѣлъ только несчастіе страдающей Германіи и всѣ свои силы направилъ на одну точку, въ которую и стучалъ не переставая; Берне былъ глухъ и слѣпъ для всего остального. Гейне же, кромѣ страдающей Германіи, смотрѣлъ и на небо, и на море, любилъ слушать и соловьевъ. Конечно, онъ пользуется природою тоже для того, чтобы будить Германію; но онъ будилъ ее, не нарушая собственнаго покоя, и если могъ быть активнымъ, то настолько, чтобы отрѣшиться отъ своего «эллинства». Поэтому Гейне не былъ и не могъ быть агитаторомъ; молясь свободѣ, онъ по личному характеру былъ не въ состояніи превратиться въ чернорабочаго. А между тѣмъ въ какой восторгъ приводитъ Гейне іюльскій переворотъ, разбудившій Францію отъ долгаго сна реставрацій. «Я все еще точно во снѣ,—пишетъ Гейне;—особенно имя Лафайета звучитъ для меня какъ сказка, слышанная въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ снова сидитъ на конѣ, предводительствуя національной гвардіей! Я почти боюсь, что это неправда, потому что это напечатано. Ровно 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Америки и провозгласилъ человѣческія права, эти десять заповѣдей новой міровой вѣры, которыя тамъ были открыты ему при громѣ и молніи пушекъ!.. И теперь снова развѣвается на парижскихъ башняхъ трехцвѣтное знамя, и снова раздаются звуки марсельезы! Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, марсельеза... Я въ совершенномъ опьяненіи. Смѣлыя надежды страстно воздымаются во мнѣ... Кончилась моя жажда спокойствія. Теперь я снова знаю, что я хочу, что долженъ, что обязанъ сдѣлать... Я—сынъ революціи и снова берусь за оружіе, надъ которымъ моя мать произнесла свое полное чаръ благословеніе... Цвѣтовъ: цвѣтовъ! Я увѣнчаю ими свою голову для смертельной битвы! И лиру дайте мнѣ, лиру, чтобы я спѣлъ боевую пѣсню...» «А Германія,—спрашиваетъ Гейне,—сдѣлаетъ ли она изъ своихъ дубовыхъ лѣсовъ настоящее употребленіе? Сдѣлаетъ ли она что-нибудь для своей свободы? Въ Вартбургѣ,—говоритъ Гейне,—я посѣтилъ арсеналъ оружія среднихъ вѣковъ. Молодой аристократикъ, предки котораго были могущественные бароны, снялъ со стѣны длинный мечъ, любопытствуя узнать, можетъ ли онъ сдержать его, но сознался, что мечъ тяжелъ, и въ уныніи опустилъ руку. «Когда я увидѣлъ это,—говоритъ Гейне,—когда я увидѣлъ, что рука внука слишкомъ слаба для меча дѣдовъ, тогда я подумалъ про себя: «Германія могла бы быть свободною...»

Но личное участіе Гейне не идетъ дальше восторга сочувствія, дальше возбужденія энергіи бойцовъ, дальше указанія на благопріятные признаки. Когда ему приходилось смотрѣть на рабочихъ близко, его пластическій реализмъ возмущается: онъ не выноситъ грубости простонародья. Послѣ іюльскихъ дней Берне сдѣлался въ Парижѣ душою нѣмецкой демократической пропаганды. Парижская пропаганда,—говоритъ Гейне,—состояла скорѣе изъ грубыхъ рукъ, чѣмъ изъ развитыхъ головъ. Но, несмотря на это, пропаганда эта была гораздо опаснѣе всѣхъ тѣхъ выдуманныхъ пугалъ, которыми доносчики пугали нѣмецкія правительства. Писанное слово Берне, можетъ быть, много уступало въ могуществѣ его устному слову, потому-что это слово принималось съ вѣрою и разносилось затѣмъ по Германіи съ изумительнымъ рвеніемъ. Берне говорилъ хорошо, связно, убѣдительно, понятно для народа; онъ говорилъ, какъ клубный ораторъ. Но именно, можетъ быть, потому, что

приходилось гремѣть своимъ словомъ и разжигать людей, Гейне чувствовалъ, что онъ не можетъ быть ни Демосѳеномъ, ни Мирабо, хотя зналъ хорошо, что «нельзя сдѣлать революцію лавандным масломъ».

Итакъ, Гейне—не трибунъ, не народный ораторъ; онъ самъ говоритъ объ этомъ и не фальшивитъ, надѣвая на себя личину. Я не знаю, за что тутъ сердиться на Гейне?—точно онъ далъ слово быть революціонеромъ и не сдержалъ его. Гейне зналъ свои силы и не хотѣлъ брать на себя роли оратора. «Писатель, желающій содѣйствовать соціальному перевороту, всегда долженъ опережать на цѣлое столѣтіе свое время; напротивъ того, трибунъ, намѣревающійся произвести переворотъ политическій, не долженъ слишкомъ отдаляться отъ массъ. Вообще въ политикѣ, какъ и въ жизни, слѣдуетъ желать только достижимаго». Вотъ какъ разсуждаетъ Гейне; такъ онъ и поступалъ. Онъ не могъ взяться за дѣло Берне; онъ не могъ бы быть Мадзини; но онъ сдѣлалъ свое дѣло по своему, честно служилъ свободѣ своимъ словомъ, указывалъ на раны своего отечества, будилъ Михеля, возбуждалъ въ нѣмцахъ хорошія чувства. Но и Гейне, какъ Берне, жилъ больше надеждой хорошаго будущаго и, также, какъ Берне, его не дождался. И не одинъ Гейне, и не одинъ Берне! Когда въ Парижѣ, этомъ великомъ человѣческомъ океанѣ,—говоритъ Гейне,—революціонныя волны вышли изъ береговъ, тогда по ту сторону Рейна нѣмецкія сердца шумѣли и пѣнились... Самый неизвѣстный писатель, жившій въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ Германіи, принималъ участіе въ этомъ движеніи, чувствовалъ свое соціальное значеніе и высказывалъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Но бѣдные предшественники Гейне дорого поплатились за свои симпатіи къ либеральнымъ идеямъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Парижъ и тамъ погибли въ бѣдности и страданіяхъ. «Недавно я встрѣтился съ однимъ слѣпымъ соотечественникомъ,—говоритъ Гейне,—который съ того времени живетъ въ Парижѣ. Я встрѣтился съ нимъ въ Пале-Роялѣ, куда онъ пришелъ погрѣться на солнцѣ. Жалко было смотрѣть на него: такъ онъ блѣденъ и худъ, и такъ безпомощно шелъ, опираясь о стѣны домовъ. Мнѣ сказали, что это старый датскій поэтъ Гейбергъ. Видѣлъ я тоже недавно мансарду, въ которой умеръ гражданинъ Георгъ Форстеръ». Но друзьямъ свободы, оставшимся въ Германіи, пришлось бы еще хуже, еслибы не французскія войны. «Наполеонъ,—говоритъ Гейне,—конечно, никогда не подозрѣвалъ, что самъ онъ былъ спасителемъ идеалогіи. Безъ него нѣмецкихъ философовъ вмѣстѣ съ ихъ идеями истребили бы висѣлицею и колесованіемъ. Послѣ паденія Наполеона друзья свободы повѣсили головы и замолчали. Но вотъ совершилась іюльская революція: немногіе изъ старыхъ чудаковъ, которыхъ привыкли видѣть согбенными и почти тупоумно-молчаливыми, вдругъ подняли головы и начали привѣтливо улыбаться и пожимать руки молодымъ, и разсказывать веселыя исторіи, и одинъ изъ нихъ даже пѣлъ при насъ пѣсни... Хорошо, когда такіе старики остаются въ живыхъ, чтобы учить молодыхъ разнымъ пѣснямъ». «Мы, молодые, — говорилъ Гейне, — никогда не забудемъ ихъ, и нѣкоторые изъ насъ будутъ передавать ихъ тѣмъ внукамъ, которые еще не родились... Но многіе изъ насъ до того времени сгніютъ или въ родныхъ темницахъ, или въ чужеземныхъ мансардахъ... Счастливы тѣ, которые спокойно угасаютъ въ родныхъ темницахъ, потому что эти темницы — отечество съ желѣзными рѣшетками!... Счастливы тѣ, которымъ на чужбинѣ приходится бороться только съ бѣдностью, голодомъ и холодомъ—чисто физическими бѣдствіями... Счастливы тѣ, у которыхъ великая скорбь отняла наконецъ послѣднюю частичку ихъ разсудка, и которые находятъ вѣчную погибель въ Шарантонѣ или Бисетрѣ, какъ бѣдный Ф., бѣдный Б., бѣдный Л. и другіе меньше знакомые мнѣ... Но счастливѣе всѣхъ мертвые, лежащіе въ гробахъ на кладбищѣ Лашеза, какъ ты, бѣдный Берне!..» Когда Гейне увидѣлъ Берне осенью 1831 г., т. е. черезъ годъ послѣ іюльской революціи, то нашелъ во всемъ его существѣ страшную перемѣну: Берне исхудалъ; небольшое количество мяса, которое было прежде на его тѣлѣ, совершенно исчезло; глаза его сверкали зловѣщимъ огнемъ; въ голосѣ звучала какая-то болѣзненность, а на щекахъ уже появились чахоточныя красныя пятна.

Истомился и Гейне. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ іюльскихъ дней, которые такъ подняли его духъ, онъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, смотрѣлъ на міръ уже не съ тѣмъ энтузіазмомъ. Гейне говоритъ, что послѣ Вормскаго сейма, когда Лютеръ защищалъ свои тезисы, ни одно событіе такъ не волновало Германіи, какъ іюльская революція. Многимъ казалось уже, что они слышатъ въ отдаленіи трубу страшнаго суда; многимъ казалось, что исполинскій волкъ саги приступаетъ къ своему страшному мщенію и собирается поглотить міръ. «Но онъ не поглотилъ его,—говоритъ Гейне,—и добрый нѣмецкій мѣсяцъ смотритъ также кротко и нѣжно, какъ во дни Вертера и Шарлотты». И во Франціи Гейне нашелъ не то, что рисовало его воображеніе. Вещи явились совсѣмъ не съ тѣмъ цвѣтомъ, который имъ придавалъ раньше энтузіазмъ писателя. Гейне ужъ началъ уставать отъ борьбы; здоровье его было разстроено, но, и утомленный, онъ оставался тѣмъ же честнымъ человѣкомъ, какимъ былъ, какъ бы ни старались пятнать его враги. Въ статьѣ о Берне Гейне дѣлаетъ такое обращеніе къ тѣни покойнаго: «Я не стану защищаться ни противъ упрека въ индифферентизмѣ, ни противъ обвиненія въ продажности. Прежде, при жизни дѣлавшихъ эти намеки, я считалъ это оправданіе недостойнымъ себя; теперь молчанія требуетъ даже приличіе. Полемика между смертью и изгнаніемъ была бы ужаснымъ зрѣлищемъ! Ты протягиваешь мнѣ изъ гроба руку?.. Я безъ злобы протягиваю тебѣ мою... Смотри, какъ она прекрасна и чиста! Ее никогда не марало пожатіе руки черни, точно также, какъ и грязное золото враговъ народа...»

Хотя Гейне и говоритъ, что онъ не знаетъ, что

судьба готовитъ Германіи, что онъ находитъ болѣе полезнымъ разсказывать о прошедшемъ, чѣмъ пророчествовать, но именно его раскидчивость и пластическая объективность давали ему возможность видѣть то, чего не видѣли другіе. Онъ боялся, что тевтоны, нѣмечники, не принесутъ добра Германіи. Этихъ людей онъ считалъ слишкомъ тупыми и односторонними, чтобы они могли устроить судьбу Германіи. Мрачные дураки,—какъ называетъ ихъ Гейне,—они въ своемъ узкомъ патріотизмѣ отдавались лишь мелочному пустословію: — что такое нѣмецкая національность? гдѣ начинается Германія? гдѣ она оканчивается? имѣетъ ли нѣмецъ право курить табакъ? имѣетъ ли нѣмецъ право носить перчатки? Потомъ эти мрачные дураки, подъ вліяніемъ французскаго движенія, снявъ съ себя ливрею безумія, замаскировались въ цвѣта и фразы либерализма. Но они этимъ только стали опаснѣе для новой оппозиціи. Въ средѣ нѣмецкихъ прогрессистовъ кишѣлъ цѣлый рой прежнихъ нѣмечниковъ, лепетавшихъ новыя слова и даже пѣвшихъ марсельезу. Искренніе нѣмецкіе прогрессисты ошибались, принимая ихъ за своихъ, тогда какъ это были ихъ враги, неспособные ни на какую мировую сдѣлку. Хотя преобразованные нѣмечники составляли меньшинство, но зато ихъ фанатизмъ, имѣвшій религіозный характеръ, былъ сильнѣе фанатизма, порожденнаго только разумомъ «Къ этому,—говоритъ Гейне,—въ ихъ распоряженіи находятся тѣ могущественныя формулы, съ помощью которыхъ можно дѣйствовать на грубую чернь; слова «отчизна, Германія, вѣра отцовъ» и т. д. потрясаютъ необразованную массу гораздо сильнѣе, чѣмъ слова «человѣчество, космополитизмъ, истина, разумъ!»...

Гейне былъ правъ, когда говорилъ, что представители національности пустили на нѣмецкой почвѣ корни глубже, чѣмъ представители космополитизма; онъ предсказалъ, что послѣдніе должны будутъ уступить первымъ.

Гейне не дожилъ до того времени, когда Германія во имя отчизны и вѣры отцовъ повела свои полчища во Франціи для убійства, грабежа и униженія обманутаго народа. Гейне умеръ въ Парижѣ въ 1856 г.

II.

Послѣ дураковъ вообще отъ Гейне достается больше всего школьному учителю, побѣдившему впослѣдствіи подъ Садовой. Гейне никакъ не подозрѣвалъ, что несчастный школьный учитель,—которому платили такъ скверно, что онъ могъ питаться только жаренными сосисками, — окажетъ такую услугу пруссакамъ, тѣмъ самымъ пруссакамъ, которыхъ онъ называлъ «дураками въ натуральную величину». Еслибы Гейне могъ только предвидѣть, что школьный учитель выучится стрѣлять и даже изобрѣтетъ игольчатое ружье, то онъ, конечно, присовѣтовалъ бы Наполеону III управлять Франціею лучше.

Нѣмцы съ особеннымъ усердіемъ культивировали въ своихъ школахъ и университетахъ узкое, сухое чванство познаніями и затупляли систематически здравый смыслъ. Университетскіе города — это своего рода умственныя крѣпости, ихъ считается въ Германіи столько же, сколько всякихъ Шпандау и Кенигштейновъ. Пока Европа съ благоговѣніемъ къ учености и глубокой цивилизаціи нѣмцевъ взирала на эти умственныя твердыни, въ нихъ росъ и формировался ландверъ и ланштурмъ, увѣковѣчившіе себя нынѣшней войной въ исторіи европейской цивилизаціи. Гейне еще разъ въ 1824 г., т. е. ровно 46 лѣтъ назадъ, указывалъ на птенцовъ, которые готовились вырости въ нынѣшнихъ *прусскихъ орловъ*. «Я не хочу быть больше знакомымъ съ Теодоромъ,—говоритъ одинъ изъ птенцовъ:—онъ негодяй, потому что вчера не зналъ, какъ родительный падежъ отъ mensa». Маленькіе пищатъ, какъ большіе свистятъ,—замѣчаетъ Гейне. А этихъ свистящихъ филистеровъ въ геттингенскомъ и другихъ университетахъ было страшно много. «Когда утромъ я вижу ихъ стоящими предъ дверьми академическаго правленія,—говоритъ Гейне,—то я едва понимаю, какъ это Богъ могъ сотворить столько бездѣльниковъ». Одинъ экземпляръ этой удивительной породы людей Гейне заставляетъ даже показывать себя за деньги въ Китаѣ. То былъ настоящій чистокровный ученый нѣмецъ, который даже получилъ свидѣтельство отъ мандариновъ Тшингъ-Тшангъ-Тшунгъ и Ги-Га-Го. Въ свидѣтельствѣ объяснялись всѣ штуки, на которыя нѣмецъ былъ большой мастеръ, и которыя состояли преимущественно въ умѣньѣ философствовать, курить табакъ и быть терпѣливымъ. Этотъ бѣднякъ, стремясь постоянно къ положительному и заучивъ, что «разумъ есть высшій принципъ», изжилъ изъ своей жизни все прекрасное, «всѣ солнечные лучи, всѣ вѣрованія и всѣ цвѣты, и ничего не осталось ему, кромѣ холодной, положительной могилы». Но зато онъ со школьною гордостью смотрѣлъ на свои логическія дѣйствія, раздѣлилъ все на объективное и субъективное, уставилъ голову тысячью ящиковъ, гдѣ у него въ одномъ лежитъ умъ, въ другомъ—разумъ, въ третьемъ—остроуміе, въ четвертомъ—тупоуміе, а въ пятомъ ничего, т. е. идея. Но въ Китай уѣхалъ только одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, которому нельзя было оставаться на родинѣ, потому что онъ умеръ бы съ голоду отъ конкуренціи. «Богъ вѣсть какъ и до ужаса страшно,—говоритъ Гейне,—что часто одинъ человѣкъ завладѣваетъ такимъ количествомъ ума, что всѣ его сограждане и вся страна остаются во мракѣ». Но остающіеся во мракѣ лукаво скрываютъ, въ чемъ тутъ фокусъ. Зная, что извѣстный фальшивый человѣкъ написалъ даже фальшивые мемуары, они стали фабриковать фальшивыя мысли. «Вотъ они и начали сочинять много словъ, чтобы скрыть, что вообще у нихъ нѣтъ никакихъ мыслей, и держатъ они длинныя рѣчи, и пишутъ они толстыя книги, и восхваляютъ единственно благодѣтельный источникъ мысли, именно разумъ, и занимаются математикой, логикой, статистикой, улучшеніемъ машинъ, гражданскимъ чувствомъ, кормомъ лошадей и т. п., и какъ

обязьяна тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ въ ней болѣе видимаго сходства съ человѣкомъ, такъ эти дураки тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ болѣе стараются они походить на умныхъ». «Пока мое сердце полно любовью, а головы моихъ ближнихъ — глупостями, — говоритъ Гейне въ другомъ мѣстѣ, — до тѣхъ поръ у меня никогда не будетъ недостатка въ сюжетахъ. Мудрость существуетъ только въ единственномъ числѣ и имѣетъ свои опредѣленныя границы, а глупостей—тысячи, и всѣ онѣ безграничны».

Идеаломъ и олицетвореніемъ нѣмецкой глупости служитъ для Гейне Пруссія и все прусское, центръ же всѣхъ нѣмецкихъ глупостей — Берлинъ. Нѣмецкіе бурши, по словамъ Гейне, ѣздятъ въ Берлинъ для очищенія себя, точно магометане въ Мекку. Но Берлинъ—вовсе не городъ; это только мѣсто для города, гдѣ собирается множество людей. Пріѣзжій иностранецъ видитъ только рядъ однообразныхъ домовъ, длинныя широкія улицы, выведенныя по шнурку и не дающія никакого понятія объ образѣ мыслей массы. «Нужно много бутылокъ поэзіи,—говоритъ Гейне,—чтобы увидѣть въ Берлинѣ что нибудь, кромѣ мертвыхъ домовъ и берлинцевъ». Городъ такъ новъ, но это новое ужъ такъ вяло и такъ мертвенно! Берлинцы—это умнѣйшіе люди въ мірѣ, которымъ, однако, очень досадно, что они явились на свѣтъ очень поздно, и порохъ былъ уже изобрѣтенъ. Надъ Берлиномъ до сихъ поръ носится геній Фридриха II, одушевляющій каждаго его обитателя. Но его одушевляютъ только недостатки короля и ни одно изъ его достоинствъ. Поэтому-то пруссакамъ такъ и легко дѣлать колоссальныя глупости. Берлинъ есть центръ «высшаго принципа разума», центръ черствости чувства, рафинированнаго безвкусія, больного обскуратизма, неуклонной настойчивости и всего пошлаго, что во Фридрихѣ II уравновѣшивалось здравомысліемъ XVIII вѣка. Берлинъ усвоилъ себѣ только недостатки Фридриха, но не перенялъ его достоинствъ. Поэтому Гейне называлъ пруссаковъ особенною породою людей нѣмецкаго корня, но не нѣмецкой національности.

III.

Филистерство съ его скучнымъ резонерствомъ, съ его вѣчнымъ желаніемъ понять то, чего не умѣетъ чувствовать, съ его прусской самоувѣренностью, вызываетъ только смѣхъ досады и иронію; но, и смѣясь, нельзя сердиться вѣчно;—и вотъ Гейне ищетъ отдохновенія въ природѣ, въ поэзіи, среди простыхъ людей.

Поэзія—богиня только для того, кто чувствуетъ ея обновляющую силу. И эта сила есть въ природѣ, и ее можно найти среди простыхъ людей, живущихъ непосредственнымъ чувствомъ. Въ этомъ мірѣ вы чувствуете себя легко, просто. Онъ освобождаетъ человѣка отъ условій лжи, отъ корсета мысли; человѣкъ забываетъ, что позволено и что не позволено, и на крыльяхъ духа,—какъ выражается Гейне,—летитъ свободный и счастливый въ тотъ высшій міръ ощущеній, въ которомъ не подсядетъ къ вамъ ни одинъ берлинскій филистеръ и не скажетъ съ любезно-деревянной улыбкой: «какая сегодня прекрасная погода».

Но поэзія природы не въ томъ, въ чемъ понимаетъ ее г. Николай Соловьевъ. Еслибы г. Николаю Соловьеву случилось когда нибудь подсѣсть къ Гейне, онъ, конечно, началъ бы разговоръ съ нимъ съ классической фразы: «какая сегодня прекрасная погода». Какъ жалко, что г. Николай Соловьевъ не писалъ по нѣмецки! Да, для г. Соловьева, несмотря на то, что онъ эстетическій критикъ, природа— только температура, прекрасная или не прекрасная, смотря по погодѣ. Чтобы понимать поэзію природы, нужно носить въ своей груди чувство свободы; тотъ не можетъ любить природы, и того она ничему не научитъ, на кого нѣмецкій школьный учитель уже наложилъ клеймо мертвящей однообразности, и кто не считаетъ человѣка человѣкомъ, если онъ не носитъ прусской кокарды. Вотъ отъ этихъ-то людей и отдыхалъ Гейне на берегу шумящаго моря, въ полѣ, усѣянномъ ароматическими цвѣтами, въ лѣсу, говорившемъ съ нимъ шелестомъ листьевъ. И весь этотъ шумъ, этотъ говоръ, этотъ ароматъ успокаивали его наболѣвшіе нервы, обновляя его чувства. Онъ забывалъ и берлинцевъ, и франкфуртцевъ, и всѣхъ въ мірѣ филистеровъ, глушившихъ однимъ своимъ берлинскимъ видомъ его живое чувство, его живую мысль. Гейне отдыхалъ, набирался свѣжихъ силъ и дорожилъ свободой еще больше. чѣмъ онъ дорожилъ ею прежде, и снова онъ пѣлъ свои чудныя пѣсни, и снова еще язвительнѣе кололъ берлинцевъ и нѣмецкую глупость.

Да, Гейне былъ дѣйствительно поэтъ. Это значитъ, что въ книгѣ человѣческой жизни, которую онъ читалъ въ Берлинѣ, и въ Дюссельдорфѣ, и во Франкфуртѣ, онъ находилъ много бѣлыхъ страницъ, и ни берлинцы, ни дюссельдорфцы, ни франкфуртцы не знали, что должно быть написано на этихъ страницахъ, и ни въ книжкахъ школьныхъ учителей, ни въ запискахъ студентовъ, ни въ лекціяхъ профессоровъ не говорилось ничего о пробѣлахъ, точно все такъ и должно быть. А Гейне, читая книгу природы и книгу жизни, находилъ въ нихъ то, чего не знали профессора, и смѣялся онъ надъ учеными невѣждами и надъ ихъ книжной наукой, и надъ ихъ латынью, и надъ ихъ пандектами, и надъ ихъ слѣпотой, и надъ ихъ нѣмецкой вѣрностью. А по эстетической теоріи г. Николая Соловьева нужно, чтобы поэтъ переводилъ въ стихи только то, что написано въ лекціяхъ профессоровъ, и что говоритъ въ прозѣ Татьяна Марковна. «Какая сегодня прекрасная погода», г. Соловьевъ!

IV.

Жители Нордернея очень бѣдны, — говоритъ Гейне, — и живутъ рыболовствомъ. Многіе изъ нихъ цѣлые годы живутъ вдалекѣ отъ дома и нерѣдко кончаютъ свою жизнь въ волнахъ. «Эти люди, — продолжаетъ онъ, — находятъ большое

наслажденіе въ мореплаваніи, а всетаки, я думаю, дома имъ всего отраднѣе. Если они заѣзжаютъ на корабляхъ своихъ и въ тѣ южныя страны, гдѣ солнце свѣтитъ ярче, а мѣсяцъ романтичнѣе,—тамошніе цвѣты всетаки не могутъ залечить имъ сердце, и въ душистой отчизнѣ весны они тоскуютъ по своемъ песчаномъ островѣ, по своимъ маленькимъ хижинамъ, по пылающему очагу, около котораго сидятъ на корточкахъ ихъ домашніе, плотно закутавшись въ шерстяныя фуфайки, и пьютъ чай, только названіемъ отличающійся отъ морской кипяченой воды, и болтаютъ на такомъ языкѣ, что трудно постичь, какъ сами они могутъ понимать его».

Этихъ скромныхъ людей связываетъ не столько мистическое чувство любви, сколько общая всѣмъ имъ непосредственность. Умственное развитіе ихъ одинаково; у нихъ одинаковыя нужды и стремленія, одинаковые опыты, и въ добромъ согласіи живутъ эти добрые люди въ маленькихъ хижинахъ, по глазамъ узнаютъ, что другой думаетъ, по губамъ читаютъ слова прежде, чѣмъ другой произнесетъ ихъ. «Они помнятъ житейскія отношенія каждаго и однимъ звукомъ, однимъ выраженіемъ лица, однимъ безмолвнымъ движеніемъ возбуждаютъ столько смѣха или слезъ, или умиленія, сколько мы можемъ возбудить въ подобныхъ намъ по развитію людяхъ развѣ долгими экспозиціями, экспектораціями и декламаціями. Вѣдь мы, въ сущности, живемъ нравственно одиноко; особая метода воспитанія или случайно выбранныя особыя книги даютъ характеру каждаго изъ насъ особое направленіе; каждый изъ насъ, подъ своей нравственной личиной, думаетъ, чувствуетъ и стремится иначе, чѣмъ другіе, и недоразумѣній становится такъ много, и даже въ просторныхъ домахъ жизнь вмѣстѣ становится такъ трудна, и мы такъ всюду стѣснены, такъ всюду чужды другъ другу, такъ всюду на чужбинѣ!»

Римско-католической церкви хотѣлось нѣкогда взять подъ свою опеку всѣ житейскія отношенія и создать искусственную одноформенность вмѣсто одноформенности естественной непосредственности. Но у духа есть свои вѣчныя права. Онъ оборвалъ желѣзныя помочи и разорвалъ сѣти, въ которыя думалъ запутать его католицизмъ. «И теперь дряхлый паукъ плететъ еще ткань, но ткань слаба и гнила, и въ нее попадаютъ лишь бабочки да мыши, но не гордые сѣверные орлы».

Да, духъ новаго времени разорвалъ паутину; она гнила, чтобы удержать его; но стали ли люди счастливѣе? Разгадали ли они все то, что имъ нужно разгадать? Порѣшили ли они со своими сомнѣніями? Не плетется ли гдѣ другая паутина? Не высовываетъ ли откуда нибудь голову новый паукъ съ новою ложью? Островитяне, о которыхъ говоритъ Гейне, жили въ своей мелкой тиши счастливо и спокойно. Но ихъ душевный миръ и ихъ простота нарушены. Цивилизованные люди устроили у нихъ морскія купанья и каждый день вносятъ къ нимъ что нибудь новое, чего они не умѣютъ согласить со своимъ традиціоннымъ образомъ жизни. Внутренняя жизнь ихъ уже смущена злымъ соблазномъ и чувствомъ зависти, и веселымъ бражничаньемъ богатыхъ наѣзжихъ гостей. Старое дрогнуло; новое не принесло еще ничего хорошаго, кромѣ соблазна и смущенія. Не здѣсь ли корень тѣхъ національныхъ воспоминаній, которыя такъ крѣпко живутъ въ массѣ и составляютъ силу традиціи? Традиція—это поэзія народовъ; когда внутренній міръ народовъ, дрогнувъ, начинаетъ разлагаться, когда ихъ настоящее уже смущено и неудовлетворительно, тогда они усиливаются искать счастья въ воспоминаніяхъ прошлаго, въ преданіяхъ о мирной былой жизни, окружаемой ими даже ореоломъ обольстительныхъ вымысловъ. Да и одни ли простые люди украшаютъ розами былое, о которомъ они знаютъ только по разсказамъ? А германофилы, славянофилы, развѣ это не тѣ же мечтатели, выросшіе на почвѣ тѣхъ же традиціонныхъ иллюзій? А нѣмецкій націонализмъ, который желаетъ нынче рости только на почвѣ, поливаемой кровью, развѣ гнѣздится не тутъ же? Да, патріотическіе писатели, какъ Берне и Гейне, помогли графу Бисмарку столько же, сколько помогъ Наполеону III Беранже. Но вѣдь въ такомъ случаѣ виноватъ Стефенсонъ въ разрушеніи Страсбурга. Не такъ понимали націонализмъ Берне и Гейне, и не о такой свободѣ пѣлъ Байронъ. Хитрый паукъ, выросшій изъ сѣмянъ, которыя бросали на нѣмецкую землю великіе нѣмецкіе мыслители и поэты, свилъ свою паутину не по ихъ образцу. Говоря о Веронѣ, Гейне вовсе не воображалъ, что онъ пророчествуетъ. «Верона — древній, всемірно-извѣстный городъ, лежащій по обѣимъ сторонамъ Адиджа, былъ всегда какъ бы первой станціей для германскихъ народовъ, которые покидали свои холодные, сѣверные лѣса и перебирались черезъ Альпы, чтобы насладиться золотымъ свѣтомъ солнца прелестной Италіи... Весь городъ какъ то поневолѣ представляется большимъ постоялымъ дворомъ народовъ, и какъ въ гостиницахъ пишутъ обыкновенно свои имена на стѣнахъ и окнахъ, такъ и тутъ каждый народъ оставлялъ слѣды своего пребыванія, хотя часто не совсѣмъ четкими знаками, потому что многія германскія племена еще не умѣли писать и принуждены были разрушить что-нибудь на память; этого было, впрочемъ, достаточно: оставленныя ими развалины говорятъ яснѣе, чѣмъ всякія красивыя буквы...» Но у пруссаковъ есть, кажется, и воители, и поэты; почему же они дѣйствуютъ, какъ ихъ предки, неумѣвшіе писать? Плохъ школьный учитель!

Націонализмъ легко переходитъ въ себялюбивое безуміе, если онъ вздумаетъ принять руку, протянутую ему духомъ насилія. Національный эгоизмъ считаетъ только свое хорошимъ, все же чужое — дурнымъ и мелкимъ. Даже музыку нѣмецкіе націоналисты хотѣли бы сдѣлать повсюду нѣмецкой. «Divino maestro!—обращается Гейне къ Россини,—прости моимъ бѣднымъ землякамъ, которые не видятъ твоей глубины, потому что ты прикрываешь ее розами, и для которыхъ мысли твои не довольно тяжелы, и самъ ты не довольно основателенъ, потому что порхаешь, легокъ и крылатъ, какъ Богъ! Впрочемъ, чтобы любить нынѣшнюю итальянскую

музыку и понимать ее любовью, надо видѣть самый народъ, его небо, его характеръ, его физіономію, его страданія, его радости, короче сказать — всю его исторію». Итальянцы въ своей музыкѣ выражаютъ свою ненависть къ чужому владычеству, свою любовь къ свободѣ, свое бѣшенство безсилія. Чужеземцы не оставили итальянцамъ ничего, кромѣ права пѣть пѣсни и въ пантомимахъ народнаго театра выражать свою угрожающую злобу. Итальянскіе демагоги похитрѣе бѣдныхъ нѣмцевъ. «Эти, затѣвая то же самое, нарядились черными дураками, въ черные дурацкіе колпаки, но смотрѣли такъ поразительно уныло, и въ своихъ тяжелыхъ дурацкихъ прыжкахъ, которые именовали патріотической гимнастикой, прикидывались такими опасными и строили такія серьезныя рожи, что правительство поневолѣ обратило наконецъ на нихъ вниманіе и всѣхъ засадило». Но нѣмецкій демагогъ, какъ фениксъ, возродился изъ пепла и, конечно, на прусской почвѣ: нельзя же Гейне оставить въ покоѣ Пруссію и берлинцевъ! «У насъ нѣтъ еще настоящаго *демоса*,—говоритъ онъ,—цѣлаго народа демагоговъ, но у насъ есть свой доморощенный демагогъ, который одинъ стоитъ цѣлаго *демоса*, цѣлой толпы крикуновъ, зѣвакъ, трусовъ и прочей сволочи. Да, слѣпые берлинцы! Они не признаютъ своихъ туземныхъ геніевъ и побиваютъ каменьями своихъ прорицателей». Не оцѣнили они, кажется, вполнѣ и своего демагога. По словамъ Гейне, онъ годится вездѣ, гдѣ нужно прыгать, ползать, предаваться чувствительности, жрать, гдѣ требуется много германскаго, немножко латыни и вовсе не нужно греческаго. Онъ очень хорошо прыгаетъ черезъ палку, составляетъ указатели къ всевозможнымъ варіантамъ древнегерманскихъ поэмъ и при этомъ служитъ представителемъ любви къ отечеству. Несмотря на свой страшный видъ, онъ до того ручной, что вылизываетъ всѣ плевательницы и жретъ изъ рукъ орѣхи, каштаны, сыръ, колбаски,— однимъ словомъ, жретъ все, что ему ни дадутъ. Гейне выражается черезчуръ несдержанно, но у него ужъ слишкомъ наболѣла душа отъ всѣхъ нѣмецкихъ почвенниковъ, надѣвавшихъ на себя разные маскарадные костюмы. Въ мартѣ 1855 г., за годъ до смерти, Гейне писалъ, что онъ ненавидитъ всѣми своими силами партію германскихъ націоналистовъ, этихъ фальшивыхъ патріотовъ, патріотизмъ которыхъ состоитъ въ глупой непріязни къ чужеземнымъ и сосѣднимъ народамъ, и которые непрестанно изрыгаютъ пѣну своей злобы преимущественно на Францію. «Да, эти остатки или этихъ потомковъ тевтомановъ 1815 года, которые только передѣлали на новый ладъ свой старый костюмъ ультра-нѣмецкихъ болвановъ и немного подрѣзали свои уши,—я всегда ненавидѣлъ и всегда сражался съ ними... Въ эпоху февральской революціи это оранье заглушилось болѣе разумными кликами, но этимъ послѣднимъ пришлось снова умолкнуть, когда началась великая европейская реакція. Въ настоящее время въ Германіи снова господствуютъ націоналисты и вся сволочь 1815 г., и они воютъ съ дозволенія г. бургомистра и другихъ высокихъ властей. Войте на здоровье! Настанетъ день, и роковая пята раздавитъ васъ. Съ этою увѣренностью я могу спокойно оставить здѣшній міръ».

Не въ этихъ стремленіяхъ понималъ Гейне патріотизмъ, и не въ юнкерско-филистерской партіи онъ видѣлъ народъ. Націонализмъ для Германіи— пока идеалъ, который носятъ въ себѣ только лучшіе люди; онъ пока—поэзія народа, смутное стремленіе къ чему-то хорошему, формулировать чего никто еще не въ состояніи. Всѣ согласны только въ томъ, что націонализмъ есть квинтъ-эссенція всего нравственно-прекраснаго, присущаго каждому народу въ цѣлой его совокупности. Ни берлинцы, ни пруссаки, ни нѣмецкіе филистеры, ни феодалы не изображаютъ собою типа нѣмецкаго народа. Они скорѣе его болѣзненные наросты. Въ какомъ нибудь простомъ гельголандцѣ, чуждомъ цивилизаціи, въ какомъ нибудь добродушномъ тирольцѣ, прославившемся своею ограниченностью, гораздо больше національно-нѣмецкаго, чѣмъ во всѣхъ филистерахъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ. Теперешнее европейское книжное, сухое и упорное образованіе менѣе всего помогаетъ воспитанію чувства народности; оно развиваетъ только тупую, безграничную гордость книжнымъ ученіемъ, убивающимъ послѣдніе остатки здраваго смысла. Люди, съ хвастливою гордостью говорящіе, что подъ Садовой побѣдилъ школьный учитель, что тотъ же школьный учитель помогъ пруссакамъ истребить 400 т. французовъ, высказываютъ полнѣйшій приговоръ несостоятельности теперешняго нѣмецкаго образованія. Если достоинство школьнаго образованія только въ этомъ, то пусть лучше нѣмецкія школы совсѣмъ закроются. Если грамота ведетъ къ тому, что преступленія начинаютъ совершать уже цѣлые народы,—такой грамоты не нужно. Школы, учащія ненависти и притѣсненію—не народныя школы. Поэтому, когда такой искусный писатель, какъ Гейне, уводитъ васъ на лоно природы и заставляетъ бесѣдовать съ вами простыхъ, непосредственныхъ, добрыхъ людей, то и тирольцы,—которые, по словамъ Гейне, оттого и отличаются здоровьемъ, что слишкомъ глупы,—кажутся вамъ славными и умными, а школьные педанты, берлинскіе патріоты, нѣмечники и вся другая филистерская сволочь—злыми и глупыми. Гейне великъ именно потому, что умѣетъ добраться въ сердцѣ читателя до хорошихъ, добрыхъ струнъ и заставить ихъ звучать чувствомъ глубокой и полной любви къ людямъ.

V.

Гейне обвиняютъ за его благоговѣніе къ Наполеону; но онъ любилъ въ Наполеонѣ не то, изъ чего французскіе филистеры создали шовинизмъ; Гейне и въ нѣмцахъ возбуждалъ національное чувство, но не для того, чтобы изъ него выросъ шовинизмъ прусскій.

Наполеонъ для Гейне—великій свѣтлый умъ, которому пришлось стать на рубежѣ двухъ противоположныхъ потоковъ времени, двухъ началъ—революціоннаго и контръ-революціоннаго. Поэтому

Наполеонъ старался постоянно слить оба направленія, оба принципа, обѣ тенденціи; онъ какъ бы соединялъ ихъ въ себѣ и думалъ уравновѣсить міръ, изображая собою точку опоры противоположныхъ крайностей.

Но, какъ бы предвидя упрекъ, Гейне замѣчаетъ, что онъ вовсе не безусловный бонапартистъ и благоговѣетъ не передъ дѣйствіями Наполеона, а только предъ его геніемъ. «Безусловно люблю я его только до 18 брюмера. Тутъ измѣнилъ онъ свободѣ», говоритъ Гейне. Гейне въ своемъ взглядѣ на Наполеона похожъ немножко на французское простонародье. Французскій народъ благоговѣлъ предъ Наполеономъ и сдѣлалъ его своимъ сказочнымъ героемъ. Во Франціи не было ни одной хижины, гдѣ бы не висѣлъ портретъ Наполеона I. Но, благоговѣя передъ своимъ первымъ императоромъ, народъ поклонялся въ немъ идеѣ единовластія, идеѣ высшей нравственной силы, направленной на благо народа; въ бонапартизмѣ онъ видѣлъ силу, которая только одна могла сдѣлать его счастливымъ. Еслибы бонапартизмъ не былъ идеаломъ той власти, отъ которой народъ ожидалъ своего спасенія, бонапартизмъ не прожилъ бы во Франціи и двухъ дней. Совершенно также смотрѣлъ на Наполеона и Гейне. Онъ называлъ его сенъ-симонистскимъ императоромъ, который получилъ право на верховную власть только благодаря своему умственному превосходству. Поэтому онъ и покровительствовалъ только способностямъ и хотѣлъ служить благосостоянію многочисленныхъ и бѣдныхъ классовъ. Незначительнѣйшій крестьянскій сынъ могъ достигнуть у него высшихъ должностей, и онъ не зналъ другой іерархіи, кромѣ личныхъ достоинствъ и способностей. «Вотъ почему,—говоритъ Гейне,—портретъ императора виситъ въ хижинѣ каждаго крестьянина на той же стѣнѣ, гдѣ висѣлъ бы портретъ его собственнаго сына, еслибы онъ не палъ на какомъ либо полѣ сраженія прежде, чѣмъ дослужился до генерала, до герцога или до короля. Но мы смотримъ на императора нѣсколько иначе,—продолжаетъ Гейне,—и въ его мученической смерти видимъ наказаніе, которое онъ понесъ за свое вѣроломство, совершенное имъ противъ его матери—революціи. Исторія давно доказала, что никогда не можетъ быть прочнаго союза между сыномъ будущаго и дочерью прошедшаго,—и вотъ теперь мы видимъ, что единственный плодъ такого брака не могъ долго жить и умеръ самымъ жалкимъ образомъ». Но Наполеонъ III убилъ идеалъ французскаго народа: бонапартизмъ похоронилъ себя, потому что обманулъ народъ.

Такимъ образомъ гейневское увлеченіе Наполеономъ есть поклоненіе нравственной силѣ, тому, что г. Николай Соловьевъ назвалъ бы прекраснымъ. Это-то прекрасное и олицетворялъ Гейне въ Наполеонѣ, который былъ великъ для него не за побѣды и громъ пушекъ,—пруссаки и австрійцы тоже стрѣляли,—а за то, что вмѣстѣ съ наполеоновскими побѣдами проглянули въ Германію первые лучи свободы, первыя сѣмена того лучшаго, за что любилъ Наполеона и французскій народъ. Французскія побѣды приносили нѣмцамъ новыя учрежденія и сламывали величіе маленькихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Какъ же было не любить Наполеона и французовъ! Но филистеры, никогда ничего ни понимающіе даже и тогда, когда имъ все ясно растолковываютъ, обвиняли и Гейне, какъ Берне, въ космополитизмѣ! «О нѣмецкій патріотъ! какъ грѣховенъ и пошлъ кажешься ты мнѣ, когда моя душа обнимаетъ съ любовью цѣлый міръ, когда я, ликуя, сжалъ бы въ объятіяхъ русскаго и турка, плача, припалъ бы на братскую грудь скованнаго африканца! Я люблю Германію и нѣмцевъ, но я не меньше люблю жителей остальной части земли, число которыхъ въ 40 разъ больше числа нѣмцевъ. Любовь придаетъ человѣку цѣну. Поэтому я, слава Богу, стою въ 40 разъ больше тѣхъ, которые не могутъ подняться изъ болота національнаго эгоизма и любятъ только Германію и нѣмцевъ». Въ томъ, что въ нѣмцахъ являлась такая сильная ненависть къ французамъ, Гейне обвиняетъ, между прочимъ, англичанъ, агенты которыхъ прокрались въ нѣмецкую прессу и стали эксплоатировать политическую неопытность Германіи. «Франціи не въ чемъ завидовать намъ,—поучаетъ Гейне своихъ соотечественниковъ,—и воинственныя притязанія ея, которыхъ мы такъ боялись, были изобрѣтеніе англійской фабрики. Что чистосердечная и великодушная, до фанфаронства великодушная Франція—наша естественная и надежная союзница,—это было убѣжденіемъ всей моей жизни; во мнѣ была всегда патріотическая потребность разъяснить моимъ ослѣпленнымъ соотечественникамъ коварное тупоуміе французоѣдовъ и рейнскихъ бардовъ».

Гейне просто неподражаемъ, когда онъ со своимъ ѣдкимъ юморомъ рисуетъ параллель между французской геніальностью и нѣмецкой тяжеловѣсностью, между филистерскимъ буквоѣдствомъ знаменитой глубокой нѣмецкой цивилизаціи и воспитаніемъ чувствъ самою жизнью и практическими уроками Франціи. «Послѣ ухода французовъ снова стали учить, — говоритъ Гейне,— снова стали мы учить наизустъ, какъ прежде, римскихъ королей, хронологію, имена существительныя на ium, неправильные глаголы, греческій языкъ, языкъ еврейскій, географію, нѣмецкую грамматику... Боже мой! до сихъ поръ у меня голова кружится... И все это надо было учить наизустъ! Многое изъ этого принесло мнѣ пользу впослѣдствіи, потому что, еслибы я не выучилъ наизустъ исторіи римскихъ царей, то мнѣ было бы рѣшительно все равно, доказалъ Нибуръ или не доказалъ, что они никогда не существовали. А еслибы я не зналъ хронологіи, то какъ бы впослѣдствіи нашелся я въ Берлинѣ, гдѣ одинъ домъ похожъ на другой, какъ двѣ капли воды или какъ два гренадера, и гдѣ нельзя отыскать своихъ знакомыхъ, если не помнить твердо номера ихъ дома?.. Что касается латинскаго языка, то вы, сударыня, не имѣете понятія, какая это сложная штука. Римлянамъ, конечно, не стало бы времени покорить вселенную, еслибы имъ сначала пришлось учиться по латыни.

Эти счастливцы знали уже въ колыбели, какія имена существительныя въ винительномъ падежѣ кончаются на im, а я долженъ былъ это учить наизустъ въ потѣ лица моего, но всетаки доволенъ, что узналъ ихъ, потому что скажи я, напр., 20 іюля 1825 г., когда мнѣ довелось въ Геттингенѣ защищать диссертацію на латинскомъ языкѣ,—это стоило послушать, сударыня,—такъ скажи я тогда «sinapem» вмѣсто «sinapim», быть можетъ, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили бы это, и я покрылся бы вѣчнымъ позоромъ... Vis, buris, sitis, tussis, cucumis, amussis, cannabis, sinapis... эти слова, произведшія въ свѣтѣ такое вліяніе, одолжены имъ тому обстоятельству, что они принадлежатъ къ одному опредѣленному классу и при этомъ всетаки остаются исключеніемъ; за это я глубоко уважаю ихъ, и мысль, что онѣ всегда у меня подъ рукою въ случаѣ нужды, наполняетъ мрачные часы моей жизни внутреннимъ спокойствіемъ и утѣшеніемъ... Но, сударыня, неправильные глаголы,—они отличаются отъ правильныхъ тѣмъ, что за нихъ больше сѣкутъ,—страшно трудны... О греческомъ и говорить не хочу, потому что чувствую, что сильно разстрою себя. Средневѣковые монахи были правы, утверждая, что греческій языкъ—изобрѣтеніе дьявола. Одному Богу извѣстны муки, которыя я вытерпѣлъ, учась по гречески»... И затѣмъ Гейне въ видѣ сопоставленія переходитъ къ французскому барабанщику. «Я много благодаренъ французскому барабанщику, долго стоявшему у насъ на квартирѣ—человѣку съ дьявольскимъ видомъ и съ ангельскою душою... Я, маленькій мальчикъ, не отставалъ отъ него точно репейникъ... Monsieur le Grand зналъ очень мало по нѣмецки — нѣсколько общеупотребительныхъ выраженій: «хлѣба, поцѣловать, честь», но зато онъ отлично умѣлъ заставить понимать себя барабаннымъ боемъ. Напр., когда я не зналъ, что значитъ слово «liberté», онъ забарабанилъ марсельскій маршъ—и я понималъ его. Когда я не зналъ значенія слова «égalité», онъ барабанилъ маршъ: «ça ira, ça ira», и я понималъ его. Когда я не зналъ, что значитъ слово «bêtise», онъ билъ дессаускій маршъ, который мы, нѣмцы, какъ говоритъ и Гете, играли въ Шампаньи,—и я понималъ его. Разъ онъ захотѣлъ разъяснить мнѣ слово «L'Allemagne» и для этого сталъ барабанить ту однообразную мелодію, которую на ярмаркахъ играютъ танцующимъ собакамъ, и которая имѣетъ такой звукъ: «думъ, думъ, думъ». Я разсердился, но понялъ... Такимъ же точно способомъ училъ онъ меня новой исторіи. Я хотя и не понималъ словъ, которыя онъ произносилъ, но такъ какъ онъ во время разсказа не переставалъ барабанить, то я тутъ же обо всемъ догадывался. Надо сознаться, что это самая лучшая метода обученія».

Франція, съ ея новыми политическими учрежденіями, была для Гейне той школой, въ которой должна была воспитываться новая Германія, не жалкая, печальная Германія — «думъ, думъ, думъ», а свободно чувствующая и свободно мыслящая. Наполеонъ для Гейне—только руководитель этой подвижной школы, уроки которой если не доставались всегда дешево, то только потому, что сама Германія хотѣла платить за свое обученіе.

А сколько юношескаго восторга, сколько сладкихъ надеждъ возбуждали громы французовъ, сколько жизни они вносили въ спящую Германію! Но вотъ ушли французы, умеръ великій учитель, и въ бѣдномъ сердцѣ нѣмецкаго патріота остались только мужество и печаль. «Гдѣ прежде говорили по французски, теперь слышался прусскій языкъ,—говоритъ Гейне — и люди носили все придворные титулы; прежняя парикмахерша моей матери сдѣлалась гофъ-парикмахершей, были тутъ также гофъ-портные, гофъ-сапожники, гофъ-истребители клоповъ, гофъ-цѣловальники, и весь городъ казался гофъ-лазаретомъ для гофъ-умалишенныхъ... Но между тѣмъ, какъ я сидѣлъ на старой скамьѣ придворнаго сада, погруженный въ грезы о прошломъ, сзади послышался смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ, оплакивавшихъ судьбу бѣдныхъ французовъ, которые только теперь возвратились изъ плѣна на родину. Я поднялъ глаза, и дѣйствительно увидѣлъ этихъ осиротѣлыхъ дѣтей славы. Сквозь дыры ихъ изодранныхъ мундировъ проглядывала обнаженная нищета; на измученныхъ лицахъ грустно смотрѣли впалые глаза, но истомленные, изувѣченные и большею частью хромые, они всетаки сохраняли военный шагъ, и странное дѣло! впереди ихъ ковылялъ барабанщикъ со своимъ барабаномъ... И барабанилъ онъ опять, какъ прежде, про старыя битвы за свободу, про старыя сраженія, про дѣянія императора... Наконецъ онъ посмотрѣлъ на меня глубокимъ, неизмѣримо-глубокимъ умоляющимъ взоромъ... Я понялъ его... и тогда голова его скатилась на барабанъ... Monsieur le Grand не барабанилъ больше въ этой жизни, и барабанъ его не издалъ ни одного звука: онъ не долженъ былъ служить рабскимъ инструментомъ въ рукахъ враговъ свободы... Я очень хорошо понялъ послѣдній умирающій взоръ моего друга и прокололъ барабанъ...»

Наполеоновскіе походы для Гейне—французскій эпосъ; это—сказаніе о великихъ дѣлахъ великихъ людей; «подвиги и испытанныя ими страданія такъ велики, что мы ихъ и вообразить не можемъ на своихъ чердачкахъ, — говоритъ Гейне. — Сегюрова исторія русскаго похода есть пѣсня, французская народная пѣсня, принадлежащая къ циклу эпическихъ сказаній. Героическая поэма, возникшая на почвѣ Франціи, прошла, какъ тріумфальная процессія, упоенная славой и ведомая самимъ богомъ славы по земному шару, испуганному и пораженному. Наконецъ начинается бурная военная пляска на ледяныхъ поляхъ сѣвера; ледъ подламывается, и сыны огня и свободы гибнутъ въ степяхъ Россіи». И какая трогательная судьба этого великаго народа, страдающаго еще разъ и страдающаго снова за свободу, которую отъ него отняли. «Старый мой учитель зналъ все напередъ, — говорилъ Гейне.—Когда мы получили первое извѣстіе о лейпцигской битвѣ, онъ покачалъ своей сѣдой головой. Теперь я знаю, что значитъ это по-

качиваніе... «Милыя дѣти,—сказалъ старикъ,—лучше было бы, еслибы насъ самихъ побили». То же самое повторилъ бы старый учитель и теперь. Но торжество нѣмецкой реакціи не можетъ быть продолжительно. Даже и теперь среди прусскаго погрома слышны голоса честныхъ людей, и пророчество Гейне должно сбыться: «мы сядемъ всѣ,—говоритъ Гейне,—когда нибудь, какъ равные гости, за большую трапезу примиренія, и первый тостъ нашъ будетъ—въ честь французовъ!»

VI.

Гейне у насъ посчастливилось больше всѣхъ нѣмецкихъ писателей; давно, очень давно переводятъ его у насъ, и нѣтъ ни одного образованнаго русскаго читателя, который бы не читалъ чего либо изъ Гейне. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы у насъ знали Гейне и понимали его. Для многихъ онъ—только милый шутникъ, пишущій веселые стихи и умѣющій озадачить внезапной остротой, которыхъ у него неистощимый запасъ. Многіе съ тѣмъ только и читаютъ его, чтобы найти «вицъ». Лицо ихъ зажигается радостнымъ ожиданіемъ, какъ только они берутся за книгу Гейне; они ищутъ остроты, находятъ—и довольны! О, мои бѣдные соотечественники, съ какимъ сожалѣніемъ смотритъ на васъ тѣнь Гейне, и какъ великій духъ нѣмецкаго поэта, въ своей божественной любви къ человѣчеству, — прощаетъ вамъ вашъ грѣхъ невѣдѣнія!

Гейне остроуменъ, очень остроуменъ, зло остроуменъ, даже иногда больше остроуменъ, чѣмъ это нужно; онъ чаще серьезенъ, и если вы думаете, что Гейне есть только остроумный нѣмецкій писатель,—вы о немъ, бѣдный мой соотечественникъ, ничего не знаете. «Я, право, не знаю, стою ли я, чтобы мнѣ когда нибудь украсили гробъ лавровымъ вѣнкомъ,—говоритъ Гейне.—Поэзія, какъ ни любилъ я ее, была для меня всегда лишь священною игрушкой или освященнымъ средствомъ для небесныхъ цѣлей. Я никогда не придавалъ большой цѣны славѣ поэта, и хвалить ли, или будутъ бранить мои пѣсни, меня мало безпокоитъ. Но я желаю, чтобы на гробъ мой положили мечъ, потому что я былъ храбрымъ солдатомъ въ войнѣ за благо человѣчества». Итакъ, искусство для Гейне—только средство (слышите ли, г. Страховъ!), и Гейне поетъ свои пѣсни вовсе не ради простого ихъ распѣванія. Гейне иногда поетъ веселую пѣснь любви и наслажденія и оканчиваетъ ее неожиданной остротой; но иногда пѣснь его становится серьезной, мрачной, затрагивающей, и въ концѣ ея не оказывается никакой остроты. Его веселыя, смѣющіяся пѣсни рисуютъ вамъ хорошій божій міръ въ его неиспорченной филистерами и людскою глупостью красотѣ, и какой, право, хорошій этотъ божій міръ, думаете вы, и какъ досадно, что глупость и злость заняли въ немъ такъ много мѣста! Но не божій міръ хорошъ, благосклонный читатель; недаромъ же философы говорятъ, что мы ничего не знаемъ, какъ въ мірѣ само по себѣ, а мы знаемъ только, какъ все намъ кажется. На свѣтѣ нѣтъ ни розоваго, ни чернаго цвѣта, а есть только извѣстныя впечатлѣнія, которыя въ ихъ извѣстныхъ ощущеніяхъ мы зовемъ цвѣтами или розовымъ, или чернымъ. Міръ божій хорошъ потому, что въ васъ есть то хорошее, что поднимаетъ Гейне изъ глубины вашей души своими хорошими, смѣющимися пѣснями. Это чувство люди зовутъ любовью. И Гейне—великій мастеръ возбуждать въ читателѣ это лучшее чувство молодости, эту великую ея способность, которая одна и дѣлаетъ молодость силой. Вѣдь старики сердятся на искренній, чистый, добрый смѣхъ молодости и на всѣ ея порывы только изъ зависти: они не сердились на себя, когда были сами молоды. И каждый дорожитъ этою способностью быть лучше, чѣмъ онъ есть,—чувствовать себя хорошимъ, чувствовать въ сердцѣ и радость, и надежду, и любовь, и молодость, снова видѣть міръ розовымъ. Гейне, какъ волшебникъ, умѣетъ снимать черныя очки, которыя каждому изъ насъ наклеиваетъ время, и надѣвать очки розовыя; онъ, какъ волшебникъ, умѣетъ показывать филистерамъ ихъ самихъ въ новомъ исправленномъ изданіи, и довольный филистеръ читаетъ, радуется, молодѣетъ, пока читаетъ,—и остается прежнимъ филистеромъ.

Гейне беззаботно-веселъ, молодъ и хорошъ только тогда, когда онъ говоритъ о хорошемъ; но когда онъ сталкивается съ филистерствомъ, школьнымъ буквоѣдствомъ, съ прусскимъ національнымъ, тотъ же милый Гейне становится еще милѣе. Онъ такой мастеръ на самыя острыя шпильки; онъ своими нѣжными руками умѣетъ такъ ловко вытягивать уши изъ-подъ филистерскихъ колпаковъ и показывать ихъ ослиные размѣры, и смѣяться при этомъ такъ лукаво; у него въ запасѣ всегда есть ловкая, изящная, легкая и неожиданная острота, когда нужно мѣтко изобличить нѣмецкую тяжеловѣсность, что филистеры были совершенно правы, когда провозгласили его врагомъ отечества и заставили умереть въ Парижѣ. Филистеры очень хорошо понимали, что имъ бороться съ Гейне равнымъ оружіемъ нельзя: что могли они противопоставить уму и остроумію, кромѣ своихъ сѣдыхъ париковъ и сухихъ учебниковъ? И вотъ они послали противъ Гейне военную силу и поручили ей пригласить его въ одну изъ германскихъ крѣпостей. Гейне, конечно, предпочелъ Парижъ. Теперь, когда Гейне умеръ, вся Германія гордится имъ и кричитъ въ одинъ голосъ, что онъ былъ честный человѣкъ и великій патріотъ, что онъ европейскій геній, что слава его озаряетъ Германію.

Да, Гейне былъ сила и великая сила. Онъ не дѣйствовалъ короткимъ сосредоточеннымъ ударомъ, какъ Берне; но зато онъ билъ на далекое разстояніе и былъ для нѣмцевъ понятнѣе по своей разносторонности. Много филистерскихъ душъ убилъ онъ своимъ ядовитымъ перомъ, и, называя себя храбрымъ солдатомъ въ войнѣ за благо человѣчества, Гейне только оказываетъ честь проницательности филистеровъ, которые знали это уже и тогда, когда выслали противъ него военную силу.

Воспитательное значеніе Гейне именно въ томъ,

что онъ умѣлъ дѣйствовать на чувство и шевелить въ нѣмецкомъ сердцѣ хорошія струны; воспитательное значеніе его въ томъ, что онъ умѣлъ выставлять весь комизмъ той головной эквилибристики, которую школьные педанты и филистеры зовутъ умомъ и воображаютъ себя весталками, хранящими этотъ священный огонь. Нѣтъ, это не умъ,—говоритъ Гейне на разные лады и повсюду,—все это педантизмъ, чопорность, буквоѣдство и бездушіе. Если въ человѣкѣ нѣтъ сердца — онъ глупъ, потому что мысли идутъ не изъ головы, а изъ сердца. Школьные педанты гордятся своимъ знаніемъ, но развѣ то, что они знаютъ, есть знаніе? Какъ таблица умноженія есть одно изъ средствъ знанія, такъ школьное знаніе есть одно изъ средствъ жизни. Но филистеры ничего этого не понимаютъ; они именно выфилософировали изъ своей жизни всякій смыслъ и хотѣли бы сдѣлать то же самое съ жизнью всѣхъ остальныхъ людей». Гейне поэтому является какъ бы эпикурейцемъ и проповѣдникомъ теоріи наслажденія; но это потому, что ему хотѣлось бы сдѣлать всѣхъ людей счастливыми. Онъ старается шевелить чувство со всѣхъ сторонъ и научить читателей понять и полюбить жизнь. «Посмотри, какое богатство окружаетъ тебя,—говоритъ онъ:—и голубое небо, и блестящее пламенное солнце, и зелень луговъ и лѣсовъ, и любовь женщины, и добродушные и простые люди съ ихъ непосредственнымъ міромъ, — но какое употребленіе ты сдѣлалъ изъ этихъ богатствъ? Ты, бѣдный нѣмецъ и бѣдный человѣкъ, выфилософировалъ изъ себя всѣ радости; ты засушилъ въ себѣ всѣ хорошіе и добрые порывы, назвалъ ихъ легкомысліемъ молодости и пошелъ ты искать счастья и спасенія въ скукѣ, въ педантизмѣ, въ особничествѣ, въ буквоѣдствѣ, во враждѣ». Если Гейне дѣйствительно эпикуреецъ, то его эпикуреизмъ, право, можно ему простить, потому что онъ поучаетъ, что наше счастье—въ другихъ и наше несчастье—въ нашей собственной филистерской тупости. «Жизнь есть высшее изъ благъ; смерть — ужаснѣйшее изъ золъ. Жизнь слишкомъ сладостна, и въ мірѣ все такъ восхитительно перепутано!..» Но глупость, глупость, зачѣмъ ты такъ безгранично-нескончаема?!

Въ чемъ же жизнь? Всѣ сильные умы любятъ жизнь, и всѣ они понимаютъ ее въ чувствѣ. Гейне тоже великій умъ, и потому онъ является поэтомъ любви по преимуществу. Онъ не вѣритъ уму; онъ знаетъ, что умъ—самый лукавый и продажный адвокатъ, котораго легче всего подкупить, и который, въ угоду чувству, также хорошо оправдываетъ всякія гадости, какъ и самые благородные порывы. Умъ не замѣняетъ знанія; черствымъ умомъ нельзя понять жизни. Въ сагахъ, если онъ орудіе филистерства, и, при теперешнихъ средствахъ знанія, народныхъ сказаніяхъ и въ устныхъ преданіяхъ, вы полнѣе поймете жизнь настоящаго, чѣмъ изъ всѣхъ филистерскихъ сочиненій кабинетныхъ божьихъ коровокъ и изъ сухихъ, скучныхъ бредней академическихъ педантовъ. А отчего? Только оттого, что народное сказаніе не хочетъ знать односторонніхъ ученыхъ архивныхъ документовъ и, когда находитъ пробѣлы, возстановляетъ ихъ своимъ воображеніемъ на основаніи живого чувства,—оттого народные герои—живые люди, и исторія живущаго въ памяти народа—живое полное сказаніе. У Гейне есть превосходное мѣсто, въ которомъ онъ показываетъ, какъ чувство, не прибѣгая ни къ какимъ экспертараціямъ и экспозиціямъ, создаетъ въ одинъ моментъ цѣлый міръ ощущеній, представленій и мыслей. Восхваляя Наполеона, онъ сопоставляетъ его имя съ именемъ Александра и Цезаря и говоритъ, что оно сдѣлалось лозунгомъ для народовъ. Востокъ и Западъ, встрѣчаясь, сразу понимаютъ другъ друга. «Сколько въ этомъ имени можетъ быть знаменательнаго и магическаго,—говоритъ Гейне,—это лучше всего понялъ я, когда однажды въ лондонской гавани взошелъ на палубу остъ-индскаго корабля, только что пріѣхавшаго изъ Бенгаліи. Это было исполинское судно, нагруженное большимъ числомъ жителей Индустана... Мнѣ въ то время такъ надоѣли западныя страны, я такъ усталъ отъ Европы, что этотъ отрывокъ восточной страны какъ-то весело облегчилъ меня. Сердце мое освѣжилось нѣсколькими каплями этого напитка, по которымъ я такъ часто тосковалъ въ мрачно-ганноверскія или королевско-прусскія зимнія ночи. Эти чужеземцы могли ясно видѣть, какъ мнѣ пріятно ихъ появленіе, и съ какимъ удовольствіемъ я сказалъ бы имъ нѣсколько привѣтныхъ словъ. Что и я имъ понравился—это было видно изъ глазъ ихъ, но намъ было очень прискорбно, что мы не могли понимать другъ друга. Наконецъ я нашелъ средство выразить имъ хотя однимъ словомъ мое дружественное расположеніе: почтительно и протянувъ руки, я воскликнулъ: «Магометъ!» Радость вдругъ озарила черныя лица чужеземцевъ, и они набожно скрестили руки и, отвѣчая на мой привѣтъ, радостно воскликнули: «Бонапарте!».

Но поэтъ развѣ можетъ быть чѣмъ нибудь инымъ, какъ не пѣвцомъ чувства? Вѣдь иначе Гейне былъ бы сухой божьей коровкой, филистеромъ или чѣмъ хотите, и не написалъ бы онъ ни одной изъ тѣхъ чудныхъ вещей, которыя сдѣлались достояніемъ всего цивилизованнаго человѣчества, и которыя еще долго будутъ молодить стариковъ и поучать молодыхъ. «Какъ хорошо, когда старики учатъ насъ, молодыхъ, хорошимъ нѣснямъ!»

Да, Гейне—поэтъ и великій поэтъ; великъ онъ въ своей общедоступности; великъ онъ въ своей нескончаемой вознѣ съ людьми, въ борьбѣ со всѣми мелочами жизни и съ человѣческимъ тупоуміемъ; великъ онъ въ томъ прекрасномъ чувствѣ, которое умѣетъ пробуждать изъ усыпленія; великъ онъ въ своей любви къ людямъ даже тогда, когда онъ ихъ, повидимому, ненавидитъ и обливаетъ ихъ своимъ негодованіемъ и насмѣшкой. «Человѣчество,—говоритъ Гейне,—это герой, который безпрестанно умираетъ и безпрестанно воскресаетъ, безпрестанно любитъ, безпрестанно ненавидитъ,—больше, впрочемъ, любитъ, чѣмъ ненавидитъ,—сегодня пресмыкается, какъ червь, завтра орломъ взлетаетъ къ солнцу, сегодня заслуживаетъ дурацкій колпакъ, завтра—лавровый вѣнокъ, но чаще и то, и другое

вмѣстѣ,—великій карликъ, маленькій великанъ, гомеопатически изготовленный богъ, въ которомъ божество хотя и очень разбавлено, но всегда существуетъ...»

Да, Гейне—поэтъ, и великій поэтъ, потому что онъ чувствуетъ въ себѣ человѣчество и носитъ его въ своей груди; онъ чувствуетъ связь жизни и понимаетъ вещи въ ихъ средоточіи, въ ихъ широкомъ объемѣ; онъ связываетъ міръ однимъ всесогрѣвающимъ чувствомъ любви. Тамъ, гдѣ филистеръ, лишенный чувства, хочетъ до всего дойти своимъ умомъ и, бѣдный, только напрягаетъ свой сухой мозгъ, которому нисколько не помогаетъ черствое сердце; тамъ, гдѣ ученая божья коровка чувствуетъ себя въ затрудненіи, потому что въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ недостаетъ документовъ,—поэтъ смѣло и безошибочно пополняетъ пробѣлы—и ошибки нѣтъ, ибо описываемая имъ жизнь вѣрна дѣйствительности, хотя подробности иногда вымышлены. «Поэты не искажаютъ исторіи,—говоритъ Гейне.—Они совершенно вѣрно передаютъ смыслъ ея, хотя бы образы и событія были изобрѣтены ими самими. Есть народы, которымъ исторія ихъ была передана въ такой поэтической формѣ,—напр., индійцы. Тѣмъ не менѣе пѣсни Магабараты передаютъ смыслъ индійской исторіи гораздо вѣрнѣе, чѣмъ любой присяжный историкъ со всей своей хронологіей. Въ этомъ отношеніи можно, кажется, сказать, что романы Вальтеръ-Скотта передаютъ иногда духъ англійской исторіи вѣрнѣе, нежели Юмъ, и, по моему, Сарторіусъ совершенно правъ, причисляя, въ своихъ дополненіяхъ къ Шпитлеру, романы эти къ источникамъ англійской исторіи». И народы—такіе же поэты въ своихъ сагахъ и сказаніяхъ, въ своей жизни непосредственнымъ чувствомъ; вотъ почему всегда такъ много родственнаго между великими поэтами и чувствами массъ. Поэтъ носитъ въ себѣ міръ своей народности, національное чувство своей страны, чистое, святое, неиспорченное и незасушенное тѣмъ сухимъ школьнымъ педантствомъ, котораго ни одинъ народъ никогда не умѣлъ понимать. Неужели вы думаете, что простой нѣмецкій народъ пойметъ, почему Эльзасъ долженъ быть присоединенъ къ Германіи: это понимаетъ только школьный учитель.

Да, Гейне—поэтъ, великій поэтъ; но онъ не только поэтъ—онъ и публицистъ. Онъ училъ филистеровъ не только чувствовать, но и думать; онъ училъ не только исторіи, но и политикѣ. Нѣсколько томовъ сочиненій Гейне посвящены политикѣ и исторіи Германіи, Франціи и Англіи, прошлымъ и текущимъ политическимъ событіямъ. Сочиненія эти имѣютъ серьезное значеніе, хотя они, повидимому, *поэтическія произведенія*. «Моя книга,—говоритъ Гейне, — о французскихъ дѣлахъ» есть въ одно и то же время продуктъ натуры и искусства, и если теперь она, можетъ быть, удовлетворяетъ популярнымъ потребностямъ читающаго міра, то позднѣйшимъ исторіографамъ послужитъ, безъ всякаго сомнѣнія, историческимъ матеріаломъ. Въ этомъ отношеніи мои «французскія дѣла» оцѣнены самымъ достойнымъ образомъ, и французскимъ переводомъ ихъ неоднократно пользовались въ своихъ изслѣдованіяхъ французскіе историки».

Гейне укоряли часто за его фривольный ésprit, который онъ позволялъ себѣ въ своихъ историческихъ и политическихъ сочиненіяхъ. Но этотъ фривольный ésprit вовсе не признакъ легкомыслія Гейне, его шаловливости или безпечной натуры поэта. Гейне пользовался своимъ талантомъ образнаго изложенія съ разсчетомъ публициста-популяризатора. Онъ перемѣшивалъ свои печальные разсказы картинками изъ области искусства и науки, изъ танцовальныхъ залъ хорошаго и дурного общества, для того, чтобы представить картину того времени въ ея малѣйшихъ оттѣнкахъ и чтобы заинтересовать вниманіе читателя. Гейне никогда не забывалъ, что онъ—пропагандистъ, и что его слушатели еще такъ дѣтски малы, что съ ними нужно говорить, пересыпая дѣло съ бездѣльемъ, давая отдыхъ бѣднымъ маленькимъ головкамъ, не привыкшимъ къ серьезнымъ чувствамъ и къ серьезнымъ мыслямъ. «Писатель политическій,—говоритъ Гейне,—долженъ дѣлать многія горькія уступки необходимости — ради дѣла, за которое онъ ратуетъ». И вотъ Гейне, ради своей пропаганды, ради того, чтобы дать ей наибольшій объемъ, избираетъ органы, имѣющіе наибольшій кругъ читателей: ибо,—какъ онъ выражается,—не желаетъ ораторствовать въ кофейнѣ или въ цирюльнѣ; ради того же онъ напрягаетъ всѣ средства своего таланта, чтобы образностью, иллюстраціями, остроуміемъ приковывать къ себѣ вниманіе. Наконецъ онъ прибѣгаетъ къ оборотамъ, къ иносказаніямъ и къ разнымъ украшеніямъ, чтобы обойти злобствовавшую тогда нѣмецкую цензуру. Всѣ украшенія и картинки, всякіе анекдотцы, которыми онъ пересыпалъ свои сочиненія,—все это служило для него только средствомъ сказать извѣстную правду и провести благополучно свою мысль среди подводныхъ камней и мелей, которые ей грозили на каждомъ шагу. Талантъ Гейне былъ его орудіемъ для борьбы и средствомъ для побѣды. Такъ ли пользуются своими силами великіе романисты эстетической школы? Г. Соловьевъ, «какая сегодня прекрасная погода!»

Сентябрь 1870

НѢМЦЫ МЫСЛИ И НѢМЦЫ ДѢЛА.

(Исторія цивилизаціи въ Германіи. І. Шерра. Переводъ съ 3-го изданія А. Невѣдомскаго и Д. Писарева. Спб., 1869 г.).

I.

Когда Австрію побили подъ Садовой, она, желая оправдать неспособность своихъ генераловъ, возвѣстила Европѣ, что побѣдилъ прусскій школьный учитель. Афоризмъ о школьномъ учителѣ оказался совершенно понятнымъ всякому филистеру, и теперь нѣтъ въ Европѣ такого лавочника, который бы не былъ глубоко убѣжденъ въ ничтожествѣ Роона, Мольтке и принца Фридриха-Карла передъ отставнымъ фельдфебелемъ, обучающимъ азбукѣ деревенскихъ мальчишекъ.

Когда пруссаки уничтожили нынче французскую армію, тѣ же австрійцы выпустили новый афоризмъ,—они сказали: «Побѣдилъ капитанъ, посаженный на лошадь»: Этотъ новый афоризмъ, болѣе близкій къ истинѣ, показываетъ прямо, что одной грамотностью объяснить силъ Пруссіи нельзя.

Тѣ, кому такъ понравился афоризмъ о школьномъ учителѣ, воображаютъ серьезно, что всему причиной грамота, и что еслибы во Франціи и въ Австріи число грамотныхъ было больше, чѣмъ въ Пруссіи, пруссакамъ никогда бы не выйти побѣдителями.

Но нѣтъ,—возражаютъ школьные учителя,—мы говоримъ не то: мы хотимъ сказать, что сила Пруссіи въ томъ, что ея школа—«истинно-христіанская, нѣмецкая народная школа», и что прусская армія потому непобѣдима, что она, какъ доносили королю Вильгельму Мольтке, Штейнмецъ и Роонъ, «вся вышла изъ этой школы».

И это объясненіе ничего не объясняетъ. Исторія представляетъ намъ рядъ непобѣдимыхъ армій и побѣдныхъ полчищъ, которыя не только не знали «истинно-христіанской», но и никакой школы. Магометъ съ ничтожными силами покоряетъ Востокъ; монголы, какъ лава, разливаются по міру и забираютъ въ руки всю Азію и половину Европы; турки при Магометѣ II берутъ христіанскій Константинополь, при Солиманѣ II овладѣваютъ Родосомъ, покоряютъ Венгрію, два раза проникаютъ въ Германію. Тѣ же турки берутъ два раза Вѣну; арабы покоряютъ Испанію. Въ чемъ же сила этихъ народовъ, что создавало ихъ несокрушимость? Отчего неграмотная Франція беретъ въ прошедшемъ столѣтіи постоянный перевѣсъ надъ Германіей? Отчего та же Германія, уничтоженная, безсильная передъ Наполеономъ I, является грозою его племянника? Отчего происходитъ, что въ извѣстные періоды и историческіе моменты народами овладѣваютъ извѣстныя идеи, которыя измѣняютъ всю дѣятельность народовъ, даютъ опредѣленное направленіе ихъ стремленіямъ, создаютъ новый складъ жизни, порождаютъ совершенно новыя мысли? Какой нибудь афоризмъ о школьномъ учителѣ или капитанѣ, посаженномъ на лошадь, не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, потому что и школьный учитель, и капитанъ—сами только результаты этого новаго настроенія, а вовсе не причина его.

Въ прошедшемъ столѣтіи одно изъ подобныхъ могущественныхъ настроеній овладѣло Франціей, и босоногіе солдаты французской республики, не болѣе грамотные, какъ и турки Солимана II, били грамотныхъ нѣмцевъ и побѣдоносно шли противъ коалиціи всей Европы. Въ нынѣшнемъ столѣтіи восторженное настроеніе овладѣваетъ Германіей, и мы видимъ солдатъ короля Вильгельма I подъ стѣнами Парижа.

Чтобы понимать энергическое настроеніе массъ въ одномъ направленіи и энергическую практику, отвѣчающую этому настроенію, нельзя ограничиваться узкимъ филистерскимъ аршиномъ и сводить все къ остроумнымъ афоризмамъ австрійскаго изобрѣтенія. Жизнь народовъ—такой неизвѣданный океанъ, на дно котораго не удалось еще опуститься до сихъ поръ ни одному нѣмецкому ученому. Но силу этого океана чувствуетъ всякій. Всеподавляющая стихійность громадныхъ міровыхъ событій, захватывающихъ каждаго въ свой водоворотъ, всегда представляла заманчивость именно своею непостижимостью и постоянно оставалась неразрѣшимой загадкой, привлекавшей къ себѣ пытливый человѣческій умъ. Къ сожалѣнію, существовавшія знанія мало помогали разрѣшенію загадки, и тогда пытливый умъ обращался къ помощи воображенія. Воображеніе уводило умъ въ мистическій туманъ, который умѣлъ всегда даже орудія прогресса превращать въ орудія отсталости. Такъ случилось, напримѣръ, съ романтизмомъ, который былъ тоже нѣкогда прогрессивной силой, а въ XIX столѣтіи договорился до среднихъ вѣковъ. «Война и Миръ» графа Толстого есть одна изъ подобныхъ мистико-романтическихъ попытокъ разрѣшить неразрѣшимое. Графъ Толстой пришелъ къ выводу, что въ коллективныхъ явленіяхъ, которыя зовутъ историческими, никто ничего не понимаетъ. «Люди бросаютъ свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны въ другую, грабятъ, убиваютъ, торжествуютъ и отчаиваются, и вся міровая жизнь, усиливаясь въ своей всеобщей восторженности, представляетъ какое-то напряженное движеніе, которое сначала возрастаетъ, а потомъ ослабѣваетъ».

«Всѣмъ хотѣлось идти впередъ», — сказалъ графъ Бисмаркъ про прусскую армію подъ Садо-

вой. Вотъ это-то *всѣмъ хотѣлось* и составляетъ тотъ волшебный кругъ, который пытался отворить графъ Толстой уже заржавѣвшимъ отъ времени ключикомъ, выкованнымъ въ романтической кузницѣ. Графъ Толстой рѣшилъ, что двигающая историческая сила заключается въ непосредственномъ чувствѣ благодушнаго Каратаева. Ну, ужъ будто бы у Каратаева не было никакого положительнаго стремленія? Что возбуждаетъ графа Бисмарка и короля Вильгельма? Что двинуло нѣмецкія полчища на Францію? Откуда этотъ подъемъ духа? Неужели все это—такъ, и люди толкаются, какъ слѣпые? Неужели графъ Бисмаркъ—Каратаевъ?

Историки, конечно, знаютъ только внѣшнюю сторону міровыхъ явленій и не разобрали еще психологическаго механизма отдѣльныхъ людей. Но тѣ же историки и изъ того, что они наблюдали, знаютъ также, что есть магическія слова, способныя, какъ электрическая искра, напрягать людей и связывать ихъ въ одно громадное коллективное цѣлое, стремящееся къ извѣстной цѣли. Эти магическія слова имѣютъ для массъ не всегда совершенно ясный смыслъ; они больше чувствуются, чѣмъ понимаются. Представленіе, которое скрывается за этими словами, не составляетъ обыкновенно вполнѣ выясненной и разработанной программы поведенія; но, несмотря на свою смутную ширь, идея, возбуждающая стремленія народовъ, имѣетъ всегда положительную практическую сущность. Мы возьмемъ примѣръ изъ нашей исторіи. У народа, который шелъ десятками тысячъ къ Пугачеву, не было никакой ясно сознанной и разработанной программы, а между тѣмъ магическое слово «воля» дало толпамъ мужиковъ такую силу, что они разбивали выдержанныхъ и обученныхъ солдатъ, и правительство думало уже послать противъ самозванца Суворова.

Въ большинствѣ случаевъ страхъ—наиболѣе сильный рычагъ, возбуждающій сильное чувство: народъ хочетъ спасти то, чѣмъ онъ владѣетъ, боясь его потерять, или же стремится пріобрѣсти лучшее, чего у него еще нѣтъ. Какъ ни смутны магическія слова, возбуждающія народъ, онъ ихъ отлично понимаетъ,—они все равно, что крикъ: «пожаръ!».

Магическія слова не всегда одни и тѣ же: что дѣйствуетъ въ одно время, не дѣйствуетъ въ другое,—ибо въ этихъ словахъ есть своя логическая послѣдовательность. Солдатъ Магомета II связывало въ непобѣдимую силу слово «Магометъ»,—и подъ стѣнами Константинополя Магометъ былъ сильнѣе христіанскаго Бога; теперь же опять христіанскій Богъ сталъ сильнѣе Магомета. Нѣмецкій католикъ не надѣнетъ больше прадѣдовскихъ доспѣховъ и не возьметъ въ руки меча для спасенія гроба Господня, да и самъ папа перемѣняетъ уже квартиру. Старыя стремленія смѣнились новыми, а съ новыми стремленіями явились и новыя магическія слова. Съ прошедшаго столѣтія для французовъ служитъ магическимъ словомъ—«свобода»; для нѣмцевъ тотъ же смыслъ и тѣ же стремленія заключаются въ кличѣ—«родина, единство, національность!»

II.

Тѣ, кого такъ плѣнилъ афоризмъ о школьномъ учителѣ, похожи на извѣстнаго шотландскаго сказочнаго охотника, который, проспавъ 100 лѣтъ, очень изумился, найдя все иначе. Шотландскіе охотники рѣшили и нынче, что объединеніе Германіи совершается потому, что Пруссія очень сильна, а Пруссія очень сильна потому, что ея армія вышла вся изъ народной школы. Если такъ думаютъ Мольтке, Роонъ и Блюменталь, то какой же школьный педантъ смѣетъ думать иначе? А между тѣмъ исторія нѣмецкаго единства вовсе не такъ проста. Пропусти Австрія всѣхъ своихъ солдатъ три раза чрезъ австрійскія школы, ей всетаки не побѣдить пруссаковъ и не объединить Германіи, потому что только Пруссія одна владѣетъ магическими словами.

Исторія, совершающаяся теперь на нашихъ глазахъ, началась не нынче. Мы только присутствуемъ при одномъ изъ ея эпизодовъ, для котораго все предыдущее было лишь постепеннымъ приготовленіемъ.

Англія и Франція давно уже слились въ одно государственное единство, котораго Германія по разнымъ обстоятельствамъ достигаетъ лишь нынче. Мы не скажемъ, чтобы средства, которыя употребляютъ графъ Бисмаркъ и король Вильгельмъ, были хороши; мы не скажемъ, чтобы той же самой цѣли нельзя было достигнуть иначе; но мы также знаемъ, что при тѣхъ политическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится еще Германія, и при тѣхъ умственныхъ политическихъ средствахъ, которыми она располагаетъ, ей невозможно было слагать свою теперешнюю политическую исторію, не проявляя своей старой тевтонской грубости. Можно возмущаться поведеніемъ Пруссіи съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ прусскаго правленія стоитъ графъ Бисмаркъ, человѣкъ, лишенный хорошихъ чувствъ и наклонный къ насилію; но измѣнить поведеніе Пруссіи, пока власть находится въ рукахъ подобныхъ тевтоновъ, и пока не увеличится число людей съ лучшими чувствами и болѣе разсудительныхъ, — невозможно. Нѣмецкій геній, сказавшійся въ лучшихъ нѣмцахъ XIX вѣка, пока еще пролагаетъ дорогу къ дѣятельности; онъ самъ борется съ Бисмарками и, владѣя теоретически средствами, ждетъ своего будущаго.

Нѣмцевъ давно укоряютъ въ томъ, что они не сложились въ одно національное государство. Но развѣ они не слагаются въ него теперь, когда пришло время? Не сдѣлалось это раньше потому, что и не могло сдѣлаться. Ни по внутреннему составу племенъ, ни по географическому положенію Германія не пользовалась тѣми условіями, въ которыхъ находились Россія, Франція или Англія. Нѣмцы почти со всѣхъ сторонъ были окружены сосѣдями чуждыхъ національностей. Въ то же время и въ границахъ своей народности они представляли такую смѣсь племенъ, какой не было ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Россіи. Каждое отдѣльное племя Германіи было достаточно сильно и находи-

лось въ довольно выгодныхъ географическихъ условіяхъ, чтобы спасаться отъ преобладанія другихъ племенъ. Въ то же время германскимъ племенамъ приходилось постоянно бороться съ иноплеменными сосѣдями,—то съ итальянцами и папой, то со скандинавами, то съ французами, то со славянами, на счетъ которыхъ нѣмцы расширили свои предѣлы. Германскіе императоры были почти постоянно заняты внѣшними завоеваніями, и имъ не было времени направить свою дѣятельность на объединеніе отдѣльныхъ германскихъ племенъ. Кромѣ того, власть императора и его связующая сила были слабѣе противодѣйствовавшаго ему нѣмецкаго сепаратизма.

Реформація еще больше раздѣлила Германію. Послѣ реформаціи изъ одной вышли двѣ Германіи—протестантская и католическая. Обѣ враждовали постоянно; обѣ отыскивали себѣ средства и союзниковъ внѣ своей національности. Всѣ сосѣди, и близкіе, и далекіе, были хороши, если ихъ поддержка давала возможность взять верхъ надъ противникомъ. Католики искали покровительства и поддержки католическихъ державъ и преимущественно Испаніи; протестанты заключали союзы съ протестантскими государствами, какъ Данія, Швеція, Англія; Франція стояла на сторонѣ то католиковъ, то протестантовъ. Такимъ образомъ, Германія постоянно раздирала сама себя, и нѣмцы постоянно воевали съ нѣмцами. Реформація привела къ тому, что отдѣльные князья усилились, императорская власть еще болѣе ослабѣла, о національныхъ же интересахъ совсѣмъ забыли. Одичалый народъ служилъ слѣпымъ орудіемъ политическаго своекорыстія, и каждый сильный думалъ только о томъ, чтобы сдѣлаться еще сильнѣе на чей бы то ни было счетъ. Реформація, въ основѣ которой лежала прогрессивно-національная идея, превратилась въ средство разъединенія страны, сдѣлалась орудіемъ ослабленія національнаго чувства. Всѣ правители, начиная съ императора, заботились только о личныхъ, династическихъ интересахъ. Германскій императоръ даже пересталъ быть германскимъ, потому что главную массу его подданныхъ составляли иноземцы — венгерцы, итальянцы, славяне. Остальные германскіе правители поступали также. Саксонскіе курфирсты превратились, напримѣръ, въ королей польскихъ; курфирсты бранденбургскіе владѣли Пруссіей. Померанія принадлежала Швеціи; Ганноверъ—Англіи. Въ этой путаницѣ и черезполосицѣ нѣмцы утратили всякое чутье общаго отечества. Въ войнахъ, которыя возникали въ Европѣ, нѣмецкіе государи вступали въ союзы чисто изъ личныхъ выгодъ. Нѣмецкой имперіи точно и не было: каждый владѣлецъ приставалъ къ той или другой воюющей сторонѣ,—дружился то съ Франціей, то со Швеціей, то съ Россіей, то съ Англіей. Каждый ничтожный князекъ считалъ себя великимъ человѣкомъ и хотѣлъ играть въ политику. Этою разрозненностью всегда пользовались Франція и Англія, и измѣна нѣмецкихъ государей общему нѣмецкому дѣлу была обыкновенной причиной успѣховъ враговъ Германіи. Трудно представить себѣ что либо болѣе позорное, чѣмъ Германія послѣ реформаціи и до самаго XIX вѣка. Имперскій сеймъ, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ настоящимъ дѣломъ, только выслушивалъ и разрѣшалъ жалобы, кляузы и самыя мелочныя дрязги вѣчно ссорившихся нѣмецкихъ государей. До какой мелочности доходили жалобы, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай. Въ 1706 г. Франкфуртъ жаловался, что наложенный на него денежный контингентъ превышаетъ его силы. Изъ 800 гульденовъ, наложенныхъ на жителей, городъ просилъ сложить 500, но въ то же время заявлялъ, что было бы справедливѣе уменьшить платежъ до одной трети, т. е. до 266 гульденовъ 40 крейцеровъ! И въ этихъ крейцерахъ торговался богатый, промышленный Франкфуртъ! Впрочемъ, имперскій сеймъ и не могъ заниматься никакими важными дѣлами, потому что и самъ онъ былъ также ничтоженъ, какъ ничтожна страна, интересами которой онъ завѣдывалъ. Безсиліе имперскаго сейма обнаруживалось во внѣшнихъ войнахъ Германіи. Никто не хотѣлъ его слушать,—каждый дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, и Германія со своими голодными и ободранными солдатами, всегда бѣгавшими съ поля сраженія, со своими неспособными предводителями и ничтожными правительствами становилась посмѣшищемъ и игрушкой Европы. До чего было мало чувства достоинства въ нѣмецкихъ правителяхъ,—показалъ курфирстъ баварскій, Карлъ-Альбертъ, претендентъ на императорскую корону. Онъ не постыдился предъявить подложное духовное завѣщаніе, которое было опровергнуто въ Вѣнѣ, и, выпрашивая помощь Франціи, писалъ слѣдующее унизительное письмо кардиналу Флери: «Увѣренный въ добротѣ его величества христіаннѣйшаго короля, полный довѣрія къ дружбѣ вашего преосвященства, я полагалъ, что первымъ шагомъ съ моей стороны должна быть самая безграничная преданность его величеству королю, котораго *я всегда считалъ единственною моею опорою и единственною моею защитою* (и этотъ человѣкъ хочетъ сдѣлаться нѣмецкимъ императоромъ!!! — восклицаетъ Шлоссеръ), и передать вашему преосвященству мое убѣжденіе, что настоящія обстоятельства составили бы величайшую славу вашего управленія дѣлами, потому что вы могли бы усилить могущество короля, уменьшивъ могущество его старинной соперницы; а это вмѣстѣ съ тѣмъ послужило бы къ наградѣ вѣрнаго союзника, постоянная привязанность котораго къ интересамъ Франціи вамъ хорошо извѣстна. И дѣйствительно, судя по тому, что вы мнѣ сообщаете, я вижу, что моя довѣренность къ королю не была тщетною: первыя мысли его христіаннѣйшаго величества обратились ко мнѣ съ пламеннымъ желаніемъ найти благопріятный случай для поддержанія правъ моего рода и возведенія меня, буде возможно, на императорскій престолъ. Мнѣ недостаетъ словъ для выраженія всей безпредѣльности моей признательности и того, какъ я растроганъ милостями короля...» Или тотъ же Карлъ-Альбертъ писалъ Флери: «Приблизилась минута, которая должна рѣшить судьбу вѣрнѣйшаго изъ союзниковъ короля и увѣковѣчить

славу его царствованія, давъ ему случай доставить императорскую корону князю, который по признательности и преданности поставитъ всегдашнею своею обязанностью соединять интересы имперіи съ интересами Франціи, и такъ какъ это будетъ вашимъ дѣломъ, то я возлагаю всю мою надежду на васъ, котораго я всегда любилъ и почиталъ, какъ истиннаго своего отца...» И такъ унижался претендентъ на императорскую корону!

Среди этого позорнаго нѣмецкаго безсилія начинаетъ возникать Пруссія. Немного нужно было даровитости, чтобы дать маленькому государству перевѣсъ надъ окружающими его политическими ничтожествами: требовалось только немножко почестнѣе управлять своими подданными. Еслибы Гогенцоллерны оказались вполовину хуже того, чѣмъ они были, то и тутъ бы Пруссія возвеличилась неимовѣрно надъ остальными нѣмецкими государствами. Но Гогенцоллерны стояли выше цѣлой головой. Дѣйствительно, они были грубые капралы и деспоты, но они были честными людьми, не позволявшими грабить своихъ подданныхъ. Въ то время, какъ всякій нѣмецкій микроскопическій князекъ корчилъ изъ себя Людовика XIV, окружалъ себя многочисленною придворною челядью, держалъ фаворитокъ, устраивалъ непремѣнно оленій паркъ и позорно грабилъ свой народъ, чтобы давать блестящіе придворные праздники, Фридрихъ-Вильгельмъ I и другіе прусскіе короли, подобно Петру I, жили просто и предпочитали тевтонскую грубость жалкой напыщенности и раззолоченному разврату французскаго двора. Въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, въ первомъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ правителей, сказалось національное чувство въ его ненависти къ иноземному и въ его презрѣніи ко всему французскому, такъ что, зная превосходно французскій языкъ, онъ никогда не говорилъ на немъ.

Извѣстно, что разсчетливая простота Фридриха-Вильгельма I и строгій порядокъ и экономія, введенная имъ въ управленіе страной, дали его сыну Фридриху II возможность сдѣлать изъ Пруссіи сильное государство. Но Пруссія явилась не для того, чтобы водрузить мечъ. Вмѣсто того, чтобы сплотить нѣмецкую имперію и дать ей силу и достоинство, Пруссія окончательно ее уронила. Съ тевтонской грубостью Пруссія, надѣявшаяся на свою силу, совершенно отказалась повиноваться имперскому сейму. Пруссія хотѣла поступать такъ, какъ было выгоднѣе ей одной, не желая знать никакой Германіи и никакой германской имперіи. Въ то же время Пруссія была слишкомъ слаба, чтобы явиться центромъ нѣмецкаго единства и сгруппировать около себя остальныя нѣмецкія государства. Разорвавъ послѣднюю связь, Пруссія, взамѣнъ разрушеннаго, не только не дала ничего новаго, а, напротивъ, возбудила противъ себя зависть и непріязненныя чувства. Причина этого заключалась въ той надменности и спѣси, которыя пруссаки стали выказывать послѣ своихъ побѣдъ. Давно уже замѣчено, что нѣмцы гораздо умнѣе въ несчастьѣ, чѣмъ въ счастьѣ. Правда, что ни одно нѣмецкое государство не могло въ XVII столѣтіи хвалиться какими нибудь славными подвигами, и Пруссія была первой нѣмецкой державой, которая обнаружила силу и достоинство; но правда и то, что побѣды Фридриха до того вскружили голову его пруссакамъ, что они стали смотрѣть на остальныхъ нѣмцевъ съ презрѣніемъ, а себя перестали считать нѣмцами.

Считая своимъ отечествомъ только Пруссію и гордясь своими военными подвигами, подданные Фридриха II не умѣли понять, что они пріобрѣли свою славу междуусобной войной и пораженіемъ своихъ собственныхъ земляковъ; что они пріобрѣли свою славу побѣдой надъ своей собственной императрицей, которую защищали противъ нѣмецкихъ государей венгерскія и славянскія войска; что она пріобрѣла эту славу на счетъ недостойнаго вандальскаго поведенія по отношенію къ такимъ же нѣмцамъ, какъ и они сами. Послѣ семилѣтней войны Германія была совершенно разорена. Французскій генералъ Мальбуа доносилъ военному министру: «Войска наши совершаютъ всевозможныя неистовства и больше любятъ грабить, чѣмъ сражаться». Походъ русскихъ,—какъ говоритъ Шлоссеръ про кампанію 1757 г.,—былъ страшенъ только несчастнымъ жителямъ. Сибильскій, главнокомандующій саксонцами, былъ такъ возмущенъ жестокостями и опустошеніями русскихъ, что подалъ своей императрицѣ жалобу на ихъ главнокомандующаго Апраксина и въ досадѣ сложилъ съ себя начальство. Австрійскіе кроаты свирѣпствовали хуже турокъ, а имперскія войска не уступали ни французамъ, ни русскимъ, ни кроатамъ. Фридрихъ II дѣйствовалъ тоже по турецки: онъ велъ войну на счетъ тѣхъ областей, въ которыя вступалъ. Съ бѣднаго и пустыннаго Мекленбурга Фридрихъ II взялъ, напримѣръ, 17 милліоновъ талеровъ контрибуціи. На Лейпцигъ, который состоялъ въ подозрѣніи слишкомъ сильной привязанности къ интересамъ Австріи и тайной ненависти къ Пруссіи, Фридрихъ наложилъ контрибуцію въ 8 тоннъ золота. Вообще вся Германія была страшно опустошена и своими, и чужими. Уцѣлѣли лишь южныя части австрійско-германскихъ владѣній и Баварія. Вся же средняя и сѣверная Германія, отъ границы Россіи до Франціи, была превращена въ пустыню, и все это благодаря честолюбивымъ стремленіямъ Фридриха II, созидавшаго новое прусское могущество.

Внутренній строй Германіи соотвѣтствовалъ вполнѣ ея внѣшнему политическому поведенію. Общество точно было раздѣлено на клѣточки, совершенно изолированныя и враждебныя другъ другу, какъ египетскія касты. Религіозное невѣжество заставляло чуждаться не только католиковъ и протестантовъ, но и между протестантами лютеране считали дѣломъ душевнаго спасенія ненавидѣть и преслѣдовать реформаторовъ. Лютеранскіе города запрещали у себя реформатское богослуженіе; католическіе — лютеранское. Религіозная нетерпимость простиралась до того, что Карлъ VI австрійскій выслалъ противъ протестантовъ цѣлую армію, и изъ зальцбургскихъ владѣній было изгнано болѣе 30.000 протестантовъ.

Затѣмъ шло соціальное подраздѣленіе общества. Здѣсь къ невѣжеству и предразсудкамъ, которые поддерживали и разжигали религіозную нетерпимость, присоединилась еще гордость съ одной стороны и раболѣпіе — съ другой. Іерархическая лѣстница, на которой размѣстились нѣмцы, представляла замѣчательный образчикъ одичалости нѣмецкихъ чувствъ и понятій. Такъ, на верхней ступени лѣстницы стояли, конечно, коронованныя особы, потомъ члены владѣтельныхъ фамилій, потомъ князья, далѣе графы, еще ниже имперскія и рыцарскія фамиліи, затѣмъ обыкновенно дворяне, жалованные императоромъ, за ними дворяне, получившіе свое достоинство отъ другихъ владѣтелей. Чиновники дѣлились на ранги и кичились своимъ положеніемъ не меньше дворянъ. Впрочемъ, дворяне, считая себя силой родовитой, смотрѣли съ презрѣніемъ на чиновниковъ. Чиновники, въ свою очередь, смотрѣли съ презрѣніемъ на купцовъ, купцы — на ремесленниковъ, а ремесленники — на крестьянъ. Народу было хуже всего: его презирали всѣ; его грабили, утѣсняли, эксплоатировали всякимъ образомъ. Не только обезпеченіе, но хотя какое бы то ни было довольство были совершенно неизвѣстны въ деревняхъ. Разоренный народъ жилъ чуть не въ хлѣвахъ и ходилъ въ рубищѣ. Казалось, что одичалая и разрозненная Германія должна или погибнуть отъ иноземнаго врага, или разложиться въ собственномъ безсиліи.

III.

Но Германія не разложилась. Прошло сто лѣтъ, и нѣкогда одичалая Германія является страной съ *глубокой* цивилизаціей. Она возвышаетъ голосъ и провозглашаетъ себя первымъ народомъ, отъ котораго должны теперь зависѣть судьбы Европы. Откуда же взялась эта сила? Не высыпалась же она внезапно изъ рога изобилія, который щедрое Провидѣніе вздумало опрокинуть надъ головой Германіи. Конечно нѣтъ, потому что Провидѣніе никогда не дѣлаетъ народамъ подарковъ. Народы пожинаютъ только то, что̀ сами сѣютъ. Графъ Бисмаркъ и король Вильгельмъ — не больше, какъ руки. Они — только акушеры, помогающіе рожденію германской идеи, которая зачалась до нихъ, а развивалась безъ ихъ участія.

Историческое развитіе народовъ совершается по неизмѣннымъ законамъ, которыхъ не можетъ измѣнить никакая сила. Скорѣе или медленнѣе совершится это развитіе, зависитъ, конечно, отъ обстоятельствъ, мѣшающихъ или помогающихъ развитію. Объединенію Германіи обстоятельства помѣшали также, какъ они до сихъ подъ мѣшаютъ объединенію славянъ. Но въ историческомъ круговоротѣ наступаетъ каждому народу своя очередь, потому что прогрессъ и цивилизація не составляютъ достоянія только нѣкоторыхъ. Развитіе передается преемственно однимъ народомъ другому, когда придетъ пора для его принятія, и когда обстоятельства приготовятъ для того почву. И на Германію наконецъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Долго жила Германія заимствованною жизнью, чуждою ея духу; крѣпокъ и продолжителенъ былъ ея сонъ; но, просыпаясь и расправляя свои члены, она наконецъ вытянулась во весь ростъ и изумила міръ своими размѣрами и своимъ тевтонскимъ кулакомъ. Тевтонскій кулакъ, конечно, можно бы и не показывать; но не оттого ли Германія и груба, что другіе слишкомъ кротки, и что во всей Европѣ одинъ Бисмаркъ?

«Въ началѣ XVIII вѣка,—говоритъ Шлоссеръ,— въ Германію еще не заглядывалъ ни одинъ лучъ новаго времени, и, въ противоположность съ Франціею, Англіею, даже Голландіею, не чувствовалось ни малѣйшей потребности къ новой литературѣ. Нѣмцы въ это время не стояли даже на высотѣ эпохи Людовика XIV. Немногіе образованные портили себѣ вкусъ надъ вымыслами Марини д'Юрфе, надъ краснорѣчіемъ Бальзака; въ обществѣ разучились даже правильно писать и говорить на отечественномъ языкѣ. Рѣзкое отчужденіе дворянства отъ народа, государей и дворовъ отъ простолюдиновъ раздѣлило народъ на два класса, едва знакомые другъ другу. Придворные и дворяне читали только по французски, воспитывались французскими гувернерами и гувернантками. Народъ читалъ нелѣпыя книги XVII столѣтія, написанныя чрезвычайно дурнымъ нѣмецкимъ языкомъ». Свободное развитіе было почти совсѣмъ остановлено: невѣжество администраторовъ, невѣжество духовенства, невѣжество юристовъ и невыносимыя притѣсненія строгой полиціи сковывали всякую мысль. Германія, одичалая и запуганная, совсѣмъ забыла, что она создала реформацію; забитая и разоренная, она тупѣла все больше и больше,—тупѣла подъ отечески-заботливымъ управленіемъ своихъ государей, тупѣла въ своихъ школахъ, гдѣ царилъ полнѣйшій сухой педантизмъ, гдѣ формальное знаніе выдавалось за науку, и зубреніе замѣнило смыслъ.

И, несмотря на это, никто не смѣлъ жаловаться на окружающій его мракъ: каждый скромно сидѣлъ въ пеленкахъ, даже и не подозрѣвая, что онъ спеленанъ. Но вотъ явился человѣкъ, который не только почувствовалъ, что ему тѣсно, но и далъ громкій совѣтъ своимъ соотечественникамъ выйти изъ пеленокъ. Человѣкъ этотъ былъ Томазій. Объ немъ Шлецеръ говоритъ, что онъ оказалъ человѣчеству больше услугъ, чѣмъ всѣ греческіе философы вмѣстѣ. Шлоссеръ находитъ эту похвалу, однако, черезчуръ преувеличенною, но признаетъ Томазія дѣйствительно замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ новаго времени. Томазій принадлежалъ къ числу людей, отлично понимавшихъ требованія своего времени, и главная его заслуга въ томъ, что истины, усвоенныя отъ французовъ и англичанъ, онъ примѣнилъ къ обстоятельствамъ нѣмецкой жизни. Онъ первый началъ будить спящаго Михеля и въ его темный, сырой чуланъ внесъ свѣтъ, существованіе котораго Михель и не подозрѣвалъ. Томазія можно считать отцомъ нѣмецкаго національнаго сознанія. Въ его времена нѣмецкій языкъ въ Германіи былъ въ полномъ презрѣніи, и всѣ науки преподавались по латыни. Томазій доказалъ, что такая метода ведетъ не къ просвѣщенію, а, напротивъ, лишаетъ

общество образованія,—что наука, вмѣсто того, чтобы дѣлаться общимъ достояніемъ, заперлась въ кабинеты ученыхъ, ведетъ къ педантизму, разъединяетъ знаніе съ жизнью. Такой протестъ хотя былъ и очень смѣлъ, но Томазій изумилъ еще больше педантовъ, когда въ 1688 г. объявилъ, что будетъ читать курсъ по нѣмецки и въ этомъ курсѣ объяснитъ, какъ, по примѣру французовъ, можно сблизить науку съ жизнью. Томазій поступилъ еще хуже: въ то время, какъ никто не смѣлъ писать по нѣмецки, онъ объявилъ, что будетъ издавать на нѣмецкомъ языкѣ учено-критическій журналъ. Подобной преступной и развратной мысли, конечно, не могли перенести нѣмецкіе педанты; они могли перенести все, кромѣ нѣмецкаго языка. Но Томазій не падалъ духомъ и съ замѣчательной энергіей продолжалъ свою нѣмецкую пропаганду и борьбу съ напудренными глупцами. Не скоро, правда, одержалъ Томазій побѣду, но всетаки одержалъ, и чрезъ двадцать лѣтъ уже многіе профессора лейпцигскаго университета читали лекціи по нѣмецки. Отвлекая своихъ соотечественниковъ отъ школьной мертвой латыни, Томазій постоянно указывалъ на примѣръ французовъ, которые презирали мертвое педантство и учились, и писали на своемъ родномъ языкѣ. Томазій совѣтовалъ своимъ слушателямъ не тратить времени надъ изученіемъ изуродованной латыни, а вмѣсто нея обратиться къ изученію живыхъ языковъ — французскаго и англійскаго. «Если вы, нѣмцы, хотите смягчить свои нравы и развить свой нѣмецкій умъ,—знакомьтесь съ обычаями и словесностью французовъ»,—поучалъ Томазій. Указывая на французовъ, Томазій требовалъ не слѣпого формальнаго подражанія: онъ хотѣлъ пробудить, напротивъ, духъ самостоятельности, хотѣлъ, чтобы нѣмцы пользовались французской культурой, какъ однимъ изъ средствъ для самостоятельнаго развитія. Въ одной изъ своихъ статей Томазій писалъ: «Разумъ признаетъ верховнымъ властелиномъ Бога. Всякія стѣсненія, которымъ подвергаютъ разумъ, когда поставляютъ правиломъ ему человѣческій авторитетъ, — невыносимы ему. Если корысть, мелочное честолюбіе или малодушный страхъ останавливаютъ его свободныя проявленія, онъ охладѣваетъ тогда къ знаніямъ. Только свобода дала голландцамъ, англичанамъ, даже самимъ французамъ столько даровитыхъ и ученыхъ людей. Напротивъ, недостатокъ этой свободы притупилъ проницательный разумъ итальянцевъ и погасилъ свѣтлый разумъ испанцевъ». И всю жизнь свою Томазій боролся противъ всего, что стѣсняло свободу нѣмецкаго духа: онъ боролся съ варварствомъ школы, судовъ и законовъ; онъ ратовалъ противъ пытки и противъ процессовъ за колдовство; ратовалъ противъ всякаго педантства и систематики, даже противъ богословской морали. Мраку было слишкомъ много, чтобы Томазій своими доводами здраваго смысла могъ бы его весь разсѣять. Но если не въ силахъ одного человѣка было сдѣлать все, то и то, что сдѣлалъ одинъ Томазій, было такъ велико, что становится вполнѣ понятной преувеличенная похвала Шлецера. Въ началѣ XVIII столѣтія участіе къ знанію и просвѣщенію пробудилось въ Германіи уже настолько, что возникло множество нѣмецкихъ журналовъ о предметахъ историческихъ, философскихъ и богословскихъ.

IV.

Томазій боролся съ грубымъ мракомъ; онъ прорубалъ для Германіи окно въ Европу; онъ указывалъ на примѣръ болѣе передовыхъ народовъ и преимущественно Франціи, откуда совѣтовалъ нѣмцамъ черпать свѣтъ. Но за Томазіемъ выступилъ другой человѣкъ, который явился не только безпощаднымъ отрицателемъ всякой старой гнили, но вмѣстѣ съ тѣмъ—пророкомъ будущаго, новаторомъ, зодчимъ новаго умственнаго зданія. Этотъ другой былъ Лессингъ.

Для дѣятельности Томазія не было никакой почвы. Онъ просто забрался въ мрачныя нѣмецкія трущобы и началъ рубить направо и налѣво, предлагая нѣмцамъ запасаться иностраннымъ свѣтомъ. Лессингу была уже подготовлена почва тѣмъ общимъ культурнымъ движеніемъ и той работой мысли, которую совершали во Франціи Вольтеръ, Дидро, энциклопедисты; ему была приготовлена почва и тѣмъ либеральнымъ направленіемъ, которому далъ доступъ просвѣщенный деспотизмъ новыхъ нѣмецкихъ правителей, развившихся тоже на французской литературѣ и философіи.

Лессингу предшествовалъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ псевдопросвѣтителей, съ тупоуміемъ которыхъ онъ боролся. Готштедты и Бодмеры были нужны ему для того же, для чего были нужны глупцы, съ которыми сражался Гейне. Глупцы—насущный хлѣбъ умныхъ людей. Но рядомъ съ Лессингомъ возникалъ уже цѣлый рядъ двигателей новаго нѣмецкаго прогресса, возбуждавшихъ самостоятельность нѣмецкой мысли: Винкельманъ, Землеръ, Реймарусъ, Шлецеръ, Мозеръ, Николаи, Вейссе, Рамлеръ, Клейстъ; а за нимъ начинается тотъ блестящій періодъ новой нѣмецкой литературы и философіи, во главѣ которой стояли Гете, Шиллеръ, Фихте, Шеллингъ. Все это—ученики Лессинга.

Чтобы понять силу Лессинга и оцѣнить все его значеніе не только для нѣмецкой мысли, но и для всего европейскаго прогресса, нужно представить себѣ ясно коренную черту его могучаго интеллектуальнаго образа. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Лессингъ говорилъ: «Еслибы Богъ держалъ въ правой рукѣ всю истину, а въ лѣвой—постоянное живое стремленіе къ ней, хотя бы съ прибавленіемъ, что я буду вѣчно заблуждаться, и сказалъ бы мнѣ: выбирай!—я со смиреніемъ бросился бы къ его лѣвой рукѣ и сказалъ: «Отецъ, дай! Чистая истина только для Тебя одного». Готовой истины нѣтъ, и бытіе человѣка—не въ наслажденіи владѣемымъ знаніемъ, а въ вѣчномъ стремленіи къ новому познаванію. Разъ пріобрѣтенное уже пережито; мыслящій человѣкъ постоянно переходитъ отъ одного познанія къ другому, никогда не останавливаясь и никогда не зная отдыха. Только

въ этомъ—умственная жизнь, только въ этомъ—вся сущность прогресса. Кто, собравъ извѣстный запасъ знаній, затѣмъ только дрожитъ надъ нимъ, ничего ни прибавляя къ нему,—тѣ люди—отжившіе и мертвые; они всегда сторонники попятнаго движенія. Лессингъ умеръ 52 лѣтъ; онъ умеръ потому, что его тѣло одряхлѣло; но умъ его былъ пытливъ, свѣжъ и силенъ, какъ умъ юноши; Лессингъ работалъ въ области новыхъ изслѣдованій, и за новой работой застала его смерть. Такой же неустанной и самостоятельной работѣ мысли училъ Лессингъ и своихъ соотечественниковъ; онъ училъ ихъ быть прогрессивными во всемъ, даже въ религіи.

До Лессинга въ Германіи не было литературы и даже не было публики, потому что то, что было, нельзя назвать ни литературой, ни публикой въ нынѣшнемъ смыслѣ. Свѣжій воздухъ, которымъ пахнуло на Германію, требовалъ новыхъ людей, а этихъ новыхъ людей создала новая литература, которую создалъ Лессингъ.

Ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ литература не имѣла такого громаднаго значенія въ развитіи общества, какъ въ Германіи. Вотъ кто истинный школьный учитель нѣмцевъ. Европа изумляется громадности того, что̀ создаетъ германская печать; Европа изумляется плодовитости и разнообразію нѣмецкаго генія. Но развѣ нѣмецкій геній могъ бы производить то, что̀ онъ производилъ и производитъ, еслибы онъ не находился въ условіяхъ, благопріятныхъ для своего проявленія? Сто лѣтъ тому назадъ, именно въ 1765 году, Зульцеръ писалъ: «Покамѣстъ книги будутъ находиться только въ рукахъ студентовъ, профессоровъ и журналистовъ, до тѣхъ поръ, мнѣ кажется, едва ли стоитъ труда писать что либо для настоящаго поколѣнія. Если въ Германіи существуетъ читающая публика, которая состоитъ не изъ ученыхъ по профессіи, то—признаюсь въ своемъ невѣжествѣ—я никогда не зналъ о существованіи такой публики. Я вижу, что книгами окружаютъ себя только студенты, кандидаты, изрѣдка профессоръ, еще рѣже пасторъ. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную и не имѣющую никакого значенія часть,—такое общество вовсе не знаетъ, что такое литература, философія, нравственность, эстетическій вкусъ». И черезъ пятьдесятъ лѣтъ Германія уже неузнаваема; черезъ пятьдесятъ лѣтъ она выставляетъ великихъ міровыхъ поэтовъ и великихъ міровыхъ мыслителей. Правда, у нея еще нѣтъ политической силы и политическаго значенія, но это задача ея будущаго, и ею она овладѣваетъ въ наше время. Политическая слабость и раздробленность даже помогли умственному росту Германіи, ибо въ ней не могла быть такая сильная центральная власть, какъ во Франціи, располагающая громадными средствами для развращенія и затупленія народа.

До Лессинга руководителями нѣмецкой мысли были Бодмеръ и Готшедъ: это были законодатели вкуса и полновластные авторитеты, передъ которыми склонялось все. Чтобы сбить эти авторитеты съ ихъ пьедесталовъ, нужно было овладѣть критикою, отъ которой въ Германіи зависѣли участь сочиненій и ихъ вліяніе на общество. Понятно, что къ этому рулю стремятся всегда общественные реформаторы. Такъ поступилъ и Лессингъ.

Лессингъ вмѣстѣ съ Николаи основали «Литературныя письма». Главными сотрудниками были Лессингъ, Николаи и Мендельсонъ. Съ самаго начала «Литературныя письма» показали, какой сильный человѣкъ стоитъ во главѣ ихъ, и не нужно было много времени, чтобы вся Германія признала диктатуру этого человѣка. Способъ поведенія человѣка опредѣляется временемъ, и умъ общественнаго дѣятеля заключается именно въ умѣньѣ выбрать оружіе. Когда явился Лессингъ, нужно было выбрать молотокъ и стучать имъ такъ крѣпко, чтобы стукъ его былъ слышенъ вездѣ и будилъ всѣхъ спящихъ. И Лессингъ выбралъ именно молотокъ и стучалъ имъ именно съ этою силою. Критика Лессинга была безпощадна и страшна. На кого онъ обрушивался, тому оставалось только умереть. И Лессингъ поступалъ такъ, сознавая, что поступать иначе нельзя. Онъ зналъ, что нужно быть безпощадно строгимъ и свирѣпымъ, и что только этимъ средствомъ можно заставить притихнуть тѣхъ, кто долженъ былъ молчать. Когда Николаи хотѣлъ приложить къ своему изданію, «Библіотекѣ изящныхъ искусствъ», портреты нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ и Лессинга, онъ обратился къ послѣднему съ вопросомъ: какой девизъ написать подъ его портретомъ? «Чтобы недолго думать, — отвѣтилъ Лессингъ, — напишите:

«Это злой человѣкъ,—берегись его».

Или, пожалуй:

«Что ты, собака, кидаешься на людей, которые тебя не трогаютъ».

Но рѣзкость нападенія была только внѣшней, формальной стороной дѣятельности Лессинга,—была однимъ изъ его военныхъ средствъ. Впрочемъ, въ этой формѣ заключалась и воспитательная сущность. Умные и острые критическіе разборы, писанные чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, показали публикѣ, что по нѣмецки можно выражаться гораздо лучше, чѣмъ выражались прежде всякіе школьные педанты готшедтовской школы.

Польза «Литературныхъ писемъ» заключалась въ томъ, что тѣхъ, кто былъ въ состояніи спастись отъ дурной школы, они выводили на новый путь,—напр., Виланда; безнадежныхъ хоронили окончательно во мнѣніи публики; они первые познакомили Германію съ Шекспиромъ; наконецъ, они указывали публикѣ на собственныхъ нѣмецкихъ даровитыхъ и талантливыхъ людей,—напр., Гаманъ, Винкельманъ, Кантъ.

Но недостаточно еще было ввести въ нѣмецкую литературу жизнь; недостаточно еще было новыми литературными произведеніями создать образцы,—нужно было прежнюю эстетическую теорію опровергнуть новой. Это сдѣлалъ Лессингъ своимъ «Лаокооном». «Лаокоонъ» есть собственно теорія поэзіи, теорія прекраснаго, единственное произве-

деніе съ тѣхъ поръ, какъ люди пишутъ. «Лаокоонъ» совершенно перевоспиталъ всю нѣмецкую литературу. «Надобно быть юношею, чтобы вообразить себѣ, какое дѣйствіе оказалъ на насъ «Лаокоонъ»,—пишетъ Гете.—Онъ поднялъ насъ изъ бѣдной сферы внѣшнихъ очертаній въ свободную сферу мысли. Разомъ было низвергнуто искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи. Мы были озарены, какъ молніею, отбросили всѣ прежніе понятія, какъ ветхую рухлядь; намъ казалось, что мы спасены теперь отъ всякаго зла». Основной принципъ, устанавливаемый Лессингомъ, слѣдующій. Онъ говоритъ, что живопись должна изображать самые предметы, поэзія же, напротивъ, рисуетъ дѣйствіе предмета, даетъ чувствовать его и этимъ сообщаетъ возможность узнать его. И все, за что ни брался Лессингъ, было также плодотворно по своимъ результатамъ. Своею «Драматургіею» онъ хотѣлъ пробудить въ нѣмцахъ самостоятельность въ сценическихъ произведеніяхъ и отучить отъ подражанія французской искусственности. Въ драматической теоріи Лессингъ слѣдовалъ Дидро, котораго онъ изучалъ и по теоріи котораго написалъ свою «Миссъ Сара Симпсонъ». Дидро, разбирая эту драму, сказалъ о ней: «Быть можетъ, искусству еще нужно усовершенствоваться въ Германіи, но германскій геній уже обратился къ природѣ,—это истинный путь; да идетъ онъ по этому пути!»

«Сара Симпсонъ», какъ выразились бы у насъ въ пятидесятыхъ годахъ, была произведеніемъ натуральной школы. Истинность и вѣрность природѣ замѣнили въ ней былую искусственность и ходульность. Но на этомъ первомъ шагѣ не могло остановиться драматическое искусство. Для величія его недоставало главнаго элемента, дающаго силу и литературному произведенію, и возвышающаго національный духъ,—народности. Въ «Сарѣ Симпсонъ» нѣмцы видѣли людей вообще, но нѣмцамъ нужно было показать ихъ самихъ, и это сдѣлалъ Лессингъ въ «Миннѣ фонъ-Барнгельмъ».

Содержаніе этой пьесы очень просто. Послѣ семилѣтней войны составъ прусской арміи былъ уменьшенъ, и многіе офицеры остались безъ куска хлѣба. Маіоръ фонъ-Тельгеймъ, храбрый прусскій офицеръ, былъ тоже уволенъ въ отставку. Но у него ужъ раньше была невѣста, Минна фонъ-Барнгельмъ, на которой онъ считалъ теперь безчестнымъ жениться, потому что не имѣлъ ни средствъ для жизни, ни положенія въ обществѣ. Онъ рѣшился скрыться; но случайно встрѣчается со своею невѣстою въ гостиницѣ и говоритъ ей, что онъ долженъ отъ нея отказаться, потому что онъ ей не партія. Свадьба, однако, состоялась.

Какъ видитъ читатель, сюжетъ пьесы простъ, и, несмотря на то, пьеса имѣла огромное общественное значеніе и выдержала на всѣхъ нѣмецкихъ театрахъ, можетъ быть, не меньше ста тысячъ представленій. Въ чемъ же причина этого успѣха? Причина его въ томъ, что нѣмцамъ въ первый разъ, вмѣсто какихъ-то невѣдомыхъ героевъ, показали ихъ самихъ, дали пьесу съ содержаніемъ, взятымъ не только изъ собственной жизни, но изъ того времени, которое каждый только что пережилъ.

«Минна фонъ-Барнгельмъ» заслуживаетъ вниманія еще и по новой тенденціи. Въ ней, въ образѣ Тельгейма, олицетворяется героизмъ Пруссіи, а женитьбой пруссака на саксонкѣ (Миннѣ) высказывается протестъ противъ племенной вражды и какъ бы совершается примиреніе Германіи съ Пруссіей.

Пруссія, хотя и возбуждала къ себѣ зависть остальныхъ нѣмцевъ, но эта зависть оттого именно и явилась, что каждый нѣмецъ чувствовалъ превосходство пруссаковъ. Послѣ семилѣтней войны каждый прусскій воинъ является съ ореоломъ славы, котораго не имѣлось у другихъ нѣмцевъ. Передовые нѣмцы смотрѣли на Пруссію, какъ на избавительницу отъ чужеземнаго ига. Слѣдовательно, семилѣтняя война являлась войной національной, а Пруссія—какъ бы центромъ національнаго движенія. Каждый нѣмецъ, возмущавшійся надменностью побѣдителей, въ то же время смотрѣлъ на нихъ съ завистью и хотѣлъ бы и самъ принадлежать къ этому племени, такъ поднявшему достоинство нѣмцевъ. Вотъ ужъ когда Германія стала кидать умиленные взоры на Пруссію.

Лессингъ еще болѣе помогъ этому тяготѣнію и подъему нѣмецкаго духа своимъ свѣтлымъ практическимъ умомъ. Онъ, конечно, не могъ оправдывать того узкаго патріотизма, по которому каждый нѣмецъ считалъ своимъ отечествомъ лишь свою деревню. Для него саксонцы, виртембергцы, баварцы, пруссаки были прежде всего нѣмцами. Въ этомъ случаѣ Лессингъ былъ космополитомъ или, вѣрнѣе, истиннымъ и первымъ представителемъ нѣмецкаго національнаго единства. Поэтому понятно, что и семилѣтняя война, въ которой пруссакамъ приходилось бороться противъ французовъ, русскихъ, кроатовъ, венгерцевъ, была для него войной нѣмцевъ противъ иноплеменниковъ. Какъ національный патріотъ, Лессингъ чувствовалъ тяготѣніе къ Пруссіи и по другой причинѣ. Фридрихъ II былъ всетаки самымъ способнѣйшимъ изъ нѣмецкихъ правителей того времени: у него былъ и большій порядокъ въ управленіи; у него не было и чиновничьяго грабежа; у него не было такого, какъ у другихъ, судебнаго произвола; наконецъ Фридрихъ II заботился больше другихъ объ образованіи народа. Однимъ словомъ, на сторонѣ Пруссіи были всѣ данныя, чтобы предпочитать ее Саксоніи и другимъ маленькимъ землицамъ, томившимся подъ управленіемъ разныхъ негодяевъ вродѣ Брюля.

Являясь центромъ нѣмецкаго могущества, Пруссія явилась и главнымъ центромъ нѣмецкаго умственнаго движенія. «Литературныя письма» издавались въ Берлинѣ; замѣчательные люди того времени принадлежали преимущественно Пруссіи: Кантъ былъ пруссакъ. Такимъ образомъ все реформаціонное движеніе исходило изъ Пруссіи или изъ Берлина. Берлинъ и Пруссія были центромъ, изъ котораго разливался на нѣмцевъ всякій свѣтъ, въ ко-

торомъ сосредоточивалось все ихъ достоинство, который пробуждалъ въ нихъ сознаніе своей силы.

Этому пробужденію національнаго духа помогъ Лессингъ больше всего своею «Драматургіею». Онъ съ обычной своей рѣзкостью отнесся къ теоріи псевдоклассической драмы и совершенно уничтожилъ Корнеля и другихъ такъ называемыхъ европейскихъ классиковъ. Нѣмцы отъ этой побѣды пришли въ еще большій восторгъ, чѣмъ отъ побѣдъ Фридриха II. Какъ! Жалкіе, пресмыкавшіеся до тѣхъ поръ нѣмцы оказываются героями не только на полѣ битвы, но и въ области мысли; они разбиваютъ авторитеты, они сбрасываютъ старые кумиры, они создаютъ новыхъ боговъ, которымъ отнынѣ будутъ молиться всѣ образованные люди, къ какой бы національности они ни принадлежали! И это не суетное обольщеніе, вродѣ обольщенія военной славой: побѣда оружіемъ—случай, но побѣды ума—вѣчны. Что Германія становилась центромъ умственнаго движенія, это уже провидѣлъ всякій нѣмецъ. Она открываетъ законы искусства; она открываетъ законы мышленія, она произноситъ свои рѣшенія надъ умственными произведеніями другихъ народовъ; ея голосъ—голосъ компетентнаго судьи. Германія нашла себѣ центръ, нашла свое общее отечество; она почувствовала свою умственную силу и доросла наконецъ до умственнаго превосходства. Начало этому, положенное Лессингомъ, только больше и больше развивалось и крѣпло благодаря цѣлому ряду замѣчательныхъ людей, вышедшихъ изъ его школы. За критическимъ періодомъ и ломкой стараго, которымъ началъ Лессингъ свою дѣятельность, послѣдовалъ періодъ установленія имъ законовъ для новаго будущаго; на этихъ установленныхъ имъ принципахъ выросло цѣлое поколѣніе новыхъ дѣятелей, которые всѣ трудились въ томъ же направленіи и были проникнуты тѣмъ же духомъ національнаго космополитизма и превосходствомъ нѣмецкаго генія. Вотъ гдѣ корень теперешняго подъема нѣмецкаго духа и безграничной вѣры нѣмцевъ въ свои силы. Спросите любого нѣмца, любого нѣмецкаго пивовара, который едва можетъ нацарапать свое имя: какой народъ первый въ мірѣ? отъ отвѣтитъ: «мы, нѣмцы». И онъ вамъ перечтетъ имена тѣхъ людей, которыми гордится Германія, которые создали ея умственныя сокровища, и которыхъ вамъ не уписать на трехъ печатныхъ листахъ.

V.

Нѣмецкіе государи прошлаго столѣтія не совсѣмъ похожи на нѣмецкихъ государей XIX вѣка. Въ прошедшемъ столѣтіи дѣйствовалъ такъ называемый просвѣщенный деспотизмъ, и правители, развивавшіеся сами подъ вліяніемъ новаго умственнаго европейскаго движенія, хотѣли просвѣтить и своихъ подданныхъ. Это желаніе проявлялось иногда въ довольно странной формѣ, такъ что просвѣтитель въ одной рукѣ держалъ азбуку, а въ другой—капральскую палку. Напримѣръ, Іосифъ II, склонный вообще къ опрометчивости и дѣйствовавшій очень быстро и усердно, обнаруживалъ такую просвѣтительскую ревность, что его невѣжественные подданные наконецъ взбунтовались и объявили, что не желаютъ никакого просвѣщенія. Фридрихъ II, выросшій на французской литературѣ и на французской философіи, понималъ тоже очень хорошо, насколько его полудикіе подданные стоятъ ниже французовъ и англичанъ, и также заботился объ образованіи. Фридрихъ II, хотя и пруссакъ, былъ все-таки нѣмецъ; кромѣ того, ему изъ чисто-прусскихъ цѣлей было полезно содѣйствовать нѣмецкому образованію и сдѣлать изъ Берлина центръ нѣмецкой мысли. Фридрихъ цѣнилъ умныхъ людей и желалъ ихъ имѣть, хотя онъ и не совсѣмъ сочувствовалъ тѣмъ средствамъ, которыми они создаются. Въ этомъ случаѣ мѣшалъ ему его традиціонный деспотизмъ. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ помогъ много нѣмецкому движенію, и, являясь разъѣдающимъ и отрицающимъ началомъ, онъ въ то же время созидалъ новое ядро будущаго нѣмецкаго національнаго единства.

Фридрихъ отличался рѣзкимъ языкомъ и былъ не всегда воздержанъ въ своихъ мнѣніяхъ о коронованныхъ особахъ Германіи. Эта рѣзкость отзывовъ, создавая ему враговъ между людьми его положенія, въ то же время имѣла воспитательное значеніе для его подданныхъ, потому что учила и ихъ судихъ о тѣхъ, о комъ они прежде судить не смѣли. Наконецъ, честный правительственный надзоръ Фридриха надъ своими чиновниками и болѣе честное поведеніе прусской администраціи были своего рода гласной критикой. Не требовалось много проницательности, чтобы, изъ сравненія прусскихъ порядковъ съ порядками другихъ нѣмецкихъ земель, увидѣть, что въ Пруссіи далеко все лучше. А отъ этого сравненія до громкаго заявленія своего мнѣнія идти уже недалеко.

Лессингъ былъ больше мыслитель и критикъ; его общественное служеніе совершалось по преимуществу въ области литературы и философіи. Еслибы Лессингъ не умеръ рано, еслибы онъ дожилъ до событій конца XVIII столѣтія, то нѣтъ сомнѣнія, что его вліяніе на Германію было бы законченнѣе и полнѣе. Но онъ до этого времени не дожилъ. Впрочемъ, Лессингу было столько дѣла и съ литературой, что отъ него нельзя и требовать, чтобы онъ передѣлалъ всѣ дѣла одинъ. Порицая застой и ложь въ сферѣ умственной жизни, Лессингъ не касался другихъ существенныхъ порядковъ. За это дѣло взялся Шлецеръ.

Шлоссеръ говоритъ: «Чего никто другой не могъ сдѣлать въ Германіи, то сдѣлалъ Шлецеръ, и именно въ ганноверской землѣ, несмотря на шумъ, который поднялся противъ него со всѣхъ сторонъ Онъ создалъ трибуналъ, передъ приговорами котораго блѣднѣли всѣ германскіе ненавистники просвѣщенія, всѣ многочисленные маленькіе тираны, ихъ деспотическіе чиновники и полицейскіе,—по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, у которыхъ осталось столько чести и стыда, что они могли еще краснѣть или блѣднѣть».

Впрочемъ, Шлецеръ выбралъ благопріятное время. Распри, а потомъ война Англіи и Сѣверной Америки настраивали въ то время умы, стремившіеся къ освобожденію, совершенно другимъ образомъ,

нежели то, о чемъ обыкновенно писали въ нѣмецкихъ газетахъ. Но, однако, безъ поддержки самихъ государей дѣло Шлецера едва ли было бы возможно.

Шлецеръ началъ свою обличительную дѣятельность весьма осторожно. Онъ, повидимому, задумалъ издавать статистическій журналъ, но въ сущности имѣлъ въ виду непосредственную практическую жизнь и искорененіе ея недостатковъ. Шлецеръ, начавшій робко, дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе, въ особенности когда прогрессивныя нѣмецкія правительства увидѣли, какъ для нихъ самихъ полезно разоблаченіе разныхъ чиновничьихъ тайнъ. Шлецеръ не ограничивался одними чиновниками,—онъ касался и особъ, выше стоявшихъ, и смѣло поднималъ руку даже противъ такихъ лицъ, какъ духовные владыки. Напримѣръ, онъ дѣлаетъ замѣчаніе о любовницахъ епископовъ, что, конечно, должно было поднять противъ него цѣлую бурю. Но Шлецеръ находилъ защиту въ лицахъ болѣе сильныхъ. Когда епископъ шнейерскій жаловался на него за оскорбленіе будто бы его правъ королю Георгу, король ему ничего не отвѣтилъ. Тогда епископъ обратился съ окружнымъ посланіемъ къ имперскому сейму—и также безъ успѣха. Императоръ Іосифъ II смотрѣлъ тоже весьма благосклонно на борьбу Шлецера съ іезуитами и эксъ-іезуитами и на разоблаченіе злоупотребленій духовенства. Съ 1782 г. «Переписка» была озаглавлена «Государственными вѣдомостями» и, расширившись въ объемѣ, сдѣлалась журналомъ извѣстій изъ цѣлой Германіи о всѣхъ отдѣльныхъ государствахъ и городахъ. Конечно, на эти вѣдомости сыпались правительству жалобы со всѣхъ сторонъ за то, что онѣ смѣютъ предавать гласности то, что искони совершалось подъ покровомъ тайны. Но Шлецеръ не унывалъ и продолжалъ воспитаніе публики.

Изъ приведенныхъ фактовъ читатель можетъ видѣть, что развитію нѣмецкой мысли прежде всего помогла свобода, которую просвѣщенные правители считали полезной даже и для своихъ личныхъ цѣлей. Противъ гласности возставали не правители, а обскуранты, наполнявшіе администрацію. Конечно, писатели не простирали свою смѣлость до того, чтобы касаться личности государей. Но если читатель припомнитъ отвѣты Фридриха о печатныхъ пасквиляхъ на его счетъ, которые наклеивались на улицахъ, то онъ согласится, что терпимость Фридриха къ гласности могла бы служить примѣромъ для послѣдующихъ государей Пруссіи. Но, допуская свободу рѣчи и печати, Фридрихъ прибавлялъ въ то же время: «Разсуждайте, сколько хотите, только слушайтесь». Шерръ приводитъ весьма характеристическій анекдотъ изъ жизни Маріи-Терезіи. Чтобы открыть доступъ современнымъ филантропическимъ идеямъ, она поручила просвѣщеніе австрійцевъ людямъ честнымъ и хорошимъ. Однимъ изъ нихъ былъ Зонненфельсъ, издававшій въ то же время нѣсколько еженедѣльныхъ газетъ. «Однажды вечеромъ Зонненфельсъ явился во дворецъ,—разсказываетъ Шерръ.—Императрица, игравшая въ карты. выскочила изъ-за стола и съ картами въ рукахъ вышла къ профессору. «Ну, что такое?—спрашивала она его.—Опять они васъ мучаютъ? Что вы имъ сдѣлали? Написали что нибудь противъ насъ? За это мы вамъ охотно прощаемъ. Истинный патріотъ не можетъ иногда не потерять терпѣнія. Но я знаю ваши чувства. Или противъ религіи? Не можетъ быть,—вы не такъ глупы! Или противъ нравственности? Да нѣтъ, вы—честный человѣкъ. Но если вы написали что нибудь противъ министровъ, ну, ужъ тогда дѣлайте, какъ знаете, мой любезнѣйшій Зонненфельсъ,—я не могу вамъ помочь. Я васъ часто предостерегала». Указомъ о печати 1781 г. Іосифъ II даровалъ свободу мысли, слова и печати. Конечно, преемники его ее отняли. И хотя прошло съ тѣхъ поръ 100 лѣтъ, но, должно быть, имъ кажется еще рано подтвердить указъ Іосифа.

Если иногда раздаются голоса о нѣмецкой нетерпимости свободы слова, если Гейне и Берне такъ рѣзко говорили о преслѣдованіи печати, то къ этимъ отзывамъ нужно относиться умѣючи. Нигдѣ въ Европѣ не было такой свободы слова, какая существовала въ Германіи; только одна Англія стоитъ въ этомъ отношеніи выше. Франція прошлаго столѣтія стояла на той же высотѣ, потому-то она и создала тѣхъ великихъ писателей, которыми и доселѣ гордится. Въ Германіи уже вслѣдствіе ея раздробленности не могла развиться система императорской Франціи, система, которую Наполеонъ III довелъ наконецъ до такой утонченности, что, подавивъ общественное мнѣніе, съ нимъ вмѣстѣ похоронилъ и свою силу, кончивъ позорнѣйшимъ паденіемъ, какое только представляетъ исторія. Въ Германіи писатель, котораго преслѣдовали въ одномъ мѣстѣ, переѣзжалъ въ другое и тамъ продолжалъ свое дѣло; но какъ онъ писалъ на томъ же нѣмецкомъ языкѣ,—слѣдовательно, его и читала вся Германія. Въ Германіи существовали всегда настолько просвѣщенные правители, что было кому парализовать обскурантизмъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы преслѣдовать мысль; въ Германіи всегда можно найти мѣстечко, гдѣ бы безбоязненно укрывалась нѣмецкая мысль.

Правда, что разрозненность Германіи отнимала отъ нея политическую силу, но и это обстоятельство, мѣшая въ одномъ, помогало въ другомъ. Если нѣмцы не говорили о политикѣ и не творили свою политическую исторію, подобно французамъ, зато они тѣмъ свободнѣе могли говорить обо всемъ остальномъ, не исключая и религіи. Развѣ нѣмецкіе свободно-мыслящіе богословы и философы были бы возможны во Франціи? Нѣмцамъ незачѣмъ было говорить намеками, и если Кантъ писалъ дикимъ языкомъ, зато сейчасъ же явились десятки популяризаторовъ, которые разнесли его философію по всей Германіи. Работая безъ страха, нѣмцы могли развивать свою мысль свободно и послѣдовательно во всей ея широтѣ. Вотъ въ чемъ причина глубины нѣмецкой мысли и корень глубокой нѣмецкой цивилизаціи. Если у нѣмцевъ не было той практической жизни, какою пользовалась Франція, зато вмѣсто политической свободы нѣмцы завоевывали себѣ свободу въ наукѣ и въ искусствахъ.

VI.

Въ историческихъ судьбахъ Германіи Кантъ играетъ такую же роль, какъ и Лессингъ. Кантъ вывелъ разумъ на путь самостоятельности; онъ дѣлаетъ человѣка средоточіемъ міра и сознающее человѣческое *я* превращаетъ въ центръ, для котораго все внѣшнее есть только объектированіе того же *я*. Къ какимъ отрицательнымъ результатамъ должна была придти мысль, поставленная на такую дорогу,—совершенно ясно. Путь былъ указанъ, и по немъ пошли нѣмцы.

Молодое поколѣніе, знакомое съ Лессингомъ, Кантомъ и Руссо, провозгласило своимъ лозунгомъ «природу и свободу» и повело войну противъ всякой старой рухляди. Все старое подвергалось безпощадной критикѣ и отрицанію; все затхлое и гнилое въ области мысли и въ повседневной жизни предавалось презрительному осмѣянію. Отрицались старые обычаи, сословные, корпоративные предразсудки; война была объявлена даже нравамъ и одеждѣ. Броженіе было всеобщее. Этотъ періодъ броженія и отрицанія, когда старое зданіе расшатывали и ломали, продолжался лѣтъ 30. Насколько подобное движеніе имѣло освѣжающее и очищающее вліяніе, читатель можетъ увидѣть изъ того перерожденія, которое совершилось съ нѣмецкой молодежью.

Лаукгартъ, одинъ изъ неудавшихся нѣмецкихъ геніевъ, разсказываетъ вотъ что о нѣмецкомъ воспитаніи до періода броженія. Въ школахъ Пфальца учили исторію на страшномъ нѣмецкомъ языкѣ. Факты изучались съ іезуитской точки зрѣнія, и съ самыхъ раннихъ лѣтъ старались вселить въ ученикахъ сильнѣйшее отвращеніе къ еретикамъ и всевозможнымъ реформаторамъ. Человѣкъ, вышедшій изъ подобной католической школы, былъ тупъ, какъ быкъ,—говоритъ Лаукгартъ. Лютеранскія и реформатскія школы были еще хуже. О жизни студентовъ разныхъ университетовъ Лаукгартъ разсказываетъ просто ужасы. Кто хотѣлъ быть уважаемымъ буршемъ, тотъ каждый вечеръ долженъ былъ посѣщать, по крайней мѣрѣ, одну пивную и пить тамъ до десяти или одиннадцати часовъ. О научныхъ предметахъ говорить не позволялось,—это называлось педантствомъ; но зато позволялось сквернословить, сколько угодно. Въ Гессенѣ открытыя попойки разрѣшались самимъ начальствомъ, и студенты пьянствовали на улицахъ. Драки считались самою обыкновенною вещью и совершались тоже на улицахъ. Кто хотѣлъ вызвать другого на бой, подходилъ къ его окну, стучалъ палкой по троттуару и кричалъ: «Такой-то—собака, свинья!» Я не буду разсказывать читателю всего, что продѣлывали тогда нѣмецкіе студенты, ибо нахожу это неудобнымъ въ печатномъ изложеніи. Но ужъ изъ этого читатель можетъ судить, какова была общественная атмосфера, вызвавшая наконецъ необходимость Лессинговой реформы.

Свобода, переходившая въ дикую разнузданность, можетъ показаться читателю несогласной съ тѣмъ деспотизмомъ и капральствомъ, которые царили въ прошедшемъ столѣтіи въ Германіи. Но фактъ вѣренъ, и дѣйствительно любопытно, что нѣмцы, отличавшіеся деспотизмомъ, никогда не стѣсняли учащейся молодежи! Періодъ кутежей и юношескаго броженія былъ признанъ, какъ необходимый періодъ въ жизни каждаго человѣка. Каждый степенный нѣмецъ помнилъ за собою грѣшки молодости и добродушно смотрѣлъ на студенческія шалости, зная очень хорошо, что за періодомъ юношескаго броженія наступитъ пора серьезной жизни, когда шалить уже нельзя. Вотъ откуда и поговорка, что нѣмецъ до 25 лѣтъ Иванъ Ивановичъ, а послѣ 25 лѣтъ Адамъ Адамовичъ.

Неистовый студентъ временъ Лаукгарта совершенно переформировался подъ вліяніемъ новыхъ идей, бродившихъ въ обществѣ. Молодость всегда способна отдаваться идеаламъ возвышеннаго и благороднаго и, конечно, горячѣе увлекается стремленіемъ пересоздать жизнь. Понятно, что и въ реформаціонномъ движеніи, охватившемъ Германію еще при Лессингѣ, нѣмецкая молодежь приняла самое горячее участіе. Въ Геттингенѣ, напримѣръ, молодые люди составили общество подъ названіемъ «Гайнбундъ». Этотъ союзъ имѣлъ чисто-нравственную цѣль и по своимъ стремленіямъ представлялъ явленіе по преимуществу соціальное, хотя цѣлью его было, повидимому, литературнымъ путемъ водворять въ обществѣ религію, добродѣтель и чистое честное чувство. Фоссъ, въ своихъ письмахъ, говоря о празднованіи «Гайнбундомъ» дня рожденія Клопштока, восклицаетъ: «Мы говорили о свободѣ, Германіи, о добродѣтели, и ты можешь представить, какъ мы говорили!»

Рядомъ съ этимъ геттингенскимъ кружкомъ стоялъ кружокъ другихъ молодыхъ людей «Бури и Вихри». Это были тоже пропагандисты новыхъ стремленій, но пророкомъ которыхъ былъ уже не Клопштокъ, а Шекспиръ. Къ этому кружку принадлежалъ Гете. Онъ называетъ это время «временемъ требованій»; потому,—говоритъ онъ, — что «мы обращались къ себѣ и другимъ съ требованіями, которымъ до сихъ поръ не могъ удовлетворить ни одинъ человѣкъ. Лучшіе мыслящіе и чувствующіе умы пришли къ убѣжденію, что непосредственное самостоятельное созерцаніе природы и дѣятельность, основанная на этомъ созерцаніи, есть лучшее благо, какого можетъ пожелать человѣкъ. Стремленіе къ свободѣ и къ природѣ казалось всѣмъ дѣломъ весьма нетруднымъ Каждый воображалъ, что безъ всякихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ имѣетъ довольно матеріала и содержанія въ самомъ себѣ, и что надо только достаточно развить въ себѣ этотъ матеріалъ».

Въ этомъ всеобщемъ броженіи Германіи, при которомъ молодыя силы рвались куда-то, сами не зная куда, или, по крайней мѣрѣ, не умѣя выработать себѣ программы для положительной общественной дѣятельности, наиболѣе проницательные люди видѣли ясно необходимость политическаго переворота. Разрозненность страны и гниль ея политическихъ учрежденій были очевидны для всякаго, кто думалъ. Въ философскихъ выводахъ и

въ политическихъ стремленіяхъ нѣмцы уже поднялись такъ высоко, что имъ нельзя было не видѣть противорѣчій между требованіями духа и не удовлетворявшей этимъ требованіямъ практической жизнью. Германія могла спастись лишь полнымъ обновленіемъ всего государственнаго строя и сліяніемъ въ одно національное цѣлое. Гердеръ еще въ 1778 г. обращался къ императору Іосифу II съ просьбой дать нѣмцамъ одно отечество; но такіе люди, какъ Гете, худо вѣрили въ возможность осуществленія подобной мысли. «Германія,—восклицаетъ Гете,—но гдѣ же она? Я не могу найти этой страны. Тамъ, гдѣ начинается ученая страна,—кончается политическая».

Люди, болѣе послѣдовательные, болѣе энергическіе и болѣе способные понимать политическія требованія страны, думали, однако, иначе. Въ своемъ порывѣ къ радикальному преобразованію они зашли такъ далеко, что событія въ Америкѣ вызвали въ Германіи республиканскія чувства и стремленія; а французская революція была встрѣчена большинствомъ образованныхъ людей съ непритворнымъ восторгомъ. Даже шестидесятилѣтній Клопштокъ жалѣлъ, что не Германіи суждено совершить дѣло освобожденія. «Ахъ, не тебѣ, моя отчизна,—писалъ онъ,—суждено было возвыситься до вершинъ свободы, стать примѣромъ для всѣхъ народовъ: этотъ удѣлъ достался Франціи! Ты не удостоилась этой великой чести,—ты не сорвала вѣтви этой безсмертной славы!».

Когда по кампо-формійскому договору германскій императоръ уступилъ французамъ Майнцъ, Горресъ разразился въ своемъ журналѣ ядовитыми насмѣшками. «Неприкосновенность имперіи разрушена, — восклицаетъ онъ. — Граждане, Майнцъ нашъ! Да здравствуетъ французская республика! 30 декабря 1797 г., въ день передачи Майнца, въ 3 часа пополудни, въ Регенсбургѣ скончалась тихо и спокойно Римская имперія, тяжелой памяти, имѣя отъ роду 955 лѣтъ 5 мѣсяцевъ 28 дней. Смерть послѣдовала отъ общаго разслабленія и удара; покойница сохранила полное сознаніе и выполнила всѣ священныя таинства. Боже мой, почему твой гнѣвъ обратился прежде всего на это добродушное существо? Оно такъ безвредно и спокойно паслось на лугахъ своихъ праотцевъ, такъ покорно давало стричь себя по десяти разъ въ годъ, было постоянно также тихо и терпѣливо, какъ то презрѣнное длинноухое животное, которое бѣсится и лягается только тогда, когда рѣзвые мальчишки вздумаютъ засунуть ему въ уши трутъ или помазать задъ скипидаромъ».

Повидимому, что можетъ быть нравственно-уродливѣе насмѣшки надъ паденіемъ собственнаго отечества? И между тѣмъ люди съ сердцемъ и умомъ радовались этому паденію, видя въ немъ единственное средство обновленія! Многое множество дѣйствительно хорошихъ людей, видя неисходное истощеніе и политическое безсиліе Германіи, обращали свои взоры на Францію и только въ ней видѣли свое спасеніе. Въ Майнцѣ и Кобленцѣ даже открыто хлопотали о присоединеніи лѣваго берега Рейна къ Франціи и уже считали себя французскими согражданами.

VII.

Національные нѣмецкіе патріоты негодуютъ на Горреса; но и Горресъ былъ патріотъ нисколько не хуже ихъ. Можно, пожалуй, негодовать и на Гете, что онъ не видѣлъ Германіи, и что ученая и политическая Германія представлялись ему двумя отдѣльными и независимыми странами. Но именно въ этомъ раздвоеніи и все бѣдствіе нѣмцевъ.

Люди мысли, создавшіе въ Германіи классическій періодъ, не нашли еще людей дѣла для осуществленія этихъ мыслей. Вся послѣдующая жизнь Германіи, со времени ея умственнаго пробужденія, т. е. отъ Лессинга и до теперешней нѣмецко-французской войны, есть одна непрерывная реакція противъ порыва Германіи къ свободѣ и противъ идей, провозглашенныхъ въ прошедшемъ столѣтіи Франціи. Политическая Германія напрягаетъ всѣ свои силы для того, чтобы спасти остальную Германію отъ заразы. Политическая Германія помнитъ очень хорошо афоризмъ Фридриха: «Разсуждайте, сколько хотите, только слушайтесь», и, позволяя разсуждать обо всемъ, даже о небѣ, требуетъ только одного—повиновенія. Конечно, нужно быть нѣмцемъ, чтобы умѣть жить въ такомъ противорѣчіи мысли и дѣла.

Люди мысли хотѣли пробудить Германію отъ умственнаго рабства и возбудить самостоятельность. Это—было требованіе Германіи ученой. Люди дѣла, или Германія политическая, объяснили стремленіе людей мысли такъ, что быть самостоятельнымъ—значитъ ненавидѣть и презирать все остальное и преимущественно французское, надъ которымъ нужно взять верхъ.

Люди мысли хотѣли образованія и требовали народныхъ школъ, а Германія политическая, воспитанная мистиками и романтиками, создала «христіанско-нѣмецкія» школы и пропустила черезъ нихъ народъ, чтобы превратить его въ послушный и покорный ландверъ и ландштурмъ.

Люди мысли хотѣли пробудить въ народѣ патріотическое чувство, потому что только въ немъ видѣли истинно-прогрессивную силу, которая должна спасти Германію и сдѣлать ее еще счастливѣе и довольнѣе; а люди дѣла превратили слова: «родина, единство, національность» въ магическія слова, служившія цѣлямъ политической Германіи. Добродушный Михель, сыгравъ дурака, серьезно вообразилъ себя очень умнымъ и даже великимъ героемъ. Но быть такимъ вандаломъ, какимъ держитъ себя теперь Михель во Франціи, невозможно; наступитъ пора, когда онъ поумнѣетъ, и тогда онъ устыдится взятія Парижа.

Нѣмецкая реакція началась немедленно послѣ смерти Фридриха Великаго и Іосифа II. Когда умерли эти лучшіе нѣмецкіе государи, подобныхъ которымъ Германія уже не видѣла, всѣ обскуранты, мистики и ханжи подняли свои головы, и повсюду раздались крики противъ Франціи, противъ но-

выхъ идей и противъ новыхъ людей. Надежды патріотовъ оказались обманутыми, и обновленіе, о которомъ мечтали разсудительные люди, оказалось иллюзіей. Обскуранты винили во всемъ французовъ, тогда какъ сами довели Германію до униженія и безсилія. Слова такого авторитета, какъ прусская королева Луиза, конечно, можно принять безъ всякой провѣрки. Королева, знавшая нѣмецкія дѣла, писала о причинахъ униженія Германіи вотъ что: «Я все болѣе и болѣе прихожу къ сознанію, что все случилось именно такъ, какъ должно было случиться. Божественное Провидѣніе ясно ведетъ міръ на новые пути; настаетъ новый строй жизни, ибо старый отжилъ свое время и падаетъ подъ тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго,—мы не пошли за новымъ вѣкомъ, имъ созданнымъ, и вѣкъ обогналъ насъ».

Дѣйствительно, въ лицѣ Наполеона побѣждали Германію новый вѣкъ и новое народное начало, которымъ былъ силенъ Наполеонъ. Наполеонъ зналъ очень хорошо, что вся его сила—въ народѣ, что безъ народа въ XIX вѣкѣ нельзя предпринимать никакихъ большихъ дѣлъ, и вотъ Наполеонъ создаетъ изъ народности новую силу, которой и пользуется для своихъ цѣлей. Наполеонъ былъ человѣкъ громадныхъ практическихъ способностей; онъ многое понималъ, много зналъ и многому научилъ своихъ слабыхъ и тупыхъ противниковъ. Политическая Германія того времени воспиталась въ школѣ Наполеона, научилась всему отъ него и только приложила его теорію къ обстоятельствамъ своей страны.

Послѣ того, какъ французы били нѣмцевъ 15 лѣтъ сряду, нѣмцы наконецъ догадались, въ чемъ тутъ фокусъ, и задумали отплатить Наполеону тою же монетою. Но Наполеона было трудно обмануть, и онъ требовалъ удаленія Штейна—этого единственнаго энергическаго человѣка, котораго могла выставить политическая Германія.

Штейнъ не былъ ученикомъ классической школы Лессинга и не былъ космополитическимъ патріотомъ его направленія. На Штейнѣ отразился романтизмъ нѣмецкихъ мистиковъ, который, какъ извѣстно, привелъ обскурантовъ къ тому, что они вздумали искать спасенія Германіи въ среднихъ вѣкахъ. Штейнъ тоже восхищался средними вѣками и рыцарствомъ; онъ былъ глубоко проникнутъ династическими интересами и вѣрилъ, что Германію могутъ спасти дворянство и духовенство. Возставая противъ французской новизны, мистики и романтики, которымъ покровительствовалъ Штейнъ, сначала возлагали свои надежды на феодальныя учрежденія, а потомъ превратились въ самыхъ ярыхъ гонителей того самаго народнаго энтузіазма, который сначала возбуждали. Штейнъ, конечно, былъ честный человѣкъ и искренно желалъ изгнать французовъ; но въ то же время воззрѣнія его были узки,—онъ былъ пропитанъ сословными предразсудками, пропитанъ нѣмецкой школой и не былъ въ состояніи отличить самовластіе Наполеона отъ космополитическихъ основаній французскихъ учрежденій.

Штейнъ является какимъ-то титаномъ больше потому, что вокругъ него все было ужъ черезчуръ мелко. Могли ли быть въ борьбѣ съ Наполеономъ пригодны такіе правители, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ II и Фридрихъ-Вильгельмъ III, когда нужно было дѣлать дѣло, а не искать спасенія въ заклинаніяхъ? Среди общей слабости и вялости спасти страну могъ только энергическій человѣкъ, и такимъ именно былъ Штейнъ, отличавшійся истинно-нѣмецкимъ упрямствомъ, не любившій чужихъ совѣтовъ, горячій, гордый и рѣшительный. Теперешній прусскій премьеръ — второе изданіе Штейна, но исправленное, согласно новымъ обстоятельствамъ. Оба они изъ одной глины. Это—слѣпки нѣмецкой настойчивости, практическаго здравомыслія, умѣнья пользоваться обстоятельствами и такой порціи либерализма, какая нужна, чтобы поддержать и сдѣлать еще крѣпче существующее. Но какъ Штейнъ работалъ для укрѣпленія Пруссіи, такъ точно для того же работаетъ и Бисмаркъ.

Штейнъ былъ воспитанъ въ старыхъ, патріархальныхъ, узкихъ и сословныхъ понятіяхъ. Но онъ былъ человѣкъ честный, безстрастный и безкорыстный; онъ былъ глубоко преданъ династическимъ интересамъ Гогенцоллерновъ. Бисмаркъ воспитался тоже въ старыхъ понятіяхъ, въ благоговѣйномъ поклоненіи Австріи и въ интересахъ феодальной партіи; онъ—отъявленный врагъ революцій; онъ—самый покорный и послушный слуга тѣхъ же Гогенцоллерновъ. «По происхожденію и по воспитанію,—сказалъ Бисмаркъ Вильбору, — я прежде всего слуга короля».

Штейнъ, задумавъ передѣлать Пруссію, а съ ней вмѣстѣ и Германію, всѣми силами своей горячей и энергической натуры отдался этому дѣлу. Онъ, конечно, и умеръ бы за него, еслибъ пришлось. Штейнъ вынесъ всѣ преслѣдованія Наполеона; бѣжалъ сначала въ Богемію, потомъ въ Россію и тамъ еще продолжалъ свое дѣло, руководя иностранной политикой императора Александра. Бисмаркъ сказалъ про себя тому же Вильбору, что онъ предался всѣмъ тѣломъ и душою идеѣ устройства сѣверной Германіи (т. е. Пруссіи). «Для достиженія этой цѣли,—сказалъ Бисмаркъ,—я готовъ на все: идти въ ссылку и на эшафотъ. Я сказалъ наслѣдному принцу, который, по своему воспитанію и образу мыслей, приверженецъ парламентарнаго правленія: какое дѣло, если меня повѣсятъ, лишь бы веревка, на которой меня повѣсятъ, крѣпко привязала его тронъ къ новой Германіи...» Конечно, до веревки не дойдетъ, и Бисмарка не ждетъ даже судьба Штейна; но что Бисмаркъ—дѣйствительно желѣзный, непоколебимый человѣкъ, что онъ фанатикъ своей идеи и, какъ всѣ фанатики, не трусъ,—это вѣрно.

Штейнъ былъ глубоко оскорбленъ униженіемъ Пруссіи и лелѣялъ въ себѣ мысль освободить ее отъ Франціи, пробудить въ ней сознаніе собственныхъ силъ. Бисмарку пришлось бороться не съ Франціей, но онъ тоже изъ породы освободителей; только врагъ у него другой. «Немного, впрочемъ, нужно было времени, чтобы отдѣлаться отъ обожанія

Австріи и стать ея врагомъ,—исповѣдывался Бисмаркъ Вильбору.—Униженіе моего отечества, Германіи, принесенное въ жертву чуждымъ интересамъ, политика, коварная и вѣроломная,—все это возмущало меня. Я не зналъ, что̀ готовитъ мнѣ будущее; но, возненавидѣвъ Австрію, я проникся мыслью, осуществленіе которой преслѣдую,—освобожденіе Германіи отъ австрійскаго гнета». Штейнъ спасетъ Пруссію отъ Франціи; Бисмаркъ—Пруссію отъ Австріи.

Штейнъ зналъ, что для спасенія Пруссіи нужна прежде всего армія,—и онъ предпринимаетъ военныя преобразованія. Бисмаркъ тоже отлично понималъ, что «при настоящемъ положеніи Пруссіи въ Германіи и по отношенію ея къ Австріи нужна была прежде всего армія». Но Штейну для военнаго преобразованія не нужно было ни съ кѣмъ бороться: ему достаточно было таиться отъ слишкомъ проницательнаго и догадливаго Наполеона. Такихъ проницательныхъ враговъ у Бисмарка не было. Вся Европа спала, не подозрѣвая, какія мысли бродятъ въ головѣ Бисмарка, на котораго смотрѣли, какъ на политическаго авантюриста, какъ на «рыцаря креста», какъ на дипломата-фантазера. Сѣдые политики Лондона и Парижа подсмѣивались надъ Бисмаркомъ, и никто не признавалъ его серьезнымъ государственнымъ человѣкомъ. Прусскія палаты также не хотѣли понимать, о чемъ хлопочетъ Бисмаркъ, и сводили все дѣло къ бюджету и къ боязни усиленія милитаризма. И тутъ-то Бисмаркъ проявляетъ впервые свою силу. Онъ пускаетъ въ ходъ всю свою ловкость, всю свою энергію, чтобы добиться средствъ создать необходимую ему армію,—и добивается.

Штейнъ для достиженія своихъ цѣлей не задумывался надъ средствами. Баронъ, воспитанный въ феодальныхъ понятіяхъ, преданный сословнымъ интересамъ, мечтающій объ обновленіи средневѣковаго рыцарства, дворянства и духовенства, поднимаетъ внезапно руку на привилегіи и преимущества тѣхъ самыхъ людей, въ комъ онъ видитъ спасеніе. Декретомъ 9 октября 1807 года Штейнъ уничтожаетъ поземельную аристократію; отмѣняетъ личную и наслѣдственную зависимость крестьянъ; разрѣшаетъ бюргерамъ и крестьянамъ покупку помѣстій; положеніемъ 19 ноября 1808 г. онъ даетъ новое устройство городамъ на началахъ общиннаго самоуправленія. Въ своемъ извѣстномъ циркулярѣ, который справедливо зовутъ завѣщаніемъ Штейна, онъ чертитъ программу для будущаго поведенія Пруссіи, и Пруссія слѣдуетъ этому завѣщанію. Штейнъ хотѣлъ, чтобы Пруссія изъ мертвой машины превратилась въ органическое цѣлое и жила бы самостоятельною жизнью. Для этого онъ провозгласилъ слѣдующіе принципы:

1) Правленіе должно быть исключительно въ рукахъ верховной власти.

2) Судья долженъ зависѣть только отъ верховной власти, и потому патримоніальные суды должны быть уничтожены.

3) Должно быть введено общее національное представительство: отъ этого зависитъ спасеніе или погибель прусскаго государства.

4) Дворянство должно быть преобразовано и поставлено въ связь съ другими сословіями. А для этого:

5) Необходимо учредить всеобщую обязательную службу для защиты отечества.

6) Возвысить сословіе поселянъ отмѣной обязательныхъ работъ.

7) Оживить въ народѣ религіозный духъ и поднять его заботой о просвѣщеніи и училищахъ.

Какъ! Штейнъ, баронъ, традиціонный феодалъ, и предлагаетъ такія мѣры! Но Штейнъ знаетъ, что всѣ средства хороши, лишь бы достигнуть цѣли; кажущаяся уступка времени есть не больше, какъ политическое здравомысліе. Пруссіи нужна сила. Штейнъ знаетъ, что силы можно достигнуть только этими реформами — и онъ ихъ предпринимаетъ. Бисмаркъ смотритъ на вещи совершенно также. Онъ не задумывается надъ средствами, если они годятся для цѣли. Когда Францъ-Іосифъ приглашалъ короля Вильгельма принять участіе во франкфуртскомъ сеймѣ, Бисмаркъ отклонилъ это приглашеніе и отказъ короля мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: «Только въ представительствѣ германскаго народа, исходящемъ изъ прямыхъ выборовъ, соразмѣрно населенію каждаго государства, съ совѣщательнымъ содѣйствіемъ въ дѣлахъ федеральныхъ, я признаю основу учрежденій, въ пользу которыхъ прусское правительство могло бы въ значительной мѣрѣ отказаться отъ своей независимости». И этотъ принципъ революціи — верховную волю народа — провозглашаетъ графъ Бисмаркъ, балованное дитя феодальной партіи, одинъ изъ крѣпчайшихъ оплотовъ юнкерства! Бисмаркъ идетъ еще дальше: онъ объявляетъ, что вполнѣ уважаетъ и признаетъ принципы Франціи 1793 года.

Бисмарку до сихъ поръ, конечно, не приходилось предпринимать никакихъ реформъ, и потому нельзя предсказать, на что бы онъ отважился, лишь бы достигнуть своей цѣли. Бисмаркъ не бывалъ такимъ чернорабочимъ, какъ Штейнъ, которому нужно было прорубить просѣку въ прусскомъ лѣсу. Бисмаркъ, подобно Фридриху II, явился на готовое, и ему были уже даны всѣ средства побѣды. Первую тропинку пробивалъ Штейнъ; Штейнъ положилъ прочное начало для воспитанія Пруссіи въ новомъ политическомъ направленіи; Штейнъ создалъ новую армію и изобрѣлъ ландверъ и ландштурмъ. Бисмарку же выпала счастливая доля пользоваться всѣми этими подготовленными уже средствами, чтобы пустить ихъ въ ходъ для окончательнаго достиженія цѣли, указанной тѣмъ же Штейномъ,—величія Пруссіи и единства Германіи подъ главенствомъ прусскаго императора. Впрочемъ, Штейнъ, можетъ быть, о прусскомъ императорѣ еще и не мечталъ. Въ такомъ случаѣ, это—единственное изобрѣтеніе, на которое можетъ претендовать Бисмаркъ. Но это не унижаетъ графа Бисмарка, потому что еслибъ онъ не явился балованнымъ дитятей судьбы на все готовое, то очень можетъ быть, что и самъ создалъ бы себѣ не-

обходимыя средства, Бисмаркъ хорошо знаетъ свою страну, онъ отлично изучилъ и Пруссію, и Германію; онъ знаетъ, какъ нельзя лучше, какую неоцѣнимую услугу могутъ оказать монархической Пруссіи два такихъ республиканскихъ учрежденія, какъ обязательное всеобщее воспитаніе и поголовная военная служба. Поэтому очень легкомысленно приписывать Штейну и Бисмарку такія мысли, какихъ они никогда не имѣли, и практичность которыхъ была для нихъ вполнѣ очевидной. Бисмаркъ, бросившій рутину дипломатовъ старой школы, составилъ себѣ даже репутацію болтуна. Нисколько не скрывая своихъ будущихъ намѣреній, онъ еще до объявленія войны Австріи сказалъ, что ему нужна армія, потому что въ Пруссіи это единственная сила, подчиняющаяся дисциплинѣ. «Пруссакъ, воспитанный въ школѣ и въ арміи,—сказалъ Бисмаркъ, — превосходнѣйшій солдатъ и дерется, какъ левъ, за честь своего отечества». Чтобы создать этихъ львовъ, Бисмаркъ провелъ новый военный законъ и съ помощью его получилъ въ свое распоряженіе силу, которая развязывала ему руки. Такимъ образомъ Бисмаркъ явился лишь усовершенствователемъ дѣла Штейна. На фундаментѣ, заложенномъ барономъ, графъ возвелъ лишь третій этажъ. Но конецъ зданія впереди, и Бисмаркъ, конечно, не знаетъ, какую послѣ него возведутъ крышу. Впрочемъ, Бисмаркъ и мало заботится о томъ, что будетъ послѣ него, и потому, можетъ быть, его справедливо называютъ поэтомъ. У Бисмарка есть только общая идея; онъ знаетъ лишь то, что ему нужно величіе Пруссіи, и что средство для этого— военное могущество. Затѣмъ онъ дѣйствуетъ изо дня въ день, пользуясь тѣмъ, что ложится подъ руку. Такъ подвернулась нынче и Франція. Случай помогъ удачѣ, и Бисмаркъ вышелъ чуть не великимъ человѣкомъ. Пруссія выросла въ самую могущественную державу. Германія перестала мучиться противорѣчіями и замолчала, а королю Вильгельму снится уже императорская корона.

VIII.

Славянская рознь вошла въ пословицу, но нѣмецкая рознь еще больше. На этой розни и основана вся система Бисмарка.

Въ Германіи преобладаетъ сильнѣйшій индивидуализмъ. «Здѣсь всякій живетъ особнякомъ, въ своемъ уголкѣ, со своимъ собственнымъ мнѣніемъ, между женою и дѣтьми. Всякій недовѣряетъ и правительству, и своему сосѣду; всякій судитъ обо всемъ по своему и со своей личной точки, и никогда съ точки зрѣнія массы. Индивидуализмъ и противорѣчіе развиты въ нѣмцѣ до невѣроятной степени. Покажите нѣмцу отворенную дверь—онъ не пойдетъ въ нее, а станетъ упрямо отыскивать щель рядомъ въ стѣнѣ. Поэтому въ Пруссіи никакое правительство, какъ бы оно ни было хорошо, и что бы оно ни дѣлало, никогда не будетъ популярно. Правительство, потому что оно власть, стѣсняющая отдѣльное лицо, всегда встрѣчаетъ противорѣчіе со стороны умѣренныхъ и навлекаетъ брань и осужденіе крайнихъ. Но рядомъ съ этимъ антагонизмомъ живетъ въ пруссакахъ глубокая преданность династіи. Ни государь, ни министры, ни правительство не могутъ пріобрѣсти любовь отдѣльныхъ людей, но всѣ пруссаки отъ души кричатъ: да здравствуетъ король! и повинуются, когда король прикажетъ». Это говоритъ Бисмаркъ.

Что же дѣлать съ такимъ народомъ и какъ изъ этихъ партикуляристовъ сдѣлать покорное орудіе, если они не сочувствуютъ мѣрамъ правительства или ихъ не понимаютъ? Отвѣтъ даетъ тотъ же Бисмаркъ. Онъ сказалъ, что въ Пруссіи армія есть единственная сила, подчиняющаяся дисциплинѣ. Ясно, что нужно всѣхъ провести черезъ школу и зачислить каждаго въ ландверъ. Каждый пруссакъ есть солдатъ, а когда всѣ солдаты — не повиноваться некому. До чего пруссаки способны къ воспитанію въ дисциплинѣ, зналъ уже Фридрихъ II. Передъ сраженіемъ онъ отдавалъ иногда такой приказъ: «сегодня не должно быть отступленія». Тотъ же Фридрихъ сказалъ однажды князю Дессаускому: «Меня болѣе всего удивляетъ то, что мы безопасны среди этихъ людей; каждый изъ нихъ и вашъ, и мой непримиримый врагъ; ихъ сдерживаетъ только дисциплина и духъ порядка». А тогда еще не существовало изобрѣтенія Штейна, и не было «христіанско-нѣмецкихъ» школъ!

Тотъ же Бисмаркъ, отлично знающій Германію и потому разыгрывающій на ней, какъ виртуозъ, всѣ пьесы, какія ему нужны, сказалъ однажды въ парламентѣ: «Нѣмцы имѣютъ не только патріотизмъ города и деревни, неизвѣстный ни славянскому, ни романскому племени, но они имѣютъ еще патріотизмъ дифференціальный — патріотизмъ лавки и конторы. У насъ почтовый чиновникъ считаетъ за иностранную землю все, что не принадлежитъ къ его округу; онъ поступаетъ, какъ съ врагами, со всѣми другими вѣдомствами государственнаго управленія и отъ души радуется злымъ шуткамъ, которыя можетъ сыграть съ ними въ пользу почтовой администраціи». Этотъ дифференціальный патріотизмъ создалъ и нѣмецкую децентрализацію, и маленькія нѣмецкія землицы съ ихъ отдѣльными столицами, составляющими для каждаго нѣмца центръ тяжести, въ которомъ онъ чувствуетъ частичку своего нравственнаго *я*.

Говорятъ, что если сойдутся три нѣмца, то у нихъ непремѣнно найдутся четыре мнѣнія. Это-то четвертое мнѣніе и собьетъ съ толку всѣхъ трехъ. Несчастіе нѣмцевъ въ томъ, что они слишкомъ много думаютъ и слишкомъ добросовѣстны. Французы, задавшись какой либо идеей, кидаются съ ней, точно на приступъ, чтобы сейчасъ же сдѣлать дѣло; для нѣмца это невозможно. У нѣмца есть четвертая запасная идея, и она ему мѣшаетъ. Нѣмцу нужно обдумать все непремѣнно основательно; разсмотрѣть *за* и *противъ* и потомъ сдѣлать добросовѣстный выводъ. Но какъ такой выводъ сдѣлать ему никогда не удается, то онъ вѣчно колеблется между противорѣчіями. Шербюлье справедливо замѣчаетъ, что нѣмецъ въ одно и то же время и консерваторъ, и радикалъ, и живетъ въ

противорѣчіяхъ, какъ рыба въ водѣ. Нѣмецъ не вполнѣ убѣжденъ, что для того, чтобы сдѣлать яичницу, нужно разбить сначала яйца.

Поэтому нѣтъ ничего труднѣе, какъ изучить нѣмецкія партіи. Онѣ дробятся до безконечности, и никого нельзя склонить ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Противъ этого племенного, органическаго недостатка государственные люди Германіи должны были даже придумывать средство. Штейнъ, чтобы создать изъ нѣмцевъ единомыслящую и единочувствующую силу, придумалъ пропустить ихъ всѣхъ черезъ школу и затѣмъ зачислить въ ландверъ. Бисмаркъ, дѣйствующій при иныхъ условіяхъ, нашелъ, что и то, и другое средство нужны для созданія дисциплины. Разсуждать нѣмцы могутъ, сколько имъ угодно; для этого собственно и существуетъ ученая Германія. Но въ то же время нѣмцы должны дѣлать то, что имъ прикажутъ, потому что для этого существуетъ Германія политическая. Передъ кампаніей 1866 г. всѣ пруссаки были противъ войны. Думали даже, что подъ вліяніемъ общаго давленія король уволитъ Бисмарка. Особенно негодовали рейнцы и вестфальцы. Они не хотѣли драться ни за что; они грозили изломать свои ружья и говорили, что, встрѣтившись съ австрійцами, бросятся въ объятія своимъ нѣмецкимъ братьямъ. И тѣ же самые рейнцы и вестфальцы, когда имъ приказывали, крошили самымъ немилосерднымъ образомъ своихъ нѣмецкихъ братьевъ и, воспламенившись идеей германскаго единства и патріотизма, не хотѣли возвращаться домой, не побывавъ въ Вѣнѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы у нѣмцевъ не было рѣшительно ужъ никакого согласія. У нихъ есть одинъ общій идеалъ, на которомъ всѣ они примиряются. Идеалъ этотъ—сильная, единая и свободная Германія. Девизомъ этимъ владѣютъ нѣмцы со временъ Лессинга, который оставилъ въ немъ Германіи свое завѣщаніе. Но Лессингъ не научилъ нѣмцевъ, какимъ именно образомъ быть Германіи въ одно время и сильной, и единой, и свободной. Въ этомъ отсутствіи точнаго знанія средствъ —все несчастіе нѣмцевъ. Во время Лессинга о средствахъ говорить было еще рано. Тогда Германію только будили и растолковывали ей, что есть на свѣтѣ такая вещь, которая создаетъ величіе и счастье народа, и эта вещь — патріотизмъ, единство, свобода. Эти магическія слова вотъ уже цѣлое столѣтіе воодушевляютъ нѣмцевъ и двигаютъ ихъ то направо, то налѣво,—и въ цѣлое столѣтіе ученая Германія все еще не успѣла столковаться съ Германіей политической.

Во время войнъ за освобожденіе магическія слова сдѣлали свое. Но, когда исчезъ иноземный врагъ, нѣмцы увидѣли, что ихъ величіе и счастье, о которомъ они такъ мечтали, разсѣялось въ ничто, какъ разсѣивается туманъ отъ солнца. И вотъ ученая Германія заперлась опять въ своихъ четырехъ стѣнахъ, начала думать и размышлять, отыскивала философскій камень и въ мистицизмѣ, и въ романтизмѣ, отправилась на поиски даже въ туманы временъ, изъ которыхъ извлекла ее реформація, написала многое множество книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія и, въ своемъ добросовѣстномъ изслѣдованіи истины, запуталась еще болѣе въ противорѣчіяхъ. А политическая Германія между тѣмъ дѣлала свое дѣло, зная, что ей нужно, и куда она идетъ. Такимъ образомъ двѣ Германіи рѣшительно не понимали другъ друга, и созрѣвшая нѣмецкая мысль, изслѣдовавшая и адъ, и небо, и землю, и пучину океана, не могла выработать себѣ только одного—той практики, въ которой она нуждалась. Но не нѣмецкая мысль была виновата въ этомъ. Германія была способна создать все—и міровыхъ поэтовъ, и міровыхъ философовъ; одного только она не могла создать и выставить—государственныхъ людей, которые бы соотвѣтствовали размаху и глубинѣ ея мысли.

Притязанія Германіи вполнѣ законны. Если всѣ остальные народы едины, сильны и велики, отчего же не быть единой, сильной и великой Германіи? Но какъ этого достигнуть? Швабамъ, напримѣръ, очень нравится единая великая Германія, но они въ то же время хотятъ остаться швабами; баварцамъ тоже улыбается мысль о величіи и единствѣ, но при этомъ они хотятъ остаться баварцами; пруссаки упрекаютъ южную Германію, что будто бы она мѣшаетъ всему своимъ сепаратизмомъ, а южная Германія упрекаетъ въ сепаратизмѣ Пруссію. Какъ примирить всѣхъ, когда каждый тянетъ въ свою сторону?

Далѣе—нѣмцы очень разсчетливы; они любятъ бережливость и потому смотрятъ непріязненно на военно-бюрократическое управленіе, требующее усиленныхъ налоговъ. Какъ согласить это противорѣчіе съ величіемъ и силой, котораго тоже очень хочется нѣмцамъ, и которое невозможно безъ огромной арміи? Не будетъ ли подобное, дорого стоящее величіе однимъ громкимъ словомъ, бряцающей славой, когда дѣйствительная сущность, которой достигнутъ нѣмцы, будетъ лишь — матеріальная потеря? Жилось же счастливо и уютно и безъ единой Германіи; неужели же суетная похвальба единствомъ стоитъ того, чтобы платить за нее очень большія деньги?

Наконецъ—вопросъ о свободѣ. Это вопросъ все-таки основной и главный, для котораго и единство, и величіе, и сила—не больше, какъ средства. Нѣмецъ очень любитъ свободу; онъ не можетъ жить со связанными руками и уже давно избаловался и давно привыкъ жить по душѣ, безъ стѣсненій, устраивать, какіе онъ хочетъ, ферейны и толковать въ своихъ пивныхъ, о чемъ ему вздумается. Единство, конечно, прекрасная вещь, ну, а если оно съѣстъ свободу и накличетъ на насъ бѣду? Соглашаясь на единство, мы, конечно, доставляемъ удовольствіе королю прусскому. Но наше единство можетъ, во первыхъ, не понравиться нашимъ сосѣдямъ; а во вторыхъ, кто намъ ручается, что единство дастъ намъ свободу лучше той, какою мы владѣемъ? Наши теперешнія маленькія правительства очень скромны; насъ они не стѣсняютъ; живемъ мы съ ними дружно, по домашнему, и стоятъ они намъ не дорого. Великое же единство непре-

мѣнно перемѣнитъ центръ тяжести, создастъ для всего большой масштабъ, поставитъ насъ въ иныя комбинаціи и заставитъ насъ перестроить всю жизнь. Хлопотъ много, а будетъ ли лучше? Кто порукой, что сильное единство не приведетъ къ деспотизму?

Вотъ главные вопросы, которые лежали въ основѣ нѣмецкихъ партій. До теоретическаго примиренія довести партіи было не трудно. Но никто не былъ увѣренъ въ томъ, что единство, могущество и свобода могутъ быть вполнѣ обезпечены; никто не зналъ даже хорошенько того, съ чего прежде надо начинать: съ единства или со свободы. Рѣшить эти вопросы было вовсе не такъ легко, ибо каждый нѣмецъ желалъ обдумать все основательно, примирить всѣ противорѣчія и успокоить всѣ сомнѣнія. Но такъ какъ это невозможно, то и прошло бы, конечно, очень много времени, пока нѣмцы остановились бы на чемъ либо рѣшительномъ, еслибы не явился Бисмаркъ, который, точно Александръ Македонскій, разрубилъ сразу гордіевъ узелъ и нѣмецкихъ глубокихъ соображеній, и нѣмецкаго разномыслія. Своимъ отважнымъ поведеніемъ Бисмаркъ смѣшалъ всѣхъ нѣмцевъ и всѣ ихъ партіи поставилъ вверхъ ногами. Ужъ и послѣ пражскаго мира національные либералы, вѣчно боровшіеся съ Бисмаркомъ, стали называть его «нашъ Бисмаркъ». Имъ очень льстило, что прусскій премьеръ довелъ до отчаянія Францію и оказался проницательнѣе и сильнѣе Наполеона. Ужъ за это одно они отпускали Бисмарку всѣ его грѣхи. Если національные либералы и позволяли себѣ порицать перваго министра, то они дѣлали это больше для очистки совѣсти, чтобы не сойти съ поля битвы съ позоромъ. Но дѣло ихъ было проиграно, и всѣ споры Германіи о средствахъ для достиженія единства, славы и величія оказывались теперь пустыми словами. А что сказать теперь, когда во время французской войны и южные нѣмцы потеряли всякую охоту препираться съ Пруссіей и охотно готовы составить съ нею одно общее единство? Слава, могущество и единство для Германіи теперь — вопросы порѣшенные; слѣдовательно, ясно, что и тѣ прогрессивныя партіи, которыя препирались объ нихъ до сихъ поръ, должны начать препираться объ иныхъ вопросахъ и встать въ новыя комбинаціи. Однимъ словомъ, прежняя Германія со всѣми ее волновавшими вопросами умерла, и вмѣсто нея возникаетъ Германія новая. Для этой новой Германіи, для которой изъ трехъ ея прежнихъ вопросовъ два уже порѣшены, остается вопросъ третій — вопросъ о свободѣ.

Бисмаркъ былъ для Германіи орудіемъ единства и политическаго достоинства и могущества. Только въ этомъ и заключалась его историческая задача. Но тотъ же Бисмаркъ не можетъ быть для Германіи орудіемъ ея свободы; для этого потребуется другой человѣкъ. Про Бисмарка разсказываютъ, что, когда онъ былъ въ Петербургѣ, онъ забавлялся, приручая медвѣженка. Медвѣженокъ обнаруживалъ злобныя наклонности и, входя въ гостиную, обыкновенно ворчалъ. Тогда Бисмаркъ схватывалъ его за уши, сильно встряхивалъ, заставлялъ замолчать и выгонялъ. «Такъ слѣдуетъ обращаться и съ парламентскими собраніями», — говорилъ онъ. Парламентаризмъ, по мнѣнію Бисмарка, есть царство дилетантизма, а дилетанты—всегда неучи, только портящіе дѣло. Король Вильгельмъ воспитанъ тоже не въ новыхъ стремленіяхъ. У него есть свои традиціонныя преданія, идеи, которыя онъ упорно отстаиваетъ и которыхъ онъ ни за что не измѣнитъ, хотя бы уже потому, что ему 73 года. Слѣдовательно, пока во главѣ прусскаго правительства стоятъ Вильгельмъ и Бисмаркъ, оно можетъ быть способно на подвиги славы и единства, но дилетантамъ въ свои дѣла ужъ, конечно, вмѣшиваться не позволитъ. Во Франціи недовольство самовластіемъ могло бы вызвать въ народѣ активный протестъ; но въ теперешней Пруссіи этого ужъ, конечно, не будетъ. Бисмаркъ сказалъ про свой народъ: «Правительство не имѣетъ повода опасаться возмущенія и не боится его. Наши революціонеры не такъ страшны. Вражда ихъ, главнымъ образомъ, проявляется противъ министра, но они уважаютъ короля».

Правда, въ Германіи есть одна фракція, ненавистная Бисмарку — соціальные демократы, но они еще такъ малочисленны, что даже не составляютъ партіи. Да и въ случаѣ нужды Бисмаркъ съ ними справится также, какъ онъ справился съ ихъ предводителями нынче, т. е. разсадитъ по крѣпостямъ.

Куда же направятъ свою силу умѣренные всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ? По окончаніи войны будетъ всѣмъ много работъ надъ организаціей порядка союзнаго управленія; а нѣмцы слишкомъ благоразумны, чтобы обнаружить какія либо неумѣренныя требованія, тѣмъ болѣе передъ такимъ уже доказаннымъ авторитетомъ, какъ Бисмаркъ. Теперь Бисмаркъ—«нашъ» для всѣхъ нѣмцевъ, и ему отпустятся всѣ его грѣхи.

Весьма вѣроятно, что кусокъ величія и единства, которымъ уже владѣетъ Германія, покажется Бисмарку недостаточнымъ, ибо есть еще кое-что, что слѣдуетъ подобрать. Послѣ присоединенія Баваріи къ сѣверному союзу, Бисмарку открыта дорога на Дунай. Это значитъ, что австрійскіе нѣмцы тоже должны быть присоединены къ ихъ общему отечеству. Да, пожалуй, они и сами не захотятъ принадлежать къ австро-славяно-венгерской имперіи. Такимъ образомъ униженіе смертельнаго врага Бисмарка будетъ полное: врагъ этотъ можетъ даже перестать существовать.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что Бисмарку очень нравится Богемія. Конечно, чехи — славяне, но если они принадлежали Австріи, почему имъ не принадлежать Пруссіи? Славянскій вопросъ, правда, на очереди; но вѣдь и нѣмецкій вопросъ былъ на очереди лѣтъ 200 и только нынче едва успѣлъ осуществиться.

Итакъ, Германія заключаетъ въ себѣ очень много данныхъ, чтобы Европѣ смотрѣть съ тревогой на свое будущее. Главный нерѣшенный вопросъ есть, всетаки, сама Германія или, пожалуй, Прус-

сія, и вопросъ этотъ еще далеко не исчерпанъ. Конечно, если король Вильгельмъ умретъ скоро, политика Пруссіи измѣнится. Наслѣдный принцъ, говорятъ, человѣкъ искренно преданный парламентарной формѣ и ненавидитъ войну. Но нѣмцевъ не можетъ удовлетворить то, каковъ наслѣдный принцъ теперь: они хотятъ знать, каковъ онъ будетъ королемъ. Сохранитъ ли онъ свои идеи, или перемѣнитъ ихъ; повліяетъ на него, или нѣтъ, теорія всепоглощающей политики Бисмарка; наконецъ, найдетъ ли онъ себѣ даровитаго министра. Кто же это можетъ знать!

Одно только можно предсказать безошибочно, что передовые нѣмцы напрасно мечтаютъ о скоромъ разрѣшеніи вопроса о свободѣ. XIX вѣкъ есть для Германіи вѣкъ безпрерывной реакціи; нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла пока еще аукаются издали, да, вѣроятно, и долго проаукаются. Безъ сомнѣнія, современемъ все кончится, какъ въ комедіяхъ, къ общему удовольствію; но до этого общаго удовольствія не дожить и внукамъ нынѣшнихъ нѣмцевъ.

Декабрь 1870 г.

ТИПЫ РУССКАГО БЕЗСИЛІЯ.

(Бродящія силы. Двѣ повѣсти В. П. Авенаріуса. Спб. 1867).

I.

Когда кругъ литературной дѣятельности суживается, или умственная реакція отодвигаетъ на задній планъ серьезную и честную мысль, когда, однимъ словомъ, журнальные скоморохи и болтуны становятся на мѣсто полезныхъ дѣятелей, литература перестаетъ быть строгимъ наставникомъ и руководителемъ общества, и обращается въ его покорную прислужницу. Она не учитъ, а льститъ; она боится самостоятельнаго, рѣзкаго и новаго мнѣнія и подлаживается подъ существующіе вкусы и гуртовыя желанія читающей публики; она ищетъ опоры въ угожденіи разнымъ мелкимъ страстишкамъ и наклонностямъ, преобладающимъ въ большинствѣ общества; она эксплоатируетъ эти наклонности, принижается до нихъ и создаетъ свой успѣхъ на этой, болѣе или менѣе удачной, эксплоатаціи. Если нужно, она наркотизируетъ своихъ читателей клубничными сценами, или дѣйствуетъ на ихъ воображеніе запугивающими призраками и опасностями... Все это, разумѣется, дѣлается не изъ чистаго безкорыстія, и писатели такого сорта съ избыткомъ вознаграждаются той же публикой, которую они усыпляютъ и отупляютъ своими наркотическими снадобьями. Съ нѣкотораго времени такіе писаки вошли у насъ въ моду и, надо отдать имъ справедливость, пользуются своимъ положеніемъ довольно развязно. Въ числѣ ихъ г. Авенаріусу принадлежитъ почетное мѣсто.

Подъ общимъ заглавіемъ «Бродящихъ силъ» у г. Авенаріуса помѣщены двѣ повѣсти. Первая, *Современная идиллія*, служитъ прологомъ къ драмѣ, разыгрывающейся въ *Повѣтріи*, т. е. ко второй повѣсти.

Современная идиллія начинается съ того, что вокругъ стола, передъ висбаденскимъ курзаломъ, сидятъ четыре особы женскаго пола, одна пожилая и три молодыя. Самой молодой изъ нихъ не болѣе 15-ти лѣтъ; черты ея, еще не опредѣлившіяся, необыкновенно миловидны и дышатъ дѣтскою довѣрчивостью. Темно-каштановые волосы ея выстрижены въ кружокъ, какъ у мальчика, вѣроятно, въ подражаніе старшей сестрѣ, остриженной еще короче. Старшая сестра, съ блѣднымъ лицомъ, выразительными, серьезными глазами, была похожа на молодого студента, только что сдавшаго свой пріемный экзаменъ. Обѣ сестры одѣты просто въ платья темныхъ цвѣтовъ. Третья дѣвица, весьма недурная, маленькая, подвижная 16-ти-лѣтняя брюнетка, носитъ волосы подъ сѣтку и отличается изысканнымъ и пестрымъ нарядомъ. Наконецъ, пожилая дама, мать двухъ сестеръ, глядитъ кровной аристократкой.

Проницательный читатель тотчасъ же догадывается, что стриженыя дѣвицы изображаютъ собою нигилистокъ, а 16-ти-лѣтняя брюнетка и пожилая дама—ихъ антиподовъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи легкомысленное поведеніе нигилистокъ найдетъ само въ себѣ достойную кару, а благоразуміе 16-ти-лѣтней брюнетки и пожилой дамы—награду, и что г. Авенаріусъ, покаравъ такимъ образомъ порокъ и вознаградивъ добродѣтель, дастъ возможность читателю насладиться собственною проницательностью. Намѣренно или нѣтъ, но г. Авенаріусъ оказывается гораздо хитроумнѣе проницательнаго читателя, ибо его нигилистки во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ выше не нигилистокъ и дѣлаютъ гораздо меньше глупостей. Конечно, такимъ недосмотромъ г. Авенаріусъ очень ослабилъ нравоучительность своихъ произведеній и поставилъ въ очень неловкое положеніе читателя, желавшаго найти въ немъ достойнаго изобличителя всѣхъ пакостей нигилизма. Но г. Авенарісу, какъ довольно вѣрному копировщику внѣшней, формальной стороны жизни, и нельзя было поступить иначе. Позволь онъ себѣ хотя малѣйшую намѣренную ложь—и онъ немедленно погрузился бы, съ высоты той объективной правды, на которой желаетъ держаться, во взбаломученное море, поглотившее г. Писемскаго.

Съ первыхъ страницъ своей повѣсти авторъ вводитъ читателя въ міръ крайняго легкомыслія, которымъ старые отличаются чуть ли не больше молодыхъ. Все это—порывъ, сырая сила, отсутствіе

всякой внутренней дисциплины, расходившаяся кровь, толкающая человѣка направо и налѣво безъ всякой опредѣленной цѣли и точно-выясненнаго стремленія. Почтенная аристократка, и по своимъ лѣтамъ, и какъ мать взрослыхъ дочерей, должна бы, повидимому, обладать необходимой для того долей здраваго смысла, а между тѣмъ какъ она поступаетъ? Она поѣхала на воды для старшей своей дочери, потому что та больна; спрашивается, для чего она взяла своего 15-ти-лѣтняго недоростка, у котораго даже еще не опредѣлились черты, и 16-ти-лѣтнюю брюнетку? Предположимъ—намѣреніе самое благое. Почтенная аристократка не была увѣрена въ своемъ мужѣ и хотѣла держать дѣтей подъ своимъ глазомъ. Если обратимъ вниманіе на то, что обоимъ недоросткамъ слѣдовало еще продолжать свое ученье, то, конечно, дѣвочкамъ было удобнѣе находиться подъ надзоромъ матери, чѣмъ подъ надзоромъ стараго ворчуна-отца и прислуги. Какъ же почтенная мать исполняла свою обязанность? Наденькѣ (15-ти-лѣтній недоростокъ) приходитъ внезапная мысль посмотрѣть, какъ играютъ въ рулетку. — Мамаша, голубушка, пустите!—говоритъ она.—Нельзя, Наденька,—отвѣчаетъ мать—*неприлично.*—У матери, взявшейся за воспитаніе своихъ дочерей, не находится отвѣта болѣе умнаго.—Неприлично?—отвѣчаетъ ей съ усмѣшкой старшая дочь:—если вы, мамашенька, боитесь, что кто увидитъ, то вѣдь завтра же насъ не будетъ здѣсь. Отчего не доставить удовольствія дѣтямъ?—Что можетъ быть убѣдительнѣе подобнаго отвѣта для человѣка, у котораго кодексъ всей житейской мудрости сосредоточивается въ одномъ словѣ *неприлично.* Такъ какъ завтрашній отъѣздъ превращалъ всякое неприличіе въ приличіе, то, во первыхъ, недоростки сообразили — дѣлай, что хочешь, лишь бы никто не видѣлъ и не говорилъ,—а во вторыхъ, получили разрѣшеніе отправиться въ игорный домъ. Конечно, дѣвочкамъ было дано наставленіе, чтобы онѣ не играли; но какъ сама мать полѣнилась идти съ ними, то недоростки нетолько играли, но проиграли всѣ деньги, какія съ ними были, и съ ними даже случился скандалъ. Въ одну изъ ставокъ Моничка (16-ти-лѣтняя брюнетка) выиграла; но только что она потянулась за выигрышемъ, какъ какой-то нѣмецъ предупредилъ ее. —Да гульденъ былъ мой,—сказала Моничка.—Нѣтъ, мой!—отвѣтилъ нѣмецъ, и завладѣлъ ставкой. Къ счастію для дѣвочекъ, тутъ же за столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ благообразной наружности, съ небольшими усиками; онъ схватилъ нѣмца за руку и крикнулъ ему рѣшительно:—Не трогать! гульденъ принадлежитъ этой дѣвицѣ; я—свидѣтель.—Хищникъ былъ выведенъ, и гульденъ поступилъ въ собственность его хозяйки. Проигравшіяся дѣвочки отправились домой, а ихъ избавитель, замѣтивъ, что они уходятъ, сгребъ въ карманъ остатокъ своихъ денегъ и поспѣшилъ за барышнями. Прослѣдивъ за ними до гостиницы, онъ узналъ отъ кельнера, что это русское семейство: мать, двѣ дочери, племянница,—что старшая дочь пользовалась сѣрною водою, но доктора посовѣтовали ей пить сыворотку, и что завтра онѣ уѣзжаютъ въ Швейцарію, въ Интерлакенъ.

Забравъ эти справки, молодой человѣкъ повернулся на каблукахъ и задумчиво спустился съ лѣстницы. Поворотивъ за уголъ, онъ въ одной изъ смежныхъ улицъ вошелъ въ тѣсную, темную прихожую небольшого одноэтажнаго домика, ощупалъ дверь и постучался. Густой мужской голосъ отвѣтилъ изнутри: herein! Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, освѣщенную матовою лампою. На кровати, съ книгою въ рукѣ, лежалъ молодой мужчина, съ флегматическимъ умнымъ лицомъ.

— Ты, Ластовъ?—спросилъ онъ, не повертывая головы.

— Собственноручно.

— Удалось, наконецъ, продуться?

— Удалось. Послушай, Змѣинъ, вѣдь твои работы приближаются къ концу?

— Даже кончились нынче.

— А! Значитъ, завтра же можно въ Швейцарію?

— Самъ же ты просилъ повременить! Или уже не надѣешься сорвать банка?

— Не надѣюсь. Madame Schmidt!

Madame Schmidt явилась, и Ластовъ, объявивъ ей, что завтра уѣзжаетъ, просилъ ее подать счетъ.

Познакомившись съ дѣйствующими лицами «Современной идилліи», читатель составляетъ о нихъ такое заключеніе. Мать глупа, помѣшана на приличіяхъ и не имѣетъ на своихъ дочерей никакого вліянія; дѣвочки подобны дикимъ козамъ, незнающимъ надъ собою никакой узды; Змѣинъ—неясенъ; Ластовъ—въ моментѣ жажды любви и не можетъ увидѣть ни одного смазливаго женскаго личика, чтобы не быть готовымъ на всякую глупость. Если подобные недопеченные люди вздумаютъ сами руководить себя на пути жизни, то не миновать имъ болота.

II.

Изъ послѣдующихъ главъ читатель убѣждается еще болѣе, что недопеченные люди рѣшительно направляются къ болоту.

Въ Гисбахѣ, или въ Интерлакенѣ — впрочемъ, это все равно—общество молодыхъ людей увеличилось еще однимъ субъектомъ, тоже имѣющимъ непремѣнное желаніе засѣсть въ болотѣ. Это—нѣкто Куницынъ, юноша лѣтъ 19 или 20, смазливенькій фатъ, болтающій только по французски и сдѣлавшій изученіе французскаго языка основною цѣлью своей жизни.

За первымъ ужиномъ, гдѣ собралась вся компанія, почтенная маменька занялась разговоромъ съ какой-то французской графиней, а ея скороспѣлыя дочки устроили съ такой быстротой знакомство съ молодыми людьми, что еслибы маменька была умнѣе хотя на волосокъ, то поняла бы, что обзаводиться дочками ей вовсе не слѣдовало.

Послѣ параднаго приступа, Лиза, старшая дочь, сказала: — Однако, пора и узнать подробнѣе, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Кто вы, господа?

— Я и онъ,—сказалъ Змѣинъ, указывая на

Ластова: — кандидаты естественныхъ наукъ; я — будущій мыловаръ, онъ — будущій просвѣтитель юношества.

— А зовутъ васъ?

— Меня—Александромъ Александровичемъ Змѣинымъ, его—Львомъ Ильичемъ Ластовымъ.

— А вы кто? — обратилась Лиза къ Куницыну.—Бьюсь объ закладъ, что — лицеистъ или правовѣдъ.

— Изъ чего вы заключили? Да, я былъ правовѣдомъ, но уже окончилъ курсъ — съ девятымъ классомъ! Зовутъ меня Куницынъ.

— Теперь очередь за нами,—сказала Лиза. — Я—Лизавета Николаевна Липецкая. Это — сестра моя, Надежда Николаевна, петербургская гимназистка. Вотъ наша мать, жена тайнаго совѣтника Липецкаго. А вотъ—Соломонида Алексѣевна Невзорова — одинъ изъ будущихъ перловъ петербургскихъ великосвѣтскихъ баловъ. — Жена тайнаго совѣтника хотѣла было вмѣшаться въ разговоръ молодежи, ибо находила неслыханнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ такое внезапное знакомство съ вовсе незнакомыми людьми, но никто изъ участниковъ маленькой интермедіи не удостоилъ ее вниманія, и, пожавъ плечами, непризнанная родительница повернулась опять къ своей французской графинѣ.

Такъ какъ на воды пріѣзжаютъ обыкновенно праздные люди, съ праздными цѣлями, то понятно, что молодежь перелюбилась другъ съ другомъ: Змѣинъ влюбился въ Лизу, а Лиза—въ Змѣина; Ластовъ — въ Наденьку, а Наденька—въ Ластова, наконецъ Куницынъ—въ Моничку, а Моничка—въ Куницына. А что-жъ маменька, эта аристократка чистой крови? Она попрежнему пожинала плоды своей глупости и устраивала своимъ дочерямъ путь жизни, который впослѣдствіи имъ пришлось оросить кровавыми слезами.

Авторъ повѣсти не обращаетъ ровно никакого вниманія на мать. Она у него какое-то подставное лицо. Все, что читатель узнаетъ о ней, ограничивается тѣмъ, что она — жена тайнаго совѣтника Липецкаго, и что за ужиномъ она разговаривала съ какой-то французской графиней. Зато тѣмъ усерднѣе предается онъ описанію легкомыслія молодежи и посвящаетъ изложенію ихъ праздной болтовни цѣлые десятки страницъ. Я не стану отрицать того, что для лучшаго напечатлѣнія въ представленіи читателя всей той бездны легкомыслія, какую авторъ хотѣлъ олицетворить въ образѣ Наденьки, Монички, Лизы и въ образѣ недопеченнаго Куницына, подобныя подробности вовсе не лишни; но мыслящаго читателя удовлетворить этимъ нельзя. Моничка и Куницынъ уже и по природѣ изъ такой глины, что, хоть поручи ихъ самому Ментору или Песталоцци, толку никакого не будетъ. Но стриженыя Наденька и Лиза—не то. Это—дѣвочки умныя, добрыя, съ хорошими стремленіями, нуждающіяся только въ очень небольшой помощи, чтобы идти по пути жизни, не проваливаясь и не сбиваясь въ сторону. Какъ же имъ помогаетъ мать? Какъ она вела ихъ до сихъ поръ? Какую житейскую мудрость она передала имъ? Какъ она подготовляла ихъ къ ожидающимъ ихъ житейскимъ тревогамъ и опасностямъ? Ничего этого не говоритъ намъ авторъ. Онъ рисуетъ намъ портреты дѣвочекъ, неизбѣжно легкомысленныхъ по самому своему возрасту, по отсутствію всякаго серьезнаго воспитанія, и хочетъ, чтобы мы побивали ихъ камнями. Пусть побиваетъ, кто хочетъ. Но если кого нужно привлекать къ отвѣту, то не дѣтей. Вы хотите побить ихъ каменьями за то, что они легкомысленны въ 15 лѣтъ, и смотрите съ нѣжнымъ чувствомъ на ихъ сѣдоволосыхъ родителей, легкомысленныхъ въ 60 лѣтъ. Правда, сѣдовласые старцы сознавали свое педагогическое безсиліе; но куда дѣвался ихъ опытъ жизни? Неужели житейскій опытъ не научилъ ихъ даже тому, что если 15 — 16-ти-лѣтнюю дѣвочку выпустить одну въ сей прекрасный божій міръ, то не только въ нашемъ русскомъ обществѣ, но и во всякомъ другомъ европейскомъ найдется немедленно 18—20-ти-лѣтній красивый юноша, который захочетъ взять прекрасное, молодое, одинокое существо подъ свое покровительство и, предложивъ ему руку и сердце, уведетъ его въ розовые сады любви, гдѣ и исчезнетъ съ нимъ за первымъ розовымъ кустомъ. Липецкая - мать, должно быть, весь свой вѣкъ разыгрывала невинную институтку и послѣдняя узнавала то, что давно зналъ весь свѣтъ. А когда непоправимое несчастье дочери открываетъ ей глаза, она плачетъ, она страдаетъ за свою дочь и опять не обнаруживаетъ даже настолько нравственной силы, чтобы помѣшать разсвирѣпѣвшему отцу выгнать эту дочь буквально на улицу, лишенную всякой помощи. И такая мать будетъ еще распинаться передъ всѣмъ міромъ въ своей любви къ дѣтямъ! И дѣйствительно, развѣ не изъ любви къ нимъ она соглашалась исполнять всякое ихъ неразумное желаніе? Захотятъ ли дѣвочки играть въ рулетку или въ банкъ, — играйте, милыя, только смотрите, чтобы никто не зналъ объ этомъ; захотятъ ли дѣвочки разбрестись попарно съ мужчинами по лѣсу — разбредитесь, но смотрите, чтобы никто этого не замѣтилъ; захотятъ ли дѣвочки ходить на холостые вечера молодежи,— ходите, сколько хотите, но только не опаздывайте домой. Отчего бы женщинѣ и не играть въ рулетку? Отчего бы женщинѣ и не гулять съ молодымъ мужчиной по лѣсу? Отчего бы женщинѣ не посѣщать холостой мужской компаніи? Но когда материнская заботливость о воспитаніи дочери кончается тѣмъ, что отецъ выгоняетъ эту дочь на улицу, когда несчастная бросается наконецъ въ Неву, то мы вправѣ сказать такой матери, что въ ея сердцѣ жила лишь обезьянья любовь, ибо кого любятъ по человѣчески, того не поставятъ на такой путь жизни, спасти отъ котораго можетъ только Нева.

Любовное препровожденіе времени кончилось у молодыхъ людей ничѣмъ. О Змѣинѣ говорить не буду; онъ—лицо вводное и въ *Повѣтріи* больше не является. Ластовъ хотя написалъ Наденькѣ любовные стихи, но они не только не дошли по на-

значенію, но маменька сочла долгомъ сдѣлать дочери приличное внушеніе: «ты такая и сякая,—сказала она ей,—связываешься со всякой шушерой, у которой и гроша въ карманѣ нѣтъ; другое дѣло, еслибы это былъ Куницынъ». Что же касается до сего юноши, то, сидя разъ съ своею Моничкой наединѣ, онъ не выдержалъ, обнялъ ее и, какъ выразился самъ въ письмѣ къ Ластову, «влѣпилъ ей наисмачнѣйшую безешку». Моничка не протестовала и, снявъ перстень съ руки Куницына, стала примѣрять его на свои пальцы.

—А что, еслибы я попросилъ васъ оставить его себѣ?—сказалъ Куницынъ Моничкѣ.

Моничка опустила глаза и отвѣтила:—Переговорите съ тетенькой; она моя опекунша...

«Я чуть не провалился сквозь землю, въ Америку,—говоритъ Куницынъ въ томъ же самомъ письмѣ.—Impécile! самъ того не зная, сдѣлалъ предложеніе. Но que faire! благородному человѣку нельзя отступиться отъ даннаго разъ слова, сконфузить ее тоже не хотѣлось—скрѣпя сердце, отправился я къ опекуншѣ, ну и, само собою, получилъ согласіе...»

Современная идиллія кончилась; начинается *Повѣствіе*.

III.

Куницынъ есть тупоумнѣйшій фатъ, какого когда либо видѣлъ міръ; Моничка—такое же легкомысленное существо.

Еще въ Швейцаріи, до рѣшительнаго объясненія, происходилъ между ними слѣдующій разговоръ:

— Ахъ, М-г Куницынъ,—говоритъ Моничка,—вѣдь дивно должно быть въ Парижѣ? Какъ я завидую вамъ и всѣмъ, побывавшимъ тамъ.

— Да, недурная мѣстность, — отвѣчаетъ М-г Куницинъ, — весьма и весьма изрядная; имѣете полное право завидовать. Вся атмосфера Парижа пропитана какимъ-то живительнымъ эликсиромъ; вдыхая ее, замѣтно перерождаешься, дѣлаешься чѣмъ-то лучшимъ, высшимъ. Каждая малость, каждое, такъ сказать, дрянцо носитъ на себѣ отпечатокъ цивилизованности. Хоть бы гарсоны въ отеляхъ. Я останавливался послѣдній разъ въ Луврской; тамъ моего гарсона звали не Захаромъ или Никифоромъ, а Альфонсомъ! каково имячко?

— Ахъ, да, какое музыкальное! Такъ и напоминаетъ: Alphonse Karr!

— Именно. Въ своемъ франтовскомъ фракѣ, снѣжно-бѣломъ галстухѣ, онъ не уступалъ въ граціи любому комъ-иль-фо, а чисто-французскій выговоръ, а выраженія... Не «papillon», а «papiyon»—прелесть! Я даже боялся заговаривать съ нимъ, долженъ былъ обдумывать каждое слово, чтобы не срѣзаться. Между тѣмъ я, какъ вы, вѣроятно, замѣчаете, изъясняюсь по французски не очень-то дурно?

— Вы говорите безподобно, упоительно, М-г Куницынъ.

— А то возьмите прачку,—продолжаетъ тотъ же упоительный М-г Куницынъ.—Ну, что такое въ сравненіи съ нею наша доморощеная Матрена, Марья, толстая, неповоротливая? Ее и назвать-то нельзя иначе, какъ Матреной. А тутъ—стучатся къ вамъ въ дверь,—уже по одному стуку вы угадываете благовоспитанную ручку, — вы приглашаете: «Entrez!» и влетаетъ къ вамъ легкая, какъ зефиръ, граціозная, вторая Тальони. Вы недоумѣваете: кто это? въ самомъ ли дѣлѣ не болѣе, какъ прачка, или одна изъ гордыхъ фей Сенъ-Жерменскаго предмѣстья?

— И вѣрно кокетничали съ нею?—перебила Моничка.—Фи, съ прачкой! Какъ она тамъ ни будь граціозна—все прачка.

— А, нѣтъ,—отвѣчаетъ Куницынъ и затѣмъ, съ такимъ же остроуміемъ и глубиной мысли, описываетъ Моничкѣ красоты парижской жизни.—Чего стоитъ одинъ обѣдъ у Trois Frères Provençaux! Насладись и умри!—какъ сказалъ Прудонъ. (По мнѣнію Куницына, Прудонъ есть философъ эпикурейской школы. Онъ любитъ щегольнуть знакомствомъ съ мыслями этого писателя и цитируетъ его всегда съ одинаковымъ успѣхомъ)... Когда-то наша бѣдная Россія достигнетъ хоть тѣни всего этого!—восклицаетъ Куницынъ.

— Ахъ, М-г Куницынъ, и не упоминайте объ ней!

— А театры? A Mabile, Closerie de lilas, Chateau des fleurs? Вотъ это такъ жизнь!

— Вы, милый мой, разсказываете такъ увлекательно, что взяла бы да полетѣла туда.

Я не стану докучать читателю выписками всего того, что говорятъ Куницынъ и Моничка между собой и съ другими. Приведеннаго выше образчика совершенно достаточно, чтобы получить вполнѣ опредѣленное понятіе о міровоззрѣніи этихъ двухъ наивныхъ существъ. Вся ихъ жизнь во внѣшнемъ блескѣ, въ безцѣльномъ шумѣ, суетѣ и движеніи. Моничка, по просьбѣ Куницына, рѣшилась даже измѣнить свое имя и, вмѣсто Соломониды, начала называться Семирамидой.

Теперь вообразите себѣ, что два такихъ милыхъ существа сочетались законнымъ бракомъ. Какъ бы ни были разнообразны послѣдствія подобнаго союза, но несомнѣнно одно, что въ результатѣ получится всегда глупость, ибо люди неспособны ни къ какому прочному чувству, неспособны воспитать въ себѣ ни одной здравой мысли.

Въ первый же годъ супружества Моничка начала шушукаться съ однимъ юнымъ воиномъ, въ аксельбантахъ, по фамиліи Діоскуровымъ, и пожимать другъ другу руки подъ столомъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, Куницынъ пріѣзжаетъ къ Ластову и сообщаетъ, что Моничка убѣжала отъ него съ Діоскуровымъ. «Я ли,—говоритъ Куницынъ,—не любилъ ее, не лелѣялъ ее; ни одной вѣдь сторонней интрижки не завелъ съ самаго дня женитьбы, вотъ ужъ годъ слишкомъ,—легко сказать!» О мудрый и нравственный мужъ, какую въ самомъ дѣлѣ змѣю вскормилъ ты у своего сердца! Но что за причина невзгоды, тебя посѣтившей? М-г Куницынъ понимаетъ это дѣло такъ. Не подо-

зрѣвая ничего, онъ принималъ Діоскурова, какъ друга дома. Оказалось, что юный Марсъ читалъ съ Моничкой *Что дѣлать?*—да не только они читали, а изучали и, наконецъ, порѣшили, какъ выражается г. Авенаріусъ, «устроиться по предписанному рецепту». Приходитъ разъ Куницынъ изъ должности и видитъ, что Моничка укладывается.—Куда это? Точно въ вояжъ?—Въ вояжъ, говоритъ, и ѣду: навѣки разстаюсь съ тобой.—Какъ такъ навѣки? Что это значитъ?—Это значитъ, отвѣчаетъ Моня, что ты надоѣлъ мнѣ, что намъ ужъ не къ чему жить вмѣстѣ, были бы только въ тягость другъ другу. Веселись и будь счастливъ!—Да куда же ты, къ кому?—А къ Діоскорову. Онъ—Кирсановъ, ты—Лопуховъ, я—Вѣра Павловна.—Да вѣдь это все хорошо въ книжкѣ, въ дѣйствительности же не примѣнимо.—Вотъ увидишь, говоритъ, какъ примѣнимо. Я вообще не вижу, чему тутъ удивляться: виновата ли я, что ты не умѣлъ разнообразить себя, что Діоскуровъ лучше тебя? Но я разстаюсь съ тобою безъ всякой горечи въ сердцѣ». Куницынъ вздохнулъ, на глазахъ у него навернулись слезы, а Моничка—ну, угадайте?—Моничка запѣла:

Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить.
Господь обидѣлъ огурцами,
Зато капустой наградитъ.

Моничка и Куницынъ въ своемъ благодушномъ идіотизмѣ могутъ объяснять свои поступки, какъ имъ угодно; но почему другъ Куницына, Ластовъ, человѣкъ не глупый и еще натуралистъ, не объяснилъ ему, что виной всему вовсе не *Что дѣлать?* Посѣтите сумасшедшій домъ и спросите сторожа, чѣмъ больны его обитатели. Сторожъ съ увѣренностью непогрѣшимаго человѣка, отвѣтитъ вамъ: этотъ сошелъ съ ума отъ любви, тотъ—отъ банкротства, вотъ этотъ—отъ домашнихъ непріятностей, и такъ далѣе. Если полагаться на мнѣніе непогрѣшимаго сторожа, то окажется, что каждый больной сошелъ съ ума по своей спеціальной причинѣ, и что на свѣтѣ столько же причинъ сумасшествія, сколько сумасшедшихъ. А между тѣмъ причина сумасшествія одна—органическое разстройство. Чтобы разстроенный человѣкъ спятилъ окончательно съ ума, нужно иногда самое ничтожное внѣшнее обстоятельство: огорченіе, испугъ или что нибудь подобное. И вотъ неразумному сторожу кажется, что одинъ помѣшался отъ любви, другой—отъ обиды, нанесенной женой, третій—отъ потери денегъ. Не нанеси окончательнаго удара любовь, или ссора съ женой, его нанесла бы грубость кухарки, дворника, обида городоваго, человѣкъ могъ бы помѣшаться просто оттого, что изъ-за угла выскочила внезапно какая нибудь шавка и залаяла. Ластовъ, конечно, все это зналъ. Онъ зналъ и то, что легкомысленные люди съ самаго сотворенія міра не отличались никогда прочными привязанностями и солидностью мысли. Изъ нихъ выходили всегда невѣрныя жены, невѣрные мужья, дурные родители, ненадежные друзья и пріятели, негодные граждане. Въ самомъ существѣ ихъ натуры заключалась причина, уподоблявшая ихъ флюгерамъ, послушнымъ каждому, даже слабому вѣтру. Если всего этого не зналъ Ластовъ, то слѣдовало знать автору повѣсти, и тогда онъ не сталъ бы объяснять поступки Монички *повѣтріемъ*. Когда Клеопатра, Мессалина и тысячи знатныхъ римлянокъ предавались разврату, что ихъ увлекало—*повѣтріе?* Когда Англія среднихъ вѣковъ, потерявъ всякую мѣру благопристойности, предалась самой разнузданной половой распущенности, что ее увлекало—*повѣтріе?* Когда Франція временъ регентства повторила времена Клеопатры и Мессалины, что ее увлекло—тоже *повѣтріе?* Когда въ новыя времена Румынія сдѣлала изъ проституціи ремесло своей аристократіи, то ее тоже увлекло *повѣтріе*? Когда наконецъ исторія человѣчества представляетъ на каждомъ шагу факты супружеской невѣрности и дурно разсчитанныхъ браковъ, противъ которыхъ церковный и гражданскій законъ постановилъ повсюду разводъ,—и это все—*повѣтріе?* Когда проституція, увлекая повсюду легкомысленныхъ, составила неискоренимое міровое зло, противъ котораго безсильны не только полицейскія мѣры, но даже страхъ вѣчныхъ адскихъ мукъ—неужели и это—*повѣтріе?* Г. Авенаріусъ со своимъ *повѣтріемъ* очень напоминаетъ Собакевича, тыкавшаго вилкой въ маленькую рыбку. Легкомысліе, отсутствіе сообразительности и половая распущенность охватываетъ весь міръ, а онъ тычетъ намъ глаза пустомелей Куницынымъ и его бездушной, вертлявой Моничкой. Да еслибы на свѣтѣ не существовало не только романовъ, но и никакихъ книгъ,—Моничка осталась бы всегда Моничкой. Живи она до Рождества Христова, живи она въ I, V, X, XV и въ какомъ хотите столѣтіи, она всегда бы убѣжала отъ своего мужа. Не увези ее Діоскуровъ, она бы убѣжала со Стрѣтинымъ, который тоже непрочь попользоваться ея даровой любовью. Не брось она дома своего мужа по наущенію Діоскурова, она завела бы маскарадныя интрижки и отправлялась бы затѣмъ въ гостиницы. И г. Авенаріусъ самъ чувствовалъ эту правду, иначе онъ не вывелъ бы на сцену два такихъ человѣческихъ ничтожества, какъ Куницына и Моничку. Неужели требовалось какое нибудь особенное *повѣтріе*, чтобы сбить ихъ съ пути? Неужели всѣ Мончки, обманывающія своихъ мужей, лоретки, камеліи и легкомысленныя дѣвицы, которыми Рига снабжаетъ Петербургъ, составляютъ такую модную язву нашего времени, что на нихъ нужно указывать, какъ на чрезвычайное общественное явленіе, порожденное чрезвычайными обстоятельствами и злонамѣренной пропагандой? Допуская, что Моничка извлекла уроки супружескаго легкомыслія изъ романа, который ей читалъ Діоскуровъ, мы вправѣ спросить, гдѣ же она научилась своему безсердечію. Вѣрная ученица, она бы не должна на слезы своего мужа отвѣчать пѣснью о капустѣ и огурцахъ.—Я говорѣ о Моничкѣ больше, чѣмъ о ней говорить слѣдуетъ. Разскажу коротко ея конецъ.

Послѣ четырехъ мѣсяцевъ жизни у Діоскурова, Моничкѣ пришлось оставить его домъ, ибо онъ задумалъ жениться на дѣвушкѣ, за которой давали

50 тысячъ. Моничка вспомнила, что за нею ухаживалъ Марсъ, Стрѣтинъ. Но новый Марсъ струсилъ: «пойдутъ ребята, какъ грибы послѣ дождя, и не развяжешься. Къ тому же мнѣ и не по средствамъ. Другое дѣло, еслибъ вы когда удостоили меня въ качествѣ—доброй знакомой...»—отвѣтилъ онъ Моничкѣ. Она въ гостиницу. Здѣсь, поживъ, она задолжала. Хозяинъ требовалъ расплаты, грозилъ долговымъ отдѣленіемъ; впрочемъ, дѣлалъ и косые намеки.—«Я поняла его,—говоритъ Моничка,—но онъ такой противный: старикъ-старикомъ, кýрносый, да еще табакъ нюхаетъ.. И ни за что не могла рѣшиться!..» Отправилась Моничка къ своему мужу, но тотъ безжалостно захлопнулъ передъ нею дверь. «Нѣсколько дней спустя, по Невскому несся щегольской фаэтонъ. Въ немъ сидѣла въ роскошной бедуинкѣ Моничка; а рядомъ съ нею—сизоносый въ морщинахъ старикашка, оглядывавшій свою спутницу съ тривіальной улыбкой. Но юная львица, казалось, не замѣчала его: съ радостнымъ безпокойствомъ засматривалась она въ противоположную сторону, гдѣ нагонялъ ихъ на заводскомъ ворономъ конѣ удалой конногвардеецъ».

Совершенно непостижимо, какой литературный врагъ могъ присовѣтовать г. Авенаріусу злополучную Моничку, и по натурѣ, и по воспитанію готовившуюся въ лоретки, изобразить какъ типъ, порожденный какимъ-то повѣтріемъ.

IV.

Пустыя личности удаются г. Авенаріусу гораздо лучше, чѣмъ натуры, одаренныя богаче. Наденька труднѣе для пониманія; она больше дитя своего времени; но г. Авенаріусъ своего времени не понимаетъ, слѣдовательно, онъ не можетъ понять вѣрно и Наденьки.

Читатель съ Наденькой уже нѣсколько знакомъ. Совсѣмъ ребенкомъ она уѣхала съ своею маменькой за границу, чтобы тамъ окончательно запутаться въ вопросахъ жизни и подготовить себѣ въ будущемъ Неву.

Наденька—это истинная бродящая сила. Въ ней много хорошаго, нѣжное чувство и пытливый умъ. Ее не удовлетворяетъ внѣшняя сторона жизни, ее обуреваютъ вопросы, и ей нужно ихъ разрѣшить. Но гдѣ же 15-лѣтней дѣвочкѣ справиться съ вопросами жизни. Маменька, по своему тупоумію, помочь ни въ чемъ не можетъ и не въ состояніи имѣть на свою дочь никакого вліянія. Сестра Лиза, хотя и старше Наденьки 3 годами, но и сама не стоитъ еще твердо на своихъ ногахъ и нуждается также въ руководителяхъ. Предоставленная себѣ, Наденька начала самовоспитаніе съ чтенія французскихъ романовъ и всякихъ книгъ, какія ей попадались подъ руку. Она читала безъ разбору Сю, Дюма и Бѣлинскаго, Поля Феваля и Добролюбова; она знаетъ по пальцамъ множество стиховъ и восхищается, по преимуществу, Майковымъ. Такое разнообразное чтеніе произвело въ головѣ Наденьки совершенный сумбуръ, и она, какъ попугай, заговорила готовыми фразами, по преимуществу, отрицательнаго характера. Парижъ для нея—Вавилонъ, портящій окончательно молодежь. Nach Paris gehen Narren, davon—kommen Gecken,—говоритъ она, что въ вольномъ переводѣ значитъ, что въ Парижъ отправляются поросятами, а возвращаются свиньями. Танцы, по словамъ Наденьки,—ребячество, глупость; любовь—нелѣпость, бывшая въ модѣ въ сакраментальный періодъ романтиковъ, а нынче брошенная, какъ шляпы стараго фасона; не вздоръ—только разумная привязанность, являющаяся вслѣдствіе долгаго знакомства съ предметомъ нашей привязанности, когда мы успѣли вполнѣ убѣдиться въ душевныхъ достоинствахъ его. Въ то же время она млѣетъ, нюхая лилію, со страстью вдыхаетъ въ себя запахъ ландыша и приходитъ въ самозабвеніе отъ стиховъ Майкова, увѣряющаго, будто бы лилія

> Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ
> И, распустивши всѣ листки,
> Благоухаетъ и трепещетъ
> Отъ упоенья и тоски.

Хотя Ластовъ и доказываетъ Наденькѣ, что все это не больше, какъ наивность, ибо у лиліи нѣтъ глазъ, а тѣмъ болѣе не можетъ явиться упоенье и тоска; но такое объясненіе приводитъ Наденьку въ негодованіе. Являясь отрицателемъ въ бесѣдѣ съ легкомысленнымъ Куницынымъ, она рѣшительно пасуетъ передъ Ластовымъ. Въ присутствіи его съ нею дѣлается какая-то неловкость, является тревожное чувство—и

> О, дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грезъ,
> И горечь слезъ, и сладость слазъ!

говоритъ она.

— И вы, Надежда Николаевна, сочувствуете этому? Вы понимаете горечь и сладость слезъ?—спрашиваетъ ее Ластовъ.

— М-да...—Наденька засмѣялась. Становилось уже яснымъ, что юнцы собираются учинить прогулку въ розовомъ лѣсу.

Въ одну изъ прогулокъ по окрестностямъ Наденька замѣтила на деревѣ улитку.—«Ахъ, Левъ Ильичъ, посмотрите: улитка. Для чего она взобралась сюда?»—Левъ Ильичъ, въ качествѣ натуралиста и культиватора умственнаго вертограда Наденьки, прочиталъ ей лекцію о глазахъ и щупальцахъ слизняковъ, а чтобы ученицѣ было удобнѣе провѣрять слова наставника на практикѣ, она сѣла на траву, разложила передъ собою платокъ, на который и положила улитку, а наставникъ сталъ противъ нея на колѣни. Такое положеніе, не совсѣмъ удобное для ученыхъ изслѣдованій, произвело въ «жилахъ юноши жаръ и трепетъ, въ глазахъ у него зарябило, и онъ, обнявъ жадною рукою станъ дѣвушки, сталъ цѣловать ее съ горячностію». Наденька отчаянно вскрикнула, отбросилась назадъ, вскочила на ноги и убѣжала. «Такъ-то творятся глупости!—разсуждалъ потомъ самъ съ собою натуралистъ, мрачно насупивъ брови и не двигаясь съ мѣста—ну, къ чему, къ чему было это дѣлать? Сидитъ она противъ тебя такъ спокойно, такъ довѣрчиво, и вдругъ ты, ни съ того, ни съ сего, точно бѣлены объѣвшись... Тьфу ты пропасть! непростительно глупо!»

Впрочемъ Левъ Ильичъ совершенно напрасно порицалъ такъ свой поступокъ. Глупо было не то, что онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего вцѣпился въ Наденьку, а глупа была вся предыдущая жизнь и Наденьки, и его.

Драматизмъ положенія Наденьки заключается именно въ томъ, что ея сердце способно къ хорошимъ и прочнымъ чувствамъ, что ея умъ способенъ къ порядочнымъ мыслямъ, но обстоятельства сложились такъ, что всю жизнь она дѣлаетъ только одни глупости. Почтенная маменька, произведшая ее на свѣтъ, полагала, что послѣ такого серьезнаго труда ей остается только почивать на лаврахъ праздности и вести пріятные разговоры съ французскими графинями. Наденька росла, какъ полевой цвѣтокъ, и если кодексъ *приличій* ея великосвѣтской маменьки не очерствилъ ея сердца и не помрачилъ ума, такъ это единственно потому, что она была одарена болѣе счастливой натурой. Но, съ другой стороны, въ этой же счастливой натурѣ заключается и будущій источникъ бѣдствій Наденьки. Великосвѣтское пустосвятство не удовлетворяло ея; благодаря отрывочному чтенію умныхъ писателей, она поняла, что на свѣтѣ есть другая правда и другая жизнь, кромѣ той, къ которой готовила ее маменька. Но въ чемъ эта правда, въ чемъ эта жизнь? При всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ и добрыхъ стремленіяхъ, Наденька далеко не титаническая натура. Она сила бродящая, но сила неспособная пробить себѣ самостоятельную дорогу. Она можетъ идти, когда кто нибудь поддерживаетъ ее, но идти самой твердою поступью по ухабамъ жизни у нея недостаетъ силы. Съ поколѣніемъ, къ которому принадлежитъ ея маменька, у нея нѣтъ ничего общаго; отдѣлившись отъ него, она сожгла за собою корабли; но разрывъ съ прошлымъ не освѣтилъ ей ея будущаго — куда идти, чего искать? Повсюду мракъ и туманъ. Неопредѣленныя чувства, смутныя мысли бродятъ въ ея молодой головѣ; повсюду ищетъ она отвѣтовъ на возбуждающіеся въ ней вопросы. Она читаетъ Сю, Дюма, Бѣлинскаго, Добролюбова; она чуетъ правдивое, она отличаетъ хорошихъ наставниковъ отъ дурныхъ; но она безсильна переваривать своею головой все то, что находится въ книгахъ и журналахъ. Она ищетъ какой-то философскій камень жизни, который бы далъ ей ключъ ко всей земной мудрости, который бы, какъ на ломберномъ столѣ, показалъ ей всю жизнь, всѣ ея тропинки и пути, и затѣмъ ей осталось бы только выбрать настоящую тропинку и идти по ней. Но такого мудреца на свѣтѣ она не находитъ; такой книги нѣтъ ни въ одной библіотекѣ Петербурга, потому что ее никто еще не написалъ. И вотъ Наденька отправляется снова на поиски. Но въ ней сердечный элементъ сильнѣе головнаго; кинувшись по страшному порыву въ борьбу съ прошлымъ и на поиски новаго міра, она увлеклась только внутреннимъ стремленіемъ, не сознавая ни своихъ силъ, ни препятствій, которыя ей встрѣтятся. Обстоятельства сталкиваютъ ее съ Ластовымъ. Но Ластовъ—тоже сырая сила; сердечный элементъ у него тоже преобладаетъ надъ интеллектомъ. Онъ самъ ходитъ въ потьмахъ и не въ состояніи выбраться на вѣрный путь жизни. Будь Ластовъ дѣйствительно умный человѣкъ, онъ помогъ бы Наденькѣ въ ея поискахъ; вмѣсто всякой разуаной помощи и совѣта онъ принялся декламировать съ нею Майкова и въ заключеніе всего разжегъ кровь 15—16-ти-лѣтней дѣвочки и влюбилъ ее въ себя. Влюбляя въ себя Наденьку, онъ ухитрился влюбить въ себя въ то же время швейцарку Мари, прислужницу въ гостиницѣ, въ Интерлакенѣ.

Снова конецъ *Современной идилліи;* снова *Повѣтріе.*

Въ январѣ слѣдующаго года статная, щегольски одѣтая барышня идетъ въ сопровожденіи лакея по гостиному двору. Молодой, красивый мужчина покупаетъ тамъ же апельсины.—М-г Ластовъ! — Наденька!—Послѣ перваго восторга свиданія, Наденька сообщаетъ Ластову, что она студентка.

— Вы студентка? — спрашиваетъ изумленный Ластовъ.

— Да, медико-хирургической академіи. Весною я окончило гимназію; осенью, по совѣту медицинскаго студента Чекмарева, поступила въ академію. За эти полгода, я думаю, вы меня просто не узнаете!

— Да, вы измѣнились...

— Возмужала, что ли?

— Н-да. Съ какой стати, скажите, вы въ очкахъ?

Еслибы Ластовъ былъ человѣкъ умный, способный быть опорой женщинѣ, да и всякому человѣку неустановившагося образа мыслей и не выработавшему себѣ принциповъ, то, конечно, онъ или не предложилъ бы подобнаго вопроса, или далъ ему иное объясненіе, какъ это узнаетъ читатель дальше.

Будь Ластовъ представителемъ интеллекта, онъ, конечно, при первомъ взглядѣ на Наденьку понялъ бы, что для нея совершенно неясна та основная идея, на защиту которой она вооружилась. — «Вы, Наденька,—сказалъ бы онъ ей,—поняли всю глубину скудоумія вашей маменьки, всю жизнь свою не знавшей другого закона, кромѣ *приличій*. Васъ возмущала пустота великосвѣтской жизни, васъ оскорбляла та жалкая роль, которую приходилось играть женщинѣ, превратившейся въ жалкую забаву мужчины. Хорошо, вы желаете быть другою. Во внѣшнемъ блескѣ великосвѣтскихъ Моничекъ вы видите все зло. Въ отвѣтъ на ихъ изысканную чистоту бѣлоснѣжныхъ рукавчиковъ и батистовыхъ воротничковъ, вы облачились въ грязное бѣлье; въ отвѣтъ на ихъ утонченную прическу, требовавшую на сооруженіе ея нѣсколько часовъ времени, вы остригли волосы въ кружокъ и причесываете ихъ въ двѣ минуты; въ отвѣтъ на ихъ бархатныя и шелковыя платья, украшенныя дымкой и кружевами, вы облачились въ скромныя одежды скромныхъ матерій и цвѣтовъ; въ отвѣтъ на ихъ деревянныя физіономіи, сіяющія глупостью, суетностью и тщеславіемъ, вы придали своему лицу глубокомысленное выраженіе и надѣли очки, потому что они придаютъ лицу видъ болѣе серьезный и сосре-

доточенный. Но знаете ли вы, что протестъ, выражающійся въ подобномъ внѣшнемъ формализмѣ, силенъ только внутреннимъ содержаніемъ? Знаете ли вы, что одними очками нельзя сообщить человѣку сосредоточенности, если этой сосредоточенности нѣтъ въ его умѣ? Знаете ли вы, что дѣйствительная сила сильна сама собой, и внѣшняя форма не составляетъ для нея существенную часть ея содержанія. Имѣйте настолько ума и энергіи, чтобы понимать жизнь, ясно представлять себѣ цѣль своихъ стремленій и твердо, неуклонно идти къ нимъ,— короче, будьте дѣйствительной силой, и вамъ не будутъ нужны ни грязное бѣлье, ни платья скромныхъ цвѣтовъ и матерій, ни стриженные волосы, ни очки, чтобы явиться протестанткой стараго начала. Поймите, что сила—всегда сила. Вы только потому и прибѣгаете ко внѣшней формѣ, что чувствуете собственную безсодержательность, внутреннее безсиліе. Знаете ли вы тѣхъ, кого вы считаете своими духовными отцами? Ихъ сила была въ умѣ, ихъ сила была въ энергіи характера, въ послѣдовательности, въ неуклонности поступковъ, въ полномъ согласіи слова съ дѣломъ. А что дѣлаете вы? Выработали ли вы себѣ твердое міровоззрѣніе и ясный принципъ? Нѣтъ. Я знаю, что ваши намѣренія честны, и стремленія благонамѣренны. Но для меня всего этого еще мало. И ваша маменька имѣетъ честныя намѣренія, и она желаетъ вамъ блага; но что толку въ ея желаніи, когда, пустивъ васъ на всѣ четыре стороны, она подготовитъ вамъ цѣлый рядъ страданій и конецъ, котораго, быть можетъ, вы вовсе не ожидаете. Я менѣе, чѣмъ кто либо, стану осуждать васъ, ибо въ васъ дѣйствуетъ фанатическая сила; съ исторической точки зрѣнія вы изображаете собою переходный моментъ къ чему-то другому, въ васъ проявляется первый зародышъ практическаго осуществленія новыхъ теоретическихъ воззрѣній, и при всемъ томъ вы отдались формѣ больше, чѣмъ сущности, потому что по вашимъ способностямъ для васъ болѣе доступна новая форма, чѣмъ новая мысль. Вмѣсто того, чтобы подобною рѣчью подѣйствовать на Наденьку, Ластовъ понесъ чепуху, которую можно было ожидать только отъ Куницына. Мы, мужчины,— говорилъ Ластовъ,—носимъ короткіе волосы, потому что они, при нашихъ угловатыхъ чертахъ, намъ къ лицу. Вамъ же, женщинамъ, при округлыхъ, мягкихъ формахъ вашего тѣла, необходимы и волнистыя косы. Лицо мужчины не имѣетъ претензій на красоту, оно должно выражать умъ, силу; въ лицѣ же женщины правильность чертъ, миловидность ихъ, нѣжность кожи—словомъ, красота—главное.—Милосердый Боже, отпусти ему грѣхъ его тупоумія, да прости, кстати, и автору *Повѣтрія*, желающему изобразить въ Ластовѣ назидательный типъ для русскаго юношества, какъ примѣръ ума и честности.

На назидательное разсужденіе Ластова, Наденька отвѣчала:

— Вотъ какъ! но я не гонюсь за красотой.

— Напрасно, все, что красиво—хорошо.

— Софизмъ! Все, что полезно—хорошо.

— А! такъ и вы затянули эту пѣсню?

— Затянула, и т. д.

Ну, не несчастье ли Наденьки, что судьба столкнула ее съ такимъ мудрецомъ! И этотъ жалкій мудрецъ, по плану повѣствователя, долженъ изображать изъ себя стихійную силу, располагающую судьбой людей, изображаемыхъ г. Авенаріусомъ для назиданія русскаго человѣчества. Ну, гдѣ же видано, чтобы идіоты располагали судьбой человѣчества, и гдѣ же слыхано, чтобы такіе писаки, какъ г. Авенаріусъ, понимали духъ своего времени?

Располагатель судебъ, какъ извѣстно читателю, влюбилъ въ себѣ швейцарку Мари. Дѣвушка рѣшилась даже ѣхать въ Петербургъ, думая тамъ случайно видѣть милаго ей человѣка. Сначала Мари пріютилась у земляка-кондитера, а потомъ поступила въ горничныя къ Липецкимъ. Здѣсь-то Ластовъ увидѣлъ ее снова. По своей сердечной, легко увлекающейся натурѣ, Ластовъ ухитрился любить въ одно время и Наденьку, и Мари. Онъ любилъ обыкновенно ту, къ которой сидѣлъ ближе. Наденька, подслушавшая разговоръ Ластова съ Мари, начала ревновать и стала обращаться пренебрежительно со швейцаркой. Швейцарка поняла, что ее выживаютъ изъ дому; но куда ей дѣться? Ластовъ меня любитъ,—подумала швейцарка и пошла къ нему искать крова и покровительства. Мари хотѣла, чтобы Ластовъ взялъ ее въ кухарки, но ему кухарка была не нужна. Онъ порѣшилъ, что Мари наймётъ себѣ комнатку, займется шитьемъ, а онъ тѣмъ временемъ постарается пріискать ей мѣсто. Все это было придумано, конечно, хорошо; но уже Ластовъ былъ такой человѣкъ, что онъ думалъ такъ, а поступалъ иначе. Когда въ домѣ всѣ улеглись... ну, да чего тутъ разказывать, Мари поселилась у Ластова.

Въ одно прекрасное утро Анна Никитишна, хозяйка Ластова, вызываетъ его съ таинственностью въ переднюю. Ластовъ вышелъ: передъ нимъ стояла Наденька. Она знала все: «живите счастливо и привыкайте поскорѣе къ бархатному башмачку вашей... гражданской!»—были послѣднія слова Наденьки. Съ отчаянія Наденька бросилась къ Чекмареву. Бѣдная сильно страдала. Ей хотѣлось выговориться, хотѣлось найти утѣшеніе.— Скажите, Чекмаревъ, какъ вы думаете, можетъ ли мужчина, вполнѣ образованный, полюбить плебейку?—спрашиваетъ его Наденька.—Да что вы понимаете подъ любовью? тогенбургское воздыханіе къ дѣвѣ неземной?—отвѣчалъ Чекмаревъ.—Да, безграничную преданность, ненарушимое согласіе въ помыслахъ, чувствахъ...—Экую штуку сказали!— возражаетъ Чекмаревъ.—Да какой же разумный человѣкъ любитъ еще этою безцѣльною, рыцарскою, мѣщанскою любовью?.. Натуральный бракъ, вотъ бракъ настоящій, единственный предписанный намъ природой. Понравились другъ другу— сошлись, пріѣлись — разошлись... Натуральный бракъ,—разглагольствовалъ Чекмаревъ,—самъ по себѣ вещь очень раціональная, и еслибы, напримѣръ, въ васъ было достаточно энергіи и само-

стоятельности... И Чекмаревъ съ назойливой довѣрчивостью взялъ Наденьку за руку. Дѣвушка вздрогнула и повернулась къ нему лицомъ. Сквозь свѣтлыя потемки лѣтней ночи ему было видно, что черты ея разстроены и блѣдны, что глаза ея полны слезъ.

— Уйдите вы, уйдите отъ меня...—менѣе съ испугомъ, чѣмъ съ невыразимою грустью пролепетала она, высвобождая руку. — Нѣтъ, не шутя, Липецкая,—убѣдительно продолжалъ Чекмаревъ.— Чѣмъ поддерживается вселенная, какъ не магнитическимъ тяготѣніемъ другъ къ другу разнородныхъ элементовъ... Неужели человѣку, высшему существу въ органическомъ мірѣ, идти въ разрѣзъ съ законами природы? Нѣтъ, съ достиженіемъ имъ возмужалости, натуральный бракъ есть для него, можно сказать, даже святая обязанность. На что же и жизнь, какъ не для того, чтобы пользоваться ею? Ну, всѣ здравомыслящіе и пользуются...

— Всѣ, всѣ? и *они?*

— И я, и ты, и онъ, и мы, и вы, и они.

Судорожная дрожь пробѣжала по членамъ дѣвушки, и, рыдая, кинулась она на шею краснорѣчиваго натурфилософа.

— Я ваша...

— Какъ? серьезно?

— Цѣлуй меня, голубь меня, Левъ, ненаглядный ты мой!

— Мое имя не Левъ.

— Ахъ, не разочаровывайте... Левъ, жизнь ты моя!

Такіе люди, какъ Чекмаревъ, были всегда на свѣтѣ. Это не Донъ-Жуанъ, не Ловеласъ, даже не свѣтскій волокита; это просто грубая, деревянная натура, киргизъ по чувствамъ и мыслямъ. Чекмаревъ нисколько не продуктъ своего времени, напротивъ того—это одинъ изъ послѣднихъ могикановъ той блаженной старины, когда на женщину смотрѣли, какъ на забаву мужчины, когда кадеты, гимназисты, студенты, армейскіе офицеры, землемѣры щеголяли цинизмомъ Баркова, и когда лирическія произведенія, драмы, комедіи и романсы составляли единственный источникъ духовнаго наслажденія и единственную литературу русской молодежи извѣстнаго развитія. И съ такимъ-то господиномъ Наденька сводитъ знакомство, и нѣтъ подлѣ нея человѣка, который могъ бы ей объяснить, что ей, глиняному горшку, не приходится плыть вмѣстѣ съ этимъ чугуномъ. Сама понять этого Наденька не могла, иначе она бы давно покинула студентскія сходки у Чекмарева съ ихъ пустыми, безсмысленными словоизверженіями. Наденька обманывала себя, воображая, что она живетъ жизнью мысли. Она вся была чувство и жила только чувствомъ. Начавъ влюбляться съ 15 лѣтъ, она забросила дѣйствительную умственную жизнь; порывы, порывы—вотъ единственная сила, которую она знала и которой повиновалась. Тотъ же безумный порывъ толкнулъ ее на отчаянный поступокъ. Кидаясь въ объятія Чекмарева, она поступила также, какъ другія женщины, кидающіяся съ отчаянія въ воду. Конечно, жаль дѣвочки; но, тѣмъ не менѣе, поступокъ ея есть фактъ сердечной и умственной убогости, точно также, какъ и поступокъ Чекмарева, не бывшаго въ состояніи понять мерзости, на которую онъ отваживается. Разница между Наденькой и Чекмаревымъ только въ томъ, что одна—тупость расплывающаяся, кисельная, другая—деревянная. Трудно покажется только одно—какую роль во всемъ этотъ играетъ *повѣтріе*? Или обманутая любовь, разочарованіе—явленія, неизвѣстныя міру, и Россія познакомилась съ ними только послѣ крымской войны? Ахъ, нѣтъ,—обманутая любовь всегда существовала на свѣтѣ, и романисты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ написали миріады томовъ на эту тему. Ну, такъ въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что прежде обманутыя дѣвушки или кидались въ воду, или шли въ монахини, или просто умирали въ чахоткѣ; а послѣ крымской войны онѣ въ подобныхъ положеніяхъ выискиваютъ какого нибудь Чекмарева и кидаются въ объятія его. О г. Авенаріусъ, вѣдь это называется попасть пальцемъ въ небо! Повѣтріе предполагаетъ повальность явленія, а если одна заблудившаяся овца попадетъ на зубы волку, то едва ли разсудительно поднимать тревогу и кричать на весь міръ, что волки съѣли всѣхъ овецъ.

Чтобы убѣдить читателя окончательно, что Чекмаревъ—вовсе не произведеніе повѣтрія, а просто одинъ изъ послѣднихъ могикановъ грубости, неразвитости, цинизма, только прикрывшійся фразами извѣстнаго цвѣта, я сообщу читателю коротко его дальнѣйшія похожденія.

Наденька сдѣлалась беременна. Не зная, что ей дѣлать, она обратилась за совѣтами къ Чекмареву. Вотъ его отвѣтъ: «Нечего, я думаю, говорить вамъ, Липецкая, что новость ваша нимало меня не обрадовала. Угораздило же вашу природу такъ поторопиться! Чтобы и ей, и бабушкѣ ея, и теткѣ, если есть такая, пусто было! Ну, да жалобами дѣла не поправишь, фактъ существуетъ; спрашивается только: какъ вы полагаете извернуться изъ него?» Выдавая себя за одного изъ представителей молодого поколѣнія, Чекмаревъ совѣтуетъ Наденькѣ отдать ребенка въ воспитательный домъ. Письмо свое Чекмаревъ кончаетъ такъ: «Едва ли стоитъ прибавлять, что сдѣлка наша останется между нами; вы хоть и молоды, а настолько развиты, что не станете мечтать о связи официальной. Отъ натуральнаго же брака я непрочь; такъ, значитъ, и знайте. Не послѣдуетъ же сейчасъ повтореніе бенефиса!..»

Перемѣна, происшедшая съ Наденькой, была уже слишкомъ замѣтна. Былъ сдѣланъ домашній допросъ, послѣдовало сознаніе, и отецъ Наденьки, желая спасти свое имя отъ позора, задумалъ женить Наденьку съ Чекмаревымъ. Чекмаревъ былъ приглашенъ для переговоровъ. Кто именно держалъ себя на этихъ переговорахъ глупѣе—тайный совѣтникъ Липецкій или студентъ Чекмаревъ,—рѣшить трудно. Бесѣда съ самаго начала приняла характеръ площадной перебранки, и когда Липецкій, задѣтый грубой выходкой Чекмарева, крикнулъ на него:—Дерзкій молодой человѣкъ! худо вамъ бу-

детъ! я могу вамъ напакостить, на всю жизнь напакостить! — то Чекмаревъ отвѣтилъ ему такъ: «Пакостите, если васъ хватитъ на это. Каши, во всякомъ случаѣ, намъ съ вами, видно, не сварить. Одно лишь считаю не излишнимъ замѣтить вамъ на прощанье: вы, можетъ быть, воображаете, что я лѣвой ногой сморкаюсь? Разувѣрьтесь. Я не изъ тѣхъ, что добровольно подставляютъ спину, я и самъ надѣленъ отъ природы кулачищами предобрыми, и скажу вамъ, что въ дѣло пускать ихъ умѣю. Если вы поэтому судебными путями вздумали бы преслѣдовать меня, то я отрекусь отъ всего: знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю, не признался же я до сихъ поръ ни въ чемъ и вамъ! А то и того чище: попрошу кое-кого изъ друзей закадычныхъ показать, что дочка ваша навѣщала и ихъ: я выйду изъ воды, выражаясь съ поэтами, сухъ и чистъ, какъ голубица, дочка же ваша — сомнѣваюсь. За вами выборъ».

До сихъ поръ мы знали Чекмарева, какъ грубаго, неотесаннаго дурака, но чтобы высказать подобныя угрозы—нужно быть негодяемъ. И г. Авенаріусъ называетъ это *повѣтріемъ*; онъ величаетъ Чекмарева однимъ изъ представителей молодого поколѣнія. Все говорить можно; но всему есть мѣра, и я не думаю, чтобы повальными обвиненіями цѣлаго поколѣнія въ негодяйствѣ авторъ доказывалъ свое здравомысліе и превосходство надъ Чекмаревымъ.

Вотъ отвѣтъ Наденьки:—Нѣтъ, папа... оставьте... я не хочу выходить за такого человѣка... лучше всякій позоръ, чѣмъ быть женою подл... Но отецъ рѣшительно настаивалъ на бракѣ; а когда Наденька также рѣшительно сказала, что Чекмаревъ никогда не будетъ ея мужемъ, то отецъ, позвавъ лакея отдалъ ему такое приказаніе:—Выведи отсюда эту женщину.

О достойные родители! Не вы ли вели свою дочь путемъ легкомыслія съ перваго дня ея рожденія и ее же бѣдную выгоняете изъ дому за свою родительскую вину! Еслибы у г. Авенаріуса не было предвзятой идеи, то, конечно, онъ не сочинилъ бы такого чудовищнаго факта, чудовищнаго не по существу — мало ли на свѣтѣ глупыхъ родителей, легкомысленныхъ Наденекъ и готтентотовъ — Чекмаревыхъ; но возводить ихъ въ типъ, созданный будто новымъ временемъ, бросать ими въ лицо, какъ грязью, новому поколѣнію, обобщать случайность,—для этого нужно быть сродни своимъ героямъ и обладать порядочной дозой беззастѣнчивости. Во всемъ, что говоритъ г. Авенаріусъ, пожалуй, нѣтъ лжи: психологически рисуемые имъ характеры вѣрны; но ошибочна вся постановка вопроса, ошибочна клевета, которую авторъ взводитъ на людей неповинныхъ; ошибка въ его неспособности возвыситься до общихъ идей, понять связь причинъ и послѣдствій, оцѣнить вѣрно тѣ и другія, прослѣдить цѣпь человѣческой жизни отъ начала до конца, такъ сказать, выворотить душу своихъ героевъ и добытую правду разложить передъ глазами читателя. Кто неспособенъ на подобную работу, того не спасетъ ширина замысла, грандіозность плана, претензія спасти человѣчество отъ заблужденій и вывести его на вѣрный путь жизни. Вмѣсто нравоучительнаго романа выйдетъ пасквиль, вмѣсто паренія въ высшихъ предѣлахъ міровой морали—позорный шлепокъ въ болото.

Наденька бросилась въ Неву. Впрочемъ, ее, т. е. Наденьку, вытащили, и она поступила въ сестры милосердія.

V.

Есть у г. Авенаріуса еще одинъ герой—личность наиболѣе драматическая, для которой однако авторъ поскупился красками.

Встрѣтившись въ гостиномъ дворѣ съ Ластовымъ, Наденька пригласила его на студентскую сходку въ квартиру Чекмарева.

Въ числѣ членовъ собранія находилась дѣвушка, далеко не красивая. Орлиный, крупный носъ придавалъ лицу ея выраженіе хищности. Выдающіяся скулы и ротъ, какъ говорится, до ушей также нимало не способствовали къ смягченію этого выраженія. Зато безцвѣтные, водянистые глаза разувѣряли наблюдателя въ первомъ впечатлѣніи: они были слишкомъ апатичны для хищнаго существа. Блѣдный, вялый цвѣтъ кожи изобличалъ недоспанныя ночи. Ко всему этому, дѣвица, какъ бы сама сознавая свою непривлекательность, явно пренебрегала нарядомъ и прической, которая прикрывала до половины и безъ того невысокій лобъ ея.

Дѣвица эта называлась Бреднева. Отличаясь непривлекательнымъ лицомъ, она отличалась и соотвѣтственными умственными способностями.

Какими судьбами попала она въ общество студентовъ,—авторъ не объясняетъ, по своей непривычкѣ восходить до причинъ; но зато, съ тѣмъ большей настойчивостью, онъ усиливается сдѣлать изъ Бредневой орудіе для торжества своей предвзятой идеи.

Наденька, держащая себя на сходкѣ съ приличной развязностью, предлагаетъ обществу слѣдующій вопросъ: представьте себѣ, говоритъ она,—что нѣкій индивидуумъ не ознакомился еще съ основными истинами міра; спрашивается: слѣдуетъ ли намъ, посвященнымъ, оставлять его въ невѣдѣніи, или нѣтъ? Всѣ кричатъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Бреднева, которая и была этотъ нѣкій индивидуумъ, сочла необходимымъ протестовать: «Я еще такъ слаба въ естественныхъ наукахъ,— сказала она,—что не могу вполнѣ провѣрить тѣ факты, на которыхъ построены ваши теоріи. Факты эти могутъ только смущать меня; ничего не давая взамѣнъ, лишить меня краеугольныхъ камней теперешняго моего консервативнаго міросозерцанія, — камней, быть можетъ, изъ рыхлаго песчаника, но тѣмъ не менѣе служащихъ хоть какимъ ни на есть фундаментомъ для моихъ шаткихъ, отрывочныхъ понятій...» Говоря проще, вопросъ заключался въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Бредневой невѣрующую. Изъ дальнѣйшаго изложенія повѣсти не видно ясно, почему именно потребовалось такое вводное обстоятель-

ство. Очень можетъ быть, что авторъ хотѣлъ познакомить читателя лучше съ міровоззрѣніемъ членовъ сходки, а, можетъ, оно потребовалось для уясненія факта самоубійства Бредневой. Поколебавшись и потерявъ почву подъ ногами, могла ли Бреднева вынести мужественно удары судьбы? Хотя подобное объясненіе и правдоподобно, но съ другой стороны и Наденька, совершенно невѣрующая, прибѣгла къ тому же средству. Какъ бы то ни было, но съ перваго знакомства съ Бредневой мы узнаемъ два факта: первый, что она безобразна и неопрятна, второй, что она воспитана въ религіозныхъ понятіяхъ, и что ее хотятъ насильно сдѣлать невѣрующей. Третій фактъ, что Бреднева—студентъ медико-хирургической академіи, но академическій курсъ для нея труденъ, потому что она слаба въ естественныхъ наукахъ, и вотъ она проситъ Ластова давать ей уроки.

Г. Авенаріусъ старается съ особенною любовью показать читателю, что Бреднева — непроходимая тупица: На первомъ урокѣ она просила Ластова проэкзаменовать себя. — Извольте, — отвѣчаетъ Ластовъ.—Скажите мнѣ исключеніе мужескаго рода на es?

— Мужескаго на es суть palumbes и vepres.

— А «лѣсъ»?—спрашиваетъ Ластовъ. И Бреднева становится втупикъ, не умѣя сообразить, что «лѣсъ»—слово русское.

— Когда начались крестовые походы?—спрашиваетъ далѣе Ластовъ. — Первый крестовый походъ былъ отъ 1096 до 1099 года,—отвѣчаетъ Бреднева.

— Такъ; но *до* или *послѣ* Рождества Христова?—Бреднева опять стала втупикъ.—Ахъ, какая я безтолковая! вотъ вамъ наше женское воспитаніе! Въ эту минуту я, кажется, не въ состояніи даже сказать вамъ, кто прежде царствовалъ: Александръ Македонскій или Александръ Великій?

Сострадательная улыбка появилась на губахъ учителя.

Но эта же самая неприглядная Бреднева, когда Ластовъ началъ учить ее, слушала его съ притаеннымъ дыханіемъ, боясь проронить слово. Лицо ея зарумянилось, глаза увлажнились; «отблескъ вдохновенной лекціи натуралиста-поэта упалъ на непривлекательныя черты ея и сдѣлалъ ихъ почти миловидными».

Только послѣ лекціи Ластовъ разсмотрѣлъ комнату Бредневой. Надъ ея кроватью висѣли портреты Г., Добролюбова и Ч. На верхнихъ полкахъ этажерки лежали непереплетенные, растрепанные и засаленные нумера «*Современника*» и «*Русскаго Слова*». Ниже были разставлены въ безпорядкѣ отдѣльные томы сочиненій Бюхнера, Фогта, одна часть исторіи Маколея, какой-то романъ Жоржъ Занда, Théorie des quatre mouvements Фурье.

Первому посѣщенію Ластовымъ Бредневой и первой его лекціи посвящена IV глава повѣсти; затѣмъ до X главы о Бредневой не говорится ни слова. Въ X главѣ Бреднева является къ Ластову вмѣстѣ съ Наденькой и объявляетъ ему сухо, что рѣшилась бросить свои занятія. Что, какъ и почему?—неизвѣстно. Правда, она прибавляетъ потомъ, что, слушая своего учителя, она впивалась въ него глазами, точно хотѣла проглотить его. «Но что толку? Хоть убейте—ни словечка не пойму. Особенно теперь, какъ принялась за химію, словно туманъ какой нашелъ. Я, первая ученица гимназіи, не могу понять самыхъ элементарныхъ вещей—хорошо, значитъ, развивали. Приходится окончательно отказаться отъ научнаго поприща».

— А что ты ничего не скажешь про свою ассоціацію?—замѣтила Наденька.

— Да, я основываю библіотеку на акціяхъ,—сказала Бреднева.—Библіотека эта будетъ не обыкновенная, а народная, для бѣднаго рабочаго класса, проживающаго именно въ нашихъ краяхъ. Въ этомъ-то и вся польза ея. Пролетаріи наши не въ состояніи абонироваться у Вольфа, Исакова или выписывать газеты, журналы. А тутъ, за плату какой нибудь копейки въ день, они будутъ имѣть возможность читать, сколько душѣ угодно; развѣ не выгодно? Ахъ, Левъ Ильичъ, еслибъ вы знали, какъ я довольна! Наконецъ-то я буду приносить пользу.

До XIX главы опять о Бредневой ни слова. Въ этой главѣ авторъ *Повѣтрія* заставляетъ ее, Бредневу, писать духовное завѣщаніе. Оказывается, что въ наукахъ она отчаялась достичь чего либо; занявшись переводами, она увидѣла, что русской фразы толково связать не умѣла; устроивъ затѣмъ читальню для народа, она пріобрѣла для нея Иліаду, Одиссею, Міръ Божій Разина, басни Крылова, хрестоматію Галахова и т. п., но простой народъ книгъ этихъ читать не хотѣлъ. «На роду мнѣ, видно, написано не имѣть возможности приносить пользу ближнимъ: куда ни кину—все клинъ..—пишетъ Бреднева.—Теперь я умираю; что бы тамъ ни ожидало меня—все же оно будетъ не хуже здѣшняго бытія».

Вмѣстѣ съ Наденькой бросилась Бреднева въ Неву, но и тутъ ей не повезло. Наденьку вытащили живой, Бредневу—трупомъ. «Шабашъ: какъ есть дерево; Господь да успокой ея грѣшную душу!» сказали лодочники, вытащившіе мертвеца.

Бреднева въ *Современной идилліи* не дѣйствуетъ; она является въ *Повѣтріи*, слѣдовательно, нужно полагать, что она, по преимуществу, есть произведеніе повѣтрія, что въ ней вся суть и горечь заблужденій русской молодежи, что она именно тотъ зловредный типъ, отъ котораго намъ слѣдуетъ спастись во что бы то ни стало, если намъ только дорогъ прогрессъ, если намъ дорого наше общественное счастіе и благополучіе. И нельзя сказать, чтобы г. Авенаріусъ не имѣлъ подобнаго замысла, но, къ сожалѣнію, авторъ доказалъ и показалъ не то, чего ему хотѣлось,—онъ показалъ свое безсиліе, свою непослѣдовательность и больше ничего.

Еслибы обращать вниманіе только на драматизмъ положенія Бредневой, то нельзя не питать къ ней полнѣйшаго сочувствія. Печальна жизнь человѣка, не знающаго ничего, кромѣ разочарованій и неудачъ, ищущаго успокоенія въ самоубійствѣ. Но есть еще и другая точка зрѣнія, единственно правильная въ настоящемъ случаѣ. Что такое Бреднева?—

неудавшійся, неспособный человѣкъ, всю жизнь бравшійся не за свое дѣло. Она берется за медицину, не зная азбуки естественныхъ наукъ; она принимается за бухгалтерію, не умѣя считать; она кидается на переводы, не умѣя связать двухъ словъ; наконецъ, она устраиваетъ народную читальню и удивляется, что русскіе мужики не хотятъ читать Иліаду, Одиссею и хрестоматію Галахова. Желаніе приносить пользу ближнему—очень похвальное желаніе, но одного желанія еще мало; изъ любви къ человѣчеству, Бреднева могла бы проникнуться желаніемъ изобрѣсти новое, дешевое питательное вещество, которое устранило бы навѣки бѣдствіе неурожаевъ и голодъ, и подобное благородное желаніе было бы не болѣе, какъ безумiемъ. И у Донъ-Кихота были очень гуманныя и чѣстныя стремленія; но что же изъ этого? Каждый разсудительный человѣкъ сказалъ бы Бредневой: «милая барышня, то, за что вы беретесь, вовсе не вашего ума дѣло: вяжите-ка лучше чулки». Затѣмъ лично съ Бредневой намъ больше дѣлать нечего; теперь мы обратимся къ автору этого типа неудавшагося безсилія.

У г. Авенаріуса былъ несомнѣнный умыселъ призадѣть Добролюбова, Фурье, Бюхнера, Жоржъ-Зандъ и проч. Конечно, бумага терпѣливѣе логики. Но спросимте, читатели, г. автора *Повѣтрія*, считаетъ ли онъ Добролюбова, Фурье, Бюхнера и т. д. дураками; гдѣ онъ нашелъ, чтобы они проповѣдывали кисельность, малодушіе, умственное безсиліе, чтобы они учили браться не за свое дѣло. Оставляя въ сторонѣ политическія убѣжденія этихъ людей, убѣжденія, нерѣдко самыя противоположныя—напримѣръ, Фурье былъ ярый врагъ всякой революціи—спросимте того же автора, хотѣли ли они сдѣлать людей счастливыми или несчастными, просвѣтить ихъ понятія или запутать? Г. Авенаріусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что изобразилъ Бредневу безобразной и тупой. Иначе сказать, перечисленныхъ выше зловредныхъ авторовъ могли понимать только умные люди, а у глупыхъ кружилась голова, возникалъ въ мозгу туманъ, и затѣмъ имъ не оставалось другого средства распутаться съ жизнью, какъ самоубійство. Драматично, но невѣрно. Когда Бентамъ изложилъ свою теорію утилитаризма, то неразумные послѣдователи его придумали слѣдующій афоризмъ: если ты идешь по жердочкѣ черезъ рѣку, и навстрѣчу тебѣ идетъ другой человѣкъ, то спихни его, ибо иначе онъ спихнетъ тебя; когда Мальтусъ сказалъ, что для предупрежденія голодной смерти человѣчеству не слѣдуетъ размножаться излишне, то ярые его послѣдователи начали проповѣдывать проституцію и дѣтоубійство. Такимъ образомъ, если мы захотимъ раскапывать всю чушь, какую выводятъ глупые люди изъ словъ умныхъ людей, то придемъ не къ исторіи человѣчества, а къ исторіи сумасшедшихъ домовъ, не къ исторіи прогресса, а—регресса. Печальна судьба автора, берущагося за такое дѣло; а еще печальнѣе, если, задавшись невѣрной мыслью, онъ вздумаетъ изобразить лоретку, недопеченнаго юнца, неудавшуюся дѣвушку и безобразную тупицу, и съ самоувѣренностью непогрѣшимаго мудреца и наставника человѣчества провозглашаетъ: вотъ плоды вашихъ прогрессивныхъ стремленій, вашихъ новыхъ знаній! Такое благодушіе совершенно равносильно стремленію Бредневой, которая изъ желанія принести человѣчеству пользу вздумала предлагать петербургскимъ извозчикамъ и дворникамъ Одиссею, Иліаду и хрестоматію Галахова. Давно извѣстно, что для глупцовъ законъ не писанъ, что палка о двухъ концахъ, что нѣтъ добра безъ зла. И Нева течетъ не для того, чтобы въ ней топиться, и ножи придуманы не для того, чтобы рѣзаться, и фосфорныя спички не для того, чтобы поджигать города и деревни. Разсудительно ли изъ-за одного утопленничества и одного поджога предавать проклятію воду и огонь?

Чтобы не дать г. Авенаріусу повода подозрѣвать меня въ пристрастіи, я готовъ на уступку, и даже при ней его авторская непослѣдовательность будетъ не менѣе очевидна. Допустимъ, что *повѣтріе* было въ дѣйствительности; но изъ того, что Бреднева не была въ состояніи заниматься медициной, думаете ли вы, что русская женщина вообще неспособна ни къ какому серьезному труду и не можетъ быть медикомъ? Изъ того, что петербурскіе дворники не хотѣли читать хрестоматіи Галахова, думаете ли вы, что простолюдинъ нашъ вообще не чувствуетъ потребности грамоты и не желаетъ читать ничего? Изъ того, что Бреднева не была въ состояніи переводить и работать въ купеческой конторѣ, думаете ли вы, что подобными дѣлами вообще не въ состояніи заниматься русская женщина? Думаете ли вы, наконецъ, что, послѣ смерти Бредневой и поступленія Наденьки въ сестры милосердія, вымерло въ Россіи все молодое, и нѣтъ у насъ ни новой жизни, ни новыхъ людей? Оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ; прожитое не повторяется; будемте смотрѣть впередъ и наблюдать новую жизнь.

Вы говорите, что *повѣтріе* кончилось въ 1863 году; превосходно! Зачѣмъ же вы пишете о немъ книгу въ 450 страницъ въ 1867 году? Вѣдь ужъ Бреднева утонула; другихъ Бредневыхъ, какъ вы сами говорите, теперь нѣтъ; кого же вы хотите спасать, съ какимъ врагомъ вы боретесь? Соболѣзнуя о Моничкахъ, о всякомъ легкомыслiи и безсиліи, о прошломъ невозвратномъ, вы закрываете глаза отъ настоящаго, вы даже и не подозрѣваете, что новый человѣкъ никогда не исчезалъ, и энергія его никогда не упадала. Правда, въ русской литературѣ еще не нашлось ни одного писателя, который сумѣлъ бы обрисовать новый типъ, показать свѣжую русскую силу въ ея идеалѣ; идетъ эта сила все впередъ и впередъ, а наши окаменѣвшіе романисты-повѣствователи, эти литературные типы русскаго безсилія, толкуютъ все о царѣ-горохѣ. Въ заключеніе мы обѣщаемъ г. Авенаріусу не касаться его никогда, если онъ ограничится, въ своей навозной кучѣ, изображеніемъ однихъ клубничныхъ сценъ; пусть удобряетъ ими журналъ г. Хана, сколько его душѣ угодно, но не берется порѣшать такіе вопросы, которые не легко укладываются въ головѣ и не такихъ людей, какъ г. Авенаріусъ.

НАРОДНЫЙ РЕАЛИЗМЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова, 2 части. Спб. 1869. Подлиповцы.—Этнографическій очеркъ. Спб. 2 ч. 1870. Гдѣ лучше?—Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1870. Свой хлѣбъ.—Романъ въ 2-хъ частяхъ Ѳ. Рѣшетникова. Спб. 1870).

I.

Умеръ Рѣшетниковъ. Зная жизнь его, нельзя говорить о его произведеніяхъ съ холоднымъ безпристрастіемъ министерскаго доклада. Предъ нами изстрадавшійся человѣкъ...

Чтобы понять Рѣшетникова, нужно знать его жизнь и нужно знать исторію общества, его создавшаго. Въ Рѣшетниковѣ нѣтъ ничего, что напоминало бы русскую литературу предшествовавшаго періода. Въ сочиненіяхъ Рѣшетникова все иное, все не такъ: не тотъ міръ, не тѣ люди, не тотъ языкъ, не та жизнь, не тѣ радости, даже не то горе и не тѣ интересы. Точно путешествуешь въ новой, незнакомой части свѣта, въ какой нибудь Океаніи. Даже Петербургъ перестаетъ быть сѣверной Пальмирой и становится неизвѣстнымъ, вновь открытымъ городомъ.

Читая Рѣшетникова и читая Тургенева, Гончарова, Писемскаго и другихъ беллетристовъ той же школы, чувствуешь два несогласимыхъ противорѣчія, двѣ неподходящія и несмѣшивающіяся среды, двѣ ни въ чемъ непохожія жизни. Щемитъ васъ и Тургеневъ, щемитъ и Рѣшетниковъ; но щемленье не походитъ одно на другое. Прочитаешь Рѣшетникова, и становится стыдно, что могъ жить страданіями, живущими въ «дворянскихъ гнѣздахъ», какъ становится стыдно ѣсть бѣлый хлѣбъ, когда у сосѣда нѣтъ и чернаго.

Г. Тургеневъ сказалъ, что у Рѣшетникова «трезвая правда». Нѣтъ, у Рѣшетникова не то. И у всѣхъ «правда». У Писемскаго тоже «трезвая правда», да и у кого ея нѣтъ? Рѣшетниковъ выдѣляется изъ другихъ не тѣмъ, что у него «трезвая правда», а тѣмъ, что эта правда, точно скорбная лѣтопись, подавляетъ васъ безпредѣльностью горя,—горя повсюднаго, безконечнаго, неисходнаго. Вѣчная заунывность, монотонность страданія, вѣчное исканіе «гдѣ лучше», муравьиная борьба за существованіе, простота разсказа, смѣхъ сквозь слезы—и въ то же время вѣчныя слезы, необыкновенная и искренняя сердечная теплота, любовь къ страдающему бѣдняку и темному невѣжественному человѣку,—не напускная, не сверху внизъ, а выжатая, выстраданная — вотъ что дорого въ Рѣшетниковѣ. Сказать о Рѣшетниковѣ, что у него «трезвая правда»,—значитъ ставить его въ объективное отношеніе къ той жизни, лѣтописцемъ которой онъ явился. Между тѣмъ Рѣшетниковъ носилъ эту жизнь въ себѣ, какъ носилъ въ себѣ русскій міръ, жилъ имъ и въ немъ, и, когда нужно было говорить объ этомъ мірѣ, онъ только бралъ пережитое изъ себя и не творилъ, не измышлялъ, не сочинялъ,—а просто разсказывалъ то, что самъ перечувствовалъ, перестрадалъ, вынесъ и видѣлъ. Тутъ, если хотите, не процессъ творческаго измышленія, а сама жизнь. Будетъ точнѣе, если мы скажемъ, что Рѣшетниковъ говоритъ не «трезвую правду», а «новую правду», ибо прежняя литература ловила только «старую» правду. Эту новую правду слѣдуетъ назвать народно-реальнымъ направленіемъ въ нашей литературѣ въ отличіе его отъ стараго—аристократическаго или идеально-реальнаго.

Русскій литературный идеализмъ ведетъ свое начало давно. Онъ выросъ въ верхнихъ слояхъ русскаго общества, среди обезпеченнаго довольства, черпая свое вдохновеніе не изъ русской жизни и не изъ русской почвы. О русскихъ литературныхъ попыткахъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія говорить не стоитъ. И жизнь высшаго общества, и литература были сколкомъ чужаго, лоснящимся только сверху.

Когда явился Пушкинъ и заговорилъ своей простой русской живой рѣчью и о русскихъ, образованная Россія увидѣла въ немъ свое восходящее солнце, а историки русской литературы назвали это время «пушкинскимъ періодомъ». Послѣ «пушкинскаго» явился періодъ «гоголевскій», потомъ царствовалъ Тургеневъ,—и всѣхъ ихъ смѣнило на нашихъ глазахъ другое поколѣніе, другая умственная сила, предъ которой умолкаютъ и стоятъ въ тѣни и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Гоголь, и Тургеневъ, и Гончаровъ, и Писемскій. То старая крѣпостная и барская Россія уступаетъ свою дорогу новой Россіи.

Люди литературнаго труда—лучшая интеллигенція страны. Они всегда стоятъ во главѣ умственнаго движенія, они—его свѣточи и руководители. Такимъ былъ и Пушкинъ, обратившійся первый къ русской жизни и бравшій изъ нея матеріалъ для своего творчества. Это обращеніе къ русской жизни и кладетъ на произведенія Пушкина печать народности. Но народность того времени была народностью аристократическою. Татьяны, Онѣгины, Печорины — все это сливки общества. Сливки жили своею жизнью. Для нихъ были гимназіи, университеты, академіи, гвардія; они пользовались жизнью, украшенною разными утонченными наслажденіями

и большимъ досугомъ, позволявшимъ культивировать въ себѣ разныя идеальныя стремленія, мечты и порывы. Пушкинъ, обратившійся къ русскимъ сюжетамъ, показалъ всю пустоту этой жизни, можетъ быть, и самъ недостаточно понимая ея ничтожность и дрянность. Поэтому-то Татьяна и Онѣгинъ, взятые Пушкинымъ изъ жизни, въ то же время являются и героями, идеальными образцами, дѣйствительностью, профильтрованною черезъ поэтическое творчество, черезъ тогдашнее передовое русское міровоззрѣніе.

Онѣгинъ, переродившійся въ Печорина,—еще образнѣе и идеальнѣе, но зато и патологичнѣе, потому что рѣшительно не знаетъ, куда пристроить ему свои силы и стремленія. Вокругъ—пусто, рѣшительно пусто. Мысль и чувство стремятся къ дѣятельности, но гдѣ и что дѣлать? Тратятся силы на пустяки, и скучающій Печоринъ бѣжитъ, бѣжитъ, самъ не зная—куда, только чтобы успокоить жажду дѣятельности, потребность мысли и чувства.

Еще безплоднѣе праздный идеализмъ въ образѣ Рудина. Никакихъ дѣйствительныхъ жизненныхъ интересовъ, никакого полезнаго дѣла! И эта безысходная праздность, чуждая практическихъ интересовъ, наказываетъ сама себя разъѣдающей рефлексіей, исключительной, пожирающей мозговой дѣятельностью, ничѣмъ не удовлетворяющейся, ни на чемъ не успокоивающейся, не связанной ни съ чѣмъ никакими прочными солидарными узами. Рудинъ тоже бѣжитъ...

Попытка Гоголя къ реальному творчеству оказалась неудачной, потому что въ той жизни, гдѣ онъ искалъ его, истинный, здоровый реализмъ былъ невозможенъ. Оттого-то гоголевскіе типы—отрицательные образы, и все гоголевское творчество несетъ на себѣ отрицательный характеръ, особенно рѣзко обрисовавшійся у его послѣдователей — писателей натуральной школы. Гоголевскій юморъ скрашиваетъ и согрѣваетъ нѣсколько дѣйствительность; но, напримѣръ, подъ грубой рукой Писемскаго отрицательное отношеніе является чѣмъ-то подавляющимъ, глушащимъ, тяжелымъ до невыносимости. У Гоголя вы видите русскую глупость, у Писемскаго—русскую мерзость.

Но гдѣ же положительное отношеніе къ жизни? Гдѣ же живые и здоровые ростки дѣйствительности? Ихъ нѣтъ! Ихъ не далъ ни одинъ русскій беллетристъ того времени. Всѣ ихъ герои и типы—всегда отрицательные образы; это не такіе идеалы, къ которымъ люди должны стремиться, а, напротивъ, такіе, къ какимъ стремиться не слѣдуетъ. Переберите всѣхъ героевъ, начиная съ Онѣгина,—захотѣли ли бы вы быть хотя однимъ изъ нихъ? Нѣтъ. Ясно, что положительное творчество не удалось еще ни одному русскому беллетристу. А отчего? Оттого ли, что писатели не сумѣли найти идеала, или же не было для него матеріаловъ въ самой жизни? Его не было въ жизни. Вся жизнь общества была ненормальной, всѣ общественныя отношенія были искусственной путаницей соціальныхъ и экономическихъ отношеній, въ которыхъ не могла зародиться здоровая, правильная дѣятельность ни въ области мысли, создавшей Рудиныхъ, ни въ сферѣ дѣла, приводившей къ Собакевичамъ, Чичиковымъ и Ноздревымъ. Такимъ образомъ неудовлетворявшій реализмъ, съ его Чичиковыми, заставлялъ искать формулы прогресса въ идеализмѣ, а идеализмъ, въ свою очередь, приводилъ къ Рудину. Гдѣ же искать спасенія, чтобы не походить на бѣлку въ колесѣ? Но въ моментъ этого раздумья застало Россію освобожденіе крестьянъ, которое привело снова къ реализму, но на этотъ разъ иному.

Новый русскій реализмъ есть реакція прежняго привилегированнаго сословнаго идеализма; онъ есть одинъ изъ видовъ той реакціи, которая и въ самомъ идеализмѣ выдѣлила протестующихъ, недовольныхъ и ищущихъ Печориныхъ, Рудиныхъ. Но протестъ Рудиныхъ былъ протестъ пассивный, безрезультатный. Рудины сами по себѣ не значили ничего и не могли создать ничего, потому что сами въ себѣ носили свое собственное отрицаніе. Рудины—патологическій продуктъ общественнаго организма, неспособнаго производить здоровыхъ людей. Вотъ почему жизнь, вступившая на новый путь, отвернулась отъ Печориныхъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ, какъ она отвернулась отъ Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ. Разница между Собакевичами и Чичиковыми, съ одной стороны, и Рудиными, съ другой, въ томъ, что первые изображаютъ собой практическое довольство, подчиняющееся существующему факту и эксплоатирующее его въ свою пользу, Рудины же – критическое отношеніе къ тому же факту, но отношеніе, по малочисленности, а слѣдовательно—и по безсилію, не переходящее въ дѣло.

Но неужели русскій интеллектъ сошелъ на нуль? Неужели ему нѣтъ жизненной формулы? На нуль интеллектъ не сошелъ, но онъ дѣйствительно не нашелъ еще себѣ формулы. Вотъ причина, почему все мыслящее, ищущее и жаждущее недовольно современной беллетристикой. Беллетристы не виноваты здѣсь ни въ чемъ, и жаловаться на отсутствіе талантовъ—неосновательно. Въ талантѣ Тургенева, Гончарова, Писемскаго никто не сомнѣвается. Отчего же эти талантливые люди не даютъ новаго типа? Вы думаете—оттого, что они его не умѣютъ подмѣтить; но вѣдь подмѣтилъ же Тургеневъ Базарова, подмѣтилъ же Гончаровъ Марка Волохова. Новый положительный типъ не подмѣчается только потому, что онъ еще не народился въ самой жизни. Базаровскій реализмъ кончился разбродомъ мысли и пришелъ къ новому исканію. Теперь русская мысль зрѣетъ, набирается новыхъ фактовъ и провѣряетъ себя ими; положительную формулу, въ которой она выражается, можно назвать провѣркой. Наше время какъ бы повторяетъ сороковые года. Съ одной стороны, мы видимъ измѣненное и исправленное изданіе Рудина, съ другой—Чичикова, переродившагося въ Горюнова. Современныхъ беллетристовъ можно укорить только

въ одномъ,—въ безплодной попыткѣ выискать непремѣнно положительный типъ, тогда какъ передъ ними стоитъ новый размышляющій Рудинъ.

Въ то время, какъ аристократическій реализмъ, выросшій на прежней почвѣ, сказался Базаровымъ, не оставившимъ наслѣдства, — встрѣчнымъ потокомъ, снизу вверхъ, пошло новое умственное движеніе, вызванное освобожденіемъ крестьянъ. Предвѣстникомъ этого новаго направленія пытающей русской мысли нужно считать Григоровича. Правда, его «Лапотникъ»—идеалъ и французское подражаніе. Но это не ошибка; это урокъ, которымъ купился положительный опытъ. Аристократическій демократизмъ Григоровича и Марка Вовчка показалъ, что при платоническихъ отношеніяхъ къ незнакомой средѣ можно рисовать только пейзановъ, но не живыхъ людей, можно давать картинки и панораму жизни, а не самую жизнь.

Попытка Тургенева имѣетъ другой смыслъ. Его мужики—живые мужики; но г. Тургеневъ писалъ «Записки Охотника» съ предвзятой мыслью, какъ боецъ за крестьянскую свободу. Истиннаго народнаго реализма не было въ произведеніяхъ Тургенева, а въ произведеніяхъ Григоровича и другихъ—и тѣмъ болѣе. О народномъ реализмѣ никто изъ описателей простонароднаго быта не только не думалъ,—его никто изъ нихъ даже и не предчувствовалъ. Отношеніе писателей къ простому человѣку было отношеніе художественное; въ *мужикѣ* видѣли новый литературный матеріалъ, матеріалъ модный, попавшій въ запросъ. Изъ описаній оказывалось, что меньшая братія—тоже люди, умѣющіе любить, страдать, волноваться и носить въ своей душѣ такія же барскія чувства, какія культивируетъ въ господахъ обезпеченное и утонченное довольство. Мужики подъ перомъ диллетантствующихъ литературныхъ идеалистовъ превращались въ дворянъ въ зипунахъ, а бабы—въ барышень-крестьянокъ и въ горничныхъ барскихъ домовъ.

Только съ освобожденіемъ крестьянъ народный реализмъ сталъ на свои ноги, когда писателями выступили тѣ, кто могъ говорить о себѣ и за себя, а не за другихъ, какъ это было до тѣхъ поръ. Вотъ въ чемъ секретъ «трезвой правды», поразившей писателей аристократическаго идеализма, смотрѣвшихъ на народный міръ извнѣ.

Первыя попытки на новомъ пути изслѣдованія были слабы. Однѣ изъ нихъ, какъ очерки Н. Успенскаго, представляли односторонній «жанръ», и въ нихъ недоставало главнаго—народной души. Отъ этого очерки г. Успенскаго похожи больше на сатирическіе очерки, чѣмъ на положительный рисунокъ вѣрной дѣйствительности.

Въ Помяловскомъ—другая черта. Въ немъ существуетъ не своеобразная народная сила, а сила вообще прогрессивная. Его міръ—не народный міръ; онъ начинаетъ не снизу, а съ середины; онъ—не изслѣдователь, а борецъ.

Рѣшетниковъ становится на новую почву обѣими ногами и искренно, безъ ужимокъ и кривляній, относится къ дѣйствительному міру. По богатству и характеру матеріала, который затрогиваетъ и даетъ Рѣшетниковъ,—онъ первый на этомъ пути. Тѣ, кто явится послѣ,—пойдутъ за нимъ, дополнятъ матеріалъ, собранный первымъ изслѣдователемъ, —можетъ быть, лучше разсортируютъ его, дадутъ въ болѣе строгой системѣ, но не сойдутъ съ пути, на который поставилъ вопросъ Рѣшетниковъ.

Къ дѣятельности Рѣшетникова нельзя относиться ни съ предвзятой мыслью, ни съ готовой мѣркой прежняго идеализма и реализма. Рѣшетникову нельзя сказать:—вы поступили въ этомъ случаѣ такъ, а въ этомъ не такъ; кто же знаетъ, какъ слѣдуетъ поступить,—гдѣ взять глубже, гдѣ взять мельче, гдѣ взять больше, гдѣ взять меньше? Рѣшетниковъ—первый собиратель сырого матеріала, изслѣдованіе котораго можетъ привести къ благотворнымъ соціальнымъ результатамъ.

Въ Рѣшетниковѣ мы видимъ не художественнаго творца эстетическихъ картинъ, не художника въ прежнемъ смыслѣ, а собирателя. Онъ даетъ не теплую русскую душу того міра, который создавалъ кисейныхъ барышень, а другую русскую душу, воспитавшуюся въ иной атмосферѣ, и даетъ эту душу по частичкамъ, собирая частички то здѣсь, то тамъ, то въ пермскихъ трущобахъ, то въ петербургскихъ подвалахъ и кабакахъ, то на горныхъ заводахъ, то въ рабочихъ балаганахъ желѣзныхъ дорогъ. Цѣлаго въ этихъ частичкахъ еще ничего нѣтъ, и дать ихъ, какъ цѣлое, не во власти и силахъ перваго собирателя. Но и въ своемъ разбросанномъ видѣ матеріалъ, собранный Рѣшетниковымъ, — драгоцѣнный матеріалъ, какимъ русская литература еще никогда не владѣла, и какого ей еще никто никогда не давалъ. Хотя мы называемъ произведенія Рѣшетникова матеріаломъ, но мы понимаемъ подъ этимъ другое. Произведенія Рѣшетникова—только матеріалъ по отношенію къ послѣдующимъ изслѣдованіямъ, которыхъ теперь все больше и больше можно ожидать и предвидѣть, ибо дорога проложена; онѣ—матеріалъ по новизнѣ изслѣдованія, по новизнѣ еще мало извѣстнаго предмета изслѣдованія. Взятыя безотносительно, произведенія Рѣшетникова, какъ выразился бы эстетикъ, прошли черезъ художественное творчество. Это значитъ, что внѣшнія впечатлѣнія усвоились внутреннимъ органическимъ процессомъ автора и выразились въ его произведеніяхъ, какъ часть его собственной души, какъ лично имъ пережитое и перечувствованное и только обобщенное въ извѣстныхъ образахъ и типахъ.

При всемъ томъ на произведенія Рѣшетникова мы не станемъ смотрѣть, какъ на продуктъ эстетическаго творчества; мы не станемъ ни требовать отъ г. Рѣшетникова народной эпопеи, ни судить его творческую дѣятельность по идеальному масштабу, для насъ еще недостижимому. Пусть этимъ займется г. Николай Соловьевъ. Мы, признаемся, еще не владѣемъ эстетическимъ масштабомъ, да еслибы и владѣли, то не стали бы мѣрить имъ произведенія Рѣшетникова. Чтобы судить Рѣшетникова, нужно влѣзть въ его душу, пережить и пе-

речувствовать вмѣстѣ съ нимъ все то, что онъ пережилъ и перечувствовалъ. Тутъ забудешь объ эстетическомъ творчествѣ и вынесешь одно ощущеніе жизни—тяжелое, давящее чувство.

II.

Между поколѣніемъ, къ которому принадлежитъ Рѣшетниковъ, и тѣмъ поколѣніемъ, которое оканчиваетъ собою Тургеневъ, — великая разница. Первые вышли сами изъ той печальной обстановки, которую они описываютъ; вторые никогда не знали этой нужды и развивались при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ. Эта разница положеній опредѣляла и все отношеніе писателей къ міру, который они изображали. Обезпеченный писатель, какъ выхоленный продуктъ общества, имѣлъ меньше всего поводовъ задумываться надъ общественными явленіями и обращалъ свое умственное око больше на наблюденія отдѣльнаго человѣка. Поэтому писатели-идеалисты — преимущественно психологи и индивидуалисты.

Совсѣмъ не такъ развивались люди, подобные Рѣшетникову. Съ первыхъ же шаговъ жизнь заставляла ихъ задумываться надъ окружающими явленіями. Наблюденіе отдѣльныхъ характеровъ не даетъ отвѣтовъ на вопросы. Психологическій міръ отдѣльной души не разъясняетъ ничего; онъ становится на второй планъ, подавляемый фактомъ внѣшней безпорядочности, дикости, тупости. Тутъ все какъ бы механическое, случайное, и это механическое имѣетъ характеръ чего-то рокового, стихійнаго, до того сильнаго, что личная воля совершенно парализуется. Понятно, что поле наблюденія измѣняется; отъ лица наблюденіе переносится на общество, среду, общую причину. Въ то время, какъ въ средѣ, воспитывавшей писателей-идеалистовъ, холенное лицо играетъ важную роль, и все сводится къ личной волѣ, доброй или злой, и, слѣдовательно, къ міру души отдѣльнаго человѣка,—у писателей второго направленія главную роль долженъ играть тотъ роковой фатализмъ и среда, которые заслоняютъ лицо. У писателей-идеалистовъ человѣкъ есть *я*, психологическаая единица, продуктъ свободной воли; у писателей народно-реальной школы онъ—продуктъ общества, существо слабое къ борьбѣ, сознющее свое безсиліе предъ окружающимъ его фатализмомъ.

Но лицо не можетъ исчезнуть окончательно; оно имѣетъ свои неотъемлемыя права на личное существованіе и потому всегда сохраняетъ свой колоритъ и свои особенности. Въ произведеніяхъ Рѣшетникова именно и подмѣчаются эти двѣ стороны. Въ однихъ видишь борьбу бьющагося за свое существованіе лица, гдѣ лицо стоитъ на первомъ планѣ, въ другихъ на первомъ планѣ—среда. Въ первыхъ—условія личнаго развитія, вырабатывающія и закаляющія лицо, во вторыхъ—среда, изъ которой лицо стремится высвободиться, отыскивая, гдѣ лучше. Монографіи отдѣльнаго лица Рѣшетниковъ даетъ въ повѣстяхъ, очеркахъ, разсказахъ; борьбу со средой рисуетъ въ романахъ: «Подлиповцы», «Гдѣ лучше», «Свой хлѣбъ». Монографіи отдѣльныхъ характеровъ можно бы озаглавить однимъ общимъ названіемъ забитыхъ людей, хотя Рѣшетниковъ подъ этимъ заглавіемъ даетъ только четыре очерка: «Макся», «Ильичъ», «Шилохвостовъ», «Яшка».

Во всѣхъ отдѣльныхъ характерахъ, изображаемыхъ Рѣшетниковымъ, поражаетъ какая-то закаленная упругость. Они, точно магнитная стрѣлка, все тянутся въ одну сторону. У горемычныхъ людей вы найдете нѣкоторое внѣшнее различіе и въ мелочныхъ особенностяхъ характера, и въ ихъ общественномъ положеніи: одинъ нищій, другой портной, третій судорабочій, четвертый звонарь, пятый почтальонъ,—но внутренняя сила въ нихъ всегда общая и однородная. Въ нихъ всегда вырабатывается какая-то мрачная сосредоточенность, переходящая иногда, какъ въ Кузьминѣ, въ затаенное отчаяніе или въ кровавое помѣшательство Шилохвостова, но въ то же время это всегда живучая упругость, своеобразный закалъ характера, не сламывающагося, не измѣняющаго себѣ, не обращающагося въ безличность. Всѣ они большею частью спиваются или же, какъ Шилохвостовъ, лишаютъ себя жизни, но остаются силой и не гнутся передъ гнетущей ихъ жизнью.

Вотъ въ маленькой комнаткѣ, похожей на чердакъ, въ которой мебель состояла изъ кровати, небольшого столика, табуретки и двуногаго стула, лежитъ блѣдная и больная женщина. «Что родила? живой вѣдь», спрашиваетъ вошедшій мужчина, ея мужъ.—«Лучше бы мертвый... умретъ, я думаю». —«Нѣтъ, пусть живетъ».—«А кормить-то кто будетъ, ты, штоли?»—«А ты-то на што».—«Я-то... Охъ! Ты много ли заробишь себѣ на хлѣбъ? Подико, и мнѣ надо жрать, а онъ какъ?..» Это родился человѣкъ, названный Яшкой, съ которымъ родители не знали, что дѣлать, съ перваго дня рожденія,—говоритъ Рѣшетниковъ.

И живучъ же человѣкъ! Хотя Яшкѣ пророчила смерть сама мать, но онъ на зло всѣмъ остался живъ. Дикій былъ этотъ Яшка; что съ нимъ ни дѣлай,—все свое. Яшкѣ было четыре съ половиной года, когда мать его Матрена взяла его отъ чухонъ, которымъ отдала его на воспитаніе. Яшка бѣгалъ, но по русски не зналъ ни слова и лепеталъ по чухонски. Поэтому Яшку никто не понималъ и меньше всѣхъ Осипъ Харитонычъ, который и сталъ его учить по русски—колотушками. Такъ какъ эти колотушки Яшкѣ приходилось получать часто и чѣмъ попало, то онъ становился все хуже и хуже, сталъ забрасывать шило, таскалъ сапоги, мазалъ сальной свѣчкой стѣны. Осипъ Харитонычъ каялся, что взялъ къ себѣ такого чертенка, которому никакъ въ голову не вколотишь того, чтобы онъ слушался хозяина, не лепеталъ по чухонски, сидѣлъ смирно. Хотѣлъ Осипъ Харитонычъ сдѣлать Яшку ручнымъ и для этого употреблялъ всякія средства,—ничего не помогло. «Сидитъ Яшка въ углу и скоблитъ щепкой полъ.—Яшка!—крикнетъ Осипъ Харитонычъ. Яшка вздрогнетъ и попятиться еще назадъ, хотя уже и пятиться-то некуда.—Тебѣ говорятъ?!

крикнетъ Осипъ Харитонычъ. Яшка вытаращитъ глаза и трясется. Вскочитъ сапожникъ, схватитъ плетку, Яшка закричитъ. Начнетъ сапожникъ хлестать Яшку, Яшка кусается. Сапожникъ въ ярости вытолкаетъ Яшку на дворъ. Бился-бился съ нимъ сапожникъ — бросилъ учить»

Яшкѣ жизнь не вывезла: попалъ онъ въ нищіе, сидѣлъ въ полиціи, былъ мальчишкой у мелочнаго торгаша, потомъ ученикомъ у портного нѣмца,— вездѣ его колотили, держали впроголодь, заставляли работать, а денегъ не давали. Яшка только злился и думалъ только объ одномъ, какъ бы напакостить и вырваться изъ напасти. Осипу Харитонычу онъ насыпалъ табаку въ глаза и убѣжалъ; у торгаша Маслова онъ все думалъ: «погоди-жъ ты, украду и убѣгу». Только что украсть? Хотѣлъ онъ украсть у хозяина полушубокъ—не по силамъ, тяжелъ. Яшка распорядился иначе: онъ укралъ у хозяина печенья, розлилъ по полу водку и убѣжалъ. У нѣмца портного Яшка стибрилъ штуку сукна и тоже убѣжалъ.

Макся мягче и добродушнѣе Яшки; но и онъ родился лишнимъ. «Слышь, жена, если ты родишь парня, бѣда тебѣ!» кричитъ его отецъ своей беременной женѣ. И на зло отцу родился Макся. Началъ расти Макся и много потерпѣлъ онъ побоевъ отъ матери и отъ пьянаго отца. Въ бурсѣ Макся выстрадалъ еще больше. На розги и побои онъ смотрѣлъ, какъ на обыкновенное дѣло, и вполнѣ отдавалъ себя на произволъ своихъ благодѣтелей. Одно только и было ему утѣшеніе—водка Въ это время Макся больше плакалъ. Но Максю было трудно разозлить: зато ужъ, если онъ разсердится,—трудно съ нимъ справиться. Товарищи иногда говорили Максѣ: «Макся, а Макся! Ты вѣдь дрянной человѣкъ». —«Такъ что, что дрянной, не все такъ будетъ!» «Не хвались».—«Ужъ никому не поддамся». Товарищи прозвали Максю Гришкой Отрепьевымъ, а начальство, замѣтивъ, что Макся сильно пьянствуетъ, опредѣлило его въ соборные звонари. Надоѣло это дѣло Максѣ; напала на него тоска. Бросилъ и пошелъ въ монастырь, но заскучалъ и въ монастырѣ. Разъ его нашли пьянаго въ канавѣ и исключили изъ духовнаго званія. Пошелъ Макся въ почтальоны, но и на почтѣ не повезло ему. Давно запивалъ Макся, а тутъ и совсѣмъ спился, а живетъ все по своему. «Если,—разсказываетъ Лукинъ, у котораго онъ живетъ писаремъ,—я начну спрашивать: «что мучитъ тебя?» онъ говоритъ:—не твое дѣло, не я первый и не я послѣдній такой».

Самый обыкновенный выходъ у горемычныхъ людей—пьянство; имъ они забываются; въ немъ ищутъ успокоенія. Яшка рано сталъ пить водку, а Макся, пожалуй, и еще раньше. «Брось ты эту поганую водку!» говорили Максѣ.—Не могу.—«Да отчего же не можешь? дай зарокъ не пить и не пей, или поручи кому нибудь деньги на сохраненіе». —Ну, ужъ это трудно... ужъ я никогда не буду трезвымъ, отвѣчаетъ Макся. «Петька! спой «возлѣ рѣчки», говорятъ въ кабакѣ Кузьмину.—Неохота.—«А штобъ-те! выпить, што ли, хошь?»—Нѣтъ... и въ голосѣ Кузьмина слышится отчаяніе». Именно отчаяніе: не дурь пьетъ, а горе и бездомство. «Ахъ скучно сердцу моему», —поетъ пьяный горемыка. выходя изъ кабака. «Вы думаете, сталъ бы я якшаться со всякой швалью,—говоритъ безногій солдатъ-нищій, — а я, поди-ко, жрать хочу, нажить деньгу могу... ну, и наживаю, да пропиваю; а какъ пропью, и пойду собирать».—Такъ зачѣмъ ты по міру ходишь, коли работать можешь?— говорятъ солдату.—А видно, что за работу мало даютъ; а будь-ко нога, я бы козыремъ ходилъ и съ вашимъ братомъ не сталъ бы якшаться; думаете, мнѣ не обидно, что ли, сволочь вы экая».

Людей этихъ зовутъ больными, ненормальными, испорченными, и изъ превосходныхъ психологическихъ наблюденій Рѣшетникова понимаешь вполнѣ эту болѣзнь, переходящую всегда въ озлобленную сосредоточенность, въ желаніе сдѣлать другимъ гадость, а себѣ найти успокоеніе хоть въ водкѣ. Макся просто тосковалъ и пилъ; Яшка злился, пилъ, горевалъ и бѣгалъ; Шилохвостовъ въ страстномъ порывѣ брался за ножикъ. Правда, Шилохвостовъ и смолоду не походилъ ни на Яшку, ни на Максю. «Бывало, сидитъ въ углу лавочки, глаза у него сдѣлаются дикими; вдругъ вскочитъ и возьметъ плетку, и начнетъ этой плеткой стегать полуштофъ. Если ему попадется въ это время кошка, то онъ непремѣнно отдуетъ ее. И зналъ онъ, что за это ему плохо будетъ; но ужъ какъ-то выходило такъ, что онъ выходилъ изъ себя... Случалось иногда, что если во время игры мимо него проходила какая нибудь дѣвица, онъ кидалъ въ нее бабкой, глаза сверкали, и ужъ его трудно было уговорить продолжать игру. За это онъ получилъ названіе отъ ребятъ—чудило; отъ дѣвицъ—злой».

Во всѣхъ этихъ характерахъ есть что-то цѣльное, роковое, точно человѣкъ родился съ извѣстнымъ предназначеніемъ, котораго онъ и самъ не знаетъ, но къ которому стремится и до котораго онъ, однако, никогда не доходитъ и впадаетъ въ злость. Отчего Кузьмину, гдѣ бы онъ ни былъ, все скоро надоѣдало, все хотѣлось другого? Дядя и тетка не могли понять его, да и онъ самъ не понималъ, чего онъ хочетъ. Ему, какъ говорилъ онъ, хотѣлось простора, одному хотѣлось жить. Роковыя, повидимому, безсознательныя стремленія Кузьмина встрѣчали такія же роковыя препятствія, — точно кирпичъ съ крыши, — непрошенно и негаданно. Колотился человѣкъ весь вѣкъ, и свезли его наконецъ въ Обуховскую больницу, а оттуда—на Волково: пьянствовалъ все,— сказали про него въ больницѣ. Конечно, пьянствовалъ, но отчего?

Кузьминъ у Рѣшетникова наиболѣе полная характеристика стремящейся личности, окруженной тупостью и всякими помѣхами. Говорятъ, что это самъ Рѣшетниковъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ дороже этотъ разсказъ по своей неизмышленности и неподдѣльной правдѣ. Здѣсь впечатлѣніе не то, какъ въ выдуманномъ эстетическомъ обобщеніи, а самъ живой человѣкъ, къ которому нельзя относиться,

какъ къ хорошо нарисованному страданію, потому что передъ вами настоящее, живое страданіе.

Кузьминъ прошелъ ту же школу, какъ Яшка, какъ Макся, какъ тысячи другихъ дѣтей, воспитанныхъ ремнемъ. Дядя никогда его не ласкалъ, но зато щедро обзывалъ его подлой рожей, чертенкомъ, бѣсомъ, дралъ безъ жалости и разъ такъ ударилъ его по головѣ, что ребенокъ хлопнулся объ полъ, и пошла у него изъ горла кровь. Побои въ томъ мірѣ, который открываетъ Рѣшетниковъ,—принципъ, система. Они зависятъ не только отъ личнаго характера воспитателя, который бьетъ иногда безъ нужды, просто, чтобы сорвать на комъ нибудь досаду; но бьетъ еще спокойно, по глубокому убѣжденію, что нельзя не бить. Учитель Кузьмина, старый отставной чиновникъ, никогда не теребилъ своихъ учениковъ за уши или за волосы, а любилъ наказывать ихъ голякомъ и своими руками. «Ты не сердись, голубчикъ,—говорилъ онъ передъ наказаніемъ:—я—маленько, потому что это мнѣ нравится, да и тебѣ надо привыкать къ этому». Онъ наказывалъ всегда легко, такъ что сестра говорила ему: «что ты ихъ мажешь?»—Думаешь, я тебѣ довѣрю... я люблю ребятокъ...—отвѣчалъ старый учитель.

На этой системѣ было построено и все воспитаніе Петьки Кузьмина и всѣхъ ему подобныхъ. Родители ребятишекъ, были строги и не любили, чтобы они играли. Они хотѣли, чтобы дѣти сидѣли смирно, боясь, чтобы они не измарали и не изорвали своего платья и рубашекъ, и чтобы они не ушиблись. Если же дѣти спрашивали: «а почто это гремитъ? почто идетъ такъ скоро туча?» на это имъ отвѣчали: «не ваше дѣло». Если же дѣти приставали съ разспросами, имъ давали подзатыльники. Послушаніе считалось самой важной и величайшей человѣческой добродѣтелью, и все желаніе родителей заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свое собственное подобіе. Указывая, какъ на примѣръ, на какого нибудь служащаго молодого человѣка, ребенку говорили: «Посмотри-ка, какой человѣкъ сталъ!.. а вѣдь какъ били-то его, бѣднаго... зато выучили». Въ семинаріи было еще хуже. Кузьмина почти каждый день драли, какъ лошадь, если не разъ, то по два раза. Онъ убѣжалъ. И была же ему за это баня: два мѣсяца пролежалъ въ лазаретѣ. «Вы думаете, я не сталъ послѣ этого бѣгать?—говоритъ Кузьминъ.—Какъ бы не такъ! Я еще въ лазаретѣ обдумывалъ планъ побѣга и какъ только вышелъ изъ него, черезъ день же убѣжалъ въ заводъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города». На 12-мъ году отдали ребенка въ уѣздное училище. Онъ три года проучился въ первомъ классѣ и ничего не понялъ. Объ умственномъ развитіи учителя не заботились, а учили дѣтей въ зубряжку и ничего не объясняли. Учителя считали за наслажденіе драть учениковъ, и потому, по крайней мѣрѣ, двѣ трети ихъ бѣгали отъ классовъ.

Такая жизнь съ каждымъ днемъ становилась невыносимѣе и невыносимѣе. Маленькій Кузьминъ только озлоблялся подобно Яшкѣ и ужъ не баловалъ, а озорничалъ и нарочно дѣлалъ то, что не нравилось другимъ. Зло брало Кузьмина противъ всѣхъ, ибо онъ чувствовалъ, что его бьютъ и обижаютъ напрасно. И онъ день ото дня становился всѣ злѣе и упрямѣе. Поставятъ его на колѣни—онъ цѣлый день простоитъ и не попроситъ прощенья; не накормятъ—онъ украдетъ хлѣба... И какъ же онъ въ это время ненавидѣлъ своихъ воспитателей! Озлобившись, мальчикъ радовался, если видѣлъ, что другихъ дѣтей наказываютъ не хуже его, и въ то же время онъ думалъ постоянно о томъ, какъ бы напакостить своимъ притѣснителямъ. Увидитъ ли онъ мѣдныя деньги—непремѣнно стянетъ гривну или копейку; если его ругаютъ или обижаютъ—онъ самъ старается отомстить такимъ же образомъ. Однажды на только что развѣшанномъ на дворѣ для сушенья бѣльѣ маленькій Кузьминъ намазалъ углемъ косые кресты; ему за это зацали хорошую баню; тогда онъ придумалъ новое средство отомстить той женщинѣ, которая его поймала, и бросилъ въ ея кадку съ водой дохлую кошку. Его опять отодрали. И больно нравились ему его шутки, и больно же ему приходилось за нихъ. «Лишь только отдерутъ меня,—разсказываетъ Кузьминъ,—я сажусь куда нибудь въ уголъ и думаю: что бы мнѣ такое сдѣлать да такъ, чтобы не узналъ никто. Пройдетъ мимо меня почтальонъ и смѣется: «Что ты сидишь, драная харя?»—Что ты дразнишься, песъ ты экой? Почтальонъ щипнетъ меня за волосы.—Что дерешься, подлецъ! и я ударю его. Онъ отойдетъ и говоритъ: воръ! воръ! не ходи во дворъ... Я соскочу и брошу въ него чѣмъ нибудь. «Я те, сволочь!» скажетъ другой почтальонъ, выходя изъ дверей. Пройдетъ женщина и, со злостью направляя на меня кулаки, говоритъ: «У! подкидышъ!»—Молчи, чума!—«Охъ ты, чума сибирская!..» плюнетъ на меня женщина, уйдетъ и скажетъ теткѣ, что я обозвалъ ее скверною руганью. Я крѣпко затаю злобу и начинаю выдумывать что нибудь, и какъ только выдумаю, смѣшно мнѣ становится. «Ужъ сдѣлаю же я надъ вами праздникъ!» думаю я И весь день я веселъ, такъ что тетка удивляется, что я веселъ».

Въ училищѣ Кузьмина не драли, потому что онъ старался выслуживаться передъ учителями, угодничалъ и наконецъ сталъ для учителей воровать изъ почтовой конторы газеты, журналы и картины. За это его отдали подъ судъ и сослали въ монастырь.

Подумаешь, что человѣкъ съ такими задатками долженъ изнегодяиться, вырости будущимъ каторжнымъ. Всему—злобная подкладка, какое-то безпричинное стремленіе напакостить. Убѣжалъ онъ, напримѣръ, изъ семинаріи. Ночь онъ провелъ на берегу въ одной лодкѣ, а утромъ отправился за рѣку. Весело ему было на вольномъ воздухѣ и на свободѣ, и, улыбаясь, смотрѣлъ онъ на городъ и даже срисовалъ на бумажкѣ одну его часть. Но мучилъ Кузьмина голодъ. Кое какъ отыскалъ онъ рабочій шалашъ: въ немъ не было никого. Тамъ онъ увидѣлъ полъ-ковриги хлѣба, взялъ его съ собою и, *самъ не зная, почему*, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ у снастей, распласталъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ неводъ и сдѣлалъ дыру въ одной лодкѣ. Это

желаніе напакостить, скрасть что нибудь, вымести на комъ нибудь свою обиду, — довольство, когда кому нибудь достается больше,—постоянное желаніе убѣжать подальше отъ людей, запрятаться куда нибудь, быть одному — общая черта всѣхъ Яшекъ, Максей, Петекъ, закаляющихся въ этой вѣчной войнѣ, въ которой всѣ противъ нихъ, изъ которой нѣтъ другого выхода, кромѣ побѣга, чтобы сохранить свое *я*. А это *я*—живуче. Ужъ какой маленькій Яшка и другъ его Петька: каждому лѣтъ по семи; а ничего съ ними не подѣлаешь, хоть убей. Въ нихъ больше и больше крѣпнетъ злое чувство, и, конечно, отъ случая зависитъ, что изъ нихъ выйдетъ. Макся лгалъ, воровалъ и обманывалъ; Яшка лгалъ, воровалъ и обманывалъ; другъ его Петька лгалъ, воровалъ и обманывалъ; Кузьмичъ лгалъ, воровалъ и обманывалъ; Шилохвостовъ десяти лѣтъ умѣлъ кого угодно обсчитать и разъ даже надулъ самого повѣреннаго. И всякій изъ нихъ угодилъ подъ уголовный судъ и попалъ—кто въ острогъ, кто въ монастырь. Яшка шестилѣтнимъ мальчикомъ сидѣлъ уже въ полиціи, взятый со своею матерью-нищей. Мать отвели въ тюрьму, хотя она ни въ чемъ не была виновата, а Яшку выпустили на всѣ четыре стороны. Когда Яшка выходилъ изъ полиціи, арестанты ему говорили: теперь у тебя ничего и никого нѣтъ, иди въ первую лавку, укради что нибудь, и тебя опять возьмутъ сюда. А здѣсь весело: поютъ пѣсни, играютъ въ карты, разговариваютъ, поятъ, кормятъ. Петя Кузьминъ, послѣ побѣга изъ семинаріи, попалъ въ компанію нищихъ, «и Богъ знаетъ, что бы было со мною дальше, еслибы не спасла меня одна женщина»... говоритъ онъ. Знаменитый Кореневъ началъ свою карьеру тоже у нищихъ, попавъ къ нимъ, какъ и Кузьминъ, совершенно случайно.

Во всѣхъ этихъ людяхъ поражаетъ необычайная нравственная сила. Юридически они, конечно, погибшія созданія, потому что попадали въ остроги, на покаяніе въ монастыри, нерѣдко въ каторгу. Но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, какъ всѣ неблагопріятныя условія оказывались безсильны обезличить человѣка, подвести его подъ одинъ общій уровень, сдѣлать изъ него то, чего хотѣла добиться тетка отъ Пети Кузьмина? И эта упругость выражается протестующей, несламывающейся силой уже у какого нибудь четырехлѣтняго мальчугана. И Яшка боится плети сапожника, и Петя Кузьминъ—плети дяди. Заторопѣлые, повидимому, робкіе, они смотрятъ съ безсмысленнымъ страхомъ на своихъ воспитателей, стараясь исполнить ихъ желаніе, а думаютъ всетаки по своему и поступаютъ всетаки не такъ.

Очерки Рѣшетникова—правдивая психологическая исторія нравственнаго развитія человѣка съ его дѣтскаго возраста подъ вліяніемъ подавляющей среды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, констатированіе нравственной силы, только концентрирующейся отъ препятствій, чтобы сдѣлаться еще сильнѣе.

Повидимому, психологическій анализъ у Рѣшетникова слабъ, потому что онъ не вдается въ многословіе, не изображаетъ внутреннихъ процессовъ. Но этихъ процессовъ въ Яшкахъ, Петькахъ, Максяхъ и нельзя изобразить, потому что они—не законченные сознательные процессы Рудиныхъ, а только зачаточные порывы чувствъ и мысли, которыхъ не вытравишь въ этихъ желѣзныхъ ребятишкахъ никакой кислотой и не выбьешь никакой плетью. Здѣсь-то именно Рѣшетниковъ и вѣренъ правдѣ. Не навязывая своихъ разсужденій, онъ даетъ короткіе факты, внѣшніе признаки внутреннихъ душевныхъ состояній, и ужъ отъ воспріимчивости читателя зависитъ понять и почувствовать ихъ силу и глубину, ихъ естественную законность и соціальное право на существованіе. Передъ этимъ правомъ долженъ склониться всякій человѣчески-чувствующій человѣкъ, если онъ не желаетъ походить на Коробочку или на тетку Кузьмина. Мѣтко, двумя-тремя словами Рѣшетниковъ обрисуетъ вамъ маленькаго Яшку, и вы видите его, точно живого, съ оторопѣлымъ взглядомъ, загнаннаго, забитаго, но твердаго и непреклоннаго. Зачѣмъ вамъ еще подробное описаніе внутренняго процесса, да и кто его знаетъ: у васъ и безъ описанія является уваженіе къ этой маленькой человѣческой личности. Недосказанность даже усиливаетъ впечатлѣніе, и этою недосказанностью именно и силенъ Рѣшетниковъ. У него нѣтъ эффектныхъ сценъ, объ ужасахъ говоритъ онъ очень просто, какъ о вещи обыкновенной, повседневной, будничной, потому что она такая и есть въ дѣйствительности; и если читатель не въ состояніи почувствовать глубокаго драматизма картинъ Рѣшетникова, то вина въ томъ, конечно, не Рѣшетникова.

Какая же причина нравственной упругости всѣхъ этихъ маленькихъ Яшекъ, Петекъ, Максей, которыхъ ученіе не научитъ, а жизнь только портитъ и губитъ? Вѣдь уже какое стараніе прилагаютъ и родители, и попечительное начальство, чтобы сдѣлать ихъ людьми, и, подобно Осипу Харитонычу, кончаютъ всетаки тѣмъ, что ничего не могутъ съ ними подѣлать и выталкиваютъ на всѣ четыре стороны. Да, скверная жизнь научаетъ задаваться вопросами. Напримѣръ, Кузьминъ послѣ монастыря сдѣлался задумчивъ, много думалъ о всякой всячинѣ, но ничего не могъ придумать, ничѣмъ не могъ утѣшить себя. Ни тетка, ни дядя, ни знакомые, ни учителя, ни даже законоучитель не могли объяснить ему его вопросовъ. Ему говорили, что онъ задаетъ себѣ вопросы по глупости и долженъ вѣрить тому, что написано и чему учатъ. Работы въ головѣ было много, а отвѣтовъ—ниоткуда: «хорошо бы мнѣ умереть теперь,—думалъ Кузьминъ,—а то для чего я буду жить?» Любилъ онъ сидѣть на берегу рѣки и, глядя куда нибудь вдаль, останавливать глаза на одномъ мѣстѣ, а въ головѣ какая-то тяжесть и вертятся только слова: «какъ же это?.. отчего же это?» и въ отвѣтъ ни одного слова. Ну точь-въ-точь какъ Пашка и Ванька, дѣти Пилы. Вотъ они тоже сидятъ на берегу рѣки и стараются сами узнать все, потому что спросить некого, а отъ бурлаковъ ничего не узнаешь. Бросили съ барки доску, доска поплыла; бросили камень, камень утонулъ; спустили шестъ въ воду, шестъ потянуло

книзу, и они никакъ не могли удержать его. Но это первые вопросы, а вторые? На первые найдешь отвѣтъ и учителей, а на вторые не давалъ Кузьмину отвѣтовъ рѣшительно никто. Видитъ онъ чиновный людъ и понимаетъ, что они только пишутъ и за это получаютъ деньги и чины.—Для кого же они пишутъ?—спрашиваетъ онъ дядю.—Служатъ.—Кому?—Царю и отечеству.—Что же они дѣлаютъ?—Служатъ. Дядя говоритъ, что служба коронная—самая важная, что чиновника никакъ нельзя сравнить съ мѣщаниномъ, или купцомъ, или солдатомъ. А служить частному лицу — послѣднее дѣло.—Такъ служитъ кто?—Мѣщане... А мѣщане подати платятъ, рекрутовъ ставятъ, да и понравишься ты купцу—ладно, не понравишься—прогонитъ. А въ нашей службѣ, шалишь, на все законъ, силой не выгонишь». Но эти отвѣты не удовлетворяютъ. Много нужно работы, чтобы вкоренить въ человѣкѣ сословные и соціальные предразсудки. Въ каждомъ естественно-свѣжемъ и неиспорченномъ человѣкѣ сидитъ прирожденное ему чувство равенства, чувство равнаго достоинства, естественное чувство свободы и независимости, которое только съ трудомъ поддается условному, принятому, обезличивающему. Это чувство есть чувство естественнаго состоянія и начало своеобразнаго уклада жизни, отъ котораго зависитъ своеобразная цивилизація. Форма цивилизаціи не есть форма прирожденная; она зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ развиваются люди. Отъ этого восточная цивилизація не похожа на западную, китайска—яна восточную, греческая—на римскую, древняя—на новую. Еслибы каждый народъ жилъ изолированно, каждый сложилъ бы и свою цивилизацію. Россія еще не успѣла сложить своей цивилизаціи, какъ исторія примкнула ее къ западу. Наше образованное сословіе уже утратило свою физіономію и болѣе и болѣе становится неотличаемымъ отъ европейскаго человѣка. Мы и одѣваемся, и ѣздимъ по европейски, и веселимся по французски; мы даже думаемъ общеевропейскимъ складомъ, такъ что русскую своеобразную мысль нужно отыскивать только въ народѣ, въ его міровоззрѣніи, котораго мы не знаемъ, въ его опытной мудрости и философіи, которая намъ совсѣмъ неизвѣстна.

Эта сторона русской народной умственной жизни довольно слаба у Рѣшетникова. Кажется, на нее онъ не обращалъ вниманія, а между тѣмъ безъ нея невозможно составить себѣ понятіе о физіономіи народа. Точка зрѣнія Рѣшетникова по преимуществу экономическая. Онъ рисуетъ почти исключительно матеріальный бытъ народа, его исканія, гдѣ лучше, и соціально-экономическій фатализмъ его судьбы, подавляющій его роковымъ образомъ. Въ своихъ главныхъ, рѣзко кидающихся въ глаза, чертахъ такая картина вѣрна, особенно въ то время, когда самъ Рѣшетниковъ развивался, когда о 19 февраля народъ частью и не думалъ, а частью вліянія освобожденія еще и не могло обнаружиться въ болѣе смѣломъ полетѣ народной мысли. Поэтому вопросъ о народномъ міровоззрѣніи и народномъ философско-соціальномъ порывѣ и стремленіи есть вопросъ будущихъ народныхъ беллетристовъ.

Несмотря на то, у Рѣшетникова имѣются превосходныя монографіи отдѣльныхъ естественныхъ характеровъ, которыхъ еще не коснулась цивилизація, и народныхъ типовъ, надъ которыми гроза соціально-экономической невзгоды прошла, какъ туча надъ головой, не задѣвъ ихъ. Къ первымъ принадлежатъ Никола Знаменскій, Пила и Сысойка, ко вторымъ—тетушка Опарина и кумушка Мирониха.

Только въ глухомъ, изолированномъ, лѣсистомъ сѣверо-востокѣ, точно островъ, отдѣленномъ болотами и непроходимыми пустырями отъ остальной Россіи, могли формироваться такіе люди, какъ Никола Знаменскій и Пила. Дикъ этотъ Никола, какъ медвѣдь, на котораго онъ ходитъ, какъ первобытный новгородскій славянинъ, забравшійся въ чудь заволоцкую. А въ то же время въ этомъ дикомъ славянинѣ чувствуешь непосредственное хорошее человѣческое чувство, естественную простую, безхитростную доброту и прирожденную гуманность, не испорченную цивилизаціей, создающейся тѣснотой.

Никола Знаменскій былъ попъ, но, такой, какихъ постригали по деревнямъ при первыхъ новгородскихъ епископахъ. Умеръ знаменскій священникъ, и потребовали Николу въ городъ, чтобы посвятить въ попы. Поѣхалъ Никола. «Я допрежъ думалъ,—только на свѣтѣ и есть одинъ городъ, Березовъ... разсказывалъ Никола.—Кутейникъ позвалъ меня къ себѣ, ну, я и поѣхалъ. А у него въ горницѣ пятеро кутейниковъ было, да одинъ дьяконъ какой-то. Тутъ я съ ними баско назюзился, потому они мнѣ понравились, да и вино у нихъ лучше березовскаго. А утромъ меня растолкали: архирей пріѣхалъ. Иди, покажись ему... Взялъ кадушку масла да лукошко яицъ—забранили; онъ-тѣ, баютъ, дастъ за это... Полѣзаю въ избу.—А гдѣ, баю, владыка? А меня ужъ научили, какъ архирея называть, только я первое слово не могъ выговорить.—Ну, тамъ спросы пошли, хохотали сколь надо мной. Поди, баютъ, къ набольшему дьякону, и дорогу показали. Я пошелъ... Сердитый такой, хайло у него побольше моево... Што, баетъ, тебѣ?—Я, баю, Никола Знаменскій.—Кто? спрашиваетъ.—Кое-какъ растолковались... Отчего, баитъ, ты безъ рясы?—Я баю: а пошто ряса?—Онъ какъ закричитъ; я ему хотѣлъ было дать масло—такъ не беретъ:—«мы, баитъ, эту дрянь не беремъ; намъ, баитъ, дѣвать ее некуда. Давай деньги».—«Ну, далъ я ему десять рублей—и спасиба не сказалъ».

Какъ ни смѣшонъ, повидимому, этотъ первобытный простой человѣкъ, незнакомый съ цивилизованными обычаями, какъ и любой медвѣдь, но его крестьяне любили, потому что онъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, понимавшій ихъ нужду. Больше всего крестьяне любили Николу за то, что онъ выручалъ ихъ, когда съ нихъ требовали подати.—«Батюшко Микула... подать надо,—говоритъ крестьянинъ, чуть не плача.—Поди, продай коро-

венку,—совѣтуетъ Никола.—Кому продать? Городъ-то далеко, а староста больше рубля не даетъ.—Ладно, ужо.—И пойдетъ Никола къ сельскому старостѣ и, вмѣсто рубля, продастъ ему корову за пять, шесть рублей. Деньги внесетъ самъ за крестьянъ за подати и за другія повинности, а писарю не дастъ ни копейки и избавитъ крестьянъ отъ хлопотъ и отъ лишнихъ тратъ... Или, бывало, придетъ крестьянинъ или черемисъ.—Што, братанъ?—спроситъ Никола.—Бида бульша, хозейко подохъ, Лапша подохъ; ись... кару гладалъ, брюхо бульна... Дастъ Никола черемису муки съ полпуда и схоронитъ покойниковъ даромъ».

Но коснулось просвѣщеніе края; пріѣхалъ модный благочинный изъ молодыхъ. Потребовалъ, чтобы Никола Знаменскій служилъ, а онъ ни въ зубъ толкнуть. Съ самаго приступа благочинный замѣтилъ Николѣ, что онъ вретъ, и потомъ, вдругъ пріостановивъ службу, одѣлся въ привезенныя изъ города облаченія и сталъ самъ продолжать службу со своимъ дьячкомъ. Народъ, видя, что служитъ не Никола Знаменскій, вышелъ изъ церкви. По окончаніи обѣдни благочинный велѣлъ Николѣ пріѣхать въ городъ, чтобы научиться служить. Но наука эта не далась Николѣ. Службу началъ онъ такъ: «Господи, благослови... благослови, владыка», а потомъ, вѣрно позабывшись, сказалъ громко: «эка оказія!» Народъ хихикнулъ, пѣвчіе зашишикали, изъ лѣвыхъ дверей вышелъ экономъ... Никола пошелъ вонъ изъ церкви. На другой день объявили Николѣ въ консисторіи, что ему запрещено исполнять всякія службы, что онъ теперь даже и не дьячокъ, а разстрига, и отданъ подъ судъ. Когда Никола пріѣхалъ въ село, крестьяне говорили, что они стосковались по немъ... Церковь была заперта мѣсяца четыре, и когда пріѣхалъ новый священникъ съ дьячкомъ, крестьяне объявили имъ, что у нихъ есть попъ Никола и дьячокъ Сенгунка. Какъ ни бился священникъ, только ни одинъ человѣкъ не шелъ къ нему ни за чѣмъ. Священникъ сталъ жаловаться начальству. Начальство посадило Николу въ острогъ, потому-де, что онъ бунтовщикъ. Въ острогѣ онъ и умеръ... И теперь знаменскіе крестьяне помнятъ перваго своего попа: «Не бывать ужъ такому доброму попу, каковъ былъ Микола Знаменскій», говорятъ они.

Сысойка и Пила тоже живой сырой матеріалъ, выросшій на лонѣ природы. Это люди чувства простого, непосредственнаго, безъ хитрости и задней мысли. Пила—точно отецъ родной для всѣхъ подлиповцевъ. Бывало, скажетъ Пила подлиповцамъ: «Чего сидите... робь, я буду робить»—и подлиповцы работаютъ съ Пилой. Нѣтъ Пилы—подлиповцы лежатъ. Скажетъ подлиповцамъ:—«смотри, траву надо косить»—здоровые идутъ косить, а не скажи Пила, что надо траву косить, подлиповцы не догадаются. Пила заставлялъ подлиповцевъ работать кадки, кузовки, лапти, отправлялся за больныхъ продавать товаръ въ городъ или село. Для него ничего не значило съѣздить за 100 верстъ. Если въ городѣ ничего не покупали, Пила шелъ сбирать ради Христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Всѣ подлиповцы любили Пилу, и каждый спрашивалъ его совѣта, или просилъ полечить, такъ какъ Пила лечилъ больныхъ травами, хотя самъ въ нихъ не понималъ никакого толку. Какъ ни любилъ Пила подлиповцевъ, но больше всѣхъ любилъ свою дочь Апроську и ея любовника Сысойку. Когда умерла Апроська, Пила долго не вѣрилъ, что она умерла. Онъ сталъ ее толкать, она не шевелится... Взвылъ Пила, убѣжалъ на улицу, забрался въ стойку и долго тамъ плакалъ... Въ стойкѣ спали Павелъ и Иванъ. «Помру ли я?—спросилъ самъ себя Пила.—Уйду отсель, уйду!—закричалъ онъ и вышелъ изъ стойки. Пила хотѣлъ ѣхать, но ему жалко стало Сысойки, да и что дѣлать съ Апроськой?.. Сысойка страдалъ не меньше; онъ дико смотрѣлъ на Апроську, но видно было, что его страшно мучило горе. Онъ любилъ Апроську сильно, хотѣлъ съ ней всегда жить. . Зачѣмъ же Апроська умерла? Онъ-то зачѣмъ не померъ? Дикъ и золъ сдѣлался Сысойка; теперь онъ походилъ на собаку, лишившуюся своего дѣтища. Онъ готовъ былъ, Богъ знаетъ, что сдѣлать, только бы Апроська была жива, готовъ былъ помереть, но не зналъ, какъ помереть.... Пила мучился, какъ и Сысойка. Онъ сѣлъ съ Сысойкомъ на полати и долго смотрѣлъ на Апроську, потомъ вскричалъ: — «Апроська!..» Апроська не двигалась. Пила заревѣлъ, заплакалъ и Сысойка. Сначала Пила ничего не могъ придумать: все Апроська мучила его. Потомъ ему опротивѣла своя изба и вся деревня. Пила вскочилъ, какъ бѣшеный, и сказалъ самъ себѣ: «что я за чучело, что мнѣ жить-то? Пойду изъ Подлипны, наплюю на нихъ всѣхъ... безъ Апроськи что за жизнь».

Пошелъ Пила съ Сысойкой въ городъ бурлачить. Городъ незнакомый, все дико, ново, чудно. Привыкъ Пила только къ своей Подлипнѣ; тамъ только онъ и знаетъ, какъ и что дѣлать,—а тутъ и люди не тѣ, и порядки не тѣ. Ничего не понимаетъ. Напился Пила, какъ медвѣдь, мертвецки пьянъ, попалъ въ полицію, набуянилъ съ казаками и съ квартальнымъ, и отдали Пилу подъ судъ. Подъ арестомъ въ полиціи, Пила получилъ первые уроки цивилизаціи. «По мнѣнію солдатъ и казаковъ, подлиповцы были очень глупы и дики, раздразнить ихъ ничего ни стоило: осердившись, подлиповцы лѣзли драться на того, кто сердилъ; но не всѣ изъ солдатъ были такіе: одинъ изъ нихъ часто отговаривалъ подлиповцевъ отъ ругани и драки. Отъ этого же солдата они узнали, кого надо бояться, кому какъ говорить, кому кланяться, кому нѣтъ. Подлиповцы узнали также, что ихъ становой и сельскій попъ еще небольшія лица, а въ городѣ есть выше ихъ: исправникъ, городничій, судья, а надъ попомъ благочинный, и что надъ этими лицами есть еще старше, они живутъ въ губернскомъ городѣ; и надъ тѣми тоже есть старшіе... Подлиповцы только дивились этому и плохо вѣрили. Говорили имъ также, что этотъ городъ не одинъ, и земля велика; подлиповцы только смѣялись. Въ продолженіе мѣсяца подлиповцы узнали больше, чѣмъ живши до этого времени; напримѣръ, они

узнали, что есть мѣста лучше и хуже Подлипной, есть люди богатые и такіе, которыхъ ни за что обижаютъ и дѣлаютъ съ ними не силой, а чѣмъ-то инымъ все, что только захотятъ, какъ это было и съ ними: въ Подлипной они боялись только попа и станового, а здѣсь многіе ихъ обидѣли, избили и отодрали, и теперь никуда не пускаютъ. Узнали, что такое паспорты...»

Міръ непосредственнаго простого чувства, естественной солидарности интересовъ и естественной ассоціаціи всегда манилъ къ себѣ тѣхъ изъ мыслящихъ людей, кому пришлось вкусить отъ горькаго плода европейской цивилизаціи съ ея конкуренціей и борьбой, съ ея насиліемъ и вмѣшательствомъ. Люди, задумавшіеся надъ жизнью, уже не разъ обращали свой взоръ къ естественному состоянію, видя только въ немъ спасеніе. Кажется, та же мысль руководила и Рѣшетниковымъ. Можетъ быть, она не созрѣла въ немъ въ принципъ и вполнѣ сложившееся убѣжденіе; но, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда Рѣшетниковъ говоритъ о непосредственномъ естественномъ человѣкѣ и о человѣкѣ, попавшемъ въ водоворотъ болѣе осложненной и развитой жизни,—естественный человѣкъ у него неизмѣримо нравственнѣе и выше. Въ естественномъ человѣкѣ, будетъ то Никола Знаменскій, Пила, Сысойко, или только зародышъ человѣка въ образѣ маленькаго Яшки,— вы чувствуете какую-то здоровую силу, стремящуюся, стойкую; въ средѣ же болѣе сложной находите силу уже надломленную, ослабѣвшую, пограничную съ отчаяніемъ, или же ему отдавшуюся, если она сохранила свое первоначальное человѣческое содержаніе. Таковъ весь петербургскій людъ, который рисуетъ Рѣшетниковъ, людъ подвальныхъ этажей и кабаковъ.

Къ естественному здоровому типу принадлежатъ у Рѣшетникова только Опарина и Мирониха; но онѣ уже болѣе или менѣе законченная первоначальная форма, типъ, сложившійся при благопріятныхъ условіяхъ, случайное счастливое сочетаніе молота и наковальни съ типомъ общественнаго дѣятеля.

Опарина—все; она кулакъ, и мелочной торгашъ, и сельскій хозяинъ, и повитуха, и лекарь, и коновалъ; она помогаетъ деньгами и совѣтомъ; она — ходатай за угнетенныхъ; ея нравственному вліянію подчиняются не только крестьяне, но и сельское начальство; она — счастливое соединеніе Марфы-Посадницы съ торговкой, кумушкой и факторомъ. Много дѣла Опариной, такъ много — бѣда! какъ говоритъ она сама. Не всѣмъ выпала такая жизнь, да не у всѣхъ такой умъ и характеръ. Въ Опариной есть сила подчиняющая — не среда подчиняетъ ее себѣ, а она среду, потому что она знаетъ эту среду. Опарина знаетъ, что люди не столько злы, сколько глупы. «Иной разъ такъ до того разозлятъ въ глаза, что даже заплачешь отъ такой напасти... А я на все плюю и имъ же добро сдѣлаю, потому что, какъ бы худъ ни былъ человѣкъ, а все же послѣ пригодится и благодарность къ тебѣ будетъ имѣть», разсуждаетъ Опарина. Вообще ея отношеніе къ міру больше головное, основанное на разсчетѣ взаимной выгоды съ примѣсью сочувствія къ человѣческой нуждѣ. «Нѣтъ у кого муки, ко мнѣ бѣгутъ, потому отчего не дать своему человѣку—не обманетъ, отдастъ; а если и муку не возворотитъ, я сѣномъ возьму, али овсомъ, али чѣмъ инымъ. Тоже, напримѣръ, мужику нуженъ хомутъ, а денегъ нѣтъ, ну и плачется. Я говорю: ничего, подожди, на ярмаркѣ дешевле купимъ, а ты мнѣ только расписку пиши, послѣ сквитаемся. Ну, а какъ не заплатитъ,—и другимъ возьмемъ». Потакать Опарина не любитъ; она строга и въ ласку не вѣруетъ. «Ласка? Откуда ты это ласки-то найдешь? Развѣ меня лаской вспоили, вскормили? Развѣ меня теперь ласкаютъ, коли не огорчаютъ тебя на каждомъ шагу? Ласка что значитъ? Поблажка... А какъ сдѣлалъ поблажку разъ, другой, да какъ будетъ дитятко чужихъ совѣтовъ слушаться, тогда придется все самой дѣлать... Можетъ, и не удержишься и поколотишь, а потомъ и приласкаешь». Но вотъ злѣйшаго врага Опариной, Дарью Яковлеву, задумали высѣчь въ правленіи,— и въ Опариной проснулась Марфа-Посадница. Какъ только Опарина услышала объ этомъ, ее передернуло, и глаза засверкали. «Ну, этому не бывать,—сказала она:—вотъ еще новость!.. Какое они такое право взяли бабъ стегать?.. Развѣ это не обида всѣмъ бабамъ, коли надъ ними мужики будутъ командовать такъ и издѣваться?» — «Да вѣдь ты на нее сердита?»—замѣтили Опариной.— «Сколь сердита, столь и милостива. Ты думаешь, я безъ чувствія?»—отвѣтила она. Надѣлавъ скандалу въ волостномъ правленіи, Опарина не только выручила Дарью Яковлеву, но еще заплатила свои деньги за паспортъ, чтобы отправить Дарью изъ деревни отъ ея тирана-мужа. Писарь спрашиваетъ Опарину: изъ-за чего она тутъ хлопочетъ. «Ты говоришь—съ чего? Да знаешь ли ты, мнѣ отъ нея житья нѣтъ, то и дѣло ругается да бабъ нашихъ мутитъ. По ея милости мало ли что говорятъ про меня?.. Ну, а какъ въ городъ-то свезу—и лучше».

Мирониха—того же бойкаго, самостоятельнаго типа людей добрыхъ, дѣятельныхъ, въ которыхъ кулакъ-торгашъ умѣетъ ужиться съ Марфой-Посадницей. Матрена Власовна съ 12 лѣтъ уже стала ходить въ городъ продавать молоко и скоро научилась добывать деньги, такъ что отъ продажи молока, огородныхъ овощей, ягодъ и грибовъ она къ свадьбѣ своей, бывшей на 18-мъ году, помимо приданаго, накопила пятьдесятъ рублей. Въ замужествѣ и во вдовахъ она рѣшительно никого не боялась на томъ основаніи, какъ она выражалась: «съ насъ взятки гладки. Закона такого нѣту, чтобы командовать надъ нами». Хозяйство у Миронихи было такое, что жить ей было можно. Но она увеличила свой доходъ такимъ образомъ: «въ городѣ у нея было много знакомыхъ, которые за молоко или за какія либо овощи платили ей не тотчасъ, а черезъ мѣсяцъ или черезъ три мѣсяца. Она и писала счетъ на стѣнѣ въ своей кухнѣ противъ печки: палочка обозначала долгъ за одинъ буракъ, который стоилъ пять или три копейки; она никогда не смѣшивала вмѣстѣ разныхъ

долговъ, зато она къ каждымъ пяти палочкамъ приписывала себѣ за труды шестую палочку, думая: «небось, вы за ходьбу-то не прибавляете. А што мнѣ нужды, што вы меня чаемъ-то поите». А такъ какъ она денегъ не тратила по пустякамъ, то у нея часто просили въ долгъ сосѣди или городскіе знакомые. И эти долги она пишетъ на стѣнку, только рубли обозначаетъ оніками, а гривны—крестиками. Если же кто не отдаетъ ей долговъ, она ходитъ жаловаться начальникамъ, и если ужъ дѣло идетъ на ссору, приписываетъ къ тремъ оникамъ еще оникъ, а девять крестиковъ зачеркиваетъ, загораживаетъ клѣточкой и сверху пишетъ оникъ.

Мирониха и Опарина развились въ условіяхъ счастливаго равновѣсія житейскихъ вліяній. По своему положенію имъ самимъ приходилось разыгрывать роль то молота, то наковальни; оттого-то онѣ и знаютъ, насколько нужно нажать, чтобы было по божески и безобидно. Конечно, и Опарина, и Мирониха не пропустятъ своего. Опарина, напр., приказываетъ племянницѣ отмѣрить покупателю овса такъ, чтобы было ей не въ убытокъ, или попросту—обмѣрить. Мирониха тоже приписываетъ лишнія палочки и оники; но онѣ дѣлаютъ это въ мѣру, и экономическія, чисто стяжательныя побужденія никогда не играютъ въ нихъ главной роли, никогда не берутъ перевѣса надъ побужденіями человѣческими.

Параллельнаго Миронихѣ и Опариной мужского типа Рѣшетниковъ не даетъ и, конечно, не отъ того, чтобы его не было въ жизни. Никола Знаменскій умеръ въ осторогѣ, Пила—во время тяги. Да они и росли не въ тѣхъ условіяхъ, и ужъ были не тѣхъ лѣтъ, чтобы могли сложиться въ законченную, наиболѣе совершенную форму, создаваемую благопріятными условіями народнаго быта. Мирониха и Опарина, какъ говоритъ Рѣшетниковъ, «типъ горнозаводскихъ женщинъ, которыя не только не уступаютъ мужчинамъ, но даже превосходятъ ихъ. Онѣ не боятся мороза, сильныхъ вѣтровъ, дождей, грозы, а ихъ только безпокоитъ пьянство, лѣнь мужей, безденежье, которое часто происходитъ не отъ нихъ, а отъ божескаго послабленія, какъ онѣ сами выражаются». Но гдѣ же тотъ мужчина, который бы стоялъ выше забитыхъ людей, который имѣлъ бы въ своемъ характерѣ тѣ же основы, какъ Мирониха и Опарина, но только съ мужскимъ закаломъ и съ развитіемъ, вырабатываемымъ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности? Такого мужского типа Рѣшетниковъ не даетъ, точно онъ нигдѣ не видѣлъ и не нашелъ. Мужскіе типы, параллельные развитой формѣ Опариной и Миронихи—не органическіе продукты народной среды, не лучшіе продукты сравнительно благопріятныхъ русскихъ условій, а типы уже искалѣченные одностороннимъ положеніемъ и вліявшей на нихъ зачаточной гражданственностью. Таковы Внучкинъ и Ставленникъ.

Внучкинъ и Ставленникъ—натуры погнувшіяся, сумѣвшія примириться со своимъ искусственнымъ положеніемъ въ ущербъ соціальной правдѣ и справедливости. Утилитаризмъ, установившійся въ Опариной и Миронихѣ въ положеніе устойчиваго равновѣсія, во Внучкинѣ и Ставленникѣ погнулся въ одну сторону — личнаго своекорыстія. Отъ этого Внучкинъ, сначала волостной писарь и потомъ управляющій пароходной компаніи, есть типъ испутовавшагося сельскаго начальника, конгломератъ, въ которомъ сидитъ и волостной писарь, и приказный, и кулакъ-торгашъ, и деревенскій маклакъ, и аферистъ, и самодуръ, и деспотъ, и все это смазано мелочнымъ и мошенническимъ лукавствомъ и трусостью. Ставленникъ по своему составу проще: онъ — своекорыстная ограниченность подъ личиною лицемѣрія.

Міръ зачаточной гражданственности, создавшій Внучкина и Ставленника, страдаетъ именно тою искусственностью и авторитетнымъ формализмомъ, которые, втискивая жизнь въ законченныя рамки, обезличиваютъ человѣка и заставляютъ его пѣть по готовымъ нотамъ. Подумаешь, что люди уже все порѣшили, все знаютъ, и знать имъ больше нечего. Если подчиниться безгласно дрессированной философіи наставниковъ Внучкина и Попова, то окажется, что человѣческій мозгъ—совершенно излишняя роскошь, ибо на всякій шагъ имѣется готовый рецептъ. Слушайся и дѣлай — вотъ и вся практическая мудрость. Зачаточная гражданственность убиваетъ всякую критику мысли, всякую самодѣятельность и своеобразность, она заставляетъ принимать все на вѣру, безъ отговорки, безъ борьбы; подчиняться уставу даже и въ томъ случаѣ, когда онъ оскорбляетъ природу человѣка. Какой нибудь непосредственный и сырой Пила и Никола Знаменскій въ этомъ случаѣ неизмѣримо выше Внучкина и Егора Ивановича. Какъ ни смѣшны эти первобытныя натуры, выскочившія изъ первобытнаго лѣса, но въ нихъ вы видите свое, а въ Егорѣ Ивановичѣ—все чужое и внѣшнее. У Пилы и Николы Знаменскаго есть свой собственный критерій — непосредственное, безсознательное чувство, и вы ихъ не заставите сдѣлать того, что не принимаетъ ихъ душа. У Егора Ивановича собственной души нѣтъ; она успѣла уже вылѣпиться въ форму до того искусственной цивилизаціи, что утратила весь свой естественный ароматъ. Попробуйте-ка женить Пилу или Николу Знаменскаго, если имъ этого не хочется! Когда Настькѣ, познакомившейся слишкомъ коротко съ Николой, отецъ обрѣзалъ волосы, прибилъ и выгналъ ее, Никола Знаменскій сейчасъ же пошелъ къ нему. «Видишь это», сказалъ Никола и показалъ ему топоръ. И испугавшійся попъ отдалъ Настьку за Николу. Егоръ Ивановичъ, искусившійся въ философіи и діалектикѣ, такъ грубо, конечно, не поступитъ. «Я понимаю женитьбу такъ,—говоритъ онъ своей невѣстѣ:—жена моя должна быть другомъ мнѣ, а никакъ не рабой, т. е. она можетъ имѣть полную свободу во всемъ и быть моимъ утѣшителемъ». Или: «Да, мы женимся для мѣстовъ, а о любви и дѣла нѣтъ. Гадко! Послѣ этого, знаете ли вы, что мнѣ хочется сдѣлать — въ свѣтскіе выйти». Или: «Я рѣшился просить вашей руки не изъ какихъ либо честолюбивыхъ видовъ, а именно ради васъ.

Со мною вы будете свободны, потому что, понимая женщинъ, я не хочу стѣснять васъ. Повѣрьте, что все наше сословіе вступаетъ въ бракъ такъ, какъ и я хочу съ вами вступить». А раньше, на вопросъ Андрея Филимоныча—любитъ ли онъ свою невѣсту, Егоръ Иванычъ отвѣчалъ: «нѣтъ, я женюсь по необходимости». Не даромъ же ректоръ любилъ Попова за скромность и послушаніе, и въ то же время задавался вопросомъ—что-то будетъ съ этимъ лицемѣромъ. Но отецъ ректоръ взялъ нѣсколько далеко; Егоръ Иванычъ—еще не настоящій лицемѣръ, лицемѣръ будущій; онъ пока—сбившаяся съ пути и подавленная мысль, не владѣющая настоящимъ критеріемъ для собственной провѣрки. Въ то время, какъ Никола Знаменскій и Пила не воспримутъ того, что возмущаетъ ихъ природное чувство, и оттолкнутъ противорѣчащую имъ мысль, Егоръ Иванычъ поступитъ обратно: — онъ заставитъ смириться свое чувство предъ авторитетомъ взятой имъ на вѣру мысли. Оттого-то Егоръ Ивановичъ и живетъ въ вѣчномъ противорѣчіи чувства и мысли, которое, наконецъ, и должно выработаться въ немъ въ законченное лицемѣріе.

Въ очеркахъ и монографіяхъ Рѣшетникова нельзя прослѣдить постепенность перехода человѣка изъ жизни непосредственнаго чувства въ послѣдующія общественныя формы полуцивилизованныхъ людей, вкусившихъ отъ плода зачаточнаго образованія. Очерки Рѣшетникова носятъ характеръ случайности; они—не полная коллекція образцовъ, задуманныхъ и обрисованныхъ, во всей ихъ переходной постепенности, на фонѣ условій, ихъ создавшихъ, а отрывочныя изображенія отдѣльныхъ физіономій, наиболѣе поразившихъ автора.

Если подступать къ монографіямъ Рѣшетникова съ одними эстетическими требованіями, т. е. ставить беллетристовъ въ положеніе безсмысленнаго творчества, то, конечно, вопросъ о какой нибудь системѣ и основной мысли былъ бы совершенно неумѣстенъ. Но если беллетристъ есть изслѣдователь-популяризаторъ, то отъ его изслѣдованія нужно требовать плана, постепенности, полноты и систематическихъ отвѣтовъ на систематическіе вопросы. Прилагая это требованіе къ монографіямъ Рѣшетникова, слѣдуетъ пожалѣть, что ихъ слишкомъ мало; что въ нихъ не замѣтно системы и плана; что, вмѣсто этнографической коллекціи, онъ даетъ только нѣсколько фотографическихъ карточекъ. По матеріалу, который даетъ Рѣшетниковъ, нельзя составить критерія для опредѣленія въ каждомъ данномъ случаѣ и въ каждой данной физіономіи того естественнаго народнаго реализма, который, какъ органическій продуктъ, развившійся изъ хорошихъ силъ и при благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы служить провѣркой реализма, не пошедшаго дальше Базарова. Если эти два реализма, вышедшіе изъ противоположныхъ источниковъ, должны провѣрить другъ друга и сойтись на одной общей точкѣ, то это возможно только тогда, когда формулы того и другого будутъ вполнѣ выяснены и опредѣлены. Матеріалъ Рѣшетникова для этого еще недостаточно богатъ, и это могло произойти оттого, что — или монографіямъ отдѣльныхъ типовъ Рѣшетниковъ не придавалъ такого значенія, какое имъслѣдуетъ придавать,—или онъ спѣшилъ обнять народный міръ возможно широкимъ кругозоромъ и дать всеобъемлющія картины трудовой народной жизни въ формѣ романа,—или же оттого, что Рѣшетниковъ умеръ всего 29 лѣтъ. Послѣдняго обстоятельства совершенно достаточно, чтобы воздержаться отъ законченнаго приговора надъ силами Рѣшетникова. Онъ не сказалъ всего своего. Даже въ Россіи, при лучшей жизненной обстановкѣ, Рѣшетниковъ могъ бы прожить еще лѣтъ тридцать, а въ тридцать лѣтъ, если не измѣнятъ силы, можно написать много. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что лиризмъ есть основная подкладка произведеній Рѣшетникова. Онъ самъ выросъ въ щемящемъ чувствѣ, выстрадалъ за себя и за другихъ—и очерками забитыхъ людей и сатирическими монографіями (Ставленникъ, Внучкинъ) дѣлится своими чувствами съ читателемъ. Рѣшетниковъ по преимуществу человѣкъ чувства; онъ самъ весь свой вѣкъ мучился вопросами и искалъ, гдѣ лучше? Поэтому его литературныя произведенія—скорбная лѣтопись его собственнаго существованія и апелляція къ чувству за подобныхъ же ему горемыкъ. Въ Рѣшетниковѣ вы не найдете того, что такъ рѣзко и повсюдно выражается у Помяловскаго. Помяловскій не замыкается въ себя, онъ уходитъ въ протестующее озлобленіе, тогда какъ Рѣшетниковъ производитъ на васъ впечатлѣніе щемящаго страданія, сосредоточеннаго и тихаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безнадежнаго.

III.

Стоитъ въ лѣсу починокъ—всего шесть домовъ: четыре съ крышами, два безъ крышъ, съ соломой на потолкѣ, со слюдью въ оконныхъ рамахъ вмѣсто стеколъ; воротъ вовсе нѣтъ. Кругомъ болото и лѣсъ; повсюду мокро и не обработано; земля не даетъ травы, не даетъ хлѣба. Шатаются по полю три лошади, и то ненадолго—идутъ онѣ въ лѣсъ; тамъ больше травы. «Пробовали, — сказываютъ крестьяне,—ужъ какъ вспахивали землю и поздно, и рано, да все проку нѣтъ. Вспахашь — стужа настанетъ, либо дождь, потомъ жара, все окоченѣетъ; а тамъ дождь, иней, снѣгъ... Пробовали и за хлѣбушкомъ ходить, да все не въ толкъ: только начинаетъ созрѣвать, вдругъ дожди, заморозки, снѣгъ... Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку Божью, измелешь и ѣшь такъ, съ горячей водой, либо настоящей мучки смѣшаешь, али коры осиновой, либо липовой наскоблишь...» Зачѣмъ же подлиповцы живутъ тутъ? Подлиповцамъ этого не растолкуешь; они сами не знаютъ, откуда они взялись. Понятія ихъ такія: «Есть какой-то Богъ, а какой онъ тамъ, кто его знаетъ. По преданіямъ своихъ отцовъ, подлиповцы справляли праздники, молились своимъ чуреламъ. О существованіи земли они знали только то, что земля даетъ имъ пищу, да въ землю покойниковъ зарываютъ. Увидятъ ни, что солнце ярко свѣтитъ, и думаютъ: это богъ, молятся ему. Свѣтитъ ли ночью луна—тоже богъ;

и дождь, и снѣгъ, и молнія—все богъ. Знали они, что есть городъ Чердынь, только потому, что бывали тамъ; а есть ли еще за Чердынью что нибудь—дѣло темное». При своей бѣдности, подлиповцы постоянно въ долгу; съ нихъ требуютъ подати, но имъ негдѣ взять денегъ, и на нихъ растутъ недоимки съ каждымъ годомъ.

Картина эта переноситъ читателя въ первобытный міръ. У человѣка все зачаточно: и мысль, и чувство, и стремленіе. Отношенія просты; грубыя матеріальныя потребности — первыя потребности, о нихъ только человѣкъ и хлопочетъ, но и онѣ удовлетворяются не вполнѣ. Нѣтъ, такъ жить нельзя; нужно поискать, гдѣ лучше. И вотъ Пила и Сысойка идутъ пытать невѣдомаго для нихъ счастья. Но до счастья не дойдешь, какъ до мѣсяца. Потолкались Пила и Сысойко кое-гдѣ и попали, наконецъ, въ бурлаки. Тянули разъ судно; тянули, тянули, да и сѣли на мель.—Трогай сильнѣй, трогай, что стали!—понукалъ бечевниковъ лоцманъ съ судна. Бечевники натянули бечеву; судно пошло; бечевники наперлись пуще прежняго; запѣли... Вдругъ бечевка лопнула, всѣ бурлаки упали... Кто ударился головой о плетень, кто колѣнкомъ о камень, кто разшибъ носъ и губы. Пила и Сысойко лежатъ безъ чувствъ въ разныхъ сторонахъ, облитые кровью. «Померли! вотъ тѣ и жисть!» сказали бурлаки и накрыли ихъ полушубками. Должно быть, правъ былъ Пила, что ему съ Сысойкой родиться бы не слѣдовало. Родился зачѣмъ-то человѣкъ; въ дѣтствѣ терпѣлъ горе, вся жизнь его—горе горькое и заключалась въ томъ, что онъ старался найти себѣ что-то лучшее, пробовалъ выбиться изъ нищеты. Нѣтъ-таки, стой! куда лѣзешь, лапотникъ! До этого же додумались и Петровъ съ Караваевымъ. Перебирая свою жизнь послѣ всѣхъ мытарствъ, которыя они испытали, они пришли къ тому заключенію, что богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ плохо. Правда, въ кабакѣ хорошо, но на томъ свѣтѣ должно быть лучше. Человѣкъ, по ихъ мнѣнію, созданъ для того, чтобы самому добывать себѣ пропитаніе; а такъ какъ человѣку для этого нужно немного, то онъ былъ бы вполнѣ доволенъ и спокоенъ, еслибы его не обижали тѣ, которымъ хочется жить во все свое удовольствіе. И странно! какъ человѣку ни худо, а всегда найдется кто нибудь, кому еще хуже. И завидуетъ этотъ чужому хорошему, считая его лучше. Ужъ какъ скверно жилось Максѣ, когда стали его гонять съ почтами, а и тутъ ямщикъ позавидовалъ: «эко людямъ счастье,—сказалъ онъ:—все спятъ».

На этой основной мысли построены всѣ романы Рѣшетникова; всѣ они написаны на тему исканія простымъ человѣкомъ счастья, котораго онъ не находитъ, потому что всегда найдется болѣе сильный и болѣе богатый человѣкъ, который его обидитъ. Мысль объ исканіи. гдѣ лучше, начинается у Рѣшетникова въ «Подлиповцахъ», проходитъ въ «Гдѣ лучше» и въ «Свой хлѣбъ». Но «Свой хлѣбъ» у Рѣшетникова не конченъ, и къ какому послѣднему результату пришла бы его мысль, сказать, поэтому, нельзя.

Въ романахъ Рѣшетникова предметъ изслѣдованія составляетъ не отдѣльный человѣкъ, не процессъ его психическаго развитія, а отношеніе ищущаго, гдѣ лучше, человѣка къ внѣшнему міру. Здѣсь отдѣльное лицо не занимаетъ у Рѣшетникова всего мѣста въ картинѣ; онъ не соединяетъ на немъ главнѣйшій интересъ, потому что и каждое другое лицо—такой же герой, но о которомъ говорится мало изъ экономіи, для сокращенія подробностей. Горюновы, Глумовы, Петровы, Караваевы—не все ли равно?—Только иныя частности. а судьба одна. Этотъ переколачивающійся людъ Рѣшетниковъ пропускаетъ передъ глазами читателя и по одиночкѣ, и кучками, и цѣлыми толпами; всѣ стремятся туда, гдѣ лучше. Пробуютъ они и горные заводы, и золотые промыслы, и соляныя варницы, и бурлачество, наконецъ цѣлыми вереницами ломятъ на желѣзныя дороги. Васъ обхватываетъ повсюдное движеніе все въ одномъ направленіи и преимущественно къ Петербургу, на который устремлены всѣ помыслы искателей. Но Петербургъ—прорва,—говоритъ Рѣшетниковъ:—это — бездонная пропасть, поглощающая человѣка, чтобы не выпустить его изъ себя нравственно и физически здоровымъ. Въ Петербургѣ все бродитъ въ вѣчномъ исканіи, бѣдствуетъ и голодаетъ—оторванное и одинокое. До отдѣльнаго человѣка тамъ точно нѣтъ никому и дѣла—хоть околѣй. Кабакъ и трактиръ—вотъ семейный очагъ одинокаго пришлеца. Простой рабочій народъ не знаетъ, какой ядъ заключается въ водкѣ, и пьетъ ее по разнымъ причинамъ, говоритъ Рѣшетниковъ. Отправляется человѣкъ на работу и заходитъ въ кабакъ выпить осьмуху, чтобы разбить кровь; измученный и усталый, съ работы онъ опять заходитъ въ кабакъ, чтобы выпить на сонъ грядущій. Безъ водки рабочій чувствуетъ подавленность и скучаетъ. Забравшись въ кабакъ, рабочіе располагаются, какъ дома, пьютъ, бесѣдуютъ, толкуютъ о своихъ дѣлахъ, и въ этомъ рабочемъ, пришедшемъ изъ деревни, вы не узнаете деревенскаго крестьянина, живущаго въ кругу однодеревенцевъ и пьющаго водку въ праздники. Отчего же тотъ же крестьянинъ становится другимъ? «На это я скажу, говоритъ Рѣшетниковъ, что крестьянину очень скучно, душно и тяжело въ столицѣ, гдѣ онъ живетъ заработками». Въ артеляхъ живутъ рабочіе безъ женъ и вообще безъ женщинъ по пяти, десяти и болѣе человѣкъ и всегда питаются дрянною пищею. Въ комнатѣ сыро, душно; съ товарищами все переговорено—тянетъ на улицу; хочется повеселиться. Но куда идти? «Бабъ нѣтъ, дѣвокъ своихъ нѣтъ, орать пѣсни неловко, шататься по городу надоѣло, собраній такихъ нѣтъ, гдѣбы рабочій чѣмъ нибудь занялся,—ну, и идетъ человѣкъ въ кабакъ; тамъ онъ, выпивши водки, повеселѣетъ, покалякаетъ съ кѣмъ нибудь, пѣсни попоетъ, попляшетъ, и никто тамъ ему не препятствуетъ... И отчего бы ему не пѣть и не плясать въ кабакахъ, когда больше негдѣ, и когда онъ выросъ въ деревнѣ на хорошемъ воздухѣ и укрѣпилъ свои силы въ деревнѣ». Рабочій пьетъ всегда ради чего нибудь; горькіе же пьяницы, ничего не дѣлающіе,—другое дѣло.

Отношеніе Рѣшетникова къ рабочему населенію

глубокосочувственное; онъ не видитъ въ этомъ мірѣ ничего, кромѣ печальныхъ сторонъ, и подавляетъ читателя не грандіозностью единоличнаго бѣдствія, а монотонностью тупого покорнаго страданія цѣлыхъ сотенъ людей, которыхъ онъ заставляетъ проходить передъ глазами читателя. Конецъ же всегда одинъ, и выводъ тотъ же, до котораго додумались Петровъ съ Караваевымъ.

Эта монотонность и множество однородныхъ подробностей сообщаютъ романамъ Рѣшетникова тоскливую заунывность, вредящую имъ въ глазахъ читателей, привыкшихъ къ возбуждающему, острому изображенію беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Оно и понятно. У беллетристовъ сороковыхъ годовъ—міръ души, міръ радости и страданій, болѣе или менѣе каждымъ пережитыхъ и во всякомъ случаѣ болѣе знакомыхъ. У Рѣшетникова же—все незнакомо. Душа простого человѣка для читателя—совершенныя потемки. Общаго онъ съ ней почти ничего не находитъ въ себѣ. Реализмъ героевъ—тоже особенный, невѣдомый и новый. Это реализмъ естественный, инстинктивный, созданный обстоятельствами, толкающими человѣка туда или сюда, а не головной реализмъ Базарова, выработанный имъ идеальнымъ путемъ. Въ народномъ реализмѣ—роковое сцѣпленіе обстоятельствъ, о которыя разбивается единоличная воля; въ идеальномъ базаровскомъ—процессъ сознательной мысли, дающей опредѣленное направленіе единоличной волѣ. Эта разница въ двигающей силѣ кладетъ своею печать на все поведеніе людей изъ простой среды и цивилизованныхъ реалистовъ. Цивилизованный реалистъ,—всегда царь мысли, продуктъ интеллигенціи,—и онъ знаетъ это и гордится этимъ. Въ каждомъ своемъ шагѣ онъ чувствуетъ, что и простота, и естественность, и демократизмъ имѣютъ аристократическое происхожденіе и ведутъ свой родъ отъ головного Рудина. Поэтому-то сатанинская гордость такъ и присуща Базарову. Она—результатъ сознанія, котораго не подавишь и не уничтожишь, потому что это сознаніе есть основной элементъ той самой мысли, которая привела Базарова къ реализму. Сатанинская гордость переходитъ всегда въ болѣе или менѣе колоссальное самолюбіе. И колоссально-самолюбивый цивилизованный реалистъ подчеркиваетъ каждое свое дѣйствіе, отчеканиваетъ каждое свое слово. Они для него, какъ ярлычки на бутылкѣ. У героевъ Рѣшетникова вы этого подчеркиванія не встрѣтите. Умными мыслями они не щеголяютъ, словоизліяніе считаютъ безцѣльной болтовней, къ дѣлу не ведущей, говорятъ просто, поступаютъ еще проще, съ идеализаціей незнакомы и умственной гимнастики совершенно не знаютъ. Мысль простого человѣка есть результатъ его повседневной практики и его борьбы съ нуждой, научившей его понимать, что въ артели онъ застрахованъ лучше. Въ то время, какъ Базаровъ со своей сатанинской гордостью мѣритъ всѣхъ аршиномъ ума и не признаетъ ровней себѣ того, кто хотя на дюймъ его меньше, простой человѣкъ сложилъ себѣ аршинъ экономическій и аршинъ равнаго достоинства. Онъ считаетъ своимъ каждаго, такого же, какъ и онъ, бѣдняка и не желаетъ, чтобы надъ нимъ ломались. Когда дядя Кузьмина получилъ, наконецъ, черезъ 30 лѣтъ, первый чинъ, то сказалъ съ храбростью: «теперь меня ни одна свинья не смѣетъ обижать!» Вотъ для чего ему и нуженъ былъ чинъ,—онъ далъ ему равное достоинство съ тѣми, кто прежде обижалъ его, а теперь ужъ обижать не смѣетъ. «Главное, не нужно заѣдаться съ людьми: всякіе есть. Нужно такъ дѣлать, чтобы всѣхъ удовлетворить; а безъ этого ничего не подѣлаешь», говорилъ Кузьмину хозяинъ его квартиры. И этого хозяина всѣ уважали, потому что видѣли въ немъ вѣжливаго и совсѣмъ простого человѣка. Базаровъ разсуждалъ не такъ. Когда того же Кузьмина выгнали изъ службы, его безъ всякихъ справокъ пріютилъ къ себѣ Гаврило Матвѣичъ; ему было довольно, что Кузьминъ безъ дѣла и безъ хлѣба. «Я вижу, что дѣло твое бѣдное», сказалъ онъ Кузьмину и послалъ на семеновскій плацъ продавать сапоги. А когда Кузьминъ продалъ товаръ выгодно, Гаврило Матвѣичъ угостилъ его водкой и сосиськами. И всѣ эти Глумовы, Горюновы, Петровы, Пелагея Прохоровна, Агафья Петровна, Евгенія Тимофевна, Иванъ Зиновьичъ, бабка, принимавшая у Гаврилы Матвѣича, держатся крѣпко другъ за друга, точно они родились въ одной семьѣ. А сколько экономической деликатности въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ! Когда Гаврило Матвѣичъ спросилъ бабку: «сколько же вамъ за хлопоты?» — Вы не безпокойтесь, я еще буду ходить пять дней, если Катерина Степановна поправится, а не то и девять...—«Да вѣдь она и такъ здорова», отвѣтилъ Гаврило Матвѣичъ, испугавшись, что придется платить лишнее.—Это ужъ мое дѣло, а не ваше; я у васъ денегъ не попрошу: сколько дадите, столько и ладно». Базаровъ ошпаритъ и оттолкнетъ; онъ хочетъ быть одинъ, точно ему нѣтъ товарищей или они ему ненужны. Въ томъ же мірѣ, который рисуетъ Рѣшетниковъ, люди разсуждаютъ не какъ Базаровъ: они знаютъ, что одинъ человѣкъ погибнетъ, какъ червякъ. Вотъ отъ насыпи желѣзной дороги ѣдутъ телѣги, наполненныя больными мужчинами и женщинами. «Куда же ихъ везутъ?—спрашиваетъ Горюновъ.—Куда?—отвѣчаютъ ему,—извѣстно куда; вывезутъ на большую дорогу, и иди, откуда пришелъ. Хорошо, если село или деревня близко, а то такъ и помретъ иной человѣкъ на дорогѣ. У компанеевъ денегъ много, только не станутъ же они съ хворыми возиться, когда, говорятъ, они подрядились къ сроку дорогу сдѣлать... Коли въ силѣ человѣкъ—робь, и отдыха нѣту, а коли помираетъ—долой его. Разъ было привязались къ управителю, онъ и говоритъ: «у насъ-де люди не умираютъ, а коли они умерли за чертой—дѣло не наше, а божье». Вотъ что и соединяетъ людей—общая судьба, общее горе. Тутъ не нужно рудиновскихъ размышленій и распутыванія заоблачныхъ вопросовъ, чтобы понять простую сущность подобнаго простого положенія. Общій врагъ—нужда скоро связываетъ людей, особенно, если они терпятъ вмѣстѣ отъ тѣхъ же подрядчиковъ, маклаковъ и кулаковъ. «Вонъ ѣдетъ водовозъ въ неплатанномъ полушубкѣ, въ шапкѣ, имѣющей видъ

горшка: нещадно онъ бьетъ свою лошадь, ругая ее. Но лошадь идти не можетъ, потому что переднія колеса увязли въ ухабѣ. Онъ слѣзаетъ съ задка дровней, смотритъ на увязшія колеса и ругается: «о, штобъ вамъ, проклятыя! Взыски съ насъ берете, а это что? Когда вы всѣ передохнете». И потомъ, увидѣвъ попавшагося ему навстрѣчу мастерового, проситъ его помочь ему вытащить колеса. «Некогда, и такъ запоздалъ — штрафъ будетъ». — Да помоги, Христа ради! Ты знаешь, я только этимъ и кормлюсь, а какъ привезу не въ то время—другого возьмутъ. — Мастеровой засовываетъ ломъ подъ передокъ дровней, а водовозъ, помогая ему, говоритъ: «Жиды проклятые! Деньги берутъ, а это што». Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ чистаго экономизма и протестующаго отношенія къ тому, кто жметъ. Это пригнетанье Рѣшетниковъ рисуетъ то въ видѣ обирающаго петербургскаго кабатчика, то въ видѣ рыночнаго маклака, то въ видѣ разныхъ подрядчиковъ, то въ видѣ хозяина-нѣмца, то въ видѣ хозяина квартиры, то въ видѣ барыни, нанимающей женщинъ, явившихся на Никольскій рынокъ *продаваться*.

Въ картинѣ Никольскаго рынка Рѣшетниковъ идетъ дальше простого пригнетанья, — читаешь конкуренцію голодныхъ. Въ углу между Крюковымъ и Екатерининскимъ каналомъ собралось до 200 женщинъ, явившихся продаваться. Тутъ были и чухонки, лепечущія на своемъ языкѣ и стоящія отъ русскихъ особнякомъ, и нѣмки въ худенькихъ салопахъ и чепчикахъ на головахъ, и еврейки. На всѣхъ лицахъ выражается какое-то нетерпѣніе и страхъ. Многіе смотрятъ на образъ Николая Чудотворца, на церковь и вздыхаютъ. Вонъ дѣвушка годовъ 17-ти, сидя на мостовой, уперла голову обѣими руками. Другіе стоятъ тоже съ невеселыми лицами, часто вздыхаютъ и смотрятъ большею частью на одно мѣсто, какъ бы что-то обдумывая. Вдругъ всѣ женщины подвинулись къ дорогѣ; сидѣвшія вскочили и побѣжали къ толпѣ; стоявшія у каналовъ тоже побѣжали, съ яростью толкая другъ друга. Въ срединѣ женщинъ стояла пожилая, толстая барыня въ бѣлой шляпкѣ и драповомъ пальто. «А умѣешь ли ты кушанья готовить?» спрашивала барыня одну женщину. — Какже... я у хорошихъ господъ жила.—«Вретъ она! Она только что изъ деревни пріѣхавши. Вы меня возьмите, я только сегодня отъ мѣста отошла», проговорила другая женщина.—«Вретъ! Вретъ! Она табакъ нюхаетъ», кричали со всѣхъ сторонъ женщины... Наконецъ барыня столковалась съ одной женщиной: жалованья два съ полтиной, фунтъ кофею, т. е. полфунта кофею и полфунта цикорія, и фунтъ сахару.—Не прибавите жалованья-то?—спросила еще разъ женщина. «Нѣтъ».—Да вѣдь работы много!—«Какъ знаешь... и *васъ много*».

Этотъ отвѣтъ переноситъ вопросъ на другую точку, гдѣ и не разберешь, когда человѣкъ молотъ и когда онъ наковальня,—гдѣ границы между худымъ и хорошимъ, когда чужое кажется лучше своего, и когда невыспавшійся ямщикъ завидуетъ спящему съ горя Максѣ. Эмилія Карловна «Свой хлѣбъ», повидимому, очень обижаетъ своихъ дѣвушекъ, кормитъ ихъ скверно, заставляетъ ихъ просиживать ночи, эксплоатируетъ Дарью Андреевну. Когда же этой же самой Эмиліи Карловнѣ пришлось разсмотрѣть свою приходо-расходную книгу, то оказалось, что ей должны не больше ста рублей, а она должна купцамъ больше четырехсотъ. «Для чего, спрашивается,—размышляла Эмилія Карловна,—я содержу магазинъ? Я должна наживать деньги, а выходитъ, что я кругомъ въ долгу, живу въ кредитъ. Ужъ какъ, кажется, я ни стараюсь угодить моимъ заказчицамъ, какъ ни экономничаю, изъ кожи лѣзу, а долги растутъ!» И ей припомнилась прежняя жизнь. Прежде, хотя она и работала на хозяекъ, такихъ же, какъ и она, но была озабочена только тогда, когда хозяйки почему либо задерживали уплату. Случалось ей уходить въ магазинъ, и не пивши кофе, зато у нея не было долговъ. «Да, тогда лучше было жить,—рѣшила Эмилія Карловна». Подумавъ, какъ выкрутиться изъ бѣды, Эмилія Карловна остановилась на той мысли, что ей, вмѣсто наемныхъ рабочихъ, нужно держать дѣвочекъ безъ жалованья. И такъ разсуждаетъ не одна Эмилія Карловна, а всѣ, потому что границы между молотомъ и наковальней нѣтъ. Но этотъ реализмъ—реализмъ Собакевича, Ноздрева, Горданова, частью даже Базарова, выдѣляющаго себя въ одиночку, но не реализмъ Горюнова, Петрова и другихъ людей, которыхъ даетъ Рѣшетниковъ въ «Гдѣ лучше». Правда, Рѣшетниковъ не договаривается до конца и даетъ мысли въ зачаточной формѣ исключительно на подкладкѣ хорошихъ чувствъ. У него и здѣсь недостаетъ той систематической цѣлости и вполнѣ созрѣвшей мысли, какъ ихъ недостаетъ въ монографіяхъ отдѣльныхъ народныхъ характеровъ. Онъ начинаетъ далеко, съ самаго начала, Пилы и Сысойки, выскочившихъ изъ болотъ глухого сѣверо-востока. Затѣмъ непосредственное наблюденіе у г. Рѣшетникова дѣлаетъ скачокъ, и мысль, которую мы находимъ въ «Подлиповцахъ», продолжается въ «Гдѣ лучше». Въ своей экономически-соціальной сущности мысль эта не зрѣлѣе. Она только разрабатывается на людяхъ, стоящихъ неизмѣримо выше, по опыту и по гражданственности, первобытныхъ Пилы и Сысойки. Отъ этого «Гдѣ лучше» уже не производитъ того впечатлѣнія обновляющей свѣжести, какое выносишь при чтеніи «Подлиповцевъ»:

Послѣдовательное экономическое мышленіе для Рѣшетникова, повидимому, не существовало, ибо на тему, гдѣ лучше, онъ даетъ цѣлый рядъ многосложныхъ картинъ, рисуя ихъ лишь изъ разныхъ сферъ, но не выслѣживая экономической идеи въ ея постепенности народнаго міровоззрѣнія.

Назвать это пропускомъ со стороны Рѣшетникова я не беру на себя смѣлости. Слѣдя за мыслями, выясняющимися въ романѣ, въ нихъ дѣйствительно не находишь экономической связи. Рѣшетниковъ самыми темными красками рисуетъ положеніе людей мускульнаго труда. По его картинамъ, это—безысходное состояніе, съ которымъ слѣдуетъ примириться, потому что богатый всегда будетъ обижать

бѣднаго, но рядомъ съ этимъ Рѣшетниковъ указываетъ на естественную солидарность бѣдныхъ людей, поддерживающихъ другъ друга, на ихъ злобу на богатыхъ, и затѣмъ даетъ картины конкуренціи самихъ голодныхъ и заставляетъ хозяйку моднаго магазина придти къ печальному сознанію, что ей жилось лучше, когда она была работницей-швеей. Опредѣленной тенденціи въ одномъ направленіи, очевидно, тутъ нѣтъ. Рѣшетниковъ какъ будто еще и самъ не выяснилъ себѣ вопросовъ, о которыхъ онъ говоритъ. Отъ этого народно-реальное воззрѣніе на соціально-экономическія отношенія остается туманно-зачаточнымъ, и въ рѣчахъ и въ поведеніи героевъ слышится не столько результатъ народной мудрости, созданной многовѣковой практикой, сколько скорбная жалоба на трудность и безысходность положенія. Рѣшетниковъ даетъ народный реализмъ лишь въ формѣ зачаточной практики, созданной непосредственнымъ чувствомъ, но не въ видѣ если и не вполнѣ развитой, то во всякомъ случаѣ сознательной мысли. Исканіе, гдѣ лучше, представляется въ романахъ Рѣшетникова въ видѣ какой-то случайной толкотни, ясной только въ своемъ основномъ побужденіи; страховая же гарантія не идетъ дальше взаимнаго сердоболія между людьми наиболѣе близкими. Поэтому выискивать основы народнаго реализма и находить его параллели съ реализмомъ, созданнымъ интеллигенціей, составляетъ уже задачу, лежащую внѣ средствъ автора, которой онъ не только не беретъ на себя, но для исполненія которой онъ не даетъ достаточнаго матеріала, и другимъ. А въ то же время Рѣшетниковъ—чистый народникъ, самъ человѣкъ, выросшій на лонѣ природы, самъ выстрадавшій все, что онъ говоритъ про другихъ, и, можетъ быть, потому-то и являющійся адвокатомъ-лирикомъ всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ, гдѣ лучше, и его не находитъ. Въ этомъ смыслѣ въ Рѣшетниковѣ слѣдуетъ цѣнить выше всего направленіе и его честное, искреннее, гуманное отношеніе къ народу, который для него—не меньшіе братья, не предметъ для объективнаго наблюденія, а плоть отъ плоти и кровь отъ крови. Для Рѣшетникова его герои—не Панфилъ, Иванъ, Агафья, а Панфилъ Прохорычъ, Иванъ Зиновьичъ, Агафья Петровна, Евгенія Тимофевна, Пелагея Прохоровна, Степанида Власовна, Терентій Иванычъ. Это уважительное отношеніе къ равнымъ намъ людямъ впервые введено въ русскую беллетристику Рѣшетниковымъ.

И здѣсь приходится повторить то же, что я сказалъ раньше, т. е., что окончательный выводъ о силахъ Рѣшетникова невозможенъ. Можно говорить лишь объ его общемъ направленіи, объ общемъ характерѣ его дѣятельности и его новаторскомъ значеніи въ литературѣ. Рѣшетниковъ, сколько можно судить по его романамъ, далеко не кончилъ своего развитія и не сформировалъ себѣ программы. Но онъ, очевидно, зрѣлъ, совершая самъ переходъ отъ непосредственнаго лиризма, который виденъ у него въ «Подлиповцахъ», къ тенденціознымъ замысламъ, высказывающимся въ «Гдѣ лучше» и въ «Своемъ хлѣбѣ», хотя лиризмъ оставался попрежнему основной покладкой.

Въ «Гдѣ лучше» замыселъ шире и глубже. Съ самаго начала вы чувствуете, что передъ вами уже не тѣ люди изъ народа, съ крѣпкимъ букетомъ первобытной и своеобразной среды, какихъ вамъ даетъ авторъ въ «Подлиповцахъ» и въ «Очеркахъ». На людяхъ уже замѣтна полировка, хотя они и простые деревенскіе люди. Но перемѣна эта—не въ людяхъ, а въ самомъ авторѣ, въ которомъ чувствуешь, что онъ что-то замышляетъ, что у него есть какая-то тенденція, что ему нужны не непосредственные сыны природы, какъ подлиповцы, а матеріалъ болѣе подходящій къ новой цѣли, что васъ ведутъ въ болѣе широкій обхватывающій міръ, гдѣ труднѣе ко всему присмотрѣться, все понять, найти всему мѣсто и мѣру, опредѣлить гармонію отношеній; однимъ словомъ, вы чувствуете, что передъ вами романъ, а не повѣсть и очеркъ. И именно въ этомъ-то болѣе широкомъ тенденціозномъ замыслѣ недостатки и достоинства романа.

Рѣшетниковъ даетъ чувствовать, что его герои—не мужики а такіе же люди, какъ и всѣ, ровня героевъ Тургенева и Гончарова, но только выросшіе въ другой средѣ. Это приравниваніе Рѣшетниковъ дѣлаетъ въ ущербъ своеобразности и оригинальности, и какъ бы обезличиваетъ своихъ героевъ, сводя ихъ на общій уровень. Интереса ни въ подробностяхъ, ни въ языкѣ вы не встрѣчаете, какъ вы встрѣчали ихъ ранѣе въ болѣе короткихъ и мѣткихъ произведеніяхъ Рѣшетникова. Равное достоинство героевъ отъ этого выигрываетъ, но самые герои теряютъ въ интересѣ новизны и въ своеобразности. Мѣстами даже слышится натяжка, какъ, наприм., въ сценѣ объясненія Лизаветы Елизаровны съ Григоріемъ Прохоровичемъ. Лизавета Елизаровна нѣжна, какъ тургеневская героиня; вы чувствуете отъ нея вѣяніе барышни, культивировавшей въ себѣ одни нѣжныя чувства. Я не говорю, что это ложь противъ естественнаго чувства, но говорю, что чувство слишкомъ сладко и изнѣжено. Въ то же время Григорій Прохоровичъ напускно грубъ, точно авторъ хотѣлъ этимъ уравновѣсить фальшь, которую онъ самъ чувствовалъ. Исторія Пелагеи Прохоровны съ Петровымъ отзывается тоже искусственностью и идеальничаньемъ; ихъ отношенія недостаточно просты и непосредственны, и за героями нерѣдко видишь выглядывающаго автора, который какъ бы хочетъ сказать: посмотрите, вѣдь это такіе же люди, какъ вы, и чувствуютъ они по вашему, и деликатны не меньше васъ. Да кто же объ этомъ теперь споритъ? Вообще, сердечный, любовный элементъ больше вредитъ, чѣмъ помогаетъ тенденціозному впечатлѣнію романа. Конечно, общая картина жизни полнѣе, но зато эпопея народнаго исканія становится слабѣе, и замыселъ показать людей вообще осуществляется лишь насчетъ бытового соціально-экономическаго интереса.

Кромѣ этого, въ «Гдѣ лучше» замѣчается отсутствіе мѣры. Это необходимое слѣдствіе богатства матеріала. Автору точно хочется не пропустить

ничего; онъ точно спѣшитъ собрать въ одно все, что идетъ къ дѣлу, чтобы дать картину народнаго скитанія въ возможно полномъ видѣ. Отъ этого съ одной стороны—растянутость отъ обилія положеній и лицъ, съ другой—эпизодическая краткость, какъ, напр., въ похожденіяхъ Памфила Горюнова, попавшаго въ острогъ. Конечно, острогъ всѣмъ уже болѣе или менѣе извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе краткость всетаки помѣшала типичности и яркости картины. Сила Рѣшетникова именно въ томъ, что онъ подавляетъ массой и нескончаемою монотонностью. Только она и забираетъ васъ за душу. Оттого и нужно считать ошибкой мѣры, что Рѣшетниковъ въ одномъ романѣ, какъ бы въ микроскопѣ, хотѣлъ показать всю трудовую судьбу русскаго рабочаго человѣка. Та же самая жизнь по частямъ, въ видѣ отдѣльныхъ монографій, съ большими подробностями народнаго міровоззрѣнія, явилась бы совсѣмъ въ иномъ видѣ и произвела бы впечатлѣніе не мимолетное. И къ чему такой широкій всеобъемлющій размахъ, чего спѣшить? Не былъ ли бы лучше рядъ монографій вродѣ жизни рабочихъ на соляныхъ варницахъ, на заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, жизни люда подвальныхъ этажей и петербургскаго Никольскаго рынка, но все это въ подробныхъ спеціальныхъ картинахъ. Чѣмъ такая галлерея монографій хуже эпизодическихъ картинъ на тѣ же темы, связанныхъ въ одинъ сжатый романъ, въ которомъ для интереса и ради уступки традиціи впущены общею связью Палагея Прохоровна и сердечный элементъ нѣжной любви?

Если Рѣшетниковъ романомъ «Гдѣ лучше» заявилъ большую зрѣлость мысли и опредѣленность замысла, то въ то же время онъ какъ бы и выскочилъ изъ своей роли, слишкомъ обобщивъ поле наблюденія и слишкомъ расширивъ его для одного опыта. Наблюденіе выиграло бы и въ ширинѣ, и въ глубинѣ, еслибы оно производилось по частямъ, по заранѣе обдуманному плану; но именно такого плана и не замѣчается. Рѣшетниковъ точно спѣшитъ сказать сразу все, и оттого раскидывается. Но съ другой стороны Рѣшетниковъ, можетъ быть, оказался и правъ, потому что умеръ слишкомъ рано. Его, очевидно, подавляло обиліе матеріала, а при обиліи трудно сохраняется мѣра и экономія. Въ Рѣшетниковѣ именно изумляешься богатству внутреннихъ средствъ, наблюдательной способности автора, сумѣвшаго столько увидѣть, столько понять и столько запомнить. Въ этомъ случаѣ Рѣшетникова нельзя укорить писателями сороковыхъ годовъ,—напротивъ, этихъ писателей можно укорить Рѣшетниковымъ. Справедливо, что въ отношеніи литературнаго и научнаго образованія у Рѣшетникова есть просвѣты. Незрѣлость соціально-экономической идеи сказалась въ немъ даже весьма замѣтно и повредила замыслу и исполненію романовъ изъ народнаго быта, построенныхъ на экономической основѣ. Но, съ другой стороны, гдѣ у писателей сороковыхъ годовъ такое знаніе русскаго человѣка, его быта, его положенія? Читателю давали всегда одного, двухъ, трехъ героевъ, мучениковъ одной идеи или одного чувства, составлявшихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и спеціальность беллетриста. Рѣшетниковъ же подавляетъ васъ сотнями и тысячами людей, изъ которыхъ каждый—герой, съ которыми онъ знакомъ, какъ со своими пятью пальцами, вмѣстѣ съ которыми онъ изучилъ и бытъ почтовыхъ людей, и бытъ духовныхъ, и жизнь въ монастырѣ, и жизнь нищихъ, и жизнь мѣщанъ, и жизнь рабочихъ всякихъ горныхъ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, и жизнь пьяницъ петербургскихъ кабаковъ, и жизнь петербургскихъ обитателей подваловъ и т. д., и т. д., и т. д. Нѣтъ такого народнаго слоя, въ которомъ бы не побывалъ Рѣшетниковъ своимъ собственнымъ тѣломъ,—вѣдь это пройти сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы. Знаніе это богаче и крѣпче кабинетнаго знакомства съ иностранными писателями, и ужъ, конечно, въ Рѣшетникова не кинетъ никто упрекомъ, что онъ не читалъ Байрона. Можетъ быть, даже и хорошо, что онъ не читалъ его, и, можетъ быть, только поэтому въ Рѣшетниковѣ сохранились самостоятельность, своеобразность и букетъ народности.

Но, должно быть, и общей соціальной идеи не минуешь. Уже и теперь можно замѣтить на Рѣшетниковѣ ея вліяніе, и это вліяніе отразилось въ «Своемъ хлѣбѣ». Если хотите, Рѣшетниковъ въ «Своемъ хлѣбѣ» еще шире и общѣе, но зато и дальше отъ своей задачи. «Свой хлѣбъ» написанъ на общую тему, которою жила русская беллетристика послѣднихъ десяти лѣтъ. На эту тему писали Стебницкій, Марко Вовчокъ и многіе другіе; энергическая дѣвушка, которой невыносимо въ семьѣ, хочетъ найти свое мѣсто въ природѣ и жить своимъ трудомъ. Нова только обстановка, въ которой она дѣйствуетъ; правдивы обстоятельства, заставившія ее выдѣлиться изъ среды, но сущность мысли не представляетъ ничего ни новаго, ни тенденціознаго. Романъ даже и не конченъ; онъ точно переходъ къ чему-то, вступленіе къ новому роману, которымъ авторъ хочетъ разоблачить Петербургъ. Поэтому о «Своемъ хлѣбѣ» говорить много нечего. Въ томъ, что далъ авторъ, онъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ своей манерѣ тянуть за душу обиліемъ мелочныхъ подробностей, вѣренъ правдѣ жизни, которую онъ рисуетъ просто, безъ прикрасъ, безъ идеальной размалевки, выдѣлывающей изъ простыхъ людей какихъ-то героевъ и титановъ. Но зато Рѣшетниковъ слабъ именно тѣмъ, что сталъ на чужую тропинку, что онъ какъ бы не понялъ своего новаторскаго значенія, своего истиннаго призванія, и оставилъ свою роль, не разыгравъ ея до конца. Какъ только Рѣшетниковъ сталъ на ту дорогу, по которой шли беллетристы высшей школы, онъ пересталъ быть представителемъ народнаго реализма и пророкомъ новаго слова, которое отъ него надѣялись услышать. Гадать въ будущемъ, конечно, нечего. Созналъ ли бы или не созналъ Рѣшетниковъ своего назначенія, — рѣшать поздно; неоспоримо только то, что преждевременная смерть Рѣшетникова—большая потеря для русской народной мысли и для выясненія русской народной жизни. Можетъ быть, Рѣшетниковъ и не открылъ бы той точки, на которой реализмъ циви-

лизованныхъ людей и народный реализмъ нашли бы свое примиреніе, и у которой Петровъ и Базаровъ протянули бы другъ другу руки; но что бы ни случилось, Рѣшетниковъ выступилъ и пошелъ вѣрно, и найдутся ли у насъ въ настоящій моментъ работники, которые продолжали бы его дѣло систематически, съ хорошо обдуманной мыслью и программой — неизвѣстно. Преждевременная смерть Рѣшетникова—огромная потеря, которую, можетъ быть, еще и не умѣютъ оцѣнить у насъ достаточно. Для читателей Шпильгагена Рѣшетниковъ можетъ быть скученъ и однообразенъ, но это оттого, что мы еще и до сихъ поръ идеальничаемъ, не понимаемъ трезвой правды и трезвой жизни, живемъ мечтою и воображеніемъ и не умѣемъ примирить слово съ дѣломъ. Слово наше всегда хорошо,—дѣло наше почти всегда скверно. Мы лжемъ и обманываемъ себя и другихъ и теперь также, какъ это дѣлали десять лѣтъ назадъ. Нашъ реализмъ—болтовня. Нѣтъ въ насъ органической простоты и естественности, и, подобно Базарову, мы всѣ подчеркиваемъ свои слова, гордимся своимъ напускнымъ содержимымъ, доставшимся намъ головнымъ путемъ, и совершенно отошли отъ простоты и согласія въ поступкахъ и мысляхъ, на которыя намекаетъ Рѣшетниковъ, давая образцы въ Пелагеѣ Прохоровнѣ и Петровѣ.

Смерть Рѣшетникова оставляетъ вопросъ о народномъ реализмѣ открытымъ и едва намѣченнымъ. Выяснить его во всѣхъ подробностяхъ народнаго міровоззрѣнія, указать его руководящее значеніе и найти точку примиренія съ идеальнымъ головнымъ реализмомъ, идущимъ отъ Рудина черезъ Базарова,—вотъ задача будущихъ народныхъ писателей. Этотъ вопросъ — основной вопросъ прогрессирующей русской мысли. Онъ созданъ и вызванъ духомъ времени, и только въ изслѣдованіи его одного новый писатель найдетъ новую для себя силу. Базаровъ уже сказалъ свое послѣднее слово, и дѣло его не выгорѣло. Вотъ отъ чего онъ и стушевался. Продолжать старую тему нельзя; сочинять варіаціи на «Свой хлѣбъ», «Своимъ путемъ», «Живая душа» или сочинять пасквили, вродѣ «Некуда», — напрасная трата времени. Новый Рудинъ задумался и размышляетъ, и живую струю можно искать и найти только въ томъ источникѣ, въ которомъ ее отыскивалъ Рѣшетниковъ.

Напомню читателю любопытный фактъ. Когда хоронили Рѣшетникова, шелъ за гробомъ только кое-кто изъ литературы, а изъ публики никто; когда же хоронили Линскую, шла почти вся литература и тысячи народу.

Май 1870.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО.

I.

Кому теперь лѣтъ шестьдесятъ, для кого царствованіе Александра I было свѣжимъ, хотя и дѣтскимъ преданіемъ, кто при Николаѣ I воспитался и началъ жить, а при Александрѣ II принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ интересовъ и страданій, тому (и особенно въ настоящее время) нельзя не задуматься надъ странной судьбой нашего умственнаго роста.

Роды мысли—самые трудные роды, и для Россіи они бывали всегда особенно трудными. Чтобы разрѣшиться простою мыслью, что для Россіи неизбѣжно европейское образованіе, потребовался такой акушеръ, какъ Петръ Великій, и отъ его операціи Россія и до сихъ поръ не можетъ оправиться. Умственный ростъ давался намъ всегда болѣзненно и туго. То былъ даже не ростъ, а какіе то конвульсивные прыжки и періодическія смѣны движенія и застоя. Послѣ Петра должны были смѣниться три поколѣнія, прежде чѣмъ обнаружились первые плоды европейской культуры. Это случилось въ «золотой» вѣкъ Екатерины, — время перваго возрожденія литературно-общественной мысли въ лицѣ Новикова и «русской» науки въ лицѣ Ломоносова, Лепехина и др. Впрочемъ, «золотой» вѣкъ Екатерины продолжался едва ли болѣе 15 — 20 лѣтъ. Уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда началось преслѣдованіе Новикова, наступаютъ для русской мысли сумерки, превратившіяся вскорѣ въ непроглядную ночь. Въ первые годы царствованія Александра I появляется снова свѣтлый промежутокъ, черезъ пятнадцать лѣтъ смѣнившійся просвѣтительными заботами Аракчеева и Магницкаго. Затѣмъ вступаетъ на престолъ Николай I, и при немъ Россія выставляетъ своихъ лучшихъ представителей во всѣхъ областяхъ мысли и искусства. Въ литературѣ выступаютъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, Герценъ; въ наукѣ — Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Кавелинъ, Мейеръ; въ живописи — Брюловъ, Бруни; въ музыкѣ — Глинка; на театральной сценѣ — Щепкинъ, Мочаловъ, Каратыгинъ 1-й, Мартыновъ. Царствованіе императора Николая не отличалось особенной мягкостью, и мысль при немъ держалась въ дисциплинѣ, а между тѣмъ—странное дѣло!—Гончаровъ, Тургеневъ, Левъ Толстой, Достоевскій, Писемскій, Островскій выросли, развивались и начали писать при немъ; при немъ же создались и лучшіе профессора начала шестидесятыхъ годовъ — Сѣченовъ, Менделѣевъ, Пыпинъ, Спасовичъ; тогда же выросли и воспитались всѣ тѣ, кто въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стоялъ во главѣ умственнаго движенія, и чьими трудами создались всѣ реформы.

Какимъ закономъ слѣдуетъ объяснить, что только при Екатеринѣ и Николаѣ появляются у насъ наиболѣе даровитые люди, и не единично, а повально, толпой, и во всѣхъ отрасляхъ мысли и искусства; что̀ ихъ создало или вызвало; почему ничего подобнаго не замѣчается ни въ предыдущія, ни въ послѣдующія царствованія? При императорѣ Николаѣ, не особенно покровительствовавшемъ идеямъ, появляется цѣлая масса даровитыхъ людей, да еще составляется запасъ ихъ для послѣдующаго царствованія; а при мягкомъ Александрѣ II никакихъ новыхъ талантовъ и выдающихся умственныхъ силъ не появляется, и Россія пребываетъ въ сумеркахъ мысли до сего момента.

У Бокля есть любопытное изслѣдованіе о вліяніи правительственнаго покровительства на умственные успѣхи Франціи при Людовикѣ XIV. Прослѣдивъ за всѣми отраслями умственнаго труда, Бокль неопровержимыми фактами доказываетъ, что «вѣкъ» Людовика XIV былъ не золотымъ вѣкомъ литературы, науки и искусства, а, напротивъ, вѣкомъ ихъ упадка; то былъ вѣкъ нищеты, нетерпимости и притѣсненій; то былъ вѣкъ рабства, позора и бездарности. Причина этого заключалась въ правительственномъ покровительствѣ, въ желаніи подчинить науку, литературу и искусство правительственнымъ цѣлямъ. Никогда писатели не были вознаграждаемы съ большею щедростью,

чѣмъ при Людовикѣ XIV, и никогда они не были такъ низки духомъ, такъ раболѣпны, такъ положительно неспособны къ выполненію своего великаго призванія апостоловъ знаній и проповѣдниковъ истины. Для того, чтобы пріобрѣсти милость короля, даже самые знаменитые писатели жертвовали независимостью духа. Единственнымъ слѣдствіемъ этого были измельчаніе и раболѣпіе духа, затѣмъ упадокъ знаній, а затѣмъ униженіе страны, что̀ именно и случилось съ Франціей Людовика XIV. Только поразительная энергія французскаго народа,—говоритъ Бокль,—могла дать ему возможность оправиться впослѣдствіи отъ вліянія такой разслабляющей системы. Но хотя онъ оправился, усилія стоили ему дорого: борьба протянулась два поколѣнія и кончилась страшною революціею. Общій выводъ Бокля такой: противъ развращающей системы правительственнаго закупа окажутся, можетъ быть, способными устоять два-три передовыхъ мыслителя, но, разсматривая человѣчество въ цѣломъ, мы убѣждены, — говоритъ Бокль,—что никакое общество не въ состояніи удержать на своей сторонѣ какой либо классъ иначе, какъ черезъ посредство интересовъ этого класса. Поэтому каждый народъ долженъ бы стараться, чтобы интересы писателей были болѣе на его сторонѣ. Литература есть представительница умственнаго развитія, которое прогрессивно; правительство—представитель порядка, который неподвиженъ. Покуда обѣ эти великія силы раздѣлены, онѣ будутъ дополнять и противодѣйствовать одна другой, и народъ долженъ держать вѣсы. Но если эти силы заключатъ союзъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ должны быть деспотизмъ въ государственномъ управленіи и раболѣпіе въ литературѣ. Такова была исторія Франціи при Людовикѣ XIV.

При Людовикѣ XIV и послѣ него (при просвѣщенномъ деспотизмѣ) наука и литература поощрялись (къ чему это приводило — достаточно доказалъ Бокль), и правительства очень заботились объ успѣхахъ знаній и образованія. Іосифъ II и Фридрихъ Великій не менѣе Людовика XIV заботились о просвѣщеніи. И у насъ Екатерина II явилась покровительницей литературы и наукъ и сама принимала участіе въ литературѣ. Сотрудничая во *Всякой Всячинѣ*, императрица Екатерина даже полемизировала съ *Труднемъ*. До чего доходила тогдашняя правительственная терпимость, можно видѣть изъ того, что Новиковъ въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ *Всякой Всячинѣ* говоритъ, что противница его менѣе виновата, чѣмъ онъ думалъ: «вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ». Въ *Московскомъ изданіи* напечатаны Новиковымъ статьи о государяхъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ подданными, въ которыхъ Новиковъ высказываетъ такія вещи: «Государь долженъ остерегаться увлеченія любовью; всякое государство лучше управляемо быть можетъ празднымъ государемъ, нежели страстнымъ. Ежели первый имѣть будетъ искуснаго министра, тогда праздность его обратиться можетъ въ пользу народа; страстный же самъ управлять не силенъ и, будучи невольникомъ, повинуется волѣ любовницы и самъ приказать не въ состояніи. Какъ скоро государь отдается любви, то весь его дворъ почитаетъ за долгъ чувствовать ту же страсть. Временщики, министры, придворные,—однимъ словомъ, всѣ показываютъ нѣжное сердце. Что же будетъ изъ сей прилипчивой любви? Женщины овладѣютъ правительствомъ. Любовницы государя, министровъ и временщиковъ, сдѣлавъ союзъ, станутъ раздавать чины и всѣ дѣла расположатъ по своимъ прихотямъ». И послѣ подобныхъ, для того времени слишкомъ смѣлыхъ, если не дерзкихъ мыслей изданіе Новикова запрещено не было. Понятно, что Новиковъ имѣлъ основаніе писать вполнѣ искренно: «О благополучная Россія! О счастливое отечество наше! Совершается пророчество Петра Великаго, что науки и художества, преходя изъ страны въ страну, изъ государства въ государство, пріидутъ наконецъ въ Россію и въ ней водворятся. Не видимъ ли мы счастливаго событія сего славнаго предсказанія во дни благополучія россійскаго, во дни царствованія премудрыя Екатерины? Наступили въ Россіи дни златые: цвѣтутъ науки и художества, появляются россійскіе Орфеи, Архимеды, Птоломеи, Плиніи, Ливіи, Апеллесы и Праксители».

Но вотъ французское умственное движеніе, а затѣмъ и революція сразу охлаждаютъ просвѣтительные порывы европейскихъ правительствъ, и «въ августѣ 1784 года комиссія училищъ предъявляетъ къ Новикову искъ за напечатаніе учебниковъ. Въ сентябрѣ того же года Архаровъ получаетъ указъ императрицы, запрещающій «ругательную» исторію іезуитскаго ордена. Нѣсколькими недѣлями ранѣе воспрещается сочиненіе *О вліяніи успѣха наукъ на человѣческіе нравы и образъ мыслей*, печатавшееся въ прибавленіяхъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Затѣмъ съ 7 октября 1785 г. идетъ послѣдовательный рядъ указовъ, повелѣвающихъ: освидѣтельствовать частныя училища въ Москвѣ, разсмотрѣть книги, выходящія изъ типографіи Новикова, испытать самого Новикова въ христіанскомъ законѣ, осмотрѣть больницу, заведенную дружескимъ обществомъ, опечатать книжную лавку Новикова и т. д., и т. д. Дѣло продолжается, такимъ образомъ, до 1792 г., когда выходитъ повелѣніе арестовать Новикова, и знаменитаго дѣятеля заключаютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, изъ которой освободилъ его только Павелъ I» (*Незеленовъ*: «Н. И. Новиковъ»).

Для литературы и печати наступила во всѣхъ европейскихъ монархическихъ государствахъ новая система, не имѣющая ничего общаго съ прежней покровительственной системой, но также, какъ и она, не давшая ожидаемыхъ результатовъ. Цензура и запрещеніе книгъ хотя были изобрѣтены и въ средніе вѣка, но теперь получили такое тонкое развитіе, что даже транспаранты не могли печататься безъ разрѣшенія цензуры. Императоръ Павелъ совсѣмъ запретилъ ввозъ иностранныхъ книгъ. Болѣе мягкимъ царствованіемъ Александра I уже никакъ нельзя объяснить появленія при императорѣ Ни-

колѣ такой массы талантовъ: и воспитательная система Магницкаго, и политика Аракчеева не могли создать и воспитать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго. Какимъ же образомъ могло повторяться такое странное противорѣчіе, какъ появленіе цѣлыми плеядами даровитыхъ людей, когда они были едва только терпимы, или же, какъ въ эпохи реформъ, они по первому на нихъ запросу выростали внезапно, точно изъ земли? Такое явленіе въ новой исторіи Россіи повторялось четыре раза: при Петрѣ Великомъ, при Екатеринѣ II и въ началѣ царствованій императоровъ Александра I и Александра II.

Правительство, неоспоримо, огромная сила, располагающая громадными средствами, но оно—только сила уравновѣшенія. Правительство можно сравнить съ дирижеромъ оркестра, который распоряжается готовыми музыкантами, но не создаетъ ихъ. Виртуозовъ мысли, какъ и музыкантовъ, создаютъ общество, жизнь, идеи, находящіяся въ оборотѣ. Въ этомъ безконтрольномъ внутреннемъ общественномъ мышленіи, не выражающемся въ печати,—въ мышленіи, совершающемся въ семьѣ, у домашняго очага и въ собственномъ мірѣ растущихъ поколѣній, ускользающемъ даже отъ контроля родителей, — заключается секретъ появленія людей въ такіе моменты, когда они призываются жизнью. Создаетъ людей время, а время есть созрѣвшая мысль.

II.

Исключительно личныя воспоминанія настоящей главы могутъ показаться читателю недостаточно оправдывающими слишкомъ широкое обобщеніе главы предыдущей. Но еслибы каждый, кому, такъ или иначе, много или мало, хорошо или худо, приходилось принимать участіе въ нашей внутренней жизни послѣдняго реформаціоннаго двадцатипятилѣтія, далъ личныя воспоминанія объ условіяхъ, случайностяхъ и обстоятельствахъ, которыя поставили его на ту или другую дорогу и сдѣлали участникомъ того или другого дѣла, то каждое изъ этихъ воспоминаній было бы частичкой того же цѣлаго, которому могутъ служить и мои замѣтки. Личныя воспоминанія, конечно, фактъ мелкій, но вѣдь и каждый обыкновенный человѣкъ тоже фактъ мелкій, а между тѣмъ сто милліоновъ подобныхъ мелкихъ фактовъ въ своемъ обобщеніи составляютъ Россію.

Четырехъ лѣтъ меня отдали въ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ. Это оригинальное заведеніе находилось въ Царскомъ Селѣ и подготовляло къ петербургскимъ корпусамъ малолѣтнихъ дѣтей и сиротъ офицеровъ. Всѣхъ воспитанниковъ въ корпусѣ было до пятисотъ. Предѣльнымъ возрастомъ вверхъ было двѣнадцать лѣтъ, а внизъ предѣла не было. При мнѣ былъ одинъ воспитанникъ грудной.

Нами завѣдывали и управляли женщины, въ спальняхъ хозяйничали нянюшки, а ротными командирами были вдовы заслуженныхъ офицеровъ. Единственнымъ мужчиной, котораго я помню, былъ ламповщикъ, наводящій на насъ паническій страхъ, потому что онъ призывался для чрезвычайныхъ наказаній. Въ обыкновенныхъ случаяхъ насъ сѣкли нянюшки или сами ротные командиры домашнимъ способомъ: спустятъ преступнику штанишки, нагнутъ его, зажмутъ голову между колѣнями и нахлопаютъ розгами; ужасный же ламповщикъ являлся со скамейкой, съ длинными розгами и сѣкъ «по настоящему».

Чему насъ учили, гдѣ учили и кто училъ—ничего не помню. Но зато я очень хорошо помню, что моя голова была разъ между колѣнями ротнаго командира, а въ другой разъ на меня былъ надѣтъ дурацкій колпакъ изъ синей сахарной бумаги съ надписью «воръ», и въ такомъ видѣ я стоялъ въ углу. Вина моя была вотъ какая: у нянюшекъ нашей роты въ верхнемъ ящикѣ комода бывали всегда гренки съ изюмомъ, представлявшія для насъ необыкновенную привлекательность. И вотъ, улучивъ минуту, когда нянюшки уходили, мы совершали въ ихъ комнату экспедиціи и таскали этотъ завѣтный плодъ, отдавая, конечно, предпочтеніе изюму передъ гренками. Одна изъ экспедицій оказалась неудачной; товарищи разбѣжались, а я былъ пойманъ.

Не знаю, приписывать ли это воспитательной системѣ или моей безпамятности, но—странное дѣло — въ жизни въ Александровскомъ корпусѣ я помню только большую спальню съ рядами кроватей, длинныя рубашки съ длинными рукавами, которыя мы надѣвали на ночь, корридоръ, изъ него—запертую дверь въ комнату съ изюмомъ да два случая наказаній. Затѣмъ никакихъ воспоминаній о какихъ либо другихъ нравственныхъ и умственныхъ воздѣйствіяхъ не сохранилось. Помню, что пріѣхалъ къ намъ разъ императоръ Николай, и когда мы его окружили, онъ велѣлъ намъ валить его, что мы и сдѣлали. Помню еще, что всегда радовались пріѣзду государя, потому что насъ собирали въ рекреаціонномъ залѣ; онъ затѣвалъ какую нибудь возню, и мы, чувствуя себя гораздо свободнѣе обыкновеннаго, пользовались случаемъ, чтобы въ толкотнѣ щипать и тискать нашихъ «командировъ».

Въ половинѣ августа 1833 года (мнѣ еще не было девяти лѣтъ) меня отдали въ Лѣсной институтъ. Это было заведеніе совсѣмъ иного типа, чѣмъ Александровскій корпусъ. Институтъ состоялъ въ вѣдѣніи графа Канкрина (министра финансовъ), который очень заботился о развитіи лѣсного образованія. Лѣтомъ Канкринъ жилъ въ одномъ изъ флигелей института, совсѣмъ рядомъ съ домомъ, въ которомъ помѣщались мы, но заглядывалъ къ намъ рѣдко, и, вообще, его близкое сосѣдство съ нами не чувствовалось: насъ никто не подтягивалъ, и намъ жилось свободно и легко. Канкрина мы любили, во первыхъ, потому, что его не чувствовали, и, во вторыхъ, за его «демократизмъ». Онъ обращался очень просто, имѣлъ привычку говорить «батюшка» (насъ тоже звалъ «батюшками») и хотя носилъ военную генеральскую форму, но имѣлъ совсѣмъ домашній, «штатскій» видъ. У насъ о Канкринѣ хо-

дили разные анекдоты. Разсказывали, между прочимъ, что разъ къ Канкрину пріѣхалъ генералъ Муравьевъ, и онъ его не принялъ, а вслѣдъ за тѣмъ явился мужикъ-подрядчикъ, и онъ его принялъ. Это намъ очень нравилось.

Лѣсной институтъ былъ заведеніемъ штатскимъ, и насъ держали очень свободно. Уже съ ранней весны начинались практическія занятія въ питомникахъ и въ институтскомъ лѣсу, и съ утра мы уходили вразсыпную, съ лопатами, на работу иногда довольно далеко. Сохранилось у меня воспоминаніе о «переугливаніи». «Это было уже совсѣмъ свободно. Вся работа производилась воспитанниками: мы сами приготовили «мѣсто», сложили костеръ, обложили его землею и дерномъ, сами подожгли его и управляли горѣніемъ. Костеръ нельзя было оставлять безъ надзора ни днемъ, ни ночью, и мы, раздѣлившись на партіи, ходили на работу по очереди. И все это—безъ всякаго начальническаго надзора и вмѣшательства. Переугливаніе продолжалось недѣли три, велось очень хорошо, и уголь получился превосходный. Мы очень гордились этимъ успѣхомъ.

Въ первыхъ моихъ воспоминаніяхъ о Лѣсномъ институтѣ не сохранилось ничего цѣльнаго; осталось только общее впечатлѣніе чего-то очень свободнаго, свѣтлаго и хорошаго. Даже погода тогда была только хорошая; по крайней мѣрѣ, я не помню никакихъ другихъ дней, кромѣ солнечныхъ. Вѣроятно, по этому же закону яркихъ воспоминаній, я не помню, чему насъ учили. Сохранились у меня воспоминанія лишь о трехъ учителяхъ: Александрѣ Александровичѣ Комаровѣ (другѣ Бѣлинскаго), Сорокинѣ и Е. А. Петерсонѣ. Петерсонъ воспитывался въ нашемъ же институтѣ, потомъ былъ посланъ заграницу, гдѣ пробылъ около десяти лѣтъ, и, по возвращеніи, поступилъ къ намъ преподавателемъ. Это былъ новаторъ и прогрессистъ, усердно старавшійся пересаживать къ намъ европейскія понятія и порядки. Впослѣдствіи только ему мы были обязаны тѣмъ, что у насъ читалась политическая экономія, изгнанная въ то время даже изъ университетовъ. Политическая экономія называлась у насъ офиціально *энциклопедіей камеральныхъ наукъ*, подобно тому, какъ впослѣдствіи *Вильгельмъ Телль* Россини былъ переименованъ въ *Карла Смѣлаго*.

Энциклопедію камеральныхъ наукъ читалъ Шмальцъ (кажется, сынъ дерптскаго профессора), и его политическая экономія отличалась отъ всѣхъ другихъ политическихъ экономій однимъ новымъ видомъ цѣнности—«индивидуальной», съ которой потомъ мнѣ уже не случалось встрѣчаться ни въ одномъ экономическомъ сочиненіи. Шмальцъ читалъ бойко, красиво и умѣлъ для поясненія подбирать мѣткіе примѣры. Когда дѣло доходило до «индивидуальной» цѣнности, Шмальцъ прибавлялъ: «напримѣръ, женихъ даритъ невѣстѣ розу».

Комаровъ и Сорокинъ были учителями «русскаго языка» и, какъ мнѣ помнится, грамматикой насъ не обременяли. Тотъ и другой любили читать намъ стихи и очень часто свои собственные. Хотя Пушкинъ былъ въ польномъ развитіи своего таланта, но Сорокинъ предпочиталъ ему Бенедиктова, который и намъ очень нравился. Бенедиктова мы списывали въ тетрадки, и нѣкоторые изъ его особенныхъ почитателей имѣли даже переплетенныя тетради, въ которыя и записывалось всякое стихотвореніе, только что появившееся въ печати. Больше всего нравились стихи вродѣ:

Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса.

Мнѣ же очень нравилась *Наѣзднича*. Рядомъ съ Бенедиктовымъ пользовался большимъ почетомъ Марлинскій. Отъ него я былъ въ восторгѣ; въ особенности плѣняли меня *Мулла-Нуръ* и *Аммалатъ-Бекъ*. Надпись же на кинжалѣ Аммалатъ-Бека: «Будь медленъ на обиду, но ко мщенію скоръ», производила на меня чарующее обаяніе своимъ рыцарскимъ благородствомъ. Послѣ появленія *Жалобы дня* Бенедиктова Сорокинъ читалъ намъ написанную имъ въ отвѣтъ *Жалобу ночи*.

Комаровъ былъ много даровитѣе Сорокина. Изъ его стихотвореній я помню *Кузнеца*.

Кузнецъ, раздуй огонь въ печи,
Желѣзо раскали краснѣе,
По немъ сильнѣе и сильнѣе
Тяжелымъ молотомъ стучи.
Ты скуй мнѣ цѣпь; я цѣпью этой
Красавицу-жену мою
Съ ночи до поздняго разсвѣта
Къ постели крѣпко прикую.

Кончалось стихотвореніе такъ:

Она бъ и рада за ворота,
Да цѣпь крѣпка и коротка.

Строгіе педагоги теперешняго времени, конечно, найдутъ, что Сорокинъ и Комаровъ дѣлали не «воспитательный» выборъ чтенія, и я спорить объ этомъ не стану; но я помню, что намъ нравилось чтеніе нашихъ учителей, тѣмъ болѣе, что оба они читали превосходно, и ужъ, разумѣется, благодаря имъ, мы полюбили книги. Тогда только что началась *Библіотека для чтенія*. Откуда и какъ попадали къ намъ книжки журнала—не знаю, но помню, что всѣ стихотворенія и повѣсти, а въ особенности *Литературную лѣтопись* я просто глоталъ, упиваясь остроуміемъ Сенковскаго.

Наше чтеніе было, конечно, безпорядочное. Читалось все, что попадалось: и *Библіотека для чтенія*, и *Образцовыя сочиненія*, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Бенедиктовъ, и Гречъ, и Булгаринъ, и Карамзинъ, и Шишковъ, и *Живописное обозрѣніе*, и романы Радклифъ, и даже *Энциклопедическій лексиконъ* Плюшара (у насъ былъ въ чтеніи и *Фоблазъ*). Какъ это чтеніе ни было безпорядочно, но оно дѣлало свое дѣло: частью пріобрѣтались кое-какія общія знанія, а самое главное – устанавливалась извѣстная умствен-

ная-складка, въ особенности подъ вліяніемъ холодной, насмѣшливой, отрицающей иронiи Сенковскаго. Сенковскій не занялъ почетнаго мѣста въ исторіи литературы и русскаго просвѣщенія, но онъ былъ человѣкъ съ большими разносторонними познаніями и неоспоримо умный. Лично на меня онъ имѣлъ большое вліяніе, и его *Библіотека для чтенія* была для меня въ дѣтствѣ такимъ же воспитательнымъ чтеніемъ, какимъ для послѣдующихъ поколѣній служили *Современникъ*» и *Русское Слово*.

Мои первыя воспоминанія—чисто-литературныя: Комаровъ, Сорокинъ, стихи, которые они намъ читали, книжки и журналы, которые неизвѣстно откуда къ намъ приходили. Изъ этого времени у меня сохранилось въ памяти много стиховъ и эпиграммъ (эпиграммы мнѣ особенно нравились); приведу одну, читанную намъ Комаровымъ. Была ли она напечатана, или нѣтъ,—не знаю, но въ печати я ея нигдѣ не встрѣчалъ.

Въ Россіи трое есть пѣвцовъ:
Шихматовъ, Шаховской, Шишковъ.
Ума есть трое супостатовъ:
Князь Шаховской, Шишковъ, Шихматовъ.
Но кто глупѣй изъ тройки злой—
Шишковъ, Шихматовъ, Шаховской?

Вообще Комаровъ и Сорокинъ были для насъ источникомъ свѣта, нитью, связывавшей съ внѣшнимъ міромъ и его интересами, раздвигавшими каменныя стѣны нашихъ классныхъ комнатъ и выгонявшими изъ нихъ учебную духоту. Какъ люди литературные, Комаровъ и Сорокинъ вносили къ намъ и интересъ литературный. Я какъ теперь помню, съ какимъ волненіемъ Комаровъ разсказывалъ о дуэли и смерти Пушкина (урокъ былъ какъ разъ утромъ, въ день похоронъ), и мы, оглядываясь, смотрѣли въ окна на Петербургъ, точно чувствуя себя живыми участниками этого событія и похоронной процессіи, которая въ тотъ моментъ совершалась! И мнѣ думается, что *грамматика*, которой насъ учли Комаровъ и Сорокинъ (я отъ нихъ не запомнилъ ни одного грамматическаго правила), была именно той настоящей наукой, которой слѣдуетъ учить дѣтей тогдашняго моего возраста (мнѣ было 9—10 лѣтъ). Конечно, только поэтому я и запомнилъ на всю жизнь Комарова и Сорокина и точно вижу ихъ теперь передъ собою. Комаровъ былъ франтоватый, черноволосый, красивый мужчина, выше средняго роста, обыкновенно носившій пестрые галстухи, а Сорокинъ—небольшой блондинъ, нѣсколько безпорядочный въ своемъ костюмѣ и, сколько мнѣ казалось, не всегда трезвый (Комаровъ и Сорокинъ были друзьями). Въ то же время во мнѣ не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о другихъ учителяхъ, которые, безъ сомнѣнія, гораздо добросовѣстнѣе относились къ своему дѣлу.

Есть у меня еще такое, но совершенно безличное воспоминаніе: черная доска, у доски я, на доскѣ написано a+b= и я пишу ab. Въ классномъ журналѣ противъ моей фамиліи появляется 0. Опять большая черная доска, опять у доски я, но на доскѣ написано уже a—b=, а я пишу снова ab. Въ журналѣ опять 0. За лѣность меня высѣкли. Но, должно быть, инспекторъ, который насъ сѣкъ по субботамъ, понялъ, почему a+b и a—b у меня всегда равны ab, и во второмъ классѣ я былъ оставленъ на лишній годъ за «малолѣтство». Неужели добросовѣстность учителя алгебры была для насъ полезнѣе, чѣмъ добросовѣстность Комарова и Сорокина?

За институтомъ, въ такъ называемыхъ «третьихъ кустахъ», былъ прудъ, въ которомъ намъ запрещалось купаться, потому что въ немъ были ключи. Но смѣльчаки на запрещеніе не обращали вниманія. Одинъ изъ такихъ смѣльчаковъ былъ разъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и приговоренъ къ розгамъ. Противъ розогъ протеста никакого быть не могло: за ними было гражданское и обычное право, но протестъ могъ явиться противъ «количества». Приговоренный къ розгамъ Ильинъ объявилъ товарищамъ, что если ему дадутъ болѣе пятидесяти ударовъ, то онъ ударитъ инспектора. Когда Ильина потребовали наверхъ (мы уже знали, что́ это значитъ), нами овладѣло тревожно-лихорадочное чувство. Ильинъ не возвращался, и ожиданіе стало еще напряженнѣе. Но вотъ разносится слухъ, что Ильинъ посаженъ въ карцеръ. Нѣсколько дней инспекторъ не показывался въ классахъ. Наступило какое-то томительное, напряженное состояніе,—чего-то мы ждали, чего-то боялись. Опять новый слухъ: Ильинъ увезенъ въ солдаты. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ институтъ офицеръ въ инженерной формѣ, построилъ насъ въ залѣ во фронтъ и такъ на насъ кричалъ, такъ онъ насъ бранилъ, что ни прежде, ни послѣ мнѣ ужъ не случалось слышать ничего подобнаго. Присланный офицеръ оказался капитаномъ Каменскимъ, лично Государемъ назначеннымъ къ намъ въ ротные командиры. Мы превратились изъ штатскихъ въ военные. Вмѣстѣ съ Каменскимъ явились солдаты, барабанщики, горнисты, дежурные офицеры, и наши прежніе мирные надзиратели, штатскіе служители и весь нашъ мирный бытъ, можетъ быть, и своевольный, но тихій и простой, въ которомъ намъ жилось хорошо и спокойно, исчезъ также внезапно, какъ мѣняются декораціи въ театрѣ. Исчезли и Комаровъ съ Сорокинымъ.

Въ штатскія времена институтъ носилъ печать патріархально-нѣмецкаго управленія графа Канкрина, и объ этомъ времени я сохранилъ какія-то сказочныя, темныя воспоминанія. Все было у насъ просто, «gemüthlich», по домашнему; не знали мы ни строгостей, ни казенщины, и еслибы не инспекторъ классовъ (изъ семинаристовъ), который сѣкъ по субботамъ, то, кажется, никакое облачко не омрачало бы нашей простой и свободной живни.

При Канкринѣ было очень много свободнаго времени: и передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и лѣтомъ, и зимой. Свободное время посвящалось играмъ, нѣсколько спартанскимъ (лапта, бары, жгуты, чехарда), которыхъ я описывать не буду. Къ числу зимнихъ отдыховъ принадлежали вечерніе разсказы. Былъ у насъ одинъ воспитанникъ изъ Сибири (Ветцель), около котораго всегда

стоялъ огромный кружокъ слушателей. Чуть ли не двѣ зимы Ветцель разсказывалъ разбойничьи похожденія Ринальдо-Ринальдини. И я ужасно завидовалъ Ветцелю, что онъ читалъ такія хорошія книги. Вообще у насъ господствовалъ «романтизмъ», и Жуковскій, его *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, *Ундина*, *Свѣтлана*, поэмы Козлова, романы Радклифъ оставались не безъ вліянія: мы вѣрили въ привидѣнія и боялись ихъ. Когда вышла *Черная женщина* Греча, у насъ прошелъ слухъ, что она ходитъ ночью по комнатамъ, и я, ложась спать, крѣпко закутывалъ голову одѣяломъ и жмурилъ глаза, чтобы ея не увидѣть.

Разъ мы сдѣлали такую шалость. У насъ былъ воспитанникъ Зобовъ, скромный, тихій и очень религіозный. [Въ шестидесятыхъ годахъ (1868 г.) Н. М. Зобовъ составилъ первую популярную книжку для народа: *Бесѣды о природѣ*, удостоенную преміи комитета грамотности. Книжка эта, дѣйствительно, очень хороша]. Зная религіозное настроеніе Зобова, мы продѣлали съ нимъ вотъ что: въ глиняныя банки изъ-подъ помады налили спирту, зажгли его, укутались съ головами въ простыни и ночью, поднявъ кровать со спящимъ Зобовымъ, понесли ее съ пѣніемъ «со святыми упокой». Зобовъ, увидѣвъ вокругъ могильные синеватые огни и бѣлыя фигуры, въ ужасѣ сталъ кричать,—мы бросили кровать, загасили банки и разбѣжались. Къ счастью, эта «шутка» не имѣла для Зобова никакихъ послѣдствій.

Съ водвореніемъ капитана Каменскаго и новаго военнаго директора, флигель-адъютанта полковника графа Ламсдорфа (прежде у насъ былъ директоромъ очень добродушный нѣмецъ Брейтенбахъ, который никогда почти къ намъ не заходилъ, и мы гораздо лучше знали его огородъ, изъ котораго таскали кольряби, чѣмъ его), окончился. героическій періодъ нашей жизни. Наши игры и разсказы въ зимніе вечера,—все это окончилось и исчезла вся поэзія дѣтской жизни. Теперь какъ-то вдругъ мы стали взрослыми и серьезными. Насъ причесали, одѣли; въ залахъ и спальняхъ завелся паркетъ; въ классахъ явилась лакированная ясеневая мебель, и въ свободное время, когда мы прежде играли и разсказывали сказки, насъ учили маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ, гимнастикѣ и танцамъ. Даже маленькіе теперь ужъ не возились, а только прогуливались кругомъ по паркетному залу и огромному манежному корридору, съ серьезнымъ видомъ, точно большіе. Прежде наши воспитанники вели дружбу съ медицинскими студентами, вѣроятно, по причинамъ географическимъ, потому что и нашъ институтъ, и медицинская академія помѣщались на Выборгской сторонѣ. Дружба поддерживалась преимущественно трактиромъ «Урваномъ». Теперь все это кончилось, и намъ даже запрещали бѣгать и возиться. Прежде казоваго конца у насъ не было: какими мы были, такими мы и были; теперь же, когда кончались классы, мы должны были приводить себя въ порядокъ. «Порядокъ» считался весьма существенною частью «поведенія» и въ воспитательной программѣ капитана Каменскаго занималъ видное мѣсто. Вся его программа состояла изъ трехъ пунктовъ: «поведеніе, ученіе, фронтъ». Каменскій до того часто повторялъ намъ эту «формулу прогресса», что мы знали ее наизустъ. Оставляя классы, мы вступали въ область поведенія и фронта, которые требовали особеннаго вниманія и осмотрительности; запачканныя куртки или неприглаженные волосы вызывали иногда цѣлую бурю. Каменскій накидывался на каждую мелочь и особенно преслѣдовалъ за «волосы» (длинные волосы считались въ то время признакомъ своеволія и непокорности).

Впрочемъ, военная цивилизація имѣла и свои свѣтлыя стороны: Каменскій и дежурные офицеры старались развивать въ насъ чувство рыцарства и товарищества; жалобъ другъ на друга не допускалось, и начальство на этотъ счетъ держалось правила той капитанской жены, которая говорила: «разсуди, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи». Разъ былъ такой случай. Каменскій приходитъ къ намъ въ классъ (это былъ послѣдній, выпускной, классъ) и объявляетъ, что одинъ изъ нашихъ товарищей—шпіонъ и доноситъ ему, что такіе-то и такіе-то воспитанники посѣщаютъ по субботамъ извѣстные дома. Сдѣлавъ этимъ воспитанникамъ замѣчаніе, Каменскій отдалъ шпіона на нашъ судъ. Какъ разъ въ это же время шпіонъ былъ уличенъ и въ кражѣ (укралъ у товарища часы). Классъ порѣшилъ шпіона исключить, и его исключили.

Въ классахъ мы дѣлали много глупостей, и для этого въ нашемъ распоряженіи были два часа: часъ вечеромъ и часъ утромъ, когда мы должны были приготовлять уроки. Этихъ глупостей въ штатскія времена у насъ не бывало. Умственный уровень былъ тогда выше; старшіе воспитаники были дѣйствительно старшими и держали себя солидно; теперь же Каменскій кричалъ на всѣхъ безъ разбора, а Ламсдорфъ сѣкъ, торжественно, при фронтѣ, сопровождаемый большой свитой. Какая же это школа для достоинства?

Наука намъ тоже не давала направленія, потому что у нея и самой его не было. Да и какое направленіе могли дать такія механическія знанія, какъ орнитологія, энтомологія, дендрологія, ботаника, технологія и другіе спеціальные предметы въ ихъ тогдашнемъ мертвящемъ преподаваніи, требовавшемъ только зубренія? Комарова и Сорокина теперь уже не было, и режимъ, проводимый Каменскимъ, могъ сдѣлать изъ насъ только барабанщиковъ. И вотъ мы росли, какъ растутъ жеребята,—«естественно». Оффиціально насъ не воспитывали, а дрессировали; оффиціальная наука была тоже дрессировкой, а между тѣмъ живой душѣ нуженъ былъ выходъ, и мы нашли его въ нашей классной жизни, когда мы пользовались полной свободой. Въ этомъ, конечно, была хорошая сторона военнаго воспитанія, требовавшаго только видимой, формальной дисциплины и не заглядывавшаго въ душу. А какая бы ни была наша дѣтская душа, она всетаки была живая душа, недовольная, протестовавшая и достаточно свободная, чтобы развиваться сама по себѣ. Снаружи насъ замуровывали,

крыли казеннымъ лакомъ; нутро же оставляли цѣлымъ, точно ни для военнаго, ни для класснаго начальства его и не существовало.

Въ шестомъ, выпускномъ, классѣ къ намъ влилась новая, свѣжая струя, въ видѣ поступившихъ 6 или 8 поляковъ. На 30 воспитанниковъ класса это былъ хорошій процентъ.

При всей кажущейся послѣдовательности такой воспитательной системы она сама себя разъѣдала. Прежде всего, она создала строптивость, недовольство и раздраженіе. Въ Александровскомъ корпусѣ мы тискали и щипали командировъ, а въ Лѣсномъ ихъ передразнивали, сочиняли на нихъ памфлеты и ни одного изъ нихъ не уважали. Если единообразная, стягивающая и запугивающая дисциплина создавала, по мнѣнію ея сторонниковъ, исторію сверху, то мы своими дѣтскими протестами создавали ее снизу, хотя объ этомъ и не думали.

Другая особенность старой военно-воспитательной системы заключалась въ томъ, что она не давала ни одной свободной минуты для передышки. Все время было занято, и для бесѣдъ и чтеній досуга уже не оставалось. Въ «штатскія» времена мы много читали: 9—10-лѣтнимъ ребенкомъ я читалъ гораздо больше, чѣмъ потомъ почти взрослымъ. Наше военное начальство книгъ не признавало (вообще, оно было необразовано, а Каменскій даже и говорилъ неправильно, за что мы и прозвали его «жидомъ»), и мы ихъ не видѣли, да, правда, и времени не было, чтобы читать. Входило ли такое многозанятіе въ программу воспитанія, чтобы мы меньше думали,—я этого не знаю, но я знаю, что результатъ получался тотъ, что мы жили исключительно инстинктами (хорошими и худыми, какіе у кого были), а умственно чахли и суживались все больше и больше на тѣсной спеціальности и механическомъ мышленіи. Что для насъ было закрыто чтеніе, это, конечно, предохранило насъ отъ «идей», но въ то же время постоянно подавляемое чувство свободы и жизнь подъ мелочными запрещеніями вызывали въ насъ самую опасную идею—неповиновенія, а съ нею будили и инстинктъ разрушенія. Связь, которою держался нашъ порядокъ, была чисто-внѣшней. Стоило ей только какъ нибудь ослабнуть, чтобы всѣ отдѣльные интересы распались и запротестовали. Каменскій, конечно, ничего этого не понималъ и ни о чемъ подобномъ никогда не думалъ; то же, вѣроятно, повторялось и съ людьми, которые стояли повыше его. Во всякомъ случаѣ, у нихъ не было силы создать лучшій порядокъ; тотъ же, который они созидали, самъ въ себѣ заключалъ и начало распаденія.

Но тогда стоялъ еще старый, ничѣмъ не нарушенный государственный строй въ старой, закаменѣвшей формѣ, и государство наглядно можно было изобразить въ видѣ пирамиды. Основаніе его составлялъ народъ или рабочая сила. Слѣдующій слой составляли помѣщики или, по выраженію Екатерины II, «сто тысячъ полиціймейстеровъ», управлявшіе народомъ непосредственно. Затѣмъ шло духовенство, какъ сила морально-религіозная. Потомъ войско,—сила, охраняющая внутренній порядокъ и внѣшнюю неприкосновенность. Еще выше—бюрократія или правительственный механизмъ.

Дореформенная Россія была при императорѣ Николаѣ еще служилымъ государствомъ. Все служило государственнымъ цѣлямъ, и все поглощалось имъ. Зато и государство брало на себя заботы обо всемъ, обезпечивая и воспитаніе, и мѣсто, и содержаніе. Въ Александровскомъ корпусѣ, какъ я говорилъ, былъ грудной кадетъ, и корпусъ этотъ воспитывалъ 500 дѣтей отъ грудного до 12-ти-лѣтняго возраста. Въ другихъ заведеніяхъ и женскихъ институтахъ давалось тоже даровое образованіе. Каждый дворянинъ, каждый офицеръ, каждый чиновникъ зналъ, что государство избавитъ его отъ заботъ воспитанія, и никто изъ родителей не дрожалъ за матеріальную судьбу своихъ дѣтей. Если государство, создавая и воспитывая для себя служилыхъ людей, возлагало на нихъ извѣстныя обязательства и учило только тому, что̀ было нужно для государства, въ этомъ была несомнѣнная послѣдовательность. Послѣ смерти императора Николая наступаетъ иной порядокъ. Лицо становится свободнымъ,—оно перестаетъ быть служней; вмѣсто крѣпостной государственной идеи, является идея свободы, и государство предоставляетъ каждому жить и заботиться о себѣ, какъ онъ знаетъ. Александровскій корпусъ закрытъ, и дѣти, которыя прежде нашли бы въ немъ себѣ пріютъ, остались теперь на рукахъ родителей; вообще даровое воспитаніе значительно сократилось и начало озабочивать родителей, какъ оно ихъ никогда не озабочивало. Въ смыслѣ нравственнаго освобожденія лица или государства все это очень хорошо, но только родителямъ теперь стало не подъ силу воспитаніе дѣтей, за которыхъ повсюду пришлось платить, не считая уже содержанія ихъ дома. Прежнее служилое государство не отказывало дѣтямъ въ образованіи, и каждому ребенку было мѣсто (даже младенцамъ), а теперь число учебныхъ заведеній не соотвѣтствуетъ числу желающихъ учиться, и явилась толкотня, конкуррентныя состязанія и другія искусственныя средства, чтобы заградить доступъ тѣмъ, кому не оказывается мѣста. Прежнее служилое государство на крѣпостной основѣ уступило мѣсто новому на свободныхъ основахъ, но реформы, разрушивъ прежнюю цѣльность, новой цѣльности не создали. Освобожденное лицо очутилось въ двойственномъ положеніи. Государство попрежнему предъявляетъ къ нему свои требованія, какъ будто никакихъ перемѣнъ не произошло, и въ то же время требуетъ отъ него общественной самодѣятельности, которой для лица еще не существуетъ. Идеи государственности и общественности еще никакъ не могутъ ужиться у насъ рядомъ, и въ новыхъ юридическихъ формахъ жизни присутствуетъ старое идейное содержаніе. Отъ этой непослѣдовательности живется всѣмъ трудно. Поправку въ жизнь внесутъ, вѣроятно, растущія поколѣнія, какъ нѣкогда и мы, воспитанные для однѣхъ государственныхъ цѣлей, послужили, однако, другимъ.

Много ли времени прошло со смерти императора

Николая, а ужъ онъ становится легендарнымъ лицомъ миѳическихъ размѣровъ. Мнѣ случалось (и недавно) видѣть молодыхъ людей, которые разсказывали о немъ совсѣмъ легендарныя вещи, приписывая ему подвиги и поступки Наполеона I. Вѣроятно, въ Россіи есть немало стариковъ, которые, сравнивая «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», разсказываютъ внукамъ о чудесахъ своего времени, а внуки эти разсказы распространяютъ. Но фактъ, что императоръ Николай и люди прошлаго, по сравненію съ нынѣшними людьми, принимаютъ въ глазахъ молодежи титаническіе размѣры, — фактъ не безразличный.

III.

Прошло восемь лѣтъ. Состоя при департаментѣ таксаторомъ, я ѣздилъ по лѣтамъ для лѣсоустройства и жилъ по деревнямъ, а зимой возвращался въ Петербургъ, чтобы весной снова ѣхать на лѣсоустройство. Въ это время я началъ писать, но статьи по своей спеціальности, которыя, однако, находили себѣ мѣсто въ изданіяхъ чисто-литературныхъ. Началъ я въ *Сынѣ Отечества* Масальскаго. Это былъ первый литераторъ, съ которымъ я познакомился и къ которому являлся не безъ священнаго трепета. Затѣмъ, въ 1845 г. (кажется), я помѣстилъ рядъ статей по лѣсоводству въ *Библіотекѣ для чтенія*. Но это была не та *Библіотека для чтенія*, которой я упивался при Сенковскомъ (онъ моихъ лѣсоводственныхъ статей, конечно, не помѣстилъ бы), а *Библіотека* Деррикера. Впрочемъ, много послѣ, при Лонгиновѣ, *Дѣло* тоже готово было печатать статьи объ египетскихъ древностяхъ.

Въ 1849 году я былъ посланъ въ Симбирскую губернію для устройства Мелекесской дачи и зимой оставленъ при тамошнемъ управленіи казенными землями, находившемся въ Самарѣ (Самарской губерніи еще не было). Эти казенныя земли принадлежали калмыкамъ, которыхъ императоръ Николай велѣлъ выселить въ степь, а земли ихъ взять въ казну. Когда я пріѣхалъ въ Самару, пямять о калмыкахъ была еще совсѣмъ свѣжа. Въ Ставрополѣ мнѣ разсказывали, что когда калмыцкая орда тронулась въ путь, то, отъѣхавъ съ полверсты отъ ставропольскаго бора (небольшой лѣсокъ подъ городомъ, тоже принадлежавшій калмыкамъ), остановилась. Калмыки сошли съ лошадей, упали ничкомъ на землю и начали цѣловать ее. Не скоро они кончили прощанье со своей родной землей, на которой родились и выросли они, ихъ дѣды и прадѣды. Но вотъ наконецъ калмыки поднялись, сѣли на коней, и орда двинулась въ степь тихимъ, похоронным шагомъ. Только четыре человѣка, отдѣлившись отъ орды, заскакали боръ съ четырехъ сторонъ, подожгли его и также быстро, точно боясь погони, ускакали.

Самарскій край въ мое время былъ совсѣмъ особенный край. Отъ него вѣяло еще воздухомъ степей и безграничной ширью, въ которой дышалось легко и свободно. Очень можетъ быть, что въ этомъ просторѣ было мало гражданственности и порядка, но, тѣмъ не менѣе, люди чувствовали себя въ немъ хорошо и не роптали. Но въ эту степную ширь проникли наконецъ гражданственность и порядокъ, что, конечно, не обошлось безъ борьбы и столкновеній. И борьба происходила не въ однихъ низахъ. Степные помѣщики, въ памяти которыхъ были еще свѣжи куролесовскія преданія, нелегко подчинялись гражданственности и неохотно переносили надъ собою власть. Такъ, одинъ изъ симбирскихъ предводителей дворянства постоянно боролся съ губернаторомъ, и кончилось это тѣмъ, что и губернаторъ, и предводитель поскакали въ Петербургъ искать защиты: первый—своихъ правъ, второй— дворянскихъ вольностей. Губернаторъ успѣлъ пріѣхать ранѣе и ранѣе представился императору Николаю. Когда затѣмъ явился предводитель дворянства, то Николай, подойдя къ нему, погрозилъ пальцемъ и сказалъ: «Прапорщики, я васъ уйму!» Повернулся и ушелъ. Еще любопытнѣе слѣдующій случай. Казалось бы, что при Николаѣ, когда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода былъ военный генералъ (Протасовъ), никакихъ сомнѣній относительно взаимныхъ отношеній гражданской и духовной власти и быть не могло. А между тѣмъ нашелся архіерей, который впалъ въ сомнѣніе. Кто былъ этотъ архіерей, я не помню, но губернаторомъ былъ Волховской, назначенный въ Самару Николаемъ, какъ человѣкъ, способный водворить порядокъ. Въ праздникъ, послѣ молебна въ соборѣ, губернаторъ подошелъ, чтобы приложиться ко кресту. Архіерей подалъ ему крестъ и затѣмъ протянулъ руку, чтобы онъ приложился и къ ней. Волховской отшатнулся, но, быстро овладѣвъ собою, поцѣловалъ протянутую руку. Въ слѣдующіе молебны архіерей руки, кажется, ужъ больше не протягивалъ.

Начальство былого оренбургскаго края, воспитавшись въ степныхъ преданіяхъ и въ школѣ В. А. Перовскаго (того самаго, который дѣлалъ походъ въ Хиву), было все вельможное. Такого вельможества теперь не встрѣтишь на самыхъ верхахъ, а тогда были вельможами даже управляющіе удѣльными конторами. Мнѣ разъ случилось ѣхать съ управляющимъ самарской удѣльной конторой изъ села Майны, гдѣ онъ былъ на ревизіи отдѣленія конторы, въ Самару (верстъ 140). Мы ѣхали въ нѣсколькихъ экипажахъ, и это была не ѣзда, а торжественный поѣздъ, напоминавшій времена Потемкина. На каждой станціи насъ ждала толпа народа, безъ шапокъ; впереди толпы стояли деревенскія власти,—все это низко кланялось, а управляющій съ милостивой улыбкой кивалъ направо и налѣво головою. На станціяхъ насъ ждали подставныя лошади, а когда смерклось, впереди и по бокамъ скакали вершники съ фонарями и галдѣли всю дорогу, показывая начальству свое усердіе (ямщики были татары). Нынче въ Самарской губерніи начальство, вѣроятно, ужъ такъ не ѣздитъ.

Но не въ этомъ единоличномъ степномъ произ-

волѣ, захватывавшемъ болѣе или менѣе всѣхъ, заключалось нравственное нутро самарскаго края. Въ его степной шири, въ которой каждый чувствовалъ просторъ, въ которомъ нашли себѣ мѣсто и молокане, и раскольники, убѣгавшіе въ скиты, и гдѣ въ своеволіи лучше чувствовалось каждымъ его личное достоинство, лежало ядро той истинной гражданственности, на традиціяхъ которой сложилось и самарское земство.

Самарскій край пятидесятыхъ годовъ отличался особенно счастливымъ составомъ администраціи, какого, конечно, не было ни въ одной изъ губерній Россіи (я говорю о Самарѣ уѣздной). Тонъ управленію давала самарская удѣльная контора, въ которой съ управляющаго и до послѣдняго чиновника — всѣ отличались какой-то легендарной, идеальной добросовѣстностью. Добросовѣстность эта являлась не вслѣдствіе хорошаго содержанія или процентовъ съ общественныхъ запашекъ, которые получали чиновники,—она была новымъ общественнымъ чувствомъ, первымъ выраженіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ шестидесятыхъ годахъ превратились въ общественный энтузіазмъ. А источникомъ этихъ новыхъ стремленій были тогдашніе университеты: Московскій, съ Грановскимъ во главѣ, и Казанскій, гдѣ кумиромъ студентовъ былъ профессоръ Мейеръ. Въ Самарѣ служила казенная молодежь, были и изъ Харьковскаго университета, были и изъ Петербургскаго, но казанцы преобладали. Все это были «новые люди», въ которыхъ Самарѣ посчастливилось. Удѣльной конторой управлялъ Манжосъ (онъ уже умеръ), изъ студентовъ Казанскаго университета; казенными землями—Е. Е. Лашкаревъ, студентъ петербургскій (тоже умеръ); губернаторомъ былъ К. К. Г., тоже новый человѣкъ и, кажется, тогда единственный губернаторъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Товарищъ прокурора, губернскій стряпчій, даже управляющій откупами были новыми людьми, и не только новыми, но и совсѣмъ молодыми. Новая молодежь проникла во все управленіе и давала всему тонъ. Для Самары это былъ медовый мѣсяцъ ея гражданственности. Въ удѣльной же конторѣ служилъ и Пекарскій (будущій академикъ), съ которымъ я сошелся и сблизился. Пекарскій (оренбургскій уроженецъ), казанскій студентъ, былъ восторженнымъ поклонникомъ Мейера. Такихъ профессоровъ нынче ужъ нѣтъ.

Одной изъ особенностей тогдашней провинціальной молодежи было ея тяготѣніе къ Петербургу, чтобы удовлетворить смутному стремленію къ чему-то, чего она не находила въ родной глуши. Бѣлинскій убѣжалъ въ Петербургъ даже изъ Москвы. Со времени Бѣлинскаго тяготѣніе къ Петербургу усилилось еще больше, и Петербургъ сталъ для Россіи источникомъ общественныхъ идей. Въ особенности усилилось тяготѣніе къ Петербургу въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, точно люди чувствовали, что они тамъ понадобятся. Пекарскій сильно рвался вонъ изъ Самары, и у него почти не было другихъ разговоровъ, кромѣ какъ о Петербургѣ. Припоминая это время, я не могу отдать себѣ отчета, что̀ тянуло насъ въ Петербургъ, но что-то тянуло и ужасно тянуло: онъ казался намъ единственной свѣтлой точкой Россіи, гдѣ можно жить. Въ 1851 г. намъ съ Пекарскимъ наконецъ удалось попасть въ Петербургъ, но Петербургъ намъ, однако, такъ и не выяснилъ, чего мы хотимъ. Пекарскій перешелъ на службу въ канцелярію министра финансовъ и все неслужебное время проводилъ въ публичной библіотекѣ. Занявшись изученіемъ петровской старины, Пекарскій ушелъ въ нее съ руками, ногами и головой, но къ Петру Великому онъ относился не особенно почтительно и возмущался его деспотизмомъ и жестокостью. Бывало, выищетъ какой нибудь рѣзкій фактъ,—не вытерпитъ, броситъ чтеніе, подойдетъ (я тоже работалъ въ публичной библіотекѣ) и начинаетъ разсказывать, возмущаясь и волнуясь, точно это случилось вчера. Въ это же время работалъ въ публичной библіотекѣ А. Н. Пыпинъ. Онъ тоже начиналъ, и его тоже притянулъ Петербургъ, какъ и многихъ другихъ, съ именами которыхъ связаны шестидесятые годы.

Разъ Пекарскій со своимъ обыкновеннымъ таинственнымъ видомъ говоритъ мнѣ вполголоса, что познакомился съ Н. Г. Ч. Пекарскій говорилъ мнѣ о немъ, пожалуй, съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ онъ обыкновенно говорилъ о профессорѣ Мейерѣ. Отъ Пекарскаго я узналъ, что Ч. учительствуетъ въ какомъ-то корпусѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Саратова и отличается рѣдкимъ умомъ и познаніями. Нѣсколько времени спустя Пекарскій приглашаетъ меня къ себѣ и объявляетъ съ сіяющимъ лицомъ, что у него будетъ Ч. Я пришелъ послѣ 8 часовъ; совсѣмъ не помню, кто былъ еще у Пекарскаго, но было немного: человѣкъ пять, шесть. Пекарскій жилъ очень скромно, въ комнатѣ отъ хозяевъ: нѣсколько стульевъ, неизбѣжный въ то время въ каждой холостой квартирѣ «турецкій» диванъ, превращавшійся на ночь въ постель, — вотъ, кажется, и вся меблировка. Какъ теперь вижу Н. Г. Ч., скромно сидящаго въ правомъ углу «турецкаго» дивана. Разговоровъ почти никакихъ не выходило; Ч. молчалъ или говорилъ отрывисто,— было видно, что онъ чувствовалъ себя неловко; мы тоже помалчивали. Пекарскій волновался, старался оживить бесѣду, но ничего не выходило. Немного погодя, Ч. ушелъ, а вслѣдъ за нимъ и мы, приглашенные. Вечеръ не удался. Ч. притянулъ тоже Петербургъ, какъ и Добролюбова, и Писарева, а послѣ крымской войны магнитность Петербурга и еще усилилась.

Началась крымская война. Пораженія слѣдовали за пораженіями и въ политикѣ, и на полѣ битвы. Люди новой формаціи понимали необходимость перемѣнъ, и въ русскомъ воздухѣ дышалось теперь трудно; каждый чувствовалъ себя точно подъ плитою. И, несмотря на это (а, можетъ быть, именно поэтому), все, что было помоложе и посвѣжѣе, читало запрещенныя французскія и нѣмецкія книжки, и идеи, какъ птицы, не хотѣли признавать политическихъ границъ и перелетали къ намъ контрабандою.

Наконецъ оказалось, что защищать Севастополь больше нельзя: нѣтъ ни денегъ, ни людей. Императоръ Николай умеръ. Со вступленіемъ на престолъ Александра II точно небо открылось надъ нами, куда-то потянуло вверхъ, въ ширь...

Наступили шестидесятые года.

IV.

У шестидесятыхъ годовъ было два теченія: верхнее и нижнее. Въ верхнемъ я не участвовалъ, да и не оно дало свое имя шестидесятымъ годамъ. Теченія эти явились не на другой день послѣ смерти императора Николая,—у нихъ была уже своя исторія. Блескъ и яркость шестидесятымъ годамъ придало только то, что раньше оба теченія сонно сочились подъ спудомъ, теперь же они пробились на поверхность и увлекли болѣе или менѣе каждаго, кто стоялъ къ нимъ ближе.

Верхнее теченіе, создавшее освобожденіе крестьянъ, было только руками великой идеи, явившейся много раньше и со времени Екатерины II переходившей по наслѣдству отъ одного царствованія къ другому И императора Николая не оставляла мысль о «преобразованіи» крѣпостного права, но ему не пришлось довершить того, что̀ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ онъ начиналъ каждый годъ.

Крѣпостная Россія представлялась сверху такимъ прочнымъ и цѣльнымъ исторически-бытовымъ сооруженіемъ, что изъ него, казалось, нельзя было вынуть ни одного камня безъ того, чтобы не заколыхалось все зданіе. И зданіе, дѣйствительно, было вполнѣ закончено; все въ немъ было юридически логично, связано и слито въ одну массу. Я хорошо помню николаевское крѣпостное время; въ девять лѣтъ моего таксаторства мнѣ пришлось побывать и въ костромскихъ лѣсахъ, и въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ, и въ среднихъ губерніяхъ, и въ западныхъ, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Вездѣ отъ крѣпостного быта вѣяло вполнѣ организованной устойчивостью и опредѣленностью; каждый зналъ свое мѣсто, отношенія были точны, права и обязанности ясны, законъ исключалъ всякія сомнѣнія и скрѣплялъ своей санкціей всю громаду тѣхъ нехитрыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, которыя превращали крѣпостную Россію въ огромную, но простую и односложную машину. Машина была выстроена по типу пчелиныхъ сотовъ; въ каждой ячейкѣ этого всероссійскаго сота сидѣлъ помѣщикъ-самодержецъ, и вся Россія состояла изъ болѣе чѣмъ ста тысячъ маленькихъ помѣщичьихъ самодержавій. Понятно, что въ подобномъ зданіи было боязно и рискованно вынимать камни.

Но вотъ на нашихъ глазахъ совершилось освобожденіе крестьянъ, и громадное зданіе, сооружавшееся нѣсколько вѣковъ, разсыпалось тихо и безъ шума, точно сдутый карточный домикъ. Съ крѣпостнымъ правомъ случилось то же, что и съ московскимъ Успенскимъ соборомъ. Когда Іоаннъ пригласилъ Аристотеля Фіоравенти, онъ началъ съ того, что сломалъ всю прежнюю постройку. «Вотъ, — говорили московскіе каменщики, — мы клали шесть мѣсяцевъ, а онъ пришелъ и развалилъ все въ двѣ недѣли». Аристотель Фіоравенти находилъ, что русскіе не умѣютъ приготовлять цементъ. И въ нашемъ крѣпостномъ зданіи не было никакого цемента,—это была большая куча камней, поддерживавшаяся разными юридическими и уголовными контрфорсами.

При императорѣ Николаѣ не переводились комитеты, въ которыхъ разсматривались то тѣ, то другія мѣры для улучшенія положенія крѣпостныхъ, и всѣ эти комитеты были «секретными».

Какая причина этой таинственности, противъ которой Киселевъ справедливо замѣчалъ, что «нынѣшній способъ дѣйствія полумѣрами и полутайнами не можетъ произвести ничего добраго». Причина только въ опасеніи, которое искусственно возбуждали и постоянно поддерживали крѣпостники. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ, скрывшій свое имя, прислалъ императору Николаю записку подъ такимъ заглавіемъ: *О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе указа 8 ноября.* А указъ этотъ разрѣшалъ крестьянамъ продававшихся съ торговъ заложенныхъ помѣщичьихъ имѣній вносить состоявшуюся на торгахъ сумму и дѣлаться собственниками.

Императоръ Николай былъ окруженъ защитниками крѣпостного права. Изъ всѣхъ сановниковъ только Киселевъ и Воронцовъ (Мих. Сем.) стояли за освобожденіе. И государь зналъ, что ни въ комъ изъ близкихъ онъ не находитъ поддержки. Въ 1834 году, говоря съ Киселевымъ о своемъ намѣреніи «преобразовать» крѣпостное право, государь сказалъ: «Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія, даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противъ. Несмотря на это, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ, для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе... Помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи».

И императору Николаю, дѣйствительно, пришлось передать это дѣло своему наслѣднику.

Императоръ Николай скончался совершенно неожиданно даже для Петербурга, ничего не слышавшаго раньше объ его болѣзни. Понятно, что внезапная смерть государя вызвала толки. Между прочимъ разсказывали, что умирающій императоръ велѣлъ позвать къ себѣ внука, будущаго цесаревича. Императоръ лежалъ въ своемъ кабинетѣ, на походной кровати, подъ солдатской шинелью. Когда цесаревичъ вошелъ, государь будто бы сказалъ ему: «Учись умирать», и это были его послѣднія слова. Но были и другія извѣстія. Разсказывали, что императоръ Николай, потрясенный неудачами крымской войны, чувствовалъ недомоганье и затѣмъ сильно простудился. Несмотря на болѣзнь, онъ назначилъ смотръ войскамъ. Въ день

парада ударилъ внезапный морозъ, но больной государь отложить парадъ не нашелъ удобнымъ. Когда подвели верхового коня, лейбъ-медикъ Мандтъ схватилъ его за удила и, желая предупредить императора объ опасности, будто бы сказалъ: «Государь, что вы дѣлаете! Это хуже, чѣмъ смерть: это—самоубійство», но императоръ Николай, ничего не отвѣтивъ, сѣлъ на коня и далъ ему шпоры.

Въ другомъ разсказѣ Мандта, напечатанномъ въ 1-й книжкѣ «Русскаго Архива» 1884 года, говорится, что наканунѣ смерти, когда еще не была утрачена надежда на выздоровленіе, Мандтъ тщательно изслѣдовалъ всю грудь больного при помощи слухового рожка. Мандта поразилъ зловѣщій шумъ въ нижней части праваго легкаго. Это было начало паралича. Сознавая важность минуты и желая предупредить больного объ его безнадежномъ положеніи, Мандтъ завелъ издали разговоръ о Бажановѣ (духовникѣ императора) и затѣмъ сказалъ, что, «сколько онъ понялъ изъ словъ императрицы, Ея Величеству было бы очень пріятно, еслибы она могла вмѣстѣ съ Бажановымъ помолиться подлѣ постели государя объ умершей дочери и вознести къ небу мольбы о скоромъ выздоровленіи больного». Императоръ понялъ, что̀ хотѣлъ сказать Мандтъ, и спросилъ: «Скажите же мнѣ, развѣ я долженъ умереть?» — Да, Ваше Величество! — отвѣчалъ Мандтъ. Минутъ черезъ 6 или 8 государь сказалъ: «Позовите ко мнѣ моего старшаго сына,—а затѣмъ прибавилъ: — Не позабудьте извѣстить остальныхъ моихъ дѣтей и моего сына Константина. Только пощадите императрицу». Императоръ Николай умеръ истиннымъ христіаниномъ, «исполнивъ обязанности отца, императора и даже милостиваго хозяина дома, такъ какъ онъ простился со всѣми своими служителями и каждаго изъ нихъ осчастливилъ прощальнымъ словомъ»,—говоритъ Мандтъ.

Въ близкихъ ко двору лицахъ смерть императора вызвала самую искреннюю скорбь. Женщины плакали. Для женщинъ, да и не для нихъ однѣхъ, Николай былъ легендарнымъ героемъ, коронованнымъ рыцаремъ, истиннымъ представителемъ недосягаемаго царственнаго величія, цѣльнымъ, послѣдовательнымъ человѣкомъ, характеромъ и властелиномъ, поднявшимъ царское достоинство и обаяніе власти до высоты, дальше которой начинается ужъ только божеское величіе.

Смерть императора Николая застигла Россію въ самый разгаръ севастопольской обороны, исходъ которой былъ уже ясенъ. Россія напрягала послѣднія силы. Государь умеръ 18 февраля 1855 года, а 27 августа, послѣ жестокаго штурма, былъ взятъ Малаховъ курганъ, и нашимъ войскамъ приказано отступить. Война кончилась; всѣмъ стало легче; но за этимъ чувствомъ скрывалось чувство стыда и злобы, обидное чувство побѣжденнаго народа, до сихъ поръ привыкшаго только побѣждать. Это было первое общее впечатлѣніе. Но были другіе люди, которымъ было больно за весь этотъ безплодно погибшій героизмъ, за сотни тысячъ убитыхъ и умершихъ въ лазаретахъ солдатъ, выступавшихъ чуть не съ кремневыми ружьями противъ европейскихъ штуцеровъ, за истребленныя мужицкія ополченія, ходившія въ рукопашную съ топорами. И вся эта страшная севастопольская исторія случилась какъ-то вдругъ, неожиданно; неожиданно началась война, неожиданно палъ Севастополь. Но когда эта громада пала; когда оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ, ни людей, чтобы продолжать борьбу; когда двѣ такія неожиданности, какъ смерть императора Николая и павшій Севастополь, точно два громадныхъ удара повторились одинъ за другимъ,—Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна.

Нравственное состояніе, въ которомъ очутилась Россія послѣ этихъ громовыхъ ударовъ, рѣдко въ исторіи народовъ, а на памяти русской исторіи подобное положеніе еще не бывало. Освобожденіе Россіи отъ поляковъ и смуты въ 1612 году, освобожденіе отъ двунадесяти языковъ въ 1812 году были, конечно, моментами очень героическаго напряженія и чудовищной народной энергіи, но это были только моменты чувства и инстинкта самосохраненія. Теперь было не то, и за свою государственную цѣлость намъ бояться было нечего. Все могло бы идти въ обычномъ, установившемся порядкѣ. Государь умеръ; на престолъ вступилъ его наслѣдникъ безъ потрясеній и безпорядковъ; война кончилась; миръ предстоялъ достаточно почетный; все было тихо, спокойно, мирно, и все могло бы идти опять по старому, традиціонному, съ какими нибудь небольшими починками и преобразованіями. Казалось бы только радоваться и отдыхать послѣ военныхъ трудовъ и севастопольскихъ потерь. Но въ томъ-то и дѣло, что старое ужъ не могло больше повториться; всѣ чувствовали, что порвался какой-то нервъ, что дорога къ старому закрылась. Это былъ одинъ изъ тѣхъ начинающихъ историческихъ моментовъ, которые подготовляются не годами, а вѣками, и они также неустрашимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ. Единоличная воля въ такихъ случаяхъ исчезаетъ, и всѣми, сверху донизу, овладѣваетъ одинъ общій жизненный порывъ, вначалѣ инстинктивный, какъ глубокій вздохъ послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячки; но затѣмъ, послѣ безсознательнаго, инстинктивнаго душевнаго движенія, является понемногу свѣтлое состояніе сознанія, человѣкъ приходитъ въ себя и съ новыми силами принимается за новую работу. То, что̀ происходитъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ, повторяется и съ народами, когда каждымъ и всѣми овладѣваетъ одно и то же душевное состояніе, когда каждый и всѣ чувствуютъ переломъ, когда каждый и всѣ изъ сознательнаго, инстинктивнаго состоянія переходятъ къ работѣ мысли, когда въ каждомъ и во всѣхъ пробуждается критическая мысль, и каждый и всѣ начинаютъ думать. Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, всѣ стали думать, и всѣми овладѣло критическое настроеніе,—и заключается разгадка мистическаго секрета шестидесятыхъ годовъ. *Всѣ* — вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ. Императоръ Николай опирался только на государствен-

ный совѣтъ. Императоръ Александръ II обратился къ чувствамъ *всѣхъ*, къ труду *всѣхъ*, къ тѣмъ громаднымъ творческимъ и сознательнымъ силамъ, которыя хранились въ нижнемъ теченіи. Въ этомъ лишь и заключались то отрицательное наслѣдіе и та подготовительная работа, которая была создана всѣми предыдущими царствованіями и преимущественно царствованіемъ императора Николая. Что это было именно такъ, что это сознавало и само новое правительство, — подтверждается мнѣніемъ, высказаннымъ барономъ Корфомъ въ «секретномъ» комитетѣ 1857 г. Вотъ какъ записалъ этотъ фактъ Заблоцкій-Десятовскій *(Графъ Киселевъ и его время)*: «Баронъ Корфъ объяснилъ, что полувѣковыя попытки къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостного состоянія оттого не имѣли успѣха, что соображеніе истекало сверху, а не снизу, и что посему слѣдуетъ предоставить опытности и добрымъ чувствамъ дворянства выразить свое мнѣніе». Мнѣніе Корфа поддержали; послѣдовалъ извѣстный циркуляръ Ланского, и началось освобожденіе. Все остальное сдѣлалось само собою.

V.

Стараясь объяснить себѣ, какимъ образомъ мы, поколѣніе, воспитанное и созданное императоромъ Николаемъ, не думавшіе никогда дальше своихъ личныхъ интересовъ, вдругъ стали реформаторами, я не могу придумать ничего болѣе простого, какъ остановиться на себѣ. Такихъ, какъ я, были десятки тысячъ людей, и принадлежали мы не къ той формаціи, которая выросла изъ извѣстнаго московскаго кружка. О существованіи этого кружка и его идеяхъ мы даже и не подозрѣвали.

Я уже говорилъ, какъ насъ воспитывали. Въ сущности, мы росли въ привычкахъ неповиновенія и отрицанія. Дорожить насъ не пріучили ничѣмъ, уважать мы тоже ничего не уважали; но зато начальство, и особенно Каменскій, старательно водворяли въ насъ чувство страха. Но чувство страха—плохой воспитатель, потому что оно учитъ ничего не бояться. Турокъ, у котораго всякій заптій можетъ отнять послѣдній грошъ, перестаетъ дорожить и рублемъ. Мнѣ случилось разъ замѣтить одному крутому начальнику, что его не будутъ уважать подчиненные, а онъ мнѣ отвѣтилъ: «А мнѣ все равно, лишь бы меня боялись». И всѣ русскія сто тысячъ маленькихъ самодержавій, да и всѣ остальныя русскія отношенія стояли на фундаментѣ изъ этого дикаго камня. Чувство страха—вотъ все, чѣмъ они располагали и чѣмъ они управляли. «Но,—говоритъ Канкринъ (конечно, знавшій Россію) въ своихъ запискахъ,—хотя чувство страха одно изъ могущественныхъ средствъ, но къ нему нужно прибѣгать изрѣдка. А имъ у насъ постоянно злоупотребляли. Когда же всѣ общественныя связи основаны только на страхѣ, и страхъ наконецъ исчезаетъ, тогда ничего не остается, кромѣ пустого пространства, открытаго для всѣхъ вѣтровъ. И вотъ такое-то пустое пространство и открылось у насъ. Но въ пустомъ пространствѣ жить нельзя,—каждому человѣку нужно строиться: мы и начали строиться».

Послѣ паденія Севастополя общество чувствовало себя въ какомъ-то туманѣ,—ничего опредѣленнаго еще не выяснилось. Въ это время мнѣ предложили мѣсто ученаго лѣсничаго въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ. Ученый лѣсничій былъ профессоромъ *всѣхъ* лѣсныхъ наукъ; это хотя нѣсколько и громко, но вѣрно, ибо Лисинское лѣсничество было практическимъ офицерскимъ классомъ, и ученый лѣсничій долженъ былъ лѣтомъ руководить практическими работами, а зимой читать лекціи. Я не считалъ себя достаточно подготовленнымъ для такого мѣста и заявилъ, что приму его, если меня отправятъ за-границу. Гамалѣя (товарищъ Киселева) отказалъ; тогда я просилъ, чтобы мнѣ позволили ѣхать на свой счетъ,—Гамалѣя опять отказалъ. Я заготовилъ докладную записку и отправился къ Киселеву. До этого времени я видѣлъ Киселева только раза два, на завтракахъ, которые онъ давалъ въ первый день Пасхи служащимъ въ его министерствѣ. Киселевъ былъ вельможа старыхъ, хотя уже и вымиравшихъ традицій, олимпійскаго вида. Теперь такихъ людей нѣтъ, да они и невозможны. Меня ввели въ залъ, въ тотъ самый залъ, въ три окна, который былъ мнѣ знакомъ по розговѣньямъ. Въ залѣ не было ни души. Тогдашніе министры были вообще недоступны; министры открыли у себя пріемные дни для просителей при Александрѣ II, когда обаяніе министерской власти уже очень ослабѣло, и вообще люди стали меньше ростомъ. Ждать Киселева мнѣ пришлось недолго. Войдя въ боковую дверь, которую быстро распахнули какія-то невидимыя для меня силы, Киселевъ, въ полномъ мундирѣ, съ андреевской лентой и со звѣздами, налетѣлъ на меня орломъ (онъ былъ орлиной породы).

— Что вамъ нужно?—обрѣзалъ Киселевъ, вѣроятно, думая, что лѣсничій подъ судомъ пришелъ просить милости.

— Пришелъ проситься за-границу.

— Зачѣмъ вамъ за-границу?—спросилъ Киселевъ уже совсѣмъ просто.

Я объяснилъ.

— Это вѣрно,—отвѣчалъ онъ,—но какъ же вамъ ѣхать: миръ еще не заключенъ.

— Въ прошедшемъ году, во время войны, былъ отпущенъ за-границу генералъ Половцевъ.

— У Половцева была другая причина: у него была больна жена.

— Если нужна подобная причина, то и у меня больна жена,—отвѣтилъ я.

— Ну, дайте вашу записку.

Я подалъ. 7-го марта мнѣ выдали два паспорта, и чуть ли не 8-го т. е. на другой день, я уже ѣхалъ за-границу. Паспорты мнѣ выдали даровые, и, вѣроятно, это считалось большимъ вниманіемъ, потому что годовой паспортъ стоилъ 500 р.; кромѣ того, мнѣ сохранили содержаніе. Все это, конечно, сдѣлалъ Киселевъ, а не Гамалѣя.

И какое это было восторгающее и ошеломляющее время! Я буквально ходилъ, какъ въ чаду, спѣ-

шилъ, рвался куда-то впередъ, къ чему-то другому, и это другое точно лежало сейчасъ же за шлагбаумомъ, отдѣляющимъ Россію отъ Европы. Для разсудительныхъ читателей, впрочемъ, прибавлю, что у меня уже была привычка къ перемѣнѣ мѣста, создавшаяся девятилѣтними поѣздками по Россіи. Кромѣ того, и отъ нашихъ офицеровъ, которыхъ посылали за-границу «для усовершенствованія» (это ввелъ Канкринъ), я слышалъ многое о Германіи, и особенно о Саксоніи, и не разъ мечталъ о возможности побывать за-границей. Читалъ я и *Письма русскаго путешественника* Карамзина. Такимъ образомъ, и съ положительной точки зрѣнія мое стремленіе за-границу находило оправданіе.

Въ жизни каждаго бываетъ моментъ, когда одно новое слово, одно новое понятіе производятъ крутой переломъ, и все старое выкидывается за бортъ; и чѣмъ старательнѣе производится эта очистка, тѣмъ становится пріятнѣе и дышится легче. Точно желѣзные кандалы сваливаются съ ногъ и пудовыя гири съ плечъ. Моментомъ такого перелома была для меня поѣздка за-границу. И какъ же я жадно вглядывался во всѣ мелочи германской жизни и по большимъ дорогамъ изъ оконъ вагоновъ, и на мѣстѣ, въ глухихъ центрахъ, въ медвѣжьихъ лѣсныхъ углахъ. Все было тутъ ново и любопытно: какъ мужики живутъ въ штукатуренныхъ домахъ съ черепичными крышами, и какія у нихъ лошади крупныя, и какъ они не бьютъ ихъ дрекольемъ, и какъ ребятишки, съ учебниками подъ-мышками, бѣгаютъ толпами въ школы,—всю эту новую для меня живую книгу я читалъ съ увлеченіемъ и любопытствомъ дикаря, увидѣвшаго въ первый разъ людей. Для практическихъ занятій я поселился въ Вермсдорфѣ, въ Саксоніи, рядомъ съ замкомъ Губертусбургъ, въ которомъ былъ заключенъ миръ послѣ семилѣтней войны. Саксонскіе лѣса, съ ихъ чистотой, порядками, изумительными культурами и стройной администраціей, надъ которыми мы смѣялись въ институтѣ (собственно мы смѣялись надъ учителями, которые намъ говорили все о о Германіи, а о Россіи—ни слова), мнѣ уже не казались смѣшными, и я проникся уваженіемъ къ нѣмецкому генію порядка и организаціи.

Разъ я прихожу домой и вижу, что дворникъ проваживаетъ пару лошадей; лошади едва могли отдышаться и были такъ мокры, что съ нихъ текло «Какъ, однако, измучились лошади»,—говорю я дворнику. — Еще бы,—отвѣчаетъ онъ,—вѣдь кронпринцъ (наслѣдникъ) ѣхалъ двѣ мили въ часъ (14 верстъ).—«Какъ кронпринцъ?!»—Да, завтра охота. Итакъ, я узналъ, что будетъ для наслѣдника охота и на красную дичь, что для меня было тоже ново, а во вторыхъ, что нѣмецкій кронпринцъ ѣздитъ гораздо тише послѣдняго русскаго юнкера. Охоты, впрочемъ, я не видѣлъ, а видѣлъ только на поляхъ длинные столы, за которыми наслѣдникъ и другіе охотники завтракали. На другой день я захожу къ мѣстному оберъ-ферстеру, и онъ мнѣ говоритъ съ сожалѣніемъ: «Что вы не были вчера на охотѣ?»—Да я былъ.—«Гдѣ же вы были?»—Стоялъ тамъ-то и видѣлъ, какъ вы завтракали. — «Ай, ай, ай, зачѣмъ вы не подошли,—я бы васъ представилъ кронпринцу». И это было сказано такъ просто, что я видѣлъ, что это бы и сдѣлалось.

Я чувствовалъ что-то успокаивающее и ласкающее въ простотѣ жизни маленькой Саксоніи и въ мягкомъ, домашнемъ характерѣ всѣхъ ея отношеній. Очень можетъ быть, что мои впечатлѣнія были преувеличены, и дѣйствительныя отношенія Саксоніи были иныя, чѣмъ они мнѣ казались, но если это и было такъ, вслѣдствіе рѣзкости перехода отъ одного порядка вещей къ другому, то всетаки преувеличеніе, усиливавшее энергію желанія, чтобы у насъ было не хуже, едва ли можно было поставить мнѣ въ вину.

Поѣздка за-границу была для меня первымъ наглядымъ урокомъ общественной гуманности и порядочности простого, будничнаго обихода. Я въ первый разъ увидѣлъ свободныхъ людей, которые безъ палки и самовластія живутъ, однако, гораздо лучше и богаче насъ; я увидѣлъ въ первый разъ, что мужики ѣдятъ хлѣбъ, который у насъ называется полубѣлымъ, на работу для завтрака берутъ масло и сыръ, спятъ на постеляхъ подъ одѣялами. И у насъ Н. В. Верещагинъ мечталъ создать время, когда каждый мужикъ будетъ ѣсть за завтракомъ голландскій или швейцарскій сыръ, но для такихъ завтраковъ и до сихъ поръ еще не наступило время; вѣроятно, оно зависитъ не отъ одного сыроваренія; пока же, въ ожиданіи голландскаго сыра и жареной курицы, нашъ мужикъ попрежнему ѣстъ пушной хлѣбъ, живетъ въ избѣ, изображеніе которой вы можете найти у Гербертштейна, и, вмѣсто постели, валяется на землѣ вповалку, безъ различія пола и возраста, покрываясь всякой рванью.

Тогда въ Германіи не было ея теперешней солдатчины, и прусскій поручикъ не былъ идеаломъ гражданскихъ доблестей. Жизнь, особенно въ маленькихъ государствахъ (и Пруссія тогда была маленькой), была проста и уютна; Бисмаркъ былъ неизвѣстенъ: онъ только готовился. Но эта маленькая гемютная Германія тоже пережила кое-что и уже производила у себя землетрясенія. Бакунина въ Саксоніи помнили хорошо, и саксонцы добродушно думали, что онъ былъ подосланъ русскими, чтобы испортить саксонцамъ жизнь. Разъ я спрашиваю нашего вермсдорфскаго гаускнехта, участвовалъ ли онъ въ революціи. «Покорно васъ благодарю,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—ужъ больше никогда я не стану дѣлать революціи».—А что?—Только налоговъ прибавили, и все стало дороже.

Но не одну живую книгу жизни читалъ я въ Германіи: читалъ я книги и печатныя. Особенно я отыскивалъ сочиненія о Россіи, которой я не зналъ ни исторіи, ни географіи.

Во Франціи, въ которую я проѣхалъ изъ Швейцаріи черезъ Доль и Дижонъ, нашъ дилижансъ ввезли ночью въ какія-то темныя ворота, заперли ихъ, потомъ насъ окружили жандармы и потребовали паспорта, затѣмъ перерыли наши вещи и

вообще надѣлали намъ много хлопотъ, безпокойствъ и страховъ. Тогда было время апогея власти Наполеона (особенно послѣ Севастополя), и все это было въ порядкѣ вещей. Но апогей не мѣшалъ, однако, Парижу разжигать тамъ и здѣсь очаги если не революціи, то недовольства императорскимъ правительствомъ, и подобный очажокъ мнѣ пришлось увидѣть въ Rue de la Michaudière, въ Hôtel Molière, въ которомъ я остановился. Отель содержала M-me Maxime, вмѣстѣ съ Fovetie, редакторомъ маленькаго «Revue Philosophique». У нихъ былъ свой кружокъ, въ которомъ принимали участіе извѣстная проповѣдница женской эмансипаціи Женни д'Ерикуръ и еще болѣе извѣстный Массоль, сенсимонистъ, товарищъ и ученикъ Анфантена. Впрочемъ, объ этомъ когда нибудь въ другой разъ, если придется.

Не скажу, чтобы я возвращался изъ-за-границы съ легкимъ сердцемъ, хотя меня и очень тянуло домой.

VI.

Я вернулся изъ-за-границы еще въ большемъ чаду, чѣмъ туда поѣхалъ. Но въ этомъ чаду было много силы и самыхъ лучшихъ желаній. То былъ чадъ молодости, который зовется любовью. Всѣ мы тогда и горѣли, и любили, и хотѣли работать. И съ такой, коллективно направленной на благо, силой можно было произвести чудеса. Нѣсколько чудесъ и совершилось. Напримѣръ, такое дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ, котораго прежде не могли сдѣлать въ пятьдесятъ лѣтъ, теперь кончили въ четыре года (въ 1857 году былъ первый секретный комитетъ, въ которомъ Корфъ предложилъ обратиться къ нижнему теченію, а 1-го февраля 1861 г. уже явился манифестъ объ освобожденіи).

Мнѣ, однако, пришлось недолго профессорствовать; наступило время перемѣнъ, и событія смѣнялись быстро. Я еще не вернулся изъ-за-границы, какъ Киселевъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ, а на мѣсто Киселева и по его указанію—Шереметевъ, въ товарищи которому, и тоже по указанію Киселева, опредѣленъ Хрущовъ. Шереметевъ, человѣкъ старый и болѣзненный, былъ до этого товарищемъ министра юстиціи; Хрущовъ же, сравнительно еще молодой, служилъ одно время управляющимъ петербургской палатой государственныхъ имуществъ, а потомъ былъ гофмейстеромъ при дворѣ великой княгини Елены Павловны и директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Хрущова я помнилъ нѣсколько по его управленію палатой и даже имѣлъ съ нимъ «случай». Управляющимъ Хрущовъ держалъ себя очень недоступно и высокомѣрно; то былъ тогдашній общій тонъ всѣхъ маленькихъ начальниковъ, которымъ хотѣлось казаться большими. Вѣроятно, по молодости, но я не могъ выносить высокомѣрнаго тона, и у меня сейчасъ же являлось желаніе нагрубить. Былъ я командированъ для таксаціи одной лѣсной дачи Петербургской губерніи и, слѣдовательно, состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ Хрущова. Когда работы подходили къ концу, я получилъ отъ Хрущова бумагу съ какимъ-то указаніемъ или требованіемъ. Я отвѣтилъ тоже бумагой, что я командированъ министерствомъ, имѣю инструкціи, знаю, какъ исполнять ихъ, и указанія могу получать только отъ департамента. Я поступилъ дерзко и неправильно; Хрущовъ имѣлъ право передать мнѣ къ руководству свои мнѣнія и желанія, какъ хозяинъ мѣстныхъ государственныхъ имуществъ, и я долженъ былъ принять ихъ. Это было въ 1845 году. Весною 1846 г. я былъ посланъ на работы въ Костромскую губернію, въ дикій Ветлужскій уѣздъ, и потомъ узналъ, что Хрущовъ передалъ «случай» графу Ламсдорфу, и тотъ, назначивъ меня въ Костромскую губ., сказалъ: «Пускай прохладится».

Шереметевскаго управленія мы и не подозрѣвали, точно и министерство перестало существовать; но вотъ весной 1857 года разнесся слухъ, что назначенъ министромъ Муравьевъ, и мы встрепенулись (Шереметева разбилъ параличъ). Помню смутно, что и я являлся къ Муравьеву, что онъ жилъ въ очень маленькой квартиркѣ близъ Владимірской церкви, въ домѣ Есаулова (въ этомъ же домѣ жилъ потомъ Ч.), и что у Муравьева то входилъ въ залъ, то выходилъ изъ него генералъ, повидимому, чувствовавшій себя не совсѣмъ на мѣстѣ. Генераломъ этимъ оказался А. А. Зеленый, впослѣдствіи товарищъ Муравьева, а потомъ и министръ государственныхъ имуществъ.

Непонятныя и пугающія воображеніе событія, вродѣ внезапнаго появленія кометъ, всегда сопровождаются легендами и пророчествами. Такъ случилось и съ назначеніемъ Муравьева въ министры. Разсказывали, что Муравьевъ, женатый на родственницѣ Шереметева, самъ предложилъ себя въ его намѣстники и получилъ министерство только при содѣйствіи императрицы. Далѣе легенда говорила, что Муравьевъ не пользовался расположеніемъ императора Николая, который послѣ 14-го декабря имѣлъ нѣкоторые поводы сомнѣваться въ вѣрности Муравьева и во все свое царствованіе держалъ его отъ себя далеко и не особенно двигалъ вверхъ. Еще одна легенда гласила слѣдующее: пріѣзжаетъ къ Муравьеву курьеръ съ извѣстіемъ и поздравленіемъ о производствѣ его въ генералъ-лейтенанты (приказъ уже былъ подписанъ, но еще не напечатанъ); Муравьевъ покупаетъ генералъ-лейтенантскіе эполеты (при Николаѣ всегда носили эполеты) и отправляется на Невскій проспектъ. День былъ солнечный и теплый. Императоръ Николай тоже вышелъ прогуляться и встрѣтилъ Муравьева. На другой день явился приказъ, что генералъ-лейтенантъ Муравьевъ переименовывается въ тайные совѣтники. Ходили еще слухи о губернаторствѣ Муравьева въ Западномъ краю. Легендъ, однимъ словомъ, было немало. Я хочу сказать всѣмъ этимъ, что назначеніе Муравьева министромъ произвело впечатлѣніе, а назначеніе Шереметева никакими легендами не сопровождалось. Очевидно, что Муравьевъ былъ изъ другой глины.

Муравьевъ вступилъ въ управленіе съ очень ко-

роткой, но категорической программой, что все киселевское управленіе никуда не годится, чиновники дурны, и нужно произвести очистку. Все это Муравьевъ и объявилъ при пріемѣ служащихъ. Явился всеобщій переполохъ и трепетъ. Паника усилилась, когда стало извѣстнымъ, что Муравьевъ поѣдетъ ревизовать мѣстныя управленія. Я находился въ Лисино совершенно внѣ всѣхъ этихъ волненій, какъ получилъ внезапно предписаніе пріѣхать въ Петербургъ. Оказалось, что Муравьевъ съ дороги (изъ Новгорода) потребовалъ, чтобы къ нему былъ присланъ лѣсной офицеръ, и департаментъ назначилъ меня. Со мною было послано нѣсколько докладовъ и между прочимъ одинъ о назначеніи меня начальникомъ IV отдѣленія лѣсного департамента, вмѣсто полковника Ѳ. К. А., пожелавшаго занять открывшуюся вакансію профессора Лѣсного института. Я пріѣхалъ въ Новгородъ вечеромъ и сейчасъ же явился къ Муравьеву со всѣми бумагами, которыя ему тутъ же и доложилъ. Это былъ мой экзаменъ. Докладъ о назначеніи меня начальникомъ отдѣленія Муравьевъ отложилъ до осени, предполагая, конечно, испытать меня.

Сдѣлаю маленькое отступленіе. Разъ императоръ Николай пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ и приказалъ сдѣлать фронтовое ученье. Государь стоялъ передъ фронтомъ, лицомъ къ намъ, и выдавался настолько своимъ ростомъ и величавымъ видомъ, что я одного его только и видѣлъ. У меня въ памяти громадный залъ: мы, кадеты, стоимъ фронтомъ въ длину его; грозная и величественная фигура императора, Каменскій передъ государемъ, командующій нами (крикунъ Каменскій былъ совсѣмъ блѣдный и трусилъ), да жалкій, испуганный, съ опущенной внизъ головой, штабсъ-капитанъ фонъ-деръ-Ноне. Фонъ-деръ-Ноне стоялъ впереди фронта, въ общемъ строѣ, и при одной командѣ сдѣлалъ не такъ полусаблей. Николай взглянулъ на него своимъ извѣстнымъ взглядомъ, и бѣдняга фонъ-деръ-Ноне поблѣднѣлъ, задрожалъ и выронилъ полусаблю отъ страха. На такихъ примѣрахъ и мы проникались спасительнымъ страхомъ, и мнѣ думается, что этому много помогало фронтовое ученье. Бывало, стоишь на солнцепекѣ, на Царицыномъ лугу, въ майскій парадъ, въ полной аммуниціи (а у насъ она была черная, лакированная), и держишь на «караулъ» больше часа, и не шевельнешь ни однимъ пальцемъ, только замрешь; а музыка, трубы, флейты, барабаны гудятъ, трещатъ, пищатъ, производя одурѣвающій гамъ и грохотъ,—не чувствуешь даже, какъ бьется сердце. Затѣмъ, какъ эхо, передается команда за командой, и начинается церемоніальный маршъ. Памятенъ мнѣ одинъ подобный церемоніальный маршъ. Ночью шелъ проливной дождь,—на Царицыномъ лугу образовались большія лужи; я былъ унтеръ-офицеромъ и шелъ въ замкѣ,—значитъ, на виду. Подходя къ мѣсту, гдѣ стоялъ императоръ съ огромной блестящей свитой, когда хоръ нашихъ музыкантовъ перешелъ въ сторону, и это значило, что мы приближаемся къ грозному судбищу,—я совсѣмъ застылъ, пересталъ понимать и видѣть; я чувствовалъ только, что на меня устремлены сотни глазъ, и, вытягивая носки, отбивалъ ногами по всѣмъ лужамъ, твердо помня только, что я долженъ смотрѣть въ чей-то затылокъ, чтобы не потерять прямой линіи. Когда во время дежурства въ корпусѣ нужно было встрѣтить начальника и отрапортовать ему, я всегда все перезабывалъ и путалъ, такъ что больныхъ оказывалось больше, чѣмъ здоровыхъ, а подъ арестомъ больше, чѣмъ налицо. А между тѣмъ, если приходилось драться съ товарищами, я дрался очень мужественно. Вотъ съ этимъ-то чувствомъ страха передъ властью я пріѣхалъ и къ Муравьеву. Муравьевъ былъ средняго роста, коренастъ, приземистъ, имѣлъ короткую шею и приподнятыя, широкія плечи. Лицо было у него нѣсколько обрюзглое, усы щетинистые, и изъ-подъ невысокаго лба съ густыми, торчащими сѣдыми бровями смотрѣли маленькіе, сѣрые, проницательные и умные глаза. И въ то же время это суровое лицо, совсѣмъ не созданное, повидимому, для выраженія жалости, умѣло улыбаться младенческой, кроткой, добродушной улыбкой! Муравьевъ, какъ видно, остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня, и оставилъ при себѣ; но онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что отъ этого страха я очень скоро исправлюсь.

Наше ревизіонное путешествіе по Россіи походило скорѣе на нашествіе, чѣмъ на ревизію. При Муравьевѣ состояла масса чиновниковъ, между прочимъ и извѣстный Я. А. Соловьевъ. Ревизовались три вѣдомства: государственныя имущества, удѣлъ и межевая часть; но гроза направлялась собственно противъ государственныхъ имуществъ, потому что удѣлъ и межевое управленіе уже состояли въ вѣдѣніи Муравьева. Порядокъ нашествія былъ такой. Впередъ посылались состоявшіе при Муравьевѣ чиновники,—это были наши партизаны; они разсыпались по ревизуемой губерніи и собирали свѣдѣнія на мѣстахъ. Кромѣ того, Муравьевъ испросилъ у государя двухъ флигель-адъютантовъ, которые тоже собирали по пути свѣдѣнія изъ разныхъ опросовъ. За этими летучими отрядами слѣдовала грозная сила, не уклонявшаяся въ сторону и направлявшаяся къ пункту ревизіи, т. е. къ губернскому городу. Главную силу составляли три тарантаса, ѣхавшіе одинъ за другимъ. Въ первомъ тарантасѣ ѣхалъ самъ Муравьевъ, и на козлахъ у него сидѣлъ курьеръ; во второмъ тарантасѣ—правитель канцеляріи Муравьева по департаменту удѣловъ, и на козлахъ—курьеръ; наконецъ въ третьемъ тарантасѣ—я, и тоже на козлахъ—курьеръ. Въ губернскомъ городѣ насъ уже ожидалъ партизанскій отрядъ и представлялъ Муравьеву ревизіонный матеріалъ. Затѣмъ партизаны опять посылались впередъ, а флигель-адъютанты оставались для ревизіонной обстановки. Самый актъ ревизіи совершался такъ: за присутственнымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ Муравьевъ; по сторонамъ его, противъ угловъ стола и нѣсколько сзади, сидѣли флигель-адъютанты; за столомъ—управляющій палатой, совѣтники, ассе-

соръ и еще кто-то, а противъ Муравьева, на другомъ концѣ стола,—я. Если присутственная комната была довольна велика, то вокругъ у стѣнъ стояли чиновники палаты, если же комната была тѣсна, то чиновники толпой стояли у дверей. Однимъ словомъ, ревизія производилась гласно и въ назиданіе всѣмъ.

Нашъ пріѣздъ въ губернскій городъ производилъ всеобщій переполохъ, и дѣйствительно—провинція еще въ первый разъ видѣла подобную ревизію и по массѣ чиновниковъ, и по внушительной обстановкѣ, и по сосредоточенію въ рукахъ одного лица тройной власти. Начиная съ губернатора, къ Муравьеву являлись всѣ чины; иногда собиралось ихъ, какъ мнѣ казалось, человѣкъ до ста. И съ каждымъ Муравьевъ умѣлъ и зналъ, о чемъ говорить; онъ умѣлъ и озадачить вопросомъ, если это было нужно, и пошутить, и добродушно улыбнуться; но умѣлъ и насупиться или же сдѣлать публично грозный, внушающій пріемъ съ приказаніемъ оставить службу; а за грозой опять для кого нибудь проглядывало солнце, и Муравьевъ ласково улыбался. Мнѣ случалось видѣть и другихъ начальниковъ съ генеральскими эполетами; они обыкновенно держали себя очень прямо и придавали себѣ внушающій видъ выпуклой грудью, но изъ этой груди большею частью ничего не выходило. Муравьевъ держалъ себя совсѣмъ просто, никакой внѣшней важности не напускалъ, но говорилъ всегда умно и содержательно, и кромѣ того каждый чувствовалъ, что у этого человѣка не дрогнетъ рука подписать, что хотите. Этого было совершено достаточно, чтобы однимъ своимъ именемъ возбуждать въ робкихъ паническій страхъ. Разсказывали, что два чиновника отъ нашей ревизіи умерли со страха. Это могло случиться. Припоминаю еще случай. Поѣхалъ Муравьевъ въ Лѣсной институтъ и взялъ меня съ собою (вѣроятно, въ назиданіе воспитанникамъ). Обыкновенные генералы всегда начинали съ фронтового ученья. Муравьевъ велѣлъ выстроить воспитанниковъ и затѣмъ пошелъ по рядамъ, останавливался, спрашивалъ у воспитанника, въ которомъ онъ классѣ, и предлагалъ вопросы изъ математики или изъ другихъ предметовъ (преимущественно изъ математики, которую Муравьевъ зналъ хорошо), но такіе, на которые воспитанники не находили отвѣтовъ. Въ сущности это былъ экзаменъ, и послѣ нашего отъѣзда воспитанники, вѣроятно, не смѣялись надъ Муравьевымъ, какъ это они дѣлали надъ фронтовыми начальниками.

Муравьевъ умѣлъ хорошо читать цифры и вѣрно понималъ вѣдомости, которыя ему представляли. Къ ревизіи онъ готовился тщательно, съ вечера пересмотритъ всѣ вѣдомости и записки, которыя ему представятъ ревизоры, загнетъ уголки, гдѣ ему нужно, и несмотря на то, что вѣдомостей и записокъ наберется цѣлая груда, Муравьевъ не забудетъ своихъ уголковъ и въ нихъ не ошибется. Говорилъ онъ хорошо, просто, русскимъ складомъ, коротко и мѣтко.

Муравьевъ не былъ ни администраторомъ, ни реформаторомъ; онъ былъ разрушитель и умѣлъ ломать превосходно. Вообще эта натура была революціонная. Задумавъ очистить министерство отъ лицъ, онъ очистилъ его и отъ идей. Крестьянъ онъ обрѣзалъ землею, набавилъ платежей, поощрялъ личное землевладѣніе и въ моментъ, когда государственный вопросъ заключался въ улучшеніи быта крестьянъ, Муравьевъ ухудшалъ этотъ бытъ. Но Муравьевъ любопытенъ какъ типъ, какъ характеръ. Такихъ людей могла создавать только Россія, и только въ ней могли настолько портиться богатыя умственныя и душевныя средства. Муравьевъ былъ личникъ и придавалъ большое значеніе личной энергіи; но онъ безъ нужды напрягалъ чужую энергію больше, чѣмъ это требовалось для дѣла, и возбуждалъ ее чувствомъ страха. Когда что нибудь поручалось нѣсколькимъ лицамъ, Муравьевъ всегда спрашивалъ: «а съ кого я буду взыскивать?» Ему непремѣнно нужно было взыскивать. Людей вообще онъ цѣнилъ не высоко; если ему говорили, что для такого-то дѣла нѣтъ человѣка, онъ отвѣчалъ: «было бы болото». Разъ, когда я заступался за кого-то, онъ мнѣ сказалъ: «поживите съ мое, и вы увидите, что люди ничего не стоятъ». Но этотъ же самый Муравьевъ умѣлъ и уважать. Даля, который былъ тогда управляющимъ нижегородской удѣльной конторой, Муравьевъ принималъ, не какъ министръ подчиненнаго, а какъ какого нибудь президента академіи. Съ необыкновеннымъ уваженіемъ и теплотой онъ отзывался о Канкринѣ и своими чувствами къ отцу дорожилъ, какъ святыней. Отецъ Муравьева перевелъ Тэра и сдѣлалъ къ переводу примѣчанія. У Муравьева былъ экземпляръ книги съ помѣтками отца на поляхъ, и сынъ благоговѣйно хранилъ этотъ экземпляръ, какъ евангеліе. Хотя Муравьевъ и получилъ французское воспитаніе, но былъ «патріотомъ», считалъ себя вполнѣ русскимъ человѣкомъ и въ то же время былъ способенъ переломить весь русскій бытъ, еслибы ему это позволили. Муравьевъ былъ честолюбивъ, властолюбивъ и деспотиченъ, прощать онъ не умѣлъ и всегда увлекался личными чувствами (не переносилъ ли Муравьевъ своихъ личныхъ чувствъ къ Киселеву на его министерство?). Насколько въ такихъ случаяхъ онъ былъ мелоченъ, приведу факты. Нужно было отъ Муравьева (по лѣсному департаменту) написать о чемъ-то къ предсѣдателю государственнаго совѣта, которымъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Я привезъ къ Муравьеву бумагу; онъ хотѣлъ ее уже подписать, но остановился.—Почему это такъ?—спрашиваетъ онъ меня, указывая на «послѣсловіе». Я отвѣтилъ, что министръ подписывается къ предсѣдателю государственнаго совѣта по формѣ (кажется) 20 (были такія формы, въ которыхъ указывалось, какъ должно быть соблюдаемо чинопочитаніе въ подписяхъ). —Покажите.—Я подалъ форму. Муравьевъ долго ее разсматривалъ, потомъ показалъ пальцемъ на два нумера ниже, т. е. менѣе почтительно, и сказалъ: —Велите по этой.—Или въ Саратовѣ Муравьевъ внезапно перемѣнилъ дни ревизій и ревизію палаты государственныхъ имуществъ назначилъ ранѣе удѣльной конторы. Я не успѣлъ приготовиться и

явился безъ всего, не сказавъ объ этомъ Муравьеву. Когда дошла очередь до лѣсного отдѣленія, Муравьевъ обращается ко мнѣ: — Капитанъ Шелгуновъ!—Я немного приподнялся и отвѣтилъ: «У меня не готово». Такъ это и кончилось; но когда пришлось уѣзжать изъ Саратова, Муравьевъ съ правителемъ канцеляріи прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ луговой дорогой (самъ онъ поѣхалъ горной, почтовой), и отнялъ отъ меня курьера, котораго я получилъ, и опять попалъ въ свиту Муравьева только въ Нижнемъ-Новгородѣ. Или: въ 1858 г. Зеленый предложилъ мнѣ ѣхать за границу (я отказался отъ управленія отдѣленіемъ, и Муравьевъ на меня разсердился), и нужно было составить объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ. Я составилъ докладъ и послалъ его къ Муравьеву. Муравьевъ подчеркнулъ какое-то слово синимъ карандашомъ, поставилъ сбоку NB и докладъ возвратилъ. Я послалъ второй докладъ, и съ нимъ случилось опять то же, послалъ третій—то же. Къ Муравьеву было послано десять докладовъ, и только одиннадцатый онъ повезъ къ Государю. А такъ какъ Муравьевъ имѣлъ одинъ докладъ въ недѣлю, то разрѣшеніе затянулось на 10 недѣль.

Муравьевъ былъ очень доступенъ, можетъ быть, потому, что любилъ быть центромъ власти, и пріемная его была по утрамъ биткомъ набита. Несмотря на свой деспотизмъ, Муравьевъ умѣлъ выслушивать, но власти изъ своихъ рукъ выпускать не любилъ. Одинъ изъ штатскихъ генераловъ департамента корабельныхъ лѣсовъ, посланный для ревизіи бузулукскаго бора, гдѣ были злоупотребленія, представилъ толстѣйшую тетрадь всякихъ своихъ соображеній и предположеній и думалъ этимъ выслужиться. Муравьевъ велѣлъ мнѣ доложить, и я въ докладѣ, пунктъ за пунктомъ, опровергъ предположенія генерала. Сначала Муравьевъ слушалъ терпѣливо, но потомъ уставился на меня сердито черезъ очки, сталъ говорить:—ну, ну,—наконецъ не вытерпѣлъ и говоритъ:—Чего же вы хотите?! — Я отвѣтилъ, что генералъ, ревизовавшій бузулукскій боръ, ничего не сказалъ такого, чего бы мы не знали гораздо лучше его изъ нѣмецкихъ и русскихъ книгъ о мѣрахъ охраненія лѣсовъ; но вѣдь тутъ не въ нихъ дѣло.—А въ чемъ же?— «Да въ томъ, что М. (лѣсничій) воръ». Муравьевъ, ни слова не отвѣтивъ, взялъ отъ меня докладъ и утвердилъ. Послѣ ревизіоннаго нашествія я представилъ Муравьеву записку о результатахъ ревизіи съ моими выводами и заключеніями. Когда я ему сталъ докладывать, онъ опять началъ сердиться и придираться къ каждому моему заключенію, но я все продолжалъ. Увидѣвъ, что я не понимаю его «намековъ», Муравьевъ сказалъ, что отъ меня онъ требуетъ только фактовъ, а выводы онъ сдѣлаетъ самъ. Ему даже мои выводы показались посягательствомъ на его власть.

Муравьевъ, какъ я сказалъ, не былъ реформаторомъ, и сомнительно, чтобы онъ сочувствовалъ реформамъ, хотя своего несочувствія онъ никогда не высказывалъ, но оно какъ-то сквозило во всей его дѣятельности. Даже и въ томъ, что онъ ломалъ, не было замѣтно системы. Одно время онъ былъ сильно противъ монаховъ и духовенства, не соглашался ни на какія ихъ просьбы и при всякомъ случаѣ ихъ урѣзывалъ. Но вотъ разъ поступаетъ просьба московской Сергіевой лавры объ отводѣ ей порядочно большого лѣсного участка (монастырямъ полагалось 150 дес.). Я готовилъ докладъ въ смыслѣ отказа; но Муравьевъ, противъ всякаго ожиданія, сталъ мягко меня убѣждать (точно это зависѣло отъ меня), что нужно войти въ положеніе монастыря и т. д., и велѣлъ составить всеподданнѣйшій докладъ. Муравьевъ служилъ хорошимъ показателемъ «поворота», который намѣтился за много ранѣе до 19 февраля 1861 г. Въ 1857 г. не было такого доклада, уничтожающаго старое, съ которымъ бы Муравьевъ не согласился, но уже въ 1859 г. онъ сталъ обнаруживать какую-то понятность. Напримѣръ, я былъ командированъ за границу для изученія европейскаго лѣсного законодательства и затѣмъ, съ согласія Муравьева, составилъ проектъ измѣненій VIII тома и проектъ новаго устава. Когда я представилъ эту работу Муравьеву, онъ одобрилъ ее, но не согласился на перемѣны сразу, а назначилъ комитетъ для разсмотрѣнія «по частямъ». Въ 1857 г. Муравьевъ этого бы не сдѣлалъ.

Разъ Муравьевъ говоритъ мнѣ: — А какого я вамъ далъ директора: молодого, энергичнаго! — И дѣйствительно, вмѣсто добраго старика Норова, еще изъ киселевскихъ людей, Муравьевъ далъ полковника и флигель-адъютанта (своего племянника) А. Г. Л. Съ этихъ поръ пошла у насъ ужасная кутерьма (ея было и прежде не мало). Въ подробности я вдаваться не стану, потому что онѣ вовсе не интересны; уже и о Муравьевѣ я говорилъ много, но онъ представляетъ интересъ, какъ министръ и извѣстный во многихъ отношеніяхъ государственный дѣятель, чего о Л. и его директорствѣ сказать нельзя. Я рѣшилъ оставить департаментъ и поѣхалъ къ А. А. Зеленому съ просьбою освободить меня отъ управленія отдѣленіемъ. Зеленый спросилъ меня о причинѣ, и я ему объяснилъ, хотя не вполнѣ, потому что умолчалъ о Муравьевѣ.—Хотите ѣхать за границу?—отвѣтилъ на мою просьбу Зеленый неожиданно. Я поблагодарилъ его, рапортовался больнымъ, пересталъ ходить въ департаментъ, и вотъ тутъ-то и послѣдовали 11 докладовъ, о которыхъ я говорилъ. Муравьевъ догадывался, что я убѣжалъ отъ него.

Мой «петербургскій періодъ» продолжался менѣе года. Лѣтомъ 1857 г. я поступилъ къ Муравьеву и участвовалъ въ знаменитой ревизіи, въ октябрѣ того же года былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія, а въ маѣ 1858 года уже уѣхалъ за границу, распростившись съ муравьевской реформаціей.

VII.

Да, это были не реформы, а только перемѣны; очистка, но людей, а не принциповъ и порядковъ. Жизнь была не въ этомъ чиновномъ и министерскомъ мірѣ, и не онъ давалъ цвѣтъ и содержаніе тому,

чѣмъ люди жили; жизнь была дальше, тамъ, гдѣ начиналась уже крестьянская реформа, работали губернскіе комитеты, волновалась общественная мысль. Но кромѣ этого теченія, которое фактически выносило на себѣ крестьянское дѣло, было еще теченіе, болѣе широкое и глубокое, лежавшее еще ниже, дававшее красоту жизни, тонъ и направленіе общественной мысли, цвѣтъ своей эпохѣ. Этимъ широкимъ, могучимъ теченіемъ была печать.

Еще никогда не было въ Россіи такой массы листковъ, газетъ и журналовъ, какая явилась въ 1856—1858 гг. Изданія появлялись, какъ грибы, хотя точнѣе было бы сказать, какъ водяные пузыри въ дождь, потому что какъ много ихъ появлялось, также много и исчезало. Одними объявленіями объ изданіяхъ можно было бы оклеить башню московскаго Ивана Великаго. Изданія были всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и направленій, большія и малыя, дешевыя и дорогія, серьезныя и юмористическія, литературныя и научныя, политическія и вовсе не политическія. Появлялись даже летучіе, уличные листки. Вся печать, съ офиціальной, доходила до 250 изданій.

Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли, были Москва и Петербургъ. Въ петербургскихъ изданіяхъ слѣдилось преимущественно за интересами дня, за тѣмъ, что дѣлалось въ русскомъ мірѣ, за вопросами, которые намѣчались и разрѣшались. Петербургская печать была передовымъ и главнымъ боевымъ полкомъ. Она стремилась руководить и не однимъ общимъ мнѣніемъ, и ставила иногда вопросы, если не опережавшіе правительственную мысль, то пытавшіеся расчистить ей путь и въ дѣйствительности его расчищавшіе. Москва больше теорезировала и углублялась въ основы русскаго духа. Какъ только явилась большая свобода и повѣяло духомъ перемѣнъ, Москва принялась издавать славянофильскіе и полу-славянофильскіе органы, объявила войну исторіи Запада и Петру Великому (конечно, вмѣстѣ съ Петербургомъ), и въ поддержку «*Русской Бесѣдѣ*» Кошелева явился «*Парусъ*» Ив. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ — «*Русскій Вѣстникъ*», основанный въ 1856 г., въ умѣренно-либеральномъ направленіи, и сразу завоевавшій популярность интересомъ и дѣльностью содержанія; но уже въ 1857 г. возникъ въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» расколъ по вопросу о централизаціи, и часть его сотрудниковъ, отдѣлившись, основала «*Атеней*» (погибшій скоро «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики»). Въ Москвѣ же издавался тогда критическій органъ «*Московское Обозрѣніе*», въ которомъ участвовали только безыменные сотрудники, поставившіе себѣ задачей полную свободу и независимость отъ авторитетовъ.

Но умственный центръ былъ не въ «сердцѣ» Россіи, а въ ея головѣ—въ Петербургѣ, гдѣ началъ издаваться и занялъ первое мѣсто между журналами «*Современникъ*». За «*Современникомъ*» стояли «*Отечественныя Записки*» и «*Библіотека для Чтенія*». Петербургъ не уступилъ Москвѣ, а превзошелъ ее обиліемъ и разнообразіемъ новыхъ органовъ. Въ Петербургѣ явился «*Экономическій Указатель*», проповѣдывавшій свободу торговли, неограниченную конкурренцію и личную поземельную собственность; «*Искра*», юмористическій и сатирическій журналъ, основанный В. Курочкинымъ съ цѣлой компаніей поэтовъ и юмористовъ; «*Русскій Дневникъ*» Павла Мельникова, а въ 1858 г. — «*Русское Слово*» графа Кушелева.

Это было удивительное время, — время, когда всякій захотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что нибудь за душой, хотѣлъ высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порывъ ея былъ сильный, и задачи громадныя. Не о сегодняшнемъ днѣ шла тутъ рѣчь,—обдумывались и рѣшались судьбы будущихъ поколѣній, будущія судьбы всей Россіи, становившіяся въ зависимость отъ того или другого разрѣшенія реформъ. Эта заманчивая работа потянула къ себѣ всѣхъ болѣе даровитыхъ и способныхъ людей и выдвинула массу молодыхъ публицистовъ, литераторовъ и ученыхъ, имена которыхъ навсегда связались съ исторіей русскаго просвѣщенія и съ блестящимъ, но короткимъ моментомъ шестидесятыхъ годовъ, надолго давшимъ свое направленіе умственному движенію Россіи, какъ бы оно по временамъ ни затихало. Въ 1857 и 1858 гг.. о которыхъ пока рѣчь, совершалось только начало этого громаднаго умственнаго труда; блестящій же, самый оживленный и зрѣлый моментъ журналистики былъ еще впереди и начался послѣ 1859 года.

Съ этого года мои личныя воспоминанія получаютъ другой характеръ. Я вступаю въ сношенія съ людьми, память о которыхъ связана съ лучшими годами моей жизни. И какая же это память, какая благоговѣйная память, и какъ она дорога мнѣ! Самая широкая гуманность и великодушныя чувства нашли въ этихъ людяхъ лучшихъ своихъ поборниковъ. Если у меня, старика, у котораго уже нѣтъ будущаго, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты въ жизни, то только въ воспоминаніяхъ о нихъ.

VIII.

Между моей первой и второй поѣздками за границу прошло полтора года, а полтора года было тогда очень большое время: люди и идеи росли очень скоро, въ годъ свершалось столько дѣлъ и событій, сколько въ другія времена не свершится и въ 10—20 лѣтъ. Теперешнему, стоящему на одномъ мѣстѣ, человѣку даже и не понять, что значитъ полтора года,—годъ или десять лѣтъ стоять на мѣстѣ, какъ факиръ, не все ли равно: тутъ забудешь даже считать время. И мы его тоже не считали, но по другой причинѣ. Говорятъ, что нѣмецъ дѣлаетъ все хорошо потому, что разсчитываетъ прожить сто лѣтъ, русскій же думаетъ, что онъ умретъ завтра, и потому дѣлаетъ все кое-какъ. Мы тоже, должно быть, боялись умереть завтра и очень спѣшили, но дѣлали хорошо, по нѣмецки.

Если семидесятые года хотѣли явиться умственной поправкой шестидесятыхъ годовъ, а восьмидесятые года—поправкой тогдашнихъ дѣлъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы люди семидесятыхъ годовъ думали лучше, а люди восьмидесятыхъ годовъ дѣлали лучше, чѣмъ думали и дѣлали люди шестидесятыхъ годовъ.

Въ 1856 году, когда я отправился за границу сейчасъ же послѣ Севастополя, надъ Россіей носился хаосъ желаній, стремленій, порывовъ, и вещи больше чувствовались, чѣмъ понимались. И я, въ качествѣ частички, оторвавшейся отъ этого хаоса, носился по Европѣ, точно дикая, необузданная сила. Прошло полтора года, и въ русскомъ хаосѣ образовалось свѣтлое ядро, изъ хаоса понятій возникла ясная, точно опредѣленная центральная идея — освобожденіе крестьянъ. Но идея эта, ясная въ основѣ, не только не разрѣшала подробностей, а, напротивъ, ихъ вызывала и громоздила однѣ на другія. Какъ создается освобожденіе, на какихъ условіяхъ, съ землей ли, безъ земли (даже нѣмецкіе ученые приглашались разрѣшать этотъ вопросъ), съ выкупомъ или безъ выкупа, на личномъ или общинномъ началѣ, что, по очереди вопросовъ, послѣдуетъ за освобожденіемъ, каковы будутъ новые общественные устои, на которыхъ утвердится обновленіе не только Россіи, но и Европы? Да, Европы! Мы думали и объ обновленіи Запада русскими началами, и объ этомъ мечтали не одни славянофилы, но и западники. Не смѣйтесь, читатель. У этого русскаго порыва къ обновленію Европы было вполнѣ западническое основаніе. Европа, несмотря на свои недавнія неудачи, еще не утратила ни вѣры, ни надежды въ возможность лучшаго. Традиціи великихъ идей конца XVIII столѣтія не порвались, какъ это случилось послѣ. Во Франціи еще были живы такіе упрямцы, какъ Луи-Бланъ, Феликсъ Пія, Ледрю-Ролленъ, Бланки, Барбесъ, а съ ними Викторъ Гюго и вся эта ученая, адвокатствующая и журнальная Франція, изгнанная Наполеономъ III, которая и въ изгнаніи оставалась вѣрна своему прошлому и не теряла надежды найти поддержку и союзниковъ. Центромъ, гдѣ собралась европейская эмиграція,—французская, итальянская, польская, русская, нѣмецкая и венгерская, съ Кошутомъ во главѣ,—былъ Лондонъ. Матеріально эмиграціи жилось плохо, напримѣръ: магнатъ Кошутъ существовалъ уроками и публичными лекціями; но люди еще вѣровали въ идею освобожденія, и она была для нихъ не только великой идеей, но и единственной религіей, хотя никто не зналъ, откуда придетъ Мессія. Потомъ эта вѣра смѣнилась отчаяніемъ и полнымъ безвѣріемъ не только въ силы отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ народовъ, и тѣ же энтузіасты стали призывать во имя цивилизаціи и прогресса стихійныя разрушительныя силы. Одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, бѣжавшій въ Испанію, серьезно вѣрилъ и писалъ, что европейскую цивилизацію нужно смести съ лица земли, и что это можетъ сдѣлать только Россія (Николай) своими казаками, и когда Европа будетъ разрушена этими полчищами новаго Атиллы,—возникнетъ изъ наступившаго хаоса идея гармоніи и порядка, и всѣ народы славянско-и латино-германской расъ сольются въ одно всей общее соціалистическое государство.

Такъ далеко мы не шли и казацкаго нашествія на Европу дѣлать не хотѣли, но мы были не прочь предложить Европѣ нашъ общинный порядокъ и наши общественно-экономическія основы, да и сами не находили нужнымъ проходить тотъ тяжелый путь индивидуалистическаго экономизма и капитализма, которымъ прошла Европа. Не мнѣ одному,—многимъ думалось, что въ русской жизни, сохранившей черты быта, уже исчезнувшаго въ Европѣ, есть что предложить Западу, да и у себя изъ-подъ заимствованныхъ наслоеній, преимущественно византійскихъ, нашлось бы немало бытовыхъ особенностей, нуждавшихся въ очисткѣ. Какъ все это сдѣлать,—я не зналъ (да, вѣроятно, и не я одинъ). Но вопросъ на первое время заключался не въ томъ, какъ дѣлать, а въ томъ, что именно сдѣлать. Прежде чѣмъ началось освобожденіе крестьянъ, тоже не знали, какъ его сдѣлать, знали только, что освобожденіе сдѣлать нужно. Вопросъ, значитъ, заключается въ томъ, чтобы справедливая идея была признана справедливой, и чтобы оказались на лицо кое-какія счастливыя случайности. Развѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ можно было предвидѣть, что родится Петръ Великій, и на долю Россіи выпадетъ европейская историческая роль? Развѣ при императорѣ Николаѣ можно было предвидѣть, что въ 1861 г. свершится освобожденіе крестьянъ, и въ Россіи явится цѣлый рядъ европейскихъ учрежденій, начиная гласнымъ судомъ и кончая всеобщей воинской повинностью? Кромѣ послѣдовательности, въ исторіи играетъ роль и случайность, двигающая человѣчество иногда впередъ, а иногда и назадъ. Развѣ Наполеонъ I не былъ такой попятной случайностью, и развѣ поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ не могло явиться продолженіемъ поколѣнія годовъ шестидесятыхъ? Въ 1858 году я не только вѣрилъ въ возможность самаго полнаго обновленія Россіи на гуманныхъ и справедливыхъ началахъ, но и былъ убѣжденъ въ возможности этого. И вѣрилось мнѣ не только потому, что всѣ молодые вѣрили этому въ Россіи, но потому, что и въ Европѣ шла сильная обновительная и освободительная работа. Тогдашняя Европа была не такой, какая она теперь. Неудачи послѣднихъ попытокъ еще никого не охладили, у каждой страны еще были живы ея великіе мученики за свободу. Ничего, что они жили не у себя дома, что Кошутъ, Маццини, Викторъ Гюго съ другими эмигрантами жили въ Англіи. Они оставались попрежнему высокими и яркими маяками, освѣщавшими родныя низины и путь, которымъ нужно идти. Идея освобожденія проникла всѣ европейскіе народы. Венгрія еще далеко не успокоилась оттого, что ей пришлось сложить оружіе передъ русской арміей. Италія тоже продолжала свою работу и стояла наканунѣ того, чтобы выставить Гарибальди и Кавура. Франція, несмотря на весь блескъ второй имперіи, кишѣла кружками недовольныхъ и готова была скинуть Наполеона при первой возможности. Славянскія племена Турціи и

Австріи если не волновались, то достаточно громко шипѣли; поляки и не думали разставаться со своими надеждами на независимость. Такова была вся политическая атмосфера Европы, и въ общемъ стремленіи къ освобожденію принимали участіе не одни революціонные элементы. Ни Викторъ Эмануилъ, ни Кавуръ, ни тѣмъ болѣе Наполеонъ III не были революціонерами, а между тѣмъ они дѣйствовали, какъ заговорщики. Въ такой атмосферѣ было много простора для всякихъ желаній и стремленій, всѣ волновались, всѣ горѣли, всѣ искали освободительнаго дѣла. Какъ же подобной европейской волнѣ было не охватить и Россію? Въ качествѣ молодого народа, начавшаго такой радикальной реформой, какъ освобожденіе, мы не могли не быть рѣшительнѣе въ своихъ требованіяхъ и, конечно, были болѣе готовы на всякія, самыя крайнія перемѣны. Это была простая логика факта или, какъ выразился бы историкъ, неустранимое слѣдствіе солидарности народовъ. Всеобщность освободительнаго движенія связывала всѣ народы, и національное дѣло легко переходило въ международное и космополитическое, точно наступило время братства народовъ. И дѣйствительно, общія идеи связывали людей чуть ли не сильнѣе кровныхъ народныхъ узъ. Нѣмецкіе и французскіе рабочіе понимали другъ друга лучше, чѣмъ своихъ однокровныхъ бюргеровъ и буржуа.

Все это уже «дѣла давно минувшихъ дней, преданье старины глубокой», для которой наступила исторія: волна сошла, ее смѣнила другая, и дѣды разсказываютъ внукамъ о дняхъ своей юности.

Тотъ слой, въ которомъ мнѣ пришлось вращаться за границей «по дѣламъ службы», совсѣмъ не отвѣчалъ верхамъ европейскихъ идей. Нѣмецкіе лѣсничіе—люди неоспоримо хорошіе, простые, исполнительные и знающіе—отличались патріархальною преданностью своимъ герцогамъ, великимъ герцогамъ и королямъ и чувствовали себя на своемъ мѣстѣ только въ лѣсу, во всякомъ же безлѣсномъ пространствѣ они застывали, какъ червяки на морозѣ. Исключеніе составлялъ только Денглеръ, лѣсной ревизоръ великаго герцогства Баденскаго. Этотъ любилъ говорить о политикѣ, но преимущественно баденской, и каждый вечеръ ораторствовалъ въ одномъ пивномъ кабачкѣ Карлсруэ, въ которомъ собирались баденскіе политики. Разъ мы очень долго ждали Денглера, и безъ этого нашего центральнаго человѣка у насъ ничего не выходило. Наконецъ, уже часовъ въ 11, пришелъ Денглеръ.

— Гдѣ вы это были?—накинулись мы на него.

— За мной прислалъ великій герцогъ.

И затѣмъ Денглеръ разсказалъ, о чемъ съ нимъ герцогъ совѣтовался. Для меня, пріѣхавшаго изъ большой страны, гдѣ все дѣлалось совсѣмъ иначе, была непостижима эта домашняя простота политическихъ отношеній маленькаго государства. Но зато Денглеръ огорчилъ меня въ другомъ. Я былъ съ нимъ довольно близокъ и ходилъ къ нему свободно то параднымъ, то домашнимъ ходомъ, смотря по обстоятельствамъ. Разъ, часовъ въ двѣнадцать дня, я прошелъ къ Денглеру домашнимъ ходомъ и увидѣлъ въ дѣтской такую картину: простой крашеный столъ, обтянутый черной клеенкой, вокругъ стола сидятъ дѣти и ѣдятъ вареный картофель съ солью. Мнѣ стало жаль и Денглера, и его дѣтей, но потомъ я узналъ, что вареный картофель только съ солью въ домашней экономіи нѣмецкаго чиновника не составляетъ ничего исключительнаго и никому не кажется ужаснымъ.

Потому что Денглеръ былъ политическій человѣкъ, его, какъ мнѣ казалось, не особенно огорчали мыши, зайцы и червяки, вредившіе лѣсамъ, да и ко мнѣ по той же причинѣ онъ относился ровнѣе. Но другіе лѣсничіе, и особенно саксонскіе, были способны проникаться самымъ непритворнымъ ужасомъ ко всякой порчѣ лѣса и въ долгоносикахъ, короѣдахъ, рогачахъ, мышахъ и зайцахъ видѣли личныхъ враговъ, съ которыми вели самыя ожесточенныя и непримиримыя войны. Нападенія curculio pini на молодыя сосновыя деревца повергало каждаго саксонскаго лѣсничаго въ такое искреннее отчаяніе, что, казалось бы, онъ отдалъ охотнѣе на жертву оспѣ или холерѣ своихъ собственныхъ дѣтей. Сейчасъ нанимались деревенскіе мальчишки и дѣвчонки и снабжались бутылками, въ которыя должны были собирать жучковъ. За бутылку, полную долгоносиковъ, платилось по одному нейгрошу (3 к.). И съ какимъ же торжествомъ считалъ потомъ лѣсничій эти бутылки и побѣдоносно радовался, что на столько-то бутылокъ убавилось его смертельныхъ враговъ. Для меня, видѣвшаго ветлужскіе лѣса, которымъ не только долгоносики, но даже настоящіе индійскіе слоны не могли бы сдѣлать никакого вреда, curculio pini казался нѣсколько комическимъ, и въ этомъ обстоятельствѣ заключалась, конечно, та глубокая пропасть, которая отдѣляла меня отъ нѣмецкихъ лѣсничихъ. Я былъ для нихъ пришлецомъ изъ полуварварской страны, еще недоросшей до утонченной культуры и «раціональныхъ» мѣръ охраненія лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ полуварваръ былъ всетаки «свой» (Fachmann), и въ баденскомъ оберландѣ, гдѣ я участвовалъ въ одномъ ферейнѣ, меня избрали въ почетные члены и выдали дипломъ. Это была, конечно, только международная любезность.

Тогда въ Европѣ никто не сомнѣвался, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ ходятъ по улицамъ медвѣди, и что сейчасъ же за Эйдкуненомъ начинается Сибирь. Понятно, что человѣкъ изъ такой страны не могъ не возбуждать любопытство и въ то же время не могъ стоять высоко во мнѣніи культурныхъ европейцевъ. Припоминаю глупости, которыя дѣлалъ въ Парижѣ Поляковъ. Это былъ пройдоха-мужикъ, не побоявшійся провести даже Муравьева. Чтобы поднять льноводство во Псковской губерніи, Муравьевъ задумалъ послать въ Бельгію знающаго человѣка, который бы изучилъ это дѣло на мѣстѣ и устроилъ бы сношенія. Почему выборъ палъ на Полякова—не знаю; кажется, потому, что Полякову пришла та же мысль, и онъ обратился къ Муравьеву за поддержкой (щукп поляковской породы выплывали уже тогда, потомъ ихъ только прибавилось, когда теченіе имъ стало помогать). «Про-

стой русскій мужичекъ» былъ, конечно, обласканъ, получилъ казенныя деньги; но только вмѣсто Бельгіи онъ изучалъ льноводство въ Парижѣ, гдѣ я его видѣлъ. Въ то же время жила въ Парижѣ русская генеральша-вдова (тоже Поляковской породы). На пенсію, которую получала генеральша, ей въ Россіи было жить нельзя, и потому она переселилась въ Парижъ. У генеральши была шестнадцатилѣтняя дочь, очень красивая, которую маменька, какъ разсказывали, желала пристроить къ Наполеону III или, по меньшей мѣрѣ, къ какому нибудь принцу. Въ ожиданіи осуществленія такой честолюбивой мечты, сама маменька пристроилась къ Полякову Сначала генеральша говорила Полякову «ты», потому что какъ же говорить иначе съ мужикомъ, а потомъ и мужикъ сталъ говорить «ты» генеральшѣ. Поляковъ носилъ канаусовую рубашку и штаны, лакированные щегольскіе высокіе сапоги и черную бархатную поддевку, а на головѣ ямскую шляпу съ павлиньими перьями. Поляковъ очень заботился о гармоніи цвѣтовъ и имѣлъ рубашки красныя, желтыя, синія, бѣлыя, и такихъ же цвѣтовъ штаны, и цвѣтъ штановъ у него былъ всегда въ гармоніи съ цвѣтомъ рубашки. Вѣроятно, объ этомъ заботилась сама генеральша. Нарядившись шутомъ, Поляковъ шлялся по бульварамъ или около 7 часовъ ѣздилъ верхомъ по Елисейскимъ полямъ, въ театрѣ обыкновенно сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, чтобы удобнѣе было позировать и рисоваться въ антрактахъ, и настолько намозолилъ глаза французамъ, что его «русскій» костюмъ составлялъ предметъ разговоровъ, и разъ Наполеонъ III, чтобы лучше разсмотрѣть Полякова, приподнялся въ своей ложѣ. Къ этому же времени относится пріѣздъ въ Парижъ двухъ купеческихъ сынковъ, дѣтей извѣстнаго и очень богатаго купца. Въ Парижѣ они хотѣли развернуться по московски, т. е. во всю, и показать французамъ, какъ слѣдуетъ кутить. Забравшись въ одинъ «такой» домъ, они перепоили всѣхъ шампанскимъ, сами перепились и перебили всѣ зеркала. Парижъ пришелъ въ ужасъ: ни одинъ французъ никогда ничего подобнаго не слышалъ, не видѣлъ и не могъ себѣ представить. Страхъ былъ такой, какъ еслибы пріѣхали въ Парижъ путешествующія гориллы. Надо было, конечно, спасти отъ нихъ Парижъ, и полиція предложила «сынкамъ» оставить городъ. Это былъ пока русскій черноземъ, но потомъ Европа увидѣла у себя и нашего культурнаго человѣка, когда то тамъ, то здѣсь стали появляться на скамьяхъ подсудимыхъ за мошенничество и воровство русскіе червонные валеты. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ князь Гокчайскій, составили себѣ легендарную извѣстность.

Разъ, въ Брюсселѣ, я захожу въ сапожный магазинъ и въ разговорѣ, зная достоинство нашей кожи (это было тогда, теперь иностранная кожа лучше нашей), спрашиваю хозяина, отчего онъ не выписываетъ русскую кожу.

— А вотъ видите эту полку,—и хозяинъ показалъ на верхнюю полку во всю стѣну,—все это русская кожа.

— Ну, такъ что-жъ?

— А то, что образчикъ мнѣ прислали хорошій, а когда пришла партія, то вся оказалась гнилою,— вотъ она теперь и лежитъ.

Или пріѣзжаю я во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Заѣзжаю въ одну гостиницу, все занято для русской императрицы (Александры Ѳеодоровны, жены Императора Николая); заѣзжаю въ другую гостиницу—тоже. Это было на окраинахъ; ѣду въ городъ и останавливаюсь у очень большой гостиницы, меня высаживаютъ, берутъ мой чемоданъ, и швейцаръ спрашиваетъ:

— Вы въ свитѣ русской императрицы?

Я покачалъ отрицательно головой.

— Но вѣдь вы русскій?

(Я не сказалъ еще ни одного слова).

— Откуда вы это знаете?

— Да вашъ чемоданъ пахнетъ дегтемъ.

Эти и подобные имъ факты не давали мнѣ особеннаго повода чувствовать подъемъ моего національнаго чувства, а въ отношеніяхъ нѣмецкихъ чиновниковъ и лѣсничихъ, которыхъ я видѣлъ довольно, очень часто обнаруживалось не совсѣмъ искусно скрытое сознаніе превосходства ихъ тевтонской расы надъ моей славянской. Вообще въ глазахъ нѣмцевъ я былъ «русскій», а это слово имѣло для нихъ опредѣленный смыслъ. Впрочемъ, ихъ отношеніе было всегда мягкое и добродушное, и когда заходили разговоры о русскихъ порядкахъ, то мнѣ въ разныхъ мѣстахъ Германіи пришлось слышать разсказъ о русской большой пчелѣ, которая пролѣзала въ летокъ гораздо меньше ея потому, что «er muss». (Въ этомъ «er muss» и заключалась вся соль анекдота). Не скажу, чтобы анекдотъ былъ вовсе лишенъ политической ироніи. И не одни лѣсничіе и чиновники смотрѣли на Россію такъ. Въ Берлинѣ я былъ у Энгеля; онъ уже тогда былъ извѣстный статистикъ и завѣдывалъ статистическимъ бюро. Выслушавъ рядъ вопросовъ (вопросы эти были смѣшанные: лѣсоводственные, экономическіе и даже литературные), на которые я желалъ бы получить изъ статистическаго бюро свѣдѣнія, Энгель съ мягкой ироніей мнѣ отвѣтилъ:

— Можетъ быть, у васъ въ Россіи («у васъ въ Россіи» онъ подчеркнулъ) можно найти эти свѣдѣнія, но у насъ ихъ нѣтъ.

Наконецъ въ Швеціи былъ со мной такой случай. Я пріѣхалъ въ Мальме съ рекомендательными письмами къ тамошнему лѣсничему и съ нимъ объѣхалъ (на лошадяхъ) южныя шведскія лѣсничества. Намъ пришлось сдѣлать больше двухсотъ верстъ. Когда мы отправились въ путь, лѣсничій мнѣ говоритъ:

— Не говорите нигдѣ, что вы русскій; я буду выдавать васъ за нѣмца, иначе я за васъ не ручаюсь.

— Это почему?!

— Шведы еще не могутъ забыть русскимъ Аландскихъ острововъ.

Вообще я чувствовалъ себя въ Германіи въ положеніи жертвы, на которую взвалили отвѣтственность за всѣ русскія прегрѣшенія, за нашу исторію,

политику, просвѣщеніе, даже за наши снѣга и морозы. Точно во всемъ этомъ былъ виноватъ только я.

Во Франціи мнѣ было легче, хотя и тамъ не обошлось безъ глупостей. Въ Парижѣ мнѣ нужно было быть у директора Д-та французскихъ лѣсовъ. Я отправился въ министерство, послалъ директору визитную карточку, и онъ сейчасъ же принялъ меня у себя въ кабинетѣ, не заставивъ ждать ни минуты. (Во Франціи и въ Германіи мнѣ никогда не приходилось ждать пріема, и я никогда не могъ понять, почему у насъ въ пріемныхъ директоровъ и министровъ приходится сидѣть цѣлые часы). Директоръ принялъ меня очень любезно, и, кончивъ, что мнѣ было нужно, я всталъ, чтобы откланяться. Директоръ рукою пригласилъ меня снова сѣсть. Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ, всталъ, и тутъ только я понялъ, что директоръ давалъ мнѣ аудіенцію. Вообще всѣ отношенія во Франціи были легче и даже знакомѣе; если въ нихъ не доставало нѣмецкаго гемюта, зато было больше ума и ясности. Понятія французскихъ лѣсничихъ были гораздо шире (зато ихъ лѣсоводство было настолько же хуже нѣмецкаго), и всѣ они были люди политическіе, такъ или иначе уже участвовавшіе въ политическихъ событіяхъ своей родины. Въ большинствѣ они были то, что нынче называютъ оппортюнистами. Другихъ политиковъ Наполеонъ, конечно, и не сталъ бы терпѣть у себя на службѣ. Я зналъ одного чиновника, который вышелъ въ отставку, «потому что не раздѣлялъ убѣжденій императора». Для меня такое объясненіе причины отставки было равносильно открытію Америки. Этотъ же чиновникъ прислалъ мнѣ потомъ въ Брюссель пригласительный билетъ на свадьбу своей дочери. Билетъ былъ заднимъ числомъ; французъ очень хорошо зналъ, что я не поѣду изъ Брюсселя куда-то тамъ на югъ Франціи, и всетаки прислалъ приглашеніе. Вѣжливость чисто французская. Но ближе всѣхъ я былъ съ директоромъ лѣсной академіи въ Нанси, Парадомъ, съ которымъ я ужъ былъ знакомъ въ первую поѣздку, и съ отрекомендованнымъ имъ мнѣ лѣсничимъ въ Haganau (въ Эльзасѣ, по французскому произношенію Агно), Пажонъ де-Гранпре. Парадъ рекомендовалъ его мнѣ, какъ одного изъ лучшихъ лѣсничихъ Франціи, у котораго я изучу лучше всего всѣ административные, судебные и хозяйственные порядки. И это дѣйствительно оказалось. Цѣлый мѣсяцъ возился со мной Пажонъ де-Гранпре изо дня въ день, какъ нянька, и по судамъ, и въ лѣсу, и въ канцеляріи. И съ Парадомъ, и съ Пажономъ у насъ бывали всякіе разговоры; это были люди уже осѣвшіе, свившіе себѣ гнѣзда. Моимъ проектамъ обновленія Франціи русскими соціальными начала они давали мало вѣры и настолько же сомнѣвались, что Россія создастъ свой особенный путь для русско-славянскаго прогресса. «Повѣрьте, что вы не создадите ничего своего и пойдете нашимъ, общеевропейскимъ путемъ»,—слышалъ я не разъ отъ Парада.

Разъ мы встрѣтились съ Парадомъ въ поѣздѣ желѣзной дороги; мы сѣли вмѣстѣ, и пошли наши старые разговоры все на ту же тему обновленія. У меня тогда не было двухъ мыслей и желаній, кромѣ желанія передѣлать Россію съ верху до низу и превратить ее въ рай. Когда разговоръ на эту тему истощился, Парадъ говоритъ мнѣ:

— Я думаю, у насъ много орденовъ,—и провелъ пальцемъ по груди.—О, я знаю, русское правительство очень великодушно.

(Потомъ я узналъ, что Парадъ спрашивалъ обо мнѣ у другого нашего офицера, командированнаго тоже за границу, и вообразилъ, что я занимаю важное, вліятельное мѣсто).

Я промолчалъ.

Какъ ни беззастѣнчивъ былъ вопросъ Парада, но французъ былъ правъ, что его участіе въ моихъ занятіяхъ нельзя было оставить такъ. Я, правда, привезъ Параду въ подарокъ изъ Россіи медвѣдя подъ письменный столъ; такой же подарокъ я сдѣлалъ и директору тарантской академіи, котораго тоже уже зналъ по предыдущей поѣздкѣ за границу, но это было выраженіе моего личнаго вниманія. Теперь же я исполнялъ правительственное порученіе, и Парадъ оказывалъ услугу власти, которая меня послала, что Парадъ и понималъ очень хорошо. Съ моей точки зрѣнія тутъ было не хорошо только то, что онъ самъ спросилъ себѣ «бакшишъ».

Когда я вернулся въ Петербургъ и явился къ Муравьеву, я ему объяснилъ, насколько иностранцы помогли мнѣ въ моихъ занятіяхъ, и что нельзя нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ лѣсничихъ оставить безъ награды, тѣмъ болѣе, что и впередъ предполагаются посылки офицеровъ за границу. Муравьевъ согласился.

— Что же имъ дать?

— Французамъ, конечно, кресты, потому что они падки на отличія.

Муравьевъ и на это согласился и приказалъ представить къ орденамъ Парада, Пажона де-Гранпре и одного баварскаго совѣтника, который тоже былъ мнѣ очень полезенъ. Я замѣтилъ Муравьеву, что дать нѣмцу небольшой орденъ неудобно.

— Кто же онъ такой?

— Нѣчто вродѣ нашего товарища министра.

— Ну, такъ напишите ему письмо отъ моего имени.

Не знаю, удовлетворился ли баварскій товарищъ министра письмомъ Муравьева, но посылка французамъ орденовъ имѣла такое послѣдствіе. Разъ утромъ раздается звонокъ. Я отворилъ, и вошелъ курьеръ съ краснымъ воротникомъ и съ огромной связкой книгъ подъ мышкой. Такого курьера я ранѣе и не видывалъ. Гурьеръ оказался не то нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, не то французскаго посольства. Гурьеръ вручилъ мнѣ два письма. Одно было отъ Парада, который благодарилъ за орденъ (Анны 3 ст.) и посылалъ мнѣ всѣ свои сочиненія, а другое отъ—Пажона де-Гранпре. Его письмо, къ сожалѣнію, у меня не сохранилось. Необыкновенно вычурно и тщательно составленное, какъ какой нибудь дипломатическій адресъ, оно заключало такую мысль: «Пажонъ проникнутъ благоговѣйной признательностью за оказанное ему

высокое вниманіе и просить меня повергнуть его глубочайшую признательность и чувство глубочайшей преданности къ подножію трона русскаго Императора». Пажонъ, конечно, думалъ, что послѣ того, какъ онъ получилъ черезъ меня Станислава 3 степ., мнѣ уже ничего не стоитъ исполнить его просьбу.

Я уже говорилъ, какая участь постигла мой проектъ лѣсного устава: Муравьевъ велѣлъ разсмотрѣть его въ комиссіи «по частямъ». Работой своей я былъ очень доволенъ, потому что это былъ первый опытъ разграниченія статей инструкціонныхъ отъ чисто законодательныхъ и критической оцѣнки каждой отдѣльной статьи. Но, кромѣ инструкціоннаго характера лѣсного устава, въ немъ было много статей, совершенно потерявшихъ всякое значенія, или такихъ, которыя никогда никакого значеніе и имѣть не могли. Напримѣръ, одна статья гласила, что дозволяется всѣмъ производить свободно и безпрепятственно торгъ дровами, оптомъ и въ розницу. Это все равно, какъ еслибы законъ сказалъ, что дозволяется всякому свободно ходить, ѣздить, печь хлѣбы и пить воду. Послѣ сортировки статей, сдѣланной мною на новомъ основаніи (основаніе это было французское), вмѣсто 1774 статей дѣйствовавшаго устава (1669 ст. VIII т. и 75 въ *Уложеніи о наказ.*), получилось въ моемъ проектѣ меньше 300 статей. Резолюціей Муравьева моя работа оказалась погребенной въ «долгомъ ящикѣ» лѣсного департамента. Чтобы найти нравственное удовлетвореніе за свой трудъ и извлечь его, такъ сказать, изъ секрета, я просилъ Зеленаго разрѣшить мнѣ напечатать объяснительную записку къ проекту. Зеленый разрѣшилъ, и я, озаглавивъ ее «*Матеріалы для лѣсного устава*», отвезъ къ Н. В. Калачеву, издававшему тогда «*Юридическій Вѣстникъ*». Калачевъ остался очень доволенъ статьей и напечаталъ ее въ «*Юридическомъ Вѣстникѣ*» 1861 г., затѣмъ и въ томъ же году еще рядъ статей: «*Законы о лѣсахъ въ Западной Европѣ*». Это было точкой, которую я поставилъ моей служебной дѣятельности, а въ мартѣ 1862 г. я оставилъ и совсѣмъ правительственную службу.

X.

Я не стану описывать наружности Г., не буду говорить и объ его сочиненіяхъ (въ слѣдующемъ поколѣніи они, вѣроятно, войдутъ въ русскія библіотеки), но я попытаюсь сдѣлать легкую характеристику его, потому что политическая физіономія Г. нашей публикѣ, какъ кажется, совсѣмъ не ясна.

Есть такъ называемые умные люди, которые говорятъ хорошо и логично, но еще красивѣе и лучше они спорятъ, умѣютъ тонко подмѣчать сходства и различія и находить противоположенія; но обыкновенно въ вещахъ они видятъ только одну сторону. Г. принадлежалъ не къ этому сорту относительно умныхъ людей. Онъ видѣлъ въ каждой вещи всѣ ея стороны и сразу находилъ отношеніе этой вещи ко всѣмъ другимъ вещамъ. Въ этой всеохватывающей способности пониманія и заключалась сила ума Г. Это былъ умъ глубокій, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывавшій идеальную и практическую сущность каждаго предмета и каждаго понятія. Такой широкій, захватывающій умъ не могъ удовлетвориться какой нибудь одной областью мысли или сферой знанія, и Г. дѣйствительно «была звѣздная книга ясна, и съ нимъ говорила морская волна». Въ естествознаніи, въ математикѣ (Г. былъ студентъ математическаго факультета), философіи, исторіи, политикѣ, въ литературѣ европейской (ужъ, конечно, и русской) Г. овладѣлъ тѣмъ внутреннимъ смысломъ этихъ знаній, который сливаетъ ихъ въ одно цѣлое и сообщаетъ мысленное единство и стройность. Художникъ и глубокій психологъ, Г. понималъ самыя тонкія движенія души и умѣлъ съ изумительнымъ искусствомъ и мѣткостью дѣлать анализъ всякаго болевого душевнаго состоянія. Все это разнообразіе умственныхъ силъ и способностей связывалось въ Г., какъ цементомъ, широкой гуманностью и тѣмъ всеохватывающимъ чувствомъ любви, которыя дѣлали изъ Г. не только замѣчательнаго общественнаго мыслителя, но и высокодаровитаго писателя-художника.

Для широкой, порывистой натуры Г. требовался просторъ; требовалась возможность не только мыслить свободно, но и выражать свои мысли свободно; его личное чувство независимости нуждалось въ такихъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ бы оно могло найти себѣ удовлетвореніе; а какъ такихъ условій Г. въ тогдашней русской жизни не нашелъ, то онъ оставилъ Россію и переселился въ Западную Европу. Послѣднія пятнадцать лѣтъ Г. жилъ исключительно въ Лондонѣ.

Какъ человѣкъ перваго номера, Г., конечно, сблизился въ Европѣ съ людьми того же умственнаго роста и того же общественнаго развитія. Близкими людьми ему были Маццини, Кошутъ, Луи-Бланъ, Ворцель, у Прудона онъ былъ сотрудникомъ по газетѣ. Человѣкъ слишкомъ кипучій и живой, чтобы стать въ сторонѣ отъ жизни, Г. не походилъ на Гофмана, который, расписывая въ Варшавѣ театральной плафонъ, негодовалъ на Наполеона I, проходившаго съ двунадесятью языками, что онъ мѣшаетъ ему рисовать. У Г. была другая кровь: ему нужны были улица, шумъ, движеніе, дѣло; ему были нужны слушатели. Но въ то же время у него былъ слишкомъ трезвый и ясный умъ, чтобы не видѣть послѣдствій всякаго дѣла и не оцѣнить вѣрно его возможностей и успѣха. Отъ этого Г. не былъ, да и не могъ быть революціонеромъ, ни такимъ, какъ Бланки и Барбесъ, ни такимъ, какъ Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ. Когда въ 1848 году революціонеры, собравшіеся въ одномъ кафе въ Парижѣ, вели разговоръ о баррикадахъ, Г., понимавшій, что изъ этихъ баррикадъ ничего не будетъ, даже въ случаѣ успѣха, потому что революціонерамъ нечего дать народу, сказалъ, что изъ всего этого выйдутъ только глупости.

— А, такъ вы, значитъ, не хотите идти съ нами!—закричали на него.

— Нѣтъ, господа, я не говорю, что не дѣлаю

никогда глупостей,—отвѣчалъ Г., — извольте, я иду съ вами.

И пошелъ.

Г. не вѣрилъ въ успѣхъ февральской революціи и въ ея мастерскія, онъ понималъ всю неясность и неопредѣленность программы, которую выставили французскіе вожаки; въ ихъ формулѣ «право на трудъ» Г. не находилъ никакого практическаго содержанія. Еще меньше вѣрилъ онъ (уже много послѣ) надеждамъ и мечтамъ Маццини, Луи-Блана, Ворцеля, Хошута, когда они доживали свои дни въ Лондонѣ, и со скорбью смотрѣлъ на этихъ изстрадавшихся мучениковъ, не желая огорчить ихъ даже четвертью той правды, которая была ему ясна вся. Г. говорилъ о французскихъ эмигрантахъ, что между ними есть люди умные, готовые на всякія жертвы, но людей, понимающихъ и способныхъ изслѣдовать свое положеніе, нѣтъ.

Широко развитое чувство свободы дѣлало для Г. невыносимымъ всякое насиліе, въ какой бы формѣ и гдѣ бы оно ни совершалось: онъ не выносилъ ничего грубаго, ничего царапающаго, ничего, что такъ или иначе оскорбляло личность. Это широкое чувство свободы, которое онъ такъ высоко ставилъ, было для него также священно и въ другихъ; поэтому, какъ политическій дѣятель и писатель, онъ являлся только самымъ горячимъ защитникомъ личной и общественной свободы, и только въ этомъ и заключалась вся его программа. Это была художественная натура на политической основѣ; это былъ скорѣе клубистъ, проповѣдникъ свободы, ораторъ независимости, чѣмъ политическій уличный дѣятель. Для улицы съ баррикадами онъ былъ недостаточно демократиченъ и по привычкамъ, и по умственному темпераменту, и слишкомъ аристократиченъ по умственнымъ требованіямъ и развитію. Въ этомъ же обстоятельствѣ заключалась причина, почему онъ разошелся съ русской заграничной молодежью.

Уже въ Лондонѣ начались царапающія отношенія между Г. и посѣщавшими его русскими эмигрантами, и наконецъ въ Швейцаріи эти отношенія кончились полнымъ взаимнымъ отчужденіемъ. Обѣ стороны не понимали другъ друга и разошлись съ горькимъ враждебнымъ чувствомъ. Началось, кажется, съ требованія отъ Г. денегъ, это его оскорбляло; потому что было требованіе. Затѣмъ сталъ исчезать и взаимный умственный интересъ; умственный горизонтъ эмигрантовъ казался Г. слишкомъ узкимъ, онъ привыкъ къ умственному простору, котораго, конечно, тутъ бы и не могъ найти. Люди оказались слишкомъ разнаго умственнаго роста. Но не одна разница въ горизонтахъ отдѣляла Г. отъ эмигрантовъ. Кстати припомню такой случай. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ Тургеневъ пожелалъ познакомиться съ новой молодежью, и для Тургенева устроили вечеръ. Между приглашенными «образцами» былъ и Р., совсѣмъ еще молодой, горячій и рѣчистый. Тургеневъ и Р. сидѣли на диванѣ рядомъ, и Р. цѣлыхъ два часа развивалъ Тургеневу свои экономическо-соціальныя идеи. Тургеневъ молчалъ и внимательно слушалъ. Когда Р. кончилъ, Тургеневъ всталъ, развелъ руками и сказалъ: «не понимаю!» Вотъ это-то самое «не понимаю» разъединило и Г. съ новыми людьми, которыхъ онъ встрѣтилъ. Ихъ разъединялъ весь складъ помышленія, разное пониманіе всѣхъ моральныхъ отношеній, личныхъ и общественныхъ, разныя привычки жизни, то, что Г. называлъ «безцеремоннымъ самолюбіемъ, закусившимъ удила», и, наконецъ, разница политическихъ программъ. Было изъ-за чего не понимать другъ друга.

Я уже сказалъ, что Г. не вѣрилъ въ революцію. Онъ считалъ ее невозможной и вредной по послѣдствіямъ. И кто долженъ былъ взять на свою совѣсть отвѣтственность за жертвы въ случаѣ неудачи? Фатализма Г. не допускалъ, не допускалъ, что личность должна быть орудіемъ обстоятельствъ и событій. Для такого фатализма у Г. было слишкомъ сильно развито чувство личности. Онъ допускалъ только одинъ верховный голосъ, имѣющій право власти надъ личностью,—разумъ и пониманіе. Отрицая логику ломки и грубую силу, Г. находилъ, что нужны проповѣдники, апостолы, поучающіе своихъ и не своихъ, а не саперы разрушенія.

Г. понималъ, что та часть русскихъ, съ которою онъ такъ враждебно столкнулся за границей, еще не вся Россія, и, какъ говорятъ, въ послѣдніе годы Г. очень хотѣлось посмотрѣть на Россію освобожденную. Такъ ли это—не знаю, но припоминаю, что, когда покойный Государь позволилъ Николаю Тургеневу вернуться въ Россію, Тургеневъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, прожилъ въ немъ двѣ недѣли и уѣхалъ за границу навсегда. Вѣроятно, то же случилось бы и съ Г.

Я видѣлъ Г. въ апогеѣ его популярности; лондонскія изданія его и «*Колоколъ*» расходились съ возрастающимъ успѣхомъ, и каждый русскій, пріѣхавшій въ Лондонъ, считалъ своимъ долгомъ сходить къ нему на поклоненіе. По свободнымъ манерамъ Г. походилъ немножко на студента. Обращеніе его было простое, дружеское, и съ нимъ было легко и свободно. Я думаю, что это происходило оттого, что Г. все понималъ. Въ разговорѣ онъ былъ такой же, какъ и въ статьяхъ, съ тою же вѣчно наготовѣ шпилькой и такой же умный. Г. быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому, электризовалъ мысль собесѣдника, не давалъ ей покоя, поднималъ ее, заставлялъ идти впередъ. Разговоръ его былъ самый разнообразный, какъ блестящій калейдоскопъ,—и современные вопросы, и освобожденіе крестьянъ, и будущія русскія реформы, и эпизодически какой нибудь остроумный анекдотъ, и Викторъ Гюго, и Гете, и философія, и исторія, и политика. Г. можно было бы сказать: «съ вами ходишь точно по краю пропасти»; у непривычнаго могла закружиться голова. Огаревъ появлялся только къ обѣду и къ чаю, и,—распредѣляясь, должно быть, по тяготѣніямъ, я садился всегда рядомъ съ Огаревымъ, а М.—съ Г. Мнѣ казалось, что у Огарева было больше работы, по крайней мѣрѣ, по «*Колоколу*». Но Г. былъ

занятъ тогда новымъ изданіемъ: «*Былое и Думы*».

Первыя лондонскія изданія Г. начались въ 1853 году, когда онъ завелъ русскую типографію, «*Колоколъ*» же начался съ іюля 1857 года. Въ первый годъ Г. выпускалъ по одному номеру въ мѣсяцъ, а съ 1858 г.—по номеру каждую недѣлю, и спросъ на изданіе усилился настолько, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ «*Колоколъ*» расходился въ 2.500 экземплярахъ. Но въ 1863 г., когда началось польское возстаніе, продажа «*Колокола*» упала сразу до 500 экземпляровъ. Этотъ упадокъ Г. приписывалъ тому, что онъ писалъ въ «*Колоколѣ*» статьи въ пользу поляковъ. Едва ли Г. не ошибался. Въ обществѣ уже совершился переворотъ, начавшійся еще раньше польскаго возстанія. Возстаніе его только подчеркнуло и лишь выдвинуло больше впередъ тѣхъ, кто держался до сихъ поръ въ тѣни. Впрочемъ, и подъемъ патріотическаго чувства, вызваннаго возстаніемъ, былъ тоже не малъ. Я не былъ тогда въ Петербургѣ, но мнѣ разсказывали, что въ одно изъ представленій «*Жизни за Царя*», когда начались польскіе танцы, всегда приводившіе публику въ восторгъ, и особенно мазурка съ Кшесинскимъ въ первой парѣ, публика разразилась такимъ шиканьемъ, свистками и криками негодованія, что должны были опустить занавѣсъ. При такомъ настроеніи общества «*Колоколъ*» долженъ былъ лишиться большей части читателей, даже еслибы въ немъ и не было статей въ защиту поляковъ. Начавшійся отливъ уже не останавливался, время «*Колокола*» кончалось, а съ нимъ и яркій періодъ популярности Г.

Изъ Лондона мы вернулись въ Парижъ, а вскорѣ пріѣхалъ туда же и Г. Разъ я прихожу къ нему и застаю такую картину. Въ мягкомъ большомъ креслѣ сидитъ величавый старикъ (такихъ стариковъ я еще не видывалъ), съ длинными по плечи и бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами; въ лицѣ и во всей фигурѣ почтеннаго старика, откинувшагося на спинку кресла, было что-то патріаршее, спокойное, въ прямомъ ясномъ взглядѣ чувствовалась душевная правота и та увѣренность въ себѣ, которая дается хорошо прожитой жизнью и спокойной совѣстью. Передъ старикомъ стоялъ Г., относившійся къ нему съ такой сыновней, предупредительной почтительностью и берегущей любовью, которую, если нужно умѣть вызвать, то еще больше нужно умѣть носить въ себѣ. Этотъ патріархъ-старикъ былъ декабристъ князь Волконскій. Возвращенный изъ Сибири императоромъ Александромъ II, князь Волконскій былъ лишенъ возможности жить въ Петербургѣ, но ему не было запрещено жить за границей, и онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Въ этотъ же пріѣздъ въ Парижъ я имѣлъ случай видѣть Дембинскаго. Сѣдой и тоже съ волосами по плечи, съ невысокимъ лбомъ и съ толстымъ носомъ въ видѣ груши, старикъ Дембинскій (ему было уже семьдесятъ лѣтъ) и имѣлъ ничего ни величаваго, ни патріаршаго. Но жизнь этого старика, не поражавшаго старческой красотой, была почти вся отдана на служеніе свободѣ. Теперь старецъ доживалъ въ маленькомъ пансіонѣ Парижа послѣдніе дни своей полной приключеніями жизни. Краковскій полякъ, Дембинскій началъ военную карьеру въ польскомъ легіонѣ Наполеона I и дѣлалъ походъ въ Россію· въ польское возстаніе 30 года Дембинскій командовалъ польскими войсками подъ Остроленкой, затѣмъ участвовалъ въ венгерской войнѣ противъ русскихъ и, разбитый подъ Темешваромъ, бѣжалъ въ Турцію, а въ 1850 году переселился во Францію. Въ Парижѣ мнѣ говорили, что передъ крымской войной Наполеонъ III обсуждалъ съ Дембинскимъ планъ войны съ Россіей, и будто бы Дембинскій совѣтовалъ высадку въ Крыму. Вотъ этотъ-то Дембинскій разъ мнѣ говоритъ:

— А знаете, какая разница между нами, поляками, и вами, русскими?

— Какая?

— Мы, поляки, каждаго мужика хотимъ сдѣлать бариномъ, а вы—каждаго барина мужикомъ.

Въ этомъ была правда, которой я тогда понять вполнѣ еще не могъ, но потомъ я ее понялъ, когда въ семидесятыхъ годахъ былъ сдѣланъ опытъ превращенія интеллигентовъ въ мужиковъ.

XI.

Въ зиму $^{58}/_{59}$ годовъ жилъ въ Парижѣ Я. П. Полонскій (поэтъ), былъ и графъ Кушелевъ, издатель «*Русскаго Слова*». Графъ Кушелевъ задумалъ изданіе журнала, вѣроятно, потому, что имѣлъ литературныя наклонности и пописывалъ. Имѣть свой журналъ, чтобы печатать свои произведенія, конечно, удобно. Какъ беллетристъ, графъ Кушелевъ, вѣроятно, думалъ, что и редакторъ журнала долженъ быть, по меньшей мѣрѣ, беллетристъ, а еще лучше—поэтъ. Можетъ быть, Кушелевъ думалъ и иначе, но во всякомъ случаѣ онъ пригласилъ въ редакторы Я. П. Полонскаго. «*Русскаго Слова*» подъ редакціей Я. П. Полонскаго я не видалъ, но помню замѣтку «*Свистка*» по поводу критической статьи Аполлона Григорьева о Лажечниковѣ, въ которой А. Григорьевъ говоритъ, что Лажечниковъ есть не что иное, какъ «полнѣйшее оправданіе мысли о допотопныхъ организаціяхъ въ мірѣ искусства». «Просимъ читателей, — заключаетъ Добролюбовъ замѣтку,—самихъ вдуматься въ необычайное открытіе о значеніи Лажечникова *до потопа*».

Не знаю о причинахъ, по которымъ Я. П. Полонскій оставилъ редакторство «*Русскаго Слова*»; но уже съ осени 1859 года началъ рыскать по Петербургу, набирать сотрудниковъ и выпрашивать статьи новый уполномоченный графа Кушелева, г. Хмельницкій. Г. Хмельницкій былъ пожилой человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, худощавый, желчный и грубый, съ рѣзкими и быстрыми манерами, съ вѣчно оттопыреннымъ карманомъ сюртука, въ которомъ у него лежалъ толстый бумажникъ, и всегда куда-то спѣшившій. Впрочемъ, съ сотрудниками, которыми Хмельницкій дорожилъ, онъ былъ не только мягокъ, но даже искателенъ и вкрадчивъ. Откуда пришелъ въ журналистику г. Хмельницкій — никто не зналъ; гово-

рили, что онъ самъ явился къ графу Кушелеву и самъ предложилъ себя въ управляющіе «*Русскимъ Словомъ*». Хмельницкій именно управлялъ «*Русскимъ Словомъ*», какъ онъ бы управлялъ домомъ, заботясь только о хорошихъ жильцахъ. Онъ гонялся за именами, и извѣстность была для него все, чего онъ требовалъ отъ писателя. Считая пятиэтажный домъ лучше трехэтажнаго, Хмельницкій старался превратить «*Русское Слово*» въ пятиэтажный журналъ и доводилъ книжки до пятидесяти листовъ. Не знаю, что это стоило Кушелеву, но думаю, что и для его состоянія (Кушелевъ имѣлъ 500 тысячъ въ годъ дохода) управленіе Хмельницкаго было не изъ дешевыхъ. Съ графомъ Кушелевымъ Хмельницкій обходился грубо и хвалился тѣмъ, что не печатаетъ его повѣстей. Эта грубость была ненужная и несправедливая, потому что повѣсти Кушелева не были хуже тѣхъ, которыя однако Хмельницкій печаталъ.

Хмельницкій очень ухажпвалъ за М. и бывалъ у насъ нерѣдко. Не знаю, кто указалъ Хмельницкому на меня, но въ одинъ изъ пріѣздовъ онъ просилъ у меня статью о русскомъ лѣсоводствѣ, и я обѣщалъ. Статья подъ заглавіемъ «*Одна изъ административныхъ кастъ*» была напечатана въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «*Русскаго Слова*» 1859 года. Эта статья была моей лебединой пѣснью въ лѣсоводствѣ и первой статьей, съ которой я вступилъ въ общую журналистику, введенный въ нее Хмельницкимъ. Хмельницкій познакомилъ меня и съ графомъ Кушелевымъ, домъ котораго превратился скоро въ сборное мѣсто *всѣхъ писателей*.

Кушелевъ давалъ для сотрудниковъ обѣды, а на вечера къ нему собирались всѣ. Для Кушелева міръ петербургскихъ писателей (сотрудники «*Современника*» у него не бывали) долженъ былъ казаться настолько же невиданнымъ и новымъ, какъ американскіе пампасы, а демократическая струя, особенно съ такой волной, какъ Хмельницкій, впервые проникшей въ раззолоченныя залы его аристократическаго палаццо на Гагаринской набережной, могла изумить многихъ. Но тогда все еще спутывалось въ одинъ клубокъ, и размежеваніе наступило послѣ.

Закончу чисто личнымъ воспоминаніемъ. Утромъ въ день моего рожденія я нашелъ у себя на столѣ подносъ съ разными мелкими вещами и слѣдующее стихотвореніе:

Встала младая изъ мрака съ перстами пурпурными Эосъ,
Мирный покинула сонъ Николаева сила святая.
Всталъ онъ и видитъ, въ ковчегѣ лежатъ драгоцѣнномъ (подносомъ
Этотъ ковчегъ въ просторѣчьѣ зовется) подарки отъ милыхъ
Сердцу его домочадцевъ: два чудной работы чугунныхъ
Тяжкихъ сосуда, чтобъ пепелъ съ сигаръ отряхать въ кабинетѣ—
Въ видѣ корзины одинъ, другой же дракону подобный;
Восемь паръ превосходныхъ носковъ, и самой Пенелопой
Лучше-бъ не связанныхъ, и папиросница темныя кожи
Съ внутреннимъ малымъ карманомъ, къ храненію денегъ удобнымъ,
Если они не поютъ пѣтухами, просяся на волю.
О Шелгуновъ, лѣсоводственный мужъ, Николай благородный!
Самъ на эти дары напросился ты хитростной рѣчью,
Также какъ древле въ гостяхъ у святой Алкиноевой силы
Выклянчилъ много подарковъ себѣ Одиссей хитроумный.

«Чудной работы чугунные сосуды» въ 26 лѣтъ, что прошли съ тѣхъ поръ, уже утратились; но это стихотвореніе М., писанное его рукою, я храню.

XII.

До 1860 года общественное вниманіе было занято освобожденіемъ крестьянъ; теперь же, когда всѣ основанія освобожденія опредѣлились, и шла редакціонная работа *Положенія 19 февраля*, у общества явился досугъ подумать и о другомъ. Поэтому съ 1860 года начинается какъ бы иной «періодъ» въ работѣ общественной мысли. Работа эта не представляла особенной трудности, потому что ея программа была очень проста и заключалась всего въ одномъ словѣ «свобода». Внизу освобождались крестьяне отъ крѣпостного права, вверху освобождалась интеллигенція отъ служилаго государства и отъ старыхъ московскихъ понятій. И болѣе великаго момента, какъ этотъ переходъ отъ идеи крѣпостного и служилаго государства къ идеѣ государства свободнаго,—въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ. Мы, современники этого перелома, стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно, не имѣли времени думать, дѣлаемъ ли мы что нибудь великое или не великое. Мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ, и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, такъ сказать, единоличная, потому что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и для себя, но именно отъ этого общественное движеніе оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникала повсюду, и свершалось дѣйствительно что-то небывалое и невиданное. Офицеры выходили въ отставку, чтобы завести лавочку или магазинъ бѣлья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательствомъ или основать журналъ. Петербургскіе читатели, вѣроятно, помнятъ магазинъ «Фениксъ» на углу Невскаго и Садовой (въ окнѣ этого магазина стояло какое-то чучело вродѣ водолаза), и покупатели этого магазина, конечно, не подозрѣвали, что маленькій, скромный и совсѣмъ штатскій хозяинъ его былъ офицеромъ. Тутъ же на Невскомъ помѣщался книжный магазинъ для иногороднихъ, открытый тоже офицеромъ, на томъ же Невскомъ явился еще книжный магазинъ Сѣрно-Соловьевича (впослѣдствіи Черкесова).

Освободительный порывъ только и поддерживался общественно-гуманными идеалами, только они создали всѣ реформы, и только благодаря освободительнымъ, гуманнымъ идеаламъ Россія шестидесятыхъ годовъ выдвинула такую массу замѣчательныхъ людей въ литературѣ, въ журналистикѣ, въ художествѣ, въ музыкѣ, на общественномъ поприщѣ и въ сферѣ государственныхъ преобра-

ованій. Въ короткій періодъ трехъ-четырехъ лѣтъ обществу была дана такая масса идей, понятій и знаній, большая часть которыхъ до сихъ поръ не дождалась практическаго осуществленія. Къ этому же времени принадлежатъ первыя попытки женщинъ къ высшему образованію (въ началѣ шла пока рѣчь о допущеніи женщинъ слушать лекціи въ университетѣ, противъ чего, замѣчу кстати, Ив. Аксаковъ написалъ статью въ газетѣ «*День*). Былъ поднятъ вопросъ даже о вольномъ университетѣ. Однимъ словомъ, общество напрягало всѣ силы, чтобы создать себѣ новое независимое положеніе и перенести центръ тяжести общественной иниціативы на себя. И правительство (по крайней мѣрѣ въ началѣ) не видѣло въ этомъ ничего несогласнаго съ его желаніемъ. Правительство сознавало, что при новыхъ усложненныхъ требованіяхъ болѣе развитой жизни продолжать старую систему казеннаго управленія у него недостанетъ силъ, и оно стало продавать или закрывать казенные фабрики и заводы, поощряло и поддерживало акціонерныя предпріятія, создало русское общество пароходства и торговли, открыло возможность учрежденія частныхъ банковъ, передало постройки желѣзныхъ дорогъ частнымъ предпринимателямъ. Однимъ словомъ, реакція противъ прежняго всепоглощающаго государственнаго вмѣшательства и казеннаго руководительства была не только всеобщей, но и легла въ основу общественно-экономическихъ реформъ и всей системы государственнаго хозяйства прошедшаго царствованія. Но и въ то время, богатое людьми смѣлыми, энергическими, рѣшительными, людей почина было не особенно много.

Обыкновенно думаютъ (и не разъ это высказывали наши ретроградныя газеты), что журналистика шестидесятыхъ годовъ терроризировала общественное мнѣніе и деспотически направляла его въ ту сторону, въ которую это было нужно журналистамъ. Эта мысль тенденціозная и высказывалась она только для того, чтобы вызывать и оправдывать мѣры противъ печати. Трудно сказать, кто давалъ больше тонъ жизни—печать или общество. Базарова Тургеневъ списалъ съ живого человѣка, который именно и заставилъ Тургенева подумать объ отцахъ и дѣтяхъ. Семейные идеалы въ романѣ «*Что дѣлать*» взяты тоже изъ фактовъ живой жизни, существовавшихъ ранѣе романа. Общество думаетъ и безъ журналовъ; журналистика и печать только облегчаютъ обществу работу мысли. То же повторилось и въ шестидесятыхъ годахъ. Тогда думали всѣ, и думали очень дружно и согласно. Если «*Современникъ*», а потомъ «*Русское Слово*» находили въ обществѣ такое сочувствіе, то только потому, что говорили обществу то, что оно хотѣло слышать и знать. Очень часто публика шла гораздо дальше, стремилась неудержимѣе и, такъ сказать, опережала печать,—вотъ откуда явилось извѣстное мнѣніе, что тогдашній читатель былъ очень чуткій и читалъ между строкъ. Читатель былъ дѣйствительно чуткъ въ томъ отношеніи, что ему хотѣлось все большаго и большаго, не на словахъ только, а въ жизни, въ возможностяхъ простора; и смѣлые люди дѣлали смѣлые выводы. Вотъ эти-то смѣлые люди и читали между строкъ то, что авторъ иногда совсѣмъ и не думалъ. Я, конечно, этимъ не хочу сказать, что журналистика того времени была вполнѣ цензурна (когда же она бываетъ цензурна?), и что авторы вовсе не разсчитывали на проницательность читателя. Я говорю только, что печать и читатели шестидесятыхъ годовъ стоили другъ друга, что между ними были самыя тѣсныя умственныя симпатіи, и что въ практическихъ выводахъ читатель шелъ дальше печати.

Особенность тогдашняго общества (т. е. печати и читателя) составляла гуманность,—этотъ самый лучшій, самый благородный и великодушный протестъ шестидесятыхъ годовъ противъ тупости, грубости и жестокости прежняго общественнаго и домашняго строя. Конечно, не «*Записки изъ Мертваго дома*» создали эту реакцію,—онѣ только познакомили общество съ судьбой цѣлой категоріи несчастныхъ людей, показали только одинъ изъ уголковъ русской жизни (кажется, и теперь остающійся такимъ же). Тогда разсказывали, что «*Записки изъ Мертваго дома*» читала покойная Императрица и плакала. Я думаю, что можно заплакать, ихъ читая. И Островскій приподнялъ завѣсу тоже немалаго уголка русской жизни, показавъ, какъ живутъ люди въ средней купеческой и чиновной семьѣ. Параллели и выводы для читателей уже были не трудны. Еще больше помогло «*Темное царство*» Добролюбова, уяснивъ непроглядную и, въ сущности, вовсе не злобную, а просто животную тупость отцовъ-самодуровъ и всякихъ утѣснителей, не вѣдавшихъ, что они творятъ, и такую же тупость всѣхъ этихъ безмолвно-покорныхъ своей судьбѣ и безропотно-подавленныхъ, загнанныхъ людей, влачившихъ свое зависимое, страдательное существованіе. «*Темное царство*» Добролюбова читалось съ увлеченіемъ, съ какимъ не читалась тогда, пожалуй, ни одна журнальная статья. Молодежь носилась съ этой статьей, какъ съ откровеніемъ, и она дѣйствительно была откровеніемъ для всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, показавъ имъ ихъ врага. Но и «*Темное царство*», давшее работу общественному сознанію, не могло усилить общественнаго доброжелательства и тѣхъ гуманныхъ, жалостливыхъ чувствъ, которыя уже достаточно накопились въ обществѣ. Заслуга «*Темнаго царства*» не въ томъ, что оно прибавило чувствъ, а въ томъ, что оно укрѣпило общественный протестъ противъ утѣснителей, противъ условій, ихъ создающихъ, что оно дало размахъ общественной мысли, ширь общественному сознанію и имѣло общественно-воспитательное значеніе. И вотъ, подъ совокупностью всѣхъ этихъ вліяній, совершилось дѣйствительное чудо. Чудо заключалось въ общемъ крутомъ поворотѣ отъ тупой жестокости къ гуманности, въ явившемся преобладаніи небывалой до того мягкости въ общественномъ и семейномъ состояніи и въ семейныхъ отношеніяхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ всѣ

потребности общества точно будто предупреждались и предусматривались. Кто кого предупреждалъ,—литература ли общество, или общество литературу,—вопросъ существенно не важный. Важно то, что когда общество пожелало узнать, какъ лучше воспитывать дѣтей, къ его услугамъ уже были готовы переводныя и русскія руководства и педагогическіе журналы. Матери, и прежде любившія своихъ дѣтей, тутъ точно просвѣтлѣли и въ первый разъ поняли, что значитъ любить и какъ нужно любить. Теперь дѣти стали первыми людьми въ семьѣ, имъ начали отводить самыя лучшія комнаты, свѣтлыя, просторныя. Прежде о физическомъ воспитаніи никто ничего не слышалъ,—теперь оно стало предметомъ самой главной семейной заботы. Явилось даже небывалое понятіе о физической нравственности. Небольшая книжка Маутнера о физическомъ воспитаніи разошлась въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Теперь есть книжки много лучше. «*Мать*» г. Жука, конечно, неизмѣримо выше по подробностямъ и по богатству содержанія тоненькой книжечки Маутнера, но едва ли она будетъ имѣть то общественное значеніе, какое имѣлъ Маутнеръ. Тогда было такое время, что все получало общественный характеръ, все являлось во множественномъ числѣ. Такое дѣло, какъ воспитаніе дѣтей, ограниченное стѣнами дѣтской, кажется, дѣло совсѣмъ маленькое, домашнее; но если это маленькое дѣло является переломомъ въ прежней системѣ и реакціей противъ прежнихъ воспитательныхъ порядковъ, если новая система проникаетъ сразу въ десятки тысячъ семействъ,—такое маленькое дѣло становится большимъ общественнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что оно дѣлается горячо, съ увлеченіемъ, поспѣшно. И вопросы въ этомъ новомъ дѣлѣ являлись вовсе ужъ не такіе простые. Напримѣръ, хоть бы вопросъ о томъ: пеленать или не пеленать ребенка. Маутнеръ, вмѣсто пеленанья, предлагалъ «конвертики». Положимъ, что старый способъ имѣлъ много недостатковъ, но этотъ способъ всетаки испытанный, а кто знаетъ, къ чему приведутъ «конвертики»? Чтобы перейти къ новому, требовалось мужество рѣшимости, а его при общемъ стремленіи къ новому и при общемъ протестѣ противъ стараго у общества было довольно. Но воспитаніе дѣтей не исчерпывалось одними «конвертиками»; было не мало и другихъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія, и всѣ эти вопросы вызывали разсужденія, толки, споры, возбуждали страсти, поднимали мысль отъ заботъ о грудномъ ребенкѣ дальше къ домашнему и общественному воспитанію, къ будущему дѣтей, къ послѣдующей, ожидающей ихъ жизни, къ общимъ условіямъ этой жизни. Однимъ словомъ, мысль, зачинавшаяся въ дѣтской съ физическаго воспитанія грудного ребенка, уходила затѣмъ очень далеко.

Считаю необходимымъ оговориться. Все, что я говорю о шестидесятыхъ годахъ, я говорю болѣе чѣмъ серьезно, придавая большое значеніе прогрессивнымъ мелочамъ, повліявшимъ на измѣненіе умственнаго склада общества. Шестидесятые года слишкомъ серьезное явленіе въ исторической жизни Россіи, и они заключали въ себѣ такую всеобщую обновляющую силу, что о нихъ слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить, или говорить только съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ людямъ и идеямъ того времени и къ вожакамъ общественнаго сознанія, какое вызывается величіемъ самаго явленія и прогрессивнымъ мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ явленій русской исторіи. И второстепенные дѣятели, и рядовая масса, шедшая впередъ, занимаютъ такое же почетное мѣсто. Не генералы только творятъ военныя побѣды, а творятъ ихъ арміи, тѣ массы рядовыхъ людей, стремленія, желанія и порывы которыхъ находятъ свое выраженіе въ военачальникахъ. Когда говорятъ о военныхъ подвигахъ армій или народовъ, никто не вспоминаетъ мелкихъ случаевъ трусости, неспособности или неудачъ; имъ нѣтъ и мѣста въ итогѣ общей славы. И въ шестидесятыхъ годахъ были свои ошибки, которыми только и пользовались враги и порицатели общественнаго движенія того времени. Что сказать о томъ лѣтописцѣ, который, описывая нашу народную кампанію двѣнадцатаго года, собралъ бы отдѣльные случаи неудачъ и просмотрѣлъ Бородино и Москву? Такіе же непрошенные лѣтописцы были и у шестидесятыхъ годовъ, и я не думаю, чтобы эти лѣтописцы стяжали себѣ почетную извѣстность даже у тѣхъ, кому были на руку ихъ писанья. Я уже не говорю о мелкихъ писателяхъ, но даже и крупные люди, какъ Писемскій, не были въ состояніи ничего понять въ движеніи шестидесятыхъ годовъ. Теперь пора остраго отношенія къ тому времени уже миновала, и если для него еще не наступила пора безпристрастной исторіи, то несомнѣнно, что наступила пора сравненія, а эту пробу шестидесятые года и люди того времени, конечно, выдержатъ.

Перемѣны и перестройки въ семьѣ не обошлись безъ борьбы, когда онѣ коснулись людей, уже вышедшихъ изъ дѣтской. Если вообще отцы и мужья оказались достойными своего времени, и свобода, и гуманность были для нихъ не однимъ красивымъ, моднымъ словомъ, но и дѣйствительнымъ дѣломъ, то встрѣчались и такіе случаи, когда семья говорила на разныхъ языкахъ, и никакое примиреніе не оказывалось возможнымъ. Это печальное явленіе породило и печальные результаты. Вотъ семья (я сообщаю фактъ): отецъ—старомодный чиновникъ, застрахованный отъ всякихъ новыхъ понятій и способный къ крутымъ «законнымъ» средствамъ; мать—скромная, добрая, хорошая женщина, натерпѣвшаяся уже довольно отъ своего «характернаго» сожителя; у нихъ двое дѣтей, сынъ и дочь, оба даровитые, пылкіе, всецѣло захваченные движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Сынъ потомъ сдѣлался извѣстнымъ журналистомъ, а когда послѣдующее время не оправдало его общественныхъ ожиданій, онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и умеръ. Но не сынъ сталъ предметомъ преслѣдованія отца, а дочь; пошли неудовольствія, раздоры, обѣ стороны обнаружили одинаковую неподатливость, и разрѣшить ее могъ только какой-нибудь кризисъ. Кризисъ

этотъ создала «законная» власть отца и начавшіяся угрозы, что онъ на непокорную дочь пожалуется III отдѣленію. Сначала угрозамъ не вѣрили, но потомъ пришлось убѣдиться, что отецъ не шутитъ; даже былъ имъ назначенъ день, когда онъ поѣдетъ съ жалобой. Надо было на что нибудь рѣшиться, и, главное, быстро. И рѣшеніе нашлось необыкновенное—фиктивный бракъ. Дѣвушка вѣнчается съ тѣмъ, чтобы сейчасъ послѣ обряда разъѣхаться съ мужемъ въ разныя стороны, легальный мужъ перенимаетъ легальныя права отца—и дѣвушка свободна. Подобныхъ фиктивныхъ браковъ было тогда не мало. Для тѣхъ, кто склоненъ придать этому факту иное толкованіе и думать, что въ спасители дѣвушки предложилъ себя какой нибудь шаршавый, нечесанный, пропащій человѣкъ, которому терять нечего, прибавлю, что фиктивнымъ мужемъ былъ молодой человѣкъ съ законченнымъ высшимъ образованіемъ, родовитый, титулованный (князь Г.), съ большимъ состояніемъ. И подобныхъ фиктивныхъ браковъ было тогда не мало. Фиктивный бракъ былъ, конечно, мѣрой отчаянной. Онъ являлся послѣднимъ средствомъ для выхода, когда не оставалось никакихъ другихъ средствъ. Конечно, онъ былъ явленіемъ ненормальнымъ; но вѣдь и порядокъ, вызвавшій его, былъ тоже ненормальнымъ, и если подобный порядокъ не могъ разрѣшиться правильно, онъ долженъ былъ разрѣшиться неправильно. Когда при безвыходномъ положеніи приходилось выбирать между такими средствами, какъ колодецъ или фиктивный бракъ, то послѣдній выходъ былъ, разумѣется, благоразумнѣе и практичнѣе. Прибавлю къ чести отцовъ того времени, что къ выбору между колодцемъ и фиктивнымъ бракомъ приходилось прибѣгать немногимъ.

Вообще недоразумѣнія между отцами и дѣтьми разрѣшались въ шестидесятыхъ годахъ легко, и прежняя форма семейнаго управленія уступила сама собой свое мѣсто новой формѣ, основанной на большемъ равенствѣ и свободѣ. Когда я былъ маленькимъ, насъ учили говорить: «папенька», «маменька» и «вы», потомъ стали говорить: «папа», «мама» и тоже «вы»; въ шестидесятыхъ годахъ рѣзкая реакція ниспровергла эти мягкія формы, и сами отцы учили дѣтей говорить: «отецъ», «мать», «ты». Теперь говорятъ: «папа», «мама» и тоже «ты». Вотъ краткая и наглядная исторія вопроса объ отцахъ и дѣтяхъ за шестьдесятъ лѣтъ.

Труднѣе была другая сторона семейнаго вопроса—отношенія между мужемъ и женой; но и этотъ вопросъ, насколько онъ зависѣлъ отъ идеи свободы и равенства, разрѣшился тоже легко. Несмотря на грубую внѣшность отношеній: «отецъ», «мать», «ты», за нею скрывалось много мягкихъ, гуманныхъ, любящихъ чувствъ. Впрочемъ, и реакція заключалась только въ томъ, что противъ прежней жестокости и грубости выступила жалость и уступчивость. Поэтому большіе сами постарались стать меньше, маленькіе сдѣлались больше, и всѣ вышли ровнѣе и ближе. Теперешнимъ людямъ новый порядокъ семейныхъ отношеній достался простою наслѣдственною передачею, и вопросы, которые волновали насъ, для теперешнихъ людей даже вовсе и не вопросы. Какая женщина пойдетъ теперь смотрѣть на комедіи Островскаго, чтобы переживать въ нихъ свое личное положеніе; кому изъ мужчинъ станетъ стыдно и больно за общество и его нравы, которые рисуетъ Островскій? А вѣдь тогда это была живая, сочащаяся, болевая общественная рана, въ которую каждый невѣрующій могъ вложить свою руку. Шестидесятые года все это пережили и измѣнили, и сдали теперешнему поколѣнію «темное царство» Островскаго, какъ историческое воспоминаніе о чемъ-то давно минувшемъ. Новыя дѣти растутъ уже не въ глупомъ страхѣ передъ грознымъ домашнимъ повелителемъ, передъ которымъ все ходитъ на цыпочкахъ, и на вопросъ повелителя: «кто меня можетъ обидѣть?» отвѣчаютъ: «кто тебя обидитъ, ты самъ всякаго обидишь?»; теперешняя семья выростаетъ въ мягкихъ нравахъ простою механическою привычкою и получаетъ готовые каштаны, которые испекло ему предыдущее поколѣніе. Но, разрѣшивъ то, что можно было разрѣшить новыми понятіями о свободѣ и равенствѣ, общество дальше этого разрѣшенія и уйти не могло. Оно могло покончить съ грубыми нравами, оно могло поднять значеніе женщины и жены, но рѣшить тѣхъ случаевъ, когда непримиримое несходство раздѣляло мужа и жену, общество не могло. Разрѣшеніе лежало только въ разводѣ, новое же законодательство о разводѣ на помощь обществу не пришло. И вотъ общество поступило такъ, какъ ранѣе поступали дочери, искавшія спасенія отъ родительскаго гнета въ фиктивномъ бракѣ. Никогда еще не было въ Россіи столько женъ и мужей, живущихъ отдѣльно, сколько ихъ явилось въ шестидесятыхъ и послѣ-шестидесятыхъ годовъ. Раздѣлившіяся неудачныя семьи составляли затѣмъ новыя семьи, но уже нелегальныя, и общество относилось къ этимъ нелегальнымъ союзамъ съ неизбѣжною полною снисходительностью. Съ этимъ вмѣстѣ измѣнился, конечно, взглядъ на такъ называемыхъ «незаконныхъ» дѣтей. Впрочемъ, суровый законъ не отнялъ отъ нихъ ни университета, ни высшаго техническаго и спеціальнаго образованія,—онъ закрылъ отъ нихъ только право на титулы, да заведенія, требовавшія дворянской граматы. Затѣмъ весь широкій и длинный путь жизни стоитъ для нихъ открытымъ. Жизнь давно уже обогнала законъ и даже забыла, что онъ существуетъ.

Съ шестидесятыхъ годовъ, какъ видитъ читатель, семейныя отношенія испытали полную революцію: все стало въ нихъ гуманнѣе, порядочнѣе, чище, а главное—правдивѣе. Правдивость, искренность и свобода сдѣлали русскую семью ровнѣе, ближе, счастливѣе и создали ей внутренній міръ, какого она прежде не знала. Такой сравнительно полный успѣхъ получился, нужно думать, оттого, что семейный переворотъ, предоставленный собственнымъ силамъ общества, не испытывалъ внѣшняго вмѣшательства. Никакой доморощенный химикъ не стоялъ надъ нимъ, чтобы руководить броженіемъ или чтобы закрыть крышку котла, когда это по-

казалось бы нужнымъ химику. Котелъ работалъ свободно и до сихъ поръ продолжаетъ еще свою нескончаемую работу. Старая и вѣчно новая исторія стремленія человѣка къ личному счастью!

Боюсь, что эта глава, написанная слишкомъ обще, не удовлетворитъ читателя и особенно читательницу. Женщины въ семейныхъ вопросахъ ищутъ подробностей, наводящихъ на размышленіе. Но еслибы я сталъ разсказывать семейныя исторіи (а я могъ бы это сдѣлать, потому что знаю довольно семейныхъ исторій и былъ не совсѣмъ въ сторонѣ и отъ «женскаго вопроса»), мое изложеніе потеряло бы свой обобщающій характеръ. Далѣе, хотя я и пріурочилъ семейный вопросъ къ 60 году, но это—вопросъ не одного этого года, хотя несомнѣнно, что съ 1859 г., когда явилась статья М. о женщинахъ и затѣмъ «*Темное царство*» Добролюбова, семейное движеніе получило болѣе опредѣленный и сильный толчокъ и стало болѣе широкимъ и всеобщимъ, но затѣмъ оно не останавливалось. Конечно, самая широкая струя этого потока принадлежитъ шестидесятымъ годамъ, когда она промыла себѣ русло. Теперь течетъ ручей, хотя и по тому руслу, но теченіе это характера общественнаго движенія не имѣетъ.

XV.

Какъ я уже сказалъ, въ 1860 году П. И. Вейнбергъ началъ издавать «*Вѣкъ*». П. И. Вейнбергъ разсчитывалъ на «имена» и пригласилъ въ сотрудники солидныхъ ученыхъ и извѣстныхъ писателей. Но въ то время требовались отъ публистическаго органа нервъ, чуткость и живое слово, а не солидная ученость,—такое ужъ было живое время; въ головныхъ же ученыхъ нерва не было. Я приведу отзывъ о «*Вѣкѣ*» Добролюбова (въ «*Свисткѣ*») и сдѣлаю это, чтобы было виднѣе, чего публицисты того времени требовали отъ публицистики. «Въ нынѣшнемъ году,—говоритъ «*Свистокъ*»,—водворился новый «*Вѣкъ*» въ русской литературѣ О наступленіи его возвѣщено было задолго до новаго года; появленіе его было привѣтствовано громкими рукоплесканіями. Всѣ стремились къ этому журналу, въ которомъ обѣщалось вѣрное и нелицепріятное служеніе наукѣ и полное уваженіе къ высокимъ принципамъ современной цивилизаціи. Всѣ журналы почтительно обратили свои взоры на новаго собрата, въ редакціи котораго участвовали такія лица, какъ К. Д. Кавелинъ, А. В. Дружининъ, В. П. Безобразовъ и П. И. Вейнбергъ». Послѣ выхода перваго нумера написано было даже восторженное стихотвореніе, неизвѣстно почему не появившееся въ печати:

Новый вѣкъ.

Зрѣетъ все, что было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ;
Вѣкъ Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.
Вѣкъ Пожарскаго и Минина,—
Дружбу князя съ мясникомъ
«Вѣкъ» Кавелина, Дружинина
Возвратилъ намъ цѣликомъ.
Въ «Вѣкѣ» Вейнберга, Кавелина,
Будетъ всюду тишь да гладь,
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣ законы изучать.
«Вѣкъ» счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкроту дастъ кредитъ...
Будетъ зрѣло все, что зелено,
И свершится человѣкъ...
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Вѣкъ».

Въ шутливой формѣ Добролюбовъ высказалъ серьезную правду. О зрѣлости и незрѣлости ужъ и тогда много говорили, а отъ «именъ» въ журналѣ могла получиться только «тишь да гладь». Но тогда, кажется, и ея не дали солидные служители науки, и «*Вѣкъ*», начавшій громко и имѣвшій въ первый годъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ, на второй имѣлъ ихъ сотни.

Какъ и кому пришла мысль издавать артельный журналъ—не припомню, но въ 1861 г. образовалась такая артель все изъ молодыхъ писателей, и послѣ разныхъ совѣщаній было порѣшено пріобрѣсти «*Вѣкъ*» отъ П. И. Вейнберга. Пайщиковъ набралось 32 человѣка. Тутъ были Г. З. Елисѣевъ, Щаповъ, А. Потѣхинъ, Н. и А. Серно-Соловьевичи, А. Н. Энгельгардтъ, Стопановскій, Курочкинъ (остальныхъ помню безъ увѣренности). Каждый пайщикъ долженъ былъ внести 100 руб. Редакторомъ единогласно былъ избранъ Г. З. Елисѣевъ, у котораго (онъ жилъ тогда на Литейной, близъ Невскаго) и собирались разъ или два раза въ недѣлю всѣ пайщики. Скажу нѣсколько словъ о двухъ выдающихся пайщикахъ нашей артели, потому что говорить о нихъ едва ли представится еще случай,—о Г. З. Елисѣевѣ и Щаповѣ.

Подробности жизни Григорія Захаровича Елисѣева мнѣ извѣстны недостаточно точно, да не въ нихъ и дѣло. Послѣднее время до пріѣзда въ Петербургъ Григорій Захаровичъ былъ профессоромъ русской исторіи въ казанской духовной академіи. Изъ воспоминаній Шашкова я знаю, что раціональное, живое слово Г. З. Елисѣева, среди царившей до него схоластики, уже прокладывало путь новому умственному движенію и создавало новое направленіе. Шашковъ, слушавшій Г. З. въ казанской академіи, считалъ себя многимъ ему обязаннымъ. Г. З. Елисѣевъ принадлежитъ къ людямъ рѣдкаго ума, тонкаго, проницательнаго, понимающаго вещи и людей въ самой ихъ сущности, насквозь. Это—мужъ по преимуществу разума и совѣта, занимающій первое мѣсто. По умственному складу, умственнымъ симпатіямъ и по условіямъ среды, имѣвшимъ вліяніе на его развитіе (Елисѣевъ—изъ духовнаго званія и сибирякъ), онъ разночинецъ-народникъ. Своими «внутренними обозрѣніями» Г. З. Елисѣевъ вносилъ существенное содержаніе въ «*Современникъ*» и затѣмъ былъ главнымъ руководителемъ и направителемъ «*Отечественныхъ Записокъ*» Некрасова. «Мужикъ»,

который занималъ такъ много мѣста въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» и давалъ имъ цвѣтъ, обязанъ во всемъ Елисѣеву. Конечно, не Елисѣевъ его выдумалъ, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою, и можно сказать, что Елисѣеву «мужикъ» обязанъ болѣе всего тѣмъ, что къ нему повернуло общественное мнѣніе, и что, наконецъ, явилась даже «мужицкая» внутренняя политика. Эта заслуга останется за Елисѣевымъ.

Елисѣевъ много работалъ и въ «*Современникѣ*», и въ «*Отечественныхъ Запискахъ*». «Внутреннія обозрѣнія» и того, и другого журнала, которыя онъ, однако, никогда не подписывалъ, принадлежали ему. Статьи же свои (больше статистическія) онъ подписывалъ псевдонимомъ «Грицько». Въ исторіи русской журналистики Г. З. Елисѣевъ, какъ крупная, выдающаяся сила, займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, и если его имя было мало извѣстно обыкновенной читающей публикѣ, то оно было хорошо извѣстно и пользовалось большимъ уваженіемъ въ литературномъ мірѣ и въ кругѣ читателей, къ нему (литературному міру) болѣе близкомъ. Теперь Г. З. Елисѣевъ уже оставилъ журнальную работу, разстроивъ на ней окончательно свои силы.

Щаповъ былъ тоже профессоромъ исторіи и занялъ каѳедру ея въ моментъ начавшагося уже пробужденія мысли. Щаповъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ натурамъ, которыя произносятъ новое слово. Появленіе его на каѳедрѣ русской исторіи было яркой искрой, блеснувшей въ царившемъ вокругъ умственномъ мракѣ. Щаповъ вполнѣ отвѣчалъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ молодежи, хотѣвшей служить идеѣ, чему-то благородному, прекрасному, возвышенному и свободному. Всѣмъ вѣрилось, что наступило время водворенія правды на землѣ и безповоротнаго новаго времени, когда не будетъ больше ни обиженныхъ, ни угнетенныхъ, ни бѣдныхъ, ни несчастныхъ. Людямъ, прошедшимъ бурсу, хотѣлось больше чѣмъ кому нибудь вѣрить этому и стремиться къ его осуществленію (Щаповъ былъ семинаристъ). Юристы того времени мечтали явиться защитниками и адвокатами всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ, и ихъ плѣнялъ общественный характеръ ихъ дѣла, его рыцарская сторона. И вотъ въ моментъ такого настроенія Щаповъ въ 1860 году занимаетъ каѳедру исторіи въ Казанскомъ университетѣ. Первая его лекція произвела въ Казани цѣлое землетрясеніе, и колебаніе распространилось по всей Россіи. Лекція эта начиналась такъ: «Скажу напередъ, не съ мыслію о государственности, не съ идеей о централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи». Эта простая мысль была высказана съ такой силой внутренняго убѣжденія и съ такимъ воодушевленіемъ (Щаповъ былъ фанатической натурой), что по аудиторіи пронесся гулъ, всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и тѣсно окружили молодого профессора. Послѣ панихиды по Антонѣ Петровичѣ, Щаповъ долженъ былъ оставить Казань, жилъ нѣкоторое время въ нуждѣ въ Петербургѣ, который тоже долженъ былъ оставить, и умеръ въ полной нищетѣ въ Иркутскѣ.

И этихъ двухъ крупныхъ силъ, казалось бы, достаточно для «*Вѣка*», но въ немъ участвовали еще и другія, тоже способныя и энергическія силы. Но вопросъ заключался не въ силахъ, а въ единствѣ силъ, а его-то и не было. Сплотить же силы и соединить въ согласное цѣлое было невозможно: одни шли въ крайнее направленіе, составляли крайнюю лѣвую и, не удовлетворяясь «*Современникомъ*», хотѣли идти дальше (во главѣ лѣвой стоялъ Николай Серно Соловьевичъ); другіе держались болѣе практическаго и возможнаго (Елисѣевъ), и крайніе обвиняли ихъ въ томъ, что они хотятъ идти въ хвостѣ «*Современника*». Внѣшнимъ поводомъ къ разрыву послужила статья А. Н. Энгельгардта, написанная противъ И. Аксакова, который напечаталъ въ «*Днѣ*» статью противъ допущенія женщинъ въ университетъ. Этой статьи Елисѣевъ не хотѣлъ печатать, и его несогласіе вызвало расколъ, до сихъ не имѣвшій случая выразиться. Собраніе было бурное и горячее. Запальчивѣе всѣхъ говорилъ Серно-Соловьевичъ, настаивавшій на томъ, что намъ нужно имѣть свой органъ. Когда Елисѣевъ спросилъ, для чего намъ свой органъ, Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ: «Для того, чтобы во всякую минуту, когда въ немъ будетъ нужда, онъ былъ готовъ». Послѣ этого вечера многіе изъ артели оставили «*Вѣкъ*» (сколько мнѣ помнится, это было уже въ декабрѣ 1861 или въ январѣ 1862 года). Затѣмъ «*Вѣкъ*» пошелъ къ распаденію; въ маѣ я уѣхалъ изъ Петербурга и не знаю дальнѣйшихъ подробностей о судьбѣ «*Вѣка*». Кажется, Г. З. Елисѣеву пришлось поплатиться за разбѣжавшуюся артель.

XVI.

Зима 1861—62 года была особенно богата въ Петербургѣ надѣлавшими шума событіями, которыя прошли на глазахъ у всѣхъ; но о пріѣздѣ Кельсіева и о послѣдствіяхъ этого пріѣзда не знали даже жильцы тѣхъ домовъ, которые посѣщалъ Кельсіевъ.

Кельсіевъ въ свое время пріобрѣлъ печальную извѣстность, но теперь забылась и эта «извѣстность», и ея герой, и нынѣшнему поколѣнію едва ли даже и извѣстно имя Кельсіева. И Кельсіевъ, и Всеволодъ Костомаровъ составляли нижнюю, тѣневую сторону шестидесятыхъ годовъ и, вѣроятно, были неизбѣжны для полноты картины, хотя было бы лучше, еслибы картина осталась безъ этой полноты. Впрочемъ, между Всеволодомъ Костомаровымъ и Кельсіевымъ — большая и существенная разница. Кельсіевъ по умственному складу и стремленіямъ былъ типическимъ представителемъ того времени (да и до сихъ поръ имѣетъ еще свое продолженіе), тогда какъ Всеволода Костомарова нельзя представить себѣ во множественномъ числѣ.

Кельсіевъ началъ, какъ начинало большинство молодежи того времени; только онъ кончилъ иначе. Онъ началъ отрицаніемъ и провѣркой, внутреннею

перестройкой всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ понятій, въ которыхъ выросъ. То была ликвидація старыхъ понятій, порядковъ и формъ жизни, въ которой каждый, начавшій думать, принялъ участіе. Перетряхалось не только все русское прошлое, но съ тою же безжалостностью провѣрялось прошлое и настоящее Европы. Приставъ сразу къ крайней лѣвой Европы, мы ушли сейчасъ же дальше, и никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы это далекое не могло быть начато теперь же. Центральною точкой протеста было негодованіе противъ экономическихъ непорядковъ современнаго общественнаго строя и въ силу этого — ненависть къ нему. Выходъ представлялся только въ новыхъ соціально - экономическихъ теоріяхъ, на изученіе которыхъ и наткнулись. Къ этому умственному типу принадлежалъ и Кельсіевъ. Его задѣла новая волна, столкнула со стараго берега, и онъ съ головою кинулся въ невѣдомое для него море, выплыть изъ котораго у него однако недостало силъ.

Въ этомъ-то періодѣ умственнаго броженія и неустойчиваго равновѣсія Кельсіевъ оставилъ Россію, чтобы ѣхать на службу въ Ситху. Это было въ 1859 году. Зачѣмъ Кельсіеву вздумалось ѣхать на службу на край свѣта,—я не знаю. Но и въ то время, и много послѣ какое-то непосѣдливое, бродяжеское чувство выталкивало многихъ изъ дома. Люди уходили и въ Европу, и въ Америку (особенно въ Америку), чтобы чему-то учиться, что-то дѣлать, но не то, что они дѣлали дома, чтобы, наконецъ, создать себѣ какое нибудь иное существованіе, больше ихъ удовлетворяющее. Интеллигенты, дома, вѣроятно, не ставшіе бы заниматься физическимъ трудомъ, въ Америкѣ работали, какъ простые поденщики, нанимались въ сельскохозяйственные батраки, въ помощники конюховъ, корчевали пни, на лѣсопильныхъ заводахъ таскали бревна, работали въ слесарняхъ и кузницахъ, и вообще не гнушались никакою черною работой. Другимъ удавалось устроиться лучше; были изъ нихъ такіе, что пріобрѣтали фермы, дѣлались хозяевами, заводили плантаціи апельсинныхъ и померанцевыхъ деревъ и оставались въ Америкѣ навсегда. Многіе, однако, вернулись домой, вѣроятно, не найдя того, чего искали. И въ самомъ дѣлѣ русскому, при его тогдашней повышенной чувствительности и фанатическомъ стремленіи къ общественному переустройству (что зачастую и выталкивало на бродяжество), американскій индивидуализмъ могъ только напретить. Такіе просто возвращались. Но были и другіе, которыхъ американскій индивидуализмъ заполонялъ настолько, что они возвращались съ желаніемъ насадить его и дома.

Что случилось бы съ Кельсіевымъ, еслибы онъ добрался до Ситхи, — конечно, никто не знаетъ; но Кельсіевъ до Ситхи не добрался, а добрался только до Плимута. Здѣсь онъ, забывъ и Ситху, и россійско-американскую компанію, порѣшилъ сдѣлаться эмигрантомъ. Онъ явился къ Г., который принялъ въ немъ самое живое и теплое участіе и сильно отговаривалъ его отъ эмигрантства. «Не закрывайте себѣ дороги къ возврату, не извѣдавъ жизни на чужбинѣ», говорилъ Г., самъ горькимъ опытомъ извѣдавшій оторванную отъ родного жизнь; но Кельсіевъ упрямо стоялъ на своемъ. Онъ хотѣлъ учиться, работать, но не дома, хотя дома для каждой силы нашлось бы довольно работы. Нечего было дѣлать. Пришлось спасать человѣка хоть отъ голодной смерти, потому что у Кельсіева не было ничего; положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что съ нимъ были жена и маленькій ребенокъ. Г. досталъ ему корректуру «*Священнаго Писанія*», издаваемаго по русски лондонскимъ библейскимъ обществомъ, а затѣмъ передалъ ему массу рукописей о русскомъ расколѣ, присланныхъ къ нему въ разное время изъ Россіи. Это была работа совсѣмъ въ духѣ Кельсіева, и онъ ушелъ въ нее съ головой и руками, увлекаясь идеями и ученіемъ молоканъ, духоборцевъ и т. д. Въ короткое время онъ разобралъ рукописи и издалъ «*Сборникъ о расколѣ*», напечатанный въ лондонѣ у Трюбнера (6 частей, 1860—63 г.). Теперь этотъ «*Сборникъ*» имѣетъ только историческое значеніе; но тогда онъ вводилъ русское образованное общество въ раскольничій міръ, никому невѣдомый, развѣ чиновникамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдъ за появленіемъ «*Сборника*» Кельсіева и у насъ вышло разрѣшеніе печатать о расколѣ, и такимъ образомъ Кельсіевъ первый снялъ таинственное покрывало съ одного изъ наиболѣе загадочныхъ явленій русской жизни и сдѣлалъ для общества доступнымъ знакомство съ нимъ. Кельсіевъ предпринялъ и другую работу, но она ему не удалась: переводъ съ еврейскаго на русскій «*Библіи*». Работу эту онъ, кажется, и не кончилъ.

Вопросъ о расколѣ, какъ и всѣ остальные вопросы русской жизни, ведетъ свое начало съ шестидесятыхъ годовъ. Конечно, онъ существовалъ и ранѣе, да только не въ такомъ видѣ. До шестидесятыхъ годовъ общество знало о расколѣ только по романамъ Зотова и Масальскаго, а для правительства расколъ служилъ наковальней, на которой оттачивались и испытывались мѣры нетерпимости и преслѣдованія. Теперь наступила пора, когда на расколъ взглянули, какъ на общественное явленіе, и сдѣлали первыя попытки для его объясненія и идейнаго освѣщенія. При тогдашнемъ преимущественно политическомъ настроеніи, и объясненіе расколу давалось тоже политическое. Въ немъ видѣли какъ бы религіозное казачество. Шестидесятые года выработали и въ правительствѣ болѣе терпимости по отношенію къ раскольникамъ (правда, не всѣхъ сектъ), но это случилось нѣсколько позже. Въ то же время, о которомъ я говорю, и для правительства, и для политически-настроенной части русскаго общества расколъ служилъ ареной для демонстрацій, которыхъ ужъ никакъ нельзя было назвать мирными. Къ этому же времени созрѣло и польское возстаніе, вожаки котораго и въ Россіи, и за границей думали встрѣтить существенную поддержку какъ въ политически - настроенной части русскаго общества, такъ и въ раскольникахъ, по мнѣнію многихъ, представлявшихъ солидную силу,

если сумѣть привести ее въ движеніе. Предполагая вѣрнымъ политическое происхожденіе раскола, слѣдовало допустить и вѣрность этого разсчета. Раскольниковъ всѣхъ сектъ считали тогда милліоновъ десять. Конечно, это была громадная сила, и разсчетъ на нее оказался бы вѣрнымъ, еслибы въ расколѣ было дѣйствительно то, что въ немъ хотѣли видѣть. Хотя при тогдашнемъ политическомъ возбужденіи и это толкованіе, и этотъ разсчетъ были логической неизбѣжностью (теперь происхожденіе раскола объясняютъ уже церковнымъ неустройствомъ), но дѣйствительность не оправдала ожиданій и дала другіе результаты.

Кельсіевъ изданіемъ «*Свѣдѣній о раскольникахъ*» пріобрѣлъ такую извѣстность, что сталъ маленькимъ центрикомъ и во всякомъ случаѣ представлялся извѣстной силой, которую нельзя было оставить безъ вниманія. И вотъ, въ началѣ 1862 г., эта самая «сила» оставляетъ Лондонъ и съ турецкимъ паспортомъ является сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, чтобы завести и устроить прочныя связи съ раскольниками. Для подобнаго предпріятія требовалась большая смѣлость.

Въ пріѣздъ свой въ Петербургъ Кельсіевъ бывалъ у извѣстнаго тогда книгопродавца Кожанчикова, тоже раскольника, и у Краевскаго, но ихъ не постигли никакія непріятности. Или это не сдѣлалось извѣстнымъ, или же нуженъ былъ только Серно-Соловьевичъ. Тогда нѣкоторыхъ намѣченныхъ людей начали уже удалять изъ общества.

Поѣздка въ Москву и въ Петербургъ очень разожгла Кельсіева; корректурная работа и переводъ «*Священнаго Писанія*» теперь его не удовлетворяли: захотѣлось другого дѣла. Въ воображеніи Кельсіева раскрывались широкіе горизонты новой дѣятельности, болѣе льстившей его самолюбію, и онъ, отказавшись отъ кабинетной работы, задумалъ уйти въ Турцію, чтобы устроить связи съ раскольниками и проповѣдывать имъ вольную церковь и общинное житье. Г. отговаривалъ его отъ этого проблематическаго предпріятія, совѣтовалъ приняться за работу въ Лондонѣ, но Кельсіевъ не послушался и ушелъ. Кельсіевъ поселился въ Тульчѣ, куда пріѣхалъ къ нему братъ, убѣжавшій изъ Россіи, потомъ присоединились еще два эмигранта (офицеры), и жизнь маленькой колоніи текла пока мирно и покойно. Кельсіевъ былъ доволенъ и казаками, и раскольниками, и турками, сошелся съ атаманомъ некрасовцевъ, и все шло пока хорошо. Но вотъ умираетъ братъ Кельсіева, одинъ изъ офицеровъ-эмигрантовъ застрѣлился, другой ушелъ,— Кельсіевъ затосковалъ. Забравъ жену и дѣтей, Кельсіевъ бросилъ Тульчу и пошелъ бродить по Турціи, отыскивая работы и куска хлѣба. Мечты объ общинномъ житьѣ и проповѣдываніи новыхъ началъ кончились мѣстомъ надзирателя за шоссейными работами въ Галацѣ, да и то послѣ долгихъ исканій. Но не для надзора же за шоссейными работами ушелъ Кельсіевъ въ Турцію! Мечты его кончились; вѣра дрогнула во все: и въ людей, и въ идеи, и въ себя, а тутъ одинъ за однимъ умерли дѣти въ холерѣ, а за ними и жена въ чахоткѣ. Кельсіевъ рѣшилъ отдаться въ руки русскаго правительства и просилъ, чтобы его арестовали на границѣ. Такъ это и случилось. Получивъ прощеніе, Кельсіевъ издалъ брошюру, возмутившую всѣхъ рѣзкостью перехода отъ одного берега къ другому, цинизмомъ покаянія и своимъ неприличнымъ тономъ. Куда дѣлся затѣмъ Кельсіевъ—я не знаю.

Двойственный типъ, къ которому принадлежалъ Кельсіевъ, не составляетъ рѣдкости, и именно у насъ, въ Россіи, но шестидесятые года выдвинули его только въ количествѣ болѣе обыкновеннаго. Формы этого типа были не только разныя, но и многообразныя, ядро же оставалось всегда одно и то же. Немножко склонности къ увлеченію, немножко критической мысли и отрицанія, немножко доброжелательныхъ чувствъ, очень много самолюбія, желанія играть роль и стоять на первомъ мѣстѣ, преувеличеніе своихъ силъ, воображеніе, увлекающее заманчивыми картинами широкой дѣятельности, немножко даже хвастливости, все изъ тѣхъ же побужденій самолюбія и удовольствія видѣть себя въ ореолѣ, и всегда очень много трусости. Не у всякаго, конечно, изъ людей этого типа хватало мужества, чтобы разрѣшиться всенародно исповѣдью, полною циническаго отношенія къ своему прошлому, и публично заявить неуваженіе къ самому себѣ, какъ это сдѣлалъ Кельсіевъ. Натуры болѣе деликатныя и менѣе смѣлыя сламывались мягче, безъ шума и разыгрыванія публично роли кающагося грѣшника. Для такой игры нужна большая доза способности не краснѣть, пренебрегая мнѣніемъ тѣхъ, кого прежде уважалъ. Болѣе рѣзкій двойственный типъ, теряя постепенно свою бравурную и циническую окраску, принималъ все менѣе и менѣе яркій цвѣтъ и, увеличиваясь численно, становился наконецъ частью общественнаго мнѣнія. Такую часть общественнаго мнѣнія сформировали всѣ тѣ, кто приняли сначала участіе въ движеніи идей шестидесятыхъ годовъ, затѣмъ стали думать иначе и къ своей лучшей и самой яркой порѣ жизни начали относиться съ высокомѣріемъ, называя шестидесятые годы эпохой незрѣлаго увлеченія. Едва ли однако эти люди имѣли и имѣютъ право обобщать въ себѣ все то время. Еслибы вся та масса, которая потомъ стала думать иначе, удержалась на высотѣ своего перваго мышленія, то прогрессивныя послѣдствія шестидесятыхъ годовъ были бы не тѣми, какими мы ихъ видимъ.

Конечно, для выполненія задачи, за которую взялся Кельсіевъ, требовался человѣкъ болѣе сильный, но въ самой задачѣ не было ничего невыполнимаго, даже еслибы Кельсіевъ питалъ и широкіе политическіе замыслы. Впрочемъ, для политической дѣятельности Кельсіевъ былъ неспособенъ, хотя въ началѣ онъ сошелся съ атаманомъ некрасовцевъ, Гончаромъ, и, вѣроятно, поманилъ его настолько разными возможностями, что хитрый старикъ вылѣзъ изъ своей берлоги и рѣшился съѣздить въ Парижъ и Лондонъ, понюхать воздухъ и посмотрѣть, чего откуда ждать. Я заговорилъ нарочно о Гончарѣ; этотъ человѣкъ законченнаго и опредѣленнаго типа даетъ поводъ къ такой поучительной параллели съ

Кельсіевымъ и людьми его типа, что я не могу себѣ въ ней отказать. (Пользуюсь характеристикой Гончара, сдѣланной Г.).

Не зная ни одного слова, кромѣ какъ порусски и по турецки, Гончаръ отправился въ Марсель и оттуда въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ видѣлся съ Чарторижскимъ и Замойскимъ; говорятъ, что его возили даже къ Наполеону. Переговоры ни къ чему не привели, и сѣдой казакъ, качая головой и щуря лукавыми глазами, написалъ каракулями семнадцатаго столѣтія письмо къ Г., въ которомъ, называя его «графомъ», спрашивалъ, можетъ ли онъ пріѣхать въ Лондонъ, и какъ найти Г. Такъ какъ добраться въ Лондонѣ къ Г. безъ языка было довольно трудно, то Г. и отправился на желѣзную дорогу, чтобы встрѣтить Гончара. Выходитъ изъ вагона старый русскій мужикъ, изъ зажиточныхъ, въ сѣромъ кафтанѣ, съ русской бородой, скорѣе худощавый, но крѣпкій, мускулистый, довольно высокій и загорѣлый, несетъ узелокъ въ цвѣтномъ платкѣ.

— Вы Осипъ Семеновичъ?—спрашиваетъ Г.

— Я, батюшка, я,—и Гончаръ подалъ Г. руку.

Кафтанъ распахнулся и открылъ на поддевкѣ большую турецкую звѣзду. Поддевка была синяя, отороченная широкой пестрой тесьмой. Не только обороты рѣчи, но и произношеніе у Гончара было великорусское, крестьянское.

Гончаръ прожилъ у Г. три дня. Первые дни онъ ничего не ѣлъ, кромѣ сухого хлѣба, который привезъ съ собой, и пилъ одну воду. На третій день было воскресенье, и Гончаръ разрѣшилъ себѣ стаканъ молока, рыбу, вареную въ водѣ, и рюмку хересу.

Русское «себѣ на умѣ», восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человѣка, привыкшаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ полному безправію и къ сосѣдству сильныхъ враговъ, долгая жизнь, проведенная въ борьбѣ, въ настойчивомъ трудѣ, въ опасностяхъ, — все это такъ и сквозило изъ-за мнимо простыхъ чертъ и простыхъ словъ сѣдого казака. Онъ постоянно оговаривался, употреблялъ уклончивыя фразы, тексты изъ священнаго писанія, дѣлалъ скромный видъ, очень сознательно разсказывая о своихъ успѣхахъ, и если иногда увлекался въ разсказахъ о прошломъ, то навѣрное никогда не проговаривался о томъ, о чемъ хотѣлъ молчать.

Въ успѣхъ польскаго дѣла Гончаръ уже не вѣрилъ и говорилъ о своихъ парижскихъ переговорахъ, покачивая головой. Въ Лондонъ онъ пріѣхалъ, чтобы узнать, какія у русскихъ эмигрантовъ связи съ раскольниками и какія опоры въ краѣ; ему хотѣлось ощупать своими руками, можетъ ли тутъ быть для него какая нибудь практическая польза. Въ сущности, какъ говоритъ Г., для Гончара было все равно, съ кѣмъ идти: онъ пошелъ бы одинаково съ Польшей и Австріей, съ русскими эмигрантами и греками, съ Россіей и съ Турціей, лишь бы это было выгодно для его некрасовцевъ. Онъ и изъ Лондона уѣхалъ, качая головой. Въ концѣ концовъ Гончаръ подалъ адресъ государю.

Какъ мыслилъ Гончаръ, такъ мыслило, конечно, и большинство раскольниковъ. И въ Турціи, и въ Россіи жизнь научила ихъ кое-чему. Поэтому устраивать съ ними связи и при этомъ сулить лишь журавля въ небѣ было не совсѣмъ легко и просто. Кончилось бы, конечно, взаимнымъ непониманіемъ. Да и что могъ предложить имъ Кельсіевъ? Какая стояла за нимъ сила? И это отлично понималъ Гончаръ, а потомъ понялъ и самъ Кельсіевъ; только въ Москвѣ думали иначе. Кельсіевскую «коммуну» въ Тульчѣ, состоявшую всего изъ четырехъ человѣкъ да жены Кельсіева съ двумя ребятами, московская охранительная печать раздула въ какую-то «агенцію», а Кельсіева, занимавшагося школой и огородомъ, превратила въ опаснаго агитатора, виновность котораго могла быть искуплена лишь чрезвычайнымъ и всенароднымъ покаяніемъ. Кажется, подъ конецъ и самъ Кельсіевъ сталъ вѣрить этому.

И мнѣ тоже случилось «устраивать связи» съ раскольниками. Это было лѣтомъ 1862 г. Я плылъ на пароходѣ отъ Тюменя до Томска. Плаваніе было скучное, тянулось оно три недѣли; нашъ буксирный пароходъ, тащившій баржу, ползъ, какъ черепаха. Особенно тосклива была Обь, разливавшаяся на сто верстъ (матросы увѣряли, что она разлилась до Ледовитаго океана). Между «сѣрыми» пассажирами парохода былъ только одинъ не совсѣмъ сѣрый. Молодой, лѣтъ тридцати, съ русой, маленькой, закругленной бородкой, съ мужицкимъ проборомъ по серединѣ, намасленными волосами и въ долгополомъ кафтанѣ, пассажиръ этотъ напоминалъ мелкаго торговца, какіе встрѣчаются по деревнямъ (онъ и дѣйствительно торговалъ скотомъ). Пассажиръ оказался раскольникомъ. Почти все время скучнаго плаванія и особенно по вечерамъ мы проводили вмѣстѣ на палубѣ, и, какъ мнѣ помнится, я говорилъ гораздо больше, чѣмъ мой собесѣдникъ, изъ котораго выудить что нибудь было очень не легко. Мнѣ думается, что онъ жалѣлъ даже о томъ, что сказалъ мнѣ, что онъ раскольникъ. Вообще онъ на Гончара не походилъ. Если тотъ напоминалъ старую лисицу и чувствовалъ свою силу (недаромъ же онъ получилъ турецкую звѣзду), то этотъ напоминалъ сторожливаго, озирающагося звѣрька, заметающаго свой слѣдъ. Раскольникъ былъ грамотный, начитанный, съ познаніями и свѣтскихъ книгъ не боялся. Видя меня иногда съ книгой, онъ просилъ дать ему что нибудь почитать, конечно, зная, что это не будетъ божественное. У меня были только ученыя путешествія по Россіи, и я далъ ему одну изъ книжекъ. Направленія раскольникъ былъ «патріотическаго» и къ Западу, съ его знаніями и прогрессомъ, относился безъ почтенія. Ему думалось, что мы знаемъ не меньше. Разъ я ему говорилъ о «точкѣ жизни» Флуранса, но оказалось, что раскольникъ ее знаетъ, и, чтобы не оставить во мнѣ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, онъ въ одной изъ прибрежныхъ деревень, гдѣ пароходъ запасался дровами и провизіей, дѣйствительно доказалъ, что знаетъ, гдѣ у теленка точка жизни. Теленокъ упалъ мертвымъ, точно пораженный громомъ. И это было

сдѣлано съ увѣренностью, чистотой и ловкостью хирурга. Вотъ наконецъ завиднѣлся и Томскъ; пароходъ подходитъ къ пристани; я поднялся на палубу, чтобы проститься съ моимъ спутникомъ,—его нѣтъ. Пароходъ причалилъ, положили сходни, но мой дорожный товарищъ не показывается; я схожу на берегъ почти послѣднимъ, высматриваю тѣхъ, кто впереди, оглядываюсь назадъ,—раскольника нѣтъ. Такъ онъ и провалился сквозь землю вмѣстѣ съ моей книжкой, оставивъ мнѣ на память объ этомъ случаѣ разрозненное изданіе. Вотъ матеріалъ, съ которымъ, какъ внизу, такъ и вверху, приходилось у насъ имѣть всегда дѣло общественному движенію. Европа подобнаго типа не знаетъ, тамъ нѣтъ этой запуганной осторожности, нѣтъ этого разсыпчатаго бѣгства въ одиночку, когда каждый прячется въ первую попавшуюся норку и оттуда выглядываетъ, миновала ли бѣда, чтобы опять выйти на свѣтъ божій, когда снова проглянетъ солнышко.

Шестидесятые годы были не только первой попыткой общественной самодѣятельности, но и первой пробой силъ,—пробой характеровъ и изученія общественныхъ типовъ. Этотъ опытъ былъ бы очень полезенъ для общества и въ будущемъ, еслибы онъ ужъ не забывался въ настоящемъ. Многое изъ того, что находили ненужнымъ, безплоднымъ и безцѣльнымъ, и даже напрасно губившимъ молодыя силы,—было естественнымъ слѣдствіемъ небывалаго простора, который каждый теперь почувствовалъ. Все это было естественно, неизбѣжно и необходимо, и ни для кого и никакой опасности тутъ не было, кромѣ самихъ тѣхъ, кто пробовалъ свои силы. Какъ птицы, начинающія летать, пробуя силу своихъ молодыхъ крыльевъ, бравируютъ опасностью и совершаютъ смѣлые полеты, такъ и въ шестидесятыхъ годахъ многое и многими дѣлалось просто потому, что это—смѣлость, и что въ смѣлости ради смѣлости ощущается наслажденіе силы. Каждому тогда нравилось нести высоко, гордо и смѣло голову, чувствуя свое личное достоинство, личную неприкосновенность и относительную свободу. Рядомъ съ первыми попытками свободной мысли и свободнаго слова, это были первыя попытки и свободнаго поведенія, и общественной независимости, первые пробные шаги къ огульности и разрѣшенію самимъ обществомъ того, что оно хотѣло считать своими вопросами.

И такое направленіе въ отдѣльныхъ лицахъ, пытавшихся дать ему общественный характеръ, не было вовсе слѣдствіемъ недоразумѣнія. Это была общая черта времени, когда всѣ сливались въ одну общую силу, стремившуюся къ одной цѣли. Рѣзкаго различія между задачами общества и правительства тогда не только не было, а, напротивъ, и общество, и правительство одинаково стремились къ однѣмъ и тѣмъ же перемѣнамъ. Чтобы провести свои реформы, правительство обратилось къ обществу, и весь необходимый для этого многосложный матеріалъ былъ доставленъ людьми изъ общества и разработанъ ими и печатью. Я уже говорилъ, что послѣ парижскаго мира прогрессивныя стремленія, охватившія офиціальную Россію, проникли и въ высшія правительственныя сферы, а правительственные органы печати взяли на себя воспитательную роль. Такъ «*Военный Сборникъ*» и «*Морской Сборникъ*» совсѣмъ вышли изъ предѣловъ своей прежней программы и ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ толстыхъ журналовъ. Это было простымъ слѣдствіемъ сліянія общественныхъ и правительственныхъ интересовъ и дружнаго, совмѣстнаго движенія общества и правительства. Въ этотъ-то моментъ солидарности общества и правительства и были возможны, напримѣръ, такіе факты, что жандармскій штабъ-офицеръ Громека участвуетъ не только въ газетахъ и журналахъ, но избирается редакторомъ петиціи литераторовъ къ министру народнаго просвѣщенія и членомъ депутаціи отъ литераторовъ. Нельзя сказать, чтобы въ подобномъ союзѣ совсѣмъ не было частички недоразумѣнія, но оно не было тогда еще достаточно ясно. Размежеваніе началось послѣ, когда участіе общества въ преобразованіяхъ стало оказываться менѣе нужнымъ, и когда правительство, болѣе обособляясь, заняло положеніе строже опредѣленное. Замѣтнѣе всего стало это въ министерство графа Валуева, когда между офиціальной и неофиціальной средой была проведена уже довольно рѣзкая грань. Теперь, напримѣръ, занятіе литературой считалось несовмѣстнымъ съ офиціальнымъ положеніемъ лица, и чиновникамъ было прямо запрещено принимать участіе въ печати. Громека въ образѣ депутата отъ литераторовъ былъ бы теперь ужъ, конечно, немыслимъ. Но въ началѣ было не то, даже настолько не то, что лица офиціальныя сообщали о намѣреніяхъ и секретныхъ предположеніяхъ правительства тѣмъ, кому это менѣе всего слѣдовало знать (извѣстное дѣло о 13 тверскихъ мировыхъ посредникахъ). Министерскія мнѣнія того времени, частью подъ вліяніемъ господствовавшаго недоразумѣнія, а частью и вслѣдствіе общности интересовъ, утрачивали исключительно свой правительственный, а иногда и секретный характеръ и становились общественнымъ достояніемъ. Громадный секретный матеріалъ министерства внутреннихъ дѣлъ о раскольникахъ весь по частямъ былъ списанъ и высланъ Г. въ Лондонъ. О размѣрѣ этого матеріала можно судить по шести томамъ «*Сборника*» Кельсіева. А сколько, кромѣ того, высылалось копій съ офиціальныхъ столичныхъ и провинціальныхъ распоряженій и постановленій, записокъ, докладовъ и т. д. и всякихъ другихъ негласныхъ свѣдѣній для напечатанія въ «*Колоколѣ*». Чѣмъ секретнѣе была мѣра или распоряженіе, тѣмъ было больше вѣроятія, что о ней уже будетъ напечатано въ «*Колоколѣ*». Достаточно, чтобы въ правительственной канцеляріи завелся одинъ человѣкъ, «охваченный волной времени», чтобы секреты канцеляріи перестали быть секретами; а тогда «охваченныхъ» были десятки, сотни въ каждомъ министерствѣ. Офиціальный міръ и печать не составляли тогда изолированныхъ міровъ, а заходили одинъ въ другой. Это только теперь печать очутилась внѣ всякой связи съ офиціальнымъ міромъ (кромѣ нѣкоторыхъ органовъ, стоя-

щихъ зато и среди печати изолированно). Даже между коренными чиновниками (не охваченными) являлись любители, которые частью «такъ», для себя, а частью удовлетворяя явившемуся спросу, снимали копіи съ секретныхъ дѣлъ и бумагъ иногда за нѣсколько лѣтъ и составляли сборники, разумѣется, не для того, чтобы хранить ихъ у себя.

Н. И. Костомаровъ разсказываетъ, между прочимъ, въ своей автобіографіи о литературномъ вечерѣ, устроенномъ Тибленомъ въ залѣ Руадзе, на которомъ читали Ч. и Павловъ. Вечеръ былъ устроенъ не Тибленомъ, а другими; Тибленъ же былъ только подставнымъ распорядителемъ. Вечеръ устраивался въ пользу учащихся, но извѣстная сумма сбора была выговорена въ пользу Михайлова. Воспоминанія Ч. о Добролюбовѣ вызвали цѣлую бурю криковъ и рукоплесканій; но главнымъ центромъ вечера, противъ ожиданія, оказался профессоръ русской исторіи Платонъ Васильевичъ Павловъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій изъ кіевскаго университета въ петербургскій. Около того же времени перешелъ на петербургскую митрополію и кіевскій митрополитъ Исидоръ. Павловъ явился въ Петербургъ съ репутаціей поколебленной. Поводъ же былъ такой: показывая знакомымъ кіевскія пещеры, Павловъ дѣлалъ объясненія такого рода, что монахъ, сопровождавшій посѣтителей, счелъ долгомъ передать слышанное настоятелю лавры, а тотъ доложилъ митрополиту. Вотъ этотъ-то самый неблагонамѣренный профессоръ Павловъ читалъ на вечерѣ статью о тысячелѣтіи Россіи. Статья была пропущена для публичнаго чтенія цензурой и ничего особеннаго не заключала. Но Павловъ въ чтеніи измѣнилъ знаки препинанія, и получился неожиданный эффектъ. Напримѣръ: послѣ параллели настоящаго съ прошедшимъ у Павлова стояло: «не увлекайтесь» съ простой точкой, въ чтеніи же онъ произнесъ «не увлекайтесь» съ тремя восклицательными знаками—и такъ онъ прочелъ свою статью; въ залѣ стоялъ гулъ, раздавались какіе-то вопли неистоваго восторга, стучали стульями, каблуками. Я сидѣлъ за сценой, тутъ же сидѣлъ между прочими и Некрасовъ, ожидая своей очереди. Прибѣгаетъ взволнованный Егоръ Петровичъ Ковалевскій и, обращаясь къ намъ, говоритъ:

— Удержите его, удержите! завтра его сошлютъ.

Но изъ-за сцены удержать Павлова было невозможно; увлекаясь все больше и больше, онъ среди оглушительныхъ криковъ публики кончилъ чтеніе и сошелъ со сцены. На завтра пророчество Ковалевскаго сбылось: въ 12 час. дня Павловъ уѣхалъ съ провожатыми въ Кострому. Въ публикѣ сидѣлъ, между прочими, оренбургскій генералъ-губернаторъ Безакъ. Онъ попалъ на вечеръ по указанію Николая Михайлова (брата Михаила Ларіоновича), состоявшаго при Безакѣ чиновникомъ особыхъ порученій. На другой день князь Долгорукій нашелъ нужнымъ замѣтить Безаку, что вечеръ этотъ имѣлъ характеръ демонстраціи противъ правительства, и присутствіе на немъ офиціальнаго лица едва ли было удобно.

XVII.

Зима 1861 года прошла спокойно, безъ всякихъ событій, но тѣмъ не менѣе горизонтъ уже начиналъ заволакиваться, и конецъ года оказался роковымъ. Отдѣльные случаи, нарушавшіе будничное теченіе жизни, напримѣръ, кельсіевская исторія, студенческое движеніе, прокламаціи, дѣло Михайлова, хотя и возбуждали тревоги въ нѣкоторой части общества и усиливали осторожность и бдительность правительства, но не обнаруживали пока рѣшающаго вліянія на его поведеніе. Но вотъ лѣтомъ 1862 г. случился пожаръ Щукина двора, и въ Петербургѣ (и тоже въ извѣстной части общества) распространилась паника. Молва, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ студенческихъ исторій, приписывала пожаръ студентамъ. Конечно, это былъ очевидный вздоръ, слухъ могъ быть пущенъ даже намѣренно кѣмъ нибудь, но это не разбиралось; при всякихъ другихъ обстоятельствахъ пожаръ прошелъ бы незамѣченнымъ (вѣдь Петербургъ видалъ пожары и больше, при императорѣ Николаѣ сгорѣлъ даже Зимній дворецъ), теперь онъ имѣлъ роковое вліяніе на дальнѣйшій ходъ внутреннихъ мѣръ и привелъ къ послѣдствіямъ совершенно неожиданнымъ. Рѣшено было принять дѣятельныя мѣры къ устраненію причинъ, будто бы создававшихъ волненія и поддерживавшихъ общество въ возбужденномъ состояніи. А причиной этого считали либеральную журналистику и въ особенности нѣкоторыхъ ея представителей. «*Современникъ*» и «*Русское Слово*» были по Высочайшему повелѣнію пріостановлены на 6 мѣсяцевъ, и арестованъ Ч. Обыскъ у него не обнаружилъ ничего компрометирующаго, и фактическихъ обвиненій противъ него никакихъ не было. Такъ прошло 6 мѣсяцевъ. Но вотъ въ мартѣ 1863 г. было послано Всеволодомъ Костомаровымъ письмо къ Соловьеву, «до востребованія» (о содержаніи котораго я уже говорилъ), и затѣмъ въ дорожномъ мѣшкѣ того же Всеволода Костомарова нашлась забытая имъ записка на клочкѣ бумаги такого содержанія: «Вмѣсто *срочно-обязанные*, наберите вездѣ *временно-обязанные*. Н. Ч.». Для обвинительной власти такой матеріалъ представлялъ очень серьезное значеніе. Ч. отрицалъ подлинность записки и даже просилъ разрѣшить ему доказать это при помощи увеличительнаго стекла, но секретарями-экспертами было уже признано, что большинство буквъ тожественно съ почеркомъ Ч., и обвиненіе Всеволода Костомарова было признано доказаннымъ.

Со смертью Добролюбова, исчезновеніемъ съ литературнаго горизонта Ч. и съ закрытіемъ «*Современника*» кончился первый и самый яркій литературный періодъ шестидесятыхъ годовъ. Возникшія затѣмъ «*Отечественныя Записки*» новой редакціи были уже иными и по составу сотрудниковъ, и по содержанію, и по направленію. Журналъ сталъ серьезнѣе, даже ученѣе, но пульса жизни въ немъ уже не чувствовалось.

О шестидесятыхъ годахъ наше общество имѣетъ или очень смутное понятіе, или ровно никакого, и

я думаю, что меньше всего ясно понимали и понимаютъ то время его порицатели. Говорятъ, что эпоха шестидесятыхъ годовъ была временемъ какого-то движенія, броженіемъ, временемъ чего-то нарушившаго стройное и правильное развитіе жизни и вдвинувшагося въ русскій прогрессъ въ видѣ посторонняго клина. Все это невѣрно. Не было тутъ ни клина, ни броженія, ни нарушенія; а былъ простой рядъ логическихъ движеній мысли и естественный ростъ общественности. Если въ этомъ ростѣ оказалась дѣятельной только одна небольшая часть общества, а другая явилась или антитезой этого роста, или просто инертной массой, которая разъ по инерціи шла впередъ, а потомъ по той же инерціи остановилась или даже пошла назадъ, то это только историческій фактъ, повторявшійся и не у насъ однихъ. У насъ онъ вышелъ нѣсколько рѣзче и явился быстрѣе, обнаруживши слишкомъ большой диссонансъ со свѣтлымъ, радостнымъ и дружнымъ возбужденіемъ, охватившимъ своей увлекающей волной сначала всѣхъ. Но уже съ перваго движенія этой волны, съ первой минуты начавшагося освобожденія, въ стремительномъ потокѣ намѣтилась попятная струйка, которой суждено было наконецъ разростись и расшириться настолько, что первоначальный потокъ и самъ смѣшался наконецъ съ этимъ обратнымъ теченіемъ.

Любопытно, что о шестидесятыхъ годахъ не появилось до сихъ поръ ни одного извѣстія, въ которомъ бы не слышалось болѣе или менѣе сильное скрежетаніе зубовъ. Все, что о нихъ печаталось у насъ и за границей, могло имѣть только одну цѣль—поселить къ нимъ ужасъ и отвращеніе, спасти русское общество отъ ихъ тлетворной, разрушающей силы, изобразить ихъ въ видѣ самума, уничтожающаго всякую жизнь и оставляющаго за собою только смерть. Въ другомъ видѣ о шестидесятыхъ годахъ «друзья» ихъ и не писали. Начиная съ Шедо-Ферроти (псевдонимъ), напечатавшаго въ 1867 году, за границей, книжку о русскомъ нигилизмѣ по-французски, и кончая Николаемъ Карловичъ (тоже псевдонимъ), напечатавшимъ въ 1880 г. и тоже за границей, книжку о русскомъ нигилизмѣ по нѣмецки, не имѣется о шестидесятыхъ годахъ ничего, кромѣ полемическихъ увлеченій и памфлетовъ. Изъ отечественныхъ произведеній этого рода первое мѣсто принадлежитъ безспорно полемическимъ брошюркамъ г. Цитовича. Весь этотъ богатый матеріалъ нашелъ въ лицѣ извѣстнаго Іоганна Шерра трудолюбиваго бытописца, изобразившаго русскій нигилизмъ (непремѣнно нигилизмъ) въ послѣдовательной исторической картинѣ, начиная съ Петра Великаго и до нашихъ дней (Die Nihilisten v. Joh. Scherr, Leipzig, 1885), въ которомъ шестидесятые годы занимаютъ одно изъ звеньевъ, соединяющихъ реформы Петра Великаго съ первымъ марта. И по этой-то книжкѣ, переполненной полемическимъ задоромъ, нѣмцы знакомятся съ исторіей движенія общественныхъ идей въ Россіи! Если съ шестидесятыми годами полемизируютъ Шедо-Ферроти, Николай Карловичъ или г. Цитовичъ, — это понять можно. Сами русскіе, они, охваченные водоворотомъ новыхъ идей, которому хотѣли противиться и въ которомъ не находили себѣ мѣста, могли увлечься страстью и въ пылу борьбы забыть всякое благоразуміе въ выборѣ оружія для нападенія. Но о чемъ хлопочетъ нѣмецъ Іоганнъ Шерръ, которому, вѣроятно, нѣтъ особенныхъ причинъ брать близко къ сердцу русскую исторію и волноваться, что въ Россіи явилось земство и гласный судъ, о которыхъ онъ отзывается съ полемическимъ задоромъ сотрудника «*Гражданина*». И вотъ историкъ, у котораго, если не Европа, то, по крайней мѣрѣ, Германія принуждена знакомиться съ лучшей порой русскаго общественнаго сознанія. Образчикъ шерровской оцѣнки шестидесятыхъ годовъ читатель можетъ увидѣть изъ слѣдующей характеристики Добролюбова. По словамъ Шерра, въ Добролюбовѣ (Ч. и друг.) царилъ полнѣйшій мракъ непониманія и безграничнаго невѣжества относительно правъ и нравовъ, литературы и искусства и всѣхъ благъ и пріобрѣтеній цивилизаціи. Шерръ увѣряетъ, что Добролюбовъ и писатели его направленія признавали только физическіе, химическіе и физіологическіе процессы, а затѣмъ не допускали уже никакихъ психическихъ и моральныхъ мотивовъ въ людскихъ отношеніяхъ — ни брака, ни семьи, ни воспитанія, ни образованія (усматривая во всемъ этомъ только разные виды психическаго насилія); они оправдывали убійство и воровство, доказывая, что убійца не можетъ не убивать, а воръ не можетъ не воровать. Конечно, Шерръ (написавшій нѣкогда трагикомедію человѣческой исторіи, но котораго потомъ, во время франко-прусской войны, укусила муха) неповиненъ въ томъ, что не читалъ Добролюбова ни одной строчки; но Николай Карловичъ и тѣ, кто спѣшилъ переводить брошюры г. Цитовича на иностранные языки, несомнѣнно повинны въ томъ, что распространяли въ Европѣ нелѣпости о писателяхъ, составляющихъ нашу гордость и занимающихъ въ исторіи нашего литературнаго развитія одно изъ первыхъ мѣстъ.

Сущность шестидесятыхъ годовъ заключалась совсѣмъ не во внѣшнихъ событіяхъ или въ фактахъ, придававшихъ тому времени характеръ нѣкотораго своеволія. Всѣ эти факты, заставлявшіе говорить о себѣ, волновавшіе, пугавшіе или приводившіе иногда къ тому, что кто нибудь то здѣсь, то тамъ выходилъ въ тиражъ, не составляли содержанія и души времени. Прокламаціи могли являться, а могли бы и не являться; студенческія исторіи могли быть, а могли и не быть,—развитіе идей и понятій отъ этого нисколько бы не измѣнилось. И въ появленіи новыхъ идей и понятій не было тоже ничего произвольнаго, ничего такого, что могло бы быть объяснено случайностью, заносомъ, что походило бы на кафтанъ съ чужихъ плечъ. Нѣкогда новыя идеи разносила по Европѣ французская армія, но къ намъ никакая армія съ новыми идеями тогда не доходила, и никакого умственнаго подарка мы ни отъ кого не получали. Все умственное движеніе шестидесятыхъ годовъ явилось также неизбѣжно и органически, какъ является свѣжая молодая поросль въ лѣсу на освѣщенной полянѣ. Какъ только

крымская война кончилась, и всѣ дохнули новымъ, болѣе свободнымъ воздухомъ, все, что было въ Россіи интеллигентнаго, съ крайнихъ верховъ и до крайнихъ низовъ, начало думать, какъ оно еще никогда прежде не думало. Думать заставилъ Севастополь и онъ же пробудилъ во всѣхъ критическую мысль, ставшую всеобщимъ достояніемъ. Тутъ никто ничего не могъ ни подѣлать, ни измѣнить. Всѣ стали думать и думать въ одномъ направленіи, въ направленіи свободы, въ направленіи разработки лучшихъ условій жизни для всѣхъ и для каждаго. Счастливой случайностью или подаркомъ природы были, пожалуй, тѣ люди, которые явились какъ бы представителями или толкователями общихъ стремленій, выразили ихъ точными идеями и указали точныя формулы. Да и то еще вопросъ, была ли это счастливая случайность, или она была тоже логической неизбѣжностью.

Умственное направленіе шестидесятыхъ годовъ (я говорю преимущественно о литературномъ движеніи мысли), выразившееся наиболѣе ярко съ 1859 по 1862 годъ, создалось не въ эти годы. Оно проходитъ черезъ цѣлый рядъ годовъ и въ первый разъ въ своемъ зачаточномъ видѣ было провозглашено въ 1855 году на публичномъ диспутѣ въ петербургскомъ университетѣ. Я говорю о публичной защитѣ Ч. его диссертаціи: *О эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности.* Задолго до публичной защиты о ней было уже извѣстно въ кружкахъ, болѣе близкихъ къ автору. Пекарскій, какъ всегда, не безъ извѣстной таинственности и нѣкотораго священнаго трепета сообщившій мнѣ объ этомъ, съ волненіемъ ожидалъ приближенія знаменитаго дня. Мы отправились вмѣстѣ. Небольшая аудиторія, отведенная для диспута, была биткомъ набита слушателями. Тутъ были и студенты, но, кажется, было больше постороннихъ, офицеровъ и статской молодежи. Тѣсно было очень, такъ что слушатели стояли на окнахъ. Я тоже былъ въ числѣ этихъ, а рядомъ со мной стоялъ Сѣраковскій (офицеръ генеральнаго штаба, впослѣдствіи принявшій участіе въ польскомъ возстаніи и повѣшенный Муравьевымъ). Во время диспута Сѣраковскій приходилъ въ самый шумливый восторгъ и увлекался до невозможности (Сѣраковскій былъ горячій и увлекающійся человѣкъ). Ч. защищалъ диссертацію со своей обычной скромностью, но съ твердостью непоколебимаго убѣжденія. Послѣ диспута, Плетневъ (предсѣдательствовавшій) обратился къ Ч. съ такимъ замѣчаніемъ: «Кажется, я на лекціяхъ читалъ вамъ совсѣмъ не это!» И дѣйствительно, Плетневъ читалъ не то, а то, что онъ читалъ, было бы не въ состояніи привести публику въ тотъ восторгъ, въ который ее привела диссертація. Въ ней было все ново и все заманчиво: и новыя мысли, и аргументація, и простота, и ясность изложенія. Но такъ на диссертацію смотрѣла только аудиторія. Плетневъ ограничился своимъ замѣчаніемъ, обычнаго поздравленія не послѣдовало, а диссертація была положена подъ сукно. Факультетъ, впрочемъ, готовъ былъ признать Ч. магистромъ, но объ его диссертаціи счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, И. И. Давыдова,—и утвержденіе не состоялось. Если Ч. готовился для университетской каѳедры, то этотъ диспутъ, конечно, закрылъ ему къ ней путь, но зато онъ открылъ ему возможность отдать теперь всѣ свои силы журналистикѣ. Я напомню читателю главное содержаніе диссертаціи.

Уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣрчивость къ апріористическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи гипотезамъ, — вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ; къ тому же знаменателю слѣдуетъ привести и наши эстетическія убѣжденія, — говорилъ молодой магистрантъ. — Наука о прекрасномъ, эстетика, имѣетъ разумное право на существованіе только въ томъ случаѣ, если прекрасное имѣетъ самостоятельное значеніе, независимое отъ безконечнаго разнообразія личныхъ вкусовъ. Здоровый человѣкъ встрѣчаетъ въ дѣйствительности очень много такихъ предметовъ и явленій, смотря на которые, не приходитъ ему въ голову желать, чтобы они были не такъ, какъ есть, или были лучше. Мнѣніе, будто человѣку непремѣнно нужно «совершенство»,— мнѣніе фантастическое, если подъ «совершенствомъ» понимать такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всевозможныя достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ. Прихотливая строгость требованій ведетъ только къ праздности, холодности и пресыщенности. Русскія женщины не такъ красивы, какъ итальянки, которыхъ рисовалъ Рафаэль, но, какъ бы ни было велико наше недовольство этимъ, русскія женщины отъ него не похорошѣютъ. Недовольство дѣйствительностью совершенно безплодно и нелѣпо, когда оно обращено на красоту, и, напротивъ того, оно необходимо, когда направлено противъ житейскихъ неудобствъ, устроенныхъ умами и руками людей. «Прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такою, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекраснъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни». Искусство не можетъ создавать такихъ чудесъ красоты, какихъ не бываетъ въ дѣйствительности, и оно должно воспроизводить дѣйствительность, т. е. все то, что интересно для человѣка въ жизни. Для чего же нужно это воспроизведеніе? А вотъ для чего. Потребность, рождающая искусство, въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныя искусства) есть та же самая, которая очень ясно выказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человѣка не удовлетворяли насъ, а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человѣкѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности. Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго

человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто оно пустая забава, чѣмъ оно и дѣйствительно бываетъ чрезвычайно часто: художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: да стоило ли трудиться надъ такими пустяками? Безполезное не имѣетъ права на уваженіе. Человѣкъ самъ себѣ цѣль; но дѣла человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ человѣка, а не въ самихъ себѣ. Въ этомъ отношеніи чаще другихъ погрѣшали поэты. Привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересующія человѣка; вообще вся поэзія и изображаемая въ ней жизнь принимаетъ какой-то сантиментальный, розовый колоритъ; вмѣсто серьезнаго изображенія человѣческой жизни произведенія искусства представляютъ какой-то слишкомъ юный взглядъ на жизнь, и поэтъ является обыкновенно молодымъ, очень молодымъ юношею, котораго разсказы интересны только для людей того же нравственнаго или физіологическаго возраста. Наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унизительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея — понять и объяснить дѣйствительность, потомъ примѣнить къ пользѣ человѣчества свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его,— для вознагражденія человѣка, въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью, — воспроизвести, по мѣрѣ силъ, эту драгоцѣнную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее. Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности, быть нѣкоторою замѣною ея и быть для человѣка учебникомъ жизни.

Эти прекрасныя мысли, выраженныя съ такой страстной любовью къ людямъ, и до сихъ поръ дышатъ свѣжестью и будятъ въ душѣ благородныя чувства. Какой же увлекающей силой онѣ явились тридцать лѣтъ назадъ! Это была цѣлая проповѣдь гуманизма, цѣлое откровеніе любви къ человѣчеству, на служеніе которому призывалось искусство. Вотъ въ чемъ заключалась влекущая сила этого новаго слова, приведшаго въ восторгъ всѣхъ, кто былъ на диспутѣ, но не тронувшаго только Плетнева и засѣдавшихъ съ нимъ профессоровъ. Плетневъ, гордившійся тѣмъ, что онъ угадывалъ и поощрялъ новые таланты, тутъ не угадалъ и не прозрѣлъ ничего; онъ даже и не предчувствовалъ, что передъ нимъ возстала во всемъ своемъ будущемъ величіи новая идея, которой суждено овладѣть всѣмъ движеніемъ мысли и указать новый путь, которымъ и пойдетъ затѣмъ наша литература и журналистика. Теперешніе читатели могутъ замѣтить, что въ мысляхъ, высказанныхъ въ диссертаціи, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ ничего новаго; они могутъ сказать: «мы все это знаемъ». (Мнѣ случалось встрѣчать такихъ). Да, вѣрно, что все это знаете, но откуда вы все это знаете, но откуда вы это узнали? Вы, пожалуй, даже и не узнавали ни откуда: вы просто выросли на литературѣ и критикѣ, которая вся создавалась уже по этому рецепту и шла этимъ путемъ, впервые указаннымъ ей тридцать лѣтъ назадъ.

Явись эта диссертація только шестью-семью годами раньше, когда кончалъ Бѣлинскій и выступалъ В. Майковъ, вліяніе ея, конечно, не перешло бы литературныхъ предѣловъ. Но теперь было другое время, теперь мы ужъ узнали Севастополь. Общественное вниманіе, хотя и смутно, но уже устремилось къ оцѣнкѣ дѣйствительности. И моментъ не могъ быть выбранъ болѣе удачно, чтобы сказать обществу, что никакого другого дѣла у него не можетъ и не должно быть, какъ только думать о своихъ дѣлахъ. Еще внушительнѣе и необходимѣе было это указаніе для художниковъ слова, раньше не знавшихъ, о чемъ имъ слѣдуетъ говорить; «говорите о жизни, и только о жизни,—возвѣстилъ имъ одинъ изъ лучшихъ представителей своего времени, — отражайте дѣйствительность, а если люди не живутъ по человѣчески, учите ихъ жить, рисуйте имъ картины жизни хорошихъ людей и благоустроенныхъ обществъ». Но эта задача была не легкая и, во всякомъ случаѣ, очень многосложная.

Россія того времени походила на ту девяностолѣтнюю бабу, которая во всю свою жизнь ни разу не выходила изъ своей деревни. Арсеналъ нашихъ знаній, особенно общественныхъ, былъ очень скуденъ. Было извѣстно, что на свѣтѣ существуетъ Франція, король которой, Людовикъ XIV, говорилъ: «государство—это я», и за это былъ названъ великимъ; знали, что въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи солдаты очень хорошо маршируютъ; наконецъ краеугольное знаніе заключалось въ томъ, что Россія—страна самая большая, богатая и сильная, что она служитъ «житницей» Европы, и если захочетъ, то можетъ оставить Европу безъ хлѣба, а въ крайности, если вынудятъ, то и покорить всѣ народы. Хотя послѣ Севастополя увѣренность въ непогрѣшимости нѣкоторыхъ изъ этихъ истинъ и поколебалась, но новыхъ на смѣну ихъ въ наличности не было, и ихъ во всякомъ случаѣ приходилось частью создать, частью найти. Однимъ словомъ, работу приходилось начинать съ самаго начала, а гдѣ было это начало, и какъ мало было у общества познаній, — приведу слѣдующій фактъ, который можетъ показаться даже невѣроятнымъ. Въ 1863 г. мнѣ довольно часто приходилось бесѣдовать съ офицерами, моими судьями. Обыкновенно бесѣды эти происходили въ ожиданіи пріѣзда презуса военнаго суда. Въ одну изъ подобныхъ бесѣдъ разговоръ коснулся Стеньки Разина, и одинъ изъ членовъ суда (морякъ, капитанъ-лейтенантъ) выразилъ большое изумленіе, услыхавъ о подвигахъ Разина. (Это было, конечно, тѣмъ изумительнѣе, что монографія Н. Костомарова была уже въ продажѣ). Тѣмъ не менѣе капитанъ-лейтенантъ слышалъ имя Стеньки Разина въ первый разъ. (Послѣ этой бесѣды я принялся за популярную статью изъ русской исторіи:

«*Россія до Петра Великаго*»). Или такой случай. При арестѣ у меня была взята рукопись, начало перевода первыхъ главъ XII тома «*Всемірной исторіи*» Шлоссера, гдѣ между прочимъ была глава о «крестьянскихъ войнахъ». Эта глава дала поводъ къ вопросамъ, на которые я объяснилъ, что о «крестьянскихъ войнахъ» пишетъ Шлоссеръ, а я только перевожу XII томъ его «*Всемірной исторіи*», едва ли имѣющей отношеніе къ моему дѣлу. И все это понятно. Я учился около того же времени, какъ и капитанъ-лейтенантъ, и другіе члены военнаго суда, а если и не совсѣмъ въ то время, то во всякомъ случаѣ при томъ же воспитательномъ режимѣ. И у насъ не включался въ курсъ русской исторіи Стенька Разинъ, не былъ извѣстенъ и Пугачевъ, а еще меньше сообщалось о какихъ либо народныхъ волненіяхъ. Исторія, которой насъ учили, была исторія благополучія и прославленія русской мудрости, величія, мужества и доблестей. Оканчивалась она царствованіемъ императрицы Екатерины II, и все послѣдующее время представлялось намъ въ видѣ туманнаго пятна съ большимъ вопросительнымъ знакомъ.

Первыя статьи «*Современника*», до возникновенія крестьянскаго вопроса, были чисто популярныя и отвѣчали потребности въ ближайшихъ общихъ знаніяхъ. То былъ рядъ статей о гоголевскомъ періодѣ русской литературы и затѣмъ рядъ статей по Шлоссеру изъ его «*Исторіи VIII столѣтія*». Завѣса, закрывавшая до сихъ поръ отъ публики политическія и историческія отношенія Европы, была приподнята. Картина европейскихъ порядковъ оказывалась поразительною: съ одной стороны—безпутство, развратъ и мотовство правителей и придворныхъ, съ другой—бѣдствіе и нищета разоренныхъ дурнымъ управленіемъ народовъ представляли рѣзкій контрастъ и вызывали поучительныя сравненія. Публика читала и думала. И въ это, и въ послѣдующее время козломъ отпущенія служила обыкновенно Австрія. Несмотря на «свободу», которою теперь пахнуло и на цензуру, оказывалось всетаки невозможнымъ обходиться безъ иносказательности, и Австрія, явившаяся на выручку писателей, учила и читателей проницательности и умѣнью понимать иносказанія. Постепенно, шагъ за шагомъ (мысль, впрочемъ, шагала тогда большими шагами), само собою, по инерціи, общество начинало думать политически и понимать, какую роль въ исторіи народовъ играютъ государственныя учрежденія, т. е. порядки, устроенные умами и руками людей. Начавшіяся реформы послужили лишь практическимъ подтвержденіемъ того, что сначала понималось лишь теоретически. Крѣпостное право было учрежденіемъ, уничтоженіе его было опять новымъ учрежденіемъ; всѣ перемѣны, какія были предприняты тогда и въ крупныхъ, и въ мелкихъ общественныхъ отношеніяхъ, были лишь измѣненіями учрежденій. Всѣ эти перемѣны только отвѣчали требованіямъ жизни, выразителемъ которыхъ являлся «*Современникъ*», занявшій передовое мѣсто, какъ органъ и представитель политическаго и соціально-экономическаго мышленія. «Прекрасное есть жизнь; прекрасно то, что создаетъ счастье и довольство»—стало теперь основною формулой, изъ которой исходило все общественное мышленіе и къ чему стремились всѣ желанія. Но прекрасное видѣлось не въ одномъ томъ, что дѣлалось, но и въ томъ, что должно было дѣлаться. И такое требованіе не было ни увлеченіемъ, ни мечтой, а простымъ логическимъ движеніемъ мысли, ставшей на пути перемѣнъ; это было просто лозунгомъ всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ неизбѣжность и логичную необходимость всеобщаго обновленія русскихъ условій общественнаго существованія на началахъ справедливости. Не юноши только рвались впередъ (эти всегда рвутся), мнѣ случалось видѣть семидесятилѣтнихъ стариковъ, для которыхъ «*Современникъ*» былъ «учебникомъ жизни» и руководителемъ для правильнаго пониманія разрѣшавшихся тогда вопросовъ. Особенную услугу оказалъ «*Современникъ*» общественному сознанію своей полемикой съ «*Экономическимъ Указателемъ*», находившимъ для крестьянъ болѣе выгоднымъ быть освобожденными безъ земли. «*Современникъ*» стоялъ за освобожденіе съ землей, за общину, за круговую поруку. «*Современникъ*» же познакомилъ русское общество съ изслѣдованіемъ Гакстгаузена. Наконецъ, «*Современникъ*» далъ переводъ Стюарта Милля, съ тѣми поправками и дополненіями, которыя были необходимы для лучшаго уясненія мыслей Милля или для ихъ поправки. Для сохраненія историческаго безпристрастія прибавлю, что читался и «*Русскій Вѣстникъ*» (въ началѣ). М. Н. Катковъ былъ тогда англоманъ и поучалъ англійской конституціи, хотя обнаруживалъ уже направленіе, стяжавшее ему впослѣдствіи извѣстность не особенно передового борца за общественные интересы. «Полемическія красоты» несомнѣнно помогли публикѣ понять вѣрнѣе задачи, которыя преслѣдовалъ органъ Каткова. И Европа точно вторила нашему общему стремленію къ перемѣнамъ, точно хотѣла поддержать въ насъ энергію преобразованій, точно желала предостеречь отъ вліянія доморощенныхъ консерваторовъ, понимающихъ подъ консерватизмомъ возвращеніе къ крѣпостнымъ порядкамъ. Консервативный (конечно, на англійскій, а не на русскій ладъ) «Times» находилъ, что Россіи совсѣмъ не приходится ссылаться на англійскій консерватизмъ. «Мы консерваторы потому, что довольны своими порядками, а чѣмъ же быть довольною Россіи? Для нея выходъ—только въ перемѣнахъ», писалъ «Times». И путь перемѣнъ, на который мы вступили, привлекъ къ намъ симпатіи Европы. Европа радовалась, что въ реформенной Россіи она найдетъ прогрессивнаго союзника, и Россія перестанетъ изображать въ европейскомъ концертѣ консервативный устой и служить поддержкой европейскихъ правительствъ противъ ихъ же собственныхъ недовольныхъ подданныхъ. Европа еще помнила и итальянскій походъ императора Павла, и вѣнскій конгрессъ, и священный союзъ, и венгерскую кампанію.

Еще шире и общественнѣе сталъ захватъ «*Со-*

временника», когда толкователемъ новой эстетической теоріи въ примѣненіи къ литературной критикѣ явился такой высокоодаренный и полный страстной любви къ людямъ человѣкъ, какъ Добролюбовъ. Пускай читатель прочтетъ внимательно его «*Темное Царство*», чтобы оцѣнить, къ какимъ широкимъ выводамъ привела вновь установленная точка зрѣнія на задачи и цѣли литературы и искусства. Справедливо было замѣчено, что Островскаго создалъ Добролюбовъ. Но не Островскаго онъ создалъ, онъ создалъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ Островскій. Безсознательное творчество Островскаго дало ему поводъ показать и освѣтить ту страшную пучину грязи, въ которой ходили, пачкались и гибли цѣлые ряды поколѣній, систематически воспитанныхъ въ собственномъ обезличеніи. «*Темное Царство*» Добролюбова было не критикой, не протестомъ противъ отношеній, дѣлающихъ невозможнымъ никакое правильное общежитіе,—это было цѣлымъ поворотомъ общественнаго сознанія на новый путь понятій. Я не преувеличу, если скажу, что это было эпохой перелома всѣхъ домашнихъ отношеній, новымъ кодексомъ для воспитанія свободныхъ людей въ свободной семьѣ. Добролюбовъ былъ именно глашатаемъ этого перелома въ отношеніяхъ, неотразимымъ, страстнымъ проповѣдникомъ нравственнаго достоинства и тѣхъ облагораживающихъ условій жизни, идеаломъ которыхъ служитъ свободный человѣкъ въ свободномъ государствѣ. Добролюбовъ пользовался всѣми разнообразными средствами своего замѣчательнаго яснаго ума и многосторонняго таланта, чтобы очистить многовѣковый мусоръ нравственныхъ понятій, накопившійся вѣками. Чтобы раскидать всю эту кучу непреложныхъ истинъ сильвестровскаго Домостроя, требовался могучій работникъ, и такимъ могучимъ работникомъ и былъ именно Добролюбовъ. Замѣчательно, какую громадную умственную работу свершили эти два человѣка (Ч. и Добролюбовъ), каждый въ своей области, и какъ, пополняя одинъ другого, они составляли одно законченное цѣлое. Все они знали, все они понимали, все они могли разрѣшить. Едва ли въ какую либо будущую эпоху умственнаго пробужденія Россіи будетъ возможно что нибудь подобное этому медовому мѣсяцу нашего общественнаго мышленія, этому громадному напору накопившейся силы и той энергіи, съ какою эта сила стремилась разрушить косность и расчистить ниву для ростковъ новой жизни.

Добролюбовъ поражалъ своей сосредоточенной замкнутой силой, объективнымъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ обыкновенно держалъ себя при людяхъ, ему мало знакомыхъ. Къ нему было вполнѣ примѣнимо замѣчаніе Гейне о неподвижномъ взглядѣ боговъ. У Добролюбова былъ именно этотъ взглядъ боговъ, неподвижно устремленный какъ бы въ безпредметную точку. Но за этимъ спокойнымъ, неподвижнымъ взглядомъ скрывалась затаенно-страстная, сильная и цѣльная натура, а внѣшняя спокойная безстрастность и служила именно признакомъ громадной внутренней силы. Добролюбовъ жилъ въ лучшую пору стремленій и надеждъ русскаго общества въ наступающее свѣтлое будущее. И онъ вѣрилъ, и онъ надѣялся, и съ этой вѣрой и надеждой онъ умеръ. Я былъ у него за три-четыре дня до его смерти, когда онъ лежалъ у Некрасова. Это былъ разгаръ дѣла Михайлова, общественнаго возбужденія, вызваннаго судомъ надъ нимъ и студенческими исторіями. Я торопливо передавалъ Добролюбову нѣкоторыя подробности этихъ дѣлъ, и онъ, приподнявшись на диванѣ, на которомъ лежалъ, смотрѣлъ на меня, но ужъ не неподвижнымъ взглядомъ боговъ; его прекрасные, умные глаза горѣли, и въ нихъ свѣтилась надежда и вѣра въ то лучшее будущее, на служеніе которому онъ отдалъ свои лучшіе годы и свои лучшія силы. 17-го ноября Добролюбова не стало.

Я уже говорилъ, что смертью Добролюбова и удаленіемъ Ч. съ литературнаго поприща закончился первый періодъ шестидесятыхъ годовъ. Это былъ самый яркій расцвѣтъ ихъ. Теперь, во второй періодъ шестидесятыхъ годовъ, тоже очень короткій, выдвигается «*Русское Слово*» съ Писаревымъ во главѣ. Любители опредѣленій называли «*Современникъ*» журналомъ молодого поколѣнія, а «*Русское Слово*»—журналомъ юнаго поколѣнія. Это опредѣленіе, конечно, ничего не объясняетъ. «*Современникъ*» былъ чисто-политическимъ и соціально-экономическимъ органомъ, и политическое направленіе извѣстнаго оттѣнка давало ему главный цвѣтъ. Отъ этого и читатели его были по преимуществу политическіе, искавшіе общихъ политическихъ и экономическихъ руководящихъ понятій. «*Русское Слово*» не было политическимъ органомъ. Употребляя для характеристики его не совсѣмъ точное, а главное—затасканное выраженіе, пришлось бы назвать его органомъ нигилистическимъ. Цвѣтъ ему давало крайнее отрицательное направленіе, во главѣ котораго выступили Писаревъ и Зайцевъ.

XVIII.

Я познакомился съ Писаревымъ зимой 1861 г. у Благосвѣтлова. Благосвѣтловъ былъ уже редакторомъ «Русскаго Слова» и жилъ въ домѣ Кушелева, въ отдѣльной небольшой квартирѣ (на дворѣ), гдѣ помѣщалась и редакція.

Разъ утромъ зашелъ я къ Благосвѣтлову. Въ первой комнатѣ у конторки стоялъ щеголевато одѣтый, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, почти юноша, съ открытымъ, яснымъ лицомъ, большимъ, хорошо очерченнымъ, умнымъ лбомъ и съ большими, умными красивыми глазами. Юноша держалъ себя нѣсколько прямо, точно его что-то поднимало, и во всей его фигурѣ чувствовалась боевая готовность. Это былъ Писаревъ. Благосвѣтловъ назвалъ насъ по фамиліи, мы пожали другъ другу руку и перекинулись какими-то незначительными фразами.

Въ ту же зиму я видѣлъ Писарева еще раза два на литературныхъ сборищахъ Кушелева. Писаревъ совершенно стушевывался въ многолюдной толпѣ,

вѣроятно, чувствуя себя начинающимъ. Тогда никто не предвидѣлъ будущаго значенія этого «начинающаго», и самъ начинающій, конечно, тоже ничего не предвидѣлъ.

Въ 1862 г. я оставилъ Петербургъ, и мои личныя отношенія къ Писареву на этомъ и остановились.

Прошло еще года три. Писаревъ, отсидѣвъ срокъ (четыре года), въ концѣ 1866 г. былъ выпущенъ на свободу. Я жилъ тогда въ Вологодской губерніи, и Писаревъ, черезъ мою жену, предложилъ «заботиться о моихъ умственныхъ интересахъ», т. е. попросту высылать мнѣ книги. Я поблагодарилъ его за вниманіе и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо:

«Николай Васильевичъ! Мнѣ было въ высшей степени пріятно получить ваше милое, дружеское письмо. Я часто думалъ о томъ, какъ бы намъ хорошо было жить въ одномъ городѣ, часто видаться, много говорить о тѣхъ вещахъ, которыя насъ обоихъ интересуютъ, и вообще по возможности помогать другъ другу въ размышленіяхъ и работахъ. Видѣлись мы съ вами, если я не ошибаюсь, счетомъ три раза, но я читалъ васъ постоянно года три или четыре при такой обстановкѣ, когда читается особенно хорошо, и когда книга составляетъ единственный доступный источникъ наслажденія. Поэтому я васъ хорошо знаю и давно люблю, какъ стараго друга и драгоцѣннаго собрата.

«Я предложилъ Л. П. служить вамъ по части выбора книгъ, но, право, не знаю, сумѣю ли я въ скоромъ времени быть вамъ полезнымъ. Скажу вамъ откровенно, Николай Васильевичъ, что я теперь самъ не свой, и что голова у меня преглупая. Я всетаки живой человѣкъ, и на меня нахлынули такія впечатлѣнія, которыхъ я былъ лишенъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, когда былъ вашимъ близкимъ сосѣдомъ. Вы видите, что въ письмѣ моемъ нѣтъ ничего дѣльнаго, и пишу я его къ вамъ собственно для того, чтобы показать вамъ, что я очень дорожу перепискою съ вами, что я васъ уважаю и люблю. Надѣюсь, что когда нибудь я поумнѣю снова и буду имѣть возможность быть вамъ полезнымъ».

Письмо это было писано Писаревымъ вскорѣ послѣ освобожденія и само говоритъ за себя. Четыре года заключенія были для Писарева временемъ самой производительной умственной дѣятельности, временемъ, когда онъ писалъ свои лучшія статьи, но зато и временемъ такого усиленно-возбужденнаго нервнаго состоянія, котораго бы не выдержалъ и чугунный организмъ. Сосредоточенная сила создала изумительные результаты, но зато и съѣла сама себя, какъ съѣдаетъ яркая лампада масло. За крайне возбужденнымъ состояніемъ послѣдовало такое же угнетеніе, и Писаревъ вышелъ на свободу уже не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ даже наканунѣ. Ему слѣдовало бы уѣхать куда нибудь, ну, хоть за границу года на два, чтобы окрѣпнуть и собраться съ силами; но этого не случилось, и эта замѣчательная сила погибла, не сказавъ послѣдняго слова.

Исторію заключенія Писарева я слышалъ въ такомъ видѣ. Приходитъ къ Писареву какой-то господинъ (кажется, студентъ) и проситъ написать прокламацію. Писаревъ отвѣчаетъ:—извольте,—и пишетъ. Затѣмъ у «господина» происходитъ обыскъ, находятъ прокламацію, спрашиваютъ объ ея происхожденіи; господинъ указываетъ на Писарева, и сенатъ приговариваетъ его къ четыремъ годамъ крѣпостного заключенія. Послѣдствія заключенія были, однако, для Писарева легче, чѣмъ для другихъ, потому что онъ остался въ Петербургѣ, тогда какъ обыкновенно за заключеніемъ слѣдовала высылка.

Мѣсяца черезъ два я получилъ отъ Писарева еще письмо, но такого неожиданнаго содержанія, что совсѣмъ разстроился. Вотъ сюрпризъ, которымъ поразилъ меня Писаревъ:

«Николай Васильевичъ! Я передъ вами виноватъ безъ оправданія. Вызвавшись, въ разговорѣ съ Л. П., заботиться объ интересахъ нашей умственной жизни, я до сихъ поръ не только не указалъ вамъ ни одной книги и не сказалъ вамъ ни одного дѣльнаго слова, но и вообще не отвѣтилъ толкомъ ни на одно изъ вашихъ писемъ. Теперь я пишу къ вамъ, чтобы сообщить извѣстіе, которое, по всей вѣроятности, будетъ вамъ очень непріятно и, можетъ быть, значительно уронитъ меня въ вашихъ глазахъ. Я разошелся съ тѣмъ журналомъ, въ которомъ мы съ вами работали, и долженъ вамъ признаться, что разошелся не изъ принциповъ и даже не изъ-за денегъ, а просто изъ-за личныхъ неудовольствій съ Григоріемъ Евлампіевичемъ (Благосвѣтловымъ). Онъ поступилъ невѣжливо съ одною изъ моихъ родственницъ, отказался извиниться, когда я этого потребовалъ отъ него, и тутъ же замѣтилъ мнѣ, что если отношенія мои къ журналу могутъ поколебаться отъ каждой мелочи, то этими отношеніями нечего и дорожить. У меня уже заранѣе было рѣшено, что если Г. Е. не извинится, я покончу съ нимъ всякія отношенія. Когда я увидѣлъ изъ его словъ, что, онъ считаетъ себя за олицетвореніе журнала и смотритъ на своихъ главныхъ сотрудниковъ, какъ на наемныхъ работниковъ, которыхъ въ одну минуту можно замѣнить новымъ комплектомъ поденщиковъ, то я немедленно раскланялся съ нимъ, принявши мѣры къ обезпеченію того долга, который остался на мнѣ. Эта исторія произошла въ послѣднихъ числахъ мая. Такъ какъ я не имѣю возможности содержать въ Петербургѣ цѣлое семейство, то моя мать и младшая сестра въ началѣ іюня уѣхали въ деревню, а я остался, ищу себѣ переводной работы и веду студенческую жизнь. Теперешній адресъ мой: на Малой Таврической, д. № 23, кв. 2. Вы, можетъ быть, скажете, Николай Васильевичъ, что изъ любви къ идеѣ мнѣ слѣдовало бы уступить и уклониться отъ разрыва. Можетъ быть, это дѣйствительно было бы болѣе достойно серьезнаго общественнаго дѣятеля. Но признаюсь вамъ, что я на это неспособенъ. Я рѣшительно не могу, да и не хочу, сдѣлаться настолько рабомъ какой бы то ни было идеи, чтобы отказаться для нея отъ своихъ личныхъ интересовъ, желаній и страстей. Я глу-

бокій эгоистъ не только по убѣжденію, но и по природѣ. До свиданья.

«Глубокоуважающій васъ

«*Д. Писаревъ*».

1867. 15 іюня.

Послѣ этого письма у меня также сжалось сердце, какъ еслибы мнѣ написали, что «Дѣло» закрывается. Журналъ только что начинался (исторію «Дѣла» я разскажу въ слѣдующей статьѣ), начинался съ вѣрой и надеждой, что въ немъ опять соединятся прежнія силы, опять окажется болѣе или менѣе возможно продолжить на время прерванное журнальное дѣло, опять явится органъ, безусловно необходимый для умственныхъ интересовъ общества и въ интересахъ его общественнаго сознанія; сколько было положено труда и энергіи, чтобы обойти разныя мели и подводные камни, которыхъ такую массу встрѣтило возникавшее «Дѣло»,—и вотъ, когда журналъ былъ готовъ занять свое мѣсто, лучшая сила оставляетъ его. Я чувствовалъ, что что-то порывается, что изъ журнала улетаетъ его душа, что открывается пустота, которой никому изъ насъ, остальныхъ сотрудниковъ «Дѣла», не наполнить. Не зная подробностей размолвки и характера Благосвѣтлова, я считалъ примиреніе не труднымъ и думалъ, что Благосвѣтловъ не затруднится сдѣлать первый шагъ. Въ этомъ смыслѣ я сейчасъ написалъ Благосвѣтлову и получилъ отъ него такой отвѣтъ:

«Вы пишите мнѣ, чтобы я подалъ Писареву первый руку примиренія; я охотно и даже съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это, но я пересталъ его уважать. А какъ скоро я перестаю кого нибудь уважать,—пусть горятъ хоть два Рима: спасать я ихъ не буду.. Я не знаю, въ какомъ видѣ передана вамъ наша размолвка... Дѣло было такъ: я поставилъ въ объявленіи между извѣстными вамъ лицами имя М.-В., — поставилъ на томъ основаніи, что она участвовала въ «Русскомъ Словѣ» и изъявила желаніе участвовать въ «Дѣлѣ». Кажется, въ этомъ вины еще нѣтъ особенной. На это воспослѣдовалъ вопросъ со стороны этой г-жи, какимъ образомъ редакція смѣетъ распоряжаться ея именемъ? Отвѣтилъ я, что вѣдь сама же она упрашивала редакцію дать ей работу въ «Дѣлѣ», прибавивъ при этомъ, что «Дѣло» опредѣляется только тремя именами. Затѣмъ явился Писаревъ и потребовалъ отъ меня, чтобы я ѣхалъ къ М.-В. извиниться, или онъ оставитъ журналъ. Такія отношенія къ органу, успѣхомъ котораго больше всѣхъ слѣдовало бы дорожить именно Писареву, такой взглядъ на свою общественную дѣятельность мнѣ показался до такой степени мелкимъ, что... пошлякъ я былъ бы въ своихъ собственныхъ глазахъ, еслибы позволилъ себѣ хоть одинъ шагъ сдѣлать впередъ ради такихъ отношеній... Вы, кажется, считаете меня очень запальчивымъ? Нѣтъ, Николай Васильевичъ, никто такъ не дорожитъ хорошими человѣческими отношеніями, какъ я, и мнѣ очень больно порывать ихъ такъ рѣзко и глупо; но что же дѣлать въ болотѣ, гдѣ все гніетъ и ползетъ врозь?..»

Мнѣ стало больно, что я привелъ эти письма, точно я оскорбилъ память Писарева, этого изумительно хорошаго и правдиваго человѣка, память о которомъ для всѣхъ, кто его зналъ и читалъ, была также свѣтла и ясна, какъ была ясна и свѣтла его дѣйствительно чистая душа. Но эпизода этого нельзя же было вычеркнуть, когда приходилось говорить, почему Писаревъ, создавшій «Русское Слово» и затѣмъ (когда оно было закрыто) вступившій въ «Дѣло», перешелъ потомъ въ «Отечественныя Записки». Конечно, историкъ литературы сказалъ бы, что Писаревъ оставилъ «Дѣло» вслѣдствіе размолвки съ его редакторомъ. Но я еще не историкъ, да и читателю нужна не исторія, а живая жизнь, какой она была.

Въ этой размолвкѣ и въ обстоятельствахъ, ее вызвавшихъ, не приходится искать ни правыхъ, ни виновныхъ; тутъ просто сложились роковымъ образомъ различныя случайности, и умный, блестящеумный Писаревъ, умъ котораго, по выраженію того же Благосвѣтлова, «былъ свѣтелъ и ясенъ, какъ кристаллъ», не выдержалъ ни невозможнаго для человѣческихъ силъ напряженія въ послѣдніе четыре года, ни нахлынувшихъ на него новыхъ, живыхъ впечатлѣній. Писаревъ отлично это чувствовалъ и понималъ. «Я всетаки — живой человѣкъ», писалъ онъ. И живой человѣкъ не устоялъ. Надорванныя силы совсѣмъ порвались, и ровно черезъ годъ Петербургъ провожалъ трупъ Писарева на Волково кладбище.

Оставивъ «Дѣло», Писаревъ очутился безъ мѣста въ природѣ. Всякій заурядный писатель нашелъ бы себѣ мѣсто въ какомъ нибудь изъ второстепенныхъ журналовъ, но Писареву нужно было занимать или первое мѣсто, или никакого; первое же мѣсто было возможно для него лишь въ «Дѣлѣ», единственномъ, по направленію, журналѣ, въ которомъ Писаревъ могъ бы найти себѣ полный просторъ. Отказываясь же отъ «Дѣла», приходилось отказываться отъ журналистики, и какъ разъ въ такое время, когда она походила на утлый челнъ, получившій пробоину. «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты окончательно; остались только такіе журналы, какъ «Отечественныя Записки», «Литературная Библіотека», «Библіотека для чтенія», «Женскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ», въ которыхъ для писателей «Современника» и «Русскаго Слова» мѣста быть не могло. «Дѣло», едва возникшее на развалинахъ «Русскаго Слова», не могло одно спасти утлаго челна, готоваго, казалось, совсѣмъ погибнуть. Но нужно сказать къ чести «Дѣла», что оно очень энергично боролось за собственное существованіе и подавало признаки сильной живучести. Мѣсто «Современника» пока еще не было занято, но и въ его сотрудникахъ сказывалась живая струйка, и, во всякомъ случаѣ, люди вѣрили, надѣялись и, пожалуй, и знали, что пробоина въ утломъ челнѣ будетъ задѣлана, и челнъ не утонетъ.

Вотъ къ этому-то времени, когда и вѣрилось, и боялось, Писаревъ, въ ноябрѣ 1867 г., писалъ мнѣ:

«Николай Васильевичъ! Я все лѣто собирался написать къ вамъ, а осенью уже пересталъ соби-

раться и подумалъ, что, должно быть, не напишу никогда. Вчера я получилъ ваше письмо и сегодня отвѣчаю на него. Вы желаете знать подробности о положеніи нашей журналистики. Я самъ стою теперь въ сторонѣ отъ нея. Съ «Дѣломъ» я разошелся въ концѣ мая вслѣдствіе личныхъ неудовольствій и съ тѣхъ поръ не сходился съ нимъ. Получая книжки «Дѣла» и видя мое имя въ каждой изъ нихъ, вы могли думать, что мы помирились. Но этого нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. Въ «Дѣлѣ» печаталась и печатается до сихъ поръ моя большая историческая работа, которая была отдана туда задолго до нашего разрыва, и которую я не считалъ себя вправѣ брать назадъ, тѣмъ болѣе, что начало ея было уже отпечатано. Я не участвую ни въ «Дѣлѣ», ни въ какомъ бы то ни было другомъ журналѣ. Что же у насъ теперь, кромѣ «Дѣла», есть въ журналистикѣ? «Отечественныя Записки»— извѣстный вамъ разлагающійся трупъ, въ которомъ скоро и червямъ нечего будетъ ѣсть. «Всемірный Трудъ», въ которомъ роль перваго критика играетъ Николай Соловьевъ; «Литературная Библіотека» или, вѣрнѣе, собраніе литературныхъ инсинуацій и абсурдовъ; «Женскій Вѣстникъ», котораго издательница ведетъ постоянно до сорока процессовъ въ мировыхъ судахъ по поводу отжиливанья денегъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня,—
Нѣтъ, не дряхлому востоку
Покорить меня!

«И, конечно, не этимъ журналамъ заманить меня. Есть дѣйствительно слухи о томъ, что затѣвается новый журналъ, въ которомъ будутъ участвовать нѣкоторые изъ прежнихъ сотрудниковъ «Современника». Но эти слухи много разъ проносились и оказывались ложными или, по крайней мѣрѣ, преждевременными. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ я не получилъ никакого приглашенія участвовать въ этомъ ожидаемомъ журналѣ. И, вѣроятно, я его не получу. Партія «Современника» меня не любитъ и нѣсколько разъ доказывала печатно, что я очень глупъ. Искренно ли было это мнѣніе—не знаю, но во всякомъ случаѣ сомнѣваюсь, чтобы Антоновичъ и Жуковскій захотѣли работать со мною въ одномъ журналѣ...»

Въ то время, какъ Писаревъ писалъ мнѣ это письмо, Некрасовъ уже кончилъ переговоры съ А. А. Краевскимъ и съ 1868 г. «Отечественныя Записки» стали выходить подъ редакціей Некрасова при новомъ составѣ сотрудниковъ. Въ число ихъ вступилъ и Писаревъ. Нужно думать, что онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ въ февралѣ 1868 г. онъ мнѣ писалъ, что работаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», поступившихъ подъ редакцію Некрасова. «Это журналъ— безцензурный,—писалъ Писаревъ,—и я пользуюсь въ немъ тою степенью свободы, которая совмѣстна съ интересами цѣлаго, то есть именно тою степенью свободы, которою я самъ желаю пользоваться.

«Если вы будете имѣть въ рукахъ «От. Зап.» и читать въ этомъ журналѣ мои работы и статьи другихъ сотрудниковъ, то по прошествіи года вы болѣе, чѣмъ теперь, будете въ состояніи рѣшить, насколько я былъ правъ или неправъ, принявъ участіе въ этомъ журналѣ».

Но рѣшить мнѣ этого не пришлось. 10-го іюля Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: «Печальная новость! Писаревъ утонулъ, т. е. утопился, въ душевно-разстроенномъ состояніи. Великая потеря, еслибы Писаревъ сдѣлался прежнимъ Писаревымъ; но если нѣтъ,—то слава Богу. Онъ умеръ уже давно какъ умственный дѣятель, т. е. умеръ въ концѣ прошлаго года. Я знаю, что эта скверная новость непріятно отзовется въ вашемъ сердцѣ, какъ она отозвалось въ моемъ. Но будемъ вѣрить, что люди умираютъ, а идеи, честныя и хорошія идеи—живутъ. Ужасно жалко Писарева...» Эта скверная новость дѣйствительно отозвалась на мнѣ тяжело; положеніе журналистики было трудное, очень трудное, ряды нашихъ сотрудниковъ рѣдѣли: одни отдѣлялись по робости, другіе куда-то исчезли, а тутъ и смерть начала косить свою жатву, когда и безъ того людей было мало.

Дѣйствительно ли Писаревъ «утопился въ душевно-разстроенномъ состояніи», или это была только догадка Благосвѣтлова,—я не знаю. Я знаю только, что Писаревъ уѣхалъ на лѣто на морскія купанья въ Дуббельнъ и въ одно изъ купаній былъ вынутъ изъ воды мертвымъ.

30-го іюля Благосвѣтловъ мнѣ писалъ: «Сегодня похоронили Писарева. Свинцовый гробъ его (около 40 пудовъ) несли до самой могилы, верстъ пять, молодые люди, и даже молодыя дамы помогали. Человѣкъ двѣсти шло за гробомъ, и я радовался, что кружокъ умныхъ и честныхъ людей понемножку растетъ. При похоронахъ Добролюбова, несмотря на то, что они были въ ноябрѣ, т. е. при полномъ сборѣ, людей, понимающихъ его, я видѣлъ не болѣе 50 человѣкъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною надъ могилой Писарева, двѣ дамы, заливаясь слезами, бросились на его могилу и стали цѣловать ее. Я дальше не могъ говорить и самъ заплакалъ».

Писарева схоронили на Волковомъ кладбищѣ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ лежатъ Добролюбовъ и Бѣлинскій. Тутъ же, на могилѣ, во время похоронъ была открыта подписка, но не на памятникъ, а для стипендіи имени Писарева. «И безъ памятника не потеряется его могила,—писалъ Благосвѣтловъ,—а это все, что и нужно. Собрано было на могилѣ рублей 700, и авось цифра достигнетъ того итога, какой нуженъ хоть для уплаты двухъ матрикулъ двумъ бѣднымъ студентамъ».

Какая удивительная судьба! Въ 1860—61 гг. (будучи 20-ти лѣтъ) Писаревъ, едва вступившій въ журналистику, сразу обращаетъ на себя вниманіе, слѣдующіе затѣмъ четыре года онъ проводитъ въ заключеніи и создаетъ себѣ громкую извѣстность и широкое вліяніе; обезсиленный излишне напряженной нервной жизнью, Писаревъ выходитъ на свободу съ надорванными силами, а черезъ полтора года друзья и почитатели его уже плачутъ надъ его могилой. Едва ли есть другой примѣръ такъ быстро и

такъ ярко сгорѣвшей жизни, лишенной всего того, что люди обыкновенно зовутъ счастьемъ. У Писарева не было личной жизни и въ обыденномъ, и въ необыденномъ смыслѣ; сначала онъ къ чему-то готовился, потомъ напряженно думалъ, потомъ, охваченный нахлынувшими впечатлѣніями, которыхъ онъ былъ лишенъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, потерялъ равновѣсіе и внезапно умеръ. И это чувство жизни, оставшееся неудовлетвореннымъ и постоянно напоминавшее о себѣ, служитъ разгадкою характера Писарева и характера его думъ и размышленій. Онъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ считалъ себя глубокимъ эгоистомъ и по убѣжденію, и по природѣ. Какъ же поступалъ этотъ глубокій эгоистъ и на что онъ потратилъ свою жизнь? Всю эту жизнь, всѣ свои силы Писаревъ истратилъ, «проповѣдуя, несмотря ни на что и въ безвыходномъ уединеніи, свою честную идею, къ которой онъ шелъ прямо, не оглядываясь ни назадъ, ни впередъ, къ своей цѣли», какъ сказалъ на могилѣ его Благосвѣтловъ. На могилѣ другого такого же эгоиста, Добролюбова, Некрасовъ сказалъ: «Бѣдное дѣтство въ домѣ бѣднаго сельскаго священника; бѣдное, полуголодное ученье; потомъ—четыре года лихорадочнаго, неутомимаго труда, и наконецъ годъ за границей, проведенный въ предчувствіяхъ смерти,—вотъ и вся біографія Добролюбова». А Ч. надъ тою же могилою и тогда же сказалъ: «Добролюбовъ умеръ оттого, что былъ честенъ». Біографія Писарева не длиннѣе біографіи Добролюбова, и Писаревъ умеръ оттого же, что былъ честенъ. Когда опускали гробъ Добролюбова въ могилу рядомъ съ Бѣлинскимъ, Ч. указалъ на третье свободное мѣсто и сказалъ: «но нѣтъ для него человѣка въ Россіи». Это третье свободное мѣсто подлѣ Бѣлинскаго и Добролюбова Писаревъ не занялъ: его похоронили противъ Добролюбова, черезъ дорожку.

XIX.

О «Современникѣ» сложилось уже давно очень точное и опредѣленное мнѣніе; о «Русскомъ Словѣ» же и тогда, когда оно выходило, и послѣ, когда о немъ заходила въ печати рѣчь, рѣдко высказывалось что нибудь ясное и вполнѣ его характеризующее. Было извѣстно лишь, что «Русское Слово» есть журналъ подростающаго поколѣнія, въ отличіе отъ «Современника», который считался журналомъ поколѣнія молодого. Читатели «Современника» смотрѣли на «Русское Слово» съ оттѣнкомъ нѣкотораго высокомѣрія, какъ на журналъ начинающихъ писателей для начинающихъ читателей. Между теперешними зрѣлыми людьми вы найдете многихъ, считающихъ себя умственно обязанными во всемъ «Современнику», и у которыхъ для «Русскаго Слова» не сохранилось никакихъ благодарныхъ воспоминаній. Но нужно думать, что и у «Русскаго Слова» были свои ученики, сохранившіе о немъ благодарную память. Когда, года три тому назадъ, умеръ Зайцевъ, я получилъ изъ провинціи письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ корреспондента, исполненное такого трогательнаго уваженія и такихъ почтительныхъ чувствъ въ умершему, которыя могли явиться лишь къ человѣку, сумѣвшему внушить ихъ плодотворнымъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ. Къ сожалѣнію, письма этого у меня нѣтъ. Я отослалъ его къ сестрѣ Варѳоломея Александровича Зайцева, въ семействѣ которой все, что касается памяти его, чтится, уважается и хранится, какъ святыня. Неизвѣстный корреспондентъ настаивалъ, чтобы были изданы сочиненія Зайцева и написана его біографія. Сочиненія его едва ли бы оказалось возможнымъ издать, даже и помимо внѣшнихъ препятствій; что же касается его біографіи, несомнѣнно имѣвшей бы большой и поучительный интересъ, какъ изображеніе необыкновенно честнаго, правдиваго и послѣдовательнаго характера, то и ее, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось достать. Я очень убѣдительно просилъ одного извѣстнаго писателя, хорошо знавшаго Зайцева, дать для «Дѣла» его біографію, но получилъ отвѣтъ болѣе похожій на молчаніе.

Въ ходячей характеристикѣ «Современника» и «Русскаго Слова», вѣроятно, была и правда, вѣроятно, было для нея и основаніе; тѣмъ не менѣе оцѣнка эта не давала объ этихъ журналахъ ни точнаго понятія, ни устанавливала осязательной между ними разницы.

Теперь, когда прошла цѣлая четверть вѣка, что эти журналы уступили свое мѣсто другимъ журналамъ, когда успѣло народиться уже новое поколѣніе, когда нравы, понятія и сама жизнь измѣнились настолько, что даже не вѣрится, что у насъ были сороковые и шестидесятые года,—дѣлать характеристику «Современника» и «Русскаго Слова», какъ журналовъ, было бы ужъ, конечно, и скучно для того, кто взялся бы за эту работу, и еще скучнѣе для того, кому пришлось бы ее читать. Если каждый писатель не переживаетъ своего поколѣнія, то также не переживаетъ его и журналъ, въ которомъ работалъ этотъ самый писатель. Живымъ людямъ нужно живое, нужно то, чѣмъ они живутъ въ свое время, что близко имъ, что заставляетъ ихъ думать и волноваться, и чувствовать и размышлять. Поэтому, говоря о «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ», я вовсе не думаю безпокоить тѣни этихъ сослужившихъ свою общественную службу публицистскихъ органовъ; я буду дѣлать собственно характеристику того времени, его теченій, его направленій, его стремленій, симпатій и умственнаго темперамента.

«Современникъ» дѣйствительно былъ журналъ болѣе серьезный и разрѣшавшій иные вопросы, чѣмъ «Русское Слово». Можетъ быть, это зависѣло отъ состава его сотрудниковъ, но, пожалуй, еще больше и отъ времени, въ которое онъ издавался. «Современникъ» началъ занимать свое руководящее положеніе въ 1855 г., когда «Русскаго Слова» еще не существовало. Когда же «Русское Слово» начало пріобрѣтать значеніе, т. е. когда въ 60—61 годахъ въ немъ явились Писаревъ и Зайцевъ, Добролюбовъ уже умеръ, освобожденіе крестьянъ свершилось, а вскорѣ выбылъ изъ «Современника» и Ч. Такимъ образомъ, «Современникъ» и «Русское

Слово» прежде всего принадлежатъ разному времени.

Пока не начались реформы, «Современникъ» отдалъ свои силы популяризаціи общихъ историческихъ понятій и первоначальныхъ общихъ идей изъ области литературы. Въ это первое время, когда въ жизни пахнуло чѣмъ-то освѣжающимъ и свободнымъ,—и читатели, и писатели только готовились еще для того будущаго, которое ихъ ждало и было впереди. Это будущее наступало вмѣстѣ съ первыми идеями реформъ, и задачами реформъ опредѣлились и задачи журналистики. Статьи «Современника», съ которыми онъ выступилъ на разрѣшеніе выдвинувшихся вопросовъ, составляли дѣйствительно настолько замѣчательное и самостоятельное явленіе, что даже европейская экономическая литература, считавшая за собою никакъ не менѣе ста лѣтъ, не имѣла у себя ничего подобнаго. Я перечислю только нѣкоторыя изъ статей Ч., посвященныхъ крестьянскому вопросу. Статья по поводу «Русской Бесѣды» объ общинномъ владѣніи; статья по поводу книги Гакстгаузена; «О поземельной собственности», «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія», «Экономическая дѣятельность и законодательство», «Суевѣріе и правила логики», «Труденъ ли выкупъ земли», «О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадьбы», наконецъ переводъ политической экономіи Стюарта Милля и примѣчанія къ нему. Затѣмъ въ области беллетристики, представителями которой явились теперь Тургеневъ и Островскій съ навѣянными на нихъ временемъ вопросами, содержаніе произведеній зависѣло вполнѣ отъ общаго умственнаго движенія. Новое содержаніе беллетристики, въ связи съ измѣненіями внутреннихъ и общихъ условій, опредѣлило и характеръ критики Добролюбова. Это былъ плотный клубокъ, въ которомъ все было тѣсно связано одно съ другимъ и зависѣло одно отъ другого. Тутъ ничего нельзя было ни выпустить, ни прибавить, до того все общественное мышленіе, какія бы оно ни принимало формы, было цѣльно и послѣдовательно логично.

И «Русское Слово» создалось тою же логичностью общественнаго мышленія. Оно явилось уже въ такое время, когда острый моментъ всѣхъ вопросовъ миновалъ. Освобожденіе крестьянъ (худо или хорошо) теперь уже совершилось, а остальныя реформы, послѣдовавшія за освобожденіемъ, конечно, не могли заполнить всей журналистики или составить ея исключительный интересъ. О судебной реформѣ, о земствѣ было достаточно двухъ-трехъ статей. Что же затѣмъ могло составить содержаніе ежедневной печати и журналистики, въ чемъ могли заключаться интересы общества, что ему было нужно, о чемъ оно думало или хотѣло думать? Внутренняя политика въ своихъ дальнѣйшихъ вопросахъ стояла внѣ компетенціи общества и журналистики и до обсужденія не допускалась. А между тѣмъ освобожденіе и новый судъ, а потомъ земскія учрежденія открывали очень широкій просторъ для новыхъ вопросовъ и идей, непосредственно съ ними связанныхъ и какъ бы на время заслоненныхъ такимъ грандіознымъ дѣломъ, какъ освобожденіе. Этимъ новымъ очереднымъ вопросомъ было выясненіе личности, ея положенія, ея развитія, ея общественнаго сознанія и вообще ея внутренняго значенія, содержанія и отношенія къ обществу и къ общему прогрессу. До сихъ поръ, думая о реформахъ и перемѣнахъ въ учрежденіяхъ, какъ бы забывалось, что ихъ на своихъ плечахъ должна вынести личность; говорили только о новыхъ мѣхахъ, до времени умалчивая о винѣ. Нельзя сказать, чтобы и о винѣ не было рѣчи. О немъ хорошо помнила консервативная печать, и «Русскій Вѣстникъ» усиленно доказывалъ, что прежде, чѣмъ шить новые мѣха, нужно приготовить новое вино, т. е. отложить реформы, пока подготовятся люди. Но если не приготовить раньше новыхъ мѣховъ, куда же влить новое вино? Кажется, прогрессивная печать была въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе.

Итакъ, личность, какъ личность, не составляла задачи «Современника», и задача эта досталась на долю той послѣдующей журналистики, для которой реформы и ближайшіе, связанные съ ними, вопросы являлись уже чѣмъ-то прошлымъ. Для этой части журналистики настоящее заключалось въ вопросѣ о личности, которой теперь, какъ кажется, и наступила очередь занять главное вниманіе общества. Любопытно, что Н. Г. Ч. въ это же время, когда Писаревъ выступилъ съ разрѣшеніемъ личныхъ вопросовъ въ «Русскомъ Словѣ», написалъ «Что дѣлать», романъ, спеціально посвященный вопросу о личномъ счастьѣ и лучшемъ личномъ устройствѣ жизни. Очевидно, что въ новомъ движеніи его мысли была логическая связь съ предыдущимъ движеніемъ.

Конечно, не Писаревъ и не Зайцевъ создали вопросъ о личности; еще за много до нихъ этотъ вопросъ нашелъ въ Г. даровитаго изслѣдователя и популяризатора, какъ въ томъ, что онъ писалъ въ Россіи, начиная съ «Кто виноватъ», такъ и въ томъ, что онъ писалъ за границей. Мнѣ случалось встрѣчать многихъ,—теперь уже сорока и сорокапятилѣтнихъ людей, которые именно изъ Г. усвоили себѣ теорію личности (и въ практическомъ ея приложеніи не сдѣлали чести своему учителю), а изъ Писарева, котораго они хотя и читали, не усвоили ничего. Случилось это потому, что между тѣмъ, что говорилъ Писаревъ, и тѣмъ, что говорилъ Г., была разница частью ихъ содержанія, а еще болѣе въ объемѣ и характерѣ ихъ умственнаго захвата. Какъ сказали бы въ то время—Г. былъ эстетикъ, Писаревъ—реалистъ (нигилистъ). Поэтому Г. былъ менѣе радикаленъ (хотя и считался революціонеромъ мысли) и оберегалъ извѣстныя традиціи, которыхъ какъ бы не признавалъ Писаревъ. Я говорю «какъ бы» потому, что и Писаревъ не рубилъ всѣхъ традицій и часто пугалъ и вводилъ въ недоразумѣніе лишь рѣзкостью своихъ приговоровъ.

«Русское Слово», взявшее на себя отвѣты на запросы личности, вовсе не являлось чѣмъ-то обособленнымъ. Оно было лишь другой стороной медали,

первую сторону которой представлялъ «Современникъ». Если «Современникъ» говорилъ преимущественно о новыхъ мѣхахъ, то «Русское Слово» говорило о новомъ винѣ, которое должно ихъ наполнить. Но какъ «Современникъ», разрѣшая экономическіе, общественные и политическіе вопросы, не обходилъ вопросовъ бытовыхъ и личныхъ, такъ и «Русское Слово», разрабатывая личные вопросы, не обходило и всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ «Современникъ» примыкалъ своими бытовыми и личными вопросами къ «Русскому Слову», а «Русское Слово» статьями политическаго, общественнаго и экономическаго содержанія примыкало къ «Современнику». Оба журнала, несмотря на то, что хронологически шли одинъ за другимъ, принадлежали къ одному періоду движенія общественной мысли и являлись первыми піонерами въ области тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ сообщало имъ спеціальный цвѣтъ и характеръ, создало каждому законченную и опредѣленную физіономію. Областью «Современника» были учрежденія и порядки, областью «Русскаго Слова»—интеллигентная личность.

Умственная физіономія Писарева выяснилась достаточно опредѣленно уже въ его первыхъ статьяхъ. Первою большою статьею, съ которой Писаревъ выступилъ въ «Русскомъ Словѣ», былъ «Аполлоній Тіанскій» (кандидатская диссертація Писарева; въ собраніе сочиненій его она не вошла). Въ этой диссертаціи, написанной по источникамъ и обнаружившей большую начитанность, Писаревъ высказываетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ на политику, общество, религію (второе заглавіе диссертаціи: «Агонія древняго римскаго общества въ его политическомъ, нравственномъ и религіозномъ состояніи») и на общемъ фонѣ картины, на первомъ его планѣ, выдвигаетъ замѣчательную личность Аполлонія Тіанскаго, хотѣвшаго обновить нравственно-погибавшій древній міръ. Аполлонія хотя и обоготворили, но ученіе его не нашло себѣ ревностныхъ послѣдователей, и обновить міръ ему не удалось. Ученіе его было философіей, а не религіей. Реформировать принципъ существующей религіи Аполлоній не могъ потому, что поддерживалъ существующее, стараясь только подкладывать въ него другой смыслъ, котораго однако масса не сознавала. Возставая противъ отдѣльныхъ уклоненій отъ нравственности, онъ не далъ новаго, лучшаго кодекса. «Мудрость оставалась замкнутою святынею и ни разу не спускалась до пониманія малыхъ сихъ и нищихъ духомъ»—такъ кончаетъ Писаревъ.

Не въ томъ, что Писаревъ говоритъ, а въ томъ, чего онъ не говоритъ, съ чѣмъ онъ не соглашается и что онъ отрицаетъ, видно, чего онъ хочетъ. Выборъ темы для диссертаціи былъ, очевидно, навѣянъ на Писарева обстоятельствами времени и параллелями, которыя при чтеніи источниковъ не могли не возникнуть въ немъ, какъ въ мыслящемъ человѣкѣ. И величавая, строгая, серьезная личность глубоко-нравственнаго Аполлонія Тіанскаго, остановившая на себѣ вниманіе Писарева, тоже указываетъ на значеніе, которое онъ уже придавалъ личности. Наконецъ, во всей диссертаціи проходитъ отрицательный пріемъ изложенія, и чувствуется смѣлость мысли, не пугающейся никакихъ логическихъ выводовъ и рѣшительныхъ заключеній. Сравнительно съ тѣмъ, что писалъ потомъ Писаревъ, «Аполлоній Тіанскій», конечно, изложенъ относительно скромно, потому что все-таки это была диссертація; но въ то же время эта диссертація намѣтила уже, куда и какъ пойдетъ Писаревъ.

Въ «Схоластикѣ XIX вѣка», написанной года два спустя послѣ «Аполлонія Тіанскаго» и напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» въ одно съ нимъ время (1861 г.; статья эта, какъ мнѣ помнится, тоже не вошла въ собраніе сочиненій Писарева), Писаревъ выступаетъ уже публицистомъ и выставляетъ опредѣленную программу, которой потомъ и держится. «Наша изящная словесность, говоритъ онъ, представляетъ интересъ преимущественно психологическій; она разсматриваетъ человѣка, а не гражданина. Главныя пружины романическаго интереса обыкновенно скрываются во внутреннемъ развитіи отдѣльныхъ характеровъ. Въ этомъ отношеніи литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни; у насъ каждый занятъ собою и своимъ семейнымъ бытомъ; гражданскія доблести и патріотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всѣмъ угрожаетъ опасность. Но и тутъ соединяютъ людей отдѣльные личные интересы (Писаревъ прибавляетъ: «мнѣ кажется»)». «Трудно рѣшить a priori, говоритъ онъ: составляетъ ли эта разрозненность черту русскаго характера, или простое временное слѣдствіе внѣшней организаціи нашего общества; но, какъ бы то ни было, фактъ существуетъ, и изъ него нужно извлечь пользу. Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать гласомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчитъ изящная словесность, наша критика сдѣлала бы очень хорошо, еслибы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; они затемнены и запутаны разнымъ старымъ хламомъ, который не мѣшало бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ божій и на добрыхъ людей. Наша беллетристика даетъ поводъ къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей вседневной жизни; а эти стороны нуждаются въ пересмотрѣ и въ расчищеніи. Это выразилъ еще въ «Петербургскомъ Сборникѣ» талантливый и рыцарски-честный человѣкъ, авторъ статьи: «Капризы и раздумье» (Г.), и эта мысль нашла себѣ полное сочувствіе въ теплой душѣ Бѣлинскаго. Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—все это должно быть обсуждаемо и разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. И это обсужденіе не должно привести къ составленію законовъ семейной нравственности. Боже упаси!

Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смѣлому пересмотру существующія формы, освященныя вѣками и потому подернувшіяся вѣковою плесенью».

Эти мысли повторяетъ Писаревъ не разъ въ своихъ послѣдующихъ статьяхъ. «Дайте мнѣ человѣка, съ человѣкомъ хочу возиться», говоритъ онъ. И этому человѣку онъ нигдѣ не навязываетъ своихъ взглядовъ, не даетъ ему катехизиса, не предписываетъ ему заповѣдей. Онъ хочетъ дѣйствовать, какъ ферментъ, шевеля и расшевеливая мысль и возбуждая ее на самостоятельную работу. Онъ не поучаетъ, онъ только думаетъ и вызываетъ читателя думать вмѣстѣ съ собою. Вывести мысль изъ инерціи, возбудить критическую самостоятельность мысли и пробудить личное чувство — вотъ все, къ чему Писаревъ стремится и чего онъ желаетъ достигнуть. Въ одной изъ статей Писаревъ говоритъ, что съ каждымъ въ жизни бываетъ, когда одна какая нибудь мысль, одно слово заставляютъ его очнуться и приняться за внутреннюю перестройку, и тогда-то начинается генеральное выкидываніе за бортъ. Это-то «выкидываніе за бортъ» и есть начало того спасительнаго обновленія, безъ котораго невозможна разумная жизнь. И Писаревъ во всѣхъ своихъ статьяхъ роется на всякіе лады въ своей душѣ и въ душѣ читателя, возбуждая его на подобную работу. Считая умную и развитую личность основаніемъ всякаго порядочнаго общежитія, Писаревъ заботится только о ней и думаетъ, что всякое другое пониманіе общественно-критическихъ задачъ не приведетъ ни къ чему. Поэтому ему кажется, что наша литературная критика берется за дѣло не съ того конца. Если у насъ есть только личность, но нѣтъ общества, то какъ же судить объ обществѣ, наблюдать за проявленіями его жизни, когда общества нѣтъ, и когда жизнь общества ни въ чемъ не проявляется? «Задача дѣйствительно мудреная,—говоритъ Писаревъ («Схоластика XIX вѣка»),—и за рѣшеніе этой задачи критика наша берется («сколько мнѣ кажется», прибавляетъ онъ) не такъ, какъ слѣдовало бы. За неимѣніемъ общества, она старается его выдумать; она пытается привить къ намъ общественные интересы и истощается въ благородныхъ, но безполезныхъ усиліяхъ; она забываетъ, что критика можетъ только обсуживать существующія явленія, выражать потребности, носящіяся въ обществѣ, а не порождать новыя явленія и не будить въ обществѣ такія потребности, для которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности». Такимъ образомъ Писаревъ желаетъ, чтобы общественно-умственное движеніе шло снизу вверхъ, а не сверху внизъ, и политическимъ прогрессивнымъ вліяніямъ противопоставляетъ психологическія вліянія.

Это любопытная особенность въ критикѣ-публицистѣ того времени, когда шло такое сильное обновленіе въ области политическихъ понятій. Но это объясняется его взглядомъ на политическую зрѣлость. Въ «Реалистахъ» онъ говоритъ: «Кто въ Англіи считается дуракомъ, тотъ въ Турціи могъ бы прослыть за очень порядочнаго человѣка. Когда общество доходитъ до извѣстной высоты развитія, тогда оно начинаетъ требовать отъ своихъ членовъ, чтобы у нихъ были опредѣленныя и сознательныя убѣжденія, и чтобы они держались за свои убѣжденія. Кромѣ обыкновенной честности является тогда еще высшая честность,—честность политическая. Воспитавши въ самомъ себѣ великое чувство политической честности, общество начинаетъ вмѣнять его въ обязанность каждому изъ своихъ членовъ и, тѣмъ болѣе, такимъ людямъ, которые, опираясь на свои умственныя дарованія, присваиваютъ себѣ право дѣйствовать словомъ или перомъ на развитіе общественныхъ убѣжденій». Такимъ образомъ, какъ бы отодвигая политическую зрѣлость и устраняя политику изъ критической области, Писаревъ въ другихъ своихъ, не критическихъ, статьяхъ отводилъ ей мѣсто, и въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ шелъ рука въ руку съ Ч. Только въ вопросахъ бытовыхъ и личныхъ онъ держалъ себя вполнѣ независимо и, при всемъ своемъ глубокомъ уваженіи къ Добролюбову, обвинялъ его не разъ въ уступчивости и непослѣдовательности. Въ одномъ мѣстѣ «Реалистовъ» Писаревъ говоритъ, что еслибы Бѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собою съ глазу на глазъ, съ полною откровенностью, то они разошлись бы между собою на очень многихъ пунктахъ «А еслибы мы (Писаревъ) поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, то мы не сошлись бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ. Читатели «Русскаго Слова» знаютъ уже, какъ радикально мы разошлись съ Добролюбовымъ во взглядѣ на Катерину, то есть—въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ оцѣнка свѣтлыхъ явленій въ нашей народной жизни». Добролюбовъ говоритъ, что Катерина—«свѣтлый лучъ въ Темномъ царствѣ», а Писаревъ дѣлаетъ ей такую характеристику: «Вся жизнь Катерины состоитъ изъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій; она ежеминутно кидается изъ одной крайности въ другую; она сегодня раскаивается въ томъ, что̀ дѣлала вчера, и между тѣмъ сама не знаетъ, что будетъ дѣлать завтра; она на каждомъ шагу путаетъ и свою собственную жизнь, и жизнь другихъ людей; наконецъ, перепутавши все, что было у нея подъ руками, она разрубаетъ затянувшіеся узлы самымъ глупымъ средствомъ — самоубійствомъ, да еще такимъ самоубійствомъ, которое является совершенно неожиданно для нея самой». Оцѣнку Добролюбова Катерины Писаревъ называетъ увлеченіемъ; онъ говоритъ, что Добролюбовъ поддался порыву эстетическаго чувства, и что «ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться

въ «темномъ царствѣ» патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго».

Въ возраженіяхъ, которыя дѣлалъ Добролюбову Писаревъ, выразилась только его послѣдовательность. Писаревъ глубоко уважалъ Добролюбова. Но онъ не мирился съ тѣмъ, что называлъ «эстетикой», которую онъ считалъ игрой въ красивыя слова и чувства, самымъ прочнымъ элементомъ муственнаго застоя и самымъ надежнымъ врагомъ разумнаго прогресса. Конечно, Писаревъ понималъ эстетику только въ этомъ смыслѣ, т. е. какъ помѣху для здраваго критическаго анализа явленій жизни, чувствъ и поступковъ людей, а не въ томъ, что сапоги—выше Шекспира. «Литературные противники нашего реализма—говоритъ Писаревъ,—простодушно убѣждены въ томъ, что мы затвердили нѣсколько филантропическихъ фразъ и во имя этихъ афоризмовъ отрицаемъ сплошь все то, изъ чего нельзя изготовить обѣдъ, сшить платье или выстроить жилище голоднымъ и прозябшимъ людямъ». Конечно, подобныя обвиненія и были серьезны, и дѣлались лишь въ пылу полемическаго задора, который Писаревъ имѣлъ талантъ вызывать.

Проповѣдуя, что только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни, Писаревъ называлъ безусловно полезнымъ только то, что заставляетъ людей задумываться и что помогаетъ имъ мыслить. «Конечно же, цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка,—говоритъ Писаревъ,—состоитъ всетаки въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать». И, перенося эту цѣль въ область художественнаго творчества, Писаревъ требовалъ, чтобы поэтъ, напримѣръ, понималъ вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, чтобы поэтъ зналъ и понималъ все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа, и чтобы каждый писатель писалъ, какъ Берне, кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ. «Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки».

Какъ высоко ставилъ Писаревъ призваніе и задачи поэта, читатель увидитъ изъ слѣдующей, довольно длинной выписки изъ «Реалистовъ», которую я считаю необходимымъ сдѣлать въ умственныхъ интересахъ самого читателя, если онъ недостаточно знакомъ съ Писаревымъ. «Чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть, и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и много узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей,—тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собою яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ въ даль, на ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей, и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути».

Предъявивъ поэтамъ такое требованіе, Писаревъ не могъ не придти къ заключенію, «что у насъ поэтовъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть и, по всей вѣроятности, очень долго еще не будетъ».—«У насъ, говоритъ Писаревъ,—были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта». Къ зародышамъ онъ причисляетъ Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова, а къ пародіямъ—Пушкина и Жуковскаго. Первые остались на всю жизнь въ положеніи зародышей, потому что имъ нечѣмъ было питаться и некуда было развиться; силы у нихъ были, но не было ни впечатлѣній, ни простора. Что же касается «пародій», то Писаревъ относится къ нимъ очень сурово. Онъ думаетъ, что Жуковскій и Пушкинъ (процвѣтавшіе, «яко кринъ», и щебетавшіе, какъ птицы пѣвчія), ничѣмъ уже не связаны съ современнымъ развитіемъ нашей умственной жизни, и потому имена ихъ должны скоро забыться или превратиться для русскихъ людей въ такіе же пустые звуки, въ какіе уже давно превратились имена Ломоносова, Сумарокова, Державина. «Съ именемъ Жуковскаго уже совершилось это превращеніе,—говоритъ Писаревъ,—но Пушкина мы все еще не рѣшаемся забыть, или, вѣрнѣе, мы боимся признаться самимъ себѣ, что мы его почти совсѣмъ забыли».

Этотъ страстно и послѣдовательно мыслившій, отважный и безстрашный идейный боецъ, въ теченіе многихъ лѣтъ лишенный живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній и оттого думавшій еще сосредоточеннѣе, долженъ былъ на тѣхъ, кого онъ звалъ эстетиками, производить своими рѣшительными приговорами весьма понятное впечатлѣніе. Конечно, эстетики не могли думать такъ, какъ думалъ Писаревъ, и мало того, что они не могли думать, какъ онъ, они не были въ состояніи и понять, почему онъ такъ думаетъ. Слѣдовательно, исчезла даже малѣйшая возможность для умственнаго сближенія. Отсюда неизбѣжно должно было получиться то ауканье, о которомъ говоритъ Писаревъ, разъясняя отношенія Базарова къ его старикамъ. Базаровъ, по сравненію Писарева, взобрался слишкомъ высоко на дерево, откуда и ходу нѣтъ назадъ,

и спуститься невозможно, а старикамъ также невозможно подняться кверху. И Писаревъ не могъ не забраться на крайніе умственные верхи, не могъ ни думать иначе, ни говорить иначе. Въ Писаревѣ свершилась глубокая и сильная внутренняя работа и полная перестройка понятій, которая при его страстности принимала чуть не горячечный характеръ. Это былъ цѣлый громадный внутренній переворотъ, справиться съ которымъ могъ только очень сильный умъ, способный глядѣть лишь впередъ и разставаться безъ жалости съ тѣмъ, что оставлялъ онъ назади. Такой именно умъ и былъ у Писарева. Масса новыхъ открытій и истинъ, созданныхъ колоссальными успѣхами новѣйшаго естествознанія и точныхъ наукъ, и новѣйшія изслѣдованія въ области политическихъ и экономическихъ знаній вошли въ него какой-то свѣтозарной силой, разлили повсюду свой свѣтъ и освѣтили всѣ его умственныя потемки. И всѣмъ своимъ существомъ Писаревъ почувствовалъ, что только въ этомъ свѣтѣ и заключается та истина, которая, наполнивъ все его существованіе, составляетъ неоконченный источникъ его умственнаго и нравственнаго существованія. Насколько страстно Писаревъ воспринялъ этотъ новый свѣтъ, настолько же онъ явился и страстнымъ проповѣдникомъ тѣхъ новыхъ мыслей и идей, которыя этотъ свѣтъ въ немъ вызвали. Несмотря на массу работы, которую Писаревъ произвелъ, онъ считалъ ее еще далеко не оконченной. Онъ хотѣлъ перебрать и пересмотрѣть всю массу литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ намъ отжившими поколѣніями, чтобы выбрать изъ этой массы то, что можетъ содѣйствовать нашему умственному развитію и объяснить, какимъ образомъ мы должны распоряжаться этимъ отобраннымъ матеріаломъ. «Такая обширная задача,—говоритъ Писаревъ,—не по силамъ одному человѣку, но я, съ своей стороны, постараюсь всетаки современемъ подвинуть это дѣло впередъ, представляя моимъ читателямъ рядъ критическихъ статей о тѣхъ писателяхъ, которыхъ чтеніе я считаю необходимымъ для общаго литературнаго образованія каждаго мыслящаго человѣка». Статья «Пушкинъ и Бѣлинскій» была, кажется, началомъ этой работы, которой Писареву окончить не пришлось.

Значеніе Писарева заключается не въ умственномъ наслѣдіи, которое онъ оставилъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ,—и его также не будутъ читать, какъ не будутъ читать тѣхъ авторовъ, по поводу которыхъ онъ писалъ. Писаревъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, слишкомъ человѣкъ своего времени, чтобы не жить исключительно его горестями и радостями. Время вызвало его на всю ту работу, которую онъ произвелъ и которую онъ сознательно считалъ необходимою. Къ Писареву вполнѣ примѣнимо то, что онъ говоритъ о Бѣлинскомъ, подобномъ же страстномъ и искреннемъ борцѣ за истину и просвѣщеніе. «Для мыслителей, подобныхъ Бѣлинскому, необходима живая и безпрерывная умственная связь съ настоящими страданіями и радостями настоящихъ людей. Для нихъ необходимо размышлять о дѣйствительной жизни и откровенно передавать свои размышленія всѣмъ тѣмъ людямъ, которые могутъ и желаютъ ихъ понимать. Эти мыслители только тѣмъ и счастливы, только тѣмъ и живутъ, что пробуждаютъ въ чловѣческихъ умахъ дѣятельность мысли и сознательное стремленіе къ разумному, свѣтлому и далекому, очень далекому будущему». И вся литературная критика Писарева имѣла этотъ же жизненный характеръ: ему было нужно не литературное произведеніе, а люди, которые въ немъ изображены, чтобы разобрать, какъ они живутъ, чѣмъ они сами себѣ портятъ жизнь, и отчего они несчастны. Поэтому, вѣроятно, найдутся историки литературы, которые затруднятся поставить его имя рядомъ съ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ.

Къ Писареву совсѣмъ непримѣнимъ обыкновенный пріемъ оцѣнки писателей. Всѣ его идеи какъ бы концентрируются на его собственной личности, на его внутреннихъ силахъ; это не ученый, оставляющій какое нибудь открытіе, не мыслитель, создающій руководящую систему: Писаревъ не сдѣлалъ никакого открытія и не создалъ никакой системы. Во всемъ, что онъ писалъ, вы чувствуете на первомъ планѣ его собственную личность, съ обуревающими ее вопросами, съ открыто происходящей внутри ея работой, заключающейся не столько въ указаніи того, что нужно для правильнаго вывода, сколько въ отрицаніи того, что ему мѣшаетъ. Писаревъ очень хорошо понималъ, что именно въ этомъ пріемѣ и заключалась его сила, и въ положительныя построенія не пускался, желая лишь возбуждать мысль и ея критическую самодѣятельность. Поэтому онъ и своихъ мыслей и заключеній не считалъ ни безошибочными, ни обязательными. Отрицая умственный деспотизмъ и требуя не того, чтобы съ нимъ соглашались, Писаревъ хотѣлъ, чтобы каждый думалъ самостоятельно и самъ, безъ частныхъ указаній, устраивалъ свою жизнь на общихъ началахъ правды, добра, любви и справедливости. Въ этомъ и заключалась теорія эгоизма, которую онъ проповѣдывалъ.

XX.

«Русское Слово» было также невозможно безъ Зайцева, какъ оно было невозможно безъ Писарева. Только вмѣстѣ, пополняя одинъ другого, они составляли одно цѣлое, совершенно какъ въ «Современникѣ», въ которомъ цѣльность была возможна лишь при совмѣстной работѣ Ч. и Добролюбова.

Разница между Писаревымъ и Зайцевымъ заключалась не въ содержаніи ихъ идей,—они думали одинаково,—а въ употребленіи, которое они изъ нихъ дѣлали. Писаревъ былъ пропагандистъ, Зайцевъ — боецъ; Писаревъ прокладывалъ широкую дорогу и рубилъ крупныя деревья, Зайцевъ занимался больше подробностями этой дороги. Писаревъ билъ болѣе сильнымъ и далекимъ ударомъ, Зайцевъ — ударами близкими, мелкими и частыми. Соотвѣтственно этому разному характеру силъ, была разница и въ томъ, что они писали. Писаревъ велъ критическій отдѣлъ, Зайцевъ — библіографическій листокъ. Но читатель очень ошибется, если поду-

маетъ, что этотъ листокъ Зайцевъ велъ, какъ ведутъ обыкновенно библіографію. У Зайцева библіографія была не сухимъ и скучнымъ отзывомъ о книгахъ, — это была пропаганда и публицистика въ формѣ библіографіи, живая, горячая, боевая, писанная именно кровью сердца и сокомъ нервовъ. Каждый отдѣльный отзывъ заключалъ въ себѣ цѣльную, законченную мысль, и всѣ эти отдѣльныя мысли составляли одно законченное общее, проникнутое одной идеей. Зайцевъ имѣлъ хорошее спеціальное (сколько мнѣ помнится, онъ былъ медикъ) и широкое, законченное общее образованіе. Поэтому Зайцевъ во всѣхъ областяхъ—въ литературѣ русской и иностранной, въ исторіи, политикѣ, естествознаніи—чувствовалъ себя хозяиномъ и, какъ хозяинъ, распоряжался со своимъ матеріаломъ, сообщая ему ту или иную группировку. Теперь этотъ пріемъ не практикуется, да, можетъ быть, онъ и не нуженъ; но тогда, когда читатель росъ и воспитывался на общихъ идеяхъ, для публицистскаго органа, какъ «Русское Слово», именно этотъ-то пріемъ и былъ силой, ибо сообщалъ журналу полное единство.

По темпераменту и складу понятій Зайцеву удавались больше всего политическія, боевыя статьи, какъ большія, такъ и малыя; въ нихъ была вся его сила, и онъ это зналъ. Статьи критическія и теоретическія ему не удавались и проходили незамѣченными (ихъ, впрочемъ, онъ почти и не писалъ). Но зато тамъ, гдѣ требовалось напасть на противника, подмѣтить слабыя стороны, выискать нелѣпости и противорѣчія, Зайцевъ былъ незамѣнимъ и неподражаемъ. Свѣжесть, молодость, послѣдовательность, свободное и игривое изложеніе дѣлали каждую библіографію и политическую статью Зайцева цѣльной, живой, блестящей вещью, читать которую было истиннымъ наслажденіемъ. Яркій талантъ Зайцева не могъ не привлекать къ нему симпатій свѣжихъ и молодыхъ читателей, и тѣ, кто его читали, также не забудутъ его, какъ и своей молодости.

Но не одинъ талантъ составлялъ привлекательность Зайцева. Къ нему тянула его искренность, правдивость и та, не знавшая никакихъ уступокъ, страстность, съ какой онъ обличалъ всякую фальшь и ложь, съ какой онъ выступалъ на защиту всего слабаго и претерпѣвающаго. Привлекали не одни его хорошія слова, а то, что чувствовались у него и такія же хорошія дѣла.

Кромѣ библіографическаго листка и отдѣльныхъ статей, Зайцевъ давалъ время отъ времени обзоръ текущей печати, подъ общимъ заглавіемъ «Перлы и адаманты русской журналистики». Для такого искуснаго открывателя перловъ и адамантовъ, какимъ былъ Зайцевъ, время было особенно благопріятно. Внѣшнія событія (начиная съ 1862 г.) заключались въ пожарѣ Щукина двора, въ пріостановленіи «Современника» и «Русскаго Слова» на полгода и въ польскомъ возстаніи. Событія эти произвели полный переполохъ въ общественномъ мнѣніи и совершенно подавили журналистику. Растерянность ея была до того велика, что писатели, казалось, вполнѣ установившагося образа мыслей складывали свое либеральное знамя и переходили въ изданія, въ которыхъ они прежде считали бы за стыдъ работать. Что же касается такихъ журналовъ, какъ «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки», «Эпоха» Достоевскаго, смѣнившая его же «Время», и даже либеральный «Голосъ» («Русскій Вѣстникъ» ужъ и раньше началъ обнаруживать твердость), то они въ одно и то же время старались дѣлать и шагъ впередъ, и шагъ назадъ. Съ одной стороны они чувствовали, что нельзя не идти впередъ, съ другой—ихъ пугало, что либерализмъ порождаетъ нигилизмъ, а нигилизмъ приводитъ къ событіямъ. Впрочемъ, болѣе послѣдовательные, не затрудняясь ни колебаніями, ни сомнѣніями, ополчились безъ всякихъ размышленій противъ «нигилистовъ» и «стриженыхъ барышень», точно это они произвели всѣ смуты и польское возстиніе. Дошло даже до сравненія нигилистовъ съ коровами. Такъ, одинъ московскій поэтъ сказалъ, что нигилистъ обязанъ уважать корову, какъ свою родственницу, но находящуюся пока въ дикомъ и необразованномъ состояніи.

Вотъ въ это-то время общаго умственнаго омраченія и явился рядъ такихъ общественно-обличительныхъ романовъ, какъ «Взбаломученное море», «Некуда», «Марево», и въ каждой книжкѣ каждаго журнала проскакивало какое нибудь обвиненіе противъ нигилистовъ, а кстати (чаще—не кстати) приплеталось и «Русское Слово». Растерявшаяся журналистика ничего не могла сообразить и рѣшительно не знала, о чемъ ей думать и какъ думать. «Отечественныя Записки» впали, по выраженію Зайцева, въ дѣтство, «Библіотека для Чтенія» печатала въ одно время и «Некуда», и статьи Евгеніи Туръ, совмѣщая такимъ образомъ несовмѣстимое и раскрывая свою полную умственную наготу; такой же наготой отличалась и «Эпоха», которую, впрочемъ, она старалась прикрыть «почвой»; что же касается беллетристики, то, какъ сказалъ Зайцевъ, она и драмы перекладывала въ романы («Разладъ» Я. Полонскаго). Характеризуя это умственно-смутное время, «Эпоха» сказала, что «славянофилы побѣдили», а «Московскія Вѣдомости»—что общество отрезвилось. Какими же внѣшними признаками выразилась побѣда славянофиловъ?

Когда общество и журналистика усомнились въ самихъ себѣ, когда всѣ разбѣжались вразсыпную, и недавнее еще умственное возбужденіе смѣнилось умственной паникой,—жизнь, отвернувшаяся отъ общественныхъ задачъ, потеряла всякій смыслъ, и умственныя силы, направлявшіяся раньше на разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ, оказались теперь свободными. Томительное душевное состояніе, явившееся вслѣдъ за этой паникой, охватившей общественную мысль, разрѣшилось, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, отыскиваніемъ лично виноватыхъ и обвиненіемъ другъ друга. Вмѣсто разсужденія объ общихъ дѣлахъ, теперь стали говорить о личныхъ, и вмѣсто того, чтобы успокоить встревоженную мысль на общихъ идеяхъ, раздраженное и неудовлетворенное личное чувство

искало дѣла въ личной полемикѣ. Полемика, точно повѣтріе, точно повальная болѣзнь, охватила всѣхъ и никогда еще не доходила до такихъ поистинѣ чудовищныхъ размѣровъ, когда исчезъ не только всякій тактъ и благопристойность, но исчезъ даже всякій стыдъ передъ печатнымъ словомъ. Противники подыскивали самыя крупныя и отборныя ругательства, и нужно отдать полемизаторамъ справедливость, что они ушли по этому пути такъ далеко, что ужъ дальше идти было некуда. Въ видѣ небольшого образчика той художественности, до которой дошла теперь полемика, приведу одно полемическое выраженіе «Отечественныхъ Записокъ» (Дудышкина). Журналъ этотъ сказалъ, что «Русское Слово» только тѣмъ и дышитъ, что пережевываетъ мертвую слюну Добролюбова». «Перебранки,— говоритъ Зайцевъ, перечисляя перлы и адаманты журналистики,—доходящія до такихъ изумительныхъ непристойностей и составляющія главную и самую видную часть журналистики, свидѣтельствуетъ о плачевномъ состояніи литературы. Онѣ показываютъ, что область, подлежащая литературѣ, доведена до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, что на ней не осталось ровно ничего, кромѣ самой журналистики и личностей, подвизающихся на поприщѣ ея. Журналы другъ другу и сами себѣ опротивѣли до крайности, но за неимѣніемъ другого дѣла должны заниматься другъ другомъ, что не способствуетъ смягченію и умиротворенію ихъ взаимныхъ отношеній. Дѣло доходитъ наконецъ до того, что существованіе какого нибудь направленія въ журналѣ объявляется нелѣпостью, подвергается шуткамъ и насмѣшкамъ. Возвѣщается, что въ жизни нѣтъ ничего, что бы могло дать журналу какое нибудь направленіе» (слова «Библіотеки для Чтенія»).

Даже «Современникъ» и «Русское Слово», журналы, отличавшіеся наибольшимъ самообладаніемъ, были увлечены общимъ настроеніемъ. Разнорѣчіе между «Русскимъ Словомъ» и «Современникомъ» (редакціи гг. Антоновича и Жуковскаго) началось съ появленія «Отцовъ и дѣтей». Критикъ «Современника» и Писаревъ рѣзко разошлись во взглядахъ на этотъ романъ. Находя, что Тургеневъ отнесся несочувственно къ своему герою и, слѣдовательно, питаетъ подобное же несочувствіе и ко всему молодому поколѣнію, «Современникъ» отозвался не только очень рѣзко о самомъ романѣ, но даже отрицалъ и существованіе базаровскаго типа, считая его за каррикатуру. Напротивъ, Писаревъ, оставляя въ сторонѣ намѣренія Тургенева, высказалъ, что подобный типъ не только существуетъ, но что онъ даже полезенъ обществу. Тургеневъ, какъ эстетикъ и человѣкъ другого поколѣнія, разумѣется, не могъ уловить и вполнѣ выяснить черты своего героя, но отнесся къ нему, какъ къ представителю современнаго реализма, безпристрастно. Критикѣ осталось только разъяснить и дополнить черты, которыя Тургеневъ упустилъ изъ виду. Таково было мнѣніе Писарева. Черезъ два года послѣ перваго обмѣна мнѣній въ 1862 г. «Современникъ», въ разгарѣ общаго полемическаго настроенія, разбирая «Взбаломученнее море» Писемскаго, снова коснулся Базарова и хотя не назвалъ критика «Русскаго Слова», но по его адресу послалъ фразу о «критикахъ-дѣтяхъ» и о «простоватыхъ слушателяхъ, принимающихъ за комплименты деликатныя колкости Тургенева», статью же «Нерѣшенный вопросъ» («Реалисты») принялъ, какъ прямой вызовъ. «Русское Слово», однако, уклонилось на этотъ разъ отъ полемики и отвѣтило короткой замѣткой, что не желаетъ полемизировать, потому что сознаетъ всю безполезность полемики, особенно въ такое время, когда она «кромѣ удовольствія нашему журнальному стаду» не можетъ оказать существенныхъ услугъ литературѣ. Писаревъ не только уклонился отъ полемики, но въ «Нерѣшенномъ вопросѣ» взялъ на себя защиту базаровскаго типа отъ клеветы, которую взвела на него остальная журналистика, и задумалъ показать значеніе базаровскаго элемента въ жизни общественной и семейной, въ наукѣ и искусствѣ. Защищая базаровскій типъ, Писаревъ защищалъ собственно молодое поколѣніе. Но что могла подѣлать эта защита, и кого могъ успокоить и убѣдить голосъ одного Писарева, тѣмъ болѣе, что причины общаго разъединенія лежали не въ базаровскомъ типѣ?

Къ этому времени примѣняется вполнѣ то, что писалъ мнѣ Благосвѣтловъ двумя годами позже по поводу «Дѣла», изъ котораго ушли Писаревъ и Зайцевъ. «Причина разъединенія лежитъ не во мнѣ,— писалъ Благосвѣтловъ,—а въ духѣ времени, въ томъ боязненномъ настроеніи общества и въ личныхъ интересахъ, которые управляютъ всѣмъ. И Писаревъ, и Зайцевъ, оба утонули въ этой кашѣ. Я подалъ бы всегда руку примиренія своему злѣйшему врагу ради общаго хорошаго дѣла, но—безполезно. Достаточно какой нибудь сплетни, чтобы опять разъединить и поссорить. Плохо наше молодое поколѣніе...»

Конечно, въ поводахъ къ этому письму примѣшивалось немного личнаго чувства и самого Благосвѣтлова, но что настроеніе было вообще болѣзненное, что разъединеніе было той кашей, въ которой утонули даже лучшіе люди, что раздоръ проникъ въ самое сердце журналистики,—въ этомъ Благосвѣтловъ не ошибался. Въ зиму 1865—66 года жилъ я уже въ Вологодской губерніи и получилъ отъ Зайцева приглашеніе вступить въ коалицію противъ Благосвѣтлова. Предполагалось свершить coup d'état и устранить Благосвѣтлова (не помню,— отъ главенства или совсѣмъ отъ журнала). Зайцевъ уже списался съ Писаревымъ, находившимся въ заключеніи, и получилъ его согласіе. Мнѣ казалось, что, занявъ втроемъ мѣсто Благосвѣтлова, мы все-таки не разрѣшили бы общаго вопроса: кто нибудь оказался бы четвертымъ, т. е.—внѣ насъ троихъ; кромѣ того мнѣ не думалось, чтобы въ томъ положеніи, въ которомъ мы всѣ тогда находились (одинъ только Зайцевъ былъ на свободѣ), было возможно веденіе журнала, и въ этомъ смыслѣ я отвѣтилъ Зайцеву. Характерно, что къ этому же времени относится и намѣреніе сотрудниковъ «Современника» свершить нѣчто подобное съ Некрасовымъ.

Разладъ и разъединеніе чувствовалось вездѣ и во всемъ, но скоро стало и еще хуже...

Въ 1866 году «Современникъ» и «Русское Слово» были запрещены совсѣмъ, но это было лишь видимою смертью этихъ двухъ главныхъ представителей журналистики шестидесятыхъ годовъ. «Современникъ» уже умеръ со смертью Добролюбова и удаленіемъ Ч. «Русское Слово» жило дольше, потому что жить начало позже; но и оно готовилось къ смерти и само не могло бы существовать при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ. Когда я приглашалъ къ участію въ «Дѣлѣ» Зайцева, и мнѣ еще вѣрилось, что отъ насъ самихъ, т. е. работниковъ, зависитъ вернуть лучшія журнальныя времена, и въ числѣ доводовъ указывалъ на умственные интересы молодого поколѣнія, то Зайцевъ мнѣ отвѣтилъ, что изъ личныхъ причинъ готовъ бы согласиться на мое предложеніе: «при этомъ, конечно, писалъ онъ, я нимало не увлекался тѣми соображеніями объ интересахъ молодого поколѣнія, которыя вы представляли мнѣ. Я слишкомъ хорошо знаю сущность журналистики нашей, чтобы связывать съ ней что бы то ни было высокое, хорошее и честное. Возстановленіе прежняго «Русскаго Слова»—дѣло невозможное ни при какихъ условіяхъ, а тѣмъ болѣе при нынѣшнихъ. Это невозможно, какъ нельзя возвратить себѣ юношескіе годы съ ихъ иллюзіями, какъ нельзя забыть опытъ жизни и все пережитое до сихъ поръ».

ПЕРЕХОДНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Говорятъ, что еще не такъ давно люди у насъ были крупнѣе, а теперь изъ поколѣнія въ поколѣніе все мельчаютъ. Это вы услышите не только отъ стариковъ, но и отъ молодыхъ. И, припоминая свое дѣтство, я точно живыми вижу этихъ крупныхъ людей, которыхъ теперь ужъ больше не встрѣчаю.

Не знаю, какими кажутся нынѣшнимъ кадетамъ ихъ ротные и баталіонные командиры, но на насъ ротный командиръ Каменскій наводилъ совсѣмъ паническій страхъ, особенно лѣтомъ и на ученьѣ. Когда, бывало, измученные, мы маршировали не прямою линіей, вогнутою, середина западала, а фланги выдавались впередъ, или, того хуже, шли линіей ломаной, точно въ разбродъ, а ружья едва держали въ отекшихъ рукахъ, тутъ-то Каменскій на насъ и набрасывался: «Бабы, чепчики на васъ надѣть, метлы вамъ въ руки...»—закричитъ онъ громовымъ голосомъ, и каждый изъ насъ боялся, что вотъ-вотъ его сейчасъ же Каменскій вытащитъ изъ фронта. Мнѣ по крайней мѣрѣ Каменскій въ своей треугольной шляпѣ, надѣтой «по формѣ», казался очень крупнымъ, въ особенности когда онъ кричалъ. Даже одной своей шляпой Каменскій наводилъ паническій страхъ. Шляпа у Каменскаго была огромная, настоящая форменная, и надѣвалъ онъ ее поперекъ головы, нѣсколько назадъ и на бокъ. Вѣроятно, вы видѣли портреты императора Александра I. Императоръ стоитъ и держитъ шляпу въ правой рукѣ. Ну, вотъ такая же шляпа была и у Каменскаго. У нынѣшнихъ шляпъ футляры гораздо меньше. Такія громадныя шляпы назывались форменными, и ихъ носили служаки. Франты и либеральная военная молодежь носили шляпы маленькія. Потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, когда шляпы исчезли, служаки (консерваторы) отличались отъ либеральной молодежи прической. Консерваторы зачесывали виски впередъ, а либералы—назадъ. Но теперь виски впередъ уже не производили такого паническаго страха, какъ прежде—форменная шляпа. Люди уже начали мельчать.

Сохранилось у меня одно дѣтское воспоминаніе, и такое яркое, точно дѣло было вчера. Тогда, т. е. лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ Петербургѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь. Двадцатиградусные морозы были очень обыкновенны, а доходили морозы иногда до двадцати пяти и даже тридцати градусовъ. Но, несмотря на такіе холода, насъ и зимой одѣвали почти по лѣтнему. Вся разница заключалась въ томъ, что лѣтомъ мы носили бѣлыя холщевыя панталоны, а зимой—суконныя. Шинель же и лѣтомъ, и зимой была одна и та же, т. е. лѣтняя. Подкладка холщевая, въ одинъ рядъ, была только на спинѣ и на груди, а полы были безо всего. Такія шинели назывались почему-то «подбитыми уксусомъ». Подбитая уксусомъ шинель превращалась изъ лѣтней, холодной, въ теплую зимнюю тѣмъ, что въ десять и болѣе градусовъ морозу надѣвалась въ рукава. Зимній костюмъ завершался наушниками и рукавицами, которыя надѣвались тоже послѣ десяти (а, можетъ быть, и пяти) градусовъ мороза. Намъ, лѣснымъ, приходилось дѣлать изъ отпуска конецъ въ свой лѣсной институтъ верстъ въ десять. Выйдемъ изъ дому часовъ въ шесть и идемъ, по этому-то морозу, часа полтора-два; совсѣмъ закоченѣешь. Разъ, въ подобный мертвящій холодъ, возвратившись изъ отпуска совсѣмъ застывшій и оцѣпенѣлый, я прошелъ прямо въ дежурную комнату, вытянулся передъ дежурнымъ офицеромъ за два шага, какъ это требовалось, произнесъ «честь имѣю явиться», и подалъ отпускной билетъ. Офицеръ окинулъ меня быстрымъ взглядомъ, ткнулъ пальцемъ въ подбородокъ и сказалъ «чешуя». Я молча сдѣлалъ налѣво кругомъ, отошелъ шаговъ пятнадцать, ощупалъ чешую кивера, и—о ужасъ!—она оказалась разстегнутой. Я былъ радъ, что от-

дѣлался такъ дешево, однако ждалъ отъ Каменскаго замѣчанія. Прошло дня два-три: ни замѣчанія, ни наказанія никакого не послѣдовало, я совсѣмъ успокоился и записался на слѣдующій отпускъ. А слѣдующій отпускъ былъ на 6-е декабря, мои именины. Когда возвращались списки отъ Каменскаго, мы накидывались на нихъ толпой, ближніе читаютъ, а изъ заднихъ рядовъ со всѣхъ концовъ кричатъ: «посмотри меня». Крикнулъ и я товарищу: «посмотри меня» и получилъ въ отвѣтъ: «Шелгуновъ, ты вычеркнутъ». Это было такъ неожиданно, что я даже не заплакалъ, а ушелъ молча въ классъ, совсѣмъ растерянный и глубоко-несчастный. Такъ я и не увидѣлъ дома своихъ именинъ.

Каменскій вообще умѣлъ дѣлать насъ несчастными, но онъ очень хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ, только мы этого не понимали. Разъ на Каменскаго написалъ кто-то пасквиль. Каменскій узналъ объ этомъ, выстроилъ насъ въ залѣ и сказалъ намъ такую рѣчь; я запомнилъ ее слово въ слово: «Пушкинъ былъ титулярный совѣтникъ и геній, и того высѣкли, а вы не больше, какъ мальчишки, и всякаго изъ васъ можно высѣчь. Знаете ли, кого вы оскорбили въ моемъ лицѣ? Оскорбивъ меня, вы оскорбили баталіоннаго командира, который выше меня; оскорбивъ баталіоннаго командира, вы оскорбили директора; оскорбивъ директора, вы оскорбили министра, а оскорбивъ министра, вы оскорбили Государя Императора, назначившаго меня вашимъ ротнымъ командиромъ». И Каменскій былъ искренно убѣжденъ, что онъ составляетъ прямое продолженіе императора Николая, что онъ—лишь одна изъ ступеней той власти, которая, начиная съ крайняго верха, проходитъ непрерывною нитью черезъ всю іерархическую лѣстницу до самаго ея низа.

Въ томъ видѣ, какъ понималъ Каменскій власть, въ ней было что-то очень грандіозное, всепоглощающее и цѣльное. Это была идея, способная всецѣло покорить себѣ человѣка не только своимъ широкимъ захватомъ, просто, какъ сила громадная и подавляющая, но еще и своею логическою законченностью, какъ система; а наконецъ и тѣмъ, что личному достоинству каждаго человѣка система эта отводила точное мѣсто. Тогда я этого ничего не понималъ, а теперь, припоминая Каменскаго и все наше остальное начальство, я изумляюсь простотѣ и ясности этой удивительной системы и доступности ея всякому. Ея сила именно и заключалась въ томъ, что ее понималъ всякій съ перваго же раза и ея теоретическую безошибочность могъ провѣрить сейчасъ же практически. Каменскій зналъ твердо одно, что порядокъ держится властью, и для того, чтобы повелѣвать, слѣдуетъ умѣть повиноваться. И Каменскій безусловно повиновался всему, что было выше его, и съ буквальной точностью исполнялъ, что было разъ установлено. Шляпа у него была форменная, громадная и уродливая, сюртукъ форменный, ниже колѣнъ, полусабля форменная, большая и тяжелая, перчатки форменныя—изъ толстой замши, шитыя сапожнымъ швомъ. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ форменный, исполнительный, перпендикулярный. Но, повинуясь безусловно тому, что̀ стояло выше, Каменскій пріучалъ и насъ къ безусловному повиновенію и исполнительности. Сомнѣній въ границѣ между тѣмъ, что̀ повелѣвало, и тѣмъ, что̀ повиновалось, и быть не могло. Все, что ниже, то должно повиноваться, все, что выше, должно повелѣвать. А такъ какъ у каждаго былъ кто нибудь выше его и былъ кто нибудь ниже его, то одинъ и тотъ же человѣкъ въ одну сторону повиновался, а въ другую—повелѣвалъ.

Сколько я помню, офицеры повыше и большіе начальники старались подражать императору Николаю, а офицеры поменьше—великому князю Михаилу Павловичу. Михаилъ Павловичъ называлъ себя первымъ слугой царя и, какъ первый слуга, хотѣлъ быть первымъ вѣрноподданнымъ и первымъ примѣромъ того, какъ слѣдуетъ служить и повиноваться. Михаилъ Павловичъ давалъ первый тонъ въ одеждѣ. Шляпа у него была громадная, сюртукъ длинный, полусабля большая, тяжелая, калошъ онъ не носилъ и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ и офицеры ихъ не носили. Каменскій и въ формѣ, и въ манерѣ обращенія съ подчиненными, т. е. съ нами, копировалъ Михаила Павловича. Даже называя насъ «бабами», онъ только повторялъ его, но былъ человѣкъ добрый, любилъ дѣтей и наводилъ на насъ страхъ, вѣроятно, тоже потому, что также поступалъ и великій князь.

Еще крупнѣе казался намъ баталіонный командиръ, полковникъ Павловъ, котораго мы боялись больше Каменскаго, хотя онъ никогда на насъ не кричалъ и въ обращеніи былъ всегда вѣжливъ. Мы его видѣли обыкновенно разъ въ день, черезъ классныя стеклянныя двери, когда онъ проходилъ по коридору, сопровождаемый свитой изъ ротнаго командира, дежурнаго офицера, эконома и т. д. Самымъ же большимъ человѣкомъ былъ директоръ, полковникъ графъ Ламздорфъ. Онъ тоже имѣлъ обыкновеніе проходить по корридору, когда мы сидѣли въ классахъ, но свита его была полнѣе и торжественнѣе, потому что въ ней участвовалъ уже и баталіонный командиръ. Нашъ страхъ усиливался еще и тѣмъ, что графъ Ламздорфъ говорилъ пѣвучимъ теноромъ. Голосъ его слышался уже издалека, затѣмъ становился все громче и громче, потомъ въ стеклянныхъ дверяхъ мелькала стройная фигура графа Ламздорфа, а за нею его свита, и намъ ясно, отчетливо слышалось его пѣвучее картавленье, потомъ голосъ, постепенно стихая, замиралъ въ отдаленьѣ—наше напряженное состояніе кончалось, и какъ будто мнѣ помнится, что это напряженное состояніе разрѣшалось общимъ вздохомъ, въ которомъ принимали участіе и учителя.

Обыкновенно графъ Ламздорфъ въ классы не заглядывалъ. Онъ вѣдалъ только общее благоустройство и благочиніе, и старался воспитывать въ насъ хорошія манеры. Для этого онъ приходилъ иногда на уроки танцевъ и даже самъ показывалъ, какъ въ пятой фигурѣ французской кадрили слѣдуетъ дѣлать граціозное соло. Но случалось, что, проходя мимо класса, графъ Ламздорфъ самъ отворялъ

дверь и звучнымъ, громкимъ голосомъ произносилъ чью нибудь фамилію. Что за тѣмъ происходило—пожалуй, даже не поддается описанію. Разскажу одинъ случай. Въ классахъ стояли у насъ очень широкіе шкапы съ ящиками. У каждаго воспитанника былъ свой ящикъ, въ которомъ держались книги, бумага, тетради, перья. Ниже ящиковъ было большое свободное дно, очень удобное для спанья. Кто не зналъ урока, обыкновенно ложился на это дно, шкапъ запирался, и если учитель вызывалъ спрятавшагося воспитанника, мы отвѣчали: «боленъ». Вотъ такимъ больнымъ сдѣлался разъ Бѣлопольскій, самый высокій изъ нашего класса, и если я не ошибаюсь, то и самый лѣнивый. Графъ Ламздорфъ, проходя по коридору, подойдя къ нашему классу, отворилъ дверь, звучнымъ картавымъ теноромъ произнесъ «Бѣлопольскій» и прошелъ дальше. Бѣлопольскій выскочилъ изъ шкапа, совершенно растерянный и блѣдный, какъ полотно, забылъ онъ тутъ и классъ, и учителя, удивленнаго внезапнымъ появленіемъ Бѣлопольскаго изъ шкапа, и, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ товарищей, дрожащимъ шопотомъ выкрикивалъ: «дай мнѣ ножикъ, дай мнѣ ножикъ».—Зачѣмъ тебѣ ножикъ?—«Я обрѣжу палецъ». Ножика Бѣлопольскому, конечно, никто не далъ, и онъ въ паническомъ страхѣ ушелъ на расправу.

Мои воспоминанія о графѣ Ламздорфѣ очень неполны. Я только и помню, что его «кавалькады» съ блестящей свитой по классному корридору, помню его громкій, звучный теноръ, помню, какъ на одномъ изъ танцовальныхъ уроковъ онъ училъ насъ дѣлать граціозное соло, помню случай съ Бѣлопольскимъ, наконецъ помню, какъ мы стояли въ залѣ, выстроенные фронтомъ, какъ намъ скомандовали: «смирно», и мы притаили дыханіе, какъ затѣмъ пришелъ графъ Ламздорфъ съ большой блестящею свитой, и за блестящею свитой солдаты внесли скамейку и розги; наконецъ помню, что графъ Ламздорфъ послѣ блестящей рѣчи, съ которой онъ къ намъ обратился, произвелъ жестокую экзекуцію надъ двѣнадцатилѣтнимъ воспитанникомъ. Я графа Ламздорфа очень боялся, и, сравнительно съ Каменскимъ, онъ мнѣ представлялся олицетвореніемъ ужаса.

Холодная, головная жестокость графа Ламздорфа была его личной чертой, совсѣмъ не требовалась системой и только отталкивала насъ отъ него. Мы чувствовали, что между нами и графомъ Ламздорфомъ лежитъ цѣлая непроходимая ледяная пустыня; мы не хотѣли ни въ чемъ походить на него и, наперекоръ ему, даже соло не хотѣли танцовать граціозно. Каменскій былъ ближе къ намъ, и хотя онъ и держалъ себя съ нѣкоторой отдаленностью, которая требовалась его достоинствомъ ротнаго командира, но онъ всетаки былъ нашъ ближайшій и единственный воспитатель. Воспитательная же система Каменскаго была очень проста. Прежде всего слѣдовало выучиться повиноваться, и это было ужъ потому не особенно трудно, что за всякимъ «нарушеніемъ» слѣдовало сейчасъ же наказаніе. Послѣ того, что Каменскій вычеркнулъ меня изъ списка, я ужъ тщательно всякій разъ ощупывалъ чешую, прежде чѣмъ явиться къ офицеру. Выучившись повиноваться и, слѣдовательно, достигнувъ извѣстной степени благонравія, можно было подняться и на первыя ступени іерархической лѣстницы, т. е. быть произведеннымъ въ ефрейторы, въ младшіе, а потомъ и въ старшіе унтеръ-офицеры, а наконецъ и въ фельдфебели. Подобное болѣе возвышенное положеніе не дѣлало дальнѣйшаго воспитанія болѣе труднымъ,—пожалуй, оно даже облегчало его. Въ области исполнительности унтеръ-офицеръ, напримѣръ, чувствовалъ себя гораздо свободнѣе, а повелѣвать-то было ужъ и совсѣмъ не трудно, тѣмъ болѣе, что власть сейчасъ развивала извѣстные аппетиты. Унтеръ-офицеръ могъ оставить воспитанника безъ обѣда, а фельдфебель—даже и безъ отпуска. «Чиновники» слѣдили и за внѣшнимъ поведеніемъ воспитанниковъ, за обѣдомъ они разливали супъ, раскладывали кушанья и очень легко проникались сознаніемъ своего болѣе возвышеннаго положенія. Однимъ словомъ, наука власти давалась легко и не требовала никакого умственнаго напряженія. Это была единственная наука, въ которой воспитанники со средними способностями дѣлали наибольшіе успѣхи.

Какъ ни казались намъ крупными наши корпусные командиры, но были люди и еще ихъ крупнѣе,—крупные ужъ не для насъ, кадетъ, только, а даже и для нашихъ командировъ. Объ этихъ крупныхъ людяхъ мы, кадеты, имѣли очень слабое представленіе. Директора департамента, Брадке, мы видѣли не больше одного раза въ годъ. Я помню только, что Брадке былъ очень маленькаго роста, что онъ былъ штатскій, что онъ всегда заходилъ въ классы, и что его пріѣздъ производилъ у насъ полнѣйшій переполохъ. Что же касается министра (тогда министромъ государственныхъ имуществъ былъ Киселевъ), то онъ былъ для насъ такою отдаленною и невидимою величиной, о которой мы не имѣли ровно никакого понятія. Даже ужъ потомъ, офицеромъ, я видѣлъ Киселева всего два раза въ десять лѣтъ. Вотъ какой онъ былъ крупный.

Киселевъ былъ вельможа. Можетъ быть, были люди еще вельможнѣе и его, но, по крайней мѣрѣ, я ихъ не видѣлъ и о вельможествѣ составилъ себѣ представленіе только по Киселеву. Киселевъ держалъ себя очень величественно и властно. Въ оба раза, что я видѣлъ Киселева, онъ былъ въ полномъ мундирѣ, съ Андреевскою лентой черезъ плечо, блестѣлъ золотомъ, звѣздами, орденами, брилліантовыми знаками и вообще производилъ ослѣпительное впечатлѣніе. При всемъ своемъ вельможествѣ, Киселевъ былъ доступнѣе другихъ министровъ и не чуждался своихъ подчиненныхъ. Въ первый день Пасхи онъ устраивалъ у себя разговѣнье, каждый изъ его подчиненныхъ могъ приходить къ нему на завтракъ, и Киселевъ былъ видимо доволенъ разномундирною толпой, толкавшеюся вокругъ стола, уставленнаго пасхами, куличами, окороками и бутылками.

Остальные министры были совсѣмъ недоступны

ни для публики, ни для подчиненныхъ. Они, кажется, чувствовали въ себѣ такое количество власти, что, кажется, даже боялись, чтобы не покачнулся міръ, если они шевельнутъ головою. И все-таки нашелся министръ, который изъ этой всеобщей министерской грозности и недоступности сумѣлъ выдѣлиться еще большею грозностью. Имъ оказался графъ Левъ Александровичъ Перовскій, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. Это была невидимая, но громадная сила, — громадная до того, что сами губернаторы, тоже очень большіе люди, были передъ нею не больше теперешнихъ урядниковъ.

Вотъ какой анекдотъ разсказывался тогда въ чиновничьемъ мірѣ объ этомъ самомъ грозномъ Перовскомъ. За достовѣрность анекдота не ручаюсь, но повторяю, что слышалъ. Между Перовскимъ и министромъ финансовъ затѣялась какая-то длинная переписка, и никакъ она не приходила къ концу. Чтобы выяснить недоразумѣнія и покончить скорѣе дѣло, Перовскій просилъ Вронченко прислать къ нему своего чиновника, и Вронченко отвѣтилъ, что пришлетъ титулярнаго совѣтника Булгакова. Булгаковъ пріѣхалъ къ Перовскому и приказалъ о себѣ доложить. Доложили. Булгаковъ входитъ въ кабинетъ и видитъ, что Перовскій лежитъ на кушеткѣ головой къ двери. Булгаковъ останавливается и громко произноситъ: «Титулярный совѣтникъ Булгаковъ». Перовскій, не поворачивая головы, отвѣчаетъ: «Развѣ у министра финансовъ не нашлось никого другого, чтобы прислать ко мнѣ?»—«Мнѣ кажется, что ваше сіятельство должны быть довольны, что присланъ именно я, потому что, еслибы прислали другого, вы должны были бы встать», — отвѣтилъ отчетливо и почтительно Булгаковъ. Перовскій вскочилъ съ кушетки, точно ужаленный, налетѣлъ на Булгакова въ упоръ и крикнулъ: «Кто вы такой?!» — «Титулярный совѣтникъ Булгаковъ», — отвѣтилъ Булгаковъ попрежнему отчетливо и почтительно... Дерзкій Булгаковъ настолько понравился Перовскому, что онъ перевелъ его къ себѣ въ министерство и очень скоро сдѣлалъ губернаторомъ. Передъ самымъ освобожденіемъ этотъ самый Булгаковъ, бывшій тогда генералъ-интендантомъ Финляндіи, предложилъ на одномъ обѣдѣ тостъ за перваго освободителя крестьянъ—Пугачева, и былъ за это уволенъ отъ службы.

Ростъ провинціальныхъ начальниковъ былъ, пожалуй, еще замѣтнѣе, чѣмъ петербургскихъ, потому что съ ними приходилось чаще встрѣчаться. Тотъ же самый Булгаковъ, сдѣлавшись губернаторомъ, подражалъ, какъ разсказывали, Петру Великому и ходилъ по улицамъ съ дубинкой. Другіе губернаторы этого не дѣлали, но были тоже всевластны, велики и грозны, особенно военные губернаторы. Даже управляющіе палатами старались держать себя съ величественностью министровъ и, кажется, тоже боялись шевелить головами, чтобы не потрясти губернскихъ городовъ. Особенно сановничали управляющіе казенными палатами и палатами государственныхъ имуществъ. Я могъ бы назвать многихъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, которые всѣ были вылѣплены въ одну форму. Такой ужъ былъ тогда общій тонъ. Всѣ они держали себя сановниками, потому что ощущали въ себѣ большую силу, которой въ другихъ людяхъ не было; всѣ они жили барами, разъѣзжали въ собственныхъ экипажахъ, а жены ихъ воображали себя статсъ-дамами. Впрочемъ, нѣкоторымъ управляющимъ было и этого недостаточно, и они придумывали для себя спеціальныя отличія. Приказывали, напримѣръ, дѣлать для себя особенно величественныя предсѣдательскія кресла, напоминающія тронъ, а управляющій самарскою палатой, Калакуцкій, велѣлъ повѣсить въ передней палаты ямской колокольчикъ. Когда Калакуцкій входилъ въ переднюю, сторожъ громко звонилъ; палата затихала, чиновники въ комнатахъ, черезъ которыя проходилъ Калакуцкій, вставали, низко ему кланялись, затѣмъ онъ проходилъ въ присутствіе, двери запирались, у дверей становился сторожъ для доклада, и вся палата проникалась ощущеніемъ невидимо осѣняющей ее высшей силы. И все это дѣлалось только для того, чтобы подчиненные проникались чувствомъ почтенія къ начальству. Чувство страха возводилось въ систему совсѣмъ не потому, чтобы въ людяхъ не признавалось другихъ чувствъ, а только потому, что страхомъ дѣйствовалось проще.

Весь крѣпостной бытъ держался исключительно чувствомъ страха, а крѣпостной бытъ служилъ основой для всѣхъ остальныхъ общественныхъ отношеній. Онѣ всѣ были тоже крѣпостныя. Калакуцкій, засѣдавшій на креслѣ въ видѣ трона и требовавшій, чтобы звонили въ колоколъ при его приходѣ, чувствовалъ себя помѣщикомъ своихъ подчиненныхъ, а совѣтниковъ и ассесора палаты считалъ своими старостами и бурмистрами. Всѣ тогда были помѣщики, и каждый помѣщикъ и не помѣщикъ измѣрялъ свой ростъ лишь количествомъ страха, которое онъ могъ напустить. Кто могъ пугать больше, тотъ и былъ больше, а кто могъ пугать меньше, тотъ и былъ меньше. Но и каждый маленькій человѣкъ былъ достаточно великъ потому, что могъ любого изъ своихъ крестьянъ сослать въ Сибирь, отдать въ солдаты, женить, на комъ ему вздумается, и сѣчь, сколько ему хочется. Я зналъ въ Тульской губерніи очень образованнаго и гуманнаго помѣщика, отличнаго сельскаго хозяина, человѣка, живавшаго подолгу за границей, любившаго говорить о политикѣ. И этотъ-то гуманный, много читавшій и любившій политику человѣкъ сдѣлалъ вотъ что: онъ велѣлъ у всѣхъ своихъ рессорныхъ экипажей снять запятки съ кузововъ и поставить ихъ прямо на заднюю ось. «Зачѣмъ вы это сдѣлали?»—спросилъ я его. — «А пусть это хамово отродье трясется»,—отвѣтилъ онъ, кивая головой на лакея.

Въ то время, о которомъ я говорю, помѣщики порядочнѣе держали своихъ людей въ дисциплинѣ больше подобными вспомогательными способами, но ужъ не дрались собственноручно и не сѣкли

лично. Но и того, что всѣ, т. е. они и мужики, знали, что все можно дѣлать, было совершенно достаточно для «гармоніи» взаимныхъ отношеній и для поддержанія достоинства помѣщичьей власти. Одно только было худо въ этомъ, что власть очень развязывала каждому его поведеніе и воспитывала въ привычкахъ неуваженіе къ людямъ вообще, т. е. не только внизъ, но и вверхъ.

Въ Самарской губерніи зналъ я богатаго помѣщика, Дмитрія Азарьевича Путилова, который въ этомъ отношеніи составилъ себѣ громкую извѣстность, и чуть ли не весь Оренбургскій край боялся его остроумія. Вотъ нѣсколько его образчиковъ.

Путиловъ имѣлъ на Дворянской улицѣ, въ Самарѣ, одноэтажный домъ, а по другую сторону улицы, какъ разъ противъ дома Путилова, стоялъ двухэтажный домъ помѣщика Обухова. Изъ верхняго этажа обуховскаго дома былъ превосходный видъ на Волгу. Путиловъ не любилъ Обухова и всегда надъ нимъ издѣвался въ глаза и за глаза. Но издѣвательства на словахъ показалось Путилову мало, и онъ придумалъ на крышѣ своего дома выстроить три щита, приказавъ разрисовать ихъ въ видѣ декорацій мезониновъ, и былъ очень доволенъ, что загородилъ Обухову видъ на Волгу.

Или ѣдетъ мимо дома Путилова чужой кучеръ съ бочкой воды, и несмазанныя колеса визжатъ на всю улицу. Путиловъ высылаетъ людей подмазать колеса. Дворня выбѣгаетъ толпой, останавливаетъ бочку, выпрягаетъ лошадь, смазываетъ колеса, а Путиловъ сидитъ у окна и, смѣясь, смотритъ на всю эту сцену.

Приходитъ къ Путилову монахъ за сборомъ. Путиловъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями, сажаетъ, бесѣдуетъ о дѣлахъ монастыря съ самымъ искреннимъ участіемъ, вообще очаровываетъ монаха, дѣлаетъ пожертвованіе и въ книгѣ для сборовъ вписываетъ, что проситъ отцовъ молиться объ избавленіи его, Путилова, «отъ глада, хлада и станового пристава Ромейки».

Имѣлъ Путиловъ тяжбу съ своимъ родственникомъ Лопатинымъ, и въ одномъ изъ прошеній Путилова стояла фраза: «...Я не такой дуракъ, Лопатинъ...» и т. д. Путиловъ велѣлъ выскоблить «дуракъ, Лопатинъ» и по скобленному написать тѣ же слова, въ выноскѣ сдѣлавъ оговорку: «а что по скобленному написано «дуракъ Лопатинъ» (безъ запятой), тому вѣрить».

Въ Симбирскѣ на вечерѣ въ дворянскомъ собраніи, въ одной изъ боковыхъ комнатъ разговаривали, стоя кучкой, нѣсколько помѣщиковъ. Всѣ они были высокаго роста (Путиловъ былъ тоже высокъ и очень толстъ). Между этими слонами замѣшался помѣщикъ маленькаго роста и горбунъ. Въ комнатѣ было очень жарко, и маленькій помѣщикъ, помахивая платкомъ себѣ въ лицо, замѣтилъ: «фу, какъ жарко!»—«Не знаю, какъ у васъ тамъ внизу, а у насъ здѣсь ничего»—отвѣтилъ Путиловъ.

Задумалъ Путиловъ ѣхать на лондонскую всемірную выставку 1851 года. Для тогдашняго степного помѣщика и для тогдашней глухой Самары такая поѣздка была необычайнымъ подвигомъ. И о своемъ предстоящимъ подвигѣ Путиловъ заговорилъ за полгода, заговорила вся Самара. Нѣкоторые однако увѣряли, что Путиловъ только остритъ. Но онъ не острилъ, а, заложивъ имѣніе въ 25 тысячъ, собрался и дѣйствительно уѣхалъ. Доѣхавъ до Москвы, Путиловъ нанялъ квартиру въ тринадцать комнатъ и зажилъ, какъ у себя въ деревнѣ. Черезъ два мѣсяца онъ вернулся въ Самару и привезъ два необыкновенныхъ бронзовыхъ свѣтильника. Это были дѣйствительно свѣтильники, вышиною аршина въ два, со множествомъ подсвѣчниковъ и самыхъ причудливыхъ завитковъ. Когда въ подсвѣчникахъ зажигали всѣ свѣчи, то получалось нѣчто вродѣ рождественской елки. Свѣтильники стоили 800 рублей, и это было все, что привезъ Путиловъ изъ 25.000 рублей. Оказалось, что дѣйствительно Путиловъ только сострилъ.

Поклонники Путилова во всемъ, что онъ говорилъ или дѣлалъ, старались отыскать остроуміе даже и тогда, когда Путиловъ не думалъ ни шутить, ни острить. Разъ Путиловъ привезъ изъ Нижняго какихъ-то рѣдкихъ куръ, а такъ какъ онъ везъ ихъ на крышкѣ тарантаса, то и объ этомъ разсказывали, какъ объ остротѣ.

Но въ Путиловѣ ужъ несомнѣнно сказалось новое вѣяніе. Времена Куролесовыхъ, очевидно, прошли безвозвратно, и человѣческое своеволіе не находило себѣ удовлетворенія только въ физическомъ насиліи. Время дѣлало свое и смягчало нравы. Женскіе институты и корпуса давали провинціи «новыхъ» женщинъ и «новыхъ» мужчинъ. И провинціальные балы были именно тою ареной, на которой эти новые люди явились въ полномъ блескѣ. Губернскіе балы, особенно въ дворянскихъ собраніяхъ, были вполнѣ маленькими копіями петербургскихъ аристократическихъ, а, можетъ быть, даже и придворныхъ баловъ. Дамы отличались изяществомъ и роскошью туалетовъ, а кавалеры, особенно военные, — гвардейскимъ лоскомъ и гусарскою ловкостью. Это была именно пора той переходной культуры, когда институтки и военные популяризировали въ провинціи петербургскій аристократизмъ. Для высшаго провиніальнаго круга онъ былъ обязателенъ, пожалуй, и ранѣе, теперь же этотъ кругъ сталъ шире и свѣжѣе, и вообще внѣшній аристократизмъ нашелъ себѣ въ помѣщичьемъ быту благопріятную почву.

Погоня за аристократизмомъ была своего рода несчастьемъ, а пожалуй—даже и мукой. Я зналъ въ Самарѣ одну даму, жену предсѣдателя, которая располагала, повидимому, всѣми возможностями, чтобы быть аристократкой (ужъ одно, что она имѣла тридцать тысячъ въ годъ доходу), и всетаки она могла быть аристократкой только въ уѣздномъ городѣ, а не въ губернскомъ. Домъ ея былъ поставленъ вполнѣ по образцу высшихъ петербургскихъ домовъ, вездѣ была дорогая мебель, дорогія драпри, бронза, золото, хрусталь, зеркала; гостиная явилась цѣликомъ изъ французскаго мебельнаго магазина, ея будуаръ походилъ на изящно убранную душистую коробочку, бѣлье свое она посылала стирать въ Москву, дѣтей одѣвала маленькими шотланд-

цами и миніатюрными леди, которыхъ кружевныя панталончики были изящнѣе даже бумажныхъ кружевъ конфектныхъ коробочекъ; маленькихъ шотландцевъ и миніатюрныхъ леди держали всегда наверху, потому что они дѣлали внизу безпорядокъ, и потому еще, что такъ принято въ хорошихъ домахъ въ Петербургѣ. Сама она выходила въ гостиную ровно въ 3 часа, разодѣтая въ кружева и ленты и слегка напудренная, и открывала пріемъ. Раньше 3-хъ часовъ ее увидѣть было нельзя. И жизнь ея текла мирно, спокойно и красиво, и казалось, она нашла себѣ полное счастье въ кружевахъ и лентахъ; но вотъ пріѣхалъ изъ Симбирска губернаторъ, князь Черкасскій (Самара была еще уѣзднымъ городомъ), а изъ Петербурга—чиновникъ особыхъ порученій Лашкаревъ, оба съ манерой того времени говорить по русски только о дѣлахъ,—и душевный миръ ея исчезъ, и она почувствовала себя глубоко униженной. Я помню такой случай. Черкасскому кто-то изъ мѣстныхъ представителей далъ парадный обѣдъ, и Черкасскаго посадили рядомъ съ нею. Черкасскій громко на весь столъ обратился къ ней съ французскою фразой, и вся кровь бросилась ей въ лицо, потому что она могла отвѣчать только по русски... Черезъ годъ, впрочемъ, она говорила по французски не хуже князя Черкасскаго. А между тѣмъ это была женщина несомнѣнно умная, но съ болѣзненно развитымъ чувствомъ аристократическаго достоинства.

Аристократизмъ, съ его внѣшнимъ благообразіемъ, изяществомъ, блескомъ и величіемъ, былъ высшею формой нашей тогдашней культуры. Но этотъ красивый цвѣтокъ выросъ на почвѣ крѣпостного права, которое совершенно перепутывало всѣ понятія. Каждый чувствовалъ свое достоинство только въ первенствѣ, каждый хотѣлъ быть выше другого, имѣть власть надъ нимъ, чѣмъ нибудь отъ него отличаться; каждый хотѣлъ быть первымъ, и никто не хотѣлъ быть равнымъ. Гвардеецъ чувствовалъ себя выше кавалериста, кавалеристъ выше армейца, армеецъ выше штатскаго. Въ этомъ заключалось достоинство положенія. Но были еще и другія человѣческія достоинства. Такъ, одни отличались богатствомъ, другіе — ростомъ, третьи — происхожденіемъ, четвертые—манерами и безукоризненнымъ знаніемъ французскаго языка. Тотъ, кто танцовалъ «легкіе» танцы, считалъ себя выше того, кто умѣлъ танцовать только французскую кадриль и уклонялся галопировать въ шестой фигурѣ; были кавалеры, достоинство которыхъ заключалось въ умѣньѣ танцовать мазурку, а въ Самарѣ былъ одинъ молодой танцоръ, отличавшійся тѣмъ, что онъ необыкновенно скользилъ въ вальсѣ и галопѣ, точно катался на конькахъ. Потомъ обнаружилось, что онъ намазывалъ подошвы сапоговъ саломъ (и перепортилъ въ Самарѣ весь паркетъ).

Несмотря, однако, на кажущуюся личность тогдашняго человѣческаго достоинства, оно было скорѣе стаднымъ, чѣмъ личнымъ,—оно было достоинствомъ положенія и принадлежности къ чему-то, что собственно и давало значеніе человѣку. Тогда, напримѣръ, непомѣрно высоко ставилась честь мундира, достоинство дворянскаго званія, достоинство положенія начальника. Поэтому можно было оскорбить въ помѣщикѣ его дворянское достоинство, нисколько не оскорбляя человѣка лично. Это даже какъ будто и непонятно, но становится вполнѣ понятнымъ, если представить себѣ человѣка, все достоинство котораго зависитъ только отъ его правъ. Совершенно подобное можно увидѣть нынче въ деревенскихъ старшинахъ. Былъ человѣкъ простымъ, сѣрымъ мужикомъ и всегда чувствовалъ себя маленькимъ, и вдругъ этого маленькаго человѣка выбираютъ старшимъ, даютъ ему «право»,—ну, и проникнется «достоинствомъ», заколобродитъ, даже сѣчь начнетъ. А отнимите отъ него власть и право,—и онъ станетъ опять прежнимъ сѣрымъ, маленькимъ и хорошимъ мужикомъ.

Институты и корпуса (а особенно, но ужъ это потомъ, университеты) много смягчили эту грубую форму права и власти, и аристократизмъ поднялъ достоинство личности и очень выдвинулъ впередъ значеніе личныхъ качествъ. Это личное могло заключаться хотя бы только въ умѣньѣ хорошо танцовать мазурку или легко скользить по паркету на сальныхъ подошвахъ, и всетаки это было особенностью личною, несомнѣнною принадлежностью отдѣльнаго человѣка, его собственною изобрѣтательностью, собственною ловкостью, собственнымъ умомъ. Еще больше подняли значеніе личности университеты, создавъ интеллигентное сознаніе.

Но институты, и корпуса, и интеллигентное сознаніе на первое время только еще болѣе усилили разстояніе между людьми и сообщили лишь внѣшнюю мягкость отношеніямъ, оставивъ въ нихъ сущность прежнюю. Я уже говорилъ, какъ ѣхалъ разъ ночью изъ села Майны въ Самару съ управляющимъ удѣльною конторою, какъ насъ мчали съ быстротою вѣтра, какъ отъ станціи до станціи скакали впереди насъ вершники, съ фонарями въ рукахъ, и освѣщали дорогу, какъ на станціяхъ встрѣчали сельскія власти и крестьяне, стоявшіе безъ шапокъ, и кланялись намъ въ поясъ, и съ какимъ величественно-сановитымъ достоинствомъ управляющій, проходя въ станціонную избу, благосклонно кивалъ головою направо и налѣво. Это былъ начальникъ изъ «новыхъ», кончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ. Онъ уже не сидѣлъ въ присутствіи на тронѣ и не возвѣщалъ о своемъ приходѣ ямскимъ колоколомъ,—это было хорошо для какого нибудь Калакуцкаго, выслужившагося изъ приказныхъ. Новые люди умѣли вносить обаяніе власти, но боялись ихъ, пожалуй, еще больше. Путиловъ, хотя и не изъ университетскихъ, но умѣлъ держать себя такъ, что ему было достаточно сдвинуть брови, и весь домъ заходитъ на цыпочкахъ. Онъ былъ очень хорошъ со своими крестьянами, еще лучше—съ дворовыми; у него лакеи были изъ музыкантовъ, и въ комнатахъ, и за столомъ прислуживали нѣсколько человѣкъ, все скрипачи. Эти скрипачи, а особенно первый скрипачъ Дмитрій, любимецъ Путилова, были настоящими артистами въ услугѣ. Имъ не нужно было приказывать,—они знали привычки барина лучше, чѣмъ свои скрипки, и читали Пути-

лова, какъ ноты, понимали каждый его взглядъ, понимали тонъ его голоса, а Дмитрій, казалось, читалъ и его мысли. Этого, разумѣется, нужно было достигнуть, и я не знаю, чему тутъ слѣдуетъ болѣе удивляться—искусству ли, съ которымъ власть достигала такого обаянія, или силѣ, съ которой она могла до такой степени подавить человѣка.

Въ той же Самарѣ и въ то же время управлялъ откупомъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ изъ «новыхъ» купцовъ, окончившій курсъ въ Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и прожившій затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ за границей два года. Я былъ съ нимъ знакомъ очень коротко и только черезъ годъ узналъ (посѣщая его каждый день), что у него есть сестра. Онъ стыдился ее показывать, потому что она не говорила по французски и получила простое домашнее воспитаніе, держалъ ее дома взаперти, какъ держали въ старину женщину въ теремахъ, никогда на улицу не показывался съ нею вмѣстѣ и ужасно боялся, чтобы «необразованная» сестра не уронила его во мнѣніи высшаго самарскаго общества, въ которомъ онъ былъ принятъ. А между тѣмъ сестра его была прекрасная, добрая и умная дѣвушка, понимавшая многія вещи лучше своего «образованнаго» брата. Такого сквернаго стыда прежняя полудикая Россія не знала, и онъ явился къ ней лишь вмѣстѣ съ аристократизмомъ.

Зналъ я въ Самарѣ молодого ассесора палаты, въ которомъ сознаніе, что онъ университетскій (онъ былъ изъ Казанскаго университета), развило невозможную щепетильность и обидчивость. У него, кажется, не было другого чувства, кромѣ боязни — сдѣлать что нибудь такое, что могло бы нарушить равновѣсіе его интеллигентнаго достоинства, и чтобы кто нибудь другой тоже не учинилъ подобнаго нарушенія. Онъ былъ одѣтъ всегда безукоризненно чисто, въ черномъ сюртукѣ, на которомъ не было ни пылинки, ни складочки, перчатокъ онъ не снималъ, цилиндра не выпускалъ изъ рукъ и, какъ мнѣ помнится, никогда не садился. Такъ онъ держалъ себя, когда приходилъ запросто. На балахъ и вечерахъ онъ никогда не танцовалъ, а стоялъ, прислонившись къ колоннѣ, къ двери или стѣнѣ, заложивъ правую руку за жилетъ и, конечно, не выпуская изъ лѣвой руки цилиндра, и посматривалъ на танцующихъ съ легкой иронической одобрительной улыбкой. Сдержанъ онъ былъ до невозможности, и съ нимъ было ужасно трудно быть знакомымъ. Онъ считался визитами не только съ самыми короткими знакомыми, но былъ просто невозможенъ своею щепетильною боязнью утратить нравственную независимость. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ способовъ, которымъ онъ ее возстановлялъ. Я былъ съ нимъ знакомъ коротко, но онъ и у меня не снималъ перчатокъ и не разставался со своимъ цилиндромъ; случалось, что за закуской онъ съѣстъ у меня два пирожка и затѣмъ, въ ближайшій разъ, когда я къ нему пріѣду, я обязательно долженъ былъ съѣсть у него тоже два пирожка. Если же я съѣдалъ три пирожка, онъ дѣлался доволенъ. (О моей нравственной назависимости онъ, очевидно, не заботился). И такихъ-то людей, способныхъ убить всякую простоту отношеній и даже всякую общественность, вырабатывалъ теперь вновь народившійся умственный аристократизмъ съ его умственнымъ деспотизмомъ. Вотъ ужъ именно по пословицѣ: «не мытьемъ, такъ катаньемъ»,—если нельзя ужъ было давить старыми способами, люди стали давить новыми.

И всетаки люди тутъ были непричемъ. Умственный аристократизмъ несомнѣнно увеличивалъ общественный разладъ, онъ даже разъѣдалъ семью, потому что «образованный» братъ стыдился «необразованной» сестры, и образованныя дѣти стыдились необразованныхъ родителей. Къ прежнему дѣленію людей на богатыхъ и небогатыхъ, повелѣвающихъ и повинующихся, прибавилось новое дѣленіе на образованныхъ и необразованныхъ, умныхъ и глупыхъ; но вѣдь все это и не могло быть иначе, если весь общественный бытъ былъ основанъ на томъ, что одни должны быть непремѣнно больше, а другіе — непремѣнно меньше, и если только въ стремленіи къ большому росту и къ большой власти надъ людьми, какая бы она тамъ ни была, заключался весь смыслъ жизни и все человѣческое честолюбіе.

Умственный и свѣтскій аристократизмъ бросался въ глаза преимущественно въ городской жизни, а въ деревенской, т.-е. въ помѣщичьихъ усадьбахъ, онъ былъ замѣтенъ не такъ рѣзко. Хотя и въ деревняхъ богатые и крупные владѣльцы держались только богатыхъ и крупныхъ, а мелкіе—мелкихъ, но и тѣхъ, и другихъ всетаки раздѣляло пространство, и они могли прожить цѣлый вѣкъ, не видя другъ друга. Въ городахъ же пространства не было, и аристократическое общество стояло безъ всякаго промежутка и совсѣмъ рядомъ съ обществомъ не аристократическимъ. Человѣкъ низовъ, сидя у окна, могъ видѣть, какъ аристократическое общество несется на тройкахъ на пикникъ или собирается на балъ въ дворянское собраніе, и зналъ онъ при этомъ, что если у него нѣтъ умственнаго или свѣтскаго ценза, то ужъ ему никогда не попасть ни на шумный и блестящій аристократическій пикникъ, ни на балъ дворянскаго собранія, и не подняться съ низшей общественной ступени на высшую. Въ этомъ заключалась роковая судьба человѣка, опредѣлявшая и устанавливавшая все его будущее. Напримѣръ, сестра говорившаго по французски управляющаго откупомъ этой самой роковою судьбой была обречена держаться тѣхъ общественныхъ низовъ, для которыхъ были закрыты двери и мраморныхъ залъ дворянскаго собранія, и петербургской гостиной честолюбивой жены управляющаго (хотя для ея брата двери эти были открыты), и выйти замужъ за секретаря думы. А секретарь думы—человѣкъ очень умный и способный, но тоже не имѣвшій свѣтскаго ценза и учившійся только въ семинаріи, той же роковой судьбой былъ обреченъ остаться навсегда секретаремъ.

Казалось бы, что свѣтскій и умственный цензъ, такъ легко поднимающій человѣка, что достаточно было одного французскаго языка, чтобы попасть въ верхи, давалъ и очень легкую возможность маленькому человѣку стать побольше. Но въ томъ-то и дѣло, что это вовсе не было такъ легко. Крѣпостное

дѣленіе людей на большихъ и малыхъ, властныхъ и безвластныхъ — предрѣшало каждому уже при его рожденіи его будущее мѣсто. Это былъ тотъ кальвинизмъ, который роковымъ образомъ дѣлилъ всѣхъ заранѣе на осужденныхъ и спасенныхъ. Клубокъ только затягивался, запутывался, прибавлялись къ нему новые узлы и петли, но роковой кальвинизмъ держалъ всѣхъ въ своихъ рукахъ. Вся жизнь, все людское честолюбіе, всѣ стремленія и желанія отдѣльныхъ людей сводились къ глупымъ, безсмысленнымъ мелочамъ и къ ничтожнымъ удовлетвореніямъ ничтожными средствами ничтожнаго достоинства, вродѣ возстановленія своей нравственной независимости двумя пирожками, или къ честолюбивому стремленію заговорить, наконецъ, съ княземъ Черкасскимъ по французски, или скользить въ галошѣ на сальныхъ подошвахъ. Даже умные отъ природы люди тратили свои способности на униженіе ближнихъ издѣвательствами и на безплодное остроумничанье. Очевидно, что умственный и свѣтскій аристократизмъ не спасъ никого и не создалъ лучшихъ и болѣе человѣческихъ, справедливыхъ отношеній. Общество тупѣло и дичало, и не могло найти никакого выхода изъ своей общественной безсознательности. И въ то же время оно скучало, оно было нравственно неудовлетворено, куда-то рвалось, хотѣло чего-то другого и не находило въ своей жизни никакого разумнаго удовлетворенія. Отдѣльный человѣкъ имѣлъ какъ будто и ясно сознанную цѣль—создать себѣ достоинство; но тѣми средствами и возможностями, которыя были въ его распоряженіи, какое же достоинство можно было себѣ создать?!

То, что я сейчасъ говорилъ, относится къ 1851 г. Прошло ровно десять лѣтъ; свершилось освобожденіе; экономическій строй измѣнился, а съ нимъ исчезъ, какъ думали, крѣпостной строй жизни. Теперь и прежніе люди стали какъ бы совсѣмъ иными, явились у нихъ иныя дѣла, а съ иными дѣлами пошли и другія мысли, возникли иныя стремленія, и явились даже общественные идеалы.

Особенно рѣзко обнаружилась новая разница въ ростѣ людей. Былые крупные люди, наводившіе такой страхъ, теперь этого страха не наводили и сразу стали гораздо меньше; а тѣ, кто ихъ такъ боялся, бояться перестали и сразу стали гораздо больше. Люди, лишившись власти другъ надъ другомъ, не только сравнялись въ правахъ, но стали равнѣе и умственно.

Прежней крѣпостной Россіи ни думать, ни знать что нибудь не было причины. Теперь же, только готовясь къ освобожденію, Россія въ пять лѣтъ передумала и перечитала столько, что сразу ушла на тысячу лѣтъ впередъ. Я знаю, что на аптекарскихъ вѣсахъ не свѣсить знаній, мыслей и идей, и что нѣтъ календаря, которымъ бы можно было опредѣлить умственную зрѣлость страны годами. Но несомнѣнно, что если народу приходится перестраивать свой бытъ, и ради этого нужно думать и знать, то онъ развиваетъ въ себѣ внезапно такую громадную умственную силу, умственное движеніе обнимаетъ такую массу людей, что страна сразу поднимается на небывалую интеллигентную высоту и легко разрѣшаетъ самыя трудныя и запутанныя общественныя задачи. Такъ это и случилось въ періодъ освобожденія. Теперь думающій и читающій человѣкъ пересталъ быть рѣдкостью, какъ это было въ крѣпостное время, да и думать ему пришлось о такихъ вопросахъ, которымъ прежде онъ не зналъ и названія. Всѣ стали умнѣе, всѣ стали умственно больше, выдѣлиться изъ этой массы умственно выросшихъ людей прежнимъ крупнымъ людямъ было уже нечѣмъ, потому что они стали толпой, а чтобы стать выше новой умственной толпы, требовался ужъ и совсѣмъ другой ростъ, какого прежде не бывало. Только въ этомъ и причина, что новыя поколѣнія кажутся мельче. Люди стали меньше потому, что сдѣлались больше.

Но не одно освобожденіе сблизило людей и измѣнило ихъ величину,—помогло этому и усилившееся сношеніе, помогли желѣзныя дороги, пароходы, даже конки. Прежде военный генералъ былъ совсѣмъ большая и почти недоступная особа съ трепетомъ, бывало, встрѣтишь его на улицѣ и отдаешь честь съ боязнью, чтобы не нашелъ какихъ нибудь нарушеній или отступленій отъ формы. Я помню, какъ на Сергіевской встрѣтилъ разъ великаго князя Михаила Павловича. Улица была почти пуста. Избѣгнуть встрѣчи было невозможно. Я незамѣтно, подъ шинелью, спряталъ цѣпочку отъ часовъ, провелъ по всѣмъ пуговицамъ, вообще привелъ себя въ порядокъ и, остановившись за четыре шага, сбросилъ шинель съ праваго плеча и приложилъ руку къ шляпѣ. Сбрасывая шинель, я старательно закрылъ ею ноги, чтобы ихъ совсѣмъ не было видно; сдѣлалъ я это по чувству страха,—такъ, на всякій случай, все безопаснѣе. Великій князь, поровнявшись со мной, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, отдалъ честь и прошелъ мимо. Я даже не помнилъ себя отъ радости, что все кончилось такъ хорошо, и былъ особенно доволенъ, что ловко спряталъ ноги.

Бывали и генералы такіе же строгіе, съ которыми страшно было встрѣтиться на улицѣ, а теперь съ этимъ же страшнымъ генераломъ усядешься рядомъ въ конкѣ и ничего не боишься. Министра Киселева я видѣлъ въ десять лѣтъ два раза, а смѣнившаго его Муравьева могъ видѣть каждый день, еслибъ это было нужно. Въ «*Гражданинѣ*» есть теперь даже особая рубрика: *Пріемные дни у гг. министровъ*. Когда послѣ дѣла М. Л. Михайлова меня назначили на службу въ Астрахань, и я подалъ въ отставку, то товарищъ министра А. А. Зеленый (военный генералъ) призвалъ меня къ себѣ, усадилъ въ гостиной въ кресло и убѣждалъ (именно убѣждалъ) ѣхать въ Астрахань и не ѣздить въ Сибирь, куда я ему сказалъ, что хочу ѣхать. Товарища же министра Киселева, Гамалѣя, я видѣлъ во всю свою службу только разъ, да и то по случаю необычайной командировки.

Прежде солдаты обѣгали Невскій проспектъ, боясь безпрестанныхъ встрѣчъ съ офицерами, потому что передъ каждымъ офицеромъ слѣдовало остановиться, снять шапку и вытянуться. Теперь же и

солдаты стали ходить по Невскому безтрепетно. Въ провинціи, въ деревнѣ, повсюду явились подобныя же упрощенныя отношенія. Былой помѣщикъ совсѣмъ не говорилъ съ мужикомъ, а только посылалъ ему приказанія черезъ старосту или бурмистра, теперешній же—сталъ входить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, самъ нанимаетъ его на работы, самъ продаетъ или покупаетъ хлѣбъ и толкуетъ съ нимъ о земскихъ дѣлахъ.

Впрочемъ, все это были больше внѣшнія, механическія отношенія, — они устанавливались сравнительно легко, и трудности заключались не въ нихъ. Трудности заключались въ томъ, чтобы переходный человѣкъ нашелъ себѣ мѣсто въ новой природѣ и создалъ себѣ новое достоинство, потому что старое уже негодилось. Переходный человѣкъ въ этомъ отношеніи напоминалъ лубочную картинку, на которой изображенъ юноша между добродѣтелью и порокомъ. Добродѣтель тянетъ его въ одну сторону, порокъ — въ другую, а юноша стоитъ съ печальнымъ лицомъ, растопыривъ ноги, и не подается ни въ ту, ни въ другую.

Нѣчто подобное у насъ именно и случилось съ личностью послѣ освобожденія крѣпостныхъ. Я говорю только о среднемъ человѣкѣ, который составляетъ массу, служитъ для жизни широкимъ основаніемъ и играетъ въ ней главную роль только потому, что этого средняго человѣка всегда очень много, и что всегда и повсюду, т. е. не у насъ однихъ, онъ образуетъ правящее поколѣніе. Право на такое положеніе ему даетъ еще и возрастъ. Освобожденіе свершилось всего 26 лѣтъ назадъ. Слѣдовательно, теперешній сорокалѣтній человѣкъ выросъ въ привычкахъ, повадкахъ, а частью и понятіяхъ прежняго русскаго обихода. А такъ какъ возрастъ правящаго поколѣнія считается отъ 30 до 60 лѣтъ, то нынѣшнему сорокалѣтнему среднему человѣку остается быть въ правящемъ поколѣніи еще двадцать лѣтъ. Можетъ быть, эта «математическая» теорія прогресса и не вполнѣ непогрѣшима, но практически она все-таки уясняетъ, что намъ еще долго ждать чего нибудь хорошаго.

Изъ числа этихъ людей средняго уровня мнѣ пришлось встрѣтить одинъ очень любопытный образчикъ переходности, любопытный именно по своей сложности и по тому, что въ немъ путалась и обособливалась личная наслѣдственность и крѣпостныя повадки съ послѣдующимъ умственнымъ вліяніемъ.

Я познакомился съ К., когда ему было лѣтъ тридцать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе очень сдержаннаго, скромнаго и конфузливаго человѣка, да такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Знакомство наше было больше внѣшнее, и случай узнать его представился мнѣ много послѣ. Но и тутъ, когда, казалось, ему ужъ небыло причины передо мной скрываться, мнѣ нескоро удалось проникнуть въ его нутро и разгадать эту замкнутую и, повидимому, загадочную натуру.

По умственному и душевному содержанію это былъ, повидимому, средній русскій человѣкъ, какихъ, пожалуй, много, и въ то же время это былъ особенный человѣкъ, какихъ мало. Его внутренній міръ былъ для него святилищемъ, истиннымъ святая-святыхъ, въ которое онъ не только никого не пускалъ, но если онъ замѣчалъ, что посторонній глазъ туда проникаетъ,—сейчасъ же сжимался или старался себя замаскировать. Это дѣлалось въ немъ совершенно непроизвольно, — также непроизвольно, какъ сжимается мимоза отъ посторонняго прикосновенія.

Въ немъ изумительнымъ образомъ перемѣшивались самыя рѣзкія крайности—великодушіе съ безжалостностью, нѣжность съ грубостью, щедрость со скупостью, застѣнчивость и скромность съ рѣзкимъ наскокомъ. То бывалъ онъ уступчивъ и мягокъ, то безъ всякой видимой причины всѣмъ и во всемъ противорѣчилъ. Онъ выслушивалъ иногда самую неприкрашенную правду, а то не переносилъ ни малѣйшаго возраженія.

Активность и пассивность перепутывались въ немъ самымъ капризнымъ образомъ. Иногда онъ бывалъ мягокъ, предупредителенъ и уступчивъ въ активномъ состояніи, а то внезапно начиналъ импонировать, ораторствовать, командовать, давить всѣхъ деспотизмомъ и требовать, чтобы все дѣлалось, какъ ему хочется. Вообще, онъ постоянно колебался между дѣятельнымъ и недѣятельнымъ. Въ недѣятельномъ состояніи въ немъ клубились смутныя чувства, неясныя ощущенія, путались противоположныя душевныя теченія, и онъ задумывался и затихалъ. Когда же наступалъ дѣятельный моментъ, къ немъ сразу развивалась очень сильная внѣшняя энергія, его *я* вдругъ выростало, и онъ становился маленькимъ самодержцемъ.

Но и въ дѣятельномъ, и недѣятельномъ состояніи въ немъ чувствовалось что-то вѣчно протестующее, вѣчно защищающее и отстаивающее свое *я*; онъ всегда былъ насторожѣ, готовый охранять себя отъ какихъ-то покушеній, воображаемыхъ или дѣйствительныхъ, но всегда возбуждавшихъ въ немъ недовѣрчивость. Жизнь не была для него «отношеніями»; вся житейская многосложность сводилась въ немъ къ одному упрощенному итогу взаимныхъ покушеній. Во всемъ и вездѣ ему видѣлись только покушенія людей другъ на друга, и то же ему казалось и по отношенію къ нему. Ему думалось, что всѣ хотятъ его эксплоатировать, пользоваться имъ для своихъ личныхъ цѣлей,—и всю свою жизнь онъ свелъ къ борьбѣ, къ самозащитѣ, къ сторожливой самоохранѣ.

Это было какое-то безмѣрное *я*, безпредѣльно развитое чувство личности, болѣзненно впечатлительное и искусственно возбужденное, какая-то подвинченная нравственная упругость. Его можно было сравнить съ огнестрѣльнымъ снарядомъ, который обнаруживаетъ тѣмъ большую упругость газовъ, чѣмъ сильнѣе сдерживающее давленіе. И онъ именно выросъ подъ вліяніемъ подобнаго давленія.

Корпусъ, въ которомъ онъ воспитывался, развилъ и укрѣпилъ въ немъ привычки повиновенія и исполнительности, требовательности и формализма, и вообще имѣлъ на него большое воспитательное

вліяніе. Эти четыре привычки сливались въ немъ въ одно цѣльное общее, но господствующей, повелѣвающей и руководящей силой была въ немъ исполнительность. К. былъ изумительный исполнитель, и этому, кромѣ привычки повиновенія, которую онъ пріобрѣлъ въ корпусѣ, помогли, конечно, и его личныя особенности. Исполнительность онъ понималъ, какъ чувство долга, но это не было то общественное чувство, которое выражается въ наслѣдственномъ доброжелательствѣ; его чувство долга выросло изъ дисциплины и было лишь добросовѣстнымъ выполненіемъ взятыхъ на себя обязанностей. К. былъ добросовѣстный и честный человѣкъ, и свою добросовѣстность и честность онъ именно и понималъ въ неупустительномъ, доходящемъ до педантизма, исполненіи обязательствъ. Я зналъ К. уже вліятельнымъ лицомъ на общественной службѣ, и это вліятельное лицо работало съ такою неутомимою энергіей, такъ оно вникало во все и повсюду, что казалось, что имъ однимъ все и дѣлалось.

Исполнительность К. была очень прямолинейной и превращалась въ немъ даже въ искусство для искусства. Вообще корпусъ выработалъ въ немъ въ совершенствѣ исполнительный органъ и въ то же время не вложилъ въ К. идеи порядка. Это было замѣтно на всемъ его хозяйствѣ и во всемъ его домашнемъ обиходѣ. Его комната, напримѣръ, была настоящей кучей Плюшкина (онъ самъ называлъ ее такъ): гвозди, книги, бумаги, жестянки съ красками и лакомъ, скипидаръ, веревки, ломанное желѣзо, свертки старыхъ обоевъ—были перемѣшаны у него въ живописномъ порядкѣ, а письменный столъ его былъ буквально загроможденъ Богъ знаетъ чѣмъ. И ему было рѣшительно некогда устроить у себя порядокъ, потому что онъ спѣшилъ что-то сдѣлать и вѣчно суетился. Это была просто дурная корпусная привычка, потому что въ корпусѣ все дѣлалось по часамъ, и всегда нужно было торопиться, чтобы успѣть.

Привычка къ исполнительности какъ бы совсѣмъ уничтожила въ немъ работу критической мысли. А между тѣмъ К. былъ человѣкъ положительно неглупый, а иногда даже излишне головной и холоднаразсудочный. Мнѣ даже казалось, что эта холодная разсудочность создалась въ немъ привычкой исполнительности. Для него человѣкъ исчезалъ въ исполнителѣ. Онъ никогда не справлялся: сытъ ли, одѣтъ ли человѣкъ, сколько у него силъ, что и какъ на душѣ. Все живое, человѣческое было для него какъ бы постороннимъ и къ дѣлу не относящимся. Требовалось только исполненіе, и точное исполненіе. Поэтому къ слабосильнымъ или болѣзненнымъ людямъ онъ относился безъ участія, и вовсе не потому, чтобы въ немъ не было жалостливости, а только потому, что слабый и болѣзненный сдѣлаетъ менѣе сильнаго и здороваго. Вообще человѣкъ съ его нуждами, потребностями и желаніями для него какъ бы не существовалъ, человѣкъ былъ для него лишь механическимъ, исполнительнымъ орудіемъ чего-то, а въ чемъ заключалось или должно было заключаться это «что-то»,—воспитаніе ему не открыло.

Можетъ быть, онъ не обращалъ вниманія на чужія нужды и потребности еще и по другой причинѣ. Въ самоограниченіи, самопожертвованіи, лишеніяхъ, перенесеніи трудностей онъ видѣлъ силу и проникался къ ней инстинктивнымъ уваженіемъ, а усложненныя потребности и наклонности къ матеріальнымъ удобствамъ казались ему слабостью и вызывали въ немъ чувство пренебреженія. Вообще онъ высоко ставилъ физическое мужество. Еслибы такое тяготѣніе къ ограниченіямъ нуждъ и потребностей доходило въ немъ до сознательнаго стоицизма, то это было бы цѣлое міровоззрѣніе, но дѣло такъ далеко не шло. Его стоицизмъ былъ скорѣе зачаточнымъ ощущеніемъ и сводился къ представленію о молодцоватости, которое онъ высоко цѣнилъ въ другихъ и развилъ привычкою въ себѣ. Въ немъ самомъ инстинктъ и привычка къ самоограниченію и лишенію доходили даже до смѣшного. Если ему представлялся выборъ между удобствомъ и неудобствомъ, излишествомъ или лишеніемъ, онъ непремѣнно выбиралъ неудобство и лишеніе. Имѣя рессорный экипажъ, онъ никогда въ немъ не ѣздилъ; отправляясь рано утромъ въ дорогу, онъ никогда не пилъ чаю и не закусывалъ, чтобы быть налегкѣ; въ холодную, осеннюю погоду онъ отправлялся въ путь въ лѣтнемъ пальто, точно онъ совершалъ военный переходъ, въ которомъ все лишнее было бы помѣхой; въ дорогѣ онъ питался только хлѣбомъ да чаемъ; пріѣзжая въ городъ, напримѣръ, въ Петербургъ, онъ держалъ себя тоже впроголодь, на чаѣ и бѣломъ хлѣбѣ; онъ всегда ходилъ пѣшкомъ и совершалъ иногда поистинѣ суворовскіе переходы. Подобнымъ «стоицизмомъ» и насмѣшками надъ «изнѣженностью» онъ, особенно въ молодежи, вызывалъ въ себѣ почтительное изумленіе.

Тяготѣніе къ лишеніямъ въ сторону минусовъ, а не плюсовъ, доходило въ немъ почти до самомучительства. Онъ, конечно, не могъ сравняться въ этомъ отношеніи съ Достоевскимъ, находившимъ наслажденіе въ зубной боли; но страдательное положеніе было для него настолько обычнымъ, что онъ оставался къ нему совершенно пассивнымъ и не дѣлалъ ничего, чтобы изъ него выйти. Надо было, чтобы зубная боль промучила его дня три, чтобы на четвертый онъ рѣшился прибѣгнуть къ какому нибудь средству. «Пройдетъ!»—говорилъ онъ обыкновенно, и въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно проходило. По отношенію къ другимъ онъ держался того же правила.

Онъ былъ, повидимому, уступчивъ и деликатенъ, но въ то же время могъ внезапно перемѣнить тонъ и держать себя не только повелительно, но даже рѣзко и грубо, еслибъ ему показалось, что его властительское достоинство чѣмъ нибудь нарушено. Иногда онъ принималъ генеральскій тонъ и безъ всякихъ поводовъ, а просто такъ—не то по забывчивости, не то по внезапно явившемуся настроенію или потому, что его кто нибудь разсердилъ.

Въ домѣ онъ не считалъ себя хозяиномъ, хотя ему было очень пріятно, если ему оказывали исключительное вниманіе; но внѣ дома, въ хозяйствѣ, онъ держалъ себя абсолютнымъ владыкой и ника-

кого посторонняго вмѣшательства или раздѣленія власти не допускалъ Онъ былъ абсолютистъ и по привычкамъ воспитанія, и по убѣжденію, и если допускалъ двоевластіе въ домѣ, то смотрѣлъ на это, какъ на добровольную уступку, собственно для облегченія своей власти и въ ея же интересахъ. Въ принципѣ же ему принадлежало первое мѣсто повсюду, и домъ, семья были лишь видоизмѣненіемъ его *я*, узаконеннымъ его выраженіемъ, осложненной формой, усиливавшею и возвышавшею его достоинство и сообщавшею его *я* законченность и опредѣленное положеніе въ жизни.

Семейное чувство было въ немъ сильно, но тоже только потому, что семья была лишь его придаткомъ, создавшимъ его домъ, а «домъ» значило продолженіе его рода, дальнѣйшее продолженіе его самого. Вообще родовое чувство было развито въ немъ очень сильно, и оно придавало ему особенную цѣну въ его собственныхъ глазахъ. Другія его личныя качества, умственныя или нравственныя, при сравненіи съ подобными же качествами другихъ людей, могли еще возбуждать сомнѣніе, хотя при сравненіи себя съ другими онъ, какъ и большинство людей съ приподнятымъ личнымъ чувствомъ, гораздо легче замѣчалъ то, что было меньше его, чѣмъ то, что было больше, а потому сравненіе всегда оказывалось въ его пользу; но относительно его родовитости никакихъ сомнѣній быть не могло, достоинство его происхожденія и его улучшенной породы (онъ былъ обыкновенный, не титулованный дворянинъ) было для него настолько же несомнѣнно, насколько несомнѣнно, что утученный черноземъ лучше тощаго песка.

И въ то же время этотъ горделивый своимъ происхожденіемъ человѣкъ имѣлъ всѣ привычки мужика и былъ настоящимъ омужичившимся бариномъ. Деревня была его стихіей; онъ не только любилъ землю, но и весь смыслъ жизни исчезалъ для него внѣ земли. Онъ только и жилъ полною жизнью среди своихъ полей, яблонь, пчелъ, коровъ, свиней. Каждое свое животное онъ зналъ, зналъ его нравъ и характеръ, каждому онъ давалъ имя и обращался съ коровами и свиньями гораздо ласковѣе, чѣмъ съ людьми. Онъ гладилъ и похлопывалъ съ нѣжностью коровъ, чесалъ свиней за ушами, очищалъ имъ носы отъ грязи и былъ совершенно счастливъ, когда на его ласки животныя отвѣчали ласками.

Деревня наложила на него ту же печать, какъ и на мужика, дала ему ту же практичность, то же здравомысліе, то же пониманіе только возможнаго и осуществимаго. Поэтому онъ считалъ непроизводительнымъ все то, что не давало непосредственнаго практическаго результата. Дороги у него были грязныя, даже въ его усадьбѣ нельзя было пройти никуда безъ высокихъ сапоговъ, совершенно какъ въ мужицкомъ дворѣ, постройки у него были тоже мужицкія, вездѣ дуло и текло; вообще ни внѣшнія удобства, ни чистота для него не существовали, и не было у него въ нихъ никакой потребности.

И его «аскетизмъ», его урѣзываніе себя во всемъ, его нечувствительность къ потребностямъ и даже къ человѣческимъ страданіямъ получали въ деревнѣ смыслъ. Въ немъ, какъ и въ мужикѣ, недоставало многихъ чувствъ и понятій, которымъ самою практикой деревенской жизни не приготовлено никакого мѣста. Ну, что подѣлаетъ мужикъ и не мужикъ со всѣми деревенскими, болѣющими то «лихоманкой», то «нутромъ», то «сердцемъ», то «всѣмъ», то порубившими себѣ руки или ноги, то изуродованными разными опухолями? Или, что подѣлаетъ съ ежегодными погорѣльцами, съ нуждой, отправляющейся въ «кусочки» или изъ года въ годъ просящей у васъ хлѣба и сѣмянъ? Въ этомъ отношеніи деревня вырабатываетъ всѣхъ одинаково; выработала она и К. «Помогай себѣ самъ, потому что другой тебѣ не поможетъ»,—сдѣлалось его теоретическимъ выводомъ изъ деревенской дѣйствительности. Иногда его разсужденія на подобныя темы могли казаться просто жестокими, но онъ жестокъ не былъ, а только жалостливые разговоры считалъ пустыми словами, потому что изъ нихъ ничего не выходитъ.

Мужика онъ ставилъ невысоко и его словамъ и обѣщаніямъ не вѣрилъ. Этому научили его практическія деревенскія отношенія и сношенія съ торгующимъ и промышленнымъ людомъ. Первое время деревенская «нечестность» волновала К., онъ возмущался, что люди не держатъ слова, что на нихъ нельзя положиться, что они думаютъ только о себѣ. Но потомъ онъ понялъ, что мужицкій «эгоизмъ» происходитъ отъ того, что мужикъ и не можетъ глядѣть дальше своей личной нужды и сегодняшняго дня. И вотъ К., не то чтобъ уже совсѣмъ примирился съ подобными фактами, но онъ ихъ замѣтилъ, объяснилъ себѣ ихъ истинную сущность и затѣмъ сталъ держать себя насторожѣ, не довѣряя ни торговцу, ни мужику.

Въ К., точно въ какой нибудь геологической породѣ, можно было наблюдать разныя напластованія, принадлежавшія разнымъ эпохамъ. Въ немъ было собственно три *я*: одно—естественное, натуральное, съ которымъ К. родился, *я* съ добрыми инстинктами, съ хорошими наслѣдственными чувствами, вообще съ общественными задатками и наклонностями. Другое *я* было создано въ немъ воспитательными вліяніями и состояло исключительно изъ разныхъ привычекъ, положительныхъ и отрицательныхъ. Первыя изъ нихъ годились для общежитія, а вторыя совсѣмъ для него негодились. Наконецъ, третье *я*, зрѣлое и сознательное, вышло наружу уже въ послѣдній періодъ жизни К., въ эпоху освобожденія: его создало частью чтеніе, а большею частью — новыя отношенія и земская служба.

Эти три *я* въ К. не сливались и не могли слиться въ одно цѣлое. Крѣпостныя привычки дѣйствовали въ немъ съ силой инстинкта, толкавшаго его въ одну сторону, а идеи и понятія, принятыя имъ послѣ освобожденія, заставляли поступать совсѣмъ по другому. И вотъ получилась непримиримая двойственность и шаткость въ поведеніи и мысляхъ. Я не скажу, чтобы К. поступалъ однимъ образомъ, а разсуждалъ другимъ (что такъ обыкновенно у теперешнихъ переходныхъ людей), но онъ часто

разсуждалъ двойственно. Иногда въ немъ такъ и слышался крѣпостникъ, но довольно было даже самаго легкаго возраженія, чтобы К. поправился и началъ высказывать правильныя мысли. Въ К. было очень сильно чувство стыда, онъ искалъ одобренія и похвалы, дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и, какъ добрый человѣкъ, былъ склоненъ къ добру. Поэтому въ выборѣ между справедливымъ и несправедливымъ онъ всегда склонялся къ справедливому.

И тѣмъ не менѣе ветхій человѣкъ, именно тотъ человѣкъ, который заключался въ его привычкахъ «стоицизма», самоурѣзыванія и лишенія, имѣлъ надъ нимъ большую умственную власть и, перенесенный въ общественную дѣятельность, приносилъ свои плоды. Стоицизмъ этого ветхаго человѣка не былъ тѣмъ стоицизмомъ, который мы знаемъ, какъ философскую систему древнихъ. Стоицизмъ древнихъ былъ продуктомъ гордаго сознанія не смиряющагося человѣческаго духа. Древніе стоики учили, что въ мірѣ глупцовъ, наслаждающихся жизнью, истинно свободенъ только тотъ, кто постигнетъ все ничтожество внѣшнихъ благъ Извѣстенъ отвѣтъ Діогена Александру Македонскому; глупые придворные засмѣялись, но Александръ понялъ Діогена. Конечно, этотъ стоицизмъ не давалъ бѣднымъ ничего, кромѣ нравственнаго удовлетворенія, но зато онъ возвышалъ человѣческое достоинство бѣдняка. Если знатные и богатые кичатся своими богатствами, то бѣдные, незнатные должны искать удовлетворенія въ гордомъ сознаніи своего нравственнаго достоинства и въ ихъ презрѣніи къ суетности и тщеславію богачей. Но стоицизмъ, въ привычкахъ и понятіяхъ котораго выросъ К., училъ совсѣмъ не этому. Это былъ тотъ же стоицизмъ, которому поучалъ и Достоевскій. Древній стоицизмъ выросъ изъ гордаго сознанія человѣческаго величія, тогда какъ стоицизмъ, который внушили К., выросъ изъ сознанія человѣческой малости. Первый стоицизмъ былъ поэтому ученіемъ общественнымъ, второй—противообщественнымъ. Одинъ протестовалъ, другой смирялся; одинъ уравновѣшивалъ, другой еще больше нарушалъ равновѣсіе. Для перваго—человѣкъ былъ частью природы, имѣющей въ ней свою долю счастья, для второго—человѣкъ являлся лишь механическимъ, исполнительнымъ орудіемъ чего-то и долженъ былъ этому «чему-то» служить. И К., выросшій въ привычкахъ этого умаляющаго стоицизма, превращалъ работника чуть не въ раба его труда, точно трудъ былъ его вѣчнымъ проклятіемъ. Очевидно, что идея такого стоицизма не имѣла ничего общаго со стоицизмомъ свободнаго грека и была примѣненіемъ къ гражданскому общежитію аскетическаго смиренномудрія, самоумаленія и добровольнаго поста. К. до того привыкъ смотрѣть всегда въ сторону умаленія, что лишеніе стало для него аршиномъ, которымъ онъ мѣрилъ благосостояніе. Безсиліе и бѣдность онъ сравнивалъ не съ силой и богатствомъ, а съ большею бѣдностью и даже съ нуждой. Онъ совершенно серьезно увѣрялъ, что русскій мужикъ вовсе не такъ бѣденъ: есть у него изба, хлѣбъ, корова, огородъ, сытъ онъ и одѣтъ, — чего же ему еще нужно? По словамъ К., ни одна русская губернія не могла жаловаться на свое положеніе, потому что во всякой другой губерніи живутъ также. Очень можетъ быть, что и въ такомъ разсужденіи сказывалась практичность К., думавшаго, что неблагоразумно питать неудовольствіе, когда ничего не подѣлаешь, но еще больше, какъ кажется, сказывался тутъ «аскетизмъ» и убѣжденіе, что мужику больше и не нужно.

Зналъ я еще одинъ любопытный характеръ, и тоже съ непомѣрно-развитымъ чувствомъ личности. Въ Т. было много общаго съ К., но онъ былъ много проще, однопредметнѣе и понятнѣе. Ихъ общее заключалось въ приподнятой оцѣнкѣ себя, въ безграничной гордынѣ, въ безпричинномъ внутреннемъ убѣжденіи, что они лучше, такъ, просто сами по себѣ, по природѣ и по наслѣдственности. Т., впрочемъ, считая себя человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ, не могъ, разумѣется, гордиться своимъ родомъ, но онъ гордился своимъ отцомъ, генераломъ, любилъ говорить о его стойкости, честности и неподкупности, и хотѣлъ дать понять, что всѣ эти качества онъ унаслѣдовалъ.

Во всей фигурѣ Т., въ его малѣйшемъ движеніи все говорило, какъ онъ высоко себя цѣнитъ. Голову онъ несъ не только высоко, но даже закидывалъ назадъ; онъ часто встряхивалъ волосами съ какимъ-то вызывающимъ видомъ, держалъ себя увѣренно, со спокойнымъ достоинствомъ, и въ каждомъ движеніи его крупнаго, прямого и, отъ излишняго вытягиванія себя, какъ бы выгнутаго назадъ тѣла чувствовалось полнѣйшее самоудовлетвореніе. Походка у него была медленная, твердая, покачивающаяся, самодовольная; все нутро его какъ будто пѣло, и въ каждой складкѣ его лица прорывалось скрытое довольство.

Т. считалъ себя интеллигентомъ и борцомъ за свободу и достоинство личности, но въ немъ были настолько сильны крѣпостныя привычки, въ которыхъ онъ выросъ, и въ него такъ въѣлась привычка повелѣвать и командовать еще въ домѣ отца денщиками и вѣстовыми, что проповѣди о свободѣ личности онъ примѣнялъ только къ себѣ, а затѣмъ давилъ всѣхъ своимъ авторитетомъ и непогрѣшимостью. Это былъ истинный нравственный деспотъ, такъ сказать, нравственный крѣпостникъ, самъ создавшій себѣ право говорить каждому то, что онъ называлъ «правдой».

Еслибы онъ былъ священникъ, то весьма вѣроятно, что изъ него вышелъ бы хорошій моралистъ-проповѣдникъ; еслибы онъ принялся за изобличеніе общественныхъ золъ, изъ него, можетъ быть, выработался бы хорошій публицистъ; но онъ вздумалъ исправлять отдѣльныхъ людей и поучать честности и достоинству только своихъ знакомыхъ и родныхъ, и изъ него вышелъ лишь несносный человѣкъ, мѣшавшійся не въ свое дѣло. Привычка возиться съ отдѣльными людьми и слѣдить за ихъ повседневными поступками и взаимными отношеніями сдѣлала то, что онъ зарылся совсѣмъ въ мелочахъ, обабился, пересталъ различать серьез-

ное отъ пустого, общественное отъ частнаго, и опустился почти до дрязгъ и сплетенъ.

Перечень людкихъ недостатковъ, которые онъ преслѣдовалъ, былъ довольно обширенъ. Онъ корилъ легкомысліе, праздность, барство, суетность, безчестность, лживость (ее особенно), слабохарактерность, вообще—всѣ тѣ недостатки, которыми, какъ онъ говорилъ, напретило ему крѣпостное общество еще въ молодости, и устраненіемъ которыхъ только и могла создаться честная и энергичная личность, въ которой нуждалась Россія. Это была теорія личнаго прогресса, пропагандированію которой онъ себя и посвятилъ.

Привычка къ поученіямъ сообщила ему менторскій тонъ и поставила его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Съ одной стороны онъ былъ человѣкъ, какъ всѣ, и тянулся къ людямъ, какъ равный; съ другой — онъ чувствовалъ, что онъ всетаки не какъ всѣ и стоитъ головой выше. Являясь въ общество, онъ обыкновенно занималъ наблюдательный постъ (въ особенности если были незнакомые), молчалъ, всѣхъ выглядывалъ и высматривалъ, точно слѣдилъ за каждымъ (онъ и дѣйствительно слѣдилъ), и подавлялъ всѣхъ своей крупной, подтянутой фигурой. Лишенный всякой упругости и эластичности мысли, онъ давилъ своимъ неповоротливымъ умственнымъ деспотизмомъ и какъ бы подтягивалъ всѣхъ къ себѣ. Онъ судилъ всѣхъ только по своей совѣсти, и я помню, какъ онъ былъ изумленъ, когда я ему сказалъ, что справедливость только въ томъ и заключается, чтобы умѣть понимать ближняго и судить его по *его* совѣсти. Т., конечно, былъ правъ, что должна же быть на свѣтѣ и общая совѣсть, но онъ былъ неправъ, считая этой общей совѣстью лишь свою собственную.

Съ тѣми же личными основаніями, но съ иными душевными подробностями былъ Р. Это былъ тоже крайній личникъ и баринъ, но съ большимъ практическимъ тактомъ и съ болѣе гибкимъ умомъ, чѣмъ Т. и К. Въ Р. не чувствовалось ничего фанатическаго, прямолинейности въ немъ не было, моральными проповѣдями онъ не занимался и человѣкъ былъ общежительный. Но въ то же время въ Р. не было и той идейности, безсознательнымъ олицетвореніемъ которой являлись К. и Т.

Сами по себѣ, т. е. по развитію и умственнымъ средствамъ, К. и Т. не были идейными людьми. К. былъ практикъ, исполнитель, хозяинъ—и только. Въ отвлеченности и обобщенія онъ не пускался, въ «теоріямъ» не имѣлъ склонности, а любилъ заниматься насущными дѣлами и къ нимъ только и чувствовалъ влеченіе. И тѣмъ не менѣе этотъ самый К. своею жизнью, повседневнымъ поведеніемъ изображалъ уже очень точную идею. Эгоистъ, повидимому, до мозга костей, человѣкъ, для котораго все имѣло интересъ лишь настолько, насколько это связывалось съ нимъ, человѣкъ, отдавшійся весь мелочамъ сельскаго хозяйства и зарывшійся въ черноземѣ,—онъ былъ всетаки носителемъ идеи. Онъ страстно любилъ землю, именно вотъ этотъ самый черноземъ, который ему принадлежалъ и въ который онъ зарылся. Онъ считалъ земледѣліе своимъ человѣческимъ и гражданскимъ долгомъ; онъ былъ хозяиномъ не ради однихъ доходовъ, а еще и потому, что земледѣліе даетъ человѣку положеніе, создаетъ его достоинство, сообщаетъ ему силу, независимость, отводитъ ему мѣсто въ природѣ. Ужъ одной своей любовью къ землѣ и тѣмъ, что онъ дѣлалъ для нея ради своей любви, К. самъ собою является прогрессивною идеей.

Т. тоже изображалъ изъ себя идею. Несмотря на свою безтактность и неумѣлость, несмотря на всю личность своего поведенія, онъ служилъ и работалъ для свободы и независимости человѣческаго *я*, хотя средства для того выбралъ и неудачныя. Всю свою жизнь онъ потратилъ на проповѣди о достоинствѣ личности, состарѣлся на этомъ, истратилъ на это всѣ свои силы и, дѣйствуя, повидимому, частно, лично для себя, дѣйствовалъ всетаки въ общемъ направленіи. И въ К., и въ Т. было много аристократизма, излишне приподнятаго личнаго чувства, самовозвеличиванія и самообожанія, и обыкновенныхъ людей они не считали себѣ ровней. Но за всѣмъ этимъ вы чувствовали въ этихъ людяхъ какъ бы совсѣмъ не зависѣвшую отъ ихъ личнаго *я* идею общаго блага, помимо ихъ воли выражавшуюся въ извѣстныхъ результатахъ, которые всетаки создавали они. Отъ этихъ людей, несмотря на жесткую внѣшность, вѣяло тепломъ, и они принадлежали къ числу такихъ людей, которые лично производятъ далеко не влекущее впечатлѣніе, а когда отъ нихъ отойдешь, когда глядишь на нихъ издали, и освободишься отъ ихъ личнаго впечатлѣнія, то чувствуешь ихъ свѣтъ и тепло, и научаешься ихъ любить и цѣнить.

Въ К. и Т. всѣ ихъ достоинства происходили отъ ихъ недостатковъ (а, можетъ быть, и наоборотъ—ихъ недостатки отъ ихъ достоинствъ), и они вышли моралистами, потому что слишкомъ высоко цѣнили себя, считали себя непогрѣшимыми и слишкомъ любовно относились къ каждому своему дѣйствію и къ каждой своей привычкѣ; имъ казалось даже совсѣмъ непонятнымъ, чтобы люди могли поступать, какъ слѣдуетъ, не поступая, какъ они. На К и Т. было до очевидности ясно, насколько морализмъ не можетъ быть руководящимъ общественнымъ принципомъ, потому что онъ ведетъ лишь къ перенесенію крѣпостныхъ привычекъ въ нравственную и умственную область, къ подавленію лица лицомъ и къ непризнанію въ людяхъ равнаго достоинства.

Не знаю, чѣмъ бы вышли К. и Т. при продолжающемся крѣпостномъ правѣ; но несомнѣнно, что у нихъ были сильные корни въ привычкахъ и вліяніяхъ прошлаго, и это-то прошлое съ его средствами и выработало ихъ такими, какими они стали.

Р. представлялъ уже дальнѣйшую ступень переходности: онъ умѣлъ думать политически и былъ не моралистъ, а психологъ. Для личника-моралиста психологія, и формы жизни, и общественные порядки не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго. Т., напримѣръ, былъ совершенно искренно убѣжденъ и даже не стѣснялся высказывать, что если всѣ будутъ поступать такъ, какъ поступалъ онъ, достигая личной независимости и освобождаясь отъ пред-

разсудковъ, то это все, чего и слѣдуетъ желать и что слѣдуетъ внушать каждому. Для Т. все сводилось къ личнымъ качествамъ и къ самоисправленію. Но люди съ политическимъ мышленіемъ думаютъ нѣсколько иначе. И они не отрицаютъ личнаго усовершенствованія, которое должно создаться болѣе правильнымъ пониманіемъ вещей и отношеній, по вещамъ и отношеніямъ они придаютъ все-таки большое значеніе и думаютъ, что съ перемѣнами въ нихъ люди скорѣе сдѣлаются лучшими ужъ по одному тому, что справедливые порядки и людей, склонныхъ къ несправедливости, заставятъ поступать справедливо. Поэтому же люди съ политическимъ мышленіемъ не обвиняютъ и не оправдываютъ человѣка лично и лично отъ него многаго не требуютъ; они человѣка стараются только понять и объяснить въ связи съ условіями, отъ которыхъ онъ зависитъ. Эта точка зрѣнія и справедливѣе, и гуманнѣе моральной, потому что при ней не приходится ни казнить, ни распинать слабаго только за то, что онъ слабый.

Р. производилъ очень хорошее личное впечатлѣніе. Онъ былъ боекъ, подвиженъ, говорливъ, умѣлъ быть привлекательнымъ и нравился женщинамъ. Нравился онъ имъ, впрочемъ, не наружностью, а складомъ мышленія и тѣмъ, что любилъ рыться въ человѣческой душѣ. Онъ умѣлъ всегда завести интересный разговоръ и располагалъ къ себѣ кажущеюся искренностью и откровенностью. Но въ то время, какъ Т. говорилъ о себѣ лишь въ превосходной степени, Р. чаще всего или подсмѣивался надъ собой, или говорилъ о себѣ порицательно. Но это признаніе было лишь формой похвалы, и за нимъ скрывалось самое глубокое самообожаніе и желаніе всегда думать и говорить только о себѣ. Р. былъ переполненъ собою, наивысшіе интересы мысли заключались для него только въ немъ самомъ, въ немъ всегда играло довольное чувство.

Р. былъ наблюдателенъ, видѣлъ много людей, испыталъ самъ много практическихъ положеній, и его сильно развитая наблюдательность привела къ тому, что изъ него вышелъ глубокій циникъ. Онъ не вѣрилъ ни въ женскую, ни въ мужскую добродѣтель, любовь сводилъ къ простому половому чувству, вѣрности не признавалъ, честность въ человѣческихъ отношеніяхъ отрицалъ и увѣрялъ, что подъ внѣшними благородными словами и напускнымъ достоинствомъ скрывается всегда самая глубокая нравственная мерзость и скотская животность.

Сильно развитая наблюдательность, потребность, а потомъ и привычка вникать въ побужденія и причины поступковъ людей были основною силой, которая дала Р. его нравственное и умственное содержаніе и создало его общественную и личную физіономію. По пониманію жизни К. и Т. были настоящими младенцами. Они были точно замуравлены въ себѣ и смотрѣли только внутрь себя, тогда какъ Р. своими быстрыми, проницательными глазами видѣлъ все, что происходитъ и дѣлается вокругъ, и читалъ въ сердцахъ людей, какъ читаютъ книги. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы въ обществѣ онъ увлекся общимъ удовольствіемъ. Чѣмъ было больше людей, тѣмъ онъ внимательнѣе и холоднѣе ихъ наблюдалъ, и чѣмъ люди больше увлекались, тѣмъ онъ становился сдержаннѣе, тѣмъ спокойнѣе онъ въ нихъ всматривался и, къ сожалѣнію, никогда не могъ найти въ нихъ ни чего другого, кромѣ мерзостей.

Р. не былъ золъ, но онъ былъ холоденъ; первое впечатлѣніе въ немъ всегда задерживалось, переходило въ спокойное наблюденіе, выжиданіе, и уже затѣмъ только его холодный умъ искалъ выхода изъ положенія. Привычку эту создало въ немъ деспотическое и запугивающее воспитаніе и послѣдующая служба, отличавшаяся строгостью и суровою дисциплиною. Онъ оканчивалъ воспитаніе и началъ служить, когда крымская война кончалась, подготовлялось освобожденіе, и въ общество уже проникли освободительныя идеи. И вотъ необходимость подчиниться безмолвно и безропотно подавляющей власти и въ то же время возникшая въ немъ работа мысли нашли въ немъ своеобразное равновѣсіе. Личное чувство въ немъ возмущалось, а между тѣмъ приходилось молча все выслушивать и выносить, и онъ формально исполнялъ то, что ему приказывали, а въ его крутящихся острыхъ, сѣрыхъ глазахъ смотрѣла насмѣшка, и онъ, какъ бы намѣренно подчеркивая, давалъ чувствовать, что покоряется давящей силѣ только внѣшнимъ образомъ, а самъ надъ нею смѣется. Такая форма протеста сохранилась въ немъ навсегда. Если кто нибудь раздражался противъ Р., онъ не противорѣчилъ и не возражалъ; иногда случалось, что онъ поддакивалъ, какъ бы соглашаясь съ противникомъ, и въ то же время его глаза кружились и смѣялись. Въ подобныхъ случаяхъ въ Р. точно поднимался какой-то бѣсъ, и онъ находилъ злорадное удовольствіе поддерживать, злить, доводить человѣка до сознанія безсилія.

Друзей Р. не имѣлъ, но у него были пріятели и даже поклонники, къ которымъ онъ относился съ покровительственной, мягкой и легко-иронической верховитостью; равенства же онъ, какъ кажется, не выносилъ, и ему всегда было нужно занимать первое мѣсто. Если нельзя было пріобрѣсти его дружбы, то легко было въ немъ нажить врага. Иногда простой сплетни, что такой-то относится къ нему неодобрительно, было достаточно, чтобы возбудить въ немъ враждебность. Тогда въ немъ поднималось боевое чувство, и онъ былъ способенъ къ самому мелкому, упорному и не прекращающемуся преслѣдованію. Вообще Р. былъ боецъ, но онъ боролся не открыто и не шелъ напроломъ, какъ это дѣлалъ прямолинейный Т.

Р. умѣлъ хорошо скрывать свои личныя побужденія и всегда придавалъ имъ общій характеръ. Можно было подумать, что имъ управляютъ идейныя побужденія, тогда какъ побужденія его всегда были личныя. Для него идеи и дѣла имѣли значеніе не сами по себѣ, а по степени прикосновенности къ нимъ его *я*. Личное чувство разрослось въ немъ до непомѣрнаго самолюбія. Самолюбіемъ опредѣлилось его внѣшнее поведеніе и даже его обществен-

ная нравственность. Оно было въ немъ силой и побуждающей, и берегущей. Ради самолюбія, ради того, чтобы о немъ заговорили, онъ могъ отважиться на очень многое, и ради того же самолюбія онъ не сдѣлалъ бы никогда пакости. По себѣ ли судя, или изъ наблюденія надъ другими, но онъ придавалъ самолюбію особенное значеніе и считалъ его чуть ли не главною способностью души, двигающею человѣка на великія дѣла. Нравственности же онъ особеннаго значенія не придавалъ и думалъ, что дѣла дѣлаются не ею.

Р. былъ вообще натура протестующая, не склонная къ подчиненію, поэтому, при какомъ бы дѣлѣ онъ ни состоялъ, онъ всегда являлся въ оппозиціи, точно хотѣлъ сбросить стоявшую надъ нимъ власть. И въ то же время его аристократическая, захватывающая все въ себя натура, съ широкими барскими размахами и аппетитами, не позволяла ему ничѣмъ дѣлиться съ другими. Люди, хорошо знавшіе Р., говорили, что у него щучьи наклонности.

Въ Р. уже замѣчался нарождающійся дѣлецъ, и, вѣроятно, онъ бы имъ сдѣлался, еслибы его не удерживали частью самолюбіе, а частью его общественныя наклонности. Въ немъ было сильно политическое кокетство, а въ то же время твердо установившихся политическихъ понятій у него не было. Вообще, это была натура скорѣе съ политическими склонностями, чѣмъ съ политическими идеями и идеалами. Рядомъ съ этимъ въ немъ сидѣлъ возникающій дѣлецъ, которому онять помѣшало бы сдѣлаться буржуа и капиталистомъ его понятіе о «баринѣ» и высокое представленіе о себѣ, какъ о бѣлой кости. Однимъ словомъ, если К. и Т. двоились, то Р. троился.

Еще попытаюсь очертить характеръ человѣка, и тоже переходнаго, который въ свое время, т. е. когда онъ былъ живъ, навлекалъ на себя много нареканій. Человѣкъ этотъ—извѣстный редакторъ и издатель журналовъ «*Русское Слово*» и «*Дѣло*», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ.

Я познакомился съ Благосвѣтловымъ въ 1860 или 61 году, когда графъ Кушелевъ пригласилъ его въ редакторы «*Русскаго Слова*». Благосвѣтловъ жилъ въ домѣ Кушелева, на Гагаринской набережной (нынче домъ князя Волконскаго), во дворѣ, и имѣлъ небольшую, но приличную и удобную квартиру. Въ этой же квартирѣ у Благосвѣтлова я увидѣлъ въ первый разъ и Писарева. О Благосвѣтловѣ, какъ редакторѣ, и о моихъ къ нему журнальныхъ отношеніяхъ я напишу когда нибудь особо, а теперь буду говорить о немъ съ другою цѣлью.

Благосвѣтлова молодымъ, т. е. когда я съ нимъ познакомился, я не упомню, но я сохранилъ его въ памяти, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы передъ смертью. Это былъ человѣкъ средняго роста, скорѣе даже малаго, не полный, но и не худой, съ коротко остриженными, почти совсѣмъ сѣдыми, густыми, зачесанными назадъ волосами, съ нѣсколько нависшими бровями, съ подстриженными, наравнѣ съ верхней губой, щетинистыми сѣдыми усами и всегда чисто выбритый. Брился Благосвѣтловъ чуть не каждый день самъ, очень тщательно, и обращалъ особенное вниманіе на симметричность своихъ усовъ. Благосвѣтловъ былъ не красивъ, не отличался ни барствомъ, ни изысканностью манеръ, и держалъ себя твердо и увѣренно, хотя и просто. Въ его манерѣ чувствовался хозяинъ и дѣлецъ, привыкшій вести свои дѣла самъ Особенной мягкости, угодливости или услужливости въ немъ не было. Онъ всегда и со всѣми держалъ себя хозяиномъ и напоминалъ скорѣе французскаго буржуа, чѣмъ редактора журнала и писателя.

Личное впечатлѣніе Благосвѣтловъ производилъ пріятное: онъ умѣлъ быть мягкимъ, повидимому, уступчивымъ, говорилъ умно, видно было, что онъ зналъ хорошо людей (хотя и не съ особенно хорошей стороны) и придавалъ разговору о людяхъ нѣсколько ироническій и даже высмѣивающій характеръ. Но онъ былъ человѣкъ тугой, неподатливый, замкнутый, не открывающій своей души, недовѣрчивый и подозрительный, вообще неудовлетворенный жизнью, сумрачный и искавшій уединенія.

И у Благосвѣтлова была своя наслѣдственность, которою онъ гордился. Во время Пугачевскаго бунта одна изъ шаекъ Пугачева подошла къ селу, въ которомъ дѣдъ Благосвѣтлова былъ дьячкомъ. Дѣдъ взобрался на колокольню и сталъ бить въ набатъ. Пугачевцы вошли уже въ село, а дѣдъ все звонитъ; ему кричатъ, чтобы онъ пересталъ и сошелъ съ колокольни, а онъ звонитъ да звонитъ. Пугачевцы сволокли упрямаго старика съ колокольни и убили. «Вотъ и я—такой же»,—заключалъ свой разсказъ о дѣдѣ Благосвѣтловъ.

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, хотя и не по поводу размолвки, о которой я уже говорилъ, Писаревъ дѣлаетъ такую характеристику Благосвѣтлова: «сблизиться съ «*Дѣломъ*» значитъ все-таки сойтись съ Благосвѣтловымъ, съ человѣкомъ, который не вноситъ въ свое занятіе ни ума, ни знаній, ни таланта, ни даже порядочныхъ денежныхъ средствъ, и который во всякую данную минуту можетъ все испортить, разстроить, перепутать и оскандалить своею суетливостью, раздражительностью, близорукимъ задоромъ и печальною страстью къ полемическому краснорѣчію. Я не считаю его за дурного и низкаго человѣка, но я не вижу никакого основанія превращать его въ воплощеніе идеи и думать, что помимо Благосвѣтлова нѣтъ множества другихъ, гораздо болѣе удобныхъ средствъ дѣйствовать на читающее общество...»

Эта характеристика была сдѣлана Писаревымъ въ минуту еще не совсѣмъ успокоившагося раздраженія. Но, устранивъ выраженія, въ которыхъ оно сказывалось, получается то, что было въ дѣйствительности.

Благосвѣтловъ былъ очень упрямъ, очень раздражителенъ и очень запальчивъ. Потомъ, съ годами, онъ научился сдерживаться, но если ему не удавалось, или онъ былъ ужъ очень возбужденъ, то дѣйствительно могъ испортить всякое дѣло и разорвать всякія отношенія. Кромѣ Писарева, мнѣ приходилось примирить его еще съ однимъ членомъ редакціи, и тоже безуспѣшно. Перваго шага Благосвѣтловъ дѣлать не умѣлъ и не былъ способенъ на

уступки, хотя и писалъ, что «извиниться не бѣда, даже и въ томъ, въ чемъ не чувствуешь никакой вины». Я, впрочемъ, не слышалъ о случаяхъ, когда бы Благосвѣтловъ извинился.

У Благосвѣтлова была упрямая, неповоротливая мысль, и гибкостью ума онъ не обладалъ. Это упрямство много мѣшало Благосвѣтлову и въ обыкновенныхъ отношеніяхъ, а въ денежныхъ дѣлахъ оно составило ему дурную репутацію и подавало не разъ поводъ къ несправедливому обвиненію въ скупости, которой въ немъ вовсе не было. Извѣстна его исторія съ П. И. Вейнбергомъ, которому Благосвѣтловъ послалъ рублевую бумажку. Тутъ не въ деньгахъ было дѣло, а была другая причина, раздражившая Благосвѣтлова, и ему нужно было чѣмъ нибудь сорвать свое неудовольствіе и обидѣть П. И. Вейнберга. Благосвѣтловъ бросалъ иногда десятки и сотни рублей просто такъ, почти на вѣтеръ. У него была скорѣе широкая, размашистая, степная натура (Благосвѣтловъ былъ саратовецъ), чѣмъ прижимистая. На обѣдахъ и вечерахъ, которые онъ иногда давалъ, бывало всегда всего въ изобиліи, и все это изобиліе было хорошее и дорогое. Или накупитъ онъ въ Милютиныхъ лавкахъ дюшессъ и всякимъ дорогихъ плодовъ, просто такъ, чтобы полакомить дѣтей. Квартира его была отдѣлана очень дорого, хотя и безъ вкуса. Двери были краснаго дерева, полированныя, подоконники мраморные, вездѣ хрусталь и бронза. Піанино было отъ Плейеля, рояль тоже его, или Бехштейна, превосходные, купленные за границей. Любилъ онъ покупать дорогія картины Всѣ его вещи были хорошія, и ужъ по вещамъ было видно, что за нихъ заплачены хорошія деньги. Благосвѣтловъ именно любилъ все дорогое и въ этомъ дорогомъ никогда себѣ не отказывалъ. Но вотъ въ этомъ хорошемъ и дорогомъ, въ которомъ Благосвѣтловъ себѣ не отказывалъ, и заключается ключъ къ его объясненію.

Благосвѣтловъ относился высокомѣрно къ «барству» и къ «барскимъ замашкамъ», въ которыхъ, впрочемъ, обвинялъ Писарева больше по досадѣ. А въ то же время жилъ самъ въ роскошно отдѣланной квартирѣ, имѣлъ карету, лошадей, два каменныхъ дома, купилъ въ Харьковской губерніи имѣніе и одно время завелъ даже лакея-негра. Правда, ему было стыдно за негра — и черезъ три мѣсяца онъ его отпустилъ. Что же все это было? Барство? Нѣтъ.

Барство значитъ власть, — крѣпостная власть; кромѣ того, оно еще и праздность, жизнь въ свое удовольствіе, наслажденіе жизнью. Конечно, Благосвѣтловъ не былъ такимъ бариномъ. Онъ—простой, неизбалованный семинаристъ, чернорабочій, самъ собственными руками пробившій дорогу, собственнымъ горбомъ создавшій себѣ дома и карету, — человѣкъ съ умѣренными привычками и ограниченными потребностями, не знавшій другихъ развлеченій, кромѣ нескончаемой работы, просиживавшій до 2 — 3 часовъ ночи у себя въ кабинетѣ за корректурами, — онъ, такой Благосвѣтловъ, сознававшій все это хорошо, гордился своими мозолистыми руками. Двери краснаго дерева, бронза, хрусталь, рояль Бехштейна, картины въ золоченыхъ рамахъ—были только какъ бы осязательными результатами его каторжной трудовой жизни (такъ самъ онъ ее называлъ, иногда жалуясь на сотрудниковъ), и онъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ, даже съ гордостью на всю эту роскошь, потому что она говорила ему, какое онъ прошелъ разстояніе въ жизни, начавъ ее бѣднымъ семинаристомъ. Не барство поднимало въ Благосвѣтловѣ чувство личности, какъ у тѣхъ господъ, о которыхъ я говорилъ, а богатство и деньги, дававшія ему власть надъ людьми.

И Благосвѣтловъ былъ настоящимъ разбогатѣвшимъ буржуа, — не «буржуемъ», какъ обозвалъ Г. И. Успенскій русскаго разжирѣвшаго и грубаго кулака, а именно буржуа по французскому образцу. Благосвѣтловъ былъ слишкомъ образованный человѣкъ, чтобы стать «буржуемъ». Онъ кончилъ университетъ, три года прожилъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ у Г. домашнимъ учителемъ его дѣтей, и это было какъ разъ въ то время, когда онъ сформировалъ себѣ общественныя и политическія понятія. Онъ изучилъ исторію, политическія и юридическія науки, политическую экономію и вообще имѣлъ вполнѣ законченное общественно-политическое міровоззрѣніе, съ которымъ и вернулся въ Россію, чтобы редактировать «*Русское Слово*». Не могу утвердительно сказать, были ли бы возможны въ «*Русскомъ Словѣ*» Писаревъ и Зайцевъ, когда его редактировалъ Я. П. Полонскій (поэтъ); но несомнѣнно, что они явились въ этомъ журналѣ, когда Благосвѣтловъ смѣнилъ г. Полонскаго.

Благосвѣтловъ былъ именно хозяинъ-буржуа, и его грубость, запальчивость и деспотизмъ въ отношеніяхъ къ сотрудникамъ, къ рабочимъ типографіи, къ фактору и метранпажу Королькову, который прожилъ у Благосвѣтлова болѣе пятнадцати лѣтъ и умеръ у него почти въ типографіи,—все это было не барствомъ, а настоящею буржуазностью, и нерѣдко низкаго сорта. Отъ этого-то Благосвѣтловъ и доходилъ иногда до столкновеній, кончавшихся у мирового. Будь онъ полированнѣе и сдержаннѣе, этого бы не случилось, но сущность отношеній осталась бы все та же. Это былъ бы тотъ же «капиталистъ» и тотъ же хозяинъ.

Несмотря на свой хозяйскій деспотизмъ, Благосвѣтловъ вносилъ въ отношенія всетаки больше равенства, чѣмъ господа, о которыхъ я говорилъ. Онъ не считалъ себя бѣлою костью, не считалъ себя выше другихъ, и его недостатки были лишь его личными недостатками, а не недостатками его общественно-политическихъ убѣжденій. Какъ публицистъ и общественный дѣятель, Благосвѣтловъ оставался всегда вѣренъ себѣ и былъ въ этомъ отношеніи истиннымъ внукомъ своего упрямаго дѣда. Онъ твердо держался однихъ и тѣхъ же политическихъ и общественныхъ принциповъ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ (а онъ ихъ тоже испыталъ) не измѣнялъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ и составилъ себѣ репутацію человѣка вполнѣ честнаго политически. И Благосвѣтловъ былъ правъ, когда гордился своимъ

наслѣдственнымъ упрямствомъ и тѣмъ, что не боится бѣдности и въ этомъ чувствуетъ свою силу. Это была опять черта, которою онъ ставилъ себя выше «баръ».

Но особенность буржуазности въ томъ и заключается, что она можетъ проповѣдывать политическое братство и свободу, и при нихъ, и ни въ чемъ не измѣняя имъ, отлично устраивать свои дѣла. Сдѣлавшись богатымъ хозяиномъ, Благосвѣтловъ тоже началъ обнаруживать двойственность, которая раньше, когда онъ былъ бѣднѣе, была или слабѣе, или менѣе замѣтна. Его царапали статьи, въ которыхъ говорилось противъ эксплоатаціи и въ защиту труженика, рабочаго и мужика. Мужика онъ вообще недолюбливалъ. Въ подобныхъ статьяхъ онъ точно читалъ упрекъ себѣ, а, можетъ быть, ему казалось, что авторъ и прямо думалъ или говорилъ о немъ. Статьи онъ принималъ и печаталъ, но, кажется, былъ бы довольнѣе, еслибы подобныхъ статей ему не доставляли.

Очевидно, что въ Благосвѣтловѣ еще было общественное сознаніе, и онъ понималъ, что онъ дѣлаетъ. Но также было ясно, что внутренній человѣкъ состоялъ въ немъ изъ двухъ слоевъ, не слившихся въ одинъ. Въ нижнемъ слоѣ лежали у него традиціи и привычки его семинарской молодости и быта, въ которомъ онъ выросъ (тоже крѣпостной), а верхній слой составляли головныя представленія о политическихъ отношеніяхъ, усвоенныя имъ гораздо позднѣе. И получился двойственный человѣкъ, честный политически и, въ то же время, давившій экономически,—человѣкъ, признававшій полное равенство въ политическихъ правахъ и не допускавшій равенства между собою и тѣми, кому онъ платилъ жалованье, и кто на него работалъ. Живя въ роскоши, онъ не думалъ о чужой бѣдности и не обнаруживалъ къ ней сочувствія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень твердъ. Онъ какъ будто находилъ даже удовлетвореніе въ томъ, что его подручные были бѣднѣе его, точно это поднимало его надъ ними, и денежная ихъ зависимость отъ него возвышала его авторитетъ и льстила его чувству власти. Въ этомъ и въ политической честности онъ и полагалъ свое достоинство.

Я назвалъ приведенные образчики переходными характерами, потому что въ нихъ въ той или въ другой формѣ давалъ себя чувствовать дореформенный человѣкъ. Новое, послѣреформенное заставило этихъ людей самою силою вещей тянуться кверху, а привычки и замашки, въ которыхъ они выросли, держали ихъ крѣпко внизу. И получились люди, неспособные ни думать справедливо, ни устроить даже подлѣ себя какую нибудь сносную справедливость. Люди буржуазнаго типа, захотѣвшіе занять мѣсто «бѣлой кости», оказались не болѣе ея способными къ справедливости. Они были дальше ея только тѣмъ, что, желая занять ея мѣсто, понимали, что для этого нужны кое-какія перемѣны, которыя дали бы имъ большій просторъ. Но они были политиками только для себя. Они не желали позволять садиться верхомъ лишь на себя, а на другихъ садились охотно. Разница противъ прежняго оказалась въ томъ, что получилось больше сѣдоковъ. Строгіе же моралисты изъ бѣлой кости, проповѣдуя «честность», «достоинство личности» и требуя «идеаловъ», менѣе всего понимали, въ чемъ заключается это достоинство, и лучшій приборъ на пиру природы приберегали для себя. Но что бы сказали эти пророки, обвиняющіе другихъ въ томъ, что они утратили «идеалы», еслибы передъ ними явился тоже проповѣдникъ и доказалъ имъ, что у нихъ-то именно никогда и не было живого идеала. Не для этихъ людей, а для читателя, я приведу здѣсь слова одного умнаго нѣмца, которыя я было думалъ поставить эпиграфомъ. «Не забывай ни на минуту,—сказалъ этотъ умный нѣмецъ, писавшій о земной жизни Іисуса Христа,—что ты человѣкъ, а не просто часть природы,—ни на минуту, что и всѣ другіе—также люди, то есть, что, при всемъ своемъ личномъ разнообразіи, они то же, что ты, съ одинаковыми съ тобою потребностями и правами. Въ этомъ вся нравственность». Этой-то именно нравственности у переходныхъ людей и не оказалось, а потому не оказалось у нихъ и яснаго, точнаго, сознательнаго общественнаго идеала.

Но были (и есть) еще другіе люди (я зналъ ихъ только между писателями), въ которыхъ не сохранилось ничего переходнаго. Ясно и просто уразумѣли они отношенія между вещами, поняли, какими вещи должны быть, и то, что они поняли, стало ихъ природой. Съ такимъ счастливымъ умомъ явились они ужъ на свѣтъ божій, и вся сила этого счастья заключалась въ томъ, что они понимали, что они—такіе же люди, какъ другіе.